ПЕРЕПИСКА
В. А. Жуковского
и А. П. Елагиной

1813—1852

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРЕПИСКА В. А. Жуковского и А. П. Елагиной

1813—1852

Москва
2009

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
П 27

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проекты №№ 04-04-00295а, 07-04-16030д

П 27 Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиляковой; Томский гос. ун-т. — М.: Знак, 2009. — 728 с.

ISBN 978-5-9551-0329-7

В книге представлена переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной, двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века, на протяжении с 1813 по 1852 г.

Эпистолярий, впервые собранный как единый текст, является важным документом памяти культуры, истории литературы и жизнестроения целого поколения русской дворянской интеллигенции 1820—1850 гг., образцом русской философско-психологической прозы. В переписке поднимаются вопросы философии, литературы, религии, педагогики, представлены отклики на важнейшие общественные и культурные события эпохи, содержится большой материал биографического и культурно-бытового характера.

В Приложении опубликован текст Орловского журнала, написанного матерью и дочерьми Протасовыми (Екатерины Афанасьевной, Марией и Александрой) и А. П. Киреевской 1812 г.

ББК 83.3

ISBN 978-5-9551-0329-7

Оглавление

Приложения

1. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Лето 1813 г. Начало письма в Черни, остальное в Мишенском[1]

Я пишу к вам для того, что на словах или *не все* скажу, или не буду иметь ни случая ни времени, или не буду уметь довольно ясно выразиться, или от противоречия потеряю из памяти то, что сказать был намерен. К тому же сказанное забывается, а написанное остается.

Наше путешествие в Долбино[2], признаюсь, пугает меня и за вас и за прочих. Я был бы совершенно покоен, когда бы мог быть уверен, что вы *захотите* дать волю рассудку, дабы победить то впечатление, которое натурально должно произвести первый взгляд на Долбино[3]. Очень понимаю, что весьма тяжело возвратиться в такое место, где все напоминает о милом человеке; но я не понимаю, как можно давать волю над собою печальному чувству, не понимаю, как можно даже находить наслаждение в этом раздражении горести. А этого-то я от вас и боюсь. Как вы ни говорите, но имея много настоящей чувствительности, вы имеете и слишком распаленную голову; ничто до сих пор не заставляло вас думать об излечении этой болезни, которая, право, может иметь жестокое влияние и на вашу жизнь, и на судьбу ваших детей. Пускай бы люди, у которых нет души, трудились над тем, чтобы иметь подделанные чувства, вам какая нужда прибавлять к тому, что имеете от природы. И несмотря на то, ваше воображение любит трудиться над изобретением новых горестей, чтобы произвести в душе такие чувства, которых нет и не должно быть в натуре и которые самые натуральные должны наконец уничтожить. Возвращение в Долбино естественно должно возбудить горестное воспоминание. Но этого довольно. Что перейдет за эту границу, то будет неестественное, а подделанное. Не думайте, чтобы я здесь говорил о притворстве. Нет! я никогда не замечал в вас притворства; но подделанным чувством называю такое,

---

[1] Датировка устанавливается на основании упоминаемых событий: после смерти В. И. Киреевского 1 ноября 1812 года Авдотья Петровна с детьми жила в течение нескольких месяцев в Муратове у Екатерины Афанасьевны Протасовой и летом 1813 года собралась вернуться в Долбино.

[2] *Наше путешествие в Долбино*... — Долбино — родовое имение Киреевских, расположено невдалеке от Белева, над рекою Выркою, при впадении в нее Черемошни и Вязови.

[3] *... победить то впечатление, которое натурально должно произвести первый взгляд на Долбино* — О самоотверженной деятельности В. И. Киреевского в Орле по организации госпиталей для русских солдат и французских пленных в дни нашествия Наполеона и его болезни подробно рассказано в «Подробном Журнале всех действий, движений и перемен, произошедших во время пребывания праведных Муратовских жителей в преславном городе Орле» (РГБ, ф. 99, к. XXIII, № 9, л. 1—34 с оборотами).

которое с усилием, стараясь раздражать и питать свою горесть, наконец, производит в душе и которое действует на нее столь же сильно, как и настоящее, еще сильнее, потому что ему помогает воображение, которое, произведя его, старается и укоренить. Боюсь, что вы, оживив свою горесть воспоминанием, к ней привяжетесь, начнете ее растравлять, может быть, сочтете, что вы *обязаны* ей предаваться, что не иметь ее есть оскорбление вашей должности, вашей любви; таким образом прошедшее возобновится и вы насильно себя приведете в то самое положение, в какое привела бы вас новая потеря, подобная прежней. Признаюсь, я боюсь, чтобы вы не имели вредной мысли, что горесть есть обязанность, что стараться ее уменьшить есть некоторым образом преступление и что, напротив, весьма достойно вашего характера ее усиливать и продлить сколько можно. Прошу вас, милая, выйти из заблуждения. Горесть не есть воспоминание, она, разлучая нас с жизнию, переселяет из мира в гроб и связывает с мертвыми союзом, нимало их недостойным. Воспоминание есть союз другого рода: это милое *товарищество*, которого и смерть не разрывает, *завещание*, по которому мы *одни* исполняем то, что прежде исполняли *вдвоем*. Скажите ж! разве вам не оставлено никакого завещания? а если оставлено, то горесть не есть ли первая преграда к его исполнению, особливо неумеренная, усиленная воображением и никогда непозволенная горесть? На это ни с какою диалектикою не можете вы сделать сносного возражения. И на что же возражение? Дело не о том, чтобы вам или мне быть правым! но о нашем общем добре, о нашем общем счастии? Итак самолюбие в сторону! подумайте о том, что я вам говорю; согласитесь, если найдете, что я прав (но дай Бог, чтобы я был неправ! тем меньше труда!) и agissez en consēquence*.

До сих пор написано было в Черни. Наш разговор в коляске меня несколько успокоил. Вы заодно со мною старались опровергать Сашу, следовательно, во многом вы со мною согласны. Но весь мой страх не без основания; и я доскажу, что был сказать намерен. Одно только прошу вас как доказательства дружбы: не показывайте никому этого письма. Оно для вас одних. Мне будет очень больно, если кому-нибудь вздумается надо мною пошутить и найти мое послание к вам странным. Право, я пишу для того, что боюсь вашей поездки в Долбино и думаю что-нибудь своим письмом сделать.

Вы спросите, чего я от вас требую? Я требую, чтобы вы себя переломили; чтобы вы, дав волю настоящей горести в первую минуту, решительно отказались от всего того, что может ее усилить; не останавливались бы на ней мыслями; избегали бы всякого случая возобновить ее; думали бы о том, что у вас есть, а не о том, что вы потеряли, и, наконец, чтобы вы уничтожили вредную, фальшивую мысль, что горесть есть должность. Стараться быть счастливою, сколько возможно, есть ваша обязанность, ибо вы мать (не говоря уже о прочих ваших связях). Уверьте же себя один раз навсегда, что воспитывая своих детей для *счастия*[1] и стараясь сберечь для

[1] *... воспитывая своих детей для счастия...* — Жуковский в августе 1813 года в день рождения Маши Киреевской (род. 8 августа 1811 г.) пишет поэтическое послание Авдотье Петровне («Вотще, вотще невинной красотой 〈…〉», в котором убеждает ее отказаться от тра-

них оставленное им состояние в наилучшем порядке, вы самым убедительным образом докажете, что память их отца вам дорога. Но чтобы иметь в этом успех, надобно сохранить душевный покой, беречь его как некоторую драгоценность, а не стараться его расстроивать. Боюсь, что мое требование покажется вам неисполнительным, но я бы желал — и ваше согласие было бы для меня самым неоспоримым знаком дружбы — я бы желал, чтобы вы не ходили в церковь, во все время вашего пребывания в Долбине. Кто ручается за следствие сильного впечатления. Взгляните на себя! но если и надеетесь на свои силы, то можете ли ручаться за тетушку[1] и особливо за Машу[2]. У одной всякий день болит голова. Другой здоровье на волоске. Скажите ж, как не отказаться от обряда (который сам по себе бесполезен и только есть наружный знак воспоминания), когда можно почти наверное предсказать, что он будет иметь на них вредное действие. Теперь всякое новое потрясение пагубно для Маши; Фор[3] говорит: il est bien temps de prendre des précautions sērieuses**. Следовательно, всего более надобно думать, как бы поправить испорченное; а не прибавлять к старому новое, которое тем будет сильнее, что должно действовать на силы уже истощенные. Еще один какой-нибудь чувствительный удар, и тогда, может быть, уже ничего исправить не будет возможно. Подумайте ж, если вы некоторым образом сделаетесь причиною этого ужасного несчастия? Что вас тогда утешит! Признаюсь, мне очень жаль, что наш отъезд не был еще отсрочен. Только что начала она лечиться, а уже и готово новое горе: слезы, ночи без сна, унылость — все это для нее яд! Милая, вы ее искренно любите, вы всегда об ней думаете, вы точно находите счастие в привязанности к ней — в этом я уверен. Но вам не достает постоянства в вашей к ней доверенности. Иногда ваша susceptibilité*** бывает причиною огорчения и для нее и для вас. Зачем давать воображению волю и принимать его выдумки за правду. Особливо с Машею должно быть как можно осторожнее. Вы знаете, что все падает прямо к ней на сердце и в нем остается; она скрывает всякое огорчение в самой себе. Бездельное волнение, при таком нежном здоровье, есть прием яда; а этот яд, мало-помалу скопляясь, наконец подействует. Посмотрите на нее. Эта слабость, право, меня ужасает. Милая, вам можно быть ее хранителем. Дайте ж мне слово, что с этой минуты даже и тогда не огорчите ее своим упреком, когда бы

ура и предаться радости воспитания детей: «〈…〉 в кругу детей прелестных / Не чтить за долг убийственное горе» (ПСС2, I, 279—280). Об этом же говорится в «Молитве детей», обращенной от имени маленьких Киреевских к Богу с просьбой сохранить им мать: «И счастие ее священных дней / Сопутницей — звездой для нас сияет!» (Там же. С. 280).

[1] *... можете ли ручаться за тетушку...* — Тетушкой (или Маменькой) в письмах называют Екатерину Афанасьевну Протасову (урожд. Бунину, 1771—1848), мать Марии и Александры Протасовых, сестру по отцу В. А. Жуковского, родную сестру матери А. П. Киреевской — Елагиной.

[2] *... и особливо за Машу* — Мария Андреевна Протасова (в замуж. Мойер, 1793—1823).

[3] *Фор говорит...* — Раймонд Фор (d-r Faure, 1786—1850), французский доктор, взятый в плен под Малым Ярославцем, жил в имении Плещеевых Чернь, скоро привык к русским и просился у военного министра на русскую службу. Он лечил Машу Протасову во время ее болезни. Адресат посланий Жуковского.

имели на то право. Если и может она сделаться перед вами виновною, то, конечно, не от недостатка дружбы и верно на одну минуту. Но ее спокойствие — это должно быть для вас главное. На спокойствии основана ее жизнь. Душевное волнение для нее пагубно — как же ужасно быть его причиною. Вы все можете делать для ее сбережения! Вы имеете столько способов ее счастливить — на что же то, что составляет ее счастие, ваша дружба бывает источником и огорчения. Я очень понимаю, что можно и в дружбе быть ревнивым (новое доказательство привязанности), но огорчения ревности всегда несправедливы; скрывая их, живее доказываешь свою привязанность. Лучше простить, не дождавшись оправдания, нежели обнаружив свое огорчение, расстроить спокойствие милого человека, особливо, когда знаешь, что всякое душевное волнение ему вредно. На вашем месте при всякой досаде я говорил бы себе: *или я ошибаюсь или нет! Но огорчу ее верно, лучше же пожертвовать своим неудовольствием.* Я уверен, что против такой мысли никакая досада устоять не может — иначе нет и дружбы. Таким образом, вы будете не только ей другом, но и в полном смысле хранителем ее жизни. Не правду ли ж я говорил дорогою, что *счастие ваше в ваших руках*. Чтоб быть счастливою в дружбе, вам стоит только не давать воли первым движениям досады и быть не столько взыскательною. Я это говорю не для того, чтобы вас обвинять, но для того единственно, что почитаю необходимым сказать вам искренно мое мнение. Или я очень ошибусь в вас, или ваша дружба ко мне должна за это усилиться. Например, вы иногда говорите: *я не хотела бы никого любить; всего лучше не иметь привязанности* и прочее. Все это чрезвычайно оскорбительно и несправедливо; и может служить не только к огорчению, но со временем охладить и самую дружбу, которая не может существовать без полной доверенности. Я смотрю с удовольствием на вас, когда вы с такой заботливостью приготовляете лекарства для Маши, но иногда мне кажется это печальным противоречием: ваши огорчительные ссоры, основанные на безделицах, не должны ли назваться ядом, который уничтожает действие этих лекарств! Разрушать одной рукою то, что сделала другая! День, проведенный в слезах, которые надобно еще скрывать, и ночь без сна то же для Маши, что день болезни. Одним словом, для сохранения ее жизни и вашего счастия должны вы наперед пожертвовать всеми будущими досадами, должны решиться их не иметь, даже и тогда не иметь, когда бы было на то право. Такое пожертвование даст вам полное и счастливое спокойствие и самая ваша дружба от этого должна увеличиться. Какое счастие для вас быть ее хранителем. Веселость души нужнее для нее всех Форовых лекарств, и вы владеете этим верным лекарством. Вы созданы для того, чтобы быть ею любимою; ваш характер дает вам на то право. Истребите ж из него все то, что может это право уничтожить.

Я не говорю уже ни слова о том, как необходимо принять предписанный Фором régime****. Хотя и сбирался говорить об этом весьма пространно. Я думал сначала, что это предписание будет пренебрежено и Форов совет сочтен неосновательным. Но теперь я спокоен с этой стороны. Кажется, у вас положено слушаться доктора. Теперь остается одно: постоянство, исполнять *всегда*, что

начато *однажды*. Если нет болезни, то из этого не следует еще, что нет нужды и в предосторожности. Напротив, при таком хилом здоровье, каково Машино, нужно иметь осторожность неусыпную и не оставлять без замечания ни малейшей безделицы: Фор говорит, что он ручается за ее сохранение только тогда, когда *все* и *всегда* было исполняемо. И от вас зависит, чтобы это *все* было исполняемо *всегда*. Но не забывать, что без душевного лекарства не может действовать и телесное.

P. S. Баронесса (я слышал) говорила[1], что не худо бы пригласить к вам в Долбино Николы Гастунского протопопа, думая, что его присутствие послужило бы к вашему успокоению. Тетушка нашла это излишним и очень справедливо. А мне это было и досадно. Почему же человек, одетый в рясу и имеющий имя протопопа, может иметь на вас более влияния, нежели наша общая польза, нежели вид ваших детей, нежели собственный рассудок, который запрещает вам всякое излишество и говорит вам, что избегать всякого бесполезного расстройства души есть ваша должность. Признаюсь, что ничто так меня не трогает и не возбуждает моего почтения как спокойная твердость чувствительного человека, решившегося исполнять свою обязанность, ничему не поддаваясь, и ничто так не приятно, как иметь такое почтение к своим друзьям.

Самое действительное лекарство от огорчения есть *занятие*. Это я много раз испытал на себе. Вы имеете два таких занятия, которые могли бы служить для вас на всю жизнь источником приятнейшей *деятельности: Воспитание* ваших детей и *хозяйство*. По сию пору я еще не заметил, чтобы вы и тем и другим занимались как должно. О последнем не говорю, потому что не могу никакого подать совета в таком деле, которого не знаю; что же касается до первого, то вам нельзя же вообразить, чтобы вы имели все сведения и опытность, нужные для воспитания. Прочитывать в день по странице с Петрушей и с Ваничкой не значит еще их воспитывать. Если где нужна метода и *одна* постоянная система, то, конечно, в воспитании, ибо здесь каждый шаг, каждая ошибка могут иметь важнейшее следствие на целую жизнь детей. Скажите ж, имеете ли вы какую-нибудь методу. Ее можно только занять из чтения хороших книг и из чтения порядочного; а вы читаете Ифланда[2], переписываете ноты или (Hélas![*****]) мои стихи. Надобно вам самим несколько времени поучиться, чтобы сделаться полезною для детей. Для сыновей ваших будут со временем открыты университеты, а для дочери вы одни. Для чего же не стараетесь скоплять нужные сведения для воспитательницы. Одной материнской привязанности недовольно. И в самом образовании нравственности нужна метода. Чтобы получить ее, надобно спроситься с книгами: в них собраны чужие опыты, которые можно принаровить к своим обстоятельствам. Займитесь же сперва воспитанием как *наукой*, для себя, потом будете исполнять прочитанное

---

[1] *Баронесса (я слышал) говорила...* — Мария Алексеевна Черкасова (урожд. Кожина, ум. 1817), баронесса, жена И. П. Черкасова, барона, владельца имения Володьково, соседа Протасовых и Киреевских.

[2] *...а вы читаете Ифланда...* — Август Вильгельм Ифланд (1759—1814), немецкий писатель и актер, директор Берлинского театра.

на деле. А это занятие наполнит приятнейшим образом вашу жизнь, и с ним душевное спокойствие неразлучно. Только порядок и постоянство.

Еще раз прошу: этого письма отнюдь никому не показывать. Исполнение этой просьбы будет доказательством искренней дружбы.

Перевод

* действуйте по обстоятельствам (*франц.*).
** время предпринимать серьезные меры предосторожности (*франц.*).
*** чувствительность (*франц.*).
**** режим (*франц.*).
***** увы! (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 1—7 с об.—8.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 1. С. 197—202.
Печатается по копии.

2. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1813, Мишенское, в июле. Из одной комнаты в другую[1]

Я ходил, ходил по зале в надежде, что вы выйдете, наконец, потерял терпение и вздумал вам написать. Маше непременно надобно пробыть несколько времени в глазах доктора; это особенно нужно при *начале* лечения; вы видите сами, что вы ничего не умеете делать; надобно, чтобы он научил.

Вместо Долбина ехать бы в Чернь и там пробыть недели полторы или две. Это и потому нужно, что для первых дней пребывания в Долбине Маше надобны большие силы; я уверен, что ей почти так же будет грустно там, как и вам самим. Эта грусть, право, помешает лечению. Надобно привести здоровье несколько в порядок. Не понимаю, как это могло не прийти нам в голову еще в Черни. Успех лечения зависит от начала его. Но вы видите, что оно в начале идет худо. Вместо того, чтобы грусть имела желанное действие, мы теперь принуждены *останавливать* ее действие: две беды вместо одной. К тому же еще и мучительное страдание. Прибавьте к этому *новую грусть*, и все испортится. То, что вас зовет в Долбино, милая, может быть отложено. Приедем туда через две недели; но по крайней мере уж с одной стороны сердце будет на месте. Для вашего собственного спокойствия это необходимо. Я не знаю, достанет ли у вас довольно сил, чтобы снести два огорчения. Быть в Долбине и видеть ее страдания — эти две грусти, право, несносны. Настойте ж, милая, на том, чтобы ехать в Чернь. Не слушайте Маши! она всем готова для вас жертвовать; потому-то и не должно принимать таких пожертвований. Я не знаю, как тетушка могла сказать, что *они могут быть там в тягость*,

[1] Датируется на основании содержания письма: после смерти мужа Авдотья Петровна жила с Протасовыми в Мишенском до февраля 1814 года.

там, где за величайшее счастие почитают их любить и все для них делать. Как бы то ни было, теперь совсем не время ехать в Долбино. Настойте с твердостью. Ехать в Долбино совсем не есть *необходимость*, а быть в Черни, право, *необходимо*. Возьмете ли на себя отвечать за следствия? Для вас все равно: ехать ли *завтра* или через *две недели* в Долбино; а для нее, право, не все равно. Не подумайте, чтобы я считал за нужное вас в этом случае уговаривать; я знаю, что вы этого желаете сами, что вы уже сделали предложение. Но я желаю только, чтобы вы настояли решительнее и не откладывали. Если ехать, так ехать завтра или поздно, поздно послезавтра. Нынче бы послать в Чернь, чтобы нам прислали в Дольцы подставу; вы своих лошадей отошлете в Долбино; они будут дожидаться нас в Каменове тогда, когда мы поедем назад. J'ai eu la bêtise de dire un mot sur ce départ. J'ai mal fait. Selon ma coutume ordinaire je gâte les choses dont je me mêle. Tâchez de remēdier à ce mal*.

Перевод

* Я имел глупость сказать об этом отъезде. Я сделал плохо — согласно моей привычке, я порчу то, во что вмешиваюсь. Постарайтесь исправить эту неприятность (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 3. С. 203—204
Печатается по первой публикации.

3. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Июль 1813[1]

Письмо ваше буду беречь вечно как драгоценный знак дружеского участия, и ежели бы дружба моя к вам могла увеличиться, то я думаю, что теперь стала бы любить вас и уважать еще больше. На все то, что вы мне сказали, *возражений* я делать не буду, вам этого нечего бояться, а скажу вам просто то, что *чувствую*, не спрашиваясь с воображением, а с самолюбием еще меньше. Итак, на первое: ежели бы я искала случая увеличивать свою горесть, то давно была бы в Долбине; я все самые нужнейшие дела откладывала, сколько могла для того, чтобы собраться с силами, и кажется, наверное, могу теперь на себя положиться; я давно уже обещала себе переламывать все слишком сильные движения души и удерживать их рассудком, и так на этот счет не беспокойтесь. Второе ваше требование совсем неисполнительно, вы не подумавши это написали; это для меня совсем не *обряд*, нет ни одного дня, в который я бы не пожелала быть там, ни одного удовольствия, ни одной счастливой минутки, которую бы я не променяла на то, чтоб быть там; сильного впечатления это на меня сделать не может, я перенесла сильнее, — и обещаю вам, что ни Маменька, ни Саша, ни Маша со мной там не будут. Их

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от июля 1813 года: Авдотья Петровна цитирует дважды строки из письма Жуковского.

здоровье мне слишком дорого, чтоб я им могла это позволить. Ежели бы я сказала, что за здоровье моей Маши я отдала бы жизнь, то, право, теперь сказала бы мало; я отдала бы ее охотнее, чтоб избавить ее от часу грусти; — досады на нее я никогда ни минуты не имела, но уверяю вас, если вам мало того, что я себе это тысячу раз обещала, что *взыскательности*, *неудовольствия* и *требований* всякого роду она от меня не увидит никогда, что для меня довольно того чувства что она *мне* теперь все на свете и что от нее не буду требовать ничего. Напротив, мне часто бывает очень грустно, что она так меня любит; от своей горести я не могу ее избавить, хотя бы и хотела. Она слишком добра, всегда меня найдет, всегда мои слезы, как бы я их скрыть не хотела, ее огорчат, и часто бывало, что мы вместе проплачем час, не сказавши друг другу ни слова. Но обещаю вам, что я всеми силами буду стараться, чтобы и этого не было, и вы так же должны выдумывать для нее разные занятия и развлечения, ежели часто я не в силах буду удержать то, чтобы она ни одной мною занималась. — Пожалуйста, не примите этого иначе как так, как оно сказано, ее здоровье и спокойствие для меня несравненно ни с чем, а если я не всегда могу сладить с своею грустью, то очень буду рада, ежели она меня в эти минуты не увидит. — Хотелось бы мне вам сказать многое об этом, но, право, не в силах, вчера целый день не писала к вам для того, что было очень грустно, и боялась сказать многое, что вам показалось бы непростительно и непонятно, сегодня спешу.

Еще одно слово об вашем последнем пункте. Неужели вы думаете, что я не вижу, что совсем не исполняю многих должностей и самым непростительным манером, и что в то время, когда пишу ноты и читаю Ифланда[1] все равно чтоб меня и не было совсем. Поверьте, что это меня больше всего сокрушает. Я была бы совершенно довольна, если бы могла посвятить их совсем воспитанию детей и заняться порядочно хозяйством. Если бы намерение, которое мы имели *вместе,* могли и теперь исполниться, хоть я и одна, это верно и мне бы лучше было жить, и хозяйство наше пошло бы лучше, и дети были бы добрые, полезные люди, и вечно обожали бы своего отца.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 12, л. 1—1 об.
Печатается по автографу.

4. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

В июле (без числа), вероятно, 1813 г.[2], в Мишенском.

Ваше милое письмо, которое очень меня тронуло, еще более утвердило меня в мысли, что вы имеете высокую душу и прекрасное сердце. Но я не могу не сделать замечаний на некоторые места: «*нет ни одной счастливой минуты, которую бы*

---

[1] *... читаю Ифланда*... — См. примечание к письму 1.

[2] Датировка устанавливается по содержанию: письмо является ответом на письмо А. П. Елагиной от июля 1813 г.

я не променяла на то, чтобы быть там; сильного впечатления это на меня сделать не может — я перенесла сильнее». Простите, милая, я вас огорчаю, но не могу не сказать того, что думаю. Ваше чувство для меня понятно, я ценю его настоящим образом, его источник благородный, но, право, рассудок ему противится. Оно есть для меня новое доказательство, что вы *привязаны* к своей горести и намерены ее *питать*. Что же в свете может усилить ее более, как не предмет, столь печальный, возбуждающий такие горестные мысли! Не удаляться от него значит *самой* стараться раздражать свою болезнь. Быть там! Скажите, милая, что будете *там* делать? чего вы будете там искать? Неужели утешения? или сил для перенесения печали своей? «*Сильного впечатления это на меня сделать не может*». Что ж вы это говорите? Можно ли так себя обманывать? Какое же впечатление? неужели приятное? Нет, милая, я бы очень был счастлив, когда бы могли вы решиться пожертвовать *на этот раз только* своим намерением. Дайте еще волю времени и мыслям. Когда вы более обдумаете все выгоды своего положения, когда более утвердитесь в мысли, что вы можете быть еще истинно счастливы — тогда можете дать себе полную свободу. А теперь бы смотреть за собою как за младенцем; и пуще всего не говорить: «*нет ни одной счастливой минуты, которой бы не променяла на то, чтобы быть там*». Это язык горести, разгоряченной воображением! Ваше место не там — ибо там все говорит о потере, все возбуждает отвращение к жизни — (а такого рода мысли и чувства вам запрещены), ваше место подле ваших детей; вот милые памятники, при них вы находите спокойствие души, надежду и самым чистым образом удовлетворяете своей чувствительности! Но что можете вы сказать гробу? И еще более: что скажет он вам? Этот язык ужасен! Если бы вы могли переломить себя и не удовлетворять сильному влечению сердца, которое, право, требует от вас поступка, противного вашему спокойствию! И тем более это пожертвование нужно, что вам нельзя будет скрыться от других; те вас не выпустят из глаз, а я опять напомню о состоянии Машина здоровья. Теперь спокойствие для нее нужнее, нежели когда-нибудь: ей необходимо нужно возвратить потерянные силы.

Следующая фраза написана точно вами: «для меня довольно того чувства, что она *мне* теперь все на свете и что от нее не буду *требовать* ничего». Вы забыли прибавить, что и вы для *нее* все; и что вам уже ничего более не осталось от нее требовать: ибо вы все имеете. Для такой связи, какова ваша, нужна только *доверенность*, ею она укоренится, ею она будет приятна и сделается верным счастием на всю вашу жизнь.

Вы говорите, что ваша недеятельность в рассуждении воспитания детей и хозяйства сокрушает вас. Но почему же деятельность не в вашей власти? Вы можете заняться чтением без всякого помешательства, и все расположение времени, нужного для этого занятия, зависит единственно от вас; читая книги о воспитании, которых и у вас, и у меня довольно, вы будете собирать нужные сведения (дети между тем будут в ваших глазах и ничто их испортить не может), в год или в полтора много можно набрать сведений — время между тем не уйдет, и все еще можно будет привести в исполнение. Этим и в Муратове, и в Долбине можете заниматься

с одинаковым успехом. Что же касается до хозяйства, то надобно непременно найти человека, которому бы поручить его; за ним можете вы наблюдать, но он будет иметь на руках главные хлопоты. Для вас же воспитание пусть будет главным занятием. Прочие занятия будут только отдохновением. В этом случае Маша вам помощник самый усердный и, такого рода занятие ей самой не только будет приятно, но и весьма полезно. Оно будет заменою того, чего ее лишают, и заменою самою сладостною. Быть вам товарищем, вашим сотрудником в такой милой должности! Это может быть между вами иного рода связью и самою тесною. Вы будете и здесь не одни.

Для чего я все это пишу? Собственного счастия, того, которое мне *нужно*, я иметь не буду! Мне остается видеть его только в вашем милом круге — оно все будет *моим*. Когда буду его находить вокруг себя, тогда и работа будет для меня наслаждением! Даже и для моей *славы* должны вы стараться быть сколько можно счастливее! Без душевного спокойствия нельзя трудиться с успехом. «En vous suppliant d'être heureuse autant que possible je plaide ma propre cause»*.

Перевод

*Умоляя вас быть счастливой, насколько это возможно, я защищаю свое собственное дело (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 1. С. 204—206.
Печатается по первой публикации.

5. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Весна 1814 года[1]

а здешняя жизнь, согнившая в бездействии всех чувств, не есть ли зараза неизлечимая и для вечности». Что будем мы там, если мы здесь ничто? — Любовь! — неужели она *ничто* без счастия? и без какого же счастия? — Неужели не довольно ее одной, чтобы не гнить душою? — а любить Машу! — ужели это не то же, что любить добродетель? Можно ли это назвать *бездействием всех чувств*? — Эта минута забвения не сходна с твоею прелестною душою, добрый Жуковский. Она достойна Маши! и будет ее достойна всегда!.. Твоя душа должна быть выше судьбы, выше несправедливостей, неудач, *выше смерти*! Я на нее полагаю такую же надежду, как на доброе Провидение; Его сердце нас ни на минуту не покидает, молитвы дружбы будут услышаны, и счастие будет в твоем милом сердце. — Маша! Ангел мой! Его спокойствие довольно для тебя! Будь

[1] Дата отрывка из письма устанавливается на основании содержания: в дневнике 21 июня 1814 года Жуковский пишет Маше: «Дуняша всех лучше умеет тебя любить, всех лучше тебя понимает и с нею всегда говорим о тебе одним языком» (ПСС2. Т. 13. С. 72).

радость и тишина в его душе, и ты, верно, ничего не пожелаешь на свете! — Друг мой! неужели так любят только женщины? — Но нет! это ненадолго! — У вас и здесь судьба прекрасная! Для нее можно *жить*, можно *нести* много! — Любить тебя всегда сердцем полным, быть *везде вопреки всего* тебя достойным; жить, действовать, делать добро в глазах доброго, нежного отца, к которому потом перенести все чувства во всем полном своем,— *что* может отнять эту цель? Что разлука? несправедливость? страдание? — А он еще *любим*! — Боже мой! Это несравненное чувство не щит ли против всего?.. И мне ему не говорить о вечности? Не все ли будущее вам принадлежит? — Там, что разлучит? — Маша! будь спокойна! Ты его почитаешь, *любишь*, для него и *от него*, любишь все, что хорошо, что возвышает душу,— а он презрит жизнь? Это невозможно! — Кто лучше его может довольствоваться *своим* сердцем? И если наши малейшие желания не исполнятся, для него еще много осталось! — Не он ли сказал, думая о тебе: *я в мире! я с тобою*! — Где бы вы ни были: *доверенность* соединит вас! — Разлука? но он верит твоему сердцу. Доверенность! Любовь святая! и сердечное желание старания быть добрым беспрестанно, под надзором доброго Бога, с этим и не его вели

Автограф: РГБ, ф. 99, к. XXII, № 33, л. 1—1 об. [1]
Печатается по автографу.

6. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Апрель 1814 [2]

Милый брат! вот вам письмо от нашей Маши! — другое ко мне, грустное, очень грустное я к вам не посылаю, потому что она не велит, но скажу почти все, что в нем написано. Она *писала* к Маменьке, сказала ей все, что на душе было, просила у ней счастия такого, какое она позволить может; доверенности, искренности, дружбы, жить вместе в ее глазах и просто быть счастливыми. — Маменька прочла это письмо, написанное подле нее и писанное горькими слезами, и вот ответ: *Разве ты думаешь, мне легко будет знать, что о тебе дурно говорят?* — На другой день отвечает на бумаге: что *в порок* впадают постепенно и поэтому теперь еще вам нельзя жить вместе, что Маша слишком дорого заставляет ее платить за свою жертву и пр. и пр. — То же, что прежде, что всегда, любит одна: я! жертва! Правда, это не стоит того, чтобы об ней говорили!

Маша! Жуковский! счастие их! счастие истинных друзей!.. Ну, стоит ли это труда и подумать!

---

[1] Письмо без начала и конца, адресовано В. А. Жуковскому и Маше Протасовой

[2] Датируется на основании упоминаемых событий: в апреле 1814 г. Е. А. Протасова дала решительный отказ на брак Жуковского с Машей Протасовой; отказ стал началом активных действий Жуковского и Авдотьи Петровны в стремлении сломить сопротивление Екатерины Афанасьевны.

Милый друг! мне грустно! грустно очень, поэтому не хочется писать к вам! хотелось бы говорить с вами тогда, когда в сердце друга вашего отзывался бы голос надежды, но что же делать! Где ее взять? — Маша бранит меня за мое письмо к Маменьке, Марья Николаевна бранит меня тоже[1], Маменька не пишет ко мне ни одного слова! Неужели я в самом деле вам только повредила. Милые друзья! Придется и мне желать *праздника на мою улицу*! — Жуковский! Какое это слово скверное в вашем последнем письме! оно тяжело легло у меня на сердце! — Пожалуйста, желайте по крайней мере *праздника общего*! То есть и Маше, мне и многим! — Иначе он и не будет.

Прощайте, Бог с вами! Валленштейна посылаю, и два тома вашего Шекспира[2], которые Маша прислала вместо моих книг.

Послушайте еще, милый брат! Ав⟨дотьи⟩ Ник⟨олаевны⟩[3] не будет! — Меня это адует! радует очень! — Как будто бы счастие хочет на нас оглянуться. — Вот уже одно хорошо. — Другое хорошо то, что на Воейкова перестали сердиться[4] за его искренность. Поезжайте к Ивану Вла⟨имировичу⟩[5], на что нам терпеть из доброй воли возможность за что-нибудь уцепиться?

Милый брат! очень, очень бы мне хотелось поскорее вас увидеть! — или хоть тех, кто вас много любит. Поклонитесь вашим хозяевам! —

Напишите, пожалуйста, мне словечко об себе! — это есть словечко подробное. Дети вас целуют.

Нет ли у вас письма ко мне от Маменьки, о котором говорит Маша?

---

[1] *...Марья Николаевна бранит меня тоже...* — Марья Николаевна Вельяминова (в замужестве Свечина, 1781—1821), племянница Жуковского, принимавшая участие в драматически развивавшейся истории любви Жуковского и Маши Протасовой на стороне Екатерины Афанасьевны, о чем свидетельствует письмо Е. А. Протасовой к Авдотье Петровне: «О поездке к архиерею я сегодня говорила с Марьей Николаевной; она, моя милая, на этот счет одного со мной мнения и также уверена, что для нас постановления церковного не отменят» (УС. С. 291).

[2] *Валленштейна высылаю и два тома вашего Шекспира...* — В Долбине в доме у Авдотьи Петровны хранилась библиотека Жуковского, которую она переправляла ему в Петербург. *Валленштейн* — трагедия Ф. Шиллера «Валленштейн» (1800).

[3] *Авдотьи Николаевны не будет!* — Авдотья Николаевна Арбенева (урожд. Вельяминова, 1784—1831), племянница Жуковского, вставшая на сторону Екатерины Афанасьевны в ее сопротивлении браку поэта с Машей Протасовой, Жуковский тяжело переживал ее предательство. См. подробно в письме к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г. (ПЖТ. С. 115—116).

[4] *...На Воейкова перестали сердиться...* — Александр Федорович Воейков (1778—1839), поэт, журналист, жених А. А. Протасовой.

[5] *Поезжайте к Ивану Влад⟨имировичу⟩* — Иван Владимирович Лопухин (1756—1816), князь, известный деятель русского масонства, великий мастер одной из лож, друг И. П. Тургенева, характеризовался активной деятельностью по организации помощи бедным, устройством школ, созданием типографий; автор ряда мистических сочинений: «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» (1790), «Духовный рыцарь или ищущий премудрости» (1791), «Излияния сердца чтущего благость единоначалия» (1795) и др. Вышедши в 1812 году в отставку, он поселился в имении Кромы на берегу Оки, где жил до смерти.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 8—8 об.—9.
Печатается по автографу.

7. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

До 16 апреля 1814 г.[1]

Милый брат мой, я забыла совсем альбом Анны Николаевны[2], спешу написать в него и послать догнать вас с ним. — Ежели не догонят, то застану я вас в Черни, откуда вы мне скажете, как вы доехали и здоровы ли вы? — Это беспокойство me sert de contrepoids, pour un voyage qui a fait tant de bien à mon coeur*.

Бог даст и его доброту, и вы будете здоровы, и все у нас будет хорошо. Напишите и вы в Альбом, а тех книг не надобно!

Confiance! Courage! — et bonheur!**

Перевод

*Служит противовесом путешествию, которое доставило столько удовольствия моему сердцу (*франц.*).

**Доверие! Мужество! — и счастие! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 13.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 4.
Печатается по автографу.

8. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

16-го апреля Муратово, 1814[3]

Здравствуйте, милая моя сестра, новая знакомка и старый друг![4] Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств. Месяца за два я бы не вообразил, что мне будет можно поехать *с грустью* из Долбина в Муратово — бедные мы люди!

---

[1] Датируется на основании упоминании об альбомах, которые муратовские и долбинские друзья Жуковского заполняли на память. В таком альбоме А. П. Киреевская переписала Жуковскому перед его отъездом в Дерпт главу «Шиллер» из книги мадам де Сталь «Германия» (ПД. № 27802, л. 2—2 об.).

[2] *... альбом Анны Николаевны...* — Анна Николаевна Вельяминова (1785—1859), племянница Жуковского.

[3] Год определяется по упоминаемой дате 2 июля, на которую была назначена свадьба Воейкова и Саши Протасовой (ПЖТ. С. 117).

[4] *Здравствуйте, моя милая сестра, новая знакомка и старый друг!* — Это обращение Жуковского к Авдотье Петровне прокомментировано П. Висковатовым: «Эти слова относятся к тому, что незадолго Авдотья Петровна узнала о привязанности его к Марье Андреевне. Он открылся ей и она стала его союзницей в хлопотах о получении согласия Екатерины Афанасьевны на брак с Марьей Андреевной» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 436).

Думаем о бессмертии, *о горнем*, отдаленном счастии, а под носом не видим того, что может нас утешать и делать довольнее. Наше путешествие сделало и моему сердцу большое добро; оно помогло ему найти находку — *доверенность* к дружбе, прежде смешанную с сомнением, потом почти совсем разрушенную, — обратить в *веру*, не есть ли это находка? И не везде ли видно доброе Провидение? Отымая с одной стороны, оно всегда заменяет с другой. С полною доверенностию я сунулся было просить дружбы там, где было одно притворство, и меня встретило предательство со всем своим отвратительным безобразием — от вас не думал ничего требовать, и все само сделалось. Эта мена ничуть не убыточная; а вместе с нею и добрый урок.

Вот вам моя реляция. Поехав от вас[1], я думал ночевать в Черни. Но в Болхове узнал, что Плещеев, мой добрый негр, который белых книг не страшится, приехал один из Ельца. Я скорее в Чернь; но его не застал — он уехал в Муратово. Переменив лошадей, скачу за ним. Ночь и страшная грязь не выпустили меня из Козловки, и я ночевал у Марии Николаевны. Она сказала мне официальную новость: *свадьба назначена 2 июля, а после свадьбы едут в Дерпт*[2]. Я поглядел на своего спутника — вы его знаете. Больная, одержимая подагрою надежда, которая скрепя сердце тащится за мною на костылях и часто отстает. — Что скажешь, товарищ! — Что сказать? Нам недолго таскаться вместе по белу свету. После второго июля — что бы ни было — мы расстанемся! Или покину тебя одного и бреди, как хочешь! или оставлю тебе свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучшее (но только для добрых) *исполнение*. С нею дурной человек становится хуже, а добрый гораздо добрее. Она приготовит тебя к тому обетованному краю,

Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой![3]

— А если останусь один! — Тогда! Готовься, как умеешь сам, к переселению в этот край! Но едва ли удастся получить пропускной билет!

Разве чудо путь укажет
В сей прелестный край чудес![4]

— Но ждать чуда? Кто его дождется! — И я тоже думаю! — Что же делать! — Не знаю! а для меня верно только то, что мы расстанемся! — вот вам слово в слово весь наш разговор.

Поутру рано приезжаю. Плещеев здесь по делам[5]. У них все идет лучше:

---

[1] *Поехав от вас…* — «На святую Авдотья Петровна приезжала в Муратово» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 432).

[2] *… свадьба назначена 2 июля…* — Речь идет о свадьбе А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкова.

[3] *Где вера не нужна 〈...〉 одной святой любви* — Две заключительные строки «Элегии» (1802) Андрея И. Тургенева.

[4] *Разве чудо 〈...〉 прелестный край чудес!»* — Заключительные два стиха из перевода «романса» Шиллера «Желание» В. А. Жуковского.

[5] *Плещеев здесь по делам* — Александр Андреевич Плещеев (1778—1862), кузен М. А. Протасовой, композитор-дилетант, «тульский помещик», «Негр», будущий арзамасец, друг Жуковского, адресат многочисленных посланий поэта, отец декабристов Алексея и Александра Плещеевых, и его жена, Анна Ивановна (урожденная Чернышева, ум. 1817), — владельцы ро-

Вадковская стала поздоровее[1] и весною ее перевезут в Орел. А сами Плещеевы возвратятся в Чернь недели через две. Я принят был по-обыкновенному; но давая мне руки, смотрели на Плещеева. А мой подагрик шепнул мне на ухо: терпи! тебя будут *любить*, когда получишь свободу быть тем, каким быть хочешь и можешь. И сердце скрепилось. Но было ли оно довольно так, как бывает довольным у человека, возвратившегося в тот круг, где его счастие, где его настоящая жизнь?.. Нет! Нет! сиротство и одиночество ужасно ввиду счастия и счастливых! Гораздо легче быть одиноким в лесу со зверями, в тюрьме с цепями, нежели подле той милой семьи, в которую хотел бы броситься, из которой тебя выбрасывают. Благодаря моему подагрику это все для меня пока сносно. Но когда он от меня отковыляет в дальнюю, неизвестную сторону — тогда быть совсем выброшенным будет даже утешительно — можно разбиться вдребезги. Плещеев уехал во втором часу. У Воейкова заболела голова[2] — его положили в кабинете; сами подкладывали ему под ноги, под голову подушки; я сидел спичкою и на меня поглядывали с торжествующим, радостным видом — в самом деле торжество и радость. Я посматривал исподлобья, не найду ли где в углу христианской *любви*, внушающей сожаление, пощаду, кротость. Нет! одно холодное *жестокосердие* в монашеской рясе с кровавою надписью на лбу *должность* (выправленною весьма не искусно из слова *суеверие*) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами.

дового имения Чернь. Атмосфера черненского общества, литературные и театральные вечера, музыкальные сочинения хозяина занимают важное место в биографии поэта. Подробне см.: Соловьев Н. В. История одной жизни. Петроград, 1916. Ч. I — II.

[1] ... *Вадковская стала поздоровее*... — Екатерина Ивановна Вадковская (урожд. Чернышева), сестра Анны Ивановны Плещеевой.

[2] *У Воейкова заболела голова*... — «В конце 1813 года приехал в Муратово к Жуковскому Александр Федорович Воейков — тогда уже пользовавшийся некоторою известностью как сочинитель сатирических стихов и критик на произведения литераторов. Он печатал их в журналах, и между прочим и в "Вестнике Европы". Жуковский ввел Воейкова к Протасовым и другим родным и знакомым. Воейков проник тайну Жуковского и написал ему в дневник, говорят, тайком несколько стихов, касавшихся отношений Жуковского к Маше. Дружба их в то время была велика, и Жуковский еще 29 января 1814 года в послании к Воейкову писал:

Да кто, скажи мне, научил
Тебя предречь осьмью стихами
В сей книге с белыми листами
Весь сокровенный жребий мой.

Он даже обещал подарить Воейкову этот дневник, когда тетрадь будет исписана. Но это обещание осталось неисполненным, ибо спустя несколько месяцев, когда Воейков попросил руки Александры Андреевны Протасовой — сестры Маши — и втерся в доверенность к Екатерине Афанасьевне, то он с надменностью начал преследовать Жуковского. Да и для Екатерины Афанасьевны, кажется, было удовольствием высказывать любовь к Воейкову в присутствии бедного Жуковского, которому не дано было счастье тесного сближения с семьею Протасовых. Мать Маши его всячески отталкивала и отстраняла. Обращение Воейкова с Жуковским стало столь нестерпимым, особенно встречая поощрение со стороны Екатерины Афанасьевны, что поэт должен был (в августе) наконец покинуть Муратово, поселиться в Долбине у Авдотьи Петровны» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 436).

И мне стало страшно, и я ушел к себе отведать ничтожества, то есть как-нибудь *заснуть* — и заснул и проснулся, *к утешению*, к вашей записке, которая и всегда бы меня обрадовала, а тут утешила… голос друга послышался в пустыне. В ней стоит: *милый брат мой!* Это слово имеет совсем иной смысл в минуту тяжелого горя. Да это же слово прилетело с родины, где было много *моего, собственного!* было и нет.

Опять слова два об вашей записке! ce voyage a fait tant de bien à mon coeur* пишете вы! И моему сердцу это путешествие большой благодетель. Нельзя изъяснить, что такое значит доверенность к искреннему участию, к дружескому сожалению. Я не верил вашей привязанности к Маше, а теперь ей верю. Так говорить об ней, как мы говорили, нельзя, не любивши ее нежно. Теперь знаю, что вы будете понимать друг друга не одним молчанием, которое иногда может быть и непонятно. А ей так часто бывает нужно говорить без закрышки. Весь век таиться в самой себе ужасно. Свобода жизнь души — а тюрьма душевная гораздо страшнее той, в которой мы можем играть хотя цепями. Возвратимся к своей реляции. Еще очень много осталось вам сказать. После обеда приехала Марья Николаевна, а ввечеру получены три письма от Авд⟨отьи⟩ Ник⟨олаевны⟩[1] и между ими одно большое, в котором она сказывает тетушке о моих к ней письмах, о угрозах Филарета[2], об Ив⟨ане⟩ Влад⟨имировиче⟩ (которого производит в мартинисты)[3]. Я не знаю его содержания; сказываю вам, что слышал. Но подивитесь же. Мне об этом письме ни слова, даже я не заметил почти никакой к себе перемены. И по-видимому оно ничего слишком дурного не произвело. Итак, если оно не испортило, то поправило, потому что приготовило. Был после разговор об Иване Владимир⟨овиче⟩. Тетушка сказала, что ей хотелось бы с ним познакомиться! Познакомиться тогда, когла знает, что он мое мнение оправдывает. Это весьма важно. Милая, может быть он подействует на ее мысли. И тут Провидение! Оно назначило, может быть, вашему Ваничке[4] быть моим Ангеломхранителем. Родясь на свет, он принес, может быть, мое счастие; он своею жизнью сделал между ими связь, которая может сделаться причиною и здешнего и будущего моего счастия — я их не разлучаю! Одно необходимое следствие другого. Но подумайте ж о поступке Авдотьи Никол⟨аевны⟩. Пока дружба была одно слово, которое стоило только произнести или написать и которое ни к чему не обязывало, по тех пор она ею меня прельщала! Понадобилось сделать опыт — прощай, дружба! Я ведь не требовал от нее нарушения правил — я только себя ей вверил! В первую минуту показала она живое участие. Вдруг все переменилось. И вместо того, чтобы

---

[1] *… ввечеру получены три письма от Авд⟨отьи⟩ Ник⟨олаевны⟩…* — Жуковский упрекает Авдотью Николаевну Арбеневу в предательстве. 5 мая 1814 года Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Арбенева, к которой я писал и на которую так много надеялся, все испортила. Она не отвечала ни на одно из моих писем, но мимо меня писала обо всем матери» (ПЖТ. С. 115).

[2] *… о угрозах Филарета…* — Филарет архимандрит (Дроздов), впоследствии Московский первосвятитель. В 1813 году был ректором С.-Петербургской Духовной Академии.

[3] *… об Ив⟨ане⟩ Влад⟨имировиче⟩* (*которого производит в мартинисты*) — И. В. Лопухин, см. примечание к письму 6.

[4] *… вашему Ваничке* — Имеется в виду И. В. Киреевский (1806—1856), сын В. И. Киреевского и Авдотьи Петровны, критик и публицист, славянофил.

мне прямо сказать свои мысли, она с каким-то каменным равнодушием не отвечала ни слова ни на одно из писем моих и прямо все открыла тетушке. Я не мог требовать от нее того, что, по ее образу мыслей, могло казаться ей или непозволенным или невозможным, но имел право требовать прямодушия, участия, внимания, потому что меня приманили дружбою на доверенность. И эти люди называют себя христианами. Какое же понятие имеют они о самых простых должностях, предписываемых совестию и религиею, которая есть тоже совесть, но только более возвышенная и определенная? Что это за религия, которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание? Эти люди, эгоисты под святым именем христиан, смотрят на людей свысока: одним несчастным более или менее в порядке создания! Какое дело! Режь во имя Бога и будь спокоен! Но дело не об том! Я презираю ее от всей души и с тою ложною религиею, которую она так пышно выдает за истинную! Жаль только, что обманулся! Ее чувствительность есть не что иное, как искра, которая таится в кремне, иногда из него выскакивает при сильном ударе, но всегда оставляет его и холодным и жестким. Еще не все испорчено. Вам много можно сделать. Поговорите с М⟨арьей⟩Алексеевной. Теперь ее мнение великий сделало бы перевес. Тетушка знает, что И⟨ван⟩ Вл⟨адимирович⟩ со мною согласен. Машино чувство ей также известно, хотя она и хочет себя уверить, что оно не существует. Если можно, упросите М⟨арью⟩ Алекесеевну написать к ней. Только бы мнение ее согласно было с нашим — писать и сказать его искренно не будет стоить для нее никакого усилия. Боже мой! Она за нас молилась! Неужели человеку будет сказать ей труднее то, что она говорит Богу! Дело идет о целой жизни двух добрых тварей — она может им дать на всю жизнь самое нежное, благодарное об ней воспоминание! Быть причиною счастия — какое святое дело для христианина.

Я думал написать к ней сам, но считаю это неприличным. Не имею на это права. Но посылаю вам то письмо, которое я давно приготовил тетушке — в той мысли, что она захочет со мною объясниться. Объяснения не было. Но я все отдам его ей непременно, когда будет надобно. Покажите его М⟨арье⟩ Алексеевне. Если сочтете нужным, покажите и это. Еще посылаю вам тот листок, который я написал тотчас по возвращении моем от И⟨вана⟩ Владим⟨ировича⟩ *говея и хотел* показать вам в Долбине, но не нашел. Все это вы мне возвратите.

Я уверен, что Марья Ал⟨ексеевна⟩ много для нас сделать может. Скажите ей, что, узнавши о ее участии, о том, что она за меня молилась, я привязался к ней, право, сыновнею благодарностию. Такую нежную доброту в редком сердце встретишь. Она сама по себе уже есть благодеяние.

Перевод

* это путешествие было так приятно для моего сердца (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 2. С. 431—436.
Печатается по первой публикации.

9. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

В апреле 1814[1]. Писано из Муратова или из Черни в Долбино

Я успею к вам написать только два слова — говорили ли вы с баронессою?[2] Если не говорили, то не откладывайте, прошу вас. Письмо ее много подействует. Только не надобно ей отдавать того, что я к вам послал. Ничего, мною писанного, ей посылать не должно к тетушке. Пускай пишет от себя. Моего же письма, к вам писанного, не показывайте никому: ни баронессе, ни сестрам. Я написал много лишнего. Но чего не напишешь, когда на душе кошки. Я скоро у вас буду. Теперь пишу для того только, чтобы вас предуведомить. Пускай баронесса пишет. Это теперь всего нужнее, только ради Бога, чтобы не было обо мне ни слова. Все делайте от себя. Я поцеловал Нинушку[3], когда она сказала, что вы просили, чтобы я к вам писал. Но мои письма уже были посланы. Получили ли вы их?

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 2. С. 436—437.
Печатается по первой публикации.

10. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 ávril 1814[4]

Dolbino — c'est le nom de la campagne que j'habite et que j'ai l'honneur de recommander *au très cher cousin*, dont la mémoire me paraît en effet un peu jetée à caution. — Je crois que j'ai eu le bonheur de vous entendre nommer plus de 20 fois Dolbino par son véritable nom, qui lui a été donné depuis une vingtaine de siècles, — et maintenant*. — Кто же бы мне сказал, что вы забудете даже имя той деревни, где все вас так без памяти любят! — Господи помилуй и батюшки-светы, худо мне жить на свете! — Нет сударь! Не только *Долбино* зовут мою резиденцию, но и самый холодный край на свете называется — *Долбино*; столица галиматьи называется

[1] Дата устанавливается на основании обсуждаемых вопросов, связанных с очередной попыткой уговорить Екатерину Афанасьевну дать согласие на брак Жуковского и Маши Протасовой.

[2] *...говорили ли вы с баронессою?...* — Баронесса — М. А. Черкасова, см. примечание к письму 1.

[3] *Я поцеловал Нинушку...* — Нинушка — девочка-служанка.

[4] Датируется приблизительно весной 1814 г. на основании содержания и тона письма: апрель 1813 г., проведенный Авдотьей Петровной после смерти Василия Ивановича Киреевского в Муратове, был грустным, тогда как в 1814 г. ситуация несколько изменилась, что нашло отражение в самом тоне письма. Упоминание о поездках Жуковского в Козельск и другие места связано с его стремлением получить согласие Екатерины Афанасьевны на брак с Машей Протасовой. Долбино, о котором пишет Авдотья Петровна, станет для Жуковского осенью 1814 г. духовным пристанищем.

Долбино; одушевленный беспорядок в порядке: *Долбино!* Вечная дремота: *Долбино*! и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. Неужели вы и после этого забудете Долбино? —

До сих пор ответ *на адрес* письма вашего; теперь начинаю отвечать на самое *письмо*. И вот уже порядок, достойный Володькова: — 1-е слово; *Свентицкий, который у вас сегодня*[1]. — Свентицкого у меня нет сегодня, следовательно, от него я ничего не могла узнать о вожделенном здравии вашего благословенного величества, следовательно, полагаться на то, что мне скажет Свентицкий об вас так же возможно, как полагаться на апрельскую погоду, опираться на тростник, ходить по воде, не намоча ноги, не морщиться, когда пьешь кислый уксус, не зевать, когда думаешь стихами Хераскова[2] и пр., и пр., и пр., и пр. et caetera pantoufle[**].

2-е. *Завтра еду в Козельск* и потом, непосредственно после этого приговора: *я честный человек!* Что-нибудь одно, милостивый Государь что-нибудь одно! — *Честный человек* прежде всего должен помнить, что дождик, ветер, холод вредны здоровью *милого человека* и потому не пускать его никуда, не только в Козельск. Тот, кто по скверной дороге едет в Козельск! — дурной человек, бесчестный человек лифка![3] (и клянусь грациями, что это мое вероисповедание отныне и до века истинное и непринужденное, в чем с приложением моей печати и подписуюсь Майорша Авдотья Петрова дочь Киреевская. (Приложена печать).

3-е. — *пишу к вам мало, потому что сегодня я писал много!* — Ну! пожалуйте сюда Господа Аристархи![4] — возможно ли не критиковать этого воззвания! — О, Синекдохос![5] где ты! — Петруша говорит, что надобно за это дать *насмешный лист*; а прочие все согласны, что ваше *потому* никуды не годится. Тот, кто умеет писать много, тот может и к тебе писать много; вот что шепчет мне моя гордость, — самолюбие вздыхает, подозрительность плачет, а сердце —

---

[1] *...Свентицкий, который у вас сегодня* — Свентицкие, Александр Михайлович и его супруга Надежда,— белевские знакомые Елагиных и Жуковского. В елагинском архиве хранится письмо Надежды Свентицкой от 20 сентября 1825 г., свидетельствующее о дружбе и покровительстве, которое оказывала Авдотья Петровна этой семье. Как пишет Н. Свентицкая: «Вечно не перестану чувствовать ваши милости и беспрестанно молить Бога за все ваши благодеяния» (РГБ, ф. 99, к. 24, № 61, л. 1—1 об.—2).

[2] *… когда думаешь стихами Хераскова…* — Михаил Матвеевич Херасков (1773—1807), поэт, автор эпических поэм, крупный представитель русского классицизма.

[3] *Тот, кто по скверной дороге едет в Козельск! — дурной человек, бесчестный человек лифка!* — *Ливка* — непоседа, егоза. Ср. у Даля: «Лива — подвижная колода на фабриках…» (Даль. Т. II. С. 251).

[4] *Ну! пожалуйте сюда Господа Аристархи!* — Аристарх (II в. до н. э.), греческий писатель, автор грамматики, литературных исследований. Имя Аристарха стало нарицательным для придирчивого критика, педанта.

[5] *О, Синекдохос! — Синекдоха* — один из видов метонимии (перенесение значения с одного предмета на другой по признаку количественного отношения между ними). Авдотья Петровна использует слово в его греческом произношении с целью пародирования классицистического стиля.

сердце — об нем ни слова даже и при свидании. Посылаю вам Английской мяты в ответ на сирейны[1].

Перевод

*Долбино — это название деревни, в которой я живу, которую я счастлива рекомендовать моему дорогому кузену, на память которого, как мне кажется, нельзя рассчитывать. Я думаю, что у меня было счастие слышать, как вы более 20 раз называли Долбино его настоящим именем, данным ему уже более 20 столетий и теперь (*франц.*).

** и так далее по-домашнему (запросто) (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 13, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1.
Печатается по автографу.

11. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец апреля 1814[2]

Милый брат мой! хочу всегда начинать так свои к вам письма и записки; ежели опять, избави Бог, случится получить их в минуту, в которую нужно утешение, то знайте твердо, что это слово есть отголосок *сердца родного*. Милый брат мой! там много еще *собственного*, где есть сердце *друга*, друга истинного и неизменяемого ни горестью, ни несправедливостью. — Ваше милое письмо отняло у меня ночь; — мне грустно, что *вы* имеете *нужду* в *моей* дружбе; в *моем* сердце, которое так давно любило вас всеми силами и которое, не надеявшись никогда быть вам известно, довольствовалось своим чувством. — Часто, огорчившись сильно вашей холодностью, я думала оправдаться, поговоривши с вами. Маша тому свидетель, но потом раздумывала, говоря: на что ему моя дружба? Прибавит ли хоть минуту удовольствия а жизни? — А действовать для одной себя не хотела, всегда лучше желала *быть*. Вот почему и виновата перед вами, которые хотели судить глазами других. Но Бог с ними, с другими! Я их не понимаю! Но Маша? Она *верила* моему сердцу, ее *никто* ослепить не мог, она видела *многими опытами*, что в ней одной находила я отраду, утешение, замену всего. Во мне ей *сомневаться* было невозможно, да и, конечно, она ни минуты не сомневалась! Для чего она вас не уверила хоть в том, что я *люблю ее как никто не любит*! Она это знает и знала! Милый друг, обо многом мне надобно для *собственного спокойствия* поговорить с вами обоими! — обо многом очень мне тяжелом, но, до свиданья! —

[1] *Посылаю вам Английские листы в ответ на сирейны — Сирейны,* возможно, означает «серию» (от *франц.* série), несколько писем, присылаемых Жуковским Авдотье Петровне. См. письмо Жуковского от 18 апреля 1814 г.

[2] Датируется как ответ на письмо В. А. Жуковского от 18 апреля 1814 года: Елагина цитирует строку из этого письма («⟨…⟩ мне грустно, что вы имеете нужду в моей дружбе ⟨…⟩»).

Теперь: опять грустный оборот на себя! на что вам моя дружба? что в ней пользы? что могу я для вас сделать? Если бы сильная любовь, так же, как и вера, могла ворочать горы — но что за дурацкие мысли? — Любовь сильнее веры! а тут они связаны неразрывно. Вера в *справедливое* Провиденье, любовь и святая дружба! Неужели этих провожатых мало, чтобы довести до *прелестного краю чудес*? — И так, милый, будем ждать! — ждать с *доверенностию*, не смотря на подагрика, которому, пожалуй, мы дадим отпуск, *когда дождемся*. А пока лечить! по старой моей охоте. А ежели не совсем вылечим, то дадим хромому товарищу добрую подпору: дружбу и доверенность! на что и крылья! перенесут через все! — Меня обрадовало и ободрило то, что хотят познакомить с Иван⟨ом⟩ Вл⟨адимировичем⟩. — Она имеет истинное уважение к его христианству и, поверьте, что желает его знакомства не для того, чтобы убедить своими рассуждениями, а чтобы от него убедиться. Неужели Иван Вла⟨димирович⟩ не приедет? Неужели станет молчать и *желать* только, тогда, когда от него зависит много для перевесу. *La tiédeur* n'est pas pardonnable à un chrétien, et surtout, à un chrétien que vous connaissez*. — Боже мой! Ежели ему дано это щастие! с каким восторгом буду я опять благодарить Бога за жизнь моего Ванюши!

Милый! баронесса *не совсем* с нашей стороны и по многим причинам говорить не берется. Главная из них та, что *без ведома* Ивана Пет⟨ровича⟩ ей писать не можно[1]; и в такой важной вещи давать свой совет желала бы вместе с ним.

Еще: скажу ли вам? — она боится, что Маша будет несчастлива; — вы мне велите с ней быть осторожной! — *мне* этого почти невозможно. Это доброе, ангельское, откровенное сердце так привлекает, что с нею разделишь не только горе, но и вину. Скажу вам главные ее мысли: она удивляется, что Маменька не ищет совету ученых Христиан, Архиереев, Вас, потому что это нужно было бы и для ее спокойствия, и для *вашего*, ей страшно, *самой* без точной уверенности, отказывать в щастии, в жизни, своим детям, — а вам, ежели и нашли бы приговор, осталось утешение, что действовали *вместе*, что щастие ваше общее и следовательно отказ (нещастие) общее; а это *должно* стараться заменить совершенною доверенностью, дружбою и беспрестанными знаками любви. Она удивляется, что этого нет теперь, грустит об вас, воображая весь ужас вашего положения при виде такого щастия, которого вы всеми страданиями давно уже заслужили и которое дают не вам; не понимает, как Машенька это переносит, — и все готова бы *сказать*, ежели бы их видела, и написать, ежели барон будет знать. — Благословите ли *мне* ему сделать доверенность от себя? Я оставлю ваше письмо до ответу и ежели получу благословение, то поеду к ним в первый день, когда моему Петушку[2] будет лучше, а теперь он очень страдает, и я три раза прерывала это маранье

---

[1] *... без ведома Ивана Пет⟨ровича⟩ ей писать не можно...* — Иван Петрович Черкасов (ок. 1761 — после 1841), барон, секунд-майор, володьковский помещик, адресат посланий Жуковского.

[2] *... когда моему Петушку будет лучше...* — Речь идет о Петре Васильевиче Киреевском (1808—1856), сыне Авдотьи Петровны.

сильным страхом. — Еще же, милый, она советует Маменьке спроситься и Орловского Архиерея, а вам пока куда-нибудь удалиться, чтобы дать ей время лучше быть с нашей Машей. Я сегодня хоть не больше часу спала, а видела во сне будто меня посылают в Севск! Ну ежели бы сон в руку!

Еще словечко! Об Ав⟨дотье⟩ Ник⟨олаевне⟩![1] вы ее презираете? Как это скоро! — еще и не читавши письма! — Она сделала дурно, мерзко, но это, конечно, минута фанатизма, которая, верно, много стоила ее сердцу. — И потому-то, что стоила много, она и вздумала, что исполняет *долг добродетели*. Боже мой! как бы легко было жить, ежели *все* слушались только сердца!

Простите, милый брат! как скоро Петруше лучше, я с вами! что я буду говорить *ясно* и *смело*, в этом надо вам не сомневаться, *лишь бы иметь позволение от Маши, лишь бы она поддерживала*, а не трусила. Пожалуйста, со мною сомнения прочь; располагайте смело и заочно!

Но слушайте, друг! всегда ли так будет? — опять вам покажут то, чего нет! Боюсь я очень, а через 2 недели больше буду бояться! Пока ваш *вечный* истинный друг крепко жмет вашу руку! Бог с вами!

Перевод

* Равнодушие непростительно христианину, и особенно христианину, которого вы знаете (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 2—4 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 10—11.
Впервые опубликовано: Российский литературоведческий журнал, 1997, № 11. С. 242—244.
Печатается по автографу.

12. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

28 апреля 1814[2]

Милый брат! мне очень, очень грустно и не следовало бы вас слушаться, заставлять ждать вас письма, в котором, верно, не найдете ничего хорошего,— но как бы собственная грусть не тяготила мое сердце, *общее* горе еще тяжелее в нем, а сильная, вечная дружба перетягивает все! — Что-то вы поделываете, друг милый! Вот вам письмо от Моро[3], такое-то всякую минуту получить весело; берегите его посмотреть, когда вам захочется *праздника*. —

[1] *... Об Ав⟨дотье⟩ Ник⟨олаевне⟩...* — Речь идет об А. Н. Арбеневой, см. примечание к письму 6.

[2] Дата устанавливается на основании переписки Авдотьи Петровны с Е. А. Протасовой в апреле 1814 года (УС. С. 289—290).

[3] *Вот вам письмо от Моро...* — Шарлотта Моро де ла Мелтиер (1777—1854), французская эмигрантка, переводчица, муратовская знакомая Жуковского.

Я получила от Маменьки ужасное письмо[1], думала найти хоть несколько слов отрадных, но оно сильно меня огорчило! — И для того посылаю только вам те строчки, которые для вас. Милый брат мой! покорность к доброму провидению! и доверенность к *Отцу*, который любит нас и тогда, когда не по-нашему делает! Но мы всегда будем стараться стоить, чтобы Он по-нашему делал! — Друг мой! чувствуете ли, что я имею право говорить это теперь? *Моя Машка больна!*[2] Помолитесь об ней, милый, и *берегите себя!*

Автограф: РГБ, ф. 104, к. 7, № 14, л. 7—7 об.
Печатается по автографу.

13. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1814, конец апреля или начало мая. Муратово[3]

Воейкова еще нет![4] Следовательно, судьба велит мне ехать к Павлу Ивановичу[5]. Вчера я доехал сюда здорово, но очень поздно. И ужина не застал. Возвращаю вам ваши дрожки и с ними еще том Деток Аббатства[6]. Остальные пришлю скоро. И оду Карамзина возвращаю[7]. У меня здесь есть экземпляр, присланный Вя-

[1] *Я получила от Маменьки ужасное письмо…* — На готовность Авдотьи Петровны заключить себя в монастырь ради счастия Жуковского и Маши Екатерина Афанасьевна ответила возмущением и негодованием в апрельском письме 1814 года: «Дуняша, милый друг, ты меня ужасаешь; что это за предложение ты мне делаешь? Ты все забыла: Бога, детей, Машу, твои должности, о себе я уже не говорю; ты ни о чем не думаешь, кроме страсти Василья Андреевича, и для удовлетворения ее ты все бросаешь. Какая мысль у тебя о Боге? 〈…〉 Погубить твоих невинных детей, тебя заключить в монастырь, позволить в любодеянии жить дочери — церковь не признает брака между родными — и быть счастливой, как ты говоришь, Дуняша, каким ты меня извергом воображаешь?» (УС. С. 290).

[2] *Моя Машка больна!* — Речь идет о Марии Васильевне Киреевской (1811—1859), дочери А. П. Елагиной и В. И. Киреевского.

[3] Дата устанавливается на основании упоминания о поездке Жуковского к И. В. Лопухину, о которой поэт писал в письме к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 года: «25 этого месяца буду у Ив〈ана〉 Владимировича 〈…〉» (ПЖТ. С. 116).

[4] *Воейкова еще нет!* — В письме к А. И. Тургеневу Жуковский писал 5 мая 1814 г. из Черни: «Он отсюда уехал 〈…〉 Я писал к тебе об этом, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Опять повторяю свою просьбу» (ПЖТ. С. 117).

[5] *… судьба велит мне ехать к Павлу Ивановичу* — Павел Иванович Протасов (1760—1828), брат А. И. Протасова, дядя Маши и Саши Протасовых, орловский вице-губернатор, выступал на стороне Жуковского в истории отношений с М. А. Протасовой.

[6] *… с ними еще томик Деток Аббатства* — Речь идет о романе английской писательницы Марии Рош (Rosch Regina Maria, 1766—1845), переведенном на русский язык под названиями «Дети Аббатства» (изд. 1802—1804 гг.) и «Дети Довретского аббатства» (1805 г.).

[7] *И оду Карамзина возвращаю* — Речь идет об оде Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра. (Посвящено московским жителям)». Отд. изд. — СПб., 1814, с посвящением: «добрым москвитянам».

земским, который говорит об этой оде с восторгом[1]. А у него вкус верный. Уж не ошибся ли я? Еще раз перечитаю. Увидим. Подробного слова писать к вам, милая и прелестная душа моя, некогда. Сейчас едем с Марьей Николаевной в Орел[2]; а оттуда еду к Ив⟨ану⟩ Владимировичу. Там напишу к вам поболее. Благодарю вас за бесценное письмо. Я возвращусь к Плещеевым 29-го[3], и оттуда его к вам пришлю. Теперь нечего другого сказать, как *дружба* за *дружбу* и навсегда.

Автограф неизвестен.
Впервые напечатано: РС, 1883, № 2. С. 437.
Печатается по первой публикации.

14. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

До 5 мая 1814[4]

Милый брат мой, сегодня для праздника весны получила милое письмо ваше; — давайте руку, друг! брат! Я смело кричу вам: *счастие!* Боже мой! Неужели нами управляет не добрый отец? не справедливый и не нежный? Прочь сомнения и все *mésententes*![*] Они и с людьми убийцы всего хорошего. — Спешу отвечать вам *немедленно*, как вы требуете и повторяю вам все, что сказала в том письме, которое вы еще не получили и которое, благодаря глупой нашей осторожности, вы, может, и долго еще не прочтете. Я по вашему совету адресовала его на имя Плещеева. Александр мой оставил его в Черни[5] и не сказал вам ни слова, не заботясь о том, что *единственно* для этого он был и послан. Теперь бросся все эти расчеты, адресую просто на имя ваше, а вы и то письмо достаньте, милый, оно докажет вам, что я не виновата ни в забвении, ни в холодности, и что вы можете иметь ко мне *доверенность*, *полную веру* в мое сердце, и тогда даже, когда я *кажусь* виновата. — Или покажусь! что все равно!

---

[1] *У меня здесь экземпляр, присланный Вяземским, который говорит об этой оде с восторгом* — Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) — князь, поэт, журналист, литературный критик; участник Отечественной войны 1812 г.; один из главных участников литературного общества «Арзамас»; в 1818—1821 гг. чиновник канцелярии Новосильцева в Варшаве, в 1832—1846 гг. вице-директор Департамента внешней торговли, впоследствии товарищ министра народного просвещения.

Вяземский находил, что стихи оды Карамзина «сильны», «богаты и мыслью и выражением»: «У вас в Петербурге и понятия не имеют о таких стихах» (ОА. Т. 1. СПб., 1899. С. 22, 24).

[2] *Сейчас едем с Марьей Николаевной в Орел…* — См. примечание к письму 6.

[3] *Я возвращусь к Плещеевым 29-го…* — А. А. Плещеев (1778—1862), см. примечание к письму 8.

[4] Дата устанавливается по ответному письму Жуковского от 5 мая 1814 года.

[5] *Александр мой оставил его в Черни…* — Возможно, речь идет об Александре Петровиче Петерсене (1800—1890), сводном брате А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг. А. П. Петерсен учился в Дерпте, в московском салоне Елагиных познакомился с А. С. Пушкиным. В детстве жил в семье Киреевских, в Дерпте — у Воейковых и Мойеров; в 1840-х гг. поселился в Мишенском у А. П. Зонтаг (УС. С. 124).

Я говорила с баронессою, и буду говорить еще, до тех пор, пока я пришлю письмо, вы, друг мой, *лучше* сюда не ездите! Это мы сегодня придумали все трое, Жуковский! у вас здесь *много* собственности! ежели и взять мое одно сердце, можно бы быть довольным, а тут еще два, *точно родные!*

Баронесса *не совсем* с нашей стороны, но осудить совсем *боится*, писать так же никак не хочет, особливо потому, что барон *ничего* этого не знает и не подозревает. Он хоть и не хуже всяких монахов читает святое писание, но ежели сказать ему все, конечно, будет с нами согласен. Я едва одна не решаюсь от *себя* вверить ему нашу тайну; для того, чтобы получить ваше позволение на это, посылала этого умницу Александра, и пришлось опять оставаться при том же. Благословите, милый, сказать? Vous ne serez compromis en rien, d'ailleurs, si, comme je l'espère, tout s'arrange selon nos désirs, en ce qu'il ne le saura pas également? quelques semaines plutôt!**. Вот что баронесса тогда *написать* может: что убивать самой детей своих ужасно! что должна любовь и доверенность заменять то, что отнимает должность[1], что об *решении* этого должно стараться общими силами, выпрашивать совету умных и знающих людей, что должно спросить у Орловского Архиерея! и пр. Завтра у Петруши лихорадочный день, и я осталась с ним, послезавтра еду к баронессе, буду *опять* просить, опять уговаривать, ежели найду время, ибо барон удивляется нашим хлопотам и не оставляет нас ни на минуту; если получу от вас позволение, то во вторник еду опять к ним — и так не медлите отвечать! На *его голову* можно столько же надеяться, сколько на *ее сердце!* — Вы мне, милый, советуете писать; я, пожалуй, буду, и буду писать охотно, если вы мне позволите *быть искренней*. Ежели я буду говорить об одних вас, то, боюсь, что *ничего* не сделаю, позвольте мне говорить о *Машином* счастии! Право, пока будете так скрываться от Маменьки, ничего хорошего сделать никому нельзя! — Что сделаем мы, пока она думать будет, что Маша этого не хочет и что она будет тут жертва. Скажите Маше от меня, что на коленях прошу ее *сказать* Маменьке о своей к вам привязанности. Когда-нибудь решиться надобно! Лучше в тысячу раз, чтобы Маменька узнала это от нее *прежде,* нежели от других. Попросите мне у Маши позволения говорить об ее чувствах так, как я знаю от вас! — И потом вы увидите, милый, что я буду говорить то, что думаю и чувствую, и чувствовала. Баронесса советует *очень* вам не спешить, дать *Воейкову жениться, тогда* уже делать все (et réunir tous les moyens***). Меня отправите в Севск — он много нам поможет, а теперь *не смеет*. Я даже и на Дерпт надеюсь, там не будут хоть *людей* бояться, а и это много. Еще словечко, хоть и насилу сижу: меня очень огорчило гадкое выражение в письме вашем; пускай всякое чувство *гниет во мне вместе с душою!* Боже мой! Неужели только *доползти* до гроба и *полно*? Что бы ни было, разве не целая *вечность* перед нами? Жить для этой *одной* жизни не ваше дело!

---

[1] *... должна любовь и доверенность заменять то, что отнимает должность... — Доверенность* — в значении «доверие». У Даля: «чувство или убеждение, что такому-то лицу, обстоятельству или надежде можно доверять, верить» (Даль. Т. I. С. 449). *Должность* в значении «долг, должное, что должно исполнить, обязанность» (Даль. Т. I. С. 461).

А там ничто не разделит, ни люди, ни законы, ни гроб, ни зло! *вечно вместе!* и вечно счастливо. Это стоит того, чтобы поберечь душу несколько времени! Вы же *уверены* в ее *сердце*! — Этого другому довольно бы и на эту жизнь! Но я уверена для вас и *в счастии* на *обе!*

К M. de Моро деньги давно отправила[1], а ответа еще нет.

Сестры вас обнимают. Я им прочла первое ваше письмо и, право, кроме того, что там нет ничего лишнего; они стоят вашей доверенности полной; — они вас любят как брата, искренно, нежно и сильно.

Перевод

* разногласия (*франц*.).

** Вы не будете ничем скомпрометированы, впрочем, если, как я на это надеюсь, все урегулируется согласно нашим желаниям, он тоже этого не узнает в течение нескольких недель (*франц*.).

*** и собрать все средства (*франц*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 5—6 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 8—9.
Впервые опубликовано: Российский литературоведческий журнал, 1997, № 11. С. 244—246.
Печатается по автографу.

15. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Вторник, 5 мая 1814 г. Чернь

Милая моя сестра, какие два письма я от вас получил. Не доброе ли дело иногда и горе? Оно сильно дает чувствовать и нужду в прямой дружбе, и действие прямой дружбы. Вы в первом письме своем говорите, что вам грустно, что я имею нужду в вашей дружбе. Это не имело бы никакого смысла, если бы моя бедная судьба не была толкователем ваших слов: вам грустно, что в вашей дружбе ищу *подпоры*. В хорошее время, когда все вокруг весело, довольно и одной общей мысли, что любим и любишь, но когда тонешь или валишься в ров, то хватаешься за соломинку, и великое счастие, когда вместо соломинки встретишь руку друга, которая хотя немного согреет сердце. Еще вы спрашиваете, *на что мне ваша дружба*? Право, не знаю, как этот вопрос забрел в ваше письмо, и никак не могу понять, что могло заставить вас его сделать. Неужели вы думали в эту минуту о прошедшем? Пропади и самое об нем воспоминание. Я поехал с Воейковым в прошедшую субботу из Муратова в Орел, где встретил Плещеевых, и первое, что мне попалось в руки, было ваше письмо — милое, утешительное. Я собрался было ехать к вам на другой же день. Но лошадей у меня не было; а Плещеевы сами

---

[1] *К M. de Моро деньги давно отправила…* — Шарлотта Моро де ла Мелтиер. См. примечание к письму 12.

должны были ехать в понедельник; почему я и решился остаться до их отъезда. Вчера, то есть в понедельник, мы отправились из Орла и приехали сюда, в Чернь, ввечеру. Я с тем намерением, чтобы на другой же день отправиться в Долбино, к своей доброй сестре, освежить подле нее душу, которая жестоко стеснена и так пуста, что едва ли что осталось в ней на жертву ничтожеству. Но ваше письмо остановило меня, и точно, эта остановка для меня большая тягость. Я много люблю Анну Ивановну[1] и знаю, что она имеет ко мне дружбу неограниченную, но никогда не говорил с нею таким языком о себе и об Маше, как в последний раз с вами в Долбине. Теперь это еще мне нужнее. И живое горе все-таки есть жизнь. А мертвое страшнее смерти. Теперешнее мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие. Для меня было бы величайшим наслаждением попасть в горячку, в чахотку или что-нибудь подобное и увидеть вдруг вблизи *прелестный край чудес*[2]. Но этого вожатого еще нет; а самому броситься без лодки *в ужасный поток, который грозно мчится по скалам*[3], нельзя, не должно — сиди на пустом берегу и рвись с досады, глядя на *ту сторону*, где все так прекрасно или по крайней мере так тихо. Пускай всякое чувство гниет вместе с душою. Это выражение вам не понравилось. Вы показываете на вечность. Но что бы отвечал вам человек, зараженный неизлечимою болезнию, и которому вы бы сказали, что ему еще долго жить остается? Да на что же жить с болезнию? А здешняя жизнь, согнившая в бездействии всех чувств, не есть ли зараза, неизлечимая и для вечности? Здешняя жизнь есть то же, что младенчество. Она так же, как младенчество, готовящее нас для зрелых лет, готовит нас для вечности. Что будем мы там, если мы здесь *ничто*? А мое здешнее *все* в одном. Пропади оно, все пропало.

Грядущее для нас протекшим лишь прелестно! Но для чего все эти отступления? Воейков уверяет, что я слишком болтлив в своих письмах и никогда остановиться не умею. И стану вам отвечать по порядку. Вас ободрило и обрадовало то, что хотят знакомиться с Ив⟨аном⟩ Владимировичем. Не слишком ободряйтесь. Это я написал вам еще прежде нашего объяснения с тетушкою. Между прочим я ей сказал и об Ив⟨ане⟩ Владимировиче. Вот ее ответ: «*Если мнение Ив⟨ана⟩ Влад⟨имировича⟩ с твоим согласно, то это только переменит мое об нем мнение*». Признаюсь вам, ее сердце для меня весьма часто есть ужасная загадка. Неужели для нее важнее остаться правою в своих мыслях, нежели дать нам счастие? В противном случае, как бы не поколебаться, как бы хотя минуту не подумать, что она может ошибаться и что ошибка эта может нарушить счастие целой моей и Машиной жизни. Да, и Машиной. Ибо в ее привязанности ко мне она более не сомневается. Маша сама с нею объяснилась, сказала ей *все*

---

[1] *Я много люблю Анну Ивановну*… — Анна Ивановна Плещеева (Нина, урожд. Чернышева, ум. 1817), жена А. А. Плещеева, владельца Черни, друга Жуковского.

[2] … *прелестный край чудес* — Последний стих чернового автографа стихотворения В. А. Жуковского «Желание» (РНБ, оп. 1, № 12, л. 52).

[3] … *в ужасный поток, который грозно мчится по скалам*… — 24 стих «Желания» Жуковского (1811 г.).

и прибавила то же, что я, то есть, *что спокойствию ее готова жертвовать собственным*. Но скажите, возможно ли ж для нее какое-нибудь спокойствие? Что же? Она думает только о том, как бы это скрыть от других. Боже мой! Что пользы, когда другие будут воображать нас счастливыми, если для нее не будем мы счастливы! И кто же другие? Все те, которые вокруг нее *знают*; а для тех, которые *вдали*, можно ли надевать такую маску, которой они и видеть не будут и не захотят. Не смотря на то, все не теряю надежды на Иван⟨а⟩ Владимир⟨овича⟩. Мы были у него с Воейковым. Он обещал написать письмо *от себя к Воейкову*, в котором хочет представить доказательства, взятые из самого Евангелия, что это не есть преступление. По крайней мере она увидит, что жертва эта не Богу, а ее спокойствию и пускай приносит ее.

Знаете ли, что более всего меня тронуло в том, что вы говорите о Баронессе? Ее мысль, что *Маша не будет счастлива*. Эта мысль наполнила сильною горестью мое сердце. Баронесса, добрая, чистая душа, во мне сомневается и в чем же сомневается? В том, что я не способен осчастливить этого ангела. Это мнение поселило во мне какую-то горькую, унизительную недоверчивость к самому себе! Боже мой! если это правда! Если я отнял у Маши спокойствие без всякого права на то, чтобы чем-нибудь за то вознаградить ее? Это значит, что и тогда, когда бы и никаких препятствий не было, я бы не должен был думать о таком счастии! Что же мне останется, когда и на сожаление о потере его не могу иметь права! Тут не нахожу ничего сказать в свое оправдание! Объясните, только ли это думала баронесса! и почему она так думает! Мне остается только одно, искреннее, непритворное желание дать ей счастие и искать его в добре, во всем, что может быть достойно человеческого сердца! Найду ли его для нее? Способен ли быть ей в этом товарищем — как сказать решительно? Но разве тот, для кого только нужно, чтобы мы *стремились,* не укажет мне прямой дороги? Верно только то, что желаю найти эту прямую дорогу и что для меня *единственное* на это средство.

Я сам думал, что она не согласится писать *мимо* барона[1]. Думаю также, что нет никакой беды ему открыться. Но знаете ли какой способ привлечь его на *нашу* сторону? Дать ему наперед почувствовать, что вы уже почитаете его согласным с нами во мнении. Начните тем, что скажите ему о мнении Ив⟨ана⟩ Влад⟨имировича⟩, давно ко мне писанное, которое прилагаю и в котором есть слова два *об нас*. Если он будет с нами согласен, то баронесса уже не поколеблется и напишет гораздо сильнее. И так все теперь зависит от вашего красноречия. Но говорите с ним и с нею *от себя*. Чтобы они и не думали, что это все по моей просьбе. Мои письма покажите *от себя же*. И найдите сами объяснить, по какой причине эти письма у вас. Хорошо, когда бы они написали или теперь, или в начале будущего месяца. Вот почему. *Тетушка 12 числа едет к Павлу Ивановичу*, оттуда в Коренную. Эти путешествия ослабят или и совершенно уничтожат в ней

[1] *... она не согласится писать мимо барона* — Барон — И. П. Черкасов, см. примечание к письму 11; *она* — баронесса Мария Алексеевна Черкасова (урожд. Кожина, умерла 1817 г.), первая жена Черкасова И. П.

впечатления, сделанные письмами барона. В половине же июня будет Воейков — он нам поможет. К тому же времени поспеет и письмо Ив⟨ана⟩ Владимир⟨овича⟩, которое отдадим при случае. Между тем и Досифей[1] будет приготовлен — если только можно его приготовить. Я нынче отправил к Тургеневу эстафету[2] и велел ему приготовить два письма к Досифею. Одно послать теперь же. Другое доставить ко мне, которое отдадим ему тогда, когда говорить решимся. Уведомьте немедленно, как вы обо всем этом думаете. Если теперь не станете говорить с бароном, то мне к вам приехать будет можно. Буду у барона и не скажу ему ни слова. А у вас проживу с неделю.

Я забыл вам сказать, что Ив⟨ан⟩ Вл⟨адимирович⟩ будет посаженым отцом Воейкова, следовательно, будет на свадьбе, следовательно, может объясниться и словесно.

Вы спрашиваете, говорить ли вам об Маше? Говорите и верьте, что она вместе с вами говорить будет. Она уже и говорила. И Саша во всяком случае объявляет свободно свое мнение. Не бойтесь только того, когда Екат⟨ерина⟩ Аф⟨анасьевна⟩ скажет вам в ответ, что уверена в Машином равнодушии — она уверена в противном.

Вас огорчило мое выражение насчет Авд⟨отьи⟩ Ник⟨олаевны⟩. Это моя судьба — предаваться первому движению, открывать его и потом раскаиваться. Слово *презираю* ее есть первое движение. Но я имею право сказать его только в отношении ее ко мне дружбы. Я имел право ожидать участия — но мне показана одна холодная нечувствительность. Не было ни одного ответа на мои письма, и все мимо меня сказано тетушке. Фанатизм может управлять мнениями; но разве он может делать предателем доброе сердце? Я не имею права требовать от нее согласия со мною в образе мыслей и ее противоречие не оскорбило бы меня. Но ее поступок — предатель мой, а всякое предательство заслуживает ненависть и презрение. Ни на одно из дружеских писем моих она не отвечала. Недавно получил от нее большой и *дружеский* ответ, но на какое же письмо, на то, в котором я делал ей упреки. Несмотря на то, и это письмо меня бы тронуло, если бы в руках тетушки не было уже *того*, которым она ее против всего вооружила. Такая поспешность губит людей, такое несомнение в самой себе ужасно, зато она и может теперь навсегда хвалиться перед собою тем, что единственно ей буду обязан уничтожением всего, что могло льстить меня в жизни. Как могла она не подумать, взявшись за перо, что письмо ее может иметь влияние на целую жизнь *двух друзей*? Письмо написать недолго! Но что, если она обманулась! Чем поправить?

---

[1] *Между тем и Досифей будет приготовлен…* — Досифей, Орловский архиерей, в миру Ильин. На него возлагали надежду в решении вопроса о возможности женитьбы Жуковского.

[2] *Я нынче отправил к Тургеневу эстафету…* — Александр Иванович Тургенев (1784—1845), питомец Благородного пансиона при Московском университете и Геттингенского университета, общественный деятель, литератор, археограф, близкий друг и единомышленник В. А. Жуковского, брат Андрея, Николая и Сергея Тургеневых, участник арзамасского литературного объединения (его прозвище — «Эолова Арфа»). А. И. Тургенева и В. А. Жуковского связывала сорокалетняя дружба, основанная на глубоком духовном и идейном братстве.

«*Слушайте, друг,* — пишете вы, — *всегда ли так будет? Опять покажут вам то, чего нет. Боюсь очень; а через 2 недели и более бояться буду*». Милая, верьте одному, что нет человека искреннее меня. С вами сердце открылось и теперь всегда открыто будет. Что дурное всползет на него, то не будет спрятано. И станем очищать вместе. А опыт дал мне верное правило: в дурном верить одному себе. Прямодушие же всегда заставит сверяться. И так на этот счет будьте спокойны и спокойны не на 2 недели, а на всю жизнь. Я имею одну добродетель bonne foi*. Никто более меня не боится несправедливости и не имеет такой готовности признаваться, когда был или есть несправедлив. Все *наружное* мне противно. А голос прямой дружбы всегда прямо в душе моей отзовется.

Это письмо *для всех трех*[1]. От них обеих ничего не хочу иметь скрытного. Я просил вас не показывать первого моего письма не от недоверчивости, а потому только, что оно написано в первом движении — следовательно, и вам бы не надобно было его видеть. Но что же мне делать с собою? Я всегда буду слишком виден. Лучше перестать заботиться о dēcorum**.

В заключение словечко о себе. Я простился с ними на месяц и буду бродить подле ворот рая, не смея в него заглянуть до приезду Воейкова. Этот карантин меня не вылечит. Больница моя, в которой есть верный лекарь, стоит за *рубежом* — знаете ли этот рубеж? Подагрик крепко охает. Между тем сердце бьется, смотря на то, что вместе с этим бедным страдальцем гибнет. Что, если мне суждено положить его в гроб, а вместе с ним и все? Ничего пустее и гнилее не представить той жизни, которую он мне после себя оставит. А вы еще утешаете меня вечностью. О, вечность, прекрасная бездна! да только бы поскорее! Совсем не нужно для того, чтобы ею наслаждаться, ползти до нее по навозу и тине. — Поэзия! Но поэзия и счастие одно и то же! Можно с большим наслаждением ковать подковы или строгать доски, чтобы рассеять себя усталостию! Но писать стихи — для этого нужно быть в свете, иметь надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслию сливается нечувствительно и земное воспоминание о том, что мило в жизни! Я был бы не то, когда бы был счастлив; и ничем не буду, если не буду иметь счастия.

Простите. Дайте поскорее с собою увидеться. Право, это большая для меня необходимость. Детей перецелуйте и уведомьте о Петушке. Важная просьба: первое — подарить красный шалевый платок[2], который вы мне дали на дорогу, отпуская меня из Долбина. Он что-то очень мне мил с того времени. Другая, в которой вы и не подумаете мне отказать, дать мне *половину Машиных волос*, которые она отдала вам прошлого года в Орле и которым я так жестоко завидовал. Я тогда не думал, что мне можно будет их у вас просить. Милая, ради Бога, не откажите.

---

[1] *Это письмо для всех трех* — Речь идет о сестрах Авдотье, Анне и Екатерине (Като), урожденных Юшковых, живших тогда в Мишенском.

[2] *Важная просьба: первое — подарить красный шалевый платок…* — Шалевый платок — большой вязаный платок.

Перевод

* правдивость (*франц.*).
** внешнее приличие (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 437—442.
Печатается по первой публикации.

16. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

22 мая 1814 г. Чернь

Отчего вы не написали ко мне ни словечка с Иваном Никифоровичем[1], голубушка Дуняша? Я остался здесь нарочно, чтобы дождаться от вас письма и с ним вместе письма из Муратова, и теперь должен уехать, ничего не дождавшись. Вчера мы посылали в Муратово. Нынче посланный возвратился — там никого нет. Одна Наталья Андреевна[2]. Она ко мне пишет и уверяет, что все здоровы и здоровее. Я сам нынче в ночь отправляюсь в Орел; но поеду через Муратово, чтобы увидеться с Марьею Николаевною, которая завтра же едет на ярмарку. От нее я получил записочку сию минуту через Морленкура, который у нас с Мену[3], но в этой записочке нет ни слова в ответ на мое письмо. Получила ли она его? Не потеряно ли оно нашим посланным? Или дошло ли до нее и не задержала ли его тетушка? все это бунтует в моей голове и не дает мне покоя. Впрочем, чего же ждать? Кажется, это для меня на сем свете дело решено, а остается ждать только одного: *на своей улице праздника*. Жду его с нетерпением и с досадою на неизвестность. Никакого желания живее этого не имею и никакая другая надежда не имеет для меня такой прелести. Не сердитесь на меня, милая, и не скучайте моими элегиями: я сам знаю, что лучше всего молчание; но иногда, право, хочется бросить два или три слова в сердце друга, ведь это не на ветер. — Смотрите! чтобы я непременно нашел от вас письмо после своего сюда приезда! А теперь простите! Еду нынче в ночь.

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 443.
Печатается по первой публикации.

---

[1] *Отчего вы не написали ко мне ни словечка с Иваном Никифоровичем…* — Гринев Иван Никифорович, уездный учитель в Белеве, дававший уроки сестрам Протасовым. Его сделали управителем в Долбине.

[2] *Одна Наталья Андреевна* — Наталья Андреевна Азбукина, сводная сестра Протасовых, жившая в 1814—1815 годах в семьях Протасовых и Киреевских.

[3] *...получил записочку сию минуту через Морленкура, который у нас с Мену...* — пленные французы, жившие в доме Плещеевых в Черни.

17. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Чернь, 1814 г., в конце мая или начале июня[1]

Вместо себя посылаю вам Максима[2]. Вы, верно, милая Дуняша и сестры, не рассердитесь, что я отложил мою к вам поездку дни на два — причиною этому письмо Марьи Николаевны[3], которое к вам посылаю. Прочитайте его и вы увидите, что мне нельзя было к ней не поехать. Она грустна. Начинает строить свой дом и не знает, с чего начать. Я предпочел лучше ехать теперь, нежели после — теперь тетушки там нет и я уеду до ее возвращения. Нынче там ночую, а завтра опять возвращусь в Чернь. Вас же прошу прислать мне в Чернь дрожки с тройкою лошадей; высылайте их завтра, чтобы они могли переночевать в Черни; а в Пальну подставу. Здесь лошадей нет. Нанимать же — нет денег. Это роковое *нет* даст вам чувствовать, что вы должны приготовить мне рублей 300 (если есть); по возвращении Воейкова, который взял у меня 300 рублей, отдам вам эти деньги.

Я получил от Тургенева письмо — он писал прежде, нежели я этого требовал, туда, куда надобно. И Ив⟨ан⟩ Влад⟨имирович⟩ писал — и там все слажено. Но все это едва ли не напрасно! Еще кое-что есть у меня в запасе — я все это к вам привезу; мы помечтаем вместе и… только.

Но зачем же вы себя упрекаете? И в чем? Неужели в желании сделать все для нашего счастия? Какой удачи ждать с теми людьми, которые служат кровожаднейшему из всех идолов, Молоху *Я*? Самые наши неудачи имеют для меня прекрасную сторону! Они все доказательства вашей бесценной дружбы! Прочитав письмо Марьи Николаевны, вы еще более полюбите ее. Que n'est-il riche et pauvre qil est si généreux!* Я писал к ней от Ив⟨ана⟩ Влад⟨имировича⟩. Дай Бог, чтобы те чувства и те мысли, которые au beau milieu de la lettre** родились у меня в душе, навсегда в ней остались. Они были бы моим спокойствием и дали мне много той твердости, которая нужна для того, чтобы не умереть заживо и жить, пользуясь жизнию. Теперь поддерживает меня мысль, что я уже ни от кого и ни отчего не зависим. Тетушка ни дать мне ничего, ни отнять у меня ничего не может. Разве мы с Машею не на одной земле и не под одним отеческим правлением? разве не можем друг для друга жить и иметь всегда в виду друг друга? Один дом — один свет, одна кровля — одно небо не все ли равно? А будущее все еще наше! То, чего мы *желали*, не исполнилось и, вероятно, не исполнится! *Желание* можно переменить — а цель останется все одна и та же! Будучи у вас я об этом к ней напишу. От нее единственно зависит дать мне еще много счастия! Она одна может заставить меня или

[1] Дата устанавливается на основании упоминаемых событий: Жуковский переписывается с М. Н. Свечиной, планирует поездку к ней и к И. В. Лопухину (Дневник 1814. ПСС2. Т. 13. С. 68—76).

[2] *...посылаю вам Максима* — слуга Жуковского, часто упоминаемый в стихах, ему посвящено шуточное стихотворение «Максим» (1814).

[3] *... письмо Марьи Николаевны...* — М. Н. Свечина, см. примечание к письму 6.

уважать жизнь или ее презирать. До свидания, милый друг! Надобно быть выше судьбы своей! А я еще много имею! Могу сохранить все свои чувства — теперь на них никто иметь права не может — могу свободно презирать и несправедливости, и кровожадные суеверие и эгоизм, украшенный маскою добродушия. Напишите мне все *свои* мысли *об этом* — я буду их беречь. Такого рода мысли должны быть для меня *написаны*, дабы в случае нужды принять их как крепительное.

Письмо Марьи Николаевны мне возвратите, то есть оставьте у себя до моего приезда, чтобы отдать из рук в руки.

Перевод

* Будь он беден или богат, он всегда великодушен! (*франц.*).
** посередине письма (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 443—445.
Печатается по первой публикации.

18. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1814[1]

Жаль и мне, милый брат, что болезнь моих ребятишек мешает мне взглянуть на добрую нашу Марью Николаевну. Голубушка! Какое *богатое* сердце, как бы хотелось ее обнять крепко и за это милое письмо, и за те чувства, которые *родились в вашей душе* к ней писавши, может быть, ее милая дружба выпросила их у Бога! — Мне бы очень было грустно, если бы вы к ней не поехали, это немного бы на вас похоже не было. С такою богатой душою можно быть несчастливой. Боже мой! что за прелестная жизнь, через которую не знаешь, как бы поскорее перескочить!

Ваше письмецо сильно встревожило мою душу! — Много разных чувств беспрестанно в ней меняются! Иногда кажется мне, будто вы меня вытащили из какого-нибудь страшного рва, а иногда боюсь опять туда упасть. Мой друг! На вашей великой душе основано счастие многих, и точно *все счастие* Маши! — Я наперед знаю, что она вам будет *отвечать*, и вижу эту радость, с которой читать будет ваше письмо. Хотела вам написать *ответ* на то письмо, которое вы к ней писать *собираетесь*, и это вместе был бы ответ на то, что мне вы велели *написать* себе, но до свидания! Теперь сердце слишком полно! А подле меня Полонская[2], которая удивляется и красным глазам моим, и биению сердца, и дрожанию. — Милый, хочется вас увидеть! — вы еще привезете *запасу* мечтам моим? Хороши

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского, в котором он сообщает о письме Марии Николаевны, пересылаемом теперь Елагиной.

[2] *А подле меня Полонская*... — Пелагея (Полина) Андреевна Полонская — одна из белевских знакомых А. П. Елагиной и В. А. Жуковского, будущая вторая жена И. П. Черкасова.

они были! — и тяжело будет с ними расставаться! — вы спрашиваете, *в чем* я себя упрекаю? Ну ежели теперь, *когда все слажено*, с ⟨*1 нрзб.*⟩ не спросится, от того, что *я* об этом просила? — Куда как будет нужна моя дружба? — Одним этим словом, что тут *все слажено*, вы заставили меня воротиться в Сурьяново[1] и принять ответ за блаженство! — Милый Жуковский! Мне досадно на себя, безделица веселит меня и возвращает надежду; — многие *ощутительные* несчастия давно бы должны были прогнать и легковерие, и мечтательность; между тем, что-то вы скажете! — а письмо Машенькино zettel!* — да еще и какое!..

Посылаю вам, брат милый, деньги, которые вы приказываете. *Разумеется*, что у меня есть всегда. Знаете ли, что скоро я буду очень богата? Лес мой продается! — Пожалуй, хоть в Париж, хоть в Лондон! — Между тем, благодарствуйте, милый, милый друг! — Часто у себя спрашиваю, неужели в самом деле вы меня любите? И протираю глаза, чтобы убедиться, что это, Слава Богу, *не сон*!

Посылаю вам еще листочек, давно мною написанный в моем альбоме, в нем много похожего на то, что вы писали ко мне, и *мне очень приятно*, что *мой братец так* ⟨*нрзб.*⟩! — Adieu, mon cher, mes enfants vous embrassent, hier nous avons été bien loin de votre rencontre**.

Перевод

* листок (*нем.*).

** Прощайте, мой дорогой, мои дети вас целуют, вчера мы были далеки до встречи с вами (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 13, л. 4—4 об.—5.
Печатается по автографу.

19. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1814 г., должно быть в мае. Чернь

Здравствуйте, милая сестра. Каковы вы? все ли вы в добром здоровье? Были ли вы здоровы с тех пор, как я имел честь вас видеть? и прочее. Что Ангел-Маша (я говорю о вашем Ангеле). Что Ваня и Петя? Одним словом, что все милое Долбинское мое? — А Воейкова еще нет! и я хорошо бы сделал, когда бы от вас не так спешил. Теперь не трогаюсь с места и жду его прибытия. Между тем скажу вам новость. Свечин пишет к тетушке письмо, и в нем стоят следующие конфекты[2]. (Копию этого письма прислал он к Марье Алексеевне, а она его показала Плещеевым).

---

[1] *... вы заставили меня воротиться в Сурьяново...* — Сурьяново (Сурьяниново) — село в 25-ти верстах от Муратова, принадлежавшее до середины 1813 г. А. А. Плещееву и купленное затем Е. А. Протасовой. Сурьяново дало название «сурьяновским планам» о счастливой семейной жизни Жуковского и М. А. Протасовой после их свадьбы.

[2] *Свечин пишет к тетушке письмо и в нем стоят следующие конфекты* — Свечин Николай Петрович (1776—1823), военный переводчик, автор комедий, муж М. Н. Свечиной

Ne précipitez rien, voyez, considérez et surtout, gagnez du temps, c'est là le creuset où l'amour vrai s'épure. Le caractère, la conduite, les qualités du coeur, tout paraîtra au grand jour — je ne puis vous en dire d'avantage. Votre chère Alexandrine, qui maintenant ne voit que par vos yeux, n'agit que par vos conseils et n'aime que par votre coeur, une fois mariée, cette chère ne peut être ni heureuse, ni souffrir à demi. Gardez-vous d'ensevelir dans la même tombe une femme malheureuse, une mère au désespoir, une soeur tendre et sensibe, *un ami véritable et si digne de l'être, le seul que vous avez, qui sacrifia toute sa vie, et qui, par un élan de son bon coeur, malheureusement participe* à l'évènement qui vient d'attrister la plupart de ceux qui vous aiment véritablement. Ils pensent à moi et, par une fausse délicatesse, ne se hasardent pas à vous dire la vérité*.

Как вам это кажется? Я написал к нему об этом и письмо мое посылаю к вам незапечатанное; запечатайте его и доставьте ему.

О себе нечего сказать ни доброго, ни худого: здорово, скучно, грустно, пусто, глупо. Вот и все.

Перевод

* Не спешите, наблюдайте, смотрите и особенно выигрывайте время, тогда в горниле очистится настоящая любовь. Характер, поведение, свойства души — все однажды придет великим днем. Я не могу вам сказать об этом заранее. Ваша дорогая Александра, которая все видит вашими глазами, следует только вашим советам, любит вашим сердцем, выйдя замуж, это дорогое существо не может быть ни наполовину счастливой, ни страдать наполовину. Остерегайтесь похоронить в одной могиле несчастную женщину, отчаявшуюся мать и нежную, чувствительную сестру, *настоящего друга и такого достойного быть им, единственного, который у вас есть, который посвятит всю свою жизнь и который по устремлению своего доброго сердца, не всегда счастливого*, участвует в событии, которое опечалило большинство тех, кто вас действительно любит. Они думают обо мне и из ложной деликатности не отваживаются сказать вам правду (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 445.
Печатается по первой публикации.

20. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Чернь. В июне 1814 г., писано в Долбино [1]

Милый дружок или лучше сказать милые дружки, мои большие и малые, являйтесь все к нам. Воейков здесь да и Муратовские здесь. Я поехал было провожать Воейкова только до Муратова и хотел его отпустить одного к Пав⟨лу⟩.

(урожд. Вельяминовой), племянницы Жуковского. *Конфекты* — устар., производное от слова «конфеты».

[1] Дата устанавливается на основании указания на предстоящую поездку Жуковского и Воейкова к П. И. Протасову, которая состоялась в конце июня 1814 года (Дневник Жуковского 28—29 июля. ПСС2. Т. 13. С. 77—80).

Ив⟨ановичу⟩. И худо бы сделал. Там меня любят и *хотят*. Это словечко объяснит вам Маша. Только прошу не прыгать и не строить Сурьяновских[1] планов. Ничего нет. Приезжайте. Я принят был прекрасно, сердце было опять начало бушевать. Mais ce beau n'est qu'un beau idéal*. Ни на пядь от того, что уже довольно прочно сидит в моем сердце. Я чувствую в себе какую-то гордую независимость. Только умом постигаю возможность лучшего, но не хочу этой возможности отдавать на аренду своего сердца. Оно все отдано тому сокровищу, которое имею, которого отнять у меня никто не может, которое может только увеличиться и никогда, никогда не может уменьшиться. А увеличит его верно тот, у кого власть всемогущая и воля прямого Отца. О! ему весело отдавать в проценты свою сумму. Не успеешь оглянуться, как она и вдвое. Я чувствую, что душа возвышается от одной этой мысли. Напрасно боялись вы *капли*, которая мою пустоту может переполнить. Ничто не может взволновать в моей душе того, что в ней *начало укладываться*. В ней все то же, то же навсегда — захочу ли потерять лучшую свою драгоценность — но это то же само по себе стало лучше. Оно освещено прекрасным и возвышенным светом. Вся жизнь будет посвящена тому, чтоб этот свет час от часу становился ярче и чище.

О прочем здесь останемся беспечны[2].

То есть будем иметь беспечность младенца, которому только и думать *о игрушках* на руках доброго отца. Не правильно ли это сравнение? Маша, мой *добрый Ангел*, весела и здорова и на мой счет покойна. Она читала мое письмо к М⟨арье⟩. Ник⟨олаевне⟩ и верит ему. Это главное! О! для меня много, много еще в жизни осталось. А будущее? Разве не может оно быть прекрасным. Будь сам только лучше. Anathème au désespoir! Rien de plus bas et de plus criminel que le désespoir**.

Мы с Воейковым едем к Павлу Ивановичу[3]. Все, что здесь об нем (т. е. о П. И.) слышал, заставило меня душевно его любить и уважать.

---

[1] *Только прошу не прыгать и не строить Сурьяновских планов…* — «Сурьяново — село верстах в 25-ти от Муратова, в то время купленное Екатериною Афанасьевною. Молодежь думала, что Жуковский с Марьей Андреевной будут там жить, все это оказалось мечтою. Екатерина Афанасьевна в шутку называла Сурьяново Суринамом. Souris (Nous) нам — плохой каламбур. Плещеев поэтому говаривал:

Sourianino qui dira
Dix копеек payera,
Mais qui dira Souri-nam
Fera plaisir à Madame

[Кто скажет Сурьянино, / Заплатит 10 ⟨копеек⟩, / Но кто скажет Сури-нам, / Доставит удовольствие Мадам]» — (Примечание П. Висковатова. РС. 1883, № 2. С. 448). В «Стихах, читанных в Муратове на новый 1814 год» говорится: «И будет Суринам / Убежище веселья, / Меж дела и безделья / Промчатся годы там» (ПСС2. Т. 1. С. 293—294).

[2] *О прочем здесь останемся беспечны* — 141 стих из послания Жуковского «Тургеневу в ответ на его письмо» (1813) (ПСС2. Т. 1. С. 285).

[3] *Мы с Воейковым едем к Павлу Ивановичу* — П. И. Протасов (1760—1828), брат А. И. Протасова, отца М. А. и А. А. Протасовых, орловский вице-губернатор.

Теперь слово об вас. Прежде, нежели отправитесь, пошлите непременно *нарочных* для сделания описей тех деревень, которых описи еще не поданы в Опеку, и тотчас эти описи в Опеку. Без *этого* приступить к заключению продажи нельзя и с Опекою не сладишь. Ту же деревню, к которой принадлежит лес, надобно вам будет взять на седьмую часть (чего без описи сделать нельзя), таким образом и все скорее развяжется. Все затруднение теперь в описях. Скорее описи. Поговорите об этом с Алекс⟨еем⟩ Сергеевичем[1]. Да не худо бы и Ивана Никифоровича взять за пупок[2]. Не забудьте взять тысячу для Чайковских[3]. Да я еще с Юшковыми говорил об некоторой тысяче — поговорите и вы с ними: если можно, то сделайте. Но не иначе как мне.

Тетушка показала мне письмо Свечина[4]. Советую и вам и Юшковым с ней об нем поговорить, а мое, *писанное к Свечину*, пошлите, ибо я сказал, что к нему писал; ежели оно у вас изодрано, то прилагаю новый экземпляр. Все *мое* перецелуйте и между собою собственноустно поцелуйтесь. Да постарайтесь как-нибудь послать мое почтение (мало *почтение*, мою искреннюю сыновнюю привязанность) Марье Алексеевне и Елене Ивановне[5] милой *братскую*. Не правда ли, что жизнь была бы прекрасною вещию, когда бы половина или хотя утро каждого было таким, какое провели мы вместе в Володькове за круглым столом. Vive les bons coeurs***. И с добрым сердцем не хотеть жить на свете! Кто приказал, скажу я с [Варлашкою] *Я сам капитан*!

Вася едет в Орел с Сергеем и там все, что нужно, сделает. Я ему дам письмо к всемогущему Клушину[6].

Рецепт отправлен мною в Орел, и капли тотчас пошлются к Е⟨лене⟩ И⟨вановне⟩ т. е. к Катоше[7]. Простите, милые братья.

Vivat!**** Азбукин нашелся[8]. Растопчин видел его в Париже[9]. Три ордена.

---

[1] *Поговорите об этом с Алекс⟨еем⟩ Сергеевичем* — Алексей Сергеевич Бунин, один из родственников А. П. Киреевской.

[2] *Да не худо бы и Ивана Никифоровича взять за пупок* — И. Н. Гринев, уездный учитель в Белеве, затем управитель в Долбине (имении П. Н. Юшкова в Лихвинском уезде Калужской губернии, в 19 верстах от Белева) (ПЖТ. С. 56).

[3] *Не забудьте тысячу взять для Чайковских* — Чайковские Иван Иванович и Мавра Алексеевна (урожд. Плещеева) — знакомые Жуковского по Белеву.

[4] *Тетушка показала мне письмо Свечина* — Н. П. Свечин, см. примечание к письму 19.

[5] *… и Елене Ивановне…* — Елена Ивановна Черкасова, одна из трех дочерей И. П. и М. А. Черкасовых.

[6] *Вася едет в Орел с Сергеем и там все, что нужно, сделает. Я ему дам письмо к всемогущему Клушину* — Личности Васи, Сергея и Клушина установить не удалось.

[7] *… капли тотчас пошлются к Елене Ивановне, т. е. к Катоше* — Катоша — Екатерина Петровна Юшкова (в замуж. Азбукина, ум. 1817), родная сестра Авдотьи и Анны Петровен, в семье ее звали Като.

[8] *Азбукин нашелся* — Василий Андреевич Азбукин (ум. 1832), побочный сын Андрея Ивановича Протасова, брат по отцу сестрам Протасовым, штабс-капитан, участник Отечественной войны 1812 года, женат на Е. П. Юшковой.

[9] *Растопчин видел его в Париже* — Федор Васильевич Растопчин (Ростопчин)

Не забудьте о том, что я вам говорил. Обо мне ни слова, когда будут начинать с вами говорить, отклоняйте материю[1].

Перевод

* Но это прекрасное — только идеальная красота (*франц.*).
** Анафема отчаянию! Нет ничего более низкого и преступного, чем отчаяние (*франц.*).
*** Да здравствуют добрые сердца (*франц.*).
**** Виват! (*лат.*).

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 446—448.
Печатается по первой публикации.

21. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Начало июля 1814 г.[2]

Все ваше Долбинское обнимает вас, милый, добрый брат мой! Дети здоровы, и я весела. Маленький Ангел-Маша (которую так-то лучше узнать можно, потому что и другую Ангела-Машу я всем сердцем называю *своим*) бегала, прыгала, смеялась весь день и теперь спит сладко! Не уступит и вам! — Для чего вы, милый, от нас скоро уехали! Для чего вас *теперь* здесь нету! вечер прекрасный, тихий, свежий! лягушки квакают изо всей силы, червяк болотный гудит свою монотонную песню, коростель трещит,— дети ужинают под липками и хохочут — вам бы *скучно* не было! еще меньше *пусто*! — *Полное* сердце друга и горести разделило бы, и пустоту оживило! — голос истинной дружбы, веселость добрых ребятишек, гармония тихая прекрасного вечера,— да еще голова Поэта,— ну! прошу покорно быть глупым! —

Добрый брат мой! Поберегите себя у Павла Ив⟨ановича⟩! — боюсь для вас этого воздуху! Эту *пустоту* одна капля переполнит! много разных чувств опять могут взволновать все, что только укладываться начинало!

(1763—1826), граф, генерал от инфантерии. В 1812 году в мае назначен московским военным генералом-губернатором, в июне — главнокомандующим в Москве. В июне 1814 года в Москве прошли торжества в честь вступления союзных войск в Париж и заключения Парижского мира; в августе 1814 года уволен с должности главнокомандующего и назначен членом Государственного Совета.

[1] *Обо мне ни слова, когда будут начинать с вами говорить, отклоняйте материю* — *Материя* в значении: «сущность сочинения, статьи или речи; содержание, предмет и основа» (Даль В. И. Т. II. С. 305).

[2] Датируется как ответ на письма Жуковского от мая и июня 1814 года. В дневнике 9 июля 1814 года Жуковский записывает, что 5—9 июля он был в Нетрубеже, отправившись из Муратова в Орел с Павлом Ивановичем и Александром Павловичем Протасовыми (ПСС2. Т. 13. С. 81—86). В предыдущем письме Жуковский спрашивает: «Что все милое Долбинское мое?» Ответом на этот вопрос Авдотья Петровна начинает свое письмо.

Сию минуту возвратилась от сестер, и они велели послать доброму брату нашему их дружеский поцелуй.

Свечин писал к ним об письме своем к Маменьке — и почти все то же рассказывает им, что вы мне. Жаль, что голова этого человека не отвечает его прекрасному сердцу; намерение его прекрасное, почтенное! — Наша Авд⟨отья⟩ Ник⟨олаевна⟩ едет сюда точно для того же, чтобы помешать этой свадьбе[1], как говорит сестра, они все там очень много слышали страшного, только все так неосновательно, из таких далеких рук, что непонятно, как можно всякой всячине верить, особенно дурной fibunt!* — Меня все это пугает! только кажется, как Воейков умен не будь, а притворяться *так* мудрено.

Ваше письмо к Свечину сейчас возвратили мне, он уехал в Тулу! и я пошлю на почту! Вот вам письмо от нашей *Лоты*[2], и вот ее адрес, ежели станете не через меня писать: у Старого Вознесения, на малой Никитской, в доме Соковнина.

Не стыдно ли вам, милый, оставить меня в самом несчастливом положении с моей Амандой![3] Вы, верно, уже на ее счет успокоились, а мне до смерти ее жаль! Гадкий! Подозрительный Мортимер![4]

Пожалуйста, когда вы роман писать будете, таких чудовищ как, Бельграф, не давайте нам, благо их на свете нет! — Ежели выдумывать, то уж лучше хорошую мечту, — давайте нам больше Позов[5] und der gleiben!**

Перевод

* плетенье (сплетня) (*франц.*).
** и веры (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 14, л. 12—12 об.
Печатается по автографу.

---

1 *Наша Авд⟨отья⟨ Ник⟨олаевна⟩ едет сюда точно для того же, чтобы помешать этой свадьбе* ⟨...⟩ — Авдотья Николаевна Арбенева, см. примечание к письму 6. Речь идет о желании родных Саши Протасовой предотвратить свадьбу с А. Ф. Воейковым после того, как стало известно о его неблаговидном поведении.

2 *... письмо от нашей Лоты...»* — Речь идет о м-м Моро, см. примечание к письму 12.

3 *Не стыдно ли вам, милый, оставить меня в самом несчастливом положении с моей Амандой!* — Аманда — героиня поэмы Х. М. Виланда «Оберон». Этим именем Авдотья Петровна называет Машу Протасову. В письме Елагиной содержится отклик на записи поэта в дневнике (за июнь 1814 г.), предназначенном для Маши и включающем выборку стихов из седьмой песни «Оберона» (ПСС2. Т. 13. С. 75—76). По словам Н. Б. Реморовой, «строки Виланда звучат в унисон с рассуждениями Жуковского и Марии Андреевны о счастье, которое может дать уже одно сознание своей нужности другому» (БЖ. Ч. 2. С. 344). Об интересе Жуковского к «Оберону» Виланда, о работе над переводом и о значении его в творчестве и духовной биографии Жуковского подробнее см.: *Реморова Н. Б.* «Оберон» в чтении и переводе Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 340—359.

4 *Подозрительный Мортимер!* — Имя персонажа трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт» — отважного сторонника Марии Стюарт, влюбленного в королеву.

5 *... давайте нам больше Позов...* — Имя персонажа драматической поэмы Ф. Шиллера «Дон Карлос», благородного мальтийского рыцаря, «гражданина вселенной».

22. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Лето 1814[1]

Лучше начать бранью, нежели ею кончить. Ваше письмо прекрасное и утешительное потому, что от друга. Но знаете ли, что я едва не переменил за него вашего названия? Я подумал: она шептун! но не тот добрый шептун, которого весело слушать — а шептун селезень, которого надобно кормить, да и только. Неужели все мы разучились в одну неделю читать и понимать то, что читаете. Саша бранит меня за то, что я огорчился Машиным спокойствием, вы браните за то же. Боже мой, какие люди. Можно ли предположить такое чувство? И к этому случаю говорить мне: *прочь низкое*! напоминать мне, что *недоверчивость* есть низкое и прочее тому подобное. Прошу мне выписать то место, которое послужило вам текстом для такой проповеди. Я его не помню, потому что во мне не было того чувства, которое могло бы заставить написать такой сумбур. Заглянув в свое сердце, я уверяюсь, что не может быть человека, способнее меня на свете к доверенности — Машино спокойствие есть мое счастие. Мысль, что у нее на душе ясно и тихо везде и во всех обстоятельствах, будет для меня утешением. Я уверен, что это спокойствие будет основано на доверенности ко мне, что оно, вместо того, чтобы быть забвением, будет самым лучшим обо мне воспоминанием. Ничто так для меня не дорого, как то, чтобы она, думая обо мне, утешалась, — а это спокойствие я должен ей дать не одними словами, а всею жизнию. Неужели не верите моей искренности в этом случае, и будете воображать, что я только угощаю вас великолепными фразами. Но как же мне вырвать из сердца сожаление о том, что, будучи причиною ее спокойствия, я не участник в счастии тех, которые дают его. Нет, милые, эта зависть не унизительна; тут нет недоверчивости, а только сожаление о самом себе. Говорить себе: *она спокойна, а меня там нет*, значит ли это роптать против ее спокойствия? Нет, это совсем иное чувство, и как его истребить! И что же в нем низкого? Можно ли запретить Аббадоне[2] смотреть с сожалением на прекрасный рай? Если у *четвертого* сердце сжимается, то не от того, что *трем* было весело в Сибири, а от того, что он не может делить с ними этой Сибири — можно ли запретить ему об этом сожалеть. И что же низкого в этом чувстве? Нет, этот четвертый уверен, что он всегда с тремя будет не разлучен. Но он видит себя *одного*, он только с ними мыслями; но милое *вместе*, за которое все можно было бы отдать, не для него. Что заменит это *вместе*? И когда вообразишь, как было бы *хорошо* быть на деле, а не в воображении

---

[1] Дата устанавливается на основании переклички содержания и текста письма с записями в дневнике поэта от 21 июня 1814 года. Ср. запись в дневнике: «Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем друге — пусть будет оно хранителем моего сердца» (ПСС2. Т. 13. С. 75).

[2] *Можно ли запретить Аббадоне смотреть с сожалением на прекрасный рай?* — Аббадона — падший ангел. В ноябре-декабре 1814 года Жуковский напишет «Аббадону», перевод второй песни поэмы немецкого поэта Ф. Г. Клопштока (Klopstock Friedrich Gottliep, 1724—1803) «Мессиада» («Messiade»).

четвертым, то как не сжаться сердцу! А вы браните! О люди! люди! о мода! мода! Послушайте! Спокойствие Маши — самая лучшая для меня драгоценность — за него я готов отдать и то, что для меня всего важнее, мое место в ее сердце, ее ко мне привязанность; не найдите и в этом *к ней недоверчивости*. Я здесь говорю об одном себе, а не об ней, также как и тогда, когда *горевал о ее спокойствии*, думал *об одном себе*. Вы пишете: *нет дурного, где же несчастие*? На что обольщать себя воображением. Несчастие *есть*, когда всем сердцем желал бы переменить то, что вокруг тебя, когда все лучшее только вдали или назади; дело не в том, чтобы называть прекрасным то, что и тяжело, и дурно. Как ни называй, все сердце не поверит. Да и нужен ли такой обман? Нужно ли и можно ли другим заменить то, что отнято, чтобы об нем только не сожалеть? Избави Бог от такого несожаления! Это все равно, что между здешнею и будущею жизнью провести лету и одну для другой уничтожить. Нет! я знаю, что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше, и сожаление будет не только храниться как драгоценность в сердце, но будет и хранителем сердца. Скажем иначе: *Нет дурного! Есть твердость! Есть вера! есть уважение к жизни! есть уважение к самому себе!* При этом можно сохранить спокойствие! Можно смотреть на несчастие как на случай быть лучшим, как на способ сделать что-нибудь по сердцу Создателя — нужно ли для этого наряжать его в маску счастия! Вот случай сказать: *прочь низкое*! Дело не в том, чтобы забыть и дать себе этим забвением спокойствие, или лучше сказать, мертвый сон, беззаботный паралич — дело в том, чтобы сожаление не унизило самого себя и света и жизни перед твоими глазами. Все то спокойствие, которое для этого нужно, я имею. Оно состоит в *доверенности*, в покорности к Провидению, которое дает все, что нам нужно, и даст непременно. Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем товарище — пусть будут они хранителями моего сердца! Где бы я ни был, этот ангел меня не покинет. С ним моя жизнь не может быть пустою, ничтожною! Нет! она будет доброю жизнию! Я чувствую в душе своей стремительное влечение к добру, чувствую за себя и за нее.

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 451—453.
Печатается по первой публикации.

23. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

31-го июля — 2 августа Чернь. 1814[1]

Надобно еще начать маленькою побранкою. *Она спокойна! Я не буду нарушителем ее спокойствия!* Что если бы это было сказано в том смысле, который вы этому дали, и с той досадою, которую при этом вообразили! Какое

[1] Датируется на основании содержания: отлучение Жуковского от семейства Протасовых после свадьбы Воейкова до отъезда в Дерпт.

было бы прелестное чувство в душе моей! *Я не буду нарушителем ее спокойствия* — не значит, чтобы воспоминание обо мне было для нее несчастием. Это напротив представилось мне как единственным утешением в несчастии быть розно. Жить *вместе* без доверенности, дружбы и уважения не значит ли нарушать ее спокойствие! Не видать меня — значит не огорчаться ни холодностью ко мне, ни несправедливостью и свободно верить моему сердцу. Не утешает ли это, не заставляет ли смотреть приятными глазами на разлуку и не скажешь ли когда с отрадою: *она спокойна*! Но позвольте же сердцу сжиматься при этом слове. Боже мой! о каком же счастии и жалеть, как не о счастии давать спокойствие самому милому человеку. Можно ли без стеснения души это счастие уступить другому? А все бы доверенность поправила — но полно ссориться! Имя шептуна принадлежит вам по праву! Если бы мой тайный шептун мог быть *слышен*, то я никакого другого языка не дал бы ему как вашего. Вы, милая, умеете задевать за сердце! Может быть оттого, что не вы с пером спрашиваетесь, а оно с вами. Подумаем же вместе, какую одну фразу выбрать покороче, но такую, чтоб можно было ее растянуть на всю жизнь. Да чего долго думать: *Persévérance**, да и только. Я переведу вам это словечко на русский, на *свой* язык, и вы тогда ясно увидите, что оно может быть на целую жизнь растянуто. Что ни есть доброго в настоящем, в будущем, все можно прицепить к этому слову. Ваша правда, есть прекрасные минуты в жизни, такие, которые оставляют прекрасный свет в душе! Их можно сравнить с сиянием молнии, которая осветит мрак и исчезнет — после нее останется прежняя темнота; но уже эта темнота не страшна, если не видишь, то по крайней мере знаешь, где дорога — вот то же, что вера! идешь вперед до первой молнии, которая возобновит ослабшее воспоминание и оживит бодрость. А если буря без благодетельных освещающих молний? В эти прекрасные минуты несчастие, хотя и не переменяет своего имени, но дает душе необыкновенную возвышенность! Ни в какое другое время так не можешь *себя* чувствовать, так быть близким к Творцу и Провидению! Нет! не надобно надевать маски на лицо несчастия — гораздо лучше смотреть ему в глаза и не робеть. Иначе отымешь все очарование у слова Провидение! Избави Бог только от минут равнодушия, от минут душевного паралича, когда ничто не трогает и жизнь представляется пустою, ничтожною — тогда и сам для себя становишься противным. Но такие минуты со мной нынче реже и давно меня не посещают. Моя жизнь не может быть скучною (скука для пустого сердца), она не должна быть тяжелою — чувствовать тягость жизни значит желать, чтобы она кончилась! А как позволить такой мысли коснуться души — нет! Милая, я смерти боюсь не как чего-то противного, но как опасного обольстителя, который может выгнать из души все то, что ей дорого. Скажем прямо: будем тянуть жизнь без счастия в надежде, что ею дойдем до прекрасной, свободной, тихой — Аминь!

Обещание держать верно! — писать и говорить все, что взойдет в мысль, хотя бы попасть и в Утки! Хорошо бы вы все сделали, когда бы приехали — то есть, я не знаю, хорошо ли бы это было. Не могу решиться ни на *нет*, ни на *да*.

Вы закричали бы от всего сердца: *возвратись*! а между тем запрещаете мне писать к тетушке, и вы и Анета[1], чтобы избавить и себя и ее от нового горя. Друзья! но я для того и пишу, чтобы вырвать из *сердца* это *возвратись*! Если не откликнется сердце, то я останусь там, где теперь. Уезжать уже нет нужды — я уехал. Я желал бы, чтобы вы прочитали то, что я писал тетушке. Ей легко сделать нас счастливыми, не *жертвуя* даже ничем — дать волю только сердцу. Но может быть, *не уехав*, я этого ни написать, ни даже чувствовать не был бы в состоянии. Я здесь один — сужу обо всем по себе! Что мне возможно, то кажется возможным и ей. Я ничего от нее не требую, кроме того только, на что имею право (если она NB искренно сказала, что *никто не умеет ее любить так, как я*). Верно, ни с кем из вас не говорил так об Маше, как с нею в этом письме; и ни с кем бы я не был так искренним, как с нею, если бы она сама того могла хотеть; если бы могла дать свободу нашим чувствам; если бы вокруг нее не были мы все *одиноки* и должны были не *чувствовать*, а только *применяться* к ее чувствам. Я требую от нее семьи, в которой бы я был уважаем, любим и мог свободно любить Машу в глазах ее матери,— за такое счастие чем не пожертвуешь! Но, вероятно, я требую невозможного. В две минуты характер не переменяется. По крайней мере, благодаря опыту, я не *прилип к надежде* и неудача ничего для меня не переменит. Но можно ли было не написать, не сказать все то искренно? Можно ли было спокойно отойти от того, что было главным счастием жизни столько лет? Но, признаюсь вам, написав это письмо, я начал бояться, чтобы она не согласилась! Можно ли желать возвратиться на *старое*? Что если одна минута слабости даст это согласие и ничто им не переменится! Избави Бог! Рай так легко сделать. О! я чувствую, как бы это было легко! Но что, если вместо этого рая, опять попаду в прежний ад! Одним словом, это одно желание лучшего, но неисполнение ничего уже для меня не испортит! Хуже быть не может, нового горя не будет — останусь при *своем*! А это мое свято и много, много хорошего в жизни есть и без счастия! Одна только фраза: persévérence*. Милая Анюта, ваше *благословение* во всем его смысле я принял. Только не желайте включить в этот смысл: *перемену*! Это не будет для меня благословением. Пусть Провидение даст мне только силу жить по *своим* чувствам — вот и вся судьба! Переменять их не нужно; это значило бы отнять у меня лучшее.

От вас человек приехал, а все не написали мне ни строчки, не стыдно ли? Это кажется так легко! А я целый день ждал.

Знаете ли? Я жду с нетерпением, когда я буду с вами вместе на своей родине! Когда же это будет! Здесь шумно. Но меня беспокоит много одна мысль! Не будете ли бояться le qu'en dira-t-on?** Скажите искренно.

---

[1] *... и вы и Анета...* — Анна Петровна Юшкова (в замуж. Зонтаг, 1786—1864), сестра А. П. Елагиной, племянница В. А. Жуковского, детская писательница, переводчица, мемуаристка, автор работы «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» (Москвитянин, 1849, № 9. С. 266—285). В 1817 г. вышла замуж за офицера русской службы американца Е. В. Зонтага и уехала с ним в Одессу. После смерти мужа и отъезда дочери за границу (1842) переселилась в Мишенское, где жила до самой смерти.

2 августа

Я не послал этой записочки вчера для того, что вообразил, что вас никого нет дома. По числам можете видеть, что она писана несколько дней. Мне лениться писать к вам не можно, но я давно не имею от вас ни слова, то есть было три случая от вас писать, а я не получил ни строки, по крайней мере от Саши[1], которая обещалась писать много, и даже не отвечает. Жаль, если вы не будете завтра. Vous voulez faire le poltron, le révoltē, chère Eudoxie?*** Зачем же быть трусом? и к чему бунтовщиком? Будьте тверды в образе мыслей! Не трусьте, только *обнаруживая* во всяком случае *одно и то же*! Одним словом, не будьте ни трусом, ни бунтовщиком! Будьте вы и все дело кончено! Это ваша лучшая роль. Я очень радуюсь этому шептуну — я отправлюсь вместе с вами или скоро за вами. Отдайте мое письмецо Саше. Милая моя Катя, целую вас. Пожалуйста, скажите поискреннее о qu'en dira-t-on**?

К Е⟨катерине⟩ Афанасьевне я не пишу оттого, что нет от нее ни словечка ни на одно из моих писем.

На обороте: Авдотье Петровне

Примеч. «Писано в Муратово, где Авдотья Петровна с сестрами оставалась после свадьбы Воейкова (14 июля). 3 августа в Черни праздник, именины или рожденье Анны Ивановны. 6 августа Авд. П. должна была ехать в Долбино».

(Примеч. написч.).

Перевод

* Постоянство (*франц.*).
** что об этом скажут? (*франц.*).
*** Вы хотите быть бунтовщиком, трусом, дорогая Евдокия? (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Первая публикация: РС, 1883, № 2. С. 448—451.
Печатается по первой публикации.

24. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Чернь. Летом — осенью, до 13 ноября 1814 года[2]

Милая, *шептун*[3] откликнулся и очень меня утешил. Но для чего же вы, мой видимый шептун, так малословны? Неужели нужно вам, чтобы я *своим* письмом

---

[1] *... я не получил ни строки, по крайней мере от Саши...* — Речь идет об Александре Андреевне Воейковой (урожд. Протасовой, 1795—1826), «Светлане», племяннице Жуковского.

[2] Датируется на основании упоминания о «Послании к императору Александру», написанном 13—23 ноября 1814 года в Долбине.

[3] *Милая, шептун...* — Так Жуковский называет Авдотью Петровну. Слово «шептун» используется в значении «знахарь, ворожбит, кто колдует заговорами» (Даль В. И. Т. IV. С. 629).

от вас вытребовал то, что вы мне сказать можете и что, верно, вы про себя мне говорите. Чтобы успокоить вас на мой счет одним словом, скажу вам, что я хочу приниматься за работу. Вчерашнее милое письмо Саши много дало мне души. Да и шептун много сказал хорошего, что я повторить не умею, потому что он выражается не словами и говорит не ушам. Я чувствую необходимость писать и почитаю это за должность. Слава для меня имя святое. Хочу писать *к Царю*[1] — предмет высокий, и я чувствую, что теперь моя душа ближе ко всему высокому. В ней живее все прекрасные мысли о Провидении, о добре, о настоящей славе. Кому я всем этим обязан? Право, не знаю, что сильнее в моем сердце — любовь или благодарность? Не беспокойтесь обо мне, не представляйте себе моего состояния низким унынием! Жизнь и без счастия кажется мне теперь чем-то священным и величественным. Я могу теперь ее ценить — и как *пророк* знаю свое будущее. А Провидение, которое во всем для меня видимо и слышно, — какое величие дает оно и свету и жизни. Простите, милый шептун. Поцелуйте за меня обеих наших сестер и наших детенков. Дружба да — и только. Чего мне более? Прошу, напишите ко мне поболее.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 1—1 об.
Первая публикация: РС., 1883, № 3. С. 665—666. Отрывок из письма ранее публиковался в очерке биографии Жуковского, помещенной Зейдлицем в Ж. Мин. Нар. Пр., ч. CXLII. С. 421.
Печатается по копии.

25. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Между 6 и 15 октября 1814 года[2]

Милый брат мой! обнимите покрепче всю нашу семью за ту радость, которую милые ваши письма мне сделали. Сердце забилось радостно, несмотря на даль, несмотря на то, что еще долго не буду вместе с детьми с вами. Милый брат мой! Может ли и мне быть *худо*, когда мои дети с *вами*, счастливы и порядочны, когда *вы* ими занимаетесь, когда *вы* довольны нашею семьею. Друг мой! я скажу вам, что это чувство дает мне счастие, это порадует вас больше, нежели бы я сказала, что я всею душою вам благодарна. — Желала бы я очень обнять вас поскорее,

[1] *Хочу писать к Царю…* — Замысел «Послания к императору Александру» относится к апрелю — маю 1814 года, во второй половине мая 1814 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу: «〈…〉 подумываю иногда о послании к нашему Марку-Аврелию. Какой прелестный характер! И какие страницы для истории 1814 год приготовил! О, милая Русь! Как душа возвышается при имени Русского! И как не обожать того, кто нас так возвеличил!» (ПЖТ. С. 120).

[2] Датируется на основании упоминания о поездке сестер Юшковых в Москву и пребывании Жуковского в Долбине с детьми Киреевскими. Стихотворение «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» было написано 6 октября 1814 года, а из Москвы, как сообщает Авдотья Петровна, она собирается выехать 15 числа.

надеюсь выехать отсюда в пятницу, то есть 15 число[1], но дорога так дурна, что могу неделю быть в дороге. — Вчера поздно приехали мы сюда, поздно, то есть довольно рано, но Вяземского еще не видала и не посылала, а отвезла сегодня; видела M. de Moro; говорила с нею о ее дочери, об вас, она любит вас, как любить вас должно, с восхищением, следовательно, мне было весело. — Сегодня увижу ее опять, будем говорить о будущем *вместе*, je serais ferme et raisonnable, du reste, elle l'est elle-même, on ne peut rien faire contre l'impassibilité, nous parlons *d'une amie* entière comme d'une barrière qu'il faut absolument passer pour venir à un but désiré. La plus belle partie de mon édifice, celle qui en était là-bas, celle par laquelle tout le reste était image, n'existe plus, — mais vous serez également content de les savoir heureux. — J'aurai aujourd'hui quelqu'un de mes amis qui viendront parler de manufacture, je vous conterai moi-même le résultat de notre conversation, du reste, j'ai deux bonnes idées bien rassurées pour contrebalancer la mienne et pour refroidir un peu la chaleur de la mienne. — Adieu, mon cher, je vous embrasse de tout mon coeur, les* почта не ждет. Обнимите детей наших[2].

Перевод

*Я буду твердой и благоразумной, впрочем, как и она сама, ничего нельзя сделать против безучастности, мы говорили о подруге в целом, как о барьере, который надо перейти, чтобы прийти к желанной цели. Самая прекрасная часть моего здания, та часть, которая снизу, та, из-за которой все остальное не существует более. Но вы будете довольны, зная, что они счастливы. — У меня сегодня будут некоторые из друзей, которые придут поговорить о мануфактуре, я вам расскажу сама о результатах беседы. Впрочем, у меня есть две хорошие идеи, чтобы уравновесить меня и чтобы немного охладить мой пыл. — Прощайте, мой дорогой, я обнимаю вас от всего сердца (*франц.*).

Автограф (*в составе коллективного письма*)*: РГБ, ф. 104, к. VI, № 51, л. 1—1 об.*
Печатается по автографу.

---

[1] *... надеюсь выехать отсюда в пятницу, то есть 15 число...* — В стихотворении «Записка к баронессе» (то есть к М. А. Черкасовой), датированном 17 октября 1814 года, Жуковский писал: «И я прекрасное имею письмецо / От нашей Долбинской Фелицы! / Приписывают в нем и две ее сестрицы; / Ее же самое в лицо / Не прежде середы увидеть уповаю! / Итак, одним пораньше днем / В володьковский эдем, / То есть во вторник, быть с детьми располагаю — / Обедать, ночевать, / Чтоб в середу обнять / Свою летунью всем собором / И ей навстречу хором / «Благословен грядый!» сказать» (ПСС2. Т. 1. С. 350).

[2] Далее следует приписка Анны Петровны Юшковой:

«Вот, милый друг, мы в Москве и с милым вашим письмом, которое получили вчера. Я на него буду отвечать в субботу, а теперь только обниму вас за прелестные стихи! Мы здесь со вчерашнего дня; с тех пор я хлопочу о всякой всячине, о квашнях, кадках, боченках и тому подобном, а думаю все об одном. Ah, mon cher ami! [Ах, мой дорогой друг! (*франц.*)]

Доверенность к Творцу!
Чтоб ни было Незримый
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непобедимой!»

26. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

После 15 октября 1814 г.[1]

Милый Жуковский! что-то вы поделываете! уехали вы или не уехали? Ежели не уехали, то вам вот радость: счастие *забытого* Проташинского[2]. — Смотрите, что и Азбукин будет опять сюда, здоров и весел. У меня теперь сестра, и я им рада. Они видели Ав⟨дотью⟩ Ник⟨олаевну⟩, которая только и думает, что об вас, говорит с дружбою и восхищением. — Писала она и к вам, по совету Марьи Николаевны — все это что-то непонятно! Но ежели еще есть доброе, хорошее сердце *наше*, то весело! — Бранила меня Анна Ив⟨ановна⟩[3]: за вас? — Пожалуйста, обнимите ее за меня покрепче и скажите, что я много ее люблю. Дети вас целуют, Маша все еще не совсем ахушка[4].

Видно, в Москве и самый тонкий вкус притупляется, видно, она давно не видала нашего поэта с его прелестной душой! Напишите-ка вы, милый! Карамзин покраснеет, да и Вяземский от восторга[5].

---

[1] Датируется на основании сообщения в письме о возвращении трех сестер из Москвы, отъезд которых планировался 15 октября 1814 года.

[2] *… счастие забытого Проташинского* — Василий Андреевич Проташинский, сводный брат сестер Протасовых, поэт, выпускник Московского университетского пансиона. В письме к А. И. Тургеневу от 16 апреля 1814 года из Муратово Жуковский обращался с просьбой: «Он служил и служит в военной службе, ранен под Бородиным, теперь в Москве, добивается от Растопчина места, и все не добьется. Если будет возможно, не найдешь ли средства доставить ему при военном министре или через военного министра выгодного места в Петербурге ⟨…⟩» (ПЖТ. С. 114).

[3] *Бранила меня Анна Ивановна…* — А. И. Плещеева, см. примечание к письму 15.

[4] *… Маша все еще не совсем ахушка* — Ахушкой (производное от «ах!» в значении «изумления, удивления, радости, надежды» (Даль В. И. Т. I. С. 31) Авдотья петровна называет дочь Машу.

После этих слов следует запись, сделанная Екатериной (Като) Юшковой:

«Вот мы возвратились, милый друг, теперь надобно вам приехать к нам, надобно нам повидаться с вами, опять очень хочется поскорее вам сказать, что я вас люблю всем сердцем. Будьте здоровы, милый друг.

К. Ю».

[5] Далее следует приписка Анны Петровны Юшковой:

«И мне не понравилась ода Карамзина!* В Москве я не смела этого говорить, а вам скажу свое глупое мнение. Это реляция в стихах или лучше, сокращенная история в холодных стихах, une prose rimée [одна холодная проза (*франц.*)]. Отвратительные к.ны! Например: *полмертвый мертвого грызет!*** и проч. Я прочла это на пустой желудок и мне стало тошно. Мне только и нравится в начале, когда он обращается к Богу. *Над ними Ты, не устрашусь*!** и в конце, когда он зовет Царя и уверяет, что он не встретит печальных лиц! en parlant de Moscou [говоря о Москве (*франц.*)]

Седая в доблести Москва
С себя прах смерти отрясает.***

C'est de la poésie [Это поэзия! (*франц.*)]! Вот вам *мое* мнение».

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VI, № 51, л. 3—3 об.
Печатается по автографу.

27. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Чернь, 1814, вероятно, после 16 ноября[1]

Здравствуйте, милая. Вы не ошиблись; подставы не было, и я должен был простоять часа полтора в Пальне; беседуя с различными прохожими и хозяйками. Однако не опоздал, приехал засветло. Здесь все нездорово — кашляют дети; кашляет Анна Ивановна и лежит. Смотрите, чтоб у вас ни под каким видом того же не было. Но посудите же, как можно жить на свете. Плещеев давно отправил по почте мне две музыки на русского пленника[2] и NB прекрасны обе и еще списанные все мои и его романсы для отсылки к Вяземскому, и все это гниет на почте. Или Федор Ал⟨ександрович⟩[3] все зажилил или наши молодцы, ходя на почту, ничего не берут, или, чего Боже упаси, все теряют. Пошлите, прошу вас, на почту к самому Федору Алекс⟨андровичу⟩ и вытребуйте у него все *наше*. Что же мое, то перешлите по первой почте. Польские и экосезы вам списываются самим Плещеевым. Сейчас сшил для них *я* тетрадь. Праздник будет списан. Доктору отдал почтение, немножко поизмятое от дороги, и прочие конфекты. Послание хочу послать к Тургеневу непереписанное[4], чтобы он сам переписал, как рассудит, и мое письмо, за которое ныне примусь. Вы же, милая, все перепишите. Хочется мне к вам воротиться первого числа; но едва ли ворочусь. Как бы то ни было, в понедельник буду к вам писать. Чур же быть здоровыми. Детенок целую. Когда увидите Е⟨лену⟩ И⟨вановну⟩, то ей дружеский поклон и чтобы потрудилась передать мое почтение милой, доброй и *доброжелательной* М⟨арье⟩ Алекс⟨еевне⟩. Наталия, здравствуй[5].

Примечания

[*] *И мне не понравилась ода Карамзина!* — Ода Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра» (1814) была прислана Жуковским А. П. Елагиной.

[**] *... полмертвый мертвого грызет!* — стих 305 оды Карамзина.

Над ними Ты, не устрашусь! — стих 300 оды Карамзина.

[***] *Седая в доблести Москва / С себя прах смерти отрясает* — стихи из заключительной части оды Карамзина.

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Послании, которое будет отправлено Тургеневу: «Послание императору Александру» было закончено 16 ноября 1814 г.

[2] *Плещеев давно отправил по почте мне две музыки на русского пленника...* — Речь может идти о сочиненной А. А. Плещеевым музыке на стихотворение Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813), перевод романса Ксавье де Местра «Le prisonnier et le papillon» («Узник и бабочка»).

[3] *Или Федор Ал⟨ександрович⟩...* — Федор Александрович Камкин (умер в июле 1815), белевский почтмейстер.

[4] *Послание хочу послать к Тургеневу непереписанное...* — «Послание к императору Александру» (1814).

[5] *Наталия, здравствуй!* — Имеется в виду Наталья Андреевна Азбукина, к ней обращены следующие строки, связанные с заботами по хозяйству.

Возвращаю дрожки. Их подобает починить. Я уже об этом рекомендовал Василия вознице и вы прикажите от себя.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1883, № 2. С. 453—454.
Печатается по первой публикации.

28. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Чернь. После 1—4 декабря 1814 года[1]

Послушайте, милая, первое или пятое разницы не много, а оставшись на семейном празднике друзей, я сделаю друзьям удовольствие — это одно из важных дел *нашей* жизни; итак, прежде пятого не буду в Долбино. Но чтобы пятого ждала меня подстава в Пальне. Смотря по погоде, сани или дрожки. Я здоров и весел. Довольно ли с вас? Вы будьте здоровы и веселы. Этого и очень довольно для меня. Благодарствуйте за присылку и за письмо. В петербургском пакете письмо от моего Тургенева и письмо от нашего Батюшкова[2] — предлинное и премилое, которое будете вы читать. За послание благодарствую — хотя оно и останется, ибо здесь переписал его Губарев, и этот список нынче скачет к Тургеневу. Там будет оно уже переписано государственным образом и подложено под стопы монаршие[3]. Прозаическое письмо посылаю вам. Прошу оное не потерять!!! Послание было здесь читано в общем собрании и произвело свой эффект или действие. Так же и *Эолова Арфа*[4], на которую Плещеев пусть разразится прекрасною музыкою, понеже она вступила в закраины его сердца назидательною трогательностию. *Старушки* треть уже положена на нотные завывания[5] и очень преизрядно воспевает ужасные свои дьявольности. Певец начат, но здесь не Долбино, не мирный уголок, где есть бюро

---

[1] Датируется на основании указанных в письме произведений Жуковского: «Певец начат». Начало работы над «Певцом в Кремле» относится к 1—4 декабря 1814 года (ПСС2. Т. 1. С. 680).

[2] *В петербургском пакете письмо от моего Тургенева и письмо от нашего Батюшкова...* — Александр Иванович Тургенев, см. комментарий 6 к письму 15. Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), поэт, романтик, один из ближайших друзей В. А. Жуковского. Дружба, начавшаяся в январе 1810 г. и продлившаяся до самой смерти Батюшкова, была основана на глубокой симпатии и близости их литературных взглядов. Она получила отражение во взаимных Посланиях поэтов, в постоянной творческой перекличке (ср. почти одновременно написанные «Теон и Эсхин» и «Странствователь и домосед» (1814), а также в фактах личного участия Жуковского в драматической судьбе Батюшкова.

[3] *Там будет оно уже переписано государственным образом и подложено под стопы монаршие* — Послание было читано государыне А. И. Тургеневым 30-го декабря 1814 года.

[4] *Так же и Эолова арфа...* — Баллада «Эолова арфа» написана в Долбине 9—13 ноября 1814 года.

[5] *Старушки треть уже положена на нотные завывания...* — Речь идет о «Балладе, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», написанной в октябре 1814 г.

и над бюром милый ангел! Об вас бы говорить теперь не следовало; вы в своем письме *просите*: чтобы я любил вас попрежнему! Такого рода просьбы позволю вам повторить мне только в желтом доме, там она будет и простительна и понятна! Но в Долбинском, подле наших детей, подле той шифоньеры, где лежат Машины волосы, глядя на четверолистник, вырезанный в нашей печати, одним словом, в полном уме и сердце просить таких аккуратностей — можно ли? в последний раз прощаю и говорю: здравствуй, милая сестра!

Наши Московские дуры смешны и милы![1] Буду к ним писать, когда возвращусь в свой уголок, к своему бюру [sic!], к своим детям, к своей сестре. Я и еще раз писал к Тамбовским — Вася послал эстафет к Воейкову (по приказанию рассудительного Воейкова), дабы уведомить, что на Болховской *почте нет к нему пакета*. К затылку этого эстафета я пришпилил мое письмо[2], не забывши выставить №.

На дворе снег, а мороза все нет! Была ли когда-нибудь глупее зима?

Не забудьте, что приехавши, нам надобно приняться за план. Набросайте свои идеи, мы их склеим с моими и выйдет фарш дружбы на счастие жизни, известный голод, который удовлетворим хотя бы общими планами.

A propos*. Едва ли не грянет на вас новая туча. Губарев, мой переписчик[3], вдруг взбеленился ехать в Москву. Отпускать с ним своих творений не хочу. Даю ему переписывать одни Баллады. Как быть с остальным? Неужели вам? А совесть!

---

[1] *Наши московские дуры смешны и милы* — Речь по всей видимости идет о постоянных московских жительницах — сестрах Вельяминовых: Анне Николаевне (1785—1859) и Марии Николаевне (в замуж. Свечиной, 1781—1821). См. подробнее: *Лебедева О.Б.* Комментарий к стихотворению «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» (ПСС2. Т. 1. С. 688—690).

[2] *К затылку этого эстафета я пришпилил мое письмо…* — Не к этому ли относится послание Жуковского к Воейкову по поводу отъезда его в Дерпт?

Воейков, дай же знать,
Что дерптские немчурки?
Пора уж перестать
Играть нам с ними в жмурки.
Когда ж тебе указ
В дорогу снаряжаться,
И для немецких глаз
В обширный наряжаться
Парик и епанчу?.. (намек на профессорское звание)
На почте нет пакета…

(Примечание П. Висковатова. РС, 1883. № 2. С. 456).

Слово *«затылок»* имеет смысл «тыла, задней части иных предметов» (Даль В.И. Т. I. С. 654).

[3] *Губарев, мой переписчик…* — Воин Иванович Губарев (1781 — ок. 1868), небогатый помещик Кромского уезда Орловской губернии, приятель Жуковского и А.И. Тургенева по Благородному Пансиону; долбинской осенью 1814 года переписывал набело стихи Жуковского и помогал ему готовить первое собрание стихотворений. К письму Жуковского А.И. Тургеневу от 1 декабря 1814 года из Долбина Губарев сделал приписку: «Как-то у вас в Петербурге понравится Послание к достойнейшему из царей, а мы здесь очень им восхищаемся, я для вас его спешил переписывать, зная, как вы любите хорошее, следовательно, и Жуковского» (ПЖТ. С. 134).

Милый друг Ваня, целую тебя, а ты поцелуй за меня сестру, брата. Милый, добрый друг мой. Дай Бог говорить это всегда вместе, и целую жизнь. Разумеется здесь счастливая жизнь.

Простите. Милой М⟨арье⟩ Ал⟨ексеевне⟩ и Е⟨лене⟩ Ив⟨ановне⟩ мой самый дружеский поклон. Наталье Андреевне дружески кланяюсь.

Перевод

* Кстати

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 2. С. 454—456.
Печатается по первой публикации.

29. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Декабрь 1814 года[1]

Отрекаюсь охотно на всю жизнь от желтого дома, от сумасшедших аккуратностей, чтобы сказать вам с веселою благодарною доверенностью: *здравствуй, милый брат!* — и для того я пишу несколько слов с подставою, чтобы прощения за безумную просьбу просить не самой, боюсь в первый раз отроду покраснеть от того, что я без ума! И за 25 верст не так обидно в этом признаваться, лишь бы быть в полном сердце, — а с вами, добрый, милый брат, мое сердце всегда полно, — следовательно, всегда почти счастливо.

Давайте, давайте мне ваши стихи переписывать, ежели вы их не везете теперь, прикажите с подставою прислать их, — от них *весело* бы и с ума сойти, а пока весело чувствовать, что вам годишься хоть на две недели. — Вы знаете, что очень часто я хотела бы быть Максимом, а теперь с большою завистью гляжу на слово *мой* переписчик, — и тужу о балладах. — Вот эти-то тучи досадны, глупы, несносны, которые у нас зиму унесли; неужели нынешний год отказ нам во всем?

У меня ждет вас толстое письмо от Вяземского. — Почему же Батюшков *наш*[2], а Тургенев нет? — Я Батюшкову охотно говорю *наш*, потому что на одном факеле горит его пламя, — но Тургенев *неизмененной душой* еще больше принадлежит мне по сходству[3].

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 13, л. 6—6 об.
Печатается по автографу.

---

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 1—4 декабря 1814 года; Авдотья Петровна, отвечая Жуковскому, спрашивает: «Почему же Батюшков *наш*, а Тургенев нет?»

[2] *Почему же Батюшков наш*… — К. Н. Батюшков, см. примечание к письму 28.

[3] … *Тургенев неизмененной душой еще больше принадлежит мне по сходству* — Речь идет об А. И. Тургеневе, см. примечание к письму 15. «Неизмененной душой» — фраза из 13 стиха стихотворения Жуковского «К самому себе»: «Следуй же мудрым! всегда неизменный душою ⟨…⟩» (1813) (ПСС2. Т. 1. С. 292).

30. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 марта 1815

Милый брат, теперь вы вместе со всеми нашими[1], отдохнуло ли сердце ваше? Не знаю отчего, на другой день моего приезда в Долбино, я боялась писать к вам, сердце мое было полно такой грустной всячины, что я боялась помешать веселой минуте. — Теперь несколько дней уже прошло после первых дней свиданья[2], мне кажется в виду, как вы с беспечностию позволяете *годам за годами лететь*. Дай Бог, чтобы с беспечностью счастья! — За это я и своей жизни *с восхищением* позволила бы улететь. Пишите ко мне, друг милый, подробно *все, каково вам теперь?* Помните ли вы данное мне слово в день вашего отъезда? Помните ли вы, что одно оно облегчает необходимость разлуки? Думаете ли, что всякая мысль сестры вашей соединена теперь с мучительным беспокойством? Здесь больше, нежели где-нибудь. В вашем Долбинском уголке, все ваше, Жуковский! — вы не можете вообразить, как здесь все сохранило след того времени, как мы были вместе, везде вас ждешь, всякую минуту глядишь на дверь с надеждой, хотя между тем на душе крепко лежит вся тягость дали и вся неизвестность свидания.

На другой день нашего приезда, Машка спросила у меня: Что же не едет Жуковский? — Ванюша расплакался об вас в день своего рождения[3] и я чуть-чуть не подарила ему вашего портрета. — Но полно об этом! мне становится грустно, и самым глупым манером грустно: *жаль себя!* Это, право, со мною редко бывает, и ежели я узнаю, что вам хорошо, что вы счастливы, то никогда и не будет, хоть бы вам вздумалось забыть меня — Mais voilà le malheur*, забыть-то меня. Я верю всем сердцем, вам невозможно, как бы вам этого не хотелось! Всякий раз, как будете чувствовать себя счастливым, будете воображать, будто я вам говорю: *покорно благодарю*. То же при каждом хорошем чувстве, то же при каждом хорошем стихе, который вы прибавите в сумму моего счастья. — Милый друг, мне с вами розно быть невозможно. Делайте для себя, а все-таки тут же чтобы во всей полноте, без

---

[1] *… теперь вы вместе со всеми нашими…* — Жуковский был в это время в Дерпте. В письме к А. И. Тургеневу он сообщал, что отправляется туда 7 марта 1815 года, а в Дерпте будет в субботу, то есть 13 марта (ПЖТ. С. 142).

[2] *Теперь несколько дней уже прошло после первых дней свиданья…* — В Москве Авдотья Петровна встретилась помимо Жуковского с Екатериной Афанасьевной, ее дочерьми, Сашей и Машей, которые вместе с Воейковым были в Москве уже в январе 1815 года. Жуковский писал А. И. Тургеневу 1 февраля 1815 года из Москвы: «Все они уехали уже в Дерпт, а я остался дней на 10 в Москве. Не заеду в Петербург теперь оттого, что хочу скорее их увидеть и узнать, каково они доехали. Я отпустил их не совсем здоровых» (ПЖТ. С. 139). Маша, по получении письма от Авдотьи Петровны, пишет ей 6 марта 1815 года о радости узнать, что та здорова: «Дуняша несносная, ты не знаешь и никак не узнаешь, каково мне было жить столько времени без всякого известия об вас! Я не смела думать о тебе — путешествие твое из Клину, после всех этих слез, в одной шубке… 〈…〉 беспокойства было 33 дни. 〈…〉» (УС. С. 141).

[3] *Ванюша расплакался в день своего рождения…* — День рождения И. В. Киреевского 22 марта / 3 апреля 1806 года.

разделу, радоваться всем вашим! чтобы всею готовностью сердца предупредить все дурное, и ежели можно, так же без разделу взять его себе. — Но на что это говорю? Право, часто кажется, будто какой-то *демон* (pour nous rappeler l'expression favorite de M. S.)** дергает меня за язык! — Сколько раз запрещала себе это и всякий раз прорвется! Знаете ли, Жуковский, сначала в Москве мне казалось, будто я надоедаю вам своею привязанностью, будто вы для того, чтоб от нее избавиться, дразните меня другими, que vous faites semblant de croire, que j'étends volontiers mon admiration même sur des bagatelles, que l'amitié exhalée que je sens pour vous dans tous les instants de ma vie, je peux la sentir aussi pour d'autres, à propos de rien, — et cette ideé que je vous supposais me faisait une peine! une peine. Et cette peine m'a peut-être fait faire des sottises. Mais les derniers jours que nous avons passés ensemble, m'ont laissé une impression douce et triste de la plus vive reconnaissance, je ne vous en parle pas, car je voudrais vous faire juger de moi *par ma vie*, par tout ce que je veux être et que serai certainement; car une telle volonté doit être persévérement la plus chère de toutes les vertus***.

Сашу я на третий день вашего отъезда отвела к Дружинину[1], и он 12 числа был у меня, доволен своим новым житием и весел. Через неделю ровно после вас, отправились и мы восвояси, но эта неделя была длиннее трех месяцев. Теперь же возвратились сюда, я рада не только потому, что была в Москве, но и всему, что там ни случилось. Это научит меня впредь не опираться с такой уверенностью на одно свое внутреннее чувство и сколько-нибудь думать о наружности, потому что надобно и друзьям много дружбы, чтобы понять сердце.

Баронессу я нашла очень дурну и боюсь за нее этой весны! На этих днях, Жуковский, я отправлюсь к ним, не могу думать покойно, что моя Леночка одна сносит такое тяжелое время. Как скоро на Оке будет какой-нибудь переезд, я там! — и не знаю, надолго ли, но вы свои письма все-таки адресуйте в Белев.

Здесь меня ждали такие глупые комеражи[2], что я не понимаю теперь, как они могли так сильно огорчить меня; брань *посторонних* так же, как и хвала, *бряцающий кимвал!*[3] — Господин Бунин говорит, что я в два года истратила 85 тысяч, считает по пальцам, откуда я их получила, но забывши счесть заплаченные долги, постройки и нужные расходы, решил, что я истратила их *на наряды*; — вы, Жуковский, видели сами, что больше двух в Белеве простых платьев ничего к нарядам служащего в Москве себе не сделала; в прочем en tout et pour tout, j'ai dēpensé à Moscou 2400, en y comptant ce dont vous aviez besoin, ainsi donc, en déduisant ces deux milles 400 de quatre vingt cinq, reste encore 83, à dépenser en parures; cela est-il

[1] *Сашу я на третий день вашего отъезда отвела к Дружинину... — Саша* — А. П. Петерсен, см. примечание к письму 14. Петр Михайлович Дружинин (1764—1827), директор училищ Московской губернии, адъюнкт Московского университета по кафедре естественной истории. Посещение П. М. Дружинина Авдотьей Петровной было, повидимому, связано с определением А. П. Петерсена на учебу.

[2] *Здесь меня ждали такие глупые комеражи... — Комеражи* — устар. (от *франц.* commérage) сплетни; происшествия, подающие повод к сплетням.

[3] *... бряцающий кимвал... —* Фраза из 16 стиха послания В. А. Жуковского «К Вяземскому» (ноябрь 1814), восходит к Евангельскому тексту (I Корнф. 13. 1).

soutenable? — de plus****, его совесть запрещает ему быть моим сообщником в разорении детей, и он подал бумагу в отставку. N'avais-je donc pas raison de l'appeller mon complice, en badinant sur son compte? Et ⟨*нрзб.*⟩ moi, après cela les pressentiments*****.

Еще. — Камкин на празднике у Полонских[1] при сборе всего Белева говорит, что я пишу к Гриневу, чтобы он мне прислал нарочного в Москву с моими нарядами, и Ив⟨ан⟩ Никиф⟨орович⟩ в том не отпирается! ⟨*1 нрзб.*⟩ ce du ciel! ****** Мои наряды с нарочным! On dirait d'une vieille robe à panier! tandis que tout ce que nous portons, étant plus fournie de toutes les garderobes, ne peserait pas par poste plus de 20 livres! Mais cette malveillance de tous ceux qui m'entourent m'a laissée une amertume sur le coeur, qu'au lieu de cette fermeté contre le sort et les hommes dont je faisais mention en écrivant à Marie, j'ai senti un découragement assez fort pour me faire tout abandonner. Ecoutez, Joukofsky, et conseillez-moi: vous savez que, de point en point, je ferai ce que vous me direz. D'abord M. Bounin n'étant plus******* попечителем и относясь ко мне так дурно, дает право суду приставить к имению детей опекуна: это говорят так, но может статься и не так.

Je n'en sais rien. Ensuite, mon cher Ivan Nikifre., hier m'a avoué lui-même, que l'aimable complice lui a donné conseil, en le voyant installé dans ses fonctions, de ne se mêler de rien, d'observer tout, de noter tout le mal et de ne corriger rien pour ne pas se faire de mauvaises affaires; une telle mauvaise foi en révoltante. Mais jusqu'à présent le conseil a été suivi, rien n'est arrangé, au contraire. Quand à l'avenir pourrai-je me persuader à présent qu'il mettra de la bonne volonté dans l'avenir, puisque cette bonne volonté était tout ce que je demandais jusqu' à présent le connaissant ignorant dans l'économie. Voilà donc les idées sur lesquelles je demande votre absolution: j'ai envie de choisir quelqu'un pour tuteur informé des enfants que ce soit un homme entendu dans les affaires, entendu dans l'économie, et qui n'ait rien autre chose à faire qu'à s'occupper de l'arrangement du bien de mes enfants,— lui remettre alors *tout* le bien des enfants, et venir m'établir à Dorpat! J'aurai assez de mon revenu à moi, où d'ailleurs 5 ou 6 milles du leur ne pourrait pas m'être utilisé! Cet homme qui à présent en vue est И. Вишняков[2], qui précisément se trouve sans place, je ne peux pas le prendre comme intendant, sans refuser Grineff, ce que je ne veux pas, mais comme tuteur, tous les deux seraient contents! Allons Joukofsky, dites que c'est bien! Vous verrez des détails sur ce Monsieur dans la lettre de Marie! Décidez donc mes amis, il y a du bonheur de ma vie! Mais que dis-je donc? Une vie vous m'aviez marqueé, qu'elle soit ne peut manquer d'être bonne. Si par hasard vous êtes de mon côté, vivat Academie! D'abord un saut jusqu'au troisième ciel, et ensuite chagrins aux vents et ensemble la vie! Quelles délices! On craindrait l'éternité. Adieu, pourtant, mon père, mon ami. N'oubliez pas que votre soin le plus cher doit être celui de votre santé!******** Христос с вами! Дети вас обнимают; Ванюша опять стал *прежний* Ванюша, учтив, мил, послушен и хочет быть хорошим, один знак условный напоминает ему о твердости в намерениях, а с теми еще не налажу, особливо Барбоска!

---

[1] *... на празднике у Полонских...* — Полонские — белевские знакомые Жуковского и Киреевских.

[2] Иван Ильич Вишняков, управляющий в Долбине, друг В. И. Киреевского.

Перевод

* Но какое несчастие (*франц.*).

** Чтобы вспомнить любимое выражение М. С. (*франц.*).

***что вы делаете вид, что верите, что я охотно показываю мое восхищение, даже по пустякам, что возвышенная дружба, которую я чувствую к вам в любое мгновение моей жизни, я могу ее также чувствовать к другим, кстати, без всякого повода,— и эта мысль, что я вас пустила по ложному следу, меня очень огорчала. И это огорчение, может быть, заставило меня делать глупости. Но последние дни, что мы провели вместе, оставили во мне светлое и грустное ощущение, чувство такой глубокой признательности, я не могу даже это выразить, так как я хотела бы, чтобы вы судили обо мне по моей жизни, по тому, кем я хочу быть и кем я, конечно, буду; такое стремление должно быть, безусловно, самой дорогой среди всех добродетелей (*франц.*).

****на все я истратила в Москве 2400, включая то, в чем вы нуждались, и таким образом вычтя эти 2400 из 85, остается еще 83 на украшения, это терпимо? — к тому же (*франц.*).

*****Разве я не была права, назвав его моим сообщником, рассуждая на его счет? И ⟨*1 нрзб.*⟩ после этого предчувствия (*франц.*).

****** Все идет от неба (*франц.*).

*******можно подумать, платье с кринолином, в то время как все, что мы носим, а я хорошо снабжена всякой одеждой, не будет весить по почте более 20 фунтов! Но эта недоброжелательность всех тех, кто меня окружает, оставила мне на сердце горечь, что вместо этой стойкости против судьбы и людей, о которых я упомянула в письмах к Маше, я почувствовала довольно сильное отчаяние, чтобы заставить себя бросить все. Послушайте, Жуковский, посоветуйте мне: вы знаете, точь в точь, я сделаю все, что вы мне скажете. Сначала М. Бунин не будучи больше (*франц.*).

********Об этом ничего не знаю. И потом, мой дорогой Иван Никифорович признался мне вчера сам, что любезный сообщник дал ему совет, увидев его в его занятиях, ни во что не вмешиваться, а только наблюдать все, отмечать все плохое, ничего не исправлять, чтобы не вмешаться в недоброе дело, вот такая взбунтовавшаяся недобросовестность. Но до настоящего времени, следуя совету, наоборот, ничего не изменилось. Что касается будущего, могу я себя убедить в настоящее время, что он приложит все усилия в будущем, потому что эта добрая воля была все, что у него просила до настоящего времени, зная его неосведомленность в хозяйстве. Вот такие мысли, в которых я прошу вашего отпущения грехов: у меня есть желание найти кого-либо опекуном, осведомленным о детях, чтобы это был человек, сведущий в делах, сведущий в хозяйстве, и который только бы заботился о благе моих детей,— передать ему все блага моих детей и уехать в Дерпт!.. Мне было бы достаточно моего собственного дохода, впрочем, от 5—6 тысяч их дохода мне не было бы пользы. Этот человек, которого я сейчас имею в виду,— Г. Вишняков, который как раз сейчас без места, я не могу его взять управляющим, отказав Гриневу, чего я не хочу, но как попечители оба были бы довольны. Ну, Жуковский, скажите, что это хорошо! Вы прочтете об этом господине в письме к Маше. Решайте же все-таки, мои друзья, от этого зависит счастье всей моей жизни! Но что же я говорю все-таки? Жизнь, которую вы бы мне назначили, не может быть плохой, какой бы она ни была. Если случайно вы на моей стороне — слава Академии! Сначала прыжок на седьмое небо, затем печали на ветер и все вместе — это жизнь! Какое наслаждение! Будем бояться вечности! И все-таки прощайте, отец мой, друг мой! Не забывайте, что самой дорогой заботой должно быть ваше здоровье! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 1—2 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 14—18.
Печатается по автографу.

31. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 апреля 1815 г.[1]

Жукачка, я давно к вам не писала, и это очень дурно! а ежели бы вы знали причину от которой молчала, то сказали бы, что это еще хуже! Теперь так много накопилось на сердце, что если приняться за письмо, не расстанешься с ним целый день, а мне этого не хочется, и в стиле Александр Сергеевича доложу просто вашему высокоблагородию, что мы все живем попрежнему в четырех стенах. Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие подобные неистовства, что мы точно так же носимся на тех же ногах, на которых и при вас носились (только par parenthèse* не совсем с этими же головами, что, одним словом, постороннему взору и приметить перемены какой-нибудь невозможно. — Сердцу друга надобно бы взглянуть на внутрь, — но — это милое сердце, может статься, само имеет нужду в утешении, а на сегодня все бессмертные посетители спрятались в туман — гремят одни цепи! и не пускают к милому краю родины. — И так — courage et persévérance!** — будущее и настоящее все сердцу неизменного друга, — и позвольте помолчать, пока хватит *квакать*, т. е. жаловаться, или быть недовольной. — У меня новых синонимов тьма, Жуковский! Все ваши альбомчики записались! А нотных книг довольно и старых! — В приходе хорошего мало, *и того* с тех пор, как мы расстались, редко подводится, разве под расходом счастия! — Ну, ежели эта тоска перед радостию? — Ну, ежели вы скажете: Ура, поймал! — скорей сказывайте мне, что это там с вами делается. Признаюсь, порядочно наши с вами души мучаются. Mais le Purgatoire laisse de moins un Paradis à espérer, si vous me parlez de votre bonheur, me voilà tout de suite aux Elysées. Du reste, c'est pour tromper moi-même que je fais semblante de prendre mon agitation pour le pressentiment du bonheur, — mon ami, je n'espère rien! — ni les têtes courronnées, ni les coeurs amis, ni les persuasions raisonnables, ne peuvent rien quand il s'agit de consciences! Vous ne voudrez pour vous-même d'un bonheur qui lui coûterait son repos. Et qui, par la même, ni serait plus un bien pour aucun de vous. Pour vous avouer franchement je suis fâchée même de ces nouveaux efforts, de ces espérances, que ne servirent qu' à tourmenter votre coeur, — combien de fois faudra-t-il renoncer, se désespérer, revenir à se contenter de la simple belle vertu? Et puis de nouveau à corps perdu dans tous les orages d'une mer agitée, dont toute fois les vagues bien aisantes vous portent contre gré sur le rivage? Pardon, mon cher ami! que Dieu nous garde ce que nous avons! qu'il vous conserve votre âme charmante, vos vertus et qu'il remplisse votre coeur de bonheur de mon amour. Abandon une fois! et aimons sans mesure! à Dieu je vous ai écrit, écrit, — enfin si je ne***.

---

[1] Датируется предположительно летом 1815 г., когда уехавшему в Петербург Жуковскому Елагина рассказывала об их усадебном житье-бытье.

Сергей Ми⟨хайлович⟩, исправник, насмотрелся на ⟨*нрзб.*⟩и велит сказать, что вы сочиняете в стихах и прозе, а он таскается по стуже и морозу.

Маточка Жуковский, давайте нам еще экземпляр на имя *Никиты Петрова Суслова в Ливны*. Вы напрасно не пришлете сюда мне или сестре Аннете экземпляров 15, у нас требуют часто и мы скорехонько бы раздали.

От вас ответу нет ни словечка, не хочется писать и к вам, что-то страшно. — Что-то у вас там делается? — Я почти здорова, а что здорова больная, в смерти и бессмертии Ваша, об этом и говорить не нужно.

Pauline Polonsky qui est maintenant auprès de moi veut que je vous prétende son admiration****. Христос с тобой!

15 апреля Е. Киреевская

Перевод

*между прочим (*франц.*).

**мужество и упорство! (*франц.*).

***Но Чистилище оставляет, по крайней мере, надежду на Рай, если вы говорите мне о вашем счастии, вот я и на Елисейских полях. Впрочем, чтобы обмануть саму себя, я делаю вид, что волнуюсь в предчувствии счастия, — мой друг, я ни на что не надеюсь! Ни коронованные особы, ни сердца друзей, ни благоразумная уверенность, ничто не имеет значения, когда речь идет о совести. Вы не захотите для самого себя счастия, которое будет стоить ей отдыха и которое не станет благом никому из вас. Признаться откровенно, я рассержена этими новыми усилиями, новыми надеждами, которые только терзают ваше сердце, — сколько раз надо будет отказываться, терять надежду и придти к тому, чтобы успокоиться на простой прекрасной добродетели? И потом снова броситься без оглядки в вихри бушующего моря, волны которого каждый раз легко выносят вас против вашей воли на берег? Простите, мой дорогой друг! Пусть Бог сохранит нам то, что у нас есть! Пусть он сохранит вашу прекрасную душу, ваши добродетели и пусть он заполнит ваше сердце всем счастьем моей любви. Прощайте еще раз! — Давайте любить бесконечно! С Богом. (*франц.*).

****Полина Полонская, которая сейчас рядом со мной, хочет, чтобы я выразила ее восхищение (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 3—3 об.—4—5 (*л. 5*).
Печатается по автографу.

32. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 апреля 1815[1] Калуга

Ваше письмо от 21 марта, милый Жуковский, пришло ко мне только вчера и пришло сюда в Калугу, к постели нашей доброй Марьи Алексеевны — со мной сделалось то же, что с вами, милый друг! Ждала его с волнением, с радостною надеждою, — и как бы, оно оставило на сердце грустное впечатление — *что сде-*

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: Авдотья Петровна сетует на наступившее одиночество после отъезда Протасовых и Жуковского в Дерпт.

лаешь с глупым сердцем! Жуковский! не умнее ли те, которые ставят его только в расчеты ума? которые умеют отказываться от него, когда судьбе или друзьям угодно его хорошенько помучить, или берут только на радости, на наслаждении!.. Иногда хочется мне поучиться этому искусству, а иногда слишком становится горько жить, чтобы и этого хотеть. Вчера прочла ваше послание, мне не только было грустно, но на всю жизнь надвинулась такая черная горечь, что я не смела отвечать вам, сегодня немного полегче и хоть спешу на почту, но надобно отвечать вам, прежде получения того письма, которым вы мне грозите. Для того прежде, что я *оправдываться* не стану. Что могли вам говорить обо мне, что бы вы не знали, и каким образом произвольно можно менять в ваших глазах и характер, и человека, и даже все, что есть доброго и хорошего в жизни? — дружбу, любовь, твердость, доверенность? — Главное дело доверенность, но без твердости характера, на что опереться можно? — Против того, что может говорить вам Маша или Маменька, я оправдываться не стану, это будет слишком тяжело, слишком несправедливо, слишком — а другие? — Неужели всякий имеет право вас морочить, и в каком виде хочет показывать вещи? — Неужели дружба одно только слово? Жуковский! жду вашего письма с нетерпением, и что бы там ни было, cela m'a déjà relevé à mes yeux. Je peux me passer de votre amitié, je sais trop que je la mérite toute entière; est-ce que souvent on ne sait se passer de bonheur*, но когда вам моя, дружба будет нужна, что бы вы там все ни делали, она всегда, милый, готова! — это до самой вечности тоже! слышали ли, милостивый Государь, лишь бы не на дурное!

Может быть, я глупо делаю, даю вам право там собравшись щелкать меня, отталкивать, мучить всякими ледяными, гадкими несправедливостями, — и потом сказать только одно слово, и руку на всю жизнь — и опять счастлива, и все забыто! — Но что ж делать, ежели бы и не давала, вы все знаете, что имеете это право, и я, по несчастию, не могу от вас отделаться! — Но так и быть! Что делать с глупым сердцем! — и вы говорите, что расставание хорошее дело, потому что оно *сближает?* Да, если брать в товарищи Einfalt und Wahrheit**, а когда позволяешь завязать себе глаза, или пыль пускаешь *мишурою*, то через тысячу верст мудрено друг другу подать руку и повести по прямой дороге. — Слушайте, Жуковский, делайте, что хотите, верьте, чему хотите, отталкивайте меня, сколько раз хотите — я все-таки буду вашим товарищем, пока буду дышать, и руки, и сердце, и душа — все готово облегчить вам все тяжести, хоть бы вы и не давали, и помогать во всем хорошем. — Как же Маша толкует вашу грусть? — Какое зло сделали вам *предубеждения?* Прошу истолковать, когда мне не весело, я глупа, ни загадок, ни шарад не отгадываю, — и так пишите же скорее…

Eineinziger Augenblick kann alles umgestalten!!*** и хорошее на минуту? и великость души? И твердость? — да, конечно, когда на *свои* силы опираешься, одна я что? un roseau cassé par le moindre orage, mais — ensemble! — et si on me refuse cet ensemble, et que je n'ai pas un soutien? — seule, roseau tant qu'il vous plaira, mais je puis tout en cette douce des consolations! C'est à lui je demande des forces pour vous, mon ami, je sais qu'il vous aime encore plus que je ne le crois****, а идешь к нему с вашей

грустью, как неотвязный ребенок. — Как можно вам хотеть умирать тут душою и телом? — неужели *любовь* может не делать лучше и жизнь и душу? О, для чего не можно мне на этих белых стенах написать вам все, что в моем сердце дало бы вам надежду и уверенность в любви, в неизменяемой любви Провидения? — О ежели бы вы знали, как с ней крепок против всего самого дурного в жизни — все позволено Им, управляемо Им и наполнено любовью отца, друга. — Милый брат мой, пишите мне подробно все, что с вами делается; семейство Рамбаха вспомнило мне слезы моего Ванюши *об вас*[1] недавно, первого апр⟨еля⟩ в день именин наших Маш. *О святая связь родства!* Жуковский, неужели вы и тоже можете не чувствовать, что вы мне брат, что вы родной моему семейству, когда дети мои плачут об вас в день радости? — Я давно уже их не видала, я здесь с нашей милой Марьей Алексеевной, которой здоровье было очень, очень дурно, elle était même en danger*****, но теперь с весною Бог дает нам надежду на лучшее. Она встает, сидит более часу на кресле, сегодня даже думает проехаться. Доктор обещает нам в Мае гораздо больше крепости,— elle était même en danger*****; — я у вас не увозила Schillera*******, и вы напрасно на меня досадуете. — Я даже не знаю, где он. — Знаете, часто мне жаль, что я не написала вам много в Альбом[2],— что ни говори, что ни делай, а все-таки в альбом *записано*, так лучше. — Кажется мне, вы многих обещаний не помните; *ваших* обещаний, разумеется,— а моих помнить нечего, одно слово на всю жизнь, и на другую жизнь — и везде его довольно будет: дружба! — твердость против дурного, и persévérance******** в хорошем! — Аминь!

Вот как на свете делается! Написавши к вам это, мне стало весело, и до того весело, что захотелось обнять вас, сказавши: Христос воскрес! Славное это слово! — ô mort où est la Victoria! Le néant, la mort, l'oubli, le péché, même tout est anéanti par ce mot, car c'est tout amour!!********* Слушайте, Жуковский, прошу и требую. Первое требование исполнить можно: не показывайте моих писем Воейкову, ни прежних, ни теперешних. А впрочем, как хотите.

Перевод

* Это меня уже возвысило в моих глазах. Я могу обходиться без вашей дружбы, я очень хорошо знаю, что я ее заслужила целиком. — Часто ли умеют обходиться без счастия? (*франц.*).

** простота и правда (нем.).

***Один единственный взгляд может все изменить!! (нем.).

[1] *... семейство Рамбаха вспомнило мне слезы моего Ванюши об вас...* — Фридрих Эбергард Рамбах (1767—1826) — профессор камеральных наук и ректор Дерптского университета, автор стихотворений.

[2] *... жаль, что я не написала вам много в Альбом...* — В «Альбоме» 1815 года (ПД. № 27802), заполненном прощальными посланиями к Жуковскому перед его отъездом в Дерпт членами дружеского кружка, переселившегося из Муратова в Долбино (А.П. и Е.П. Юшковы, Авдотья Петровна с детьми), среди записей, изъявлявших любовь и дружбу к «милому Жуковскому», рукой Авдотьи Петровны на листах 2 и 2 об. переписана глава «Shiller» из книги М. де Сталь «Германия».

****тростник, сломанный бурей, но — вместе! — и если мне откажут в этом «вместе» и у меня не будет поддержки? — Одна, тростник, как вам будет угодно, но я могу быть втайне утешением. Это у Него я прошу силы для вас, мой друг, я знаю, что вас еще Он любит больше, чем я предполагаю (*франц.*).

*****Она была в опасности (*франц.*).

****** Друг мой, если бы вы были здесь, тогда бы вы были, как говорят, настоящей религией и силами, которые она дает, — я не знаю, сколько времени я проведу здесь, так как я очень счастлива быть им полезной, — но посылайте ваши письма в Белев, — я их получу быстрее. (*франц.*).

******* Шиллера (нем.).

******** постоянство (*франц.*).

********* о, смерть где победа! — небытие, смерть, забвение, грех — все это стирается этим словом, так как это есть любовь!! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 6—7 с об.
Копия РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 12—13.
Печатается по автографу.

33. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт, 1815, вероятно, конец апреля[1]

Вот еще мысль не моя, а Тетушкина[2] и потому лучшая: вы прикажете заложить ту карету, в которой четыре колеса, не стоящие и двух; сядете в нее; велите Василию ударить по лошадям; он ударит, лошади не пойдут; вы потерпите часок-другой; потом поплететесь шагом в Белев к Карлу Яковлевичу[3], и следует такая сцена:

Лакей Аполлос. Дома ли Карл Яковлевич?
Девка. Дома! Готовит слабительное для Андрея Николаевича![4]
Авдотья Петровна. Скажи, что я приехала!
Карл Яковлевич (потирая руки). Здравствуйте, милая Авд⟨отья⟩ Петровна!

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: «Вопроса о назначении опекунов над имуществом детей А. П. Киреевской Жуковский касается в своем письме к ней от 26 апреля 1815 года (УС. М., 1904, с. 7—9). Не является ли настоящее письмо окончанием письма от 26 апреля, писанном только на отдельном листе?» (Примечания И. А. Бычкова. РБ 1912, № 442. С. 91).

[2] *...мысль не моя, а Тетушкина* — Тетушкой (иногда Маменькой) в письмах называют Екатерину Афанасьевну Протасову.

[3] *...потом поплететесь шагом в Белев к Карлу Яковлевичу...* — Карл Яковлевич Дезе — белевский знакомый Жуковского и Авдотьи Петровны. По просьбе Дезе Жуковский обращался за помощью к А. И. Тургеневу, а Карл Яковлевич, в свою очередь, исполнял поручения, касающиеся Киреевской. См. копии писем Жуковского к К. Я. Дезе, хранящиеся в РО РГБ, ф. 198, оп. 1, № 78.

[4] *Готовит слабительное для Андрея Николаевича* — Андрей Николаевич Мясоедов был Белевским уездным стряпчим.

Авд⟨отья⟩ Петровна (кланяясь). Я с нуждою к вам, любезный Карл Яковлевич! И с большою нуждою.

К⟨арл⟩ Як⟨овлевич⟩. Разве у вас в Долбине нет места?

А⟨вдотья⟩ Петр⟨овна⟩. Есть! да нечисто. Но я не о том, мой милый Карл Яковлевич! Послушайте! Я опекунша моих детей, а мне еще самой нужна опека. Посему и желаю переменить опекуна! Для этого нужен человек честный — Жуковский не вор, не пьяница, но глуп! Вы умнее! Один опекун будет он — то есть для того, чтобы все писать, везде ездить, везде хлопотать по делам! а другим опекуном будете вы — чтобы ему советовать, над ним надзирать и с ним вместе проверять счеты и их подписывать! и прочее. Хлопоты же хозяйственные будут вверены хорошему приказчику — он будет у вас двух под надзором! Сверх того, все те выгоды, которые соединены с опекунством, вы будете иметь, что будет весьма выгодно самим вам, ибо ваше состояние ограничено, даже и то, что Жуковский получил бы как опекун, вы можете взять себе же. — Я знаю его! Он питается эфиром и пьет медвяную росу.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 8—8 об.—9.
Впервые опубликовано: РБ. С. 90—91.
Печатается по копии.

34. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Апреля 26, Дерпт, 1815 г.[1]

Вы пишете, милая моя и добрая сестра, или лучше всего, друг, чтобы я дал вам совет, которому вы последуете с точностью — вот что пугает меня — дать такой совет, которому непременно последуют, значит дать непременно совет хороший! Как же себе поверить, особливо в таком деле, в котором я худой советник! Милая, как мне в эту минуту жаль, что я не имею всемогущества; дал бы себе опытность, дал бы себе знание дел и явился бы у вас в Долбине, опекуном Ваньки, Петруши и Маши. Revenons à nos moutons*. Одна половина вашего плана мне понравилась: жить своими доходами, не тратить ни копейки более своих доходов, предоставить управление детскими деревнями верному человеку и чтобы он имел воможность все привести в порядок, дать ему полномочие и для этого самой уехать — все это прекрасно, но вопрос, кто этот человек, которому можно дать полномочие? Вишнякову можно ли дать доверенность? Он уже, как вы сами пишете,

[1] Дата устанавливается как ответ на письмо Авдотьи Петровны от 26 марта 1815 года. В копии карандашом сделана пометка для переписчика «№ 23. И это письмо выпусти, дабы не вредить серьезности настоящего предмета». Основанием для датировки может служить и запись в дневнике Жуковского от 28 апреля 1815 года: «Решиться быть опекуном — была минута энтузиазма! Но это надобно хорошенько обдумать! Может быть, еще полезнее *не быть* опекуном, чем *быть*» (ПСС2. Т. 13. С. 114).

показал себя, и с дурной стороны! Как же оставить его господином вашего имения! На это не могу сказать ни да, ни нет, потому что не смею; и выходит, что я не даю никакого совета! Мне пришла было в голову вот какая идея: привязать Вишнякова к вашим выгодам его собственными выгодами! Например, сделать с ним условие, что он непременно по окончании опеки, и если опека будет такова, как должно, получит от вас из вашего собственного имения 100 душ — это надежда иметь наконец верное состояние была бы для него поощрением употребить все внимание на управление деревнями! Но вопрос, стоит ли Вишняков такого пожертвования! Может быть, со всею доброю волею он не в состоянии ничего сделать. Вот другая *мысль — найти хорошего Управителя* (о чем можно похлопотать и здесь в Петербурге) и дать ему для поощрения ту же надежду на 100 душ; он бы занимался делами хозяйственными, а для надзору за ним и для сохранения порядка в делах по опеке назначьте меня Опекуном. Я не думаю, чтобы это была такая тарабарская грамота — нужна только заботливость, добрая воля и точность. Все это можно иметь, если только захотеть; люди управляют государствами, а мне не управиться с бумагами опекунскими — этому я плохо верю. Но только надобно непременно, чтобы был человек, который бы имел в полной власти хозяйственное распоряжение и его разумел. Тогда все, что мне останется сделать, будет безделица; в короткое время могу получить весь нужный навык — стоит только захотеть, а я захочу верно. Для безопасности же моей надобно иметь и другого опекуна, который был бы только свидетелем, не был бы принужден иметь забот, но по крайней мере видел бы, как все делается, и помогал хотя советом — для этого можно взять только как опекуна Василия Николаевича. Приказчика здесь найти можно; вчера я видел одного, за которого ручается такой человек, за которого я ручаюсь. Но он требует ужасно дорого. Если ему дать надежду на 100 душ, то это будет лучше всякого жалования и тогда, разумеется, он должен будет взять втрое меньше. 100 душ можно отдать за сохранение 1000. Он человек умный, не знаю, хороший ли хозяин — но в этом случае надобно верить тому свидетельству, которое дают ему здесь знающие люди; за честность его ручаются. Одним словом, он, или кто другой, был бы настоящим хозяином и на его руках лежало бы все главное дело; я был бы опекуном, в первый год довольно худым, во второй лучшим, а в третий прекрасным и наконец совершенным; Василий Николаевич был бы моим дядькой, сторожем, советником и прочее; а вы бы, Милостивая Государыня, сперва оставили бы нас в покое, то есть уехали бы из Долбина в Дерпт, дабы развязать нам руки, дать волю все привести в порядок, жили бы своими доходами, получили бы только нужные на воспитание деньги, занимались бы усердно и без рассеяния тем только, чем заниматься должны, воспитанием детей, которым, что ни говори Елена Ивановна, вы еще нисколько не занялись, хотя и прочитали M-me Edgeworth[**1] и пр. и пр. Потом на готовое, на приведенное в порядок возвратились бы домой, и дело ваше

[1] *...хотя и прочитали M-me Edgeworth...* — Эджворт Мария (Edgeworth Maria, 1767—1849), английская (ирландская) писательница и моралистка, автор романов, повестей и педагогических трудов; большим распространением пользовались ее «Essays on Practical Education»,

состояло бы в том, чтобы не расстроить то, что устроено. Не знаю, может ли быть таким приказчиком, какого мне надобно, Вишняков; об этом потолкуйте с сестрами; знаю, что и я худой опекун quant au présent***, но я думаю, что с доброю волею и с доброю помогою можно сделаться скоро тем, что должно. Ведь я же принужден теперь пойти в службу — почему же служба (какая бы он ни была, а я еще никакой не знаю) — легче опекунства? в службе же своя одна выгода — cela ne me tente pas et cela ne me donnera pas toute l'activité nécessaire!**** А здесь — польза *настоящая* милых моих друзей! Поневоле из кожи вон полезешь! Одним словом, если будет хороший приказчик и если будет Василий Николаевич, или подобный ему, другим опекуном, то я готов! Вас же прошу за меня все обдумать — я еще не имею полного понятия о всех опекунских обязанностях: но ведь это не *море выпить*!

Нужны только bonne foi, courage et résolution*****. С этими тремя вещами все на свете делается. Правда, не надобно забывать и того, что против этих трех прекрасных вещей лукавый часто строит свои козни — но думаю, что когда будет идти дело не о *своих выгодах*, а о настоящих своих, то есть *выгодах милых людей*, то будешь поневоле и тверже, и осторожнее, и деятельнее — будешь действовать с большим хладнокровием; сердце будет служить уму, а не ум сердцу. Вот все, что я хотел ответить на ваш запрос — лучшего придумать не умею. На остальное вашего милого письма буду отвечать много, много из Петербурга. А вас прошу отвечать мне на следующие пункты, на имя Тургенева, живущего на Фонтанке, в доме князя Александра Николаевича Голицына[1], близ дома военного Министра. Искать ли для вас приказчика? Дерзать ли на опекунство — об этом переговорите со всеми, с кем говорить можно. — Но лучше всего, не приехать ли мне в Июне или в Июле месяце к вам? все учредим и устроим, entendu, que nous sommes des têtes bien reglées, bien posées******. Но еще *NB*! имея на руках опекунство, вам и думать не должно о поездке в Дерпт. Полно жертвовать минутам! Это обыкновенная моя с вами песня. Прошу отвечать мне немедленно. До получения вашего письма я ничего не решу с собою в Петербурге. — Вот две полные страницы, но я не знаю, есть ли в них здравый смысл, но поверьте, в них есть здоровое сердце, которое готово быть хоть *умом*, лишь бы только на что-нибудь пригодиться на здешнем свете. — Простите до Петербурга. Обнимите наших сестер. Пришлите моего Шиллера. Поцелуйте обе ручки у милой Марьи Алексеевны. Напомните обо мне хорошенько Елене Ивановне. Детей целую. Ваньке пришлю свой портрет и скоро.

Перевод

* Вернемся к нашим баранам (*франц.*).
** Мадам Эджворт (*франц.*).
*** что касается настоящего (*франц.*).

переведенные А. П. Елагиной и опубликованные в «Библиотеке для воспитания» (1843, отд. 1, ч. 1; 1844, отд. 1, ч. 2).

[1] *...в доме князя Александра Николаевича Голицына...* — Александр Николаевич Голицын (1773—1844), князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения в 1816—1824 годах.

**** это меня не прельщает и не дает мне необходимой активной деятельности (*франц.*).
***** доброе убеждение, отвага и решимость (*франц.*).
****** понятно, что у нас головы благоразумные и положительные (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 2—5 с об. –6—8—8 об.—9.
Впервые опубликовано: УС. С. 7—9.
Печатается по копии.

35. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 мая, 4 часа поутру, Долбино 1815[1]

Сегодня праздник весны; магическое слово Май разбудило меня еще до солнца, надобно сказать несколько слов вам, милый Жуковский. Что-то у Вас там? *где* вы теперь встречаете прекрасный день? Не может быть, чтобы вам не было совершенно хорошо теперь, у меня на душе так неизъяснимо весело и спокойно! а ведь вы, за какие бы тысячи верст не ушли, не можете быть от меня далеко. — Милый брат, отчего же только моя бедная душа таскается всюду за вами, как тень забытая, за Хароном[2], за что вы не откликаетесь? После грустного письма от 20 марта я не видала от вас ни строчки, и если вы вспомните свои обещания, досаду на меня за сомнение и все горе разлуки, то сами скажете: «Это не хорошо». — Маша, от 4 апреля, пишет мне два слова, но эти два слова лучше волюмов, *ей весело*, говорит она; это значит, что весело и всем ее окружающим, что весело вам, следовательно, эти два слова перетянут многие тяжелые несправедливости. Они почти заставили меня забыть прочие пени и напрасные брани, которыми другие дополнили страницу. Но полно об этом! Сегодня можно смело оттолкнуть от себя на время хоть грусть и *пустить на ветер!* день тихий и ясный, может, не принесет ничего назад! А прелестный этот воздух, майское светлое небо и любовь Божия везде и во всем, какой тьмы не развеют! О ежели бы только я знала, что вам хорошо! Жуковский милый, ежели бы я это знала так верно, как знаю, что сердце неизменного друга хранит вас со всею любовью доброго Отца и со всею заботливостью *предвидящего* рассудка, во всех ваших действиях, радостях огорчениях, то ничего бы не пожелала в жизни! Для чего теперь не могу передать вам неизъяснимо сладкого чувства *совершенной доверенности,* которая во всем, что бы ни сделалось, заставляет живо чувствовать Его любовь, и все украшает, все, всю жизнь веселием, великим светом озаряет! — *Все что мое, то ваше*, — сказали

[1] Год устанавливается на основании упоминания о «Балладе, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Баллада была закончена в первом варианте в конце 1814 г. и в начале 1815 г. представлена в цензурный комитет. В «Амфионе» 1815 г. (№ 2. С. 87) был опубликован цитируемый в письме катрен А. Ф. Мерзлякова.

[2] *... тень, забытая за Хароном...* — В греч. мифологии Харон — седой угрюмый старик, переправляющий души преданных погребению умерших через Ахерон, реку в преисподней.

вы мне, милый брат! Для сердца моего это неоспоримая истина; вся жизнь моя, вся душа принадлежит вам обоим,— но с каким счастием отдала бы все хорошее в этой душе, чтобы вы чувствовали почаще те чудесные утешения, которые я ни за что нахожу часто в одной любви и в внутреннем чувстве полного сердца. — Милый друг! прекрасно все в жизни, *потому* что есть другой мир! Как можно не с кротостью переносить здесь все, когда знаешь, что там душа открыта свободно, что всякое чувство будет понято *так*; что все несправедливости, кривые толки, mésententes*, исчезнут от одного взора друга, без толкований, без expēdенций**, как под рукою Господина рассыпались цепи вашей *Старушки*[1]. — А здесь пока, какой свидетель утешительный! Какой верный друг! Какая везде любовь! Сколько прелестей в одной весенней природе! — Теперь мои все еще спят утренним сном, дети все загорели, здоровы и рады мне так, что даже наша Барбоска вчера продержала своими ручонками[2] мою руку до тех пор, пока заснула и не свела ни на минуту с меня глаз. — Сестра, узнавши мое возвращение, приехала тотчас, несмотря на сумерки, и Анета спит теперь подле меня, загороженная вашими голубыми ширмами, у меня отворено окно, солнце только что играет лучами с свежим утренним туманом, лягушки кричат, дожидаясь полного дня, листья на деревьях только что начинают развертываться, и все это так хорошо, так весело сердцу, что хотелось бы вам отдать это чувство, милый Жуковский! — в одном из тех листочков, которые вы отдали мне прошлого года, помните ли, вы рассуждали о молитве? — вы говорили, что молиться — значит или просить чего-нибудь с хорошим намерением, или благодарить,— мне кажется, есть еще самый простой и самый частый манер молитв — *любить!* — Не просишь ничего, не думаешь даже порядочно или, по крайней мере, не разбираешь своих мыслей, а с наслаждением любишь, *да и только!* И так я готова целую жизнь,— и как бы хлопотно ни жить, готова жить и хотеть добра, хоть бы сто лет! Право, Жуковский, жизнь что-то хорошее,— вообразите только это, когда я соглашаюсь жить сто лет, не выговаривая себе счастия в жизни? Когда со всеми вами — розно, да и не только розно тысячью верстами, но еще кто вас знает, какими глупыми разделена подозрениями, приличностями, и дурными не достойными обоих вас чувствами. Mais vive Dieu! Joukofsky! L'amitié est immortelle comme lui! — et tout cela est encore devant moi!

Mais je ne sais de quoi je vous parle, je me laisse entraîner par le plaisir de vous parler, aujourd'hui que je suis heureuse d'être revenue chez moi! Cette lettre du 20, défend les digressions! Je veux vous donner de bonnes nouvelles de notre, excellente amie, que je n'ai quittée qu'avec certitude bien prouvée d'un mieux sensible. Le docteur ne promet pas un rétablissement complet, mais il espère beaucoup des beaux jours, et de ces

---

[1] *... как под рукою Господина рассыпались цепи вашей Старушки* — Отсылка к тексту «Баллады, в которой описывается, как одна Старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди» (1814). При появлении Сатаны «И с громом гроб отторгся от цепей, / Ничьей не тронутый рукою; / И вмиг на нем не стало обручей… / Они рассыпались золою» (ПСС2. Т. 3. С. 55).

[2] *... наша Барбоска вчера продержала своими ручонками…* — Так Авдотья Петровна ласково называет свою дочь Машу.

trois semaines de distraction qui lui ont procuré un recouvrement de forces. Le 21 elle compte d'être à Volodkovo, — mais je crains que la fatigue de la route ne lui fasse du tort, et le 19, je serai de nouveau à Calouga pour les reconduire jusqu'ici. Si vous répondez à la petite lettre, qu'elle et Helena vous ont écrite, ce sera pour moi que vous ferez parvenir la réponse. Mon ami, j'aurai voulu pouvoir vous conter en détail comment j'ai passé ces trois semaines, et combien cette douce résignation, non pas sur ses propres souffrances, car cela n'est pas difficile, mais sur la vie entière de son enfant qu'elle aime, et pour qui elle ne voit que du malheur, combien cette résignation dis-je, est touchante! Oh, comme souvent je vous ai désiré auprès de son lit! Joukofsky! Comme elle vous aime! Je ne sais si elle peut aimer d'avantage Pierre, comme il y a du plaisir à prier avec elle pour vous! Et combien de fois le jour nous l'avons fait d'un commun accent! Mon cher, quand je dis pour vous, je dis aussi pour elle; je vous prie pourtant, Monsieur le distrait; de vous le tenir pour dit, une fois pour toutes, je m'ennuie des soins que je prends d'être prudente, je veux vivre *simplement* de coeur et d'âme avec vous comme je vis simplement avec moi-même. Est-ce avec des amis que j'irais chercher à masquer un sentiment qui en également partagé entre vous deux? Est-ce *avec vous* qu'il faut chercher des termes pour affaiblir ce que je veux vous dire, crainte que vous n'interprétiez autrement, et par conséquent, en mal, ce qui est bon, vrai, fort et pur, comme la lumière du soleil lui-même? — on dirait d'un fât! — Joukofsky, mon frère, mon ami, personne ne peut vous aimer ni autant que je vous aime, ni comme je vous aime, mais c'est avec un amour si pur que Dieu. Et Marie, et mes enfants, et mes soeurs, et mon mari, personne ne peut trouver rien à redire, ni à changer. — Voilà après cela je me trouve, délivrée comme d'un fardeau, — nos prudences me tourmentaient, et vos vilaines suppositions me gênaient et me rendaient malheureuse. Si vous ne me croyez pas, dites-le-moi pourtant franchement et simplement. Je saurai du moins à quoi me tenir, et sans me désoler de vos injustices, je vous aimerai toujours de même sans vous le dire. Adieu, en attendant! Voyez ce que fait l'air de ce beau printemps! — il ne mérite plus de pénible sur le coeur! — à Dieu!***

Не могу утерпеть, чтобы не сказать вам Мерзлякова чудесный *катрен*[1], который показывает, как можно самую поэтическую прекрасную мысль *перевернуть* в Полишинель[2]

---

[1] *...Мерзлякова чудесный катрен...* — Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), воспитанник Московского университета, профессор эстетики, с 1804 года занимал кафедру российского красноречия и поэзии, поэт, переводчик, литературный критик; оказал большое воздействие на учеников, среди которых были А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, Н. М. Рожалин и другие. Речь идет о катрене А. Ф. Мерзлякова «Восток и Запад»:

Воззри на светлое Востока украшенье,
И жизнью веселись.
Но ты страдал — тебе потребно утешенье:
На Запад обратись.

(*Мерзляков А. Ф.* Стихотворения. Л., 1958. С. 260)

[2] *...прекрасную мысль перевернуть в Полишинель...* — Полишинель — комический персонаж французского народного театра.

Смотри на пышное востока украшенье
И жизнью веселись!
Когда ж страдаешь ты и нужно утешенье,
На запад обернись! Лучше просто перевернись!

цук! цук! цук! цук! tourne cocolorum!****
Что наш Батюшков? Ариост? или Плутарх?[1]
Что его нового?

Перевод

* разногласия (*франц*.).

** уловок (*франц*.).

***Но, да слава Богу! Жуковский! Дружба вечна, как и Он! — и все это еще передо мной! Но я не знаю, о чем вам сказать, мне хочется с удовольствием поговорить с вами, сегодня, как я счастлива, что вернулась домой! Это письмо от 20 запрещает отступления! Я хочу вам сообщить хорошие новости о нашей прекрасной подруге, которую я покинула с твердой уверенностью, что ей лучше. Доктор не обещал полного выздоровления, но он надеется на лучшее, на эти три недели развлечений, которые обеспечили ей новые силы. Двадцать первого она надеется быть в Володькове,— но я боюсь, как бы дорожная усталость не сделала ей плохо, и 19 я снова буду в Калуге, чтобы их сопровождать к нам. Если вы ответите на записку, которую она и Елена вам написали, этот будет для меня значить, что вы дадите ответ. Друг мой, я хотела бы рассказать вам подробней, как я провела эти три недели, и насколько это нежное смирение не перед ее собственными страданиями, так как это не было сложно, но перед жизнью ее ребенка, которого она любит и для которого она видит только несчастье, насколько это смирение,— говорю я,— трогательно. О! как часто я хотела, чтобы вы были рядом с ней (у ее кровати)! Жуковский, как она вас любит! Я не знаю, сможет ли она больше любить Пьера, вечерами мы молились с ней за вас! Сколько раз днем мы это делали вместе! Мой дорогой, когда я говорю для вас, я говорю также для нее; тем не менее, прошу вас, господин рассеянный, принять это к сведению, раз и навсегда. Я скучаю о заботах, которые я предпринимаю, чтобы быть осторожной, я хочу жить просто душой и сердцем с вами, как я просто живу в ладу с собой. С друзьями ли я бы хотела спрятать чувство, которое разделено между вами двумя? И с вами ли необходимо искать слова, чтобы смягчить то, что я хочу вам сказать, боясь, как бы вы не поняли по-своему, следовательно, худо, то, что хорошо, действительно, сильно и честно, как свет самого солнца! — Можно подумать, что я самодовольна! — Жуковский, друг мой, брат мой, никто не сможет вас любить так, как я вас люблю, но такой чистой любовью, как любовь к Богу. И Маша, и мои дети, мои сестры, мой муж, никто не сможет ни найти повод к критике, ни изменить. Вот после этого я чувствую себя свободной как от груза,— наши предосторожности мучили меня, смущали

[1] *Что наш Батюшков? Ариост или Плутарх?* — Ариост (Ariosto, 1474—1533), итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Неистовый Роланд». Плутарх (ок. 46 — ок. 127 гг.), греческий философ и писатель, автор «Нравственных сочинений», «Параллельных жизнеописаний», прославлявших прошлое Греции, республиканские добродетели и давшие материал для развития истории и мировой литературы. К.Н. Батюшков — глава «легкой поэзии», восходящей к традиции анакреонтики XVIII века. Программным явилось послание «Мои пенаты» (1811—1812, опубликовано 1814 г.). Вопрос Авдотьи Петровны («Ариост или Плутарх?») отражает направление поэтической деятельности К.Н. Батюшкова, создававшего как произведения исторического характера («Переход через Рейн», 1814), так и эротического содержания.

меня, и ваши гнусные предположения делали меня несчастной. Если вы мне не верите, тогда скажите мне честно и откровенно. По крайней мере, я буду знать, как себя вести, не огорчаясь вашей несправедливостью, я буду вас любить всегда, даже не говоря вам об этом. Прощайте! В ожидании! Видите, что делает воздух этой прекрасной весны! Она больше не заслуживает огорчений на сердце! — Дай-то Бог!

**** повернись (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104. Жук., к. VII, № 16, л. 8—9 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 19.
Печатается по автографу.

36. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

12-го мая, Петербург. 1815[1]

Я от вас уже получил два письма здесь в Петербурге. Одно грустное и досадное, которое доказывает мне, что моя сестра, к которой моя дружба ничем и никем переменена быть не может, совсем не поняла меня, и на которое отвечать буду подробно; другое милое, писанное первого мая и точно майское, потому что оно наполнено весною жизни, говорит о весне вечной и дает на нее надежду — теперь пишу для того только, чтобы сказать, что я получил эти письма; отвечать некогда, потому что меня затаскали, что голова идет кругом, что я не хочу писать со спехом, хочу сказать все и обо всем. Буду отвечать и на бесценное, одобрительное письмо *наших* милых друзей, которые *здесь* еще мне дороже. Теперь я попал в кипящий свет и сам как в кипятке. Тьма новых знакомств и тьма старых; много прекрасного. Напишу обо всем подробно на следующей почте, если однако успею. О *главном единственном* не говорю теперь ни слова — знайте только одно, что на свете много для меня прекрасного и без всякой надежды! Вы должны уже теперь иметь мои два последние письма, писанные из Дерпта. И к ним будет дополнение. Дайте только приняться за порядочную жизнь. Прошу вас сказать от меня Карлу Яковлевичу[2], к которому буду сам отвечать, что все, зависящее от меня и Тургенева, будет сделано непременно и что для меня было бы великим счастием сделать что-нибудь полезное для такого почтенного и милого мне человека, как он. Простите. Voilà m-e Drousjinine qui arrive* [3]. Анету и Катошу обнимаю, и Азбукина, и моих ангелов деток и Наталью Андреевну.

Жуковский

Перевод

* Приезжает мадам Дружинина (*франц.*).

---

[1] Датируется как ответ на письма Авдотьи Петровны от 22 апреля и 1 мая 1815 года.

[2] *Прошу вас сказать от меня Карлу Ивановичу*... — К. И. Дезе. См. примечание к письму 33.

[3] *Voilà m-e Drousjinina qui arrive* — Возможно, супруга Петра Михайловича Дружинина (1764—1827), директора училищ Московского университета по кафедре естественной истории.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 3. С. 673.
Печатается по первой публикации.

37. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 мая Мишенское. 1815[1]

Жуковский! с каким мне чувством отвечать на ваше милое письмо? Оно столько разных, для меня необыкновенных чувств возбудило в душе, что я желала бы все передать вам не с таким беспорядком, с каким они теснятся в сердце. Друг мой! вашим предложением вы уже *все* для меня сделали. Вы дали мне счастье, силу, твердость, неутомимость! Собираясь разделить со мною тяжелое для меня, ваша милая дружба сказала мне, что мне делать должно. Избави меня Бог, дать вам еще бремя в жизни; *свое* бремя *вам*, которому я с восхищением отдала бы все радости, все хорошие чувства, все счастие, чтобы вашу облегчить дорогу! — вам дать заботы и дела запутанного хозяйства, связать с людьми недоброжелательными, подыскивающими под вами, не способными понять и видеть хорошее, даже осмеивающими его; вам, от которого бы я охотно скрыла все, что есть на свете холодное и недоброе, чтобы ваша милая душа могла только радоваться миром прекрасным! Милый друг мой! Я бы не стоила того, чтобы смотреть на детей моих, если бы приняла ваше предложение! — Вы должны быть *счастливы*: — в Дерпте, или — когда судьба велит не так — *полезны* в кругу, сходном с вашими способностями. — Но повторяю еще раз, предложением вашим сделали вы для меня *все*. Ваша дружба дала мне доверенность к себе; я готова с неутомимостью стараться исполнить долг свой, готова посвятить себя совершенно всей скуке, тяжести грозивших мне хлопот, и на сию минуту чувствую столько бодрости, что готова сразиться и *победить*, не только все опекунские дела, но даже и дела государственные, если бы нужно было. И этим я обязана вам. Ноша моя меня тяготила, я не только от усталости скучала и грустила и готова была ее с себя сбросить — мысль отдать ее вам меня испугала, — она показалась мне легка, — и я теперь буду нести ее, не говоря ни слова, и чувствую во всяком новом преодоленном затруднении *благодарность* за вашу милую, одобрительную дружбу. — Пускай говорят что хотят! Пускай портят и мешают, я буду теперь идти против всех возможных препятствий, несправедливостей, malveillances*, буду делать свое с терпением и настойчивостью, буду хотеть хорошего, ждать его, верить ему вечно, и ни от чего, ни от кого, ни на шаг не отойду от своей должности! — Между тем ваше письмо пошло к нашей доброй Марии Алексеевне, чтобы она видела еще опыт милой доброты сердца, готового снять с друзей все горести жизни; прочту его нашей Анете, когда она возвратится, но теперь не могла удержаться, чтобы не сказать

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 26 апреля 1815 года, в котором он предлагает стать опекуном детей Авдотьи Петровны.

вам, что благодарность вашей сестры соединена с чувством блаженства: дети еще не способны чувствовать цену вашего предложения, но все трое с удовольствием поцеловали письмо от Жуковского: Ванюша с восхищением за обещание портрета. У него теперь сильная лихорадка, и письмо ваше пришло во время жару, так как письмо друга всегда приходить должно; с утешением, силою против нехорошего, надеждою вперед, облегчением настоящего. Милый брат! для чего я не могу быть для вас тем же! — для чего вы мне ничего не говорите об себе? Почему вам служить нужно? — Где и как? и зачем хотите вы служить? — Что такие за опыты в этот месяц рассказала вам жизнь? — Вы забываете, что мы за тысячу верст друг от друга, что полслова, сказанные кое-как, иных заставят не поспать ночи три, четыре, что от них придумаешь себе горе, горе! — а его, может, и не бывало! — вряд ли и со мной не было того же? Первое ваше письмо взволновало все внутри сердца, чудесным образом, и я написала вам письма два, которые может быть огорчили вас! Если было в них какое чувство, какое вам не понравилось, вымарайте его смело, и в письме и в сердце! — в моем, кроме небесного чувства благодарной дружбы, не осталось ничего,— горькому места нет! — а с этим чувством горькое в обстоятельствах, в случаях жизни, все покажется сносным и даже легким. Жду с беспокойством ваших писем из Петербурга, вы расскажите мне все, что с вами было и что теперь есть! — Не знавши вашего, я, пожалуй, готова была на много сказать: *хорошо! прекрасно!* а это прекрасное вам, милый, за тысячу верст может казаться Бог знает каким черным! Например, предложение ваше приехать сюда, нынешним же летом, заставило забиться крепко сердце! Оно показалось мне прелестно! восхитительно! Об рассудке ни слова! Но что же скажет вселенная? — Ах, кстати, что бы сказала вселенная, если бы вы вправду увязли в моих грязных хлопотах? — Не ужасно ли бы было давать отчет ей, за первого поэта России, мне, которая не умеет сладить с отчетами Орловской опеки? — Наши обе рассудительные головы не много бы сладили с делами, истолковали бы мало толку, но право, я бы набралась твердости и решимости надолго! узнала бы, какие вы делаете для своего будущего прожекты, и куда мне перемещать свою Аркадию![1] — Друг мой! ведь я не попаду в Дерпт! *полно жертвовать минутам!* Вся жизнь добру, и постоянству в добре, а счастье придет ежели хочет. — Но сегодня, с этим письмом, я смело сужу и о счастии… Дружба, счастие, добро — для меня это одно и то же! И это по милости вашей! слышите ли, милый брат? Милый друг детей моих!

Возвратимся однако ж к нашим баранам, опекунство же Вишнякова я натурально уже не думаю, и *никого* после вашего милого предложения, *слажу сама*, и наверное слажу с советами сестер и постоянной волей,— Ивана же Никиф⟨оровича⟩ я должна оправдать в ваших глазах. Неужели я вам не сказала, что он *сам* признался мне в предписанном ему Алексеем Сергеевичем?[2] И сле-

[1] *…и куда мне перемещать свою Аркадию!* — поэтический образ счастливой жизни, восходящий к стихотворению Ф. Шиллера «Resignation» (1787): «И я в Аркадии родился!»

[2] *…признался мне в предписанном ему Алексеем Сергеевичем?* — Алексей Сергеевич Бунин, родственник А. П. Елагиной.

довательно этим одним доказал, что хочет быть ладным со мною, и принимается смотреть за хозяйством. Теперь он и взялся, сколько умеет; — правда, умение это не очень велико, по крайней мере, начинает быть *хотение*, или поползновение к намерению хотеть, — и я уже начинаю быть довольна, утешаюсь будущим, обещаю себе за него чудеса, а пока довольно дружно поживаем, ожидая грядущих благ. — Он добр и честен, благороден и настойчив в хороших правилах, вас любит очень, и ежели бы побольше знания и толку, но меньше медлительности и подозрительности, я никого бы не захотела. — Мы поговорим однако ж о приказчике, когда Анета возвратится, и подробный отчет на этих же днях к вам отправлю, теперь просто необходимо надобно было сердцу поговорить вам о благодарном счастии, которое ваша дружба мне дала, здесь подле постели больного моего Ваньки. Милый мой утешитель! чувствуете ли вы, что тот, кто дает *счастие* матери в то время, когда ее ребенок страдает, *годен на что-нибудь на свете?* что каждая минута его милой жизни годится в приход хорошего!? — Ежели я вас не увижу в июле, а в Дерпт вы мне ехать запретили, то прошу вас, Милостивый Государь, прислать мне *план моей жизни*. — Хоть бы я осуждена была тысячи три лет жить и быть со всеми розно, все мне весело будет жить по часам, расположенным вами. Прошу меня не жалеть, меня достанет на все, я готова быть Гольдсмитовым Викером в темнице[1], Soeur de Charité** с своими больными, миссионером с мужиками, самим Песталоцци с детьми своими[2] и со всею моею семьею, et je vous en déplaisse***, такую-то я себя люблю, и такая-то буду со временем. Время добрый товарищ, и я не боюсь ни 30 лет, ни сорока, ни 50, так же как не боюсь прошедших годов своих здесь в волшебном Мишенском, с удовольствием подаю руку всем прежним бесценным годам первого детства, и ежели они не светят мне вперед на дорогу, то по крайней мере с дружбой улыбаются.

Надобно однако же, прежде нежели запечатать письмо, сказать вам, почему я в Мишенском и почему Анета наша *возвратится*; — она уехала к Баронессе, на три дня, добрая Анета узнала, что ей нужно непременно развлечение и отдых сердцу по иным грустным обстоятельствам и видевши, что мне невозможно оставить больного Ванюшу, отправилась сама. От нее это обыкновенно. — Марье Алексеевне немного лучше, но вряд ли это лучше продолжится, ее милое сердце страдает за всех. Петруша теперь выпросил позволения служить, записывается в свиту, между тем продолжает еще курс у Муравьева[3], и по окончанию года всту-

---

[1] *...я готова быть Гольдсмитовым Викером в темнице...* — Авдотья Петровна уподобляет себя герою романа английского писателя Оливера Голдсмита (1728—1774) «Векфильдский священник» (1776).

[2] *...самим Песталоцци с детьми своими...* — Иоганн Генрих Песталоцци (Pestalozzi Johann Heinrich, 1746—1827), швейцарский педагог, основоположник теории начального обучения с воспитанием и развитием ребенка.

[3] *...Петруша теперь выпросил позволения служить, записывается в свиту, между тем продолжает еще курс у Муравьева...* — *Петруша* — Петр Иванович Черкасов (1796—1867), сын И. П. и М. А. Черкасовых, володьковских помещиков, будущий декабрист; Михаил Николаевич *Муравьев* (1796—1866), граф, известный государственный деятель, организатор общества

пает в действительную службу, считая старшинство со дня записания. Это и его и ее радует без памяти, а между тем с этою же службою связаны такие неприятности, которые на нее действуют сильно и которым пособить невозможно. — Леночка напишет вам в другой раз Шиллера, я ей списала в свою очередь и послала, чтобы она переписала. На этой же неделе пришлю вам.

Я же здесь в Мишенском потому, что у меня везде в доме перекладывают печи, может статься, пробуду еще недели две, тем больше, что Ванюша занемог, и его буду бояться перевозить. Като и муж ее не наглядятся друг на друга, ловят вместе каждый день рыбу, играют в пикет каждый вечер и каждое утро, свернувши кончик платка, щекотят друг у друга под носом часа по два. — Между тем глядеть на них весело! Писать к вам она ленится и приступает ко мне, что давно пора кончить, чуть ли и вы не скажете того же, но мне, en ma qualité d'indiscrète[****], очень хочется сболтнуть вам об ней что-то … — — — понимаете, брат милый? — *Готовьте оду!* —

Без шуток скажите, за что лира молчит? — Неужели кроме стихов Полуектова ничего нет?[1] —

Жуковский! приезжайте в наш очарованный край! все дышит поэзией, гармонией, восхищением! и я бы особливо в Мишенском, охотно бы улетела в прелестный край стихотворных чудес, если бы дети не удерживали за платье.

— Что Батюшков? — не можно ли прислать что есть его новое, незнакомое; рад ли он вам? И кто вам больше всех рад? — и кому вы больше рады?[2]

математиков, послужившего зародышем училища колонновожатых, автор «Программы для испытания колонновожатых московского учебного заведения, под начальством генерала-майора Муравьева состоявшего» (1817).

[1] *Неужели кроме стихов Полуектова ничего нет?* — Имеется в виду стихотворение Жуковского «К генерал-майору Б. В. Полуектову, на выступление в поход 1815 г. 17 февраля» (17 февраля 1815 г.), адресованное участнику Отечественной войны 1812 года и всех заграничных походов русской армии, воспитаннику Московского университетского Благородного Пансиона Борису Владимировичу Полуектову (1778—1843). Маша Протасова в письме к Авдотье Петровне от 6 марта 1815 года писала: «Еще здесь есть один генерал, который мне довольно нравится, Борис Влад⟨имирович⟩, генер⟨ал⟩-майор Полуектов, он очень полюбил маменьку, которая читает ему мораль и хочет его женить на одной красавице, похож он на Гутальса фигурой, и такой добрый простой малый, что хочется ему счастия» (УС. С. 142).

[2] После этих слов на л. 12 об. сделана приписка Наталией Азбукиной:

Много вас благодарю, добрый Василий Андреевич, за вашу милую приписку, видно мне худо жить *в Дерпте*, что вы обо мне вспомнили и так ласково пишете. Вы всегда держите сторону *слабого*, но я начинаю привыкать сносить несправедливости *дерптских жителей*, только никак и, я думаю, никогда не привыкну без них жить, вы знаете мою к ним привязанность, жаль только, что они не хотели ей верить, верно, теперь меня же обвинят, что я не поехала *в Дерпт* и называют неблагодарной, но вы сами слышали и видели, как приняла Екат⟨ерина⟩ Аф⟨анасьевна⟩, когда я сказала, что еду с ними, и можно ли мне было ехать после этого, вы сами видели, что меня не остановили ни свадьба *брата*, ни тысячу верст, которые бы меня разделяли с теми людьми, которые меня любят, я все забыла и была готова с ними ехать, но полно об этом, мне грустно становится. Что вам сказать о моем житье-бытье. Я здорова, весела, сколько можно, живу по большей части с милой и доброй нашей *Авдотьей Петровной*, которая на всяком шагу

En lisant la lettre de Nathalie brûle — la, mon cher, car elle n'est pas bonne à garder*****.

Перевод

* мерзостей (*франц.*).
** сестрой милосердия (*франц.*).
*** и я вас этим раздражаю (*франц.*).
**** будучи нескромной (*франц.*).
***** Прочитав письмо Наташи, сожгите его, мой дорогой, так как нехорошо хранить его (*франц.*).

Автограф: РГБ ф.104, к. VII, № 16, л. 10—12 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л.22.
Печатается по автографу.

38. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

24-го мая, Петербург 1815[1]

Передо мною три ваших письма, милая моя сестра, и все они написаны разным слогом, но по счастию в них одно и то же сердце и одинакая дружба. В одном говорит со мной мой друг, который не понял меня, огорчился тем, что худо понял и мне пеняет. Думаю, что вы теперь сами собою разуверились. Например, в нем есть вопрос: «что могли говорить вам обо мне, чего бы вы не знали, и каким образом произвольно можно менять в ваших глазах и характер человека и даже все, что есть доброго и хорошего в жизни? Дружбу, любовь, твердость, доверенность!» Все письмо, длинное, есть не иное что как следствие этого жестокого вопроса и того горького чувства, которое заставило вас его мне сделать. Мне надобно было бы на него отвечать тотчас — и вот *настоящая моя вина* перед дружбою! Я дал над собою волю петербургской рассеянности, которая грянула на меня, как бомба, и раздробила все мое время — так что едва ли и теперь я очнулся. Слушайте ж, Милая Государыня Авдотья Петровна Киреевская. Не будьте и вы несправедливы! Я, помнится, писал к вам, что у меня был разговор об вас с Е⟨катериною⟩ Афанасьевною. Признаюсь, я никогда не люблю об вас говорить с нею. Она вас любит, но смотрит на вас совсем не моими глазами. Для нее все, что делает отличительное в вашем характере, как будто не существует. Ту живость души, которую вы имеете, она смешивает с экзальтациею и ветренностию. Я никогда их не смешивал, по крайне мере, с тех пор с этой стороны не был к вам несправедлив, как с вами объяснился. Могу уверить, что с этой минуты ничье мнение на меня не действовало

показывает мне свою дружбу, несравненный человек, чем больше ее знаешь, тем больше любишь, хотела бы еще к вам писать, но места больше нету, позвольте вас поцеловать».

[1] Датируется как ответ на три письма Авдотьи Петровны: от 22 апреля, 1 мая и 15 мая 1815 года.

и ни малейшей перемены во мнении на счет ваш во мне не производило. Если я ссорился с вами, то всегда по собственному побуждению; чужое же побуждение вооружало меня только за вас. Вы сами подали повод к этому разговору. Вы написали к ним об ссоре нашей за С.М. С… на[1]. Тетушка, между прочим говоря об вас, сказала, что *вы мало заботитесь о детях*. Это поразило меня, потому что я тоже часто думал, живучи в Долбине и в Москве, потому что я это хотел вам сказать! и Бог знает, отчего не сказал! Я несколько испугался, подумав, что говорю с другими о таком предмете, о котором должен бы был говорить с вами; хотел об этом написать особенно и поболее; но не написал потому, что был во все это время в больших и горьких треволнениях. Но об этом писать много не надобно; стоит только просто заметить это и попросить вас подумать, справедливо ли такое замечание, и если справедливо, то сделать его несправедливым. Теперь прошу ж мне сказать: имеете ли вы право писать ко мне такую дичь, какою наполнено первое ваше письмо, полученное мною в Петербурге, и пишут ли такие письма из-за 1000 верст: «верьте чему хотите, отталкивайте меня, как хотите! Je peux me passer de votre amitié, je sais bien que je la mērite»*. Милая, могли ли вы это написать ко мне? Право, как ни любите вы меня (в этом я уверен), но у вас есть какое-то весьма дурное мнение на счет моего характера — вы, кажется, не предполагаете во мне никакого постоянства в чувствах. Passe pour opinion!** Я думаю, что мое мнение насчет людей довольно шатко — я их не знаю! Но с вами, но с немногими друзьями моими связывает меня чувство. И можно ли вообразить, чтобы одно слово Воейкова могло выбить из сердца, не говорю уже дружбу, но самую нежную благодарность за раздел всего, что свято в душе и жизни. Прошу уже один раз навсегда думать, что я привязан к вам на всю жизнь самыми неразрывными узами — которые по крайней мере устоят против слов, сходящих с языка, без ведома сердца. Я про себя думаю, что они и все другие опыты выдержать способны. И так на прочие сладости, находящиеся в этом письме, я отвечать не имею нужды. Вы, верно, и без моей просьбы раскаялись. Впрочем, в этом письме есть и утешительное. О святая связь родства! Так, милая, мы родные по всей силе этого слова! Что мое, то ваше, и наоборот! Что же к этому прибавишь. Разве только то, что у нас есть общие, милые сокровища, любовь к нашим детям, для которых я рад бы все на свете сделать — а они плачут обо мне в день радости! Меня же они радуют в день горя.

Чтобы дать вам некоторое понятие о том, что было со мною в Дерпте, посылаю вам некоторые документы; несколько страниц из Машиного журнала, писанного для вас[2]; она отдала мне их с тем, чтобы переслать к вам, но я их позадержал,

---

[1] *Вы написали к ним об ссоре нашей за С.М. С…на* — Речь идет о ссоре из-за Сергея Михайловича Соковнина (1785—1868), чиновника, сокашника Жуковского по Московскому университетскому пансиону, который искал руки Авдотьи Петровны, а Жуковский был против.

[2] *...несколько страниц Машиного журнала, писанного для вас...* — Маша в письме к Авдотье Петровне от 6 марта 1815 года сообщала: «Я пишу к тебе журнал, и все искренно и подробно — однако до 25 февраля, а там я положила, что писать не к кому более и бросила…Теперь

теперь посылаю, с тем однако, чтобы возвратить мне опять и без замедления — они мне *нужны*. При этих страницах есть и некоторые мои к ней письма. То, что вы в них найдете, извинит нас перед вами. Вы увидите, что все писанное можно бы было говорить вслух, когда бы позволили нам быть свободно добрыми, когда бы нам верили, когда бы маску не предпочитали лицу. Но для этих документов нужно объяснение. В Дерпте был генерал Красовский[1] — к счастию, был он до меня и до меня ушел в поход. Надежды ему данные испугали меня, и они-то произвели во мне такую перемену, какой я и ожидать не мог. Я подумал, что до тех пор, пока будут знать, какое чувство привязывает меня к Маше, мне запрещено будет всякое участие в ее судьбе, что перед моими глазами будут ею располагать и что, наконец, она будет жертвою, и жертвою кого же? Чтобы получить право на это участие, на это родство с нею, на возможность все делать для ее счастия, надобно было отказаться не только от надежды, но от самого чувства, которое дает привязанность к такой надежде! Решиться на это нужна была одна минута — но минута восхитительная! Прежде, нежели говорить с Е⟨катериною⟩ Аф⟨анасьевною⟩, я написал об этом два слова к Маше — она сама согласилась. И знаете ли, на что я решился — искренно, не для виду, а перед Богом и с тем, чтобы исполнить? Принять весь характер и все обязанности Машина отца![2] Истребить не только в себе, но и в ней всякое чувство, несогласное с этим характером! И это для того, чтобы вперед уже Воейков не мог мимо меня располагать ее участью, а чтобы ее счастие и спокойствие были под моею защитою. Сначала Тетушка приняла это холодно. Это меня оскорбило. Я увидел, что делать было нечего и решился было уехать. Но подумав, написал ей все обстоятельно. И в письме своем сказал ясно: что только в ее семье могу быть братом и не одним только именем, а на деле, то есть отцом ее детей! И это было бы возможно! Много бы счастия спаслось для меня. Это письмо произвело свое действие, но на короткое время! Воейков при всей наружности дружбы, почувствовал, что я брат его матери, от него совершенно независим! Не могу решительно сказать — но думаю, что это было для него тяжело. Между тем старая принужденность осталась. Брата боялись, и брат, чтобы сказать Маше то, что мог бы он ей говорить вслух перед целым светом, должен был потихоньку с нею переписываться! С Воейковым, по своему обыкновенному глупому простодушию, сделался было он совершенно искренен, а Воейков его слова *пересказывал*. Одним словом, чтобы избежать всех подробностей, которые со временем вы узнаете, я взял на себя все тяжкие обязанности пожертвования, которые были бы легки и даже сладки при

примусь за него опять, но пришлю его не в Москву, а в Долбино; он пишется для *тебя* и только!» (УС. С. 141).

[1] *...В Дерпте был генерал Красовский...* — Афанасий Иванович Красовский (1780—1843), генерал от инфантерии, начальник штаба 4-го пехотного полка, сватался к Маше Протасовой. История ухаживания и сватовства Красовского изложена в журнале М. А. Протасовой от 23 февраля 1815 года (УС. С. 137—140).

[2] *Принять весь характер и все обязанности Машина отца!* — Эти размышления Жуковского получили развернутый вид в Дневнике 1815 года (ПСС2 Т. 13. С. 97—121).

полной доверенности, а они не дали ничего в замену, кроме одной наружности, и между тем получили право всего требовать и во всем обвинять. При таких обстоятельствах можно ли было за себя ручаться — назвавшись братом, надобно было им быть в сердце, а не по одной наружности! А мог ли я им быть один! Особливо тогда, когда надобно еще было много с собою бороться. Это было невозможно без поддержания с их стороны, без помощи Машиной, с которой я был разлучен *по-старому*. Итак, чтобы не потерять к себе уважения, я должен был уехать! Но теперь все *мое* мне возвращено. Я ничем не пожертвовал. Я сказал Е⟨катерине⟩ А⟨фанасьевне⟩, что братом ее могу быть только с нею, но что розно она никакого права на мои чувства не имеет, и что я жертвовал ей всем не потому, что, наконец, догадался, что желаю непозволенного, а для общего счастия и спокойствия. Вот время, в которое я был крайне несчастлив, но в которое мысль о моих друзьях меня радовала. Перед вами могу сказать без всякого самохвальства: что я готов был на жизнь добродетельную! Виноват ли я, что меня лишили способов и бодрости исполнить то на деле, что сказало мне сердце в лучшую минуту жизни! Так точно в лучшую! Хотя в эту минуту я отказывался *от всего* совершенно! Чтобы понять это слово *от всего*, надобно вам знать, что я хотел не только переменить свою привязанность к Маше на другую, родственную, бескорыстную, но я был даже готов заботиться о том, чтобы она могла наконец *другому поверить свое счастие* — и в этой заботе было для меня что-то прелестное! Несмотря на то, что в иные минуты и возвращалось в душу уныние! я не давал ему воли — ждал шептуна, и шептун мой возвращался с обыкновенным своим лозунгом: *все в жизни к великому средство!*[1] Что ж делать! И это не удалось! Я уехал не объяснившись — и к чему объяснения! Меня считают и несправедливым, и неблагодарным (неблагодарным потому, что я не знаю цены Воейкова дружбы и плачу ему за нее холодностью). Я оставил их в этом мнении — на что его переменять? Маша *знает*, что было у меня на душе! Они сами все разрушили. Теперь ни меня, ни Маши переменить не может ничто! Чтобы быть вместе душою без упрека совести, нам должно расстаться. — Если мысль, что мы живем друг для друга не даст счастия, то даст уважение к жизни и твердость. Без меня она будет спокойнее. Никто теперь не будет в ее глазах мне делать оскорбительных несправедливостей; а теперь и я и она избавлены от опасности нарушить обещанное: нас бы довели неприметно до этого ужасного нарушения; но обвинены были бы одни мы. Тогда бы и последнее уважение к себе Маши должно бы погибнуть. Одним словом, вот я в Петербурге — с совершенным, беззаботным невниманием к будущему. Не хочу об нем думать. Для меня в жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно — *зажигать свой фонарь, не заботясь о тех, которые удастся зажечь после*[2]. Так нечувствительно дойдешь

[1] *...возвращался с обыкновенным своим лозунгом: все в жизни к великому средство!* — Афоризм, выражающий формулу жизненной философии Жуковского, из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814 г.).

[2] *...зажигать свой фонарь, не заботясь о тех, которые удастся зажечь после* — В дневнике от 19—20 апреля 1815 года, обращаясь к Маше, Жуковский разъясняет содержание симво-

до той границы, на которой все неизвестное исчезнет. Оглянешься назад и увидишь светлую дорогу. Но что ж вам сказать о моей петербургской жизни? Она была бы весьма интересна не для меня! Много обольстительного для самолюбия; но мое самолюбие разочаровано — не скажу опытом, но тою привязанностию, которая ничему другому не дает места. Здесь имеют обо мне, как бы сказать, большое мнение. И по сию пору я таскался с обыкновенною ленью своею по знатностям и величиям. Тому уж с неделю, как был я представлен Императрице и великим князьям. Об этом я сделаю подробное описание на будущей почте Плещеевым, от которых возьмите мое письмо. Теперь это описание совсем не лезет в голову. После буду писать вам с большими историческими подробностями. Но послушайте, милые друзья,— мне писать часто невозможно. Один раз в две недели и довольно. В Дерпт я пишу каждую почту; к Плещеевым писать надобно; к Вяземскому так же — вообразите, сколько писем; это займет почти всю неделю, то есть каждое утро в неделе — а мне надобно работать много. И переводить, и сочинять, и читать. К этому прибавьте огромный Петербургский свет. Словом сказать, временем должно экономить, и по сию пору я еще этого экономического расчета сделать не успел. Вообще скажу, что буду от 8 утра до 9 часов всегда дома. Остаток дня на рассеяние (убийственное и крепко осушающее душу). Теперь хочется кончить начатого *Певца*[1]; потом сделаю издание Муравьева сочинений[2]; между тем готов план Журнала, который надобно будет выдавать с будущего года; после Муравьева издание своих сочинений[3] — все это, то есть учредить издание Журнала, напечатать свои

ла «зажженного фонаря», представленного в почтовой печатке Авдотьи Петровны: «Я когда-то написал: *счастие не состоит из удовольствий с воспоминаниями*, и эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице; между ними есть промежутки, но эти промежутки освещенные и вся улица *светла*, хотя не вся составлена из света. Так и счастие жизни. Удовольствие фонарь, свет, а счастие ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. Вот тебе истолкование Дуняшиной печати. Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна. Тогда вся прелесть этого слова заключена в его непостижимости. Но что же надежда — беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем. Такое ожидание более вредно, нежели полезно. Оно уничтожает настоящее. Если оно весело, то делает к нему равнодушным; если печально, то отравляет его. Позабудем о будущем, чтобы жить так, как должно. Милый друг, пользуйся беззаботно настоящего минутою, ибо одна только она есть средство к прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тех, которые даст Провидение зажечь после; в свое время ты оглянешься и за тобою будет прекрасная, светлая дорога!» (ПСС2. Т. 13. С. 110—111).

[1] *...кончить начатого Певца...* — Работа над «Певцом в Кремле», начатая 12 декабря 1814 г., была закончена 1 ноября 1816 г.

[2] *...потом сделаю издание Муравьева сочинений...* — По предложению. Е. Ф. Муравьевой, вдовы М. Н. Муравьева (1757—1807), историка, писателя, общественного деятеля, переводчика, попечителя Московского университета, Жуковский вместе с К. Н. Батюшковым подготовил и издал «Сочинения М. Н. Муравьева» в трех частях. СПб., 1819—1820. В библиотеке Жуковского хранится экземпляр этого издания с пометами и записями поэта во второй части (Описание. № 236).

[3] *...после Муравьева издание своих сочинений...* — Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» вышла в ноябре 1815 г., вторая — в конце декабря 1816 г.

сочинения, выдать Муравьева надобно здесь! Потом (ибо я не забыл о том, что писал к вам об Опекунстве, хотя теперь кажется мне, что берусь за невозможное) думаю перетащиться к вам — *на родину, в семью*; но об этом решительно скажу в конце нынешнего года, которого остаток *необходимо* надобно провести в Петербурге.

Перевод

* Я могу обойтись без вашей дружбы, я хорошо знаю, что ее заслуживаю (*франц.*).
** Сойдет за мнение! (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 3. С. 673—678.
Печатается по первой публикации.

39. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Мишенское 30 мая 1815[1]

Итак, милый брат, на общем сейме сестер, подумавши, погадавши, выдумали разумом, то же точно, что и в первую минуту сказала вам сердцем. — Думайте о себе, мой добрый Жуковский, думайте единственно, как будет лучше, выгоднее для вас, и потом я вам опять скажу, благодарствуйте! — Друг мой, все, что вы сделали для себя, послужит всем нам; мне только и нужно, что ваше лучше. Мне грустно, нет, бишь, не грустно, мне весело, на всю жизнь весело, с благодарностью весело, что мои дела вас испугали, но давши мне бодрость, вы сделали все для меня, чего больше сделать нельзя. Я непременно все исправлю сама, все приведу в порядок, все устрою,— хоть бы должно было от этого лопнуть моей эфирной голове! — Приводите же и вы в порядок наше общее лучшее, подумайте о себе, не мечтательно, *как мы прежде целый век думали*, а так просто о *благах земных*. Кто знает, как они будут нужны вам вперед. — Что вы хотите делать? — Где служить? — Как служить, с *кем*? — все это одно за одним не выходит из головы, и на все это надобно вам непременно отвечать, чтобы вывести из чистилища мою душу. Неужели и вы уверите себя, что вам *можно* служить опять при главной квартире, при всем этом шуму, рассеянии, беспечности о лучшем, об красоте души,— видеть опять вблизи подлости и страдать за всех несчастных, которым помощи нельзя дать? — И за все за это служить еще без всякой пользы для других! — Я не думаю, чтобы *вы* имели нужду в такого рода развлечении, мне досадно на тех, кто это думают. — Вам быть *с собою*, лучшее *утешение*, когда нужно быть полезну за других, должно быть блаженство. На что же бросаться в толпу, где ее можно потерять из виду? — Конечно, вы будете там с Государем, которого душу верно весело видеть вблизи, можете познакомиться с ним,— но почему Государю

[1] Дата устанавливается на основании содержания: в письме обсуждается решение Жуковского поступить на службу в Петербурге.

не возвратиться в Петербург? Это еще не уйдет. Пожалуйста, друг милый, скажите, что вы думаете делать? — Ежели надобно служить, то по крайней мере, иметь недалеко от себя отдых сердцу, иметь где можно видеть *дружбу*, вздохнуть подле друга, чувствовать, что *прекрасного* на свете много, чувствовать любовь Божию. Отвечайте мне поскорее, пожалуйста. Брат мой, не выбирайте *как-нибудь*, вы на деле одного себя выбираете, тут мы все; — связаны крепче, нежели тиранскими обстоятельствами, связаны крепким сердцем! — Не забывайте, что вам необходимо нужно покоиться; что ежели вам не будет времени отвести душу, то вместо рассеяния вы достанете себе убийство. — Хотелось бы мне видеть вас на часок, хотелось бы поговорить с вами — но мало ли чего хочется! — Обстоятельства недаром говорят: *тумана тебе в глаза*! — Скажите, милый брат мой, милый друг мой, милый друг детей моих! — скажите мне, что вам *хорошо*, что вы довольны судьбою, довольны окружающими вас, и больше всего, довольны собою, — и я не буду грустить, позволю туману закрыть перед моими глазами все мое будущее. — В какую бы бездну не попасть, ежели у вас светло, моя жизнь озарена! Но на что попадать в бездны? — Виват, дружба! — удержаться есть за что, и на краю! — Смотрите же, Жуковский! Как я надеюсь на милую руку дружбы, так и вы во всякую минуту знайте, что вам есть опора, — слабость руки заменит сердце; знайте и agissez en conséquence![*] — Об себе сказать многое хотелось, но некогда, спешу на почту. Дети целуют.

(На полях).

Я скоро опять в Калугу. Баронессе лучше. Христос с вами. Скажите что-нибудь об Батюшкове. — Об нашем Тургеневе и обо всех, кому вы рады. —
Что молчит Батюшков?

Перевод

[*] поступайте соответственно (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 13—14 с об.
Печатается по автографу.

40. А. П. Елагина В. А. Жуковскому.

Мишенское le 9 juin 1815[1]

Quelques mots aujourd'hui, mon cher Joukofsky, pour vous renvoyer seulement le journal touchant de notre Marie, qui m'a fait beaucoup de peine malgré tout le temps écoulé depuis. Je fais un grand sacrifice en le renvoyant, et il a bien fallu que vous

[1] Дата устанавливается на основании сообщения об отсылке Машиного дневника, отправленного ранее Жуковским и просившим вернуть его в письме от 24 мая 1815 года. На л. 18 об. адрес: В Петербург. На Фонтанке, близ дому военного Министра, в доме Князя Александра Николаевича Голицына Александру Ивановичу Тургеневу для доставления Жуковскому. Штемпель: Белев.

le demandiez avec tout d'instance pour que je m'y décide. Votre chère lettre a agité toute mon âme, je répondrai à tout, je vous dirai tout ce que j'ai sur le coeur. Dès que la santé de Jeanot, m'en donnera le temps. Il a une fièvre terrible, quotidienne, qui ne lui laisse que quelques heures de relâche dans le cours de la journée, et il souffre avec une patience que sa mère admire sans pouvoir imiter. Mes amis, faut-il encore souffrir pour vous? Je ne voyais le bonheur que celui que vous possédiez, et maintenant — mais non. Joukofsky! Cette grande âme, qui jouit d'une félicité parfaite, dans l'instant même où elle renonce *à tout*, celle-là m'est garant que je ne dois pas oser désespérer du bonheur pour vous. S'il n'y a pas de sacrifice, s'il n'y a pas de vertu, que je n'attende de vous, l'un et l'autre, — comment n'attendrais-je pas aussi ce qui est le partage le plus sûr d'une âme belle et grande sans aucun retour personnel. — Aber, davon ein anderer-Mal. — Adieu, à Dieu, mon frère, mon ami! Que l'amour de Dieu vous accompagne partout, comme le coeur de votre Soeur. Mes enfants embrassent, j'envoie Schiller nouvellement copié par Hélène. Elles vous remercient toutes les deux pour la lettre, que je leur ai envoyée hier, tout de suite après l'avoir reçue, mais ne *leur écrivez plus.* Elles sont à Volodcovo, la baronne va beaucoup mieux*.

Bonjour ami!** Нынче право ничего нет кроме дружбы, ванюшиной лихорадки, дурнова дня и головной боли. Следственно обнимаю вас! Прошу мне сказать словечко о Карле Яковлевичем деле. Он помолвил племянницу, за Белевского казначея *Николаева*, с которым навсегда пребуду по гроб жизни моей. Отгадали вы, что вчера я целый день провела с Дмитрием Александровичем Чичериным[1]. Милый друг Жуковский, скажу вам только, что люблю вас все так же. Mon mari vous embrasse***.

Перевод

*9 июня.

Несколько слов сегодня, мой дорогой Жуковский, чтобы отослать вам только дневник, касающийся нашей Маши, которая меня сильно огорчила, несмотря на время, прошедшее с тех пор. Я принесла жертву, отослав его, и понадобилось, чтобы вы его попросили так настойчиво, чтобы я на это решилась. Ваше дорогое письмо взволновало всю мою душу, я вам на все отвечу, я вам скажу обо всем, что у меня на сердце. Как только здоровье Ванюши предоставит мне свободного времени. У него каждый день страшный жар, который дает ему только несколько часов передышки в течение дня, и он страдает с терпением, которым восхищается его мать и которая не в силах быть похожей на него. Друзья мои, надо ли еще страдать за вас? Я была счастлива только вашим счастьем, но сейчас, нет, Жуковский! Эта большая душа, которая наслаждается высшим счастьем, даже в тот момент, когда она отказывается от всего, эта душа мне гарантия, что я не должна сметь терять надежду счастия для вас. Если нет жертв, если нет добродетели, которой я бы от вас не ждала, как же я не буду ждать также то, что является самым большим свидетельством прекрасной и большой души, — без какого-либо личного возврата. Но об этом — в другой раз.

Прощайте, Господь с вами, брат мой, друг мой, да хранит вас любовь Господа повсюду, как сердце вашей сестры. Мои дети все обнимают; я вам отсылаю новую копию Шиллера, которую

---

[1] *...вчера я целый день провела с Дмитрием Александровичем Чичериным...* — Дмитрий Александрович Чичерин, белёвский знакомый Киреевских и Жуковского.

сделала Елена. Они вас благодарят обоих за письмо, которое я им отослала вчера сразу же после получения, но не пишите им больше. Они обе в Володькове, баронессе много лучше (*франц.*).

**Здравствуйте, друг! (*франц.*).

***Мой муж вас обнимает. (*франц.*).

Автограф РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 17—17 об.
Печатается по автографу.

41. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 июня 1815 год[1]

Милый, милый брат! и я не могу к вам явиться, чтоб вы меня бранили; чтоб вы меня били, если вам угодно! — и на это милое письмо я должна отвечать: *я не буду к вам! я не могу к вам быть! Не ждите меня*[2]*!* — Боже мой! И это называется жизнью! Жуковский! милый хранитель всех моих радостей! вы умеете понять и те чувства, которые никогда и не смеют подойти к вашей душе, — воображаете ли вы, как мне тяжело повторять себе этот несносный приговор!

Сладостный вход в блаженство, почто загражден Аббадоне?
Отчего не могу опять залететь *на Отчизну?*[3]

Милый друг! бранитесь на меня как хотите! бранитесь, пожалуйста; я теперь точно чувствую то, что чувствуют люди в клетке, и откуда-нибудь хотела бы взять бодрости, чтобы не с таким унынием исполнять свою должность. — *Мне* на вас

---

[1] Дата устанавливается на основании приглашения Авдотье Петровне приехать в Дерпт.

[2] *Не ждите меня!* — Сохранились письма А. Ф. Воейкова к А. П. Елагиной из Дерпта, в которых он выражает желание всех членов семьи видеть в гостях Авдотью Петровну. Так, в письме от 14 марта 1815 г. он сообщает: «Вот уже другой месяц, как мы розно, милая сестра! Скорова-то, скорова-то мы опять увидимся и с хохотом сердечным скажем: вот уже два месяца, как мы вместе! Между тем приятно сказать тебе, что и мама, и Маша, и Саша все в добром здоровье. Только я сегодня немного захворал головою 〈…〉 Куда девали вы нашего Жуковского? Я ему приготовил прекрасную светленькую комнатку, и кровать сделали, и огонь (очаг) сгородили, и кресел наставили, и шкафы с его книгами по канату встащили — а его нет как нет! Все спрашивают, все ходят, жадничают узнать славного русского поэта, а его нет как нет! Комната Жуковского наверху, лестница круговая в 80 ступеней около столба — настоящий Парнас, нет башни Геликонской, а вид-то превосходный! весь город как на ладони. А какой у нас сад, подлинно сказать: И прекрасный! Приезжай-ка к нам; мы покажем тебе разные штучки; а на днях наши барышни смотрели в какую-то длинную медную трубу на небо — и видели на месяце горы и пропасти, видели звезды и синие, и красные, и зеленые 〈…〉 А то вот, видишь ты, осматривали военные штуки, по ихнему кабинеты сиречь: из дерева склеены укрепления, валы, транспортеры, уже хитро, хитро, точно как Белевская или Серпуховская крепость» (РГБ, ф. 99, к. 3, № 45, л. 4 об.—5).

[3] *Сладостный вход 〈…〉 залететь на Отчизну* — Стихи 137—138 из «Аббадоны» Жуковского (1814).

за что-нибудь *сердиться*? — Я могу с ума сойти, но не *с сердца*, а надобно быть злому, скверному сердцу, чтобы сердиться на вас; *за вас* на кого-нибудь, это иное. — Но я и так не сердита: нельзя *всего* иметь на свете, и ваш удел лучше счастия! Чтобы иметь такую душу, можно с небом расстаться: — вы упрекаете мне, что я слишком высоко об вас думаю. — Хоть они заставили меня покраснеть, но благодарствуйте за эти упреки! *вам* должно так говорить! Нет, милый идеал мой всего хорошего, я вас люблю не лучше нежели вы есть, *люблю вас со всеми вашими недостатками*, и люблю так, на всю вечность — потому что по несчастию я и тех не умею переставать любить, кого недостатки колют глаза не приглаженные никакой добродетелью. — Я вас люблю так как я люблю и в вечности будет добродетель и счастие. — Следовательно, на счет моей дружбы прошу вас быть покойным, пока я дышу, это не ваше, а мое дело. — Впрочем и с вами не люблю говорить ни об вас, ни о моей дружбе к вам on a beau de retenir, on a toujours l'air exhalté mais si je ne craignais pas que cela vous déplût, je vous prierai, — de temps en temps de faire semblant *de doutes*, — avec quel plaisir je me donnerai le bonheur d'ouvrir mon coeur! Pour à présent il faut se taire*. *Христос с тобою!* Милый брат, отчего мое благословение тебя тронуло? Мои все лучшие благословения всегда с тобою, и весело так же благословить тебя как за тебя благословить Бога! — Христос с тобою! Говорят за мною и Ванюша и Маша и Петруша. Об этом знакомце, которого вы так хорошо описали, узнайте, милый брат, хорошенько, — как бы я была счастлива! — Ах! отчего же мне нельзя приехать! Вам за меня решать все можно, вы это знаете, — но после подробно, теперь некогда.

Перевод

* Напрасно ее удерживать, у нас всегда восторженный вид, — но если бы я не боялась, что вам это не понравится, я бы попросила, чтобы время от времени вы делали вид, что не сомневаетесь в моей дружбе, с каким удовольствием я дала бы себе счастье открыть свое сердце, но сейчас надо молчать (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 15—15 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 10.
Печатается по автографу.

42. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

11 июня 1815 г.[1], СПб.

Милые друзья, благодарствуйте за добрые советы, а еще более за то нежное чувство дружбы, которое видно в ваших письмах; слава Богу! Это восклицание весьма тут кстати — как не сказать, слава Богу! думая о друзьях и видя их к себе дружбу. Послушайте, милая Долбинская сестра, я и сам было испугался

[1] Дата устанавливается на основании рассказа Жуковского о начале «петербургских приключений» — жизни в северной столице — с мая 1815 г.

своего предложения[1], сделанного вам в первую минуту — но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мне удалось только более еще испортить дела ваши. Но, как говорится: на безрыбьи и рак рыба, и я готов быть для вас раком. Что же было бы лучше, как потрудиться для наших милых детенков — да вы от меня не уйдете. Дайте мне устроить свое здешнее и я опять у вас, опять в своей семье, опять (как пишет друг Анета) в прекрасном родимом краю, окруженный всеми милыми воспоминаниями, среди соловьев, роз, сирейнов и проч. и проч. Знаете, что всякий ясный день, всякий запах березы производит во мне род Heimweh*, так же, как и всякая красная кровля, покрытая черепицами, поневоле тащит все воображение туда, куда и хотеть не должно[2]. Однако я у них еще раз побываю, на крестинах; это, вероятно, случится в июле — но побываю на несколько дней; потом назад в Петербург: что-нибудь для себя сострoить. Это что-нибудь будет не иное что, как пенсион, который мне хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся здесь для себя что-нибудь сострoить, то уеду безо всего и буду работать Музам и славе, ни мало не заботясь о прочем. А с вами будет не нужно ни о чем и заботиться. Примусь прилежно за Владимира[3], и он, верно, даст мне гораздо больше состояния, нежели когда-нибудь служба. Надобно все видеть здесь вблизи, чтобы увериться, что служить для пользы невозможно; для выгоды же служат те, которые имеют особенные, неестественные способности. А слава

Подале от толпы судей,
Пока мы не смешались с ней…
Свобода друг наш благодатный!
Мы независимо в тиши
Уютного уединенья
Богаты ясностью души
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей[4]

Это я повторяю себе здесь всякую минуту, хотя и окружен такими людьми, подле которых *душе легко,* но и они, и я окружены Петербургом — особенного рода магнетизм, убивающий все животворные мысли, необходимые для настоящей жизни…

---

[1] *…я и сам было испугался своего предложения…* — Речь идет о предложении Жуковского стать опекуном детей Киреевских.

[2] *…куда и хотеть не должно* — То есть в Дерпт.

[3] *Примусь прилежно за Владимира…* — Речь идет о замысле создания эпической поэмы «Владимир».

[4] *Подале от толпы судей ⟨…⟩ Для сердца верного друзей...* — Стихи 81—88 из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814 г.).

В этом месте письма я остановился, начал курить трубку, между тем развернул Bibliothèque britannique[1] и вот что в ней прочитал,— как нарочно для того, чтобы дополнить сказанное мною: C'est un traité sur notre inconséquence dans espérances. Voulez-vous être riche? pensez-vous que cet objet unique mérite le sacrifice de tout le reste? Eh bien, vous deviendrez riche! Combien d'autres n'y ont pas réussi à force de peine, de patience, de diligence, d'attention aux plus minutieux articles de dépense ou de profit. Mais il faut abandonner les douceurs du loisir, les plaisirs d'une âme tranquille, d'un esprit libre et dégagé des soupçons. Si vous conservez votre integrité, vous aurez une probité grossière, une honnêteté commune… Il faut fermer votre esprit et votre coeur aux muses et savoir nourrir votre entendement de grosses vérités, pour anisi dire, de ménage. En un mot vous ne devez plus penser à étendre vos idées, à perfectionner votre goût et raffiner vos sentiments: vous êtes condamné à suivre le sentier battu sans regarder à droite et à gauche. — «Mais je ne puis plus me soumettre à de telles conditions (dites-vous) je me sens l'âme trop élevée. — Eh bien, renoncez-y, mais ne vous tourmentez pas ensuite de ce que vous n'êtes pas devenu riche. — Et quelle récompense ai-je donc obtenu de mes travaux? — Quelle rēcompense! Une âme élevée, libre des agitations, des craintes, des préjugés du vulgaire, capable de saisir, d'embrasser les ouvrages des hommes et les oeuvres du Créateur, un esprit cultivé, riche, fleuri, plein de ressources, d'amusement et de réflexion; une source inépuisable d'idées neuves, de pensées douces, le sentiment de votre dignité et d'une intelligence supérieure! Juste ciel! qu'avez — vous donc à regretter?** Все это несравненно разительнее здесь в Петербурге, в виду тех людей, которые лучшими благами жизни жертвуют для приобретения этих ничтожных благ, которых сумма называется фортуной! Поверьте, что это мумии, окруженные величественными пирамидами, которых величие не для них существует! кто же захочет в мумии для того только, чтобы иметь честь быть погребенным в пирамиде! Вы пишете мне: *подумай наконец о своей выгоде*! Стараться сделать для себя ненужным весь этот причет пустяков и ничтожностей, значит думать об истинной своей выгоде. Прежде причиной моего равнодушия к этому причету было одно чувство, которое наполняло душу и ею исключительно владело; теперь к благодетельному этому чувству, которое сберегу, как пламень Весты[2], присоединилась и некоторая опытность. — Богатства мне искать нельзя, я его не найду, да и не считаю его нужным. Почести — сущая низость, когда стоишь на той сцене, на которой раздается хвала, гул шумный и невнятный; быть полезным[3] — это химера кажется только в Белеве чем-то существенным, здесь ее иметь невозможно — может быть, придет такое время, когда она обратится в существенность; теперь стоит только поглядеть на тех людей, которые посвятили себя общеполезной деятельности, чтобы

[1] *...между тем развернул Bibliotheque britannique...* — журнал, специально посвященный Англии, издавался во Франции в 1733—1734 годах.

[2] *...теперь к благодетельному этому чувству, которое сберегу, как пламень Весты...* — Веста — римская богиня домашнего очага и очага римской общины.

[3] Здесь письмо в копии кончается и идут чистые листы.

сказать себе, как эта цель безумна! Будешь биться, как рыба об лед, и только что себя разобьешь вдребезги, и, что всего важнее, убьешь в себе прежде смерти то, что составляет твою жизнь, и останешься до гроба скелетом. Итак, друзья, из всего сказанного выше следует, что я здесь постараюсь доставить себе только то, что всего мне нужнее, — независимость, свободу действовать в малом круге, действовать мыслью и душой, не унижая этой деятельности разрушительными заботами о завтрашнем дне. Моя честь, фортуна и все — мое перо. Но чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти с ним из смертоносного петербургского климата, переселиться на родину — и я бы давно был уже у вас, когда бы что-нибудь для себя сделал. Оставлю эту надежду в перспективе. — Здесь у меня еще много затей на руках, мешающих мне отсюда убраться. Издание сочинений Муравьева, [издание своих сочинений], издание стихотворений и прозы, наконец, приготовление материалов для журнала и учреждение его издания; при всем этом забота о том, чтобы выхлопотать себе пенсион, который дал бы мне *свободу*, — кончив все это, являюсь к вам, работаю, живу с добрыми своими товарищами *настоящим* и *будущим* (а промежуток между настоящим и гробом Провидению, а не надежде), отдыхаю после труда в своей, то есть в вашей семье! *Истинную славу* иметь буду непременно, потому что *хочу* ее иметь, а фортуна и счастие придут, если захотят — это дело не наше.

Что может в минуту разрушить судьба,
Друзья, то на свете не наше![1]

Но я все болтаю и философствую, а я еще ничего не рассказал вам о своих приключениях петербургских. Всего рассказывать нет нужды и неуместно и было бы некстати, но то, что поважнее. Итак, слушайте: начну с описания моей резиденции. Живу очень просторно с Тургеневым. Половина верхнего этажа большого дома состоит в нашем непосредственном владении; у меня четыре большие комнаты; из одной прекрасный вид на Фонтанку и на Михайловский замок и на Летний сад. Тургенев тот же старинный друг и товарищ, который делил со мной молодость. Ни в характере, ни в сердце нет никакой перемены; но служба и соединенная с нею необъятная рассеянность клюют его, как ворон Прометея[2], и его вся жизнь есть не иное что, как бесконечная борьба с этим вороном, которого отогнать мешают ему его цепи, связывающие ему руки. Но мы понимаем друг друга везде и во всякое время. Блудов — также товарищ[3], прежний знакомец

---

[1] *Что может в минуту разрушить судьба, / Друзья, то на свете не наше!* — стихи 61—62 из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин» (1814 г.).

[2] *...служба и соединенная с нею необъятная рассеянность клюют его, как ворон Прометея...* — В греч. мифологии у прикованного к скале Прометея, в наказание за принесенный им человеку огонь, орел днем пожирал печень, которая восстанавливалась за ночь.

[3] *Блудов — также товарищ* — Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), граф, литератор, учредитель и деятельный член «Арзамасского братства», племянник Г. Р. Державина; соста-

молодости, сбереженный посреди света и еще усовершенствованный. Без надежды найти в семействе своем счастье, он нашел его, и самое верное, и стоит его, и умеет им наслаждаться — прекрасное и дивное явление посреди Петербурга, счастливая, цветущая *оазис* посреди африканской степи. А я, чтобы попасть в эту *оазис*, отбился от своего каравана! Нет, не отбился! он у меня в виду — а этого и довольно в самой пустыне! — Я назвал вам двух лучших своих здешних товарищей — третьего, Батюшкова, здесь нет; я его не видал, он запропастился в деревне. Нового не написал он почти ничего. Есть одна прекрасная повесть: *Домосед и Странствователь*[1], писанная слогом прелестным, хотя немного длинная. Пришлю, когда будет у меня список. — Виноват, четвертый в этой семье избранных есть Кавелин[2] — редкая чистота души! Он поехал в вашу сторону и вам должно его узнать. С ним можете говорить обо мне *все*, и он верно все поймет в настоящем смысле. Я знаю черты его прекрасные. Дашков — благородный и умный[3] и чрезвычайно знающий человек — с ним у меня самая короткая связь, похожая даже на дружбу.

Вот люди, с которыми здесь не пусто, а весело и легко. Впрочем, я не заметил, чтобы мне здесь и с прочими тяжело было. Выключая минут (очень редких) застенчивой принужденности (происходящей точно от желудка), мне ни с кем не скучно. Без всякого усилия над собою приношу в общество самую беззаботную доверчивость и уверен, что мне (которому нечего от людей ожидать слишком для меня важного, которому они не дадут ничего драгоценного, и у которого им совершенно отнять нечего) доверчивость во вред не послужит. Прочие, самые интересные знакомства: *Уваров*, с которым моя связь еще не имеет для меня самого надлежащей определенности[4]; *Крылов*, тонкий человек под видом простодуш-

---

витель «Донесения следственной комиссии» по делу декабристов, товарищ министра народного просвещения (1826—1828), министр внутренних дел (1832—1839), президент Академии наук (1855—1864), председатель Государственного совета (1862—1864).

[1] *Есть одна прекрасная повесть: Домосед и Странствователь…* — Произведение К. Н. Батюшкова «Странствователь и Домосед» написано в январе-феврале 1815 г., опубликовано в «Амфионе», 1815, № 6. С. 75—91.

[2] *…четвертый в этой семье избранных есть Кавелин…* — Дмитрий Александрович Кавелин (1778—1851), воспитанник Московского университетского благородного пансиона. В 1814 году занимал должность директора Главного педагогического института и Благородного при нем Пансиона. Жуковский ввел Кавелина в «Арзамас», где он получил прозвание «Пустынник». В 1812—1816 гг. занимал должность директора Медицинского департамента; в Медицинской типографии, находившейся под началом Кавелина, в 1815—1816 гг. печатается первое издание стихотворений Жуковского.

[3] *…Дашков — благородный и умный…* — Дмитрий Васильевич Дашков (1784—1839), литератор, воспитанник Московского университетского пансиона, активный член «Арзамаса», с 1826 года — товарищ министра внутренних дел, с 1839 — председатель Департамента законов. И. И. Дмитриев поручил ему издать «Певца во стане русских воинов» Жуковского, к которому Дашков написал предисловие.

[4] *…Уваров, с которым моя связь еще не имеет для меня самого надлежащей определенности* — Сергей Семенович Уваров (1786—1855), граф, был членом «Арзамаса», носил имя

ного медведя[1]; *Оленин*, маленький человечек[2], у него я бываю часто; жена его любезная и ласковая и довольно умная женщина, дом его есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором — в этом доме бывал и Батюшков, которого место занял теперь я; здесь бранят Шишкова[3], и если не бранят Карамзина, то по крайне мере спорят с теми, кто его хвалит; (NB. Оленин взялся рисовать виньеты для издания моих сочинений: для 1-го тома *Мемнон*, для второго, где баллады: *древний трубадур*, а для третьего *фантазия*[4]). Самые же приятные мои знакомства между знати: князь *Александр Николаевич Салтыков*, необыкновенного ума и весьма благородного характера человек — у него я был три раза, но ни разу его не застал дома, а познакомился с ним у Уварова и постараюсь поддержать это приятное знакомство; — *Софья Петровна Свечина*, жена Николая Сергеевича Свечина[5], чрезвычайно милая женщина, лет тридцати пяти, немного похожая на Карамзину[6]. У нее я был один раз и как будто бы век были мы знакомы. Она теперь на даче, куда звала и меня, и я скоро туда отправлюсь. Все лето проведу на трех дачах; сначала к Блудову, у которого проживу конец июня и половину июля; потом к Екатерине Федоровне Муравьевой[7], а потом к Уварову. Обедал я один раз у графа Строгонова — жена его очень любезна и умна, он же показался мне сух; от спеси, как я подумал, от застенчивости, как говорят другие — общее же мнение хороших людей об нем есть то, что он имеет самый благородный характер. Два раза обедал я у канцлера, который очень хотел меня узнать и очень обласкал. У своего хозяина, князя Александра Николаевича Голицына, которого здесь зовут le petit favori***, бываю по воскресеньям у обедни — у него прекрасная домовая церковь.

«Старушка», государственный деятель, министр народного просвещения (1833—1849).

[1] *...Крылов, тонкий человек под видом простодушного медведя...* — Иван Андреевич Крылов (1768—1844), баснописец, журналист, драматург.

[2] *...Оленин, маленький человечек...* [после этих слов две строки зачеркнуты] — Алексей Николаевич Оленин (1763—1843), директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, историк, археолог, историк. Дом Оленина был местом встреч петербургской дворянской интеллигенции.

[3] *...здесь бранят Шишкова...* — Александр Семенович Шишков (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения, президент российской академии, писатель.

[4]. *...Оленин взялся 〈…〉 для 1-го тома Мемнон...* — Мемнон — сын богини утренней зари Эос (греч. миф.).

[5] *...Софья Петровна Свечина, жена Николая Сергеевича Свечина...* — Софья Петровна Свечина (урожд. Соймонова, 1782—1857), писательница, хозяйка католического салона в Париже.

[6] *...немного похожая на Карамзину...* — Екатерина Андреевна Карамзина (1780—1851), вторая жена Н. М. Карамзина, сестра П. А. Вяземского, хозяйка литературного салона, собиравшего лучшую интеллигенцию петербургского общества 1820—1840-х годов.

[7] *...потом к Екатерине Федоровне Муравьевой...* — Е. Ф. Муравьева (урожд. баронесса Колокольцева, 1771—1848), жена М. Н. Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых.

В заключение опишу самое интересное: мой визит Кутузовой[1] и представление Государыне. Кутузова, узнавши о моем приезде, требовала, чтобы меня к ней привезли. — Я по обыкновенной своей дикости, давши ей слово быть к ней, не бывал; она было и рассердилась — это заставило меня, скомкав кой-как свою застенчивость, к ней ехать; приезжаю ввечеру, гостей пропасть, кое-как рекомендуюсь и дело в шляпе. Вдруг подводит она ко мне своего маленького внука Опочинина[2] — который, слышав, что я к ним буду, струсил и спрятался (вообразив, что всякий поэт по крайней мере крокодил), но увидя меня в образе человека, ободрился. — Его заставили читать мне *Светлану*[3], он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя. Признаюсь, в семье вождя победителей мне было приятно себя увидеть. Кутузова (которая отправилась теперь в чужие края) дала мне свой альбом с тем, чтобы я написал в нем первый и те строфы из Нового певца, в которых говорю о Кутузове! — «Да нельзя ли что-нибудь и экспромтом?» — сказала она и начала с смешной размашкою декламировать мои стихи:

Можно ль в жизни молодой
Сердце мучить ложной тенью.

Мне было это приятно. А признаюсь, сцена эта стоила немного кисти Гогартовой[4]. Я написал ей:

Я счастлив был неизъяснимо!
Семью вождя великого я зрел,
И то, что я смиренной лирой пел
В честь памяти его боготворимой,
Теперь вдове его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое в душе питать желанье:
С воспоминанием о нем соединить
И обо мне воспоминанье![5]

---

[1] *...мой визит к Кутузовой...* — Екатерина Ильинична Кутузова (урожд. Бибикова), жена М. И. Кутузова-Голенищева, светлейшего князя Смоленского.

[2] *Вдруг подводит она ко мне своего маленького внука Опочинина...* — Опочинин Константин Федорович (1808—1848), внук М. И. Кутузова, полковник, флигель-адъютант.

[3] *Его заставили читать мне Светлану...* — Баллада Жуковского «Светлана» (написана 1808—1812 гг.; опубликована в «Вестнике Европы» 1813, № 1 и 2).

[4] *...сцена эта стоила немного кисти Гогартовой* — Вильям Гогарт (Hogarth William, 1697—1764), знаменитый английский рисовальщик, гравер и живописец, автор сатирических рисунков о жизни английского общества XVIII века.

[5] *Я счастлив был неизъяснимо! 〈…〉 И обо мне воспоминанье!* — Стихотворение В. А. Жуковского «В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой (1815).

Ее дочери очень милы; особенно Анна Михайловна Хитрово, которая еще тем милее[1], что мои баллады читает с удивительным, как говорят, совершенством. У них видел и княгиню Голицыну, бывшую Всеволожскую[2], на которую смотрел с удовольствием, потому что она, как мне показалось в первую минуту, очень похожа на нашу Марью Алексеевну.

Теперь о свидании с Императрицею[3]. Уваров, на другой день моего приезда, написал к ней, что я в Петербурге, и получил приказ представить меня в следующее воскресенье. Была пятница; мундира у меня не было; кое-как накопил от добрых приятелей мундирную пару, и мы с Уваровым отправились в воскресенье во втором часу во дворец. Дожидались довольно долго, потому что были после обедни парадные аудиенции, а меня велено было представить ей в ее кабинете. Из большой залы, в которой мы стояли, двери прямо в этот кабинет. Вдруг они отворились — являются великие князья и проходят мимо нас на свою половину; потом опять возвращаются и идут к Императрице и вслед за этим нас приглашают. Тут вы воображаете, что я струсил и что сердце у меня заколыхалось — ни мало! Желудок мой был в исправности, следовательно, и душа в порядке! Проходим в маленькую горницу; — Уваров шел впереди — входим в другую; перед дверьми ширмы — вдруг из-за ширм говорит Уварову женский голос Bonjour, monsieur Ouvaroff****; — это какая-нибудь придворная дама, думаю я — иду; передо мной Императрица. За нею, гораздо поодаль, у дверей великие князья. Разумеется, началось приветствием. Я хотел было сказать: не умею изъяснить Вашему Вел⟨ичеству⟩ своей благодарности за Ваши милости,— но исполнил это на деле, а не на словах, потому что *не умел ничего сказать*, а отделался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить — потому что Государыня говорила по-русски не очень внятно и скоро, и я не все понимал. Уваров это заметил и сказал два слова по-французски; это заставило ее отвечать по-французски же, и разговор пошел очень живо — о войне, о ее беспокойствах прошедших и о прошедших великих радостях; в этом разговоре было для меня много трогательного — мать говорила о сыне и с чувством; несколько раз навертывались у ней на глазах слезы. Разговор продолжался около часу. Наконец мы откланялись. «Мы еще с вами увидимся»,— сказала она мне очень ласково. Вслед за нами вышли и великие князья. Уваров подошел к Николаю Павловичу[4] и просил позволения меня ему представить. И мы пошли

---

[1] *...Анна Михайловна Хитрова, которая еще тем милее...* — Анна Михайловна Хитрово (урожд. Кутузова), дочь М. И. Голенищева-Кутузова, замужем за генерал-майором Николаем Захаровичем Хитрово.

[2] *У них видел и княгиню Голицыну, бывшую Всеволожскую...* — Анна Сергеевна Голицына (урожд. Всеволожская, 1774—1838), княгиня, жена князя И. А. Голицына, адъютанта великого князя Константина Павловича.

[3] *Теперь о свидании с Императрицею* — Мария Федоровна (урожд. принцесса Мария Доротея Августа Луиза Вюртембергская, 1759—1828), жена великого князя Павла Петрович с 1776 года, российская императрица с 1796 года.

[4] *Уваров подошел к Николаю Павловичу...* — Николай Павлович (1796—1855), великий князь, российский император Николай I с 1825 года.

на половину великих князей. Вошедши в прихожую залу, стал говорить одному камер-лакею, чтобы об нас доложить, но В⟨еликий⟩К⟨нязь⟩ Николай Павлович сам отворил дверь и закричал нам: «*Пожалуйте сюда поскорее!*» И они поговорили со мной с полчаса — дело шло о том удовольствии, какое сделало им позволение Императора ехать в армию. Оба красавцы, но Михаил Павл⟨ович⟩[1], не имея той правильности в чертах, какую имеет его брат, приятнее и живее. Великой княгини я не видал — она была нездорова. Теперь Государыня в Павловском. Вероятно, что и мне там быть доведется. Я слышал после, что она очень благосклонно обо мне говорила.

Из всего этого вы можете заключить, что я до сих пор живу весьма рассеянно — не бойтесь однако! Эта именно рассеянность более и более привязывает меня к уединению и занятой жизни! Чувствую тягость ее и пустоту и скоро опять засяду в своем углу с *подругой-тишиной*. Все это хорошо мимоходом; но Боже оборони от очарования. Это — питье Цирцеи, обращающее в свиней Улиссовых товарищей! Надеюсь не хлебнуть из опасной чаши. Что же касается до обольстительного внимания, которое оказывают поэту, то в этом случае надобно, для прохлаждения самолюбия, читать почаще Геллертову басню о зеленом осле[2]. В большом свете поэт, заморская обезьяна, Ventriloque[*****] и тому подобные редкости стоят на одной доске — для каждой из них одинакое, равнопродолжительное и равнонепостоянное внимание. Мое дело жить и писать

Для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей![3]

Сейчас явился ко мне Ал⟨ександр⟩ Павл⟨ович⟩ Протасов с объявлением, что дело о конкурсе решено, что здешний конкурс уничтожен, а Белевский оставлен. Это дело решено было еще прежде, нежели я писал первое мое письмо к вам. Но Огарев по беспечности[4] не уведомил об нем Тургенева. Я буду просить, чтобы в доверешении, если какое только нужно, не было остановки.

Простите. Детей целую. Володьковским друзьям прошу обо мне вспомнить. Азбукину ни слова за то, что он мне ни слова. Наталье Андреевне благодарность за дружеское письмо и уходрание за некоторые мрачности, в нем заключающиеся. Всем Белевским поклон. Где Свечин?

---

[1] *Оба красавцы, но Михаил Павл⟨ович⟩...* — Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, младший брат Николая I.

[2] *...читать почаще Геллертову басню о зеленом осле* — Христиан Фюрхтеготт Геллерт (Gellert Christian Furchtegott, 1715—1769), немецкий поэт эпохи Просвещения, баснописец и романист, автор басен и сказок.

[3] *Для муз, для наслажденья, / Для сердца, верного друзей!* — Стихи 87—88 из Послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

[4] *Но Огарев по беспечности не уведомил...* — Н. И Огарев, сенатор.

Voyez donc l'influence de l'air de Pétersbourgh!****** Перечитывая мое письмо, я замарал то, что написал об Оленине — это была злая фраза! Надобно быть осторожнее[1].

Я не сказал вам о весьма важном: с Тетушкою я расстался как нельзя лучше, и она пишет ко мне очень ласково. *Теперь* я не могу ее обвинять, а за многое ей благодарен. Маша мне сказывала, что никогда она так много и хорошо не говорила с нею обо мне, как в то время, когда ей надоедал Красовский — это неизъяснимо! С Воейковым я ни о чем ни слова, хотя он и дает мне чувствовать *мою несправедливость* в своих письмах, но на это он от меня ответа иметь не будет. — У меня есть *мое* сокровище: Машино мнение! Она все знает так, как оно есть — что нужды до тех, которые могут толковать криво и косо и которых *толки* никакого влияния на судьбу мою иметь не могут.

Чтобы не описывать два раза одного и того же, начало моих здешних похождений опишу к Плещеевым и от них вы получите это письмо. Теперь, право, не хочется ни об чем этом говорить. Простите. Это письмо и для Мишенского и для двух Володьковских *моих* друзей. Детенков обнимаю. Ваньке скоро пришлю свой портрет, который давно заказан в Дерпте, но еще по сю пору мне не доставлен. На всякий случай, чтобы была отделана для меня комната и в ней шкафы для моих книг, простые, но крепкие и недосягаемые для мышей, и в эти шкафы да перенесутся и поставятся книги мои, так чтобы я мог их обрести в порядке при своем приезде. Эту заботу возлагаю на моих трех сестер. Что ни говори судьба, а еще весело подумать, что у меня есть прекрасный уголок на моей родине.

Шиллера, о котором докладывал я милости вашей, у меня нет и я его от вас не получал. Прошу прислать. Документы, здесь приложенные, возвратить мне неотменно. Вы очень меня огорчите, если этой просьбы не исполните. До тех пор и портрет к вам не поедет — а портрет прекрасный.

В наказание за глупое ваше сожаление, что вы не написали мне ничего в альбом *на память*, посылаю вам десять белых листков, которые все должны быть исписаны. Можете уделить из них часть сестрам и Елене Ивановне.

Вместо десяти бумажек, посылаю *одну*, которая (да будет) меркою — по этой мерке выкройте, сколько хотите. *Документы возвратить* на следующей же почте.

Перевод

* Тоска по родине (*нем.*).

** Это договор, который касается наших ожиданий. Вы хотите быть богатым? Вы полагаете, что это единственный предмет, который заслуживает полного самопожертвования? Хорошо, вы станете богатым! Скольким другим людям это не удалось достичь, хотя использована сила, долготерпение, прилежание, внимание, анализ статей расходов и приходов. Однако нужно распрощаться со всеми прелестями досуга, которые свойственны спокойной душе, свободолюбивому духу, и свободному от подозрений. Если вы сохраните свою цельность, вам удастся

[1] Далее в копии (л. 10—10 об.—11) следует текст, отмеченный карандашом: «Не стоит печатать».

отринуть от себя грязь и всеобщее бесчестие… Нужно закрыть ваш духовный мир и ваше сердце для муз, научиться прятать свое очарование от пороков мира, иначе говоря, от домашнего хозяйства. Одним словом, вы должны больше думать о том, как расширить свои мысли, усовершенствовать свой вкус и достичь утонченности своих чувств: вы осуждены на то, чтобы следовать нарушенному внутреннему миру, не обращая внимания ни направо, ни налево — Однако (говорите вы), я не буду более следовать таким обстоятельствам жизни я чувствую, что у меня слишком возвышенная душа». — «Хорошо, откажитесь от этого — но тогда не мучайтесь от того, что вы не стали еще богатым» — «А какую компенсацию получу я за свой труд?» — «Компенсацию! Возвышенная душа, свободная от внутренних треволнений, страхов, пошлой вульгарности, способная стать родной другим людям и деяниям самого Создателя, возвышенный ум, богатый в своих проявлениях, цветущий, полный многих возможностей, склонный к веселью и глубокому размышлению; неиссякаемый источник идей, глубоких мыслей, в которых таится чувство вашего достоинства и вашей возвышенной интеллигентности? Праведное небо! О чем же вы еще сожалеете?» (*франц*.).

*** маленький любимец (*франц*.).

**** Здравствуйте, мсье Уваров (*франц*.).

***** чревовещатель (*франц*.).

****** Видите влияние воздуха Петербурга? (*франц*.).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 6—7 с об.; 10—10 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 9—17.
Печатается по копии.

43. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 июня 1815 Долбино

Вообразите, что третьего дня, сидя перед столиком против нашей Анеты, я с грустным и твердым чувством говорила ей ваши милые стихи:

Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней —
Свобода друг нам благодатный![1] и пр.

Они сжимали сердце и справедливостью своей и противоречием! Чем больше писаны они *душою*, тем тяжелее тому, кто против воли должен быть там, где гремит *хвала, гул шумный и невнятный*[2]. — Мне досадно было на необходимость менять счастие на мнение,— истинные блага — на какой-то мишурный блеск, даже и не ослепляющий! Меня пугала эта необходимость с вашею беспечностию, с доверчивостью милого характера, готового se laisser aller à tout ce qui est

[1] *Подале от толпы судей / Свобода друг нам благодатный!* — Стихи 81—83 из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. III» (1814) (ПСС2. Т. 1. С. 348).

[2] *...где гремит хвала, гул шумный и невнятный* — Там же, стих 80. Ср. у Жуковского: «〈…〉 где гремит / Хвала — гул шумный и невнятный» (ПСС2. Т. 1. С. 348).

présenté sous l'aspect du bien et du bonheur*. Мне казалось, слышу людей, заглушающих собственную душу, чтобы скитаться по свету без всякого хорошего чувства и потому без счастья, людей однако ж способных вас понимать, любить — в несколько голосов говоривших: *devenez cochon, mon ami*!** — и вдруг, ваши милые письма. Те же стихи, повторенные тем же сердцем! — Та же вечность души, тот же *пламень Весты*, та же возвышенность, которая не позволяет сойти до вас ничему дурному, ничему пустому и ложному! — Друг милый! полно оглядываться, чтобы читать в глазах людей, нравится ли им, или не нравится то, что мы делаем! Будем довольны внутренним чувством добра, чувством счастливой совести и полным сердцем, которого огонь довольно чист, чтобы заменить нам свет рассудка. *Zurück aus der Welt, in den Schön der Freundschaft****. Отделывайтесь скорее со всем вас связывающим скучным,— поклон блестящим обманам! Я боялась эгоизму в таком совете, но где бы вы ни были, с вами слишком много связано моего, чтобы возможно было без собственного счастия, знать вас спокойных и довольных! — И так этот страх пустой! Ваши сестры, ваши ребятишки всем сердцем ваши, будут вас ждать с восторгом, будут каждую радостную мысль украшать надеждою будущего *вместе*, будут готовить ваши комнаты, устанавливать книги, в праздничные дни собираться в *вашу* горницу, чтобы бесценное ожидание наверное сделало из дел праздник. — Благодарствуйте, милый брат! Как же не всем сердцем говорить *Слава Богу!* за жизнь, в которую вы столько даете хорошего! — Печи у меня теперь переделаны и будут греть; полы и окна к осени будут новые, крепкие; шкафы книжные не только не досягаемые для мышей, но, пожалуй, и для меня самой, буду глядеть на них с благоговением, и книги — воровать только по ночам. Не хотите ли Tudor Halle?****[1] — прострите руку, я смотрю на вас и жду мановения. Теперь однако venons au plus pressé*****, посылаю, что есть, жаль очень, что нельзя больше! в таких случаях чувствуешь, как глупо не уметь le saurisseur******, благодарствуйте, брат милый, за позволение прислать что-нибудь на печатание ваших сочинений. Это употребление дает какую-то важность деньгам. — Мне бы должно было сказать спасибо Императрице за прелестный день, который она могла бы взять себе, но так хочется над ней немножко посмеяться, что даже совестно перед вами. — Жаль, что ваша сестра дура! Нам можно было бы напечатать 2 тысячи 400 экземпляров без всяких хлопот, если бы я хоть мало была порасчетливей! Что ж делать! вот урок лучше и тверже всех проповедей! Только 15 рублей дешево, голубчик! tout au moins 25*******. — Спросите хоть у Тургенева. Ах, Жуковский! Поцелуйте вашего Тургенева, когда вы будете с ним одни. Я об нем слышала такую милую черту, которая стоит вашей ласки. Ваше описание всех ваших теперешних друзей и грустно, и весело. О Тургеневе жалеть не смею, *друг* Жуковского должен уметь

[1] *Не хотите ли Tudor Halle? — Tudor* — архитектурный стиль позднего английского средневековья (эпохи Тюдоров), характеризующийся четырехугольной аркой, низкими окнами с эркерами, лепными украшениями с растительным орнаментом; стиль получил распространение и в более поздние века.

быть выше участи и обстоятельств. Ему много счастия на свете, хотя бы весь прочий свет на него ополчился. — Блудов со своею *Оазис*[1] записан и в мой приход счастия; *прелестная химера исполненная!* — Спасибо им и прочим, с которыми вам хорошо! — Иногда хотелось бы переселить все, что есть прекрасного здесь, в ваш круг, но чаще веселюсь уверением, что ваша душа умеет оживить и украсить пустыню. Можно и посреди болота сделать Аркадию, разумеется, не из бекасов. À propos, вы у Муравьевой верно увидите Батюшкова!![2] et à propos n'était pas à propos de bécasse, mais à propos d'Arcadie! — à propos de ce joli propos, qu'il a tenu dans sa lettre charmante: *que faut-il à une abeille? Un repos, et des fleurs!******** Пришлите *домоседа!*[3] — Я бы Губарева с удовольствием послала в *странствователи*, чтобы переписать все, что вы там вараксаете[4], но он меня не послушается. Пришлите, если можно: sur l'avantage de mourir jeune********, Уварова. — А особливо пришлите печатное *послание*[5]; — в Москве уже нету, уверяют меня: видите ли, Жуковский, какова я приступальщица? Только, чур, не сердиться.

Надобно вам сказать что-нибудь об себе, — о своих приключениях, которые все хотя не в знатностях и величиях обретаются, но ежели бы достало времени, можно бы раззолотить всеми возможными сияниями. Ведь говорят же *изумрудные луга, жемчужные капли* и прочие конфекты! А мне бы это великолепие было и кстати потому, что хотелось описать вам, как поживают наши Азбукины; как они закладывали новый дом; как я на всех надела венки из васильков и гирлянды, как подкладывала цветы даже под ноги попу и всему его причету, как впустила сверчков, чтобы они *кричали в углу*, и пр. и пр. и пр. Но Иван Ники⟨форович⟩ неумолимым своим голосом кричит: *Пора на почту*, а жена его и Архиерей приступают к вам с поклонами. — После вашего первого письма я была у Плещеевых! Хотелось видеть, как Государыня вам обрадовалась, ибо как ни говори, и все это весело и сердцу и гордости. Там вашего письма не нашла; Нина сидит в постели с больной ногою[6], но не только без опасности, даже без боли теперь, а из предосторожности; чистит грибы, щипет розы, и пр. и пр. Милый Негр сердит на вас[7], как я не думала, чтобы он умел сердиться, ворчит и дуется. — но со всем тем мил так, что я бы теперь всей душою его полюби-

---

[1] *Блудов со своею Оазис*... — См. примечание к письму 42.

[2] *...вы у Муравьевой верно увидите Батюшкова!!* — Батюшков был племянником Е. Ф. Муравьевой.

[3] *Пришлите домоседа! Я бы Губарева с удовольствием послала в странствователи*... — Речь идет о произведении К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед» (1815). Губарев — см. примечание к письму 28.

[4] *...что вы там вараксаете... — Вараксаете* — устар., варакать или варксать — «писать или делать что кой-как, дурно, без уменья, как попало» (Даль. Т. I. С. 164).

[5] *А особливо пришлите печатное послание*... — В январе 1815 года печатное послание «Императору Александру» было выпущено отдельной книжкой с виньеткой, гравированной Н. И. Уткиным.

[6] *...Нина сидит в постели с больной ногою... — Нина* — Анна Ивановна Плещеева.

[7] *Милый Негр сердит на вас*... — «Негром» за темный цвет лица называли А. А. Плещеева.

ла, если бы уже прежде не любила его всею душою. — Эоловой Арфы делать не хочет[1]: *без него не могу, не достанет сердц*а, — говорит он. Сделал увертюр и entrakты Philoctéta*********, потому что вы будете его переводить[2]. Музыка прелестная! Второй антракт необыкновенно хорош, и четвертый, который должен играть после пиесы и выражает *возврат на родину*. Есть какой-то *Air***********, постоянно повторяемый, который кажется национальною песнию Отечества Филоктета и который точно дает какой-то Heimweh*********** обо всем, что любит. Когда-то вы услышите это, дружок! — С Плещеевым больше нежели с кем-нибудь весело было говорить об вас; он любит, как любить должно! — Это слово прямо привело меня к нашей Баронессе[3]. Ежели мы желаем увидеться для того, чтобы видеть друг друга, то столько же и для того, чтобы любить вас вместе, друг при друге. — Что это за милая, прелестная душа! Теперь ей немного получше; она в Володькове и уже привыкла к прежней жизни. У них было грустное приключение, которое рассказываю вам *на ухо*. Петруша выпросил у Барона позволение служить[4], написал dans la joie de son coeur************* об этом к сестре и, завертевшись от радости, адресовал письмо вместо Калуги в Белев. — Это письмо 18-летнего мальчика, счастливого эполетами и шитьем на воротнике, наполнено довольно плоскими шутками и выражениями прекрасного ⟨*1 нрзб.*⟩, у которого он так охотно перенимает; — оно смешно, но просто и мило — попалось по несчастью в руки Барона; и вообразите, что не только недели на четыре было сердца и гнева беспрестанного, но он едва совсем не отступился от сына и не выгнал его навек из дому! — вы можете понять, сколько это сделало грусти нашим друзьям. — Теперь ждем Петрушу сюда, и опять боимся. Ужасный характер! Я бы не хотела жить на свете с таким сухим сердцем. — Баронесса пьет *кумыс*, ходит сама с палочкой по горницам и всякий день непременно молится об вас, тогда же когда молится об своих детях. Со мною она то же, что с Леночкой, и я счастлива неизъяснимо, что могу быть третьей в этом прелестном союзе, которого не разорвет и смерть. — Жуковской, много прекрасного на свете, если беречь душу! Хвала жизнедавцу Зевесу![5] — Но, милый брат, *вас* пускай ведет он *радостно*, к цели. Я слишком верю Его любви, чтобы не ждать для вас счастия. От этого не откажусь, пока буду жить, и верить добру, и любить. — Между тем, прощайте. Христос с вами! Дети вас обнимают. Ванюша просит портрету и рано

---

[1] *Эоловой Арфы делать не хочет…* — иными словами: не хочет писать музыку на слова баллады Жуковского «Эолова Арфа».

[2] *Сделал увертюр и entrakты Philocteta, потому что вы будете его переводить* — Жуковский перевел начало трагедии Софокла «Филоктет» в 1811 г., воспользовавшись французским переводом Ж. Ф. Лагарпа (Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 273—278).

[3] *Это слово прямо привело меня к нашей Баронессе* — к М. А. Черкасовой.

[4] *Петруша выпросил у Барона позволения служить…* — Речь идет о Петре Ивановиче Черкасове (1796—1867), сыне И. П. и М. А. Черкасовых, володьковских помещиков, будущем декабристе.

[5] *Хвала жизнедавцу Зевесу!* — Заключительный стих «Теона и Эсхина» (1814) В. А. Жуковского.

и поздно, а у меня его нет как нет. Сию минуту приехал мой Сашка из Москвы на ваканцию[1]. Иду к нему навстречу[2].

Перевод

* позволить себе идти до конца, что касается добра и счастия (*франц.*).
** станьте свиньей, мой друг! (*франц.*).
*** Назад из мира в прекрасную дружбу (*нем.*).
**** Тюдор-холл (англ.).
***** поторопимся (*франц.*).
****** творить (*франц.*).
******* по крайней мере (*франц.*).
******** кстати, не о бекасах, а кстати об Аркадии, кстати по поводу этого милого кстати, которое содержалось в его очаровательном письме. Что надо пчеле? Отдых и цветы (*франц.*).
********* преимущество умереть молодым (*франц.*).
********** антракты Филоктета (*франц.*).
********** ария (*франц.*).
************ тоска по родине (*нем.*).
************* в сердечной радости (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 19—20 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 30.
Печатается по автографу.

44. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 июля. Долбино. 1815[3]

Ванюша заплакал от радости, получа ваш милый портрет, да признаюсь, поплакала над ним и я. Сначала от радости, а потом и не от радости. Когда же эта милая рожица будет выражать счастие! С тех пор, как я его получила, мне очень грустно и от этого сходства, от задумчивого этого взгляду, и от этой доброй, выражающей всю прелестную душу вашу, но несносно горестной улыбки,— и от вашего письма. — Милый друг! когда ж глупые мысли перестанут гнездиться в душе вашей? Я очень вижу, каким манером завел их туда *Владимир*[4], со всеми своими дурацкими предсказаниями; как все окружающее вас усиливает их то надеждами, то обманами, и как вы по свойственной нам общей рассудительности, принимаете

---

[1] *Сию минуту приехал мой Сашка из Москвы на вакации — Сашка* — Петерсен Александр Петрович, см. примечание к письму 14.

[2] Далее следует приписка А. П. Петерсена: «Я сию минуту возвратился, мой Почтенный Василий Андреевич, рад, что могу сказать вам, что люблю вас и вам благодарен всею душою. А. П.»

[3] Дата устанавливается на основании упоминания о портрете Жуковского кисти О. Кипренского (1815), присланного Авдотье Петровне.

[4] *Я очень вижу, каким манером завел их туда Владимир…* — См. примечание 4 к письму 42.

все за *предчувствия* и за пророчества. Помните, как вы писали *послание к Царю?* [1] Как *уверены* были, что не удастся его кончить? Помните ли *Эльвину и Эдвина*? [2] Каким она вас страхом поразила? вас как изобретателя, а меня за вами. Как мы не смели сообщить друг другу своей боязни, и как долго уже спустя посмеялись над тем страхом, который из доброй воли *насочинили* себе сами? Помните ли *Валленштейна*? [3] — Помните Шиллерову *Историю 30-летней войны*, и как суд неба, произнесенный над Густавом Адольфом, *поразил* вас? [4] — Милый друг, сколько раз мы делали себе химеры счастия и несчастия; сколько раз плакали и радовались над мечтами нашего воображения, а счастие и несчастие и будущее со своими мечтами приходили, совсем не спрашиваясь с нашими ожиданиями, и заменили их новыми горестями и новыми бреднями. Вам много еще осталось в жизни. *Владимир* не один должен оставить след этой милой жизни. И слишком много хорошо связано на свете только с тою мыслью, что вы дышите, что вы глядите на этот свет, чтобы страх противного не был en quelque sorte une injure à la Providence. Ne pouvons-nous donc pas marcher en paix sous la garde de son amour, et notre inquiète tristesse ne doit-elle pas l'offenser? Comme toute défiance blesse et offense le coeur d'un ami!

Mais je ne sais pouquoi je vous dit tout cela, — peut-être, n'en avez-vous que faire; je crois que je le dis pour moi. Monsieur le Poète a la bonté de créer de vilains monstres qui n'existeront jamais, qui ne prennent une forme quelconque que pour paraître aux yeux des honnêtes gens, il les pare de vraisemblance, et moi, j'ai la sottise de m'effrayer, de mettre à côté de vos illusions, d'autres tristes illusions, que toutes ensemble ne sont bonnes qu'à embellir des ballades, et puis de pleurer, et de me désoler*. *Чтобы сделать что-нибудь хорошего в жизни*, говорите вы. Ваша жизнь *прекрасна*, милый друг, и тогда даже, когда вы зеваете: *Владимир* может быть нужен для потомства, но не для украшения вашей жизни. Жить для добра, любить его при каждом дыхании, и в горести, и в счастии, жертвовать для него всем и беспрестанно иметь сердце, полное прелестною этою любовью, — милый друг, такая жизнь хороша и без славы и вся может почесться добрым делом. — *Владимир*, прочие ваши будущие поэмы, послания, оды и прочее, все в моих глазах не цель вашей прелестной жизни, а занятия так, как чулок, картинка, соната наполняют несколько часов жизни Машиной, а не составляют *жизни* ее. Труд утешитель, конечно! — но потому, что *им* вы можете сообщать другим прекрасную душу свою, потому что она видна в каждой строчке, что им сохраняется и передается великая мысль, добро — чувство и что он делает душу, способную к наслаждениям, покою и радости. — Но без

---

[1] *Помните, как вы писали послание к Царю? — Послание к Царю* — «Императору Александру» (1814).

[2] *Помните ли Эльвину и Эдвина?* — «Эльвина и Эдвин» — баллада Жуковского, перевод из Маллета, написанная 1814 г. в Долбине.

[3] *Помните ли Валленштейна?* — Речь идет о драматической поэме Ф. Шиллера «Валленштейн» (1799).

[4] *Помните Шиллерову историю 30-летней войны, и как суд неба, произнесенный над Густавом Адольфом, поразил вас?* — Имеется в виду произведение Ф. Шиллера «История Тридцатилетней войны» (1790—1793). *Густав Адольф* — шведский король и полководец (1594—1632).

прелести этой милой души ни труд, ни покой, ни занятия не были бы утешением! Жуковский! берегите вашу редкую душу и в ней *священный огонь Весты*[1], то есть *любовь к добру*, и останемся о прочем *беспечны*. Душа доброго друга печется о всём, доверенность к нему беспредельная! — Милый друг, всякий раз, когда я тронута его любовью, всякий раз я верю вашему счастию. Я верю, что на этой прекрасной рожице будет написано *совершенное* счастие, так как теперь несравненная душа. Не глядите же, милый, так грустно! Votre bonheur est un article de foi pour moi, et la base de plusieurs autres. L'amour de Dieu est fidèle! Comme la justice![**]

Вы велите отвечать вам, потолковавши вместе, приехать вам сюда, прилично ли это будет, и пр. Милый, родной брат мой! Ежели вам надобна семья, тихая жизнь, прилично ли будет *вам дать счастие нашей семье*? — Думать об этом и толковать кажется мудрено немного! Каждая из нас, не остановившись ни минуты, отдаст охотно всю жизнь свою, за час вашего спокойствия. Ванюша один из детей, который еще чувствовать умеет, говорит, что больше жизни будет беречь *портрет* ваш, прочие два любят вас, как любят жизнь, не знавши сами. — О чем же толковать? Не думаю, чтобы вам опять пришел в голову ваш глупый qu'en dira-t-on? — C'est un mot qui n'a pour moi aucune valeur, il n'entre jamais en considération quand il s'agit de plaisir d'un indifférent, bien plus encore quand il s'agit du bonheur pour moi, d'un instant de tranquillité pour vous. Bien ou mal. Conscience intime! Voilà ce qui vaut! Décidez vous-même, où vous voulez vous fixer à demeurer, à Michenskoe ou ici. Annette est maintenant absolument seule et avec cela, elle a pour elle tout l'enchantement de la délicieuse contrée et des souvenirs. Je n'ai pour moi que le bonheur que me donnerait votre présence, mais croyez qu'il sera également grand si vous vous trouvez bien avec elle, et qu'il ne doit pas du tout entrer en balance avec un seul instant de *votre mieux*. Annette dira certainement la même chose; ainsi, mon cher ami, ne pensez, je vous prie, que le plus ou le moins de plaisir, et de repos que vous trouverez chez nous. Si je n'avais une crainte — écoutez, Joukovsky, parlez-moi sans détour, et permettez-moi de parler de même: *Marie sera-t-elle contente de nos arrangements*. Conserve-t-elle des idées qui ne sont dignes ni d'elle, ni de moi, ni de vous? Voulez-vous le lui demander et la prier *de décide*r. Elle a beau faire semblant d'écouter ce qu'on lui dit, elle me connaît, elle sait combien mon coeur est à elle, et à vous. Voulez-vous lui dire de décider entre nous deux? — Vous pouvez partager si vous voulez, le temps des roses, des fleurs, des délices de la Nature, vous aimerez certainement mieux le passer à Michenskoe[***], *только побродить до полночи по большой дороге*, и пр. — Где бы однако вы не решились остаться, друзья неизменные, семья сестер окружает вас. Между тем я заказала шкафы: буду готовить клей для альбомчиков, цветные бумажки и пр. и пр. Между тем нарисовала уже два плана Тюдоргаль и пр. —

[1] *...берегите вашу редкую душу и в ней священный огонь Весты... — Веста* — в римской мифологии богиня священного очага городской общины и дома. Ср. у Жуковского: «А ты, мой друг-поэт, / Храни твой дар бесценный; / То Весты огнь священный» («К Батюшкову», 1812) (ПСС2. Т. 1. С. 194).

Журнал, ежели хотите, можно издавать и отсюда, Кавелин ваш человек, порядочный, приготовить здесь дома несколько книжек, *славных* и отправить к нему как к Редактору, он печатай и толкуй со всеми мелочами. — Вчера я провела с ним целый вечер, завтра назначила ему приехать в Мишенское, где увидит его и Анета наша. Разговор у нас был, разумеется, почти один, только мне многое в нем не понравилось, говорить о многом для меня очень важном с такой легкостью! Мы были у Барона, и мне несколько раз было неловко, так же как и доброй нашей Баронессе. — Кроме важных неловкостей еще одна, которую я вам расскажу, вы, видно, всех нас ему рекомендовали под именем *Юшковых*. — Он пересекался уже с сестрою Анною Петровной. — И услышавши, что я ее сестра, говорил en conséquence****, потом за чаем, обратившись в Рыцаря Круглого Стола, стал шутить с моей Минваной как с меньшей дочерью Барона[1]. — Ему говорят, что это *моя* дочь: он вытаращил большие глаза на меня и извинялся, что принимал меня за сестру моей сестры и за Юшкову. — Я рекомендовалась ему и тем и другим, и ещё сверх того и третьим. — Сказала между прочим, что у меня уже два больших сына, — и он вдруг обошедшись со мною прежде как с 15-летнею девочкою, переменил тон как бы с 50-ти, и принялся мне припоминать прежнего века людей. Не знавала ли я того-то и того-то? — Не помню ли ту? и пр. — Всё это было смешно очень. Я только перед отъездом решилась сказать ему свою фамилию, которую вы с такою скромностью скрывали, и надеюсь, что вы меня за это не включите в число indiscrettos*****. — Завтра будем больше ещё толковать об издании и о прочем; тут при Бароне, при Павлове мне не хотелось, и еще при нескромной, чудесной легкости Кавелина. — Желаю, чтобы он больше понравился мне завтра, чтоб он меньше болтал дурным французским языком о своей *capacité******* и о друзьях. — Послушайте, друг, через две недели, то есть к первому августу пришлю еще 2 тысячи, вы можете располагать, как будто они теперь у вас.

Петруша барон, колонновожатый, уже был у присяги и остается с Муравьевым до окончания курса[2]. Это очень радует его милую мать. — Она любит вас по-прежнему, вяжет вам кошелек, и что всего грустнее и трогательнее — вяжет его, *когда одна* без мужа. — «Думаю, — сказала она вчера, — что ему этот кошелек будет приятен, хотя он очень уж выпачкан, и я его вязала в самое тяжелое время моей жизни, в те дни, в которые не думала и жить». — Когда мы вместе, единственный разговор наш, вы, потому что с ними главное чувство сердца должно быть открыто. — Стихи ваши доставляют нам вместе так же много счастия; —

---

[1] *...обратившись в Рыцаря Круглого Стола, стал шутить с моей Минваной как с меньшей дочерью барона* — Авдотья Петровна юмористически характеризует поведение Кавелина, сравнив его и свою дочь Машу (*Минвану*) с героями «Круглого стола Короля Артура». *Барон* — И. П. Черкасов, см. примечание к письму 11.

[2] *Петруша барон, колонновожатый, уже был у присяги и остается с Муравьевым до окончания курса* — В 1815—1816 годах была организована служба колонновожатых под председательством и на иждивении Н. Н. Муравьева; учащиеся и учащие считались состоявшими на военной службе; программа обучения будущей военной элиты была составлена Михаилом Николаевичем Муравьевым (1796—1866).

все здешние относятся с похвалою об них ко мне как признанной обожательнице оных, а Сергей Полонский раздразнил меня недавно[1], уверяя, что он не хотел дать двух рублей серебра за послание и что это *дорого*: я отправила ему *дешевых* книг, Кутузова и Хвостова[2]: не знаю, сколько он наймет поденщиков, чтобы их прочесть. — У меня есть *Странствователь и домосед*. — Прекрасно! Знаете, что ещё у меня есть? — Портрет Жуковского! и какой портрет! Благодарствуйте, добрый, милый, бесценный брат!

Вообразите, что Ванюша читает Вотяховского[3] и без больших толкований, понимает дроби? — видно, головы Математические так же родятся, как и Поэтические! Блажен, кто богами еще до рождения любимый!..

Перевод

* не был чем-то вроде оскорбления Провидению. Разве мы не можем жить в мире под присмотром Его любви и наше унылое беспокойство не должно Его обижать? Как ранит всякое оскорбление и недоверие сердце друга! (*франц.*).

Но я не знаю, почему я вам об этом говорю, — может быть, потому, что вы не знаете, что вам надо делать; я думаю, все это говорю для себя. Господин Поэт так добр, создавая хитрых чудовищ, которые никогда не будут существовать, которые принимают вид кого-либо, только чтобы появиться на глазах честных людей, он их наряжает в одежды правдоподобия, и я имею глупость испугаться, отбросить в сторону все иллюзии, другие грустные иллюзии, которые все вместе хороши только для того, чтобы украсить баллады, чтобы затем плакать и расстраиваться (*франц.*).

** Ваше счастие — это для меня дело верности и основа всего прочего. Любовь Бога надежна как справедливость! (*франц.*).

*** что об этом скажут? Это слово не имеет для меня никакого значения, оно не принимается во внимание, когда речь идет о желании равнодушного, и еще более, когда речь идет о моем счастье и одном мгновении спокойствия для вас. Хорошо или плохо! Полное доверие! Вот что стоит! Решайте сами, где вы хотите остановиться жить: в Мишенском или здесь. Аннета сейчас абсолютно одна, и поэтому она живет очарованием чудесного края и воспоминаниями. Каким счастием было бы для меня ваше присутствие здесь, и еще большим оно было бы, если вы находились рядом с ней, и совсем не надо было бы волноваться ни на одно мгновение за ваше состояние. Аннета скажет, несомненно, то же самое; так что, мой дорогой друг, прошу вас, думайте более-менее об удовольствии и об отдыхе, который вы найдете у нас. Боюсь ли я? — послушайте, Жуковский, говорите со мной без обиняков, и позвольте мне говорить так же: будет ли Маша довольна нашим соглашением? Сохранит ли она мысли, которые не будут достойны ни ее,

---

[1] *...а Сергей Полонский раздразнил меня недавно...* — Полонские — белевские знакомые Жуковского и Киреевских.

[2] *...я отправила ему дешевых книг, Кутузова и Хвостова...* — Павел Иванович *Кутузов* (1767—1820), поэт, переводчик Грея и Пиндара, сын адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова и родственник М. И. Кутузова, убежденный сторонник А. С. Шишкова. Дмитрий Иванович *Хвостов* (1757—1835), поэт, переводчик, автор басен, сторонник классицизма, член российской академии (1791).

[3] *...Ванюша читает Вотяховского...* — Ефим Дмитриевич Вотяховский, математик, педагог, автор «Курса чистой математики, содержащей арифметику, геометрию и алгебру с прибавлением фортификации» (1786), а также 5-томного «Теоретического и практического курса чистой математики» (1798).

ни меня, ни вас? Хотите вы у нее спросить и просить ее решить? Она напрасно старается делать вид, что слушает, что ей говорят; она меня знает, она знает, как я люблю вас и ее. Хотите ли вы ее попросить выбрать между нами двумя? Вы можете разделить, если хотите, время роз, цветов, прелестей природы, вы, конечно, предпочтете провести его в Мишенском (*франц*.).

**** в соответствии (*франц*.).

***** нескромниц (*франц*.).

****** одаренности (*франц*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 3—5 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1. № 107, л. 34—36.
Печатается по автографу.

45. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

le 15 Juillet Dolbino 1815[1]

Amende honorable à la raison, à la franchise, à la bonne-droiture, à l'amitié. à *Cavélinn,* enfin! Je ne conçois pas comment j'ai fait pour ne l'avoir pas d'abord *aimée de tout mon coeur*. Heureusement, les préventions sont chez moi, tout ce qu'il y a de plus facile à détruire. Vous serez étonné que je vous parle de prévention quand c'était *vous*, qui me parliez de Кавелин, mais que faire! Il faut dire simplement ce qui m'en est arrivé, et non à qui aurait dû arriver. N'oublíez pas que je ne connaissais de Кавелин que cette liaison intime avec W.?[2] Rappelez-vous comme une fois, dans le temps de nos premiers débats, j'ai refusé de faire à la santé de *l'ami prôné?* Pour porter à celle de Tourguénef. Ensuite, il est vrai, vous en avez fait mention dans vos lettres comme d'un homme qui possède une belle âme, une grande pureté de coeur, et enfin, comme du troisième dans l'union des élus, tout cela en me donnant une grande envie de le voir, *de le connaître*, me laissait pourtant une sorte de défiance, dont la bienveillance habituelle de votre bon coeur, était la cause et l'excuse. Кавелин arrive dans nos contrées! J'en demande des nouvelles à ceux qui ont déjà eu l'avantage de le voir, c'est un homme de cour, dit-on! — fi! pensais-je, il ne peut aimer Joukovsky! C'est un orgueilleux; — oh fi! Il ne peut aimer personne! Arrive ensuite une lettre de vous*, полюбите его за меня, пишете вы, он много делал мне добра своею дружбой! Этого слова, Жуковской, довольно было, чтобы забыть все посторонними сказанное, et pour mettre à part toutes les preventions! — Je veux voir Кавелин, je ne pense à autre chose qu'à le voir! — je le vois déjà, le voilà: grand, bienfait quoiqu'un peu maigre, l'air sérieux, le nez long et droit, le regard mélancolique, le sourire doux et bienveillant, mais un peu triste et jamais terminé par le rire, en un mot, je me le figure aussi intéressant que son nom est sonore. — Avec ce beau portait en tête me voilà chez la baronne, nous voilà seules sur son lit, et profitant de l'absence du baron, nous parlons — de bécasses! — Quelqu'un arrive! Je m'effraye!.. on

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о визите Кавелина в Володьково к Черкасовым, о чем шла речь и в письме Авдотьи Петровны от 10 июля 1815 г.

[2] *…que cette liaison intime avec W… — [близкой связи с В.] — W [В.] —* Речь идет об А. Ф. Воейкове.

entre, je vois à peine! Un homme gros, la face ronde, l'air réjoui, content, gai, le regard serein, le sourire bon, bienveillant mais qui joyeux, mais de belles dents qui se font voir souvent et volontiers! C'est *Кавелин*. Ah, bon! disais-je! voyons donc son orgueil, *son ton de Cour*. — Des manières franches toutes rondes, simples, polies; — une politesse de coeur, qui semble vouloir vous connaître pour vous aimer d'abord, — une gaiété sincère, naïve. Mais tout cela est loin de cette duplicité que je craignais si fort! Voyons donc la véritable pierre de touche, la seule pour moi: parlons de Jouk., de l'admiration, de l'amitié, mais quelle légèreté, il semble vouloir *effleurer* ce sujet! Parlons de Moier la même chose! *Je l'aime de coeur et d'âme*; comme alors, et de même, il parle avec légèreté de ses espérances de faire de vous deux quelque chose, de l'un un Crésus, de l'autre un bon sujet! Me voilà *désappointée*, — un bon sujet! — c'est alors que je vous écrivis cette lettre, où je me plains, je crois, de ce qu'il n'a parlé nez long, ni les yeux longs. — Ah! À présent, cher Joukovsky, à présent j'aurai du plaisir à vous parler de lui! Je l'ai vu de plus près, je l'ai vu *seul*, il pouvait parler de coeur. Et quel coeur! Celui-là est un de ceux qui ornent l'Univers! Je l'ai vu chez lui, avec sa femme qu'il aime, et qu'il rend heureuse, qu'il aime d'amitié vraie, sans compliments, sans fadeur; avec Андрей Александрович Елагин, qui était venu le voir, le ton d'un homme qui sait respecter la vieillesse, et la vertu… Il lui donnait le bras pour l'aider à marcher, n'a pas bougé d'auprès de lui, quoique, certainement il désirait s'entretenir avec nous de choses plus agréables pour lui, et au lieu de cette légèreté que je craignais, j'ai trouvé le ton décent d'un homme qui sait attacher de l'importance à la vie, aux sentiments du coeur, à la vertu. Enfin, Jouk: — nous avons parlé, de vous! Nous étions seuls, il pouvait parler sans contraintes, et cette amitié vraie, cette sincère admiration, cette simplicité en partageant et en appréciant tous vos sentiments, lui ont gagné mon coeur pour la vie! — Depuis longtemps je n'ai senti le mien si gros, et si à l'aise! — Il me donnait de si bonnes espérances! J'aimais à l'entendre, et dieu veuille qu'il puisse réussir! Qu'avons-nous besoin si nous les savons heureuses, et ne serons-nous pas également reconnaissants à la Providence, quand-même ce bonheur obtenu, ne dépendrait pas de nous? — Mais Joukofsky! la belle alliance que celle de la vertu! Celle-là ne peut manquer son bût! Il m'a parlé de ses projets pour V. — il espère tout de *son coeur*; — s'il aime véritablement Alexandrine, il est corrigé, l'amour ne souffre pas de fausseté! Il éclaire, il purifie, il élève! — Je trouvais beaucoup de plaisir à le voir espérer, le bonheur pour elle et pour mon autre elle, dont dépend tout le mien! Cet homme est digne de vous aimer, Joukofsky, et d'être aimé de vous! — Mon dieu, qu'il faudrait peu de choses sur la terre pour être parfaitement bien, repousser seulement tous les mauvais sentiments, les défiances, les injustices, les malveillances, éloigner tout ce qui uniquement cause de la douleur: les défauts; et chaque état alors est un paradis! On aime, le coeur est bon, rempli, — et le sort, et les circonstances auraient en beau faire, la vie entière serait heureuse en dépit de tout! — Vous êtes maintenant à Dorpat, cher Joukofsky! — Oh, comme je crains des nouvelles pour vous! Avec quelles délices je serais venue les voir un seul instant, si vous n'aviez eu la bonté de crier avec la voix sévère du devoir: *reste!* — Un mois n'aurait fait aucun tort à mes affaires, et du moins, j'aurais revu cette chère Alexandrine pour laquelle je suis inquiète et tourmentée depuis

bien des jours déjà, cette vilaine Marie qui a l'air de vouloir se refroidir par l'absense, *l'air d'oublier*, et qui par ses *billets* remplis de gaieté, trouve le moyen de me faire passer les nuits sans dormir et les jours à pleurer! Rien que les voir un couple de jours! Voir si réellement elle est changée, ou plutôt la regarder seulement, car une fois auprès d'elle, je ne vois pas si elle m'aime, il me suffit de l'aimer. Mais de loin aussi, c'est la même chose! Que Dieu les bénisse toutes, et vous aussi, mon cher ami, mon frère, qu'un fâcheux arrivé me faire de quitter.

Encore un mot: madame Minine demande de vous intéresser en faveur de son fils[1] qui maintenant est à Pétersbourg. Elle veut le placer au Lycée, son père l'y mène, mais vous connaissez le Père, elle est triste et inquiète. — Il n'y aura de places vacantes qu'au mois de Janvier, peut-être, placez-le en attendant chez un Professeur quelconque, et ensuite, priez, agissez, et la jeune Minina vous devra le bonheur peut-être de sa vie entière, *son éducation* et *ses moeurs!* Et sa mère sera heureuse de vous devoir de la reconnaissance. Et vous, mon cher? Si le Père ne vient pas lui-même vous trouver, vous pouvez trouver le frère Василий Мих⟨айович⟩, au palais de marbre, et lui apprendre les demeures, etc.**

Перевод

*15 июля Долбино (1815)

Публичное покаяние рассудку, искренности, порядочности, дружбе и, наконец, Кавелину!

Я не понимаю, как я могла сначала не любить его всем моим сердцем. К счастью, все мои предубеждения при мне, и их легко рассеять. Вы будете удивлены, что я говорю вам о предубеждении, когда именно вы говорили мне о Кавелине, но что делать! Надо просто рассказать, что со мной случилось, а не с кем должно было бы случиться. Не забывайте, что я знала о Кавелине только о его близкой связи с В. Вспомните, как однажды во время наших первых споров я отказалась выпить за здоровье друга, которого хвалили? — провозгласив тост за Тургенева. Затем, правда, в ваших письмах вы о нем напомнили как о человеке, который обладает прекрасной душой, великой чистотой сердца и, наконец, как о третьем в союзе избранных. Все это, рождая великое желание видеть его, узнать его, оставляло во мне, тем не менее, какое-то недоверие; доброжелательность вашего доброго сердца была причиной и извинением этого недоверия. Кавелин приезжает в наши края! Я прошу новостей у тех, которые уже имели возможность его видеть, *это придворный человек,* — говорят! — Фи! — думала я, — он не может полюбить Жуковского! Это гордец! — о, фи! Он не может никого любить. — Затем приходит ваше письмо ⟨…⟩

** чтобы отбросить все предубеждения! Я хочу увидеть Кавелина, я не думаю ни о чем другом, как его увидеть! Я его уже вижу, вот он: высокий, хорошо сложенный, хотя немного худой, с серьезным видом, нос длинный и прямой, взгляд меланхолический, улыбка нежная и доброжелательная, немного грустная и никогда не засмеется; одним словом, я его себе представляю таким же интересным, как его звонкая фамилия. С таким прекрасным воображаемым портретом в мыслях — я у баронессы. Вот мы одни на ее кровати и, пользуясь отсутствием барона, мы разговариваем о бекасах. Кто-то приходит!.. Я испугана! Входят, я едва вижу! Толстый мужчина, лицо круглое, вид радостный, веселый и довольный, взгляд спокойный, улыбка

[1] *...madame Minine demande de vous intérresser en faveur de son fils… — [мадам Минина просит проявить интерес к ее сыну]* — Василий Петрович Минин (1805—1874), тульский помещик, впоследствии тульский губернский предводитель; *Минина* — его мать.

доброжелательная во весь рот, обнажая белые зубы, которые он часто и охотно показывает! Это Кавелин! Ну, хорошо! — говорила я,— Посмотрим на его гордость, на его придворный тон! Открытые манеры, совершенно откровенные, просты, вежливы,— вежливость от сердца, которое, кажется, хочет вас узнать, чтобы полюбить потом, открытая, наивная веселость. И все это так далеко от двоедушия, которого я так сильно боялась! — Представим себе настоящий пробный камень, единственный для меня: давайте поговорим о Жук., о восхищении, о дружбе! Но какая легкость, кажется, что он хочет слегка коснуться этого вопроса! Поговорим о Мойере — то же самое! *Я его люблю всем сердцем* и душой! С такой же легкостью он говорит о своих надеждах сделать из вас двоих что-либо: из одного Креза, из другого хорошего подданного. *Я разочарована* — хороший сюжет! — именно тогда я написала вам то письмо, где я жалуюсь, я думаю, на то, что он мне говорил, не о длинном носе, не о глазах. — Ах! А сейчас, дорогой Жуковский, у меня есть желание: поговорить с вами о нем! Я его видела совсем близко, я его видела *одного,* он мог говорить от сердца. И какого сердца! Он один из тех, кто украшает Вселенную! Я его видела у него дома с женою, которую он любит, которую он окружает счастьем, который любит ее настоящей дружбою, без комплиментов, без пошлостей; с Андреем Александровичем Елагин⟨ым⟩, который приходил навестить его, тоном человека, который умеет уважать старость и добродетель… Он дал ему руку, чтобы помочь ему идти, боясь пошевелиться рядом с ним, хотя, конечно, он желал беседовать с нами о вещах, более приятных для него. И вместо этой легкости, которой я боялась, я услышала благопристойный тон человека, который умеет придавать большое значение жизни, сердечным чувствам, добродетели. Наконец, Жук.: — мы говорили о вас! Мы были одни, он мог говорить непринужденно, и эта настоящая дружба, это искреннее восхищение, эта простота разделять и ценить все ваши чувства завоевали мое сердце на всю жизнь. — Давно я не чувствовала себя так хорошо и непринужденно. Он мне подал такие надежды! Мне нравилось его слушать, и Бог захотел, чтобы ему все удалось!

Что еще надо нам, если мы знаем, что они счастливы, и не будем ли мы одинаково признательны Провидению, достигнутому счастию, не будет ли это зависеть от нас? Но Жуковский! Самый прекрасный союз — это союз добродетели! Он не может не иметь своей цели! Он мне рассказал о своих намерениях к В. — Он надеется *всем сердцем*; если он действительно любит Александру, он наказан, любовь не терпит лжи! Она освещает, очищает, воспитывает! Я находила большое удовольствие, видя, как он надеется на счастие для нее и для моей другой, от которой зависит мое счастие! Этот человек достоин любить вас, Жуковский, и быть любимым вами! Бог мой, как мало надо на земле, чтобы чувствовать себя хорошо, отбросить только все плохие чувства, недоверие, несправедливость, недоброжелательность, удалить все то, что является причиной боли: недостатки; и тогда каждое состояние будет рай! Любящее сердце наполнено добром, и какими бы ни были судьба и обстоятельства, вся жизнь была бы счастливой несмотря ни на что! Вы сейчас в Дерпте, дорогой Жуковский! — О, как я опасаюсь за вас! С каким наслаждением я бы приехала посмотреть на них хоть одно мгновение, если бы вы были так добры крикнуть всей силой голоса рассудка: останься! Один месяц не нанес бы ущерба моим делам, и, по крайней мере, я снова бы увидела эту добрую Александру, из-за которой я беспокоюсь и мучаюсь уже в течение нескольких дней; эта хитрая Маша, у которой вид, что она снова хочет охладить себя отсутствием, вид, что она хочет забыть, и которая своими записками, полными радости, находит способ заставить меня проводить бессонные ночи и плакать целыми днями, чтобы только увидеть их пару дней. Видеть, действительно ли она изменилась или, скорее, просто посмотреть на нее. Так как когда я рядом с ней, я не вижу, любит ли она меня, достаточно мне любить ее, а также любить издалека, а это одно и то же. Пусть Бог благословит их всех и вас также, мой дорогой друг, мой брат, от которого меня отрывает некстати прибывший человек.

Еще одно слово: мадам Минина просит проявить интерес к ее сыну, который сейчас в Петербурге. Она хочет отослать его в Лицей, его отец отвезет его туда, но вы знаете отца, она опечалена и обеспокоена. Там не будет свободных мест, возможно, до января месяца. Устройте

его пока к кому-нибудь из преподавателей, и потом просите, действуйте, и молодая Минина будет вам обязана счастьем, может быть, всей его жизнью, его *образованием* и *воспитанием*. И его мать будет счастлива быть вам признательной. А вы мой дорогой? Если отец сам не приедет, чтобы найти вас, вы сможете найти брата Василия Михайловича в Мраморном дворце и узнать у него о местопребывании и т. д. (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 6—7 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 37—40.
Печатается по автографу.

46. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

30 июля — 2 августа. Дерпт 1815[1]

Отвечаю на ваше последнее письмо, полученное в Петербурге, милые друзья; право, я очень умен, что вздумал просить у вас денег; вы так мило обо мне захлопотали, что сердце обрадовалось из всех сил. Весело быть уверенным, что от вас всегда и везде будет мне *ответ* на всякий мой *запрос*, какого бы он содержания ни был; весело думать об вашем уголке, как о настоящей родине, где *все* и родство и дружба, и воспоминание о прошлом, и настоящее утешение. О будущем говорить нечего. Давно у нас, кажется, решено, что о будущем думать не надобно, что надежда дело излишнее. *Благодарствуйте за деньги*. Гораздо лучше печатать мне мои стихи на ваш счет, нежели на счет царей и прочее. Я отложил однако заняться изданием до моего возвращения из Дерпта, то есть до возвращения Кавелина в Петербург[2]. Он это дело знает лучше меня; он сбережет мои финансы гораздо лучше, нежели я, и вообще будет заботливее. Получив ваши милые письма, я был очень счастлив, и они тронули меня до слез. Я получил их в самый день отъезда моего из Петербурга, и они были мне добрым товарищем на дорогу.

Здесь приняли меня ласково и ласка *продолжается*. Признаюсь, сам не понимаю своего положения и даже не умею его описать. Я приехал с тем, чтобы *окрестивши*, опять уехать в Петербург, из Петербурга на родину. Вспомните, *что* я обещал и *что* заставило меня сделать обещание и *что* я надеялся получить за него. Обещание это помнят; побудительной причины никто, кроме меня и Маши, здесь не знает; а *ласкою* думают все сделать. Но при этой *ласке* положение то же; одни только формы переменились. Я не могу быть ни доволен, ни счастлив и со всем тем, по-видимому, не имею права ничего более требовать. С самого моего приезда я веду жизнь *занятую*, то есть сижу в своей горнице за работою, а к ним являюсь только на минуту поутру, за обедом да за чаем. Из этого заключают, что все кончилось, что Петербургская жизнь совсем меня переменила,

[1] Дата устанавливается на основании содержания: Жуковский благодарит Авдотью Петровну и ее сестер за сочувствие и желание помочь ему в творчестве и жизни (см. письма А. П. Елагиной от 10 и 15 июля 1815 года).

[2] *Я отложил однако заняться изданием ⟨...⟩ до возвращения Кавелина в Петербург* — Д. А. Кавелин, см. примечание к письму 42.

и платят мне ласкою, думая, что мне уже более ничего *не нужно* и что с их стороны *все* уже сделано. И в самом деле, как объяснить то, что мне нужно? Я знаю и чувствую, что для меня ничего не сделано, но где слова, чтобы это выразить, и какими документами это доказать — а вы знаете, что здесь все должно быть доказано документами. Я приехал сюда с твердым намерением ничего не требовать, а довольствоваться собственным, из этого заключают, что *я всем доволен*. Но можно ли быть довольным? С Машею мы розно по-старому, по-старому нет между нами ничего общего! Непринужденной, родственной связи между ею и мною нет; а я только для этого мог бы всем пожертвовать! Я сказал, что хочу быть братом и, право, мог бы им быть во всей силе этого слова; чувствую это и теперь, так как чувствовал и тогда; но я в то же время сказал, *для чего и на каких условиях* хочу быть им: это *для чего* забыто; а помнят только слово *брат*, которое все мое у меня отымает, а мне от них не дает ничего, кроме одной формы. Здесь остаться иначе не могу, как исполнив в точности свое обещание; но как же его исполнить! При тех обстоятельствах, каковы теперь, я не могу да и не хочу исполнять его! Вот одно, что поддерживает мое намерение здесь *не оставаться.* Но причины, для которой *не останусь,* — не поймет никто, припишут капризу и даже неблагодарности. Впрочем до этого дела нет! Мне нужна доверенность одного человека — и я ее имею. Невозможно и требовать, чтобы они могли понять меня. Для этого надобно бы было позабыть о себе и войти в мое положение. Такого усилия над собою Тетушка сделать не может. А Воейков — но его я совершенно вычеркнул из всех моих расчетов. Будучи товарищем и родным Маши, я мог бы и его любить как Сашина мужа; теперь же он для меня не существует. Но он все единственный родня Маши, а я здесь только живу, имею общую дружбу — не надобно быть несправедливым; Тетушка со мной ласкова очень — но вот и все тут; все остальное не принадлежит до меня! Одним словом, я имею весь *вид* родства; между тем обещанное должен исполнить *не для виду*. Жаловаться *не на что*, но есть ли *чем* быть довольным? Здесь оставаться — быть братом, не для формы, а в самом деле, потому что так обещано. Но вопрос: будешь ли им? На это вам самим легко отвечать. *Одному* быть братом нельзя! Но буду ли иметь то, что брат иметь должен? Буду иметь одну ласку и только! До прочего же не касайся. И так останется сидеть в своей горнице, работать, а с ними не иметь ничего общего, не смотря на ласку — такое положение тяжело и едва ли еще не тяжелее прежнего, ибо оно повидимому у меня отымает всякое право чего-нибудь требовать. Здесь всякий день записывают то, что делается; и я пишу в числе прочих. Вот что записала Тетушка в одном месте: «Добрый мой, несравненно драгоценный мой Жуковский опять дает мне надежду на прежнюю дружбу; опять вселяется в мое сердце спокойствие и уверенность на ангельские связи на земле» и пр. Слово *ангельские связи* написано, но где же эти ангельские связи на деле? Я знаю, что она имеет ко мне дружбу; но действие этой дружбы совершенно ничтожно; и она не дает счастия. *Опять дает надежду!* Как будто я отымал ее! Неужели дружба приходит и уходит как лихорадка! Чтобы дать кому-нибудь счастие, нужно войти в его

положение, а не располагать им *по-своему*! Этого-то здесь и не достает. С моей стороны требуют Бог знает какого усилия, а с своей не хотят сделать ни малейшего, забыв, что одно без другого невозможно. Так! Я дал обещание быть братом — чувство, которое заставило меня его дать, слишком было прекрасным, чтобы от него отказаться! Но пусть же буду им вполне! Половинным счастием (которое не есть счастие), тем, что есть теперь, я довольствоваться не могу: да и не должен, потому что невольно нарушишь обещанное. Все нечувствительно сделается по-старому. Из всего, что здесь написано, вы легко можете заметить, что у меня в душе какой-то хаос. Постарайтесь его немного рассеять и бросьте несколько света в этот мрак. Вам легко судить о моем положении и объяснить его для меня. Здесь бывают для меня обольстительные минуты, но я им не верю. Остаться здесь значит не получить того счастия, которое было бы возможно и в то же время отказаться от собственного чувства, следовательно, все отдать за ничто. Уехать — по крайней мере, сберечь для себя что-нибудь драгоценное. Будучи с вами, я буду гораздо менее розно с Машею, нежели здесь, и буду иметь право на все свои чувства. Меня с вами все соединяет и ничто не рознит. Простите до будущей почты. Теперь ничего вам порядочно сказать не умею. Величайший беспорядок в голове и все в разброде.

1 августа

Вчера получил я письмо от Уварова из Петербурга. Я прилагаю его здесь. Оно заставит меня ехать отсюда скорее, нежели я располагался, хотя не знаю сам зачем. Потерять выгоды не надобно; если дадут мне то, что единственно хочется, независимость (а моя независимость в том, чтобы иметь только самое нужное, но верно), то я соберусь, вероятно, весною к вам. У меня в голове прожект: съездить нынешним летом в Киев и оттуда, если можно будет, в Крым. Этот вояж нужен будет для моей поэмы[1]. Подумайте и вы, друзья, об этом. Что, если бы мы вместе в Киев? А в Дерпт? Нет, я чувствую сам и ясно, что в Дерпте быть не должно! Того не будет, чего мне хочется! А так жить, как жил прежде, как живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, Тетушку и себя. Не надобно и от Тетушки требовать многого, не надобно и к ней быть несправедливым — нельзя же переселять в нее образа своих мыслей! Следовательно, нельзя и надеяться, чтобы принуждение когда-нибудь миновалось! А при нем никак ни за что ручаться не должно. Живучи здесь, надо исполнить обещанное свято, иначе разрушишь и свое и их спокойствие! а как исполнить, когда никто не поддержит. Но чтобы решиться одинаково со мной чувствовать, надобно войти в мое положение — это ей невозможно! Невозможность этого давно доказана опытом! И так покориться судьбе своей, да быть, если можно, твердым, не унывать, довольствоваться тем, что есть; вы, друзья, мне в этом будете добрые помощники. Лишь бы только выхлопотать себе независимость — я бы перелетел

[1] *Этот вояж нужен будет для моей поэмы* — Имеется в виду работа над «Владимиром». Он говорит об этой поездке и в письме к Тургеневу от 4 августа (ПЖТ. С. 149—151).

к вам, на родину, к родным. Там наш кружок будет очень мал, но мы будем жить если не с счастием, то с дружбою, и станем вместе тянуть свой крест. Мне кажется, что у вас пооживет для меня многое, что в короткое время Петербургской жизни моей, успело завянуть. Но признаюсь, мне страшны эти grands projets*, о которых Уваров пишет: не готовят ли мне неволи? Тогда плохо придется моей Музе! Я уверен, что ни в Петербурге, ни в Дерпте от нее ничего доброго не родится. Увидим.

Благодарю вас, милая Eudoxie, за ваше намерение прислать мне еще две тысячи; но боюсь, что это обременительно, что вы, не спросясь с благоразумием, даете такие деньги, которые вам *нужны*; не забудьте о долге, о ваших постройках; одним словом, печатанье моих стихов пойдет порядочно, а покой мой придет в беспорядок. До тех пор будет камень на шее, пока не получите вы этих денег назад; если бы они только были ваши — тогда бы ни слова; но они принадлежат не вам одним. Едва ли я не светренничал, что затеял этот подушный сбор с моих друзей. Я знаю, что вы мне на это отвечать будете, но со всем тем я остаюсь на стороне Ивана Никифоровича, который, верно, хмурится.

Милая Аннета, ваше письмо и грустно и мило. О! я очень чувствую, как должно быть пусто вокруг вас. Мысль об этой запустелости сжимает душу. Мы *поделимся* ею. Простите, друзья. В голове и душе у меня тоже неясность. Из Петербурга напишу более. По крайне мере теперь *верно* одно: *мне оставаться здесь не должно*. Все прочее на произвол судьбы! Детей целую. Вас за письмо двадцать раз.

Отвечайте в Петербург. Азбукиных друзей обнимаю. Были ли вы 3 августа в Черни? Напишите. От Негра нет ответа на три письма; милый бесценный Nегр! Люблю его более, нежели когда-нибудь.

2 августа

Я опять раскрываю письмо свое, чтобы написать опровержение на первую страницу. Ее писало пристрастие. Теперь пишет благоразумие или, лучше сказать, списывает, потому что это еще написано вчера ввечеру после маленькой ссоры с самим собою, которая кончилась миром. А написано это у меня в белой книге, которая в иные минуты бывает мне добрым товарищем, и написано в ней вот что: «Здесь я не имею того, чего желаю! Но вопрос, могу ли его иметь? Может ли Е⟨катерина⟩ А⟨фанасьевна⟩ быть для меня точно такою, какою я бы желал! Нет! Это *невозможно* и невозможно *не от нее*, но от обстоятельств наших, которые должны нас рознить. Как же *обвинять* за невозможное? Было бы несправедливо! А несправедливое обвинение только прибавит одно лишнее и бесполезное горе к тем горестям, которые она имела и *имеет*. Гораздо лучше и благороднее и справедливее *жалеть* о тех обстоятельствах, которые и ее и меня лишают способа дать друг другу какое-нибудь счастие и не силиться *победить непобедимого*. Ласки ее точно ко мне искренние, но более не может она дать ничего, и виноваты в том обстоятельства. Мы смотрим на вещи разными глазами, мы не согласны в образе

чувств наших — без этого *согласия* быть вместе нельзя; будем только мучить друг друга; но стараться произвести это согласие также *нельзя*! На это усилие она неспособна. И так *расстаться* и не обвинять ее несправедливо. Она так же достойна сожаления, как и я!» Видите, сколько перемен в три дня. Но теперь, кажется, хаос в порядке.

У бесценной Марьи Алексеевны целую ручки; каково ее здоровье? Поклонитесь самым дружеским образом Елене Ивановне. Здорова ли Наталья Андреевна? Что от нее нет никакой весточки?

Бедный Федор Александрович![1] Жаль его от всего сердца! Еще одним прекрасным, благородным человеком менее в нашем кругу!

Пошлите письмо Уварова к Плещееву и скажите ему, чтобы он отвечал на мои три письма. Я однако не *дуюсь*. Буду писать к нему из Петрограда. Ав⟨дотья⟩ П⟨етровна⟩! Кавелин должен непременно вам нравиться: он прекрасный человек, — когда увидимся, расскажу вам один его поступок, которого довольно, чтобы судить об нем безошибочно. А мне он был большим утешением в первые минуты Петербургской жизни, за которые я заплатил ему искреннею дружбою. Я с ним говорил обо *всем* и нельзя было скрываться потому, что эта доверенность была уже сделана Воейковым в дни его *пламенной ко мне дружбы*.

Перевод

* великие планы (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 4. С. 95—100.
Печатается по первой публикации.

47. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 августа 1815[2]

Пора вам было откликнуться, маточка! Я *не дулась* за ваше молчание, а худо мне было жить от него. Слава Богу, что вы опять в Петербурге, не для тех *великих прожектов,* которыми нас манят, а для рассеяния этого хаоса, который волею-неволею туманит ваше милое сердце. — Чего вам спрашиваться с нами? — Надобно было только заглянуть в это милое сердце, и всякий мрак исчезнет! *ваше* счастие не может быть розно с истинною добродетелью, и когда цель жизни, не *свои* радости, не восторги, не счастие земное, а благородное возвышенное

---

[1] *Бедный Федор Александрович!* — В письме к А. И. Тургеневу в августе 1815 года Жуковский писал: «Федор Александрович Камкин, бывший Белевский почтмейстер был мне искренний приятель» (ПЖТ. С. 152).

[2] Датируется как ответ Авдотьи Петровны на письмо Жуковского от 30 июля — 2 августа 1815 года.

усовершенствование, не для счастия, а для совести, то стоит не позволять никаким обольщениям завязывать глаза, дойдешь до нее при свежем, веселом сиянии *незаходимого* солнца, *лови день там, где твое солнце*, говорит милый Тур⟨гене⟩в; это ему сказать прелестно, и оно было бы правда, если бы не случалось иногда наклюкаться так порядочно, что не только два солнца засветят в глаза, но при хорошем расположении и десяток. — Это случалось и со мною, голубчик, конечно, не по милости вина, mais de ces ivresses dont on ne se dégrise pas volontiers*. Иногда кажется точно нам и *светло*, где хорошо сердцу; иногда так захочется *счастия*, что рассудок готов назвать *потемками* и пр., и пр., и пр. — с вами это не так часто случается, и лучше нашего бывает: два дня хаоса, а в третий *белая книга* извинит все и устроит, и нечего делать нам рассудительным головам, как с вами соглашаться! — Не смотря на то, жаль, что нельзя поговорить с вами, мне много кой-чего надобно бы вам сказать; необходимо надобно для того, чтобы легко было на сердце, но эти несносные письма ещё скучнее нежели *думать словами*; — особливо сегодня, когда нездоровится крепко, и так до свободной минуты, моего здоровья, и вашего здоровья! — Ваше здоровье доложит между тем нашему недостоинству, что за императорские прожекты с вами? Могли бы они быть в самом деле императорскими, но кто сладит с этими величиями! Как пузырь ни надут, а лопнуть должен, чем больше надуть, тем скорее, а поднесите свечу, так лопнет с громом — и все та же опять пустота! Приезжайте сюда, Жукачка! Здесь, что ни говори, пустоты нету! делиться будем братски *всем!* и худым и добрым! Занятий куча! нужд также! хлопот также! Но со всем этим худым простота и искренность и неизменность пламенной дружбы! —

Кто вам сказал, что мы уже отказались от будущего? от надежды? Я хочу, чтобы вы детей моих любили, а они разве не украсят нам будущее? — А я, милый друг, еще и за вас от надежды не отказалась, и ни одного нет дня, в который бы она не светила мне перед вами pûre et sans nuage. — et tout semblable au Bonheur! Ecoutez, Jouk., pourquoi est-ce que Marie ne m'écrit pas? Qu'est-ce qui peut l'empêcher de vouloir nous réunir? Savez-vous que cela me désole? Mais adieu, cher ami, je suis malade et hors d'état d'écrire. Hier sachant qu'Annette était en possession d'une de vos lettres, je me suis tout de suite fait mener à Michens. pour la lire, — voyez comme le corps est une vilaine machine, elle ne m'a pas guérie!

J'ai envoyé votre lettre à Plej: — et je leur ai dit tout ce que vous leur faites dire. La baronne vous envoie une bourse, quand vous lui répondez c'est à moi que vous adresserez la réponse, de même qu'à la lettre de M-lle Moreau**, — деньги остальные привезет вам Кавелин. — Кавелин мне не только нравится, но я люблю его, люблю много, и я очень рада, что предупредила ваше приказание тогда бы *должен он нравиться* поневоле, parse que le maître l'a dit***, а теперь я люблю его по воле, volontiers, et de tout mon coeur. C'est un ami véritable, et digne de vous aimer, et d'être aimé de vous****.

Перевод

*а от этого упоения, от которго неохотно приходишь в себя (*франц.*).

**чистая, безоблачная — и вся подобная счастью! Послушайте, Жуков., почему Маша мне не пишет? Что же ей мешает захотеть нас соединить? Знаете ли вы, как это меня огорчает? Но прощайте, друг мой, я больна и не в состоянии писать. Вчера, зная, что Аннета получила одно из ваших писем, я тотчас же велела отвезти себя в Мишенское, чтобы его прочитать — и видите, какое тело хитрая машина, оно меня не вылечило!

Я отослала ваше письмо к Пле⟨щеевым⟩: в нем я сказала все, что вы велели сказать. Баронесса посылает вам стипендию, когда будете ей отвечать, то адресуйте на мое имя, а также и письмо к м-ль Моро (*франц.*).

***потому что владыка это сказал (*франц.*).

****охотно и от всего сердца. Это настоящий друг и он достоин любить вас и быть любимым вами (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 8—8 об.
Копия: РГАЛИ. Ф. 198, оп. 1, № 107, л. 41—42.
Печатается по автографу.

48. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

le 4 septembre* 1815[1]

Пожалуйста, не показывайте моих писем Кавелину! Письма, наполненные глупостями и не для того писанные, чтобы их кому-нибудь читать, а для того, что мне самой хотелось писать к *вам*. Пожалуйста, Жуковский, не показывайте. Я Кавелина столько же уважаю, сколько люблю, и если бы я не в таком была бестолковом расположении, я не так бы легко говорила о том человеке, который равно умеет трогать и привязываться. — Следовательно, не извольте моих писем показывать Кавелину. Мы с ним расстались, заменяя скучное: *прости*, надеждою на скорое вместе, а, разлучаясь, видела только одно: он вас скоро увидит, с ним отдохнет ваше сердце, вы ему будете рады — и признаюсь, не имела ни малейшей охоты грустить. — Простите. Жуковской, сегодня у меня на душе осень — и ни одно магическое слово не действует; на всякое воспламеняющееся сердце есть другое охлаждающее[2].

Что я вам солгала? N'en croyez rien je vous prie!** вот каково оставлять письма на столе! тотчас un démenti! Mais avec vous Monsieur il ne sera pas dit que j'aurais un démeenti, vous ne dites pas non à tout ce que mon Coeur attend et esprère de vous***.

Послушайте, однако же! Я не посылаю теперь anonciroванных**** 2 томов и с Кавелиным не послала, и еще через месяц, не прежде, пришлю. Думайте

[1] Дата устанавливается на основании упоминания имени Д. Кавелина, об истории отношений с которым Авдотья Петровна дважды писала в 1815 году.

[2] После этих слов идет текст, написанный рукой В. А. Азбукина:

«Милый Жуковский, Дуняша вам солгала обо мне ⟨*нрзб.*⟩. У меня теперь другого фонаря нет, кроме моего сердца моей Дуняши. Вы-таки *Кассандра*, и нет никому и никакого *ура!*»

об этом, как хотите, а я, не думая нимало, сержусь, досадую и грущу, но со всем этим обстоятельства делают со мною, как им угодно, и не глядят на мою грусть, досаду и сердце. A propos de***** сердце — вы-то глядите ли на него? видите ли, что оно все и всегда ваше? И ныне, и присно и во веки Аминь[1].

Перевод

* 4 сентября (*франц.*).
** Не верьте ничему этому, я вас прошу! (*франц.*).
*** уличение во лжи, но с вами, господин, не будет сказано, что я уличена во лжи, не говорите нет всему тому, чего ждет мое сердце и надеется на вас (*франц.*).
**** анонсированных (*франц.*).
***** по поводу (*франц.*).

Автограф: РГБ. Ф. 104, к. VI, № 52, л. 3—4 с об.
Печатается по автографу

49. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

16-го сентября 1815 г. Петербург

Я не писал к вам с третьего августа — довольно времени! да и вы, милые сестры или маточки, помалкивали. Виноват! нет! я недавно получил прекрасное письмецо от Анеты! получил кошелек — бесценный подарок прекраснейшего человека![2] Еще на полях Анетина письма получил какой-то долбинский логогриф[3], которого по сию пору разобрать не умел!.. Сам Эдип этого не отгадает![4] Верно, это мне мщение от вас, милая Eudoxie, за то, что мои оба последние письма не к вам адресованы, а к Анете. Чтобы заставить вас проговориться, пишу это письмо к *вам*, хотя в нем и отвечаю на Анетино. А Като ко мне и не приписывает! А Букварь и не откликнется![5] Что они? Разве могут на меня сердиться?

---

[1] Далее идут приписки рукой А. П. Юшковой и В. А. Азбукина:

«Мы сию минуту приехали, милый друг Жуковский, я хоть и устала, но все хочу хоть два слова вам сказать, то есть что я вас люблю всем сердцем C'est tout ce que j'ai à vous dire [это все, что я хотела вам сказать (*франц.*)], впрочем, мы поживаем славно. Простите, будьте здоровы».

«И я, любезный друг Жуковский, всем сердцем желаю тебе здоровья и счастия. Ты, верно, на нас сердит, что мы к тебе не писали. Виноват, брат — у нас были страшные хлопоты, и я как Загорский часто говорю: «Oh, ma petite maisonette!» [О, мой маленький домик! (*франц.*)] Прощай, милый друг! Бог с тобой!».

[2] *...получил кошелек — бесценный подарок прекраснейшего человека!* — подарок от М. А. Черкасовой.

[3] *Еще на полях Анетина письма получил какой-то долбинский логогриф… — Логогриф —* «род загадки, в которой слово разлагается по слогам» (Даль. Т. II. С. 262).

[4] *Сам Эдип этого не отгадает!* — В греческой мифологии Эдип — сын фиванского царя Лая и Иокасты, разгадавший загадку Сфинкса.

[5] *А Букварь и не откликнется!* — Дружеское прозвище В. А. Азбукина.

Разве могут вообразить, что мои письма, к одной из вас писанные, в то же время и не к ним? Пожурите и заставьте мне сказать хоть словечко! От Плещеева не имел ответа на 5 писем, из которых четыре большие! Что с ним сделалось? Уведомьте меня об них! Мне это начинает быть и грустно, и больно, и досадно! Прошу вас тотчас по получении этого письма послать к нему от моего имени и попросить его и Анну Ивановну с поклоном написать мне хоть две строчки. Черная, милая рожа! [1] Кто его растолкует! А здесь я об нем вспоминаю с особенным чувством! мне бы хотелось показать и Тургеневу и Блудову, которые прямо меня любят, этого арлекина, который им не уступает в дружбе ко мне! А он молчит и сжался, как паук в своей паутине! И нет мне от него никакого ответа!

Мне надобно сказать вам о себе много! Я отправился сюда из Дерпта 24-го августа! Fermement rēsolu de ne plus y reparaître!* Там быть невозможно — как ни тяжело розно, как ни порывается к ним душа, как ни украшает отдаление все то, что так печально вблизи, но быть там нельзя! В этом я теперь уверен! Самое бедственное, самое низкое существование, убийственное для Маши и для меня! Быть рабом и что еще хуже, сносить молча рабство Маши — такая жизнь хуже смерти! Но вот что диво! На половине дороги из Дерпта мой шептун шепнул мне, что все еще может перемениться, и я принялся писать к Екатерине Афанасьевне письмо, воображая, что меня зовут назад, что на все соглашается, что мы все становились дружны, что между нами, с уничтожением всех препятствий, поселяется искренность, согласие, покой,— одним словом, воображение загуляло и только на последней станции остановилось! Я перечитал свое письмо, нашел в нем все то же, что говорено было и писано двадцать раз, и все, что казалось так возможным за минуту, вдруг сделалось невозможностию! И я решил спрятать это письмо за нумером в архив разрушенных химер и въехал в Петербург с самым грустным, холодным настоящим и с самым пустым будущим в своем чемодане. Но теперь опять что-то загомозилось для меня в будущем — что-то похожее на надежду! вот в чем дело! Я приезжаю к Павлу Ивановичу [2]. Он по одному письму Екатерины Афанасьевны стал меня допрашивать обо мне и Маше; я в этот раз ничего ему не сказал ясно, но лицо мое и несколько слез сказали за меня яснее. Между тем Алекс⟨андр⟩ Павл⟨ович⟩ все сказал своей матери [3], которая — подивитесь! — говорит, что она не находит ничего непозволенного, что между нами нет родства! Важная победа! Хотя Павел Иванович и не согласен еще с нею, но он верно согласится! Я уже два раза с ним говорил — один раз с нею одной, другой раз с нею и с ним вместе. Марья Николаевна почти обещала писать, между тем,

---

[1] *Черная, милая рожа!* — Слова обращены к А. А. Плещееву, который за смуглый цвет кожи носил прозвище «Негр».

[2] Я приезжаю к Павлу Ивановичу — П. И. Протасов (1760—1828), см. примечание к письму 13.

[3] *Между тем Алекс⟨андр⟩ Павл⟨ович⟩ все сказал своей матери...* — А. П. Протасов (1790—1856), сын П. И. Протасова, сенатор, историк, двоюродный брат сестер Протасовых, Саши и Маши.

узнавши от них решительное их мнение, и если согласятся написать к Ек⟨атерине⟩ Аф⟨анасьевне⟩, я напишу и к Елене Ивановне, чтобы она со своей стороны написала. Это единственное нам остается средство; если оно не поможет, то поджать руки и ждать с терпением The great teacher**. Из этих обстоятельств вы можете заключить, в каком я волнующем положении! Не делаю никаких планов и не имею никакого занятия. Между тем рассеяние, в котором нет ничего привлекательного. Вот уже я две недели слишком в Петербурге, а еще не принимался ни за что. И не знаю, когда примусь. К новой моей надежде я совсем не привязываюсь; я смотрю на нее, как на волка в овечьей коже, и не подхожу к ней близко. Если ничто не сбудется, то выползу к вам, на ваш берег, к друзьям и к уединению. Здесь во всяком случае мне должно пробыть, по крайней мере, до конца февраля, чтобы кончить издание своих стихов и еще кое-какие работы, а скоро ли примусь за них, не знаю! Здесь не Долбино! Да и перспективы прежней уже нет! Думаю, что голова и душа не прежде как у вас придет в некоторый порядок — у вас только буду иметь свободу оглядеться после моего пожару, выбрать место, где бы поставить то, что от него уцелело, и вместе с вами держать на голове заливную трубу. Здесь беспрестанно кидает меня из одной противности в другую; из мертвого холода в убийственный огонь; из равнодушия в досаду. Я имел здесь и приятные минуты! И где же? Там, где никак не воображал иметь их! В дворце царицы! Дня через два по приезде моем сюда Нелединский уведомил меня[1], что надобно с ним вместе ехать в Павловск. Я отправился туда один 4-го числа поутру и пробыл там 3 дня, обедал и ужинал у царицы и возвратился с сердечною к ней привязанностию, с самым приятным воспоминанием ласки необыкновенной. Все эти три дня не было ни одной минуты для меня неловкой; простота ее в обхождении так велика, что я нисколько не думал, где я и с кем я; одним словом, было весело, потому что сердце было довольно. В первый день было чтение моих баллад в ее кабинете в приватном ее обществе, состоявшем из великих княгинь, двух или трех дам, Нелединского, Вилламова[2] и меня. Читал Нелединский; сперва *Эолову Арфу*, потом *Людмилу*, потом опять *Эолову Арфу*, которая особенно понравилась, потом *Варвика*, потом *Ивика*[3].

На следующем чтении, которое происходило уже в большем кругу, читал я сам *Певца*, потом Нелединский *Старушку* и *Светлану* и наконец *Послание к царю*[4].

---

[1] *...Дня через два по приезде моем сюда Нелединский уведомил меня...* — Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829), поэт, сентименталист, сотрудничал в «Собеседнике любителей российского слова», «Московском журнале»; автор дружеских посланий, известных песен: «Выйду ль я на реченьку…», «Милая вечор сидела» и др.

[2] *...в приватном ее обществе, состоявшем из ⟨...⟩ Вилламова...* — Вилламов Григорий Иванович (1773—1842), литератор, статс-секретарь императрицы Марии Федоровны.

[3] *Читал Нелединский; сперва Эолову Арфу, потом Людмилу ⟨...⟩ потом Варвика, потом Ивика* — «Эолова Арфа», «Людмила», «Варвик», «Ивиковы журавли» — баллады Жуковского.

[4] *...читал я сам Певца, потом Нелединский Старушку ⟨...⟩ и наконец Послание к царю* — «Певец во стане русских воинов», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала

Эти минуты были для меня приятны, но не самые приятные — здесь вмешивается беспокойное самолюбие автора. Но то, что было для меня *особенно приятно*, есть чувство благодарности за самое трогательное внимание, за добродушную ласку, которая некоторым образом уничтожила расстояние между мною и Государынею. Эта благодарность навсегда останется в душе моей. Очень весело принесть ее из того круга, в который других заманивает суетное честолюбие, не дающее никаких чистых наслаждений. У меня его нет. Добрый сторож бережет от него душу! И тем лучше! Можно без всякого беспокойства предаваться простому, чистому чувству! Я не был ослеплен ни на минуту, но зато часто был тронут! У меня был и проводник прелестный! Нелединский редкое явление в нынешнем свете! Он взял меня на руки, как самый нежный, родной и ни на минуту не забыл обо мне — ни на минуту его внимание не покидало меня. Где бы я не был, он всюду следовал за мною глазами; все сам за меня придумывал, предупреждал меня во всем и входил со мною в самые мелкие подробности. Еще одно важное обстоятельство! В первый день моего пребывания в Павловске — пошедши представляться Государыне, мы должны были несколько времени дожидаться ее, потому что она писала письмо к Государю. Мы уселись с Нелединским в зале, и не знаю, как дошел разговор до того, что он у меня спросил о моих обстоятельствах, то есть о родстве, какое у меня с Ек⟨атериною⟩ Аф⟨анасьевною⟩. Я сказал, в чем оно состоит. Он принялся чертить кружки и линейки, и по рисунку вышло, что между мною и Машею родства *нет*. Но тем это и кончилось. Я не рассказывал ничего, да и не нужно. Дело состоит в том — чтобы *Тетушка сама* согласилась; не будет этого, не будет семейного покоя! а как же без него искать чего-нибудь! И Государыня знает обо мне — но я к этому способу не прибегну! Никакой другой власти не должно требовать, кроме власти убеждения! Если сердце Тетушки молчит, то чем его говорить заставить! Голос родных будет действительнее, но и на него плоха надежда. Сердце ее молчит крепко! Что ей *надобно*, то ей и мило, хотя бы оно и было отвратительно — я этому видел примеры! Для меня и, надобно признаться, для Маши она глаз не имеет! Иначе как бы смотреть с таким равнодушием на наши потери, как бы не употребить всего усилия, чтобы хотя не страдать за них — все в ее власти, все ей легко! И несмотря на это, все у нас взято! mais trêve aux lamentations![***] Мне пора кончить. Но надобно еще писать к Вяземскому, от которого получил милое письмо и прекрасные стихи. В заключение скажу вам, Анета, что деньги, о которых я вам писал и которые вы должны взять у NN, Тетушка еще на год у себя оставляет. Итак не берите их.

Знаете ли, что мне приходит в голову? Купить у вас десятины три земли и построить на них домики и жить доходом с денег ⟨*1 нрзб.*⟩. Кажется это бы можно! Что мне нужно! Свобода, работа и маленький достаток. Право, я не почитаю этого химерою. Клок земли подле Мишенского или подле Долбина; но клок *собственный!*[1]

на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», послание «Императору Александру».

[1] *Клок земли подле Мишенского или подле Долбина...* — «Незадолго перед сим Жуковский продал принадлежавший ему в тех местах участок земли тысяч за одиннадцать, чтобы отдать де-

Чтобы было довольно для сада и огорода! На содержание себя деньги, которых не много нужно и которые легко было бы вырабатывать — и при всем этом забвение о будущем и жить для настоящего. Если раз залезу в этот угол, то уж из него будет трудно меня вытащить.

Прощайте, милые друзья, нынче худо пишется! Шептун мой что-то осовел. Чтобы дополнить вам письмо, переписываю мои стихи к старику Эверсу[1], писанные дня за два до отъезда из Дерпта. Надобно вам знать, что Эверс, осмидесятилетний старик, есть человек единственный в своем роде — он живет для добра и со всем этим простота младенца. Он профессор. На празднике студентов, на который был приглашен и я, он вздумал со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души; и было очень *кстати*. — Мой добрый шептун принял образ добродетельного старика и утешил меня в этом виде! Правда ненадолго — но и та минута была не пропавшая. Я от всей души поцеловал *братскую* руку.

Вступая в круг счастливцев молодых etc. etc.

[*При 48 строчке выписанного стихотворения:*

Я зрел вчера: сходя на край небес,
Как божество нас солнце покидало…

Жуковский делает следующую выноску]:

Это так случилось. На следующий день после студенческого праздника отправился я ввечеру с Воейковым и еще с двумя в коляске за город. Солнце заходило самым прекрасным образом, и я вспомнил об Эверсе и об завещании Эверса. Я часто любовался этим стариком, который всякий вечер ходил в гору смотреть на захождение солнца. Заходящее солнце в присутствии старца, которого жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрелище на свете. Эти стихи должны быть дерптского (?) моего *Теона и Эсхина*. В обоих много для меня *добра*.

Это письмо пошлите к Плещеевым; к ним мне нынче писать некогда. Надобно же, чтобы и они когда-нибудь ко мне написали.

Перевод

* Твердо решив больше туда не возвращаться (*франц.*).
** Великого учителя (*англ.*).
*** Но довольно жаловаться (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 4. С. 101—105. Отрывок напечатан в биографическом очерке в Ж. Мир. Нар. Пр., ч. CXLIII. С. 60.
Печатается по первой публикации.

ньги на приданое Александры Андреевны» (Примечание П. Висковатова. РС, 1883, № 2. С. 105).

[1] *...переписываю мои стихи к старику Эверсу...* — Лоренц Эверс (1742—1830), профессор богословия Дерптского университета, адресат послания «СтарцуЭверсу».

50. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 ноября 1815[1]

Вам не нужно было на меня браниться; мне так грустно, и так на себя досадно, что этого довольно для совершенного уверения, что *впредь этого не будет*. Точно не будет! Жуковский! Je suis lasse de n'être jamais comprise, et bien malheureuse de faire de la peine à Marie, quand je donnerai tout le bonheur de ma vie, pour chacune de ses joies, quand mille preuves devraient l'en avoir persuadée*. Должна однако ж вам сказать, что Воейков не так *зло и неверно* переводит мои глупости, как ваше доброе сердце вообразило, желая извинить меня. Ежели я не назвала Машу *изменницей в дружбе* — то сумасбродное письмо, которое я к ней написала, стоит этого перевода. Я получила из Дерпта колкое, насмешливое послание, которое тем больше меня тронуло, что все колкости и насмешки были завернуты в ласках. — Все те чувства, которыми дорожу, которые украшают и эту жизнь и будущую, всё в их глазах явилось каким-то глупым романизмом. — С мнением ужасным обо мне были связаны слова: моя милая, душа моя и пр., и пр. — Признаюсь, это разодрало моё сердце. — В самое это время рассказали мне кое-что в прошедшем. — Явились и те бестолковые дни, в которые я радовалась нашим *вместе,* тогда когда они тяготились мною. — И виновата! Я забыла тысячу верст! — Вздумала просить *искренности* как единственной милости, которую они мне дать могут. Не знаю, что я написала к Маше, но, вероятно, что за письмо это меня можно бы повесить, потому что писала его с горьким чувством оскорбленной души во всех лучших, любимейших своих привязанностях. Маша должна *уважать* мою дружбу к вам; она должна меня знать, как ни говори, *тут* нет середины: или я обманываю её, вас, себя и не стою не только частички ее сердца, но даже и жалости, — или стою всей её доверенности, неизменной доверенности, крепкой, твердой, — и всего того уважения, которое заслуживает сильная, пламенная привязанность к добру. Может, вам покажется смешно, что я говорю: *уважать мою дружбу к вам;* всякий, и я сама в числе всяких, скажет, что надобно быть очень похожим на любимого героя всех ваших баллад, чтобы не любить вас, не восхищаться вами, не радоваться вашим участием, и за такую *дружбу* надобно бы *уважать* почти весь свет; но та дружба, которая от вас не требует и не хочет ничего, которая не смотря на холодность, на несправедливость, на насмешки не потеряет никогда своей силы, несмотря даже на ненависть вашу! Ежели вам когда захочется меня ненавидеть, то и тогда с восторгом отдала бы всё счастие жизни за одну вашу радость; дружба, которая не зависит ни от славы вашей, ни от свету, ни от вашей дружбы, разве только от собственной вашей души (а этой душе порочной сделаться нельзя) — такая дружба, Жуковский! неужели стоит насмешек? — Но на что я это говорю! — Мне досадно, что я это говорю! — и опять так грустно, что придется половину чувств и мыслей

[1] Датируется на основании обсуждаемой в письме сатирической комедии А. А. Шаховского, направленной против Жуковского и представленной в Малом театре 23 сентября 1815 года.

спрятать! Ведь между нами тысячи верст! И это прятанье, это болтанье с другом о посторонних предметах, когда на душе кошки скребут, за тысячу верст делается достоинством. — Несносно, право, досадно, как эта жизнь глупа! Еще больше досадно, когда видишь как бы с простым чувством доверенности ко всему доброму, с беспечною искренностью, не требующей никаких усилий, можно бы облегчить в ней и то, что переменить нельзя, украсить даже разлуку! — Кажется иногда, будто какой-то злой дух мешает нам забирать на *крылатое странствие* и тот запас счастия, которое от обстоятельств не зависит, будто нарочно толкует, перетолковывает, туманит глаза, чтобы не слишком вздумалось душе радоваться моральной своей свободой и могуществом. Но воля Его! — меня не переуверить! Крепкий, искренний союз; — твердая вера! — и никакая сила не могла бы противустоять этому святому, неразрывному *вместе*! On pourrait défier le bonheur! Chacun pour soi — et cela devient impossible: on ne peut que le mériter! Pardon, Joukofsky! Ce *que* n'est pas la place pour moi! Mon bonheur à moi qu'il vienne ou non, ce n'est pas mon affaire! Je laisse faire au sort, sans m'en embarrasser, et j'aime mieux le mériter, et je ne dirai jamais *que*. Mais vous! Il est cruel de voir pour vous les injustices de la vie! Mais beaucoup plus cruel encore, permettez de vous le dire, quand on vous voit repousser de gaieté de coeur, les consolations et les joies intérieures qui devraient être toujours votre partage, quand je dis *vous* c'est aussi *Elle!* Et je vous prie de croire que quand il s'agit d'amitié, d'amour, et le bonheur, c'est toujours de vous deux qu'il s'agit pour moi. — Ecoutez, Joukofsky! Je voudrai vous faire une question, dites-moi d'abord si vous avez *envie* d'être sincère avec moi? — Si vous voulez être de bonne foi, je ne vous le demande pas, vous ne savez pas faire autrement. En attendant cette première réponse venons à votre lettre: hélas! Je le savais bien que tous les efforts seraient inutiles! Mais dites-moi, cela n'a-t-il pas mis à cette confiance qu'on vous témoignait? Cela n'a-t-il pas changé de nouveau leur manière d'être avec vous? Songez, donc que vous me devez quelques détails, et parce que Marie se tait très cordialement avec moi, et parce qu'il m'arrive de souffrir beaucoup. Le mois dernier que j'ai passé pourrait me servir de passeport pour le bonheur d'une éternité, si on nous y comptait tous les tourments d'ici-bas: vous nous avez dit quelques mots de votre projet d'écrire avec Мар. Ник. à Dorpat, — ensuite on nous apprit la maladie de Marie, — ensuite on nous abandonna de tous les côtés, à toutes nos agitations, et par un mot, de nulle part! J'étais prête à prendre la poste et à venir à Dorpat! Et je l'aurai certainement fait sans une bienheureuse épitre à Mouratovo, d'où j'apprends que Marie se porte bien, et que l'ami se tait parce qu'il se tait. Mais si j'étais venue les voir pour quelques jours? Qu'en dites-vous? Je vous entends d'ici faire choses avec la baronne, Annette, Cato et autres amis raisonnables; *quelle folie! Mais cela n'est pas pardonnable!*[**] *У вас всё для минуты!* и пр., и пр. Et des mois d'insomnies? et une douleur continuelle au coeur? Et une agitation dont il n'est pas possible de donner une idée? — (Car je n'osais pas lever la tête quand j'entendais quelqu'un entrer dans ma chambre, je craignais de fixer les yeux de chacun, tout me paraissait mauvais visage, ou condamnation).

Mais tout cela ne paraît pas! Allons! Que Dieu vous bénisse. Moi, qui ne veux pas même paraître à vos yeux, que m'importerait *le monde!* Au reste, *soyez bien*, et ne me

le dites même jamais si cela vous accommode; si je l'ignore, je saurai souffrir dans ma coquille, si je le sais! Je n'ai besoin de rien! Mais au nom du Ciel, soyez bien! Soyez heureux autant que vous pouvez! Je vous aurai volontiers dit: prenez tout ce qui est pour ma part! Je dirai de tout mon coeur la même chose au destin, et tout ce qui me viendrait de mal après, serait bien venu, — mais le grand disputeur fait à sa guise! Mon frère! Faisons de grâce à la nôtre! Soyez heureux en dépit de tout! N'avons-nous pas assez de votre belle âme? A propos: je vous félicite de votre conduite avec Шаховским![1] Cela m'a fait un bien! Un bien! Oui, Joukofsky! Il faut que votre coeur soit aussi grand que votre genie! On a beau dire, l'un n'empêche pas la bonté de l'autre! Le vice, vous le méprisez aussi, sans doute, mais la malveillance personnelle, cette petitesse qui ne peut même atteindre jusqu'à vous, cela doit vous *amuser*. J'étais charmée de vos applaudissements au théâtre, — c'était vous! Je vous voyais là avec cette simplicité si touchante, ce coeur *sans malice*, et toujours prêt à pardonner et à aimer! Mon cher Joukofsky, on a beau faire dans des instants comme cela, la vie est un trésor inappréciable. Je remercie Dieu pour vous, avec amour et admiration! Comme je le remercie pour Notre Empereur! Et il y a un charme dans cette reconnaissance, qui suffirait seul pour embellir la vie! — Quand donc l'Empereur revient-il? Qu'il me tarde de savoir que vous vous êtes vus! L'aimez-vous toujours de même? De grâce, n'écoutez rien de toute les calomnies qu'on pourrait dire autour de vous. Vous l'avez déjà compris, cela suffit! Les autres ne le comprennent pas, son âme est trop belle, trop grande pour être à la portée de tout le monde! Cet air empesté me fait frissonner quand j'y pense, vous n'y finirez pas notre*** *Певец* в Кремле! — А дети каждый день благодарят Бога за сладкий жребий наш любить как друга властелина! — И нет угла в доме, где бы ни слышно было: чтоб долго был красой земли, и Трона красотою! — Милый! Голубчик! кончите пожалуйста теперь прелестный наш *Царь дал мир земле*, — надобно чтобы *живущие радовались* под вечной державой, то есть бесценным чувством благодарности, удивления, восторга и прелестью возвышенных мыслей! — A propos, знайте, что хорошие чувства, точно *Вечная держава*, а не прелестная птица, как вам угодно было сказать. — Ежели бы я не дремала, я ясно и верно вам бы это доказала; — однако их послушайте маленький пример: вот я дремлю, а все-таки вас люблю, вот и спать пойду, и буду спать и вставать и ходить и пить кофе и детей учить, а любить буду беспрестанно, и при вас, и без вас и тогда даже, когда не думаю об вас. Так и прочие хорошие чувства сидят смирно в душе, иногда молчат, но не улетают.

Дети вас целуют, они выучили басню Дмитриева *Орел и змея*, и с восхищением твердят: бросает гордый взгляд и к солнцу возлетает[2], а я еще больше, больше восхищаюсь.

---

[1] *...je vous félicite de votre conduite avec Шаховским... [я вас поздравляю по поводу ваших отношений с Шаховским]...* — Александр Александрович Шаховской (1760—1837), князь, поэт, драматург, автор комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды», представленной в Малом театре в присутствии В. А. Жуковского.

[2] *...они выучили басню Дмитриева Орел и змея и с восхищением твердят: бросает гордый взгляд и к солнцу возлетает...* — Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), поэт, друг и последо-

Перевод

*Я устала от того, что меня никогда не понимали, и я несчастна, что огорчила Машу, когда бы я отдала все счастие моей жизни за каждую ее радость, когда бы тысячи доказательств убедили ее в этом (*франц*.).

**Можно бы бросить вызов счастью!.. Каждый для себя — это становится невозможным: его можно только заслужить! Извините, Жуковский! Это «только» не уместно по отношению ко мне. Мое собственное счастие, придет оно или нет, это не мое дело. Я его оставляю на волю судьбы, не обременяя себя этим, и я предпочитаю его заслужить и никогда не скажу «только». Но вы! Жестоко видеть несправедливости жизни для вас! Но еще более ужасно, разрешите вам это сказать, когда видишь, как вы отказываетесь от сердечной радости, от утешения и от внутренних радостей, которые вы должны были бы разделять. Когда я говорю *вы,* это также *она*! И я прошу вас верить, когда речь идет о дружбе, о любви и счастии для меня, то речь идет только о вас двоих.

Послушайте, Жуковский! Я хотела бы задать вам вопрос, скажите мне сначала, *хотите ли вы* быть искренним со мной? Если вы хотите быть по совести, я не требую этого от вас, вы не можете поступить по-другому. Ожидая этот первый ответ, давайте вернемся к вашему письму. Увы! Я хорошо знала, что все усилия будут бесполезны! — Но скажите мне, это не было связано с тем доверием, которое вам оказывали? — Это не изменило снова их желание быть с вами? Подумайте все-таки, Жуковский, вы должны мне кое-что, и потому что Маша сердечно молчит со мной, и потому что это заставляет меня много страдать.

Последний месяц, что я провела, мог бы послужить мне пропуском к вечному счастию, если бы все наши мучения на этом свете там засчитывались; вы нам сказали кое-что о вашем намерении писать с Мар⟨ьей⟩ Ник⟨олаевной⟩ в Дерпт; затем нам сообщили о болезни Маши; затем нас покинули со всех сторон, во всех наших волнениях, одним словом, *везде*. Я была готова взять почтовых лошадей и приехать в Дерпт! Я бы это, конечно, сделала, если бы не счастливое письмо из Муратово, из которого я узнала, что Маша чувствует себя хорошо и что друг молчит, потому что молчит. А если бы я приехала увидеть их на несколько дней? Что вы об этом скажете? Я отсюда слышу, как вы занимаетесь баронессой, Аннетой, Като и другими благоразумными друзьями, *какое безумие! Но это непростительно*! (*франц*.).

***А месяцы бессонницы? и бесконечная боль в сердце? и волнение, которое невозможно объяснить? (Как я не решалась поднять голову, когда я слышала, что кто-нибудь входит в мою комнату, я боялась остановить взгляд на ком-нибудь, все мне казалось дурным лицом или приговором.)

Но все это не кажется! Хорошо! Пусть Бог вас благословит! А я даже не хочу показываться вам на глаза, какое мне дело до *общества*! Впрочем, чувствуйте себя хорошо и никогда мне не говорите, устраивает ли это вас; а если я этого не буду знать, я сумею страдать в своей скорлупке, если я это буду знать! Мне ничего не надо. Но ради Бога, чувствуйте себя хорошо, будьте счастливы так, как вы можете! Я вам сказала бы охотно, принимайте все, что касается меня. Я скажу то же самое от всего сердца судьбе, все то, что после придет ко мне плохого, придет кстати,— но великий спорщик делает на свой лад! — Брат мой! Ради Бога, сделаем на наш лад, будьте счастливы, несмотря ни на что! — Недостаточно ли нам вашей прекрасной души?

Кстати, я вас поздравляю по поводу вашего поведения с Шаховским. Мне это доставляет радость! Да, Жуковский, надо, чтобы ваше сердце умело быть таким огромным, как ваш гений! Напрасно говорить, что одно не мешает другому! Порок, вы его без сомнения также презираете.

ватель Н. М. Карамзина в утверждении нового литературного языка. Сделал удачную служебную карьеру: обер-прокурор Сената (1797—1799), министр юстиции (1810—1814), член Государственного совета. Стих «бросает гордый взгляд и к солнцу возлетает» из басни И. И. Дмитриева «Орел и Змея» (1805).

А личная недоброжелательность,— эта слабость, которая не может коснуться вас,— она, должно быть, вас *забавляет*!

Я была очарована вашими аплодисментами в театре — это были вы! Я видела вас там простым, таким трогательным, бесхитростно-сердечным, и всегда готовым простить и полюбить! Мой дорогой Жуковский! Напрасно что-либо делать в такие моменты, как этот. Жизнь — это неоценимый клад. Я благодарю Бога за вас, с любовью и восхищением! Как я его благодарю за Нашего царя! Есть какое-то очарование в этой признательности, которой достаточно одной, чтобы украсить жизнь. Когда все-таки Император вернется? Как мне не терпится знать, что вы виделись. Любите ли вы его по-прежнему? Ради Бога, не слушайте ничего из сплетен, которые могут говорить вокруг вас. Вы это уже поняли, этого достаточно. Другие не понимают это, его душа слишком большая, слишком красивая, чтобы быть доступной всему миру. Этот отравленный воздух заставил меня содрогнуться, когда я думаю о том, что вы не закончите наш (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 11—12 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 43—47.
Печатается по автографу.

51. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 Ноября 1815

Игнатьево то есть маленький *кастел* в обетованной земле[1], о котором некоторые листки говорят будто она terra incognita![*] — Тут наши оба![2] — Тут наши оба ленивые отшельники без всяких хлопот доказывают, что ее отыскать можно, что она не так-то далеко *в безвестном океане*, как иные воображают, что она на *твердой земле*, что без компаса, без бурных ветров, без туч, без звезд и просто при светлом сиянии тихого солнца, её найдешь, да и то ещё, подле себя! — Милый Жуковский! На них глядеть весело… Маленький их домик, только что построенный, без мебелей, без всякого еще украшения, новое, совсем еще не заведенное хозяйство, и беззаботное, счастливое наслаждение! — Катошка моя таскает свое брюшко, смеется гримасам своего Амадиса[3], ходит из горницы в горницу, запирает и отпирает сама ящички с домашними припасами, вяжет свивальники, спорит об шахматах и поглядывает беспрестанно с милым взглядом на курносого героя. Она стала, слава Богу, гораздо здоровее, потолстела не только в талии, но и лицом, и милая эта надутая рожица, которая теперь чаще улыбается, нежели дуется, трогает сердце своей веселостью. Теперь она сделалась мне дорога втрое!

---

[1] *Игнатьево то есть маленький кастел в обетованной земле…* — Игнатьево — деревня Юшковых; кастел — (польск. Kasztel, нем. Kastéll) укрепленный замок, крепость.

[2] *Тут наши оба!* — В Игнатьеве обосновались молодожены: Василий Андреевич Азбукин и его жена Екатерина Петровна (урожд. Юшкова), которую ласково звали Като.

[3] *Катошка моя ⟨…⟩ смеется гримасам своего Амадиса…* — Амадис — герой рыцарского романа «Амадис Гальский» (нач. 14 в.). Жуковский включает название романа о герое, выражающем идеал рыцарского поведения, в списки подготовительных материалов задуманной им волшебно-исторической поэмы «Владимир».

дорога всем! счастием своим, и пузочком, и простотою, с какою они счастливы, и — даже прошедшим. Вчера я заставила ее играть на фортепиано, son regard doux et *animé!* me rappelait Maman, aussi vivement que je peux me la rappeller, et ce qu'elle jouait, et sa grosse petite taille, et peut-être aussi inquiétudes, me retraçaient en même temps ma soeur Marie, tous ses souvenirs du passé et son bonheur à présent, tout cela se réunit bien souvent dans mon coeur, et tout cela ensemble fait de mon amitié un sentiment doux, je ne puis me rendre compte moi-même, et qui m'attendrit. Je voudrais[**] беречь ее счастие, казалось бы, охотно встала против рока со всеми его каверзами, и не допустила бы до нее ничего. — Но по счастью нам *рока* бояться нечего. Жизнь и обстоятельства зависят не от слепого случая, — они благословлены Отцом!

И я доверенностью на Него за них полагаюсь! А прочие же мелочи, которые можно бы назвать роком и которых часто слишком много для того, чтобы жизнь сделать тяжелою, я также за них не боюсь. У них против всего есть убежище, куда уйти можно от всего! их тихая, взаимная любовь! — Несправедливости света, смешное презрение людей посторонних, глупое чванство этих же людей, что все это против счастия! Счастия, которое чувствуешь! Которое, можно сказать, видишь во все глаза и держишь руками! Мне часто грустно и досадно, когда Анета говорит: «Катоша могла бы сделать *партию* лучше; должно признаться qu'elle s'est mésalliée[***] и пр. и пр. — не знаю, что называется *лучше счастия* — и этого глупого тиранства мира не могу понять: *будь счастлив так, как я хочу*! — или и не будь счастлив, но изволь жить, ходить, ворочиться, так как предписано в законном приличии — и какого же приличия? Одобрение тех людей, которым совсем до меня дела нет! А тех еще меньше понимаю, которые *выбирают* между этим пустым одобрением и истинным счастьем. — Здесь, в околодке, большие толки о том, что наш Азбукин не дворянин. — Алек⟨сей⟩ Серг⟨еевич⟩ дружелюбовно хлопочет, как бы выдумать ему предков[1], выкланить грамоту и прочие низости. — Нам этого не хочется! То есть ни Катоше, ни Азбукину, ни мне, а вот что я выдумала: не можете ли вы как-нибудь помочь нам в этом пункте? Il est Chevalier de trois ordres[****], следовательно, кажется, имеет право просить себе грамоты дворянства заслуженного трудами, службою Отечеству и начать просто самому свою родословную? — Спросите, милый, можно ли это получить? Какие нужны бумаги, документы? — Что надобно делать? и, наконец, можете ли *вы* нам это сделать? *Хотите ли*, я не спрашиваю! Это и для постороннего я бы не спросила! Теперь нам бы это не худо было для ребятишек, хотя Азбукин и говорит, *что нужды!* и для них! Служите, дескать, так как я служил! — Но вы, Жукачка, не согласитесь на это за будущего нашего крестника! Слышите ли, маточка! Нашего крестника! Сего дня мы с Катошей целое утро об нем и об вас

[1] *...Азбукин не дворянин. — Алек⟨сей⟩ Сер⟨геевич⟩ дружелюбовно хлопочет, как бы выдумать ему предков...* — Авдотья Петровна обращается к Жуковскому с просьбой похлопотать о получении В. А. Азбукиным, участником Отечественной войны 1812 года, кавалером трех орденов, дворянского звания, чем Жуковский немедленно занялся (ПЖТ. С. 161); Алексей Сергеевич Бунин, родственник А. П. Елагиной.

говорили: *Я бы написала к Жуковскому,* говорит она, *чтобы в Генваре он думал и молился об новом маленьком творении, — но — желать мне хорошего он будет всегда; — думать о нас редко, а молиться никогда! — впрочем, крестить он моего ребенка будет непременно, как бы далеко от нас не был. — После мужа моего, я никого столько не люблю и не почитаю, как его*. — Азбукин-лентяй подергивает длинным своим носом, плюет во все углах комнаты, метит бирки, топит свои овины, катает моих детей на соломе, дразнит Минвану[1], возится с ними и шумит больше их, играет на флейте, подчас мотает тальки, и совсем, и каждый час приходит к жене своей, чтобы поцеловать её, посмотреть на неё,— а прочий всех мир как идет, до того нам и дела нет, с такою беззаботностию смотрит на всё, что дурное около него делается, что именно эта беспечность и выказывает его внутреннее счастие. — Однако же эта беспечность до друзей не простирается; их он любит так же просто, как просто наслаждается своею жизнью. Признаться надобно между тем, что и дружбой, и жизнью, и счастием изволит он наслаждаться с большою ленью; если это свойство, по словам Батюшкова, стоит философии, то он философ в первом градусе. «Напишите к Жуковскому»,— говорю я ему три дня сряду без умолку. — «Что мне писать! Пока я жив, он знает, что я люблю его, а если умру, то вы такие охотницы писать, вы верно его уведомите!» — Voilà tout ce qu'on peut extorquer à sa paresse! Mais ne désespérons pas de la patrie! *Persévérance*, est la phrase favorite de la vie depuis longtemps, Monsieur Asboukinп! Voulez-vous vous mettre à ma place? — Avec plaisir, Madame!*****

Перевод

* земля неведомая (*лат.*).

** ее нежный и живой взгляд мне напоминал Maman так живо, как я могу ее себе представить, и то, что она играла, и ее маленькую полноватую фигуру и, может быть, также беспокойства, все мне напоминало одновременно мою сестру Машу, все эти воспоминания прошлого и сегодняшнее счастие. Все это довольно часто соединяется в моем сердце, и все это вместе делает из моей дружбы нежное чувство, в котором я даже не отдаю себе отчета и которое заставляет меня грустить. Я хотела бы (*франц.*).

*** что она вступила в мезальянс (*франц.*).

**** Кавалер трех орденов (*франц.*).

***** Вот что может изобрести лень! Но не будем терять надежду на родину! *Твердость* — это любимая фраза и уже давно, господин Азбукин! Хотите быть на моем месте? — С удовольствием, мадам! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 13—14. с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 48—51.
Печатается по автографу.

[1] *…дразнит Минвану…* — Машу Киреевскую.

52. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

СПб. 1815. Осенью, после 23 сентября[1]

Вы несносны, милостивая государыня Авдотья Петровна, с своими полусловами. Одна пишет Бог знает что, а другая на это Бог знает что пишет такие объяснения, которые только что все затемняют. Писать мне, право, некогда. Спешу к живописцу, который принялся писать с меня огромный портрет[2] in folio для бессмертия и для Уварова. Если не дорого будет стоить список, то у вас, друзья, он будет. А там хоть и на тот свет. Чтобы это письмо не было слишком пусто, посылаю вам новые стихи мои, единственные с последнего моего счастливого времени в Долбине. Когда-то опять воротится мне мое Долбино и Мишенское? По крайней мере, вы свое делайте — готовьте для меня мое место. Мне кажется, что перенесясь к вам, я уеду от всех бед. Простите до следующей почты. Опишу вам, как я выброшен из Дерпта и как здесь в Петербурге меня бранят в комедиях[3] и за меня бранятся в Журналах и как при всем этом я только и думаю о своей родине и о своих друзьях.

Un petit préambule à mes vers*. «Славянка» — река в Павловске. *Монумент Павла*[4]: Урна, перед которою лежит в слезах женщина. На барельефе: государь, сидящий с опущенною головою и опирающийся на щит; перед ним государыня и вся императорская семья; в облаках Александра Павловна и Ольга Павловна. Монумент Александры Павловны[5]: Молодая женщина со звездою на голове готовится лететь на небо, гений жизни на коленях перед нею, хочет ее удержать и не может. Еще есть в Павловске так называемая семейная роща, где каждое дерево посажено в день рождения одного из великих князей и княгинь, начиная с нынешнего Государя. В этой роще Урна судьбы.

Простите. Детей целую. И всех вас, и Азбукиных, и Наталью Андреевну. Пошлите список с стихов Плещеевым.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о представлении комедии Шаховского, которое состоялось в Малом театре 23 сентября 1815 года.

[2] *Спешу к живописцу, который принялся писать с меня огромный портрет…* — Орест Адамович Кипренский (1783—1836), портретист, исторический живописец; закончил портрет Жуковского в 1816 г.

[3] *…как здесь в Петербурге меня бранят в комедиях…* — Речь идет о комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (премьера 23 сентября 1815 г.), в которой Жуковский был выведен в комическом образе «балладника Фиалкина».

[4] *Монумент Павла...* — Памятник Павлу I был поставлен в Павловске его женой императрицей Марией Федоровной; скульптор Тома де Томон, строительство велось с 1806 по 1810 гг.

[5] *Монумент Александры Павловны…* — Монумент памяти Великой Княжны Александры Павловны (1783—1801) поставлен летом 1814 г. в Павловске из алебастра, заменен через год мраморным памятником (*Несин В., Сауткина Г.* Павловск Императорский и Великокняжеский. СПб., 1996. С. 113).

Перевод

* Небольшое предисловие к моим стихам (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 4. С. 105—106.
Печатается по первой публикации.

53. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Ноябрь 1815[1]

Вы пеняете мне за мое молчание, милые мои друзья-сестры, но слава Богу, ваши пени не трогают дружбы, а я за это благодарю вас. Надеюсь, что никогда до этой святыни пени не дотронутся. Вы спрашиваете, милая Анета, о чем вам писать ко мне: «все одно и то же!» Вы хотите, чтобы я перечитал ваши прежние письма, из которых узнаю то, что делается с вами теперь. Hélas*! неужели нам никогда на том месте не будет хорошо, на котором мы находимся! неужели вечно нам бежать за этим недостижимым *там*, которое никогда *здесь* не будет. Из ваших писем, Анета, заключаю, что вы не совсем довольны своим *здесь*, что ваше *одно и то же* вам надоедает. А я со своей стороны желал бы сказать вам: прочтите мои *прежние* письма, чтобы узнать, что со мной делается *теперь*. Мое теперь хуже прежнего, здешняя жизнь тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. Ваше *одно и то же* кажется мне прекрасным положением; работать без всякого рассеяния, в кругу *своих*, отделясь от прошедшего и будущего,— вот чего мне хочется. Вы пишете, чтобы я вам о себе более рассказывал, и что у меня много интересного для этих рассказов, что все, окружающее меня, интересно. Напротив. Или *все* меня окружающее ничтожно, или я сам ничто, потому что у меня ни к чему не лежит сердце, и рука не подымается взяться за перо, чтобы описывать то, что мне как чужое. И воображение побледнело — так пишет ко мне и Батюшков[2]. Поэзия отворотилась. Не знаю, когда она опять на меня взглянет. Думаю, что она бродит теперь или около Васьковской горы, или у Гремячего, или в какой-нибудь Долбинской роще[3], несмотря на снег и холод! Когда-то я начну ее там отыскивать! А здесь она откликается редко, да и то осиплым голосом.

---

[1] Дата устанавливается двумя ответными письмами Авдотьи Петровны от 23 и 27 ноября 1815 г.

[2] *И воображение побледнело — так пишет ко мне и Батюшков* — В письме к Жуковскому от «Августа, числа не знаю» 1815 года Батюшков сообщал: «Теперь я по горло в прозе. Воображение побледнело, но не сердце, к счастью, и я этому радуюсь. Оно еще способнее, нежели прежде, любить друзей и чувствовать все великое, изящное» (*Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. 1989. С. 347).

[3] *...она бродит теперь или около Васьковской горы, или у Гремячего, или в какой-нибудь Долбинской роще...* — Топонимические названия памятных Жуковскому мест в родном муратовско-мишенско-долбинском краю.

О Дерпте вам не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать! но когда же удастся говорить? Авось!.. все еще авось! Если рассказывать, то хоть забавное. Здесь есть автор князь Шаховской[1]. Известно, что авторы не охотники до авторов. И он поэтому не охотник до меня. Вздумал он написать комедию и в этой комедии смеяться надо мной. Друзья за меня вступились. Дашков напечатал жестокое письмо к новому Аристофану[2]; Блудов написал презабавную сатиру[3], а Вяземскому сделался п⟨онос⟩ эпиграммами[4]. Теперь страшная война на Парнасе. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы все молчали. Город разделился на две партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури. Все эти глупости еще более привязывают к поэзии, святой поэзии, которая независима от близоруких судей и довольствуется сама собой. Беспрестанно уверяюсь, что я написал божественные истины в моем послании к Вяземскому и Пушкину[5]. Нет ничего презрительнее той славы, которой все обыкновенно ищут! *Обвитый розами скелет*[6] — выражение, разительно справедливое. Беда писателю, если вздумает иметь эту бесславную славу, эти низкие почести, если у него душа доступна для оскорблений глупцов и невежд. Я благодарен этому глупому случаю — он более познакомил меня с самим собой. Я теперь знаю, что люблю поэзию для нее самой, не для почестей и что комары парнасские меня не укусят никогда слишком больно. Но я теперь люблю поэзию, как милого человека в отсутствии, об котором беспрестанно думаешь, к которому беспрестанно хочется и которого все нет как нет. — Я здесь живу очень уединенно; никого, кроме своих немногих, не вижу — и несмотря на это, все время проскакивает между пальцев. И этой немногой рассеянности для меня слишком много. Прибавьте к ней какую-то неспособность заниматься, которая меня давит и от которой не могу отделаться. — Жестокая сухость залезла в мою душу.

О рощи! о друзья, когда увижу вас!

Но что же, если не удастся сгородить себе какого-нибудь состояния? Если надобно будет решиться здесь оставаться и служить для того, чтобы чем-нибудь жить, — тогда прощай, поэзия и все! авось! Неотвязное слово! Как оно теперь для меня мало значит, а все не расстанешься с ним!

---

[1] *Здесь есть автор князь Шаховской* — Александр Александрович Шаховской (1777—1846), князь, поэт и драматург, автор комедии «Липецкие воды». Во время представления Жуковский сидел в креслах и от души смеялся.

[2] *Дашков напечатал жестокое письмо к новому Аристофану...* — «Венчание Шутовского. Гимн», «Письмо новейшему Аристофану» (1815 г.). Новый Аристофан А. А. Шаховской.

[3] *...Блудов написал презабавную сатиру...* — «Видение в какой-то ограде. Изданное обществом ученых людей» (14 октября 1815 г.) Д. Н. Блудова.

[4] *...Вяземскому сделался п⟨онос⟩ эпиграммами* — «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги» (сентябрь-ноябрь 1815 г.).

[5] *...я написал божественные истины в моем послании к Вяземскому и Пушкину* — Речь идет о послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

[6] *Обвитый розами скелет...* — Стих 96 из послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину».

Послушайте, милая Авдотья, поговорим о другом авось, о котором я здесь часто думаю! Ведь для наших ребятишек нужен учитель. Пора думать об их порядочном воспитании. Дело не об том, чтобы их сделать скороспелками, выучить тому и другому, что они со временем забудут, а об том, чтобы их сделать людьми. У меня есть на примете два человека. Один очень знающий — но молод, и я не знаю, согласится ли ехать в деревню; я не говорил с ним и не могу еще делать ему предложения, ибо не имею на то согласия вашего; он же ищет службы; и теперь его здесь нет — он в Дерпте. Другой здесь и хочет ехать в деревню; но вот беда: он не берется учить по-латински; он берется только образовать для учения университетского и вообще берет на себя одно нравственное воспитание. — Это и всего важнее, ибо науки придут сами и скоро — надобно только дать ум, охоту к занятию и характер. Остальное будет легко. Но латынь, латынь необходима! и ей надобно учиться заранее. Дерптский мой знакомец и латинист, и грек, и очень учен и добрый малый — но не знаю, захочет ли запропаститься в деревню. Я желал бы, чтобы он например лет шесть занялся приготовительным учением детей; потом непременно они должны быть отданы в университет и, если можно, немецкий; потом года два путешествия; потом и служба — и служба, чем позже, тем лучше, — чтобы были людьми. Я нынче крепко было обрадовался. Вдруг является к нам Тоблер, который воспитывал и Тургеневых. Он отходит от Токаревых, и я вообразил было, что он ищет места; но увы — он уезжает в Швейцарию. — Итак, милая Авдотья, прочитав то, что я здесь навараксал, вооружитесь гусиным пером и напишите мне, искать ли здесь учителя, сколько ему давать (NB дорого, да мило). Весьма было бы хорошо, когда бы я к вам приехал сам-друг. Но для этого нужно, чтобы у вас на всякий случай были готовы комнаты в вашем господском доме, чтобы все (ваши и моя библиотеки) было в порядке. Неужели и по сию пору нет порядка, нет шкафов, нет помела, нет добродетели и Лизы? Эка шпанская муха! — Шутки в сторону, прошу написать об этом поболее и пообстоятельнее. Перестаньте писать узоры.

Скажите мне поболее и о нашей милой Марье Алексеевне: вы мало мне об ней пишите. Отдали ли вы ей мое письмо? Поцелуйте за меня у нее ручки. Милой Елене Ивановне кланяюсь дружески. Я уверен, что она помнит и любит меня, как всегда. Что наш добрый Pierrot?** Что наше пузо Като? Она ко мне писать разучилась; le grimacier ordinaire*** [1] совсем свел ее с ума? Скажите этому кривляке, что я видел здесь Муравьева, который обещал у меня побывать. Брата его, Александра, я еще не видал[2]; он у меня был, не застал меня дома, и я позабыл его адрес. Обнимаю их обоих и с маленькой неправильной дробью. — Милая Наталья Андреевна, откликнитесь. Иван Никифорович, Елизавета Васильевна, преосвященный архи-

---

[1] *...le grimacier...* — Василий Андреевич Азбукин, муж Като (Екатерины Петровны).

[2] *Скажите этому кривляке, что я видел здесь Муравьева* ⟨...⟩ *Брата его, Александра я еще не видал...* — Речь идет о братьях Муравьевых — Никите и Александре Михайловичах, будущих декабристах.

ерей, желаю вам здравия! Простите, милые друзья! Елена Ивановна дня три, как приехала. Где Марья Николаевна?[1]

Перевод

* Увы! (*франц.*).
** Пьер (*франц.*).
*** обычный кривляка (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 18—20.
Печатается по первой публикации.

54. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

23 ноября 1815[2]

Милый брат! милый друг! бесценное письмо ваше оживило меня!.. хоть в нем нет ничего *оживительного*, те же желания не того, что у нас есть, та же непривязанность к настоящему, та же пустота и скука, которые до вашей милой души не могли бы сметь дотронуться; — но этот почерк, этот голос дружбы, который слышен и в скуке, и в пустоте, и в шуме, — и возможность счастья невольно воскресла! Авось! Милый Жуковский! — ведь это слово не ветреной надежды, но спокойного доверия! — Доверенности к доброму Промыслу, к сердцу друзей: к святыне недосягаемой! — бросьте всё, милый брат! Приезжайте сюда! Ваше место здесь свято! Готовить нечего! Оно всегда первое! Ваши рощи, ваша милая Поэзия, ваша прелестная свобода, тишина, вдохновение и верные сердца ваших друзей, здесь все цело, всё живет — *всё вечно!* Что это за *состояние*, для которого вам надобно служить? — что это значит: *чем жить?* Это и глупо, и обидно! — Забыли вы, что я хотела все свое продать, бросить, чтобы с вами в 14 году ехать в Швейцарию? — Разве вы не знаете, что у нас, слава Богу, есть чем жить, и больше нежели для *житья* надобно, что и тогда бы было, когда б я сама для жизни своими руками работала, и тогда бы *вы* могли жить со всеми прихотями, каких бы вам угодно было! — А когда вы здесь были с нами, я была бы прямым богатством богата; — милый друг, неужели мне сказывать вам,

---

[1] *Милая Наталья Андреевна, откликнитесь. Иван Никифорович, Елизавета Васильевна, преосвященный архиерей, желаю вам здравия! ⟨...⟩ Елена Ивановна дня три, как приехала. Где Марья Николаевна?* — Наталья Андреевна Азбукина, сводная сестра Саши и Маши Протасовых; управитель в Долбине Иван Никифорович Гринев и его жена Елизавета Васильевна; Елена Ивановна Протасова; Марья Николаевна Свечина (урожд. Вельяминова).

[2] Дата устанавливается на основании указанного числа в письме; «Завтра 24!» — Речь идет о годовщине со дня свадьбы Василия Андреевича Азбукина и Екатерины (Като) Петровны Юшковой, младшей сестры Авдотьи и Анны Петровны. Письмо содержит ответ на два письма Жуковского, присланных после 23 сентября 1815 года.

что такое для меня любить вас? — Скажите нам, *где* ваша резиденция, в Мишенском или в Долбине? — и, ради Бога, приезжайте скорее! А пока давайте нам ваш портрет! Ай да Уваров![1] Спасибо ему! пишите портрет непременно, хотя бы он больше тысячи стоил, сделайте милость, Жуковский! мне этой дурацкой харички хочется без памяти; — я увижу её во сне, и часа два проснувшись не могу попасть в лад, я вижу её по несчастью часто, когда он будет непременно передо мною, то у меня всё будет ладно! — Это предложение прислать больше тысячи для того, чтобы мне жить наяву веселее было, нежели во сне, доказывает вам, что у меня есть чем *жить*. Душа мой Жуковский! право мне жить хорошо, право я часто люблю жить, жизнь прелестное дело! с моими ребятишками, со многими прекрасными чувствами; с вечными чувствами, с милыми друзьями небесными на высоте, с милыми друзьями, сюда нам переселяющими небо, *со всем, что жизнь сулит, и всё, чего в ней нет*, — послушайте, это не значит, чтобы у меня шкафов не было, порядку не было, благодарности не было, Лизы, Николая Ивановича Ильина и прочих конфект; это значит — приезжайте! Обо всем, чего нет и что есть, буду писать вам много, подробно в субботу, теперь у меня Полонские, Вишняков, Хапуновы[2], и все едут со мною завтра в Аркадию под снегом: к Азбукиным. — Завтра *24!* — Милый друг! Вам было бы легче, если бы были вы здесь: от того легче хоть немного, что сестра ваша любит вас больше всего на свете, что ваша тягость ей груз несносный! — À propos*, видал ли ты Петербургскую мызу?[3] — Несколько слов теперь о вашем предложении для наших ребятишек: ищите мне теперь доброго товарища для их воспитания, Латынца, Грека, и всего, чего вам угодно, только одно: ради Бога, не спешите! Не пленяйтесь *скоро*, по вашему обыкновению! Не предполагайте всего доброго, не разобравши! Глядите глазами кого-нибудь *опытного, недоверчивого*, а не глазами вашей милой прелестной души, украшающей всё, что к ней ни подходит. — Возьмем в этом случае *брюзгливого вотчима*. — Жуковский! с трепетом сердца говорю вам: *не восхищайтесь* в свою очередь! — Жуковский! мое всё счастие тут. И будущее, и теперешнее, всё, всё! — ищите осторожно, в субботу об этом буду писать много, всё, что на душе; пришлю вам план свой о их воспитании: вы увидите, что у меня не все узоры; — подождите, ежели можно и *в искании* воспитателя, моего плана; его же перечтите без предубеждения, без того предубеждения к моему характеру,

---

[1] *А пока давайте нам ваш портрет! Ай да Уваров!..* — Речь идет о портрете О. Кипренского.

[2] *...теперь у меня Полонские, Вишняков, Хапуновы...* — Белевский круг знакомых Жуковского и Авдотьи Петровны.

[3] *...видал ли ты Петербургскую мызу?* — Речь идет о Молочной Ферме, организованной Императрицей Марией Федоровной в Павловске в 1801 году с целью «на практике обучить крестьян окрестных деревень ведению сельского хозяйства» (*В. Несин, Г. Сауткина*. Павловск Императорский и Великокняжеский. 1777—1917. СПб., 1996. С. 116). Комплекс Фермы включал Павильон, построенный А. Н. Воронихиным и позже перестроенный К. И. Росси; Птичник, Скотный двор и Общежитие для девушек. Павловская Ферма служила местом уединения вдовствующей Марии Федоровны, центром благотворительности и объединения деятелей русской культуры, группировавшихся вокруг просвещенной императрицы.

которое вы все имеете по милости своей: то есть *par pure grâce* sans aucune mérite de ma part!** — отбросьте на эту минуту *ветреность*, которую вы во мне предполагаете, *химерический энтузиазм и пустое легкомыслие, узоры*. Читайте этот план, как будто вам прислал его человек незнакомый. Но простите теперь до субботы! — Мне опять веселее стало, я буду писать к вам много. — Я бы писала к вам и тогда, когда мне невесело, но была глупая, очень глупая мысль, которая мешала. Об ней ни слова! — И ни о чем ни слова на сию минуту! Наша милая Баронесса всё очень нездорова, но это им не мешает любить вас душою. — Счастие и несчастие, болезни и здоровье — дело не наше, а любить вас беспрестанно, и в болезни и в здоровье, и в счастии, и горе — дело наше; счастие наше! жизнь наша! — Adieu donc, cher garçon!*** *Христос* с вами!

Ну Жукачка! виват *Славянка*![1] прелесть! — в субботу буду иметь честь изложить мое восхищение — и приложить критику, est-ce permis?**** — но не беспокойтесь: я не шутовской; часто бываю шутиха, но не тогда, когда вами восхищаюсь! — à propos, et ceci bien à propos: Notre cher Czar est-il là ou vous êtes? Lui avez-vous donné le bonheur de vous voir? Avez-vous eu celui de le contempler? Je vous aime l'un et l'autre avec admiration, avec reconnaissance pour le créateur. Vous devez vous plaire ensemble, vous comprendre, et vous connaître réciproquement. — Chimère, direz-vous? — à propos — encore une fois; et bien à propos encore — là votre coeur n'y devrait pas si follement attaché, et vous ne seriez pas***** с неприступной для почестей душою, и слава не была бы для вас гул шумный и невнятный, — и завистники могли бы милое ваше сердце огорчить. Теперь для вас *Поэзия есть добродетель*. Милый друг, детям я не желаю другой славы на свете, как *собственное* одобрение сердца, другого счастия как счастия быть полезными людям, счастия пожертвовать всеми радостями жизни для их блага, счастия верить добру, любить добро и всё, всё отдавать для его приобретения. Неужели лучшее средство быть добрыми, великими: *любов*ь, может не достигнуть цели? и не удастся только в образовании души? —

Непременно надобно прислать вам свой план, скажите, не скучно будет вам прочесть *всё*, есть кое-что и мечтательное, но меня останавливает не это, а не надоест вам *христианство*? Есть ли вам время заняться этими моими авось? — не лучше ли потолковать порядочно, когда будем вместе? — Не меньше нельзя мне будет прежде лета взять учителя, не имея возможности *зимою* поместить его у себя. — Впрочем, Жуковский, отвечайте мне, подумавши на учителей! — Я хочу непременно оставить всё, всё что не дети, и что меня с ними рознит; я много много наказана за мою ветреность, et je m'en repense péniblement******, — хочу взять *учителя*, который бы Латынью, науками помогал мне, и чем ученее, тем лучше, — но, может быть, я слишком надеюсь на свою любовь, — может быть, я совсем не способна ни на что, и *gouverneur*, *образователь* им будет нужен. Подумайте без пристрастия, счастие детей моих дороже мне всего на свете, в тысячу

[1] *...виват Славянка!..* — Восторженный отзыв Авдотьи Петровны о присланном ей стихотворении Жуковского «Славянка» (1815).

раз моего! — но тогда узнайте же и гувернера! образования для университета мне мало — для жизни полезной, для счастья добродетели, для полного сердца на вечность! Курции! Деции! Св. Павлы![1] *всё для всех! anathème pour mes frères*. — Vouloir être l'oeil de l'aveugle, le bras de paralitique, le père de l'orphelin, le fils du délaissé, l'ami du souffrant et de l'affligé!

Mon ami, j'ai voulu vous écrire quelques mots, j'ai été entraînée. Je voudrais pourtant être connue de vous; il m'est quelquefois triste d'être vue par *vous* sous un faux jour. Souvent je trouve du plaisir et beaucoup, à passer dans l'ésprit de mes amies pour un autre être que je ne suis rééllement, et surtout beaucoup plus mauvaise; à présent il ne s'agit pas de moi, et les fausses idées sur mon caractère pourraient nuire à mes enfants. Dites-moi, je vous en prie, ce que je suis à vos yeux, — mon caractère, et ce qui peut nuire aux autres et aux enfants dans mon caractère, en un mot, parlez-moi de moi comme d'une autre: supposez que je suis une gouvernante qu'on vous propose pour les petits Kyréefsky, et commencez ainsi:

Caractère de la gouvernante des Kiréefssky.

Et continuez ainsi:

Caractère que doit avoir la gouvernante des Kiréefsky.

Vous pouvez finir ainsi:

Caractère du gouverneur des Kirefsky.

Et alors, peut-être, il y aura beaucoup de sottise de ma part si je ne dis pas: *donnez- nous le gouverneur;* car, Dieu merci, pour de l'égoïsme il n'y en aura jamais chez moi*******. Дерптский ваш знакомец мне очень бы нравился, молодость не только не остановка, но достоинство, скорее и крепче полюбить детей моих. Старик *воображением и надеждою* любить уже перестает; и разделять их *душевные* мечтания не будет. Ежели он поедет в деревню и несколько часов в день определит на учение, то славно! — о плане ни слова, давайте что хотите! только узнайте его порядочно, и описавши характер, — опишите, чему учить хочет и пр., все *подробно*.

Порядок в деревенском хозяйстве у меня гораздо получше. Фанфан мой хлопочет уже с умением, и мною недоволен не бывает. (У него родился еще сын две недели тому назад, а Володир прелесть!) — Кухня, ткацкая, баня, сарай каретный, конюшня, ледник и погреб всё уже нынешним годом построен, и вот главный резон, отчего у меня на внутреннее убранство не достало денег. — Этот же дурацкий резон мешал и прочему. — Ваши книги в порядке оберегаются, каждый день жду из Москвы шкафов 3 аршина вышины и полтора ширины, ореховые, в которых они установятся с помпой, с чем вы хотите? — с омарами? — В спальной будут стоять шкафы, все три стены на приступке, кроме одного угла, где поставлю диванчик

---

[1] *Курции! Деции! Св. Павлы!.. — Курций*, римский юноша в 362 г. до Р. Х. во имя Рима пожертвовал своей жизнью, бросившись в бездну, исполнив предсказание прорицателя. *Деций*, римский полководец в IV веке до Р. Х., пожертвовал своей жизнью ради победы римских войск. *Святой Павел* — один из основателей христианской церкви. Перечислением имен героев и подвижников А. П. Елагина определяет характер нравственного воспитания своих сыновей

уголком и перед ним столик с ящиками. Приступка обнесена будет решеткой. — Хорошо ли, владыка? — Угольная уже у меня отделана, спросите у Кавелина, я при них дала полтину Анете за то, что в ней повесила завесы. — Ваши две просто будут очень убраны, но вы будете довольны. Остальные, увы! — остальные напичканы! И мы как Давыдов находим: что в них набиты как селедки, кажись, бы хорошо — ан нет! — Но погодите, будет хорошо! — имею честь вам это обещать! — et c'est beaucoup!******** —

Прощайте однако, милый брат! Я заболталась! Христос с вами и мое сердечное благословение!

Наталия вам кланяется, она у меня, еще Вишняков кланяется, и он уже 2 недели у меня.

Лишь изредка струей сквозь темный свод древес *прокравшись дневное сиянье*[1] и прочие четыре строчки прелесть!

Воспоминание печальное с *неизменяющей мечтою*[2] — несравненно! C'est tout l'homme malheureux*********.

Небесные друзья, спутники денницы, c'est frais comme l'aurore du printemps********* и следующих восьми все слилось, чем здесь прелестна жизнь: вечность, которой она здесь украшена, и великость, которую здесь бережем для вечности. И нечувствительности с превратности мечтой, дружится здесь мечта бессмертия и славы! C'est tout le secret de la grande science du Malheur: la montagne du royaume de Cachemire**********.

Ива дряхлая, купающая главу и пр.: — tableau plus animé que celui de la nature, peut-être***********. Прелесть. — Последние облака, блиставшие зарей, с небес потухнув, улетели![3] — право, тут не достает слов восхищаться, любить эти облака как крылатую радость. *Лишь изредка в далекой мгле промчится невнятный глас*[4]. — Жуковский, откуда вы взяли всю душу в слове вписать,— это только возможно чувствовать, а выразить, казалось, бы, невозможно! — В этих стихах точно в душе ощущаешь весну, также тесно станет дышать; и от этих пор до конца все несравненно! — Si c'est une poésie descriptive, elle décrit ainsi savement les sentiments de l'âme, que le charme de la nature; c'est réellement magique************. — *Над юною главой горит звезда преображенья*[5]. Знаете ли, что я не хочу видеть Павловское, ваше должно быть лучше. Vivat Academia! — Я Плещееву послала список и подписала

---

[1] *Лишь изредка ⟨...⟩ дневное сиянье* — 15—16 стихи из «Славянки».

[2] *Воспоминание печальное с неизменяющей мечтою* — Вольное цитирование 25 и 28 стихов «Славянки». У Жуковского: «Воспоминанье здесь унылое живет / ⟨…⟩ / С неизменяющей Мечтою» (ПСС2. Т. 2. С. 21).

[3] *Последние облака, блиставшие зарей, с небес потухнув улетели!* — Там же, стихи 99—100 (ПСС2. Т. 2. С. 23).

[4] *Лишь изредка в далекой мгле промчится невнятный глас* — Там же, стихи 102—103 (ПСС2. Т. 2. С. 23).

[5] *Над юною главой горит звезда преображенья* — Там же, стихи 135—136 (ПСС2. Т. 2. С. 24).

Кутузов[1], но кажется, тут ошибиться нельзя: для гармонии Батюшков поставил бы имя, а для мыслей?

Перевод

* кстати (*франц.*).

**чистой благодарности без какой-либо заслуги с моей стороны (*франц.*).

***прощайте же, дорогой (*франц.*).

****позволите (*франц.*).

*****кстати, и очень кстати, наш Царь, он там же, где и вы? Дали ли вы ему счастие увидеть вас? Имели ли вы счастие его созерцать? Я с восхищением вас люблю и того и другого, с признательностию Создателю. Вы должны нравиться друг другу, понимать друг друга и знать друг друга обоюдно. Химера,— скажете вы? Кстати, еще раз кстати, и совсем кстати еще — ваше сердце не должно быть так сильно привязано и вы не будете (*франц.*).

******вновь я думаю с тоской об этом (*франц.*).

*******гувернер (*франц.*).

*********Анафема моим братьям!* Хотеть быть оком слепого, рукой паралитика, отцом сироты, сыном покинутого, другом страдающего и скорбящего! Мой друг, я хотела написать вам несколько слов, но меня отвлекли. Я хотела бы, во всяком случае, чтобы вы меня поняли. Мне грустно порой, когда вы меня видите в ложном свете. Часто я нахожу удовольствие в том, что я слыву у моих подруг за другое существо, которым я не являюсь в реальности, и намного хуже; но сейчас речь идет не обо мне, и ложные мысли о моем характере, могли бы навредить моим детям. Скажите мне, я вас прошу, что я есть в ваших глазах, мой характер и то, что может навредить другим и моим детям в моем характере. Одним словом, расскажите мне обо мне как о ком-нибудь другом: представьте себе, что я гувернантка, которую вам предлагают для младших Киреевских, и начните так:

Характер гувернантки Киреевских

и продолжите так:

Характер, который должна иметь гувернантка Киреевских

Вы можете закончить так:

Характер гувернера Киреевских

И тогда, может быть, будет большой глупостью с моей стороны, если я не скажу: *дайте нам этого гувернера*. Ибо,— спасибо Господу,— эгоизм, у меня его не будет никогда.

*********и это много (*франц.*).

**********всякий человек несчастен (*франц.*).

***********это свежо, как весенняя заря (*франц.*).

************и весь секрет великой науки несчастия: горы царства Кашмира (*франц.*).

*************более оживленная к.нка, чем, возможно, к.на природы (*франц.*).

**************Если это описательная поэзия, то она, таким образом, с умением описывает чувства души, так же как и очарование природы. Это действительно волшебно (*франц.*).

***************Vivat Academia! (лат.).

---

[1] *Я Плещееву послала список и подписала Кутузов…* — Розыгрыш Авдотьи Петровны, поставившей под текстом «Славянки», посланной к А. А. Плещееву, имя П. И. Голенищева-Кутузова (1767—1829), поэта, переводчика, члена Российской академии, убежденного сторонника А. С. Шишкова, противника Н. М. Карамзина.

Автограф РГБ. ф. 104, к. VII, № 17, л. 1—2 с об., 15—16 с об., 17—18 с об.; № 15, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 52—55.
Печатается по автографу.

55. А. П. Елагина В. А. Жуковскому.

27 n bre 27 ноября 1815 Dolbino [1]

Il fait ici plus froid que dans la cave, et au lieu de vous envoyer le plan que je vous promettais dans ma dernière lettre, et qui demande plusieurs explications et plus d'un commentaire, j'ai à peine la possibilité de lier quelques mots, mais ce peu de mots suffira pour aujourd'hui. Non Joukofsky, cette maison est inhabitable! Je ne puis songer à prendre un précepteur, pour lui gêler le nez, les oreilles et les idées. Vous concevez, j'espère, que c'est assez juste de ma part, et qu'en proposant l'ennui de la compagne, c'est être trop généreuse que d'offrir en même temps le froid glacial d'un hiver digne du climat de Laponie. Quand je dis Laponie! C'est qu'encore là on a le choix d'une caverne sous terre, d'une peau d'ours, d'un feu continuellement allumé, — ici les malheureuses murailles ⟨*1 нрзб.*⟩ et glacées; ces fenêtres gothiques dont on aperçoit les vîtres sous deux pousses de neige, et qui en voyant la lumière, laissent pourtant passer le vent de tous côtés; le plancher couvert d'un drap sombre et sur lequel on craint de poser les pieds comme sur un feu exposé à la gelée, et cette absolue nécessité de passer sa vie à trembler, et à grelotter — non, en vérité, ce n'est pas une campagne de toutes les Russes que *j'offrirai* en parlant de la mienne, et je serai de mauvaise foi si je dis qu'elle est auprès de Belef: il faut dire comme Tecoutief, qu'elle est au fond de la mer glacée. — Il s'en suit qu'au printemps je devrais absolument bâtir! — bâtir une aile, et qu'avant d'avoir une chambre logée, on ne peut raisonnablement loger un être pensant en Grec et en Latin. Badinage à part, parlons sérieusement de cet article, je vous dirai un abrégé, quelques choses de mes projets, si vous voulez avoir la bonté de m'entendre.

D'abord il faut vous avouer, (et en vous faisant cet aveu je vois d'ici que vous vous mettrez en colère et me taxerez de folie et de présomption) que, — que je n'ai jamais désiré prendre un *gouverneur* pour *élever* mes enfants — que ce moral dont vous me parlez m'est trop précieux pour que je me résolue jamais à le confier à un iconnu, que l'Evangile à la main, j'ai cru avoir assez de zèle, pour leur donner le désir de bien, l'amour de bien, et des principes sûrs que pour d'article de sciences je voulais prendre un *précepteur*, qui leur enseignerait tout ce fatras dont on y parlera dans le monde, qu'un second *précepteur* leur enseignerait les sciences, que le premier ignorerait, qu'un troisième *précepteur* leur apprendrait encore les arts nécessaires et ainsi de suite, quand même il faudrait en avoir plusieurs à la fois.

Après quelques années d'études, je voulais aller m'établir auprès d'une université allemande pour être à même de suivre *leur moral* dans tous les cours de leur éducation,

---

[1] Датируется как ответ письмо Жуковского от 26 ноября 1815 года, где говорится о необходимости приглашения гувернера для детей.

car dans tous les temps de la vie, l'amour d'une mère est toujours un frein pour les idées condamnables, un stimulant pour la gloire, plus noble que celui de l'émulation, une lumière plus claire que tous les flambeaux de la raison, — et une consolation si quelquefois elle est nécessaire. Ces trois dernières années ont influé d'une manière sensible sur les caractères de mes enfants, et sur le mien, d'abord nous ne pouvions vivre l'un sans les autres et je connaissais toutes leurs pensées; — après, les circonstances étrangères m'ont séparée de mes enfants, des mésententes, des mécomptes et pourquoi ne le dirai-je pas, puisque c'est ainsi que je l'ai senti? — Des malheurs m'éloignèrent d'eux; je les négligeai beaucoup les croyant trop jeunes pour pouvoir être gâtés, et trop bien nés, pour ne pas revenir bientôt à leurs plusieurs bonnes habitudes. Maintenant, vous le dirai-je? C'est plus pénible pour tous les trois, Marie exceptée, que je ne le croyais. C'est pénible, mais ce n'est pas impossible. Je me sens assez de zèle, assez de bonne volonté, et surtout assez d'amour pour désirer supplices à tous les gouverneurs du monde sur l'article du moral particulièrement. Nous commençons à reprendre notre première vie, mes enfants et moi, nous avons un seul guide: *le devoir, il faut,* et il n'y a plus à résister! Cela fait plaisir, mais cela n'est pas bien — et on renonce au plaisir, par devoir et plus d'une fois. Ivan m'a déjà prouvé qu'il trouvait du plaisir dans les sentiments intérieurs d'avoir fait son devoir. Qu'il en trouvait dans l'empire que son âme prenait sur sa volonté! Vous ai-je conté comment après avoir souffert toute la nuit d'un panaris, il a mieux aimé faire une règle difficile d'arithmétique, pour dompter le mal par la puissance de l'esprit, que se coucher et écouter un conte que je lui proposais. Je pourrai vous dire plusieurs autres traits, mais je veux vous montrer qu'il a *le désir* de faire bien plus constamment que tout autre, et beaucoup de fermeté! Pierre a de même une âme capable de tout ce qu'il y a de mieux, beaucoup de fermeté, de stoïcisme même, — mais trop vif, trop emporté dans ses sentiments, il est trop susceptible d'un attachement exclusif et passionné, pour n'être pas opiniâtre dans ses résolutions et, conséquemment, ses caprices. Mais voyez-vous même quel bonheur ce serait de remplir cette chère âme de l'amour, de la vertu, et combien alors tout serait facile pour lui! Mon cher ami, je ne peux pas être l'expérience du monde, mais je me suis trouvée trop mal du peu de plaisir que j'y ai trouvé pour ne pas renoncer avec délices au désir d'en payer les dangers: je n'y reviendrai *jamais*, je veux rompre les connaissances qui *ici* pourraient m'empêcher de veiller continuellement sur mes enfants, — et pourquoi ne croirai-je pas que si nous allons ensemble vers la beauté de la vie, je ne serai pas un compagnon aussi utile, que le docteur le plus savant de la plus renommée de toutes les Universités? Pourquoi ne croirai-je pas qu'en cherchant continuellement à les éloigner de tout mal, et à remplir leur coeurs d'amour, de bonté, de reconnaissance, Dieu ne bénira pas mes efforts? — Mon cher ami, je crois même à plus! Je pense qu'ils auront également plus de bonheur à soutenir leur mère dans sentier de la vertu, et à être menés par elle, que si chacun de nous allait son chemin à part. Une bonne action partagée entre nous quatre, une bonne pensée, une victoire reportée sur soi, un sacrifice qui a beaucoup coûté, tout cela aura des charmes par l'amitié mutuelle de chacun de nous, et qui n'aura jamais pour base que l'amour pur et saint de cette beauté céleste et éternelle, qui fait battre le coeur plus vivement encore que la sainte beauté

de la magique poésie; et entre nous soit dit, pour vous aussi, cher ami, cette déesse enchanteresse, n'est autre chose que la belle vertu, ornée et embellie des charmes de l'harmonie. Dépouillez cette sainte poésie de vos belles idées, laissez-lui seulement son Wolklang*.

(Конец этого письма утерян)

Перевод

*27 ноября. Долбино.

Здесь холоднее, чем в подвале, и вместо того, чтобы вам послать план, который я обещала вам в моем последнем письме и который требует некоторых объяснений и несколько комментариев, я могу с трудом соединить несколько слов, но на сегодня и этого будет для меня достаточно. Нет, Жуковский. Этот мой дом не пригоден для жилья! Я не могу думать, чтобы взять воспитателя, чтобы ему отморозить нос, уши и мысли! Вы скажете, я надеюсь, что это справедливо с моей стороны, и что, предлагая скуку деревни, это значит быть слишком щедрой, чем предложить в то же время ледяной холод зимы, достойный климата Лапландии. Когда я говорю Лапландия, то речь идет о подземной пещере, о шкуре медведя и вечно зажженном огне,— здесь несчастные стены и ледники, эти готические застекленные окна, стекла которых видны под двумя сугробами снега, которые, пропуская свет, в то же время пропускают ветер со всех сторон, пол покрыт темным ковром, на который боишься поставить ноги как на огонь, разожженный на морозе; и эта абсолютная необходимость проводить жизнь, дрожа от холода, нет, в действительности, не о всех деревнях России я говорю, а о моей. И я буду неискренней, если скажу, что она возле Белева: необходимо сказать, как говорит Текутев, что она находится на дне ледяного моря. Из этого следует, что я должна буду построить весной! — построить флигель, и прежде чем иметь жилую комнату, туда нельзя поместить человека, думающего и по-гречески, и по-латински. Отбросив шутки в сторону, давайте поговорим серьезно о том деле. Я вам скажу кратко кое-что о моих планах, если вы будете так добры меня выслушать.

Сначала надо признаться (и делая вам это признание, я отсюда вижу, как вы рассердитесь и обвините меня в безумстве и высокомерии), что я никогда не желала нанимать *гувернера для воспитания* своих детей; что та мораль, о которой вы мне говорите, мне слишком драгоценна, чтобы я решилась когда-либо доверить ее незнакомому. С Евангелием в руках, я думала, что у меня достаточно ума, чтобы дать им желание добра, любовь к добру и твердые принципы,— что касается наук, я хотела взять *воспитателя*, который преподавал бы им всякую всячину, о которой говорят на свете, чтобы другой преподавал бы им науки, которых первый не знал, чтобы третий воспитатель учил их необходимым искусствам и так далее, тогда надо будет иметь их несколько одновременно.

После нескольких лет учебы я хотела бы поехать поселиться при каком-нибудь германском университете, чтобы познакомиться с *их моралью* во всех курсах воспитания, так как на протяжении всей жизни любовь матери является всегда преградой для мыслей, достойных обсуждения, стимулом к славе более благородной, чем соперничество, светом более ярким, чем все светочи разума, и утешением, если эта любовь иногда необходима. Эти последние три года оказали сильное влияние на характер моих детей и на мой характер. Во-первых, мы не могли жить друг без друга, и я знала все их мысли, затем странные обстоятельства отделили меня от моих детей, от недоразумений, от просчетов, и почему бы мне не сказать, что именно так я это и почувствовала? Несчастья удалили меня от детей, я их часто не замечала, считая их слишком маленькими, чтобы быть испорченными, и рожденными в хороших условиях, чтобы вскоре не вернуться к их многим хорошим привычкам. Сказать вам это теперь? Это более тяжело для всех троих, исключая Машу, чем я это предполагала. Это тяжело,

но это не невозможно. Я чувствую в себе усердие, достаточно доброй воли и особенно достаточно любви, чтобы желать мучений всем гувернерам в мире, в частности, в том, что касается морали. Мы снова начинаем нашу жизнь сначала, я и мои дети, у нас будет один путеводитель: *долг*, *надо* и *больше не надо сопротивляться!* — Это *доставляет удовольствие*, но это нехорошо, и мы отказываемся от удовольствия ради долга — и не однажды Иван мне уже доказывал, что он находил удовольствие в душе, исполняя свой долг. Пусть бы он находил это во власти души над волей. — Я вам рассказывала, как пострадав всю ночь от панарицы, он предпочел выучить сложное арифметическое правило, чтобы заглушить боль могуществом ума, чем ложиться спать и слушать сказку, которую я ему предлагала. — Я могла бы вам рассказать еще о нескольких других чертах, но я хочу вам показать, что у него есть желание все делать чаще, чем кто-либо другой, и с большей твердостью. — У Петра такая же душа, способная ко всему лучшему, много твердости, даже стоицизма, но слишком живая душа, подверженная чувствам, он склонен к исключительной и страстной привязанности, чтобы не быть упрямым в своих решениях и, следовательно, в капризах. — Но, видите ли, каким счастьем было бы наполнить эту дорогую душу любовью к добродетели и как легко было бы тогда ему! Мой дорогой друг, я не могу отвечать за весь мир, но я нахожу слишком мало удовольствия, чтобы не отказаться с наслаждением от желания заплатить за опасности: я к этому *никогда* не вернусь, я хочу разорвать все знакомства, которые *здесь* могли бы помешать мне следить всегда за своими детьми, — и почему мне не поверить, что если мы вместе идем к красоте жизни, то я не стану таким же полезным спутником как самый ученый доктор, признанный во всех университетах? Почему мне не поверить, что стараясь удалить их от всего дурного и наполнять их сердца любовью, добротой, признательностью, Бог не наградит меня за мои усилия? — Мой дорогой друг, я верю даже в большее! Я думаю, что для них будет большим счастием поддержать свою мать на тропе добродетели и быть ведомыми ею, пусть даже каждый из них идет своим путем. Доброе дело, разделенное между нами четырьмя, добрая мысль, победа, одержанная над собой, жертва, за которую дорого заплатили, — все это приобретет очарование только через взаимную дружбу каждого из нас и будет всегда иметь своей основой только святую и чистую любовь, которая заставляет биться сердце еще сильнее, чем святая красота волшебной поэзии. Между нами говоря, для вас тоже, дорогой друг, эта пленительная богиня не что иное, как прекрасная добродетель, украшенная и приукрашенная очрованием гармонии. Очистите эту святую поэзию от ваших прекрасных мыслей, оставьте ей только (*франц.*) облачко (нем.) ⟨…⟩

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 19—20 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 56—57.
Печатается по автографу.

56. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

4 декабря. 1815[1]

Благодарствуйте и за последние стихи! если не все они стоят вас, то хвалить Царя, говорить о Царе, все прелестные минуты в жизни! Красота сюжета заме-

[1] Дата устанавливается на основании указания дня — 4 декабря (день рождения барона И. П. Черкасова) и цитирования недавно написанного Жуковским стихотворения «Песнь Русскому Царю от его воинов» («Гряди, наш Царь ⟨…⟩»), которое было создано между началом декабря и началом ноября 1815 года (ПСС2. Т. 2. С. 444).

няет красоту стихов, и сказавши: *Гряди Наш Царь*![1] Кажется, всякий сказал уж очень много: слово *Наш* Царь нельзя говорить без сердечного волнения! Так весело жить в Его славное время: в Его России и выращивать Ему граждан! — Когда с таким удовольствием любим Дециев, Курциев, Эпаминондов, Ахиллов[2], — с каким же радостным восхищением любишь этого *младого Агаммемнона*[3], который велик с таким смирением! — Однако ж стихи ваши многие хороши: *К его стопам мечи кровавы! / К его стопам и меч и щит! / Его главу* и пр.[4] — Прекрасно! — Младой наследник полвселенной, которой знамена Святой Свободы покорным даровал врагам — прекрасно! И точно для сердца! Как я думаю весело слышать Ему хвалу от *воинов*! И когда они поют: «*Наш вождь, Ура*!» — я думаю нельзя чужому не тронуться! — Скажите, возвратился ли он наконец? — Несколько бы лет жизни отдала, чтобы слышать, как воины перед ним вашими стихами дают ему обет славы! А в этот славный век, когда славит Царя Жуковский, год жизни право много! — Моей жизни особливо; мне часто, часто весело жить; а от вас, голубчик мой Гомер, больше нежели от кого-нибудь! — Послушайте, однако ж, не думайте, чтобы мне тогда весело было жить, когда вы по году молчите, и только в письмах, которые стыдно назвать письмами, обещаете, что когда-то писать будете и скажете *о себе* порядком сестрам своим! Это так пахнет Петербургом, что мне за вас всегда стыдно! Ежели бы я ваши письма показала Кавелину, то он так же бы покраснел за Вас, как я здесь за себя. Впрочем, это шутка, когда я говорю: *я* показала бы. Нет, мы этому греху не причастны! Нам давно-с показывать нечего! Que le ciel vous bénisse, cher, musard! De ma part autant que de la sienne car le ciel lui-même ne peut vous désirer plus de bénédictions que je ne vous en désire continuellement! Et des meilleures des plus heureuses! Je ne veux pas vous écrire aujourd'hui, *car je n'en ai pas le temps,* c'est aujourd'hui le 4 décembre, jour de fête chez le baron, je laisse chez moi ma soeur Annette, — des visites, — et je me depêche d'aller passer la journée auprès de notre excellente amie. Il y a un mois que je ne l'ai vue! Elle se porte mal toujours, un de ses pieds lui refuse absolument tout usage, et les chagrins domestiques qui ne diminuent pas, minent toujours de plus en plus sa faible constitution! — Hélène est toujours la même, bonne, sensible, fière avec les malheurs et consolant sa mère de tout par son amitié et sa belle âme. Notre amitié à nous est fortifiée par tout ce qui nous est arrivé respectivement; toute la tendresse d'une mère, toutes les sollicitudes, et toute la confiance d'une amie de

---

[1] *Гряди наш Царь* — первый стих «Песни Русскому Царю от его воинов» (1815) (ПСС. Т. 2. С. 25).

[2] *...с таким удовольствием любим Дециев, Курциев, Эпаминондов, Ахиллов... — Деций, Курций* — см. примеч. к письму 54; *Эпаминонд* — греческий полководец IV в. до Р. Х., прославившийся любовью к родине, умом, силой воли, соединением гения полководца с добрым именем честного человека; *Ахилл* — герой Троянской войны, царь Фессалии.

[3] *...любишь этого младого Агамемнона... — Агаммемнон*, с которым сравнивается император Александр,— царь Микенский, предводитель греков в Троянской войне.

[4] *К его стопам мечи кровавы! / К его стопам и щит и меч! / Его главу и пр.* — 7—9 стихи из «Песни Русскому Царю от его воинов». У Жуковского: «К его стопам и щит и меч» (ПСС2. Т. 2. С. 25).

mon âge, voilà les sentiments que cette incomparable personne me prouve chaque jour, et qui m'attachent à elle d'un amour reconnaissant pour la vie, et au-delà peut-être notre liaison avec sa fille ne serait pas si forte, si ce cher lieu n'était pas sanctifié par la présence continuelle de cette amie si chère, et c'est parce que nous sommes trois, qu'il y a tant de charmes dans cette amitié! Kleeblat noch ein mal!* — и что же может листок оторвать от корня, не засуша других? Эта мысль утешает меня и в другом бесценном союзе, от которого никакая сила земная и небесная меня не оторвет! Entendez-vous, Monsieur? Selbst im Tod!** — сих уз не разрушит могила! — Еще словечко о нашем Пьере. — Он уже офицер, учиться будет еще год у Муравьева. Теперь первый ученик и утешает мать свою правилами и поведением, достойными его. Ко мне пишет прелестные письма, я вам покажу! — Когда же я вам покажу? Батюшки! батюшки! — хотелось бы до этого дожить![1]

И я вас очень много люблю, добрый Жуковской.

Перевод

* Пусть небо благословит вас, дорогой зевака! Как я вас благословляю со своей стороны, потому что само небо не сможет пожелать вам большего благословения, чем я вам желаю их постоянно! И еще лучших! Я не хочу писать вам сегодня, так как *у меня нет времени*, ведь сегодня 4 декабря, именины у Барона, я оставляю у себя дома мою сестру Анету, гостей, и я тороплюсь провести день возле нашей прекрасной подруги. Уже месяц, как я ее не видела! Она все еще плохо себя чувствует, одна нога у нее совершенно отказывает, и домашние заботы, которые не кончаются, подтачивают все больше и больше ее хрупкое тело! Hélène всё такая же, добрая, чувствительная, гордая в своем несчастии и утешающая свою мать во всем своей дружбой и своей прекрасной душой. Наша собственная дружба многократно взаимно усилена тем, что с нами произошло, вся нежность матери, все страдания одиночества, все доверие подруги моих лет — вот чувства, которые мне внушает каждый день эта несравненная личность, и которые привязывают меня к ней признательной любовью на всю жизнь; кроме того, наша связь с ее дочерью, может быть, не была бы такой сильной, если бы это место не было бы освящено

[1] Далее следует приписка:

«Et moi, mon frère, je ne veux pas vous écrire non pas que je n'en ai pas le temps, mais je manque un peu de la volonté. J'ai mal à la tête. J'ai mal à l'estomac, comment voudrez-vous qu'on écrive avec les maux réunis? Très certainement l'âme est au depuis de tout, mais encore faut-il l'usage des mains pour commencer, continuer et achever une lettre et les miennes sont glacées! Les pieds aussi, quoique je n'ai aucun besoin de leurs secours pour vous écrire, ni pour sentir la beauté de vos vers. L'hiver est très rigoureux, mon cher, et ce froid glacerait jusqu'au coeur s'il n'était allumé de tous les feux de l'amitié pour vous et de l'admiration pour les héros que vous chantez. Il y a aussi d'autres feux dui brûlent sans consumer et tout cela réchauffe la vie. Adieu. А. Ю.

А я, мой дорогой брат, не хочу вам писать не потому, что у меня нет времени, но мне не хватает немного воли. У меня болит голова, у меня болит желудок, как вы хотите, чтобы я вам написала, имея такой букет болезней? Конечно, душа — прежде всего, но нужны руки, чтобы начать, продолжить и закончить письмо, а мои — ледяные! Ноги тоже, хотя мне не нужна их помощь, чтобы вам написать или почувствовать красоту ваших стихов. Зима такая суровая, мой дорогой, и этот холод проморозил бы до сердца, если бы не были зажжены все огни дружбы для вас и чистое восхищение героями, которых вы воспеваете. Есть и другие огни, которые греют, не истощая, и все это согревает жизнь. Прощайте А. Ю.».

бесконечным присутствием такой дорогой подруги, и так как нас трое, есть столько очарования в этой дружбе! (*франц.*). Еще раз святой трилистник! (нем.).

** Вы слышите, мсье? (*франц.*). Даже в смерти (нем.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л. 21—22 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 58—59.
Печатается по автографу.

57. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17 Декабря 1815 г.[2]

Странная вещь, отчего пишу я к вам редко — сам не умею изъяснить себе этого феномена! Не оттого ли, что есть на свете *почтовые дни*, в которые надобно писать непременно! В непочтовые дни не пишется оттого, что они непочтовые, а в почтовые иногда нельзя, иногда и не пишется! Целая кипа передо мною писем, и каких писем! Милых, дающих много утешения и заставляющих смотреть на будущее с веселым предчувствием! Как бы желал я, чтобы могло *само* писаться, завертываться в пакет, печататься и уходить в почтамт все то, что думаешь и чувствуешь в ту минуту, когда получаешь такие письма! Но то-то и беда, что прочитаешь и отложишь ответ до печатного дня, а там, лишь только к столу, вдруг три или четыре надоедалы в двери — что с этим делать! О Петербург, проклятый Петербург, с своими мелкими, убийственными рассеяниями! Здесь, право, нельзя иметь души! Здешняя жизнь давит меня и душит! Рад все бросить и убежать к вам, чтобы приняться за доброе настоящее, которого здесь у меня нет и быть не может! Если бы себя разбирать и вспоминать все то, что здесь со мною было, то я уверен, что я не найду ни одного чувства, ни одной мысли, которые бы оставили какой-нибудь след в моем сердце. Нет никакого занятия! Сухое настоящее лишает

---

[2] Дата устанавливается на основании содержания: «Настроение этого, как и предыдущего письма объясняется неопределенностью положения Жуковского, недовольного петербургской атмосферой и не желавшего упрочивать свое будущее службой, а главное тем, что на эти месяцы падает самый тяжелый период его любви. В ноябре М. А. Протасова сообщила ему о своем решении идти за Мойера; Жуковский представил себе, что она идет против желания, приносит себя в жертву для защиты семьи от Воейкова (что отчасти было и правдой; Жуковскому заочно, только по письмам трудно было сразу понять сознательность и глубокую убежденность этого шага, облегченного для Марьи Андреевны доверием и уважением к Мойеру и его сильным и чистым к ней чувством). Весь ноябрь и декабрь прошли в наряженной переписке, где горело страстное чувство Жуковского и перегорало в чистую, братскую привязанность. ⟨…⟩ В данном декабрьском письме есть намек на роль Авдотьи Петровны в этом деле. Горячо любившая и Жуковского, и Марью Андреевну, близкий поверенный всех их чувств, Авдотья Петровна огорчалась неудачей их любви, и ей больно было отказаться от всех надежд; ее письма в Дерпт тревожили и огорчали, попадая не в тон уже изменившимся обстоятельствам, и усиливали тяжесть на душе Марьи Андреевны, которой и без того нелегко было принять ее героическое решение» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 25).

Конец письма утрачен.

способности чего-нибудь надеяться в будущем! А неприятное, не оживленное никакой привязанностью рассеяние самым тяжелым образом отвлекает от всякого воспоминания — оно не лечит, а только дает прием усыпительного опиума, производящего тяжелый сон, нарушаемый неясными и неприятными сновидениями. Если бы не издание моих стихов, которое требует моего присутствия, я все бы кинул и полетел бы к вам за жизнью.

Обвитый розами скелет![1]

Это можно сказать не об одной славе, но и о жизни, то есть о том, что называют жизнью в обыкновенном смысле, об этом беспрестанном движении, об этих разговорах без интереса, об этих свиданиях без радости и разлуках без сожаления, об этом хаосе света — скелет! Скелет! И посмотреть на него вблизи убийственно даже для самого уединения! Большая часть этих мечтаний должна погибнуть! То, что делает иногда прелесть уединения, эта *даль*, населенная прекрасными творениями, исчезает — но тем лучше! Все сблизишь вкруг себя, окружишь себя одним только своим, независимым ни от чего, и если останешься с *малым*, то по крайней мере с *верным*.

Так, друзья, это теперь если не мое *положение*, то по крайней мере моя философия, моя надежда. Здесь у меня нет *настоящего*, но возвратясь к вам, я буду иметь его. Настоящая минута — вот жизнь. Я говорю здесь не так, как Гораций, который велит ловить летящий миг и посвящать его наслаждению, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставит[2]. Нет! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: делу, мысли, чувству. Но чтобы беспокойное стремление к будущему, беспокойная надежда на будущее не тащила из этого тесного круга! Пусть будет нам товарищем только такое будущее, которое верно, то есть *нездешнее*, мыслить об нем как о добром друге, с которым увидишься непременно, но когда и где, неизвестно. — Все это хорошие мысли — но только они для меня точно перелетные птицы, которые и гнезда согреть не успевают. Жду лучшего климата; тогда, надеюсь, они не улетят. Я теперь странствую по пустыне, в надежде на обетованную землю — но пламенный столб редко светит, и манна с неба не падает. Во мне беспрестанный отлив и прилив хорошего, с тою только разницей, что отлив продолжается долго, а прилив на минуту. Я замечаю в себе ужасную охладелость. Одно только ободряет меня: я приписываю ее не внутренней порче души, а всему наружному, что окружает меня: соединяясь со всем тем, что было прежде,

---

[1] *Обвитый розами скелет* — 96 стих из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814) (ПСС2. Т. 1. С. 348).

[2] *Я говорю здесь не так, как Гораций* 〈…〉 *жизнь скоротечна и за собой ничего не оставит* — Флакк Квинт *Гораций* (65—68 лет до н. э.), римский поэт. Развиваемая мысль получила поэтическое выражение в свободном переводе 3-й оды из 2-й книги Жуковского «К Делию» (1806): «Играй — пока нить дней твоих / У черной парки под перстами 〈…〉» (ПСС2. Т. 1. С. 143); в послании «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» (1814): «О смертный! жизнь стрелою мчится! / Лови, лови летящий час! / Он, улетев, не возвратится» (ПСС2. Т. 2. С. 362).

это морозное, окружающее меня настоящее, приводит меня в совершенную бесчувственность; не будь его, надеюсь, что многое из старого возвратится — я говорю *многое*; всего не хочу. В некоторые минуты однако дух Божий налетает на меня и как будто почувствуешь себя ближе к вершине горы, но только что отворишь рот, чтобы закричать: вот Кашемир! — и все опять становится темно по-старому. По крайне мере, я редко позволяю себя грешить мыслями! Если чувство молчит, то по крайней мере мысль, холодным языком своим, повторяет по складам то, что иногда прекрасное чувство представляет в блестящей, очарованной картине. Иначе оно и быть не должно. И прекрасные чувства, как фонари. И между ими должны быть *промежутки*. Пускай же эти промежутки наполняет рассудок. Вот вам между прочим один яркий фонарь. Карамзин потерял дочь и вот что пишет он к Тургеневу, очень скоро после этого несчастия. Здесь говорит твердый ум, но ум доброго отца, оплакивающего дочь. «*Жить* есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать, действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов. Чем долее живем, *тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство ее*: страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юм в минуту невольного живого чувства написал: douce paix de l’âme résignée aux ordres de la Providence! * Мало разницы между *мелочными* и так называемыми важными *занятиями*: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте это и как можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайтесь у совести»[1]. — Эти строки возвышают душу и дают ей большую твердость и ясность. Карамзин в минуту горести и самой тяжелой, в минуту сокрушения о дочери, говорит, что он понимает жизнь. Всякий учитель несчастие! Не страсти, а несчастия разрабатывают душу! Внутреннее побуждение и чувство — вот тайна жизни! тайна, известная только двум: действующей душе и свидетелю ее, Богу! Вот общество, в котором жить должно! Здесь нет ни разлуки, ни измены, и как мало нужно постороннего, чтобы прибавить к услаждениям такого общества! Но как же трудно быть в нем беспрестанно! Уединение, милый круг, постоянный труд — вот самые верные хранители этого общества! Я согласен: быть в нем посреди рассеяний света, сохранить свежую душу в этой убийственной атмосфере — увеличит наше достоинство! но на свой счет себя не должно обманывать! У кого есть силы, то давай себе волю и пробивайся сквозь

[1] *Карамзин потерял дочь и вот что пишет он к Тургеневу* 〈…〉 *спрашивайтесь у совести* — Жуковский цитирует отрывок из письма Н. М. Карамзина от 17 ноября 1815 года (Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Ч. II. С. 131—132). Летом 1816 года Жуковский в письме А. И. Тургеневу из Дерпта возвратится к этому рассуждению Карамзина, подчеркнув значимость для себя его жизненной философии: «Мне здесь хлопотать будет довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то есть Карамзина, думать только о том, чтобы ее совершенствовать, оставляя все прочее на волю Провидения: ибо все прочее принадлежит Ему так же неограниченно, как наша воля, способная совершенствоваться, принадлежит нам» (ПЖТ. С. 156).

трудные препятствия: трудности только прибавят к силе! Кто же не имеет сил, кто знает на опыте, что не имеет, тот убегай такой борьбы, в которой можешь остаться побежденным и потерять последнее! К той же цели, но *другой* дорогой! Я знаю, что мне рассеянная жизнь — убийство; чтобы не потерять всего, надобно мне уединение и труд (уединение, не одиночество), там уже ничто не вырвет из *святого общества*! Удастся ли иметь это, не знаю! Но вот все, что мне надобно. И это *все* там у вас! Молите Бога, чтобы я поскорее к вам вырвался. — Между тем вы прельщаете меня прекрасными описаниями ваших *обетованных земель.* — Милая Катошка с своим пузом! Напрасно она думает, что я редко помню об ней! Правда, она говорит: *после мужа моего я никого столько не люблю и не почитаю как его*, то есть меня. Это на ее лаконическом языке, совсем незнакомом с риторическими фигурами, стоит целой диссертации о дружбе, и я верю ей с благодарностью! Подавайте мне на руки ее милого ребенка! Встретим вместе это милое творение на Божьем свете и поживем вместе, рука в руку — тихое, ясное, *незатейливое настоящее,* украшенное не мечтами, а добрыми мыслями и, если можно, добрыми делами (notez**, что всякое хорошее сочинение, в котором есть возвышающая сердце мысль, я причисляю к добрым делам — иначе что мне делать в вашем кругу?) будет наше! Погодите, друзья, приеду к вам и мы непременно устроим, как можно лучше, жизнь свою!

В ответ вам, милая Авдотья, на ваш запрос[1] о том, как получить дворянство, скажу следующее: Азбукин, как владимирский кавалер, есть уже дворянин, ему нужно только представить в герольдию свой рескрипт на крест и получить диплом и геРБ, Я об этом справлялся, а не отвечал так долго на этот пункт потому только, что сам не получал ответа. Прилагаю форму той просьбы, которую должно подать в герольдию. При этой просьбе надобно приложить 150 р. на учрежденные издержки. Сверх того диплом, парча, которой он украшается, печать и еще какой-то серебряный ковчег будут стоить около 800 рублей. Прикажите этому господину лентяю расчесться и, если иметь деньги в готовности, присылать их сюда по просьбе. Все тотчас будет сделано. Выдумайте сами герб, если хотите, он будет нарисован по вашей мысли и утвержден. Думаю, что при просьбе должно представить, если нет рескрипта, аттестат и послужной список в оригинале: у себя же оставить на всякий случай копию, засвидетельствованную присутственным местом. Если хотите за это приняться, то не откладывайте, чтобы все сделать, пока я в Петербурге. Впрочем, все можно будет поручить Кавелину, он аккуратнее меня. — Вам, милая Анета, доложу, что я получил деньги за подписку и благодарю вас за милые обо мне хлопоты. Нельзя мне похвастать, чтобы подписка была хороша; если и все 600 экземпляров разойдутся, то мне за всеми расходами едва ли останется 5000 рублей. — Между тем, я здесь живу и вперед трачу неполученные деньги. Но об этом заботиться нечего. Только бы переселиться к вам — начну работать и откладывать. Расходы же мои будут незатейливые. Несколько лет

[1] *В ответ вам, милая Авдотья, на ваш запрос...* — Речь идет о возможности получить дворянство для В. А. Азбукина.

уединенной, порядочной, занятой жизни приведут все в устройство. Теперь, кажется, нельзя думать, чтобы в образе жизни моей могла произойти какая-нибудь перемена. Работа и святое одно и тоже — это кажется легко, из этих границ ни шагу. Экземпляры, думаю, лучше всего доставить на ваше имя. Не знаю, однако, примет ли почтамт, увидим. — Об Сергееве я справлялся[1], мне сказали, что никак невозможно ему перешагнуть через чин. Если бы я имел возможность, разумеется, что я постарался бы это сделать, но этой возможности у меня нет. Если не вы, то по крайней мере в Белеве думают, что я здесь что-нибудь значу! Мой круг знакомства весьма ограниченный; а с могущими людьми я совсем не имею связей. — Вы пишете о деле Карла Яковлевича[2]; то, чего он желал, исполнено: конкурс переведен в Белев. Теперь уже совсем другое дело. Надобно, чтобы пенька, принадлежавшая умершему, выдана была поверенным от конкурса. Я посылаю за тем человеком, который здесь ходит по их делам: он сказывал, что вся остановка только оттого, что еще не получена от опекунов малолетних просьба о выдаче задерживаемой пеньки; как скоро получится просьба, и что по этой просьбе сделано будет, он обещал меня уведомить. A présent, revenons à vous, mon cher et très cher mouton, Eudoxie***. — Я пожурил вас немного на счет ваших писем в Дерпт, и вы признались в вине своей и дали обет воздерживать себя от таких писем! Этот обет надобно исполнить непременно! надобно помнить расстояние. Не давайте над собою воле минутам и не воображайте, что можно переменять характеры письмами. Маше вы верите, а от других можно ли надеяться искренности! Не давайте воли даже своей живости — вы знаете, что все живое там причтено к романам! Между тем, нельзя опять с вами не побраниться! Сперва надобно вам расскаазать, что здесь в Петербурге был Воейков по собственным делам своим, а еще более потому, что он хотел объясниться с Кавелиным и со мною. По многим отношениям этот приезд благодетелен. Я обо многом говорил с ним искренно и *он во многом признался, во многом себя обвинил*: он поехал отсюда, давши святое обещание переменить свой образ обхождения и стоить своею жизнию друзей своих! Чтобы он мог это исполнить, надобно непременно все старое забыть и иметь к нему доверенность на счет будущего! Эта доверенность даст силы для хорошего; и ему *все* тем легче будет исполнить, что меня с ними никогда не будет вместе: это было до сих пор главной причиной всех подозрений и раздоров. И так требую от вас такого же забвения прошедшему и такой же доверенности на счет будущего: эта

[1] *Об Сергееве я справлялся*... — Личность Сергеева установить не удалось.

[2] *Вы пишете о деле Карла Яковлевича*... — Суть дела Карла Яковлевича Дезе, белевского знакомого Жуковского и А. П. Елагиной, касалась вопроса о проведении «петербургского конкурса». Заинтересованность Жуковского нашла отражение в его письмах к Дезе (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 78, л. 1—9). Жуковский обратился за помощью к А. И. Тургеневу и Н. И. Огареву. Письма к К. Я. Дезе (за 1815—1817 гг.) свидетельствуют о том, что он был доверенным лицом между А. П. Елагиной и В. А. Жуковским. Так, 9 июля 1817 г. он просит К. Я. Дезе: «Опять прошу вас, почтеннейший Карл Яковлевич, взять на себя труд и переслать приложенное письмо к Авдотье Петровне Киреевской. Я не знаю наверное, где она, в Долбине или Козельске, и для того для большей верности адресую письмо на ваше имя» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 78, л. 8 об.).

помощь необходима Воейкову! чтобы заслужить уважение, надобно на него надеяться. Противное только будет раздражать и все портить. А побраниться с вами или лучше объясниться хочу о следующем: Воейков сказывал мне, что вы предлагали ему 3000 за того человека, которого они отпустили или от себя прогнали.

Перевод

* мирный покой души, смирившейся с Провидением (*франц.*).
** запишите (*франц.*).
*** А сейчас вернемся к вам, мой дорогой и очень дорогой баран, Евдокия! (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 20—25.
Печатается по первой публикации.

58. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Зима 1815[1]

Ещё я обещала сказать вам, что Минин исправник не заплатил! — Если бы эту чудную карикатуру передать Плещееву, он бы с ним не расстался, нас же заставляет он зевать без милости, и вызеваем при нем не только ум, но, кажется, и душу. — Я поручила ему один лист вашей прокламации, и он обещал по своему исправничеству исправно развозить, и прибавляет с улыбкой довольный собой, которую вы знаете:

Идиллии и эклоги
Сбились с пути с дороги.
Эпиталамы и программы
Потеряли свои дифиграммы.

Я сказала, что пошлю эти стихи вам; он велел поставить в заглавии, чтобы вы не подумали, что это насмешка над авторами, *Бог меня любит, не смейся.*

Хочется еще другие вам сказать, которые он сочинил в отчаянии, что сестра Анета пошла в баню и не приняла его, и которые называются так:

[1] Дата устанавливается на основании приписки, сделанной Екатериной Петровной Азбукиной (Като), которая еще не родила: «Милый друг Жуковский, чрезвычайно бы хотелось, чтобы вы приехали к нам в самом начале генваря окрестить нашего маленького Сашку и взглянуть на наше житье. Вы бы меня не узнали, я растолстела без милости. Ежели вас и не будет с нами, вы все будете крестным отцом ребенка vous le permettez est-ce? (Вы это позволите? — *франц.*). Вы верно не сердитесь на меня за наше долгое молчание и верно не сомневаетесь, что мы любим вас все так же всем сердцем. У нас маленький, чистенький домик, Eudoxie вам это сказала, но не прибавила, что этот домик милости ее, она нам отдала свой старый петрищевский, который мы перетащили сюда, переделали и теперь в нем поживаем так хорошо, что и не желали бы лучше жить никогда. Я надеюсь, что вы увидите и домик наш и нашего малютку».

Ma consolation après le bain et mon espérance
Merveilleux Serge!
Etait fouetté par les vierges!
Dirait-on par qui?
par sainte Vierge
Je les embrasse
Et vous trace
l'âme muet*

Перевод

* Мое утешение после бани и моя надежда
Великолепный Серж!
Был отхлестан девами.
Какими спросят?
Не Святой Девой.
Я их целую
И вам рисую
Бессловесный (*франц.*).

Автограф: РГБ ф. 104, к. V, ед. хр. 52, л. 1—2 с оборотами.
Печатается по автографу.

59. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 или 30 декабря 1815 — 1 янв. 1816[1]

Сегодня у меня все сестры[2]. Катоша собирается родить, мы ждем не дождемся, желаем и боимся все вместе! Она обещала мне здесь в Долбине дождаться

[1] Коллективное письмо, в котором приняли участие Азбукин Вас. Андр., Азбукина Ек. Пет., Азбукина Нат. Андр, Елагина Авд., Елагин А. А., Анна Петровна, Киреевский Ив. Вас., Фор. Дата письма устанавливается по записи Н. А. Азбукиной: «Здравствуйте, маточка! милый ленивец! через два дня новый год начнется, вспомните, пожалуйста, обо мне в этот день, в который мы все хором желаем лучшему нашему другу лучшего счастия, какое только есть на свете».

[2] *Сегодня у меня все сестры* — Перед этим текстом идет запись Анны Петровны: «⟨…⟩ mais, что делать с глупым сердцем! — Его щелкают, мучают, раздирают всеми возможными манерами, а оно все любит да любит! — Но полно об этом бестолковом сердце,— неравно станет грустно, а сегодня не должно! — иногда мне до смерти хочется сказать вам что-нибудь, возьмешь бумагу и только и скажешь, что милый Жуковский, да голубчик Жуковский — и нанижешь рядом столько ласковых слов, что пока их пишешь, будто и легко; а потом перечтешь, и расплачешься; — что прибыли любить, они не только молчат, но и дела нет, что от молчания этого тяжело,— потом разорвешь письмо,— *да и все на месте!*»

нашего малютки, нового товарища — и мне это весело очень. Право, голубчик, весело любить и благодарить Бога за то, что любишь; за сим Бог с вами![1]

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VI, № 53, л. 1—1 об.—2—2 об.
Печатается по автографу.

60. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

30-го декабря 1815. СПб.

Начну письмо свое хорошим: *поздравляю вас с новым годом!* Может быть, как и надеюсь, вы встретите его весело и будете в этот день помнить обо мне и желать мне счастия! Я сказал бы, *чего мне пожелать*; но вы с этим не согласитесь; а другого ничего желать не осталось! Пожелать самого спокойного, веселого, решительного, безопасного — чего же? Назовите сами! Мой новый год не несет мне *ничего* и хорошо, когда бы только ничего, но он несет с собою такое будущее, которое мне противно,— я рад бы ему сказать: остановись и пройди мимо меня! Но это понапрасну! Чтобы дать вам настоящее понятие об этом новом годе, посылаю вам целую кипу писем — они объяснят вам все, что со мною делается. Я получил (1 №) 26 ноября и вслед за этим письмом приехал Воейков. Я отвечал на это письмо сперва Маше — прилагаю здесь этот ответ (№ 2); потом подумал, что все говоренное на счет Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩ должно сказать ей самой и написал вместо одного письма два — одно к Маше, в котором все то сказал, что ей от меня прилично слышать, не упоминая о Е⟨катерине⟩ Аф⟨анасьевне⟩, и в письме к Е⟨катерине⟩ А⟨фанасьевне⟩ повторил то же, что было в первом моем ответе Маше, и еще много прибавил; в промежутке получил от Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩ еще письмо (№ 3), на которое также отвечал и повторил то же самое, что сказано было в первом ответе,— на эти два письма получил от нее коротенький ответ (№ 4). Вы увидите, каков тон ее, из самого письма. И на это я отвечал ей и ответ свой списал для себя (№ 5). Наконец, получил письмо от Маши, которое для вас списываю (№ 6). Это последнее письмо привело меня в ужасное положение, в ужасную нерешимость. Я отвечал на него; ответ свой переписываю для вас (№ 7). Между тем получил письмо из Дерпта от одного общего нашего приятеля Петерсена[2] (№ 9) и в этом письме стоит: «Mir hättest du dein Innerstes aufschliessen können. Heilig wäre mir dein Geheimniss gewesen und mir die Kentniss desselben für dich, für euch nützlich. Ich wirke und handle auch jetzt. Sie soll Ruhe haben. Moyer geht nach Reval. Alles solet sich geben*. В это же время получил и еще

---

[1] *...за сим Бог с вами!* — за этой фразой каллиграфическим почерком сделал запись Ваня Киреевский: «Милый Жуковский, поздравляю тебя с новым годом, люби своих друзей; мы все вместе молимся, чтоб ты был счастлив. Твой Ванюша. Петруша и Маша тебя целуют».

[2] …получил письмо из Дерпта от одного общего нашего приятеля Петерсена… — Георг Густав Петерсен (Евстафий Федорович, 1782—1839), рижский прокурор, лифляндский губернатор.

письмо (от Воейкова), в котором он, поздравляя меня с новым годом, восхищается тем спокойствием, которое установилось после многих бурь и волнений, уверяет, что все теперь счастливы и что все зависит от его поведения! Объяснений на все это писать нечего — *все* увидите из самых приложенных писем. Ради Бога, судите меня беспристрастно! Сказал ли я в своем ответе Е⟨катерине⟩ А⟨фанасьевне⟩ что-нибудь такое, в чем заметен эгоизм и несправедливость. После всего, что было, зная настоящее расположение Маши, мог ли я не подумать, что ее *принуждают*! а подумав это, мог ли выражаться иначе? И чего я требовал? Того, что согласно с общим спокойствием, чего должно бы было *требовать сердце матери*! Машино последнее письмо привело меня в совершенное недоумение, — оно писано ею: в нем чувствительно, что ее состояние ей в тягость, что для нее необходимо выйти из этого состояния! Что могло у них случиться, не знаю; но видно, что с одной стороны употребляют тяжелые убеждения *слез и жалоб*, а с другой притесняют ее с *грубостью и бесчеловечием*! Это письмо, вместо того, чтобы оправдать Е⟨катерину⟩ Афан⟨асьевну⟩, есть самое ужасное и разительное ее обвинение! Маша требует от меня *спокойствия, спасения жизни*, и в чем же это состоит? в том, чтобы уйти из семьи своей и найти себе покровителя! Но от кого же она в семье своей зависит, как не от матери? и Е⟨катерина⟩ А⟨фанасьевна⟩ читала ей письмо! и заблуждение ее так велико, что она это письмо считает своим оправданием! Я не послал им своего ответа (№ 7)! Я решился увидеться с Машей и требовал, чтобы мне она позволила приехать к себе с тем, чтобы я мог говорить с нею одною: перепискою нельзя объяснить ничего; она должна сама со мною объясниться! Если из слов ее увижу то, что мне наиболее хочется, что ее сердце может быть согласно с тем, чего от нее требуют эти притеснители, то как не согласиться на то, чтобы она от них избавилась и с благородным, достойным ее человеком нашла спокойствие, свободу, уважение, жизнь семейную! Все это дать было бы счастием. Первое чувство мое при прочтении письма от Петерсена был *страх*. Я не замужеству ее противился, а противился поспешности. Если Мойер узнает обо всем, то он, как благородный человек, сочтет за должность все кончить и удалиться — и Маша останется во власти Воейкова без всякой защиты, принужденная беспрестанно слышать укоризны и жалобы. Все могло бы идти у них прекрасно — но кто их переменит? Избавить ее от этого аду есть должность! Если сердце ее этому не противится, если в самом деле правда то, что она в последнем письме пишет на счет своей привязанности к Мойеру, то как не помочь ей все устроить так, как ей нужно. Я написал было ответ к Петерсену (№ 10). Но раздумал его посылать. То же самое можно сказать ему при свидании; наперед надобно узнать, *что* ему сказано, *кто* сказал, *что* он сделал, и более всего надобно узнать, *что* чувствует сама Маша. Если мне дадут говорить с нею свободно, то я легко открою настоящее ее расположение и поступлю так, как ей надобно. Если же этой свободы не дадут, то мне ничего не останется делать; по крайне мере, это будет новым доказательством, что она писала ко мне и на все решилась *по принуждению*. Ничего так не желаю, как найти в ней то чувство ко мне, какого теперь

желать надобно и которого я никак еще предполагать не мог! Но я судил по себе и по прошедшему! Обстоятельства ее могли и должны были переменить ее! Если это так, то счастие семейное для нее возможно, и главное сделано будет: то есть она избавлена будет от поспешности. Мойер, предупрежденный для своего и ее счастия, станет медлить и поступит как благородный человек. Время все согласит и устроит! Она будет иметь свою семью, будет иметь тихое свободное счастие, достойное прекрасного ее сердца! Настоящее ее положение ужасно. Если выйти из него посредством замужества с Мойером, не будет ли это новым несчастием и еще большим, то как на это не решиться.

Пишу обо всем этом к вам для того, чтобы все объяснить для самого себя и иметь вас свидетелями *своих* поступков. Судите меня — поступаю ли здесь для каких-нибудь собственных выгод? Мне от них не надобно ничего. И от самой Маши требую только одного: *ее счастия*, не примешивая к нему ничего собственного. Чтобы все объяснить более, *повторяю, здесь все в порядке, для вас и для себя*. Судя по всему прошедшему, я считаю, что возможное счастливое положение для Маши состояло в том, чтобы (по крайней мере теперь) остаться спокойною, свободною и утешенною в семье своей. Это могли и должны были ей дать. Средства на это самые легкие; в исполнении этого не только общая должность, но и общее их счастие. Е⟨катерина⟩ Аф⟨анасьевна⟩ властитель в своем семействе; все от нее зависят и сам Воейков, несмотря на его грубости. (Как может Воейков делать при ней несчастие Маши! Этого я не могу понять! И если это возможно — то кого обвинять!) Об этом спокойствии Маши я просил ее! Но скажите, нужно ли об этом просить мать! По первому письму Маши я должен был и не мог не ужаснуться того предложения, которое мне делали. Помня прошедшее, я не мог поверить, чтобы замужество и с самым достойным человеком, каков Мойер, было для нее счастием *теперь*, но я не противился ее замужеству, а просил только, чтобы они отложили! Не согласно ли такое условие с ее же счастием? То, что говорил мне Воейков, еще более убедило меня, что ее *принуждают*; что еще долее заставило меня настоять в моих требованиях. Но другое письмо Маши привело меня в недоумение: из него, если ей верить, вижу, что она желает сама этого замужества; но это же письмо убеждает меня и в том, что она решается на него по какому-то непонятному для нее принуждению! Как тут на что-нибудь решиться заочно? Мне невозможно желать, чтобы она шла *замуж* — я не могу представить себе, чтобы она теперь согласна была с этим в сердце, но как же возможно желать, чтобы она *осталась в своей семье* — какая ее судьба? Притеснения от Воейкова — и никакой от них защиты! Она требует от меня письма к Воейкову, но как решиться написать такое письмо? Между тем, к чему оно и послужит *теперь*? Мойер уже предупрежден — как и кем уведомлен обо всем Петерсен, я не знаю; но, вероятно, он уже все сказал Мойеру! И так Мойер, вероятно, удалится! Но можно ли желать удалить его? Неужели Маше оставаться в семье своей? Она нашла было человека, которому может поверить свою судьбу, и этот человек ее оставит! Если я и напишу к Воейкову, то все уж

это будет поздно! Он перестанет противиться; но Мойер сам уже ничего искать не станет! Воейков во всем не соблюдает умеренности; я просил его, чтобы Машу не принуждали, чтобы он своими поступками не доводил их до такой крайности; а он требует, чтобы она никогда не выходила замуж. Итак, чтобы все это поправить, надобно самому быть там, надобно видеть настоящее расположение Машина сердца. Надобно, чтобы мне дали свободу с нею говорить! Из этого свободного разговора я узнаю, что решило ее так скоро, точно ли она надеется на свое счастие, точно ли она спокойна в сердце, точно ли ее не принуждают и точно ли для нее необходимо выйти из того положения, в каком она теперь! Если замечу, что она действует не произвольно, то мне не останется ничего делать! Мойер уже предупрежден, и *не мною*, и все само собою устроится; а Воейков (если только Екатерина Афанасьевна сама этого захочет) будет лучше: все средства в ее руках. Если же напротив Маша уверит меня, что счастие ее точно в этом замужестве, то это *должно быть непременно*; Мойер, предупрежденный, не оставит надежды, но сам, для собственного и ее счастия, будет медлить, даст времени все привести в порядок, и все устроится так, как должно без всякого гибельного насилия; Воейков же, зная, что это *должно случиться*, будет в узде! Маша не будет ничем обязана; ее спокойствие и будущее будут сбережены, а для меня останется, по крайней мере, уверенность, что ею не пожертвовали. Таковы мои намерения, милые друзья! Я открываю их вам для того, чтобы вы, зная все, могли мне отдать справедливость. Бог видит, что я желаю здесь только добра! Желания мои чисты и бескорыстны! За искренность их я отвечаю — неужели все это не должно иметь успеха? В ободрение себе здесь могу сказать только одно: *желай твердо и искренно доброго*! *Остальное представь Провидению.* И остальное не зависит от меня! Пускай Провидение все устроит так, как ему угодно… Я жду от них ответа! Если велят приехать, то поеду! поеду с этим твердым и искренним желанием доброго! Благослови Бог исполнение.

Я предвижу, что прием от Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩ будет мне холоден. Но что делать? Лишь бы я имел свободу говорить с Машею! Я еду не для себя, и не для того, чтобы с ними остаться, чтобы возвратить себе дружбу, чтобы от них что-нибудь получить. Я еду для того, чтобы успокоить разорванное сердце Маши. Дружбы же от Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩ я и желать не могу потому, что не могу теперь на нее отвечать. Пускай, все это кончится и к счастию — все для нее нет оправдания! Машино письмо в моих руках! Оно есть ужасное обвинение матери! Как могла Маша быть доведена до такого состояния, чтобы почитать необходимостью расстаться со своею семьею? За ее счастие я буду благодарен ее мужу — а не ее матери!

Святое условие: не показывать этих писем никому совершенно и возвратить мне все немедленно. Оставьте у себя один список с Машина письма. Прочие все (пришлите) ко мне и скорее. Ради Бога исполните это в точности.

Маша зовет вас в Дерпт, милая Авд⟨отья⟩ Петр⟨овна⟩. Что я могу к этому прибавить! Сердце будет на месте, когда буду знать вас с нею.

Оставьте у себя и мой ответ Петерсену — я хочу, чтобы это все было у вас в руках. Впрочем, можете и *все* у себя оставить, только не говорить никому, ни о чем. Когда будете в Дерпте, то чтобы и Маша ничего не видала. В письмах своих в Дерпт не упоминайте ни о чем. Это тайна, которую я вам вверяю. Сохранение ее будет знак истинной дружбы.

Прошу читать по номерам. Сперва это письмо, а там и прочие по порядку. Этого требует историческая точность.

Перевод

*Мне мог бы ты открыть душу свою. Тайна твоя была бы мне свята, для меня же знание ее полезным для тебя, для вас (обоих). Я действую и теперь. Мойер едет в Ревель. Все должно уладиться (нем.).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 8. С. 221—226.
Печатается по первой публикации.

61. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

8 января 1816 года

Жуковский брат, друг, милый бесценный друг. Наша малютка Дуньша[1], сегодня явившаяся на свет, обещается вам любить вас за матерью, за другою матерью, за отцом, за всеми вашими, то есть обещает вам вырасти и жить на свете! Виват, Божий свет! Часто на нем хорошо жить! Семья наша, Милый Брат, славно прибавляется. Катоша здорова, весела, рекомендует милому Жуку дочь,— а девчонка кривляется не смотря на то, что нет еще суток, как живет. — Обнимаем вас всех; устала до смерти, оттого не пишу порядком.

Ваша Евдоксия[2].

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VIII, № 18, л. 1—1 об.
Печатается по автографу.

---

[1] *Наша малютка Дуньша*… — Авдотья Васильевна Азбукина (в первом замужестве — Вельс, во втором Пелопидас), дочь Екатерины Петровны Юшковой (Като) и Василия Андреевича Азбукина, вышедшая за американца Вельса (а после его смерти за И. Д. Пелопидаса).

[2] *«Ваша Евдоксия* — после подписи Авдотьи Петровны следует приписка В. А. Азбукина: «Авдотья Петровна обещает тебе, милый друг Жуковский, что наша дочь Дунька будет любить тебя за отцом. Ах! когда-то она будет писать за него? Сам же я так изменился, что гроша не стою, однако ж все еще в состоянии сказать, что люблю тебя больше, нежели изъяснить умею. Когда-то мы увидимся? А между тем благослови нашу малютку».

62. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт, 1816 г. янв.[1]

На мои два письма нет от вас ответа, милая сестра; одно адресовано было на ваше имя, другое на имя Анеты. Или письма пропадают! Вот истинное несчастие для такого лентяя, как я. Между тем вы на меня как будто сердитесь и в ваших письмах к Маше такие есть выражения на мой счет, которые наводят на душу туман. Неужели я могу потерять сколько-нибудь в вашем сердце. Правда, этого мне и можно бояться. Вы слишком высоко обо мне думаете и судите обо мне не по мне, а по собственному своему идеалу, на мой счет составленному, украшенному вашим сердцем, единственным, которым только издалека можно пленяться! Но возвыситься до него трудно; а потерять в нем страшно. Я говорю не шутя: ваше *слишком* хорошее мнение обо мне часто пугает меня; я желал бы, чтобы оно было не так высоко и чтобы не смотря на это, то чувство, которое есть следствием этого мнения, то бесценное чувство дружбы сохранилось неизменным. Но погодите; при вас и с вашими письмами в руках, мы поговорим обо мне, и эти письма послужат для меня масштабом того, что я есть — казаться *лучшим* тяжело, особливо в глазах тех, кому желаешь быть дорог *со всеми своими недостатками*. — Между тем есть и некоторые злодейские выражения в этих письмах, за которые надобно побраниться. Все это до свидания. Но за одно выражение обнимаю вас: в последней записке стоит Христос с *тобою*! так должно говорить вам мне! Мы никогда не были ближе друг к другу как теперь — даром что редко пишется! Обнимите ж за меня таким же образом и Анету, и Катошку, и мою маленькую Дуняшу, и наших трех друзей, о которых часто, часто думаю. Для Вани и Петруши у меня есть в виду человек — одаренный необыкновенным гением, живым сердцем и большой ученостью, не сухою, школьною, но одушевленным чувством; я с ним знаком коротко, но боюсь решиться. Знаю, что он был бы вам приличен; но боюсь его живости — не помешала бы она порядку в воспитании, боюсь, что он может *наскучить* таким делом, которое должно непременно продолжаться несколько лет, по одному плану; боюсь, но в то же время уверен, что это занятие было бы спасительно для него самого; он не имеет никакой определенной деятельности и между тем теряется в желании действовать с пользою, и это неудовлетворенное желание только расстраивает душу его и заставляет его ссориться с жизнию. Я постараюсь узнать его образ мыслей на счет воспитания. Если же он может решиться взять на себя это дело, то ни в чьем нельзя ему быть счастливее, как в вашем, ибо вы будете в состоянии понять и ему содействовать! А цель: *образование таких милых сердец, какими Бог наградил ваших детей* — должна быть удовлетворительна для души высокой. И для этого нужно ваше присутствие. Здесь я не говорю об этом

[1] Датируется на основании обращения Жуковского ко всем родным, включая родившуюся 8 января 1816 года Дуняшу Азбукину, а также упоминания о планах летней поездки А. Ф. Воейкова в Крым и Александры Андреевны в Киев и о получении перстня от Императрицы.

никому; с ним говорить также не буду; все еще одна только вероятность. А вы и не думаете присылать мне своего плана; по крайней мере привезите его. Он послужит нам ариадновой нитью.

Теперь слова два о том, что здесь делается. Со времени моего приезда бури миновались. Воейков и Саша едут; он в Крым, она только до Киева: не пугайтесь, я думаю, что это путешествие принесет пользу, и сама Саша желает его: оно их сблизит и все *старое* будет более забыто. Это необходимо, а здесь невозможно. Временная разлука будет пластырем. Я уверен, что будущее может быть *лучше*; нужно только не отчаиваться. Слава Богу, что Воейков имеет ко мне доверенность; он выслушивает от меня *все* и в некотором меня слушается. Чтобы он сделался *лучше*, надобно, чтобы он почувствовал истинную цену жены своей: я надеюсь, что это возможно и он *знает сам*, что это для него необходимо, что в этом его счастие; не надобно его покидать, не надобно терять с ним бодрости; — насчет Маши я беспокоюсь менее. Мойеру можно верить совершенно. Прекрасный характер. Меня беспокоит только тот круг, в который она войдет, — надобно, чтобы она была сколько можно менее зависима от родни его; чтобы вся ее зависимость была *от него единственно*; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будет иметь с ним все, что должно для ее сердца. О себе не говорю ни слова: я часто бываю недоволен собою. Это разберем при свидании.

Азбукина обнимаю и браню за подражание, слишком рабское, моей лени. Бумаги его я оставил в Петербурге у верного человека, к которому писал о том, чтобы хлопотать о грамоте. Вот что он пишет мне в ответ: «выхлопотать грамоту можно, но это продолжится год, а, может быть, и два, ибо Государю редко подносят грамоты к подписанию, да и подносимые остаются по году и более в кабинете». Что с этим делать? Хлопотать ли или нет? Жихарев, которому я поручил это дело[1], едет на несколько времени из Петербурга. Я хочу взять у него бумаги назад и возвратить их ему, когда он сам возвратится. В противном случае могут затеряться. Впрочем, спрошу сперва, не может ли у себя оставить копии за скрепою, а оригинал возвратить. Простите, друзья. Экземпляр высылаю.

A propos. Вчера получил я от императрицы Е⟨лизаветы⟩ Алекс⟨еевны⟩ перстень, который, comme de raison*, подарил Маше.

(**На обороте**: Ее высокородию Авдотье Петровне Киреевской. В Белев. Печать почтамта: Dorpat)

Перевод

* как и следовало ожидать (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 13—15 с об.

---

[1] *Жихарев, которому я поручил это дело...* — Степан Петрович Жихарев (1788—1860), воспитанник Московского университетского благородного пансиона, автор известных «Записок Современника».

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 8. С. 226—228.
Печатается по копии.

63. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

23 января 1816[1]

Мои все спят; мне не спится; не знаю, близкий ли отъезд мой тому причиной, или просто какая-нибудь *лихая болесть*,— но так и быть, мне хочется писать к вам, тем больше, что есть письмо от нашей Лоты[2], которое я должна вам доставить, и мне воображается, что *неучтиво* было переслать его, не поболтав самой, не то что при таком случае болтается, а то, что на ум взбредет. Милый друг,— я через два дня буду *к нашим*! Уже сердце бьется в ожидании! Маша *требует*, чтобы я приехала, Маменька приказывает, Саша благословляет; Воейков сам зовет меня. — Он вам на меня не много солгал, вместо всяких *объяснений,* как вам угодно спрашивать, я приехавши туда, возьму у него и перешлю вам то письмо, которое я писала о Дмитрии[3], и где я не только трех тысяч не предлагала, но для первого Октября просила за него у Воейкова прощение, и в том только случае хотела взять к себе, когда им всё равно нужно только его отдаление; — Голубчик, мне не в первый раз признаваться бы в вине,— и я бы охотно призналась, но что же делать: тут невозможно! Мудрено то, что все готовы так верить нелепостям на мой счет; мне связь наша — лучшее счастье в жизни, неужели я стану сама ее расслабевать без всякой нужды, без всякой цели. Для Маши я готова вынести все страдания возможные; из уважения к милой душе моей прелестной Сашки я, пожалуй, не только перенесу, даже *не пойму* все грубости ее мужа, все его неприятности. — Да я вам скажу еще больше! Воейкова самого я не не люблю; мне стоит вообразить его хорошим, чтобы быть готовой любить его: *для себя* я от них никогда *ничего* не требовала, от него же и хотеть чего-нибудь в мыслях не было! — Будь он добр, он все сделал, что только может для меня! Вы приказывали мне показывать ему *доверенность* и *уважение*. — Я никогда еще явно не показывала ему презрение, и *верю* крепко, что всякий человек исправиться может, так же как и испортиться, следовательно, и ему в этой способности не отказано. — Следовательно, я имею к нему всю *доверенность*, какую могу иметь. — Но не меньше, то что он говорит обо мне, меня всё ещё беспокоить не будет; рассердить или огорчить меня всё ещё он не будет иметь права, то есть: *moi, personnellement* — par contrecoup, c'est une différence*. — А уважение? — какое мне можно показать ему уважение теперь? Пускай он его заслужит. Незаслуженное уважение хуже незаслуженной пощёчи-

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о сборах Авдотьи Петровны в Дерпт: выехала 25 января 1816 г.

[2] *...есть письмо от нашей Лоты...* — *Лотта* — Моро де ла Мелтиер Шарлота, см. примечание к письму 12.

[3] *...перешлю вам то письмо, которое я писала о Дмитрии...* — Возможно, речь идет о побочном сыне А. Ф. Воейкова.

ны! К тому же, на что ему я? — вот еще одна из тех вещей, которых я не понимаю. *«Ему нужно,* — говорите вы*, — уважение друзей, чтобы устоять в добре, чтобы быть их достойным»*. Тот, кто истинно хочет быть добрым, имеет только нужду в совести. — Уважение есть уже *награда*. — Требовать ее прежде, нежели стоит — что-то унизительно, и не то производит в сердце. Уважение так же, как любви, требовать нельзя, вы сами назвали его *свободною данью сердца*. Не понимаю, что за радость *казаться.* — Ну, ежели бы он был истинно добр, что ему было бы нужды до другого уважения кроме собственного? Du reste, vous pouvez être tranquille, je serais bien avec lui, combien je pourrai. Vous m'avez vue à Moscou alors même qu'il m'a fait toutes sortes d'avaries, d'ailleurs je suis assez douce et bienveillante par caractère. Quant à vous, cher ami, vous dites: *что до моего? — qu'elles soient bien et voilà tout!* — hélas, que demandons-nous depuis si longtemps au ciel, et à elle-même que leur bonheur, mais c'est qu'on ne peut pas, en avoir, en faisant abstraction de tous les sentiments bons, et grands qui sont le prix de la vie. — *Que je ne cherche pas à les influencer par mes lettres? on ne change pas les caractères!* Mais, mon cher, je ne puis aussi changer le mien. Sans vouloir les influencer, de dire ce que je pense, parce que je ne peux pas faire autrement quand c'est à elles que j'écris. Je ne peux mettre dans mes lettres pour elles, ni des phrases, ni la crainte de déplaire, ni tout simplement des idées. — Est-ce qu'elles veulent donc que je fasse semblante d'approuver ce qui est mal? ou qu'en parlant d'amitié, je me taise sur ce qui me révolte? Je peux me taire, fort bien! mais qu'on ne s'adresse pas alors à mon amitié,— une amie peut tout, hors flatterie! — Etre simple de coeur et de conscience, voilà donc ce qui s'appelle *exaltation*? — Comme vous l'aimez mieux, Monsieur et Mesdames! Tel nom qu'il vous plaira, et aussi ridicule que vous voulez, mais je ne pourrais jamais blâmer en moi ce qui m'apprend à connaître le seul vrai bonheur: j'estime de soi et le contentement intérieur,— mais très là-dessus Joukofcky, me voilà triste, parlons d'autre chose et parlons-en ⟨*нрзб.*⟩. Ce n'est pourtant pas pour revenir à quelque chose de plus gai; du moins, s'arrêter quand on a le coeur plein, n'est-ce pas vous montrer que je sais modérer cette *живость*, qui vous déplaît?**

Вот где я оставила это письмо,— без меня его не послали к вам, Жуковский, и мне жаль. Посылаю его теперь, для того чтобы вы спросили письмо моё к Воейкову об Дмитрии — Что мне с Дмитрием делать между тем? — Скажите, пожалуйста? — Воейков виновен перед ним, я охотнее теперь *куплю его*, тем более, что Воейков виноват и передо мною: он живет у меня и ко мне совсем на него не отвечает.

Ещё, Жуковский, я вам должна поговорить о деле: каким манером ваши книги, которые здесь так dépareillereваны***? — вообразите два-три тома, там, где должно быть 18. — Это меня чрезвычайно беспокоит. — Скажите, не оставили ли вы что в Муратове? Много ли с вами книг? Wieland**** у вас?[1] — Duclos?

[1] *Wieland у вас?* — Кристоф Мартин Виланд (Wieland Christoph Martin, 1733—1813), немецкий писатель.

Marmontel? Laharpe?*****[1] С тех пор, как я установила их в шкапе, мне грустно. — Отвечайте, пожалуйста, на это поскорее.

Ещё имею честь вам доложить, что я заняла у вас 6 тысяч рублей. — Пока я была больна в Москве, мои здесь купили без меня землю очень для меня выгодную, Анета изволила дать ваших денег 6 тысяч рублей, — Иван Никиф⟨орович⟩ сделал купчую, а та, кто занимала, и тот, кто давал, ровно об этом ни слова не знали.

Adieu, pourtant, mon cher ami, que le ciel vous bénisse. Priez-le une seule fois pour moi, je vous en prie! J'ai bien envie d'avoir un peu de repos. Mes enfants vous embrassent, notre petite fillette Asboukien y compris, Cato et son mari vous aiment, Nathalie vous le fait dire aussi, et moi j'aurai beau dire et beau me taire, *personne* ne saura jamais vous aimer autant et comme je le fais. à Dieu.

Apostille à la lettre de Lotta: elle a une très bonne place chez Mde Хлюстина, la Soeur du comte Theodor Tolstoy, des émoluments superbes et 70 verstes de son mari, et les hivers ensemble à Moscou- et son Fedinka et son gros mari: tout cela se porte bien******.

Перевод

*Я лично наоборот, а это разница (*франц.*).

**Впрочем, вы можете быть спокойны, я буду доброй с ним, как смогу. Вы меня видели в Москве, тогда уже он мне доставлял всевозможные неприятности, впрочем, я довольно мягка и доброжелательна по характеру. Что касается вас, дорогой друг, вы говорите: что *до моего*? Пусть они будут добры, вот и все. Увы, мы уже долгое время просим у неба и у нее самой только их счастия, но нельзя иметь счастие, оставляя в стороне все добрые и большие чувства, которые составляют цену жизни. Я не стремлюсь оказывать на них влияние моими письмами. Характеры не меняются! Но, мой дорогой, свой характер я тоже не могу изменить. Я не желаю на них влиять, говорить все, что думаю, потому что я не могу делать по-другому, когда пишу к ней. — Я не могу в своих письмах к ней ни разглагольствовать, ни бояться не понравиться, ни просто делиться мыслями. — Разве они хотят, чтобы я делала вид, что я одобряю то, что, в действительности, плохо, или, что говоря о дружбе, я умалчивала о том, что меня возмущает? Я могу молчать, прекрасно! Но пусть тогда не обращаются к моей дружбе, подруга может все, кроме лести. Быть простой сердцем и совестью — вот что зовется *экзальтацией*. Как оно вам нравится, господа, это слово, и также смешно то, за что я не стала бы порицать себя, то, что меня учит познать настоящее счастие: самоуважение и внутренняя удовлетворенность. Но здесь, Жуковский, мне грустно, поговорим о чем-либо другом! Однако, не для того, чтобы вернуться к чему-то более веселому, по крайней мере, остановиться, когда сердце полно. Не для того ли, чтобы показать вам, что я умею усмирять живость, которая вам не нравится? (*франц.*).

*** разрознены (*франц.*).

**** Виланд (*франц.*).

*****Дюкло? Мармонтель? Лагарп? (*франц.*).

---

[1] *Duclos? Marmontel? Laharpe?* — Шарль Пино Дюкло (Duclos Charle Pinot, 1704—1772), французский историк; Жан Франсуа Мармонтель (Marmontel Jean Francois, 1723—1799), французский писатель и критик; Фредерик Сезар Лагарп (Laharpe Fréderic César, 1754—1838), швейцарский государственный деятель, генерал, воспитатель Александра I в 1754—1838 гг., литератор-мемуарист.

****** Прощайте, однако, мой дорогой друг, да хранит вас небо! Помолитесь за меня хотя бы один раз, прошу вас об этом! — У меня есть большое желание немного отдохнуть. — Мои дети вас обнимают, в том числе наша маленькая девочка Азбукина, Като и ее муж любят вас. Наташа просит сказать вам то же самое. И что бы я ни говорила, о чем бы ни молчала, никто никогда не сможет любить вас так, как я. Прощайте.

Постскриптум к письму Лотты: у нее очень хорошее место у Хлюстиной, сестры графа Федора Толстого, прекрасное жалование и 70 верст от мужа, и вместе проводят зимы в Москве. Ее Феденька и большой муж — все чувствуют себя хорошо (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 5—6 с об.
Печатается по автографу.

64. Елагина А. П. В. А. Жуковскому

24 января 1816 г.[1]

Mon cher Joukovsky, je vais à Dorpat! Si vous avez envie de me gronder, cette lettre ci-jointe sera mon excuse. Si elle ne suffit pas, je vous en remettrai une autre plus présente encore — mais ai-je besoin d'excuses auprès de vous? Marie a besoin de moi, ma vie entière ne vous appartient-ellepas? Je partirai, le 25, j'ai remis pour quelques jours afin d'óbtenir un congé pour M. Монастырев, (le maître des postes propose la ⟨*1 нрзб.*⟩ de Belef) — qui veut m'accompagner. Je pars en poste, j'ai un guide expérimenté, voilà bien des motifs de m'approuver. Je puis aussi grâce à Dieu et à l'amitié être tranquille sur mes enfants, Cato reste ici, — vous savez, je pense que c'est ici à Dolbino qu'elle a accoucheé, par conséquent, les six semaines qu'elle y passera seront le temps que je mettrai pour mon voyage. Mon ami, mon frère, ne me désapprouvez pas, je vous en prie. En verité, mon coeur a besoin d'un peu de repos, quand ce ne serait que pour le soutien de la terre être machine, s'il faut que je souffre pour Marie, — je vous assure, que cela ne durera pas longtemps. Du reste, je pars! Que votre chère voix me bénisse, et que toutes les bénédictions du ciel reposent sur vous! mon frère, mon bon frére, mon bon Joukofsky! Tout ce que j'aime enfin dans l'Univers*.

Перевод

*Дорогой Жуковский, я еду в Дерпт! Если хотите меня побранить, это письмо будет моим извинением. А если его будет достаточно, я вам вложу другое, но надо ли мне перед вами извиняться? Я нужна Маше. Вся моя жизнь, не принадлежит ли она и вам также? Я выеду 25, я отложила на несколько дней, чтобы получить отпуск для М. Монастырева (станционный смотритель предлагает ⟨*нрзб.*⟩ в Белеве), который хочет меня сопровождать. Я выезжаю на почтовых лошадях, у меня есть опытный проводник. Вот хороший повод меня одобрить. Я могу также, благодаря Богу и дружбе, быть спокойной за детей, Като остается здесь. Вы знаете, я думаю, что она разрешится здесь, в Долбино, и поэтому шесть недель, которые она там проведет, — это будет тем временем, которое я потрачу на путешествие. Мой друг, мой дорогой брат, не осуждайте

[1] Дата устанавливается на основании указания времени отъезда (25 января) в Дерпт и содержанием накануне написанного письма (23 января).

меня, прошу вас. В действительности, мое сердце нуждается в небольшом отдыхе, если бы не было земной поддержки, я стала бы машиной. Если надо, чтобы я страдала за Машу, я вас уверяю, что это не продлится долго. Впрочем, я еду. Пусть ваш дорогой голос благословит меня, и пусть все небесное благословение спустится на вас, мой брат, мой дорогой Жуковский, это все, что я люблю во всей Вселенной (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 3. Автограф.
Печатается по автографу.
(*Сургуч красный, печатка. В Петербург, как и письмо от 8 января 1816 г.*)

65. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

19 февраля 1816 г. СПб

Милая сестра, друг, бес, ангел; что вы с нами делаете? Сейчас я получил два письма: одно от Анеты, а другое из Дерпта, в котором и ваше описание этого ужасного путешествия[1]. Провалиться под лед в 50 верстах от своего дома, простудиться жестоким образом, жить два дня в избе, потом ехать еще 200 верст, чтобы остановиться один только день и пускаться на 1000 верст с болезнью, с опасностью потерять милую, бесценную жизнь, забыть из несравненной дружбы все и дружбу, и детей — таким ангелом — бесом можете быть только вы! Как меня взволновали эти письма! Не знаю, радоваться ли, что есть такой несравненный человек, каковы вы! Не знаю, можно ли позволять себе требовать вашей дружбы — это в иную минуту значит требовать и вашего и собственного несчастия. Получив эти письма, в первом движении, я собрался было ехать в Москву; но перечитав их, остановился. Эти же странные письма и успокоивают. У меня здесь есть дела, которые и так были замедлены и приведены в беспорядок моим отъездом в Дерпт — отъезд в Москву все бы расстроил. Маша же пишет ко мне, что она обо *всем* подробно уведомляет вас. И так вам теперь все должно быть известно. Из всех же приложенных писем вы увидите, что мое присутствие в Дерпте необходимо. Я уехал оттуда,

[1] *...ваше описание этого ужасного путешествия...* — В письме к Протасовым из Долбина от 19 февраля 1816 года Авдотья Петровна писала: «Не знаю, не помню, что писала вам с эстафетой, теперь расскажу немного подробнее, что со мной случилось. — Под Лихвиным, на реке, ехавши ночью, я попала в полынью, быструю, глубокую, из которой меня и Анету Полонскую, которая была со мною, едва вытащили. Всходя на гору пешком, я отморозила ногу и крепко простудилась. Вместо того, чтобы воротиться, бывши только 40 верст от дому, я только одну имела мысль: *к вам!* — Два дни сильного жару и принужденный отдых меня только мучили *нетерпением*. — Собравши все силы, я доехала до Москвы, остановилась у Офросимовых, и там одно говорила и думала: подорожную! лошадей! ехать! к ним! — Это одно заставляло сердце биться. — Офросимовы, увидевши, что я ходить не могла, плевала кровью, кашляла, не сказавши мне ни слова, послали за Шнаубертом. Тот, видя мою настойчивость, принужден был заклинать меня и горячками, и чахотками остаться неделю,— я согласилась и — слегла. — Две недели провела я в Москве с сильным беспокойством душевным и телесным,— оправившись и видя себя — нет, милые друзья! Я не должна была ехать к вам. За что вместо радости дать вам горе?» (РГБ, ф. 99, к. 22, № 43, л. 1—1 об.—2).

скрепя сердце и крепко досадуя на необходимость, которая меня тащила оттуда. Надобно туда ехать как можно скорее, чтобы опять не перепортилось то, что кое-как направлено. Поездка в Москву задержала бы меня там, вероятно, до весны, потом надобно бы было опять ехать в Петербург доканчивать начатое — когда же бы я поспел в Дерпт! Анета же пишет в письме своем, что ждет вашего возвращения через неделю — Бог сохранил вас! Ради Бога, напишите поскорее! Письма вашего буду ждать, как благодати!

Посылаю вам все письма, написанные к вам в разное время. Они дадут вам полное понятие о том, что случилось, и послужит дополнением к письму Маши. В моих письмах много переменить бы надобно; я слишком жестоко обвинял Е⟨катерину⟩ А⟨фанасьевну⟩. По крайней мере теперь не она, а их ужасное положение всему причиною. Слава Богу! что теперь из этого хаоса выходит свет. По-настоящему, мне бы надобно было тотчас ехать, получив первое письмо Маши,— но я сам был обманут и не мог не обмануться! Я думал, что мое настоящее будет не только бесполезно, но и вредно, что мне не дадут говорить с Машею свободно, что я буду принужден только безусловно согласиться или уехать, не согласясь ни на что и только только прибавив своим присутствием к общему их страданию. Вышло напротив. Не знаю, совершенно ли уверена во мне Тетушка, но по крайне мере из моего обхождения с Машей я имею право так думать: я имел с нею полную свободу и каждый день проводили мы по часу вместе, одни, с глазу на глаз. Что если бы не было давно этого подозрения, которое так рознило меня с нею? Давно бы все было в порядке! Ни от кого не может она слышать того, что от меня, и никто не может так меня успокоивать, как она!

Все так случилось, как я располагал перед своим отъездом и как писал в моем первом к вам письме от 30 декабря, здесь же приложенном. Из разговоров с Машею я увидел, что она *не обманывает* меня, что она действует теперь не по принуждению, а из уверенности, что все будет лучше, что она *надеется* этого лучшего! И не одни ее слова, но и собственные замечания убедили меня в этом! С Мойером говорил я откровенно, и он не только понял, но и угадал и предупредил мои мысли. Мы теперь с ним верные товарищи — цель наша прекрасная! Общее счастие! и это счастие называется Машею. Маша будет действовать свободно, все отдано на ее волю; она знает, что я не теряю ничего, если она только найдет свое счастие, и она дала слово его найти, ничему собой не жертвовать — это сделать она обязана, и в этом случае меня не обманет.

Приехав к ним, я нашел их совершенно несчастными! Воейков был точно как бешеный. По сю пору не могу его изъяснить. Маша думает, что причиною его поступков была ненависть к ней; я этого не могу понять! Думаю, что все прежние обстоятельства раздразнили его. Об этом говорить долго, да и не нужно! Прежде своего приезда в Москву, во время болезни Машиной, чтобы ее мучить, он давал надежду Мойеру; но как скоро она *на это* решилась, он начал всему противоречить; узнав, что она ко мне написала, он поскакал в Петербург и обманул меня и Кавелина рассказами об ужасных притеснениях, которые ей делали, и я не мог

не поверить этим рассказам — все старое подтверждало их; возвратясь в Дерпт, он начал мучить их своими бешеными противоречиями, давая чувствовать, что так действует для меня (а я просил его только об одном — избавить Машу от притеснений и сделать так, чтобы она могла на все свободно решиться). Пугал их беспрестанно, то самоубийством, то дуэлью с Мойером, то пьянством — каждый день были ужасные истории. Мой приезд всему положил конец; все увидели, что мои намерения были совершенно противны тому, что он говорил обо мне, да и письма мои, сколь ни огорчительны были для Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩, в том же могли уверить. Я был только маскою для Воейкова; он боялся не моего несчастия, а только того, чтобы в семье своей не потерял той неограниченной власти, какую имел благодаря слабости Е⟨катерины⟩ А⟨фанасьевны⟩. Во мне он увидел человека, который уже имел власть и возможность их защитить. Это его усмирило. Были и при мне попытки пугать их разлукою, дуэлью, пьянством и прочее — все это не помогло, и его арсенал теперь совсем истрачен. Спокойствие восстановилось, но чтобы оно было постоянно, надобно быть мне с ними, по крайней мере несколько времени: меня он боится, мне верит, сколько может кому-нибудь верить; в моих руках его репутация, его связи с прочими его друзьями — все это дает мне большую над ним силу. Но этого мало, надобно непременно восстановить спокойствие так, чтобы оно не разрушилось. И поверьте, что я теперь не дам бушевать ему.

Друзья, какое иногда божественное чувство подымает душу! И так весело его разделить! Что перед этим прекрасным чувством все эти маленькие безобразные уродцы, которые называются *желаниями для себя* и которые иногда выскакивают как пузыри и лопаются! Как прекрасно сказал недавно Карамзин (который теперь здесь), и он только выразил ясными словами то, что я чувствовал ясно: *нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действия от нас не зависят, но воля есть человек*! Это *совершенная* правда! Я здесь уверен в своей *воле* и, к счастью, уже уверен на опыте. Я хочу, хочу перед Богом святого добра! Что нужды, что в иные минуты сам себя изменяешь и бываешь не похож на самого себя, — этим минутам я не верю; я знаю, что они минуты, что они должны скоро пройти! Карамзин, говоря о вере, сказал, что мы не можем себе доказать бессмертия и существа Бога! но доказательства и не нужны! Здесь разум не действует! Кто *почувствовал* Бога и бессмертие, тот никогда не перестанет *верить*. То же мне можно сказать и о добре! Пожелав в *сердце* добра, никогда не потеряешь этого желания, что бы потом не случилось, какие бы мысли ни забрели в голову — сторож хорошего есть воспоминание о хорошем. Я хочу добра и не только хочу, теперь могу его сделать — руки развязаны! И какое же добро! С одной стороны *устроить* счастие Маши: я теперь знаю, что она не может и не должна оставаться в том положении, в каком она теперь! Что за жизнь, которую она ведет! Нет свободы ни чувствовать, ни мыслить, ни действовать! Даже нет своего *угла*! Во всем тяжелая, убийственная неволя! Как не пожелать для нее такого состояния, в котором она будет иметь все нужное для ее сердца!

Надобно только, чтобы прошедшее было ей другом, а не врагом — и это мы сделаем. С другой стороны *возвратить* Саше если не счастие, то по крайней мере спокойствие. Ее положение ужасное — она *знает* своего мужа. Но, к счастию, характер ее таков, что несколько времени спокойствия, ничем не нарушенного, может привести в забвение прошедшее. Всему этому теперь положено начало. Прежде, нежели все решится, Маша узнает Мойера, привыкнет к нему, и все, что *было*, не пропадет для нее, а только сольется с тем, что есть, в одно ясное, спокойное чувство. С Воейковым же я буду в ладу — теперь это возможно, я от него не завишу и ему уже ничем меня оскорбить невозможно, ибо судьба Маши не в его, а в моих руках, и теперь я, она и Мойер составляем тесный триумвират, которого цель есть общее счастие. Теперь зависит от меня сделать Воейкова если не добрым, то лучшим — надобно для этого забыть, что он человек, а обходиться с ним как с вещью, из которой можно и должно сделать полезное употребление. Быть с ним в ладу мне не трудно — а это будет ему полезно, а в особенности полезно для бедной моей Саши, которая глядит на меня как на помощника и хранителя. Ему надобно оставить *доверенность к самому себе*; это зависит от того внимания, которое будешь ему показывать — в этом случае прошу и вас всех со мной согласиться; сделанное зло им уже сделано — теперь он не может ничего к нему прибавить! и из этого зла выходит добро — Машино счастие, которое уже не от него зависит и которое без него устроится! здесь он в стороне! Но надобно думать о Саше. Итак, прошу вас с ним обходиться с величайшею осторожностию; чтобы обхождение с ним не могло его раздражить, ибо все это отдастся в сердце Саши. По-настоящему, его положение самое тяжелое; он должен быть в разрыве с собою; а при таком характере, каков его, это портит только душу! Надобно, сколько возможно, облегчить для него такое состояние. — Что же касается до меня самого, то нельзя же *вдруг* всего переделать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастлив; последние три недели, проведенные мною в Дерпте, была самая богатая прекрасным чувством эпоха в жизни моей. Если я буду иметь с Машею ту свободу, какую имел в эти три недели, то все придет в порядок и к лучшему. А эту свободу я иметь буду. Е⟨катерина⟩ А⟨фанасьевна⟩ слишком должна теперь быть уверена, что это для меня необходимо, и видела уже пользу от этого. Хотя она и не совсем входит в мои чувства и не понимает меня — но что до этого! Ведь не это моя цель! В этом случае я не имею в виду награды. Верьте, прошу вас, что я счастлив! И не бойтесь за меня никаких тяжелых минут! Тяжелые минуты были и будут — но главное чувство пропасть не может! а в этом *все*! Вот что я за собою заметил: всякий раз, когда я бывал с Мойером один, мне было грустно, но не о себе, а об Маше! все приходила в голову мысль, что будучи с ним, она не будет иметь всего и может жалеть о прошедшем! И все, что меня убеждало в противном, меня радовало! Теперь я более уверен и более на этот счет спокоен; а время все сделает, и мы поможем времени. Кажись бы хорошо, ан нет! во мне есть другой человек, которому бывает больно, когда он заметит привязанность Маши к Мойеру. Этот человек (сколько я заметил) бурлит более к вечеру,

и думаю, что он живет в желудке!! Но он связан крепкими кандалами и осужден умереть с голоду — и он умрет непременно! И если жив еще Курилка, то оттого, что он слишком крепкого сложения! И знаете ли, что будет его убийцею? — что-то воздушное, бестелесное, живущее в нижеследующих каракульках:

Все в жизни к великому средство!
И горесть, и радость все к цели одной!
Хвала жизнедавцу Зевесу![1]

Можно ли изменить прекрасной цели? Можно ли не остаться верным доброму, высокому чувству? Прекрасное можно назвать жизнию, которая все *жизнь*! не смотря на болезни, которые нарушают ее порядок. А поэзия — славный громовой отвод! Теперь мне будет легче беседовать с моею Музою! Даже и все, что есть печального в моей судьбе, теперь не убийственно и близко своею породою к бессмертной Музе! Поэзия, идущая рядом с жизнию, товарищ несравненный.

Вот мое расположение: кончив издание своих стихов, которого на беду никому постороннему поручить не могу, тотчас отправляюсь в Дерпт. Из приложенных документов (№ 12) — отрывок Машина журнала, отданный ею мне в день моего отъезда из Дерпта, и при нем письмо Воейкова (№ 13), писанное в то же время, № 14 и 15 письма, полученные мною в Петербурге), вы увидите, как это необходимо. Вы между тем уведомьте о том, что вы хотите сделать, когда соберетесь к нам и когда должно мне приехать за вами? Гораздо было бы лучше, когда бы я вас и *проводил* из Дерпта — я тогда мог бы подолее с вами остаться. При свидании будем говорить о том, что для меня есть *одно из главных дел жизни*, о воспитании наших детей. Я ждал и жду плана и, право, не даром сказал, что в этот план входит много моего будущего. Чтобы придумать что-нибудь основательное, надобно иметь этот план в руках — а вы все его не присылаете! Да вы же еще боитесь мне *надоесть христианством*! Итак, прошу написать, когда вы и как расположитесь к нам ехать! Теперь излишняя поспешность не нужна! Непременно надобно дождаться хорошей и безопасной дороги; при этом же письме прислать обещанный план и все прислать как можно скорее; а будущей почты буду ждать с величайшим нетерпением! Надеюсь, что она принесет мне от вас добрую весть! Неужели вы поленитесь?

Это письмо для всех вас трех, милые друзья. Теперь с вами, милая Анета, поговорим о *делах*. Вы очень хорошо сделали, что отдали деньги мои секунд-майорше Киреевской. Но прошу вас с нее процентов не брать. Вам должно быть известно, что я ей должен 1000 рублей, данных ею мне на напечатание моих стихотворных околичностей; и еще 1000, данных ею Марье Николаевне Свечиной, которая дала на сию сумму вексель мне, ибо получила деньги от меня; еще же 200 уплаченных ею за меня Ивану Никифоровичу и еще 450, заимствованных мною у ней в Москве,

[1] *Все в жизни к великому средство! / Хвала жизнедавцу Зевесу!* — Заключительные стихи 122—125 из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814) (ПСС2. Т. 1. С. 384).

всего 2650. Этот долг пускай будет уплачен из процентов. Марьи же Николаевны вексель я передам ей при свидании.

Прошу вас, милая, быть моим душеприказчиком и заботиться о моих деньгах, как вздумаете — на это я прямой поэт! И ваша попечительность мне весьма благодетельна. Теперь я знаю, что у меня есть что-то *верное*. И вы хорошо сделаете, когда и вексель до времени оставите у себя. Лучше мы все распорядим, когда увидимся. Получили вы свои экземпляры? Их послали к вам во время моего отсутствия и для того они не подписаны.

Милая Катя и муж ее, что наша Авдотья? И за что нет от вас ко мне ни строчки? Получили ли вы бумагу, мною к вам посланную и *образец просьбы* о получении Грамоты и Герба? При большом письме моем? Шепните вашему кривляке, чтобы он написал мне об этом строчки две. Крестницу свою благословляю и целую. Наталье Андреевне братское лобзание.

Прошу вас показать все эти письма Плещеевым и шепнуть другу Негру, что я *белой книги не страшуся*. Но покажите их сами, а не посылайте. Не надобно, чтобы это было кому-нибудь, кроме вас и их, известно. Ради Бога, не говорите ни с кем, и от них прошу того же.

Простите, друзья, отвечайте скорее.

Ивана Никифоровича и Архиерея обнимаю. Елизавете Васильевне мое почтение.

Все документы *сберечь* и возвратить мне при свидании. Да нельзя ли мне прислать письма, которые обо всем этом пишет Маша.

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 104, л.15—15 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 8. С. 229—235. Часть письма напечатана в биографическом очерке Жуковского в Ж. Мин. Нар. Пр., ч. CXLIII. С. 72.
Печатается по копии.

66. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 февраля, 1816[1]

Жуковский! душа! брат! Да благословит вас Бог! Нам *бояться* за вас? В каждую минуту благословляю вас, благословляю Бога за вас! Жизнь прекрасное дело, когда *вас* знаешь на свете! — Ваше письмо меня ужаснуло, взволновало до крайности, я на все отвечать буду в субботу, теперь — нельзя! От Маши я ничего ещё не получила; Ах Маша! Маша! Громовой удар меньше бы поразил меня! Но — до субботы! Обо мне не беспокойтесь, я буду здорова скоро. Желать ли вам моей дружбы? — Несравненный человек! Жить на одном свете с вами, счастие, а лю-

[1] Дата устанавливается основании проставленной в приписке к письму даты «29 февраля»; в письме содержится ответ на сообщение Жуковского (в письме от 19 февраля 1816 года) о сватовстве Мойера к Маше.

бить вас? — Друг мой! Бог с вами! если бы я что-нибудь могла дать вам своего, то каждое страдание, каждая капля крови были бы мне сокровищем. —

Но — до субботы[1].

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 7—7 об.
Печатается по автографу.

67. А. П. Елагина В. А Жуковскому

4 марта 1816[2]

Жуковский! Что мне писать к вам? — Я ждала субботы, думала, что на сердце будет легче, когда получу от них письмо, мне стало еще тяжелее, еще страшнее. Дай Бог, чтобы она нашла это счастие, которого мы все просили для нее, как лучшего нашего блага! — Мне страшно, мне мудрено как-то на свете, *вас* я понимаю! за вас я благодарю Бога, что живу на свете! — Ежели бы вы, Жуковский, не так поступили, не так чувствовали, я не разлюбила бы вас, но разлюбила бы жизнь и перестала бы верить всему доброму: но дай же Бог, чтобы ее счастие наградило вас, этого я желать вам смело могу,— и это одно я смею и желать для вас. Ваша прелестная, милая, небесная душа выше всех счастий и всех несчастий на свете. — Святое чувство добра,— и что хочет судьба вмешаться в жизнь все равно! — Милый друг, Хвала Жизнедавцу! Наша жизнь просто с должностью, с мелочными нашими счастиями не стоит того, чтобы за нее хвалить Его, разве так же как хвалят Его бездушные Творенья, исполняя свое назначение:

Вы, ели наклоняй,— и пр.: —
Беседуйте о нем
Сияй Ему и пр. и пр.
таинственною мглой[3]

---

[1] *Но — до субботы* — После этой фразы следуют две приписки. Первая — рукою Е. П. Азбукиной (Като): «Милый друг Жуковский! И я к вам в субботу напишу, сегодня некогда было. Eudoxie нашу я уговорила не писать, и вы конечно поблагодарите меня, здоровье ее очень худо, ей надо беречь себя. Письмо ваше нас всех до крайности встревожило, но теперь об нем ничего не скажу, а в субботу напишу больше. Крестная ваша дочка просит вас беречь себя. Прекрасная девчонка, мне бы хотелось, чтоб вы на нее взглянули. А между тем благословите ее заочно.

29 февраля».

Другая приписка сделана В. А. Азбукиным: «Милый друг Жуковский! Ты не можешь себе представить, как огорчило нас последнее твое письмо. Дай Бог, чтобы это было все к лучшему! Прощай, несравненный наш друг. Будь здоров и сколько возможно спокоен, от этого зависит счастие твоих друзей. На будущей почте будем писать к тебе много. Азбукин».

[2] Датируется на основании содержания: это обещанное в письме от 29 февраля «писать в субботу».

[3] *Вы, ели наклоняй,— и пр.⟨...⟩ таинственною мглой* — Вольное цитирование 39—41 стихов из «Гимна» (1808) Жуковского: «Вы, ели, наклонясь с седой главы утеса / На светлый, о скалу биющийся поток, / Его приветствуйте таинственною мглою…» (ПСС2. Т. 1. С. 123).

Но Хвала за вашу! — за эту святую жизнь, которая не обманула ожидания Его, которая украшает Его прекрасный мир! — Что же вам говорить, милый друг! Ваше прелестное сердце лучше вам ваших бессильных друзей: оно дает вам счастие! И то, что лучше счастия: бесценное чувство высокого добра. —

Переезжайте в Дерпт, милый брат! Спасите этого несчастного Ангела! О дай же Бог, чтобы успех благословил ваше намерение, дай Бог, чтобы эта милая душа радовалась своею дочерью, радовалась опять всем.

Мое сердце разорвано, его не достает об бедной Саше думать! — Друг мой, скажите Маменьке, что она должна быть гораздо самовластнее с этим извергом, с этой грубостью, злостью, подлостью,— деликатность и чувствительность губят Сашку! — Ей должно *приказывать* — да и что же это такое? Я не сочла бы за *грех* увезти от него Сашу, это позволительнее, нежели уморить их всех! — Поезжайте в Дерпт, наш Ангел-Спаситель! — Моей жизни с ними не розните: она неразрывная, несмотря на все. — За вас этих грустных, тяжелых минут, которые дают вам привязанность Маши к другому,— я не боюсь. Они будут, но с ними же будет связана мысль о ее счастии — и, где бы она его ни нашла, лишь бы нашла! — Божественное чувство, которое у вас в душе, должно заменить вам все! Для чего не могу я оставить вам одно это чувство, а тяжелое, грустное взять себе! — какое бы счастие я узнала. — Теперь я не могу скрыть от вас, что душа растерзана, для меня исчезло многое, что вряд ли когда воскреснет: если бы сказали мне, что я не огорчу этим ее, на всю жизнь,— я пожалела бы, что не осталась подо льдом Оки.

Но обо всем при свиданьи. — Она пишет ко мне, что вы хотите, Жуковский, чтобы я на два года переселилась к ним,— вы знаете по своему сердцу, что быть мне с ними лучше всего на свете,— но дело не о том, чтобы было хорошо сердцу,— а о том, чтобы всегда жить *как должно*. Дети слишком еще малы, чтобы ученье университета теперь могло быть для них полезно, года через три, так; — следовательно, это будет не для детей. — С ними будучи в одном городе, я меньше буду нужна детям, нежели нужны им их кормилицы, жизнь моя для детей будет уже ничто. — Маше нужна я не буду,— Саше вряд ли. Какое утешение — подумайте, друг мой! вы говорите опять о *колонии блаженных*. Пожалуйста, бросьте это слово для меня. Счастие что-то не кажется мне иначе как идеальным на земле.

Solche Blumen, wie ich im Traum gebrochen
Solche Blumtn blühen auf Erde nicht[*]

Святая должность, вот мое счастие. — И опять лгу, когда говорю: счастие, вот моя жизнь! А счастия я и не прошу. — Божусь вам, что всякое горе, всякое страдание готова теперь перенести mit Grossherzigkeit[**], смотреть всегда прямо в глаза. — Я буду в Дерпте весною; теперь мне ехать нельзя; — но и весною не ездите за мною, у меня будет добрый провожатый: Ренне[1], который ждет моего путешествия, чтобы там увидеться с родными,— вас, звать сюда, и потом

[1] *…у меня будет добрый провожатый: Ренне…* — Александр Оттович Ренне, зять В. А. Проташинского. Подробнее см.: *Елагина Е. И.* Семейная хроника // Воспоминания Е. И. Ела-

опять тащиться отсюда, мне будет страшно без всякой замены. — Теперь мое здоровье очень глупо, очень болит грудь и при всякой émotion*** плюю много кровью, — я буду лечиться. Это пройдет скоро, весною, с теплым воздухом я поеду к ним. — План теперь не посылаю, и потому что не достанет сил его переписывать, я не могу уставать, и потому что ведь мы увидимся. — Как же ваше будущее связано с этим планом? — Ежели дети мои будут уметь понимать добро, ежели сердца их будут благоговеть при добром деле больше, нежели при удовольствии, то с их жизнью связано и прошедшее ваше, не только будущее. — Лучший подарок душе, пример этой милой души! — Берегите ее, Жуковский, она наше сокровище, наше все!

Прощайте. Бог с вами! Благословите нас всех, как мы вас всею душою благословляем! Еще одно слово о делах: какое вы имеете право платить мне за Марию Ник.⟨олаевну⟩? У нас с ней свой счет, et rayez cela de vos papiers****. Вы с ее векселем делайте, что вам угодно, а до моих денег что вам нужды? — вот еще забавно!

Жуков⟨ский⟩, я скажу все баронессе. — Ее святая душа должна за Машу молиться, должна благословлять вас. — Ее я уже два месяца не видала благодаря моему дурацкому здоровью. — Avec elle vous pouvez compter sur la discrétion*****.

Перевод

* Такие цветы, какие я срывал во сне,
Такие цветы не цветут на земле (нем.).
** с великодушием (нем.).
*** волнение (*франц.*).
**** и вычеркните это из ваших бумаг (*франц.*).
***** Вместе с ней вы можете рассчитывать на сохранение тайны (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 9—10 с об.
Печатается по автографу.
Отрывки из этого письма были впервые опубликованы в «Российском литературоведческом журнале», 1997, № 11. С. 259—260.

68. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 марта 1816

Какое милое ласковое письмо![1] как оно прямо пришло в сердце! — Жуковский! неужели *вы* меня так любите! — Так мне, пожалуй, весело будет жить, и болезнь скучна покажется! Милый, бесценной брат! бранитесь на меня так-то почаще, мне придется плюнуть на всю латинскую кухню и на всех Гипократов[2]. —

гиной и М. В. Беэр. Публикация Л. Г Сахаровой // Российский Архив. Новая серия. Вып. MMIV. M., 2005. С. 287.

[1] *Какое милое ласковое письмо!* — Письмо Жуковского не сохранилось.

[2] *…мне придется плюнуть на всю латинскую кухню и на всех Гипократов* — Гиппократ (ок. 460-ок. 370 до н. э.), греческий врач, основатель научной медицины.

Теперь вы на мой счет покойны, вы получили мои письма, прибавлю еще (ибо вы приказываете подробно описывать), что у меня теперь Фор[1], что он в третий раз уже всю меня облепил шпанскими мухами, что поит хиной, исландским мохом и прочей дрянью, что уверяет будто через три недели я, конечно, перестану так глупо кашлять, что весною буду здорова, maintenant quelque herbes. En un mot plus on souffre, plus on est seul de croire, au miracle!* Надеюсь, что вы беспокоиться не будете, знавши меня в его когтях,— впрочем, такой доброты мудрено найти, он узнал не от меня, от посторонних, что я больна, и приехал, несмотря на сильную боль в ноге, которая половину дня его принуждает лежать в постели; — вечером, когда мне всегда бывает худо, он ухаживает за мной, как бы родной. — Милый друг, я все то делаю, что мне велят, и ни мало собою не пренебрегаю,— извольте дружбу мою называть как угодно: то, что я votre**, берегу в сердце, будьте мне лучшим товарищем и в лучшей жизни.

— Вам не нужно предписывать *скромность*,— я говорить об этом не могу, ежели бы и хотела; когда мы *между собою*, остановилась на этом *час*, то дня три сильного кровохарканья за него платят — Жуковский! берегите вашу светлую, милую душу! О какие она мне Божественные минуты дает! За вас я не боюсь! до вас ничего не достанет! Но будет ли она счастлива? Ради Бога! чтоб она была счастлива! Не позволяйте ей себя обманывать, *ее* жертвы не простительны, она должна быть счастлива, должна из милосердия к нам искать своего счастия — Ваше положение необыкновенно,— но оно прекрасно! Оно не может казаться тяжелым, тому, кто хочет только одного высокого добра! Ему всё! — и жизнь, и счастие! и все радости сердца!

Пришлите мне, если можно, Ефимовичев перевод вашего послания к Императору[2].

11-е марта. — Мне писать не дают. Наташа вас обнимает.

Перевод

* сейчас кое-какие лекарства. Одним словом, чем больше страданий, тем более верят в чудо (*франц.*).

** ваша (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 11, 11 об., 12.
Печатается по автографу.
Штемпель: Белев.
Адрес: В Петербург. На Фонтанке, в доме Князя Александра Николаевича Голицына. Его Высокородию Тургеневу для доставления Жуковскому.

---

1 *...у меня теперь Фор...* — Доктор Фор, см. примечание к письму 1.

2 *Пришлите мне, если можно, Ефимовичев перевод вашего послания к Императору* — Ефимович — муж Катерины Иоасофатовны Вельяминовой, сестры П. И. Вельяминова. Подробнее см.: *Е. И. Елагина*. Семейная хроника // Российский Архив. Новая серия. Вып. MMIV. М., 2005. С. 324—325.

69. В. А. Жуковский А. П. Елагиной.

Дерпт. 12-го апреля 1816[1]

Я давно не писал к вам, друзья. Это служит вам доказательством, что я не пишу к вам не от того, что о вас не думаю, а просто от лени. В теперешних обстоятельствах можно ли не беспрестанно думать о вас. Но и вы ленитесь не хуже меня? Уже давно не имею от вас ни словечка. Послушайте, милый друг Дуняша; что за вопрос: *неужели вы так меня любите*? На этот вопрос я отвечаю вопросом же: *можно ли в этом сомневаться*? И какую же минуту выбрали вы для сомнения. Ту именно, в которую все соединило мою душу с вашею. И это вам должно быть известно, понятно даже и тогда, когда бы у меня руки отсохли, когда бы я совсем перестал писать к вам.

Ваша правда: мое положение необыкновенно! Но я себя совсем не понимаю; мне до сих пор, с самого моего сюда приезда, не хорошо с самим собою! Почему не хорошо? Это ни мало для меня не ясно! Знаю только то, что я ни разу не колебался в том, на что решился. Итак, мое *не хорошо* происходит не от противоречия тайного чувства с поступками! Они согласны! Это *не хорошо* составлено из разных мелочей, из *комарей жизни*, которые не дают наслаждаться прекрасным днем ее. Мое главное решение — но это еще ничто. Во всем, что меня окружает, столько нерешительного, столько противоречия, что мысли, чувства, все идет кругом, и это самое тяжелое состояние. Сквозь этот туман проглядывает веселая надежда на ваш скорый приезд. У нас с Машей один припев: скоро приедет Дуняша[2].

С самого моего приезда сюда все идет довольно тихо; историй нет, по крайней мере, нет продолжительных. Но и согласия не бывало. Я почитаю для них необходимым жить *розно*. Но как это сделать? Жить вместе было бы весьма легко, но с другими характерами и с другим прошедшим. Надобно б было признать себя виноватыми, воспользоваться своим опытом и узнавши причину дурного, истре-

---

[1] Датируется как ответ на письмо Авдотьи Петровны от 11 марта 1816 года.

[2] По болезни Елагина не смогла приехать в Дерпт. Сохранилось письмо к ней А. Ф. Воейкова от 20 апреля 1820 года, в котором он демонстрировал всеобщее согласие в семейных отношениях и его благорасположенность к Авдотье Петровне: «Что сказать Вам, милая сестра? Сказать вам, что каждая жилка у меня билась от звука при получении известия об опасности и болезни Вашей? Но Вы это сами знаете, сами чувствуете. Благодарю ли Вас за брошенную у Вас сиротку Митеньку, который не погиб по милости вашей? Сердце Ваше скажет Вам то, что мое и Сашино чувствует! Уверяет ли, что с беспокойством дружбы, с нетерпением человека, который много Вам обязан, который любит Вас нежно и уважает, я ждал Вас и выбегал встречать каждую кибитку и вздрагивал при звоне каждого колокольчика? Это очень просто и само собой разумеется! Звал ли Вас в Дерпт, где присутствие дружбы Вашей необходимо? Жалеете ли об том, что когда Вы будете в Дерпте — то я и жена моя будем далеко, далеко, одни, странствовать по чужбине?

В день счастья вспомни обо мне!..

Ограничусь уверенностью, что я всегда буду много вас любящим всегда братом. Воейков» (РГБ, ф. 99, к. 3, № 45, л. 8—8 об.—9).

бить ее, чтобы нажить себе какое-нибудь счастие: этого никогда не будет! Тетушка и теперь видит себя одну несчастною и *всех* причиною несчастия. Ошибки ее для нее не существуют. Следовательно, и будущее не может перемениться. Получивши ваше несравненное письмо, которое мне *возвысило* душу и было самою лучшею для меня наградою за все, она сказала Маше: как это письмо пристыдит Ж⟨уковского⟩! Но это не удивило меня, даже не огорчило. К счастию, теперь я независим ни от кого в поступках своих; можно свободно хотеть *высокого* добра и даже для него действовать. А лучшая награда — собственное одобрение и одобрение тех, которые *понимают*. Моя цель (и ваша) — сделать возможное, чтоб Маша была счастлива и чтобы она вышла из того убийственного положения, в каком она теперь. Приезжайте. Будем об этом хлопотать вместе. При вас, думаю, и мое *нехорошо* поправится. Я говорю Маше, что она должна видеть в нас двух — отца и мать, из любви к нам устроить как можно лучше судьбу свою, *быть счастливою и стоить счастия*. Приехавши, вы увидите, что надобно делать. Сказать этого теперь никак не умею. С Мойером мы совершенно согласны в образе мыслей и чувств; между нами нет ни малейшей принужденности, ни малейшего недоразумения; мы говорим свободно об нашем общем деле, о счастии Маши — такой черты довольно, чтобы дать понятие и о его характере. Но между тем все идет не так, как бы хотели и он, и я; он каждый день бывает вместе с Машею, но эти частые свидания их не сближают, ибо всегда принужденность. Тетушка довольна тем, что есть, и так же теперь готова ручаться за Машино счастие, как прежде за счастие Саши. Но ни я, ни Мойер не довольны. Нужно, чтобы уверенность для нас была совершенная, основанная на взаимной свычке, на знании друг друга. Этого еще теперь нет — но это сделать необходимо нужно. Приезжайте. Вместе все устроим. Но это *приезжайте* пугает меня. Вы опять наделаете каких-нибудь восхитительных дурачеств. Я бы шепнул Азбукину: проводи ее! Но Бог знает, будет ли это ему возможно. Вы поедете с детьми и будете осторожнее — это немного успокаивает на счет дурачеств.

Милая Анета, милая Катя, добрые, бесценные друзья, я к вам не пишу особенно. И это не нужно. Но давно нет от вас ни строчки — это не хорошо. Целую вас обеих в уста и в очи. Когда-то мы будем *вместе*! Кажется, что в этом слове *все* заключается.

Азбукина обнимаю. Прошу его поклониться от меня дружески сестре Натальe. О его делах оставил я в Петербурге хлопотать Жихареву[1].

---

[1] *О его делах оставил я в Петербурге хлопотать Жихареву* — Жуковский обращался к С. П. Жихареву с просьбой о получении дворянского звания В. А. Азбукину. Так, в письме к А. И. Тургеневу весной 1816 г. он обращается к Жихареву: «Милый друг Жихарев, обнимаю тебя за дружеские хлопоты. Вот тебе ответ на твой запрос: нельзя ли для верности оставить в герольдии одни *копии со скрепою* с тех бумаг, которые ты получил от меня, а оригиналы их возвратить мне?» (ПЖТ. С. 154). Во второй половине июня Жуковский спрашивает Тургенева: «Что ж Жихарев не скажет мне ни слова о бумагах Азбукина?» (ПЖТ. С. 158).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 533—535.
Печатается по первой публикации.

70. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 мая 1816[1]

Сегодня только получила ваши два письма, одно от 12 апреля, другое после. — Они хоть адресованы были в Белев, но в Московском почтамте все ваши письма отдавались сестре Анете, теперь, слава Богу, я их получила. — Милый брат мой, мне очень тяжело читать в них, что вы меня *ждете*, что от меня надеетесь какого-нибудь лучше. *Я, друг мой, к вам не буду!* Долго еще не могу к вам быть! — Может быть, опять до зимы! — Обстоятельства, которые останавливают меня, связаны с такими тяжелыми неприятностями, что *долг этот* кажется мне истинною ссылкой. Но дело не о том, *как* он мне кажется, а о том, чтобы *исполнить* его, и хоть чувствуешь всю тяжесть цепей, но есть что-то вознаграждающее в том чувстве, которое мешает их сбросить. — Последнее это время я не понимаю, как я не сошла с ума. Нападки от опеки, требующие необходимо моего присутствия, и беспрестанность дурацких бумаг, — болезнь детей и Катошина, — и ужасное беспокойство об вас, об Маше, которое ни днем ни ночью не давало мне возможности иметь какую-нибудь ясную мысль; — все это стеснилось так в голове и сердце, что я без жару и без болезни, среди бела дня, начала бредить. — Вы меня зовете, зовете так, как будто была Маше необходима, — а мне ехать теперь невозможно. Если бы меня не спасла усердная молитва, единственное прибежище и подкрепление, — пришлось бы вам, дружок, писать вашей Дуняше эпитафию. — Мысль, что тот, кто посылает обстоятельства, выбирает то, что нам надобно, *не слепо,* — что Он любит нас не нашею бессильною любовью, что имел *возможность* дать добро, дать счастие, Он не по капризу посылает горе, эта мысль, друг мой, *прямо с Олимпа.* — Она рассеивает туман больше, нежели все наши бесполезные хлопоты, и громче всякого счастья говорит: «*Делай что можешь! Делай долг свой!*» — Вы пишете мне, друг мой, что у вас та же принужденность, что ни вы, ни Мойер не довольны тем, что есть, что частые свидания его с Машей их не сближают. — Я этого не понимаю! О, для чего не могу быть с вами, изъяснить себе все ваше и рассказать вам, почему я этого не понимаю. С таким характером, каков Маша описала мне Мойера[2], принужденность давно должна бы исчезнуть. Маше бояться теперь нечего,

---

[1] Дата устанавливается на основании ссылки на письмо Жуковского от 12 апреля 1816 года.

[2] *...Маша описала мне Мойера...* — Иван Филиппович Мойер (1786—1858) профессор Дерптского университета, доктор медицины и хирургии. В письме к Авдотье Петровне от 6 сентября 1815 года из Дерпта М. А. Протасова дает характеристику Мойеру: «Второе украшение Дерпта есть милый, добрый, благородный Мойер. ⟨…⟩ Скажу только некоторые главные черты: например, он положил себе за правило забывать или не думать о себе там, где дело идет о пользе

мысли свои, привязанность свою она без робости может и *должна* обнаруживать. Маменька этой привязанностью довольна; откуда же принужденность? — Неужели Маша не знает, что чем больше она будет любить его, тем вернее будет наше счастие, тем спокойнее будем мы глядеть на будущее. Милый Жуковский, неужели с твердой верой в ваше милое сердце, с возможностью понимать его, видеть подле себя, — с бесценной возможностью давать ему радости, — можно тяготиться мелочами? — Нет, милый друг, я своим присутствием ничего бы не поправила! — идти прямо так легко, так скучно в своей семье прятать сердце, искать окрестных дорог, — что я не умела бы ни понять вас всех, ни вам быть сносной. — Вы сердитесь на Тетушку, что она готовит приданое: но как ей не готовить ничего, когда Маша идти *хочет?* — Не забудьте, что ее будет окружать *новая семья*, в которой (как бы она ее не любила) ей неприятно будет зависеть в мелочах. Если Маша *любит* Мойера, то права, и я готова ручаться за её счастие, оно так давно уже нам необходимость, что мы *должны* его дождаться: и это милое счастие куплено такою высокою ценою, что расстроиться не может. — Или перестать верить, что беспрестанный спутник наших чувств и мыслей так же справедлив, как верен! Милый друг! ей стоит захотеть, она будет счастлива! — и неужели она этого не захочет? — О для чего я не с вами! Это последнее время моей жизни так объяснило мне жизнь, что я, право, была бы ей нужна со всем тем образом мыслей, какой у меня теперь? Как бы хотелось беспрестанно шептать ей: *иди прямо! спрашивайся с одним своим сердцем! Прочь все постороннее! твое счастие в тебе!* — С каким бы старанием закрывала от нее все то, что она не могла бы осветить своим счастием, — украсить своим сердцем. — Прощайте, Жуковский! мне слишком тяжело и не в силах сказать всего, что хотела. — Христос с вами, берегите себя, пока вы на свете, до тех пор свет будет стоить Создателя.

Еще одно слово: *от чего* вам нехорошо? — Друг мой! Не полагайтесь слишком много на свои силы! Сделайте для нее все, что ей надобно, но не забудьте, что вы для нее же должны беречь весь покой вашей души; *что ее счастие должно быть прочно*. — Боюсь, не обманываете ли вы еще как-нибудь себя? думаете ли вы, что отдавая ее счастие другому, вы точно уже почти совсем для нее действовать перестаете? — *Общее счастие — Маша* — это чувство общее теперь с Мойером не останется *одиноким*, когда он будет ей муж. — Говорите ли вы себе, что между вами непременно будет много родственного? — Милый брат мой! Что вам говорит тогда прелестная душа ваша? — Избави нас Бог быть добрыми для счастия! —

ближнего, и жертвовать всем другому. И это не слова, а дело. Он отказывает себе в самых приятных занятиях для того, что может употребить свое время и свой талант для других. Клиник университетский у него на руках, но как так нельзя содержать беспрестанно более 5 человек (и то, чтоб были больны разными болезнями, для обучения студентов), то Мойер нанимает большой дом, куда привозит себе безруких и безногих и лечит на свой счет. ⟨…⟩ Если бы ты его знала *всего*, то верно полюбила бы чрезвычайно; поступки его с нами есть все, что ни находится благороднейшего на свете» (УС. С. 156).

любить добро для добра, кажется, можно. Оно слишком хорошо *одно*, чтобы требовать еще награды.

А любить Жуковского так, как я люблю его, и иметь возможность *знать его*, — вот награда и за жизнь, как бы она тяжела ни была; вот и счастие, за которое можно на все горести смотреть равнодушно. — Смотрите же, берегите мне моего Жуковского таким, каков он теперь, — ведь детям моим надобно же жить: я и для них хочу, чтобы свет был украшен, чтобы и они смотрели на него с благодарностью.

Не ленитесь теперь, дружок: мне иногда до того об вас станет страшно, что я ни Богу, ни людям не гожусь. — Здоровье мое стало очень дурно: это непростительно; но погодите, авось, увидимся: — Между тем, пишите вы, или Маша или Мойер, — почему Мойер не пишет ко мне? — ведь, конечно, ему не чужая уже?

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 13—14 с об.
Печатается по автографу.

71. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

До второй половины июня 1816 г., Дерпт[1]

Я сейчас возвратился из путешествия в некоторые Лифляндские стороны и получил ваши письма, милая сестра. На них короткий ответ:

Обнимаю вас от всего сердца за то, что вы к нам *не едете.* Я боялся до смерти, что эта поездка будет вам дорого стоить; что вы себя расстроите, и тогда какое было бы горькое чувство знать себя этому причиною. *Не ехать* есть тяжелое для вас пожертвование, и как не чувствовать к вам благодарности за это пожертвование.

На счет наш будьте покойны; все идет очень хорошо. Я теперь *уверен*, что Маша будет иметь *возможное* счастие. То, что я писал к вам прежде, было справедливо, но только тогда, когда я писал. Теперь все уладилось. Писать о таких обстоятельствах никому не должно. Вечно напишешь не то, что есть, ибо нельзя написать *всего* совершенно. Не имейте на счет наш ни малейшего страха. Я желал бы, чтобы вы побыли здесь только для того, чтобы *успокоиться* совершенно. Поверьте *мне* и будьте спокойны.

Об человеке, которого я имел в виду, думать нечего: он имеет величайшие способности, великий ум и знания, необыкновенную душу; но *вверить* ему воспитание нельзя, ибо я не могу поручиться за его постоянство и терпение. Если их не будет, то все его качества, сами по себе прекрасные, не будут нисколько полезны детям и еще могут быть им вредны. У меня есть еще человек в виду, менее блестящий, но, может быть, более надежный. Знаю его по одним хорошим рекомендациям; но постараюсь узнать его лично. Тогда и решусь на что-нибудь.

---

[1] Дата устанавливается на основании указания о сборах в Ревель, куда поездка состоялась в июне 1816 года: во второй половине июня 1816 года Жуковский писал А. И. Тургеневу: «⟨…⟩ еду со своими через два или три часа в Ревель» (ПЖТ. С. 157).

У меня в голове бродит великий замысел, но об этом *поговорим*.

Когда *поговорим*? — Я буду к вам после возвращения Саши в Дерпт! Дождаться ее необходимо. Без меня будет здесь опять каша. Устроив все, отправлюсь к вам. И тогда *поговорим*.

Прошу быть осторожнее в ваших ко мне письмах. Их без меня распечатывают. И едва последнее письмо ваше не попалось в руки. Тогда была бы порядочная история.

Мы нынче едем в Ревель, где пробудем полный месяц и будем плавать в морской воде, укрепляющей душу и тело. С берегов Балтийского моря будет вам от меня первая весть.

Анета, Катя, Вася, целую вас. Дочка моя крестная, милая моя незнакомка, благословляю ее! Ванюша, Петушок и Машенька, милые мои друзья, всех вас крепко прижимаю к сердцу и люблю. Осенью или зимою я с вами. Милая Наталья Андреевна, здравствуйте.

Анета милая, благодарю вас за ваши *материнские* хлопоты обо мне. Хорошо мне жить у вас за душою. Буду об этом писать из Ревеля. Получили ли вы вторую часть? И нравится ли вам мое издание?[1]

Скажите ради Бога, отчего ни одна из вас так давно ни слова о нашей Марье Алексеевне? Когда увидите ее, напомните ей обо мне, как о человеке, который всею душою любит ее. Напомните обо мне и Елене Ивановне.

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 16—17 с об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 535—536.
Печатается по копии.

72. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 июль 1816[2]

Виват, милый Жуковский! вот вам маленькое средство сделать одолжение нашей милой Марье Алексеевне![3] Она должна была давать поручения в Дерпт, поручения верные, требующие *хлопот*, — я уверена, что *вы* их примете с благодарностию. Вот в чем дело, есть у вас в благословенном Дерпте некая *Mademoiselle de Beau**, знакомая ректору того же благословенного Дерптского университета, который от вас недалеко; этот Ректор Господин Штельцер: — а эта M-lle de Beau согласна, говорят, ехать в Россию, а нам хочется, чтобы эта Россия была

[1] *И нравится ли вам мое издание?* — Имеется в виду первая часть «Стихотворений Василия Жуковского», вышедшая в свет в ноябре 1815 г.

[2] Дата написания письма устанавливается на том основании, что оно является ответом на письмо Жуковского лета 1816 года.

[3] *...сделать одолжение нашей милой Марье Алексеевне!* — М. А. Черкасова (см. примечание к письму 1), жена Барона И. П. Черкасова (см. примечание к письму 11).

Володьково. — Рукодельной M-lle Boupoat давно уже у нас нет, и бедные милые малютки часто очень совсем одни, что очень грустно нашей Марье Алексеевне. И так, mon cher, вы поедете к M-lle de Beau, спросите, чему она берется учить, знает ли музыку и на каких условиях она согласится ехать в деревню. Семью нашу вы знаете: четыре милые малютки под ее надсмотром, из которых старшая Софья уже не малютка и мила необыкновенно, все привыкли к послушанию, к деятельной жизни и ко всему доброму. — О старших лицах этой семьи я не говорю *вам,* вы их знаете, но так как эта дама француженка, то вы можете прибавить ко всему тому, что вы об наших скажете, что у них жить очень покойно, *дом хорош, стол хорош et toutes* sortes d'attention pour les gouvernantes**. Голубчик, сладьте нам это поскорее, ежели ей угодно, велите написать кондиции и пришлите поскорее, а в вашем ответе не забудьте аккуратность, необходимую для ушей ужасного Барона. — Ее же рекомендовал *один доктор Мудров*[1]. — Вот, милый друг, комиссия, писанная почти под диктовкой наших обоих друзей: теперь надобно вам сказать что-нибудь об них, а там можно будет и за свое домашнее приняться. — Здоровье нашей доброй Марьи Алексеевны гораздо получше против прошлого года; почти так же, как было при вас, выключая ночь; ибо она уже совсем не ходит; но слабость меньше, и биение сердца, хотя уже 8 месяцев не перестает, но не так сильно и не настолько ее ослабляет. Недавно мы с ней ездили на дрожках в гости и возвратились уже домой в первом часу ночи, на этой неделе обещает она приехать ко мне. Все это доказывает вам, что Слава Богу! многое поправилось. — А об милом ее сердце говорить вам нечего. Оно то же, оно привязано к вам всею любовью, которую можно иметь к добру; собравшись вместе, мы молились об вас, утешались вами, и вместо того, чтобы им *напоминать* об вас, как вы в своих письмах мне приказываете, — мы друг друга любим больше и сильнее за *беспрестанную* мысль об вас: Au nom de Joukofcky!*** — говорят мне все те, кто хочет, чтобы я что-нибудь против воли сделала, и это милое имя переменит и волю. — Ваш портрет должна я была нарисовать для самой Марьи Алексеевны, и когда они останутся одни, первое слово, конечно: *Леночка! Подай-ка портрет!* — Их обстоятельства мало поправляются! С тех пор, как у них нет учительницы, барон стал гораздо взыскательнее, с детьми строг очень, требует от Леночки беспрестанного за ними присмотра, между тем болезнь матери требует также беспрестанных стараний, и он сам, когда не имеет возможности с кем-нибудь поговорить вволю, гораздо сердитее на целый день. Следовательно, вы не очень разбирайте таланты M-lle de Beau, давайте её поскорее, вот главное; уговаривайте её всем вашим умом, здесь вас в слове не оставят. — N'oublez pas seulement, que ce que je vous ai dit du baron, je vous le dit à vous seul, en communiquer cela à qui que ce soit en une indiscrétion. Ainsi finis, venons à vous, cher ami, vous promettez de venire cet automne! — Vous m'avez rendu à l'espérance du bonheur! Oh, venez de grâce!**** Какие ваши *великие замыслы, о которых надобно поговорить?* — Мною располагайте так же смело, как собою. — Но моя жизнь теперь не от меня

[1] *Ее же рекомендовал один доктор Мудров* — Матвей Яковлевич Мудров (1772—1831), известный московский врач, профессор патологии и клиники Московского университета.

зависит: не забывайте, что должность моя в рассуждении детей гораздо святее для меня всех счастиев небесных, что на мне одной ответственность за все! — Не забудьте это, и все великие замыслы, согласные с этим бесценным долгом, решайте смело, не спрашивая и не переговаривая. Ох! Жуковский! Как я хочу вас видеть! Воображала ли я тогда, когда с вами расставалась, что всех вас так долго не увижу? Ежели бы тогда сказали: *Полтора года разлуки* — кажется, этого бы вдруг не пережила! Но зато что и за жизнь! С тех пор, как я потеряла надежду нынешний год ехать к Маше, для меня пропало все, что *жизнью* назваться может. Приезжайте, мой голубчик, оживите мне счастие. Теперь до вашего приезду буду откладывать все! Но с этой надеждою и теперешнее будет хорошо! Ежели вы даже и не приедете, то, право, не худо так и обманывать; on ne désespère pas de la patrie, on trouve du bonheur dans toutes les amertumest de la vie*****.

Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры!
С сей сладкой надеждою я выше судьбы
И жизнь мне земная священна![1] —

Милый, милый друг! прежде мое небо озарялось надеждой *на ваше счастие*, и жизнь мне была *восторгом*, теперь счастие мое ваша милая душа, и это *прекрасное* счастие так же не обманет меня, как *сердца неизменного во веки.* Но мне часто становится *необходимым* получить несколько слов от вас, от Маши. По несчастию, то, что вам сказывает ваше воображение, я испытываю сердцем.

Если бы Религия со всею своею силою не подкрепила меня, то по получении ваших писем, где узнала о решении Маши, я или бы сошла с ума, или *со свету* (как говорит Губарев), вообразите, что я бредила днем и без жару! — И теперь, когда вы все долго молчите, я точно какой automate******, не вижу, не слышу и действую машинально. Я часто упрекаю себя за такую привязанность, которую и дети, и Бог должны мне упрекать,— но с сердцем не слажу! — Оно уже не мое! Маша! Маша! Ежели бы я только 24 часа могла ее видеть, ее слышать! — Здоровье мое стало отменно гадко. Это очень скучно, но ежели отказаться совсем от счастия вас видеть, то тогда и жизнь вся будет гадкая. — Велите, пожалуйста, Маше писать ко мне *по дням*, чтобы я имела понятие об ее образе жизни. — Ну, Жуковский! приезжайте осенью! Я оживу! — И моя Машка будет еще хоть немного со мною. Только смотрите, чтоб эта поездка ничего вашего не расстроила! — Вы из дружбы ко мне должны беречь *минуту* вашего удовольствия, de votre bien être******* больше, нежели всю мою жизнь. — Слышите ли, милостивый Государь, братец, которого я люблю со всеми его недостатками? — Жуковский! Куда вы иногда глупы! — но до осени! Боже мой! до осени! Это слово лучше живой воды! — Приезжайте, маточка, а пока пишите хоть немного, о здоровье, о том, что делается

---

[1] *Сей сладкой надеждою мир озарен 〈…〉 И жизнь мне земная священна!* — Стихи 99—102 из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814) (ПСС2. Т. 1. С. 383).

у вас, и хорошо ли вам жить? — За это *хорошо* я согласилась бы отказаться от блаженства видеть вашу милую рожицу.

Сегодня только получили второй том вашего издания, он короче собою первого, а славно! — Поздравляю почтенное потомство, а оно, я думаю, будет завидовать нам! — Еще таких несколько книжек — и Рок неумолимый свой гром неотразимый бросает мимо нас![1] — Давайте нам побольше щитов против Рока! Что ваш Владимир! — Знаете, что в издании меня огорчило? Что не помещено послание к Арбеневой![2] — и то и другое стоило печати, а побудительная причина та, что между вами теперь холодно. — Я ее видела в Москве, она говорит об вас так, как говорить должно, — и — ежели бы вы увиделись, верно, все разделяющее вас исчезло. — Сердце её стоит того, чтоб вы ее любили. Надеюсь, однако, что не размолвка ваша причиною тому, что послание не напечатано. Это бы не было на вас похоже!

Перевод

* Мадемуазель де Бо (*франц.*).

** всяческого рода внимание к гувернанткам (*франц.*).

*** во имя Жуковского (*франц.*).

**** Не забывайте только, что то, что я вам сказала о Бароне, я вам сказала одному, никому об этом не проболтайтесь. Я заканчиваю, поедемте к вам. Дорогой друг, вы обещаете, что приедете этой осенью. Вы мне подали надежду на счастие. О, приезжайте ради Бога! (*франц.*).

***** не приходят в отчаяние от родины, счастие находят во всех горестях жизни (*франц.*).

****** автомат (*франц.*).

******* вашего бытия (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 15—16 с об.
Печатается по автографу.

73. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

30 сентября 1816[3]

Благодарим вас, милый Жуковский, за ваши хлопоты об дурной M-lle la Beau[4]! Ежели бы я была молодой мужчина хвастун и надменный, чтобы кончить об ней материю, я сказал бы тотчас *le diable l'emporte!** Но женщине это не годится; все, что можно себе позволить *отдать ее ветрам*; да и то позволительно

---

[1] *И Рок неумолимый свой гром неотразимый бросает мимо нас!* — Стихи 328—330 из Послания «К Батюшкову» (1812) В. А. Жуковского. (ПСС2. Т. 1. С. 194).

[2] *Что не помещено послание к Арбеневой!* — Жуковский написал два послания «К А. Н. Арбеневой»: «Рассудку глаз! другой воображенью!.. » и «Хорошо, что ваше письмо коротко…» (1812) (ПСС2. Т. 1. С. 215—220).

[3] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 19 сентября 1816 года.

[4] *Благодарю вас, милый Жуковский, за ваши хлопоты об дурной M-lle la Beau* — M-lle la Beau — знакомая ректора Дерптского университета г. Штельцера.

Анне Буниной по праву родства с Архиреем, а нам с Баронессой! Скажите, каким выражением приличнее нам с Баронессою забыть M-lle la Beau? — Хлопоты же ваши Баронесса забыть не намерена и ежели придет когда-нибудь *осень или зима*, то, может быть, вы увидите сами, что этого забыть не хотят. — А придет ли для нас эта осень или зима, — о том знает лучший. Ежели же когда-нибудь узнаем об этом и мы — но что об этом! Я почти уверена, что вы не будете! уверена, не по вашим *хотелось бы*, а по какому-то внутреннему предчувствию, мрачному, скучному, сухому, — (как терзительный разговор Алексея Сергеевича[1]). — Нет, Жуковский! *пожар распространился!* — не в одном месте *выгорело*, и здесь как будто *нашествие иноплеменников: угли, пепел* и редко, редко *дым*. — Да и в этом пепле *не тихо!* бурный ветер и его подымает, и кружит не хуже метели! Вряд ли освежит воздух родины! разве один воздух! — истинная же дружба родных? — как вы думаете? *в этом случае* не родня ли и вы Горацию?[2] А подчас — виновата! Но сию минуту я стою того, чтобы вы сказали: comme les Messieurs les fats**, только, пожалуйста, не говорите! мне так грустно, что не мудрено черту вас и послушаться! Это же будет не в первый раз, témoins les ballades***! — выключая однако ж Адельстана[3], в котором послушались его *вы*, а не он вас! — да и какого же черта! Чуть, чуть не Адрамелеха: «Сатаны, *Божества* и людей ненавистника»[4] — За что, скажите вы, три последние куплета так *исказили*?[5] — воля ваша, скорее можно пожертвовать *младенцем*, нежели склеить вместе столько на вас не похожей бессмыслицы! Какой тут очутился *спаситель*, и каким манером Адельстан *застонало* — Это точно Адрамелех! — виновата, Василий Андреевич! простите мне мою дерзость и не сердитесь! тем больше, что и ваше доброе сердце согласно будет со мною: *страшнее* отдать *грешника*, нежели *невинного* младенца! — До этого зло не доходило, как же дойти мучению! Du reste, je ne sais ce que je dis, je vous parle des choses, dont je n'avais nulle envie de vous parler, et je garde pour moi d'autres que j'ai besoin de vous communiquer!

---

[1] *...как терзительный разговор Алексея Сергеевича...* — Речь идет о А. С. Бунине.

[2] *...в этом случае не родня ли и вы Горацию?* — Флакк Квинт Гораций, см. примечание к письму 57. (65—8 до н. э.) римский поэт.

[3] *...выключая однако Адельстана...* — Герой в одноименной балладе Жуковского (1813).

[4] *Чуть, чуть не Адрамелеха: «Сатаны, Божества и людей ненавистника!»* — Персонаж повести Жуковского «Аббадона» (ноябрь—декабрь 1814).

[5] *За что, скажите вы, три последние куплета так исказили?* — В первой публикации баллады «Адельстан» (1813 г.) две последние строфы имели вид:

И воскликнула: спаситель!
  Руку рыцаря схватя.
Нет спасения! губитель
  В бездну бросил уж дитя.
И дитя, виясь, стенало,
  В грозных сжатое костях…
Вдруг все пусто, тихо стало
  В глубине и на скалах.

(Вестник Европы, 1813. № 3 и 4. С. 218).

Mais c'est mon sort ēternel! Dieu sait qui ne me mène, et pourquoi je ne sais même pas résister à ma plume! Au fait donc!**** Я, право, *нимало* не огорчилась этим новым на меня неудовольствием! Я его не заслуживаю, да и вам передо мной извиняться совсем не в чем! *Вы сделали как должно*, и ваш поступок нельзя назвать неосторожностью, вы не могли, да и не должны были иначе сделать. — Неосторожна была *я*: зачем в один пакет положить разные письма! извиняет меня в этом то, что я просто, поручив вам свои письма, не подумала, что, может быть, нужна еще осторожность. — Признаюсь, что я от своего письма совсем не того ждала действия: два месяца убийственного молчания, и потом через вас узнаю, что на меня же сердиты за такое дружеское письмо, которое может быть только писано сердцем матери! к своей любимой дочери, в которой она бережет не для свету, а для чистого взора Бога, милую душу, лучшее свое сокровище! — Так и быть! это не первая несправедливость, но она же и приучила меня к терпению, к надежде на лучшее. То, что сорно, что *обман*, пройти должно! Истина остается! Другого сердца, привязанного к ним такою сильною, такою чистою любовью, вряд ли они сыщут, и эта любовь истинна! Как ей не рассеять все ослепления, какого бы они роду ни были! Пускай теперь опять винят меня понапрасну! именно то и успокаивает, что это *напрасно*. Они сами уверены во мне, слишком знают и сердце мое и привязанность к себе, и беспрестанное желание добра — чего мне оправдываться!

Я подожду: вот лучшее оправдание. — Впрочем, ежели вы читали письмо мое, то вы видели, что я от Маши *себе* не просила ничего, что я просила ее *идти прямо*, для собственного её спокойствия, что говорила ей об Маменьке и об вас, для того единственно, что от нее теперь одной зависит ваше общее счастие; — говорила ей то, что, конечно, весь свет мог бы слышать, если бы при целом свете могли быть чувства сильной дружбы чище и святее, нежели в откровенном тайном разговоре друзей. — Я и теперь и всегда готова просить у Маменьки позволения переписываться с Машею *потихоньку*, потому что такие письма, которые при всех отданы были бы одной ей, у нас называются *потихоньку*. — И скажу еще, что я имею право этого *требовать*. — Ежели до сих пор мой характер, моя неизменная привязанность к добру не могли поселить в сердце Маменьки ко мне полную доверенность, то по крайней мере за меня ручалась бы ей любовь моя к Маше. Эта одна любовь мешала бы мне сказать Маше то, что могло сколько-нибудь унизить её душу или дать ей какую-нибудь её недостойную мысль. — А каким же манером я, например, буду Маше говорить, что она или не так поступила, или в чем-нибудь виновата перед Маменькой, когда я наперед знаю, что это письмо будет прочтено Маменькой? Каким манером Маша будет говорить мне *все* об себе и обо мне, когда знает, что ее письмо должно так же выдержать цензуру? И почему в наши лета не можно нам позволить *быть друзьями?* Друзьями перед лицом Бога, помогающими друг другу *в добре,* укрепляющими друг друга в несчастиях, в испытаниях, — а не друзьями для свету, для некоторых складных фраз, — и не ребятами. Боже мой! Боже мой! Неужели ни одно мое чувство не будет разделено! Неужели все доброе в душе останется моей мечтою! — О ежели бы вы там все вместе знали,

сколько вы отняли у меня! Сколько с самого несчастного моего путешествия, исчезло для меня не только счастия, но и надежды — то, право, не я казалась бы вам виноватой. — Но за 1000 верст судить мудрено, особливо тем людям, которые так охотно *осуждают*, и осуждают без причины. Надобно бы вам меня видеть, взглянуть, хоть так, как глядят на меня посторонние, то есть без предубеждения, и тогда бы вы сами сказали, что страшно играть целою жизнью того человека, который никак не может оторвать своей судьбы, своего сердца от вас. — Еще слово: пожалуйста, оставьте меня в покое с моим идеалом! Право, вам не может быть так досадно то, что я об вас думаю, как мне досадны ваши околичности, ваша скромность и ваши упреки. Я вам ни слова не буду говорить об вас, пожалуй, и об себе, только сделайте милость, не отнимайте у меня моего лучшего.

Перевод

* *пусть унесет ее дьявол*! (*франц.*).
** как самодовольные господа (*франц.*).
*** свидетель баллады (*франц.*).
**** Впрочем, я не знаю, что я говорю, я говорю с вами о вещах, о которых у меня нет ни малейшего желания говорить, и таю в себе другое, о чем мне необходимо с вами поговорить. Но это мой вечный рок. Бог знает, но он меня не ведет, и почему я не умею даже сопротивляться своему перу. Итак, к делу! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 17—18 с оборотами.
Печатается по автографу.

74. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1816 г. 15-го сентября. Дерпт

Что вы примолкли? Уж не сердиты ли на меня, друзья! Милая Авдотья, я сделал большую глупость, написавши вам о том, что случилось с письмом вашим: верно, вы огорчились; а это не стоит того, чтобы огорчаться. Вот вам способ забыть мою глупость. Имею честь донести вам, что у меня есть на примете учитель, весьма знающий и весьма хороший человек. Его рекомендовали верные люди. Он может учить: древним языкам (латинскому и греческому, и я желаю, чтобы дети этим обоим языкам учились), немецкому, французскому (только грамматически, а не говорить), истории, географии, математике. Он немец, следовательно, будет учить основательно. Он тихий, скромный и застенчивый человек, следовательно, будет *любить* учебную комнату и приучит детей любить ее, т. е. приучит их *трудиться*. Остальное, то есть привычку к *добру*, даст им несравненная их мать, а он ей в этом поможет. Я еще не знаю, чего он потребует в год; когда узнаю, донесу вам; а когда все сладится, привезу его с собою в Долбино. А в Долбине сделаем план вместе, напишем, подпишем, велим засвидетельствовать попу и положим в церкви на престоле. Вот вам и еще способ забыть мою глупость: посылаю вам

письмо, полученное мною из Сибири. Спросите Азбукина о сочинителе этого письма; он знает его обстоятельства. Вам же, мои милые сестры, посылается оно для того только, чтобы вы с своей стороны подали также помощь Мещевскому[1]. Одна из вас должна быть секретарем прочих, должна написать к М⟨ещевскому⟩ две строчки по адресу, в его письме назначенному; может она не подписывать имени, а приложить при двух строках небольшую сумму денег, общими силами собранную и damit Gott befohlen*. На адресе лучше не выставлять имени М⟨ещевского⟩, а вложить его пакет в другой, который послать Корсунскому[2]. Виват поэзия! она спасает и ссыльных! Не худо бы и Плещеевых заманить на складку; но прежде должно спросить у Негра[3], за что он не отвечает на четыре письма моих?

Простите, целую вас всех. Ж.

Перевод

* чтобы Господь распорядился (*нем.*).

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 536—537.

Печатается по первой публикации.

75. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 октября 1816[4]

Благодарствуйте, милый друг, за ваши благодетельные письма, которые я оба вместе получила; мне было необходимо нужно от вас, из вашего огороженного мира, что-нибудь получить целительное, — и слава Богу! мой Ангел-хранитель сдул с вас лень, сжалившись, видно, над детьми моими. Эти минуты, в которые вы занялись мною, и так добро занялись, во что-нибудь вам причтутся; а между тем скажу вам, что ваши письма меня *воскресили*: не воображайте, чтобы тут были какие-нибудь гиперболы: c'est vrai à la lettre*. — Я написала к вам, что я не огорчилась, да и сама уверила себя, что я не огорчаюсь, *потому что это пройдет*, исчезнет *как дым* перед лицом огня, — но вышло, что и перед собой и перед вами виновата: Машино молчание, жестокая мысль, что она *не хочет* понять меня, что и она меня обвиняет, мысль, что... Но на что их рассказывать! Мало ли их каких было мыслей!

---

[1] *...подали также помощь Мещевскому* — Александр Иванович Мещевский (1791—1820), поэт, принадлежал к кружку поэтов Московского университетского пансиона В 1812 году добровольно вступил в армию. И при неясных обстоятельствах был разжалован в солдаты, сослан в Оренбургский гарнизонный полк. См. о нем: Поэты 1790—1810-х годов. Вступительная статья и составление Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 703—704.

[2] *...вложить его пакет в другой, который послать Корсунскому* — Александр Васильевич Корсунский. Личность установить не удалось.

[3] *...спросить у Негра... — Негр* — А. А. Плещеев, см. примечание к письму 8.

[4] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 15 сентября 1816 г., в котором он предлагает взять в качестве гувернера Цедергрена.

теперь они улеглись — que Dieu fasse paix aux trépassés!** — если стану перебирать их, то не мудрено мертвецам моим подняться из могил и напугать меня же. — Расскажу только, что здоровье мое, очень испорченное с нынешней весны, не устояло против всех собравшихся беспокойных мыслей; honte*** принуждена была слечь в постелю, и опять кровохаркание, боль в груди, и бессонница прибавлялись каждый день, до получения писем ваших. — Несколько ласковых, непритворных слов из-за тысячи верст, сделали больше, нежели все микстуры, мухи, мох, рассудок, сила души, правая совесть, терпение. — Нет, Жуковский! в собственное сердце нельзя уйти, как бы оно право ни было! свет, в котором мы *живем*, есть любовь милых! — без нее сердце бьется, а *жизни* не чувствует! в этой любви и жизнь, и счастие, и добро! — Одним словом, я теперь буду здорова; я сплю, перестала плевать кровью и не боюсь уже *вечного отлучения*. — Дай Бог, чтобы они ничего не отвечали мне на мои письма, я писала к Маменьке и к Маше в сильном страдании и физическом, и моральном, теперь все *неустройство* исчезло, мне опять кажется, будто они мною довольны, они опять *мои* — ради Бога не подымайте прошедшего! — Уговорите их, милый друг, не отвечать мне, если они мною недовольны, и ежели можно простить мне все, что им не нравится! — Мое сердце не переменится, им можно мне верить и начать жить вместе *без прошедшего*, без *экспликаций*. — Не смейтесь надо мною, пожалуйста, за эту просьбу, я знаю, что я хуже ребенка стала, но разве с ребятами не нужно снисхождение? —

Поскорее давайте говорить об учителе, — Милый брат: мне теперь *Цедергрена* не надобно![1] У меня есть *Вагнер*![2] — Удивляет это вас? — вот извольте теперь, я вам расскажу обстоятельно мои обстоятельства. И вы извольте бранить, если вам покажется, что я поступила *не так*. Впрочем, *во всем воля ваша*, переделать можно все, что вам не нравится: — я взяла Вагнера потому, что не надеялась, чтоб вы теперь занялись моими ребятишками, здоровье же мое стало такое гадкое, что мне необходимо было *теперь* не быть детям в тягость, — а с беспрестанным страданием одно из двух: или тяготить их распускающуюся жизнь, или оставить одних без присмотру, на волю всех прихотей, шалостей и пр. — И то, и другое было мне *несносно*: я искала *учителя*, и Бог послал мне совсем нечаянно человека, который может заняться ими в часы, когда я совсем бываю им бесполезна, и с которым они не только не испортятся, но, вероятно, научатся многому добру. — Он так же не *наставник* и не берется воспитывать, но я уже от многих счастливых химер отказалась, и довольна скромным титулом 〈*1 нрзб.*〉. — Вагнер саксонец, не молодой человек, отменно *застенчивый*, скромный, добрый, деятельный и любит свою горницу, свои занятия и кабинетную жизнь. — Он путешествовал очень много, Граф Тизенгаузен, с которым он ездил[3] по свету, был с ним *дружен* до смерти. —

---

[1] *Милый брат: мне теперь Цедергрена не надобно!* — Цедергрен — учитель, рекомендуемый Жуковским А. П. Елагиной; его характеристику см. в письме 74.

[2] *У меня есть Вагнер!* — Карл Иванович Вагнер, гувернер детей в доме А. П. Елагиной.

[3] *Граф Тизенгаузен, с которым он ездил…* — Фердинанд (Федор Иванович) Тизенгаузен (1782—1805), граф.

Детей он учит *теперь* по-немецки, через год, или когда они будут понимать хорошо немецкий язык, и *по-Латыни* и Математике. — Может быть, так же и по-Гречески, ибо он знает и Греческий и Еврейский языки, но об этом последнем языке с ним не говорила. — Французский же язык, Географию, Историю и прочие, единственно *на чтении* основанные науки, — стыдно ежели бы я не умела показать им сама. — Ванюша теперь читает, говорит и переводит с французского довольно изрядно; арифметику знает до тройного правила; — Петруша гораздо поменьше, но это дело времени. — Вагнер и дети встают теперь в шесть часов, учатся по-немецки, разговаривают — и разговоры его все очень занимательные, потому что он и учен и опытен, — потом, окончив утренний класс и отдохнувши с пользою, переходят ко мне на французскую грамоту и прочее до обеда. — Потом гуляют с ним, — и потом опять учатся со мною, — потом опять с ним, — и день у нас всех занят так, что недостает часов. — Он жил три года в деревне, и теперь, чтобы перейти ко мне, оставил дом, хозяйство и многое ему милое. — Хорошие манеры воспитанного человека, необыкновенная кротость и доброта, скромность истинного достоинства, связанная с солидною ученостью, — милый брат мой! неужели вы этим не будете довольны? — Говорите однако же мне просто, скажите все, что вам не нравится, — и *требуйте* ответ; — я вам сказала все свое, а слушаться вас буду с благодарностию. — Вы не знаете, как ваше милое: *я хочу, чтоб дети* и пр. — благодетельно сердцу. — С этим покажется, будто я хорошо делаю, что живу на свете, будто и вы знаете, что судьба моя связана с вашею волею, так же как сердце не спрашивает, знаете ли вы или не знаете, неразлучно с вашею судьбою. — Ежели Бог даст, вы в самом деле приедете зимою, то увидите моего Вагнера; хочется, чтоб вы его видели, чтоб вы сказали ваше об нем мнение. Признаюсь, что его появление было мне точно уроком от Провидения никогда не унывать, никогда не терять доверенности к *Неизменяющему*. Я была *очень* больна, молчание ваше, поездка моя в Киев, такая неудачная, очень расстроенные дела, холодность некоторых людей, и многое, многое собралось, чтобы сделать из меня совсем лядку[1]. — Мне точно так же тяжело было оставить жизнь, как тяжело душе обманываться. Все мои добрые намерения, все прожекты на добродетельную жизнь детей, все планы для них, для окружающих меня, вся моя дружба такая сильная и такая бесполезная, и все в моей жизни без одной *исполненной* радости, — все это такой горечью наполняло сердце, что я готова была явиться к Богу с каким-то чувством упрека: tu m’a trompé![****] — В это время я сожгла многие ваши письма, Машины письма, все мои планы, надежды и рассуждения. — Дети же, между тем, то грустили надо мною, то шалили и ленились. Каждая сильная боль, каждое их дурачество одинаким манером меня сокрушали. В это самое время приезжает ко мне Вагнер торговать сахарный мой завод для приятеля, мы с ним знакомимся, и через несколько времени он предлагает быть учителем детей. — Нельзя вам пересказать всего, а ежели бы вы были здесь, вы увидели бы

[1] *…сделать из меня совсем лядку — Лядка* — от слова «ляда», т.е. «лентяй, ленивец, лежебок, тунеядец, бесполезный человек» (Даль. Т. II. С. 286).

всю руку Промысла, или лучше сказать: попечительное сердце Небесного отца. — Приезжайте, Жуковский! брат мой! друг мой! *душа моя!* Вагнер мой не помешает вам делать планы, какие вашему милому сердцу за меня рассудится, ежели он вам не понравится,— мы с ним не засвидетельствовали ведь попом наших условий и не клали их на престоле в Долбинской церкви! — Но он вам понравится, он войдет в наши планы и вы заставите его конструировать то, что мы вместе напишем и подпишем! — Приезжайте, пожалуйста! Мне на многое нужно милостивое *быть по сему*. — Теперь при мысли, что вы будете сюда, первый план мой: *быть здоровой*. Я хочу непременно быть здоровой, вы понимаете, что при этом хотении уныние жить не может,— следовательно, я буду здорова и жива. — А потом необходимо буду делать и планы на счастие! — хоть это не совсем умно, но что ж делать, так связано с жизнью, что перестать жить легче, нежели перестать делать планы на жизнь. — Один любимый из этих планов est votre établissement ici; pendant tout le temps que je me suis capablement porter, je n'ai rêvé qu'à une campagne pour vous; j'ai été voir deux, dont l'une sans aucun agrément indispensable, tout au bout de forêt sans un arbre, sans une seule colline,— peut-être assez profitable et quoi qu'il a l'avantage d'être à deux verstes de Beleff. — Elle se vend à un très bas prix, inclus les paysans tous ruinés, et de plus engagés, il faut y regarder à deux fois, avant de se décider à quelques pas. — L'autre à 4 verstes de Beleff, entourée d'un joli bouquet de bouleaux, de tilleuls, et d'érables, est bâtue sur une petite élévation d'où on voit tout Beleff, l'Oka, la grande forêt de sapin du Baron, et une immense prairie en fâce comme celle de Michenskoe: J'en ai été absolument éprise,— mais elle n'a qu'un seul défaut, *elle ne se vend pas*. — Bien n'est drôle comme les persécutions que souffre de ma part, le maître de cette belle campagne,— et il me paraît bien plus ridiculement quand je songe que peut-être Vous-même, Vous êtes loin de consentir à réaliser mes espérances chéries! — Qui sait, tandis que je bâtie ici, avec tant de félicite! notre colonie d'amis,— je ne veux dire ni heureux ni malheureux, mais *fidèle au bien*, fermer dans l'amour de la vertu,— qui sait dis-je,— les établissements que vous songez de Votre côté! — Peut-être une belle Allemande vous fait songer à ces Phénix qui renaissent de leurs cendres! Pardon, Joukofsky! — mais puisque-nous avons une fois parlé *d'incendie,* il ne faut pas oublier qu'il suffit d'une étinelle pour animer de cendres entièrement éteintes: témoin ma pauvre campange d'Orel! — Pardon encore une fois! Mais répondez-moi là-dessus je vous en prie: s'il faut que je garde éternellement le regret de l'absence je l'aurai aussi: une habitude à repousser toutes les attentes du bonheur: on peut en voir première l'espérance comme on se revoit le bonheur lui-même. Moier m'a parlé de retour à Mouratof! — mais c'est une félicité si désirée que je n'ose seulement arrêter ma pensée là-dessus. — Joukofcky! — pourquoi pas une campagne auprès de Beleff? — Cher ami, dites: *bon*! — Ne vous fixez pas tout si loin de vos parents, j'ose dire que ce n'était pas juste, on compte les avantages de tel out tel arrangement pourquoi le bonheur ou le malheur d'une amie n'entrerait-il pas dans le nombre des calculs? — Oh, si j'avais le pouvoir de disposer de sa vertu! Je vous assure que je n'oublierai pas le bien que peut donner au coeur une amitié véritable, et que je ne traiterai pas légèrement le destin d'un coeur si

fortement uni aux vertus. — Si j'étais Moier, — je dirai: Marie, allons à Mouratof! — nous ne trouverons nulle part un amour sur lequel nous puissions nous reposer avec autant de sécurité! — Allons à Mouratof. — Il ne faut pas que ce Coeur faché de tous les tourments d'une éternelle séparation, il ne le faut pas pour *le plaisir de notre propre existence*, *car nulle part nous retrouvons* un amour pareil! — Et si j'étais la votre Allemande, je dirais: Joukofsky! Allons nous établir auprès de votre soeur! pour prix de son attachement, de cette amitié qui seule paraît être l'amie de la vie, — il ne faut pas lui faire regretter le temps qu'elle passe si cruellement à vivre comme en exil sur la terre. — En vérité, quand on songe que c'est peut-être seulement dans la Vallée de Sovaphaif, que la paix sera rendue on ne connaît pas pourquoi elle le donne la peine de Vivre. — Mais Moier et belle Allemande ont bien le tenu de donner une seule idée du coeur, à l'amie!*****

Благ своих не постигает
В сновидениях златых
И бессмертья не желает
За один с Пелидом миг![1]

вот еще здесь! — опять предстоит разлука! и опять *счастие там*! — а сольются ли когда небо с землею? — между тем *верное* не задумавшись оставляют, чтобы ⟨*1 нрзб.*⟩ искать *вероятного*! — Наш Американец меня пугает![2] Надобно бы и вам взглянуть на него! Он будет сюда в январе, — милый брат наш! будьте сюда, пожалуйста! — Ежели Анета пойдет замуж, вам должно благословить ее на счастие, *вам, нашему лучшему счастию на этой земле.* — До смерти страшно и за нее. Но что ж делать! Своего сердца всюду не подставишь! — как оно не полно любовью, все говорит *не то!* Ну, милый брат, приезжайте же! — только смотрите, опять *не жертвуйте ничем*! — Приезжайте, если можно, если хочется и своим ничем не пренебрегайте, это *наше лучшее.* — Посылаю вам картины, какие есть! Куда бы весело, если бы я имела возможность с вами *скупиться*: je ne me moquerai pas si fort de cette facilité d'être heureuse par un seul de vos sourires, une seule de vos paroles!******

Благодарствуйте тысячу раз, за письмо Мещевского. На этих днях мы посылаем ему, что теперь можем; будем еще собирать, и ответ ему доставим. — Пускай он свои благословения нашему Жуковскому прибавляет к нашим благословениям. Пускай этот милый Жуковский будет отрадой, утешением, счастием тому сердцу, которое на него надеется. Так же, как и благословенная Поэзия! — виват Поэзия!

---

1 *Благ своих не постигает ⟨…⟩ На один с Пелидом миг* — Стихи 93—96 из баллады Жуковского «Кассандра» (ПСС2. Т. 13. С. 19).

2 *Наш Американец меня пугает! — Американец* — Егор Васильевич Зонтаг (1786—1841), за которого Анна Петровна Юшкова вышла замуж в 1817 г. Зонтаг, родом американец, поступил на русскую службу в 1811 г. лейтенантом черноморского флота, в котором и служил до 1828 г. Затем был капитаном над портом в Одессе и инспектором Одесской карантинной конторы. В 1830 г. он оставил службу с чином действительного статского советника. Е. В. Зонтаг умер в 1841 г.

В замену счастия и скудных мира благ
С ним Муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает!

Меня обрадовала эта Муза, которая спасет бедного ссылочника! — Если бы я была в Сибири, то и мне в *замену счастия* милая душа Жуковского созидала бы *дивный мир*,— которого красота осветила бы и ссылку и сердце. — Но и здесь, в моей Лапландии, разве не то же? —

Я к нашим не пишу, устала. — Но скажите, что мне гораздо лучше, что скоро надеюсь быть здорова.

Дети вас обнимают.

Перевод

* это буквально так! (*франц.*).

** Да упокой Господь усопших! (*франц.*).

*** стыд (*франц.*).

**** ты меня обманул (*франц.*).

***** ваше обустройство здесь, все это время, насколько я могу чувствовать, я только и мечтала о деревне для вас; я посмотрела две из них. Одна — без всяких необходимых привлекательностей, прямо на окраине леса, без единого дерева, без единого холма, может быть достаточно прибыльной, к тому же у нее преимущество, что она в двух верстах от Белева. Она продается по очень низкой цене, включая всех разоренных, к тому же заложенных крестьян, и надо посмотреть дважды, прежде чем решиться на какие-то шаги. Вторая — в 4-х верстах от Белева, окруженная прелестной купой берез, лип и кленов, построенная на небольшом возвышении, откуда видно все Белево, Ока, большой еловый лес Барона и огромная степь напротив, как в Мишенском. Я ею была совершенно очарована, но у нее один недостаток: *она не продается*. — Еще смешней те преследования с моей стороны, от которых страдает хозяин этой прекрасной деревни,— мне кажется еще более смешным, когда я думаю, что, может быть, вы сами не согласны осуществлять мои самые дорогие надежды! — Кто знает, когда я построю здесь с таким блаженством нашу колонию друзей — я не хочу называться ни счастливой, ни несчастливой, но верной добру, любви, заключенной в добродетели,— кто знает, говорю я, что вы думаете с вашей стороны об устройстве колонии? — Может быть, прекрасная Немка заставляет вас думать об этих фениксах, которые возрождаются из пепла. Извините, Жуковский! — Но поскольку мы с вами говорили о пожаре, не надо забывать, что достаточно одной спички, чтобы вспыхнул пепел, полностью угасший: свидетельством тому деревня под Орлом. — Извините еще раз! Но ответьте мне на это, прошу вас: если надо, чтобы я вечно хранила раскаяние от разлуки, у меня оно есть; привычка отвергать все ожидания счастия, саму надежду, можно видеть, как видят счастие. Мойер мне говорил о возвращении в Муратово! — Но это такое желанное блаженство, что я не решаюсь остановить свои мысли на этом. — Жуковский! Почему деревня не рядом с Белевым? Дорогой друг, скажите: *хорошо*! Не селитесь так далеко от ваших родных, я дерзну сказать, что это было бы несправедливо, когда рассчитывают, почему не включают счастье или несчастье в число расчетов? — О! если бы у меня была власть направлять добродетель! Я уверяю вас, что я не забыла бы добро, которое может дать сердцу настоящая дружба, и я бы не судила так легко участь сердца, так сильно привязанного к добродетелям. — Если бы я была Мойером, я бы сказала: «Машка, поехали в Муратово! — мы не найдем нигде такой любви, на которую мы могли бы опереться с такой безопасностью. Поедем в Муратово! Нельзя, чтобы

это сердце терзалось от страданий вечной разлуки, нельзя, чтобы терзалось ради удовольствия нашего собственного существования, ибо нигде мы не найдем такой любви». И если бы я была вашей Немкой, я сказала бы: «Жуковский! Давайте поселимся рядом с вашей сестрой! ради ее привязанности, ради дружбы, которая единственная кажется подругой на всю жизнь, нельзя заставлять ее сожалеть постоянно, чтобы она вынуждена была так жестоко жить на земле, как в ссылке». Действительно, когда думают, что это может быть только в долине ⟨*1 нрзб.*⟩, где господствует мир, то не знают, зачем тебе дают наказание жить. Но Мойер и прекрасная Немка хорошо сделают, отдав единственный замысел сердца — другу! (*франц.*).

****** я не буду смеяться над собой от этой легкости быть счастливой от одной только вашей улыбки, от одного вашего слова! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 19—22 с оборотами.
Печатается по автографу.

76. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт. Октября 23-го, 1816[1]

Милая сестра, вы сердитесь на меня понапрасну! И точно я имею *право* упрекать вас за те выражения, которые вы на счет мой употребляете. Вы забываете, что вините меня в недостатке лучших чувств, в недостатке привязанности к вам, тогда как мы розно, тогда, как я никого не могу так много любить и уважать, как вас. Не стыдно ли? Да у вас же два письма моих, на которые не было мне ответа. В одном послано было к вам письмо Мещевского с просьбою возвратить его ко мне как можно скорее. В другом послано условие Цедергрена, учителя, которого я для детей ваших здесь выкопал. Ответа на оба письма и самый скорый мне нужен, а вы молчите да еще и бранитесь, как ни один пьяный фабричный не бранится: уши не вянут да сердце слышит и морщится. Голубушка, отвечайте поскорее на эти письма и будьте поумнее. Вам ли не верить моей дружбе! Неужели между мною и вами может быть расстояние, вымеренное саженями; оставьте это для статистики и для болховского землемера. Но, может быть, то и другое письмо потеряно на почте! Следовательно, и Анета не получила письма моего! Следовательно, все вы на меня дуетесь, как мешки эоловы![2] Господи, помоги мне грешному. На всякий случай, вот содержание этих обоих писем. В первом просил я от вас помощи Мещевскому (об нем и его имени узнаете от Азбукина). Он несчастлив, сослан за дело в Оренбург, но благодаря Богу не унывает, а спасается в объятиях святой Поэзии от отчаяния — надобно помочь ему, и помощь вся состоит в том, чтобы послать ему несколько денег, запечатав его пакет в другой пакет, адресованный в Оренбург на имя Его Высокобл⟨агородия⟩ Александра Ва-

[1] Датируется как ответ на письмо Авдотьи Петровны от 30 сентября 1816 года.

[2] *...все вы на меня дуетесь, как мешки эоловы!* — В греч. мифологии Эол, повелитель ветров, расставаясь с Одиссеем, подарил ему мешок, в котором были спрятаны все встречные ветры.

сильевича Корсунского[1]. Писать к нему и подписывать его имени не нужно, чтобы не оцарапать больной души. Во втором письме вместе со мною говорит и почтенный Педагогус Цедергрен, молодой человек, добрый, ученый, весьма не ловкий, но имеющий большие рекомендации. Он требует 2000 в год, несколько недель вакансии ежегодно для отдыха, денег на проезд из Дерпта в Долбино, обещает учить: по-Гречески, Латински, Немецки, Французски, Математике, Истории, Географии и Натуральной Истории. Довольно для начала! Его не считать воспитателем, а только наставником! Он, по доброму, солидному характеру, не испортит, а сохранит своих питомцев! Но мать сама должна быть их воспитателем и, слава Богу, что та мать, о которой здесь идет дело, такая, какой не надобно лучше, даром что в письмах зла и несправедлива.

Царь Небесный, посади своего херувима в это письмо, чтобы оно не пропало на почте! Ты знаешь, Господи, что мне весьма, весьма нужно получить на него ответ и вот почему, Господи! Я еду в начале декабря месяца в Петербург! — Как в Петербург! Ты хотел ехать в Белев! — Господи, ведь мы, люди, думаем, а ты располагаешь! Я не отдумал ехать в Белев, но мне должно побывать в Петербурге и там пробыть месяца полтора. Твой добрый Тургенев и твой прекрасный Кавелин ко мне пишут и зовут меня за важным делом! Но всего важнее то, что угодно тебе, Господи! И так прикажи херувиму твоему донести письмо мое в целости и прикажи ему похлопотать, чтобы на это письмо мне поскорее отвечали: это нужно мне, Господи, потому особенно, что я прежде отъезда из Дерпта условился с Господином Цедергреном, назначил бы ему срок, к которому он должен будет приехать в Петербург, и вместе с ним поехал бы в Долбино. Но чтобы *с ним* поехать, Господи, *надобно* знать, соглашаются ли принять его в Долбине. Еще, Господи, прикажи твоему херувиму поклониться Анне Петровне, то есть милой Анете (вы еще не знаете, что за имя Анета!), Катерине Петровне, то есть Катоше и ее великанчику Васе и ее крошке Дуняше. Так же, чтобы этот херувим не забыл поцеловать *свою сестрицу* Машу, да братцев Ваню и Петушка. Да чтобы он залетел в Володьково и там нашел двух родных своих и им бы шепнул обо мне два слова. Благослови же меня, Господи, благослови и их, а я и твой, и их всем сердцем.

Октября 23 Жуковский.

(Приписка рукой Александры Андреевны):

Дуняша, друг мой! Ты спрашиваешь у меня об Жуковском. Он, слава Богу, здоров, кланяться тебе приказал. Ангел милый, пиши ко мне, душечка! а я на той почте пошлю к тебе свое письмо, а ты в Жуковского пакете пиши ко мне.

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 18—19 с об.

[1] *...пакет, адресованный в Оренбург на имя Его Высокобл⟨агородия⟩ Александра Васильевича Корсунского* — А. В. Корсунский, см. примечание к письму 74.

Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 537—539.
Печатается по копии.

77. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

7-го ноября. Дерпт, 1816 г.[1]

Что ж это значит, милостивая государыня Авдотья Петровна Киреевская. Вы взяли *Вагнера* потому, что не надеялись, чтобы я теперь мог вами заняться? Прошу мне истолковать это мистическое слово *теперь*. Какой фигуры должно быть то время, в которое не могу я вами заняться? И по какому праву могли вы это вздумать. Но дело сделано! Вагнер у вас. Вы описываете его прекрасно; но признаюсь, боюсь верить и не верится. Стечение обстоятельств, по вашему же описанию, было таково, что первый попавшийся *вам* на глаза должен был показаться вам несравненным! В этих обстоятельствах пугает меня то, что Вагнер приехал к вам торговать завод и вместо того, чтобы купить его, сделался у вас учителем! Перемена слишком быстрая! Но я могу ошибаться и весьма вероятно, что ошибаюсь! Но кто вам его рекомендовал? От кого узнали вы о его сведениях, о его хорошем знании Математики, Латыни; о его дружбе по смерть с Тизенгаузеном?[2] Все это меня стращает! И тем более жаль мне Цедергрена, что половину того, чему он брался учить детей, должны взять теперь на себя вы сами! Милая, учить детей Истории, Географии, Натуральной Истории! Шутка ли? Вы думаете, что всему этому можно научить из чтения! Да! если бы они были девочки, то им было бы ненужно обстоятельное знание этих наук — вы бы могли учить их для того, чтобы от этого была польза их сердцу! Но для мужчины, в нынешнем веке, в котором от других отставать не должно, в этих науках нужно знание фундаментальное — я сам вам в этом пример! Мне часто приходится плохо от недостатка в этом фундаментальном знании! И я бы не желал, чтобы с детьми вашими бывало то же, что со мною. История и прочие науки слишком нужны для той жизни, какую ведут люди теперь, чтобы заниматься поверхностно. И вы не можете быть в этом случае хорошим для детей учителем. Это не значит однако ж, чтобы я требовал изгнания Вагнера. Если случай, заведший его к вам в дом, поступил благоразумно, то благодарение случаю! Но что же мы сделаем с Историей и прочим? Нельзя ли, например, если Вагнер от них отказывается, поручить Цедергрену? Два учителя в доме — это пахнет междуусобием! Но почему же междуусобие? Два добрых человека легко могут

---

[1] Дата устанавливается на основании цитирования стихотворений «Там небеса и воды ясны 〈…〉» (1816), «Легкий, легкий ветерок!» (1816), упоминаний о завершенном «Певце» (Певец в Кремле», 1816) и о неоконченном «Искуплении» («Вадим»), работа над которым будет завершена в 1817 году.

[2] *…о его дружбе по смерть с Тизенгаузеном* — Бароны Тизенгаузены — остзейские знакомые семейства Мойеров: в пансионе Тизенгаузенов воспитывалась сестра И. Ф. Мойера (*Беэр М. В.* Семейная хроника Елагиных-Беэр // Воспоминания Е. И. Елагиной и М. В. Беэр. Публикация Л. Г Сахаровой // Российский Архив. Новая серия. Вып. MMIV. М., 2005. С. 324—325).

ужиться в одном доме! Дети будут принадлежать каждому только в те часы учения, но их характер и все, что *они собственно*, будет принадлежать матери! Я бы разделил вот как: Немецкий язык, Латынь и Математика Вагнеру; Греческий, История со товарищи Цедергрену; Французский и Русский язык и сами дети матери. Но это один мой план. Цедергрену я уже сказал о нашествии Вагнера и он должен теперь заботиться о своей личности как для него велит собственная выгода. Признаюсь однако, не желал бы его упустить — его репутация прекрасная! Все в один голос отдают ему справедливость в хорошем смысле как заботливому и знающему учителю и как доброму человеку. Сверх того может быть трудно и для вашего кошелька стечение учителей. Я не знаю, что платили вы Вагнеру, а Цедергрену менее того, что он просил, дать невозможно. Подумайте об этом хорошенько сами. Если это можно как-нибудь уладить, то дети были бы обеспечены со всех сторон на счет учения. Вы бы тогда могли надолго, на всю раннюю молодость оставить их дома; они бы прекрасно приготовились для Университетского ученья; а Университет не повредил бы их нравственности, приготовил бы их для деятельной жизни. Таким образом соединились бы для них выгоды домашнего воспитания с воспитанием публичным. Подумайте о моем предложении; но подумайте не одна, а с Анетою и даже с Вагнером, у которого спросите, может ли учение быть успешным у двух учителей, занятых каждый своею отдельною частию? И если кошельку будет не трудно, то *решитесь*. Не пугайтесь этого слова кошелек: он святое дело для матери семейства. Выберите только из двух важнейшее.

На начало вашего милого письма скажу старую мысль: un *coeur* sensible est un méchant cadeau de la bonté divine*. Ваше милое сердце жестокий для вас мучитель! Сколько сделало и делает оно вам напрасных страданий! За себя и за других! Как бы желал я подлить в него благословенного покоя — точно подлить! Ибо самим вам сделать этого невозможно! Радость и горе жизни падают на нас прямо с неба в ту первую минуту, в которую кладет оно свою печать на душу, печать, с которою, так или иначе, будем тащиться до того порога, за который перешагнув, вдруг очутишься в тишине, ясности, неизменяемости и проч. Эта благословенная, хотя и тяжелая печать глубже вдвинута в сердце ваше, нежели в какое другое. Но ради Бога, если можно, будьте со всех сторон покойны! Те, которые вам нужны, ваши на всю жизнь! только не перекладывайте в них своей души, а будьте довольны их душою!

С получения этого письма стряхните с себя всю шелуху старых огорчений и начните жить, как будто их не бывало, с доброю, спокойною верою в полную к вам привязанность: зажигайте около себя и в сердцах своих детей фонари свои; а наши будут гореть там и здесь и отвечать вам своим светом! Можно и должно начать жить вместе, как вы говорите, без прошедшего! Но как же понять это прошедшее? Что дурного, достойного забвения в вашем прошедшем? Прошедшим здесь называю только одни огорчения ваши! Забудьте их и верьте тихому счастию, которое у вас, может быть, в руках, потому что вы можете строить тихо и смирно счастие детей, и можете и должны верить дружбе своих друзей. Вас должна успокаивать мысль,

что всем огорчениям причина не дружба или недостаток дружбы, а тысяча верст с теми безобразными привидениями, которые на каждой версте сидят толпою.

О ваших планах для меня, о прекрасной немке, о нашем будущем и проч. поговорим при свидании. Но об Американце теперь? Вы забавны с своими известиями! Показываете нам китайские тени, а не сказываете, что они значат. Анета молчит! Из вашего письма видно, что у вас что-то строится. Нельзя ли пояснее написать и прислать порядочный план постройки? Милая Анета! Что это значит! Ваше первое письмо было похоже на шутку! Оно было не иное что, как критическая статья в журнале о картинной выставке в Академии. Но теперь начинаю думать, что это не шутка. Счастие жизни милой Анеты, достойной всякого счастия! Перестаньте шутить, друзья, и напишите поподробнее. Я у вас буду зимою непременно. В Петербург тащит меня важное дело; но из Петербурга к вам! Непременно! Из этого слова однако первый слог *не* может оторвать только одно обстоятельство: Машина свадьба![1] Еще не назначен срок! Но от его назначения зависят и мои поступки. Боже мой! что такое человек? *Машина свадьба*! Я говорю об этом так спокойно! И во мне два спорщика: один гладит меня по головке за это спокойствие; а другой ворчит и хмурится! А я отвечаю: как вам угодно, но оно так! Друзья! на свете только и хорошего, что фонари; дай Бог, чтобы только на всякую минуту был огонь *на готове*! Все прочее шелуха.

Анета, душа моя, напишите ко мне. Катоша и Вася, вы не пишете и, верно, дуетесь на мою лень! Но прошу вас всякий раз, как скоро вздумается на меня подуться, взглянуть на вашу Дуньку и вспомнить, что я ее крестный отец и что вы счастливы. Вы требуете от меня бумаг; они поручены *верному человеку* в Петербурге для ходатайства по оным; но это ходатайство зависело от вас — я писал к вам, что вам было нужно сделать! Вы не отвечали. Я писал же в Петербург, чтобы мне бумаги возвратили и чтобы уведомили, что делано по ним, что сделать нужно; будучи в Петербурге, сам поработаю; а бумаги привезу с собою. Об них не беспокойтесь.

Дуняша, благодарю за картинки! Они обрадуют прекрасного человека! Но, признаюсь, смотреть на них и разбирать их было грустно! Сперва не понимал я отчего! Теперь знаю: они как будто судьба наших желаний и всего, всего! Они собраны были в нашем тихом уголку, для нас; одного из собирателей нет на свете; другие все рассыпались! И на них пала наша участь! Можно ли было вообразить за два года перед этим, что они достанутся человеку, который для нас совершенно чужой, а из Долбина перелетят в Дерпт, и все те воспоминания, которые к большей части из них приклеены, исчезнут — для того, кому они достанутся.

Благодарствуйте за Мещевского! Поэзия святое дело! святое во всем смысле этого слова! Блажен, кто может быть вполне поэтом! вполне, а не слишком! Если слишком, то поэзия враг всякого *вместе* с людьми. Моя стоит на золотой сере-

[1] *...Машина свадьба...* — Свадьба М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера состоялась 14 января 1817 года, венчание было в Успенском соборе в Дерпте.

дине и слава Богу! Я опять пишу и пишу! Так же как в Долбине. Певец кончен[1]. Искупление оканчивается[2]. Все это вам будет прислано.

Простите, милые друзья! ждите меня. Дети, целую вас. Наталья Андреевна, здравствуйте, голубушка! Иван Никифорович, попросите за меня благословения у вашего архиерея и поклонитесь Елизавете Васильевне! Все, что на милой родине, здравствуй! Я было начал давно стихи *к родине*, в подражание Шатобриану[3]; вот одно начало: «*Ты*» есть, так сказать, Дуняша и вот что ей говорится:

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но все с тобой
Душой!

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемой росою,
Светился луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойной,
И тень от ив в час полдня знойной,
И над водой от стада гул нестройной
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела!
Даль озарялась и светлела!
Туда, туда душа моя летела!
Казалось сердцу и очам
Все *там*![4]

---

[1] *Певец кончен* — Работа над «Певцом в Кремле» продолжалась с 12 декабря 1814 г. по 1 ноября 1816 г.

[2] *Искупление оканчивается* — «Искуплением» Жуковский называет здесь, по мнению К. К. Зейдлица, свою поэму «Вадим»: «На ясных лицах радость и искупления краса» (примечание П. А. Висковатова). Завершение работы над «Вадимом» — 1817 г.

[3] *...стихи к родине, в подражание Шатобриану...* — «В изд. 1849—1857 гг. стихотворение «Там небеса и воды ясны 〈...〉» напечатано под заглавием: «Вольное подражание романсу Шатобриана Combien j'ai douce souvenance» — В изд. 1878 года стихотворение это без заглавия. Следовало бы поставить: «К Родине» (посв. Авд. Петр. Киреевской)» (Примечание П. А. Висковатова. РС, 1883, № 9. С. 544). Франсуа Рене де Шатобриан (Chateaubrian Fraçois René, vicomte de, 1768—1848), французский писатель.

[4] *Там небеса и воды ясны 〈...〉 Очарованное Там!* — Стихотворение Жуковского «Там небеса и воды ясны» датируется сентябрем—октябрем 1816 года (ПСС2. Т. 2. С. 457).

И прочее. Кончить ли?.. Но Воейков не любит моего *там*. Да уже и слишком много его в моих стихах! А как без него обойтись? Кстати о *там*! Вот еще песня, написанная мною *по просьбе* и на данный голос. Об ней будет объяснение:

Легкий, легкий ветерок!
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой в ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют,
И, сияя, улетают
За далекие леса!
Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка — странник поднебесный
Все еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыть?
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *Там*?[1]

Перевод

* Чувствительное сердце — это злой подарок божественной доброты (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 20—25 с об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 539—544.
Печатается по первой публикации.

[1] *Легкий, легкий ветерок 〈…〉 Очарованное там?* — Стихотворение Жуковского «Весеннее чувство» датируется началом апреля 1816 года (ПСС2. Т. 2. С. 448).

78. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

2-го января 1817 г.[1] СПб

Милая сестра, вы говорите мне Аминь на все мои мысли, а я готов сказать Аминь на все ваши, не заикнувшись и от всего сердца.

Теперь спешу сказать вам одно только слово: порадуйтесь за меня. У меня есть то, что всего лучше на свете, независимость. Добрый царь дал мне пенсион (4000 р.)[2]. Этого довольно для свободы и беспечности.

Когда я к вам буду? Теперь я в Петербурге? Через три дня еду обратно в Дерпт?[3] А к вам? И слово данное, и сильное желание меня к вам тащут! Но важная причина говорит мне останься до окончания зимы в Дерпте! и в то же время эта же сильная причина заставляет меня бояться остаться! На что решиться! Не могу сказать: *подумаю*! До сих пор думанье худо мне помогало! Авось Бог решит за меня.

А вы и Анета не отвечаете мне на мои два письма. Анета ни слова о Московском имяреке[4], а вы ни слова об Вагнере[5]. Получили ли вы мои письма и где вы сами? В Москве ли? в Белеве ли? Отправляю письмо на всякий случай в Москву.

Простите до Дерпта. Оттуда напишу более.

Ж.

Вот вам экземпляр «Певца»[6]. Один и есть вам; Анете и Азбукиным пришлю, когда будет[7].

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 26—26 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 9. С. 543—544.
Печатается по копии.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения Жуковского о получении им пенсиона.

[2] *Добрый царь дал мне пенсион (4000 р.)* — Жуковский получил эту пенсию после издания в 1816 году сочинений своих в 2-х томах.

[3] *Через три дня еду обратно в Дерпт* — На 12-е января была назначена свадьба Маши Протасовой, но состоялась она 14-го января.

[4] *Анета ни слова о Московском имяреке...* — Речь идет о женихе А. П. Юшковой — Е. В. Зонтаге.

[5] *...а вы ни слова об Вагнере* — Вагнер — учитель, приглашенный к детям Киреевским.

[6] *Вот вам экземпляр «Певца»* — «Певец в Кремле» (датируется 12 декабря 1814—1 ноября 1816) вышел отдельным изданием в Петербурге (Медицинская типография) в конце декабря 1816 г. (ПСС2. Т. 2. С. 37—50).

[7] На обороте листа: «Ее Высокоблагородию Авдотье Петровне Киреевской. Спросить в доме Офросимовых в приходе Власия в Старой Конюшенной».

79. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Июль 1817 г.[1]

Благословляю вас от всего сердца, милая сестра![2] Ich hörte, aber erstarrte nicht, und kann nichts erwiedern*. Милая, я ждал этой вести. Назад тому два дня получил я письмо от Карла Яковлевича, в котором он уведомляет меня в двух словах о вашей свадьбе. И первое мое движение по какому-то верному предчувствию была радость. Мне говорит какой-то голос и говорит так, что не могу ему не поверить: она будет счастлива! И с тех пор, как знаю об этом, я совершенно спокоен на счет ваш. До сих пор вы были жертвою всего, и страдания всякого рода от вас не отставали — теперь должна настать другая эпоха, вознаграждения и тихого наслаждения жизнию в семье своей. Этого наслаждения вам было иметь невозможно без товарища-защитника. И Бог его привел к вам такого, какого вам надобно, с душою, могущею вам знать цену. И в какую минуту! Милая! Не правда ли, что это некоторым образом благодеяние Катоши![3] Надобно было ей умирать и страдать, чтобы прекрасное сердце перед вами обнаружилось. Милая, эта бесценная, успокаивающая мысль о вашем счастии точно добрый Гений. Теперь уже не буду воображать вас окруженной тяжелыми заботами, одинокою, посреди тысячи убийственных, хотя мелких неприятностей — у детей ваших твердая подпора; у вас счастие — и это счастие Бог сбережет! Оно куплено дорого! а кто больше вас достоин счастия? Нет на свете души возвышеннее, лучше вашей — это мой символ веры. А тот, кто будет уметь вас счастливить, будет уже все иметь на свете. Что за вопрос вы мне делаете: Si j'approuve votre conduite!** 8 месяцев, проведенных вместе и в каких обстоятельствах — это жизнь! слышать от вас о том человеке, с которым вы навсегда соединены: je l'aime autant qu'on peut aimer***! это восхитительно! в этом представляется мне что-то необыкновенно прекрасное. Теперь знаю то место на земле, где земная жизнь может назваться жизнию: когда говорите о счастии вы, тогда я представляю себе все прекрасное, соединенное с этим словом! и это счастие верно! Продолжение его оставим тому Провидению, которое привело это счастие к вам над гробом сестры вашей как будто для того, чтобы сказать вам самым понятным языком, что оно все хранит и за все награждает. — Простите, милая! Обнимите за меня вашего мужа! вы так заспешили, что и не назвали его в письме своем, и я бы должен был играть несколько времени роль Эдипа, если бы не получил заранее письма от Карла Яковлевича! Я уверен, что ваш муж меня уже

---

[1] Дата устанавливается на основании известия о свадьбе А. П. Киреевской и А. А. Елагина, состоявшейся 4 июля 1817 года.

[2] *Благословляю вас от всего сердца, милая сестра!* — Жуковский поздравляет Авдотью Петровну с замужеством.

[3] *...это некоторым образом благодеяние Катоши!* — Смерть Е. П. Азбукиной (Катоши), по мысли Жуковского, была жертвенным священным приношением для счастия Авдотьи Петровны.

любит — какое счастие будет увидеться с вами! Но как же больно не быть у вас в эту минуту! Oui, je dirai, mais je dirai avec la plus tendre reconnaissance votre lettre a été trop longue pour un jour comme celle-là****. Писать ко мне и писать так много и в какую минуту! Знаете ли, что вы никогда так сильно не доказывали мне дружбы вашей! Милая, добрая и (слава Богу!) счастливая сестра моя! я обнимаю вас от всего сердца! Мне неизъяснимо весело вообразить Ваню и Петрушу и Машу теперь подле вас, веселых и счастливых вашим счастием! И теперь все вы вместе! Но растолкуйте мне, по какому случаю ни Маши, ни Тетушки нет с вами в день вашей свадьбы![1] Я жду от вас длинного письма — от них же ничего не дождешься! ни Саша, ни Маша, ни Тетушка с самого отъезда не написали ко мне ни строки! Что у них делается? Нет ли опять каких-нибудь споров? Напишите, милая, и особенно напишите о Плещееве! Вообразите досадное мое положение — сколько святых причин к вам приехать! а я должен оставаться здесь! Глупое благоразумие велит мне быть неподвижным. Что же делать! О Плещееве не знаю ничего, и это меня мучит! Знаю, что он собирается в Петербург — и только! Но когда и каков он?.. Напишите об нем поподробнее! Одна из самых тяжелых жертв, принесенных мною обстоятельствам, есть то, что я к нему не поехал[2]. Я знаю, что мое присутствие было бы для него благодеянием, и должен был себе в этом отказать! Между тем мое ничто еще не решилось — и, может быть, все по-пустому! Как бы то ни было, но мы увидимся скоро. По крайней мере, не позднее сентября. Если мне нельзя будет ехать тотчас, то уже не прежде отсюда поеду, как дождавшись здесь Плещеева: увидеть его для меня точно необходимо! — Простите, милая! Пишу к вам беспорядочно, оттого что спешу. Ваше письмо захватило меня на самом отъезде[3] в Петербург. И слава Богу, что оно захватило меня — радость двумя днями ранее. Обнимаю вас, и мужа вашего, и детей.

Перевод

* Я услышал, но не остолбенел и ничего не могу возразить (*нем.*).

** Одобряю ли я ваше поведение? (*франц.*).

*** Я люблю его настолько, насколько можно (*франц.*).

---

[1] *...по какому случаю ни Маши, ни Тетушки нет с вами в день вашей свадьбы!* — Одна из причин отсутствия на свадьбе Маши и Екатерины Афанасьевны, которые в это лето были рядом в Муратово, объяснялась тем, что «А. А. Елагин решил обвенчаться в Козельске без всякой пышности и съезда родни» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 27); другая же причина, по всей видимости, заключалась в непрошедшей обиде Авдотьи Петровны за Жуковского, тяжело переживавшего замужество Маши.

[2] *Одна из самых тяжелых жертв ⟨...⟩ что я к нему не поехал* — «Слова Жуковского о Плещееве объясняются тем, что последний только что потерял жену (Анну Ивановну, близкого друга и Жуковского, и Авдотьи Петровны). Сам Жуковский не мог приехать на свадьбу потому, что как раз летом решался вопрос о его приглашении учителем к Великой Княгине Александре Федоровне (первая его лекция ей состоялась 22 октября)» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 27).

[3] Письма А. П. Елагиной к В. А. Жуковскому за 1817 год не найдены.

**** Да, я скажу, но скажу с самой нежной признательностию, ваше письмо было очень длинным для одного дня, таким же как это (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 13—14 с оборотами.
Впервые опубликовано: УС. С. 25—27.
Печатается по копии.

80. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Москва. Ноябрь — декабрь 1817 г.[1]

Милая Дуняша, посылаю вам шестьдесят рублей. Передайте их, прошу вас, Ивану Ильичу Вишнякову[2]. Я отпустил Максима[3], который будет жить в Белеве у своей сестры, получая от меня по десяти рублей в месяц. Посылаю деньги на полгода. Отдайте их немедленно Вишнякову. Максима же прошу вас не оставлять в нужде, а без нужды не балуйте его. Пусть живет своим трудом. От меня имеет помощь. Писать более некогда. Сашку целую и благодарю за счастливые родины[4]. Что ей счастье, то и мне. Обнимаю вас всех. От Воейкова узнаете обо мне более. Простите.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442. Л. 12.
Впервые напечатано: УС. С. 27.
Печатается по копии.

[1] «Эта записка, совсем не датированная, приурочена к последним месяцам 1817 г. на основании слов: «Сашку целую и благодарю за счастливые родины» и ниже: «От Воейкова узнаете обо мне более». Осенью 1817 г., когда Жуковский жил в Москве, только что начав свои занятия с Велик. Княгиней, А. А. Воейкова родила вторую дочь в деревне у Елагиных; в декабре к ней приехал муж, видевшийся проездом через Москву с Жуковским» (УС. С. 27).

[2] *Передайте их, прошу вас, Ивану Ильичу Вишнякову* — И. И. Вишняков — управитель в Долбине.

[3] *Я отпустил Максима...* — Максим — слуга Жуковского.

[4] *Сашку целую и благодарю за счастливые родины* — А. А. Воейкова родила в Долбине вторую дочь — Александру (1817—1893).

81. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 февраля 1818[1] Долбино

Милый брат, как хорошо! — Ваши 2 книжечки[2] заставили бы забыть не только мерзости Воейкова, но и всё, что есть дурного на свете, если бы — Душа моя Жуковский, неужели та грусть, которую ваши милые, несносные стихи наполнили сердце, не должна пройти? Не могу пересказать вам, как у меня стеснилось на душе. Тут как будто *тоска о прошедшем*! Ни одной пьесы не прочла я без чувства самого тяжелого, самого убийственного: ваше счастие Жуковский! ваше спокойствие мне для жизни необходимо, скажу больше, оно стало *необходимо* моему мужу; лучшее доказательство того, что вы мне! — Мы бы отняли его у Бога заменою многого своего. Друг милый, о как бы хотела взглянуть на вас! Как бы хотела окружить вас сердцами, наполненными самою сильною дружбою вам, это заставило бы вас больше с радостью глядеть на милую вашу жизнь: это больше нежели *улыбка друга*, которая озаряет наш удел. — Душа моя, брат мой, о как бы, кажется, легко нам заставить вас быть счастливым! — *Я знаю край!*[3] — Жуковский, *наши сердца!* — и это не мечта! Если бы вы видели наших детей, нашего доброго Мужа, вашу сестру душевную,— *Всё вы!* — Послушйте, друг, напишите непременно, ваш ли выбор пиес! Отрада мне, что это *перевод*, однако ж *К Месяцу*[4], тут большая часть ваша и не то, что в оригинале: мне это разодрало душу. С первого раза стихи остались в памяти, но это *память сердца*, я ими бредила невольно всю ночь. — Если бы я не была такая пузатая и такая нездоровая, если бы Саша-Ангел не кормила свою прелестную девчонку, сели бы мы двое в кибитку, мужа кучером, и прилетели на два дни к вам: мне так хочется вас видеть, что это невообразимо. Смотрите же, Жукачка, в Москве в самом начале июня надеюсь произвести Принцессу, а вы, мои феи, окрестите ее всякою всячиной. — Саша весь май будет у меня[5], и эта милая баба порядочная волшебница, оба вы вместе очаруете прекрасно весь удел моего счастливого ребенка. — Вы увидите и полюбите моего мужа[6], это меня восхищает! Саша не только его любит, но дружна с ним. Вы сами увидите, что стоит только узнать.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения об ожидаемом в мае рождении первого елагинского ребенка — Василия Алексеевича Елагина (13 июня 1818—11 июля 1879).

[2] *Ваши 2 книжечки*… — В декабре 1816 года вышли в свет «Стихотворения Василия Жуковского», часть вторая.

[3] *Я знаю край* — «Я знаю край! Там негой дышит лес…» — датируется концом 1817 года.

[4] *…К Месяцу…* — «Снова лес и дол покрыл…» датируется сентябрем—октябрем 1817 года.

[5] *Саша весь май будет у меня…* — А. А. Воейкова жила в Муратово и Долбине до и после рождения второй дочери.

[6] *Вы увидите и полюбите моего мужа…* — Алексей Андреевич Елагин (ум. 21 марта 1846), тульский помещик, муж А. П. Елагиной, отчим братьев Киреевских, отец Андрея, Василия, Николая и Елизаветы Елагиных; участник заграничных походов 1813—1814 годов, бывший артиллерист, московский знакомый А. С. Пушкина (2-ая половина 1820—1830 гг.), друг

Сашку я давно не видала, а пересылаемся часто. Она здорова, с ней Анета Вельяминова[1].

Теперь о делах наших: 1-е вот вам проценты, 600 моих, а 200 Полонских; Полонских вексель протестовала, а свой переписала и посылаю теперь же к вам. Скажите, получили ли вы вексель Соковнина?[2]

Я сделала глупость, запечатала его в письмо, не знавши, что это не делается, и теперь беспокоюсь. — Пожалуйста, на это отвечайте. — Об Астраковой[3], милый вы прекрасный человек! Toujours comme cela, Joukofsky! agir ainsi, ou vous voir agir — c'est un bonheur entier* — О блонде, вы хорошо же сделали, передавши Офрос⟨имовым⟩[4], спасибо, милый друг, за все хлопоты!

Encore un mot: Мещевский est-il toujours à Orenbourg? — J'ai un ami qui peut faire beacoup de bien dans cette ville, et qui allégera son sort**.

Простите, милый! Я устала. Все вместе обнимаем вас крепко.

26 февраля.

Перевод

* Всегда так, Жуковский! Поступать таким образом и видеть, как вы поступаете, — это полное счастие (*франц*.).

** Еще одно слово: Мещевский все еще в Оренбурге? — У меня есть друг, который может сделать много хорошего в этом городе и который облегчит его судьбу (*франц*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 19, л. 1—1 об.—2.
Печатается по автографу.

Г. С. Батенькова, поклонник философии Шеллинга, занимался переводами, издал на свои деньги перевод М. Рожалина «Вертер», похоронен в ограде церкви с. Петрищева, рядом — могила Г. С. Батенькова.

1 *...с ней Аннета Вельяминова* — Анна Николаевна Вельяминова (1785—1859), двоюродная сестра А. А. Воейковой, племянница Жуковского.

2 *...получили ли вы вексель Соковнина?* — Михаил Михайлович Соковнин (ум. 1850), брат С. М. Соковнина, сокашника Жуковского по Московскому университетскому пансиону.

3 *Об Астраковой...* — Авдотья Степановна Астракова (ум. 1848 г.), московская знакомая Жуковского, бывшая в дружеских отношениях с его матерью, Елизаветой Дементьевной. Жуковский высылал Астраковым деньги на поддержание памятника над могилою его матери на Новодевичьем кладбище в Москве и заботился об Астраковой и оставшихся после ее смерти дочерях.

4 *...хорошо сделали, передавши Офросимовым...* — Офросимовы: Мария Петровна (урожд. Юшкова), сестра А. П. Елагиной, Александр Михайлович (1782—1846), ее муж, полковник, однокашник Жуковского по Московскому университетскому пансиону, их дочери — Варвара и Прасковья Михайловны. В доме Офросимовых в Москве в 1816 году осталась заболевшая на пути в Дерпт Авдотья Петровна.

82. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Ноябрь, 1818[1]

Милая Дуняша, что с вами сделалось? Сколько времени не знаем мы ничего друг о друге. Не понимаю нашей лени. Моя лень, по крайней мере на эту пору, имеет какую-то тень причины; я отложил писать ко всем до окончания одной скучной работы, которая остановила у меня все: и поэзию, и порядок, и которая одна теперь составляет, так сказать, мою жизнь,— смешно назвать эту работу, но оно так, и я до тех пор ничего не буду делать, ни о чем другом не буду заботиться, пока не кончу начатых давно своих *грамматических таблиц*[2], которые скоро кончатся — тогда гора свалится с плеч; я опять сделаюсь поэтом, опять начну к вам писать порядочно. Теперь у меня лежит множество писем, ожидающих ответа, много планов в голове, ожидающих создания; вы у меня в перспективе; вырвавшись из этих таблиц, как из клетки, скажу друзьям и Поэзии: *я ваш снова*! До тех пор потерпите! Но вы, милая, не имея грамматических таблиц, но имея мужа, детей, которых люблю, как можете молчать. Дивлюсь вам с горем пополам. Дайте же о себе весточку. En attendant* вот вам стихи, произведение минуты, *мимопролетевшей*, следовательно, вам не должно выводить из этой песни никаких заключений. Она написана для Вадковской, которая и лицом и голосом (когда поет) похожа на Анну Ивановну[3]. Натурально, что с этим лицом и с этим голосом тесно связано прошлое. Но не думайте, чтобы настоящее было дурно: я им доволен. В моем теперешнем положении много жизни: и я нахожу его часто прекрасным, точно по мне. Одним словом, вообще не желаю перемены; и воспоминания прошедшего не иное что, как сон, который следа не оставляет, который *действует* только до тех пор, пока *длится* — и этот сон редок; настоящее хорошо. После такого предисловия читайте смело:

---

[1] Датировка письма обоснована А. Е. Грузинским, комментатором публикаций УС: «Письмо без даты: к 1818 г. отнесено потому, что в конце есть упоминание о Василии, первом сыне Авдотьи Петровны от Елагина (В. А. Елагин родился в 1818 г.), а также потому, что грамматические таблицы Жуковский составлял для велик. Княгини именно в 1818 г. Ноябрь поставлен по соображению с письмом Жуковского к И. И. Дмитриеву от 22 ноября 1818 года; там Жуковский говорит по поводу задержки в напечатаньи книжек «Для немногих»: «Этому однако причина не лень, а грамматические занятия, сухие и не поэтические. Кончив эту работу сделаюсь свободен и поэзия авось воскреснет» (Соч. изд. VII, т. VI, с. 429). Почти буквально в тех же выражениях говорит Жуковский о своих занятиях и в данном письме к Авдотье Петровне» (УС. С. 29).

[2] *...пока не кончу начатых давно своих грамматических таблиц...* — Учебные пособия, созданные специально для учения русскому языку царственных особ иностранного происхождения.

[3] *Она написана для Вадковской, которая и лицом и голосом* (*когда поет*) *похожа на Анну Ивановну* — Екатерина Федоровна Вадковская (в замуж. Кривцова, ум. в 1861 г.), племянница Анны Ивановны Плещеевой, жены А. А. Плещеева.

Минувших дней очарованье
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье!
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой!
Душе блеснул знакомый взор!
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давниших пор!

О милый гость, святое *Прежде*!
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи*! надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*!
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится!
Не узрит он минувших лет!
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины!
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены![1]

Этот край — Чернь![2] Но в Долбине есть жилец говорящий, красноречивый, милый, к которому много прекрасного спаслось и при котором оно живет, как в обетованном краю. Этому жильцу дай Бог долее пожить на этом свете, чтоб быть сторожем моего лучшего добра.

Но он был худой сторож моих книг. Так, матушка Авдотья Петровна! Уж более двух месяцев, как я перебрался на новую свою квартиру и вынул из ящиков, вами присланных, мои книги. Множество не достает. Я уверен, что целый ящик не послан; но где он, не знаю. Вот реестр недостающего, то есть то, что я *заметил*; многих книг не помню.

---

[1] *Минувших дней очарованье ⟨...⟩ В единый гроб положены!* — стихотворение Жуковского «Песня», датируемое концом ноября 1818 года.

[2] *Этот край! — Чернь* — Чернь — родовое поместье А. А. Плещеева, расположенное недалеко от Орла; здесь собирались родные и друзья Плещеевых, Жуковского и Протасовых, ставились спектакли, разыгрывались праздники со стихами и музыкой (Соловьев. С. 7—35).

Carricaturen von Hogarth[1]	9 тетрадей.
Erklärungen von Hogarth[2]	2 — 7 *прислано*.
Lessings Schriften[3] — сам не знаю, сколько, но около 20.	
Oeuvres de Louis XIV[4]	7 — один прислан.
Théâtre des grecs	
Répertoire du Théâtre français[5]	20—3 у меня.
Théâtre de Senèque[6]	1 — 1 прислан.
Fables[7]	1 — 1 прислан.
Bossuet Oraisons funēbres[8]	2.
Heerens über den Verkehrs[9]	3.
Lettres athéniennes[10]	3.
Tacite[11]	3 — 2 присланы.
Hume History of England[12]	3 — два присланы.

---

[1] *Carricaturen von Hogarth* — Вильям Хогарт, см. примечание к письму 42.

[2] *Erklärung der Hogarthischen* — Имеется в виду издание: Ausführlich Erklärung der Hogarthischen Kupferische. Göttingen, 1794—1809. 11dl. — Подробное объяснение к гравюрам по меди Гогарта. Гёттинген, 1794—1809. 11 выпусков.

[3] *Lessings Schriften* — Готгольд Эфраим Лессинг (Lessing Gotthold Ephraim, 1729—1781), знаменитый немецкий философ, поэт, драматург.

[4] *Oeuvres de Louis XIV* — «Записки» короля Франции Людовика XIV (Louis le Grand, 1638—1715), наставления дофину и Филиппу V, являющиеся лучшим источником для ознакомления с его характером и мыслями.

[5] *Repertoire du Théâtre français…* — 81-томное издание «Suite de Réperoire du français, avec un choix de pièces de plusieurs autres théatres, arrangées et mis en ordre par Lepeintre». Paris, 1822—1823.

[6] *Théâtre de Séneque* — Théâtre de Séneque: Traducion Nouvelle Enrichie de Notes Historiques: par L. Koupé. Paris, 1795. — Театр Сенеки. Париж. 1795.

[7] *fables* — В библиотеке Жуковского имеется издание: Fables choisies. Esope, Fenelon et Autres fabulists (Описание, № 1012).

[8] *Bossuet Oraisons funēbres* — Жак Бенин Боссюэт (Bossuet, Jacques Benigne, 1627—1704), знаменитый французский проповедник, историк и богослов, оратор, замечательный стилист. «Oraison funebres» — «Надгробные речи», среди которых выдающейся считается «Проповедь о смерти». В библиотеке Жуковского имеется издание: *Bossuet, Jacques-Benigne*. Discours sur l'histoire universelle. Т. 1—4. Paris, 1796 (Описание № 712).

[9] *Heerens uber den Verkehrs* — Арнольд Людвиг Герман Геерен (Heeren Arnold Ludwig Hermann,1760—1842), известный немецкий философ и историк.

[10] Lettres athéniennes — «Афинские письма» (1771) Кребийона-младшего, или Кребильона (Claude Prosper Jolyot de Crebillon, 1707—1777), французского новеллиста и романиста.

[11] *Tacite* — Тацит (Tacitus Publius Cornelius, ок. 55 — ок. 120), римский писатель, историк. В библиотеке Жуковского сохранилось издание: *Tacite*. Nouv. Trad. Т. 1—5. Paris, 1808 (Описание № 2225).

[12] *Hume. History of England* — Давид Юм (Hume David, 1711—1776), шотландский философ. В библиотеке Жуковского имеется издание: *Hume*. Histoire d'Angleterre. Т. 1—21. Paris, 1825—1827 (Описание № 1357).

Gibbon[1]	7 — 7 присланы.
Roscoe Vie de Laurent Medicis[2]	2.
Gillis History of Greece[3]	5.
Gast History of Greece[4]	2.
Hubler Allgemein Geschichte[5]	3 — два присланы.

Несколько Атласов, д'Анвилев и новый[6], сколько их было, не помню.

Поищите все это и пришлите. О пересылке прошу вас условиться с Букильоном[7] и послать зимним путем с лошадьми Плещеева. Когда кончу таблицы, буду писать много; напишите об этом и к Анете, о которой так же ничего не знаю. Хорош я, и хороши мы. — Простите друзья, всех целую: Алексея, Петра, Ивана, Василия, Машу — Василья и Дуньку[8]. Бог с вами. И немногие от таблиц примолкли.

Перевод

* В ожидании (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 15—16—16 об. –17.
Впервые опубликовано: УС. С. 27—29.
Печатается по копии.

[1] *Gibbon* — Эдвард Гиббон (Gibbon Edward, 1737—1794), знаменитый английский историк. В библиотеке Жуковского имеется издание: *Gibbon E*. The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. 1—12. London, 1815 (Описание. № 1110).

[2] *Roscoe Vie de Laurent Medicis* — Уильям Роско (Roscoe William, 1753—1831), историк, автор труда «The Life of Lorenzo de Medici, Called Magnificient», 1796, парижское издание «Vie de Laurent de Médicis», 1796.

[3] *Gillies History of Greece* — Джон Жиль (Gillies John, 1747—1836), шотландский историк, автор работ по истории Греции. В библиотеке Жуковского имеется издание: *Gillies*. The history of ancient Greece, its colonies and conquests. Vol. 1—5. Basil, 1790 (Описание № 1111).

[4] *Gast History of Greece* — Джон Гаст (Gast John), автор «The History of Greece, from the Accession of Alexander of Macedon, till its Final Subjection to the Roman Power», in Eight Books. Basil, 1797.

[5] *Hubler Allgemein Geschichte* — Имеется в виду: Daniel Gotthold Joseph Hübler Handbuch Allgemeinen Völkergeschihte alter Zeiten. Freiburg, 1798—1800.

[6] *Несколько Атласов, д'Анвилев и новый…* — Жан-Батист Бургиньон д'Анвиль (d'Anville Jean Baptiste Bourguignon, 697—1782), французский географ и к.граф, академик парижской академии наук; издано 211 к. среди изданий «Atlas général» (1737—80), «Nouvel atlas de China» (1737).

[7] *…прошу вас условиться с Букильоном…* — Осип Петрович Букильон — француз, управляющий имением Большая Чернь, который фигурирует во многих стихотворениях Жуковского.

[8] *…всех целую! Алексея, Петра, Ивана, Василия, Машу — Василья и Дуньку* — Жуковский перечисляет имена родственников А. П. Елагиной: муж — Алексей Андреевич, сыновья — Петр, Иван Киреевские, Василий Елагин, дочь — Маша Киреевская, Василий Андреевич Азбукин и его дочь Евдокия.

83. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 ноября 1818[1]

Милый брат, спаси Бог ваши потерянные книги! Им я обязана вашим милым письмом, которого ждала как манну с неба,— а иначе *грамматические таблицы* украли бы у нас на время друга,— и умирай душа с горя! — Я об вас беспокоилась сильно, но хоть знаю вашу лень, но мне не лень, а *болезнь* приходила в голову или, лучше сказать, в сердце, и не давала житья. Вчера получила письмо ваше. На мое молчание не бранитесь: я была отчаянно больна долго и чуть не отправилась за *Коцит*[2], *писать к вам посланья*. — Потом приехала Анета; радость видеть ее на родимой стороне тотчас заставила тужить об вас, брат! — Не успели пройти первые дни Rausch*, как занемог ужасно ваш крестник и отнял болезнью своею желание делить полную душу с вами. Я ждала лучшего времени, чтобы писать к лучшему. Но Анета хотела писать сама к вам, обещала не говорить вам о болезни нашего Васи, а только *оживить пепел протекшего* веселою вестью возвращения на родину. — Теперь и мои мерзкие приключения прошли, Вася здоров, и остались между нами только таблицы, которые в иные минуты кажутся мне также мерзкими приключениями, хотя воля их! — Я никогда ничему не позволю отделить меня от вас, и какие бы таблицы ни поставила судьба, мое сердце привязано к вам всею прошедшею своею жизнью, всеми лучшими чувствами души, всем хорошим в настоящем и всеми прекрасными надеждами в будущем. — Но вы в этом не сомневайтесь, и с этою доверенностию я могу и вам и себе позволить иногда лениться. Но не слишком долго, чтобы по доброй охоте не измучиться!

Теперь о книгах ваших! Знаете ли, что мне больно и грустно, что они пропали? Я не хотела бы слыть в уме вашем дурным сторожем вашего добра: оно и в низком, и в высоком смысле есть для меня *святыня*. — До книг ваших кроме лишь меня самой и двух сестер моих *никто* не дотрогивался. Устанавливали мы их в шкафы из ящиков трое: Катоша, Леночка и я, а отправляла я к вам в Петербург, опять вместе с Леночкой укладывали. Всё, что у меня было здесь, всё к вам и отправлено. Остались только те, что Леночка, взявши читать, забыла отправить по почте: *Oraison de Bossuet* и *les Jardins*[3]. Ещё у доктора был Hudibras[4], а у По-

---

[1] Дата устанавливается на том основании, что в письме Авдотьи Петровны содержатся ответы на вопросы Жуковского, поставленные им в ноябрьском письме 1818 года — о судьбе книг из личной библиотеки.

[2] *...чуть не отправилась за Коцит...* — В римск. мифологии «Река Плача» в подземном царстве.

[3] *...забыла отправить по почте: Oraison de Bossuet и les Jardins* — «Надгробные речи» и «Сады» Боссюэта.

[4] *Еще у доктора был Hudibras...* — «Гудибрас» (Hudibras, 1663—1678) — сатирическая героико-комическая поэма знаменитого английского поэта — сатирика Сэмьюэля Батлера (Butler Samuel, 1612—1680). К «Гудибрасу» были созданы иллюстации Вильямом Хогартом.

лины *Plutarque*[1]. — Не понимаю, как вы их не взяли, бывши здесь, не понимаю, как я вам об них не напомнила! — Теперь отправила их к Букильону вместе с вашими Атласами, оставшимися у детей, и о которых писали вам прежде: так же семь тетрадей Карикатур Гогарта: они лежали в портфеле, а не в шкафе, и потому при отправке книг я об них забыла, но их только семь, а не *девять*. — Плутарха я не взяла еще у Полины[2] и потому не могла прислать к Букильону, но об нем не беспокойтесь, он очень скоро пришлется по почте. — Сделайте милость, Жуковский, пересмотрите прежние мои письма (если вы имеете прежнее обыкновение беречь письма), вы там увидите реестр вашим книгам, которые нашли *dépareillés*** и просьбу мою отыскать где-нибудь у вас остальные части. Потом я говорила об этом Маше, и она сказала мне, что большая часть вашей библиотеки у нее. — Пожалуйста, друг мой, спросите, нет ли и теперь чего-нибудь у нее, также и у Саши, где вы также жили, могли оставить некоторые книги. Мне это и грустно, и досадно. Книги и для меня есть лучшие сокровища, и потому тяжело потерять свои, а вдвое тяжелее ваши: но причиною потери быть я не могу, а это была единственная моя забота. — Ради Бога, отыщите их где-нибудь и поспешите успокоить этим меня.

Перевод

* упоение (нем.).
** разрозненные (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 19, л. 3—4 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 60 с оборотом.
Печатается по автографу.

84. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

30 ноября 1818[3]

Милый брат мой, вы были больны![4] и вашей сестры Дуняши не было с вами! — Вы думали о Долбине, о сестрах ваших, а моя душа предчувствовала вашу болезнь своим беспокойством. О когда возможно мне будет покоить вас как любимого сыночка и отдалить от вас всё злое! — Розно с вами не дойдешь до обе-

---

[1] *...а у Полины Plutarque* — Плутарх (около 45—127 гг.), знаменитый греческий историк, философ и моралист.

[2] *Плутарха я не взяла еще у Полины...* — Полина Полонская, см. примечание к письму 18.

[3] Дата устанавливается на основе содержания: продолжается обсуждение вопроса о судьбе библиотеки Жуковского, начатое в ноябре 1818 года.

[4] *...вы были больны* — Письмо, в котором Жуковский сообщал о своем нездоровье в ноябре 1818 года, неизвестно.

тованной земли, и Долбино-Ханаан не только часто казаться будет сердцу пусто[1], но населено дурными гостями: *беспокойством* и *горем*. — Не знаю, что Анета могла написать вам, она говорит всегда о вас с истинною дружбою, прежнее всё и для неё неразлучно с милым — вами et ma lettre s'il y avait des reproches, n'était sans doute, que le produit d'un instant de tristesse inséparable d'une longue séparation. En revenant dans sa patrie, on regrette les amis absents avec *amertume,* et ce regret peut empoisonner tout ce qu'il y a d'heureux dans le présent. ⟨*1 нрзб.*⟩[*] — Но на меня, друг мой, вы не имеете права сердиться и упрекать мне мое *верное беспокойство* об вас. Ежели бы вы не были больны и если бы вы, душа моя, не таяли от этой болезни, скзала бы я вам вашу несправедливость с сильным горем. Но так и быть. Ce n'est ni la première, ni peut être la dernière fois![**] — Скажу только, что вы не должны были вообразить, чтобы я оставила себе ваши книги (а хоть бы и оставила, то может быть имела на то право), первое потому, что я не знаю по-Английски, а вам не достает почти все Английских книг, и второе — потому, что вы всегда *моими* книгами больше располагали, нежели я сама, и что я всегда радовалась, когда есть что-нибудь хорошее больше для вас, нежели для себя и своих здешних. — Я не переменилась; и живши всегда в большом уединении, не только не могла рассеивать души или испортить её, но больше еще elle s'est concentrée dans sa coquille[***]. А унизиться до того — — но полно. Посылаю вам реестр моих книг, кроме некоторых учебников детских и лексиконов, также выключая Химию и Медицину, которых у меня полные три шкафа. В этом вы увидите всё, что у меня есть, хотя вы видели уже всё, когда были сами здесь.

К Букильону отправила Атласы, Гогарта 7 тетрадей les Jardins и Oraison de Bossuet[****]. При первом посещении Анеты переберу с нею все шкафы снова и кладовую, чтобы вы не могли упрекать меня в *беззаботности*. Милый друг, ваше всё было для меня свято, я всегда любила вас с некоторым благоговением, и потому не могла мало заботиться о том, что вам принадлежит.

Пожалуйста, скажите мне поскорее, что вы здоровы и чем вы были больны? Господи, ce que c'est le sort d'une femme! Plus elle aime, et plus elle a des chaînes. — Mon frère chéri, mon enfant, quand pourrai-je vous soigner à mon aise![*****]

Дети и Дунечка все здоровы; Азбукин после стольких истинных оскорблений, которые я ему прощала, прогневался наконец на моего мужа *за шахматы* и больше к нам не ездит.

Перевод

[*] и мое письмо, если там содержались упреки, то это было без сомнения, только мгновением неразделенной грусти долгой разлуки. Возвращаясь на свою родину, сожалеют с горечью, что нет друзей. Этим рассуждением можно отравить все, что есть счастливого в настоящем (*франц.*).

---

[1] *…Долбино-Ханаан не только часто казаться будет сердцу пусто…* — Ханаан (*евр.* низинная страна), в добиблейские и библейские времена так называлась завоеванная израильтянами земля, которая была обещана им Богом.

** Это не первый и, может быть, не последний раз (*франц.*).
*** Она замкнулась в своей раковине (*франц.*).
**** Сады и Речи де Боссюэ (*франц.*).
***** какова судьба женщины! Чем больше она любит, тем больше у нее цепей. — Мой дорогой брат, дитя мое, когда я смогу заботиться о вас в полной мере! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 19, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 61.
Печатается по автографу.

85. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Ноябрь — декабрь1818[1]

Милый брат, знаю, что доставлю вам удовольствие, когда дам случай заменить меня и мою заслужить благодарность. Василий Ник⟨олаевич⟩ Писарев, сын моего двоюродного брата, не имеет в Петербурге знакомых и родных, познакомьтесь с ним, приласкайте его, позвольте ему быть у вас почаще, и видевшись с этим добрым и интересным молодым человеком, не забывайте вашу сестру Дуняшу, которая готова, несмотря на то, что вы сердитесь на нее за книги, работать для вас на Нерчинских заводах. Взгляните, несмотря на то, что Вы дуетесь на меня, я поручаю вам дорогую и важную мою вещь, перестаньте же дуться. Не забывайте, что мне нужно, чтобы вы dann und wann* протягивали ко мне губы с дружбою, а не надутостью, иначе нет радости ни в чем и нигде. — Но вот случай помириться, исполните мою просьбу и напишите ко мне поскорее.

Перевод

* время от времени (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 19, л. 6.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 62.
Печатается по автографу.

[1] Датируется по содержанию: именно к этому времени относится переписка Жуковского и Елагиной по поводу потерянных книг.

86. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Декабрь 1818[1]

Милая Дуняша, я писал к вам из Павловска, писал такое письмо, на которое должен бы был получить ответ, и послал еще такие стихи, которые бы должны были заставить вас отвечать мне — но ответа не было. Что с вами сделалось! Браниться за молчание мне неприлично! А еще менее прилично изъяснять его в дурную сторону — стоит прочесть прежние ваши письма, чтобы знать, что вы и вперед ко мне писать будете! Но получать ваши письма весело; вам мои также — отчего же мы не пишем друг другу! Вот вам дополнение к моему Павловскому письму: Петербург не Павловск! все, что *было* там (т. е. в Павловске), переменилось *здесь*! Прочитайте мои стихи к *Минувшему* и все тут. Бежавшее *Прошедшее* и настоящая рассеянная жизнь оглушили мою Музу: но она мало по малу начинает приходить в себя. Правда, прежде она *жила* сама собою, без усилия, а теперь, чтобы жить, должна себя расталкивать и кричать себе: *должно* жить! Очнись, погоди ж!

Скоро пришлю вам все, что ею намарано. Теперь пока хочу поосвежить вас студеною прозою. И вот в чем моя проза. Требую от вас одолжения. Вы вспрыгнете, я это знаю! но погодите прыгать, может быть, вам придется сказать: нельзя! не душа лжет, а мошка лжет! Как бы это ни было, вот в чем моя просьба: ваш поэт в долгу! и это теребит крепко его душу и холодит воздух повести. Чтоб все привести в порядок, надобно расплатиться, иначе час от часу будешь запутываться и наконец попадешь в такие тенеты, что из них не вырвешься. Вот что я вздумал: хочу оставить только те 6000, которые вы мне дадите. Остальными деньгами заплатите долг. Можете ли вы мне сделать большую услугу? Взять с Полонских вексель на свое имя, а мне заплатить две тысячи, которые вы мне должны. Это будет важным одолжением: я вексель их к вам не посылал, по той ясной причине, что его вы мне не присылали; можете взять с них вексель, а деньги (если только не обремените себя найти их, чтобы заплатить мне) передайте Александру Михайловичу[2]. Он одну тысячу заплатит Антонскому[3], а другую Авдотье Степановне за Марью Николаевну[4], которой деньги я взял на себя. Таким образом руки

---

[1] Дата устанавливается на основании слов Жуковского, что это письмо является дополнением к Павловскому, где было помещено стихотворение «Минувших дней очарованье» (то есть ноябрь 1818 года). Письмо написано незадолго до нового года (разговор о денежных расчетах заканчивается фразой: «Это будет подарком на новый год»).

[2] *...деньги* (*если только не обремените себя найти их, чтобы заплатить мне*) *передайте Александру Михайловичу* — Здесь и далее идет разговор о денежных расчетах: Александр Михайлович Полонский, белевский знакомый Жуковского и Елагиной.

[3] *Он одну тысячу заплатит Антонскому...* — Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762—1848), наставник в Московском университетском пансионе, впоследствии профессор Московского университета.

[4] *...а другую Авдотье Степановне за Марью Николаевну...* — Авдотья Степановна Астракова (см примечание к письму 81) и Марья Николаевна Свечина (см. примечание к письму 6).

у меня будут развязаны: ваши же проценты 600 рублей, вы знаете употреблять на Павла. Но чтобы иметь всегда верную возможность исполнить эту обязанность, надобно не иметь долгу. — В таком только случае можно отвечать за себя. Милая, постарайтесь меня одолжить, но требую, чтобы это было без всякого вам отягощения. Может быть, Антонский захочет перевести мой вексель на вас; Авдотье Степановне только в таком случае Полонский вексель может быть вам заменою. Пускай он напишет на ваше имя — а я буду совершенно обеззабочен, имея свои деньги на вас одних и не имея нужды ни с кем переписываться. Прошу вас на этот счет снестись с Александром Михайловичем, Причина тому, что хочется *передачи* этих векселей, есть та, что я вечно от необходимости переписываться, пропускаю время, следственно, нет никакого порядку, и это только заводит меня в новый долг — чем же это все кончится? Полонский подле вас и вам легко будет с ним сноситься. Уведомьте меня поскорее. Срок вашего векселя в феврале: но я желал бы, чтобы вы всегда присылали мне в начале года проценты — ибо в это время надобно мне заплатить за пенсион — к тому же легче помнить 1 число января, нежели всякое другое. Это будет подарком на новый год.

Напишите же ко мне, о себе и своих. Что Саша? Правда ли, что она была больна? Вы и от нее обещали мне письмо! А Анета? И слух простыл. Она меня бросила. Мое неписанье от лени! А она писать любит — и не пишет с самого отъезда в Крым! От чего это? Письмо долго у меня пролежало; ему надобно было ехать с Вадковским[1], который все еще не поехал. Между тем я успел получить ваше письмо, которое совсем меня не порадовало: вы были больны, милая Дуняша, и теперь еще не совсем хороши и письмо ваше грустно. Надеюсь, что это все пройдет ⟨*1 нрзб.*⟩, но не знаю, подходит ли вам. Прежде надобно узнать обстоятельства. Поэзия кое-что вараксает и скоро вам пришлю свои вараксанья; до сих пор она была прозою мне, ибо в жизни очень много прозы

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 1—1 об.—2.
Печатается по автографу.

87. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 января 1819

Милый Жуковский! виновата! — виновата, душа моя; милая моя персона! Вам, брат милый, оправдываться нечего; я сама большую часть жизни *верю вам* больше, нежели тому, что на свете живу; в этом ещё всё сомневаться можно сколько-нибудь à la manière de ⟨*lonci нрзб.*⟩*, — а в вас и в шутку грешно. — Но что ж делать с скверными минутами, в которые душа, так сказать, находится. Как они ни несносны, но от них не отделаешься, и если бы они не были *минуты*, то,

[1] *...ему надобно было ехать с Вадковским...* — Иван Федорович Вадковский (1790—1849), тульский помещик.

право, можно бы себя велеть запереть в монастырь. — За остальную же часть жизни мне жаль себя запереть, а дурные минуты так скучны, так тяжелы, так грустны, что, право, не стоят того, чтоб за них сердиться. Простите мне, мой милый друг, мои глупые подозрения; они прошли еще прежде нежели ваше письмо заставило их исчезнуть. Саша славный лекарь — утешитель[1], она справила мою душу. У этого милого человека такой запас доброго, что мы, больные, как в аптеку посылать к ней можем. — Когда мы увидимся, расскажу вам, отчего и почему такие глупости на меня нападают, а теперь скажите мне, пожалуйста, что нам делать с Воейковым? Как спрятать от нашего Ангела эту новую его подлость?[2] Она тем больше огорчит её, если до неё дойдет что-либо. Здесь совершенно уверили её в его исправлении. Он был во всё время своего здесь пребывания так любезен, прост и добр, как лучше требовать нельзя. Об Маше и Тетушке не говорил совсем ничего дурного, а Мойера хвалил еще всякий раз, когда об нем говорили. Кто же мог бы вообразить, что человеку вздумается de gaieté de coeur** оскорбить всех нас вдруг и таким чувствительным Макаром! — В первую минуту я чрезвычайно рассердилась, а теперь боюсь очень, чтобы у них в Дерпте чего не наделалось. Воейкова должно унять, но всё оборвётся на бедной Саше. — Мне так весело было, что можно с ним быть порядочно, весело было за неё — а теперь — что ж делать нам теперь? Всякий знак презрения сделает его хуже, а — молчать невозможно! Напишите, милый брат, что нам делать? Будете ли вы писать к нему? Мой Елагин ждать вряд ли будет и отправит к нему письмо, которое мне очень ещё не хочется посылать. Воейков привык уже быть бранным вами, подумает, что опять всё сладится и отряхнувши с ворота всё, вы ни скажете, скроет от жены своей ваше неудовольствие, — ссору с мужем моим или даже мною, не думаю, чтобы скрывать стал. Всё это сильно меня беспокоит.

На этих днях я поеду к нашей Сашке, мой супруг выбран в Лихвин судьею, недели на две он хочет принять эту должность, и пока он будет судить людей праведных и неправедных, я съезжу в Муратово. Слава Богу, что она здесь! Этим мы опять же обязаны вашему милому сердцу. Сохрани вас Бог, милый Жуковский! Не сердитесь на меня, если иногда вздумается, что вы меня забыли, ведь случается, что мы сомневаемся в любви самого Промысла. Это не несправедливость, ибо в сердце корни не пускает, а просто *уныние*, от которого лечит одна счастливая минута, счастливая мысль — одно хорошее дело, что бы то ни было. Впрочем, weiss

---

[1] *Саша славный лекарь-утешитель*... — Речь идет об А. А. Воейковой, которая жила в это время в Долбине.

[2] *Как спрятать от нашего Ангела эту новую его подлость?* — Об одном из поступков А. Ф. Воейкова рассказано в письме М. А. Мойер-Протасовой к А. П. Елагиной от 18 декабря 1817 г.: «Я получила вчера по почте под кувертом письмо из Белева, которое делает гримасу, как будто бы пришло от тебя или твоего мужа 〈…〉 Наконец меня принудили иметь тайну от Мойера, не для того, чтоб я не смела открыть ему сердце и боялась титула *любовницы*, но для того только, чтоб избавить его от того несносного горя, которое ненависть близкого человека мне делает 〈…〉 Я горжусь титлом дочери пастора, обожаемого даже после смерти. *Пономарство* Мойера смешно и не может меня обидеть» (УС. С. 199).

Gott!*** Моё уныние прошло, не хочу об нем и вспоминать. Забудьте и вы его, душа моя, несмотря на то, что я вас огорчила.

Давайте говорить *об делах*. Первое, присылайте, пожалуйста, *стишков*! Ваши всегда мне лекарством служат от всех дурных припадков души, это не laudanum****, и не слабительное, и не очистительное, а укрепляющее, возвышающее, восхищающее средство. Я уж так давно ничего вашего не знаю! Говорят, будто вы Toggenburga***** перевели[1] — если правда, то это счастие! — Ещё заставили здесь меня очень смеяться, рассказывая, будто вы для Великой княгини сочиняете грамматику *в стихах*. Это дело достойное Гения! Мы посадили бы вас рядом с великим мужем Русск⟨ой⟩ Грам⟨матики⟩ Карамзина, *Картинки* его, верно, не так трогательны, как ваши могут быть стихи! Возьмите, пожалуйста, в помощники себе Фриофа[2] и заставьте его написать математику в стихах — — —[3]

[1] *Говорят, будто вы Toggenburga перевели…* — Баллада Жуковского «Рыцарь Тоггенбург» была написана в январе 1818 года.

[2] *Возьмите, пожалуйста, в помощники себе Фриофа…* — Иван Федорович Фриоф (Früauf Johann Ludwig Wilhelm, 1765 — после 1820), по национальности немец, военный врач, переводчик, художник и поэт-дилетант, живший в 1813—1814 гг. в Муратове в семье Е. А. Протасовой, адресат и герой шуточных стихов Жуковского. Среди долбинских стихов 1814 г. одно написано о Фриофе: «Не имею я кирхгофа — / Он во власти у Фриофа, / Сей известный вам Фриоф / Есть поистине кирхгоф / Всех бумажек, книг, к.нок, / Чашек, чашечек, корзинок, / Мосек, плошек, катехов… / Ох! ты чушечка Фриоф!» (ПСС2. Т. 1. С. 393).

[3] В конце приписка А. А. Елагина: «Наша Дуняша, милый брат Василий Андреевич, уехала сего для к Баронессе, не кончив своего письма к вам. Она препоручила мне продолжить его, но я проводил эту пугливую бабеночку до Белева, возвратившись домой с сильной головной болью, лишающей меня удовольствия говорить с вами много. Скажу столько, сколько смогу,— и первое о Воейкове. После всего того, что я об нем слышал, я готовил себя встретиться с ним, как с величайшим негодяем, но взором младенца праведным, любовь его к жене с привязанностью к детям и уважением, с которым он всегда говорил о Мойере, заставили меня думать только о несправедливости некоторых людей, между коими была и сама наша Дуняша. Теперь же он открыл мне глаза. Поступок его ничем не может быть оправдан. В первую минуту негодования моего я хотел было к нему писать, и мы, конечно бы, поссорились; Дуняша удержала меня от сего не для Воейкова, который заслуживает моего презрения, но для бесподобной А⟨лександры⟩ А⟨ндреевны⟩, спокойствие которой тесно связано с нашим общим. Возьмите на себя наказать этого негодяя! Сие дерзкое, безбожное и гнусное ругательство было запечатано моею печатью и послано из Белева. Его спрашивайте у почтмейстера. Поступок заслуживает порядочного наказания, но чего не перенесёшь для А⟨лександры⟩ А⟨ндреевны⟩?

Я перед вами виноват, Василий Андреевич. Лютость, которая по сказанию *лишает ума*, равняется только с вашим великодушием, вовлекла меня в эту греховную пропасть, из коей вне вашего великодушнейшего прощения нет спасения. Кающемуся грешнику, говорят, не хуже преподобного праведника. Вверяю себя под начало ваше, или в качестве первого или последнего, или и обоих вместе. Ожидаю вашей и божьей *Милости*.

Ваш душою и сердцем Елагин
22 января 1819-го года
Долбино»

Перевод

[*] наподобие (*франц.*).
[**] за здорово живешь (*франц.*).
[***] Бог знает (*нем.*).
[****] шафранно-опиумная настойка (*франц.*).
[*****] Тоггенбург (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 1—2 с оборотами.
Печатается по автографу.

88. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 марта 1819[1]

Милый брат, я так обрадовалась тому, что *говорят о вас*, что это не может быть неправда! — Но зачем молчите вы с вашими сестрами? Боже мой, Жуковский! Что дала бы я, чтобы быть теперь с вами, чтобы, наконец, видеть вас счастливым, счастливым в полной мере, не с равнодушием, не с беспечностью, но со всеми возможными восторгами! — Видеть *ваше* счастие для меня было бы точно пришествием Мессии, я могла бы сказать: Seigneur, c'est après![*] *Ныне отпущаеши с миром раба твоего*![2] Милый брат, что же у вас делается? С тех пор, как я услышала о вашей женитьбе, я вижу вас беспрестанно во сне и наяву, и сердце ежеминутно волнуется. — По рассудку я нахожу, что это бесподобно делается! Быть зятем *Карамзина*, делить с ним занятия, обоим вам свойственное, драгоценное, обоим главное в жизни, сойтись на одной дороге, к одной цели, и кроме Карамзина автора и славного человека, который и в этом отношении вам близкая родня, быть сыном Карамзина-человека, по сердцу, по характеру, по нравам почтенного, прекрасного! Всё это восхищает душу! Тут судьба не слепа, а выбирает Провидение. Потом Катерина Андреевна! Милая, прекрасная, почтенная женщина! которую с одного взгляду полюбишь, и хочется назвать сестрою! которая вас давно уже знает и любит, которая будет уметь сделать вам *счастье в семье*! — Софью вашу я не знаю![3] Но дай Господи, чтобы ее знало ваше сердце: я всякую минуту буду благословлять её любить как родную сестру. Милый брат, для чего я не с вами! Но жаль ли вам, что я не вами? Я не хочу, чтобы вам было так меня жаль, как мне вас, pour vous de patrie absente[**] — но не хочу, чтобы вы меня не вспоминали.

---

[1] Дата устанавливается на основании обсуждаемых слухах о женитьбе Жуковского на С. Н. Карамзиной.

[2] *Ныне отпускаешь с миром раба твоего!* — Неполная и неточная цитата из текста Евангелия: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Лк, 2. 29).

[3] *Софью вашу я не знаю!* — Софья Николаевна Карамзина (1802—1856), старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака, фрейлина.

Милый брат, ничья душа не будет так сильно и неизменно исполнена к вам дружбой, как душа вашей сестры Дуняши. Я во всю жизнь хотела пламенно вашего счастия, потому что видела, что вы больше всех его стоите, действовала, сколько могла; — ежели мне ничто не удалось, то все-таки дружба моя останется тою же сильною, неистраченною любовью к вам, на которую препятствие и холодность не действуют. Известие о вашей женитьбе пришло мне вовремя, чтобы воскресить сердце. На нем такая была унылость, которую я ничем не была в силах победить: *муж мой недавно был болен горячкою*; и эта болезнь оставила такой страх, такое одиночество в душе моей, что и до сих пор не могла оправиться. От вас ко мне уж около трех месяцев ни слова, Маша 5 месяцев обо мне не вспоминает, а Саша с самой нашей разлуки. Признаюсь, что я никак не умею привыкнуть к такой легкости, мои все привязанности *запали в сердце глубоко*, их можно там зарыть, иные, пожалуй, и гробовым пеплом, а не искоренить. — Скажите, сделайте милость, не знаете ли вы причины этой холодности? — И здесь, около меня, многое переменилось. Cette Arabie autrefois tant aimée!*** — Ежели бы не милое сердце моего доброго мужа, в котором найдешь во всякую минуту то, чего ищешь, и всё это, связанное с живою любовью,— но именно потому-то мне так и страшно было. Друг мой, помолитесь Богу, чтобы ваша Долбинская звездочка подоле светилась! — Теперь ваше небо ясно, пускай для нас горизонт будет одинаков.

На этой же почте посылаю вам свои 600 процентов — Полонских пришлю, посудите: у бедной Полины отец отчаянно болен, после нервной горячки получил род чахотки и, говорят, нет надежды на жизнь. Я у неё ещё не была, потому что не могла оставить моего милого больного. Мои все так же давно у меня не были. Зонтаги заняты, а Азбукин давно меня бросил: оттого-то и вы поздно получите письмо моё, что никто не сообщил мне нашей радости. Но, Жуковской, за что же вы молчите? вы знаете, что простое слово от вас для меня? вам стыдно скупиться.

Леночка моя, которая все та же и так же вас любит, делит всею душою моё об вас счастие. Мы с ней вместе получили это известие и так замечтались, что не заметили, как дошло до рассвета. — Милый друг, благослови вас Господь! Soyez heureux, et encore heureux! et plus encore heureux****. Без мелкого на расход! Point de***** расход! Всякую минуту в приход! Аминь!

От своих я ничего вам не пишу: они все со мною тут. Муж мой вас любит столько же за меня, сколько за себя, а о детях и говорить нечего: выключая незнакомого вашего крестника, который так хорош и мил, что вам должно бы узнать его.

Перевод

* Свершилось! (*франц.*).
** Поскольку вы на чужбине! (*франц.*).
*** Эта Аравия, когда-то так любимая (*франц.*).
**** Будьте счастливы, и очень счастливы, и еще раз счастливы (*франц.*).
***** Нисколько (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 3—3 об.—4.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 63—64.
Печатается по автографу.

89. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 марта 1819[1]

Мерзкие вы человеки, душа моя Жуковский! Три слова, которые вы мне написали в Сашкином письме, получила я у постели бедной моей больной булочки, и они совсем оживили мне сердце. Ваше *Здравствуйте друг!* заставило меня и ночь спать, и верить её выздоровлению. Ну, как же мне не ссориться с вами? Совсем не умеете вы любить! — Каждое письмо принимаю я как *голос с того света*, и только что оживет все внутри, вы и принимаетесь молчать; всё опять покроется гробовым прахом! К тому же tous les miens me tiennent en rigueur; chacun de vous à part, et tous ensemble, vous m'avez oublié pendant une petite demie année*, а на меня же бранитесь! Друг, у меня много горя было, и сердце и ум и рассудок, всё уверилось теперь, что здесь нет счастия без большой примеси. То, которое в воде не ржавеет и на огне не горит, удел не горячо любящих душ. — Я сказывала вам, что добрый муж мой был болен; потом все детёнки, у нас здесь свирепствует ужасная горлвная болезнь, похожая на *croup***, которую вы, может, помните у Петруши в Черни. — Ванюша и Маша занемогли оба, Ванюше тотчас помогли, и опасность вся прошла, хоть он еще кашляет, а Маша, бедняжка, осьмой день не встает; у нее так же опасность миновалась, но, Жуковской, какое ужасное чувство за них бояться! От этого страху ни в каком раю прибежища нет! Ваш крестный сын игрушка всего дома. Дайте мне надежду, что вы его узнаете! Брат мой, о! с какою я радостью глядела всегда на них, на их прекрасные характеры, и думала, что это и ваша семья! — — Нас уверяют, что вы женитесь на Карамзиной, ежели это правда, то давайте нам её сюда! Le coeur en aimant ne se rétrécit pas, il y a encore de la place pour aimer une soeur***… О каком *деле* говорить мне хотите? Я жду.

Ваши деньги *600*, за мой долг проценты, посылаю, 200 за Полонских пришлю после первого с ними свидания; ни им, ни мне выехать всю зиму было невозможно.

Простите, друг! Надобно идти, давать лекарство Маше! Вас все дети обнимают, а муж с истинной и сердечной дружбой. — Какой же вы ленивый! *Немногие* брошены так же, как и *вся вселенная!*

Ежели это для *премудрости,* то то tant mieux!**** — а ежели для лягушек и жаб, то грешно! Вся Россия будет кричать: justice, sire!*****

9 марта Долбино

Сашка ничего мне не сказала, зачем вы были в Дерпте? — Воейков положил ли гнев на милость? — Пишет ли к вам Саша?

---

[1] Дата устанавливается на основании рассуждения о предполагаемой женитьбе Жуковского на С. Н. Карамзиной (см. письмо 88).

Перевод

* все мои держат меня в строгости, каждый из вас по-отдельности, и все вместе, вы забыли меня в течение уже полугода (*франц.*).

** воспаление гортани, круп (*франц.*).

*** Любящее сердце не уменьшается, есть еще место, чтобы полюбить сестру (*франц.*).

**** тем лучше! (*франц.*).

***** справедливость, сир! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 65—66.
Печатается по автографу.

90. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

После 6 апреля 1819[1]

Виновата, милый брат, что несколько промедлила присылкою моих процентов: в то время, когда я назад тому два почти месяца клала деньги в пакет, чтобы отправить их к вам, вошел и взял их человек такой, которому была в ту самую минуту крайняя нужда в деньгах, которому я отдала и эти, и все остальные мои, и для успокоения которого я продала бы платья свои, если бы денег не случилось: одним словом, честный и прекрасный человек *в крайности!* — Не думаю, чтобы вам случилось видеть хорошего человека в отчаянии почти по милости *денег*, если же видели, то вы мне простите моё промедление. Посылаю их теперь. — Полонские благодаря вас покорнейше, посылают вам тысячу рублей долгу, а на остальные просят принять вексель. Муж мой и принял, и записал, и сделал всё, что надобно; надеюсь, что вы этим довольны? — По милости вашей и моей лени у меня часто садится на душу в то время, когда я пишу к вам, какая-то сильная и скучная унылость, что кажется поминутно будто забвение и холодность отталкивают перо мое и мешают каждому сердечному выражению. Для того вам это и сказываю, чтобы от этого тяжелого чувства избавиться. Слушайте, брат! Ваша лень непростительна! Грамматические таблицы не должны у души нашей отнимать жизни и радости! Занятие ума может согласиться с дружбою; что бы вы сами сказали, если бы я совсем перестала писать к вам под тем предлогом, что учу детей своих и азбуке, и грамматике, и писать, и считать, и пр. А я это всё делаю, и всё это не мешает мне любить вас беспрестанно, и заниматься вашим высокоблагородием во всяком случае жизни. — Жуковский, милый брат! отчего мы так расстались? Наш общий Васька должен бы ещё нас сдвинуть! Моё сердце, божусь вам, то же! Отчего же это сделалось?

---

[1] Дата устанавливается на основании указанного времени получения от Жуковского элегии «На кончину Ее Величества королевы Виртембергской» (январь 1819): «перед Светлым Воскресением». Пасха в 1819 г. приходилась на 6 апреля.

Ваши стихи получили мы перед Светлым Воскресением; для меня это было лучшее приветствие: мне воскресло много прошедшего! Я несколько времени как будто опять была с друзьями и ждала их счастия.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно[1].

Друзья! Друзья! отчего моя жизнь стала такая вялая, с тех пор как вы от меня так далеко? Сердце мое так привыкло жить вами, делить ваши надежды, ваши горести, ваше всё, что я никак не могу ограничить себя собою. Счастие от мужа, счастие от детей всегда хочу делить с вами, а вы где? *Далеко* во всем смысле слова! А в сердце моем тут близко, и так вросли в него, что вырвать только с ним вместе можно.

Меня многие уверяют, что стихи ваши последние потому мне так понравились, что с самого начала года разные горести не покидали меня, и я за них, т. е. за стихи сражаюсь, как рыцарь, со всеми и многих убеждаю и побеждаю. Азбукина одного не достаёт сим низвергнуть. Свечин, уезжая из Белева, оставил ему дух свой, и он пророчествует разною чепухою. Приказал, например, сказать вам, что во всех стихах нет десяти строк годных, что Мерзлякова они бы не осрамили[2], что *прорвалась молва*, можно сказать только об Ипатьевском пруде, что *хозяйка молодая* годится для Собинова[3], что обращение к мужу даже непристойно, и я не могла заставить его прочесть это громко, потому что ему *совестно*. — Остальное с тех пор *земная жизнь небесного наследник*[4] кажется ему тяжелой галиматьей, которую он желал бы, но истолковать не может. — Это все написать к вам он просил меня, а самому — по обыкновению — лень. Ещё передал он мне к вам просьбу от Богданова[5]. Этот прекрасный человек, которого я до смерти люблю за то, что он вас обожает, который гордится Белёвым, потому что он родина ваша,— услышал от кого-то, что Великий Князь Николай Павлович большой охотник до медалей и старинных монет. Если это правда, то просит вас поднести ему от Богданова

[1] *О наша жизнь, где верны лишь утраты* ⟨...⟩ *И где на век минувшее одно* — Стихи 33—36 из элегии Жуковского «На кончину Ее Величества королевы Виртембергской» (ПСС2. Т. 2. С. 118).

[2] *...что Мерзлякова они бы не осрамили...* — Елагина приводит мнения Н. П. Свечина и В. А. Азбукина, подвергших критике элегию Жуковского, сравнивая ее достоинства с искусством А. Ф. Мерзлякова (1778—1830).

[3] *...хозяйка молодая годится для Собинова... — «хозяйка молодая»* — из стиха 56 элегии «На кончину Ее Величества королевы Виртембергской» (ПСС2. Т. 2. С. 119).

[4] *...земная жизнь небесного наследник...* — Там же, стих 129.

[5] *Ещё передал он мне к вам просьбу от Богданова* — Богданов, белевский знакомый А. П. Елагиной.

4 старинные очень любопытные серебряные монеты: одна Алекс⟨лександра⟩ Македонского, другая — Псковская, 3 — Новгор⟨одская⟩, а 4 — неизвестна мне. — Он с чрезвычайным усердием желает сделать этим угодное Великому Князю, и не менее, чтобы шапки или бешмета за них от него желал, — нет, только счастия поднести свои монеты! — Если возможно, исполните, мой друг, эту просьбу. Мне тем больше хочется, чтобы это удалось, что Богданов не очень мне доверяет в том, что я с вами дружна, *ибо*, говорит, *никаких вы ко мне стихов не написали*; но я успокоила его тем, что эпитафии мне никто, кроме вас, писать не будет. Смотрите же, не оставьте тогда в Слове.

Je vous aurais dit quelque chose de ce qui me concerne, mais j'ai eu tant de désagréments et de si pénibles, que le récit peut vous affliger. Aimez-moi donc un peu, Joukofsky, je suis un peu comme Богданов! J'ai un besoin si essentiel d'être aimée de vous, que je n'ose croire à votre coeur et que le passé me paraît bien passé!

Mon mari vous embrasse, et nos enfants aussi. Ils grandissent et de jour en jour deviennent meilleurs. — Dites, de grâce, un mot à Pierre[1], sur ce que vous comptez sur lui, et vous fiez parfaitement en sa parole d'homme d'honneur. Cela lui donnera un nouveau courage.

Леночка vous remercie, elle vous aime toujours de même.

L'amitié de cette chère personne me dédommage souvent de plus souffrances. Voilà une soeur véritable*[2].

Перевод

*Я бы вам сказала кое-что обо себе, но у меня было столько ужасных затруднений, что рассказ может вас огорчить. Любите меня хотя бы немного, Жуковский, я почти такая же, как Богданов! Мне так необходимо, чтобы вы меня любили, что я не решаюсь верить вашему сердцу и что прошлое ныне кажется давно ушедшим.

Мой муж обнимает вас и наши дети тоже. Они растут и день ото дня становятся лучше. — Скажите, ради Бога, одно слово о Петре, что вы думаете о нем, доверьтесь его слову человека чести. Это его еще больше вдохновит. Леночка благодарит вас и все так же любит вас. Дружба этого дорогого человека вознаграждает довольно часто мои страдания. Вот настоящая сестра (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 7—8 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 67—69.
Печатается по автографу.

---

[1] *Dites, de grâce, un mot à Pierre… [Скажите, ради Бога, одно слово о Петре…]* — *Pierre* — Петр Иванович Черкасов, о судьбе которого беспокоится его сестра Е. И. Черкасова.

[2] На л. 8 об. черными чернилами рукой Жуковского написано:
«Тургеневу 100
Плещееву по Май 125».

91. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец июня — начало июля 1819 г.[1]

Милый брат, хотя ваше письмо грустно, но в нем столько старинного друга, что моя душа оживилась и надеждою и ожиданием прежнего. Нет, бесценный Жуковский! Вы и в бурю не утечете в море: доска ваша вам кажется слабою подпорою, а для вас она стоит доброго корабля. Прекрасная высокая душа ваша est souvent un phare pour moi aussi*. За каждое ваше хорошее дело, за каждую великую мысль я готова благодарить вас как за знак дружбы. Да и в самом деле, когда же можно лучше и больше любить? — как не в такие минуты.

Сегодня только несколько слов, потому что некогда. Посылаю вам 200 рублей золотом, которые наконец заплатили Полонские. Они обещали тысячу, и Елагин мой купил бумагу, написал на остальные вексель и отправил к ним за деньгами, а там вышла *несуятица*. Сестра Анета сказала, что вам деньги не нужны, они завладели ими ещё на год, и отдали проценты серебром. — Теперь уже делать нечего: а на будущий год постараюсь взять все деньги. Досадно мне очень, что у меня нет теперь своих послать вам, тяжело вообразить, что вы, благодаря нашим глупостям, будете несколько времени в затруднении. Об Максимах не беспокойтесь, я их пока беру на свое попечение. — Да и с остальным постараюсь сладить. — Жаль мне Богданова, а какое он к вам готовил послание! — Монеты свои, надеюсь, он отдаст вам, а вы далее.

Но прощайте! Скучные гости требуют меня. Слава Богу, что могу теперь не с таким горем говорить прощай. Я надеюсь получить от вас письма, грамматика убита[2]. Victoire!** Ура!

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Богданове, желавшем подарить монеты Великому Кн. Николаю Павловичу, о чем уже сообщала Авдотья Петровна Жуковскому в апреле 1819 г. Также в письме содержится отклик на рассуждение Жуковского в письме Анне Петровне Зонтаг от 22 июня 1819 года, в котором, обращаясь к Авдотье Петровне, поэт вводит сравнение дружеского энтузиазма друзей с образом спасающей пловца доски: «Между тем, вы, милая Дуняша, пишете ко мне с прежним вашим энтузиазмом. Это высокое ваше обо мне мнение и дорого мне, и бременит меня. Потерять его в сердце своих друзей значило бы бросить последнюю доску, на которой кое-как спасаешься; но каково же и плыть на этой доске, знав, что она не принадлежит мне, что она — похищенная не по праву. Но вы, друзья, оставьте ее мне, и не сталкивайте меня в воду. Может быть, неожиданный случай и прибьет к какому-нибудь берегу» (УС. С. 93).

[2] *...грамматика убита* — В письме, адресованном А. П. Зонтаг и А. П. Елагиной, Жуковский писал 22 июня 1819 г.: «Я кончил свою грамматику; но это долговременное занятие так меня высушило, что с трудом возвращаюсь к своей поэзии — боюсь, не все ли пропало» (УС. С. 93).

Перевод

[*] часто также и маяк для меня (*франц.*).
[**] Победа! (*франц.*).

Автограф: РГБ. Ф. 104, к. VII, № 20, л. 9.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 70.
Печатается по автографу.

92. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 июля 1819[1]

Ваше письмо, милый брат, которого я ждала, как нищий копейки, столько же меня обрадовало, сколько огорчило и рассердило. Не клевещите, пожалуйста, на милую вашу душу, je vous assure qu'ici sur terre, elle est un point d'appui à la mienne. Prétendre diminuer quelque chose de mon amitié que vous appelez enthousiasme, c'est ôter à un prêtre sa croyance; et vous savez s'il en a besoin[*]. — Сухость, в которой вы себя укоряете, мне кажется вещью необходимой при ваших обстоятельствах; если бы всё *по-прежнему* было для вас, то я подумала бы, что вы никогда любить не умели. Скажу вам о себе: ваше обоих счастие столько времени составляло цель *моего* счастия, и ваша взаимная любовь такою казалась мне прекрасною, святою необходимостью, что с тех пор, как у меня это отняли, для меня разрушилась *вся* прелесть жизни; ни одной нет вещи, на которую бы я смотрела прежними глазами, нигде не умею привязать блаженного общего *вместе*, и со всем тем, что радует, что нравится, соединено против воли, горькое чувство *раздела*, которое всё портит. А я, не вы! — К тому же вы на себя не можете и не должны смотреть, так на вас смотрят другие. *Вы* не можете сравнивать себя с другими и предпочитать себя другим, вы не можете уважать себя с восторгом, не можете судить о себе без скромности и пристрастия. Не трогайте, пожалуйста, моего энтузиазма, дружба сестры вашей дорога вам, а — мне она лучшее добро. Начните опять заниматься поэзиею, ваша сухость исчезнет. Жар к хорошему никогда не может погаснуть в вашем сердце! Вам не нужно в постороннем искать согреться; напротив, отдалите все рассеяния, войдите в себя, наша Аркадия внутри нас, *внутри вас!* Воображение ваше довольно сильно, чтобы *уничтожить бытие* того, что около вас не стоит восторгов, et l'appartement intérieur est après bien garni[**].

Что ваша русская *Ундина*? Жаль, если вы эту мысль бросили. Саша говорила мне о плане трагедии; что же? Но я трагедии буду бояться, пока ничто сильно не действует на вас; вышедши прямо из грамматики, нельзя броситься в деятельные и сильные стихи. Творить одним умом и воображением, вы, конечно, привыкнуть не можете, ваш каждый стих *вы сами*, потому-то они и не терпят

[1] Датируется на основании упоминания о приезде Саши в Долбино, об отъезде Воейкова в Казань.

критики — Напишите пока *Ундину* или что-нибудь такое же, где много неопределенного, тайного, неизвестного, горестного, мечтательного, похожего вместе и на душу и на жизнь. Я хотела вас просить об одних стихах, но le passé passe[***].

Последнее письмо я писала вам еще до приезду Саши, и оно запечатано не ее печатью, а моею и вашею. Июня 13 рождение вашего крестника Васи, который точно стоит того, чтобы Вами быть крещену, прекрасный, преумный, кроткий и добрый ребенок теперь уже умеет и любить и думать. — Саша же наша не только не *забыла и разлюбила* вас, но вы были с нами беспрестанно во всё время пребывания ее в Долбине. Воейков приезжал к ней, теперь отправился в Казань, а она завтра или послезавтра будет опять ко мне. Может быть, до отправления его в Казань, она писать к вам не станет, но что до этого? Неужели нужно писать, чтобы не сомневаться? А *утешение* в будущих письмах, когда он уедет. Девчонки её бесподобны, и сама она стала здоровее, толще и веселее прошлогоднего. Она сказала нам, что вы весь июль и август останетесь свободными, и мы с мужем, не знаю с чего, принялись вас ждать! То у того предчувствие, то у другого! но предчувствия наши, замирания сердца, сны — все осталось обманом. — Для чего, милый друг, вы не вздумали к нам приехать? Вам бы весело было увидеть наших детей: я заставила бы вас заняться ими — и вы их точно полюбили! Ежели ничто нашим планам не помешает, то осенью собираемся для них в Москву и, может быть, на несколько лет. — Жуковский, у меня есть много кой-чего вам сказать; я хочу к вам писать часто, но отвечаете вы мне только по нескольку слов! Всё молчите да молчите, право, душа зарастает корою и после соскоблить трудно, надобно сильными ударами разломать — а это больно, слишком! Иногда так, что и сердце от боли зачахнет. — Друг мой милый, добрый Жуковский! да сохранит вас Бог для лучших радостей, для счастия моих надежд.

26 июль

Мы по приказу вашему удовольствованы, с Полонскими я ещё не видалась.

Перевод

[*] я вас уверяю, что здесь, на земле, она поддержка мне. Стремиться уменьшить что-нибудь в моей дружбе, которую вы называете энтузиазмом, — это запретить священнику его веру, и вы знаете, надо ли ему это (*франц.*).

[**] внутренний мир хорошо обустроен (*франц.*).

[***] но прошлое проходит (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 11—11 об.—12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 71—73.
Печатается по автографу.

93. А. П. Елагина В. А Жуковскому

Сентябрь 6. 1819[1]

Жуковский, милый брат, как может досада *на вас* зайти в мое сердце? Ваше сравнение: *лежащего в обмороке*, *мимо которого друзья ходят и им не занимаются, считая его мертвым*, совершенно справедливо, но не для вас, а для меня. Ваша лень отсюда кажется забвением, холодностью и не досаду возбуждает, а убивает всякую радость в сердце. Из этого тяжелого обморока сама не встанешь, надобно, чтобы друзья *оттерли*, чтобы их *ласковый голос* поднял, иначе из обморока, в котором видишь, слышишь, чувствуешь холодную беспечность мимоходящих, перейдешь в настоящую смерть, где не слышишь и не чувствуешь ничего. — Вам, чтобы радоваться моею дружбою, не нужно заглядывать в прошедшее, нужно только *кликнуть*, подать голос; в моем сердце всегда откликнется именно так, как вам надобно, лишь бы я знала, что это вам надобно. Молчу, потому что боюсь быть лишней, надоесть, а не потому, чтобы какое-нибудь чувство, враждебное вам, могло закрасться в душу, которая всегда была ваша. — Вы знаете, Жуковский, что любовь к Маше и к вам была мое единственное чувство, с самого моего младенчества и с тех пор, когда судьба позволила мне пожить вместе с вами, можно сказать, что я ею только и дышала. Такая привязанность пройти не может. Спросите у тех, кто меня теперь видит, что сделалось из моего прежнего сердца и характера, — разлука убила все. — Если бы я хоть имела надежду когда-нибудь с вами соединиться, вытащить Машу из ее пасмурного Дерпта, вас из подделанного вашего цветника, то может статься, переносила бы я терпеливо эту долгую и тяжелую болезнь, mais quand au terme on ne voit que la mort, les souffrances lassent et exténuent, et la patience dans ces cas, n'est que ⟨*нрзб.*⟩ de découragement.. Ne vous scandalisez pas de ces expressions, mon cher Joukofsky, je n'augmente rien, je diminue. Tout ce qui m'entoure, vous est connu, dites-vous; oui, mais rien ne vous intéresse; au moins, si je pourrais réveiller quelques choses de cette tendresse, qu'il est si doux de voir en vous, quand une foi, elle est dans votre coeur, en faveur de mes enfants! Comme tout ces bons petits êtres vous aiment, avec quelle chaleur, quel transport, ils prononcent votre nom! Quel le émulation dans l'espérance d'exciter votre attention par leur progrès, quel désir d'obtenir votre aprobation — et tout cela vous est étranger*. Иногда, Жуковский, и это в самые веселые часы жизни, покупаю я вам здесь деревню; ожидая вашего возвращения на родину, строю по вашему плану домик, хозяйничаю, устраиваю и, наконец, наслаждаюсь счастьем перетащить сюда моего брата, окружить его прямою, истинною жаркою любовью и восхищаться на свободе и в тишине плодами его бесценного Гения. — Часто я уверена бываю, что ту же восхитительную мечту моего сердца скажет вам и здравый рассудок: без уединения нет возможности высоко летать вашей Музе, в огороженном пространстве далеко не уйдешь!

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Ванюше, которому 13 лет: Иван Васильевич Киреевский родился 22 марта 1806 г., следовательно, 13 лет ему исполнилось в 1819 г.

Мне кажется, что вы исполните мои надежды, для того даже, чтобы спасти вашу славу! — Ваши последние пьесы leur donnent un démenti, et comme je suis assez peu égoiste pour aimer votre gloire mieux encore que toutes mes plus chères espérances, j'en était charmée**. Душа моя, неужели вы никогда не узнаете, какое сокровище любви бережется для вас в вашей долбинской семье! Ваши подделанные цветы, без жизни и без запаху — правда! но все *цветы*! Все привлекает и взгляд, и любопытство; а здесь иногда вместо красивого цветка ничего кроме гречихи! Существенного, полезного — много, но красоты — разве только в воображении: il est vrai qu'un Poète ne doit pas en manquer***. — Теперь приезд Саши оживит для вас всё. Я обрадовалась вашим планам для обоих вас, и с радостью пересматривала будущую вашу жизнь вместе. Но свидание с нею ошибло мои крылья. Она ехала в совершенном отчаянии, и все наши планы казались ей химерами. Думаю, что увидевшись с вами, ее расположение переменится, и жизнь, которая для меня была бы верхом счастия, понравится наконец и ей. — Поехать теперь с вами в Дерпт, к Маше, потом поселиться вместе, — за такое блаженство, не знаю, что отдала бы! Самое дорогое у меня теперь ваши письма, а и те не оставила бы! Il est vrai que pour vivre ensemble, le sacrifice n'est pas grand****, но что ж делать, мне скоро и выбирать будет не из чего.

Жуковский, все теперешние стихи ваши пишете вы как будто из моего сердца! Неужели мы не совсем расстались? — В моей душе по-прежнему, по-всегдашнему и вечному, всё вы да вы: а вы, друг мой, дайте что-нибудь прежнего моего, детям моим теперь! Любите их, пожалуйста, это будет для них совершенным счастием. — Саша вам расскажет об них и наши для них планы. — Ежели Ванюша был немного постарше и поздоровее, отправила бы я его с вами путешествовать, и вам не нужно было бы спрашиваться с финансами, — но 13 лет и очень слабое, плохое здоровье! Вам же желать его нельзя! Года бегут. — Прощайте, друг милый, явились гости. У вас моей души ни года, ни жизнь, ни смерть, ничто не отнимет. Муж и дети вас обнимают.

Перевод

* но когда к концу своей жизни видишь только смерть, страдания утомляют и изнуряют, и терпение в этих случаях только ⟨*нрзб.*⟩ уныния. Не пугайтесь этими выражениями, мой дорогой Жуковский, я ничего не преувеличиваю, я преуменьшаю. Все, что меня окружает, вам известно, скажете вы, — да, но ничего вас не интересует, по крайней мере, я могла бы пробудить что-нибудь от этой нежности, и так приятно видеть, когда она в вашем сердце по отношению к моим детям. Как все эти добрые маленькие существа вас любят, с каким жаром, с каким восторгом они произносят ваше имя! Как они соперничают в надежде привлечь ваше внимание своими успехами, какое желание получить ваше одобрение! — И все это вам чуждо? (*франц.*).

** опровергают это, и так как я немного эгоистична, чтобы больше любить вашу славу еще больше, чем мои самые дорогие надежды, я этим очарована (*франц.*).

*** это правда, что у поэта она не должна отсутствовать (*франц.*).

**** Правда, что чтобы жить вместе, жертва не так велика (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 13—14 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 74—75.
Печатается по автографу.

94. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Начало окт. 1819 г.[1]

Милая Дуняша, пишу к вам из Дерпта, где уже я две недели. Через три дня отсюда еду; и надеюсь опять сюда приехать в декабре. Прежде никак не будет возможно. Итак, милая, если и вы сюда соберетесь, то не иначе, как в декабре. Может, тогда проведем месяц вместе. Уведомьте, прошу вас об этом, чтобы я имел заранее веселую надежду. Посылаю вам три отпускные, которые перешлите немедленно к вашему супругу; а если он уже в Москве, то попросите его повернее доставить в Белев моему Максиму. В конце года пришлю Максиму и деньги, которые ему следуют. —

О себе не могу ничего сказать вам доброго. Жизнь бредет, не оставляя следов. Не знаю, чем вывести душу из того состояния ничтожества, которое овладело ею, которое минутами проходит, но часто возвращается. Простите — до свидания! не так ли?

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 18.
Впервые опубликовано: УС. С. 29—30.
Печатается по копии.

95. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 ноября 1819[2]

Милый брат, я очень давно не отвечала вам, и хотя душа была с вами, но вы имеете большое право сердиться: я была очень больна. У меня была горячка, пресильный кашель и жестокая боль в боку, а огромное мое пузо, которое должно бы защитить от посторонних страданий, прибавляло только и опасность

[1] «Записка без даты. В 1819 г. в декабре Жуковский действительно прожил в Дерпте почти месяц (31 дек. — 20 янв. 1820 г.), как это явствует из ОА (1, 383). Но из того же источника видно, что он 1—15 окт. пробыл в Гатчине. Раньше же отнести записку трудно потому, что письмо Авдотьи Петровны, где есть уведомление о деньгах для Максима, датировано 15 ноября. Слова Жуковского: «О себе не могу сказать ничего доброго», по-видимому скрывают в себе определенный смысл. В 1819 году Жуковский не раз жалуется в переписке с Елагиной и с Зонтаг на душевную сухость, на омертвение и повторяет с ударением, что истинное счастье только в семье» (УС. С. 30).

[2] Дата устанавливается на основании сообщения Авдотьи Петровны о новой беременности (дочь Елизавета родилась 2 января 1820 года, умерла во младенчестве), а также упоминания о том, что А. А. Воейкова еще в Муратове.

и болезни. — Теперь я встала, и хоть бок еще очень болит и бессонница чрезвычайно меня утомляет, но долгое молчание выдерживать не могу: *душно*! — Друг мой, что теперь с вами делается? О, какое блаженство это чувство уверенности, что на вашу душу всегда положиться можно! — Признаюсь, что мое первое чувство было досада на судьбу! Что это за несправедливые раздачи! Кому счастие пристало, кто умел бы лучше всех с ним ужиться, его чувствовать, им наслаждаться,— тому в жизни одни лишения! Одни жертвы! Но потом я рассудила, что Провидение умеет любить, больше еще, нежели я вас! и по той беззаботности, независимости, *великости*, которые испытала душа моя, думая о вашей жертве, я поняла то, что вы должны чувствовать. Быть выше счастия и несчастия, быть даже выше сладкой уверенности, что друг поймет, разделит, оценит хороший поступок, действовать совсем без награды, а для самого добра — милый Жуковский, такой удел не совсем обыкновенен и стоит простого счастия. — Между тем я охотно отдала бы несмотря на всех моих малышек всю остальную часть жизни моей за это ваше простое счастие,— и хоть так лучше, ближе к совершенству, но мое сердце все недовольно. Je ne peux pas sans attendrissement me représenter mon bon Jouk: comme père; et toutes mes entrailles se remuent, quand mon coeur arrange pour vous une douce vie, retirée, et bien renfermée dans le sein d'une famille. — O, mon bon frère, s'il faut que nous renoncions à cette nouvelle espérance, revenez parmi nous![*] Довольно! — Здесь истинная дружба не допустит ни до каких забот, а горе сживем с души. Лишь бы вместе! — Никак не могу отказаться от удовольствия городить *общее* наше счастие en perspective[**], от милой мысли видеть вас посреди сестер, детей их, одна семья с вашей семьей,— а смерть, может быть, передумывает мои милые мечтанья! — Брат, я так нездорова, что мне её немудрено ждать! Смотрите же, не забудьте тогда детей моих! Ежели я после родин не выздоровлю, то прошу вас, займитесь тотчас моими большими мальчишками. Они оба славные ребята, и ум и характер прекрасные, но необходимо нужен им теперь пример и поощрение. — Если я останусь жива, то распоряжения наши уже сделаны, если же нет, то помните, душа моя, что я на вас полагаюсь. Впрочем, мы об этом поговорить еще успеем. — Теперь прошу вас и от себя, и от Саши напишите нам, что у вас делается, и эта нам родная, как вы говорите, точно ли *родная* по сердцу. Если она поступит не так, как мы ожидаем, то чуть ли не чужая она нам! Милый брат! ne nous tenez pas en suspens! Votre bonheur, et tout ce qui touche un tant soit peu votre coeur, n'en pas une bagatelle pour vos soeurs[***]. Сашку я давно не видела по милости моей болезни, но и она нездорова, письма ее ко мне и милы и горьки. До смерти тяжело знать ее одну в этом мерзком Орле. Кошелек ее на будущей почте надеюсь прислать вам, он не пропал, а я все портила работу свою, и все переначинала, надеясь сделать что-нибудь получше. Теперь посылаю как-нибудь свараксанное, le mieux est l'ennemi du bien!..[****]

Друг мой, что наша божественная утешительница? Милая ваша Поэзия? — Если бы видели, какую *необходимость* имеет в ней, душа моя, то перестали бы скупиться. Comme un cerf altéré soupire après les eaux, de même mon âme soupire

après votre douce harmonie*****. Это Давыд точно по мне сказал[1], и для меня. Иногда несносно горько ничего ничего не знать ваших новых стихов. Ради дружбы, прошу вас велите *все* списать мне; я не сомневаюсь, что моя тяжелая бессонница и больше еще уныние, которое ужасно давит мою душу, прошли бы как не было! — с вашей бесценной Музой мечтала бы и радовалась. Начали ли вы *Ундину*? — Жуковский, я серьезно, без малейшей экзажерации прошу у вас отрады, ваших стихов. Мне они точно необходимы! Не пренебрегайте моим счастием!

Максимы ваши целуют ваши ручки. Я давно одному заплатила 120 ру. — За нынешний год, *как он говорит*, а другого деньги Азбукин не взял, говорит, что они его погубят. Они живут вместе ладно, и Максим не пьет, а ругает Азбукина. — Вы забыли о его нотной книге.

Мне хочется прислать вам весь долг мой, позволите ли? Надеюсь, что вам не трудно будет поместить их в верные руки, et mes continuelles souffrances me donnent le droit de chercher à mettre en sureté les intérêts de tous ceux qui dépendent de moi******.

Перевод

* Я не могу себе представить без умиления моего дорогого Жука как отца; и все мое нутро приходит в движение, когда мое сердце желает для вас тихой жизни, уединенной и закрытой в лоне семьи. — О, мой добрый брат, неужели так необходимо, чтобы мы отказались от этой новой надежды, возвращайтесь к нам! (*франц.*).

**в будущем (*франц.*).

***Не держите нас в неизвестности! Ваше счастие, а все, что касается хотя бы немного вашего сердца, не пустяк для ваших сестер (*франц.*).

****лучшее — это враг хорошего (*франц.*).

*****Как жаждущий олень томится возле воды, так моя душа вздыхает по вашей нежной гармонии (*франц.*).

******и мои постоянные страдания дают мне право пытаться защитить интересы всех тех, кто зависит от меня (*франц.*).

Автограф РГБ, ф. 104, к. VII, № 20, л. 15—15 об.—16.
Копия РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 76—78.
Печатается по автографу.

---

[1] *Как жаждущий олень томится по воде, так моя душа вздыхает по вашей нежной гармонии. Это Давыд точно по мне сказал, и для меня* — Неполная и неточная цитата из Псалтири: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41. 2).

96. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 января 1820[1]

Милый Жуковский, поздравляю вас с моей новой дочерью[2] и опять со мной, вашей старой сестрой, неизменно верным вашим другом. — Ежели я не выпрыгнула, получа ваше письмо и приказание, то от того, что была на другой день родин моих, теперь одиннадцатый, и я хоть не прыгаю, но доложу вам, что приказание ваше исполнено, муж писал к Офр⟨осимовым⟩[3] и взял на себя долг ваш Антон⟨скому⟩, и Авд⟨отье⟩ Сте⟨пановне⟩, а с Полонскими сами сделаемся, и так будьте спокойны и уверены попрежнему, что вам всегда и во всем стоит только захотеть сказать нам волю вашу. — Обнимаю вас, друг, писать буду больше, когда совсем здорова буду; деньги ваши на этой же неделе пошлю к вам; а вы пишите мне, пожалуйста, cela récrée le coeur*.

Января 3-е — 1820

Перевод

* это снова развлечет сердце (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 21, л. 1.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 79.
Печатается по автографу.

97. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

25-го янв. — 3-го февраля 1820 г.[4]

Милая душа Дуняша, виват! Приехал из Дерпта и первая встреча — письмо от вас и в нем новорожденная! Благослови Бог ее при входе в жизнь и вас на долгое с нею товарищество! с нею и со всеми нашими милыми. Эта гостья обрадовала мне душу. Как так, что мы ее встретили розно и что я уже двух самых мне близких из вашей семьи не знаю в лицо. Я от всех оторванный кусок и живу так, что душа холодеет. Бедная моя поэзия! Был в Дерпте как во сне! Так тихо, но у всех у нас одна болезнь — разлука! Чем от нее вылечить? — Чтобы дать вам понятие о себе, пришлю к вам скоро список всего, что я в последнее время написал.

---

[1] Дата устнавливается на основании сообщения о рождении дочери Елизаветы.

[2] *...поздравляю вас с моею новой дочерью...* — Елизавета Алексеевна Елагина, см. примечание к письму 95.

[3] *...муж писал к Офр⟨осимовым⟩…* — Александр Михайлович и Мария Петровна Офросимовы, см. примечание к письму 81.

[4] Дата устанавливается на основании поздравления Жуковского (в начале письма) с рождением дочери Елизаветы.

Хорошего мало. Этот список для вас и Анеты, которая давно меня наказывает самым жестоким молчанием. Точно жестоким, потому что оно произвольное. Ей так легко писать письма. Она, верно, на меня сердится; может быть, еще сбирается и разлюбить меня. Но последнему я не верю, хотя бы то от нее самой услышал. Я сбираюсь к ней писать и ее допрашивать. Приготовьте ее к допросу[1]. Теперь поговорим о делах[2]. Целую ваши ручки за то, что вы согласились на мое предложение. Но я не знаю, согласится ли Антонский на то, чтобы мой долг перевести на вас. Тогда как? Что же касается до Авдотьи Степановны, то у ней есть вексель, данный ей Марьей Николаевной в 1000 или в 1500. Если его переведете на себя в долг Антонского, то дайте Авдотье Степановне вексель в 1000, а 500 я уже постараюсь заплатить от себя нынешний год. Вексель же Марьи Николаевны возьмите от нее. Таким образом мы будем квиты. Попросите Алексея Андреевича меня об этом уведомить, а его в задаток обнимите вместе с детьми. Простите, душа. Если Саша у вас, поцелуйте ее[3].

25 января — 3 февраля Ж.

Сейчас получил 600 рублей. Благодарю и обнимаю.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 19—19 об.—20.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С 79—80.
РБ, 1912, № 7—8. С. 91—92.
Печатается по копии.

98. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 Июля 1820[4]

Жуковский, мое сокровище, здоровы ли вы? — Что вы поделываете и где вы? — Грустно, что с Вяземским незнакома, он вас недавно видел. Каждое слово, каждое движение, не значащее для других, мне важно и могло бы принести отра-

---

[1] Здесь заканчивался текст публикации в РС.

[2] *Теперь поговорим о делах* — «Речь идет об уплате Жуковским долга бывшему своему наставнику Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, директору университетского благородного пансиона. В конце 1819 года Жуковский дал А. М. Офросимову (женатому на Марье Петровне Юшковой) поручение переговорить с Антонским касательно уплаты денег, которые ему был должен Жуковский по векселю (см. письма Жуковского к Антонскому от 26 ноября и 26 декабря 1819 г., напечатанные в РА 1883, книга первая, с. 328, 329 и 1902 № 5, с. 142, 143). «Офросимову я также сказывал,— отвечал Антонский Жуковскому 15 марта 1820 года,— что и в деньгах я готов угодить вам; только чтобы мне не передавать чужих заемных писем. И с своими не умею управляться» (РС 1902, сентябрь, с. 201)» (Примечания И. А. Бычкова. РБ. С. 92).

[3] *Если Саша у вас, поцелуйте ее* — Речь идет об Александре Андреевне Воейковой.

[4] Дата устанавливается на основе сообщения о желании и хлопотах И. Ф. Мойера обосноваться в белевской земле. В связи с надеждами на возможный переезд Маша писала Авдотье Пет-

ду сердцу. — Мойер теперь со мною. Бедный хлопочет о покупке деревни своей, и со всею доброю волею встречает везде скуку и препятствия. Ежели ему удастся купить, что он хочет, то зимою они все переселятся сюда. Вот она и колония наша! Не будет стоить даже того старания, которое цыган об палатке своей имеет!

Blumen, irren wir sie in Traum gebrochen
Solche Blumen blühen auf der Erde nicht*.

Не знаю, можно ли будет Саше переселиться в Муратово? — Пока грустно видеть хлопоты бедного Мойера: мы с Арбеневой[1] обе по несчастью женщины! Не можем с ним по судам таскаться. Он покупает теперь обе деревни и Анютину также. Это и выгоднее и спокойнее для всех. Дай Бог, чтобы удалось кончить. — Зовут к нему: прощайте, отрада души моей! Господь с вами.

19 июль.

Перевод

* Цветы, которые мы срывали в хрупких мечтах
Редкие цветы не цветут на земле (*нем*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 21, л. 3.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 80.
Печатается по автографу.

99. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт, 2 октября 1820[2]

Я все откладывал до последней минуты писать к вам, милая Дуняша; теперь пишу наскоро, досадуя на себя и на свою дурацкую, закоренелую привычку.

ровне из Дерпта 3 и 27 августа 1820 года: «⟨…⟩А иногда — но редко — чудится мне о себе видеть с вами. Долбино кажется мне той обетованной землей, куда в награду за трудную, но хорошую жизнь суждено мне и детям моим переселиться на закате солнца» (УС. С. 241). «О Дуняша! с тех пор, как я стала ждать своего ребенка, все чувства приняли какую-то силу, прежде неизвестную. ⟨…⟩ Как часто в светлую звездную ночь сажусь я к окну и переношусь в Долбино на широкую террасу и воображаю себя около вас, но невидимой представляя себе каждую порознь и всех вместе, около круглого чайного стола, тебя с Лилой на руках, Алек⟨сея⟩ Андреев⟨ича⟩ с Васенькой, больших мальчиков, которые уже верно больше матери, подле вас, а милую мою Машку, разливающую чай; воображаю, как твой добрый муж, с трубкой во рту, читает вам громко и как дети ему мешают ⟨…⟩» (УС. С. 241).

[1] *...мы с Арбеневой обе по несчастью женщины!* — Авдотья Николаевна Арбенева, см. примечание к письму 6.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения Жуковского о заграничной поездке: в первое свое заграничное путешествие он выехал из Дерпта 3 октября 1820 года.

Я теперь в Дерпте и отправляюсь в Берлин. Порадуйтесь за меня и благословите меня дружескою рукою. Наконец, некоторые мечты сбываются; увижу прекрасные стороны, в которые иногда бегало воображение; но, признаюсь, не думаю увидеть их в том очаровании, какое дала бы им первая молодость, товарищ еще не образумившейся надежды: жизнь известна, и все, что теперь ни увидишь, представляется ограниченным в тесном круге. Но все путешествие оживит и расширит душу; надеюсь, что оно пробудит и давно заснувшую поэзию. Вот вам мой маршрут. Теперь еду прямо в Берлин, где пробуду до начала марта. Это не лучшая часть моего вояжа; буду видеть Прусский двор; тут нет поэзии; но буду видеть и Шиллеровы и Гетевы трагедии, буду слушать лучшую музыку — это поэзия. В марте через Лейпциг в Дрезден. В Дрездене пробуду две недели, чтобы насладиться самим городом, в котором много любопытного, чтобы любоваться галлерееею и послушать еще музыки. Из Дрездена через Веймар (Гете) в Кассель, из Касселя во Франкфурт и Майнц — это все по почте; но из Майнца до Кобленца водою по Рейну, посреди очаровательных берегов, усыпанных древними рыцарскими замками; из Кобленца опять во Франкфурт уже левым берегом Рейна. Потом Страсбург с своим готическим минстером; Базель; Шафгаузен с Рейнским водопадом; Цирих с своим удивительным озером и видом на высокие Альпы; Аугсбург и Минхен с готическими зданиями; Зальцбург с чудесными Тирольскими горами; Линц, из которого Дунаем до Вены — в Вене театр и древности. Прага, Ritsengebirge, Breslau, Sachsische Schweiz, Dresden, Berlin, Pétersbourg. — Вот вам croquis* моего воздушного замка. Сбудется или нет, не знаю! Пока радуюсь надеждою. Думаю, что это путешествие будет и физически и нравственно полезным: может быть, вялость душевная поубавится, и я опять освежусь и примусь за свою поэзию. — Последним моим к вам словом пусть будет благодарность за ваше прелестное письмо; в нем *вы* во всем *прежнем*, c'est tout dire**. —

Простите, мое милое сокровище! Этим именем вас назвать можно! Вы, как золото, неизменяемое и всегда одинаково яркое. Обнимите мужа и перецелуйте детей. Буду писать к вам из-за границы.

Анету обнимаю; к ней не пишу особо теперь, но буду писать; Зонтагу[1] дружески жму руку; когда-то мы с ним познакомимся? Скажите Азбукину, которого обнимаю с милою Дуняшею[2], что его ноты отданы Саше.

Жуковский
2 октября.

Распечатываю письмо свое; я забыл сказать в нем о важном деле: прошу вас прислать известные 600 рублей к Маше; она должна здесь в Дерпте за меня расплатиться в начале будущего года.

---

[1] *Зонтагу...* — Е. В. Зонтаг, см. примечание к письму 75.

[2] *Скажите Азбукину, которого обнимаю с милою Дуняшею...* — В. А. Азбукин (см. примечание к письму 20) и его дочь Дуняша (см. примечание к письму 61).

Перевод

[*] набросок (*франц.*).
[**] этим все сказано (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 21—22 с об.
Впервые опубликовано: РБ. С. 93—94.
Печатается по копии.

100. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Берлин, 1821, 14/26 февраля[1]

Милый друг Дуняша! Как давно это милое имя не было мною написано на бумаге, то есть не было переписано из души на бумагу! Но ни рука не отвыкла его писать, ни душа — его понимать и любить. Когда на сердце ясно, когда думаешь о добром или прекрасном, моя семья товарищей передо мною и ваше лицо ярко светится в этой милой семье. Может быть, я бы еще и долго не писал к вам: я собирался писать с дороги. Но теперь писать надобно, un interêt de coeur fait taire ma paresse[*]. Вот в чем дело, душа моя! Я получил здесь в Берлине от Малиновского препоручение[2] отыскать воспитательницу для его дочери. Прилагаю в списке те условия, которые он от себя предлагает и которые могут послужить для вас масштабом. Я просил здесь M-lle Wildermeth[**] (воспитательницу Великой Княгини, прекрасную душой и характером, с которой я par parenthèse[***] дружен) написать в Швейцарию. Вот ответ, который она получила из Rolle de M-me Trembley[****]; прилагаю его в оригинале. Описание M-me Danse[*****] меня пленило. Список с письма M-me Trembley посылаю на этой же почте к Малиновскому; но оригинал спешу отправить к вам. Характер этой женщины мне кажется всего приличнее для вас: Маше нужно наконец иметь воспитательницу, Дунюшке так же; M-me Danse может годиться для обеих. Это одно из трудных дел — найти представителя матери для дочерей; я воображаю, что эта женщина, испытанная несчастием, исполненная талантов, будет способна иметь к вам ту дружбу, которой вы стоите; это будет для нее счастием, и воспитание ваших детей обратится для обеих вас в одно наслаждение. Принять в дом воспитательницу детей есть одно из важнейших происшествий жизни. Одно из двух: или примешь к себе *наемницу*, которая, с холодным сердцем, будет только лишнее лицо в семье, будет брать деньги и даст одно только сухое знание вещей, ненужных, если они не сольются посредством чистой, сердечной нравственности с жизнью

[1] Дата устанавливается на основании записи в дневнике 1821 года: «14 (26) понедельник. Письма к Малиновскому и Дуняше» (ПСС2. Т. 13. С. 157).

[2] *Я получил здесь в Берлине от Малиновского препоручение...* — Алексей Федорович Малиновский (1762—1840), сенатор, историк и писатель, управляющий Московским архивом Министерства иностранных дел, в 1831 году был начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, куда поступил на службу Петр Васильевич Киреевский.

и не обратятся в причину или замену счастия; — *или принять к себе друга*, который принесет в дом новые понятия, новые чувства, оживит круг семьи своим нежным участием, будет всем делиться, из благодарности за дружбу даст благодетельное просвещение, и будучи образователем детей, будет в то же время и товарищем, часто благодетельным, для отца и матери. Все это пришло мне в мысль при чтении письма госпожи Trembley. Для вас, милая, мало иметь только воспитательницу для Маши, вам нужно иметь и друга в ней. Она была несчастна и мать: два сильных магнита для вашего сердца. Хотя я и желаю добра Малиновскому, но ваше счастие — мое счастие; подумайте о моем предложении и решитесь немедленно: надеюсь, что Азбукин согласится поручить вам Дуняшу. Во всяком случае напишите в Берлин прямо к M-lle Wildermeth, которой я уже говорил об вас и которой можете сказать все, как думаете и чувствуете, ибо она вас поймет; в ее письмо вложите и письмо ко мне. И то и другое адресуйте в Петербург на имя Тургенева (в доме Министра Просвещения и Духовных дел). Я пробуду в Берлине до половины апреля нового стиля; ваше письмо еще может меня застать, но напишите подробно, особенно к M-lle Wildermeth. Её адрес на письме M-me Trembley. Простите, друг, обнимаю вас, мужа вашего, милых детей, Зонтагов и Азбукина с Дунькою. Скажите Монастыреву[1], что его письмо я получил в Берлине и писал об нем в Петербург.

Перевод

* сердечный интерес заставляет замолчать мою лень (*франц.*).
** Мадемуазель Вильдермет (*франц.*).
*** между прочим (*франц.*).
**** из Роля от мадам Трембле (*франц.*).
***** Мадам Данс (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 23—24 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 30—31.
Печатается по копии.

101. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Долбино. 8 марта 1821[2]

Милый брат, письмо ваше застало меня в самый день отъезда моего из Долбина; так что я едва нашла клочок бумаги, чтобы отвечать вам. Жуковский, мое сердце не отдельно от судьбы вашей, и потому верю, что и мое счастье вам дорого,

---

[1] *Скажите Монастыреву...* — Монастырев — помощник белевского почтмейстера Ф. А. Камкина; по словам Жуковского в письме к А. И. Тургеневу в августе 1815 года, «очень хороший человек, также мне коротко знакомый. Камкин его любил, и все, что сделано ему добра, было сделано им» (ПЖТ. С. 152).

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 14 / 26 февраля 1821 года.

что образование и характер детей моих так же занимает вас, как и вся моя участь. В другой раз уже, мой друг, принуждена я отказаться благодетельных ваших предложений: казна моя и *обстоятельства* не позволяют мне теперь ими воспользоваться, mais toute marque d'amitié qui me vient de vous, mon coeur jouit avec délices, et les garde quand même je n'en saurais profiter. — En songeant à mes enfants, vous avez dējà tout fait pour moi. — La déscription qu'on fait de Mlle Danse est très séduisante, mais n'oubliez pas, mon cher ami, que Marie n'est pas mon unique enfant, que quatre autres, exceptée elle, et bientôt cinq, demandent même sollicitudes. Prendre pour Marie seule, une gouvernante et encore avec une fille? Ce serait séparer son éducation d'avec celle de ses frères et soeurs, ce qui n'est pas une chose faisable. Marie a huit ans, et quand vous la verrez, j'espère que vous la trouverez bien élevée, et vous direz alors vous même que sa mère, n'a pas besoin d'être remplacée. Mon mari ne m'empêche pas de me consacrer entièrement à mes enfants, et en leur donnant toutes les heures de ma vie, toutes mes pensées, tous mes soins, j'espère cette négligence d'autrefois, à laquelle j'ai été entraînée par mon coeur et que vous me reprochiez quelquefois. Maintenant nous allons nous établir à Moscou, afin que les aînés puissent avoir de bons maîtres dans toutes les ētudes: leur bonne volonté me répond de leurs succès. Mon mari a un ami, homme très éclairé[1], très instruit, et bien sensible, qui me sera d'un grand secours auprès de ces chères petites, son amitié éprouvée est une base sur laquelle je puis bâtir avec assurance. Je vous communiquerai quand une fois nous serons sur place nos projets, et j'ose croire qu'ils auront votre sainte approbation. Pour ce qui est de la petite Asboukine, il ne faut pas se faire illusion là-dessus, mon cher ami, son père ne me la donnera jamais, plusieurs offres de ma part ont été reçus avec un tel dédain, et une froideur si mal veillante, qu'une autre à ma place, se serait contentée d'un premier pas. Il ne sait ni aimer, ni comprendre ceux qui aiment. — Mon cher Joukofsky, quand verrez-vous mes enfants? — Oh, quelle douce récompense pour mon coeur quand vous trouverez leurs esprits, leurs coeurs formés sur la modèle de tout ce qu'il y a de beau et de bon, leur âme digne de la vôtre, leurs connaissances étendues et approfondies. Ce sera un jour volé à l'éternité! Cher ami, dans quelques mois, j'aurai un troisième enfant qui vous sera inconnu! N'oubliez pas qu'il vous demande votre bénédiction pour arriver au monde avec tout ce qu'il y a de mieux.

Il m'est impossible de continuer ma lettre, l'emballage, les adieux, et un Wirrwarr insupportable m'ôtent la plume. Arrivée à Moscou je vous écrirai grâce au bon Tourguenéf. Que tous les voeux d'un coeur tout à vous, vous accompagnent dans votre route![*]

(На л. 2 об. «Его высокоблагородию Василию Андреевичу Жуковскому.
Покорно вас прошу доставить немедленно).

[1] *Mon mari a un ami, homme très éclairé…[У моего мужа есть друг, человек очень просвещенный…]* — Речь идет о Г. С. Батенькове.

Перевод

*но при любых знаках дружбы, которые я получаю от вас, мое сердце бьется с наслаждением и хранит их, даже тогда, когда я не могу ими воспользоваться. Думая о моих детях, вы уже все сделали для меня. Описание M-le Danse очень соблазнительное, но не забывайте, мой дорогой друг, что Маша не единственный мой ребенок, что четверо других, кроме нее, и вскоре пятый потребуют тех забот и того же внимания. Нанять только для Маши гувернантку и еще с дочкой — это было бы отделить ее воспитание от воспитания братьев и сестер, что совсем невозможно. Маше 8 лет, и когда вы ее увидите, я надеюсь, что вы найдете ее хорошо воспитанной, и вы тогда скажете сами, что нет необходимости заменять ее мать. Мой муж не мешает мне полностью посвящать себя детям, отдавать им большую часть времени моей жизни, все мои мысли, мои заботы; я надеюсь исправить эту бывшую оплошность, в которую увлекло меня мое сердце и в которой вы меня иногда упрекали. Сейчас мы собираемся переехать в Москву, чтобы старшие могли иметь хороших учителей по всем предметам. Их добрая воля отвечает за их успехи. У моего мужа есть друг, человек очень просвещенный, образованный и достаточно мягкосердечный, который будет мне большой помощью рядом с этими дорогими малышами, его проверенная дружба будет опорой, на которую и я могу с уверенностью опереться. Я вам сообщу, когда мы будем на месте, о наших планах, и я осмелюсь верить, что они получат ваше святое одобрение. Что касается маленькой Азбукиной, мне не надо обольщаться иллюзиями по этому поводу, мой дорогой друг. Отец никогда мне ее не отдаст, многочисленные предложения с моей стороны были встречены с такой ненавистью, холодностью, так недоброжелательно, что другая на моем месте ограничилась бы одним шагом. Он не умеет ни любить, ни понять того, кто любит. — Мой дорогой Жуковский, когда вы увидите моих детей? — О! Какая нежная награда для моего сердца, когда вы найдете их ум, их сердца, сформированные на основе всего, что есть совершенного и доброго, их души, достойные вашей души, их обширные и глубокие знания. — Это будет днем, украденным у Вечности!

Дорогой друг, через несколько месяцев у меня будет третий ребенок, который вам не будет знаком! Не забывайте, что он просит у вас вашего благословения, чтобы прийти в этот мир, со всем тем, что есть в нем лучшего.

Невозможно продолжать письмо, окружение, прощание и эта невыносимая путаница, мешающая больше всего — По прибытии в Москву я напишу вам благодаря доброму Тургеневу. Пусть все пожелания сердца, принадлежащие целиком вам, сопровождают вас в вашей жизни! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 1—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 81—83.
Печатается по автографу.

102. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1822 г., июнь. СПб.[1]

Милая, вот и мой почерк! узнаете ли его? Можно ли! сколько времени к вам не писать! Саша права: можно и не писавши любить *не меньше*! Но это чувство портится досадою на себя за то, что не можешь одолеть лени, чтобы иметь самое

[1] Датируется на основании сообщения Жуковского о возвращении из первого заграничного путешествия. «Дата этого письма устанавливается таким путем. Оно начато рукой А. А. Во-

чистое наслаждение. Нет! я не хочу читать похвального слова этой проклятой лени: она убивает и душу! И тем уже она никуда не годится, что почти всякое письмо из весьма немногих должно начинаться рассуждением об ней — бросим ее! Со времени моего сюда возвращения я не написал вам ни строки, все откладывал, и наконец дошло до того, что уже и мое путешествие принадлежит к давнишним воспоминаниям, а вам я не сказал об нем ни слова. И сколько времени мы розно! Половина вашей семьи для меня незнакома, а *одной* уже и никогда не узнать мне![1] — В Москве, где почти все, что мы знали вместе, или исчезло, или переменилось. И все это не может нас заставить писать друг другу! Милая, прошу вас, напишите мне историю вашей жизни с той минуты, с которой я ничего не знаю об вас; наполним эту печальную пустоту: опишите мне свое теперешнее, своих детей, свой дом и своих московских знакомцев; все это должно быть у нас общее. Я же вам, вместо описания, посылаю *пока* то, что сделано было для вас во время путешествия, что давно хотел к вам прислать и все откладывал. Все эти цветки были сорваны в хорошую минуту *настоящую*, следственно, принадлежат и воспоминанию. — Анете отдайте лавровую ветку, которую я сорвал для нее на Isola bella[*] под прекрасным небом Италии[2]. Описание же путешествия пришлю вам, если удастся его сделать; теперь кончу нужным: я не отвечал еще и Попову, думаю, что он на меня сердится; поделом, он даже мог вообразить, что я хочу удержать его людей за собою — это с одной стороны и правда! я желаю купить их и дать им волю[3]. Другим нечем мне поправить сделанной глупости! Прежде, может быть,

---

ейковой, которая списывает для Авдотьи Петровны письмо С. И. Тургенева к брату из Константинополя от 15 мая 1822 г. [Это письмо тогда ходило по рукам как образец самоотверженного понимания чести и долга. С. Тургенев и бар. Строганов, наш посол в Константинополе, ждали смерти из тюрьмы, так как тогда грозил разрыв сношений с Турцией; не смотря на это, Тургенев решительно воспротивился желанию брата хлопотать о его перемещении» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 33).

[1] *...а одной уже и никогда не узнать мне* — Жуковский говорит об Елизавете (Лилии), дочери А. П. Елагиной, умершей во младенчестве.

[2] *Анете отдайте лавровую ветку, которую я сорвал для нее на Isola bella под прекрасным небом Италии — Анета* — Анна Петровна, сестра Елагиной*; Isola Bella* — остров на озере Lago Magiore на севере Италии.

[3] *Я не отвечал еще и Попову* 〈...〉 *я желаю купить их и дать им волю* — Иван Васильевич Попов (ум. 1830), купец, Московский книгопродавец, содержатель Университетской Типографии, автор стихов патриотического содержания. В «Краткой биографии бывшего Московского книгопродавца, содержателя Университетской Типографии купца Ивана Васильевича Попова», написанной А. П. Елагиной, он назван «двигателем и соревнователем просвещения (РНБ, ф. 286, оп. 2, № 274, л. 1—2 с оборотами). В доме Елагиной воспитывалась его дочь Елизавета Ивановна (ум. 1876). С Жуковским Попова связывало давнее участие его в судьбе поэта, позже — денежные отношения, связанные с освобождением крепостных: Жуковский выкупил у Попова крепостных и отпустил их на свободу. «〈…〉 Первое упоминание о покупке крепостных людей Попова. Об этом деле до сих пор известно было из писем или, вернее, одного письма Жуковского Попову, писавшегося с сентября до декабря 1822 г. и появившегося в Русск. Архиве 1865 г. и перепечатанного в 7-м изд. Соч. Жуковского (т. VI, с. 458—459). Известно, что Жуковский как-то разрешил московскому книгопродавцу Попову купить на его имя несколько крепостных. В 1822 году

я и согласился бы их продать, теперь же ни за что не соглашусь. Итак, милая, узнайте, какую цену он за них полагает. Заплатить же за них ему не могу иначе, как уступив часть из тех денег, которые вы мне должны — в таком случае вам должно будет дать ему вексель, вычтя из моей суммы то, что будет следовать. Прошу вас все это с ним сладить, только постарайтесь, чтобы он взял недорого, поторгуйтесь хорошенько и как скоро кончите, то пускай он моим именем даст этим людям отпускную, или, если нельзя этого сделать в Москве без меня, то пускай пришлет сюда образец той бумаги, которую мне надобно написать и подписать: я все здесь исполню. Прошу вас поспешить исполнением этой просьбы; дело лежит у меня на душе и я виню себя очень, что давно его не кончил. Приложенное письмо отдайте Попову. — С вами ли Анета наша? Будет ли она столько незлопамятна, чтобы написать ко мне? Зонтаг был в Петербурге, и я его не застал. Все, которые здесь его знают, поют ему похвалы и его любят. Боже мой! иногда берет такое желание вас увидеть! Может случиться, что зимою сяду в дилижанс и явлюсь к вам. Надобно увидеться непременно, прежде нежели старость так переменит наши лица, что при встрече надобно будет рекомендоваться. Это дает мне идею: у меня есть экземпляр моего портрета, посылаю его вам; скажите Анете, что и у нее будет такой же. Особо этот портрет не продается, он принадлежит к целому собранию литографических портретов, на которые надобно подписаться и которое стоит 300 рублей; но я могу иметь несколько экземпляров, за то, что сидел для живописца. Примите же мою рожу; как бы хотелось сказать это о самом себе. Вы, милая, одно из самых главных лиц в драме моей жизни, вы были на сцене, когда пьеса была интересна и вы же давали ей интерес: теперь и пьесы уже нет! осталась одна афишка, которая не нужна по выходе из театра. Простите. Заставьте ко мне написать детей, которых целую. Маша, думаю, уже велика! Может быть, так расцвела, что мне будет и опасно слишком на нее засматриваться, когда ее увижу. Опишите их — и Ваню, и Петрушу, и моего незнакомого крестника, и других незнакомых. — Мужа своего обнимите! Если Анета не станет ко мне писать, то напишите об ней вы! Если бы она знала, что такое моя лень, она бы не сердилась на меня, а жалела меня и старалась вылечить. Простите, друзья.

В Москве ли Ал⟨ександр⟩ Мих⟨айлович⟩ Офросимов?[1] Уведомьте! Я бы написал к нему. Желаю знать, что слуху о моих деньгах, которые хотел мне заплатить М. М. Соковнин[2]. — Скажите, каков Сергей Соковнин?[3]

Попов захотел продать их и обратился по этому поводу к их формальному собственнику, но Жуковский решил купить их сам и отпустить на волю» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 33).

[1] *В Москве ли Алекс⟨андр⟩ Мих⟨айлович⟩ Офросимов?* — А. М. Офросимов, см. примечание к письму 81.

[2] *Желаю знать, что слуху о моих деньгах, которые хотел мне заплатить М. М. Соковнин* — Михаил Михайлович Соковнин, см. примечание к письму 81.

[3] *...каков Сергей Соковнин?* — Сергей Михайлович Соковнин (1785—1868), чиновник, однокашник Жуковского по Московскому Университетскому пансиону.

Перевод

* Изола Белла (*итал.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 25—26 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 31—33.
Печатается по копии.

103. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

17 июля 1822[1]

Жуковский! За что я вас так люблю? За что вы все такие мерзкие со мною? — Неужели стоит знать и ведать, что имеешь над кем-нибудь неограниченную власть, чтобы употребить ее во зло? Такое чувство недостойно вашего сердца, оно ближе к Богу, а Он оттого так и добр с нами, что всемогущ. На два мои пренужные письма я не имею ответа[2], а когда дело идет о Ванюше, вы вообразить можете, что небрежение blesse douloureusement le coeur*. Это адресую я на имя Батенькова[3] и прошу его сказать что-нибудь в ответ на мою просьбу, он напишет ко мне тотчас, а вы, может, опять откладывать станете. — Я недавно очень была больна, желчная горячка, и болезнь эта оставила мне такую тоску, что вам бы не худо слова два почаще посылать мне в отраду. — Маша проехала мимо меня, и теперь без стыда пишет ко мне ангельское письмо из Муратова. — Я до сих пор не умею укрепить сердца против вашей холодности, что дети мои, вам незнакомые, родятся уже с привязанностью к вам: Рафаэль целует ваш портрет и протягивает к нему ручонки, как скоро внесут его в горницу. Уверена, что и тот ребенок, который колышется под моим сердцем, родится уже напитан любовью, ко всем вам, которых я так бестолково страстно люблю. Я рожу в конце августа, смотрите же, брат, если что со мной сделается, чего не мудрено мне ожидать по слабости моего здоровья, то в первую минуту займитесь моим мужем, а постоянно и без небрежения детьми. Если вы это сделаете, то позволяю вам теперь писать ко мне. Милый Жуковский, если бы вы теперь меня увидели, знаю, что опять сделалась бы вам я дорога, je souffre de tous les côtés, et mes souffrances compensées dans le coeur, sont

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения об ожидаемом «в конце августа» рождении ребенка: сын Николай Елагин родится 23 августа 1822 г.

[2] *На два моих пренужные письма я не имею ответа*… — Письма, о которых пишет Авдотья Петровна, неизвестны.

[3] *Это адресую я на имя Батенькова*… — Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863), подполковник корп. инж. путей сообщения, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, служил в Сибири (1816—1817 гг.) под начальством М. М. Сперанского, член Совета главного над военными поселениями начальника, масон, декабрист, приговорен на каторжную работу на 20 лет, друг А. А. Елагина и Авдотьи Петровны, главного адресата писем из Томска. Похоронен А. П. Елагиной в Петрищеве, рядом с могилой мужа.

plus aisantes que celles d'un** мальчик в оспе. — Но может быть и для меня успеет все пройти. Одно только мое вечное сидит в душе как лучшее благо, а вам-то до этого и дела нет.

Сколько я ваших стихов не знаю! Даже *Иоанны*, которая меня так восхищала![1] — Что же нас теперь разделять? Я вам сказала все, и прошедшее, и настоящее, и все, что с нашей разлуки наполняло душу. Думаю, что ничего нет такого, что бы *вас* опять ко мне не приблизило.

Муж мой все еще в деревне, надеюсь, что возвратится прежде моих родин. Обнимите Сашу. Напишите мне хоть об ней: право, вы все со мной бесчеловечны.

Попов просит решить судьбу его[2], ему необходимы деньги, и он хотел бы очень продать людей своих, за которых ему дают порядочную цену и которые также сами себя покупают. — Пожалуйста, отвечайте лишь на это, прикажите, как вам угодно. — Прощайте, друг! Если вы и писать не будете, то я еще так и напишу к вам[3].

Перевод

* Горько ранит сердце (*франц.*).

** Я страдаю от всего, и мои сердечные страдания отступают перед теми, которые испытывает (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 23, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 82—83.
Печатается по автографу.

104. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

27-го июля. Царское Село. 1822 г.[4]

Милая Дуняша, благодарствуйте за прелестное письмецо, которое так полно выражения бесценной нашей дружбы; благодарствуйте за ваши упреки, которые, к несчастию, заслуживаю — упреки за лень, разумеется, а не за перемену в моей к вам любви. Как может эта любовь перемениться, уменьшиться и прочее гадкое и невозможное? Вы мой милый представитель прекрасного лучшего времени жизни, товарищ поэзии и всего доброго. — Можно ли с вами когда-нибудь расстаться. Но моя убийственная лень приучила мою душу к неподвижности. Это болезнь и тяжелая болезнь, от которой я сам более стражду, нежели все

---

[1] *Даже Иоанны, которая меня так восхищала!* — Работа над переводом «Орлеанской девы» была завершена Жуковским 21 марта 1821 г.

[2] *Попов просит решить судьбу его…* — И. В. Попов, см. примечание к письму 102.

[3] (на обороте: «Жуковскому. Прошу требовать ответа на прежние два письма, адресованные прямо на его Святое имя»).

[4] Дата устанавливается на основании сообщения о рождении (одиннадцать дней назад) Андрея Александровича Воейкова (1822—1866), сына А. А. и А. Ф. Воейковых.

вы: имею то чувство, какое должен иметь виноватый. Впрочем теперь я менее виноват перед вами, нежели сколько вы думаете. Вы пишете о двух ваших письмах, адресованных прямо на мое имя, письмах, в которых вы говорите подробно о всем, что в последнее время с вами было (так думаю, прочитав ваше последнее письмо, полученное через *Батенькова*) — но я не получал этих писем! Поищите их у себя! точно ли вы послали? А если послали, то когда и какой был адрес! (мой самый верный адрес: *в Аничковом дворце, отдать Швейцару для доставления*). Пожалуйста, поищите, верно они у вас в каком-нибудь ящике! Мне их жаль чрезвычайно. Вам однако не трудно будет и в другой раз написать написанное. Вы ничего не сказали мне о том, получили ли вы мое бессловесное письмо, писанное цветками? на него со временем будет комментарий. По крайней мере оно должно было засвидетельствовать вам, что в лучшие минуты путешествия моего вы были моим товарищем: теперь стараюсь возобновить его в воспоминании и, может быть, *моя* Муза пробудится. Вам давно она не откликалась. В конце нынешнего года, вероятно, будете вы иметь все, что она сделала в последнее время. «Иоанна» кончена в Берлине: перевод близкий и, надеюсь, что вы будете им радоваться, но для меня не будет радости читать его вам: вот одно из очарований, отнятых для меня у поэзии! Здесь подле меня одна Саша; в ее гармонической душе все отзывается для меня по-прежнему: но поэзия уже перестала быть отголоском жизни! Она теперь бывает по временам одним наслаждением. Весело творить, это наполняет душу и душа выражается в том, что она производит. Но это прекрасные минуты, разделенные пустыми промежутками. Прошедший год однако был богат разнообразными, живыми наслаждениями: и ежели бы я более писал к моим милым, то эти наслаждения были бы полные. Но я поделюсь с вами ими в воспоминании. Вы же, мой милый друг, напишите мне снова ваше потерянное письмо: познакомьте меня со всем вашим! Только не говорите: *что же нас разделяет?* Ничто! ничто разделять не может! Вы писали мне о Ваничке — что, не знаю! Напишите опять. Скажу, что думаю, но знать прежде хочу ваши мысли — а теперь только скажу о Попове. Посылаю отпускную людям его. Он просит за них 2400 рублей; но у меня денег нет. Можете ли вы мне помочь в этом случае и вот как? Я соглашаюсь дать ему 2000, остальные же 400 самим его людям будет за себя заплатить не трудно! Если он согласится, то дайте ему заемное письмо в 2000 р., а мне же пришлите в 4000. Я же вам буду должен 85 рублей лишних процентов, которые вы заплатите Попову (за пять остальных месяцев нынешнего года) при совершении заемного письма — их вычтите при уплате мне моих на будущий год. Прошу вас меня уведомить об этом без промедления. Приложенное письмо доставьте Попову; а отпускную отдадите его людям тогда, как всё будет кончено. — Вот вам слова два о Саше: теперь 11 день ее родин и все идет благополучно; вчера у нее были крестины и comme de raison* ее крестный отец с Е⟨катериной⟩ Афанасьевной. —

Простите, милый бесценный, всегдашний друг! Когда-то будет для меня счастие опять подышать весело в семье вашей. Перецелуйте за меня их всех. —

Вам впрочем не надобно давать мне нового заемного письма на мои 4000, я выставлю на старом, что получил в уплату 2000 (срок его февраля (9) только уведомите, что вы сделали по моей просьбе).

Перевод

* как и следовало ожидать (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 32—33 с об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 80—82.
Печатается по копии.

105. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

19-го сентября Ц. Село, 1822 г.[1]

Вот вам, бесценная моя Дуняша, отпускная Попова людям, а при ней письмо, к вам написанное и залежавшееся у меня от разных препятствий, помешавших мне засвидетельствовать в суде бумагу, которую три раза переписывал, благодаря моему искусству все откладывать. Жду от вас письма. Мы же все здоровы. Завтра перебираюсь из Царского села в С.-Петербург. По приезде туда тотчас примусь за издание новое и полное своих сочинений; в их числе будет и *Иоанна* (которую NB запретили представлять в театре). Теперь же не писал ничего, хотя и есть, что писать, а подумайте, что делал! Гравировал. Зато вы скоро получите собрание моих рисунков, сделанных в Швейцарии и мною почти совсем выгравированных (au trait*). Их более семидесяти. Это будет для вас интересно. Теперь пока простите. Буду отвечать на ваше письмо, как скоро его получу. Но не медлите, душа. Дайте мне всю вашу историю. Собираюсь в конце месяца в Дерпт с Е⟨катериной⟩ Афанасьевной. С Машей побеседую об вас. Видаете ли Тургенева?[2] Целуйте мужа и детей. А я все-таки ваш всею душою.

Перевод

* *контурный рисунок* (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 82.
Печатается по первой публикации.

---

[1] Дата устанавливается на основании продолжающегося разговора о Попове и его крестьянах, выкупаемых Жуковским.

[2] *Видаете ли Тургенева?* — Речь идет об Александре Михайловиче Тургеневе (1772—1803). Герой Отечественной войны 1812 г., военный деятель, один из просвещенных деятелей первой половины XIX века, директор Медицинского департамента Министерства внутренних дел, московский старожил и давний приятель Жуковского. «Ермолафушка» — как называл Жуковский Тургенева — был предметом его постоянных забот.

106. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

СПб. 1822 г., октябрь[1]

Милая Дуняша, я жив, следовательно, люблю вас. Поручаю это сказать вам на словах подробнее счастливому Тургеневу[2], который вас увидит и будет долго вместе с вами. Я же решительно потерял способность писать письма и теперь принужден просить вас: из дружбы ко мне, из сожаления, из милости не сердиться на мое молчание, не приписывать его ничему невозможному, то есть перемене, холодности и прочее. Это будет жесточайшая несправедливость. Лень моя так сделалась всемогуща, что я даже не написал к вам ничего и после рождения вашего малютки. Но разве я ему не обрадовался и разве я не люблю вас как милую сестру, как самого нежного, верного друга, у которого в сердце всегда сохраняется место мое, разве воспоминание о всем хорошем в жизни не тесно соединено с вами. Милая моя душа, напишите ко мне опять то письмо, которое так досадным образом пропало: обещаю вам длинный ответ. Теперь хотел только сделать два слова с Тургеневым. Он должен непременно вам полюбиться. Это прекрасная, чистая, высокая душа. Вот вам еще доказательство моей убийственной лени. Я приготовил отпускную для людей Попова, и по сию пору не собрался ее засвидетельствовать; нынче хотел послать в суд, но праздник. И так надобно ждать почты. Непременно пришлю на следующей. Предуведомьте об этом Попова и чтобы он не досадовал на мою неточность. Обнимаю вас и всех ваших — моих (знакомых и незнакомых). Ради Бога, не поддавайтесь искушению сердиться на меня за мою лень и не убавляйте ничего из моего бесценного сокровища, вашей ко мне дружбы. Знать, что она у меня *есть*, принадлежит к счастию жизни. Да напишите же ко мне.

Автограф неизвестен
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 30—30 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 80.
Вторая публикация: УС. С. 33—34.
Печатается по копии.

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Попове и ответного письма Авдотьи Петровны от 2 ноября 1822 года.

[2] *Поручаю это сказать вам на словах подробнее счастливому Тургеневу...* — Речь идет о Сергее Ивановиче Тургеневе (1792—1827), дипломате, младшем брате Андрея, Александра и Николая Тургеневых. Осенью 1822 г. С. И. Тургенев был в Москве.

107. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

После 6 октября 1822 года[1]

Наконец посылаю вам, милая моя душа Дуняша, бумагу для Попова. В третий раз ее пишу, заставил свидетельствовать и все по пустякам. В доказательство посылаю и черную. Эту черную написал в самый день отъезда из Сарского села, отложив по своему обыкновению до невозможного; послал свидетельствовать в суд, мне сказали, что надобно еще подавать какую-то бумагу, и должен был отложить до Петербурга; тут поездка в Дерпт, хлопоты перемещения на новую квартиру, уборка горниц и прочее — словом, опять промедлил. Наконец вот она. Не объясняю вам того, что надобно вам со своей стороны сделать, а посылаю те письма, которые по случаю этой же бумаги были к вам приготовлены. В них найдете долг свой. Теперь просьба к любезному Алексею Андреевичу, которого вместо предисловия за меня обнимите. Я желаю дать такую же отпускную моему Белевскому Максиму и его детям[2]. Прилагаю здесь записку о их семействе; но для этого надобно мне иметь купчую, данную мне на отца Максима тетушкою Авд⟨отьей⟩ Афанасьевной. Эта купчая мною потеряна; а совершена она была в 1799 или в 1801 г. в Москве. Прошу любезного Алексея Андреевича взять на себя труд достать мне из Гражданской Палаты копию сей купчей за скрепою присутствующих, дабы я мог здесь написать отпускную; да нельзя ли уж и форму отпускной прислать, на всех вместе, дабы мне здесь никаких хлопот по этому не было: в противном случае опять отложу в длинный ящик, и мой несчастный Максим будет принужден влачить оковы эсклава[3]. Похлопочите об этом, душа. А в заплату за этот труд посылаю вам экземпляр своего нового сочинения, не стихотворного и даже не литературного — нет, виды Павловска, мною срисованные с натуры и мною же выгравированные à l'eau forte*. Этот талант дала мне Швейцария; в этом роде есть у меня около осьмидесяти видов швейцарских, которые так же выгравирую и издам вместе с описанием путешествия, если только опишу его[4]. — Благодарю вас за ваше милое письмо, полное жизни и животворное; и как мне жаль потерянного. Как мне жаль, что я так ленив писать — столько бы можно было говорить с вами и как было бы весело говорить. Но, к счастию, вы отделяете меня от моей лени и так же мне друг без малейшего изменения, как и я вам.

---

[1] Дата устанавливается на основании развиваемого не в первый раз осенью 1822 г. разговора о выкупе крестьян Попова; об этом же и в письме от 6 октября 1822 года.

[2] *Я желаю дать такую же отпускную моему Белевскому Максиму и его детям* — Речь идет о желании Жуковского освободить о крепостной зависимости своего слугу Максима и его родственников.

[3] *...мой несчастный Максим будет принужден влачить оковы эсклава* — Эсклав (франц. esclave), раб, крепостной.

[4] *...около осмидесяти видов швейцарских, которые так же выгравирую и издам вместе с описанием путешествия, если только опишу его* — См. письмо В. А. Жуковского от 19 сентября 1822 г.

Во мне точно ничто не переменилось; не прибавилось и не убавилось. Думаю, что и лень не новое; мы будучи вместе, ее не знали; теперь розно; я не пишу, а все тот же. Этого, кажется, не думает Анета, ибо она, которая так любит писать и так легко пишет, не дает мне о себе никакой весточки. Напишите, прошу вас, об ней, а я сберусь отправить к ней послание. — Я был в Дерпте и рад тому, что был там; видел Машу, говорил с ней об ней и доволен ею: это поэзия. Мы говорили о нашей утопии[1]. Она непременно должна згромоздиться; но когда? Будем ждать и надеяться перед затворенною дверью! Пока что пускай будет нашею радостию, что мы все сбережены друг для друга. Судьба прогремела мимо нас, поколотив нас мимоходом, но не разбив нашего лучшего, любви к добру, уважения к жизни и веры в прекрасное. Все остальное шелуха. A propos de** прекрасное. Я никогда не говорил вам о Великой Княгине: это прекрасное в живом образе передо мною. Мне верить ему легко, потому что я вижу его лицом к лицу. Милый хранитель поэзии! Письма мои, писанные из путешествия к ней, были писаны и к вам[2], следовательно, я рад, что у вас есть их список. Но именно потому, что она — она, и полное создание нашей утопии должно быть отсрочено; я привязан к своему месту не одними узами выгод, о которых не так-то много забочусь, но узами лучшими — чистого уважения, благодарности: всему этому итог — поэзия, которая (несмотря на свет и всю его холодную грязь и его душную атмосферу, в которой я долго бродил в бездействии) все еще колышется и вспыхивает. Теперь мы вместе с Сашей; хотим кое-как строить спокойное, деятельное (если уже нельзя счастливого) chez soi***; хотим ставить фонарики, думая и о наших далеких фонарных мастерах, которые с нами заодно работают и зажигают свои свечки. Со временем будем и *вместе*. — Прошу вас в заключение сказать мне свои планы для детей, к вашим прибавлю свой. Теперь простите. Уведомьте скорее о получении письма моего, о исполнении моей комиссии. Мужа вашего и детей обнимаю. Видел работу Петруши и радовался ею. Заставьте его и для меня что-нибудь нарисовать. За Батенькова не сердитесь; я прежде с ним не видался от разных отлучек, а теперь от разных хлопот. На сих днях у него буду. Он и сам невидимка. Приложенные письма отдайте по адресам. Об Анне Михайловне можете узнать от Антонского. Ваш во веки.

Жуковский.

Я читал ваше последнее письмо, писанное к Маше. Милая, что значит история письма вашего, которое было ко мне отправлено и которого я не получил? На счет его говорите вы что-то для меня непонятное и грустное. Изъяснитесь, если

---

[1] *Мы говорили о нашей утопии* — О планах всем поселиться в родных местах, тем более, что И. Ф. Мойер собрался покупать деревню в соседстве с Елагиными.

[2] *Письма мои, писанные из путешествия к ней, были писаны и к вам…* — «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывок из письма о Саксонии» и «Отрывки из письма о Швейцарии» в виде писем к вел. кн. Александре Федоровне были впервые опубликованы в «Полярной звезде на 1824 год», «Московском телеграфе» (1827. Ч. 13, № 1) и «Полярной звезде на 1825 год».

возможно. Между тем слышал и другое, что меня порадовало: Алексей Андреевич сбирается в Петербург с Ваничкой? Для чего же с одним Ваничкой; для чего и не с Петрушей. Батеньков сказывал, что вы думаете его заставить несколько времени поучиться в Петербурге, а потом и за границу. — Нет! в Дерпт! в Дерпт! Без всякого сомнения! там получит главное: любовь к занятию; там есть русские студенты! и что всего важнее, там будет надзор Маши и Мойера. А за границу прекрасное дело. Но об этом будем говорить с Алек⟨сеем⟩ Андр⟨еевичем⟩. Но для чего же и Петруша не с ним? Напишите ко мне поподробнее. Пишете ли вы к Анете? Уведомьте меня об ней, прошу вас, и пришлите ее адрес.

Перевод

[*] офорт (*франц.*).
[**] кстати о (*франц.*).
[***] свой угол (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 27—29 с об., 30.
Впервые опубликовано: УС. С. 34—36.
Печатается по копии.

108. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец октября 1822[1]

Не дивитесь, бесценный мой Жуковский, что ваша Дуняша молчит не смотря на ваше милое воззвание: я отправилась было совсем туда, где ни слова не говорят, ā moins qu'on ne veuille dire des choses de l'autre monde[*]. — Лень ваша теперь меня *сокрушать* не будет: я видела ваши письма к Маше. Ежели вы лениться могли писать к ней, то и меня вы не разлюбили. А правду сказать, я часто сама себя терпеть не могу: беспрестанные болезни и заботы такое иногда наводят уныние, которое хуже всякой мерзкой лени. — В одну из этих минут дружеское письмо ваше разогрело мою душу: она вся растаяла перед вами, и несколько лет одиночества исчезли: но судьба дала мне прекрасный урок. Письмо мое, говорите вы, пропало. — Авось наша Муратовская утопия згромоздится не в одних мечтах, и тогда, когда ваше милое присутствие возвратит мне меня, опять мне будет дышать легко, и опять буду иметь возможность сталкивать с сердца то, что так тяжело на нем скопилось. — Милый друг, прошедшее без будущего никуда не годится! Оно так же разочаровывает настоящее, как и все мечтательные надежды. — Маша возвратила мне на минуту и то, и другое: но моя участь не дала мне и ее присутствием вполне насладиться. Пять дней сильных мук заменили и ей беспокойством радость свидания: зато Николашку приняла на свет, самая лучшая

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о рождении сына Николая, (то есть письмо написано позже 23 августа 1822 года).

из всех sageneшников, которую Wehmutter** назвать ни один атеист не смеет: дружба. А за такой добрый prognostic*** в его жизни можно дать несколько лишнего страдания. — Теперь опять вы трех детей моих не знаете! А бедная моя Лилия! Да и знакомые так уж переменились, что вы и тех можете не узнать. Ванюша большой уже человек. — По милости вашего портрета вас узнает тотчас даже крестьянин ваш, а по моей душе, которая *лучше* вас ничем заняться не умеет, все их сердца называют вас в одно время ее отцом и матерью. Видели ли вы Петрушину работу у Маши? — У меня были ваши письма из Дрездена и Штутгарта, и я много из них списала; надеюсь, что вы мне это позволите, и что уверены, что это для меня такая же святыня, как всё, что до вас касается и что непросвещенное око до них не коснется, а рука даже и просвещенная. Впрочем, если вам не понравится, что они у меня будут, то повелите: я уничтожу, хотя досадно будет. Кстати к досаде: знаете ли, что я сердита на вас за Батенькова. Он стоил того, чтобы вы отличили его от толпы. — У нас вышло с ним недоразумение в ваших деньгах: вы ему о каких-то говорили, и я вздумала, что вы моих процентов не получали, и принялась его бранить, тем больше, что Маша говорила мне о том же: — теперь скажите, милый, напрасно ему от меня досталось? — А Попов на вас сердится не напрасно: развяжите меня с этим несносным педантом, я ему заплачу все, что вы велите, ежели велите.

С Сергеем Тургеневым мы почти не видимся[1]. Мне понравился он с первой минуты, как я его увидела: открытая его физиономия обещает великую, твердую душу, в которой весело бы читать. По мне довольно и того, что он всех вас любит и знает: для меня никогда не будет он посторонний. — Но во мне что ему? Я умирала, потом бедный мой Рафаэль, потом — — Но что делать? Mon coeur est si fort accoutumé aux privations, qui je ne veux plus y penser****.

Прощайте! Сохрани вас мне Бог!

Перевод

* если только не хотят говорить о других (*франц.*).
** материнская боль (*нем.*).
*** предсказание (*франц.*).
**** Мое сердце так приучено к лишениям, что я не хочу об этом больше думать (*франц.*).

Автограф: РГБ ф. 104, к. VII, № 23, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 84—85.
Печатается по автографу.

[1] *С Сергеем Тургеневым мы почти не видимся* — Сергей Иванович Тургенев (1792—1827), дипломат, младший брат Андрея и Александра Тургеневых.

109. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Начало января 1823[1]

Надобно, чтобы душа моя была очень больна, милый брат, когда уж от вас письмо меня не вылечивает. — По несчастию для меня не гипербола сказать, что болезни детей меня *убивают*: не могу ни думать, ни делать что-нибудь, мучась страданием этих бессловесных ангелочков. Рафаэль мой ужасно болен уже третий месяц: тает видимо и ежечасно. Ночь целую держу его на руках и слышу стон, а когда все встанут, то должно сколько силы et faire bonne mine*, и сжать сердце. — У меня у самой лихорадка; но это не беда, и без внутреннего горя прошла бы скоро. — Деньги, друг мой, пришлю вам скоро: две тысячи через две недели, а третью к марту надеюсь, впрочем на третью запаситесь где-нибудь обещанием, я не совсем в ней уверена. — Попову деньги 2400 отдала, и люди его *свободны*. — Говорят, что это с вашей стороны дурачество; дай Бог побольше таких дурачеств — ваши эсклавы будут еще месяца два носить свои цепи, но этого не пугайтесь: скажу вам на ухо, что я хотела бы быть на их месте. Копию купчей *за скрепою* присутствующих взять нельзя: вы не расписались в купчей и потому закон запрещает выдать копию: но вот что муж мой сделает: в конце января он будет в Белёве, там напишет отпускную, пришлет вам подписать, а так как в Белёве вашу руку знают, и люди ваши написаны там в подушном окладе, то отпускную засвидетельствуют, и им объявят полную свободу, без всякого затруднения.

Когда буду здорова, Жуковский, буду учиться так же гравировать à l'eau forte**, и пришлю вам все виды Мишенского и Долбина. Это будет также воспоминание. Муратова списывать не надобно, оно еще украшается надеждами, и Павловское дорого мне и потому, что я смотрю на него вашими глазами, и потому что там эта ангельская Великая Княгиня, которая сохраняет мне лучшее благо всей моей жизни: поэзию вашей души. Но, признаюсь, хотелось чего-нибудь от вас другого, кроме этих милых гравюр; *стишков-с*, то есть. Душа ссохлась, ничего целые веки вашего не читала, голодная смерть в жаркой степи. Я и *Иоанны* не знаю; кроме первого акту; велите хоть Вяземскому поделиться; неужели и *печатать* ее не позволяют? Тургенев обещал мне *Иванов вечер*[2], но забыл и обещание, и меня, а он слишком мне понравился, чтобы напоминать об себе. — Прощайте, друг. Рафаэль кричит. Сохрани вас Бог видеть подобные страдания милого ангела: мне хуже Шильонского узника[3].

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания баллады «Иванов вечер», «Шильонского узника» и «Орлеанской девы», оконченных в 1822 году.

[2] *Тургенев обещал мне Иванов вечер…* — Баллада «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», перевод из В. Скотта, написана в июле 1822 года и напечатана в 1824 году.

[3] …мне хуже Шильонского узника — Авдотья Петровна сравнивает себя с героем повести Жуковского «Шильонский узник» (1822).

Ванюша хотел приехать в П⟨етербург⟩, чтобы взглянуть на вас и на П⟨етер⟩бург, на неделю только, я в службу его не записываю еще, а хотелось, чтобы вы его увидели, а он вас: il en aurait pour longtemps***, но теперь финансы не позволят этой прогулки.

Перевод

* делать хорошее лицо (*франц.*).
** офорт (*франц.*).
*** ему этого хватит надолго (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 86.
Печатается по автографу.

110. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

СПб. 8-го января 1823 г.

Милая Дуняша, что же нет от вас ни строчки ответа? Получили ли вы мое письмо, рисунки, отпускную и прочие редкости? Что вы скажете? что поет Попов? *Тебе Бога хвалим или вскую мя оставил?*[1] Но дело не о Попове, а обо мне; пишу к вам единственно для того, чтобы просить вас: не можете ли вы отдать мне те деньги, которые у вас останутся по вычете того, что вы должны будете Попову, то есть 3600, из которых надобно будет еще вычесть 450, ибо я столько вам должен, как то записано у меня в книге. Мне деньги крайне нужны. Боюсь, чтобы мое требование не затруднило вас, не заставило хлопотать. Если вам невозможно (физически или морально) заплатить мне, то прошу вас отвечайте немедленно, дабы я мог также немедленно взять свои меры. Мне необходимы нужны будут 3000 в начале марта. Итак прошу вас мне отвечать, милая, и поскорее, поскорее. Дело состоит в том, что я принимаюсь за новое издание своих творений. Деньги дает мне взаймы Вел⟨икая⟩ Княгиня; но из этой суммы должен взять несколько для уплаты долга и в марте надобно непременно будет уплатить 3000. Если не внесу в данную мне сумму взятых из нее денег, то издание остановится. Если же оно будет таковым, каким я предполагаю его сделать, то я заплачу и долг свой и еще через несколько лет, то есть по распродаже всего издания, может у меня остаться в кармане более 20000. Видите сами, что время поэзии начинает сменяться

[1] *Тебе Бога хвалим или вскую мя оставил? — «Тебе Бога хвалим»* — древний церковный гимн (перевод с лат.), авторство которого приписывается св. Амвросию. В православной церкви исполняется в конце благодарственного молебна. Исполняется также в составе чина коронования русских самодержцев. На этот текст писали хоровые произведения многие крупные композиторы. Слова Иисуса, который будучи распят на кресте и испытывая невыносимые страдания, воскликнул, обращаясь к Отцу своему: «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?» (Мф. 27.46).

временем расчетов. Простите, жду вашего ответа. И еще жду, что вы напишете мне подробно о том, что вы намерены сделать с Ванюшей и Петрушей. До прочих еще далека песня. Приложенное письмо отдайте Василию Николаевичу Юшкову[1]. А супруга своего за меня обнимите.

8 января 1823 Ваш Жуковский

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 9—9 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 82—83.
Печатается по копии.

111. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

После 8 января 1823 года СПб[2]

Милая Дуняша, благодарю вас за ваше милое письмо, на которое по обыкновению я не отвечал и отвечаю поздно. Благодарствуйте за исполнение одних поручений и за намерение исполнить другие. Очень рад, что мои эсклавы получили волю; хочу поскорее дать ее и другим. Это поручил я Василью Татаринову, который вручит вам это письмо и который взялся написать в Белеве по форме отпускную, которую здесь напишу и пришлю к вам или к Алексею Сергеевичу. Вас же прошу (если это вас не стеснит) похлопотать о скором доставлении мне обещанных двух тысяч; третью можете и в половине нынешнего года мне доставить; но две нужны, ибо хочется заплатить некоторый долг в срок. Жаль мне, что должен у вас требовать, боюсь, чтобы это не было для вас заботою — но, право, необходимость.

Печатание *Иоанны* началось, и вы получите ее тотчас по окончанию. Цензура поступила с нею великодушно quant à l'impression и неумолимо quant à la reprēsentation*. Все к лучшему: здешние актеры уходили бы ее не хуже цензуры.

Напишите мне, мой милый друг, о том, что у вас делается? Что ваш Рафаэль, мой милый Незнакомец?[3] Боже мой! сколько около вас моих незнакомцев! Когда-то мы увидимся! Даже и те, которых знаю, при свидании со мною будут для меня, как новые. Как много на земле лишнего! Отдаление, густой воздух, который мешает глазам видеть в даль, бумаги, чернила, которые нужны для переписки, могилы, которые надолго прячут то, что мило, лень, которая стоит могилы — и все

---

[1] *Приложенное письмо отдайте Василию Николаевичу Юшкову* — В. Н Юшков — дядя А. П. Елагиной.

[2] Дата устанавливается на основании письма А. П. Елагиной от начала января 1822 года, по поводу которого Жуковский благодарит ее за исполненные поручения («Попову деньги 2400 отдала⟨…⟩») и просит о новых услугах. Авдотья Петровна впервые сообщает ему, что его *эсклавы* (он повторил ее выражение) свободны; упоминание о письме и свертке для Дмитриева позволяет точно указать и день письма, С7, т. IV, 430).

[3] *Что ваш Рафаэль, мой милый Незнакомец?* — Сын А. П. и А. А. Елаиных.

это шелуха, которая когда-нибудь осыпется. — Оставим все это; писать некогда. Посылаю вам еще 6 гравюр Гатчины[1] и несколько гравюр моих же из моего путешествия: хочется сделать ему описание и с рисунками. Но все, которые теперь посылаю, будут переделаны. Это только для вас. Обнимите мужа и детей.

Прошу вас вложенное письмо и сверток немедленно доставить Дмитриеву[2], только повернее. Узнать о его квартире можете в Почтамте — и письмо к Антонскому переправите так же.

Сейчас сидит у меня Тургенев, огорченный вашим письмом к Марье Андреевне и велит вам сказать, что он потому только написал *мнимо* холодное письмо к Филарету Калужскому, что не знал, что дело идет об вас (femme aux étoiles** как он врет) ныне же пишет уже вторично по просьбе его Тургенева (comme à une étoile***) Филарет Московский[3] к Филарету Калужскому и, вероятно, письмо это подействует, ибо Филарет пишет так жарко, что бумага трещит.

Перевод

* Что касается печатания и неумолимо относительно представления на сцене (*франц.*).
** звездная женщина (*франц.*).
*** как к звезде (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 11—12 с об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 83.
Вторая публикация: УС. С. 37.
Печатается по копии.

112. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт. Март 1823[4]

Милый ангел Дуняша, не могу подумать, что будет с вами: душа рвется и ноет! Нет и не может быть помощи — что ни думай, что ни проси — все надобно кончить одной фразою: *ее* нет и навсегда нет! Я был за две недели перед этим и теперь опять здесь — как будто вышел за дверь и вдруг ее нет! Они видели ее умирающей, видели в гробе — для них была смерть. А я был с ними так недавно, простился с спокойной, веселою надеждою, теперь опять с ними — а ее

[1] *Посылаю вам еще 6 гравюр Гатчины…* — См. письма В. А. Жуковского от 14 сентября и 6 октября 1822 г.

[2] *…письмо и сверток немедленно доставить Дмитриеву…* — Иван Иванович Дмитриев, см. примечание к письму 50.

[3] *Филарет Московский…* — Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, (1782—1867), архимандрит, Московский первосвятитель. Письмо к Филарету касалось одного сельского священника, о котором хлопотала Елагина.

[4] Дата определяется трагическим событием — смертью М. А. Мойер. «Записка эта, писанная под свежим впечатлением смерти Марии Андреевны, писана на другой же день после

навсегда нет. Для чего вы не с нами? — не для утешения, нет! но для того, чтобы плакать, плакать и более ничего. Поберегите себя, милый друг, и вам она завещала дочь свою, и мать, и сестру. Наша же колония не в здешнем свете[1].

Автограф неизвестен.
Первая публикация: УС. С. 38.
Печатается по первой публикации.

113. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Марта 28-го 1823 г.

Кому могу уступить святое право, милый друг, милая сестра, я теперь вдвое против прежнего говорить с вами о последних минутах нашего земного Ангела, теперь небесного, вечно без изменения нашего. С тех пор, как я здесь, вы почти беспрестанно в моей памяти. С ее святым переселением в неизменяемость прошедшее как будто ожило и пристало к сердцу с новою силою. Она с нами на все то время, пока здесь еще пробудем. Не вижу глазами ее, но знаю, что она с нами и более наша, наша спокойная, радостная, товарищ души, прекрасный, удаленный от всякого страдания. Дуняша, друг, дайте мне руку во имя Маши, которая для нас все существует; не будем говорить: ее нет! C'est blasphème!* Слезы льются, когда мы вместе и не видим ее между нами, но эти слезы по себе. Прошу вас ее именем помнить об нас. Это должность, это завещание! Вы были ее лучший друг — пусть смерть будет для нас таинством, где два будут во имя мое, с ними буду и я. Вот все! Исполним это. Подумайте, что это говорю вам я, и дайте мне руку с прежнею любовью. Я теперь с нею. Эти дни кажутся веком. 10 числа я с ними простился, без всякого предчувствия, с какою-то непонятною беспечностию. Я привез к ним Сашу и пробыл с ними две недели; неделю лишнюю против данного мне срока; должно было уехать; но Боже мой! мог бы остаться еще десять дней — эти дни были последние здешние дни для Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли; бывают предчувствия, чтобы мутить душу; для чего же здесь не было никакого

приезда Жуковского в Дерпт, след. 22—23 числа. (Известие о кончине было получено в Петербурге 19-го, Жуковский сейчас же выехал). На случайно попавшемся маленьком обрывке сперва написала А. А. Воейкова (Авдотья Петровна в это время сидела над умирающим маленьким Рафаэлем): «Mon ange! Au nom du Ciel donne nous de tes nouvelles! Fais écrire par mon cher Ваничка, s'il est avec toi. Dieu soutienne notre matheureuse mère. Joukowsky est avec nous depuis hier matin [Мой ангел! Именем неба сообщи о себе! Напиши о моем дорогом Ваничке, с тобой ли он. Да поддержит Господь нашу несчастную мать. Жуковский с нами со вчерашнего утра (*франц.*)]. Ах, Дуняша! Все кончено! Все прекрасное в жизни вон! Будущее так ужасно! Боже мой, сжалься! — Катичка здорова, Мойер тоже. Для меня все, все кончено, что я могла называть счастием и спокойствием. Не знаю, что еще со мною будет! Напишите Бога ради о себе» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 38).

[1] *Наша же колония не в здешнем свете* — Речь идет об утопии, о которой они мечтали: жить всем вместе в деревне вблизи Долбина и Муратова.

милосердного предчувствия? Было поздно, когда я выехал из Дерпта, долго ждал лошадей; всех клонил сон; я сказал им, чтобы разошлись, что я засну сам. Маша пошла наверх с мужем. Сашу я проводил до ее дома; услышал еще голос, когда готов был опять войти в двери, услышал в темноте: прости! Возвратясь, проводил Машу до ее горницы; она взяла с меня слово разбудить их в минуту отъезда, и я заснул. Через полчаса все готово к отъезду; встаю, подхожу к лестнице, думаю, идти ли, хотел даже не идти, но пошел — она спала; но мой приход ее разбудил — хотела встать, но я ее удержал. Мы простились, она просила, чтобы я ее перекрестил, и спрятала лицо под подушку — и это было последнее на этом свете. И через десять дней, я опять на той же дороге, на которой мы вместе с Сашей ехали на свидание радостное и с чем же я ехал! Ее могила, наш алтарь веры, недалеко от дороги и ее первую посетил я.

Я смотрел на небо другими глазами; это было милое, утешительное, Машино небо. Ее могила для нас будет местом молитвы. Горе об ней там, где мы; но на этом месте одна только мысль о ее чистой, ангельской жизни, о том, что она была для нас живая, и о том, что она ныне есть для нас небо. Последние дни ее были веселы и счастливы. Но не пережить родин своих было ей назначено и ничто не должно было ее спасти. Положение младенца было таково, что она не могла родить счастливо; но она не страдала, и муки родин не сильные и не продолжительные. В субботу 17-го марта она почувствовала приближение родительной минуты; поутру были легкие муки — к обеду же успокоилось — она провела все после обеда с Сашею, была весела необыкновенно; к вечеру сделались муки чаще, но и прежде и после их была потеря крови и в ней-то причина смерти. Ребенок родился мертвый — мальчик. В минуту родин она потеряла память — пришла через несколько времени в себя; но силы истощились и через полчаса все кончилось! Они все сидели подле нее; смотрели на ангельское, спящее, помолодевшее лицо, и никто не смел четыре часа признаться, что она скончалась. Боже мой! а меня не было! В эти минуты была вся жизнь, а я должен был их не иметь! я должен был не видеть ее лица, ясного, милого, веселого, уверяющего в бессмертии, ободряющего на всю жизнь. Саша говорит, что она не могла на нее наглядеться.

Она казалась точно такою, какова была 17-ти лет. В голубом платье, подле нее младенец, миловидный, точно заснувший. Горе это для всех; здесь все ее потеряли. Знакомый и незнакомый приносил цветы, чтобы украсить стол, на котором лежали наши два ангела, и живший, и неживший! Она казалась спящею на цветах. Все проводили ее, не было никого, кто бы об ней не вздохнул. Ангел моя, Дуняша, подумайте, что обо всем этом пишу к вам я и поберегите свою жизнь. Друг милый, примем вместе Машину смерть как уверение Божие, что жизнь святыня. Уверяю вас, что это теперь для меня понятно — мысль о товариществе с существом небесным не есть теперь для меня одно действие воображения, нет! Это ⟨*нрзб.*⟩ я как будто вижу глазами этого товарища, я уверен, что мысль эта будет час от часу живее, яснее и одобрительнее! Самое прошедшее сделалось моим; промежуток последних лет как будто бы не существует, а прежнее яснее, ближе.

Время ничего не сделает… Разве только одно: наш милый товарищ будет час от часу ощутительнее своим присутствием; я в этом уверен. Мысль об ней полная одобрения до будущего, полная благодарности за прошедшее — словом религия! Саша, вы и я будем жить друг для друга во имя Маши, которая говорит нам: незрима я, но в мире мы одном.

Я не сказал почти ничего о Саше; Бог дал ей сил и ее здоровье не потерпело. Можно сказать, что у нее на руках ее спаситель: она кормит своего малютку. Пока он пьет ее молоко, до тех пор чувство горя сливается с сладостию материнского чувства. Она знает, что он тут: милый, живой, веселый и спокойный ребенок.

Маменьке помогают слезы; не бойтесь за нее. Другой спаситель — Машина дочь, наше общее наследство. Она не имеет никакого понятия ни о чем — весела, бегает, смеется, — но слезы, которые она видит, ей как будто сказали тайну; точно так она привязалась вдруг без всякой поспешности к Саше, как к Маше. О матери не говорит ни слова, но ласкается с необыкновенной нежностью к Саше, по получасу лежит у нее на руках, целует ее, что-то есть грустное в этих поцелуях. Милая, Машина дочь теперь и ваша. И для нее вам должно беречь себя. Матери не увидит она, но от кого, как ни от нас, дойдет до нее предание об этом Ангеле.

Перевод

* Это святотатство! (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 83—86.
Печатается по первой публикации.

114. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт, после 27 апреля 1823[1]

Милый ангел мой Дуняша! С каким стенанием сердца читал я записочку вашу к Е⟨катерине⟩ А⟨фанасьевне⟩. В ней стоит: что моя Маша? Боже мой! Каким языком отвечать на этот вопрос? Одним языком верующего сердца: Маша более, нежели когда-нибудь, наш Ангел, наш спутник, наш хранитель! В Пятницу, на Святой неделе мы все были на ее могиле; там слышал я под чистым небом, смотря, как все плакали, стоя на коленях, и мать, и муж, и дети; *Христос воскресе! И сущим в гробах живот даровал*[2]. Это была возвышенная минута жизни. Теперь знаю, что такое смерть; но бессмертие стало понятнее — Жизнь не для счастия: в этой мысли заключено великое утешение. Жизнь для души — следственно, Маша

---

[1] Дата устанавливается на основании указанного в письме времени посещения могилы М. А. Протасовой «в пятницу на Святой неделе» 1823 года, то есть на пятый день после Пасхи, которая в этом году приходилась на 22 апреля.

[2] *Христос воскресе! И сущим в гробах живот даровал* — Цитата из Пасхального тропаря.

не потеряна. Кто возьмет ее у души? Ее *здешнюю* можно было видеть глазами, можно было слышать, в ее присутствии было счастие. Но ее *тамошнюю* можно видеть только душою ее достойною: в этом не разлучимом, это чувство согревает мою душу. Знаю, что не стою ее; но остаток жизни этому чувству. Она оставила ко мне письмо, написанное не в минуту предчувствия, но она хотела, чтобы я не одним воображением слышал ее наставительный голос из гроба. Этот голос и для вас: послушаем его вместе. Вы для меня точно теперь неразлучны с нею; думаю об вас с *двойною* нежностию, с благодарностью за прошедшее и с надеждою, что вы будете ободрительным товарищем на остатке жизни. Душа моя, берегите свою жизнь, чтобы исполнить Машино завещание. Все, что нашлось вашего между оставшимися, взял я себе и все будет храниться вместе с *ее* (вещами): вы, верно, сами бы мне это отдали. Нашел я ваш портрет, рисованный ею. Какое бесценное наследство и какое святое завещание![1]

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 31—31 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 86—87.
Печатается по копии.

115. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 апреля 1823[2]

Друг мой Жуковский, не беспокойтесь обо мне, я здорова: тело перенесет все. В вашей душе, которая у меня на сердце, чувствую, что есть и моей душе опора в будущем, а теперь пользовать его еще не могу. Жизнь не может казаться мне еще святыней. Машина могила, вот одно что в ней представляется. И это слово слышать от вас! — Что с вами? Где вы теперь? Мне даже и вас видеть не хочется. С нею всё. — Поверите ли, что около месяца, я ее и день и ночь вижу перед собою? — Последнее утро, которое мы вместе провели, мы говорили о той жизни, которая теперь её и к которой она так меня тянет, и говорили с радостью и желанием. Для чего вы там не остались эти 10 дней? Для чего я не могу взглянуть на вас? Что вы теперь? вашей твердости не верю, не могу верить, не себя какую-нибудь сладить. Не тужите обо мне, я всех к ней ближе. Буду писать вам после, авось душа соберется.

---

[1] В конце письма сделана приписка рукою Александры Андреевны Воейковой:

«Мой ангел! Не могу *нонче* писать к тебе, потому что не смею тою же рукою *сама к тебе* писать, которою переписала Машино письмо. Береги свою жизнь! Хотя немного времени поживи, чтобы о ней достойно плакать! И в этом есть что-то похожее на наслаждение! Это одно *прекрасное*, что нам в жизни осталось без счастия, без Маши! Друг мой! Найдет ли тебя это письмо с нами? Не с Машей ли и ты? Боже мой! Дай хоть раз Дуняшу увидать! Прощай!».

[2] Дата устанавливается на основании содержания: речь идет о смерти Марии Андреевны Протасовой-Мойер.

Саша, прости мне, Ангел.

Обнимаю и благословляю твоего Андрюшу, который сохранил тебя нам[1]. Укрепи свое сердце для Жуков⟨ского⟩; для всех семей наших ⟨*нрзб.*⟩, как могу я не иметь нужду в твоей любви, когда Маша во мне? — Мне часто кажется, будто я ношу в сердце ее надгробный камень: дышать тяжело. Бедная Катька![2] Как ты от нее уедешь?

Автограф: ПД, ед. хр. 27805, л. 4—4 об.
Печатается по автографу.

116. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дерпт, 1823 г. Весна[3]

Милая Дуняша, через час еду из Дерпта. Ужасно тяжело покидать их, но около них дети. А Саша во весь этот год не расстанется с Маменькою. Третьего дня я получил ваше письмо; камень упал с души! Вы живы, милый друг. Прошу вас, пишите ко мне, если можно, чаще. Адресуйте ваши письма прямо на имя Почт-Директора Е. Пр. Константина Яковлевича Булгакова[4]. Так будут письма доходить вернее и скорее. Вы теперь читали Машино письмо ко мне. Бог его сохранил. Оно писано еще прежде первых ее родин. Тогда она писала ко всем, но все прочие письма уничтожила. Это одно сохранилось: и это ее голос, уверяющий нас, что она жива и жива для нас; неизменно великое утешение в этом письме. Оно дает великую цену жизни. Разве не можно будущего заменить прошедшим? — Я много буду писать вам из Петербурга. Теперь простите, милый друг. Мы с Сашей вместе уложили для вас любимый Машин ларчик. Все, что там найдете, оставлено на тех местах, на которых осталось после нее. Посылаю еще вам драгоценность: ее письмо к вам. Последние три дня мы все провели на ее могиле, садили деревья. У вас, у меня, у Саши одно дерево. Вот план. Из Петербурга пришлю рисунок. Первый весенний вечер нынешнего года, прекрасный, тихий, провел я на ее гробе: солнце светило на него так спокойно. В поле играл рог. Была тишина удивительная; и вид этого гроба не возбуждал никакой мрачной мысли: поэзия жизни была она!

---

[1] *Обнимаю и благословляю твоего Андрюшу, который сохранил тебя нам* — Андрей Александрович Воейков (1822—1866), сын А. А. и А. Ф. Воейковых.

[2] *Бедная Катька!* — Екатерина Ивановна Мойер (в замужестве Елагина, 1820—1890), дочь М. А. Мойер-Протасовой и И. Ф. Мойера.

[3] Датируется как ответ на письмо Елагиной от 26 апреля 1823 года.

[4] *Адресуйте ваши письма прямо на имя Почт-Директора Е. Пр. Константина Яковлевича Булгакова* — Константин Яковлевич Булгаков (1782—1835), дипломат, в 1816—1819 годах — почт-директор в Москве, а с 1819 года до конца жизни — в Петербурге.

Но после письма ее чувствую, что она же будет снова поэзиею жизни, но поэзиею другого рода![1]

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 32—32 об.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 87—88.
Печатается по копии.

117. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 мая 1823[2]

Милый Жуковский, мысль об вас сделалась мне дороже всего на свете: в вас больше всех моя Маша. — Где вы? Что вы? Напишите мне об себе, Бога ради; кажется, мне для дыхания необходимо знать об вас. Теперь я здорова, и ежели бы пустили меня, приехала бы взглянуть на вас. Нет, милый друг, жизнь никогда мне не будет святыней. Жить можно, но все равно и не жить, и еще гораздо лучше, с этим чувством будешь исполнять долг и переносить, что дано будет, без всякого отголоска в сердце. Она сама давно уже жила не для *счастья*, спокойствие ваше и милых ей, и строгое, прекрасное для нас свидетелей, исполнение *всех* обязанностей, вот в чем вся ее жизнь состояла. Малым дано было понять всю ее высокость: она сама не давала никому и заметить. Я знала ее, и от меня она не таилась, потому что вся жизнь души моей была в ней. — Ах, Жуковский! все ее потеряли, а я с нею все. Ваша милая душа достойна того раю, где она теперь; найти высокое чувство освещения всех действий, даже и в потере ее, можно только Вам. Бог вас не смел разлучить и смертью. Я не имею возможности укрепить дух свой: стыжусь своей слабости и не могу ни на что опереться. — Напишите мне несколько слов. К вам пишу в Петерб⟨ург⟩, а к Тетушке в Дерпт, но мне надобно узнать об вас. Деньги давно отдала Авд⟨отье⟩ Ст⟨епановне⟩, и она теперь счастлива. Мне что-то еще надобно писать к вам о деньгах, но мужа нет, не помню.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 3.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 87.
Печатается по автографу.

---

[1] Далее следует приписка, сделанная рукою Екатерины Афанасьевны Протасовой:

«Благодарю Бога, что знаю тебя еще живую, мой друг Дуняша. А ты обо мне пожалей. Моя душа, пиши ко мне чаще, милая моя».

[2] Дата устанавливается на том основании, что в письме говорится о переживаниях, связанных со смертью Маши Протасовой.

118. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

19 мая 1823. СПб.[1]

Мой добрый ангел Дуняша, отвечаю несколько строк на ваше письмо, полученное мною в Петербурге. Скажу вам то же, что вы говорите мне: *мысль об вас сделалась мне дороже всего на свете; в вас более всех моя Маша*. Говорю это из глубины сердца; вы мне сделались необходимы. Не утешения от вас требую и надеюсь, в этом слове что-то мелкое и даже непонятное, но помощи, чтобы быть достойным прошедшего и святого воспоминания. Машина потеря есть для меня и для вас религия; и вот почему называю жизнь святынею. Одною только жизнию можно к ней приближаться — говорю о себе, а не о вас. Вы к ней ближе, но вы должны быть мне товарищем. Не покидайте меня. Все высокое сделалось для меня теперь верою; все стало понятнее — но это высокое надобно приобрести; иначе Маша навсегда потеряна. Буду об этом писать много. Теперь спешу, ибо у меня пропасть хлопот. Переезжаем в Павловск. Я говорил с *Батеньковым*, и он напишет к вам о том, что мы с ним говорили: люблю его от души за его любовь к вам. Мы совершенно с ним согласны в образе мыслей. О том же, о чем он к вам пишет, буду писать и я; но не теперь; а на свободе. Друг бесценный! Жизнь точно святыня: Маша сама в этом теперь меня уверила. Счастие не нужно, чтобы этому верить. На будущее можно глядеть спокойно, ибо оно уже не отымет счастия. Обратимся к прошедшему. Простите, милый, вечный друг.

Василий Жуковский.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС, 1883, № 10. С. 88.
Печатается по первой публикации.

119. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 июня 1823

Друг милый Жуковский, несравненное сокровище души моей, не говорите, что я нужна вам: мне за себя будет страшно. — Вы одни оживляете мою душу, ежели бы вы не прислали мне Машиного письма, которое воскресило меня, уныние задавило бы совсем. — Мне самой необходимо писать к вам часто, единственный способ собирать силы, но сегодня только одно словечко. Мойер здесь: мы много с ним говорили, и все расскажу вам в четверг: теперь мне очень нездоровится. — Ах, Жуковский, моя жизнь вся ей принадлежит, но я не умею так, как ее могилу, украсить цветами и деревьями, в ней только пустота и гнилость смерти. — Бу-

[1] Датируется как ответ на письмо Елагиной от 3 мая 1823 года.

дущее письмо мое не сообщайте никому: мои обстоятельства *вам* должны быть известны.

Пришлите отпускную вашим людям в Белев на имя мужа: он едет туда. Подпишите ее и все тут.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 5.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 88.
Печатается по автографу.

120. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17 июня. Павловск. 1823[1]

Милый друг Дуняша, сейчас получил вашу бесценную записку и спешу сказать несколько слов. Жду вашего письма обещанного. Скажите, ради Бога, все, что у вас в голове и на сердце. Я не написал к вам еще того, что хотел прибавить к письму Батенькова; ждал от вас отзыва. Получив ваше письмо, буду отвечать подробно. Теперь некогда писать: одно только слово. Ваш навсегда.

Ж.
17 июня. Павловск.

Отпускную пришлю на ваше имя, а вы перешлете ее своему мужу.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2; № 442, л. 33.
Впервые опубликовано: УС. С. 38.
Печатается по копии.

121. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2 июля 1823[2]

Любовь души моей, бесценный мой Жуковский! Взгляните, какой злой демон меня и мои письма преследует! — Не знаю, сколько моих писем пропало к вам, а, вероятно, ни одного длинного вы не получали: у нас человек нашел за нужное все немножко увесистые письма уничтожать и брать себе их цену: мы этого никогда бы не узнали, если бы не потеряны были таким же образом бумаги, важные для Батенькова, которые заставили справляться в Почтамт. Милый друг, и вы, верно, моих двух последних не получали: теперь пишу к вам два слова: мой бедный умирающий Рафаэль не сходит с рук моих, страдания его не дают мне минуты

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 11 июня 1823 года.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о тяжелой болезни сына А. П. Елагиной Рафаэля.

отдыху. — Не ленитесь теперь почаще говорить мне хоть только, что вы здоровы, одно слово от вас освежает душу, как Машин рай. Ежели я переживу мои родины, то вас увижу, моё сокровище: вы приедете дня на три в Дерпт, туда мне необходимо надобно будет съездить — для чего, сама не знаю. Когда теперь открывши ее ларчик, гляжу на вашу милую рожицу, то сердце часто понимает ясно, что такое свидание, и не имеет здесь нужды в видимых предметах.

— Господь с вами, дети зовут.

2 июля.

Ванюша в деревне с мужем. Пошлите туда отпускную, они отдадут её засвидетельствованную по всей форме в Белёвском суде вашему Максиму. — Получили ли вы письмо, где муж говорит вам о деньгах? На всякий случай повторю сказанное: 450 заставили меня пересмотреть многие ваши письма: и вот что я отыскала. Вы, ехавши в первый раз в Дерпт, взяли у меня 1500, чуть ли не для Воейкова. Потом оставили мне в счет оных вексель на Астракова в 1050 ру⟨блей⟩[1]. — Но вексель этот не был передан на моё имя, и я вам его возвратила через Офросимова — вспомните ли вы это? и так ли?

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 7—7 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 89—90.
Печатается по автографу.

122. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

28 ок. 1823[2]

Мой бесценный Жуковский, скоро уже шесть недель, как я осталась жива после очень дурных родин; я не имела сил писать к вам, а теперь еще глаза очень болят: а вы, душа моя, отчего не подарили меня ни строчкою? Рекомендую вам Андрюшку. Извольте pour sa bienvenue* прислать хорошенькое длинное письмецо, к его матери. Неужели вы не чувствуете, что в вас моя отрада? Не может быть, чтобы сердце мое понапрасну было так сильно, так беспрестанно вами занято. — Ежели же я теперь вам не совсем нужна, то вы мне необходимы: будьте теперь вы мне *шептуном* — спасителем. Избавьте, Бога ради! от уныния, несносно меня терзающего. Кончина моего небесного Рафаэля за три дня до теперешних родин моих расстроила мне совершенно душу. Нет ночи, чтобы я не видала его умирающего, или на руках Маши; и эти сны спать мешают, хотя их видеть хочется. У вас ещё новая должность! Новые оковы! Но для чего теперь и *развязываться*?

---

[1] *Потом оставили мне в счет оных вексель на Астракова в 1050 ру⟨блей⟩* — Григорий Ильич Астраков, муж Авдотьи Степановны Астраковой, московской знакомой, которой Жуковский высылал деньги на поддержание памятника над могилою его матери в Московском Новодевичьем монастыре.

[2] Дата (год) устанавливается по сообщению о рождении сына Андрея.

Дай Бог только, чтобы рассеяние не задушило вашей души: чтоб она отдыхала часто в Машином раю. — Тогда вы и меня вспомните! Ваш друг не может отлучиться и в вашей мысли от того, что Дуняше вашей дороже всего. — Напишите мне побольше о себе, об ваших занятиях; *Благодатный гений* так давно знаком для меня![1] Я надеялась с Зейдлицем получить портрет. Что же вы забыли прислать? —

Отпускные ваши давно отданы и произвели свое действие.

Перевод

[*] для дорогого гостя (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 9—9 об.—10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 91—92.
Печатается по автографу.

123. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Гатчина, 12 ноября 1823 г.[2]

Мой милый, добрый Ангел Дуняша! Я не буду вам изъяснять моего молчания, потому что оно ничего не значит. Есть ему самая прозаическая причина: мое новое занятие. Мне отдали на руки и другую принцессу[3]: надобно было множество, множество для нее приготовить. Это моя главная слабость — закопавшись в одно, я все другое, самое милое, самое святое откладываю до свободной минуты. И жизнь моя проходит в скучных неволях. Но откладывать — только терять для себя и для милых, но самому не теряться для них. Я был благодаря доброму Батенькову успокоен насчет ваших родин, и письма Дерптские меня так же успокоивали. Благослови Бог вашего Андрюшу, который так во время пришел сменить своего брата; дай Бог ему усмирить сердце матери. Ваши сны, милый друг, для меня завидное счастие; они, право, не мечта, я им верю, это разговоры с другим, лучшим светом, которого сердце ваше достойно. *Рафаэль на руках Маши* — какое небесное настоящее![4] Какое небесное будущее. Это награда любви, которая

---

[1] *…Благодатный гений так давно знаком для меня!* — «Благодатный гений» — из первого стиха Посвящения к балладе «Двенадцать спящих дев» (1817): «Опять ты здесь, мой благодатный Гений» (ПСС2. Т. 3. С. 81).

[2] Дата устанавливается на основании благословления Жуковским нового сына Авдотьи Петровны — Андрея Елагина (родился 18 октября 1823 года).

[3] *Мне отдали на руки и другую принцессу…* — *«другая принцесса»* — Великая княгиня Елена Павловна, невеста Великого Князя Михаила Павловича.

[4] *Рафаэль на руках Маши — какое небесное настоящее!* — Целый ряд необыкновенных явлений предвещал драматические события и обнаруживал мистическую связь между Машей Протасовой-Мойер и А. П. Елагиной. В мае 1821 г. Маша пишет Авдотье Петровне письмо, в котором завещает ей, в случае своей смерти, дочь Катю (УС. С. 258). В письме от 30 августа 1821 г. Маша пересказывает Елагиной свой сон, в котором Авдотья Петровна спасает маленькую Катю

никогда, никогда не изменяла; награда, вам принадлежащая исключительно: je ne connais d'âme plus aimante que la vôtre*. Милый друг, что несчастия с таким святым благом? для нас нет потери! Страдание — так! Но жить не для счастия — в этом великое, божественное утешение. Жизнь для души — не тот достиг до ее цели, кто много имел в ней, но тот, кто много страдал и был достоин своего страдания. Чья же душа может сравниться с вашей? в какой душе найдешь всегда, всегда такой готовый, чистый отголосок на все высокое и прекрасное. Вы видели Машу и во сне, и на яву в последние дни ее — я нахожу в этом что-то неизъяснимо для вас утешительное. Точно в эти последние дни, прощальные на земле, дни откровения, она как будто узнала яснее то место, где она наиболее нужна, и там была она своею душею. Я верю вашему видению, в нем вижу что-то естественное, справедливое. Это награда. Но именно все это и делает жизнь высокою! до чего может она возвысить нашу душу! И только она одна! ибо нигде уже того, что здесь совершенствует ее, *страдания*, величественного Божия Ангела, она не встретит так, как здесь. Милая, говорю вам *вашим* языком: я далек, слишком далек от вашей высокости. Сны ваши меня не посещают. Но ради этих снов, прекрасных вестников того света, ради этого страдания, возвышающего душу, не предавайтесь унынию, уважайте жизнь, единственный источник того добра, которым вы так богаты. Маша для нас существует. Прошедшее не умирает. Не говорите: ее нет! говорите: она была! Это ободрительное слово: в нем благодарность за все то, что она оставила в нашем сердце и что навсегда в нем сохранится. И на что же пишите вы мне то, чему не может верить ваше сердце: *Не может быть,* говорите вы, *чтобы сердце мое понапрасну было так сильно, так беспрестанно вами занято. Если я вам теперь не совсем нужна, то вы мне необходимы*. Это не может быть языком убеждения, бесценный друг. Знайте, что я в вас вижу представителя всего лучшего и возвышенного. Верьте этому во всякую минуту, и пускай эта мысль будет для вас некоторым утешением. Прошу только об одном: любите жизнь (это не значит: радуйтесь ею, но дорожите ею) любите ее хоть для мысли, что ваша жизнь есть теперь для меня одним из лучших украшений света. Вы да Саша — вот мое главное. Мы поддерживаем друг друга не тем, что мы делаем друг для друга, а просто тем, что мы живы. Не проситесь же даже и мыслию из этого тесного круга. — Простите, душа. О своих занятиях говорить вам не хочу, нечего говорить о том, что для вас неизвестно и что просто было бы историческим, приятным для одного любопытства. Поэзия

Мойер, бросаясь под воз с дровами (УС. С. 259). В письме от 8 октября того же года Маша рассказывает Авдотье Петровне о том, как она в часы, когда у Елагиной шли трудные роды, в Дерпте молила Бога о помощи: «Я взяла Катьку на руки и положила ее перед образом Спасителя, которым *ты* меня благословила на замужество» (УС. С. 261). Жуковский пишет о видении Елагиной в минуты смертельной болезни сына Рафаэля: в 1823 г. ей явилась в видении Маша с Рафаэлем на руках «как откровение, награда любви, прекрасный дар небес. Маша явилась своей сестре, чтобы попрощаться с ней и утешить» (*Виницкий И.* Дом толкователя. Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М., 2006. С. 227). Рассказ Авдотьи Петровны о видении Жуковский включит позже в статью «Нечто о привидениях» (1848).

молчит. Авось еще когда-нибудь воскреснет. — Здесь говорят о поездке двора на будущий год в Москву, на будущий или на предбудущий; итак, можно сказать: до свидания. Простите. Обнимаю вашего мужа и милых детей. — Портрета я сам еще не имею; как скоро получу, немедленно велю списать для вас; этого подарка вы ни от кого не должны иметь, кроме меня.

Гатчина.
12 ноября.

Перевод

* Я не знаю более любящей души, чем ваша (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 34—35 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 39—40.
Печатается по копии.

124. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Конец 1823 — начало 1824 г.[1]

Возвращаю вам вашего мужа, милая душа Дуняша. Для меня была полная неожиданная радость его увидеть, такая неожиданная, что я его в первую минуту никак не узнал. Он везет вам указ о нашем Актуариусе Коллегии иностранных дел; я рад, что и я тут сколько-нибудь замешан; ничто так легко не удавалось, как это дело. Нынче попросил, а на другой день было уже кончено. — Следовательно, не могу похвастаться никакими хлопотами, чего даже и жаль, ибо очень было бы весело похлопотать о Ванюше. Благослови его Бог при начале новой дороги: но слушайте же, душа! Не должно еще воображать его служащим. Ему надобно непременно кончить свое образование так, как прилично нашему времени. Ему теперь 17-ть лет, если не ошибаюсь[2]. До 22-х лет пускай служба будет посторонним делом. Я бы желал, чтобы он в течение этого времени года два провел в Дерптском Университете, года два в каком-нибудь Немецком и год посвятил на путешествие. Это лучшие годы жизни: они будут счастливыми, если будут посвящены жизни университетской, то есть беззаботной деятельности, когда ум работает, зреет и обогащается, а душа между тем веселится прекрасными надеж-

[1] Дата определена при первой публикации: «Речь идет об определении сына А. П. Елагиной, Ивана Васильевича Киреевского на службу в Московский архив министерства иностранных дел. Из материалов к биографии И. В. Киреевского, напечатанных в I томе Полного собрания его сочинений (М., 1861, с. 8), видно, что он поступил на службу в этот архив в 1824 году. Поэтому и настоящее письмо, не имеющее даты, отнесено к этому времени» (Примечания И. А. Бычкова. РБ, С. 95).

[2] *Ему теперь 17-ть лет, если не ошибаюсь* — И. В. Киреевский родился 22 марта 1806 года.

дами будущего. Не давайте ему привыкать к московской ничтожной рассеянности и полудеятельности, не развивающей, а только усыпляющей душу. Поверьте моему опыту, избавьте его от моего тяжелого сожаления о прошедшем. — Что же касается до особенной его цели, то ему нужно наиболее приобретать навык писать хорошо по-русски и по-французски: оба языка равно необходимы для нашей дипломатической службы. Также, чтобы особенно занимался Историею, наипаче *новою.* Как бы на это хорош был Дерпт: он не потому полезен, что в нем учат лучше (хотя и это есть), но более потому, что в нем охотнее и деятельнее можно учиться. Ибо главное в этом городе Университет и те, которые в нем учатся: следовательно, общая деятельность, устремленная к одной цели; дух работы, всех равно оживляющий: чего нет и быть не может ни в Москве, ни в Петербурге. И в этом поверьте моему опыту. Только прошу вас не откладывать; сделайте для него план да и начинайте с Богом. — Обнимаю вас, милая. Поцелуйте детей.

Ваш Жуковский.
Приложенные письма и посылку раздайте по адресам.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. ф. 286, оп. 2, № 442, л. 36—36 об.—37.
Впервые опубликовано: РБ. С. 94—95.
Печатается по копии.

125. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 апреля 1824

Христос Воскресе! Это слово становится вдвое отраднее, когда можно его сказать *вам*, мой несравненный Жуковский! Другая жизнь для меня понятнее этой первой, и чуть ли не известнее; но в этой мысль об вас есть для меня такой же животворитель, как молитва в часы сердечного уныния. Сохрани мне вас, Господь! — Чувство, что вы здесь на свете, есть точно для меня благодеяние. Ежели вы читали M-lle Guyon, *moyen de faire raison**, то вы по ней поймете мое положение *в отношении к вам*. Это не мысль, не воспоминание, а глубокое беспрестанное занятие сердца, которому лучшее утешение идея о вашей жизни. — Жуковский, я была очень больна, очень! — и подивитесь умному устройству машины моей. *18 мар*⟨та⟩ мне стало лучше[1], и я могла поднять голову с подушки! — Где вы были в этот день? — Мне грустно было, что не в состоянии была писать к вам в этот день, хотела заставить мою Машку, но как передать этому доброму, чувствительному, но беззаботному и веселому ребенку какую-нибудь тяжелую грусть? — Душу мою делит со мной одна только моя небесная Маша, а окружающим меня моим так же незнакома моя внутренняя жизнь, как и ее присутствие. Я часто слышу её милый голос: *да не смущается сердце ваше*! — а сердце мое так же смущается, как

[1] *18 Мар⟨та мне стало лучше…* — День памяти М. А. Мойер: умерла 18 марта 1823 года.

в тот ужасный час, когда она мне эти страшные слова читала. В молчании Саши, Тетушки, вашем везде я чувствую ее могилу: во всяком горе моему сердцу ношу ея смерть. Вы и она — вот все, чем с трех лет самого первого младенчества наполнено было сердце. Бога ради, не оставляйте меня долго, не сказавши мне ни слова: не прибавляя ни мало, а напротив, уверяю вас, что часто я близка к сумасшествию, и боюсь этим быть в тягость своим. Не взыскивайте на меня, ежели случается, что сама долго не пишу к вам: как-нибудь вы узнаете все мои обстоятельства и обвинять меня не будете. — Я написала к вам все и то по просьбе Маши; но судьбе угодно было, чтобы это письмо пропало. В другой раз перебирать все прошедшее и настоящее свое я не в силах, да и принимаю эту пропажу за урок Провидения. ⟨*нрзб.*⟩ — на это прошу вас даже не отвечать мне.

Я не благодарила вас еще за Ванюшу, но неужели вам нужна благодарность словами? Мне хотелось собрать его и отправить по вашему совету нынешнюю же зиму в Дерпт, но Дерпта все мои не хотят, а прямо в Берлин. — Признаюсь, что для этого, мне кажется, он еще немного молод, но осенью можно будет собрать его. — Нынешний год доходы наши очень плохи, и без большого долгу мы не останемся, хотя еще и прежнего довольно. Учением здесь он занят очень, особливо латинским и английским языком, и ежели бы мне можно было его с собой года полтора оставить, то думаю, не было бы ему худо. Впрочем, я себе не верю в этом случае, и кроме Дерпта, будет всё, как скажете вы.

Душа моя, знаете ли вы, что шутка ваша на счет моей Машки меня взволновала? Как уверена была бы я в своем счастьи, если бы мечтания эти могли сбыться! Посылаю вам ее портрет, нарисованный Петрушей, вместо красненького яичка, чтобы вы могли вдруг вспомнить всех ваших прежних малюток, которые цеплялись за вас, когда вы во время оно хотели ехать из Долбина. — *Для сердца прошедшее вечно*[1], — говорите вы; у меня в сердце каждый день этого 1814 года врезан глубоко, а чувство: *их нет уже*, и не будет! еще глубже, и воспоминания обливаются слезами. — Пришлю вам еще портрет вашего крестника: надобно же, чтобы вы имели об нем какую-нибудь идею, да и мне, чтобы не так тяжела была мысль, что мои дети вам незнакомы. Двух уже и нету! — Но Рафаэля моего Маша вам когда-нибудь во сне покажет: необыкновенный ребенок! В нем земного ничего не было! Даже во время кончины своей ангельская улыбка не оставляла его небесного, просветленного лица. — Когда вам будет время, напишите ему маленькую эпитафию. Я от вас еще никаких стихов не просила, а в этом ребенке должно было соединиться все, что для меня дорого, и все, чем душа живет.

Кстати: Когда же получу я ваши стихотворения? — Прошу долго не томить меня, ведь для меня это не просто поэзия. Еще я чего-то жду! — и ежели я вам пришлю свое произведение, прежде нежели вы мне обещанного, то да будет вам стыдно.

---

[1] *Для сердца прошедшее вечно…* — 78 стих «Теона и Эсхина» В. А. Жуковского (ПСС2. Т. 1. С. 382).

Прощайте, душа моя! — Обнимаю вас со всем чувством дружбы неизменной[1].

Перевод

[*] М-ль Гийон Способ рассуждать (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 1—2 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 93—95.
Печатается по автографу.

126. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 июня 1824[2]

Отчего так давно от вас ни словечка, бесценная душа моя? — Знаете ли, что мне необходимы несколько слов отрады? Мой Иван очень болен. Уже 4 недели не может он встать с постели. У него fièvre lente nerveuse[*] — и это сказать довольно, чтобы вы поняли, каково мне. Бога ради, отрекитесь от своего приговора, что несчастия необходимы моей душе. — Они меня совершенно убивают и скоро души не останется. Но авось он выздоровеет. — Он до сих пор скрывал свою болезнь, и я только ужасалась худобе его, ничего не предполагала, пока истощил все силы. — И мои силы уже все, не могу согласиться на это ужасное несчастие. Но, может, Бог меня помилует. — Пожелайте мне счастия, друг, от этого мне будет лучше. Получили ли вы портрет Маши?

Перевод

[*] затяжная лихорадка с нервным расстройством (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 3.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 96.
Печатается по автографу.

---

[1] Приписка И. Киреевского:

«Маменьке угодно было, чтобы я писал к вам в ее письме; вот почему я до сих пор не сказал вам, сколько я благодарен вам за то, что вы будете любить меня не по одному воспоминанию, и заслужить самому уголок в вашем сердце есть одна из целей моих. Благословите на достижение.

Ваш покорный И. Киреевский».

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского, написанного в июне 1824 года.

127. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Середина июня 1824 г.[1]

Милая Дуняша! Ваше последнее письмо ужаснуло меня[2]. Но добрый наш Батеньков несколько успокоил мне душу, сказавши, что после уже получил от вас письмо, довольно веселое. Сохрани нас Бог от нового несчастия. Вы теперь имеете право на отдых: он куплен довольно большою суммою страданий. Напишите, милый друг, поскорее, что теперь у вас делается и кончился ли страх ваш? Мысль об вас есть точно боль, которая поминутно отзывается; от этой болезни нет лекаря, кроме вас самих. Дай Бог получить от вас добрый рецепт. — Я об себе ничего не писал к вам в это время. Я еще раз был в Дерпте. Эта дорога обратилась для меня в дорогу печали: зачем я ездил? Возил сумасшедшего Батюшкова, чтобы отдать его в Дерпт на руки докторам[3]. Но в Дерпте это не удалось, и я отправил его оттуда в Дрезден, в Зонненштейнскую больницу: уже получил оттуда письмо, что он, слава Богу на месте. Но будет ли спасен его рассудок? Это уже дело Провидения. В ту минуту, когда он отправился в один конец, а я в другой, то есть назад в Петербург, я остановился на могиле Маши: чувство, с которым я взглянул на ее тихий, цветущий гроб, точно было утешительным, усмиряющим чувством. Над ее могилой небесная тишина! что же там, с Рафаэлем?[4] Мы провели вместе с Мойером усладительный час на этом райском месте. Когда-то повидаемся на нем с вами? Посылаю вам его рисунок: все, что мы посадили, цветы и деревья, принялись, свежо, цветет и благоухает. Портрет я получил, но теперь меня самого нет в Петербурге, живу в Павловске: как только возвращусь, велю списать для вас. В конце года будете иметь его непременно. Простите, милый друг. Напишите же

---

[1] Датируется на основании реакции Жуковского на сообщения о болезни Ивана Васильевича Киреевского в письмах Авдотьи Петровны: сначала о тяжелом состоянии сына (в письме от 9 июня 1824 года) и об улучшении состояния больного (в письме от 30 июня).

[2] *Ваше последнее письмо ужаснуло меня* — Сообщение о болезни И. В. Киреевского.

[3] *Возил сумасшедшего Батюшкова, чтобы отдать его в Дерпт на руки докторам* — «Об этом путешествии есть некоторые подробности в III т. ОА. Больного поэта сперва хотели везти прямо в Дрезден, но потом решили поручить Дерптским докторам. 16 мая Тургенев пишет Вяземскому: «В субботу Жуковский увез Батюшкова в Дерпт; и он охотно поехал, сказав, что Дерпт ему когда-то и своею наружностью понравился». 27 июня он же: «О Батюшкове плохие известия: он ушел и всю ночь его найти не могли; наконец поутру на другой день проезжий сказал молодому Плещееву, что видел верст за 12 от Дерпта человека, спящего на дороге. По описанию это был Батюшков; Жуковский с Плещеевым поехали и нашли спящего. Едва уговорили возвратиться с ним в Дерпт». Наконец 29 мая: «Жуковский возвратился. Батюшкова повезли в Зонненштейн, ибо в Дерпте его нельзя лечить. Провожает его хороший доктор» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 41).

[4] *...что же там с Рафаэлем?* — Рафаэль — маленький сын Авдотьи Петровны, умерший в 1823 г., за три дня до тяжелых родов матери.

ко мне, прошу вас. Обнимаю вас и детей. Благодарю за портрет Маши[1]; я его еще не получил, но Батеньков, который мне об нем сказывал, обещал его доставить. Дружеский поклон от меня вашему мужу.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 40—41.
Печатается по первой публикации.

128. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

30 июня 1824[2]

Слава Богу! бесценный мой Жуковский! Ванюше лучше. Нарыв, сделавшийся на боку снаружи, оттянул внутреннюю боль: говорят, что это был кризис. Мойер, приехавший на другой день прорвавшегося нарыва, обрадовался, услышав об этом и вместе с нашим доктором уверял, что Ванюша спасен. Теперь я отдала его на руки доброму Мойеру и с ним отправила в деревню. Нельзя пересказать, что я чувствовала, укладывая моего больного в Мойерову кибитку. Добрый толстяк обходится с ним, как со своим ребенком, сам подвязывает кушак, дурным русским языком приговаривая: «Поштой, брат, ты не умеешь!» — Авось я увижу Ванюшу здорового! — От всего, что происходило в душе моей, от этой принужденной разлуки у меня так в глазах черно, что не смею продолжать письмо. Благодарю вас, милый друг, за ваше письмо: весело найти вас всегда одинаким, всегда в вашей прекрасной душе тот рай, которого мы в небе ищем. Не дивитесь же, что мне иногда необходимо отрадное словечко вашей дружбы так, как молитва несчастному.

Когда-то вас увижу!

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 5.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 97.
Печатается по автографу.

129. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 августа 1824-го года

Вот вам опять комиссия, мой бесценный брат! Вольный мой дипломат, возвратясь из деревни, страстно захотел иметь по-Английски Робертсона[3]. В Москве нет,

[1] *Благодарю за портрет Маши…* — Это портрет дочери Марии Васильевны Киреевской, выполненный ее братом Петром Васильевичем Киреевским.

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от середины июня 1824 года. Дата проставлена карандашом рукой самой Авдотьи Петровны.

[3] *Вольный мой дипломат, возвратясь из деревни, страстно захотел иметь по-Английски Робертсона» — «Вольный мой дипломат»* — И. В. Киреевский. Вильям *Робертсон* (Robertson

Батенькова нет в Петербурге: не поскучайте, душа моя, купить мне и прислать. Прошу вас, чтобы буквы были четки, но эдиция не дорогая[1], чтобы муж не стал кряхтеть от моих сюрпризов.

Меня радовали, будто нынешнюю зиму вы снова будете? Правда ли это? — Мне давно уже старых писем мало для отрады, и очень часто необходимостью кажется хоть бы взглянуть на вас, не только услышать что-нибудь прежнее. Обнимаю вас и спешу кончить, это письмо контрабанда.

Ваша Дуняша.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 7.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 98.
Печатается по автографу.

130. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 сентября 1824[2]

Мой бесценный Жуковский! благодарю вас за Тургенева! Явление его было для меня неожиданная радость. *Ваш* друг, человек, который с глубоким чувством говорит о моей небесной Маше, об Саше, так близок мне, что от одного его присутствия сердцу было легко и отрадно. — Мы много, разумеется, говорили об вас. Благослови вас Бог, мое сокровище! ваша душа нигде не завянет. Ваши надежды озарили мое настоящее: для блага нашей России они сбудутся, а между тем они разбили ту грусть, с которой думала о пустоте, вас окружающей. — С хорошей целью все часы жизни полны. — Тургенев говорит, будто я вас не узнаю, будто вы стали человеком светским, рассеянным, разменяли дружбу на мелкую монету, из которой *каждому* уделяете по деньге. — Поверите ли, что несмотря на эту шутку, мне страстно захотелось получить на свою долю этот грош *каждого*: cela vous prouve si je suis riche*. — Иногда роюсь в прежних ваших письмах, и то прежнее, которое там нахожу, оживляет мою пустыню на несколько часов. — А вот иногда и такой милый метеор.

William, 1721—1793) — шотландский историк, автор трудов: «History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI» (1759), «History of the reign of the Emperor Charles V» (1769), «History of America» (1777). Огромный интерес к Робертсону проявили И. В. Киреевский и А. И. Кошелев (подробнее см. *Лудилова Е. В.* Письма А. И. Кошелева И. В. Киреевскому (1822—1828). Публикация и комментарий // Русская литература. 2005, № 1. С. 96—124). В библиотеке Жуковского сохранилось издание: The works of William Robertson. 12 vol. Edinburgh, 1819 (Описание № 1858).

[1] *Прошу вас, чтобы буквы были четки, но эдицея не дорогая*… — *Эдицея* (от *франц.* édicter — издавать, предписывть) — издание.

[2] Дата устанавливается на основании благодарности, выражаемой Авдотьей Петровной за присланные книги Робертсона, о чем она просила в письме от 21 августа 1824 года.

Об себе сказать вам нечего, ma vie n’est pas heureuse**, это заставляет молчать меня со всеми милыми, и поэтому прошу не гневаться за лень, которой не бывало: ведь с вами невозможно о пустяках толковать.

Ванюше получше, хотя не совсем еще здоров. Благодарю вас, милый друг, за Робертсона, однако ж прошу вперед не так исполнять комиссии, Ж⟨уковский⟩; от вас подарок мне получить весело, особливо для Ванички, но таким манером вы заставите меня бояться что-нибудь поручать вам. Писюлечка от вас всего на свете лучше.

Обнимаю вас, а вы обнимите Сашу и попеняйте ей за её непростительную лень: скажите ей, что я опять таскаю пузо, и что ежели умру в родах, чего и надеюсь, то, право, ей не напишу ни слова, а ей будет стыдно. Дети же обнимают; прошу при взгляде на Алек⟨сандра⟩ Ник⟨олаевича⟩[1] вспоминать иногда вашего крестника Васю, который преславный мальчишка.

Перевод

* это доказывает, богата ли я (*франц.*).
** моя жизнь несчастна (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 9—9 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 99.
Печатается по автографу.

131. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 ноября 1824[2]

Пишу вам во время лихорадочного пароксизма, чтобы посмотреть, не прогонит ли сила вашего благословенного имени, бесценный мой Жуковский, скучную эту гостью, которая уже больше месяца меня мучает. — Кажется, никакой холод не должен сметь прикасаться там, где дело идет об вас, по крайней мере у меня это непозволительно. — Что вы замолчали все? Несколько словечек об вас необходимы мне для дышания, Саша молчит без всякого милосердия, да и вы у нее перенимаете, не принимая в рассуждение наши немощи, душевные и телесные. Да я и сама ими вас милую. Вот одна из моих немощей: Полевой хочет, чтобы я испросила вашего благоволения на его журнал[3]. Посылаю вам письмо его, а вы

---

[1] *...прошу при взгляде на Алек⟨сандра⟩ Ник⟨олаевича⟩ вспоминать иногда вашего крестника Васю... — Александр Николаевич* — Великий князь, наставником которого был Жуковский; *Вася* — сын Авдотьи Петровны, крестник Жуковского.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения Авдотьи Петровны об ожидаемом рождении нового ребенка: это будет Елизавета Елагина (Лила) (1825—1842).

[3] *...Полевой хочет, чтобы я испросила вашего благоволения на его журнал* — Николай Алексеевич Полевой (1796—1846), писатель, журналист, издатель и редактор «Московского Телеграфа».

в замену позвольте ему напечатать хотя бы в альбом написанные вами стихи к цветам[1]: тут вы ничего не рискуете; журнал его не будет опозорен никакою пакостною личностью. — Ежели бы вы нам ещё что-нибудь прислали, то я бы несмотря на пузо, вспрыгнула выше моих ребятишек, которые однако охотно прыгают. Теперь не списываю я моих милых стишков, да уж как давно и не читаю! — Душа моя, расстаньтесь с чем-нибудь, разрешитесь, хоть бы не для журнала, а для вашей Дуняши; которая однако принуждена кончить по милости несносного дрожания. Господь с вами, обнимаю вас, а вы Сашу.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 25, л. 10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 104.
Печатается по автографу.

132. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, конец ноября 1824[2]

Милая душа! я давно не писал к вам — больно за себя, но делать нечего. Лень писать письма сделалась для меня неизлечимою болезнию. Сколько минут прекрасных она меня лишает: с кем же говорить и делить сердце, как не с вами; а я это у себя отнял. Чувствую, что и для вас мои письма были бы услаждением, но и это даже не может победить моей губительной лени. Не обвиняйте меня ни в равнодушии, ни в забвении, а лучше вместе со мною пожалейте об этом несчастии. Теперь однако я занят таким делом[3], которое наполняет все мои минуты и даже дает много прекрасной пищи сердцу. В хорошие минуты деятельности я более ваш, нежели в другие. Не знаю, останется ли мне мое теперешнее занятие навсегда или дано мне только на время: я об этом не забочусь; откажусь от него (правда,

---

[1] *...позвольте ему напечатать хотя бы в альбом написанные вами стихи к цветам...* — Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Мотылек и цветы», напечатанное в альманахе «Северные цветы на 1825 год» (Ц. р. 9 августа 1824 г.).

[2] Датировка определяется тем, что письмо является ответом на письмо Авдотьи Петровны от 3 ноября 1824 года: Жуковский отвечает на просьбу Елагиной относительно Полевого. Письмо Жуковского к Полевому, вложенное в послание к Авдотье Петровне, датируется 12 ноября 1824 г.

[3] *Теперь однако я занят таким делом...* — «Делом воспитания великого князя Александра Николаевича. В конце июля 1824 года великий князь Николай Павлович и великая княгиня Александра Федоровна отправились в заграничное путешествие» (см. РС 1902 года, июнь. С. 449). На Жуковского и была возложена тогда великою княгинею «обязанность передать некоторые первоначальные познания» великому князю Александру Николаевичу во время отсутствия из России его августейшей родительницы (см.: Сочинения Жуковского, изд. 7, т. VI, с. 286 и 291), в письме Жуковского к императрице Александре Федоровне от 1 (13) июля 1827 года). 29 декабря 1825 года Жуковский писал А. П. Елагиной: «Помолитесь за меня: на руках моих теперь важное и трудное дело и ему посвящены все минуты и мысли» (см. УС, с. 42)». (Примечание И. А. Бычкова. РБ. С. 97).

с сожалением), если надобно будет отказаться, но не сделаю шагу для того, чтобы оно у меня осталось: ответственность слишком велика, и я еще не слишком уверен в своей способности исполнять как должно свою обязанность. Знаю только, что детский мир — мой мир и что в этом мире можно действовать с наслаждением, и что в нем можно найти полное счастие. Я это уже испытал в последние месяцы[1]. Теперь только это счастие совсем помутилось: бедствия, окружающие нас[2], не дают ни на минуту спокойствия! Ясность души пропала надолго. Одна только деятельность в исполнении обязанности своей может предохранить от уныния. — Простите, милая; знаю, что для вас утешительно слышать от меня повторение старого, что вы мне милы, как лучший друг. Повторяю это, чтобы в одном слове сказать все наше прежнее. Портрет Маши у меня; но подождите списка; в начале будущего года постараюсь его вам доставить.

Приложенное письмо отдайте г. Полевому[3], написав адрес. Я не знаю его имени. Стихов же для него у меня нет. Те, о которых вы пишете, уже отданы другому, и я не могу ими располагать. Теперь не до стихов. Могут сказать, что настоящая азбучная жизнь моя — проза: но я нахожу в ней много поэзии. Обнимите детей. И мужу вашему усердный поклон.

Милая, выведите меня из тяжелого положения. Ко мне пишет мой Максим[4], находящийся у Азбукина, что он лишен всего и во всем нуждается. Каково же это? Я думал, что стряпает на кухне у Азбукина. Вот письмо, которое посылаю к Азбукину. Если он не хочет его держать у себя — то полезнее ему дать приют в которой-нибудь из ваших деревень; а я буду платить за его содержание. Прошу об этом позаботиться Алексея Андреевича. Мой Максим уже стар: не надобно же, чтобы он имел право на меня жаловаться. Ал⟨ексей⟩ Андр⟨еевич⟩ дружески обяжет меня, если поможет мне избавиться от такого греха. Попекитесь об этом.

---

[1] *Я это испытал в последние месяцы* — «А. И. Тургенев писал 15 марта 1825 года князю П. А. Вяземскому следующее: «Жуковский обнимает тебя. Он, право, сделался великим педагогом. Сколько прочел детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону: он вложил свою душу даже в грамматику и свое небо перенес в систему мира, которую объясняет своему малютке (т. е. *великому князю Александру Николаевичу*). Он сделал сии знания также по особенным, им изобретенным или найденным в других, методам» (см. Остафьевский Архив, III, СПб., 1899, с. 106)» (Примечание И. А. Бычкова. РБ. С. 97).

[2] *...бедствия, окружающие нас...* — Петербургское наводнение 7 ноября 1824 года.

[3] *Приложенное письмо отдайте г. Полевому...* — В письме к Н. А. Полевому, издававшему «Московский Телеграф», Жуковский в частности писал: «Авдотья Петровна пишет ко мне, что вы желаете поместить в вашем журнале мою безделку: *К цветку*. Увы! я рад бы был отдать вам ее, но уже она отдана в *Северные цветы,* которые хотят расцвесть в январе будущего года. Весьма сожалею, что не могу угодить вам». Речь идет о стихотворении «Мотылек и цветы» (1824).

[4] *Ко мне пишет мой Максим...* — Слуга Жуковского, получивший свободу, см. примечания к письмам 80, 107.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. ф. 286, оп. 2, № 442, л. 38—38 об.—39.
Впервые опубликовано: РБ. С. 96—97.
Печатается по копии.

133. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец декабря 1824[1]

Милый друг! Поездка мужа моего к вам есть без всяких слов лучшее доказательство, что я не перестала твердо верить в вашу неизменную дружбу! — Мне совестно поручать их вам! язык не поворачивается просить вас: я верю, я не сомневаюсь, что вы сделаете для него, то есть для вашей Дуняши, все, что сделать можете. Зная свое сердце и как оно *все* бьется для вас, просит вас, оскорбляет столько же мою душу, сколько может оскорбить вашу, а не меньше,— я точно так теперь перед вами, как перед Богом на молитве. С таким же чувством говорю теперь вам: *помогите ему!* с каким выпрашиваю выздоровление детей моих! Друг! душа моя так полна, что больше не могу писать. Дай Бог, чтоб мы увиделись! чтоб мы нашли друг друга!

Теперь еще пост скрипт. — Полюбите Ванюшу! Заставьте полюбить себя. — Жуковской мой был мечта всей моей молодости: идеал добра! — Ежели и не я сама его к вам представлю, то увидевши его, поймете, что все мои надежды, все счастие здешнее и будущее в нем: — и дайте ему то, чем еще не наслаждалась его мать: но ей будет тогда довольно.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 26, л. 3. .
РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 100. Копия.
Печатается по автографу.

[1] Датируется на основании переговоров о поездке И. В. Киреевского и А. А. Елагина в конце декабря 1824 года в Петербург, где они посетили Жуковского. Поездка продлилась до середины января 1825 года, судя по письмам Елагиной к мужу и сыну. Она пишет 13 января: «⟨…⟩ из любви ко мне, прошу вас, берегите друг друга, и каждый себя! Как я бы делала. — Обнимите Жуковского» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 102); 14 января: «Жду вашего возвращения с неизъяснимым, но обыкновенным беспокойством — Что вы поделываете? Что наш Жуковский? — Ванюша, насмотрелся ли на Петербург? — Все эти вопросы останутся без ответов; приезжайте же ⟨…⟩» (Там же).

134. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец 1824[1]

Мой бесценный Жуковский, посылаю к вам моего мужа, которого прошу хорошенько обнять, чтобы мне веселее было на него смотреть при возвращении. Душа моя, когда я вас увижу? Нынешний год больше чем ли когда мне простительно завидовать тем, кто едут к вам: несколько часов с вами наполнили бы много пустоты! Пускай хоть скорбью: — все лучше уныния. — Друг мой, не увидя с Батеньковым записочки от вас, мне стало грустно[2]; но я не подумала *обвинить* вас: je déteste tous les genres de cacherie*. Писать к вам теперь некогда, они едут через час; спросите у них обо мне всё, что захотите. Муж отдаст вам письмо от Малиновского, который рекомендует вам моего и вашего Ванюшу. Он думает, что сенатор подействует на вас сильнее, чем ваша дура сестра: это могло бы быть досадно, если что-нибудь до сердца касающееся расшевелить его может. Ванюша принадлежал вам с самой колыбели, ваши права на детей моих скреплены всей моей душою, всею жизнью моей, и я даже просить вас не стану, когда будет нужно вам что-нибудь для кого-нибудь из них сделать. — Теперь, кажется, в ⟨пришествии⟩ его просьбы не нужно никаких хлопот: впрочем Батеньков и Елагин скажут вам, что нужно. — Обнимаю вас, мое сокровище! Не забудьте отвечать мне с мужем и впихните в него побольше того, что вас теперь занимает.

Перевод

* Я ненавижу всякого рода скрытности (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 26, л. 1.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 101.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата этого письма, как и предыдущего, устанавливается событием: поездкой А. А. Елагина и И. В. Киреевского в Петербург. В этом письме Авдотья Петровна указывает на конец 1824 года «Нынешний год больше чем ли когда мне простительно завидовать тем, кто едут к вам ⟨…⟩».

[2] *...не увидя с Батеньковым записочки от вас, мне стало грустно…* — Судя по письмам Авдотьи Петровны к А. А. Елагину и И. В. Киреевскому в Петербург, за время их пребывания в северной столице Батеньков приезжал в Москву, где в это время находилась Елагина, и возвращался в Петербург. Так, в конце письма Авдотьи Петровны от 14 января к мужу и сыну сделана приписка Батеньковым: «Я еще бражничаю в Москве, добрый брат Алексей Андреевич, но в следующее воскресение еду во свояси, если чего не зайдет от Бога. Обнимаю вас от всего сердца и прошу передать мой поклон Жуковскому» (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 102).

135. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

16 января 1825[1]

16-е января. Сегодня первый поцелуй вам, бесценный друг Жуковский; мои к вам воззвания давно уж *голос с того света*; но вы откликайтесь мне этим! давайте мне отраду и спокойствие. Теперь ваша череда, и ежели я как нищая выпрашиваю у вас словечко дружбы, то, право, из необходимой нужды! Сердце так истерзано, что часто сил не достает жить. Обнимите моего Елагина и Ванюшу, ежели они еще в П⟨е⟩т⟨е⟩рб⟨ур⟩ге. Я их жду с нетерпением, одной здесь очень страшно. — Надеюсь, что их цель исполнена: они вас видели и вы полюбили Ванюшу. — Ежели чего со мной ничего не случится, то 29-е буду еще писать к вам, ежели же к тому времени меня не будет, то вы все равно знайте и ведайте, что лучший ваш друг — я. Господь с вами со всеми!

P. S. Впрочем, если это письмо застанет вас, друзья сердечные, в Пете⟨рбурге⟩, то лучше не ездите сюда так скоро: может, и я к вам со всеми приеду.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 27, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 102.
Печатается по автографу.

136. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

28 апреля. 1825[2]

Ежели пословица справедлива, что *придет беда, отворяй ворота*, то, кажется, должна бы судьба так же члива быть и на радости[3]. По крайней мере мне обязана она некоторым вознаграждением, и теперь едва избавилась я от долгой болезни, вдруг слышу весть: будто вы, милый брат, собираетесь к нам в Москву. Вся душа вспыхнула. Бесценный друг! Неужели верить этому счастию? — все, что есть радости, заключается теперь для меня в мысли вас увидеть. — Жуковский, я пять месяцев была крепко больна; беспрестанная лихорадка и сильная боль в боку, вместе с тяжелой беременностью, уверили меня несомнительно, что я не переживу родин своих. Но я родила благополучно и начинала уже оправляться, когда воспаление в боку и сильная боль довели меня опять до дверей гроба. Теперь я начинаю уже вставать, ужасная слабость и молочница во рту[4] (следствие горячки)

---

[1] Дата (год) определяется обсуждением вопроса о поездке А. А. Елагина и И. В. Киреевского в Петербург в конце 1824 — середине января 1825 года.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о рождении дочери Елизаветы — 1825 г.

[3] *...должна бы судьба так же члива быть и на радости* — « (от *честить* и *чтить*) вежливый, учтивый, почтительный» (Даль В. И. Т. IV. С. 600).

[4] *...ужасная слабость и молочница во рту...* — Молочница — заболевание слизистой оболочки рта (преимущественно у грудных детей). Ср. у Даля: «Молочница — лихорадка у ро-

не выпускают меня из своей горницы. — Во все это время я не писала к вам: готовилась быть к вам ближе, видеть ясно, вблизи милую душу вашу и напоминать о себе лучше, нежели скучными каракульками, которые сообщили бы вам одно мое страдание.

Ваше *постоянное* молчание прибавляло к душевным недугам самую ощутительную боль, какую сердцу удавалось только испытать, легче казалось быть в самом гробе: оттуда можно хоть надеяться на *дружеское* воспоминание. — Но я не хочу об этом больше говорить: мне надобно очистить сердце от умерщвляющих мыслей так, как мою бедную печенку очищают теперь от нарывов и затвердений. Я за одну идею хочу взяться: я вас увижу! — и в этом для меня неизъяснимая отрада! — Бесценный друг! Знаете ли вы, что вы для меня? — Надобно однако ж, чтоб вы это знали и помнили почаще, что другого сердца теперь нету, которое бы вас грело, так беспрестанно любило. В вас для меня и она! — Я вам буду готовить горницы, как скоро получу ваш ответ, и сколько, сколько для меня тут будет радости! Отвечайте же мне поскорее согласием.

Еще надобно с вами несколько побраниться и потолковать о деле, которое на меня навязывают. Посылаю вам письмо Азбукина, из него вы увидите подробно, о чем весь Белев хлопочет, а я скажу вам только, что я решительно убедила Колениуса[1], что вы ему вредить не хотели и не имели намерения. Он боится, что вы ему *мстите* за то, что он Зверева опередить не мог у Маклера[2], как вам этого хотелось. Не понимаю, какое вы участие можете принимать в самом негодном человеке, который и бедами своими и доносами вредит кому только может, а еще меньше понимаю, как могли вы, с вашим сердцем, не выслушать оправдание Колениуса? Ежели возможно, постарайтесь возвратить ему честное его имя; ваше могущество гремит в Белеве, и оно там именно должно греметь *добрыми делами* и справедливостью. — Не сердитесь на меня, милый, что я об этом пишу: *все*, что до вас касается, принадлежит мне неотъемлемо, а ветреных поступков от вас или несправедливых моя сердечная утроба не переварит.

Прощайте между тем, устала.

Обнимаю вас крепко, и мои все, новорожденная Лила также, просят вашего благословения[3].

28 апреля.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 27, л. 3—3 об.—4.
Печатается по автографу.

дильниц, когда у них молоко прибывает» (Даль В. И. Т. II. С. 334) /

[1] *...я решительно убедила Колениуса...* — Иван Петрович Колениус (р. около 1790), белевский городничий.

[2] *...что он Зверева не мог опередить у Маклера...* — Зверев — дерптский знакомый Жуковского, его называет Елагина «негодным человеком».

[3] *...мои все, новорожденная Лила также, просят вашего благословения* — Елизавета Алексеевна Елагина (1825—1842), дочь А. П. и А. А. Елагиных.

137. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 мая 1825[1]

Мерзкий сон об вас, бесценный мой Жуковский, не дает мне и днем покою! Здоровы ли вы? Не смейтесь над моим беспокойством и отвечайте мне слова два поскорее. — Я сама только что начинаю выздоравливать после повторенной болезни; воспаление в печени в другой раз доводило меня до гроба, и хоть опасность уже прошла, но боль и слабость еще тут. — Не томите меня ответом и не удивитесь, что могу молчать месяца по три с ряду, а не могу не испугаться сна. Моя душа связана с вами; и я уверена, что чувствую не только ваше горе, но всякую физическую боль. — Я связана на свете *другом* и живу больше *в вас*, нежели в себе. Когда я говорю *в вас*, то вы *не одне* для меня. Представитель *ея* и всего невидимого мира. — Душа моя, будьте же здоровы; мысль об вас должна быть отрадою, успокоением, так как вы сами всегда — восторг моего сердца.

Занятия ваши неизъяснимо меня радуют. Возвышенная простота вашей души должна (для счастья России) иметь влияние на милую душу маленького В⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ — а детский мир, который вам так нравится своею чистотою, не помрачен для вас никакой ответственностью, т. е. Solidarité!* — Но так и надобно! Берите во всем только лучшее, и Поэзия ваша без стихов останется неизменною вашею подругою. Скажите, какие карты делаете вы для вашего ученика? Как учите географии и истории? Я спрашиваю это для моего Васи. — Сказывал ли вам Зейдлиц, что я собиралась послать Васю к вам, готовясь отправиться сама на тот свет? — это вам доказать должно, сколько мое сердце на вас опирается. Je ne vous ai pas demandé des commissions pour l'autre monde, je savais tout ce que je devais y porter de votre part; mais je vous en donnais une ici qui vous prouve que l'éloignement n'éxiste pas pour celui qui sait aimer.

Adieu, mon frère bien aimé!** Бог с вами. Я устала до смерти.

Перевод

* Общностью интересов (*франц.*).

** Я не просила у вас вознаграждений для других, я знала все, что я должна чувствовать относительно вас; но я вам даю одно, чтобы вы убедились, что и в отдалении можно любить, не зная почему. Прощайте, мой дорогой, любимый брат! (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 24, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 109.
Печатается по автографу.

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского конца ноября 1824 г., в котором он пишет об ученических таблицах.

138. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Сарское село, 3 июня 1825[1]

Спешу отвечать на ваше милое письмо, душа Дуняша. Я получил его вчера ввечеру. Страшен сон, да милостив Бог! Эта пословица служит ответом на все. Ваш сон только для того, чтобы порадовать мне сердце вашею милою дружбою. Я здоров совершенно, и хотя вчера за ужином просыпал соль, но нынче встал невредим и принялся за обыкновенное свое дело. На что заботиться о возможных бедах в будущем? Пусть настоящее идет деятельно, а прошедшее светится ему, как ясная лампада. Будущее не наше: это давно пора узнать. Жизнь этому учит. Зачем же хлопотать о чужом добре? Итак, не пугайтесь, милая. А лучше будьте здоровы: вот горе, что все вы больны и страдаете. Напишите по крайней мере, что ваша болезнь совсем миновалась. А обо мне не заботьтесь — я скажу вам, если что со мною сделается дурного! А если придется отправиться на тот свет, то приду вас предуведомить и взять от вас нужные наставления. Вот — все. Теперь простите. Еду в Павловск давать урок вел⟨икой⟩ Княг⟨ине⟩ Елене П⟨авловне⟩. Моя школа рассыпана на четырех верстах. Живу в Сарском селе, потому что В⟨еликая⟩ К⟨нягиня⟩ Александра Ф⟨едоровна⟩ и мой мальчик здесь[2], и езжу в Павловск через день к другой моей ученице. Карты мои не иное что, как исторические таблицы для облегчения учения истории. Я бы рад вам их прислать, но они не могут никому годиться без особенного ключа: надобно самому быть вместе с ними. Обнимаю вас, и детей, и мужа.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 40—40 об.
Впервые опубликовано: РБ. С. 97—98.
Печатается по копии.

[1] Датируется на основании характеристики занятий Жуковского в июне 1825 года: “У меня новая, милая ученица — великая княгиня Елена Павловна (супруга великого князя Михаила Павловича)”,— писал Жуковский А. П. Зонтаг 5 марта 1824 года (см. УС. С. 97, 98)» (Примечание И. А. Бычкова. РБ, год, №. С. 98).

[2] *...и мой мальчик здесь...* — Великий князь Александр Николаевич.

139. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

8 августа 1825[1]

Сделайте мне великую и богатую милость: пришлите Histoire de l'expédition de Russie en 1812 par M. C.* — сочинение Шамбре[2], и кажется, Histoire de la grande armée *par Segur*[**3]; посылаю вам для этого 50 рублей; ежели не достанет, прикажите остальные доплатить Батенькову. Здесь этих книг нет ни у одного книгопродавца; а мне они необходимы, а потому после долгой нерешительности — решилась просить вас. — Ежели вам это трудно, вы просто мне откажете, а я, по крайней мере, буду иметь удовольствие отказ получить. — В самом деле, бесценный Жуковский, скоро мои письма будут для вас точно *голос с того света*. — Вы так немилостиво молчите, так не делитесь ничем своим и так нет нужды вам до меня, что ежели бы не прошедшее, я не знала бы, откуда заставить вас откликнуться. Душа моя, неужели вы никогда не воображаете, что сердцу моему нужна отрада? Неужели *не помните, что* вы для него? — В то утро, когда я в последний раз вам писала, боясь чего-то ужасного, предчувствие во сне не обмануло меня: я адресовала к вам, а в это самое время, здешнее мое всё, *Ванюша мой*, занемог опасно. Сперва воспаление в голове, потом в груди, и теперь еще сильная слабость. — Я сама от этого ужасного потрясения не могу еще оправиться, до сих пор еще не знаю сна и беспрестанно чувствую боль в боку, скучнее же всего страх еще кого-нибудь пережить. Сохрани, Господи! А вы, *милый брат*, думали ли обо мне в это время? Знаете ли, что тоска хуже гнева, а гневаться я на вас не могу. — Свет-то мои стишки! — Бывало, хоть восхищаться или переписывать гожусь вам! — Но мало ли что бывало и чего не воротишь!

Слушайте, мой Жуковский, скажите что-нибудь попорядочнее о себе! — Подайте мне мое! Ей Богу, мне необходима ваша любовь! Нет прав на нее святее моих, а другого нет теперь сердца, которое было бы столько ваше.

Перевод

* История экспедиции в Россию в 1812 М. С. (*франц.*).
**«История великой армии» Сегюра (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 27, л. 7—7 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 103.
Печатается по автографу.

---

1 Датируется как ответ на письмо Жуковского в письме от 3 июня 1825 года, в котором он откликнулся на ее слова о «чем-то ужасном, предчувствии во сне».

2 *…пришлите Histoire de l'éxpedition de Russie en 1812 par M. C. — сочинение Шамбре…* — Жорж Шамбре — французский военный писатель, участник наполеоновских войн, артиллерист.

3 *...Histoire de la grande armée par Segur...* — граф Луи Филипп де Сегюр (Ségur Louis Philippe, 1753—1832), французский дипломат, посол в России в 1785—1789 гг.

140. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

29 декабря 1825, СПб[1]

Милая Дуняша, не закричите, не испугайтесь, не запрыгайте, когда вам придут сказать, что приехал к вам Жуковский. Это не я, а мой питомец, сын Андрея Григорьевича Жуковского[2], который едет из Петербурга в Камышин к своей матери. Желал бы я, чтобы я был на это время он, дабы самому подать вам это письмо и прижать вас к сердцу. Но погодите, милая. Через несколько месяцев это будет. Теперь мы наверное будем в Москве, повеселить вас коронацией[3]. Я жду этого времени с сердечным наслаждением. Сколько будет для меня в вашей семье новых милых знакомцев, да и старые все, кроме вас, будут для меня новыми. Наконец, поживем и вместе. Что, если бы к этому времени явилась в Москву и Анета? но этого счастия не смею надеяться. — Теперь вы у меня в долгу, моя душа. Вы не отвечали мне на последнее письмо мое, и наша переписка не хочет никак идти в ход. И в этом случае, право, не знаю, что с собою делать. По крайней мере знаю наверное, что у меня к вам в сердце: дружба для счастия в настоящем и за все прошедшее. Это не изменится до гроба. Но об этом будем говорить при свидании. Как хорошо, что мы к вам едем. Вам не нужно теперь посылать детей в Петербург на авось. Поговорим об них на словах и вместе уладим, что для них будет можно сделать. Каков теперь Ванюша? Батеньков сказывал мне[4], что он был болен; надеюсь, что теперь выздоровел. Как будет весело хлопотать о наших детях. Прошу вас не приступать ни к чему до нашего приезда в Москву. Этим временем воспользуйтесь для учения. — Что у вас делается? У нас теперь все спокойно, но мы видели

---

[1] Дата устанавливается на основе сообщения о «дне ужасном» (14 декабря 1825 г.) и о грядущей коронации Николая I (январь 1826).

[2] *Это не я, а мой питомец, сын Андрея Григорьевича Жуковского… — «Питомец, сын Андрея Григорьевича Жуковского»* (крестного отца поэта) есть, очевидно, тот мальчик, Павел Жуковский, который в 1817 году жил в Дерпте на попечении Мойеров, он звал нашего поэта братом в своих приписках к письмам Е. А. Протасовой. Летом 1825 года этот Жуковский находился в семье поэта Козлова; он был, по-видимому, мало развит; В. А. Жуковский писал тогда Козлову о своём «недоросле», он посылает деньги на его расходы, просит следить за его чтением, водит в театр, но прибавляет: «Держите его в руках» (См. с. 463—464 VI-го т. 7-го изд. сочинений Жуковского. Выставленная там на письме дата (1826) должна быть исправлена на 1825 г.: «Чернец» Козлова вышел в апреле 1825 г.). Заботы об этом юноше — лишний факт, доказывающий известную доброту Жуковского и обилие в нем признательных чувств» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 42).

[3] *Теперь мы наверное будем в Москве, повеселить вас коронацией* — Коронация происходила в Москве в январе 1826 г. Жуковский не присутствовал.

[4] *Батеньков сказывал мне…* — «Декабрист Батеньков еще не был взят на святках; его арест произошел позднее: в апреле следующего года Жуковский уже обозначает Батенькова одной буквой Б. и говорит, что о нем «нечего сказать доброго» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 42).

день ужасный, о котором вспоминать без содрогания невозможно[1]. Но это — день Промысла: он показал России, что на троне ее Государь с сильным духом. Теперь будущее исполнено надежды. Он действует прекрасно и неутомим в деятельности. Будем надеяться лучшего. Мне некогда описывать вам того, что случилось, но вы, верно, читали все подробности: они все справедливы. Помолитесь за меня: на руках моих теперь важное и трудное дело и ему одному посвящены все минуты и мысли. Стихов писать некогда, но поэзия со мной. Простите, друг; поцелуйте всех своих. До свидания! как весело сказать это слово. Но прежде еще надеюсь написать к вам и от вас получить словечко.

На 42 обороте: «Е. В. А. П. Елагиной: За Сухаревой башней в доме Померанцевой». Запечатано черным сургучом (*запись сделана карандашом*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 41—42 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 41—42.
Печатается по копии.

141. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1826. 29 января

Нынче я родился! И мы вместе с вашим мужем праздновали; он едет через несколько часов. Он вас за меня обнимет, как я мысленно обнимаю вас[2].

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 43.
Впервые опубликовано: РБ, С. 98.
Печатается по копии.

142. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1826[3]

Cher ami et frère, Eudoxie Arbéneff vous a écrit au sujet d'un parent[4] qui l'intéresse; elle n'a pas votre réponse; elle est inquiète, elle veut que je 〈*1 нрзб.*〉 là-

[1] *...мы видели день ужасный, о котором вспоминать без содрогания невозможно* — 14 декабря 1825 года.

[2] Письму Жуковского предшествовал текст, написанный А. А. Елагиным:

«Нонче Жуковского имянины; ты понимаешь, о ком мы думали и говорили, чье здоровье пили! Und die Todten sollen leben! [И умершие должны жить! (*нем.*).] Без нее ничего нету!»

[3] Дата устанавливается на основании просьбы Авдотьи Петровны о Кашкине, арестованном по делу декабристов 8 января 1826 года.

[4] *…Eudoxie Arbéneff vous a écrit au sujet d'un parent…*[*Евдокия Арбенева писала вам об одном из родственников*] — *Arbéneff* — А. Н. Арбенева, см. примечание к письму 6. Просьба «о родственнике» по всей вероятности связана с делом декабристов.

dessus, croyant que nos deux lettres ensemble vous engageront à vaincre votre paresse et lui répondre un petit mot, moi contente d'être forcée de me mettre à la plume, sans oser reculer, je m'accroche à l'occasion pour vous envoyer un volume. Cher ami de mon coeur, je ne vous ai pas encore parlé des miens tout ce qu'ils m'ont dit sur vous, sur votre réception, sur la manière, dont vous avez traîté Jeannot, m'a remué le coeur jusqu'au fond des entrailles*. Вы знаете, что Ванюше и прочим моим ребятишкам принадлежит все то в сердце, что не ваше, а вы умели слить эти чувства, и в ваших к нему ласках я опять вообразила себя счастливою. — Скажите, что вы об этом думаете? Полюбили ли вы его? Разлука наша поставила меня в такое чудное положение в отношении к вам, что даже писать к вам мне становится часто тяжело и горько, Все, что меня окружает, все мои внешние и внутренние обстоятельства, всё вам незнакомо: между нами одна связь, которую расторгнуть невозможно: *прошедшее*. — Выйдя из его сферы, я боюсь иногда быть вам *чужою* с моим настоящим житьем, если бы сердце не так было полно любви, то, кажется, век бы не перестала молчать. Но с этой любовью можно не только искать отрады теперешнему в вашей дружбе, в ваших письмах, но если бы вера моя так же сильна была, то не чудно было бы мне и горы ворочать. С нею я могу смело поручать вам все, *требовать* от вас всего, у меня в душе хранится заплата, гораздо важнее и крепче всего, что могу просить. — Ох, когда мы увидимся? Я жду вас как царства небесного: кажется, вся корка, заржавленная на сердце, с одного взгляду на вас свалится. — Я вас не благодарю за Б. — добро вам нужно делать самому[1], а для меня добро, надеюсь, что вам веселее другого. Осведомитесь теперь, пожалуйста, о Кашкине[2] и отвечайте Дуняше Арб⟨еневой⟩. — Несчастные обстоятельства теперешнего времени таковы, что мало на кого можно надеяться и в ком искать опоры, но чем меньше, тем теплее должен быть круг. Она все та же, и хоть трется в жернове так же, но живет не в настоящем. — Сокровище мое, не скупитесь: ваша строчка нам подарок. Обнимаю вас и благословляю, а вы поцелуйте Сашу.

Перевод

* Дорогой друг и брат, Евдокия Арбенева писала вам об одном из родственников, который ее интересует, но она не получила ответа, она обеспокоена, она хочет ⟨*1 нрзб.*⟩ надеясь, что оба наши письма вместе победят вашу лень и вы ей ответите в небольшой записке; я довольна, что заставила себя взяться за перо, не откладывая, я присоединяюсь к возможности послать вам том. Сердечный мой друг, я еще вам не говорила о своих, обо всем, что они сказали о вас, о вашей встрече, как вы отнеслись к Ивану, все это тронуло сердце до глубины души (*франц.*).

---

[1] *Я вас не благодарю за Б. — добро вам нужно делать самому...* — Буквой «Б» здесь и далее Елагина называет Г. С. Батенькова. Слова Авдотьи Петровны о добре, сделанном Жуковским Батенькову в ситуации начавшихся арестов, представляют несомненный, но до конца не проясненный интерес.

[2] *Осведомитесь теперь, пожалуйста, о Кашкине...* — Сергей Николаевич Кашкин (1799—1866), губернский секретарь, член Северного общества и тайной декабристской организации «Практический союз», арестован 8 января 1826 года, осужден и отправлен на службу в Архангельск.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 9—9 об.—10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 107.
Печатается по автографу.

143. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1826 [1]

Еще к вам прибегаю, бесценный друг! — Но деятельность вашему сердцу необходимое чувство во время скорби других: и я смею просить у вас утешения всякому страдающему. *Надежды Николаевны* Шереметевой зять *Якушкин*[2], вам знакомый человек: дайте ей на счет него какую-нибудь отрадную весть; вот вся цель ее путешествия в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ург⟩. — Пускай и к вам кто приходит, тоже не отходит, бесценная душа моя! — Ежели для меня вы не в лучах, то чуть-чуть не достает: не удивляйтесь, ежели на вас взыскиваю все, что есть лучшего в мире: *отрада печальному* — ведь и ваше милое сердце все, что есть лучшее в мире: где же искать кроме него то, что только с неба получаем? — Напишите мне, пожалуйста, что-нибудь об Алексее Черкасове, чтобы я могла передать Леночке: они сокрушаются, — Жуковский, ведь это Марьи Алексеевны дети[3].

Обнимаю вас, мой бесценный Ангел.

Я больна и в постели: опять воспаление в боку, но опасность прошла уже.

Автограф. РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 1.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 105.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается на основании просьбы Авдотьи Петровны о декабристах И. Д. Якушкине и А. И. Черкасове, арестованных в первых числах января 1826 года

[2] *Надежды Николаевны Шереметевой зять Якушкин...* — Надежда Николаевна Шереметева (урожд. Тютчева, 1774—1850), мать жены И. Д. Якушкина, тетка Ф. И. Тютчева, хорошая знакомая Гоголя, Жуковского и приятельница Авдотьи Петровны. Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, отставной капитан, участник Отечественной войны 1812 года, один из основателей «Союза Спасения», член «Союза благоденствия», участник подготовки восстания в Москве; арестован в Москве 9 января 1826 года, приговорен к каторжным работам в Сибири на 20 лет.

[3] *Напишите мне, пожалуйста, что-нибудь об Алексее Черкасове ⟨...⟩ ведь это Марьи Алексеевны дети* — Черкасов Алексей Иванович (1799—1855), барон, воспитывался в Университетском благородном пансионе, затем в Московском училище для колонновожатых, член Южного общества, арестован 2 января 1826 года, осужден на каторжные работы в Сибирь. Отец его — «барон Володьковский», И. П. Черкасов, мать — Марья Алексеевна Черкасова — ближайшая приятельница и соседка Авдотьи Петровны и Жуковского по Долбину; Леночка (Елена Ивановна Черкасова) — сестра Алексея.

144. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Апрель, 1826[1]

Я к вам больная три раза писала, и на три письма не имею ответа. Но я не жалуюсь, благодаря надежде вас скоро обнять. На эту милую надежду сваливаю все настоящие горести и будущие страхи. Вся жизнь от нее оживает, и ежели бы вы видели, как сильно сердце бьется при мысли вас опять увидеть, то поняли бы, *что* вы для меня и какого неизменного друга имеете вы в вашей Дуняше, и во всех ее детях, начинающих думать и чувствовать. — Моя любовь к вам передается к ним, вместе со светом Божьим; все хорошее для нас связано с нею. — Скажите, когда мне вас ждать? Когда я вас встречу? — Здесь недавно прошли слухи, сильно меня возмутившие: говорят, будто вы едете в чужие края с Карамзиным? — Неужели это быть может? — Не дождавшись вашего письма, я не могу и не хочу этому верить. Мне необходимо вас увидеть, без этого я не могу долее дышать. — Успокойте меня поскорее, не отлагайте ответ ваш. — Право, вы со мной не совсем справедливо поступаете. Со своей собственностью надо быть милостивее и добрее.

Это письмо доставит вами фон Визина, дочь Марьи Павловны Апухтиной[2]. Вы ее знали еще ребенком[3], но увидите, что и теперь она еще совершенный ребенок. Мать не может не пустить ее, ибо она едет, надеясь видеться с мужем, но здесь столько дурных слухов об ее муже, что невозможно без сильной горести ее отпускать. Говорят, даже будто он умер. — Все это может быть и неправда, так же как и прочие дурные слухи, но вам, бесценный друг, в должности утешителя страждущих поручаю ею заняться. Эта бедная молодая женщина полагает смело, что она любовью своею наделает чудеса и выхлопочет всё, что ей надобно. — Потолкуйте с Евгением Ал⟨ександровичем⟩ Головиным, он ей дядя[4], и ежели какая-нибудь злая судьба должна ее постигнуть, не сказывая ей ничего, вышлите ее опять из Петер-

[1] Дата устанавливается на основании ответного письма В. А. Жуковского от 20—26 апреля 1826 года.

[2] *Это письмо доставит вам фон Визина, дочь Марьи Павловны Апухтиной* — Наталья Дмитриевна Фонвизина (урожд. Апухтина, 1803—1869), жена декабриста Михаила Александровича Фонвизина, последовавшая за ним в Сибирь; во втором браке — жена декабриста И. И. Пущина. Фонвизин был арестован 9 января 1826 г. Заручившись письмом Авдотьи Петровны к Жуковскому, Наталья Дмитриевна добилась свидания с арестованным мужем. Через год, 17 января, оставив на руках матери годовалого сына, Наталья Дмитриевна выехала в Сибирь (Новое литературное обозрение, 1997, № 28. С. 169—178; *Кайдаш С.* Та, с которой образован Татьяны милой идеал // Наука и религия, 1976, № 1; Письма Н. Д. Апухтиной к ее духовнику, протоиерею С. Знаменскому 1839—1859 // Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 207—249).

[3] *Вы ее знали еще ребенком…* — Жуковский посвятил 8-летней Н. Д. Апухтиной стихотворение «Тебе вменяют в преступленье ⟨…⟩» (1803).

[4] *Потолкуйте с Евгением Ал⟨ександровичем⟩ Головиным, он ей дядя…* — Евгений Александрович Головин (1782—1858), генерал от инфантерии, командир Отдельного кавказского корпуса.

бурга. Вы увидите сами, какой она милый прекрасный ребенок. — Бесценный друг, может статься, что это от меня и не последнее поручение к вам, но я знаю вашу душу. Та же *Persévérance*[*], которая была вашим девизом, должна и теперь неразлучно с нею *действовать* в круге, назначенном вам судьбою, для всего хорошего. А что же может быть выше и лучше того упования, с которым глядят на вас все ищущие отрады. Я горжусь их мнением об вас, и всех их готова отдать на ваши попечения с тем же чувством, с каким молюсь у образа Спасителя.

Что наш бедный Батеньков?[1] Напишите ко мне одной об нем, если ему дурно. — Я все больна, и Ванюша так же. — Простите, мой несравненный друг. Обнимаю вас и благословляю. Сестра ваша. — Отчего Саша не хочет ко мне писать? — Фон Визину зовут Наталья Дмитриевна.

Перевод

[*] Постоянство (*франц.*).

Автограф: РГБ ф. 104, к. VII, № 28, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 105.
Печатается по автографу.

145. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

20 апреля 1826 г., СПб

Милая Дуняша! я, кажется, не отвечал вам только на одно письмо ваше, а не на три. Винюсь по обыкновению, но совсем потерял надежду на исправление. Последнее письмо ваше получил вчера, то есть письмо, писанное с Наталией Дмитриевной[2]. Ее самое не видал; она остановилась ужасно далеко, на Васильевском острову у Головина. Напрасно вы не отсоветовали ей сюда ездить. Не может быть никакой удачи от ее поездки. Я же для нее худая помощь. Надобно сказать вам правду: во все это время болен и так болен, что вместо Москвы еду на воды в Эмс. В начале мая отправлюсь или сухим путем или на корабле. В моей бо-

[1] *Что наш бедный Батеньков?* — Г.С. Батеньков был арестован 28 декабря 1825 года и заключен в Петропавловскую крепость № 2 Никольской куртины. Авдотья Петровна прилагала огромные усилия для облегчения участи Г.С. Батенькова. Информацию об арестованном Батенькове и о Жуковском сообщал ей из Петербурга С.Т. Аргамаков (1796—1862), друг и сослуживец Батенькова, получивший доверенность декабриста на распоряжение его личным имуществом и квартирой. В частности, в письме от 2 февраля 1826 года он писал: «С радостию получил я письмецо Ваше и сведения, что Вы здоровы. Желание Ваше, передать ему от Вас весточку, не получило успеха: комиссионер наш за сие не берется. С 18-го Генваря ни слуху, ни духу. 25 Г⟨енваря⟩ принял я квартиру его. 26 Г⟨енваря⟩ отправил ему чай. Сего дня — свеч и табаку. Ваш Андреич здоров. Он сего дня мне сказал, что будет к вам писать на той неделе — непременно» (РГБ, ф. 99, к. 2, № 48б, л. 2).

[2] *...письмо, писанное с Наталией Дмитриевной...* — Н. Д. Фонвизина, см. примечание к письму 144.

лезни нет ничего опасного, ни мучительного, но надобно заранее остановить ее успехи, иначе вся машина совсем и навсегда расстроится. И имя моей болезни геморой, который так меня расслабил, что едва таскаю ноги; взойти на лестницу есть тяжелый и болезненный для меня подвиг; от расслабления и дух и деятельность падают. Путешествие во всех отношениях будет мне благодетельно: полечусь и отдохну нравственно и физически. Но как мне жаль Москвы и счастия вас видеть, милая сестра! Этого не умею выразить. Я так радовался этою надеждою и надобно с нею опять на несколько времени расстаться. Мне жаль не московских праздников: они были бы для меня слишком суетливы; жаль радости, которая ожидала меня в вашем семейном круге. Но не поехать за границу нельзя; чувствую, что могу навсегда потерять здоровье; теперь оно только пошатнулось. Если пренебречь и не взять нужных мер, то жизнь сделается хуже смерти. Итак, скрепя сердце, говорю вам: прости! опять на неопределенное время. Прошу вас отвечать мне на это письмо, а я перед отъездом еще напишу к вам несколько строк. Обнимаю Алексея Андреевича, Ваню и всех милых детей ваших, знакомых и незнакомых.

О Б. нечего сказать доброго[1]. В точности обстоятельств не знаю; но слухи не утешительные.

Прошу вас полюбоваться на моего ученика[2]: он прекрасное творение. Дай Бог ему долгой жизни и счастия. Это желание имеет великий смысл.

20 апреля.

Еще раз простите, милая сестра! не сетуйте, что нынешним летом не увидимся: нарочно к вам приеду. Даю слово, что воспользуюсь первым случаем. — Фон Визина имела уже свидание с мужем.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 44—44 об.—45.
Впервые опубликовано: УС. С. 42—43.
Печатается по копии.

146. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

СПб. 29 апреля 1826 г.[3]

Нет, милая Дуняша, я ни к кому не писал в Москву ни о своей болезни, ни о своем отъезде, ни к Вяземскому, ни к Дмитриеву. Вы получите это известие в одно время с Вяземским, ибо я только на прошедшей почте и его и вас уведомил, что нам нынешней зимой не видаться. Вы напрасно так сильно испугались слухов:

---

[1] *О Б. нечего сказать доброго* — Речь идет о Г. С. Батенькове.

[2] *Прошу вас полюбоваться на моего ученика…* — Жуковский говорит о Великом князе Александре Николаевиче, присутствовавшем на коронации царя в Москве.

[3] Дата устанавливается по основании сообщения Жуковского о предстоящей поездке заграницу (в Эмс) для лечения.

моя болезнь требует лечения и незапущения, но в ней нет ничего теперь опасного. Я очень ослабел от (как бы сказать поучтивее) потери крови: слабость, одышка, когда всходишь на лестницу, бледность мертвеца баллады, впрочем нет ничего опасного. Мне советуют пить Эмские воды, и в то же время прожить несколько времени без забот. Это последнее особливо меня вылечит. В Москве мои заботы, конечно бы, удвоились и с ними моя болезнь. Одно и было бы лекарство: свидание с вами. Но я должен бы был в Москве заниматься своими лекциями, а, верно, был бы лишен времени и не имел бы простора. Это меня бы крепко будоражило и, наконец, еще более бы расстроило. — Но мы увидимся! Воспользуюсь первою летнею вакацией, чтобы с вами увидеться. Приеду в Москву нарочно для вас. Обнимаю вас и детей и вашего мужа.

29 апреля Жуковский

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 46—46 об.
Впервые напечатано: УС. С. 43—44.
Печатается по копии.

147. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 мая 1826[1]

Жуковский, друг мой, письмо это отдаст вам Василий Васильевич Погодин[2], которому я и муж поручили изложить наше дело. Он знает его коротко и по прекрасному, благородному своему сердцу принимает большое в нем участие. — Вам ли, душа моя, нужно рассказывать то, что вам для меня сделать? — Ежели мой приезд или приезд мужа моего необходимы, чтобы вам действовать, то я несмотря на мою болезнь, от которой я не выхожу из дому, и на болезнь крестника вашего, явлюсь к вам и буду делать все, что только возможно для нашего спасения. Я говорю *нашего*, вы знаете, сколько сердце мое растерзано его обстоятельствами, неужели на *милость* Государя надеяться невозможно? Друг мой, употребите все ваши силы для вашей сестры; я вас никогда ни о чем не просила, теперь я прошу и требую вашего ходатайства.

[1] Дата устанавливается на основании содержания хлопот Авдотьи Петровны об арестованных декабристах.

[2] *...письмо это отдаст вам Василий Васильевич Погодин...* — В. В. Погодин (ум. 1863), сослуживец и приятель Батенькова с 1822 года, управляющий хозяйственным отделом в Штабе военных поселений. После ареста Батенькова он начал за него хлопотать вместе с С. Т. Аргамаковым и Елагиными. Имя В. В. Погодина неоднократно упоминается в письмах А. П. Елагиной к мужу. Судя по письмам Авдотьи Петровны к мужу в 1826 г. из Москвы в деревню В. В. Погодин проводил много времени в их московской семье и по инициативе Елагиной встречался по делу Батенькова с М. М. Сперанским, Д. П. Татищевым и другими государственными деятелями, но без видимого успеха, на что Авдотья Петровна решительно замечает: «Я буду действовать и надеяться» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 41).

La bonté de votre coeur ne peut pas vous compromettre, et le bien que vous faisiez à votre soeur comme à d'autres, ne peut que retomber sur vous-même. — Et au nom de tout ce qui nous a été cher, de ce qui ne meurt pas, agissez pour moi! — Mon Dieu, quel bonheur serait pour moi, si c'était moi, qui devait agir en votre faveur. Et quel triple bonheur si c'est de vous que j'obtiens le bien, fait de sa grâce. — Cher ami, mon Coeur est trop plein, et trop navré! — Mon petit malade m'appelle, adieu. Recevez-vous une lettre que je vous ai écrite pour M. de Vonvisin et deux par postes*.

Перевод

* Доброта вашего сердца не сможет вас скомпрометировать, и добро, которое вы дарите своей сестре так же, как другим, может только вернуться к вам самому. И во имя всего, что было нам дорого и что еще не умерло, сделайте ради меня! — Бог мой, каким счастьем было бы для меня, если бы я должна была действовать в вашу пользу, и какое тройное счастие, если я от вас получу благодеяние милости. Дорогой друг, мое сердце слишком переполнено и сокрушено. Мой маленький больной зовет меня, прощайте. Получили ли вы письмо, которое я написала для мадам Фонвизиной и два почтой? (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 5—5 об.
Печатается по автографу.

148. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, 4 мая 1826[1]

Два прощальных слова, милая Дуняша. Дня через три сажусь на корабль и еду в Копенгаген. Оттуда в Гамбург, из Гамбурга в Эмс: отыскивать здоровье. Приехав на место, напишу к вам. Теперь простите. Писать много некогда. Благословите странника. Целую всех вас мысленно. А в Москву к вам приеду нарочно для вас. Это будет веселее.

4 мая. Ваш Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 48.
Впервые опубликовано: РБ. С. 99—100.
Печатается по копии.

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о поездке Жуковского на лечение в Германию, куда он отплыл 12 мая 1826 г.

149. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, в первых числах мая 1826[1]

Милая Дуняша! Я еду через три дня за границу[2]: вот мой ответ на письмо ваше, полученное мною через г. Погодина[3]. Но если бы я и не ехал, то какой бы ответ мог сделать? Что я могу в таком деле, где обращают внимание на одни действия и где постороннему говорить нечего? Здесь ходатайство помочь не может. Суд, основанный на показаниях, должен произнести (приговор). Государь может только облегчить приговор суда; но судить будет не он. Теперь же еще ничто не приведено в ясность и никому ничто неизвестно. Одни слухи, а на слухах основываться невозможно. Как в таких обстоятельствах действовать? И что можно сделать, когда самое дело обвиняет. И какого ходатайства можете вы просить от меня? Что могу там, где никто ничего сделать не может? Если бы и время было действовать в пользу Б⟨атенькова⟩, то я ничего бы сделать не мог; но через 4 дня меня в Петерб⟨урге⟩ не будет. Мне очень больно сказать вам это, но ни вам, ни Алекс⟨ею⟩ Андр⟨еевичу⟩ сюда ездить не должно — это будет совершенно бесполезно. — Простите. Зачем вы возлагаете на меня такое дело, которое, при малейшем вашем размышлении, вы должны бы найти совершенно для меня неприступным? Зачем даете мне печальную необходимость сказать вам: *ничего не могу для вас сделать*! В моем сердечном участии вам сомневаться не должно[4].

Простите. Всех вас обнимаю.

Ж.

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 1 мая 1826 года.

[2] *Я еду через три дня за границу…* — Жуковский выехал за границу 12 мая 1826 года В дневнике 1826 г. запись: «11 ⟨мая⟩. В пять часов на пароход. До парохода провожал Тургенев» (ПСС2. Т. 13. С. 246).

[3] *…вот мой ответ на письмо ваше, полученное мною через г. Погодина* — В. В. Погодин, см. примечание к письму 147.

[4] *В моем сердечном участии вам сомневаться не должно* — В письме от 19 июня 1826 года Авдотья Петровна писала мужу по поводу дела декабристов, в первую очередь Батенькова, и отношения к этому делу Жуковского: «За Жук⟨овского⟩ обнимаю тебя, о котором ты, не знаю отчего, крепко дурно стал думать, но за позволение сделать возможное его питомца. ⟨…⟩ Все эти дни я расстроена была печатным донесением следств⟨енной⟩ Комиссии. Оттого и в середу ничего не написала. Ему не спастись! Но даже по обвинению видно, что у него есть враги, которые его губят; везде слова и больше ничего. — Штейнгель мерзавец, кажется, он всех больше на него показывал. — Надобно иметь в готовности некоторую сумму, на всякий случай, авось ему пригодится! — Слава Богу! что мы дом не купили! — Нельзя прояснить, какое ужасное чувство потрясло душу, когда увидела имя его *печатное* и как! С тех пор, точно глядеть ни на кого не хочется, и как-то стыдно; хотя он невинен! точно невинен! Что он желал, того желать должен всякий благонамеренный человек. — Но я от *суда* ничего не надеюсь. Его хотят погубить! — Боже мой! Неужели для того сохранил его от 13 ран штыками, от смерти за Отечество! (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 12 об.).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 47—47 об.
Впервые опубликовано: РБ. С. 98—99.
Печатается по копии.

150. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

24 июля 1826[1]

Я предчувствовала ваше письмо, милый друг, за два дня до него получила я портрет Маши, он был для меня вестником доброй вести об вас. — За то и другое обнимаю вас. Благодаря здешним толкам, я очень об вас беспокоилась, и мое сердце *грызли мерзкие раки*. — Слава Богу, что вам лучше! Слава Богу, что вы скоро возвратитесь! Жаль, что не могу прибавить еще одного слова Богу! — а все оттого, что ваша биография не полна: сказавши, что в окт⟨ябре⟩ воротитесь в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨у⟩рг, надобно было дополнить: а в ноябре к моей сестре Дуняше. — Она, бедная, столько времени со мной не видалась, хотя *никто* столько меня не любит. — Но и вы, как боги Олимпа, тем даете счастие, кому его деть некуда.

Завтра Царь въезжает в Москву, — я увижу вашего воспитанника, и как бы рада была радоваться! Но строгое осуждение растерзало мое сердце; кругом меня отчаяние, стон; матери, жены, братья, все в жестокой скорби[2]. Не могу ничего вам сказать и о праздниках, вероятно, их будет довольно[3] — но не для всех. — Буду

---

[1] Дата устанавливается на основании информации о том, что «завтра царь въезжает в Москву», то есть речь идет о коронации императора в 1826 году. «16 июля 1826 года выехал из Царского Села император Николай I для священного коронования и 21-го прибыл в Петровский дворец ⟨…⟩ 25 июля происходил торжественный въезд императора в древнюю столицу» (Барсуков. Вып. 2. С. 33).

[2] *Но строгое осуждение растерзало мое сердце ⟨…⟩ матери, жены, братья, все в жестокой скорби* — Авдотья Петровна разделяет горе родственников осужденных декабристов. Ее письма мужу, А. А. Елагину, отправленные летом из Москвы, передают ее глубокое сочувствие декабристам. 22 июня 1826 г.: «Фон-Визина приехала третьего дня из СПб.: я ее еще не видала сама, увижу сегодня. Но слышала об многом. Между прочим об нашем. — Он очень строго содержан, в секретных казематах, и, говорят, ему худо. — Надобно ко всему готовиться. — Бурцов осужден на 2 года крепости, приговор тотчас исполнен, и жена, по просьбе ее, заключена с ним. — Ф⟨он⟩-В⟨изина⟩ приехала сюда за сынишком, которого отец хочет видеть, но как малютка нездоров, то она возвращается одна, чтобы разделить какую ни придется участь ему. — Ни о чем, кроме их, и думать не хочется ⟨…⟩ Черкасова хотя нет в донесении, но в списке подсудимых и он стоит, сестрам не надобно этого сказывать. Наш Б⟨атеньков⟩ стоит 27 по списку, но говорят, это ничего не доказывает; Ф⟨он⟩-В⟨изин⟩ 24, а он не под секретом и надеются его освобождения или по большей мере ссылки в деревню» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 13—14 с об.)

[3] *Не могу ничего вам сказать и о праздниках, вероятно, их будет довольно…* — А. П. Елагина писала мужу 22 июня 1826 года о предстоящих праздниках в Москве: «Сюда будет он 19е Июль, а коронация будет 6 Августа или же после 15го. Мария Ф⟨едоровна⟩ уехала на дачу, в деревню Сер⟨гея⟩ Мих⟨айловича⟩ Голицина; здесь разводы и учения, и когда я оправлюсь, поеду смотреть с детьми» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 14 об.). В письме 17 июля 1826 года Елагина уточняет: «18-е Государь приедет в Петровский дворец, 20, в грустный день Ильин, говорят, торжес-

ждать вашего возвращения. Нарисуйте окрестности Рейна, побольше рыцарских и разбойничьих замков, и ту долину, которая возвратила вам здоровье, я теперь рисую маленькими красками и ваши карандашные картины сделаю вам красками. — Я, ожидая вас, готовила вам кое-что: — Авось и удастся увидеться! Господь с вами. Обнимаю вас еще раз с неизменною дружбою.

Ваша Дуняша Елагина.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 7—7 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 110.
Печатается по автографу.

151. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1826[1]

Бесценный мой друг, еще одного прекрасного юношу рекомендую вашему вниманию: *Александр Иванович Кошелев*[2]. Служит в Иностр⟨анной⟩ Коллег⟨ии⟩, живет у вас в Петер⟨бурге⟩, занимается редакциею Английских газет для Императора, умен, мил, основательно учен, деятелен; — но все это не дает мне права на него, хоть вам, может быть, интересно; мое же право дружбы его с Ванюшей, уже шесть лет каждый день укрепляющейся. — Ему жить в Петербурге и не знать Жуковского, не быть отмечену им — такой же crime de légitime*, как мне бы прятать от вас детей моих. — Всякая ваша ласка Кошелеву отзовется в сердце Ванюши и в сердце его матери; позвольте ему бывать у вас; глядите на него благосклонными вашими глазами и вспоминайте нас, лаская его. — Если будете пенять на дружбу, ваше время отнимающую, пеняйте вместе и на славу свою и на сияние добра, в котором вы являетесь всем, кто любит добро и чувствовать умеет.

Пока обнимаю вас крепко. — Благодарю вас за письмо о Вагнере.

Перевод

* узаконенное злодеяние (*франц.*).

твенно в Москву, я с мелюзгой всей, Гонихманом, Максим⟨овичем⟩ отправлюсь к Облеуховой, которой уже о том замолвила словечко» (Там же, л. 30 об.).

[1] Датируется на основании упоминания об отъезде А. И. Кошелева на службу в Петербург, что произошло в сентябре 1826 г. (Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. 1. Кн. 2. М., 1889. С. 175).

[2] *...рекомендую вашему вниманию: Александр Иванович Кошелев* — А. И. Кошелев (1806—1883), общественный деятель, славянофил, друг И. В. Киреевского, служил в Архиве иностранной коллегии, в 1826 году — в Петербурге в экспедиции графа Лаваля, где готовил выписки для Императора из французских, английских и немецких газет; с 1828 года — в Главном управлении духовными делами иностранных исповеданий в России (под начальством Д. Н. Блудова).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 11.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 108.
Печатается по автографу.

152. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

16 октября 1826[1]

У вас давно ходили слухи о приезде Великого Князя и вы, вероятно, поджидали с ним и меня. Вот вам вместо меня письмецо. Эта поездка для нас была совершенным сюрпризом. И я, вероятно, был бы у вас, если бы Государь сам не назначил, кому ехать с Великим Князем; он определил даже число экипажей. Без приказания мне ехать нельзя, и я в одно время и жалею, что вас не увижу, и радуюсь, что мне ехать не дано приказания. Каково бы было приехать на пять дней и в эти пять дней с утра до вечера быть на скачке. Такого рода свидания мне не по сердцу. Может быть, зимой найду средство побывать у вас. Напишите мне, увидите ли вы моего Великого Князя и как он вам покажется и что скажет о нем Москва. Обнимаю вас и ваших.

16 октября Жуковский.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Искусство. М., 1923, № 1. С. 331—332 (*Из архива И. Л. Поливанова*).
Печатается по первой публикации.

153. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2-го января 1827 — 11-го января 1827[2]

Жуковский! бесценный брат! друг! Вас не удивит письмо мое: бывало у вас и из гробов говорили и весело бывало на душе с вашими мертвецами. — Я так же *ваша мертвая,* жестоким молчанием, далью, горем, разлукою, забвеньем — и всеми прочими, с могилою сопряженными удобностями, убитая. И сколько же надежд моих похоронили вы со мною!! Эту радость увидеться с вами во время

[1] «Письмо написано на полулисте почтовой бумаги большого формата (без водяных знаков). Хотя нет в нем именного обращения, но пишется оно в Москву (из Петербурга), общий характер письма и в особенности его последние слова: «Обнимаю вас и ваших» свидетельствуют об отношениях близких, родственных и вряд ли будет ошибкой предположить, что это письмо обращено к А. П. Елагиной. Восполнить недостаток даты в годе едва ли возможно, если иметь в виду, что за все время обучения В. Князя Жуковским В. Князь бывал в Москве не раз. Одно ясно, что та поездка, о которой идет речь в письме, не относится к поездкам Александра Николаевича в 1831 г. и в 1837 г. (Бычков. Описание бум. Жук. Дневники), в которых участие Жуковский принял (с. 332)» (Комментарий // Искусство, 1923, № 1, С. 332).

[2] Датируется на основании указания Авдотьи Петровны, что письмо писалось 2-го и 11-го января 1827 года.

коронации, пожить опять вместе, оживить соединенным горем столько невозвратного! — Эти мечты об моем Ванюше!! — Пока я это пишу, пока проходят предо мной все эти ожиданья, волненья, надежды, так недавно еще тревожившие сердце, мне самой становится страшно почти как от привидений! Жуковский! Неужели ничего не воскреснет? Неужели в жизни моей должны быть только лишения? Вся любовь моя только скорбь? — Поправилось ли ваше здоровье? Гораздо ли вам лучше? — Воротитесь ли вы? — С тех пор, как я получила в последнем письме ваше обещание, что вы приедете нарочно в Москву, в вознаграждение за целый десяток лет отчуждения, пожить с вашею сестрою — знаете ли, какой еще передел послан мне Богом? Не понимаю, где сердце берет столько сил, чтобы любить так сильно: беспрестанные терзания давно должны бы уничтожить всякую любовь. В начале октября бедный муж мой вдруг сильно занемог, кажется, у него делался нервный удар. Без всякой прежней болезни он вдруг упал и не поднимал еще головы с подушки; боль в голове, чрезвычайное нервное расслабление, совершенная невозможность обратить на что-нибудь внимание — вот 4-й месяц в каком он положении. От горя, беспокойства и многих ночей без сна, Ванюша, и без того слабый, другой месяц лежит также в постели: кашель, пот и боль грудная опять возобновились. Вы поверите, Жуковский, когда скажу вам, что даже и к вам рука не подымалась писать. Беспокойство так сжало душу, что я не искала другой отрады, кроме лекарств, которые они глотали.

Ночью ждешь дня, надеясь от него облегчения; днем обрадуешься слезам, которых выманит свидание с меньшими детьми. К этому приложите долги, которые я должна теперь делать, не имея возможности с кем-нибудь посоветоваться и совершенно на другой год без денег. — Вяземский прислал ко мне вчера взять копию, которую мне дала Маша ваших писем о *Швейцарии,* чтобы их *по вашему приказу* напечатать в Телеграфе[1]. — Я отдала их ему, хотя от вас не имела ни строки, но считаю, что он слишком к вам привязан, чтобы против вашего желания в этом случае действовать. — Отдавая их, перечла многое, попались и другие письма, в прежнее время писанные,— вся душа всколыхнулась! Горя теперешнего и прежнего счастия не в силах удержать в одно время на сердце, переполненное по неволе выльется: мне сделалось необходимо хоть крошечку отделить вам, тем более, что вы не зная и не хотя, меня поддерживаете. — Я часто вижу вас во сне — здорового, ласкового, прежнего друга и — проснувшись, знаю, что в этот день или Ванюше или Елагину будет хуже, и что эти два часа отдыха души посланы ей для подкрепления в предстоящем. Но, Господи! неужели ничего, кроме мечты?

Сегодня 11-го января: письмо мое не было послано, потому что не допрошусь вашего адреса. Я рада, что прибавлю несколько слов, все-таки какое-нибудь *вместе*! Милый друг, не покидайте меня так жестоко. На что лопнуть такому сердцу,

[1] *Вяземский прислал ко мне вчера взять копию 〈…〉 писем о Швейцарии, чтобы их по вашему приказу напечатать в «Московском Телеграфе»* — Фрагмент письма 1821 г. из Дрездена под названием «Отрывок из письма о Саксонии» был напечатан в «Московском телеграфе» за 1827 г. (№ 6. С. 114—124).

которое так неизменно-бестолково к вам святейшею любовью? Не хочу сказать *дружбою*, потому только, что она предполагает все-таки взаимность, а я так одна! С самой кончины Маши, столько скорби накопилось на душе, столько любви сжалось в ней,— и все так же безответно, как ее могила. — Получили ли вы одно письмо в Богемии, где я вас благодарила за ее портрет? — Два дня тому назад приехал сюда Азбукин с Дунечкой; ей уже 11 лет и точная Катоша. — Сестра Анета весела, довольна судьбою и поселилась в Одессе, где построила себе прекр⟨асный⟩ дом и след⟨овательно⟩, вряд ли с нею увижусь. Сказать вам надобно еще о нашем воспитаннике[1]: он в июне явился сюда, собираясь по приговору его семьи и вашему (как он уверял) ехать служить в Грузию; меня очень удивило, что из Саратова он пустился в Москву, но он говорил, что вы сюда велели ему *заехать* к Перовскому[2]. — Перовского на тот раз не случилось, а ваш Павел был здесь без платья и без гроша. Я дала ему на обмундирование 300 ру⟨блей⟩. — И это с моей стороны была глупость, потому сделанная, что муж был в деревне. Он сам бы сделал и купил бы все нужное, а Павел промотал эти деньги самым бестолковым манером в 2 недели и купил себе только подгалстушник. — Потом я нашла офицера по казенной надобности, ехавшего в Грузию, с ним отправила Павла, дала ему опять 300 и написала к Вельяминову[3], который его принял, определил в 41 Егерский полк и отвечал мне как нельзя любезнее, отсылая меня к нашей молодости. — От Павла же до сих пор ни слова. Всё это пишу вам для того, что вам надобно самому поручить кому-нибудь Павла в Грузии: на иждивение своего разума он не проживет. Напишите к Ал⟨ексею⟩ Вельяминову; или не знаете еще кого, кто бы об нем позаботился. — Дай Бог вам в *другом* больше успеха! — Ах, Жуковский, когда мы увидимся? — Напишите, долго ли вы еще в Россию не вернетесь? Ждать ли вас или выслать моего Ивана? Бог с вами! Обнимаю вас: дети все то же.

Первое слово к вам: авось, от него выздоровлю? (это пишет Елагин). За ним присоединяется Азбукин с уверенностью, что на чужой стороне Отечества и дым вам сладок и приятен[4].

Ежели вам можно будет привезти «Бруно» Шеллинга, «Philosophie und Religions»[*5] его же, то одолжите этим моих больных, здесь нельзя достать — Тургеневым кланяюсь: теперь они с вами, следовательно, я опять к ним близка. Ежели

---

[1] *Сказать вам надобно еще о нашем воспитаннике…* — Речь идет о Павле Андреевиче Жуковском, сыне Андрея Григорьевича Жуковского, крестного отца поэта.

[2] *…вы сюда велели ему заехать к Перовскому* — Василий Алексеевич Перовский (1795—1857), граф, флигель-адъютант, директор канцелярии Морского штаба, генерал-адъютант, в 1833—1842 гг. оренбургский военный губернатор.

[3] *...дала ему 300 и написала Вельяминову…* — Алексей Александрович Вельяминов (1765—1838), генерал, бывший начальник штаба Кавказского корпуса.

[4] *…на чужой стороне Отечества дым вам сладок и приятен* — Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

[5] *Ежели вам можно будет привезти Бруно Шеллинга «Philosophie und Religions»…* — Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (Schelling Fridrich Wilhelm Joseph von, 1775—1854), немецкий философ.

вы слишком заленитесь, то прошу которого-нибудь из них сжалиться над моею душою и об вас писать.

Перевод

* «Философия и религия» (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 2 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 112—113.
Печатается по автографу.

154. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Дрезден 7—19 февраля 1827[1]

Милая Дуняша! Письмо ваше было мне подарком в день моего рождения. Я получил его в самый этот день. Но этот подарок грустный[2]. Не умею сказать вам, бесценная сестра, неизменный, верный друг, как мне тягостно ваше положение. Какое новое бремя легло на ваше сердце. Видно, ему назначено пройти сквозь все опыты здешнего света, чтоб приобрести возможное совершенство, хотя оно и создано лучшим, нежнейшим, хотя и можно его назвать живым, никогда не иссякающим источником доброго и возвышенного. Хотя по своему обыкновенно и побраниваете вы меня за мое долгое молчание, но я уверен, что вы, по-прежнему, знаете, что мы друг для друга все те же. Что была бы жизнь и какую цель могла бы иметь она, когда бы можно было так перемениться, и становиться равнодушным к тому, что было всегда драгоценнейшим сердцу и его достойным. Это значило бы падать; а живучи надобно все подниматься. Нет! я в этом смысле не упал — иначе на что было бы и жить. Ведь мы здесь не для того, чтобы только дышать. Лучшее наше добро есть наше сердце и его чистые чувства. Мои всегда со мною. Следовательно, мое сердце ваше всегда по-старому. Обстоятельства могут меняться, письма могут не писаться (и это я называю несчастием, ибо сам себя лишаешь великого блага: делиться чувством и мыслью со своими товарищами), но все мысль, что мы живем и живем для одного, хотя разным образом, есть главная наша драгоценность, которой нас лишить ничто не может. Это вы знаете. Но все хорошо бы, когда бы я почаще писал к вам, это было бы мне истинным добром. Но та беда, что, для того чтобы приняться за письмо, надобно отложить свою главную работу, и это всегда причиною, что я откладываю и таким образом всегда накопляется множество писем, которые составляют уже особенное занятие, и я принужден писать наскоро. Работы же своей у меня пропасть. На руках моих важное дело[3]. Мне не только надо-

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 2—11 января 1827 года.

[2] *Но этот подарок грустный* — Елагина сообщала о болезни мужа, Алексея Андреевича, сына, о проблемах с воспитанником Жуковского — Павлом.

[3] *На руках моих важное дело* — Воспитание Великого князя Александра Николаевича.

бно учить, но и самому учиться, так что не имею права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое. Если бы вы видели, чем я занят и как много объемлет круг моих занятий и как он должен будет беспрестанно распространяться, то иногда и простили бы мне мою эпистолярную лень. Скажу вам несколько слов о том, что теперь со мной делается. Во-первых, мое здоровье поправилось, благодаря водам Эмским и спокойной, порядочной Дрезденской жизни. Я в Дрездене с сентября месяца и пробуду здесь до конца марта[1]. Не воображайте, чтобы я здесь жил для рассеяния и только что пользовался веселым farniente[*]. Напротив, здесь я был беспрестанно занят своими приготовлениями к будущему. По плану учения В⟨еликого⟩ К⟨нязя⟩, мною сделанному, все главное лежит на мне. Все его лекции должны сходиться в моей, которая есть для всех пункт соединения; другие учителя должны быть только дополнителями и репетиторами[2]. Можете из этого заключить, сколько мне нужно приготовиться, чтобы лекции могли идти без всякой остановки. С этой стороны болезнь моя есть для меня благодеяние. Она дала мне целых шесть месяцев свободных, и я провел их в совершенном уединении, забыв, что я в чужой земле, где много любопытного можно видеть, и посвятив все свои мысли одной главной, около которой вся деятельность моя вертится. И теперь это решено на весь остаток жизни. У меня в душе одна мысль, все остальное только в отношении к этой царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная моя деятельность считается только с той минуты, в которую я вошел в тот круг, в котором теперь заключен. Прежде моя жизнь была dans le vague[**], теперь я знаю, к чему ведет она. Поэзия меня не покинула, хотя я и перестал писать стихи, хотя мои занятия и могут со стороны показаться механическими. Есть в душе какая-то полнота, которая животворит ее. Я мог бы назвать себя счастливым (ибо никакого положения в свете не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойным меня), но для счастья нужно не одно свое. Но и счастью я давно дал другое имя, я называю его *должность*. Под этим именем оно всегда сильно против судьбы. — Далее: я поеду из Дрездена в Берлин[3], где проведу месяц для покупки немецких книг моему В⟨еликому⟩ К⟨нязю⟩. В конце апреля отправлюсь в Париж, также для покупки французских книг и в то же время, чтобы сказать самому себе — я видел

---

[1] В Дрезден Жуковский приехал 29 агуста 1826 августа, а выехал 14 апреля 1827 г.

[2] *По плану учения В⟨еликого⟩ К⟨нязя⟩ ⟨…⟩ учителя должны быть только дополнителями и репетиторами* — «В плане учения великого князя Александра Николаевича, составленном Жуковским в 1826 году, между прочим, было сказано, что надзиратель за учением великого князя (т. е. сам Жуковский) «наблюдает, чтобы учители, каждый про своей части, для сохранения полноты и единства в учении, совершенно сообразовались с его планом…Он присутствует при главных уроках, он служит репетитором великому князю, то есть учится с ним вместе и помогает ему преподаваемое учителями обращать в свою собственность…В третьем периоде: он вместе с великим князем составляет обозрение всего пройденного во втором периоде, то есть помогает ему подвесть итог под суммы, собранные во все годы учения» (см. Сочинения Жуковского, 8-е изд., т. VI, СПб., 1885, с. 342—343» (Примечания И. А. Бычкова. РБ. С. 103).

[3] *…я поеду из Дрездена в Берлин…* — Из Дрездена Жуковский выехал в Лейпциг, где оставался до 27 апреля.

Париж. К началу июня опять буду в Эмсе, чтобы довершить мое излечение: надеюсь на доброхотную Эмскую Наяду[1]: она не откажет мне в той милости, которую уже раз так щедро мне оказала. В конце августа буду в Петербурге[2]. А когда в Москву? на это нельзя отвечать решительно. Знаю только то, что воспользуюсь первою возможностью, чтобы вздохнуть подле вас на свободе.

Благодарю вас, милая, за ваше попечение о Павле[3]. Вы сделали для него то, чего лучше придумать нельзя. Поручили его человеку надежному. Алексей А⟨лександрович⟩ Вельяминов умный и благородный человек[4]. Он поставит его на дорогу; но плоха надежда. Он ни по какой дороге идти уметь не будет. Я хотел сперва[5] записать его в гвардию. Но, к счастию, отложил, и в это время он умел сделать такую проказу, из которой я увидел, что в Петербурге ему оставаться нельзя. Тамошняя жизнь не по его уму и не по моим средствам. Я решился давать ему от себя помощь; служба же в армии будет ему учителем. Теперь, слава Богу и благодаря вам, он пристроен. Я пишу от себя к Вельяминову. Он будет об нем заботиться. В Москве же он был, точно, по моему назначению; я хотел, чтобы он, повидавшись с матерью, вошел в службу, и поручил Перовскому[6] об помещении его заботиться. Все вышло иначе и, кажется, не к худшему. Прошу вас доставить мое письмо к Вельяминову. Благодарю вас за кредит. Пишу в Петербург, чтобы вам деньги были доставлены. Не знаю, однако, будут ли там еще мои деньги; если нет, то возвращу вам тотчас по моем приезде. Прошу вас доставить мне ответ Вельяминова. Так как вам нельзя будет получить его прежде исхода марта, то всего вернее будет его послать в июне в Эмс poste restante***, ибо в интервале буду разъезжать между Берлином и Парижем. — Ванюшу и Петрушу и Машу, и незнакомцев целую[7]. Шеллинга не куплю, ибо не хочу брать на свою душу таких занятий Ванюши[8], которых оправдать не могу. Я из нашего с ним свидания в Петербурге заметил, что он ударился в такую метафизику, которая только что мутит ум. Шеллинга в Германии

---

[1] *...надеюсь на доброхотную Эмскую Наяду...* — Речь идет об эмских лечебных водах. Наяды в греч. мифологии — нимфы источников, прудов, озер.

[2] *В конце августа буду в Петербурге* — Жуковский вернулся в половине октября 1827 года (ПЖТ. С. 222—223).

[3] *Благодарю вас, милая, за ваше попечение о Павле* — Питомец В. А. Жуковского, сын его крестного отца, Андрея Григорьевича Жуковского, Павел Андреевич Жуковский (см. примечание к письму 140).

[4] *Алексей А⟨лександрович⟩ Вельяминов умный и благородный человек* — А. А. Вельяминов, см. примечание к письму 154.

[5] Здесь обрывается автограф и публикация далее сверяется по копии.

[6] *...вошел в службу и поручил Перовскому...* — Василий Алексеевич Перовский, см. примечание к письму 153.

[7] *Ванюшу и Петрушу и Машу и незнакомцев целую* — Ванюша, Петруша и Маша Киреевские; «незнакомцы» — Василий, Николай, Андрей, Елизавета Елагины, с которыми Жуковский еще не встречался.

[8] *...не хочу брать на душу таких занятий Ванюши...* — И. В. Киреевского, который, как известно, увлекался тогда немецкою философией, в особенности знаменитым Шеллингом, и был членом философского кружка, собиравшегося у князя В. Ф. Одоевского.

не понимают. Он же теперь сам готовит книгу, которая должна служить объяснением и определением его системы. Следственно, надобно подождать, когда она выйдет в свет. Я не враг метафизики. Знаю цену высоких занятий ума. Но не хочу, чтоб ум жил в облаках. Не хочу, чтобы он и ползал по земле. И то и другое место никуда не годятся. Надобен свет ясный. Советовал бы Ване познакомиться с английскими философами. Пускай читатет Дугальда Стуарта, Фергусона, Смита[1]. Их свет озаряет жизнь и возвышает душу. Одним словом, не ждите от меня Шеллинга.

Меня живо тронула приписка ваша, мой дорогой Алексей Андреевич. Дай Бог, чтобы то, что вы написали, исполнилось. Знать вас в таком положении есть и для меня, право, болезнь. Напишите несколько строк более утешительных. Вы ими обрадуете любящую вас душу.

Если Азбукин еще с вами, то обнимите его. Как бы рад был увидеть Дуничку. Все это выросло и мне незнакомо. Азбукину я должен за Максима. Возвратясь в Петербург, попрошу его дать мне об нем весть и расквитаюсь с ним по-братски. Он все такой же лентяй, как был, и написал ко мне только полстроки.

Пошлите мой поцелуй Анете. Целую вас.

Жуковский.

Перевод

* ничегонеделание (*франц.*).
** как в тумане (*франц.*).
*** до востребования (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 3—3 об. (*со слов: «записать его в гвардию» до конца письма*)
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 49—52 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 44—46, а также РБ, С. 100—103.
Печатается по автографу.

155. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 марта 1827-го Москва[2]

Бесценный друг, ваше письмо *взгляд на небо из тюрьмы*; одно от вас дружеское слово возвращает мне много прежнего, за чем уж я и в мечтах не гонюсь, предавшись совершенно горестям и заботам *моего служения*. — Несравненный мой Жуковский! Я верю возвышенности вашего сердца, *след*⟨*ственно*⟩ и его неизменности в дружбе: но эта вера хранится, как и вера в Божеское Провиденье, в моей одной душе, без ответа, без отголоска, и только по моему непременному

[1] *Пускай читает Дугальда Стуарта, Фергусона, Смита* — (Stewart Dugald, 1753—1816, Ferguson Adam, 1723—1816, Smith Adam, 1723—1790) — шотландские философы.

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 7—18 февраля 1827 года.

желанию верить. — Не пеняйте мне, что хочется иногда утешения; мне иногда так тяжело, что не знаешь, куда деться, чтобы сколько-нибудь укрепить душу: могила моей Маши не отворяется! — Если бы вы могли вообразить мою жизнь, то, конечно, постарались бы, хотя немного, облегчить мое испытание, но я надеюсь, malgré la violence de la torture, que je pourrai la supporter jusqu'à la fin, et être quittée de tout à sa mort* — Мне весело было видеть, что вы *Ванюше* не хотите купить Бруно Шелл⟨инга⟩. — Друг мой, не забудьте, что когда-нибудь в нем придется вам любить меня, и что его неопытная, но ищущая добра высокого душа способна понять вашу и быть вами любима. — Дай Бог, чтобы его здоровье поправилось вместе с вашим; теперь пока худо мне на них глядеть: Ванюша тает, а Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ нисколько не поправляется, все еще без обморока не может поднять головы, и хотя в совершенной памяти, но заняться ничем не может. Бруно и Philos⟨ophie⟩ und Religion** просил он, а не Иван; он надеется, выздоровев, опять заняться Шелл⟨инговой⟩ Метафизикой, в которую он до болезни совсем погрузился, и просит вас сюда прислать тех Немцев, которые Шеллинга не понимают: мы, дескать, их поучим. —

Сегодня получила от вас деньги и на днях перешлю 400 к Вельяминову. — Признаюсь, милый, мне не совсем была приятна ваша поспешность *платить мне*: — Я рассказала вам все о Павле, потому что надобно же вам это знать; но когда без поручения вашего, без советов Перовского, я отправила его, бывши со многими хорошо знакома, в Грузию, то я надеялась просто, что вам это будет приятно, потому что ему там *лучше*. Он теперь офицер, и пока там Ерм⟨олов⟩ и Вел⟨икий⟩ Кн⟨язь⟩, я ручаюсь, что ему ни шалить, ни дурно вести себя не дадут. Ежели же вам в *чужих* краях будет недостаток в деньгах, то мне обидно будет очень, и буду винить свою откровенность.

Нам обещают сюда двор в мае; — как желала бы, хотя ненадолго сблизиться с вами! У вас великое дело на руках, если бы вам удалось довершить его, благословляла бы вас Россия своим благоденствием! Берегите ваше здоровье, чтобы оно не отвлекало вас от занятия, которого достойна ваша душа.

Что вы ни слова не скажете мне о Тургеневых? Кланяйтесь им обоим, ведь они по вас всегда будут мне свои. Анет⟨та⟩ вас обнимает, она пресчастливо поживает в Одессе, Азбу⟨кин⟩ уехал опять в деревню, вы за Максима ему не должны, ибо он давно уже у других живет.

Прощайте, милый брат! Господь с вами во всех ваших движениях и мыслях! Мои все вас обнимают, незнакомый вам Василий страстно желает вас видеть, гордится, что вы его крестный отец, и краснеет, когда думает о свидании с вами, остальная мелюзга не смыслит еще даже и то, что бедный отец их не может их видеть. Он гораздо слабее и едва говорит: поручает мне однако просить вас, чтобы вы из Парижа привезли мне масляных кисточек работы d'Agneau, для миниатюрной масляной живописи; des brosses, — pour des grandes miniatures***, — но это вы может en toute sureté de conscience****, забыть, ибо это для меня и пишу только по его приказу.

Перевод

* несмотря на жестокость пытки, я бы не смогла вынести ее до конца и быть покинутой всеми до самой смерти (*франц*.).

** Философия и религия (*нем*.).

*** кисточки для больших миниатюр (*франц*.).

**** со спокойной совестью (*франц*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 114—116.
Печатается по автографу.

156. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

14 / 26 апреля 1827. Дрезден

Доверенность Авдотье Петровне Елагиной.

Я остался должен подательнице сего письма Генеральше Пушкиной[1] большую сумму дружбы, и эта сумма так велика, что одних процентов ее нельзя выплатить во всю жизнь. Поручаю Авдотье Петровне Елагиной, у которой хранится один из самых значительных моих капиталов, быть за меня плательщицею и воздать Госпоже Генеральше из общей нашей суммы чем больше, тем лучше.

Жуковский.
Дрезден 14 / 26 апреля 1827

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 53.
Впервые опубликовано: РА, 1907, Кн. I, С. 77.
Печатается по автографу.

157. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

До 17 ноября 1827[2]

Бесценный друг! письмо ваше по обыкновению облито было горячими слезами любви, но ждала *вас*! Я надеялась, что после такой долгой разлуки и ваша

[1] *Я остался должен подательнице сего письма Генеральше Пушкиной…* — Елена Григорьевна Пушкина (урожд. Воейкова, в первом браке Немцова, 1778—1833), вдова московского актера-любителя, острослова Алексея Михайловича Пушкина (1771—1825), приятельница Жуковского. В письме к А. И. Тургеневу в 1833 году он писал из Веве: «Там [в Дрездене] был под боком театр и семейство Пушкиных, а здесь одно Женевское озеро 〈…〉» (ПЖТ. С. 270). «Когда она в 1827 году возвращалась в Москву, Жуковский снабдил ее следующим письмом» (Примечание П. И. Бартенева. РА, 1907, Кн. I, С. 77).

[2] Датируется как ответ на несохранившееся письмо Жуковского, которое было отправлено после возвращения поэта из-за границы т. е. после октября, но до 17 ноября 1827 года, когда Жуковский напишет ответ на это письмо.

душа почувствует хоть половину того неизъяснимого Júgendlich*, по сердцу родного друга, которое мучает меня так беспрестанно. Если бы имела возможность, без всяких слов прилетела бы к вам, порадоваться вашему выздоровлению, вашему великому делу, которое вы работаете с такой вдохновительной любовью; но нужды большой семьи отнимают даже возможность мечтать о таком счастии. — Молиться о вас? Моя беспрестанная о вас молитва соединена тесно с верою крепкою, что вы одни и никто кроме вас не может достойнее и лучше совершить вашего высокого назначения, просьба же к Богу об одной только *здоровой долгой жизни*. Душа моя! когда я вас обниму? Вы один для меня представитель всего, чем прежде жила душа. Катя, бесценный ребенок, не может и не должна говорить нам об нашей утрате[1]. Ее новая жизнь не должна помрачаться воспоминанием! Пускай для нее цветет даже и могила ее матери. — Но скорбь об моей Маше, любовь к Маше, вы одни можете со мной разделить, для всех других это чувство, не покидающее сердце, должно быть неприкосновенно. Увижу ли я вас? — Я иногда как сумасшедшая выпрашиваю этого Бога. Жуковский, бесценный брат, у меня много горестей и разного роду и формату, но чувствуете ли вы, какую отраду одна моя привязанность к вам мне дает? — Что же сказать мне об вашей?

Надобно мне поговорить с вами о деле: ведь надо же когда-нибудь разделить вам то, что тормошит мне сердце. Государю угодно требовать из служащих молодых людей по Университету 7 человек отличных для того, чтобы отдать их на два года сперва в Дерпт, потом в чужие края на 2 же года, летом определить на 12 лет в профессоры, куда ему угодно будет назначить. — Один из этих молодых людей, положим, что это Ванюша, знает хорошо по Немецки, Фран⟨цузски⟩, Латыни, Греч⟨ески⟩, Италь⟨янски⟩ — перевел Гете *Эгмонта* и *Вертера* 2 года тому назад, как только мог бы сам Гете, Heeren'а как бы сам Heeren[2]. — С отличными способностями соединяет отличную скромность и отличные несчастия. Он дорог мне как лучший мой сын и страшно за него, видя его достоинства, лучшую молодость отдать на произвол другим. — Узнайте и скажите мне, можно ли 1 год, напр⟨имер⟩, провести в Дерпте или выдержать там хоть экзамен? — и где позволено будет учиться в чужих краях? — Человеку, желающему посвятить себя *изящным наукам и художествам*, дана ли будет свобода быть в Италии, Риме, Флор⟨енции⟩ — и вез-

[1] *Катя, бесценный ребенок, не может и не должна говорить нам об нашей утрате* — Речь идет о Кате Мойер, дочери умершей М. А. Протасовой-Мойер.

[2] *...как бы сам Heeren* — Арнольд Герман, Людвиг Герен (Heeren Arnold, Hermann Ludwig, 1760—1842), профессор истории и философии в Геттингенском университете. Идеи Герена о необходимости изучения торговли и хозяйства древних народов для понимания их государственного строя и гражданского быта, разработка теории и истории возникновения и развития европейской политической системы вызывали большой интерес у любомудров. В библиотеке Жуковского хранится несколько изданий сочинений Герена (Описание. № 1256—1258), в том числе с многочисленными пометками поэта в Historirische Werke. T. 1—14. Göttingen, 1821—1826 (Описание. № 1257). О чтении исторических трудов Герена Жуковским см. подробнее: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 124—130.

де, куда дух его помчит, или ограничено будет путешествие одним назначенным Универ⟨ситетом⟩ и Профессором? — Блудов вам это объяснить может[1], и вы можете меня успокоить и решить нашу участь. — Не сердитесь, что я вас этим беспокою, тут столько моего будущего, сколько может вместить душа без прошедшего, а ваши хлопоты все заключаются в часе искреннего разговора с распорядителем этого; и потом четверть часа болтанья со мною. — Этим последним вы и без того обязаны не скупиться, ибо больше же мешать я вам не буду, если сама в персоне являюсь на вас посмотреть и всякой всячиной тормошить.

Муж сердится на вас за Шеллинга; помилуйте, что за нетерпимость? — Он стал поздоровее, хоть следы долговременной его болезни на всех на нас резко видимы, особливо на Ванюше, которого здоровье с тех пор еще ослабело, —

Я к вам в Эмс послала письма от Ал⟨ексея⟩ Вельяминова, вы об нем не говорите ни слова. — Деньги Павловы отданы его полковнику, и на днях привезут о том расписку. —

Простите, обнимаю вас. — Вы спрашиваете, навсегда ли в Москве живу? — Мы купили дом у Красных ворот; — но долго ли поживем и как живем и живу ли я — ах, Жуковский, много бы вам спрашивать нужно.

Бог с вами, душа моя.

Перевод

* юношеского (*нем.*).

Автограф РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 5—6 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 11.
Печатается по автографу.

158. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

СПб. 17 ноября 1827[2]

Милая Дуняша, спешу отвечать на ваше письмо. Немедленно по получении его отправился к Блудову, чтобы узнать обстоятельства дела. Вот в чем оно состоит. По предложению профессора Паррота[3] назначено выбрать из *Университетов* нескольких отличных студентов для образования из них профессоров. Они должны несколько времени учиться в Дерптском ун⟨иверситете⟩ и несколько времени в одном из ун⟨иверситетов⟩ чужестранных. Для того, чтобы по возвращении в Россию занять профессорские кафедры и быть профессорами не менее

---

[1] *Блудов вам это объяснить может…* — Д. Н. Блудов в 1827 году занимал пост товарища министра просвещения.

[2] Датируется как ответ на письмо Елагиной от октября—ноября 1827 года.

[3] *По предложению профессора Паррота…* — Георг Фридрих Паррот (1767—1852), профессор физики, ректор Дерптского унивеситета.

12 лет. Вы видите цель. Это не просто пособие. России нужны профессоры. Кто будет послан в Дерпт и чужие края на счет правительства, тот должен будет заплатить профессорством двенадцатилетним. Цель общеполезная; план прекрасный. Но с вашим желанием может ли он быть согласен? Если Ванюша хочет быть профессором — (что NB я бы счел весьма достойным его, ибо у нас праздных служителей коллегий и канцелярий довольно, а хороших профессоров мало; хороший же профессор непосредственно действует в пользу отечества), — то есть возможность стараться, чтобы он включен был в число избранных. Деятельность открылась бы для него прекрасная, благородная, общеполезная и совершенно независимая. Если же профессорство ему не по нраву, то здесь и добиваться нечего; нельзя ни о чем просить. Как сказать: «Вы посылаете в чужие края для того, чтобы посланный был профессором! Вот вам для этого человек, только знайте наперед, что он профессором быть не намерен!» Начисто откажут, и нельзя иначе. И так размыслите сами и отвечайте. Я рад буду хлопотать, но только в таком случае, когда буду иметь повод. Здесь этого повода нет, и хлопоты будут напрасны; их даже и предпринять невозможно. — Здесь Зонтаг![1] Милое, прямодушное, привлекательное создание! Слава Богу! Хотя одному творению из нашего прежнего света удалось найти, что ему надобно. Анета наша должна быть счастлива. — Да это и дышит из всех ее писем. Вы пишете о переводах Ванюши. Я ни одного не читал. Не стыдно ли вам не поделиться со мною. Я бы очень был рад, когда бы он занялся переводами книг классических. Ему столько литератур открыто. Перевести бы все, что можно, из Герена[2]; всемирную историю Иоанна Миллера; выбор из переписки Миллера[3]; лучшее из философских сочинений Якоби[4]. А с английского? Какая богатая жатва! Дюгальд Стюарт — это не Шеллинг. Для нас еще небесная и несколько облачная философия Немцев далека. — Надобно думать о той пище, которую русский желудок переварить может. Хорошо бы сделала наша литературная молодежь, когда бы составила общество переводчиков классического на древних и новых языках; но такого, что теперь может быть полезно. Из *теперь* родится *потом*. Простите, милая. Обнимите ваших и моих.

17 ноября.
Жуковский.

---

[1] *...здесь Зонтаг!* — Е. В. Зонтаг, см. примечание к письму 75.

[2] *...можно из Герена...* — В библиотеке Жуковского имеется издание: Heerens über die Polinik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt. Göttingen, 1804 (Описание. № 1256).

[3] *...всемирную историю из Иоанна Миллера; выбор из переписки Миллера...* — Иоганн Миллер (Müller Yohannes von, 1752—1809), знаменитый швейцарский историк. В молодости Жуковский переводил несколько писем Миллера к его другу Карлу Бонстетену (см. «Вестник Европы», 1810, № 16. С. 263—285).

[4] *...лучшее из философических сочинений Якоби* — Якоби Фридрих Генрих (Jacobi Fridrich Heinrich, 1743—1819), философ, активно полемизировавший с Фихте, Кантом и Шеллингом.

Означьте мне хорошенько ваш адрес. Что за ветреность! У меня пропал ваш фонарь[1]; велите вырезать другой.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. ф. 286, оп. 2, № 442, л. 54—55 с оборотами.
Впервые опубликовано: РБ, С. 104—105.
Печатается по копии.

159. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

24 ноября 1827[2]

Что с вами сделалось, милая душа моя? Письмо ваше не только меня не обрадовало, но еще и рассердило. Можно ли с такой ветренностью со мной обходиться? Вы или не захотели понять слов моих, или просто все пропустили. — Перечитайте письмо мое, ежели оно еще не летает с ветрами, и вы увидите, что (несмотря на материнскую гордость, с которой говорила) не о том дело шло, чтобы Ванюшу перевести в университет; — я просила вас, нельзя ли *избранному* уже университетом, в Дрездене, в Италии окончить курс своего учения, а не в Дерпте, не в Берлине и Париже; свободно и независимо, как необходимо для посвятившего себя наукам и искусствам, и несмотря на пособие правительства, *без надзора полицейского чиновника*, сказавши вам достоинства этого молодого человека, и то, что он *сын моего сердца*, считала я, что этим он больше права будет иметь на ваше, нежели тогда, когда бы я изложила все прозаические его титулы на сем свете. — Что вам толку знать, что его зовут не Ванюша, а Николай Матвеевич Рожалин[3], что он сын такого-то, дескать, Статского Советника того же имени (и немножко вашей Дуняши), что он кандидат Московского Университета, и сей час будет Магистер, что в нем росту — виновата, не знаю сколько вершков! — *а без веpшков* описание все-таки не будет прозой! — Неужели для вас недовольно знать, что ваши хлопоты об нем также для меня будут дороги, как то, что вы могли бы сделать для Ванюши? От профессорства мы не отказываемся, но с тем, чтобы при универси-

---

[1] *У меня пропал ваш фонарь...* — Речь идет о печати с вырезанным на ней фонарем. Образ зажженных фонарей неоднократно встречается в письмах и дневниках Жуковского Смысл этого символа он объяснил в дневнике, обращенном к Маше Протасовой (Дневник. 19—20 апреля 1815 г. // ПСС2. Т. 13. С. 110—111).

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 17 ноября 1827 года.

[3] *...его зовут не Ванюша, а Николай Матвеевич Рожалин...* — Николай Матвеевич Рожалин (1805—1834), литератор, воспитанник Московского университета, знаток античного мира, поклонник немецкой философии и литературы, друг Д. В. Веневитинова и братьев Киреевских, перевел «Вертера» Гете. Книга была издана А. А. Елагиным (I часть — в 1828 г., II часть — в 1829). За границей в 1828 году готовился к профессорству. В его судьбе горячее участие принимала А. П. Елагина. (Колюпанов. С. 120). Письма Н. М. Рожалина к А. П. Елагиной опубликованы в РА, 1909. Кн. 7. С. 571—604. Подробнее см.: Остафьевский Архив. Т. III. Примечания. СПб., 1899. С. 581—584».

тете Московском, и отдавши службе лучшие годы жизни, знать, по крайней мере, вознаградительные условия. — Отвечайте же мне, друг бесценный, можете ли вы что-нибудь сделать для такого человека, которого узнавши, вы благодарить станете, что удалось на что-нибудь быть ему годным. — Свободное путешествие по Европе, достаточное обеспечение со стороны правительства, освобождение от шести экзаменов, и, если можно, уменьшение 12 лет службы, вот каких хлопот от вас требую, и чем вам заняться надобно для пользы России, нежели для дружбы. В этой молодежи все наше *потом*, не только *теперь*. — Поговорила бы вам и о Ванюше,— но что толку болтать? Что вы узнаете из наскоро прочтенного письма о семье моей? в эти несносные десять лет разлуки, что знаете вы обо мне? — что сердце еще живо, но на что? и почему не задавлено? — Жуковский! Как можно, что вы ко мне не приедете? — Две недели отрады для меня, вашим милым присутствием; — и тогда не об одной Анете могли бы вы с удовольствием думать. — Зачем Зонтаг в Петербурге? Неужели для того, чтобы вас пленить? — Счастливый человек! Давайте его нам сюда скорее!

Благодарствую за требование фонаря: одно это старинное выражение порадовало меня в письме вашем. Пришлю его на днях! но засветит ли в нем огонек? Не погас ли он даже в воспоминании? — и что нужды до сияния такого света, который горит ни для кого? Прощайте, стыдно вам, что мне так грустно.

Обнимаю вас однако же крепко, сегодня 24 ноября. — Где наши праздники?

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 7—8 с оборотами.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 118.
Печатается по автографу.

160. А. П. Елагина В. А. Жуковскому.

30 ноября 1827[1]

Г. Мицкевич отдаст вам мой фонарь[2], бесценный друг. Вам немудрено покажется, что первый поэт Польши хочет покороче узнать Жуковского, а мне весело, что он отвезет вам *весть о родине* с воспоминанием об вашей сестре. Вы непременно полюбите это привлекательное создание; хоть его *гидра воспоминаний*

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о поездке А. Мицкевича в Петербург и о предполагаемом визите его к Жуковскому: 6 декабря 1827 года Мицкевич на 28 дней уезжает из Москвы в Петербург с рекомендательным письмом Елагиной.

[2] *Г. Мицкевич отдаст вам мой фонарь…* — Адам Мицкевич (Mickiewicz Adam,1798—1855), по оценке Авдотьи Петровны, «первый поэт Польши». Во время жизни в Москве и службы в канцелярии генерал-губернатора Д. В. Голицына часто бывал в семействе А. П. Елагиной, в ее доме у Красных ворот, где встречался с Н. М. Языковым, братьями Киреевскими и другими любомудрами. В квартире Соболевского был дан прощальный ужин (перед вторым отъездом в Петербург), «преподнесен ему золотой кубок, на котором были вырезаны имена Баратынского, Киреевских, А. А. Елагина, Рожалина, Николая Полевого, Шевырева и Соболевского» (РА, 1874. Кн. II. С. 224).

ближе к существу растерзанного сердца, нежели ваша *небесная сладость прошедшего*, но вас непременно соединит то, что у вас есть общего: возвышенная простота души поэтической. — Об нас он вам скажет то, что видно в гостиной: я прибавлю только, что ответа на последнее письмо мое жду с волнением, а если бы вам вздумалось привести его самому в дилижансе, то не знаю, каким бы умным словом похвалить вас; пока обнимаю вас вместе со всеми моими, малыми и большими.

Ваша Дуняша
30 ноября.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 29, л. 9.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 119.
Печатается по автографу.

161. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

4 дек 1827[1]

Почему вы говорите, что у меня в фонаре нет огня? Что огонь ни на кого не светит? Разве не знаете вы, что я делаю и для чего теперь живу? Вы смотрите на жизнь все еще сквозь призму; а я смотрю на нее сквозь простое, чистое, вышлифованное стекло. Все радуги разлетелись в сторону — остался простой свет, довольно ясный. Счастие жизни — радуга на облаке, прекрасное видение и более ничего. Чистый свет — должность! Простая деятельная должность! Это добро есть для всех и всегда. В нем нет ничего обманчивого! С ним дорога светла и видна. Знай настоящую минуту, чтоб иметь прошедшее! Будущее милый болтун, который теперь молчит, потому что он все уже свое высказал, настоящее молчаливый друг, который помогает молча работе и потом скажет что-нибудь полусловом или веселым взглядом. Я стараюсь с ним ладить.

4 декабря

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 109—109 об.[2]
Печатается по копии.

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 24 ноября 1827 года, в котором речь идет о «старинном выражении» и т. д.

[2] В копии написано: «Отрывок из письма к А. П. Елагиной».

162. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

(С.-Петербург), 17 декабря 1827[1]

Ваш Мицкевич был у меня[2]. Мне он очень по сердцу. Он должен быть великий поэт. Я ничего из творений его не знаю; но то, что̀ он прочитал мне в плохой Французской прозе из своего вступления поэмы, им конченной, превосходно[3]. Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму[4]. Дышит жизнью Вальтер-Скотта[5].

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о посещени А. Мицкевичем Петербурга: 7 декабря он читал отрывок из «Конрада Валленрода»; 9 декабря импровизировал на заданные художником Олешкевичем темы «Сотворение мира» и «Похвала легионам» (*Беккер И*. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955. С. 27).

П. И. Бартенев, опубликовавший это письмо, сопроводил его следующим примечанием: «Письмо это некогда было сообщено в «Русский Архив» Авдотьей Петровной Елагиной. Год на нем не означен, оно должно относиться к 1828 или 1829 году.

Известно, что Мицкевич жил некогда в Москве и служил в канцелярии генерал-губернатора Д. В. Голицына. Он пользовался истинным и радушным гостеприимством многих москвичей. Князь П. А. Вяземский был с ним дружен и в «Московском Телеграфе» печатал свой перевод его *Крымских Сонетов*. Он часто бывал также в семействе А. П. Елагиной, в ее доме у Красных ворот, где ютились многие дарования и жил Н. М. Языков. Оба ее сына (от первого брака) Иван и Петр Васильевичи Киреевские были тогда юношами, начинавшими свое словесное поприще. Мицкевич уезжал за границу через Петербург, и ему дан был прощальный ужин в квартире С. А. Соболевского (близ Тверской, в Козицком переулке, в доме ныне Лопыревского), на котором высказано было ему, в стихах и прозе, много сочувствия, а так как он желал лично познакомиться с В. А. Жуковским, то А. П. Елагина снабдила его своим письмом к нему, и Мицкевич бывал в Зимнем дворце, где жил Жуковский, занимавшийся в это время исключительно надзором за преподаванием наук Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу» (РА 1898. Кн. 1. С. 83).

[2] *Ваш Мицкевич был у меня* — «12 декабря он был приглашен к Жуковскому 〈…〉» (Там же).

[3] *…то, что он прочитал мне 〈…〉 превосходно* — Речь идет, по всей вероятности, о Вступлении к поэме «Конрад Валленрод». В письме к Томашу Зану от 3 / 15 апреля 1828 года о петербургских впечатлениях Мицкевич писал: «Моя литературная слава, которая в Москве пышно цветет и ширится благодаря многочисленным переводам “Сонетов”, подготовила мне всюду хороший прием. Соотечественники, живущие в столице, и приезжие, устроили в мою честь роскошный ужин, импровизации, песни etc., напомнили веселье юных лет. Потом начались ежедневные приглашения в разные места 〈…〉. Познакомился я в столице с русскими литераторами: Жуковским, Козловым и другими, из коих многие дали мне доказательства искреннего расположения» (*Мицкевич А*. Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 404).

[4] *Если бы я теперь писал 〈…〉 я бы тотчас кинулся переводить эту поэму* — Жуковский перевел отрывок из «Песни Вайделота» из четвертой главы поэмы «Конрад Валленрод». См. подробнее: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский — переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // Историко-литературный сборник. К 60-летию Л. Г. Фризмана. Харьков, 1995. С. 33—39.

[5] *Дышит жизнью Вальтер-Скотта…* — Вальтер Скотт (Scott Walter, 1771—1832) английский поэт эпохи романтизма и автор целой серии исторических романов, пользовался неиз-

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РА, 1898, Кн. 1. С. 83.
Печатается по первой публикации.

163. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 января 1828[1]

Здравствуйте, бесценный друг мой! Надобно же для Нового года нам поздравствоваться для того, чтобы меньше было дряни в остальной длине его, т. е. *для меня, а не для вас*, который несмотря на ваше чистое стеклышко, не имеет о том понятия, что такое дрянь жизни. Опытность, которая вышлифовала ваши очки, окрасила их прекрасным *розовым* блеском, и вы не виноваты, если не можете иначе смотреть на вещи, как сквозь светлое сияние розовых дней; — не виноваты и мы, у которых судьба отняла всё сияние и всякий блеск, что ищем иногда на черном нашем небе *минутной радуги*. Кто не знает ее непрочности? Но кто ж не позавидует тому утешению, которое минутная ее красота доставляет? — Вы меньше других имеете право быть строгим и осуждать те *призмы*, которые я так же [*дефект бумаги*] себе добываю: без них явилось бы, может быть, черное пятнышко и на вашем чистом стекле. — Но пока живется, не буду скучать вам жалобами, да не думайте, что я на вас за ваши упрямые отказы сердилась, в ваших невозможностях мне жаль и вас самих почти столько же, сколько себя. Теперь я к вам с новой просьбой, но это не до детей моих касается, но просто выпрашиваю некоторого от вас пожертвования. Знаю, что вы имели несколько писем от Гете, подарите мне одно, хоть из двух строчек состоящее.

Маменька больна и четыре дня уже в постели, хотя она сама кончила начатое диктовать мне, но больше писать не может. Я же, Маша Киреевская, прошу вас иногда думать обо мне с дружбою.

Маменька беспокоится о Зонтаге: выехал ли он из Петербурга?

Маменька посылает вам Малороссийские песни Максимовича[2]: он давно ей их отдал для пересылки к вам, но она все забывала их к вам отправить.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 120.
Печатается по автографу.

менным вниманием Жуковского, который перевел несколько его баллад.

[1] По болезни Авдотьи Петровны письмо написано рукою ее дочери, М. В. Киреевской.

[2] *Маменька посылает вам Малороссийские песни Максимовича...* — Михаил Александрович Максимович (1804—1873), ботаник, собиратель малороссийских песен, профессор ботаники в Московском университете, ректор Киевского университета; в середине 1820-х годов входил в круг «Московского Вестника»; сборник «Малороссийские песни» издан в Москве в 1827 году на деньги С. А. Соболевского.

164. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1828. 14 февраля

Милый Жуковский, хотя не новость для меня браниться с вами за лень, но чудно то, что теперь я ожидаю исправления. Не дружба, которая так часто умоляла от вас прежнего отзыва для подкрепления души, не скорбь и не уныние, с которыми я вам, бывало, так напрасно надоедала, надеясь ожить от прежнего слова; теперь *приличие*, просто приличие вынуждает меня нападать на вас требовать немедленного исправления. Вельяминов Ал⟨ексей А⟨лександрович⟩ говорит[1], что не только не получает от вас ни словечка, теперь, когда он по вашему поручению сделал все, что мог для вашего Павла, но не имеет даже ответа на то дружеское письмо, которое я от него отправила к вам в Эмс (poste réstante* по вашему приказу). Он, получа от меня просьбу о Павле, одел его с ног до головы, не дожидаясь присылки денег; поручил Полковнику и дал на свое имя кредитиву[2], снабжать его деньгами до 600. — Всё это такие поступки, которые заслуживают некоторое внимание, и мне горько видеть их удивление и слышать расспросы о ваших занятиях. — Вы умеете ценить благородство: конечно, Вельяминов действовал для одобрения собственного, но вам ли за то лишать его лучшей награды: ласкового спасиба друга? Неужели ваши занятия отняли вас у всех? и вы, которые надо мной смеялись за *неточное соблюдение форм*, можете так равнодушно оскорблять все приличия? Тут, кажется, не то, что называет быть выше их, и такую чудную небрежность должно, кажется, загладить. — Алексей Александрович Вель⟨яминов⟩ еще может быть в Петербурге — вы могли бы съездить к нему; он и рассказал бы вам о Павле и вы бы дали ему какие-нибудь плохие извинения; все было бы немного лучше.

Рассердились ли вы на меня за все это? — боюсь, что вы перестанете писать ко мне; или мною и моими не время заниматься! —

Ах, Жуковский, где то время, где святой долг дружбы был для вас долгом? куда вы дели моего друга, брата?

Перевод

* почтой до востребования (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л.3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф.198, оп. 1, № 107, л.121
Печатается по автографу.

---

[1] *Вельяминов Алексей Александрович говорит…* — А. А. Вельяминов, см. комментарий к письму 153.

[2] *...дал на свое имя кредитиву...* — «Кредитив, кредитивная грамата, верющая, доверительная; банкирский вексель для получения денег» (Даль. Т. II. С. 189).

165. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 февраля 1828[1]

Бесценный друг! — надеюсь, что вам также будет смешно, как и мне! что за грозным вчерашним письмом непосредственно следует сегодня покорное. Но просьбы не мои, я взялась их вам представить по необходимости, знаю, что неприятны они вам не будут, след⟨овательно⟩, не теряю права дуться, если то мне угодно, и ссориться, если то вам угодно. Комиссионер здешнего Университета, Ширяев, уверяет[2], что вы его знаете, что имели с ним некоторые дела, и могли узнать его честность и добросовестность и потому надеется, что потрудитесь замолвить словечко Блудову, от которого теперь зависит его участь: он от Университета представлен к получению чина Коммерции Советника по примеру Дерптского Униве⟨рситетского⟩ Комиссионера, Гартмана, который этот чин получил недавно. — Вероятно, и для Ширяева затруднений не будет, но адресоваться к вам и умолять ваше всемогущество все-таки приятно, тем больше, что в этом случае благодарность будет величать ваше имя, если не из рода в род, то по крайней мере, по всем книжным лавкам. — Если вам это удастся, я уверена, что не удасться не может, то отвечайте мне два слова, которыми бы могла обрадовать Ширяева. — Эту комиссию легче исполнить, нежели просьбу всех Белевских барышень сделать их фрейлинами, но и с тем вздором адресоваться к вам весело. Мне со всеми молитвами возможными *аще хочу, аще не хочу*; все к вам прибегать есть спасение души: *надежда* на ответ свыше есть уже отрада, так же и от друга. — Но *безответность* и от неба и от дружбы хуже могильного молчания.

Я жду письма и к Вельяминову. По крайней мере, ответ на полученное вами в Эмсе: он говорит, что там сказывал вам, сколько употребил на Павла и что сделал с ним; как можно это забыть? Ширяева я не знаю: просит за него *Мих⟨аил⟩ Петрович* Погодин[3]. Если будете отвечать ему, т. е. Погодину, то еще сделаете лучше, и я вами буду довольна. — За сим обнимаю вас.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 122.
Печатается по автографу.

---

[1] Датируется на основании замечания, что это письмо написано на другой день после письма от 14 февраля 1828 года.

[2] *Комиссионер здешнего Университета, Ширяев, уверяет…* — А. С. Ширяев, московский книгопродавец, близкий кругу М. П. Погодина (Барсуков, 2, 298).

[3] *...просит за него Мих⟨аил⟩ Петрович Погодин* — Михаил Петрович Погодин (1800—1875), историк, писатель, журналист, общественный деятель, редактор «Московского Вестника» (1827—1830), «Москвитянина» (1841—1856), профессор Московского университета.

166. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

13 марта 1828 г.[1]

Милая Дуняша, теперь вы у меня в долгу: я писал к вам и вложил в мой пакет письмо к Вельяминову. Вы ни слова. И я не знаю, получено ли письмо мое. Уведомьте. Вы только умеете браниться; вот вам слова два и о слухах. Я просил Блудова[2]. Он обещал мне справиться по какому случаю Гартман получил звание коммерции советника. Не за пожертвование ли книг университету? Как скоро получу от Блудова какой-нибудь отзыв, уведомлю вас без замедления. Я весьма бы рад был услужить Ширяеву. Обнимаю вас и ваших.

13 марта Жуковский.

На л. 6: Его превосходительству Милостивому Государю Ивану Александровичу Рушковскому в Москве. Покорнейше прошу доставить Авдотье Петровне Елагиной.

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 5.
Печатается по автографу.

167. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 марта 1828[3]

Как вам в голову входит сравнивать мою лень с вашею? Неужели и вы, бесценная душа моя, смотрите, как и все другие,— незрячими глазами? Хорошо на почте определять количество писем и высчитывать, кто пишет больше и кто меньше, а нам с вами это не может быть позволено. Молчу ли я, болтаю ли, часто или редко пишу к вам, известно всем и каждому, семье моей столько же, сколько мне самой, что любовь к вам наполняет всю мою душу, и что она мне такая же святыня, как и сама душа. Молчание мое часто происходит от грусти, от уныния, découragement*, боязни наскучить; — но лени, забвения и прочих конфект себе не беру на долю. — Скажете ли то же и вы? Вы, которые во *всякие минуты* можете положиться на неизменное сердце сестры вашей, через целую несносную жизнь для вас сохранившегося. — Я рада, что письмо мое вас рассердило: признаюсь, мне этого хотелось для того, чтобы скорее подействовало. Вельяминов и не думал быть в претензии: он вас любит и уважает, и верно пред ним я не обманывала вас,

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 15 февраля 1828 года.

[2] *Я просил Блудова* — Д. Н. Блудов, см. примечание к письму 42.

[3] Дата устанавливается на основании сообщения, что письмо написано в день рождения И. В. Киреевского (22 марта); в письме обсуждаются вопросы, затронуты ранее — в письмах начала 1828 года: об ответе Вельяминову, о просьбе М. П. Погодина относительно Ширяева и др.

так жестоко как вас самих. Он будет отвечать вам, здесь не успел этого сделать, ибо был болен и затормошен. Я знаю, что он истратил кое-что для Павла, который сказал, что вы обещались посылать ему ежегодно 2000, а приехавши туда, потерял дорогой все деньги и все платье, здесь мною сшитое ему, след., Вельяминов должен был делать все снова; но мне не хотел он сказать, а обещал написать сам все вам подробности.

За Ширяева посылаю вам поцелуй Погодина, это лутче, чем сказать: обнимаю вас!

У меня скучно и грустно: муж по-прежнему болен, Пьер собирается в военную службу, несмотря на все неудобности *юнкера* во время войны, без протекции и без малейшего знакомства. Рожалин на днях едет к вам в Петербург; сердце сжимается при этих разлуках, не предвидя в будущем счастия. Об своем я не говорю: оно нашлось бы, если бы им было хорошо, но в этом-то и сомнение. Впрочем словами об этом говорить нельзя. Сегодня рождение Ванюши, и должно *ветрам отдать заботы*, чтобы сколько-нибудь насладиться настоящим. — Обнимаю вас, душа моя, за всех вместе. Если бы я могла вас увидеть! Один взгляд на вас воскресил бы всё, могильным прахом покрытое. Вы для меня соединяете все прошедшее, и сколько еще скрывается надежд на будущее, в вашей милой жизни! Господь с вами, друг милый!

22 марта

Знаете ли, что Булгаков, брат того, к кому адресую письмо, начальник моего Ванюши?[1] Рекомендуйте его при случае.

Перевод

* уныние (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 7—7 об.—8.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 123.
Печатается по автографу.

---

[1] *Знаете ли, что Булгаков, брат того, к кому адресую письмо, начальник моего Ванюши?* — Речь идет о Александре Яковлевиче Булгакове (1781—1863), брате Константина Яковлевича Булгакова (1782—1835), дипломате, начавшем службу в Московском Архиве Коллегии иностранных дел, почт-директоре в Москве, а с 1819 года в Петербурге.

168. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

15/4 1828[1]

Вот вам, милая душа сестрица, письмо к Вельяминову[2], которое прошу вас переслать немедленно. Бог вам судья за то, что вы не прислали мне его адреса. Ведь мне надобно послать ему деньги. Я читал в Московском вестнике статью Ванюши о Пушкине[3] и порадовался всем сердцем. Благословляю его обоими руками писать: умная, сочная, философическая проза. Пускай теперь работает головою и хорошенько ее омеблирует — отвечаю, что у него будет прекрасный язык для мыслей. Как бы было хорошо, когда бы он мог года два посвятить немецкому университету! — Он может быть писателем! но не теперь еще.

Ширяев представлен в желаемый ранг.

Обнимаю всех

15 апреля Жуковский.

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 1.
Печатается по автографу

169. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

13 мая 1828 г.[4]

Милая Дуняша, теперь моя очередь браниться и очень браниться. Я давно писал к Вельяминову и послал к вам письмо мое и просил вас доставить мне адрес Вельяминова. Ни ответа! Ни адреса! Хороши вы, Авдотья Петровна! А мне ведь надобно с Вельяминовым расплатиться. Что он обо мне подумает? Запишет меня в класс тех людей, которые кричат во все горло, когда надо было просить услуги и молчат, как рыбы, когда надобно расплачиваться за них. — Пришлите же, прошу вас, мне этот адрес. — Познакомился ли Ваня с Булгаковым?[5] Булг⟨аков⟩ отвечал мне тотчас на письмо мое и рад будет, если Ваня или Иван Васильевич сделается его домашним человеком. Но я желал бы, чтобы Иван Васильевич постарался сделаться писателем, то есть поверив бы мне, что может со временем быть им,

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о напечатанной в 1828 году статье И. В. Киреевского и хлопотах по поводу Ширяева.

[2] *Вот вам, милая душа сестрица, письмо к Вельяминову…* — А. А. Вельяминов, см. примечание к письму 153.

[3] *Я читал в Московском вестнике статью Ванюши о Пушкине…* — Статья И. В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» была напечатана в «Московском вестнике» за 1828 год, ч. 8, № 6. С. 176—196.

[4] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 22 марта 1828 года.

[5] *Познакомился ли Ваня с Булгаковым?* — См. примечание к письму 167.

принялся бы к этому великому званию готовиться, но не так, как их у нас обыкновенно готовили, а так, как он может сам. Простите.

Жуковский.

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 7.
Печатается по автографу.

170. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

10 июня 1828[1]

Милая Дуняша! не могу не сказать вам двух слов о моем свидании с Рожалиным[2].

И вот все, что могу сказать об нем: мне душевно жаль, что он был для меня минутным явлением. Он мне очень понравился. Пришел же он ко мне в самую непоэтическую минуту: я принимал слабительное, которое просилось вон из моей бренной утробы; понимаете, каково было моей душе, разделенной между новым знакомством, которое было ей сродни, и вниманием к чему-то слишком земному. Я однако помог горю: пригласил Рожалина обедать и послал его бродить по Павловскому саду, а сам употребил все усилия, чтобы опростаться к его возвращению. Это мне удалось. Время было прекрасное и прогулка была приятна для него. Таким образом мы побеседовали дружески. И я очень рад, что узнал его. Ваше приказание исполнено: я дал ему письма в Дрезден, Веймар и Берлин. Буду рад его возвращению и встречу его, как старого знакомца. А вас и ваших обнимаю. Философа Ивана дважды.

Ж.
10 июня

Сейчас писал к Вельяминову и послал деньги.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 56—56 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 46.
Печатается по копии.

---

[1] Датируется на основании сообщения о визите к Жуковскому Н. М. Рожалина, ехавшего в 1828 году за границу для приготовления к профессорству.

[2] *...не могу не сказать вам двух слов о моем свидании с Рожалиным* — Н. М. Рожалин, см. примечание к письму 159.

171. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 июня 1828[1]

Милый друг! с каким сердечным волнением прочла я ваш бесценный прием Рожалину. Весь прежний мой Жуковский явился мне нетронутый никакой разлукой. Всю скорбь и радость, которые заворошились в сердце, опять захотелось передать вам и, если бы могла, охотно бы сделала. Но мертвые не встают! Земля Машиной могилы засыпала и то, что в моем сердце заключено. — К тому же судьба явно требует от меня молчания: одно письмо мое к вам, *где было все*, пропало! Неужели можно не понять этого урока? — Если бы мы увиделись — другое дело! тем больше, что здесь мне делиться не с кем: от детей прячешь и горе, и заботы! их души смущать не захочешь. — Друг мой, берегите просто мне мое лучшее сокровище: вашу дружбу! Все отрады в одной мысли об ней. — Не вините бедного моего Ванюшу. Теперь он не то, что было два года тому назад, он научился думать и не верить себе. Ему нужно уважение хорошего человека, ободрение. *Ваше одобрение*. — Пока Рожалин был с ними, я за него не боялась, — нельзя утонуть в грязи подле человека высокой нравственности. — Ванюша начинал действовать, *покоряться должности*, иметь над собою власть. — Теперь опять один, и никто не поднимает души его. Если бы я могла отправить его к вам, с каким бы восторгом это сделала: вы бы направили его занятия, заставили бы трудиться. — Теперь, если бы я могла сказать вам, чего боюсь! — Повторяю, что ему необходимо ободрение, уважение человека, которого он сам почитает. — Прежние мнения, которые он почти по-попугайски высказывал, давно уже переменились; он мог бы быть литератором, и даже отличным, образ души, учение и даже здоровье одну эту и предлагают ему дорогу, но ему нужна опора. — Он нерешителен, не верит себе и чрезвычайно привязчив. — Показывая дружбу, можно завлечь его далеко. — Но душа его благородна, горячо любит добро, хочет его даже с пожертвованиями, — и это успела я сохранить в нем, может статься, одним воспоминанием об вас. Друг бесценный! не давайте его смять. Покажите ему, как он действовать должен, чего вы от него ждете, чем даже желали бы вы, чтоб он занялся, что писал. (Стихов он не пишет, те, которые показал вам Мицкевич[2], были вдохновением минуты, написаны за полчаса до вручения.) — Требуйте от него много, он многое исполнить может: ему много еще *свято*, велико, и если бы он не был слаб, то я не знала бы прекраснее души и выше характера. — Здоровье его опять ужасно дурно: ему необходимо постоянное лечение. Отъезд Рожалина отнял у нас много: при нем не затащили бы его никуда, и он продолжал бы действовать, не ленясь. — Душа моя, скучно говорить полусловами, но и то боюсь, что слишком много сказала. Издерите, пожалуйста,

---

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 10 июня 1828 года.

[2] *...те, которые показал вам Мицкевич...* — Стихотворение И. В. Киреевского «Мицкевичу» («В знак памяти, пред нашим расставаньем, / Тебе подносим не простой стакан 〈…〉», прочитанное на прощальном ужине на московской квартире С. А. Соболевского при вручении бокала.

письмо мое. — Круг его товарищей прекрасен, если б он почаще с ними видался, — там может он быть полезен, — я бы спокойна была. Труд постоянный — вот что ему недостает, хотя доброе расположение тут, и желание, и воля, — в вашем ободрении ищет он и твердость. — Спешу закрыть письмо, чтобы не изорвать его, как многие другие.

14 июня.

Ко мне приступает Монастырев[1], чтобы я выпросила ему у вас место, или при Почтамте, или при Воспитательном доме, куда его хотели принять надзирателем. Хотел ехать к вам, но я не пустила: ответ ваш все равно решит его судьбу.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 9—9 об.—10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 124.
Печатается по автографу.

172. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 июня 1828 [2]

Милая душа моя! давно от вас ни слуху, ни духу! на несколько моих писем ни полслова! Меня недавно уверяли, будто вы проехали Москву и пробыли здесь сутки, уверяли, будто вас видели, — но моя душа не смутилась. Я непоколебимо верю, что это быть не может, что вам такое же счастие обнять сестру вашу, как и ей взглянуть опять после десяти лет, на вашу бесценную рожицу. — Но это известие другим образом взволновало всё сердце. Неужели я вас не увижу больше? Через два месяца или меньше мне опять родить, — и хотя я уверяю себя, que tous mes sacrifices sont faits*, — но малейший камешек возмутит всю чистую воду, и с глубины подымет все улегшееся и уложенное давно. Сестра Анета уверяет меня, что она может на несколько времени ко мне приехать — но я отказалась. Зачем? близко или далеко, дети мои все вам принадлежат, и когда это нужно будет, вы не остановитесь показать им дружбу отца. Хотелось бы мне отправить к вам Ванюшу, но здоровье его опять очень плохо: он ничего не пишет теперь, не знает, не оттолкнуло ли вас последнее его к вам письмо? Как бы я счастлива была, если бы вы его узнали! Вы увидели бы, что исполненной жаром душе его не достает только участия высокого руководителя, и сознались бы *на деле*, что я не даром поселила в их сердце почти идеальную к вам любовь. — Дайте ему работу! Он пишет легко, охотно и слава Богу! Рука его также не подымется написать слова, которого бы не чувствовало сердце и не думала душа. — Дайте ему серьезную, большую работу, он много чи-

---

[1] *Ко мне приступает Монастырев…* — помощник белевского почтмейстера, по характеристике Жуковского, «очень хороший человек» (ПЖТ. С. 152).

[2] Дата устанавливается на основании сообщения об ожидаемых родах Авдотьи Петровны (*«Через два месяца или меньше мне опять родить ⟨…⟩»*), которые произошли в октябре 1828 года (см. письмо Елагиной от 5 ноября 1828 года).

тал и может действовать. Желала бы я, чтобы вы слышали некоторые мысли статьи, которые они каждую неделю друг другу сообщают и которые, право, годились бы для хорошего романа! — Он очень свободно пишет и писал бы охотно, если б им занимались. — Прежний резкий тон его принадлежал его слишком еще неспелой молодости, которая просилась в *большие* люди. Теперь он вырос, и сердцу нужна пища больше, нежели самолюбию. Но вы его узнаете и несправедливым к нему не будете. Я не хочу, чтобы он наследовал этим несносным достоянием его матери. Довольно одной судьбы для судьбы.

На днях у вас будет Соболе⟨в⟩ский по комиссии Вяземского[1] и привезет от меня поклон. Хотя он бывает у нас всякий день, но вряд ли что об нас расскажет: велите ему показать себе портрет Пушкина моей работы[2], и если что вам вздумается передать нам, то с ним можете, ибо он скоро опять сюда будет.

Посылаю вам еще письмо от бывшего учителя детей[3], вы увидите, в чем состоит его просьба, которую потому исполнить можно, что он служит в русской службе при форшмейстерах и капитан в отставке. Не сердитесь на меня за эти докучания, вы можете ими пренебрегать и отказывать мне без зазрения совести и потому не лишайте меня права со всею моею дружбою к вам относиться. Ведь моя изба ваша же!

Простите, мое сокровище! Обнимаю вас со всею горячностью неизменной дружбы.

Муж отправился в деревню с Пьером[4], и я, пользуясь его отсутствием, перекладываю печи, выламываю двери и произвожу суматоху в новом моем доме, который далеко от того, чтобы быть отделан. — Если бы удалось собрать хоть раз всех вас отставших рассеянных! Но с тем, чтоб хозяйка угощала не одним воспоминанием своим. — Что пишет Саша?

Перевод

* все мои жертвы принесены (*франц.*).

---

[1] *На днях у вас будет Соболевский по комиссии Вяземского…* — Сергей Александрович Соболевский (1803—1870), библиофил, библиограф, друг Пушкина, семейства Киреевских-Елагиных, Мицкевича. П. А. Вяземский, см. примечание к письму 13.

[2] *…велите ему показать портрет Пушкина моей работы…* — Речь идет о копии, сделанной А. П. Елагиной с портрета Пушкина кисти В. А. Тропинина (1827). Первый портрет Пушкина А. П. Елагина писала летом 1826 года, о чем сообщала в письме к мужу от 19 июля 1826 года: «⟨…⟩ сегодня будет Аргунов. Пушкина мордочка кажется на лад идет, сегодня Аргу⟨нов⟩ несколько поправит, и будет с концом. Жаль, что его не видала, нельзя сходства отгадать, есть столько неприметных черт, которыми отдалишься от него совсем, хотя с портретом и сходно. Что-то скажут великие судьи: Соболевский и Рожалин! — вот от Аргу⟨нова⟩ записка: он болен и быть не может! Неужели мне одной приведется с портретом ладить?» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 32).

[3] *Посылаю вам еще письмо от бывшего учителя детей…* — от Вагнера, см. примечание к письму 75.

[4] *Муж отправился в деревню с Пьером…* — с Петром Киреевским.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 11—11 об.—12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 125—126.
Печатается по автографу.

173. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Июль — первая половина августа 1828 г.[1]

Ваша правда, милая Дуняша, я был в Москве, но вы не видели меня. Вот как это случилось. Мне поручено было весьма важное дело, которое надобно было исполнить в тайне, так чтобы никто этого совершенно и подозревать не мог. Времени также не позволено было мне терять ни минуты. Я проехал через Москву. Если бы я к вам явился, то, вероятно, это как-нибудь сделалось бы известным, что я был в Москве. Я должен был отказаться от счастия вас видеть. Однако позволил себе взглянуть на вас хоть невидимкою. Я в сумерки подходил к вашему окну и видел вас; подле вас стояли, кажется, Маша и Ванюша. Горница была освещена. Слышались милые голоса: разговаривали весело, смеялись. Я простоял около получаса. Наконец должен был с большим горем удалиться. В эту минуту… я, к счастию, проснулся у себя в Павловске на постели и очень обрадовался, что все это было сон. Кто вам его рассказал? Видно, есть у вас какой-нибудь шпион моей души, который усердно докладывает вам о том, что́ в ней происходит. Так точно это был сон. Наяву этого никогда не могло бы случиться, и вы хорошо сделали, что не поверили клевете на мою к вам дружбу. — На ваше письмо спешу сказать одно: я уверен, что Ваня может быть хорошим писателем[2]. У него все для этого есть: жар души, мыслящая голова, благородный характер, талант авторский. Нужно приобрести знания поболее и познакомиться более с языком. Для первого — ученье; для последнего — навык писать. Могу сказать ему одно: учись и пиши; сделаешь честь своей России и проживешь не даром. Мне кажется, что ему надобно службу считать не главным; а посвятить жизнь свою авторству. Что́ же писать, то скажет ему его талант. Пускай учит Россию и учится у Вальтер Скота изображать верно отечественное[3]; потом пускай познакомится с нравственными

---

[1] Датируется на основании ответа Жуковского на вопрос о Вагнере, заданный А. П. Елагиной в письме от 29 июня 1828 года, и советами относительно будущего И. В. Киреевского, о чем сообщала Елагина мужу в письме от 14 августа 1828 года: «Вчера премилое получила от Жук⟨овского⟩ письмо: все подстрекает Ванюшу на авторство! если бы хотя два человека здесь было, чье общество приятно было бы Ванюше и кого бы он уважал, то я не усумнилась бы в том, что он не только будет автор, но и первый русский прозаик: — а теперь вижу, как он шлендает время и пакостит юную невозвратную жизнь,— терзаюсь, но не могу» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 14, л. 11 об.).

[2] *…Ваня может быть хорошим писателем* — Речь идет об И. В. Киреевском.

[3] *Пускай учит Россию и учится у Вальтер Скота изображать верно отечественное…* — В 1828 году А. А. Елагина переводила книгу «Жизнь Наполеона Бонапарте» В. Скотта, которая была запрещена в России. В письме к мужу 4 августа 1828 года она сообщала: «Скажу вот новость: История Валтера Скота *запрещена* министром, к которому Аксаков относил, и не только

писателями и философами Англии: нам еще не по росту глубокомысленная философия немцев, нам нужна простая, мужественная, практическая нравственная философия; не сухая, материальная, но основанная на высоком, однако ясная и удобная для применения в деятельной жизни. Такую потом философию можно применить наконец и к умозрительной: ясность, простота, практическое, вот что нам надобно. Итак, вот для него две цели. С одной стороны, учись у Шекспира и Вальтер Скота; с другой у Дюгальда Стеуварта, у Смита, у Юма, у Рейда и прочих[1]. Этого довольно на жизнь. — О Вагнере вашем, хотя и не знаю его, пишу к Рушковскому[2]. Здесь прилагаю письмо. Отдайте от себя. Скажите Вагнеру (к которому сам не пишу потому, что не горазд писать по-немецки), что я не знаю, о каком прежнем письме говорит он. Я никогда его не получал. Простите, обнимаю вас и всех.

Жуковский.

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10. л. 9—9 об.—10.
Впервые опубликовано: Татевский сборник, 1899. С. 71—73[3].
Печатается по автографу.

запрещена, но еще строгий сделан вопрос *Анастасевичу*, как он мог пропустить первый том запрещенной книги? Тот отвечал, что процензировал только 2 главы и не знал из какой книги но в 2-х главах не нашел запрещенного. Потом запрос к Полевому, как он мог переводить запрещенную книгу и где взял ее? — Тот в ответ: что купил на бульваре у носящего, а запрещенью се не подозревал, ибо это никому не объявлено. — Теперь вот наше яблоко раздора! Сгнило не съеденное! — Погодин по пустому проиграл! — а наши труды?» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 14, л. 4 об.). Эту тему А. П. Елагина продолжает в письме от 7 августа 1828 года: «Ведь надобно же, чтоб и Валтер Скот мой лопнул! Как мне это досадно нельзя сказать. Скажи Барону от меня, что если он хочет, чтобы я купила для него exemplair Истории Walter Scotta, ему тогда хотелось и я знаю, что не досталось, а теперь мне предлагают» (Там же, л. 6 об.).

[1] *...учись ⟨…⟩ с другой у Дюгальда Стеуварта, у Смита, у Юма, у Рейда…* — Жуковский предлагает учиться нравственной философии у представителей шотландской школы Дюгальда Стюарта (Dugald Stewart, 1753—1816), Адама Смита (Adam Smith, 1723—1790), Дэвида Юма (David Hume, 1711—1776), Томаса Рейда (Thomas Reid, 1710—1796).

[2] *...пишу к Рушковскому* — Иван Александрович Рушковский (1764 — 1832), московский почт-директор с 1820 г.

[3] Примечание к публикации в Татевском сборнике: «Печатается с автографов, сообщенных В. Н. Лясковским».

174. А.П. Елагина В.А. Жуковскому

27 августа 1828[1]

Жалуйтесь на себя, если вся наша молодежь хочет насладиться вашим лицезрением[2], душа моя Жуковский! *Степан Петрович Шевырев*, вручитель этой писюльки[3], известен уже вам своими произведениями, дайте ему два — три слова ваших обыкновенных, которые они так любят вспоминать, в подкрепление души. — У него спросите, какие хотите об нас подробности. — Я сижу теперь над больным сынишкой и тяжело. — Благодарю вас за знакомство с Пушкиной[4], ваша

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о знакомстве с Е. Г. Пушкиной, которое относится к 1828 году. В письме к мужу, А. А. Елагину, от 15 августа 1828 года Авдотья Петровна писала: «Скажу тебе, что сегодня предстоит мне ответное знакомство: если б не тягость моего пуза, то весело бы. Вчера вдруг приносят мне из Дрездена письмо, привезла Пушкина. — Это прошлого еще года доверенность на мою дружбу, данная ей Жуковским. Она пробыла в Дрез⟨дене⟩ больше, нежели ожидала, возвратясь принесла мне эту милую бумагу, прося позволения приехать и спрашивая, в котором часу. Натурально я отвечала, что буду сама и назначила ей сегодня ждать меня в час по полудни. ⟨…⟩ У нее, говорят прекрасные дочери, а воспитаны в чужих краях — могут ли не любезны быть?» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 14, л. 12). В следующем письме, от 17 августа 1828 г., Елагина сообщила: «Я была у Пушкиной, нашла милую, простую в обхождении и очень умную — любезную женщину» (Там же, л. 14).

[2] *…вся наша молодежь хочет насладиться вашим лицезрением…* — В письме А. А. Елагину от 25 августа 1828 года Авдотья Петровна, описывая один из августовских дней, дает юмористическую зарисовку быта того круга, который называется в письме к Жуковскому «нашей молодежью»: «⟨…⟩ третьего дня 23-е в Николенькино рождение! — Г. Рубини, ⟨…⟩, Шевырев, Макс⟨имович⟩, Куртенер, Мельгунов — до тех пор все шло порядочно, говорили, смеялись, рассуждали (ах, забыла еще Аблеухову и Софью). — Но вдруг приезжают Яниши: Каролина видит трех ей незнакомых, или непривлеченных. — Голос ее раздается во всех углах и во всех комнатах. К довершению являются Вас⟨илий ⟩ Л⟨ьвович⟩Пуш⟨кин⟩ с огромной тетрадью за пазухой! — Одна наизусть хочет читать своего Валленрода, с польским текстом; другой — послание к Дашкову, Элегии и пр. — Громкие восклицания одной пищат за углами, учтивые просьбы другого, чтобы дали сахарной воды и прочих атрибутов, сражают без битвы уже ополчившуюся рыцаршу. — Но уступать никто не хочет. — Молодежь моя просит репетиции. — Ничего другого не оставалось мне делать, как актеров выпроводить в залу и запереть двери: первая осадка тщеславию Каролины! — Потом придвинули свечи, кресла, воду, сажаю Каролину прямо против Василия Львовича и заставляю того читать привезенные тетради! — Дала уж за то она нам после! — Не только всего немецкого Валленрода продекламировала перед Мельгу⟨новым⟩, Шевы⟨ревым⟩ и Курте⟨нером⟩ — Но и всего польского!» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 14, л. 17 об.).

[3] *Степан Петрович Шевырев, вручитель этой писюльки…* — Степан Петрович Шевырев (1806—1864), поэт, критик, историк литературы, воспитанник Московского университетского пансиона; служил в Московском Архиве Коллегии иностранных дел, член редакции и соредактор (с М. П. Погодиным) «Московского Вестника». В молодости поклонник Шеллинга, немецкого романтизма, в 1829—1832 жил в Италии, общаясь с Рожалиным и кругом И. В. Киреевского, изучал историю искусства; профессор Московского университета, с 1832 года читал в Московском университете русскую и всеобщую словесность и теорию поэзии; академик (с 1841 г.).

[4] *Благодарю вас за знакомство с Пушкиной…* — Елена Григорьевна Пушкина, см. примечание к письму 156.

доверенность тронула меня до глубины сердца; пускай, если ей угодно, пользуется она неистощимым капиталом моей к вам любви: чем больше давать, тем и для меня лучше; — лишь бы стало жизни больше нежели на два месяца. — Но сколько ни есть, вся и всегда ваша: во всякое время можете требовать плода, не удастся изречь проклятие[1].

Бесценный мой Жуковский! За что я не на месте Шевырева! Хоть бы взглянуть на вас не во сне. Вам не нужно рекомендовать его: я уверена, что гений всегда вместе и физиономист. — Обнимаю вас крепко.

Напишите мне, пожалуйста, Главный ли вы воспитатель великого Князя?

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 13.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 111.
Печатается по автографу.

175. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 сентября 1828

Бесценный друг! мне так на себя досадно, что не знаю, куда деться! Побраните меня хорошенько и вы, авось, с души спадет. Ведь книги-то ваши нашлись! — Помните? некогда вы упрекали меня, что я худой сторож вашего имения, что прислала вам много депарейльированных книг[2], что многих нет, — я огорчилась, ревела, плакала, бранилась: а вышло, что я кругом виновата! — Теперь муж в деревне нашел какой-то сундук запертый, запечатанный, — и запрятанный далеко. — Вышло, что там Лессинг, ⟨*1 нрзб.*⟩, описание Гогар⟨товых⟩ картин и пр. — Он не разбирался, но по этому я узнала, что сундук ваш, что книги те самые, которых вам не доставало. Велела переслать его сюда. — Теперь довершите мою казнь, скажите, что вы бросили прежние депарейльированные книги и что моя находка — горчица после ужина. — Как мне горько и досадно, не могу пересказать. — Между тем браните скорее: ибо на днях надеюсь сообщить вам известие, которое подведет мое преступление под милостивый манифест. — Обнимаю вас покуда.

Ваша и на том свете Дунька

29 сентября 1828
Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 13.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 127.
Печатается по автографу.

---

[1] *...во всякое время можете требовать плода, не удастся изречь проклятие* — Слова А. П. Елагиной о требовании плода и невозможности изречь проклятие отсылают к евангельскому тексту о бесплодной смоковнице (Мк. 11. 12—14, 20—21).

[2] *...прислала вам много депарейльированных книг...* — Депарейльированных (от фр. dépareillé) — разрозненных.

176. А.П. Елагина В.А. Жуковскому

5 ноября 1828[1]

Поручение ваше исполнила: деньги отдала Авд⟨отье⟩ Степ⟨ановне⟩ и Офросимова заставила действовать[2] по заемному письму. Посылаю вам назад Астракова письмо и записку об Офрос⟨имове⟩, по которой вы вспомните, что было по этим письмам прежде. Теперь вам ничего другого делать не нужно, как *не отвечать* Астракову: деньги остальные будут с него взысканы и отданы Авдотье Степановне. След⟨овательно⟩: cette affaire est coulée à fond*. Книги ваши не съедены молью, и если вы не сжили с рук dépareillированных**, то библиотека ваша не в растройстве, тем больше, что тут их оставалось не весьма много. Скажите, когда улучите время, переслать ли вам эти книги? Они еще в Долбине, но явятся сюда по первому пути: вот какие я там знаю: Lessing, сколько не знаю, Lichtenberg, описание Hogardовых картин[3], Broom[4], Théâtre de Senèque[5], а дальше что, не умели мне сказать.

Анета в Мишенском, и я жду ее каждый день, она обещает прибыть ко мне по первому пути вместе с мужем моим, которого на другой день родин моих отозвала в Белев кончина его отца Андрея Алексеевича. — Я между тем кроме этого горя должна была вынести несносную пытку видеть смертное страдание моего новорожденного. Его любовь матери не удерживала здесь и после 24 часов мучения на 12 день рождения мы спрятали его в землю. — С тех пор я больна и оправиться еще не могу. Но на что я вам это сказываю? Если сохранение жизни вашей сестры, вашего неизменного с колыбели друга не произвело в душе вашей никакого чувства радости — то чем же могу своим делиться с вами? — Как мне горько это слово от вас, этого я пересказать не могу; и грусть, которая овладела мною с получения письма вашего чуть ли не помогает продолжению моей болезни. Для вас ли, Жуковский! семья ваша стала ничего? неужели и вы только придворный?

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания: продолжается начатый в письме от 29 сентября 1828 года разговор о найденных книгах из библиотеки Жуковского.

[2] …деньги *отдала Авд⟨отье⟩ Степ⟨ановне⟩ и Офросимова заставила действовать...* — А.С. Астракова (см. примечание к письму 81), А.М. Офросимов (см. примечание к письму 81); речь идет о денежных расчетах Жуковского.

[3] *...Lichtenberg описание Hogardовых картин...* — Георг Кристоф Лихтенберг (Lichtenberg Georg Christoph, 1742—1799), немецкий писатель, публицист и ученый, Почетный член Петербургской Академии наук (1795); вершина его просветительской сатиры — «Подробные объяснения к гравюрам по меди Хогарта» (1794—1799). В библиотеке Жуковского сохранилось издание: Lichtenberg's vermischte Schriften, nach dessen Tode aus den hinterlassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Ludwig Cristian Lichtenberg und Friedrich Kries. 1800—1804. (Описание. № 2687).

[4] *…Broom…* — Вильям Брум (Broom William, 1689—1745), английский поэт, переводчик с греческого (Оды Анакреона, «Илиада», «Одиссея»).

[5] *Théâtre de Senèque* — См. примечание к письму 82.

По совести уверяю вас, что мне легче было бы отправить к вам известие о моей смерти, нежели знать, что вам *не во время* пришло известие о моей жизни после такого мучения.

Перевод

* дело закончено (*франц.*).
** разрозненных (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 30, л. 14—14 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 128—129.
Печатается по автографу.

177. А. П. Елагина В. А. Жуковскому и А. П. Зонтаг

6 февраля 1829[1]

Зачем ты все больна? chére Mlle Joukovsky?* — как скучно привязались эти болезни! Да все так кстати, надобно ж чем-нибудь воротить на землю, заставить заплатить за бесценную радость! Кашель стоит Поликратова кольца[2]. — Друзья мои, как захотелось мне к вам, хоть за дверь, когда читала описание твоего праздника[3]; как забилось сердце, только не завистью! — Милый Жуковский! хорошо ли, что вы теперь вздумали объявить вашу тайную свадьбу? Что же нам делать, когда я соберу четырех своих малюток, и дождавшись отбытия Анеты, явлюсь сменить её? — на меньшее я не согласна! Пускай же говорят, что вы на двух женаты, что это-то и заставило вас скрывать вашу свадьбу — и пр. и пр. — О, какое бы было счастие попортить таким манером вашу репутацию. — Но не беспокойтесь, все мои страстные желания не доставят мне этого куралесенья! Я смотрю на вашу милую рожицу глазами сердца, радуюсь вами одним воображением, которому не позволю и надеяться на счастье на яву! — Между тем, что же разлучит нас? Не с вами ли я всякий раз, когда вы беседуете с Анетой? — Вот этой доверенности и Стелла не имела бы! — Анетушка, с вопросами и делами обращаюсь к тебе, знавши, что нашему лентяю некогда; получили ли вы Вертера?[4] Роздали ли хоть 20 экз.? — Жуковской должен себе взять один *как искреннее приношение* издателя,

---

[1] Письмо адресовано Жуковскому и сестре Анне Петровне, которая, судя по письму, была в это время в Петербурге.

[2] *Кашель стоит Поликратова кольца* — Авдотья Петровна имеет в виду балладу Шиллера «Поликратов перстень» (перевод которой Жуковский осуществит в 1831 году) о жертвоприношении богам в благодарность за радости жизни.

[3] *...читала описание твоего праздника...* — По всей видимости, дня рождения Жуковского, письмо о праздновании которого неизвестно.

[4] *...получили ли вы Вертера?* — Имеется в виду изданный А. А. Елагиным перевод «Вертера» Гете, сделанный Н. М. Рожалиным. Елагина рассчитывала на помощь Жуковского в распространении и продаже книги.

а остальные, если сами раздать не захотите, дайте на комиссию. Десять экз. моей Ал. Петровне, она возьмет охотно! — Хлопотали ли вы о Herren?** — Призови на этот счет Титова[1] и поболтай с ним. Он знает, как действовать и научит вас, а вы знаете, чего мне хочется, но я, пожалуй, и повторю. Нельзя ли напечатать за счет казны и раздавать по учебным заведениям? — Блудов должен знать, как важна эта книга. Еще дает мне некто комиссию заставить тебя спросить у ваших умных книгопродавцов, не купит ли кто из них перевод Education Pratique de Miss Edgeworth Education de Miss Hamilton***, *Levana* Рихтерова и еще писем M. De Guizot**** о воспитании[2]. Извольте перестать нежиться и действенную жизнь вести, хотя для комиссий. — А Куртнеровой просьбы ты не так поняла, душа моя, хотя из ученых! — Он не тех просит таблиц, которыми учит Жук Великого князя, а которыми учил по-русски великую княгиню Елену Павловну. Вероятно, той не нужно было картинок, а метода его может распростираться на всех иностранцев, учащихся по-русски. — Теперь о книгах: есть ли депарейлированные у Жук⟨овского⟩, годятся ли мои разрозненные томы? — Не забудь это все внести в свою записную книжку. Душенька, отчего же ты не получаешь денег своих? похлопочи хорошенько, не может статься, чтоб их тебе не выдали после стольких обещаний. — Не расстроила ли я тебя, занявши 200 ру⟨блей⟩? У меня они на совести, и я бы прислала их тебе, если бы не думала, что, всё равно, они тебе будут на обратный путь. — Муж уж с неделю уехал в деревню, 27-е число, и пишет, чтоб я обняла тебя, воображая, что ты тогда уже возвратилась. — Коклюш начинает проходить, дети кашляют реже, хотя еще довольно сильно; может статься, теперь уж и не пристанет их кашель к Маше, — они чувствуют заранее, когда будут кашлять, и я приучила их тихонько выходить перед тем вон, след., и она может в это время не быть с ними; когда ты приедешь, их можно заключить в одни горницы и не выпускать; впрочем, не бойся же их, душенька, и за коклюшем их не останавливайся. — Все они любят Машу без памяти и всякий день варақсают к ней письма.

Каролину я не вижу, она боится коклюша, но через отца перешлю ей поклон Мицкевича[3]. Тетушка Ел⟨ена⟩ Ник⟨олаевна⟩ очень больна, и я принуждена ездить

---

[1] *Призови на этот счет Титова...* — Владимир Павлович Титов (1807—1891), друг и сослуживец И. В. Киреевского и А. И. Кошелева по Московскому архиву Коллегии иностранных дел, член «Общества любомудров», участник альманаха «Мнемозина», входил в редакции «Московского вестника».

[2] *…купит ли кто из них перевод Educatijn Pratique de Miss Edgeworth, Education de Miss Hamilton, Levana Рихтерова и еще писем M. De Guizot о воспитании* — Авдотья Петровна называет педагогические труды по раннему воспитанию детей известных европейских авторов: «Практическое воспитание» Марии Эджворт, см. примечание к письму 34; «Letters on Education» (1801—1802); Елизаветы Гамильтон (Hamilton Elizabeth, 1758—1816); «Левана, или учение о воспитании» (1801) Ж.-П. Рихтера (Jean Paul, наст. имя Richter Johann Paul Friedrich 1763—1825); «Lettres sur l'éducation» (1826) Полины Гизо (Guizot Pauline, 1773—1827).

[3] *Каролину я не вижу ⟨…⟩ через отца перешлю ей поклон Мицкевича* — Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш, 1807—1893), поэтесса, переводчица, друг А. Мицкевича, Н. М. Языкова, постоянная посетительница дома Елагиных в 1820—1830-х годах.

туда, что меня ужасно расстраивает, как по страсти сидеть дома, так и по занятиям детей. — Дмит⟨рий⟩ Фед⟨орович⟩ тут же[1] и твои ручки целует. Что же еще? Ничего. — Ну, обнимите друг друга в мое воспоминание.

Перевод

[*] Дорогая мадмуазель Жуковская (*франц.*).
[**] Герен (*нем.*).
[***] «Практическое воспитание» Марии Эджворт, «Воспитание» Мисс Гамильтон (*франц.*).
[****] М. де Гизо (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 1—1 об.—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 129—130.
Печатается по автографу.

178. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

13 февраля 1829 С.-Петербург[2]

Милая Дуняша, ваше письмо я передал в оригинале Шамбо[3], секретарю Императрицы. Авось, что-нибудь сделается. Надобно вам однако знать, что императрица осыпана такою бездною просьб, что никаких способов быть не может для удовлетворения всех. Просьб сих так много, что они парализуют всякую помощь. Больших пособий делать нельзя! А что значат малые? Одни минутные пальятивы. — Вот ответ на ваши комиссии: Вертера[4] отдам в книжную лавку, где он будет продаваться по комиссии, как водится, с уступкою 20 процентов. Раздавать же его самому мне нет времени и некому — вперед не давайте мне таких комиссий! Они могут меня только тормошить, но знаю наперед, что не могу исполнить их. Перевод вообще очень хорош, но не ровен, и есть места, где переводчик не понял оригинала. Я все однако прочесть не успел. — Герен важное сочинение[5], но не учеб-

---

1 *...Дмит⟨рий⟩ Фед⟨орович⟩ тут же...* — Лицо не установлено.

2 Датируется как ответ на письмо Елагиной от 6 февраля 1829 года.

3 *...письмо я передал в оригинале Шамбо...* — Иван Павлович Шамбо (1783—1848), личный секретарь Императрицы Александры Федоровны.

4 *...Вертера отдам в книжную лавку...* — Перевод Гетевского «Вертера», сделанный Р. М. Рожалиным и изданный А. А. Елагиным без имени переводчика. «Страдания Вертера» были напечатаны в Москве, I-я часть в 1828 году, а II-я в 1829 г. Цензурное разрешение к напечатанию этой книги было дано 20 августа 1828 года.

5 *Герен важное сочинение...* — «Перевод сочинения Герена, вероятно, его «Handbuch der Geschichte des Europäschen Staatensystems» или же «Geschichte der Staaten des Alterthums». В конце 1827 года А. П. Елагина писала Жуковскому, что Рожалин «перевел Heern’а (т. е. Heeren’а) как бы сам Heern» (УС. С. 40). Быть может, здесь и разумеется одно из названных сочинений Герена, или же А. П. Елагина имела в виду переводы отрывков из сочинений Герена, которые были помещены Рожалиным в «Московском Вестнике» 1827 года (перечень их см. в ОА, т. III, Примечания, с. 583)» (Примечания И. А. Бычкова. РБ, 1912, № 7—-8. С. 107).

ная книга, и поэтому нельзя предложить Министерству ввести перевод Герена в употребление по учебным местам: об этом и просить нельзя. — Леваны переводить не советую[1], ибо ее нельзя перевести и по-русски выдет галиматья из того, что по немецки превосходно. M. Edgeworth и Hamilton другое дело. Но за успех не ручаюсь. — Не сердитесь, что так лаконически отвечаю на все эти запросы. У меня нет возможности хлопотать по обыкновенным комиссиям: в этом свидетельница вам Анна Петровна; от важных же никогда не откажусь. Обнимаю вас и ваших.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 57—57 об.
Впервые опубликовано: РБ, С. 106—107.
Печатается по копии.

179. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

март 1829[2]

Милая Дуняша! наконец то, чтó было неизбежно, совершилось. Наш ангел Саша на том свете. В прошлую субботу ввечеру, 9-го марта, самое то число, в которое я в последний раз расстался с Машею, получил я об этом известие из Пизы. Ко мне пишет об этом Зейдлиц[3], доктор и друг ее, Машин питомец, который сам ее отыскал в Гиере, не отставал от нее во все время, был добрым ангелом ее последних минут и остался ангелом-хранителем детей ее. Я уже давно ждал этого. Но все ужасно неожиданно. Е⟨катерина⟩ А⟨фанасьевна⟩ еще не знает, так я полагаю, почему и прошу вас не писать к ней ничего до тех пор, пока от меня или от Мойера не получите известия; скажите об этом и Авдотье Николаевне, и Анете, которым сообщите письмо мое. Благодарю Зейдлица, он письмом своим и меня привел к ее смертной постели, и я видел то, что, поражая сердце, знакомит его с лучшим земным благом, со смертию. Сашина смерть была, как жизнь ее, младенчески чиста и возвышенна. Она драгоценное для нас наследство. Ничего лучшего не могу сделать для вас, как выписать все из Зейдлицева письма: плачьте и благодарите за нее Бога.

---

[1] *Леваны переводить не советую*... — «Сочинение Жан-Поля Рихтера «Levana, oder Erziehungslehre», вышедшее первым изданием в Брауншвейге в 1807 году. По свидетельству П. И. Бартенева, А. П. Елагина, когда подрастали ее дети, перевела «Левану», но перевод этот остался неизданным (см. РА, 1877. Кн. II. С. 487)» (Примечания И. А. Бычкова. РБ, 1912, № 7—8. С. 107).

[2] Дата устанавливается на основании известия о смерти Александры Андреевны Воейковой.

[3] *Ко мне пишет об этом Зейдлиц*... — Карл Карлович Зейдлиц (1798—1885), доктор медицины, воспитанник Дерптского университета, ученик И. Ф. Мойера, преданный друг М. А. Мойер-Протасовой и А. А. Воейковой-Протасовой, автор книги «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным впечатлениям». СПб., 1883 г.

27 / 15 Februar. Morgen. 6 Uhr.

Lieber Freund und Bruder! Ahnen Sie das Schreckliche! Sagt jhen ihr Herz nicht, dass ihm für diese Welt etwas entrissen soi? Ah, gewiss! Die schöne Seele unserer beliebten Alexandrine ist in ihre Heimat zurückgekehrt. Ein sanfter Tod hat sie aus dem kummervollen irdischen Leben zum himmlischen eingeführt. Gegen Abend um 7 3 / 4 Uhr entschlief sie in vollem Bewustsein bis zum letzten Augenblicke. Am Morgen verlangte sie den Priester; um 9 Uhr liess sie sich ihre Flechte abscheinden, gab sie ihrer Katinka: sie möchte von dem Haare den Freunden mitheilen; dann sprach sie mit mir über ihren letzten Willen; schrieb mit zitternder Hand ein PaarZeilen an die Mutter, an Wojeykoff weiter reichten ihre Kräfte nicht; sie fuhr aber fort mit himmlischer Kraft von ihren baldigem Tode zu sprechen: *Ah, wie wünsch ich sogleich nach dem heiligen Abendmahle aus dem Leben zu gehen*. Um 1 Uhr kam der Priester aus Livorno, leider nicht der, welcher wir schon vor einigen Wochen das Abendmahl gereicht hatte, und den sie verehrte. Er war verreist: das war ihre letzte fehlgeschlagene Hoffnung, der letzte ihr versagte Wunsch. Schon eine halbe Stunde vorher hatte sie das Muttergottesbild vor sich stellen lassen. Madame Klustine las die Psalmen; andächtig auf den Knien eilten Kinder, Hausgenossen und Bekannten die Feier. Nach genossenem Abendmahle und geschehener Oelung ruhte sie eine halbe Stunde lang aus, rief dann ihre Kinder an das Bett, sprach zu ihnen unvergessliche Worte der Ermahnung, segnete sie, segnete ihren abwesenden Sohn, ihre abwesende Verwandte und Freunde, nahm von den gegenwärtigen Abschied — alles das in wahrhaft himmlescher Begeisterung — ihre Stimme war vernehmbar, ihre Wangen röteten sich, sie richtete sich im Bette auf. Als sie endlich ermattet auf das Kopfkissen zurücksank, drückte sie das Muttergottesbild inbrünstig an ihre Lippen, und sprach, die brennende Kerze in der Hand, laut ein Gebet. Bald war alles stille in dem Zimmer, nur das Schluchzen der Umstehenden unterbrach die feieriche stumme Erwartung — da schlug die nahe Kirchenuhr zweimal an. «Il est deux heures», sprach sie mit schwacher Stimme zu ihren Kindern, — «quand vous entendrez sonner cette heure, souvenez-vous toujours de moi et de mes dernières paroles». Von nun an nahm sie weniger Anteil an dem, was um sie her geschah, ihre Seele dachte aber noch klar fort, denn wenn aus ihrem Versinken erwachte, so war es um noch anzuornden, die trostlosen Kinder zu trösten und ihnen zu sagen: «Ne croyez pas que je souffre, je suis beaucoup mieux». Und diese wenige Worte der geliebten Mutter reichten hin die armen Waisen zu beruhigen, sie schliefen neben ihrer Mutter ein. Die Uhr schlug 5. «Ist das Ende nah?» sprach sie zu mir: «werde ich in zwei Stunden bein Vater sein?». Von Zeit zu Zeit öffnete sie die klaren Augen, um auf ihre Kinder zu sehen. «Laissez les dormir jusqu'à demain» — sagte sie, auch bis zum letzten Hauch um ihr Wohl besorgt. Um halb acht fragte sie mich, was die Uhr sei. «Couvrez moi — j'ai froid — entendez-vous? La parole me devient difficile». Das waren ihre letzten Worte. Noch wenige sanfte Atemzüge, und die entfesselte Seele kehrte zum Vater zurück*. Благодарю ее за ее милую жизнь, в которой она мне от своей купели до последней минуты была самый верный товарищ — в младенчестве и в ребячестве как милое, ясное утешение; в цветущей молодости как делитель и радости, и горя, как

сама поэзия; в своих страданиях, как милый предмет заботы: для всех ее бед я был для нее и подпорою, и отводом; наконец, и в последнюю минуту как изъяснитель лучшего на земле — тайны бессмертия! Одного прошу от Бога — возможность жить для ее детей. Тогда буду радоваться ее смертью.

Вот что пишет Зейдлиц в последнем письме своем:

Pisa, am 18 F. / 2 M.

Meinen letzten Brief haben Sie schon, ich kann Ihnen also ohne Vorbereitung von der Verehrung sprechen, welche wir Hausgenossen, welche die Bekannten in liebevoller Teilnahme der Hülle Alexandrinens geweihet haben. Von dem Augenblicke an, wo sie ihre Augen auf ewig schloss, bis zur Versenkung in die kühle Gruft haben ihre Diener, Lise, Lisette, Lukian und ich sich in die Pflege, Bewachung, Bedienung wie während ihres Lebens geteilt. In den Nächten waren wir an ihrer Bahre, die Psalmen wurden gelesen, die Gebete verrichtet — alles nach ihrem Wunsche und den Vorschriften der Kirche. Nochmals musste ich von meiner Tischlerkunst Gebrauch machen und Alexandrinen die letzte enge Behausung, den Sarg zurecht machen. Für Katti Moyer habe ich die erste, für letzte Wohnung zubereitet! Lieber Joukoffsky wie sonderbar das Geschick mich in Freud und Leid in Ihre Familie verwickelt hat. Im weissen Kleid, bedeckt mit einem weissen Schleier, das Crucifix in den gefaltenen Händen schien sie entseelte nur zu schlafen; aus ihrem lächelnden Gesichte war der seelenvolle Ausdruck noch nicht verschwunden — kein Zug von Leiden erinnerte uns an Pisa — so hatten wir sie am Tage des letzten Balles bei Saladin in Genf gesehen. Vorgestern wurde ihr letztes Lager zubereitet, jeder von uns legte die Hand ans Werk, als Zeichen der gewohnten Verehrung, und zur selben Stunde Abends um 9, wo wir sie sonst aus dem Saale in's Schlafgemach trugen, legten wir ihre Hülle in's ewige Bette. Die Familie des Grafen Maistre, und Dedell's nahmen Teil an dieser Feier, zu welcher ein griechischer Priester des Fürsten Caradja die Gebete verrichtete. Am folgenden Morgen um 5 begleiteten wir alle und der Priester den Sarg zur Kirche nach Livorno. Lukian behauptete seinen gewohnten Platz auf dem Wagen hinter seiner geliebten Herrin, die Kinder fuhren mit Madame Klustine. Im offenen Sarge wohnte Alexandrinen zum ersten und zum letzten Male im Ausland dem Gottes dienste in einer griechischen Kirche bei. Die andächtige Menge (es war Sonntag) drängte um die Bahre, an welcher nach dem geendigten Gottesdienste die Todtenmesse gehalten wurde. Der rührende Augenblick des Abschiedes kam, — ich schloss den Sarg, der im feierlichen Zuge durch die Stadt auf den Gettesacker getragen wurde. Auch hier noch wurde in der Kappele ein Gebet verrichtet — der Sarg stand am Rande der Gruft — ich hob zum letzten Male den Deckel ab, damit der Priester die geweihte Erde hineinwerfe, mit den symbolischen Worten: «От земли взят и в землю пойдеши!» Die Sonne warf durch eine Wolkenspalte den letzten Strahl auf Freundin und verbarg sich. Leichte Schneeflocken fielen noch auf ihren weissen Schleier — und ich schloss auf ewig die ewige Behausung Alexandrinens. Die aufdrönenden Erdshollenden waren das letzte was ihre Ruhe störte: jetzt ruht sie!»[**]

Над нею будет такой же крест, как и над Машею, и с тою же надписью из Евангелия: «Да не смущается сердце ваше». Простите. Перепишите это для Анеты и прочитайте Авд⟨отье⟩ Николаевне. Но чтобы никто еще не писал к Е⟨катерине⟩ Афанасьевне.

Перевод

* 27 / 15 февраля. Утро. 6 часов.

Любимый, дорогой, друг и брат! Представьте себе ужасное! Не говорит ли Вам Ваше сердце, что из этого мира для него что-то вырвано? Ах, конечно! Прекрасная душа нашей любимой Александрины вернулась на свою родину. Кроткая смерть ввела ее из полной забот земной жизни в небесную. Под вечер в 7.45 она почила в полном сознании до последнего мгновения. Утром она потребовала священника; в 9 часов она велела обрезать себе косы, отдала своей Катиньке: она хочет рассказать о волосах друзьям; потом она говорила со мной о ее последней воле; написала дрожащей рукой пару строк матери, Воейкову; на большее ее сил не хватило. Однако она продолжила говорить о ее скорой смерти с небесной силой*: Ах, как я хочу тотчас попасть из жизни на святую Вечерю* (*Причастие*). В час прибыл священник из Ливорно, к сожалению, не тот, который уже несколько недель ее причащал и которого она уважала; он был в отъезде: это была ее последняя несбывшаяся надежда, ее последнее изменившее ей желание. Уже полчаса назад она велела поставить перед собой икону Божьей матери. Мадам Хлюстина читала псалмы; набожно (благоговейно, торжественно) на коленях дети, домочадцы и знакомые разделяли торжество. После вкушенного причастия и произошедшего соборования она отдыхала полчаса, потом позвала детей к постели, говорила им незабываемые слова наставления, благословила их, благословила ее отсутствующего сына, ее отсутствующих родственников и друзей, попрощалась с присутствующими — все это в истинно небесном воодушевлении — ее голос был более слышимый, ее щеки разрумянились, она приподнялась в постели. Когда она наконец утомленно откинулась обратно на подушку, она страстно прижала икону Божьей Матери к губам, и громко прочла молитву с пылающей свечой в руке. Скоро в комнате все стихло, только всхлипывание стоящих вокруг прерывало торжественное немое ожидание — так часы близлежащей церкви пробили дважды. «Il est deux heures», сказала она слабым голосом своим детям, — «quand vous entendrez sonner cette heure, souvenez vous toujours de moi et de mes dernières paroles»[#]. С этого времени она проявляла меньший интерес к тому, что происходило вокруг нее, но ее душа еще продолжала ясно мыслить, потому что когда она очнулась от забытья, было велено утешить неутешных детей и сказать им: «Ne croyez pas que je souffre, je suis beaucoup mieux»[##]. И этих нескольких слов хватило, чтобы успокоить бедных сироток, они заснули рядом с матерью. Часы пробили 5. «Конец близок?» — спросила она меня, — «буду ли я через два часа у Отца?» Время от времени она открывала ясные глаза, чтобы посмотреть на своих детей. «Laissez les dormir jusqu'à demain»[###] — сказала она, до последнего дыхания заботясь о их благополучии. В полвосьмого она спросила меня, что на часах. «Couvrez moi — j'ai froid — entendez vous? La parole me devient difficile»[####]. Это были ее последние слова. Еще несколько кротких вздохов, и освободившаяся от оков душа вернулась к Отцу (*нем.*).

Два часа ⟨…⟩ когда вы будете слушать, как бьют этот час, вспоминайте всегда обо мне и моих последних словах (*франц.*).

Не думайте, что я страдаю, мне много лучше (*франц.*).

Дайте им проспать до завтра (*франц.*).

Укройте меня, мне холодно, слышите? Мне трудно говорить (*франц.*).

** Пиза, 18февр / 2 марта

Мое последнее письмо у Вас уже есть, так что я могу говорить Вам без подготовлений о почтении, которое мы, домочадцы, которое знакомые в любящем участии посвятили телу Александрины. С того момента, когда она навсегда закрыла глаза, и до погружения в прохладный склеп, ее слуги, Лиза, Лизетта, Лукиан и я разделяли, как при ее жизни, заботу, охрану, услужение. Ночами мы были у ее носилок, читались псалмы, возносились молитвы — все по ее желанию и предписаниям церкви. Я должен был еще раз использовать свое искусство столяра и смастерить Александрине последний узкий приют, гроб. Для Кати Мойер я приготовил первое, для Александрины последнее жилище! Дорогой Жуковский, как причудливо судьба переплела меня в радости и в горе с вашей семьей. В белом платье, накрытая белым покрывалом, с распятием в сложенных руках, она, бездыханная, казалась только спящей; с ее улыбающегося лица еще не исчезло духовное выражение — никакой след страданий не напоминал нам о Пизе — *такой* мы видели ее в день последнего бала у Саладина в Женеве. Позавчера было приготовлено ее последнее ложе, каждый из нас приложил руку к творению, как знак привычного уважения, и в тот же час, вечером 9, когда мы вынесли ее из зала в спальный покой, мы положили ее тело в вечную постель. Семья графа Мейстра и Деделли приняли участие в этом торжестве, на котором возносил молитвы греческий священник князя Карадья. Следующим утром в 5 мы все и священник сопроводили гроб до церкви в Ливорно. Лукиан отстоял за собой свое обычное место на экипаже (коляске, карете, повозке, возе, телеге, тележке) за своей любимой госпожой, дети ехали с мадам Хлюстиной. В открытом гробу Александрина в первый и последний раз присутствовала за границей на богослужении в греческой церкви. Набожная (внимательная, сосредоточенная, благоговейная) толпа (это было воскресенье) любознательно толпилась у носилок, на которых держали панихиду после законченного богослужения. Пришел трогательный момент прощания,— я закрыл гроб, который несли по городу торжественным шествием на кладбище. Здесь в капелле тоже вознесли молитву — гроб стоял на краю склепа — я в последний раз приподнял покрывало, чтобы священник кинул внутрь освященную землю, с символичными словами: «От земли взятъ и въ землю пойдеши!» Солнце бросило через зазор в облаках последний луч на вашу подругу и спряталось. Легкие снежинки еще падали на ее белое покрывало — и я закрыл навсегда вечное пристанище Александрины. Застучавшие комья земли были последним, что нарушило ее покой: теперь она покоится! [1]

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10. л. 3—4 с об.
Впервые опубликовано: Татевский сборник. 1899. С. 73—77.
Печатается по автографу.

180. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 апреля 1829[2]

Бесценный друг! я долго не отвечала вам, потому что была больна и теперь едва могу смотреть, так сильно болела голова. — Горькая ваша весть сильно меня расстроила, и если бы была хоть малейшая возможность, полетела бы к Маменьке. Конечно, я мало бы принесла ей утешения, да когда сердце полно любовью, все кажется на что-нибудь оно годится. Ангел Саша! Кончина ее точно такая же,

[1] Печатается с автографа, сообщенного В. Н. Лясковским.

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от марта 1829 года.

как жизнь! Столько же доверенности к Провидению и к друзьям, столько же ясности и любви! Во всем Господь положил на нее печать избрания! А давши вас, друг несравненный! чего Он не дал? Какое счастье может быть лучше? Странная судьба ваша в семье нашей! *La pierre qui a été rejettée par ceux qui bâtirent est devenue la principale pierre de l'angle!** — Носите с благоговением это святое сходство! Нельзя сказать, как сильно оно меня трогает! Будьте всем нашим отрадою, покровителем, защитником, счастьем! *Устраивайте их участь*! Я не писала еще к Маменьке, не знаю об ней ничего. — Когда дети будут? Как вы располагаете ими? — Душа моя, не гожусь ли я вам, им на что? Не поедете ли вы сами в Дерпт? — И не поленитесь обо всем поскорее уведомить меня. Как непонятны нам пути Господни! Бедный третий листок нашего *Kleeblatta!*** На что так *смущается сердце мое*! На что одна так отчуждена! Должна засыхать даже после их могилы! Отчего не могу с их креста перенесть это в душу? Как часто слышатся эти слова мне с милым голосом моей Маши, так же как в первый страшный сердцу час, когда она мне их читала, — и однако ж всё сердце смущается неизъяснимою тоскою, неизъяснимою горестью! Ах, Жуковский, для чего не могу я вам хоть показать судьбу мою!

Надежда Никол⟨аевна⟩ Шеремет⟨ева⟩ вас обнимает[1]: она истинно огорчена нашим горем, хотела писать к вам сама, да боится мешать. К сестре письмо ваше тотчас послала и прочла Арбеневой и Анюте, когда они были у меня.

Перевод

* камень, который был брошен тем, кто строил, стал краевым угловым камнем (*франц.*).
** клевер, трилистник (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 1—4.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 130.
Печатается по автографу.

181. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

16 апреля 1829 г.[2]

Христос воскресе! милая Дуняша! Счастливы мы, что можем сказать такое слово на гробах Маши и Саши! Послезавтра еду в Дерпт повторить его их несчастной матери. На днях получил письмо от Зейдлица из Сестри близ Генуи. Дети едут на родину: они остановятся на неделю в Женеве, где Андрюша оставлен матерью и будет оставлен на несколько лет в пансионе[3]. Обе потом остановятся в Дерпте;

[1] *Надежда Никол⟨аевна⟩ Шеремет⟨ева⟩ Вас обнимает…* — Н. Н. Шереметева, см. примечание к письму 143.

[2] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 3 апреля 1829 года.

[3] *Дети едут на родину: они остановятся на неделю в Женеве, где Андрюша оставлен матерью и будет оставлен на несколько лет в пансионе* — Речь идет о детях умершей А. А. Во-

оттуда в Петербург. Две старшие помещены будут в Екатерининский Институт; Императрица, которая любила их мать, берет их на свое попечение. Сначала я мечтал поселить их у себя; но это невозможно: и теперь уже Катя по росту своему кажется совершенною, а через три года она войдет и в совершеннолетие — как ей жить у меня. Надобно отказаться от настоящего для будущего. Это будущее устроится помещением в институт. Меньшая, Маша, вероятно, если этого Ек⟨атерина⟩ Афан⟨асьевна⟩ захочет, останется у своей бабушки; а потом, когда войдет в лета, отдадим ее в Смольный монастырь. Прелестный ребенок. Зейдлиц пишет, что она не может произнести имени матери, не вспыхнув вся в лице. Когда крестится после обеда, то говорит: *благодарствуй Бог и Маменька*! Садясь в карету и видя, что матери нет на том месте, на котором она ее обыкновенно видела, она сказала: *А для чего моя маменька с нами не едет? Ах, как долго она в Ливурне остается! няня, приведешь ее?* — Ек⟨атерина⟩ Аф⟨анасьевна⟩ еще ни о чем не знает. Я писал Мойеру, чтоб он ей объявил; писал и к ней, но не знаю еще, сделал ли он это. Итак, погодите писать до следующей недели, то есть до Фоминой. Тогда она уже все знать будет: с моим приездом все откроется. Из Дерпта, где пробуду неделю, поеду в Варшаву и возвращусь не прежде июля месяца. Просьбу Астафьевой получил[1], но теперь совсем не время отдавать ее; надобно отложить до июля; теперь с хлопотами отъезда все забудется; и меня здесь не будет. Лучше подать ее тогда, по моем возвращении. Вы же забыли важное: выставить ее адрес на письме; надобно в конце его сказать: жительство имею там-то, иначе куда отвечать. Итак, пришлите просьбу после моего возвращения и не забудьте адреса. Простите, милая. Похристосуйтесь за меня со всеми вашими. Подробности о детях сообщите Авдотье Николаевне и Анете.

16 апреля
Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 58—58 об.—59.
Впервые опубликовано: УС. С. 47—48.
Печатается по копии.

182. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

5 июня 1829[2]

Друг мой Жуковский! дней через 8 или 10 Петруша едет в Минхен! Чувствуете ли вы, что вам надо благословить его родительским благословением; сердечным, теплым, для того, чтобы мне было отраднее? Знаю, что немецкий Университет

ейковой: Катя, Саша и Маша поедут в Россию, а маленький Андрей на несколько лет будет определен в пансион в Женеве.

[1] *Просьбу Астафьевой получил…* — Лицо не установлено.

[2] Дата устанавливается на основании указания на отъезд П. В. Киреевского за границу летом 1829 г.

будет для него полезен, и Минхен выбрали потому, что там живет Тютчев[1], женатый молодой человек, очень хороший,— он там при посольстве, а я с отцом его и со всею семьею коротко знакома, след⟨ственно⟩, могу во всяком случае на него положиться — и не смотря на то, мне так эта разлука горька и тяжела, что трудно понять. Бедный мой Пьер такой же бестолковый ребенок! не только людей не знает, но от большой застенчивости боится их. Надеюсь, что одиночество и нужда всё это исправят, тяжело однако ж на это осуждать их. Благословите его, душа моя, мне утешительно будет знать, что вы его поход одобряете. Этим Минхеном мы точно заменили военную службу, за которую вы с такою горячею дружбою хотели приняться. Он не запишется студентом, а будет проходить курс вольным слушателем. До Бреслау с ним едет один давно знакомый нам немец, а там один. — Если б Рожалин мог к нему присоединиться, я была бы совсем счастлива, но для этого нужно еще три тысячи, которых по расстроенному состоянию и по необходимым издержкам на остальную большую мою семью, не могу, к сокрушению моему, дать. — Друг мой, не сердитесь, если я опять смею приступить к вам с сердечною об нем просьбою. Рожалин дорог мне как дитя мое, как мой умерший Рафаэль. — О двух больших сыновьях моих я не даю вам забот, не хочу обременять вас ничем без необходимости: но тут ваша благодетельная помощь мне *необходима*. Если вы можете и *хотите* помочь мне, то я приму вашу помощь как *благодеяние*. — Кайсаровы обманули Рож⟨алина⟩[2] — не поехали никуда, кроме Дрездена, и теперь возвращаются, когда еще 2 года ученья ему были бы необходимы. Они очень знакомы с Шредером[3], с посланником нашим в Дрездене. — Чувствуя свою вину перед Рож⟨алиным⟩,— они предлагают ему стараться поместить его при посольстве на место Мещерского, который взял отставку и уехал в Италию. Но для этого нужно ваше пособие в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨у⟩рге. Мещерский получал 3000[4], но имел огромное состояние. Ежели бы можно дать Рожалину место Мещерского и тысячу серебром жалованья, то все наши желания были бы исполнены. Это предлагает Кайсарова, след⟨овательно⟩, не моя глупая голова выдумала, след⟨ственно⟩, входит в категорию удобоисполнительных вещей и не стоит того, чтобы отвергнутой быть с презрением, как многие другие мои прожекты. — Не сердитесь на меня за эту просьбу и за хлопоты, которые я смею давать вам. Ей Богу, мне тяжела необходимость вас беспокоить и тяжело, что это тяжело. — Но ежели б я совсем уже

---

[1] *...там живет Тютчев...* — Ф. И. Тютчев (1803—1873), поэт, дипломат.

[2] *...Кайсаровы обманули Рожалина...* — Кайсаровы: Паисий Сергеевич Кайсаров (1783—1844), генерал от инфантерии, сенатор; брат друга Жуковского — Андрея Кайсарова, жена — Варвара Яковлевна (урожд. Ланская), больная дочь-подросток, у которых Н. М. Рожалин рассчитывал пробыть несколько лет, через год возвращались в Россию. Рожалин должен был прервать свои занятия, не имея средств. А. П. просила Жуковского помочь ему получить место при посольстве.

[3] *...они очень знакомы с Шредером...* — Андрей Андреевич Шредер (1779—1858), дипломат, русский министр в Дрездене при саксен-веймарском дворе.

[4] *...Мещерский получал 3000...* — Элим Петрович Мещерский (1808—1870), князь, дипломат и литератор.

не смела относиться к вам, еще было б тяжелее! — Да, Бог даст, этого не будет! Верить прошедшему нельзя перестать, а *такое* прошедшее для сердца вечно.

Над⟨ежда⟩ Ник⟨олаевна⟩ Шереметева вам кланяется; мы с ней каждый день скажем об вас несколько сердечных слов. — Где Сашины дети? что сделали вы уже для них, бесценный наш хранитель? Как нашли вы их? не переменились ли? Андрюшу Свербеева (которая с мужем поехала в Женеву) будет видеть часто[1] и обещала сказать мне об нем и доставить ему нужное или приятное. Когда же из вашего путешествия возвратились? Помните ли, что вы мне приказали отложить поступление в службу Ванюши до коронации, ибо тогда сами хотели об нем заботиться. — Вы уехали вместо того на два года в чужие края! Теперь опять Пьера собрала и почти отпустила во время вашего отсутствия! Благословите его на путь грядущий; на доброе учение, разделите немножко мои чувства и горесть разлуки, и надежду на пользу и образование! —

Приписка:

Позвольте мне самому просить вашего благословения; доброе желание ваше должно принести добра.

Всем сердцем вас почитающий
П. Киреевский

Получили ли вы бумагу сестры Анны Петровны?

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 5—5 об.—6.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 131.
Печатается по автографу.

183. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

13 августа 1829[2]

Несравненный мой Жуковский, все, какие есть горячие чувства в душе, все теснятся на перо, когда принимаешься писать вам; все, что есть хорошего в любви, что есть пламенного в благодарности, все хотелось бы вам высказать, если бы вы *давно* уже не знали, что из этого составлено мое сердце. — Астафьева прислала мне ваше письмо к ней. Вы поверите, когда скажу вам, что оно мне придало больше твердости перенести разлуку с Пьером, не по дружбе к ней, я ее едва знаю, а по сладкому чувству благодарности к Богу за вас. Не пишите ко мне никогда, не доставляйте сведения о таких поступках, и я все-таки вами же буду счастлива.

---

[1] *Андрюшу Свербеева* (*которая с мужем поехала в Женеву*) *будет видеть часто*… — Андрюша Воейков; Екатерина Александровна Свербеева (урожд. Щербатова, 1808—1892), жена Дмитрия Николаевича Свербеева (1799—1874), воспитанника Московского университета, дипломата, автора «Записок» (М., 1899).

[2] Дата устанавливается на основании просьбы Авдотьи Петровны о Рожалине, который в это время находился за границей.

Не понимаю, как Абадонне не довольно было смотреть на Абдила чистого, светлого, счастливого: сладостнее этого блаженства мало каких. — Мне судьба не дала любить вас *при вас,* вместе чувствовать то, что вы чувствуете и делить каждый час вашей милой жизни, но ведь и теперь сердце осталось то же, которое во *дни оны* с такой полнотой, билось нашим горем и вашим горем и вашим счастием. Один час свиданья — и мне стало бы без слов и объяснений опять известно все, что разлука от меня спрятала и что не могла отгадать издали. Одни ли вы проснулись? ваши сны не наяву ли я видала? — И когда так *смущается мое сердце* не в мыслях ли об вас я ищу утешения? А вам ужель не доставляет отрады мысль о такой верной, такой горячей дружбе? которая всегда, во всякое время готова откликнуться голосом сочувствующей души? — Не браните меня за мои иногда извинения: ведь мы все-таки розно; а между нами столько чужих! Всегдашнее чувство веры было бы счастием, несовместным с человечеством, а моему бедному человечеству, поверьте, довольно силы нужно, чтобы не совсем désespérer de la partie*. — Кайсаров уверял здесь, что он говорил Нессельроде о Рожалине[1] и что тот *обещал ему непременно* поместить Рожалина на место Мещерского как скоро будет представление о нем Шредера и даже без представления. Не знаю, сколько тут правды. — Рож⟨алин⟩ кандидат Моск⟨овского⟩ Универ⟨ситета⟩ — это составляет 10-й класс, дворянин, но без 1000 сер. жалования не имеет возможности занимать места в посольстве. Кайс⟨аров⟩ за все это ручается, боюсь однако, что все это слова, для того чтобы мне не жаловались на бессовестность его поступка с Рожалиным. Ежели вам можно, похлопочите об этом месте, многие мои заботы бы улеглись, ежели можно, si non non**. —

Вот вам письмо от Надежды Николаевны Шереметевой. Она просит, чтобы вы, читавши его, помнили, что 29-е авгу⟨ста⟩ память Саши, должно быть освящено достойным её и вас делом, но грустно и ей, если огорчают вас новой невозможностью и новым отказом. Велит мне обнять вас, сама не пишет оттого, что мудрено без празднословия говорить *вам* о том, как вас видит и любит: эту сладкую беседу мы сбережем для наших свиданий.

Господь с вами, моё сокровище!

Eudoxie Arbeneff*** отдает замуж свою *Машу* за Норова[2], и все очень счастливы этим.

Перевод

* придти в отчаяние от этого (*франц.*).
** если нет, то нет (*франц.*).
*** Евдокия Арбенева (*франц.*).

---

[1] *Кайсаров уверял здесь, что он говорил Нессельроде о Рожалине…* — Карл Васильевич Нессельроде (1780—1862) в 1814—1856 гг. министр иностранных дел.

[2] *Eudoxie Arbeneff отдает замуж свою Машу за Норова…* — Авдотья Николаевна Арбенева, см. примечание к письму 6; Маша, дочь А. Н. Арбеневой, муж Маши — Владимир Андреевич Норов.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 7—7 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 132.
Печатается по автографу.

184. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

14 июля 1829 г[1]. СПб.

Милая Дуняша! Петруша, вероятно, уже отправился или тотчас отправится по получении моего письма: даю ему от всего сердца мое благословение и желаю душевно, чтобы он выучился дельным образом и, выучившись, выбрал одну, неизменную деятельность и если найдет в себе охоту и способность, — деятельность писателя. Жалею очень однако, что не знал предварительно о вашем намерении отправить его в немецкий университет. Я бы выбрал для него Берлинский, который богат знаменитыми людьми. А Берлин лучшее местопребывание, нежели Мюнхен. Но главною побудительною причиною моего выбора было бы то, что я мог бы его рекомендовать надежным людям, которые не только бы показали ему, по какой дороге идти, но помогли бы ему идти по ней. Впрочем, Мюнхен много может ему сделать добра, я и надеюсь. Главное дело в занятии. Итак, благословляю его сердцем и словом. Что же касается до Рожалина, то вы просите от меня невозможного: места при миссиях даются служащим и по большой протекции. Надобно прежде войти в службу иностранных дел Министерства, чтобы получить право на помещение при Миссии, и то стоит большого труда,— ибо кандидатов множество. Если Кайсаровы действительно хотят помочь Рожалину через Шредера[2], то пускай попытаются, но я никак не надеюсь успеха. Что может сделать Шредер? Я с своей стороны спрошу здесь, у кого должно, может ли это быть, но наперед знаю, что мне не иметь удачи. При том же вы ничего мне не сказали об Рожалине, кроме его имени. Когда просишь о ком, надобно сказать и чин его, и где он служит или служил прежде; все эти подробности необходимы: нужно иметь порядочную, полную записку. Пришлите ее. Теперь Императрица возвращается. Можно будет подать ей то письмо, которое вы подать хотели — присылайте и его; я передам, кому следует. — Что у вас за оговорки со мною? Право, не знаю, кто вас этому языку научил и что у вас за мнение гомозится в голове на мой счет. Скучать вашими комиссиями мне нельзя, я не откажусь ни от чего возможного, а насчет невозможного просто скажу: *нет*. Комиссий же, по которым бы нужно было *бегать самому* никогда не давайте мне; я их не могу исполнять, ибо я не могу бегать: мне судьба теперь быть сиднем и весьма одиноким сиднем. Если же вы предполагаете, что у меня есть какой-нибудь кредит, то ошибаетесь. Я ведь в свете не живу; и мои здешние занятия такого рода, что мой образ жизни довольно

---

[1] Датируется как ответ на письмо Елагиной от 5 июля 1829 года.

[2] *Если Кайсаровы действительно хотят помочь Рожалину через Шредера…* — См. примечания к письму 182.

похож на Муратовский: à quelques beaux rêves. Encore un beau de moins — c'est celui d'Alexandrine!* Дети здесь. Старших взяла Императрица на свой счет, то есть приказала их поместить в Екатерининский Институт; но пока они живут в Царском Селе у графини Толстой[1], ибо в коклюше обе. Маша (прелестный, веселый, ласковый ребенок) будет жить у Екатерины Афанасьевны. Со времени нашей потери я ее два раза видел — проездом в Варшаву и из Варшавы. Ужасная степь кругом ее, но в этом уединении слышится милый голосок Машиной Кати, в которую сама она расцветает. А они *обе*, лучшее наше во время оно, — где они? И гробы их на их жизнь похожи. Около одной скромная, глубокая, цветущая тишина: ровное поле, дорога, вечернее солнце; около другой — живое, веселое небо Италии, благовонные цветы Италии. Где-то их милые, светлые души?

Приложенное письмо отдайте *Ротчеву*[2]. Да напишите адрес: я не знаю, как его имя прозаическое; мне известно одно поэтическое.

Перевод

* в некоторых сладких снах. И еще один — это о Саше (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 60—61 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 48—49.
Печатается по копии.

185. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

27 августа 1829[3]

Ваше приказание исполнила, бесценный мой друг, сама отдала Авд⟨отье⟩ Степановне ваши 600 руб.[4] — (вчера только полученные) и все предлагала, что только в силах сделать. — В деревню она покуда не хочет. У нее здесь дом и главное — большие дочери, которых она бы хотела отдать замуж. В Долбине она не надеется найти им женихов и даже для своего здоровья не хочет оставить Москвы. — Душа моя, неужели вы воображаете, что можно просить меня заботиться о человеке, которым вы занимаетесь? Авд⟨отья⟩ Степ⟨ановна⟩ сама вам скажет, что я вашего письма для этого не дожидалась. — Но ведь я много не могу. — Теперь она дала мне слово с малейшей нуждой своей относиться ко мне. Я предлагала продать ей

[1] *...пока они живут в Царском Селе у графини Толстой...* — Прасковья Васильевна Толстая (урожд. Барыкова, 1796—1879), графиня.

[2] *Приложенное письмо отдайте Ротчеву* — Ротчев Александр Гаврилович (1813—1873), воспитанник Московского университета, писатель, переводчик Шиллера, Шекспира.

[3] Дата устанавливается на основании упоминания о двух ранее отправленных письмах: от 28 июля и 13 августа 1829 года.

[4] *...сама отдала Авд⟨отье⟩ Степановне ваши 600 руб⟨лей⟩...* — А. С. Астракова, см. примечание к письму 81.

дом и поселиться здесь в Москве, у меня, но и отказ понимаю, хотя бы я ее, право, покоила. Может статься, со временем она это и сделает, ибо она меня любит. Весело видеть ее к вам благодарность. — Друг бесценный, вы так близки к Богу, что Он сам, конечно, внушил вам доставить мне утешение этого дела вашего: если б вы знали, как несносно тяжело теперь душе моей! — Раза два решалась теперь поехать к вам, больше ни для чего, как только взглянуть на вас, сокровище моей души, дать себе силы. Если не одолеет уныние, не ручаюсь, чтобы я не сделала этого; не удивляйтесь же тогда. Фонарь ваш заказала, благодарствуйте! — Если б мне слушаться того, что шепчет теперь чувство, то не фонарь послала бы вам, тихим ровным светом на гладкой улице светящий, а маяк, которого спасительный свет хранит готового погибнуть в буяне. — Пусть к этому фонарю с воспоминанием прежнего светлого ряда прошедших привяжется мысль той минуты, в которую я его заказываю, где мало того света, которым спокойные люди довольствуются[1].

Обнимаю вас, душа моя.

Я к вам два раза писала, одно 28 июля, об отъезде Пьера, другое 13 августа с Шереметевой письмом.

Сын Авд⟨отьи⟩ Степ⟨ановны⟩ служил 30 лет, 25 офицером, может статься ей *следует пенсия*, кажется даже так,

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 8—8 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 133.
Печатается по автографу.

186. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 сентября 1829[2]

Печатку вашу, бесценный друг, привезет вам Мальцов[3], приятель Ванюши, который едет служить в Пет⟨е⟩р⟨бург⟩. И выпросил печатку для того, чтобы иметь счастие вам представиться. Он необыкновенно хороший молодой человек, с религиозными правилами и строгою жизнью. Отец его известен своими заводами, удачами, честностью и богатством, не с чванством, а с пользою употребленными. — Ваша ласка будет счастие пылкой душе молодого Мальцова. — О Ванюше, между тем, он вам расскажет немного. За то я теперь, милый друг, читайте это письмо, когда

---

[1] *Фонарь ваш заказала ⟨…⟩ Пусть к этому фонарю с воспоминанием прежнего светлого ряда прошедших привяжется мысль той минуты, в которую я его заказываю, где мало того света, которым спокойные люди довольствуются* — См. примечание к письму 38.

[2] Дата устанавливается на основании упоминания о пребывании Петра Киреевского в Германии (1829 г.), а также отправке в Петербург почтовой печатки, о которой речь шла в письме от 27 августа 1829 года.

[3] *Печатку вашу, бесценный друг, привезет вам Мальцов…* — Иван Сергеевич Мальцов (Мальцев) (1807—1880), дипломат, сослуживец И. В. Киреевского и А. И. Кошелева по Московскому архиву Коллегии иностранных дел, участвовал в издании «Московского вестника»; в марте 1827 года переведен по службе в Петербург.

можете мне дать целый час времени; оно заставит вас обо мне думать. Вот что у нас делается: Ванюша привязался к Наташе Арбеневой[1]. Я не подозревала даже этой страсти; он сватался; Авд⟨отья⟩ Ник⟨олаевна⟩ отказала ему в *силу родства*, он огорчен, уныл, погружен в одну мысль, нездоров, подал в отставку и хочет непременно уехать в чужие края. Я отпускаю его, хотя, быть может, и тут не знаю, что делаю. Эта беда настигла меня так нежданно, что я не умею собрать против нее ум свой. Все сердце мое в молодости истерзано было такою же любовью и теперь, когда в старости опираюсь на их счастие, на их успехи, тот же преждевременный крест на Машиной могиле смущает мою душу. В другой раз ту же тоску я вынести не в силах. На мои вопросы, на упреки Авд⟨отья⟩ Ник⟨олаевна⟩ отвечает мне *вами*, говорит, что Ванюшина чистая любовь вреда ему не сделает, что её истреблять не нужно, что Тетушка вот как поступила, что сливая мое горькое прошедшее с горем настоящим, делает его невыносимым. Наташа не стоит такой любви, холодное её кокетство может вскружить голову мальчику, который с красотой поневоле связывает достоинства, но я, слышавшая их ежедневные планы о *богатых* женихах, их тщеславные старания, всю пустоту занятий, все чванство, всю необразованность, не могла предположить к ней любовь в душе высокой. — Конечно, он видит ее не такою, но завлекла его необыкновенная ласковость Авд⟨отьи⟩ Никол⟨аевны⟩, обращение с ним, которое меня, дуру, так радовало! Душа моя, что мне теперь делать? — Сокрушение Ванюшино мучает меня так, что не в силах быть благоразумной. Он собирается в Париж — слушать там лекции, учиться и потом, *если* осветит ее душа, посвятить себя литературе. Если б он мог внимать хоть самолюбию, хоть бы пленяла его слава, тогда б начал опять заниматься, трудиться и спаслась бы тогда душа наша! — Надеялась на Баратынского[2], надеялась, что его нежное сердце вырвет доверенность, вынудит признание; как бы легче ему было тогда! Но Баратынский, не подозревая, как он был нам необходим, не мог вырваться из своей Подмосковной, а теперь уехал надолго в Чамбор. — С душой кроткой, нежной, привязчивой, Ванюша необыкновенно скрытен; всякое чувство бережет глубоко, и ни одно не выходит наружу. Никто не владеет его доверенностью, и теперешнее горе выносит один со всею горячею тоской первой молодости; переламывает себя для меня, иногда притворяясь веселым,— а между тем — худеет, не спит и смотрит на все без участия. — Там же, между тем, то толки о совести с Филаретом (которого она заставляет говорить, что сама думает и чего сама хочет), то толки о Дурасове, 60-летнем богатом, глупом сенаторе, но по уши в нарядах, серьгах и перьях. — Гораздо лучше, пускай его едет, вынесу ли, вынесу ли разлуку, нежели всю судьбу свою вверить этой хитрой, расчетливой, холодной девочке! У них не было дружбы между собою, rien que le manège ordinaire des coquettes*, неужели эта безумная страсть не пройдет в чистой, высокой

[1] *Ванюша привязался к Наташе Арбеневой…* — Наталья Петровна Арбенева (1809—1900), в замужестве Киреевская. Это одно из первых писем А. П. Елагиной, повествующих о глубоком чувстве Ивана Васильевича и о начале трудной истории любви.

[2] *Надеялась на Баратынского…* — Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844), поэт и друг И. В. Киреевского.

душе его? — Авд⟨отья⟩ Ник⟨олаевна⟩ хочет, чтобы они виделись часто, попрежнему; и говорит, что Тетушка так делала. Конечно, если б он мог ее видеть так, как она есть, но страсть ведь завязала ему глаза; — Авд⟨отья⟩ Ник⟨олаевна⟩, не спросившись со мною, хоть однажды сделала то, что мне надобно: отказала, не обинуясь. — Теперь она раскаивается, но я не пускаю туда Ванюшу. — Вам позволил он мне сказать только то, что собирается ехать в Париж и боится несколько вашего неодобрения, боится, чтобы вы не остановили его для меня. Я же не в состоянии показать вам одну сторону вещи, вот всё наше положение перед вами. — Но можете вы теперь думать обо мне иначе как в отношении к ним, иначе я теперь не существую,— если ему это лучше, то скажите, чтоб он ехал, поднимите словом одобрительным будущих надежд его бедную, грустную душу; заставьте его искать не отдаления, не разлуки, а учения, деятельности, пользы. — О, для чего я не могу вас видеть! вы упрекали меня, душа моя, что я не говорила вам о военных сборах Петруши, но его здоровая, покойная душа послушалась моих увещаний, сдалась на мое желание, он выбрал цель вернее: со мной расстался с бодрым духом и постоянным ученьем заслуживает счастие трудиться с пользой для Отечества,— зачем же заботами проходящими смущать вас? — Здесь же, когда сильно страдает душа моя, я прошу вас разделить это со мною, дать мне сил, ума, твердости. Я не могу, не могу крушиться его тоскою. Свадьбы этой я не хочу даже, потому что ему 22 года; знаю, что это родство, которое вдруг таким грехом представляется Авд⟨отье⟩ Ник⟨олаевне⟩, не помешало бы ей, если бы Ванюша был богат или знатен (знаю это потому, что *она* благословила Трубецкую за Мансурова[1], *двоюродного брата* и того же Филарета заставила благословить их образом[2]); — не мудрено; если они вдруг и согласятся, если другие планы не сбудутся; но, Жуковский, не хочу еще больше его сокрушения, его отчаяния. Уедет он от нас, что он найдет? Кто утвердит его душу? даст ему и желания и силы для добра? — Чувствую, что ему тяжело здесь, что ему нужно даже путешествие — но ведь не в бурное ж море пускаться в маленькой лодке, в надежде на авось. — Чем поднять мне его, чтобы он ехал за делом, за спокойствием, за трудом? Чем разбудить его самолюбие? его деятельность? Помогите мне, друг сердечный. Эти горькие слезы, которые я лила, стоя иногда ночью подле дверей вашей комнаты, опять они льются со всею болью прежних ран; все растравились и, вместо отрады, один в виду этот крест, который так смущает сердце.

---

[1] *...она благословила Трубецкую за Мансурова...* — В 1826 году Агафья Ивановна Трубецкая вышла замуж за своего двоюродного брата по матери, флигель-адъютанта Александра Павловича Мансурова. «Состоя с 1818 года адъютантом при князе П. М. Волконском, он сопровождал Императора Александра I-го во всех его заграничных путешествиях и снискал своими достоинствами благоволение Монарха, который принимал участие и в его интимной жизни. Император знал о его привязанности к княжне Трубецкой и выразил согласие, если возможно, устроить брак. Об этом согласии Императора сделалось известно и его Преемнику, у которого наследием оказалось желание устроить судьбу Мансурова», несмотря на сопротивление митрополита Московского Филарета (Барсуков. Кн. 2. С. 60—61).

[2] *...Филарета заставила благословить их образом...* — Филарет, см. примечание к письму 112.

Сожгите, прошу вас, письмо мое, не хочу, чтоб оно и вам в другое время попалось; а Ванюша, когда б не узнал о нем, хоть через десять лет, все будет мной очень недоволен.

От Петра получила из Дрездена, он обошел всю Сакс⟨онскую⟩ Швейц⟨арию⟩, горы богемские; теперь уж в Минхене готовится к курсу. Там ректором Тирш. Не знаете ли вы его? Муж в деревне и ничего не знает.

Перевод

* только обычная уловка кокеток (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 31, л. 10—10 об.—11—11 об.—12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 134—135.
Печатается по автографу.

187. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 января 1830[1]

Бесценный брат, вот вам мой Иван с рук на руки. Завтра поутру он едет. — Если он не приедет (о чем вы можете осведомиться в конторе у Лимерансов, где Ванюша остановится), то прошу вас, что этот день ему дорог и что ваше дружеское объятие принесет отраду бедному его сердцу. Душа моя, поручаю его вам совершенно. Успокойте его, влейте, сколько возможно, вашей силы, вашей бодрости его душе. Украсьте ему вашею высокою дружбою его несчастие. — Не говорю вам о себе: в нем — все. — С нетерпением буду ждать ваших писем, ведь от вас его путешествие зависит. — Не давайте теперь ему оставаться в трактире, с ним нет человека; если вам к себе нельзя, то *велите* ему переехать к Кошелеву или Одоевскому, а если он занеможет, — надеюсь, что вы не будете иметь жестокости щадить меня: выпишите меня тотчас. Друг сердечный, замените ему меня: вообразите меня в могиле (это будет почти правда) и будьте ему и отцом и *матерью*: любить для него необходимость: если с тем уважением, которое он к вам питает, сочетается любовь к вам, то он найдет счастие. Не говорите ему сами о тайне его сердца, но дайте силы и твердости.

Автограф. РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 1.
Печатается по автографу.

[1] Дата устанавливается на основании письма И. В. Киреевского от 11 января 1830 года, в котором он сообщал родным о своем прибытии в Петербург и остановке у Жуковского (Киреевский И. В. Т. 1. С. 14—15).

188. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

22 января 1830[1]

Милая Дуняша, нынче в 10 часов отправился наш милый странник в путь свой, здоровый и даже веселый. Мы с ним простились у самого дилижанса, до которого я его проводил. Ему будет хорошо ехать. Повозка теплая, просторная; он не один; хлопот не будет никаких до самого Берлина. Дорога теперь хороша и езда будет скорая. В Берлине ему будет, надеюсь, приятно. Я снабдил его письмами в Ригу, Берлин и Париж. В Риге один мой добрый приятель[2] поможет ему уладить свои экономические дела, то есть разменяет деньги выгоднейшим образом. В Берлине мое письмо познакомит его прозаически с нашим послом[3], который даст ему рекомендательные письма далее, и поэтически с Гуфландом[4], который потешит душу его своею душою. В Париже он найдет Тургенева, которого я просил присоединить его к себе и быть ему руководцем на парижском паркете. Для меня он был минутным милым явлением, представителем ясного и печального, но в обоих образах драгоценного, прошедшего и веселым образом будущего, ибо, судя по нем и по издателям вашего домашнего журнала (особенно по знаменитому автору заговора Катилины[5]) и еще по Мюнхенскому

---

[1] Дата устанавливается на основания сообщения о выезде Ивана Васильевича Киреевского из Петербурга — 22 января 1830 года.

[2] *В Риге один мой добрый приятель…* — В письме к родным от 27 января 1830 года И. В. Киреевский описывает свой визит к «милому, почтенному, толстому, доброму Петерсену» Георгу Густаву (Евстафию Федоровичу, 1782—1839), прокурору Лифляндской губернии: «Когда я отдал ему письмо от Жуковского и назвал свое имя, он вскочил, бросился обнимать меня и пришел в совершенный восторг. Когда первый порыв его кончился, прерванная музыка доигралась, то он повел меня в другую комнату, прочел письмо Жуковского, говорил много об нем, об Дерпте, с большим чувством, с большою душою, и растроганный разговором и воспоминанием, достал кошелек, который ему подарила А. А. W. при прощании, и поцеловал его со слезами, говоря, что это лучшее сокровище, которое он имеет. На другой день этот кошелек отдавал он мне на память» (РА, 1905, № 12. С. 594). См. примечание к письму 60.

[3] *В Берлине мое письмо познакомит его прозаически с нашим послом…* — Давыд Максимович Алопеус (1769—1831), граф, дипломат, русский посланник при Берлинском дворе. В письме от 20 февраля (4 марта) 1830 года к родным И. В. Киреевский сообщал о своем посещении посланника (Алопеуса), который пригласил его обедать: «〈…〉 они любезны и со мной были очень приветливы за письмо Жуковского, которого они очень любят. Кроме того я познакомился с бароном Малтицем, советником при посольстве, к которому также имел письмо от Жуковского. 〈…〉 Но больше всех понравился мне в Берлине Радовиц, также хороший знакомый Жуковского» // Там же. С. 61—62.

[4] *…поэтически с Гуфландом…* — «Я был, наконец, у Гуфланда, который был со мной отменно мил 〈…〉». — пишет в том же письме Киреевский (Там же. С. 62).

[5] *…по издателям вашего домашнего журнала* (*особенно по знаменитому автору заговора Катилины*)… — Шуточный журнал, издававшийся Елагинской молодежью, назывался «Полночная дичь»; его привозил Киреевский вместе с другими литературными упражнениями своих

вашему медвежонку[1], в вашей семье заключается целая династия хороших писателей — пустите их всех по этой дороге! Дойдут к добру. Ваня — самое чистое, доброе и умное и даже философическое творение. Его узнать покороче весело. Вы напрасно так трусили его житья-бытья в Петербурге: он не дрожал от холода, не терпел голода в трактире; он просто жил у меня под родным кровом, где бы и вам было место, если бы вы его проводить вздумали, и напрасно не вздумали. К несчастию, по своим занятиям я не мог быть с ним так много, как бы желал; но все мы пожили вместе. Я познакомил его с нашими отборными авторами[2]; показывал ему Эрмитаж. Более вместе нигде быть не удалось. Но Петербург от него не убежит, через два года вы приедете его встретить здесь и вместе с ним и со мною все осмотрите. Удивляюсь, что вы не получали писем его. Он писал несколько раз с дороги и почти всякий день из Петербурга. Я не писал оттого, что он писал. Теперь пишу об нем, чтобы вы были совершенно спокойны на его счет: здоров и весел. До известной вам раны я не прикасался: дорога затянет ее. Однажды только сказал я, говоря вообще: «без веры нет любви; можно любить кокетку, но долго любить ее нельзя, ибо сердце (если оно подлинно сердце) не верит ей, хотя и льнет к ней; но оно скоро и отпадет от нее». И он согласился. Итак, будьте и на этот счет покойны. Обнимаю вас. Вот вам мое письмо. Объятие Алексею Андреевичу, всем детям, особенно Саллюстию[3].

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. М., 1904. С. 49—50.
Печатается по первой публикации.

домашних показать Жуковскому. Автор «Заговора Катилины» — Василий Алексеевич Елагин, старший сын Авдотьи Петровны от второго брака (УС. С. 50).

[1] *...по вашему мюнхенскому медвежонку...* — «Мюнхенский медвежонок» — П. В. Киреевский, поехавший заграницу полугодом раньше; он был очень застенчив в то время и, как писала мать, совершенно не знал людей и боялся их (УС. С. 50).

[2] *Я познакомил его с нашими отборными авторами...* — В письме к А. П. Елагиной от 15 января 1830 года И. В. Киреевский писал: «Я всякий день вижусь со своими Петербургцами: с Титовым, Кошелевым, Одоевским и Мальцевым. Пушкин был у нас вчера и сделал мне три короба комплиментов об моей статье. Жуковский читал ему детский журнал [“Полночную дичь”] и Пушкин смеялся на каждом слове, и все ему нравилось. Он удивлялся, ахал и прыгал: просил Жуковского “Зиму” [повесть, писанная кем-то из Елагинской семьи] напечатать в Литературной газете, но Жуковский не дал. На Литературную Газету подпишитесь непременно, милый друг папенька: это будет газета достоинства европейского; большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средство в критике, в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах» (РА, 1905, № 12. С. 589).

[3] *Объятие Алексею Андреевичу, всем детям, особенно Саллюстию* — А. А. Елагин, см. примечание к письму 81. Именем Саллюстия, знаменитого римского историка, Жуковский называет сына Елагиных Василия.

189. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 января 1830

Милый брат, благодарить вас не стану, этого нельзя, да Вы и не желаете благодарных слов от сердца, которое все целиком ваше, с тех пор, как себя помню. Но как же я благословляла вас, когда увидела по вашему приему, что наши души не разрознились еще разлукою, что она взяла только счастие, а не привычку знать друг друга. — Если б я иное вам диктовала, не могли бы вы лучше для пользы внутренней Ванюши действовать. Сколько раз говорил он, что в жизни все для него кончилось, Вы почти без слов показали ему, что все в жизни для него начинается, дали ему опять желание действовать и надежду на успех. — Ванюша слишком увлекается горячностью своей прекрасной души. Он согласился с вами о проходящей любви к кокетке, но ведь он ее не считает кокеткой; он видит ее при себе, а без себя не видит; да и привязанность эту поселила столько же красота ее, сколько похвалы и рассказы, преувеличенные Авд⟨отьей⟩ Ник⟨олаевной⟩. — По целым вечерам сиживал он с Авд⟨отьей⟩ Ник⟨олаевной⟩, и весь разговор был одна Наташа. И все это для чего? — c'est presqu'une perdition*. — Что мое сердце изорвано, Наташа интереснее от того не будет. — Бедный Иван всю силу души должен употребить, чтобы сохранить себе отчуждение, должен взять себе всякого роду пожертвования — а она с одного бала на другой, заботы об одних нарядах, и та же ласковость, та же внимательность к Базилевскому[1], которого богатство привлекательнее всякой истинной любви. Нет, он долго их не узнает, не прежде, как привяжется другой раз. Но привязаться ему трудно — надобно, чтобы он был любим *прежде*. — До тех пор я спокойна не буду: без его счастия, или по крайней мере, без *возможности* для него любить, можно ли жить? — Как я рада, что Тургенев в Париже, что вы поручили ему дурачка моего! о если б он мог полюбить Ванюшу! Я так давно вижу в нем второй том моего Жуковского[2], что не знавши лично, готова была принять всякое благодеяние дружбы: тем больше знавши. — Жуковский, как тяжела эта забота любви! Кажется, полного моего сердца должно бы достать на всё — а оно нигде не годится — даже и для благодарности его мало! —

У меня дети все больны корью: Николай опасно, две шпанские мухи ставили на грудь, первое слово, которое он сказал, опомнившись от сильного жару: *«Знаешь, Вася, Жуковский читал "Полночную дичь"»!*[3] — Такое слово им и во сне не снилось. — Если бы вы знали, как он жалок со своим терпением. Я уж четвертую ночь

[1] *...та же внимательность к Базилевскому...* — Иван Федорович Базилевский (1791—1876), действительный статский советник, золотопромышленник и откупщик, много жертвовал на предприятия разного рода.

[2] *Как я рада, что Тургенев в Париже ⟨...⟩ Я так давно вижу в нем второй том моего Жуковского...* — А. И. Тургенев, см. примечание к письму 15.

[3] *Знаешь, Вася, Жуковский читал «Полночную дичь»!* — название шуточного рукописного журнала, издававшегося в доме Елагиных. Образец стихотворений, помещаемых в журнале, представлен в послании И. В. Киреевского к «брату Петрухе»: «Как брат Петруха Муровых пи-

не ложилась и устала очень, но не хочется пропустить почту *сегодня*. Сегодня вы должны знать, что ваша сестра вас обнимает, что все дети ее *больные* празднуют милый и им день[1], что мы все вместе вас благословляем.

сем не прислал и я не имею, что перекладывать в рифмы, все это время оставался без работы, зато вот тебе

Экстракт
или
Выписки
из

Реляции Государственной Коллегии Иностранных дел Московского Архива чиновника, в коей излагается внутреннее состояние его сердца, относительно девицы Анны.

О ты, столбец воображенья:
О Актуарьюса кумир!
Позволь на сердце объясненье
Блестящей рифме ⟨*1 нрзб.*⟩
Тебя по форме я прославлю;
Твой лик в Архивы положу;
Цидулку про тебя составлю
И ноту нежную сложу,
Из грамот пыльных извлеку,
Тебя так тонко похвалю
И красоту твою сравню
С Коллегией дел иностранных.
Скажу: ты мой персидский кот,
Ты переулок мой Покровский!
Ты мой Булгаков, Малиновский,
Ты Граф мой, ты мой Нессельрод!
И — если мне мое нахальство
Сквозь пальцы проглядит начальство,
Тебя АРХИВОМ назову!!!
Потом — любви моей мучений
Я из истории вношений
Тебе примеры подведу,—
А ты…пойми мои примеры!
Меня с улыбкою прочти
И удостой произвести
В Святые Анны кавалеры.

Вашей Лучезарности
Высокопокорнейший слуга
Актуариус Булыгин

(приписка в письме Авдотьи Петровны к А. А. Елагину от 19 июля 1820 г.; РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 33).

[1] *Сегодня вы должны знать, что ваша сестра вас обнимает, что все дети ее больные празднуют милый и им день…* — 29 января — день рождения В. А. Жуковского.

Перевод

* Это почти погибель (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 3—3 об
Печатается по автографу.

190. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

4 июня 1830

Вы пеняете мне, милый брат, за мое молчание: сама я, конечно, еще больше за него себя упрекаю; — но что ж делать с глупой душой, которая не просится даже к вам писать, мое сокровище! — Не скажу, чтоб мысль о вас не шевелила ее, но и эта мысль, как надежда на царство небесное, лежит в ней под спудом, зарытая всей тяжестью разлуки и жизни. Какое глупое слово сорвалось с пера: *царство небесное*! — Я, право, неба не воображаю царством, это и на земле чересчур скучно, а просто долиной свидания; — свидания без разлуки. — Покуда мне *здесь* вряд ли суждено скоро наслаждаться тенью этого блага: сестра в Мишенском, живет там, зовет меня, а я — всякий раз, когда в порыве прежней беззаботности вздумаю протянуть куда-нибудь руки, только загремлю себе цепью и *призрак-обольститель* скроется по обыкновению, оставя только след лишнего неисполненного желания. — И здоровье, и карман не позволяют мне сдвинуться с места. — Мои путешественники теперь вместе в Минхене, привезли к себе туда Рожалина[1], и бросивши его там одного, собираются оба ехать в конце июля в Париж. Это ветренничает мой Иван, который, судя по письмам, опять погрузился в уныние. Обещал писать для Лит⟨ературной⟩ Газ⟨еты⟩, обещал к Баратынскому разные описания и все ограничивается несколькими словами ко мне и то не подробно

---

[1] *...привезли к себе туда Рожалина...* — В феврале 1830 года Петр Васильевич писал матери из Мюнхена: «Вероятно, что и Рожалина мне скоро удастся заполучить сюда, и тогда нам опять можно будет хотя на минуту перенестись в 28-й год, вообразить, что Фрауэнкирхские башни — Иван Великий и вы отделены от нас только одной комнатою!» (РА, 1894, № 10). 5 (17) апреля 1830 года Иван Васильевич Киреевский сообщал родным из Мюнхена: «⟨..⟩ свиделся с Рожалиным. Рожалин совершенно тот же, выключая длинных волос (которые, однако, он сегодня остриг), после двух лет уединенной жизни. Он занимается много и дельно; привык к сухому, не потеряв нисколько внутренней теплоты, выучился по-английски и по-польски; последний язык особенно знает он прекрасно; читал с выбором и никогда не терял из виду главного предмета своих занятий: филологии и древностей. Круг его знакомства не широкий, но выбор делает честь его характеру. Вообще, однако, можно сказать, что во всё это время он был почти один. Это, однако, не имело невыгодного влияния на его обыкновенное расположение духа и дало его образу мыслей и выражениям большую оригинальность, без односторонности, завидное качество, как и вообще его поведение в отношении к внешним обстоятельствам его целой жизни» (РА, 1907. Кн. 1. С 76—77).

и не весело. — Тургенев уехал из Парижа?[1] Это будет незаменимая для меня потеря. Неопытный, привязчивый, горячий, ветреный мой Ванька имеет необходимую нужду в душе благородной, которая могла бы понимать его и к нему снисходить. К кому же без Тургенева обратить его? скажите, друг, кого придумаете и сделайте так. — В Берлине, по вашей милости, ему было хорошо, в Минхене хорошо то, что они вместе. — Собираются по окончании курса *пойти* в Швейцарию, выписывают к себе Мицкевича[2] и вместе хотят обойти Швейцар⟨ию⟩ и Тироль; не знаю, удастся ли. — К октябрю отправляются во Францию. Теперь все часы их заняты лекциями этих немецких умов. — Рожалин остается в Минхене, где может содержать себя уроками, потом возвратится сюда или на профессорство, или на авось. — До сих пор удача его не баловала, и если внутренние достоинства, ученость, неутомимая деятельность нужны только для того, чтобы бороться с несчастиями, то все-таки слишком велика ему дана в обоих случаях задача! — Хотя уверяют меня, что не наше куриное дело об этом рассуждать, но вы не рассердитесь за моё кудахтанье. Связанные руки не уймут сердце биться.

Душа моя, нам обещают *вас* в сентябре. Правда ли? увижу ли я вас? увидят ли вас мои ребятишки, для которых эта надежда главная цель счастия? — Вы их ведь не знаете никого! Вновь рожденные после вашей ревизии готовятся быть людьми: умные, веселые, добрые создания. — Маша (помнит вас как в тумане) теперь взрослая девушка, стоит своего имени; кроткая, светлая, высокая, не подозревающая собственного достоинства, и потому самому не будет оценена или очень немногими будет. — Как бы мне хотелось, чтобы вы ее видели со всею ее простотою и невнимательностию к себе! — Какая совершенная противоположность с хитрой, обдуманно-лукавой Наташей, которая теперь обрекла на несчастия всю жизнь мою! — Странная судьба души моей! Вечно не узнавать лукавства и вечно страдать от него! — Авд⟨отья ⟩ Ник⟨олаевна⟩, поссорившись с сыновьями, перевела теперь все имение на свое имя и продает девушек в разные руки. Больно всё это видеть, а написать Ванюше не смею. Подумает — пристрастие или просто огорчится. Но неужели любовь эта не пройдет? неужели глаза не откроются? Покуда желание развлечь горе давало ему умственную деятельность, он *искал дела*; — теперь опять уныл; — и вот тут-то, Жуковский, видишь, как мало значит, как ничтожно даже то, что составляет богатство человека! — *душа, полная истинной любовью*. — Ну что может она для другого? страдать за него? больше что? — на что это ему? — В который раз я это так горько испытываю! —

---

[1] *Тургенев уехал из Парижа?* — И. В. Киреевский в письме от 8 (15) июня 1830 года писал в Москву: «Александр Тургенев уже уехал из Парижа. Досадно, что я не увижусь с ним, тем больше, что кроме его, у меня не было ни к кому писем в Париж» (РА, 1907, кн. 1. С. 84).

[2] *...выписывают к себе Мицкевича...* — В 1829 году русские друзья Мицкевича исходатайствовали ему заграничный паспорт. Цель его поездки была Италия. Из Гамбурга Мицкевич заехал в Веймар поклониться Гёте, потом направился в Рим, где очутился в обществе ученых, артистов, поэтов, художников.

Посылаю вам давно полученную расписку Авдотьи Степановны. Пишите ей через меня; ей от почты слишком далеко, а Нат⟨алия⟩ Гавриловна, у меня живущая, каждый месяц раза два с ней видится. — Авд⟨отья⟩ Степ⟨ановна⟩ отдала обеих дочерей прекрасно[1]. — Одна уехала с мужем, достаточным человеком; другая живет с нею и очень довольна своей судьбой. Муж ея учитель фортепианный, порядочное состояние, любит и уважает Авд⟨отью⟩ Степ⟨ановну⟩. — Вас они обожают. Я обещала им ваш портрет, с тем, чтобы они ставили перед ним свечку, но головная боль мешает исполнить обещание. — Будьте покойны теперь об них. Судьба взялась, за кого вы беретесь, и принуждена улыбаться тем, на кого вы светло глядите.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 5—5 об.—6.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 136—137.
Печатается по автографу.

191. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

4 августа 1830[2]

С важным делом к вам, бесценный друг! — Сделайте милость, займитесь им, забывши, что о том прошу *я*, горячим желанием которой, вы так часто изволите, как несбыточным снам, только милостиво улыбаться, а вообразите, что вас просит холодный насмешливый Дмитриев[3] или важный серьезный Салтыков[4], или лучше рассудительный аккуратный Эверс[5], или еще лучше все Гегели, Мишлеты, Риттеры, Буттервеки просвещенного мира[6]. Ей Богу, сердце бьется от страха, что вы

---

[1] *Авд⟨отья⟩ Степ⟨ановна⟩ отдала обеих дочерей прекрасно* — А. С. Астракова, см. примечание к письму 81.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти А. Ф. Мерзлякова, которая последовала 26 июля 1830 года.

[3] *...вас просит холодный насмешливый Дмитриев...* — Вероятно, речь идет о И. И. Дмитриеве, см. примечание к письму 50.

[4] *...важный серьезный Салтыков...* — Вероятно, имеется в виду Борис Михайлович Салтыков (1723—1808), писатель, агент Н. И. Шувалова в Женеве для сношения с Вольтером, автор писем к митрополиту Филарету.

[5] *...или лучше рассудительный аккуратный Эверс...* — Лоренц Эверс (1742—1830), профессор богословия Дерптского университета, адресат послания «Старцу Эверсу», посланного Жуковским А. П. Елагиной в письме.

[6] *...все Гегели, Мишлеты, Ритеры, Буттервеки просвещенного мира* — Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Hegel Georg Wilhelm Friedrich, 1770—1831), немецкий философ; Жюль Мишле (Michelet Jules, 1798—1874), французский историк, республиканец; Фридрих Бутервек (Bouterwek Friedrich, 1766—1828), немецкий эстетик и критик; Риттер, профессор берлинского университета, его лекции слушал И. В. Киреевский в 1830-м году. И. В. Киреевский в письмах 1830 года к родным описывает свои визиты к Гегелю («Каждому предмету разговора давал он невольно оборот ко всеобщности, все намекало на целую систему новейшего мышления, мышления Гегелевского» (РА, 1907, кн. 1. С. 72). к «Мишлету», посещение лекций Риттера («Каждое слово его дельно, каждое соображение ново и вместе твердо, каждая мысль всемирна.

скажете, что мне тут делать? — Дело ваше и потому ваше, потому что у вас есть душа и душа Русская. Вот в чем: вы знаете, что Мерзляков умер[1]; хотя последнее время мало приносил он пользы, но всё было не стыдно, потому что кафедра его была занята Европейским человеком, — теперь, если вы не позаботитесь деятельно, хлопотливо, посадят нам в Университет какого-нибудь питомца знатных наших чучел или деревянных профессоров. Дайте нам Шевырева![2] — Шевырев учился хорошо и дорожит наукой. Древние языки ему коротко знакомы и сам он душой и сердцем (которые у него NB не дубовые) предан литературе, России, добру. Что он в Италии — это не беда! что занимается изящными искусствами еще меньше. — Дайте нам его, и наш бедный Унив⟨ерситет⟩ начнет подымать голову: Шевырев укажет место другим: подле него охотно сядут Киреевский, Рожалин и прочий цвет нашей молодежи. Университет встанет *из праха*, в котором он так невыносимо гадко валяется. Вы можете сказать Блудову, Дашкову[3], и не только сказать — просить, требовать. — Одно маленькое замечание от них, и Шевырёва предложат Министру на утверждение. Может статься, и без того здешний свет предложит его как своего воспитанника вместе с другими, но утвердите его! постарайтесь, чтобы *его* утвердили! — а не кого другого. Вам не мудрено это сделать, чем меньше заботиться о бедном здешнем Университете, тем легче сделать его богатым. Одно слово ваше заставит поддакивать всех здешних подлецов, один намек Блудова, чтобы выбрали Ш⟨евырева⟩, заставит его выбрать, — тем легче еще и Блудову, и Ливену утвердить Ш⟨евырева⟩[4], если совет его представит. — Пожалуйста, не отворачивайте головы, не думайте, что это мои бредни: поговорите с Титовым, Одоев⟨ским⟩, все вам скажут, что такое Шевырев, и что вещь возможная посадить его сюда в Профессоры, вы сами должны это сказать и сделать! Душа моя, пожалуйста, сделайте! — Не знаете вы, какой зарей счастия озарите вы тогда всю мою жизнь. — Теперь все боятся Университета, никто не хочет войти в шайку этих бессмысленных подлецов: один

Малейший факт умеет он связать с бытием всего земного шара. Присоедините к этому простоту, ясность, легкость выражения, красноречие истины, и вы поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекции» (РА, 1907, кн. 1. С. 91).

[1] *...Мерзляков умер...* — Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830), поэт, профессор Московского университета, возглавлял кафедру российского красноречия и поэзии. Скончался 26 июля 1830 года.

[2] *Дайте нам Шевырева!* — Степан Петрович Шевырев, см. примечание к письму 176, (1806—1864), поэт, критик, историк литературы. Воспитанник Московского университетского пансиона. В молодости поклонник Шеллинга, немецкого романтизма, в 1829—1832 жил в Италии, общаясь с Рожалиным и кругом И. В. Киреевского, изучал историю искусства. С 1832 года читал в Московском университете русскую и всеобщую словесность и теорию поэзии, профессор Московского университета.

[3] *Вы можете сказать Блудову, Дашкову...* — Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864) в 1830 году управлял министерством юстиции в отсутствие Дмитрия Васильевича Дашкова (1784—1839), государственного и литературного деятеля, занимавшего с 1826 года пост товарища министра внутренних дел.

[4] *...тем легче еще и Блудову и Ливену утвердить Ш⟨евырева⟩...* — Карл Андреевич Ливен (1767—1844) министр народного образования, князь, генерал от инфантерии.

краеугольный камень — и Храм будет достойный Богов! — а вы себе скажете, что помогли этому преобразованию. — Не вам равнодушно смотреть на пользу, которую можете сделать России. Пора.

Вы давно ко мне не пишете! давно не шлете живительного словечка: неужели вы не боитесь, что совсем одна зачерствеет душа моя? — Разлука — порядочное чистилище. Они оба в Минхене, слушают всех славных немцев и совсем туда ушли, письма коротки, но слава Богу! — не грустны: видно, что труд сделал свое. 25-го августа Ванюша едет в Париж, горько мне, если не найдет там Тургенева. — Мы здесь сжаты в своей раковинке: забор огорода, в котором прошедшее со всей ⟨*2 нрзб.*⟩ кости теснится насильно, только не призмы цвета разливает на настоящие предметы, а туманит их — то могильным мраком, то тем далеким небом, которое *никогда не сольется с землею!* — Леночка Черкасова вам кланяется[1]. — Мои все вас обнимают, а я целую ваши милые глазки и желаю вам за меня смотреть на свет Божий. Мои глаза болят несносно уже почти шесть месяцев и скоро надеюсь окриветь, а не ослепну до тех пор, пока опять не увижу вас, мое сокровище с самых младенческих лет.

Adieu*
N. N. Шереметева вам представляет свое обожание.

Перевод

* Прощайте (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 7—7 об.—8.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 137—138.
Печатается по автографу.

192. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Август 1830 г.[2]

Милая Дуняша! вы требуете от меня Шевырева, как будто я какой-нибудь всемогущий, которому стоит сказать слово, чтобы все было сделано. Я не могу здесь просить об нем никого; надобно, чтобы сам Университет об нем представил. Да и не знаю, может ли представить Университет Шевырева прямо в Профессоры[3].

---

[1] *Леночка Черкасова вам кланяется* — Елена Ивановна Черкасова, дочь «володьковского барона» И. П. Черкасова, см. примечание к письму 11.

[2] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 4 августа 1830 года.

[3] *...может ли представить Университет Шевырева прямо в Профессоры* — В Москве многие ценили дарования Шевырева и надеялись видеть его на месте адъюнкта словесности, которое освободилось, когда со смертью проф. Мерзлякова (26 июля 1830 г.) его кафедра перешла к адъюнкту Давыдову. В числе таких доброжелателей и ценителей Шевырева был и Пушкин, писавший Плетневу 26 марта 1831 года: «Погодин — очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его на-

Его же здесь нет. Ежели он будет представлен, то я здесь готов хлопотать. Уведомьте меня только об этом заранее. Целую вас в уста и в очи. А писать более некогда.

Ваш Жуковский.

Ксерокопия автографа: ПД. Р. I, оп. 9, № 68, л. 1.
Факсимиле автографа: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 19.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 443, л. 62.
Впервые опубликовано: РБ, С. 107.
Искусство. М., 1923. № 1. С. 332 (*Из архива Т. Л. Поливанова*).
Печатается по ксерокопии автографа.

193. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 сентября 1830[1]

Письмо ваше, милый Жуковский, отправила к сестре в Одессу: по ее последнему письму кажется, что она из Мишенского давно уже выехала, если нет, то дубликат ваш найдет ее там, если же да, то ваше письмо первое попадет ей в руки по возвращению ее в Одессу, и что бы не содержало, от вас все равно благовестие. — Чин, данный Зонтагу, обрадовал ее в то время, когда мы с нею расстались; она спешила к нему и мне дала очень немного дней; — но в моей жизни немногое так много, что след всякого счастия еще долго остается счастием. — Я же привыкла к разлуке и ко всем ее атрибутам. Лень, Некогда, Рассеяние, Забвение и кой когда шепот сердца, будящего дружбу. — Одним этим словом, которое кто-нибудь из вас промолвит вспросонках, живешь Бог знает сколько! — Душа еще живучее тела, воскресает пуще Гидры Лернейской[2] от каждого могущего слова. — Иван мой грустен, все, что налегло на бедную его душу, тяжело его давит, а уединение Минхена с его яхонтовым небом не возбуждает силы. — Желала бы дать ему *дело*, занятие необходимое. Надеюсь найти его в расстроенном имении, авось, необходимость платить долги и пр. заставят его действовать. Они едут теперь в Рим, я вам уже об этом писала. Волконская там их, надеюсь, ласково примет[3] и отрекомендует кому надобно. — Шевырев тоже там. — Об Шевыреве, душа моя, я потому про-

---

добно поддержать, также и Шевырева, куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, то есть предрассудками и вандализмом» (Пушкин А. С. Т. 10. С. 24).

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о пребывании И. В. Киреевского в Мюнхене в 1830 году.

[2] *…воскресает пуще Гидры Лернейской…* — В греческой мифологии баснословное чудовище, обитавшее в Лернейских болотах: на место каждой отрубленной из девяти голов, сидевших на ее змеином теле, вырастало тотчас две; Геркулес справился с нею, прижигая перерубленные шеи.

[3] *Волконская там их, надеюсь, ласково примет…* — Вилла Зинаиды Александровны Волконской (урожд. княжна Белосельская-Белозерская, 1789—1862) близ Сан-Джованни-ин-Латерно была своеобразным «русским клубом» в Риме.

сила, что он Университетский, и место профессора ничуть ему не чудо получить, а цель, к которой он дойдет, не оставляя своей службы. — Здесь есть такие адъюнкты, которые по складам читают и которые сами стыдятся сходиться со своими собратьями, и помещены не по представлению Университета, а по желанию Писарева[1] и предписанию Министра. Шевырев, возвратясь, получит, вероятно, место при Университете, но тогда это будет ему стоить нескольких подлостей здесь или скажите за него несколько слов министру. — Теперь кафедра Мерзлякова отдана на мытарства. — Не удивляйтесь, что здешний Универ⟨ситет⟩ меня так занимает: я думала, что и мои, возвратясь, найдут при нем возможность полезными быть Отечеству, и потому желала бы товарищей, с которыми служить можно было бы: здешние слишком низки, чтобы возможно записаться в их круг, — Ну так и быть! — Будущее так везде неверно, что не стоит об настоящем хлопотать, еще меньше надоедать другим.

Обнимаю вас и счастлива буду, если на самом деле соберетесь когда-нибудь писать ко мне.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 9—9 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 138—139.
Печатается по автографу.

194. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 сентября 1830[2]

Милая душа моя, Жуковский, Вы Превосходительство, поздравляю вас! Для чего вы мне этого не сказали вместе с Превосходительством Зонтага? Ведь весело, когда люди дают вес чину или месту и надобно кой-когда скрашивать ими чины. — Уж не обидно ли будет теперь вам и сестре получать письма от штаб-капитанши? — без шуток, я третий день не знаю, как на себя смотреть, сердце на клочки изорвано и для того пишу, чтоб как-нибудь склеить его, поговоря с вами. — Неужели нету любви на свете? неужели все один расчет? Неужели дружба, простая дружба такого полного сердца может ничего не значить? все это не к вам, душа моя, но говорится при вас для облегченья — что, однако ж, не удается.

У нас везде страхи и толки о холере, мои ребятишки так напуганы, что горько и досадно, а уехать некуда и не с чем. — Боюсь и за старших: если вам или кому из Петерб⟨ургских⟩ юношей удается писать им, ради Бога, успокойте их на наш

---

[1] *...есть такие адъюнкты ⟨...⟩ помещены не по представлению Университета, а по желанию Писарева...* — Александр Александрович Писарев (1780—1848), писатель, председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете, до февраля 1830 года был попечителем Московского университета.

[2] Дата устанавливается на основании поздравления Жуковского с получением чина Превосходительства одновременно с Зонтагом, о чем писала А. П. Елагина в письме от 1 сентября 1830 года.

счет! Они способны прилететь сюда, воображая опасность, la pomme ne tombe pas loin d'arbre*, у нас с ними сердце всегда обочтет рассудок. — Напишите, пожалуйста, к Рушковскому *благодарное* письмо[1] за помещение Вагнера, о котором вы его просили — Все эти писания вам скучны; что же делать, Фауст! Таков уж наш удел![2] А моя вся жизнь опять в каракулях, а Настоящее — лекарство Тасса наоборот[3]; сверху мед, а внутри яд. Переваривай, пожалуй! — Просто, пока до холеры обнимаю вас.

Перевод

* яблоко от яблони недалеко падает (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 11.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 139.
Печатается по автографу.

195. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

8 октября 1830[4]

Милый брат, любовь к вам такое однородное, сросшееся с сердцем чувство, что ни в смерти, ни в жизни об нем говорить нечего, и потому мне с вами никогда *не грех* молчать. Я же писала к вам 15-е сентября, при самом появлении здесь холеры, поручала вам моих путешественников, которых всеми правдами и неправдами удержать надо в Германии. Нет, душа моя, беда точно постигла Москву. — Приезд Государя возвысил все души: от мала до велика все тронуты были его поступком, и многие холерой готовы были искупить такую черту горячего великодушия. Весь народ, с ропотом противившийся или с унылостью покорный, покорился воле Божьей с любовью, с возвышенным каким-то чувством: *Государь за нас!* и, казалось, смерть не тронет. Великость царей, конечно, лучшая защита народу и против судьбы, и против людей. Уверяю вас, что все чувствовали это живо, даже кто и себе изъяснить не умел. — Теперь отъезд Государя огорчил и испугал всех. Народ недоволен дороговизною, недоволен строгими мерами спасительного карантина, недоволен больницами, где воображает докторов виною смертности; дожди прибавляют уныние. — Об нас, друг бесценный, не беспокойтесь, не хочу сказать не тужите. Друг истинный есть все-таки благо на земле — а ежели вашей

---

[1] *Напишите, пожалуйста, к Рушковскому благодарное письмо*... — Иван Александрович Рушковский, см. примечание к письму 173.

[2] *Все эти писания вам скучны; что же делать, Фауст! Таков уж наш удел*! — Парафраз начала «Сцены из Фауста» (1825) А. С. Пушкина. У Пушкина: «*Фауст*. Мне скучно, бес. / *Мефистофель*. Что ж делать, Фауст? / Таков вам положен предел⟨…⟩» (Пушкин. Т. 2. С. 43).

[3] *...а Настоящее — лекарство Тасса наоборот*... — Торквато Тассо (1544—1595), итальянский поэт.

[4] Дата устанавливается на основании упоминания о холере, разразившейся осенью 1830 года. Письмо проколото на карантине.

Дуняши не будет, не отыщете вы дружбы неизменнее, горячее, преданнее. Мы взяли все меры предосторожности, какие можно, и ждем покорно развязки. Муж мой, приехавший сюда из деревни 18 е сен⟨тября⟩, так испугался, что слег в постелю, и мы не только не могли выехать отсюда, но и теперь не смеем говорить при нем о холере, и действуем все мимо его. Я собственною своею персоною спокойна совершенно и хотя с горем иногда смотрю на цветущую мою Машку и на беззаботных сотрудников (так называют себя мои журналисты). — Никогда так ясно не чувствовала благодатной живой Веры в отеческий Промысел Божий. — Что бы ни было, Он надо всем; и вместо распоряжений на будущее, духовных, завещаний детям и пр. — которые между тем связывают только оставшихся и редко полезны им, — я с неизъяснимым спокойствием отдалась сама и их, в волю того, кто лучше нас знает, что нам надо и докуда жизнь нужна. — Не забудьте между тем, что я совсем одна. Ал⟨ексей⟩ Андр⟨еевич⟩ хуже 2-хлетнего ребенка, но не жалуюсь, — только эти минуты одиночества дают возвышенную цену жизни. — Учение детей продолжается, как и в благополучное время, а лишнее затеяла я разные игры: воланы, cerceau*, мячики, чтобы беганьем и веселостью поддержать мой молодой народ. С нами заключен теперь Языков[1]: — чистая младенческая душа со всем огнем истинной поэзии. — Он сделал стихи на приезд Государя[2], но для себя. — Возится половину дня с моим мужем, который с постели не встает, и ввечеру попеременно с нами читает громко. — Вот вам подробности, душа моя, давно так много о себе не говорила. — Смертность здесь, в Москве, не очень велика, но все прибавляется, а дожди не дают надежд на перемену. — Не знаю, как остановить сыновей в Минхене, напишите туда или велите написать Титову, что болезнь больше 3 недель в одном месте не продолжается, тогда они почувствуют, что возвращение будет ненужная глупость. — Пускай Титов напишет тоже к Шевыреву в Рим, дети, может статься,

---

[1] *С нами заключен теперь Языков...* — Николай Михайлович Языков (1803—1845), поэт, учился в 1822—1829 гг. в университете в Дерпте, где сблизился с семьями Воейковых и Протасовых, познакомился с Жуковским, друг братьев Киреевских и Авдотьи Петровны.

[2] *Он сделал стихи на приезд Государя...* — Речь по всей видимости идет о стихотворении Н. М. Языкова «Подражание псалму XIV», датируемом 30 сентября 1830 г. Список рукой А. П. Елагиной (РГБ, ф. 99). Вторая строфа посвящена прославлению «избранника» Бога:

И свят, о Боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Велений господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он — его народы
Возлюбят правду; весь и град
Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу — дивной силой
Дух преисполнится его,
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба твоего!

(*Языков Н. М.* Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1964. С. 292).

туда поехали. — Вот, душа моя, вы вызвались на мои хлопоты. — Письмо ваше Анета получила еще в Мишенском, а дубликат я переслала в Одессу, где он ждал ее и где она давно. — Простите, сердечный друг, дней через пять напишу еще, а вы помните, что дружеское слово от вас *теперь* есть такое же утешение, как чувство благодати нисходящей.

Обнимаю вас.

8 октября.

Перевод

* серсо (*франц*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 13—13 об.—14.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 140—141.
Печатается по автографу.

196. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 октября 1830[1]

Мы живы и здоровы, милый друг Жуковский! Это теперь важная новость и по милости холеры мы научились знать цену слов и значение жизни. — Холера все еще царствует и не уступает ни мерам предохранительным, ни целительным; уныние и буйство, кажется, более и более умножаются. — У нас в доме покуда все еще благополучно, но долго ли продолжится, не знаю. Бодрость духа — главное средство спасения, а я со всею своей любовью не могу вдохнуть всем своим: *одной* воли мало на все! Ал⟨ексей⟩ Андр⟨еевич⟩ вот уже две недели не встает с постели, не ест, не пьет, не спит, похудел ужасно и все просто от боязни; тут противодействие сильнее всякой воли и всякой любви. Человек неограниченно свободен делать дурно, а хорошему везде препятствия и во всем. — Дети каждый день напуганы до слез, даже и Маша, которая больше всех сохраняет свой неизменно кроткий, веселый характер. — Цена на все удвоилась, да и нельзя иначе, больных множество, теперь подошли еще к городу войска, говорят, для того, чтобы не бунтовались в карантинах, где вместо холеры умирают с голоду. — Бог знает, долго ли это продолжится, а тяжело очень. — Боюсь еще за минхенских! — Напишите об себе, теперь письмо от вас благодеяние, да и когда ж оно мне иначе? — Жуковский, вам весело обо мне думать с трех лет моей жизни, когда звала вас мужем и за арбуз вы пугали разводом, до сих пор, и если теперь угодно Богу холерой смести меня со свету, до самой смерти, одно неизменное чувство любви к вам господствовало надо всеми чувствами души, и всегда так сильно наполняло ее сердце. — Неужели мы не увидимся прежде Иосафатовой долины? Ну что ж, вам и там весело будет

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о холере 1830 года. Письмо проколото в карантине.

меня встретить, веселее, может быть, нежели здесь, где судьба завалила меня своими каверзами. — Смотрите, готовьте мне эпитафию, между тем и не забудьте прислать мне наперед прочесть.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 32, л. 15.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 141.
Печатается по автографу.

197. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1 янв. 1831 г.[1]

Поздравляю вас с новым годом, милая Дуняша; вы встретите его весело, несмотря на воспоминания недавних бед московских: ваши *все* около вас. Верно, вчера вы сидели до полночи вместе, подслушивали вместе последнее дыхание умирающего двенадцати-месячного старика, и при первом бое часов, то есть при первом крике новорожденного, обнялись крепко, радуясь, что *все на лицо*. А я эти минуты провел один, ибо в такие минуты лучше быть одному с семьею воспоминаний, нежели в чужой, хотя и любезной семье. Можно сказать, что я провел эти последние минуты прошлого и первые минуты нового года между двумя гробами. Чтоб поделиться с вами и этим добром, выписываю вам то, что писала Маша, встречая свой последний новый год. Это из ее письма к Зейдлицу и писано по-немецки: Hier ist auch der letzte Tag vom Jahre. Eine ganz sonderbare Empfindung ergreift das Herz bei dem Gedanken, dass man letzten Athem eines Sterbenden, welcher nach einigen Studen zu Grabe getragen wird, beiwohnt. Man ist so geizig auf jede Minute, sie mag noch so uninteressant sein. Da die Gefühle noch mehr zu denjenigen gerichet sind, durch welche dieser Jahr. Diese leiche lieb war, so vergisst man alles Schlechte und erinnert sich nur des Guten und ist dafür sehr dankbar, liebt sehr, und möchte noch mehr lieben. So geht es mir. Ich bin so froh, so hoch aufgestimmt erwacht, das ich fürchte *manche Soite noch vor Ende des Jahres platzen*. Die Unr ist 5, auf den Strassen noch alles so still um mich herum noch alles schnarchend, mein Herz pochend, aber ruhig und dankbar zu Gott! Ich trete in dieses neue Jahr mit ganz besondoren Empfindungen. Es ist so zu Muthe, als wenn ich für mich selbst wieder ein neues Leben anfangen sollte. In der Kirche lies ich ein Te Deum singen, und als der Priester fragte, was für eines ich haben wollte, ein gewöhnliches oder ein *благодарственный*? So bedachte ich mich nicht und rief von ganzen Herzen: ja wohl! ein *благодарственный*! Wer hat mehr Ursache, als ich, zu danken! *Dorthin* bringe ich alle meine Wünsche! hier will ich *lieben* und danken.

Das Jrdische wird *dorten*
Himmlisch unvergänglisch sein.

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания: «Ваши все около вас». «Оба сына Авдотьи Петровны в конце 1830 года вернулись из заграницы, скорее, чем предполагали, встревоженные известием о холере в Москве» (УС. С. 53).

Und das will ich verdienen. — So sitze ich und durchstreife nochmals das vergangene Jahr, das vergangene Lieben! Beide werden nicht mehr wiederkommen*. — Это было писано рано поутру *31 Декабря 1822 г.* — Вот что писала она *29 Декабря*: Heute beim Abendessen war die Rede von der glücklichsten Minute des Lebens und Anette sagte, das der erste Schrei des Kindes nach so vielen überstandenen Qualen das Schönste wäre, was eine Mutter empfinden könnte. Ich dachte an meinen 19 October wie ich mein Kindchen athmen hörte, da war ich sehr glücklich — so eine Minute erlebe ich nicht mehr**.

Вот что еще написано было *9 января 1823*: «Ach Gott! wie sonderbar ist mir zu Muthe, wenn ich an den entscheidenden Tag denke! Närrisch ist's, dass ich mich selbst mir gar nicht zu der Zeit vorstellen kann; immer kommt es mir vor, dass ich nicht mehr Acteur, sondern Zuschauer von der Zeit an stin werde. Eben war die alte Berg mit ihrer kleinen Gross tochter hier: es schien mir als seheich *meine* Mutter und schwach, die andre klein und der Vater weit von ihnen — weit von der verstobenen Mutter seines Kindes***. — *Января 12*: «Alter, guter Sohn, warum haben sie mir mit der letzten Post nicht geschrieben! Ist der März einmal da, so werde ich ohnehin ihre lieben Briefe nicht lesen können****. — *4 Марта*. Ich schicke ihnen die Weihrauch'schen Lieder zum Geschenke und meinen Ring zum Adenken: behalten sie ihn bis zum Juni und geben sie ihn dann entweder *mir selbst*, oder — an Kati. Ich würde ihn Grab mitnehmen, aber bei uns ist das nicht Sitte*****.

Простите, милая! Что-то скажу вам на следующий новый год? И скажу ли что-нибудь?.. Обнимите возвратившихся, с ними и всех прочих.

Перевод

* Здесь тоже последний день года. Совершенно особенное чувство охватывает сердце при мысли, что находишься при последнем дыхании умирающего, который через несколько часов будет похоронен. С такой жадностью ловишь каждую минуту, какой бы неинтересной она ни была. А поскольку чувства еще более направлены на тех, благодаря которым этот год, этот мертвец был дорог, забываешь все плохое и вспоминаешь только хорошее, и благодарен за это, и очень любишь, и хочешь еще больше любить. Такие у меня дела. Я проснулась в таком радостном, в таком приподнятом настроении, что боюсь, что *не одна струна еще лопнет до конца года*. 5 часов, на улицах все еще так тихо, вокруг меня все еще посапывают, мое сердце бьется, но спокойно и благодарно Богу! Я вступаю в этот Новый год с совершенно особенными чувствами. У меня так хорошо на душе, как будто я сама для себя должна начать новую жизнь. В церкви я заказала псалом «К Господу», и когда священник спросил меня, какой я хотела, обычный или *благодарственный*, то я не раздумывала и воскликнула: «Благодарственный!». У кого еще есть больше причин быть благодарным, чем у меня! *Туда* приношу я все свои желания! Здесь я хочу *любить* и благодарить.

Земное будет *там*
По-небесному постоянно.

И я хочу это заслужить. — И так я сижу и пропускаю через себя прошедший год и прошедшую любовь. Оба больше никогда не вернутся (*нем*.).

** Сегодня за ужином зашел разговор о самых счастливых минутах жизни, и Анетта сказала, что первый крик ребенка после стольких перенесенных мук, было самым прекрасным, что

может почувствовать мать. Я подумала о моем 19 октября. Когда я услышала дыхание своего ребеночка, тогда я была очень счастлива — такой минуты я больше не переживу (*нем.*).

*** Ах Боже! Как особенно хорошо у меня на душе, когда я думаю о решающем дне! Как глупо, что я саму себя пока что не могу представить; постоянно мне приходит в голову мысль, что я скоро буду не актером, а зрителем. Там же была и старая Берг со своей маленькой внучкой: мне показалось, что я увидела *свою* мать и свою дочь: одна старая и слабая, другая маленькая и слабая, и отец далеко от них — далеко от покойной матери своего ребенка (*нем.*).

**** Старый, добрый сын, почему вы не написали с последней почтой! Как только наступит март, я не смогу больше никак не смогу читать ваши дорогие письма (*нем.*).

***** Я посылаю вам песни Вейрауха в подарок[1] и мое кольцо на память: сохраните его до июня и отдайте его потом или *мне самой*, или Кате. Я бы взяла его с собой в могилу, но у нас это не принято (*нем.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 51—53.
Печатается по первой публикации.

198. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 января 1831[2]

Вместо каракулек в ответ на письмо ваше, сердечный друг, собралась, было я, всей своей персоной прижаться к вашему милому сердцу! Пускай увидели бы вы в глазах, в движениях, в душе сестры вашей, что она окружена всем своим; в торжественную минуту нового пробуждения к жизни, то потому только, что вы и любовь к вам безвыходно с нею. Те же гробы и ей настоящую жизнь переносят в прошедшее, что истинно *мое* было, что делила я вполне, то — *было*. Теперь я любящий, молящийся, внимательный *зритель* их настоящего; — многого, *лучшего* я не участник. — Так и быть должно, и я все-таки счастливая мать. Наше, Жуковский, то наше, которого ничто не заменит, для обоих нас спрятано вместе, и одно чувство живет в обеих наших душах. Вы тоже мне представитель Маши, так как и меня вы назвали им же. — Что я почувствовала, увидя для нового года её выражения, ее мысли, услышала *ея* голос,— это поймете одни вы. Ах, как она живо не отходит от сердца! — В ту же ночь под Новый год, перецеловавшись со своими и разделившись по спальням, я перечла многие ее письма, и ею же посланный сон как будто нарочно или для предсказания, или для утешения,— одним сильным желанием наполнил мою душу. — Я видела, что мы с нею обе, сидя за одним столом, вместе учим Катю, а она обеих нас обняла вместе своими ручонками. — Душа

[1] Я посылаю вам песни Вейрауха в подарок... — Август Генрих фон Вейраух (Weihrauch August Heinrich von, 1788—1865), немецкий композитор, дерптский знакомый Жуковского и семьи Протасовых.

[2] Дата устанавливается на основании поставленной даты «29» — дня рождения В. А. Жуковского — и указания на прошедшие 12 лет со дня смерти Маши, то есть письмо написано 29 января 1831 года.

моя, Маша вся во мне! Ей было два года, мне четыре, когда уже сердце мое привязалось к ней на вечность. Ее жизнь, ее кротость, ее возвышенность, вся она ни на минуту меня не покидает, неужели я не буду чем-нибудь для Кати? Неужели мне не отдадут ее? — Я уже два раза писала об этом Тетушке, она не отвечает. — Мне хотелось бы к вам, поговорить с вами, показать вам ясно, как на ладони, всю мою семейную жизнь; ее неудобности неприятны только для одной меня, моих всех от них оградить умею. Рассказала бы вам, что такое Маша, т. е. Маша Киреевская, без преувеличенья, без пристрастья,— а главное — представила бы вам ту горячую материнскую любовь, которую ничто, ничто не заменит; — вы похлопотали бы, чтобы мне отдали Катю. Мы с вами бы поделились: — Die Mutter ist alt und schwach die Tochter ist klein und schwach* — Тогда можно б вам располагать и Воейковыми. Жуковский, брат сердечный, неужели это не исполнимо? Карантины и финансы наши, ужасно расстроенные, мешают мне *теперь* к вам приехать, однако ж это быть не может, чтоб я вас нынешний год не видала. В 12 лет можно себе позволить неделю счастья: вот уже семь лет, как и ее могильный камень навален на все, что в сердце называется доверенностью и передачей, надобно же вздохнуть. — Вы не должны иметь никаких предчувствий, вы здесь еще нужны. Нельзя. — О если б могла вас увидеть! — Я стала благоразумна и стара всем своим поведением. Многое, многое надобно бы с вами поделить, от вас набраться силы немного, и если не сбудется лучшее мое желание, так и на это. Посылаю между тем вам одно из 20 писем Маши, где одно желание выражено ясно. У Кати *ближе* меня никого нет. Отвечайте мне на это ваше мнение, покуда не удастся самой поговорить с вами и дать вам хорошенько себя порассмотреть. Сердце мое так полно, так полно, что нужна действительность больше, моим одним слишком ему мало.

Ванюша очень переменился со своего возвращения, погружен в себя, уныл и окружающим мало занимается. Знакомых видеть никого не хочет и теперь нанимает особенную квартиру, чтобы *одному* что-то писать. Этому мешать не смею, и по первому месяцу увидим, годится ли для него уединение, которое, не во гнев вам всем, Господа Поэты, самая дурная вещь для души после уныния. — Человек создан для человека, жить, мыслить и действовать должен для людей, и чем меньше себя везде, тем лучше. Ах, Жуковский, как мне надо вас увидеть! Можно ли поверить, что б я 12 лет без этого прожила? — 29-е — Обнимаю вас, выпейте за мое здоровье в этот день, за то неизменное чувство дружбы, которому ни счастье, ни несчастья, ни опыты, ни жизнь, ни вся сволочь сует не повредили ни на волос. — У меня много горя и часто это горе — да зато чаще еще мысль об вас. — Вас Бог еще долго сохранит для меня, ваша жизнь Его мне благословение.

Простите, мое сокровище. Напишите мне слова два, конец вашего письма такое тяжелое чувство оставил на душе. Снимите его.

Перевод

* Мать стара и слаба, дочь мала и слаба (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л.1—1 об.—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 141—142.
Печатается по автографу.

199. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 февраля 1831[1]

Бесценный друг, письмо это пишу не я, ваша Дуняша, а Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩ Тютчев[2], который требует, чтобы к вам его писала и которому, вы знаете, можно ли отказать. Его несчастия невыносимо тяжелы, и чем больше он в них виноват, тем за него тяжелее. Теперь сын его Алексей[3], о котором вы с вашей обыкновенной добротой старались, сокрушает его. — Не хочет в службу, не едет к отцу,— и старик боится, чтобы прежняя сумасбродная мысль ехать миссионером обращать идолопоклонников, не возвратилась опять к нему в голову. Боится этого по письму Алексея, где он объявляет отцу, что едет в чужие края и просит на то его благословения. — Слезы и горе старика этого каждый день меня мучают. — К вам, душа моя, не я его обращаю, а сам он просит вас, из жалости, призвать к себе Ал⟨ексея⟩ Н⟨иколаевича⟩ — поговорить ему благоразумно, отвлечь от этой экзальтированной мечты, доказать, что *жертва* (которой вверился по врожденному молодости чувству) гораздо больше и важнее будет, если он подавит свое желание, *послушается* отца, возвратится к нему, или вступит в службу. — Содержать его отец нигде не в состоянии, да и в его лета, он должен бы помогать семье своей, а не сокрушаться. Денег ему не давайте, старик пробует над ним горькое лекарство *нужды*. — А если уговорите его оставить сборы в чужие края и возвратите к отцу, то все они будут вам очень благодарны. Я пишу все это по неотступной просьбе старика; вы, душа моя, делайте, как знаете.

О себе сказать вам нечего, у нас многое нехорошо, никогда так не было несогласно в семье моей. Мне точно нужно вас увидеть; каждый увлекается какой-то упрямой мечтательностью, никак их не сьютишь. Вы у нас всех, как Промысел древних, с непременным словом, которое становится вместо совести законом и судьбою.

Скажите мне об себе побольше.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 143—144.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата проставлена карандашом на автографе, в ответном письме Жуковский спрашивает, вернулась ли молодежь из Германии, из чего следует, что письмо написано в начале 1831 года.

[2] *…пишу не я, ваша Дуняша, а Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩ Тютчев…* — Николай Николаевич Тютчев (ум. 1833) — брат Н. Н. Шереметевой и И. Н. Тютчева, отца Ф. И. Тютчева.

[3] *Теперь сын его Алексей…* — сын Н. Н. Тютчева; другой сын — Николай Николаевич (1815— ок. 1878) в 1833—1838 — студент юридического факультета Дерптского университета, впоследствии чиновник Министерства финансов и военного ведомства.

200. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

После 14 февраля 1831 г.[1]

Милая Дуняша, что мне делать с Тютчевым? Вот уже несколько раз посылал к нему и просил его побывать у меня. Он хотел придти и не явился. Посылал к нему вчера, а он переменил квартиру, и человек мой не знает, где отыскать его. Сам же я не могу найти, вот уже третья неделя, как не выхожу; сперва съел гриб, потом заболели глаза и должен сидеть дома, на самой строгой диете, ибо принялся за гомеопатию. — Скажите обо всем Николаю Николаевичу; пускай он напишет к сыну, чтобы он побывал у меня. Жалкий отец! Он обречен на необыкновенные горести, кои, может быть, и сам для себя приготовил своею слишком нежною кротостью к детям. Этот просится в миссионеры, то есть хочет учить других христианству, сам не зная главной заповеди христианской: «чти отца твоего»! а меньшой, учась в Гернгутерском училище, не приготовит себя, конечно, для деятельной жизни в России. Все это очень печально. Да и вы печалите меня вашими письмами. Скажите пояснее, что у вас делается. Уж молодежь ваша, возвратясь из Немеции, не оставила ли там Руси? Надобно жить идеями своего места и времени. Это не мешает высшим идеям, но надобно, чтобы и высшие идеи ничего существенного не портили. Практическое благоразумие есть не только достоинство, но и строгая должность. Напишите ко мне. Обнимаю вас.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 63—63 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 53.
Печатается по копии.

201. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 мая 1831

Здоровы ли вы? душа моя, Жуковский! Сегодня во сне видела вас; видела всех, кого уже не увижу, с такою полною радостью свидания, с таким совершенным забвением всех горестей разлук, что целое утро не могу отвязаться от такого томительного Sehnsucht*, какое тяжелее всех воспоминаний. — Привычка же за счастие, даже во сне испытанное, платить жестокою скорбью настоящей, не сонной жизни, принимает для меня вид предчувствия. Напишите мне, не медля, душа моя, здоровы ли вы? где? и что делаете? что ваши милые глазки?

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 14 февраля 1831 года.

Вяземский сказывал мне, что вы написали 11 новых баллад[1], отчего же я их не знаю? — Для меня, вы знаете, стихи ваши то же, что для Лазаря: *встань из гроба*[2]. — А нужно ли мне теперь воскресительное слово, это доказывает вам даже молчание мое. Уныние раздавило мою душу, portant** и товарища тело. — Мы наняли дачу в 25 верстах отсюда[3], и там надеюсь поправиться, покуда поднимете меня немножко несколькими строками живительной вашей дружбы. — Как бы легко, как бы отрадно было, *глядя вам в глаза*, раскрыть все сердце, разделить неотвратимое и неотвращенное и изложить все вольные и невольные прегрешения, стольких розно проведенных лет! — Что можно писать? и как? — сколько еще нужно веры, счастья, чтобы позволить сердцу вылиться перед листом бумаги? — После такой разлуки хорошо и то, что я кой-когда требую от вас моих дорогих каракулек, что довольствуюсь ими и, как соль, примешиваю к пище насущной.

---

[1] *Вяземский сказывал мне, что вы написали 11 новых баллад*… — Авдотья Петровна в письме к А. А. Елагину от 9 мая 1831 года сообщала: «Вчера был Вяземский, велел Жук⟨овскому⟩ отправить Старушку, которую тот ждет, а баллады еще не выходили; а Старушка-то заперта у тебя, и ключа у меня нет» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 16, л. 8). Менее чем за месяц, с 10 марта по 5 апреля 1831 года, Жуковский написал 11 произведений: «Кубок» (10 марта), «Поликратов перстень», «Перчатка», «Неожиданное свидание» (15—17 марта), «Жалоба Цереры» (17—19 марта), «Донника» (19—21 марта), «Суд Божий над епископом» (24—25 марта), «Алонзо» (26—28 марта), «Ленора» (29 марта — 1 апреля), «Покаяние» (29 марта — 5 апреля).

[2] *Для меня, вы знаете, стихи ваши то же, что для Лазаря: встань из гроба* — слова Елагиной отсылают к тексту Евагелия о воскрешении Лазаря (Иоан. 11.43).

[3] *Мы наняли дачу в 25 верстах отсюда...* — лето 1831 года семья А. П. Елагиной проводила в подмосковном Ильинском (усадьба А. И. Остерман-Толстой). В Ильинском в летнее время собиралась вся елагинско-киреевская молодежь и ее друзья (П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, Н. Языков, Каролина Яниш (Павлова), Петерсен, Армфельд, Бакунины и др.), писались стихи и пьесы, разыгрывались спектакли, совершались прогулки. «Ильинское! — Кто больше моего был уверен, что сказать Май, Ильинское — довольно для счастия? — пишет Авдотья Петровна 14 мая 1831 года к А. А. Елагину. — Вот теперь и Май, и дни чудно-прекрасные, какие Бог посылает своим избранным, и жуки, и иволги, и тень, и цветы; а Ильинское-то! все великолепие сельской природы, так, что недостает груди для движения ⟨…⟩» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 16, л. 9). В летних письмах 1831 года к мужу Елагина подробно описывает ильинскую жизнь молодежи. Из письма от 18 мая: «В 11 часов пришел Иван и снова увел сестру, Каролину ⟨…⟩ бегать. Потом поехали в Архангельское, там заказали себе скопировать одну Рембрантдову к.ну, в три часа возвратились, пообедали и до семи я все равно Ванюшу не видала. В семь Каролина пришла звать меня в Рыцарский замок, там это шептание произвело мне сюрприз, сыграли комедию, Каролина дразнила Анненкову, Петерсен Зайцева, Ванюша Армфельда; — натурально утрировал, даже в своей попытке воображаемый характер. ⟨…⟩ Завтра хотели быть Свербеевы ⟨…⟩» (Там же. Л. 13). Из письма от 21-го мая: «Наша ватага едва себя помнит от радости, беготни, прыганья, прогулок! У кого целый угол навален сосновых шишек, и невзирая на несчетное множество усеянных ими дорог, не можно уговорить отложить сбор этого сокровища; у кого камни, раковины, и крайняя нужда всякую минуту ходить за ними на берег; Вася удочкой ловит рыбу, вытащил уже одну, и целые три дня выкладывал ее в своих арифметических задачах. А Рыцарский-то замок? Безделица прятать от него ключ. — Завтра, если день позволит, и я водворюсь туда со своим мазаньем. — Маша бегает по утру, бегает перед обедом, бегает после обеда и опять бегает ввечеру, кушает за трех, хохочет и носит в *соломенном* ридикюле *книжку* ⟨…⟩» (Там же. Л. 14).

Иван не едет со мною на дачу; он пишет что-то, кажется, роман, и остается здесь литераторствовать на просторе. — Не знаю, как можете вы думать, чтобы несчастье на что-нибудь годилось для души? Оно унижает, убивает и портит душу, хуже всякого порока. — Несчастий истинных немного, и хорошо, что их не знают: вино и *презренная* любовь. — Все остальное только упражнение силам душевным.

Простите, обнимаю вас. — Если увидите Кошелева[1], скажите ему, чтобы он прислал весь oeuvre Hoffmana, Kattermurrщика***[2], я деньги отдам здесь его матушке, его здесь достать нельзя, а мне надобно.

7-е майя
1831 г.

Перевод

* тоска (*нем.*)
** самочувствие (*франц.*).
*** все собрание Гофмана, Котамурщика (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 145—146.
Печатается по автографу.

202. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2 июня 1831[3]

Вот вам росписка Авдотьи Степановны. Адрес ее у *Воздвиженья на Вражке*, в собствен⟨ном⟩ доме. Мой адрес: у Красных ворот, в приходе 3-х Святителей, в собствен⟨ном⟩ доме.

Холеры не бойтесь, она совсем не заразительна, и к хорошим людям пристать не может. Только в диете не позволяйте себе излишества. — Будьте, как всегда, вас она не тронет. — Что вы не присылаете мне ваших баллад? — Я больна, теперь бы кстати немножко воскреснуть. — Хотьков тоскует об Муравейнике[4]. Душа моя, что вы это меня забыли?

2 июня

---

[1] *Если увидите Кошелева*... — Александр Иванович Кошелев, см. примечание к письму 151. В Ильинском проводила лето и Дарья Николаевна, мать Кошелева.

[2] ...*прислал весь oeuvre Hoffmana Kattermurrщика*... — Авдотья Петровна просит, чтобы А. И. Кошелев прислал ей Полное собрание сочинений Э. Т. Гофмана, автора «Житейских воззрений кота Мура» (1819).

[3] Дата устанавливается на основании сообщения о холере в Москве, которая была в 1831 г.

[4] *Хотьков тоскует об Муравейнике*. — Журнал Жуковского «Муравейник» выходил в течение 1831 г. (5 выпусков). «Муравейник», как и «Собиратель» (1829), был связан с деятельностью Жуковского в роли воспитателя наследника престола, великого князя Александра Николаевича, а также явился своеобразным творческим экспериментом: под обложкой одной книги были собраны произведения разных жанров (поэзия, эссе, «отрывки», «выписки», «речи» философ-

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 7.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 148—149.
Печатается по автографу.

203. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Середина июня 1831 г.[1]

Милая Дуняша, вот вам коротенький шептец[2] на коротенькое письмецо ваше. У меня довольно много написано в последний месяц и, право, не знаю, как это сделалось, но столько же, сколько в поэтический Долбинский месяц, когда я оставался несколько времени среди ваших детей, когда свет лежал вдали, как terra incognita*, и когда все животворящее было живо. Теперь другая история. Писал один; вас не было и некому было читать, свет перед глазами, как ободранный скелет, жизнь разлетелась прахом. Но поэзия животворит. Вы требуете, чтобы я все к вам прислал. Погодите, все напечатается и тотчас к вам приедет. Поводом же к написанию стихов было издание журнала[3], которого никто не читает, ибо он печатается и расходится в детском мире. Сотрудники издания дети. А издатель, чтобы было что-нибудь в журнале, принялся за стихи и вышло, что Муза с ним еще не рассталась, и он догадался, что поэзия не умирает, как все прочее. Но журнал вам получить нельзя, ибо он печатается без цензуры и есть высочайшее повеление, чтобы ничто у нас печатаемое не попадалось с чужих рук. И так извините. А стихов своих также не послал для того, что хлопотно переписывать; да они и будучи свежие, что ли до выхода своего в свет не будут в нем печататься инкогнито. Потерпите, голубушка, а я обнимаю вас всех мысленно. Скажите Ивану, что книги получены.

Жуковский.

Перевод

* земля неведомая (*лат.*).

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 4—4 об.
Печатается по автографу.

ского, религиозного, эстетического содержания), имеющих целью создать универсальную к.ну мира.

[1] Дата устанавливается по штемпелю на письме: На л. 5 штемпель и запись: Ее высокоблагородию Авдотье Петровне Елагиной. У Красных ворот, в приходе Трех Святителей в собственном доме.

Штемпель: Получено «июнь 19 Петербург июня 1831».

[2] *…вот вам коротенький шептец…* — *Шептец* от слова «шептать», означает «говорить тихо, невслух, таясь от других» или в смысле «знахарь, ворожбит, кто колдует заговорами» (Даль. Т. IV. С. 628—629).

[3] *Поводом же к написанию стихов было издание журнала…* — Речь идет о журнале «Муравейник», см. примечание к письму 202.

204. А. П. Елагина В. А. Жуковкому

16 сент. 1831

Друг мой Жуковский, мне тяжело, досадно, больно, когда в письме к вам надо включить какую-нибудь просьбу. По милости вашей придворной значительности, эти просьбы так часто на меня наваливаются, что я в газетах намерена публиковать отречение от всякой грамоты, Русской, Французской и Немецкой, ибо уверена, что вам легче совсем без моих каракулек обойтись, нежели смотреть на эти каракули со скукой и досадой. — Теперешняя просьба больше двух месяцев парализовала всякое покушение писать к вам, наконец, надобно же перевалить эту колоду через этот пень или этот пень через эту колоду (как говорится не знаю, а справиться не хочу), чтобы в случае лишней грусти иметь возможность вздохнуть свободнее, сказавши вам: ох, Жуковский, грустно! — Вот дело в чем: одна просьба заключена в приложенном письме от протопопа Николы Гостунского, некогда нашего духовного отца и в важных случаях *утешителя*. — У него одного сына отдали в солдаты, другого выпускают в профессора, так он просит, чтобы выпустили в Калугу, а некуда иначе, и выпустили его *вы* своим могучим словом. На сие краткое изложение буду ждать утешительного вашего: *Приказали*. —

Вторая просьба, от моего Пьера, и касается его самого. Ему, как водится, пора в службу. Здесь приглашают его в комиссию *изданий грамот*, которая комиссия при Архиве.

Место, хотя штатное, но совершенно по нем, совершенно согласно с славянскими его способностями, с его любовью к древности, к корнесловию, к старине. — Беда вся и все затруднение в том, что он не держал еще экзамена; если можно без экзамена принять его *Актуариусом*[1], именно в Комиссию при издании грамот, и если вы нам в этом пособить возьметесь — то по получении милостивой вашей резолюции, я пришлю вам просьбу, а экзамен он выдержит, войдя в службу. — Ну, душа моя, не дуйте ваши губки за все эти хлопоты: ведь надобно ж и вам пострадать со мною и за меня. — Тяготы друга ведь почти то же, что тяготы друг друга. — Круг Евангельских ваших ближних час от часу расширяется[2], между тем как круг родных друзей все становится реже и меньше. — Хотела было сказать вам *теснее*, да в этой беспрестанной разлуке такой простор, что сердце успеет выколотиться, прежде нежели отдохнет, приютившись к родному сердцу. — Кончина Авдотьи Николаевны была для меня таким неожиданным ударом, что я сложила крестом руки перед неисповедимым Провидением. Пусть будет, что будет! — Наташа переносит потерю свою с такой бодростью и рассудком, каких редко встретишь

---

[1] *...если можно без экзамена принять его Актуариусом...* — Актуариус — «чиновник, у которого акты, приходные дела на руках; в бывшей Коллегии иностранных дел чин 1-го класса» (Даль В. И. Т. I. С. 9).

[2] *Круг Евангельских ваших ближних час от часу расширяется...* — Слова А. П. Елагиной отсылают к евангельскому тексту о добром самарянине (Лк. 10. 29—37).

в ее лета. Занимается делами, гостями, сестрою, приличиями и пр., и пр. Я бываю у нее почти каждый день и не могу сказать, с каким умилением смотрю на нее. Что б ни было впереди, счастие или несчастие, я знаю, что Иван мой сохранит свою душу; истинная привязанность не унизит ее. — Любовь к добру и твердая воля не смутит ее, а остальное не наше! — Пусть будет, что будет!

Между тем, Жуковский, когда же я вас увижу? Неужели вы на 28 дней не можете приехать ко мне? — Неужели весь мой Sehnsucht* перенести в будущую жизнь?

16-е сентября 1831.

Отвечайте, пожалуйста, не медля.

Перевод

* тоска (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 9—9 об.—10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 148—150.
Печатается по автографу.

205. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Сентябрь 1831 г.[1]

Милая Дуняша, вот вам короткий ответ на ваше письмецо. О нашем старике и сыне его Гостунском буду хлопотать[2]: попрошу обер-прокурора князя Мещерского и сам напишу его Преосвященству. Может быть, и удастся. Что же касается до Петруши, то рад всеми силами хлопотать; нужно только более точности. Я не могу прийти к Нессельроду[3] и сказать ему: поместите, прошу вас, в Архиве Петрушу Киреевского. Надобно будет ему сказать, имеет ли уж какой чин этот Петруша, где он учился, и на какое именно место поступить желает. Все это я знаю, но не совсем. Итак, заставьте написать Алексея Андреевича форменную записку о прошедшем и желаемом будущем Петруши. — Он уже знает, как такие записки пишутся — и поскорее доставьте сию записку ко мне. А я уж примусь за Нессельрода.; авось и будет удача. В поощрение посылаю вам новые мои стихи. Скоро выйдут новые мои баллады, а в запасе есть и другое, что в свое время прочтете.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ. ф. 286, оп. 2, № 442, л. 64—64 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 53—54.
Печатается по копии.

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 16 сентября 1831 года.

[2] *О нашем старике и сыне его Гостунском буду хлопотать…* — «Старик» — священник села Николы Гостунского близ Белева, некогда духовный отец обитателей Мишенского.

[3] *Я не могу прийти к Нессельроду…* — К. В. Нессельроде, см. примечание к письму 183.

206. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 сент. 1831[1]

Кончина Авдотьи Николаевны верно была для меня разительнее ударом, нежели вам, милый Жуковский. Я в это время была в деревне, узнала по прошествии целой недели, прискакала в Москву и как скоро увидела, что Наташа может действовать и заниматься, просила ее написать к вам. Она обещала мне и уверила, что исполнила. Я думала, что голос ее дочери смягчит для вашего сердца горечь новой потери. — Авд⟨отья⟩ Nик⟨олаевна⟩ сама собиралась в Петер⟨бург⟩ единственно затем, чтобы вы помогли ей выхлопотать вензель Наташе. — Их фамилия при дворе известна, а красота Наташи, ловкость, приветность дают ей право на особенное благоволение. — *Извне*, самый строгий порицатель ничего потребовать от нее больше не может. — Извнутри (я буду пристрастна, двойным призмом заслонен свет мой; ах Жуковский! тут вся горесть его обманутых надежд, вся прикраса и его и моей любви!) — Наташа умна, почти как мать. — Когда я приехала к ней из деревни, в таком волнении, что, забывши всякое благоразумие, собиралась ее и Веру увезти к себе, то нашла ее в нанятом, особенном доме, подле Нас⟨тасьи⟩ Ник⟨олаевны⟩ Хитровой[2], свободно распоряжающуюся не только домашним хозяйством, но и чужими процессами, о которых преумно толковала с сенатскими секретарями. — Норов, зять ее, муж Маши, предложил ей жить вместе, Наташа не хочет, говорит, что для свету довольно того, что она под покровительством Н. Н. Хитровой (пустой, глупой, но богатой и уваженной здесь женщины), а жить в чужом доме, даже у сестры, ей тяжело будет. — Эту зиму намерена она провести здесь; а там, после разделу,— сама еще не знает. С нею Вера, за которою она ухаживает с трогательною заботливостью. — Братья все четверо в армии, трое в Уланском полку, против Поляков, а Александр, за дурное поведение, переведен в пехоту[3]. Братья всё не будут ей покровителями, люди хуже нежели ничтожные. — Ежели возможно взять ее ко Двору, то это будет лучше, что для нее сделать можно; спасет ее от всех злоречий и клевет здешних кумушек. — Я для нее ничего сделать не могу, ради тех же кумушек должна ее оставить подле Нас. Ник. Привязанность

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти Авдотьи Николаевны Арбеневой (урожд. Вельяминовой, ум. в 1831 г.).

[2] *...Нашла ее в нанятом, особенном доме, подле Нас⟨тасьи⟩ Ник⟨олаевны⟩ Хитровой...* — Н. Н. Хитрово, урожд. Каковинская, жена Никиты Петровича Хитрово, «дочь Николая Николаевича Каковинского, бывшего Московского Коменданта, которая скончалась в весьма преклонных летах между 1850 и 1855 годами. Живя почти постоянно в Москве, Настасья Николаевна была известна всем москвичам, весьма боявшимся ее прямой речи и острого языка. Утверждают, что Грибоедов на нее намекал в последних словах «Горя от ума»: «Ах, Боже мой! что станет говорить Княгиня Марья Алексеевна» (Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 189—190).

[3] *Братья все четверо в армии ⟨...⟩ а Александр, за дурное поведение, переведен в пехоту* — После А. Н. Арбеневой осталось четверо сыновей и три дочери: Наталья, Мария и Вера.

Ивана к ней столько же меня к ней привязала, сколько для света отделила. Бываю у нее часто, и со всею любовью матери не могу распорядиться ее делами, как мать должна бы. — Впрочем не знаю, хотела ли бы этого сама Наташа. — Дела их денежные очень плохи, долгов много, теперь делают посредническую комиссию, и тогда по крайней мере будут *они* спокойны. Норов человек честный, прямой, чувствительный, деликатный, и готов для Наташи и для Веры все, что есть тяжелого на свете, взять. — Завтра, если она еще не писала к вам, будет Наташа писать непременно и доскажет, что я не досказала.

Моему сердцу, Жуковский, судьбою положено несчастье со всею полнотою любви, знать одни ее страдания. И тут то же, что везде. Тургенев спрашивает у меня, как я могу хотеть, чтобы *вы* приехали ко мне, отдохнуть среди своих? Известность судьбы моей, которой неотразимое преследование не оттолкнут никакие надежды, заключила в сердце ответ мой. — Простите.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 11—11 об.—12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 151—152.
Печатается по автографу.

207. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 октября 1831[1]

Жуковский, душа моя! неужели! — уже три дня это слышу, три ночи не сплю, а все-таки не верю. — Кажется, невозможно. — Вчера прочли мне письмо ваше к Тургеневу. Друг сердечный, не бойтесь моей радости! Вспомните, что я стала *старуха*, у которой во время нашей разлуки перебывало 12 человек детей, со всеми их заботами. Да и свиданья-то наши! Разве не вновь приведут нас к могилам? — Между тем приезд Императрицы, и необходимое оттого ожидание *вас*, такое произвело в вашей сумасшедшей Дуняше волнение, que j'ai fait une fausse couche*. — Теперь велят мне лежать и не шевелиться, и это письмо контрабанда, а без него обойтись не могу. Неужели я увижу вас? Неужели вы будете ко мне? Приезжайте прямо ко мне, иначе ведь вас не увидишь! Спешу изо всей силы выздороветь, чтобы иметь возможность понять мою радость, а там! — Скажите, неужели мы не *обрадуемся* Царству небесному? Посылаю записку, чтобы чем-нибудь извинить мое выраженье.

---

[1] Дата устанавливается по штемпелю: «Москва. 21 октября» и на основании сообщения об ожидаемом приезде Жуковского в Москву. Жуковский находился в Москве с 28 октября по 11 ноября 1831 года, где, начиная с 28 октября, встречался неоднократно с А. П. Елагиной (Дневники. ПСС2. Т. 13. С. 317—318).

Перевод

* что у меня был выкидыш (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 14.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 153.
Печатается по автографу.

208. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Между 25 окт. — 15 ноября 1831[1]

Первое письмо к вам, милый брат, несмотря на столько различного, что хотелось бы передать вам, есть просительное. — Это не должно удивлять вас: Все наши надежды, мечтания и радости давно привыкли сосредоточивать в вас, а я, особенно с тех пор, как начала жить. (Хотела сказать *мыслить*, но это вернее). — Можете или не можете исполнить моей просьбы, все равно; я прошу вас с верою в вас, и потому вы непременно ее исполните. Вот в чем дело: моего Ивана Киреевского так притесняют эти твари, известные в нашем Царстве под именем исправников и заседателей, что он, сидя дома, не находит просто покоя. Дайте ему рекомендательное письмо к Губернатору Калужскому, вашему соименнику. — Думаю, что вы едва его знаете; но тут нужно письмо от Воспитателя Великого Князя, письмо весистое, которое заставило бы уважать *знакомством* Ив⟨ана⟩ Кире⟨евского⟩. — У него нет ни процессов, ни просьб, след⟨ственно⟩ покровительствовать благородного человека и дать ему то место в обществе, которого он стоит, есть только долг честного начальника. Заставьте написать еще кого-нибудь, я не знаю, кого назвать, но только кого-нибудь страшного, и рекомендовать ему моего бедного Ивана. Вообразите, что у него нанят немец-управитель, который расстроил имение и которого Ваня захотел отпустить. Немец не едет, счетов не отдает, Иван просит исправника выжить его из деревни, тот просьбы не принимает, помощи никакой сделать не хочет, а вместо того сам притесняет. — Бедные дураки мои сидят в унынии, угнетенные управителем, и не знают, что делать. — Об этом он и не будет говорить губернатору, ибо надеюсь, что это несносное дело скоро кончится, между тем, я сказываю его вам, как образчик того, что Ванюша по излишней деликатности выносить должен.

Желала бы я вам рассказать многое, но не знаю, удастся ли видеть вас в Москве; мы здесь сидим потому только, что сидим. — Я была больна и по той причине давно не видала наших Муратовских: будете ли вы к ним и не вздумаете ли вызвать меня в Москву?

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения об И. В. Киреевском, который, удалившись в деревню (1831 г.), занялся управлением своего хозяйства.

Прикажите Васе Ск (и)анину прийти к вам[1], поручаю его вашей дружбе. — Обнимаю вас крепко.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 1—1 об., 2 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 154.
Печатается по автографу.

209. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Декабрь 1831 г.[2]

Милая Дуняша, перешлите немедленно это письмо к Екатерине Федоровне Муравьевой[3]; а мне пришлите копию с Кота Мурлыки[4], которого прошу из Фадея перекрестить в Федота, ибо могут подумать, что я имел намерение изобразить в нем Фадея Булгарина[5]. Напишите о себе, душа моя. Что журнал?[6] На следующей почте пошлю к вам экземпляры моих баллад для вас и для раздачи. От сей последней обязанности Тургенев увольняется. Обнимаю всех вас.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 54.
Печатается по первой публикации.

---

[1] *Прикажите Васе Ск* (*и*)*анину прийти к вам…* — Личность установить не удалось.

[2] Датируется на основании ответа на него А. П. Елагиной 16 декабря 1831 года.

[3] *…перешлите немедленно это письмо к Екатерине Федоровне Муравьевой…* — Е. Ф. Муравьева, см. примечание к письму 42.

[4] *…мне пришлите копию с Кота Мурлыки…* — Речь идет о «Войне мышей и лягушек», которую Жуковский передал для журнала И. В. Киреевского «Европеец». Сказка была написана 24 августа — 22 сентября 1831 года.

[5] *…намерение изобразить в нем Фадея Булгарина* — «Это намерение у Жуковского, несомненно, было, но он не хотел делать его слишком явным, чтобы не разжигать конфликт, и без того достигший остроты» (*Фризман Л. Г.* Примечания // Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832. М., 1989. С. 500). Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859) — писатель, журналист, редактор «Северного архива», издатель «Северной пчелы» и «Сына отечества», известный своей близостью к правительству после 14 декабря 1825 года и службой негласным осведомителем III отделения, яростный противник Пушкина.

[6] *Что журнал?* — Жуковский спрашивает о готовящемся к изданию журнале И. В. Киреевского «Европеец».

210. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Декабрь 1831г.[1]

Крысю Онуфрию от Прасковьи-Пискуньи поклон[2] — при нем, т. е. при поклоне, кошелек, работы лап ее, а в кошельке ниточки на счастие. Она же, Пискунья, очень благодарит Онуфрия за присланные ей рукописи и рисунок Пушкина[3].

Автограф: ПД, № 27895, л. 10.

Печатается по автографу.

211. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

16 декабря 1831[4]

Приказания ваши исполнены в точности и письма доставлены Ек⟨атерине⟩ Ф⟨едоровне⟩[5], хотя в последнем пакете оба включенные были распечатаны. — О себе, душа моя, что вам сказать? Я как будто проснулась после 300-летнего сна, все то же, все прежнее тут, как бывало — только сына Царского, Пробудителя нету тут: а с этим *нету*, Бог знает, сколько связано лишения, и Sehnsucht*, и одиночества. Теперь только я вспомнила, что ничего Вам не сказала того, что так

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от декабря 1831 г., связанное с изданием «Европейца». Легкий и шутливый тон письма во многом объясняется приподнятым настроением Авдотьи Петровны. В одном из последних писем она назовет время издания «Европейца» счастливым периодом жизни.

[2] *Крысю Онуфрию от Прасковьи Пискуньи поклон...* — Авдотья Петровна, хорошо осведомленная в вопросах литературной борьбы, проницательно указала на общественный и художественный подтекст сказки Жуковского «Война мышей и лягушек», назвав Крысем Онуфрием Жуковского, себя — Прасковьей Пискуньей. Ц. С. Вольпе, комментируя шутливое уподобление в письме А. П. Елагиной пишет» «⟨…⟩ крыса Онуфрий — это Жуковский (что несомненно, ибо Онуфрий также и педагог и через него Жуковский высказывает собственную дидактическую философию)» (Вольпе Ц. С. Т. 2. С. 478).

[3] *...рисунок Пушкина* — Занимаясь живописью, Авдотья Петровна еще в 1826 году делала копию пушкинского портрета кисти Кипренского. Об этом она писала А. А. Елагину в ряде писем 1826 г. 17 июля: «Пусти меня в монастырь. Яниш унес все картинки, рисовать не с чего, никто не дает оригиналов, Соболевский обещал, но не сдержал, одним словом, хочу постричься». *19 июля*: «⟨…⟩ сегодня будет Аргунов ⟨…⟩ Пушкина мордочка кажется на лад идет, сегодня Арг⟨унов⟩ несколько поправит, и будет с концом. Жаль, что его не видала, нельзя сходства отгадать, есть столько неприметных черт, которыми отдалишься от него совсем, хотя с портретом и сходно. Что-то скажут великие судьи: Соболевский и Рожалин!» 20 августа, обращаясь к сыну Петру, который находился вместе с Елагиным в деревне: «Я Пушкина кончила и все (кроме Рожалина) хвалят, то мне очень весело, хотела бы, чтобы ты взглянул и похвалил. — Начинаю теперь Гете, с Кипренского ⟨…⟩» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 12, л. 31; 32; 33).

[4] Дата устанавливается на основании разговора о недавнем посещении Жуковским Москвы и подготовке к публикации второго номера «Европейца».

[5] *...письма доставлены Ек⟨атерине⟩ Ф⟨едоровне⟩...* — Е. Ф. Муравьева, см. примечание к письму 42.

тяжело давит душу; ваше присутствие потопило все горести, сердце облилось давно уже неизвестным чувством, и беззаботно, спокойно в нем поплавало, как будто и на дне ничего не было. — Теперь всё выплыло снова, и досадно на себя. Если б я была не дура, вы сняли бы, вероятно, многое, совсем прочь. — Ну, так и быть! Слава Богу, что вы, Вы; и что видели всех моих Карпушек: пускай жизнь тянется, как хочет! Кроме Главного, Вышнего Промысла, весело, что есть у нас еще свой, домашний; так сказать карманное Провиденье! Да и какое же! — Я, с колыбели отдавшая ему душу, теперь любуюсь, смотря, как милое Его влияние счастливит целую судьбу всего семейства, которого он стал *краеугольным камнем*. *Камень его же не брегоша зиждущие, стань во краю угла*[1].

Вот вам донесение подробное о всех здешних: Европеец осовел[2]; многих журналов здесь получать не позволено, например L'Avenir[**3], и Литературных Английских. Вяземский, Тургенев все обещают, и благодаря балам и вечерам — не дали ничего. — Подписчиков еще нет. — Уверяют, будто объявление его слишком скромно и неизвестное имя издателя не привлекает никого. Первая книжка почти напечатана, а на вторую кроме Онуфрия еще нет ничего[4]. Пьер болен уже третью неделю, лежит в постели; его свидетельство о крещении давно при просьбе подано, сверх того Малиновский (у которого percutant[***], лихорадка, отчего Иван в восторге) заставил его перевести с 7 языков[5], и послал все это ученичество Нессельроде, а — проку-то все мало; он еще не принят в службу и крестит не Актуариусом. — Наташа в большом ожидании; ей хотелось бы во фрейлины, кажется, она просила о том Государыню, которая была к ней очень милостива; — Тургенев говорит, что можно просить, чтобы ей дали убежище во дворце, как его кузинам Путятам, — они живут в Таврическом дворце и получают 4000 содержания; но не фрейлины, и по-моему это гораздо было бы лучше. — Норовы здесь давно. Лучше быть его, деликатнее, больше расположену к добру, — невозможно. Он сначала еще предлагал Наташе выпросить у Правительства *законное право* вступить в управление

---

[1] *...Его влияние счастливит целую судьбу всего семейства, которого он стал краеугольным камнем. Камень его же не брегоша зиждущие, стань во краю угла — Камень его же не брегоша зиждущие, стань во краю угла...* — Цитата отсылает к тексту из Евангелия: «Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?» (Мф. 21.42).

[2] *Европеец осовел* — Авдотья Петровна говорит о трудностях, с которыми столкнулся И. В. Киреевский как издатель журнала.

[3] *...многих журналов здесь получать не позволено, например L'Avenir...* — L'Avenir — журнал, издававшийся в 1830—1832 гг. французским публицистом, аббатом, теоретиком христианского социализма Ф. Ламенне и группой писателей, оппозиционно настроенных в отношении правительства Луи Филиппа и требовавших отделения церкви от государства, гарантии прав личности, уничтожения избирательного ценза и установления всеобщего голосования.

[4] *...кроме Онуфрия еще нет ничего* — «Война мышей и лягушек» Жуковского, которая будет напечатана во втором номере «Европейца».

[5] *...Малиновский ⟨...⟩ заставил его перевести с 7 языков...* — Алексей Федорович Малиновский, см. примечание к письму 100. В 1831 году Малиновский был начальником Московского архива Коллегии иностранных дел, куда поступил на службу Петр Васильевич Киреевский.

имением до возвращения которого-нибудь из братьев. — Если бы подали такую просьбу и если бы он получил законное позволение,— то, конечно, много привел бы в порядок. — Теперь предложил ей жить вместе, как и сначала,— поехать к ней в деревню вместе,— или к нему; — одним словом, он желает бескорыстно быть ей на что-нибудь полезным, и если бы он мог поговорить с вами, я не сомневаюсь, что легко бы увидели, что недостает простоты и доброй воли — не в нем. Напишите к нему, если хотите узнать обо всем подробно, думаю, что ответ его будет удовлетворителен. — Между тем, не забудьте, что имения он не берет ничего, и что не знаком со всеми братьями, которые, вероятно, тоже смотрят на всё в увеличительное стекло. — Азбукин с Дуничкой здесь,— он болен очень, и очень нетерпелив, но, кажется, не опасно болен, и выздоровеет скоро. — Тяжело между тем, страдать без всякого внутреннего утешения — и невозможно человеку в болезненном состоянии начать приучаться к какому-нибудь доброму чувству, или даже к воззрению внутреннему,— а наружно окружающее не дает кроме досады ничего. Больно его видеть, и я Дуняшу, сколько могу, удержу. — Кто верит другой жизни, для того, право, *эта жизнь* не есть главное, а *как* ее живешь, и годится ли она на что-нибудь. — Дмитриева и ваша protégée**** Кожевникова была у меня[1], грустит, что ей нет ответа, прилагает вам еще писюлечку и говорит, что делу, за которое *вы* взялись, нельзя не удасться — От сестры Анеты получила милое письмо, она благодарит вас за предложение и говорит, что денег ей теперь не нужно; взяла у Гр⟨афини⟩ Ланжерон[2]; — предовольна своим хутором, сажают виноградник и зовут всех вино пить. — Мы с Петерсеном хлопочем теперь о Рождественском дереве Карпушкам[3], рисуем рыцарей, клеим и шьем куклы. — Онуфрия посылаю, а вы пришлите тетрадку с Языкова стихами; у нас не осталось, а они нужны Европейцу и вашей дуре Авдотье.

С самого отъезда вашего у меня сильно болят глаза, посадили два фонтанеля, за ухо и на руку[4], а все не лучше. Вчера в первый раз решилась писать: это скучно.

---

[1] *Дмитриева и ваша protégée Кожевникова была у меня…* — Анна (или Авдотья) Кожевникова — племянница жены И. И. Дмитриева и родная сестра декабриста Нила Павловича Кожевникова (1804—1837), осужденного по X разряду, приговоренного к лишению чинов и дворянства, определенного рядовым в дальний гарнизон сначала в Оренбургской губернии, а затем на Кавказ.

[2] *…денег ей теперь не нужно; взяла у Гр. Ланжерон…* — Речь идет о жене Александра Федоровича Ланжерона (1763—1831), графа, генерала от инфантерии, отличившегося в войне со шведами и при взятии Измаила, участника Отечественной войны 1812 г., управляющего новороссийским краем, много способствовавшего развитию г. Одессы.

[3] *Мы с Петерсеном хлопочем теперь о Рождественском дереве Карпушкам…* — Александр Петрович Петерсен, см. примечание к письму 14; Карпушки — из лексики домашнего словообразования: так Елагина называет своих младших детей.

[4] *…посадили два фонтанеля, за ухо и на руку…* — Фонтанель (*франц.* fontanelle) — «нарочная, гнойная рана с врачебной целью, заволока» (Даль. Т. IV. С. 537).

Уже не ваше ли приказанье авторствовать сует меня в Козловы?[1] Сохрани Боже! — т. е. не от слепоты, а от Козловства; и от слепоты также.

Адрес Екатерины Фед⟨оровны⟩ Мур⟨авьевой⟩: между Тверской и Дмитревкой, в козицком переулке, в доме г-жи Глебовой. — Письмо ваше я отдала ей так просила Наташа, боявшись, чтобы пересылки и проволочки не дали Ек⟨атерине⟩ Ф⟨едоровне⟩ мысли, что *она* выпросила письмо ваше. Надеюсь, что она останется у Ек⟨атерины⟩ Ф⟨едоровны⟩. — Милый друг, благодарствуйте, что поделились вашими действиями: знать благословие вашей жизни благодетльно сердцу. Деньги ваши все по приказу раздала, о тех, которые вы намерены прислать Наташе, поговорю с вами как скоро мне будет легче, теперь жестоко нездоровится.

Перевод

* тоска (*нем.*).
** будущее (*франц.*).
*** забивающая (*франц.*).
**** протеже (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 16—17 с оборотами — 18.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 156—158.
Печатается по автографу.

212. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец 1831 или начало 1832 г.[2]

Иван И⟨ванович⟩ Дмитриев просит вас сказать нам, кому вы передали просьбу Кожевниковой? Бенкендорфу? или Адлербергу?[3] — И ему, и ей это нужно знать для того, чтобы похлопотать еще, ибо на просьбу нет ни ответа, ни привета. Что до меня касается, то не знавши этих господ, я натурально бы выбрала Адлерберга c'est plus sonore, et l'autre me fait l'effet*: в такт с усмешкой и кунсъштуком[4]. — Да

---

[1] *Уже не ваше ли приказанье авторствовать сует меня в Козловы?* — Ухудшившееся зрение у Авдотьи Петровны вызывает сравнение с образом ослепшего поэта Ивана Ивановича Козлова (1779—1840 г.).

[2] Датируется временем после 16 декабря 1831 года, когда А. П. Елагина впервые обратилась с просьбой о Кожевниковой

[3] *Кому вы передали просьбу Кожевниковой? Бенкендорфу? или Адлербергу?* — О Кожевниковой, сестре декабриста Н. П. Кожевникова, см. примечание к письму от 16 декабря 1831 года. Просьба Авдотьи Петровны о помощи декабристу и его родственникам определенным образом характеризует Жуковского. Он должен был ходатайствовать, судя по вопросам Елагиной, перед шефом Корпуса жандармов и главным начальником III Отделения Александром Христофоровичем Бенкендорфом (1783—1844) или директором канцелярии начальника Главного штаба Владимиром Федоровичем Адлербергом (1791—1884).

[4] *…в такт с насмешкой и кунсъштуком…* — Кунсъштук от немецкого Kunststück — проделка, ловкая штука, фиглярство.

и писать как-то неловко. — Не сочтите по этому вздору, как-то нечаянно с пера сорвавшемуся, чтобы мне было не до вздоров. — У двух меньших Карпушек скарлатина, да и кроме того тоска несносная давит душу. — Не найду, где вздохнуть свободно. — Европеец просит вашего *именного* адреса, чтобы явиться к вам не через Булгакова: пришлите его, пожалуйста. Да можно ли напечатать нам стихи на смерть Прусской королевы[1], которые при сем посылаю? — Вашего-то нам хочется не просто для удовлетворения *своей* страсти, а для достижения всех родов седьмого неба. — Азбукину легче, а доктор надеется на скорое выздоровление. — Максим остался в деревне хром и болен: Азбукин просит за него 70 ру⟨блей⟩, которых за прошлый год не прислали.

Простите, душа моя! авось скоро буду писать к вам, теперь этого не стою.

Перевод

* Это более звучно, более впечатляет (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 1.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 160.
Печатается по автографу.

213. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1831[2]

Вот вам, душа моя, письмо от Малиновского, вероятно, просьба о Петруше[3]. — Скажите мне, пожалуйста, чего может надеяться Наташа? Возьмут ли ее ко Двору? в Таврический дворец? — Она очень беспокоится. Теперь живет вместе с Норовыми, *покуда*, но как бы ни было благоразумно так остаться, должно, кажется, добро делать по хотению людей, а не против хотения. — Довольно хлопочет о том и высшая судьба. — У меня Пьер и меньшие нездоровы, мне грустно, да и хуже чем грустно, и потому не пишется. — Простите.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 33, л. 13.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 159.
Печатается по автографу.

---

[1] *Да можно ли напечатать нам стихи на смерть Прусской королевы…* — По всей видимости речь идет о стихотворении «В ту минуту, когда ты в белой брачной одежде…», впервые опубликованном в «Московском Телеграфе» в 1827 г. (Ч. 15, № 11. Отд. 2. С. 105—106) с заглавием «На кончину *** (из Жан-Поля)». Стихотворение явилось поэтическим переложением прозаического текста немецкого писателя Жан Поля, написанного на смерть королевы прусской Луизы (1771—1810), матери великой княгини Александры Федоровны (ПСС2. Т. 2. С. 496—497).

[2] Дата устанавливается на основании содержания: после смерти А. Н. Арбеневой в 1831 году Елагина просит Жуковского определить Наташу Арбеневу ко двору.

[3] *Вот вам, душа моя, письмо от Малиновского, вероятно, просьба о Петруше* — См. примечание к письму 100.

214. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 январь 1832[1]

Здравствуйте, милая душа моя Жуковский!

Сегодня день моего рождения, начинаю его благодарным объятием вас, мое несравненное сокровище! Благословляю вас и Бога за все то счастие, которое любовь к вам разлила на всю жизнь мою. — Вы ко мне что-то не пишете, не сердитесь ли за что? Не соврала ли я чего-нибудь в моих письмах? — Нравится ли вам Европеец? — Иностранных журналов еще нет, и это нас сокрушает! Издатель повесил что-то голову и грустит[2]. Вяземский обещал много и не дал; — Пушкин так же, он остался при своих и смущается крепко. Как хорошо ваше деревенское Воскресение![3] Тургенев уверяет, что оно с Английского, а я уверяю, что *ваше*. — Так ли? — Сделайте милость, пришлите Языкова стихи, у нас нет ни оригинала, ни копии. — Также Чаадаев вас просит[4] прислать его тетрадь, которую отдал вам Пушкин. — Наташа привезла мне ваше письмо, и завтра получите от нее ответ. — Милая душа моя, как весело, что Вы — вы. — Им теперь вместе с сестрой ладно и дружно живется. Норов благородный и прекрасный человек. — Азбукину лучше.

Простите до завтра.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 2.
Печатается по автографу.

215. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Январь 1832[5]

Пишу это только для того, чтобы 29 вы имели живое воспоминание об вашей Дуняше[6]. Ваша с колыбели и до могилы, и потому покуда еще не в ней, должны вы в день вашего рождения получить материальный поцелуй сестры вашей. — Дай Бог подолее радоваться вами! ежели не мне, так свету. — Все благодарности, благословения всех моих, больших и малых, *при сем прилагаю*. — Европеец до сих пор

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о номере «Европейца», вышедшем в 1832 году. Штемпель: Москва, 1832, Генв. 11.

[2] *Издатель повесил что-то голову и грустит* — Издателем «Европейца» был И. В. Киреевский.

[3] *Как хорошо ваше деревенское Воскресение!* — «Воскресное утро в деревне» — перевод стихотворения «Sonntagsfrühe» немецкого поэта Гебеля (1760—1826). Перевод сделан и опубликован в 1831 г.

[4] *Также Чаадаев вас просит…* — Петр Яковлевич Чаадаев (1794—1856), философ и писатель, друг Авдотьи Петровны и частый посетитель салона Елагиных в Москве.

[5] Датируется по штемпелю: « Генваря 1832». 29 января — день рождения В. А. Жуковского.

[6] *…29 вы имели живое воспоминание об вашей Дуняше* — 29 января — день рождения В. А. Жуковского.

тронут вашим обещанием, и совестно, весело. — Он, бедный, все болен. Петруша болен тоже и слишком уже два месяца не выходит из комнаты. Его определили *не* официальным членом, и они всем этим смутились и огорчились. — На что же, дескать, протекция? — Но сделать невозможное есть уже явная несправедливость. — Чаадаев просит своей рукописи. — Душа моя, скажите мне, где Катя Воейкова? — Вижу, что из института она вышла.

Простите, обнимаю вас крепко. — И у меня объявили печеночную болезнь, и я теперь пресчастлива! Все мои слезы буду сваливать на завал в печенке — посылают в Карлсбад, но, кажется, это нельзя будет. Азбукин очень болен.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 2 об.
Печатается по автографу.

216. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 марта 1832[1]

Бесценный друг, я ожила после сильной желчной горячки; еще очень слаба, еще не могу ходить, еще сижу в потемках после головной и глазной боли, да по приказанию Надеж⟨ды⟩ Ник⟨олаевны⟩ Шер⟨еметевой⟩ первое употребление сил и рук — обнять вас, душа моя. О своем и своих ни слова теперь. — Надеж⟨да⟩ Ник⟨олаевна⟩ просит вас дать рекомендательных писем в Дерпт ее племян⟨нику⟩, сыну меньшому Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, который в Дерпте хочет учиться[2]. — Вы сделали бы это и без письма моего, но письмо мое входит в необходимость обычаев Русских: входя в дом молиться Богу, да кланяться хозяину. — Освободившись от болезни и снова входя в жизнь, надобно помолиться Богу, а потом поклониться вам, милое светило души моей.

15 марта Ваша Дуняша

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 4.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 162.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата проставлена в автографе карандашом.

[2] *Надежда Николаевна просит вас дать рекомендательных писем ⟨...⟩ сыну меньшому Ник⟨олая⟩ Ник⟨олаевича⟩, который в Дерпте хочет учиться* — Речь идет о Николае Николаевиче Тютчеве, младшем сыне Н. Н. Тютчева, племяннике Н. Н. Шереметевой (урожд. Тютчевой), который в 1833—1838 годах обучался в Дерптском университете.

217. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 апреля 1832[1]

Душа моя Жуковский! ⟨*нрзб.*⟩ Расправьте ваши крылушки, если они, паче чаяния, сложены: вот ваши новые хлопоты о добром деле. Из приложенной записки вы увидите, в чем оно состоит; положение же бедных Калайдовичей[2] описать нельзя. Она просит не многого и то до возраста детей. — Вы, душа моя, найдете, к кому адресоваться и кого заставить это для нее сделать. — Не гневайтесь на меня за это поручение: право, оно не мое, а все доброе, все высокое поручено вам свыше, и мы поневоле вас в этом смысле тормошим. — Давно вы ко мне не писали, ведь словечко от вас также не худое дело, тем больше, что я все хвораю и нуждаюсь в поддержке. С первого мая начинаю пить Карлсбадские воды *здесь*, не имея средств достать их там, где они не микстура. — Не собираетесь ли вы сюда чего-нибудь напиться? У вас гостила тетушка? О, как часто я в это время переносилась к вам! Но воображение мое не умело создать незнакомого мне Петербурга, ваших комнат, вашего неизвестного круга — оно окружало вас тишиною Муратова и всем тем блаженством, которое навсегда сделало из него святыню, — потом приводило к разрознившим, далеко ушедшим могилам и возвращалось в пустыню одинокого сердца, где только и теплится то, чего уже нет. — А они говорят: это болезнь печенки и ставят пиявки, и потчивают микстурами. Иван все еще не умеет опомниться и с собою сладить. Собирается в деревне зарыться в хозяйство и им заменить все несчастные свои попытки в литературе. С этих лет начинать новое поприще, думать новые мысли и не знать еще исхода их, предполагая успеха в том, к чему нет склонности, — перелом жестокий даже для крепких сил молодости. — Петр также хочет помещичать; Языков уезжает в Симбирск; Петерсен горюет о бумагах, которых не шлют ему из Дерпта и без которых не может экзаменоваться в Университет, куда бы желал определиться; Елагин сокрушается разделом и отъездом детей, — одним словом, вся наша семья хоть в воду брось! — Лица вытянутые, печальные, брови сморщенные, на лбу разные волны etc, etc. Вы знаете, что после кончины Азбукина Дуничка и Нат⟨алья⟩ Андр⟨еевна⟩[3] у меня живут. — Я писала к вам с тех пор два раза, и все нет ответа.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о тяжелом душевном состоянии Ивана Васильевича Киреевского («Иван все еще не умеет опомниться и с собою сладить»), последовавшем после запрещения журнала «Европеец» — 14 марта 1832 г.

[2] *...положение же бедных Калайдовичей...* — Речь идет о бедственном положении семьи Константина Федоровича Калайдовича, умершего 17 апреля 1832 г., историка, выпускника Московского университета, служившего в Московском архиве министерства иностранных дел, подготовившего к «изданию государственных грамот в трех фолиантах, Иоанна Эксарха, законов царя Иоанна Васильевича, древних русских стихотворений» и др. (Барсуков. Кн. 4. С. 35).

[3] *...после кончины Азбукина Дуничка и Наталья Андреевна...* — Василий Андреевич Азбукин умер в 1832 г., Дуничка — его дочь и племянница Авдотьи Петровны; Наталья Андреевна Азбукина — его сестра, побочная дочь Андрея Ивановича Протасова.

Автограф: РГБ: ф. 104, к. VII, № 34, л. 6—6 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 162—163.
Печатается по автографу.
218. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 мая 1832[1]

Бесценный друг, вы удивитесь, что человек мне незнакомый, отдаст вам писюльку от вашей сестры, но ведь мне необходимо прильнуть везде, где только можно потормошить вас. *Дидрих*, приехавший с бедным Батюшковым, *об нем* вам расскажет, но *своего,* вероятно, сказать не посмеет, да и погрузясь в одно чувство, можете и вы не подумать о чем другом. Вот в чем дело: нельзя ли вам постараться не пускать Дидриха в Саксонию, а удержать в России при заведении, для сумасшедших в Москве учреждающемся, или в Петербурге? Он посвятил себя этой части, много учился и действовал, *желал бы* остаться в России, а нам такие люди необходимы. — Думаю, что об нем будет писать к вам также Екат⟨ерина⟩ Фед⟨оровна⟩ Муравьева; вы сами поговорите с ним, по горячему состраданию его к этим несчастным увидите, сколько он может быть здесь полезен. — Душа моя, похлопочите об нашей просьбе хорошенько. Кому приличнее вашего возвращать людям душу? — Над⟨⟩ежда Ник⟨олаевна⟩ Шереметева тут же заботится: вы можете, конечно, нас обеих с ней отослать в сумасшедший дом, но прежде постарайтесь сделать там доктором Дидриха. — Получаете ли вы письма от Ивана? Я после 1-го Апреля не имела, но, кажется, он бодр и деятелен; чего же мне требовать больше? Здешняя моя мелюзга теперь нездорова: летучая оспа. — Дуничка Азбукина живет у меня с Генваря, они обе с Машей вас обнимают: *если вы позволите*, говорит Маша. — Душа моя, увидимся ли мы нынешний год? С каким волнением я слушала толки, это счастие мне обещавшие!

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 8.
Копия: РГАЛИ, ф. 198 оп. 1, № 107, л. 163.
Печатается по автографу.

219. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 мая 1832 г.[2]

Бесценный друг, ваше *много,* для меня чуть ли не слишком много! Сердце разучилось радоваться: восторг, которым оно бьется, с тех пор, как получила благословенное письмо ваше, уложило опять в постелю мою неугомонную персону.

Одно только, не будьте вы больны! — Приезжайте, приезжайте отдохнуть здесь в семье вашей. — У меня нанята верст в 18 от Москвы дача: вид единственный! речка для купанья; комната вам с большими креслами, с сиренью под

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Дунечке Азбукиной, которая после смерти отца с января 1832 года жила у А. П. Елагиной.

[2] Датируется на основании штемпеля: «Москва 1832 Майя 26».

окном, а кругом и около, с сестрами и с детьми, для которых всякое ваше дыхание есть благодеяние Божие. План на это время пускай строит вдохновение. — Захотите поехать на родину — мы с вами всюду; хотя, признаюсь, охотнее поехала бы с вами за Коцит[1], нежели туда, где нет даже ни одной прежней ласточки. *Мерзость запустения на месте святом*[2]. — Впрочем, в этом и во всем как вам угодно. — В деревне не дадим вам соскучиться, час езды до Москвы, да и туда можете завербовать кого хотите. — Дети с наседкой Нат⟨альей⟩ Анд⟨реевной⟩ — уже на даче, я здесь таскаюсь на Карлсбадские воды, хвораю и едва не слепну. — Но будет на что глазами глядеть, так глядеть и станут. Приезжайте только, душа моя! Господь вас благословит.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 10.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 163—164.
Печатается по автографу.

220. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

4 июня 1832[3]

Бесценный друг, приложенное письмо, сделавшее пакет, подпишите Владимиру Федоровичу Адлербергу и отдавши потребуйте скорого и решительного ответа. Бедная Якушкина сокрушается[4] от неизвестности и желания исполнить долг свой. — Выше этого счастья — нет счастья, всякое пожертвование удовлетворительно, когда его советует совесть. Надежда Ник⟨олаевна⟩ (которая вас обнимает) не действует на решение дочери; вы исполните желание Якуш⟨киной⟩ *самой* и единственное *ея* желание. Вот почему, милый друг, не откажите в вашем содействии. Дети помещены очень хорошо, и она не с ними.

Вы, душа моя, ничего мне не отвечаете на предложенный план[5]. — Я жду с сердечным волнением вашего сочувствия и благословения. — Пока крепко нездоровится, но перспектива свидания с вами оживляет душу, и в этом свидании *всё*.

---

[1] *...поехала бы с вами за Коцит...* — В др.-греч. мифологии «река Плача» в Аиде (царстве мертвых), впадающая в Стикс. Отсюда выражение «сойти к берегам Коцита» или «поехать за Коцит» — умереть.

[2] *Мерзость запустения на месте святом* — Библейское выражение, говорящее о разрушении святыни и восходящее к Книге пророка Даниила (Дан. 27.11).

[3] Датируется на основании штемпеля: «1832 4 июня».

[4] *Бедная Якушкина сокрушается...* — Якушкина Анастасия Васильевна (урожд. Шереметева, 1807—1846), дочь Надежды Николаевны Шереметевой, жена ссыльного декабриста И. Д. Якушкина, судя по письму А. П. Елагиной, уже обращалась с прошением о разрешении ехать к мужу в Сибирь к А. Х. Бенкендорфу и через Жуковского теперь просит об этом В. Ф. Адлерберга, генерала-адъютанта Николая I.

[5] *Вы, душа моя, ничего не отвечаете на предложенный план* — Авдотья Петровна предлагала Жуковскому провести лето вместе в Ильинском. П. В. Киреевский писал по поводу неисполнившегося плана матери Н. М. Языкову 9 июля 1832 г. из Ильинского: «Как жаль, что не уда-

Третьего дня вся Москва потряслась вестию: *Тургенев* здесь![1] — Все красавицы затрепетали, взвозились и полетели домой ждать, к ногам которой упадет он прежде; Норов записал его в Англ⟨ийский⟩ Клуб обедать[2], Гульянов затаскал 10 извозчиков[3], и что ж! fausse alarme* — Тургенев может быть на пароходе! Что ж значит такой слух! Que grande ombre demande aux Souvenirs? — *Ombre*** — право годится! — Он совсем нас отуманил.

4 июня

Она в феврале еще писала к Бенкендорфу.

Перевод

* ложная тревога (*франц.*).
** пусть великая тень требует у воспоминаний (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 34, л. 12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 165.
Печатается по автографу.

221. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

15 июня 1832[4]

Я забыл вложить это в пакет моего последнего письма. Посылаю, как документ, что и я хлопотал о пенсии вдове Калайдовича.

15 Июня.

Еще забыл было важное: письмо Як⟨ушкиной⟩ передано мною Адлербергу. Он сказал, что не может ничего на оное отвечать, ибо ответ дан уже Бенкендорфом. Впрочем, он хотел писать об этом сам. Еще раз простите[5].

лась наша надежда провести здесь июнь с Жуковским! Маменька тебе уж верно писала, каким образом он, чтобы поддержать свое расстроенное здоровье, должен был спешить на курс Эмских вод; и в Инвалиде ты верно читал и подробности его отъезда. Он воротится не прежде 1834 года: выпьет курс вод в Эмсе, проведет зиму в Италии, а потом поедет на Рейн, на курс виноградных. А мы было не только надеялись на его присутствие в Ильинском, но думали, что ты поспешишь его здесь застать. То-то бы хорошо то было» (Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.; Л., 1935. С. 20—21.).

1 *...Тургенев здесь!* — А. И. Тургенева ожидали в Москве.

2 *...Норов записал его в Англ⟨ийский⟩ клуб обедать...* — Авраам Сергеевич Норов (1795—1869), писатель, переводчик, участник войны 1812 года.

3 *...Гульянов затаскал 10 извозчиков...* — Иван Александрович Гульянов (1789—1841), египтолог, дипломат.

4 Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 4 июня 1832 года.

5 *Еще забыл было важное: письмо Як⟨ушкиной⟩ ⟨...⟩ Еще раз простите* — Этот текст написан на обороте записки князя Ливена. О А. В. Якушкиной см. Примечание к письму А. П. Елагиной от 4 июня 1832 года.

Текст записки Ливена: «Князь Ливен, свидетельствуя его превосходительству Василию Андреевичу истинное почтение, честь имеет препроводить копию с полученного, сего дня, пись-

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 65—65 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 54—55.
Печатается по копии.

222. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1832[1]

Вот вам и Иван Царевич[2]. Прошу господина Европейца[3] хорошенько смотреть за корректурою и сохранить то препинание знаков, какое стоит в манускрипте. Не думайте, чтобы я не хлопотал о Петрушином чине; но Нессельроде сказал мне, что сделать теперь нельзя; можно будет через несколько времени представить к чину. Об этом надобно хлопотать уж Алексею Федоровичу Малиновскому[4], к коему сам писать буду. Обнимаю всех вас.

Ж.

Уведомьте о получении[5].
Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 111, л. 1.
Печатается по автографу.

223. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

14/6 1832[6]

Милая Дуняша, извольте деньги и письмо передать Екатерине Федоровне Муравьевой, а меня порадовать письмецом о себе, о Европейце, о Карпушке и прочих конфектах.

ма от графа Нессельрода, полагая, что его превосходительству не неприятно будет знать содержание оного, по принимаемому участию в судьбе оставшегося после покойного Калайдовича семейства».

[1] Датируется на основании упоминания о журнале «Европеец», для которого Жуковский отправляет свою сказку.

[2] *Вот вам и Иван Царевич* — «Сказка о царе Берендее, о его сыне Иване-Царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери» была написана 2 августа — 1 сентября 1831 года и предназначалась для публикации в «Европейце».

[3] *Прошу господина Европейца...* — Речь идет об Иване Васильевиче Киреевском.

[4] *Об этом надобно хлопотать уж Алексею Федоровичу Малиновскому…* — А. Ф. Малиновский, см. примечание к письму 100.

[5] На обороте л. 1 рукой И. В. Киреевского написано: «Очень жалею, любезный Михайло Николаевич [Загоскин?], что на этот раз не могу вам служить доставлением *Revue de Paris*, потому что он отдан переплетчику и еще не возвратился на его соединительные руки.

Искренне вам почтение».

[6] Дата устанавливается на основании упоминания журнала «Европеец» (1832) и его редакторе, И. В. Киреевского.

Большой лист бумаги 20 на 25,5. На листе 12 об.: «Авдотье Петровне Елагиной». Листы свернуты, запись на среднем квадратике.

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 11.
Печатается по автографу.

224. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Село К⟨нязя⟩ Юсупова
7 мая. Архангельское 1833[1]

Письмо это, бесценный друг, будет вам отдано парою супругов, милых, образованных и, что всего важнее, *счастливых*. Вы полюбите обоих. У обоих можете узнать, какие вам будет угодно подробности о вашей Московской семье. Они оба коротко знакомы со всеми вам близкими людьми, а душою сами к вам близки, след⟨ственно⟩, Свербеевы нового знакомства вам не доставят[2], а возобновят старую связь, со всею прелестью дорогих воспоминаний в прошедшем и сердечных бесценных мелочей в настоящем. Надеюсь, что они найдут вас в Эмсе здорового, что благодетельная Наяда возвратила нам вашу крепость[3], вашу деятельность, вашу веселую светлость духа и ваши розовые щеки. Благословляю Веве и Кларан и Шильон и ваше милое благоразумие! Но чувствую горько, что вы не были в Италии! Не только ваш портрет Рейтерна[4] передаст вас бессмертию; этот подвиг самоотрешения стоит алтарей от всей России. Пожертвовавши Италией, вы доказали вполне всю вашу практику в самоотвержении; ссылаться на 50 год вам нечего! К вам приходят *года*, а не *старость*; с этой дамой Жуковскому познакомиться не удастся. Не скажу впрочем, чтоб это было весело: я на себе вижу ежедневно, как неприятно отставать от самой себя, чувствовать *живо* все, что бросают как на мертвую окаменелость, принимать и нести то, что и подано было в надежде на бессилие, на отказ. С тех пор, как я рассталась с надеждой вас полелеять немножко на руках самой горячей, самой неутомимой дружбы, — с тех пор, как разные гори и болезни не расставались со мною. Такая жестокая едкая горечь облегла всю душу, что ни одна мысль, ни одно чувство не встают в ней чистыми. — И меня чуть не отправили в Карлсбад на воды, однако я не согласилась. Не могу не прямо идти ни минуты, и перед детьми согласиться лечить *печенку*, когда я знаю, что против Аббадоновского чувства отвержения нет ни горячих, ни холодных лекарств[5]. Если бы я осенью получила от вас писюлечку, то зиму могла провести с вами в Верне и тогда бы авось добыла себе крепости на остальную

---

[1] Датируется на основании упоминания о заграничном путешествии В. А. Жуковского (пребывание в Швейцарии, отказ от поездки в Италию) в 1833 году.

[2] *...Свербеевы нового знакомства вам не доставят...* — См. примечание к письму 182.

[3] *...благодетельная Наяда возвратила нам вашу крепость...* — См. примечание к письму 156.

[4] *Не только ваш портрет Рейтерна...* — Герхард Вильгельм фон Рейтерн (Reutern Gerhard Wilhelm von, 1794—1865), немецкий художник, тесть Жуковского.

[5] *...против Аббадоновского чувства отвержения нет ни горячих, ни холодных лекарств* — Аббадона — герой одноименной поэмы Жуковского (1814).

тяжелую часть пути. Дома у меня все неприятно: Иван мрачен и нездоров; скучает, не смея посвятить себя единственному своему призванию, в светских обществах встречает какую-то тяжелую для него подозрительность и осторожность, а вытти из этого положения нет ни способа, ни возможности. Везде и всюду какая-то опала. — И слишком рано пришла она для него, при первом зародыше первых надежд; не на что опереться, чтобы предаться уединенному труду, *для самого труда*. Это его расположение действует на остальную братию. Весь этот посев будущих литераторов сжался, убитый морозом, а у меня нет сил воскресить счастливое стремление, счастливое, потому что было *общее*. Для каждого спрашиваю: *на что*? — и для каждого из них возникает *особое* беспокойство, особая забота, которой каждый мучается *отдельно*. — К тому ещё в каждом отделе семейном вызывается особая неприятность. Не хочу вам описывать ничего подробно; и рассказывать можно тогда только, когда сойдешься не на минуту, когда раскрываешь раны не для того, чтобы показывать: вот, дескать, сколько их, а для того, чтобы получить для них — хоть корпию. — Мы теперь переехали в деревню: места прекрасные и дети рады зелени. Ванюша остался в Москве один, во всем смысле слова один, ибо Свербеевы, Баратынский и прочие его приятели, все разъезжаются по разным сторонам. — Наташа живет в своей Тамбовской деревне[1], где Норов уже год не оставляет действительного надзора над устройством всего их имения. Норов человек редкой доброты, деликатный и благородный, на него положиться весело и прочно. — Шереметева На⟨дежда⟩ Ник⟨олаевна⟩ каждый день при свидании говорит об вас с благодарными молитвами, каждый раз поручает написать их к вам. Обнимает вас еще толстый Черкасов: с ним мы видимся не часто, но ладно. Прежние связи и для него не разрываются. Сестра его и autrefois* ваша, *Леночка*, недавно скончалась. Вы можете понять, тяжела ли мне эта потеря: я никогда не умела разменять сердечного груза на мелкую монету, чтобы раздавать понемногу многим. Кто взял душу, тот взял и все — потому-то мне печально и жить; а милостыни просить не умею. — Анета Вельяминова живет мирно[2] и нездорова в Москве, рядом с Офросимовыми, которые и видятся с нею часто. Алек⟨сандр⟩ Мих⟨айлович⟩Тургенев изредка бывает у нас[3], да как-то не довольно мы ему полюбились. — Прочие — кто же? — Простите, мой бесценный друг! — Пусть Божие благословение будет с вами так же неразлучно, как благословение вашей сестры. Возвращайтесь к России, здоровы душою и телом! Меня уверяют, будто вы написали поэму, неужели вы думаете, что у меня недостанет сердца ею порадоваться?

Дети вас обнимают, муж в Долбине, но и он оттуда.

---

[1] *Наташа живет в Тамбовской деревне…* — Наташа Арбенева (1809—1900), будущая жена И. В. Киреевского.

[2] *Анета Вельяминова живет мирно…* — Анна Николаевна Вельяминова (1785—1859), племянница Жуковского

[3] *Александр Михайлович Тургенев изредка бывает у нас…* — А. М. Тургенев (Ермолаф), см. примечание к письму 105.

Перевод

[*] прежняя (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 35, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 167—168.
Печатается по автографу.

225. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

12 ноября 1833 г.

Милая Дуняша, я уже многим поручал и сказать вам лично и написать вам о своем приезде. Вы теперь знаете, что я возвратился и что я здоров. Вот уже два месяца, как я в Петербурге; помолодел и похорошел, как все уверяют. Не хочу вам ничего рассказывать о своем путешествии: лень. Я прожил шесть месяцев в райской тишине, в объятиях Чародея Farniente[*] на берегу Женевского озера; потом видел чудесный лихорадочный сон — Италию; теперь здесь в области мглы, сырости и гемороя и любуюсь наводнением, которое уже две ночи сряду грозит Петербургу. — По приезде моем сюда, я нашел здесь А. В. Вельс[1], которую знал только крошечною Дунечкою и которая воскресила передо мною свою милую мать. Муж ее хочет вступить в русскую службу, дабы выслужить себе и возможным своим детям дворянство и право владения имением. Это соединено с великими трудностями, которых я, с моим ничтожным кредитом, победить не надеюсь, и, по моему мнению, было бы всего лучше для них продать имение и переселиться в Америку. — Напишите ко мне, моя милая Дуняша. Мне сказывали, что Петр наш был болен, уведомьте, каков он. Что делает Иван? Боюсь, что он ничего не делает, а это никуда не годится. Его неудача журнальная не может служить ему оправданием, она может быть только разве придиркой для его лени. Петр когда-то говорил мне о намерении переводить Шекспира[2], вот дело на целую жизнь и какая была бы услуга для русского языка. Для чего бы и Ивану не выдумать себе подобной работы? Да и не все же работать для печати. Работай для того, чтобы душа созревала и не мелела. Этого-то у нас на Руси и не водится. — Что Языков? Как идет его служба в Межевом департаменте? — Я получил (между нами) письмо от Наташи Арбеневой, которая, кажется мне, терпит большие неприятности от Норова. Не говорите, прошу вас, об этом никому, дабы не произвести между ними большой распри, но осведомьтесь и уведомьте меня о ее положении. Желал бы знать

[1] *...я нашел здесь А. В. Вельс...* — А. В. Вельс, см. примечание к письму 61.

[2] *Петр когда-то говорил мне о намерении переводить Шекспира...* — В переводе П. В. Киреевского опубликованы «Вампир» Байрона (экземпляр хранится в библиотеке В. А. Жуковского — Описание № 34а), «Трудно стеречь дом о двух дверях» Кальдерона (Московский Вестник, 1828, № 19—20. С. 233—270). Рукописи переводов из Шекспира утрачены (См.: *Парилова Г. Н., Соймонов А. Д.* Киреевский и собранные им песни // Литературное наследство. Т. 79. М., 1868. С. 24, 75).

в точности, каково оно. Жалкое семейство! все в развалинах. Что может быть причиною их несчастного несогласия? и как этому помочь? — Дайте, прошу вас, мне знать, что делается с Авдотьей Степановною? Что Проташинский?[1]

Простите, милая. Когда напишите ко мне, то, может быть, я буду и отвечать вам. Целую всех ваших и моих.

Жуковский.

12 ноября 1833 г.

Прошу вас переслать приложенное нужное письмо по адресу. Мягков служил при университете и пансионе. Об нем можно осведомиться в самом университете от Ректора или от кого-нибудь из профессоров. Перешлите, прошу вас, немедленно.

Перевод

* ничегонеделание (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 66—66 об.—67.
Впервые опубликовано: УС. С. 55—56.
Печатается по копии.

226. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 ноября 1833[2]

Аукнитесь! милая душа моя! — Тоска взяла от вечных Entsagung*-нов, — мне *надобно* слышать Ваш голос! Как бы вы не пискнули, сердцу все будет тот голос, который ему надобен и без которого не живется. Ежели бы вы знали, какие тяжелые прожила я эти два года и каких усилий стоило не отказаться от дороги, то подосадовали бы на свою лень. Слава Богу еще, что вы великий человек! Что об вас доклады чинит Реномея[3], а что у нее могу спросить: все ли де вы в добром здоровье? — Вы скажете, может быть, почему не у самих вас? — На это скажу вам, что и теперь не знаю, поднялась ли бы у меня рука на эти каракульки, если бы не требовала моего представительства Каролина[4], которая при сем повергает свой омаж к стопам вашим[5]: омаж, это ея Nordlicht**. — Я писала вам в Эмс,

[1] *Что Проташинский?* — В. А. Проташинский, см. примечание к письму 26.

[2] Датируется на основании штемпеля: «Москва. 1833 Ноября 14».

[3] *Что об вас доклады чинит Реномея*… — Реномея — шутливо переведенное в русскую графическую и словообразовательную форму *франц. renommée* ‘молва’.

[4] *...если бы не требовала моего представительства Каролина*... — Каролина Яниш, см. примечание к письму 177.

[5] *...повергает свой омаж к стопам вашим*... — Омаж (*франц.* hommage) — почтение, дань уважения.

с Свербеевыми, но моя черная звезда отразилась на них: они не нашли вас там! Вы привезли, говорят, здоровье и целую поэму?[1] Что же не шепнете мне этого? Ведь и то и другое нужно на поддержку жизни души, почти так же, как вера в Провидение. — Чуть-чуть жив Курилка, и то такой слабой искрой теплится, что недолго придется отбрасывать его из одной чужой руки в другую. — Об Тетушке, Кате также ничего не знаю. У меня больные не переводятся: Иван другой месяц сидит почти слепой в темной комнате и скучает жестоко; а Петр уже три месяца не встает с постели. Мучительную и опасную болезнь переносит он с какой-то ненынешнею твердостию. Если бы у него дурно надетый шишак отрезал ухо[2], то он даже упрек оправдательный сказать не позаботился, а также равнодушно бросил ухо, как бодро, молчаливо, спокойно не спит 9 суток от жестокого страданья. Когда ему лучше, он роется в преданиях, восстанавливает, выправляет легенды, нынешним летом собранные у нищих, песни русские и пр.; ясность и светлость его внутренности редко выставляется между нашими неспокойными, унылыми, гадливыми душонками. — Скажите что-нибудь о себе поскорее. Мне хотелось бы сообщить вам многое, но поверите ли: не смею! Ваши занятия, недосуги, приязни *настоящего* и пр. и пр.

О, для чего не могу я опять залететь на отчизну! —
О, Абдил! мой брат! Иль на веки меня ты отринул?[3]

Простите! — Обнимаю вас со всем горячим чувством *неизменной* любви.
Сестра ваша

Дуняша Елагина

Перевод

[*]отречение, отказ (*нем.*).
[**] Северное сияние (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 35, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 168—169.
Печатается по автографу.

[1] *Вы привезли, говорят, здоровье и целую поэму?* — Имеется в виду поэма «Ундина», над которой Жуковский работал во время заграничного путешествия.

[2] *Если бы у него дурно надетый шишак отрезал ухо… — Шишак* — старинный головной убор в виде высокого суживающегося кверху шлема с шишкой наверху.

[3] *О, для чего не могу ⟨...⟩ Или на веки меня ты отринул?* — Стихи 138 и 120 из поэмы Жуковского «Аббадона» (1814).

227. А.П. Елагина В.А. Жуковскому

23 ноября 1833[1]

Сильно ли я пожелала вашего воспоминания? Вы писали ко мне, душа моя, в самый тот день и час, когда я вас об этом просила! — Не боюсь я теперь того свету: Всё вы мне откликнетесь!

Я отвечала вам прежде ваших вопросов на все ваши вопросы: Иван другой месяц болен и уныл, Петр уже три. — Он перевел Отелло и Венецианского купца, теперь занят изданием Русских песен и легенд; у него собрано и тех и других большое количество и дело будет важное и полезное. — Будет ли впрочем? — Как угодно судьбе! Мы все живем давно sur ce qui vive[*]; и смотрим в двери, кто постучится? — Часто хочу приехать на два дня к вам, хочу просить, чтоб вы меня вызвали будто для себя, — потом опять сложу руки и — мелькает утлый челн на краю —

Дунечка на первую минуту напоминает только добрую мать свою, и это обманчивое сходство, ещё лишний обман. — Не думаю я, чтоб ее можно было отпустить в Америку; — ему — это путешествие было бы и выгодно и удобно, а ей — одна жертва без цели, в их супружестве нет *любви*, с которой увезешь счастие на край света, нет ни толку, ни даже какой-нибудь прочной опоры. Оба они дети, он ребенок от рождения, она по неосновательности характера, воспитания, правил и пр. Отправить ее в даль от всех, чье мнение ей что-нибудь значит, это погубить ее. По-моему, лучше всего воротиться им к Зонтагу[2]; что вам у источника сделать невозможно, то легко и удобно Воронцову[3]; сам Вельс скажет вам, что многим служащим в его канцелярии он доставил и дворянство и крест; в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ур⟩ге же эти вещи несбыточные. — Помириться с Зонтагом им не только хорошо, но и *выгодно*, и этот последний аргумент может побудить их. Сестра и Зонтаг примут их наверное хорошо. Если же на это они не согласны, то почему не сделаться ему купцом? Консулом Американским, как они прежде желали?

О Наташе сказать вам ничего не могу[4]; у нас никаких сношений нет. Брат ее Алекс⟨андр⟩ здесь, но скверное поведение, расточительность, игра и пр. отдаляют его и от общества, и от семьи; об остальном не знаю, но вряд ли кроме горя они доставят ей что. — Норова же я знаю за прекрасного, деликатного, благородного

---

[1] Датируется как ответ на письмо А.П. Елагиной от 12 ноября 1833 года.

[2] *...лучше всего воротиться им к Зонтагу...* — Речь идет о желании А.П. Елагиной видеть свою племянницу А.В. Вельс (урожд. Дунечку Азбукину) под покровительством сестры Анны Петровны и ее мужа Е.В. Зонтага.

[3] *...что вам у источника сделать невозможно, то легко и удобно Воронцову* — Михаил Семенович Воронцов (1782—1858), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г. В период 1823—1844 гг. являлся новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником бессарабской области; в 1845 г. назначен главнокомандующим войск на Кавказе и наместником кавказским.

[4] *О Наташе сказать вам ничего не могу...* — Имеется в виду Наташа Арбенева, которая после смерти матери поселилась в Тамбовской губернии.

человека; причины их несогласия не могу понять. — Он другой год уже оставил отца, своё небольшое имение, постройку, сад и прочую мирную охоту свою и живет у Наташи для возможного поправления их дел; хлопочет бескорыстно, ибо не берет себе части и слышит брань от братьев, которые, не входя в дела, требуют денег. — Впрочем, не видавши и не слыхавши обе партии, говорить ничего нельзя; между тем, если не верить поступкам, чему же верить?

Авдотья Степановна всё больна, живет с меньшой дочерью, которая замужем за комиссаром, и ежедневно ваше имя благословляет. — Проташинский все тот же и тот же.

Турге⟨нев⟩ Алек⟨сандр⟩ Михайл⟨ович⟩ часто у нас бывает; он полюбил моего Ивана и дает ему каждый вторник. — Языков ленится в Симбирске и жалуется на оковы службы, и просится беспрестанно в отставку, но мы не пускаем *не выхлопотавши* чина коллеж⟨ского⟩ регистратора, которым честолюбие его ограничится. — Шутка ли? Пьер уже три года пропадает в своем Архиве и не дослужился до представления от Малиновского!

Напишите мне что-нибудь о Тетушке, душа моя, и о Кате.

23 Nоября.

Перевод

* находясь начеку (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 35, л. 5—5 об.—6.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 169—170.
Печатается по автографу.

228. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

20 февраля 1834 г.[1]

Душа моя Жуковский, отчего вы не отвечаете Наташе Арб⟨еневой⟩? — Жестокое ваше молчание со мною окружило вас такою неприкосновенностью, что у меня сердце дрожит, когда надобно писать вам о *деле*, т. е. о деле других; мои собственные скорби все увернуты в это отчуждение, и оно одно, как чугунное ядро, привязанное к мертвому телу, увлекает с собой вас на дно бездны. Наташа писала вам об ужасном положении, в котором она находится. Безумная страсть Нор⟨ова⟩ лишила ее возможности жить с сестрой и надеяться на его покровительство. — Она приехала в Москву под предлогом болезни, остановилась у Екат⟨ерины⟩ Ф⟨едоровны⟩ Муравьевой, не бывши с ней знакома, и теперь живет у нее, *покуда лечится*. — Вы знаете, что я предложить ей у себя убежище не должна и не могу; с Анетой Вель⟨яминовой⟩ жить она также не может, потому что обе ненавидят

[1] Датируется на основании штемпеля: «Москва 1834 февраля 20».

друг друга; с братом еще меньше, потому что у него мерзкие связи, мерзкий круг и неприличная жизнь; — у Ек⟨атерины⟩ Ф⟨едоровны⟩ *жить*, вы можете вообразить, что ей невозможно; и того мною неизъяснимо, что она приняла ее так благосклонно на время. Придумайте, что нам делать? — Нельзя ли вам приискать ей какую-нибудь сносную долю в Петербурге? Императрица так была к ней милостива, сделанное благодеяние привязывает, я уверена, что Она не откажет в своем покровительстве. — Подумайте и отвечайте нам: теперь, на первый случай, ей нужно приличное убежище. Может статься, она могла бы жить *одна* своим домом, но надобно много силы душевной, чтобы устоять противу всей клеветы, недоброжелательства, всей зависти, которою встречают всё хорошее на каждом шагу в свете. — Надобно иметь рай внутри, куда хоть иногда уходить от злого и безумного, но рай, созданный мудрою опытностью и чистотою душевной — иначе всё блестящее покажется продолжением внутреннего света и уйдешь за мерзким ⟨*1 нрзб.*⟩ в грязь и болото. —

Ванюша все болен; к воспалению глаз присоединилась теперь слабость и раздражение нерв, он ничего не в силах делать, читать не может, грустен и уныл. Петр с весною уедет на Кавказ, *также лечиться*. — Странно! кажется, будто люди созданы для людей, — а каждый боится протянуть руку, чтоб усталый на нее не облокотился и не возвратил сил, которые так трудно вытаскивать из собственной кладовой.

Если вы найдете, что Наташа может жить одна, напишите об этом. — Письмо можете ко мне адресовать. — Еще просит об ней напомнить дочь Авдотьи Степановны Астраковой, которая в очень жалком положении и с матерью не совсем ладно, но не она виновата. Я делаю тут, что могу, но по несчастью, могу-то я немного и вместе с нею мне совестно вам докучать; но что же делать!

Простите, душа моя.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 36, л. 1—1об.—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 171.
Печатается по автографу.

229. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 марта 1834[1]

Милый брат, благословите Ивана и Наташу. — Весь пятилетний оплот недоразумений, разлук, благоразумия и пр. — распался от одного взгляда. — 1е Марта, после 5-летней разлуки он увидел ее в первый раз; часа два глядел издали, окруженный чужими гостями, и когда она встала ехать, он повлекся какой-то невидимой силой и на крыльце объяснились одним словом, одним взглядом. — На другое утро привел мне благословить дочь. — Благословите и вы их, друг мой! Счастие, какого

[1] Датируется на основании штемпеля: «Москва 1834 Марта 5».

он желал, надеюсь, воскресит его душу, деятельность, способ⟨ности⟩ умственные и допустит жить не в мечте. У нас еще никто не опомнится, не делает никаких распоряжений, потому что Елагин в деревне и нельзя без него ни объявить, ни действовать.

Обнимаю вас.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 36, л. 3.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 172.
Печатается по автографу.

230. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Весна 1834 года[1]

Письмо это отдаст вам Титов Алексан⟨др⟩ Павл⟨ович⟩, брат нашего Владимира[2] и племянник Дашкова; сам же по себе достоин того, чтобы вас знать и слышать от вас благосклонное слово: благородный малый, у которого голова так же рассудительна, как горячо и преданно сердце. Кстати к сердцу: приезжайте, друг сердечный! — Приезжайте на нашу свадьбу. Она не может быть прежде Красной Горки, т. е. 29-го Апреля: благословение Вашего присутствия будет взаимное благословение небес. Вам самим приятно будет осветить такие минуты, которых в жизни многих тысяч людей не найдется и за которые каждый отдал бы всю жизнь. — К тому же основательность советов того, кого еще под сердцем матери приучился ставить на Алтарь, дает, может, целому будущему направление здоровья. — Ваничка в таком душевном теперь упоении, что не может понять забот моих об этом будущем. Если бы я могла вас *ждать*, сколько бы отрады дало мне это жданье. Ведь это не просто свадьба, сколько чудно изящного в этой любви его, что она и постороннему могла бы быть пиром. Дайте мне возможность надеяться на ваш приезд. Вам будет спокойно: дом весь отдам вам. Он ищет теперь себе домика, и заботы о разделе, об устройстве его нового хозяйства занимают и его и нас весьма различным образом. — Обнимаю вас крепко, от всего сердца и с горячей молитвой.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 36, л. 5—5 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 172.
Печатается по автографу.

---

[1] Датируется на основании сообщения А. П. Елагиной о предстоящей свадьбе Ивана Васильевича и Наташи Арбеневой, которая состоялась 29 апреля 1834 года. На автографе карандашом написано: «Перед свадьбой Ивана Киреевского, весна, 1834».

[2] *Письмо это отдаст вам Титов Александр Павлович, брат нашего Владимира…* — В. П. Титов, см. примечание к письму 177.

231. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, 30 апреля 1834[1]

Я посылаю на ваше имя два ящика, заключающих в себе мои бюсты[2]. Один из них для вас, а другой для А. А. Антонского[3], который прошу немедленно по получении передать ему. Я не знаю, где он живет. И это письмо пошлите к нему, уведомив, что бюст доставите, как скоро он к вам приедет. — Обнимаю вас.

Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 68.
Впервые опубликовано: РБ, 1912. № 7—8, с. 108.
Печатается по копии.

232. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

4 мая 1834, С.-Петербург[4]

Я забыл послать вам расписку, которую мне дали при получении бюста в конторе и которую вам надобно отдать тому, кто вам доставит бюст: вот две. Одну из них прошу вас доставить немедленно Ив⟨ану⟩ Ив⟨ановичу⟩ Дмитриеву[5]. Напишите о себе и своих милых молодых. Обнимаю вас.

4 мая. Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 69.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8, с. 108.
Печатается по копии.

---

[1] Датируется на основании штемпеля: «СПб. 1834. Апреля 30». Адрес: «У Красных ворот».

[2] *...два ящика, заключающих в себе мои бюсты* — Гипсовый бюст Жуковского, исполненный в 1833 году в Берлине скульптором Людвигом Вильгельмом Вихманом (1788—1859). В дневнике 20 (1)—22 (3) сентября 1833 г. сделаны записи о посещении Вихмана (ПСС2. Т. 13. С. 393).

[3] *...другой для А. А. Антонского...* — Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762—1848), наставник в Московском университетском пансионе, профессор Московского университета.

[4] «Датируется на основании упоминания о передаче расписки за получение бюста И. И. Дмитриеву, которому Жуковский писал 28 апреля 1834 года: «С словом Христос воскресе имею честь поднести вам, вместо красного яйца, гипсовый экземпляр себя самого. Не знаю, найдете ли этот бюст сходным. Он сделан был в Берлине тамошним скульптором Вихманом, который захватил меня на проезде и сам захотел предать бессмертию. От него я и получил несколько экземпляров» (см. Сочинения Жуковского, изд. 7, т. VI, СПб., 1878, с. 434—435)». (Примечание И. А. Бычкова. РБ. С. 108).

[5] *Одну из них прошу вас доставить немедленно Ивану Ивановичу Дмитриеву* — И. И. Дмитриев, см. примечание к письму 50.

233. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Лето 1834 года[1]

Милый брат, опять я к вам с мольбою: мой Рожалин должен быть в Петербурге[2]; болен, может статься, опасно болен, один, без денег, без всякой опоры и в настоящем и в будущем, возвращается из чужих краев, с одной, как вижу, надеждою: найти в родной земле могилу. — Вместо его семьи его встретит здесь безумство брата, которого после шестилетнего неудачного лечения должны мы были наконец отдать в дом сумасшедших и совершенное умственное и телесное расстройство слепого отца, которого уже больше года содержим мы весьма скудными средствами. — По последнему письму Рожалина из Берлина вижу, что он совсем упал духом; отдала бы душу, чтобы поднять его, но где моей бедной, отверженной душонке найти сил на ободрение другого?

Бесценный Жуковский, это дело ваше. — Чрез Веневитинова отыщите Рожалина[3], посмотрите, что для него нужно, что ему нужно. — Позволят ли ему принять кафедру в Университете? — Ежели да, то ободрите его, уверьте, что никто не может способнее его исполнить эту должность. С. Уваров знает Рож⟨алина⟩[4] и по рекомендации Волконских и своей поможет ему[5], без сомнения, получить немедленно кафедру Греческого языка, которая теперь вакантна и которую лучше его никто не займет. — Эту кафедру нужно ему поставить на вид, для того чтобы дать сил на действие. — Хотя бы строгая идея *долга* оживила его. Ни счастия, ни радости предлагать ему нельзя, негде достать, даже самой маленькой радости! — Моя ничтожная дружба остается у него одним утешением, а что может она? Едва достает души на ежедневную борьбу с собственным горем. — О брате он еще не знает, да лучше бы и не сказывать, пока соберется с здоровьем. — Если ему нужна другая помощь, кроме духовной, доставьте и ту, я пришлю вам сколько вы его ссудить можете. — Он пишет, что ехать в дилижансе не в силах, но ведь можно взять дилижанс, останавливаться на ночь, впрочем, какая же надобность ехать сюда тотчас? Снабдите его средствами отдохнуть и оправиться. Душа моя, займитесь им! — Не могу вам за это обещать никакой награды, ничего для вас дорогого *спасибо*.

---

1 Дата устанавливается на основании сообщения А. П. Елагиной о возвращении Н. М. Рожалина в Россию (лето 1834 г.).

2 *…мой Рожалин должен быть в Петербурге...* — Н. М. Рожалин, см. примечание к письму 159.

3 *...Чрез Веневитинова отыщите Рожалина...* — Речь идет об Алексее Владимировиче Веневитинове (1806—1872), чиновнике министерства внутренних дел, впоследствии сенаторе, младшем брате Д. В. Веневитинова.

4 *...С. Уваров знает Рож⟨алина⟩...* — Сергей Семенович Уваров (1786—1855), государственный деятель, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения, президент Академии наук.

5 *...по рекомендации Волконских и своей поможет ему...* — Речь идет о Зинаиде Александровне Волконской (урожд. Белосельской-Белозерской, 1789—1862), княгине, писательнице, музыкантше и ее сыне, Александре Никитиче Волконском (1811—1875), князе, дипломате.

Но умоляю вас вашею собственной душою — *Вы* не можете никогда сделаться таким, чтобы равнодушно смотреть на гибель кого-нибудь, чтобы не подать руки, когда ее просят для опоры.

Надобно бы вам сказать что-нибудь о себе, но что могу сказать? Со мною именно сделалось то, чего страшусь за других: та рука, на которую хотела опереться, та толкнула меня в бездну и еще гордится твердостью, которую употребила на этот подвиг! Как будто нужно много силы для уничтожения того, кто не противится! — Я с Машей и меньшими детьми живу теперь в подмосковной, этой самой, где надеялась угостить вас и где вы некогда обещали провести 34-й год. — Муж в Долбине, хлопочет об окончании раздела детей старших. — Молодые в Москве, глядят друг на друга в своем гнездышке. — Бюст ваш у них, смотрит на их счастие и прибавляет его своим благословенным присутствием. — Зачем так строг ваш лик? — В этом закрытом рте такое выражение, какого я никогда на вас не видала. Строгость, уныние и спокойствие. — Долго смотреть на вас больно, но *крепко*. Раздел детей вот какой происходит: Иван взял Долбино с окружающими деревнями, что составит 320 душ. — Там заведен конный завод, прекрасный скотный двор с коровами малороссийскими, сад и прочее. — Но все это вряд ли даст ему 10000. Когда все хозяйства были слиты, одно поддерживало другого и составляло вместе значительный доход. — Петр берет Орловские деревни, около 300, а Маша оброчные Тверские и Суздальские 360, что составляет 5000 доходу; я на свою часть беру долг, нажитый вместе: путешествиями, Европейцем и свадьбой, до 60 тысяч — возможность отдать имение, доставшееся мне от батюшки 280 душ, одним Елагинским детям, и Московский дом. Разумеется, что мы несколько времени понуждаемся; тем более, что дети требуют учения, но это не беда. Нужда и детей научит *труду,* лучшему благословению в жизни и полезной деятельности. — Ванюша хочет заложить свое имение; Наташа сделала прежде еще и для свадьбы долг, боюсь, что привычка к роскоши и неумение обоих править имением и справляться с обстоятельствами, скоро доставят им тяжелые заботы; но что ж делать! С тех пор, как мы все живем врозь, я с презрением смотрю на себя как на старую наседку, которая кудахчет на берегу реки, где плавают выведенные ею гусята. Одиночество старости есть жестокая игрушка судьбы, так же, как это надорванное сердце, которого клочки надобно доставить в вечность, — вероятно, для стирок.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 36, л. 7—8 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 173—174.
Печатается по автографу.

234. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Петергоф. 15 Июня 1834.[1]

Милая Дуняша, по письму вашему, к сожалению, не могу исполнить всего, как бы вы желали и как бы мне самому хотелось. Я в Петергофе; а Рожалин должен быть теперь, если он приехал, в Петербурге. На эту минуту еще не знаю, что с ним делается и где он. Написал и я к Вяземскому, просил его отыскать Рожалина и узнать все его нужды. Отлучиться же сам не могу; но дня через три съезжу в Петербург и узнаю, тут ли он, и с ним переговорю. Готов просить за него Уварова[2], но наперед сказываю, что на свое ходатайство не надеюсь, ибо уже знаю на опыте, что Уваров мастер обещать и великий немастер исполнять. Что от меня будет зависеть, сделаю. — Вы пишете печальными загадками. Из строк ваших узнаю, что с вами делается что-то очень для вас грустное, а что именно, догадаться не могу, и, может быть, придумываю худшее. Боюсь просить вас, чтобы вы объяснились, ибо такого рода объяснения весьма тяжелы; но и мне весьма тягостно оставаться на счет ваш в неизвестности. Вы напоминаете мне обещание провести с вами нынешнее лето: *нельзя*! говорит строгая необходимость, перед которою и рта открыть не смеешь. Как быть? Увидим, что скажет зима. Авось доведется пожить вместе. Если теперь нельзя, то, может быть, тогда выложите вы что-нибудь из своего сердца в мое. — Простите покамест. Обнимаю вас от души.

15 июня
Жуковский

Вот что я получил нынче в ответ на письмо мое к Вяземскому. Посылаю записку его[3]. Прибавить к этому нечего.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 70—70 об.—71.
Впервые опубликовано: РБ, С. 109.
Печатается по копии.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти Н. М. Рожалина (лето 1834 года). В дневнике Жуковского сделана запись 12 июня 1834 года: «Письмо от Дуняши» (ПСС2. Т. 14. С. 17).

[2] *Готов просить за него Уварова* — С. С. Уварова, см. примечание к письму 23.

[3] *Посылаю записку его* — В письмо была вложена следующая записка С. А. Соболевского к князю П. А. Вяземскому: «Бедный Рожалин, приехавший в воскресенье поутру из-за границы, на другой же день скончался. Я его похоронил вчера поутру.

Ваш Соболевский.»

Приписка князя Вяземского: «Вот что, к сожалению, я узнал о Рожалине. Лучше было не спрашивать».

235. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1834[1]

Всякий день собираюсь писать к вам, бесценный брат, и ничто лучше выразить не может уничтоженного состояния души моей, как то, что я *собиралась*. Мне очень *нужно* говорить с вами, но именно потому, что нужно, новая тягость прибавлялась к обычной тоске и отстраняла всякую возможность сообщения. Часто очень кричала я вам из глубины сердца: помогите мне! так точно, как в то же время кричала Богу: помилуй меня! — Между тем *писать* недоставало силы. О, если бы я могла вас увидеть! Как желала я вас сюда! — Всю эту неделю ожидания провела я точно с таким же биением сердца, какое бывает, когда идешь причащаться и стоишь перед затворенными дверьми. Надежда исповедать всю скорбь судьбы моей и от крепкой руки друга принять на остальную жизнь подпору и твердость и ясность — исчезла, как и все мои надежды. Теперь болтать так, издали, болтать, как сказку, *скорбь смертную*, тогда как вы, может быть, и умом и сердцем разрабатываете какое-нибудь веселие, — право, невозможно. — Скажу вам просто только, что от больной ли моей печени, от безумства ли, но я не имею больше сил жить так, как живу. Мне *трудно* бороться с самыми мерзкими, преступными мыслями; чтобы уйти от них, давно бы заперлась в какой-нибудь монастырь ибо за эту могилу бранить не будут), если б не удерживало меня самое подлое препятствие — *деньги.* Я должна за Рожалина 8 тысяч; этот долг собственно м*ой.* Он заплатил бы его; обременять его память чьим-нибудь упреком я не в силах хотеть, и деньги эти надобно заплатить одной м*не.* При теперешнем положении дел наших, при очень маленьком имении (которое другой год уже без дохода сказать об них мужу совершенно невозможно. Достаньте мне, если можете, работу. — Я перевожу и скоро и довольно хорошо: все статьи, переведенные в Европейце, — могут свидетельствовать. — Не сердитесь на меня за эту просьбу: посмотрите, как тяжело мне ее просить. — *Мое* имение заключается все в этом доме, но он доходу не приносит. Всё, что получаем мы с 350 Елагина и моих бывших душ, уходит на очень, очень умеренное житье и на ученье детей. — Эти-то младшие дети и сокрушают душу мою. Я вижу теперь, что сама, со всею любовью сделать для них не могу *ничего*; что любовь приучает только к взыскательности, к эгоизму; что как скоро вырастут, то первым делом сочтут оттолкнуть меня. — Если б меня совсем не было, может статься, Елагин отдал бы их в какое-нибудь казенное заведение; теперь мое существование мешает и этому. Василий будет доктор медицины, он знает уже, что ему нужно будет самому добывать хлеб и довольно умен, чтобы принять охотно всю прелесть науки и независимости. — А те два так еще глупы, и так я лишена всех средств учить их! — Если б я продала дом, то могла бы уехать в Германию

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о Рожалине, память которого А. П. Елагина не хотела «обременять чьим-нибудь упреком», то есть письмо написано после 15 июня 1834 года, когда Жуковский сообщил ей о смерти Н. М. Рожалина.

и там жить бы! — Но их теперь не пустят, ибо меньшему уже 9 лет. — Ах, Жуковский! Какое наказание жизнь без согласия душевного, без взаимной любви! Всякое действие одинокой души глупее и бестолковее движений куклы на пружинах.

Сожгите это письмо и простите мне его. Снисхождение дружбы, ласка — еще необходимее мне работы. Осуждайте как хотите за бессилие души моей, за уныние, которого *одна* превозмочь никак не могу, — но дайте мне возможность *верить*, что вы меня еще любите. — Любите как сестру, как друга; — а не просто существо живое — кошку, амишку. — Хлеб насущный есть и для души, — а для души женщины кроме любви нет опоры.

Ваши поручения исполнены все всегда аккуратно. Последнее: взглянуть на Великого Князя с великой радостью удалось. Поутру ставила я на бок пиявки, заменяющие мне предписываемый Карлсбад, а ввечеру отправилась в Собрание и имела счастие видеть Его и Государя в 2 шагах от себя с четверть часа. Здесь их обожают; и везде эта красота, эта грациозность, кротость на лице одного, твердое спокойствие на лице другого, ясность, величавость — везде бы с любовью остановили на них глаза.

Далее запись Жуковского карандашом:

7—10 работать
10 часов]
в 1|2 11 часов
в 12 часов
в 2 часа домой
в 5 часов

черными чернилами:

К Радзивиллу понед
К 〈〉
На экзамен
Живописец
К Ливену
К 〈〉

В воскресение. К в. Княгиням. Живописец
В понедельник К Радзивилл
Во вторник к Бобр
в среду
в четверг
в пятницу
В субботу 〈〉
В воскресение 〈〉
К Дуняше
〈〉
О Боке
Гоголь

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 36, л. 9—10 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 165—166.
Печатается по автографу.

236. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1-е января 1835

Вместо этого письма чуть сама я к вам не приехала, милый друг. Домашние мои неприятности всё больше и больше запутываются, надеюсь, что Провидению угодно будет скоро разрубить узел. Пока благодарю вас за все… Денег ваших не присылайте мне, благоразумное их употребление слишком свято, чтобы я согласилась его нарушить; лишений собственно ваших я не хочу, потому что это еще утроит заботы мои, прибавив к ним сердечную. Авось найду средство сама как-нибудь справиться.

Мне хочется переехать с меньшими в Дерпт, теперь смотреть даже мне на них страшно; — здесь мы уже не будем иметь возможности дать им домашнее порядочное воспитание, да и что такое дом без совершенного согласия? Вечный диссонанс, который всякую душу расстроит. Отдать в какое-нибудь казенное заведение Елагин не хочет. Думаю, что в Дерпте я свободна буду и выучить их чему-нибудь и избавить от дурного влияния, и свести с людьми, чтобы они сами могли сделаться со временем людьми на что-нибудь годными. Что вы об этом скажете?[1] — Если бы

---

[1] *Что вы об этом скажете?* — Большой интерес представляет недатированное письмо «неизвестного», друга Жуковского, представляющее, возможно, ответ на это послание или другое, написанное ранее, но равно свидетельствующее о постоянном внимании и уважении Жуковского и его близкого окружения друзей к А. П. Елагиной и ее детям. Письмо представляет писарскую копию с правкой, сделанной рукой А. П. Елагиной:

«С Жуковским обратились мы к прежним рассуждениям о пользе, какую можно извлечь для детей ваших, если б вы решились воспитание их продолжить в Дерпте, и с тем вместе не разлучаться с ними. Предоставляю ему изобразить вам святость такого дела относительно настоящего положения тамошних сирот, скажу только, что даже на меня, почти чужого для них, убеждения его сильно подействовали: все возвышенное не может не быть убедительным! Впрочем, не будучи увлечен сильным чувством, я без опасения взял на себя рассмотреть, хладнокровно и спускаясь к понятиям обыкновенным: какая польза может последовать от сего предприятия?

Во-первых, польза для детей очевидна, ибо учение в Дерпте во всех отношениях превосходит Столичные и Академические парады. В Дерпте учат знать; у нас учат казаться знающим; в Дерпте и учащие и учащиеся имеют один предмет — учение: упражняются преимущественно по страстной привязанности к сему предмету и выше всего ставят свою славу. У нас берут верх совсем другие побуждения. Учащие ищут чинов, денег — и едва ли не все готовы променять звание Профессора на звание камер-юнкера или Таможенного начальника при первом случае. Учащиеся также верховным благом почитают сколько можно скорее быть асессором или капитаном; не говоря уже о том, что много теряют времени в светских развлечениях и что приобретают на всю жизнь охоту и привычку заниматься дельным только между делом.

Во-вторых. Выгоды экономические. Нисколько нет сомнения, что вам более нежели вдвое и, может быть, втрое менее будут стоить уроки учителей. Домашние расходы также уменьшатся, ибо менее будет светских требований и круг знакомых можно ограничить теми только людьми, которые будут прямо по сердцу.

В-третьих, выгоды расстояния. Дерпт так близок от Петербурга, что нельзя будет упустить ни одного случая, который представится в пользу детей ваших в то время, когда они будут

вы видели мою жизнь, то посоветовали бы *громко* этот подвиг. В письмах говорить, право, нельзя.

Издатели здешнего Московского Журнала[1] поручили мне повергнуть их к стопам вашим. Киреевского имя вычеркнуто из сотрудников, но Киреевский и без вычерка не написал бы ни строчки. Он весь углублен в страсть свою и расстался со всеми своими близкими и дальними для того, чтобы покориться одной Наташиной воле. Ко мне они почти не ездят, а когда я приеду, то слишком церемонный прием выгоняет скоро. Но я не хотела об них, а хотела о Журн⟨але⟩. Благословите его каким-нибудь даром святой вашей Музы. Каждый благой подвиг, каждое хорошее намерение должно вам принадлежать, как принадлежит все хорошее в человечестве. След⟨ственно⟩, доброе начинание пусть будет освящено вашею рукою. А я вам за это лично буду благодарна.

Обнимаю вас.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 1—1 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 172—173.
Печатается по автографу.

уже иметь надежду в политической помощи. Все мы без затруднения будем видеться часто — и конечно не без взаимной пользы. Не думаю, чтобы невыгодно было удалиться на 500 верст от деревни — проехать один раз в год. Это лишнее расстояние кажется не беда, а я слышал от вас, что и в Москве вы не пользуетесь домашними произведениями. Впрочем это одно только затруднение и можно противопоставить нашему мнению, то я не думаю, чтобы могло оно перевесить все представленные выгоды!

Наконец, в-четвертых, ежели скорбь Авдотьи Петровны о потере сестры-друга всегда будет для нее чувствительна, то пребывание в Дерпте не может ее увеличить. Опаснее иметь перед глазами места, где наслаждались мы утренним счастием, нежели самые гробы Друзей наших. Заменяя мать для осиротелой малютки, подкрепляя неутешных, нельзя ослабеть под бременем печали о невозвратной потере. Великая душа, исполняя сии святые обязанности, делается неприступною для малодушия и робость Любови к собственным детям и попечение об них внушает сама природа — и это общее чувство. Сохранить почтение к мертвым друзьям, но всю силу бывшей к ним привязанности обратить на сирот их,— это так высоко и благородно, что слабые души не могут о том и помыслить». (ПД, № 27876, л. 1—2).

[1] *Издатели здешнего Московского Журнала…* — Речь идет о журнале «Московский наблюдатель» (1835—1837), органе формировавшегося славянофильства. Главными сотрудниками журнала были А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский С. П. Шевырев.

237. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Январь-февраль 1835[1]

Милый брат, весьма неприятно мне Вас обременять какими бы то ни было хлопотами, но что ж делать? Ведь *моя* семья — *ваша* семья, и все с ней случающееся должно вас трогать непосредственно, ближе всего человечества. Вот в чем дело: Петр служил уже четыре года в Архиве Иностранной Коллегии, три года тому назад, когда мы говорили вам о первом ему офицерском чине, вы советовали подождать *сроку* и продолжить службу, согласную с его занятиями. С тех пор прошло два срока, здесь все через 2 года получают чины, Петр нес все невзгоды очень длительной службы и не получил даже первого офицерского чина. Кроме приведения в порядок грамот и пр., он один переводил все бумаги с Итальянского, Англинского, Гишпанского и Польского. — К тому же он сильно нездоров и должен будет ехать на Кавказ. — Все это заставляет его выйти в отставку, похлопочите же, прошу вас, чтоб ему дали два года назад следующий чин Актуариуса и при отставке чин переводчика; это будет только справедливо и никакой излишней милости не будет: — а ему по крайней мере в будущем будет предстоять возможность служить по выборам. — Прошу вас, милый Жуковский, и Пьер покорнейше вас просит, похлопочите об этом. — Чин переводчика при отставке, которую он *принужден* взять. — Мне досадно вас мучить, но досадно только потому, что досадны все незаслуженные неприятности, беспрестанно происходящие в семье нашей.

Я все очень больна; — болезнь умножает уныние, а уныние болезнь. Скучно с собой возиться.

Дети все обнимают вас. Иван ждет сына или дочери и недели через три, вероятно, придется вам опять быть крестным отцом в новом гнездышке, сплетенном на ветке знакомого дерева, на котором многие прежние венки посохли.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 173—174.
Печатается по автографу.

---

[1] Датируется, как и следующее письмо А. П. Елагиной, на основании содержания: прошло четыре года с начала службы (1831 г.) П. В. Киреевского в Московском архиве Министерства иностранных дел. В письме сообщается о скором рождении ребенка в семье И. В. Киреевского, что и произошло: 7 марта 1835 г. родился В. И. Киреевский.

238. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 февр. 1835[1]

Видно, мне суждено нынешний год вас мучить своими делами, милый брат: примите это comme expiation* за дружбу вашу ко мне. — Начнем с начатого: о Петре послано представление еще в Июне (прилагаю записку). Надобно было послать в Генваре,— но ведь вы знаете премудрость его начальника. — Просьбу в отставку он потому не подавал, что ждет производства в Актуариусы, разумеется, с старшинством, тогда подаст просьбу и его оставят с следующим чином переводчика. Вам, душа моя, подобает сказать теперь одно слово властям на заставах придержащим, и другие при отставке. — Пока Пьер был при издании грамот и перебирал нужные бумаги, то сносно было, теперь все его занятия по Архиву ограничиваются переводами паспортов, духовных и тяжб разным любопытным: бродягам, Итальянцам, Англичанам, Немцам и прочим. Он издает собрание песен, какого ни в одной земле еще не существовало, около 800 одних легенд, т. е. *стихов* по ихнему. Когда он нынешним летом собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушивание их не райских песен,— то городничему показался он весьма подозрителен, он послал рапорт к Губер⟨натору⟩, то же сделали многие помещики, удивленные поступками слишком странными такого чудака, который по несчастию называется студентом. — Губернатор послал запрос Малиновскому, а тот по обыкновенному благородству своего характера отвечал, что он Киреевского *не знает*. —

Теперь вот вторая моя просьба: меня посылают в Карлсбад, сильные беспрестанные припадки, печенкою производимые, которые с самого Декабря не пускают встать с постели и жестоким смущают меня унынием, говорят будто сделали эту поездку необходимою. — Я знаю, что здоровье мое не стоит этих издержек, но ежели я должна буду бросить детей без призору, то в тысячу раз полезнее отравиться, нежели суетиться о дурацком этом боке. — Не отпустят ли меньших всех со мною на год? — Николаю 11 лет, правда, но ведь это не для ученья. — Отдать без себя в пансион я не в силах, жить в Дерпте подле них я готова, и если их не пустят со мною, то не поеду я в Карлсбад и поселюсь в Дерпте, *отдавши* их в пансион, который вы советуете. — Сделайте милость, узнайте, дадут ли мне позволение взять их в чужие края? — И отвечайте не медля.

Обнимаю вас, душа моя, и прошу вашего снисхождения к старухе сестре вашей.

21 февраля.

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания об Осташской экспедиции Петра Киреевского, которая состоялась летом 1834 г.: «С 15 мая выехал из Москвы на странствие, ⟨…⟩ выбрал Осташков» (Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.; Л., 1935. С. 67).

Перевод

* как искупление (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 5—5 об.—6.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 161.
Печатается по автографу.

239. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 марта 1835[1]

Милый брат, благословите новорожденного Василия Ивановича Киреевского. — Благословите его на жизнь добрую, деятельную, прекрасную: в то время, как вы получите это письмо, вашим именем будут перед купелью Святаго Духа отрекаться за крестника вашего от всего злого, след⟨ственно⟩, вы совершенно вправе собрать в эту минуту весь запас благословений, какими вы его наделить можете и отправить с ним в путь на долгую жизнь. — Подарите его хоть частью той завидной ясности души, которая около вас разливает такое блаженное спокойствие. — Малютка похож на мать, которая собирается сама кормить его: Ванюша продолжает находиться в том же чаду, к которому новое счастие не прибавило ничего.

Я долго не писала к вам потому, что опять сильную перенесла болезнь: сперва телесную, а потом душевную. На днях я лишилась друга; — при теперешних моих обстоятельствах, могу сказать единственного и последнего. — Мое здоровье расстроено жестоко; ни одной недели не пройдет без сильной боли в правом боку, которая произвела какие-то сердечные замирания, от которых мне делаются обмороки, иногда по четыре, по пять в день. — Если мне нужен Карлсбад, то только потому, что нужно успокоение, отсутствие и на первый случай развлечение. — Оставить детей одних совершенно на чужой стороне, посреди незнакомых, без возможности даже во время вакаций приласкаться к отцу,— невозможно. Они слишком при сердце выращены, и все мое от людей отчуждение приучило их еще к одиночеству. Тетушка хочет возвратиться нынешний год в Россию, да ежели и нет! — Вот уже 12 лет, как в Дерпте *моего* осталось только то, что не имеет ответа и утешения: *то, от чего смущается сердце*, пока оно бьется.

Виновата, Жуковский! — Не понимаю, как прорвалось! — Вот видите что: отпустят ли детей со мною на полтора года за границу? — Если нет, то мне можно уехать с ними в Дерпт, или в Ростов, или куда-нибудь одной. — О Петруше я вам писала *дельную* аккуратную записку, по которой вы могли видеть, под каким нумером послано о нем представление. А служит он при Архиве Инос⟨транной⟩

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о рождении Василия Ивановича Киреевского — 9 марта 1835 года.

Колл⟨егии⟩, след⟨ственно⟩ сказать нужно даже не Нессельроде, а Виельгорскому[1], который о произведении в первый офицерский чин может дать разрешение, а там дело пойдет уже своим чередом. Обнимаю вас

14 Марта. Вася родился 9, а крестины будут 17-го.

Автограф: РГБ, ф. 104. к. VII, № 37, л. 7—7 об.—8.
Копия: РГАЛИ, ф. 108, оп. 1, № 107, л. 174—175.
Печатается по автографу.

240. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 апреля 1835[2]

Через неделю, бесценный брат, буду я в Петербурге, чтобы пуститься в даль за здоровьем души и тела. — Испугалась здесь *Ваганьковского* кладбища: это вы отучили меня от равнодушия к таким звукам. — Боюсь, что не застану вас в Петербурге, и так этого боюсь, если суждено не видаться теперь с вами, то обещаю в Неве утопиться. Приготовьте мне на дорогу ваше милое объятие, ваш сердитый взгляд, ваше благословение. — Итак до свидания, или до Невы.

Дуняша.
19 Апреля

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 9.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 175.
Печатается по автографу.

241. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

8 мая 1835 г.[3]

Милая Дуняша, получив записочку вашу, я вообразил, что вы уже у московской заставы и было мне очень досадно, что вы въезжаете в Петербург в ту самую минуту, в которую мне надобно было переехать в Царское Село. Но теперь, приехав на день из Царского Села в Петербург, узнаю, что вы отложили свой отъезд в той мысли, что я буду будто в Москву, это к лучшему, ибо по новому постановлению вам надобно будет испросить позволение у Государя на отъезд в чужие края: это будет легко теперь сделать в Москве. И я бы рад был, чтобы вы не прежде как после 25-го мая приехали в Петербург, к этому времени я приеду туда из Царского

[1] *...сказать нужно не Нессельроде, а Виельгорскому...* — К. В. Нессельроде, см. примечание к письму 183; Матвей Юрьевич Виельгорский (1794—1866), шталмейстер и управляющий двором великой княгини Марии Николаевны.

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «Москва 1835 апреля 20».

[3] Дата устанавливается на основании штемпеля: «СПб., 8 мая 1835».

Села, и мы дни вашего тамошнего пребывания проведем вместе. Если мое письмо вас застанет в Москве еще, то устройте это так, чтобы ваш приезд сюда мог быть около назначенного мною числа. Вы писали, сказывал мне Одоевский, о занятии для вас места на пароходе; я улажу так, чтобы это было согласно с моим планом. Веневитинов вас уведомит[1].

Не думайте, чтобы я забыл о деле Петра. Я говорил, и не один раз, с Виельгорским[2], ответ его был следующий: за выслугу лет у них теперь не представляют к повышению чином, ибо готовится новое образование и все производства остановились. Представить же к чину за отличие не выгодно, потому что тогда чин выслуженный и который в свое время дается с старшинством, будет дан, как награда. Я и остановился с моими требованиями, услышав такой ответ. — Отвечайте мне на это письмо, если еще успеете.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 72—72 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 56—57.
Печатается по копии.

242. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

9 мая 1835[3]

Милая Дуняша, вчера писал я к вам по почте и наврал. Я ошибся; думал, что вы писали о наемке места к Веневитинову[4], а выходит, что вы писали к Титову[5]. Вот в чем дело: для меня будет выгоднее, если вы приедете в Петербург не прежде как к двадцать пятому мая, ибо тогда я сам буду в Петербурге. Теперь я в Царском Селе и отлучиться мне нельзя. И так напишите, чтобы место было для вас взято на пароходе, отъезжающем в начале июня. Я об этом предуведомил Одоевского. Но напишите и вы.

---

[1] *...сказывал мне Одоевский* ⟨...⟩ *Веневитинов вас уведомит* — Заботы об организации отплытия Авдотьи Петровны из Петербурга Жуковский поручил хорошим знакомым Авдотьи Петровны и друзьям ее старших сыновей. Владимир Федорович *Одоевский* (1804—1869), писатель, журналист, эстетик, литературный и музыкальный критик, один из виднейших представителей философского романтизма; в 1820-е гг. глава философского кружка «Общество любомудрия», в которое входили Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, а также С. П. Шевырев, М. П. Погодин и другие. А. В. Веневитинов, см. примечание к письму 233.

[2] Я говорил и не один раз с Виельгорским... — см. примечание к предыдущему письму.

[3] Дата устанавливается по содержанию: письмо написано следом за предыдущим.

[4] *...вы писали о наемке места к Веневитинову...* — А. В. Веневитинов, см. примечание к письму 233.

[5] *...вы писали к Титову* — В. П. Титов, см. примечание к письму 177.

Что делают наши отец и мать?[1] Обнимите их за меня хорошенько и с новорожденным младенцем.

9 мая
Жуковский

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 73.
Впервые опубликовано: УС. С. 57.
Печатается по копии.

243. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

24 июня 1835[2]

Благодетельное ваше влияние, бесценный друг, действовало на мою душу почти до самого Шпруделя. Ваша ласка подняла меня, дала силу желать здоровья и так утишила горечь, волновавшую сердце, что я *не могла* даже пересказать вам многого; ваш мир отразился во мне. Врочем, я это на себе не в первый раз уже испытываю. Когда вы приезжали в Москву, со мною было то же, и я постигла теперь то чувство, которое подавит и поглотит все наши страсти и страдания, когда мы явимся перед Божье лицо. — До Дрездена доехала я с Lohnkutscher* предолго и преблагополучно: Вейгель как родной ухаживал за мной[3]: каменная моя печенка лучше всех писанных историй рассказать ему болезнь могла: joie! joie!**. — Сюда в Карлсбад нанял он сам мне карету и написал письмо к док⟨тору⟩ Hochberger***, который также бывает у меня часто. Я четыре дня уже пью Шпрудель, и хотя раза три уже сильные нервные припадки очень пугали меня, но надеюсь пользы. Карлсбад отменно живописен, мы лазили по горам, и я несмотря на все гравюры и на сильную боль глаз, сняла несколько видов en trait****, по-вашему. Здесь одушевляет все прекрасное наша Великая Княгиня; когда я представилась ей, ваше милое имя и тут мне было щитом-покровителем: Vous connaissez M. Jouk? — Je l'aime beaucoup*****; сказал она. Общество, окружающее ее, для нас недосягаемо, и от этого нам несколько жутко. Познакомились здесь с одним только Английским семейством, чему рада для Маши. — С самого отъезда нашего не получила ни от кого из наших ни полстрочки, это жестоко меня смущает. Не сделалось ли чего с Петрушей? Меня страшит то болезнь его, то болезнь брата, то бестолковость его die deutsche****** руссицизма. Ради Бога, напишите мне, что сделалось? Я терялась в самых горьких предположениях. — Адресуйте в Дрезден, через посольство. Еще просьба: напишите несколько слов в Белев к моему мужу, если можно, пош-

[1] *Что делают наши отец и мать?* — Речь идет о И. В. и Н. П. Киреевских, у которых в марте родился сын Василий.

[2] Датируется временем отъезда А. П. Елагиной за границу на лечение.

[3] *Вейгель как родной ухаживал за мной…* — Иоганн Август Готлиб Вейгель (1773—1846), немецкий издатель и книгопродавец.

лите ему экземпляр ваших сочинений с портретом, подписавши его имя вашей рукой. — Ему будет это награда за все пожертвования, которые он сделал для меня и за которые, если не я, то ласка родных моих, должна заплатить ему.

Для меня вы сделали больше, нежели за что благодарить возможно, и при конце поприща весело найти опору в руке друга; друга с самой ранней молодости, единственной любви души моей. —

Простите, брат милый. У меня сильно болят глаза, и эти полстранички очень тяжело писались. Обнимаю вас крепко.

Шредер здесь[1], и я по вашей милости с ним познакомилась, что весьма важно таким отчужденным, каковы мы здесь.

24 / 12 Карлсбад

Перевод

* наемный извозчик (*нем.*).
** радость! радость! (*франц.*).
*** Хохбергеру (*нем.*).
**** штрихами (*франц.*).
***** Вы знаете М. Жук⟨овского⟩? — Я его очень люблю (*франц.*).
****** немецкого (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 11—11 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 175—176.
Печатается по автографу.

244. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 окт. / 25 сент. 1835[2] Вена

От вас никакого известия, душа моя. На четыре моих письма ни полслова. Но вы слишком много показали мне живого участия при отъезде моем, чтобы теперь сердце осмелилось волноваться скорбью. Ласка от любимого человека такая была мне неожиданная новость, что как прием мюсы[3] умирающему, дала мне силы очнуться и жить. Теперь, кажется, я совсем опомнилась. Не удивляйтесь, что я столько раз вам это повторяю: вам надобно же знать, чем вы для меня были и как истинно спасли меня. Инстинктом чувствовала я, что мне нужно удалиться, но это отдаление, это погружение в пучину чужого, было бы мне проклятием Вечного Жида, если бы вы не подняли души моей. Теперь только, когда начинает ко мне возвращаться спокойствие, понимаю всю опасность, в которой была. Ежечасные булавочные тычки

[1] *Шредер здесь…* — См. примечание к письму 182.

[2] Дата устанавливается на основании содержания письма: в 1835 году Авдотья Петровна была за границей, в том числе в Вене и в Праге.

[3] *…прием мюсы…* — Мюса — губка, пропитанная оцетом и желчью (церк.).

в сердце искололи его так, что оно переставало обливаться кровью; теперь я сплю, могу думать, могу что-нибудь сообразить, могу заниматься — после этого начинаю надеяться, что не попаду в Зоненштейн[1] или же в искушение еще ужаснее, от которого едва избавилась. Я простила все, правда, еще прежде, нежели опомнилась, теперь не позволяю себе переглядывать прошедшее, а ищу только тишины и мира, что найти легко в ней и что находить начинаю. Я писала к вам, уезжавши из Дрездена, рассказала все свои предположения на зиму и все уединенное устройство моей жизни; надеюсь, что вы все одобрите, что нет, прошу сказать и переменить. Вы поверите, что вашему предначертанию следовать веселее и легче. — В Прагу уехала я прежде назначенного срока. Погодин оставил там очень больную жену[2] и поручил ее моим попечениям. Я знаю, каково быть больной в чужом городе и поспешила к ней: нашла ее почти умирающую; но ухаживание и попечение скоро отдалили опасность. Тут познакомилась я с *Палацким*[3], умным, образованным человеком, который видел вас в Лейпциге и которому вы оставили живое впечатление. Он пишет Богемскую историю; судя по глубоким его сведениям, трудолюбию и красноречивому разговору,— вероятно,

---

[1] *...начинаю надеяться, что не попаду в Зоненштейн...* — Зонненштейн — топос, получивший смысл угрозы сумасшествия; в Зоненштейне, немецком городке, в клинике для душевнобольных проходил лечение К. Н. Батюшков.

[2] *Погодин оставил там очень больную жену...* — Михаил Петрович Погодин (1800—1875), историк писатель и общественный деятель; его жена — Елизавета Васильевна Погодина (урожд. Вагнер, ум. 1847). О ситуации с больной женой Погодина, оставленной им в Праге, пишет Барсуков: «Конец пребывания в Праге был омрачен для Погодина болезнью его супруги. «Занемогла моя жена,— пишет он,— подверглась опасности, и часы удовольствия сменились грустью. Опасность продолжалась неделю, в другую — она начала поправляться, и на третью, когда уже не оставалось никакого сомнения в ее выздоровлении, я оставил ее на руках доброго Шафарикова семейства, в ожидании любезной Авдотьи Петровны Елагиной, которая по пути из Дрездена в Вену должна была проехать через Прагу». При таких условиях Погодин решился продолжать свое путешествие. В это время В. П. Титов вместе с П. В. Киреевским пребывал в Франценбаде, и оттуда Титов писал Погодину (от 10 сентября 1835 года) в Прагу: «Надеюсь, любезнейший Погодин, что нездоровье твоей Елисаветы Васильевны (которой мы с Киреевским свидетельствуем между прочим почтение) не важно и пройдет скоро. Стыдно хворать серьезно, приехав гулять в чужие края. Твое письмо, по обыкновению, не совсем толково. Когда собираешься предпринять экскурсию в Мюнхен? Конечно, не прежде приезда Авдотьи Петровны в Прагу…Мы отсюда выезжаем около 18-ого. До Карлсбада едем вместе; отсюда Киреевский в Дрезден — за Авдотьей Петровной» (Барсуков. Кн. 4. С. 320).

[3] *Тут познакомилась я с Палацким...* — Франц Палацкий (Palacky 1798—1876), чешский государственный деятель, историк и философ. Можно предположить, что знакомство Авдотьи Петровны с Палацким было подготовлено визитом к нему Погодина. Как пишет Барсуков, «Шафарик познакомил Погодина с прочими знаменитостями Праги: Юнгманом, Палацким, Челяковским, Прешлем. «С каким почтением,— пишет он (Погодин),— смотрел я на сих отшельников, посвятивших святому делу народного образования, жертвующих ему всеми благами мира сего в нужде, даже в бедности, в пренебрежении, унижении, неизвестности. Честь вам и слава, знаменитые подвижники, украшение человечества! Труды ваши не пропадут. Доброе семя даст плод сторицею, и имена ваши будут блистать в истории на ряду со всеми благороднейшими благодетелями человечества» (Барсуков. Кн. 4. С. 316—317).

отличную. — С *Ганкой*[1], самолюбивым Славянином, чванящимся Владим⟨ирским⟩ крестом выше всего, что имеется истинного, и с *Шафариком*[2], милым, исполненным *Божественного вдохновения* ученым и трудолюбивым разыскателем древности народов Слав⟨янских⟩ и языков. — На будущий год выйдет из печати его книга о происхождении Слав⟨янских⟩ народов, которая, говорят, положит незыблемую основу всем историям, не исключая России. — Труды его неимоверны; а вся жизнь высоко поэтическая. Он так беден, что с женой, матерью и 4-мя детьми живет 1000 гул⟨ьденами⟩, собираемыми для него *неназывающимися* друзьями, но порядок бедных его комнаток, ясность души и светлый ум не позволяют и заметить в чем-нибудь недостатка. Если бы у нас была кафедра Слав⟨янских⟩ Языков, Универ⟨ситет⟩ наш должен бы гордиться таким человеком. — В Праге я провела две недели, одну для Погодиной, а на другую приехали мои юноши: Петр и Вл⟨адимир⟩ Титов, и мы вместе рыскали повсюду. В день Св. ⟨ятого⟩ Вячесла был праздник в Соборе великолепной церкви, половина Богемии стеклась туда, мы протеснились также, а там меня обокрали совершенно. Из кармана, который был даже не в верхнем платье, вытащили все мои деньги и все кредитивы, в одном портфеле хранящиеся. — Я написала

---

[1] *С Ганкой…* — Вацлав Ганка (Vaclav Hanka 1791—1861) — чешский просветитель, ученый, историк, хранитель Национального музея в Праге, переводчик с русского и украинского, сторонник славянского единства. В 1835 году с Ганкой, Шафариком и другими деятелями чешской и словацкой культуры близко сошелся М. П. Погодин, а через него произошло с ними знакомство и А. П. Елагиной. «По приезде в заветный для него (Погодина) город,— пишет Барсуков,— он прежде всего посетил Национальный музей, где принял его Ганка как нельзя приветливее и радушнее, познакомил со всеми учеными драгоценностями библиотеки, осыпал воспоминаниями о Домбровском, пересказал его книги и рукописи, подвел к его портрету, приподнесенному ему при жизни a Slavicarum litterarum cultoribus, посадил на его простой дубовый стул, подарил несколько его вещей» (Барсуков. Кн. 4. С. 313).

[2] *…и с Шафариком…* — Павел Йозеф Шафарик (Šafařik 1795—1861), историк, филолог, поэт, этнограф, деятель словацкого и чешского национального движения, автор трудов по истории славянских языков и литературе. Впечатления Погодина от встречи с Шафариком в 1835 году совпадают с описанием Авдотьи Петровны: «Тесная работная комната, установлена полка с книгами: по средине стол, покрытый бумагами. После две еще меньшие комнатки для семейства, которое составляют: жена, словенка родом из Венгрии, тёща и четверо детей. Ход из комнаты мимо кухни. Весь доход его от литературных трудов простирается не свыше двух тысяч рублей. Здесь-то живет и с такими-то малыми средствами действует великий муж, один из первых представителей миллионного народа, пекущийся о судьбе его на будущие времена, без его ведома, не только без благодарности, без славы, признаваемый вполне, может быть, десятью-двадцатью человеками во всей Европе, работающий до упаду от утра до вечера над самыми тяжелыми, изнурительными сочинениями, кои никто почти не покупает, не читает, не знает» (Барсуков. Кн. 4. С. 313—314).

«В это время Шафарик оканчивал свои «Славянские древности». По замечанию Погодина, «этого сочинения не доставало в Европейской литературе: немецкие писатели, занимаясь всеми языками на свете, живыми и мертвыми, Европейским и Санскритским, имеют до сих пор какое-то непонятное отвращение от Славянского и печатают об этом всемирном народе так, что читать стыдно за них. Они никак не могут вразумиться, что общая История не может быть без Славянской» (Барсуков. Кн. 4. С. 316).

тотчас к Бассанжу[1], тот известил прочих банкиров и за кредитивы опасаться нечего, но я потеряла тут наличными 2000, назначенные на путешествие в Вену. — Тот 5000-й кредитив, который вы мне дали, милый брат, пропал также, но вы не беспокойтесь, никто по нем денег не получит, и он все равно уничтожен просто. Бассанж дал об этом знать в Петербург. Он поступил со мною как благородный человек, прислал мне без векселя кредит в Прагу, чтобы я могла, получа там сколько-нибудь денег, поехать куда заблагорассудится. Вообразите же теперь, что, несмотря на эту потерю, я должна была ехать в Вену, ибо обязана была привезти Погодину; должна была взять карету с условием останавливаться nach Belieben*, что стало втрое, и теперь живу здесь в Вене неделю, чтобы хотя наградить себя невинными наслаждениями, как говорит Титов, обо всех безденежных, за потерю моих денег. Мы все поехали вместе и остановились вместе 8 человек; здесь нашли Княжевича и Надеждина[2], которые уговорились вместе с Пьером ехать в Россию, и послезавтра отправляются; проводя их, я пробуду здесь еще два дня и возвращусь в тихий мой Дрезден, где постараюсь довольствоваться почти невозможным. Мне совестно перед мужем и перед вами, но, пожалуйста, не вините меня. Сочтите это приключение несчастием, а не виною и напишите так Кате. Я еще не решилась писать Алекс⟨ею⟩ Андр⟨еевичу⟩. — Благодаря Титову и Бассанжу можно еще подождать. — Здоровье мое до сих пор было лучше, но третьего дня и вчера чуть не умерла опять от нервного припадка.

Перевод

* По желанию (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 13—13 об.—14.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 176—178.
Печатается по автографу.

245. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

13 / 25 окт. 1835 г. Ц. Село[3]

Я не получил ни одного из писем ваших, милая Авдотья Петровна, и весьма изумлен, прочитав на последнем письме вашем: Вена. Еще более удивился,

---

[1] *Я написала тотчас к Бассанжу…* — Бассанж — немецкий банкир и книготорговец.

[2] *…здесь нашли Княжевича и Надеждина…* — Дмитрий Максимович Княжевич (1788—1844), литератор, директор канцелярии Министерства финансов; Николай Иванович Надеждин (1804—1856,) критик, историк, этнограф, издавал журнал «Телескоп» в 1831—1833 годах.

[3] Дата устанавливается на основании содержания: «прагская беда» случилась со Авдотьей Петровной в 1835 году во время ее пребывания в Праге; письмо Жуковского — ответ на послание Елагиной от 7 окт. / 25 сентября 1835 года. В дневнике Жуковский записывает: «*12 октября. Суббота.* Письмо от Авдотьи Петровны из Вены, которое весьма меня рассердило. Всякое добро тогда только, когда соединено с здравым смыслом; а у нее нет здравого смысла. ⟨…⟩ *13 октября. Воскресенье.* Поездка в Петербург, чтобы отослать Авд⟨отье⟩ Петровне кредитив в 3000 Елагиных и 3000 собственных» (ПСС2. Т. 14. С. 37).

когда из письма вашего узнал, как вы попали в Вену. И удивился, и рассердился. И так рассердился, что даже не позволяю писать себе никаких объяснений: они не нужны. Скажу одно: в ваши лета к великодушию и добродушию можно бы присоединить и благоразумие. Да что тут говорить? — ваша Прагская беда очень досадна; тем более, что вы сами виноваты: *всего* своего имения на себе не носят, особливо, когда идут в такую толпу, которая составлена из половины Богемии, как вы пишете. У меня теперь ваших *три* тысячи, присланных мне Алексеем Андреевичем, которого я уведомил о данном мною вам *кредитиве*; я передам эти деньги банкиру для пересылки к вам. Вы получите такой же кредитив, какой соблаговолили потерять; но в нем моих денег будет только две тысячи. О пересылке же трех тысяч уведомлю Алексея Андреевича. Но не скажу ему ни слова о том, что вы вместо того, чтобы заботиться о собственном здоровье, которым вы *обязаны и ему, и вашему семейству*, берете на себя (по просьбе первого встречного) заботу о других больных и провожаете их от Карлсбада до Вены — это его рассердит и обидит, и он будет прав[1]. Но браниться за 1000 верст не ловко. — Уведомьте, прошу вас, о том, что вы теперь делаете. Вы, по обыкновению своему, забыли в письме своем почтенную прозу, то есть, не дали мне знать, когда и куда едете, и какой ваш адрес, и что осталось у вас в кармане. На всякий случай адресую письмо свое в Дрезден к Бассанжу. Я уже писал к вам туда на имя нашего посланника Шредера[2], с месяц тому назад. — Простите. Обнимаю вас всех, хоть еще досада моя не прошла.

13 / 25 октября. Царское Село
Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 74—74 об.—75.
Впервые опубликовано: УС. С. 57—58.
Печатается по копии.

---

[1] *...это его рассердит, и он будет прав* — Между В. А. Жуковским и А. А. Елагиным состоялась переписка по поводу положения Авдотьи Петровны, оставшейся в Праге без денег. В частности, в письме от 25 октября 1835 г. А. А. Елагин высказывал большую тревогу по поводу жены и чувство благодарности к Жуковскому: «В этом воровстве виноват пока я: я советовал ей деньги беречь и давал многие назидательные поучения, как укрыться из-под взора тех, которые лакомы до грабежа; но о церкви Вита при приходе Вячеслава в Праге, как о торжественном и публичном месте святых и иных прочих других, отчасти докладывал. Как бы то ни было, а больше жаль, что Авд⟨отья⟩ Петр⟨овна⟩ за оплошность свою грозится наказывать себя больно. ⟨…⟩ Всё это время мне необходимо прожить в деревне и почти по одной причине, что деньги наши как

Дни жизни сердца — сочтены,
И нет утрачену возврата.

Еще раз, впрочем в этом письме, кажется, первый, благодарю вас, почтеннейший Василий Андреевич! За все ваши заботы и попечения, и больше — за эти ласковые слова, лично ко мне, которые из письма вашего прямо переходят в сердце и там живут и блаженствуют» (РГБ, ф. 104, к. 7, № 10, л. 3—3 об.).

[2] *Я уже писал к вам туда на имя нашего посланника Шредера...* — См. примечание к письму 182.

246. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Дрезден 14 / 26 окт. 1835

Письмо ваше от 14 / 26 сен. получила третьего дня, возвратясь сюда из Вены. Нет, милый брат, я не хуже вас и вполне заслуживала бы, чтобы вы называли меня Авдотьей Петровной, если бы могла лениться писать к вам после всей дружбы, которую вы мне показали. Мою болтливость связывает только мысль отвержения, которую ваша благодетельная ласка прогнала между нами. Я писала вам два раза из Карлс⟨бада⟩, 2 раза из Дрездена и о нужном, а в последний раз писала из Вены. Если все это пропало, то некого и винить кроме черной звезды моей, которая омрачает всякое радостное чувство мое. Не обвиняйте меня в неблагодарности, любовь к вам, которая с самого первого младенчества была кровью моего сердца, сделала это невозможностью. Вы воскресили душу мою; да и в материальном существовании *чтоб были б мы без Вас*! Без вашей помощи, несмотря на всю умеренность образа моей жизни, давно уже принуждена бы занимать у чужих. В Праге меня обокрали, я потеряла в одном портфейле 2000 р. и все кредитивы. Хорошо, что они были безденежные, Бассанж уведомил о том всех банкиров, Моск⟨овских⟩ и Петербургских, но и вы не беспокойтесь об этих кредитивах, по ним никто уже не получит. — Как скоро отдали здесь письмо ваше, я пошла к Фридриху[1]. — Бедный, недавно оправился от апоплексического удара, который грозился отнять у него правую руку и ногу; ногу он еще волочит, а руку я застала уже на картине. — Добродушие, с которым он меня принял, именно вашего рода, и показал все свои произведения, тронуло меня до глубины сердца. У подножия станка его стоят две широкие старые туфли, которые он по духовному завещанию назначает вам на память. Теперь пишет он веселый, живой сенокос. — Группы подле копен расположенные и яркое летнее небо показывает расположение духа светлое, что меня порадовало за него, а не за картину. Она далеко отстала от прежних. — Готовые картины описал он вам: две особенно пленили меня и выражают вполне и колорит его, и манеру: одна при розовом закате солнца и едва блистающем роге нового месяца, в густом, превосходно отделанном тростнике два лебедя. — Воды чуть видно между болотными цветами, солнца не видно, луну едва, и воздуху-то только, только на дышанье, — а чувствуешь и весну и прохладу и ясный, чистый вечер. — Другая, взломавшийся лед в Северном море. — Небо ясное и холодно голубое. Море также, и по нем плавают вдали синие призраки ледяных скал. Gespenster*, как он говорит сам; на переднем плане взломанная скала ледяная, окруженная пеной сердитого моря. — Еще у него очень большая картина: ночь перед бурей

[1] *...я пошла к Фридриху...* — Фридрих Каспар Давид (Friedrich Caspar David, 1774—1840), немецкий художник-романтик, с которым Жуковского связывала многолетняя дружба. (*Либман М. Я.* Жуковский-рисовальщик // Античность. Средние века. Новое время. М., 1977). С. 217—277; *Дмитриева М.* К. Д. Фридрих и В. А. Жуковский. Из истории русско-немецких культурных связей // Панорама искусств. М., 1987. № 10. С. 328—343.

на море. Небо покрыто тучами бегущими, которые закрывают даже луну от зрителя; но луна отсвечивается в черном, мрачном море, и этот отблеск так серебрист, что можно принять за какой-нибудь *кунштик*[1]; — совсем сияние лунное, с неба украденное. На берегу рыбачьи лодки и множество рыбачьих якорей; этот берег едва различить можно. — Очень хороша еще внутренность церкви готической: вся картина en ogive**, три длинных окошка, через переплет которых видна ночь. Посреди храма гробница какого-то владыки, окруженная знаменами и освещенная висячим паникадилом. На полу подле лежат принадлежности его власти: скипетр, корона и меч. В гробнице один человек. Кругом, в нишах церковных, статуи рыцарей в латах; все освещено одним паникадилом, сле⟨дственно⟩, все темно. Еще две небольшие картины: одна представляет какой-то памятник и девушку, которая нюхает сорванную туберозу с куста[2], у подножия растущего. Если б эта девушка была не толстая саксонка в красном платке, то можно бы с нею занюхаться и в ад и в рай. — Другая — ясное, лунное, весеннее небо. Луна посреди всей картины, освещает ее в полном блеске с самого верху: ни одной тучки, ни одной перелетной паутинки на ясном воздухе. По бокам картины — два дерева едва распускающиеся, а внизу дорога, по которой идут домой три женщины: потому домой, что все оборотились спиной к зрителю. — Вот все богатство его кисти. — Рисунки же сепией и акварель превосходят всякое описание. Две особенно в вашем вкусе, и если б я малейшую имела возможность, сейчас купила бы их для вас: вырытая могила посреди заросшего кладбища, в груде вырытой земли воткнута лопата; на рукоятке лопаты сидит сова и заслоняет собой полный месяц, выглядывающий на это запустение. — Другая: над вырытой могилой стоит на перекладинах закрытый гроб, готовый туда опуститься, веревка лежит уже в яме, подле, на голых сучьях не распустившегося еще дерева, повешены венки, крест из цветов, имя[3]. — 40 акварелей острова Рюгена. — 25 Теплица[4]. Это истинное сокровище, и эти рисунки купить бы надобно. Здесь, кажется, не умеют ценить его, и его ⟨*3 нрзб.*⟩ выставленное им нынешним летом в Kunstausstellung*** почти не привлекло внимания.

Вот как я вас заболтала! Простите, милый друг! Если вы не получили моих писем, то дайте мне, пожалуйста, об этом знать: есть нужное. Впрочем, что нужно? Больше или меньше bien-être**** (счастие уже не входит в речь) больше или меньше спокойствия внутреннего. — Не могу сказать j'ai bu l'eau double*****: сердце

---

[1] *...этот отблеск так серебрист, что можно принять за какой-нибудь кунштик...* — «Кунштик, *нем.* Штука, фиглярство, фокус» (Даль В. И. Т. II. С. 219).

[2] *..девушку, которая нюхает сорванную туберозу с куста...* — Тубероза «розовый куст» (Даль В. И. Т. III. С. 440), многолетнее травянистое растение, у которого цветок — довольно крупная метелка из белых душистых цветов.

[3] *...две особенно пленили меня ⟨...⟩ крест из цветов, имя.* — Описание картин Фридриха, ранее приобретенных Жуковским, находится в письме И. В. Киреевского матери от 12 января 1830 года (Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1911. С. 16—17).

[4] *...40 акварелей острова Рюгена. — 25 Теплица* — Рюген — остров на Балтийском море, с чрезвычайно изрезанными берегами, живописными речками и озерами; Теплиц — известный курорт в Богемии.

часто горько колышется, при таком полном от всех своих забвении. Я не только себе самой являюсь Авдотьей Петровной, но еще чужие, ничтожные, посторонние всего чужого. — Однако без непрестанного возобновления ран можно жить тихо и спокойно. — Я перевела die Gravüres****** и постараюсь всунуть в ящики картины. Незнакома я здесь ни с кем, а сегодня закрыли и галерею.

Простите, обнимаю вас точно с тем же чувством, с каким люди молятся Богу. Пишите ко мне иногда, *мне это нужно*.

Перевод

* Призрак (*нем*.).
** стрельчатая (*франц*.).
*** художественная выставка (*нем*.).
**** благосостояние (*франц*.).
***** я напилась вдоволь (*франц*.).
****** свои гравюры (*нем*.).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 15—16 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 178—180.
Печатается по автографу.

247. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

3 / 17 ноября 1835 г.[1]

Милая Дуняша, вы чудесница были и будете. Вот еще какая выдумка, не называй я вас Авдотьей Петровною: это значит, что я сердит и прочее, и прочее. И за что же еще сердит? За то, что нет от вас писем; да на это мне сердиться нельзя, надобно только вспомнить, что со мною самим бывает? А каково бы мне самому было, когда бы мои друзья сердечные вздумали рассчитывать мою к ним дружбу по числу моих к ним писем. Итак, душа моя Авдотья Петровна или Дуняша, я назвал вас тем именем, которое Господь даровал вам посредством крестного отца и родного отца, просто потому, что оно само подлезло под перо мое и выложилось на моей бумаге во всей чернильной красоте, без всяких моих относительно к тому самоличных претензий. Послушайте, сделаем уговор: если когда-нибудь мне случится повздорить с вами до холодности (чего не может случиться), то знайте, что в письмах своих стану вас называть не Авдотья Петровна (это имя слишком пахнет нашею общею прежнею жизнию), а Авдотьею Селиверстовною. Под всяким другим именем, знайте, что вы моя милая, верная сестра; за сим — точка. Боюсь однако, что мое последнее, гневное письмо за вашу венскую поездку вас крепко не взбудоражило; а если на беду и оно заклеймено именем Авдотьи Петровны, то беда мне. Вот почему я спешу ответить вам. Правда, вы рассердили меня, а еще более рассердился я на этого эгоиста Погодина, который, взяв с собою жену, но заботясь об одних

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 14 / 26 октября 1835 года.

своих ученых делах, не нашел ничего лучше, как ее поручить вам, больной, путешествующей с двумя дочерьми, не имея для путешествия больших средств, без всякой опытности. Как могла ему прийти в голову такая просьба? Он понадеялся на ваше сердце, которое действует всесильно, покоряя вас первому своему движению, вопреки всех противоречий рассудка, или, лучше сказать, считая всякое слово рассудка недостойным внимания, достойным презрения. Признаюсь, я, прочитавши письмо ваше, подумал о вашем московском докторе[1] и от всего сердца сказал: прав ты, покойник. На вашем месте, Авдотья Селиверстовна, было бы обязанностью не принять на себя предложение Погодина: вы не имели права принять его, у вас другая цель и обязанность. Поверьте, что в иных случаях гораздо более добродетели *отказать* себе в самопожертвовании, к которому влечет сердце, послушавшись высшей обязанности, предписываемой рассудком; более добродетели предпочесть холодную, строгую должность, к которой не лежит сердце, должности увлекательной, к которой тащит чувство. Одним словом, поездка ваша в Вену для меня не только досадна, но и оскорбительна. Как же положиться на вас, когда вы, по первому движению, все и всех позабыть можете? неужели вы достоинство поступков заключаете в одних этих первых движениях (разумею здесь добрые). Да что в них нашего? Тот, кто одарен жаркой любящей душой, как вы в таких случаях, покоряясь одной силе своей особенной природы, действует как раб, он ни за что, ни за настоящее, ни за будущее отвечать не может. Ваше достоинство состоит в том, чтобы уметь привести в равновесие с спокойным здравым умом стремительность вашего сердца; то есть, вам надобно увериться, что вашему ходкому кораблику так же нужен компас… Вот как я рассоветовался, вы можете подумать, что ваш московский доктор воскрес. Прав был покойник; я понимаю его досаду и вполне разделяю ее. — Но довольно. Дело прошлое. По крайней мере теперь опять не сшалите. Я слышал, что из Москвы едут два магистра, один коллежский ассесор, два служащих по особенным поручениям и у каждого по больной жене, все они едут в Прагу и уж у каждого написано к вам письмо, по которому вы имеете тотчас явиться из Дрездена в Прагу и тотчас ехать с одной женой в Вену, с другой в Рим, с третьей в Эмс… Не сердитесь за эти пошлые шутки, милая, лучше шутить, нежели браниться. Чтоб сказать одним словом: постарайтесь во время вашего пребывания заграницею исполнить то, зачем вы поехали, то есть восстановить свое здоровье для тех, кого вы любите, кому вы нужны: это ваша ближайшая обязанность; пожертвовав ею какой-нибудь другой, по первому порыву души, вы обидите и свою должность и нас (меня чрезвычайно). — Благодарствуйте за письма о Фридрихе. Я уже два раза писал к нему и назначил, что он должен прислать. — Вам же вот какое поручение: 3000 рублей

---

[1] *...подумал о вашем московском докторе...* — «В Москве был доктор Рамих, который побился об заклад с Авдотьей Петровной, что она сумасшедшая. Через несколько времени он говорит, что болезнь принуждает его ехать за границу, а денег нет и предлагает Авдотье Петровне заложить дом ее у Красных ворот, дав ему на дорогу денег. Она тотчас согласилась. Рамих объявил, что он выиграл заклад, ибо такая доброта есть сумасшествие» (РНБ, ф. 286, оп. 2, л. 76 об.).

к вам посланы; эти деньги не мои, а вашего мужа. Теперь скажите, сколько у вас денег? потеряны или нет все те, кои вы получили в векселях и в моем кредитиве? Возьмите на себя труд об этом написать пообстоятельнее и подробнее: и не воображайте ради Бога, что строгий расчет в путешествии есть нечто слишком земное и презренное! Разочтите все хорошенько и уведомьте меня. Если этого не сделаете, то жестоко рассердите, ибо тогда совершенно уверите, что на вас нет возможности положиться ни в чем, что принадлежит к порядку, что можно любить только вашу душу, и что ваше грешное тело никуда не годится. Смотрите же, отвечайте скорее, подробнее. Сколько у вас *есть* денег? Сколько *нужно теперь* и *вперед*, и сколько можете иметь *собственных,* и сколько должно *добавить*? — О себе скажу вам, что я здоров и буду еще здоровее, если получу от вас такое письмо, какого мне хочется,— прозаически расчетливое; смотрите же, не ударьте лицом в грязь и потешьте меня. Адресуйте письмо ваше не на имя Булгакова[1]; его уже нет на свете; вчера я с ним навсегда простился и проводил его на последний земной ночлег. Одним истинно добрым человеком менее на свете. Хоть у меня и не было с ним особенно тесной дружеской связи, но я душевно любил его за его добрую душу, и он был одним из самых первых, если не колыбельных, то пансионских знакомцев на здешнем свете. Сколько уже положено в могилу! Чтобы несколько воскресить прошедшее, я принялся за стихи: пишу Ундину, с которой познакомился во время оно и от которой так и дышит прошлою молодостью. Представлю ее вам, когда воротитесь… Знаете ли что? Недалеко от Бреславля есть у меня милая знакомая, графиня Stosh, урожденная Клейст. Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею[2]. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински; ее уже нет. Дочь, создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет иногда ко мне письма несравненные. Я бы рад был, когда бы вы, на обратном пути, как-нибудь с ней познакомились. Вы бы для нее были моим представителем, а узнав ее, запаслись бы на жизнь прекрасным воспоминанием. — Простите, душа, Дуняша, Авдотья Петровна. Отвечайте скорее.

Ваш Жуковский.
3 / 15 Ноября 1835

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 76—78 с об. –79.
Впервые опубликовано: УС. С. 58—61.
Печатается по копии.

[1] *Адресуйте письмо ваше не на имя Булгакова...* — Речь идет о К. Я. Булгакове, см. примечание к письму 116.

[2] *...есть у меня милая знакомая, графиня Stosh, урожденная Клейст. Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине* (*в 1821 г.*). *Там я познакомился с ее матерью и с нею* — Луиза (Лулу) фон Клейст (в замужестве Stosh, 1800—1855), дочь Марии Клейст. Мария фон Клейст (урожд. Гвалтиери, 1761—1831), кузина Г. Клейста, жена генерала Ф. В. Х. фон Клейста, хозяйка литературного салона в Берлине.

248. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 ноября / 29 октября 1835[1]

Вы слишком строги ко мне, милый брат! Вы сердитесь, забывая, что гнев ваш, заслуженный или незаслуженный, тяжелее мне всякого несчастия. Незаслуженный тяжелее еще другого, ибо счастие и наслаждение нашей совести находятся для нас в сердцах милых, совсем не в собственном. Что же я дурного сделала, съездивши в Вену? Если бы я умела сберечь деньги и распределить их бережливо, то почему бы даже не видать мне Минхена? — Неужели я должна была среди Германии не видать кроме Дрездена ничего и 8 месяцев не трогаться с места? — Теперь дело иное; закупорка теперешнего есть уже следствие случившегося со мною несчастия; expiation*, хотя по-настоящему не должны бы мы выкупать каждое несчастие новым страданием, каждую неудачу новой неудачей, каждое неудовольствие новым неудовольствием: но такова уже справедливость судьбы и людей. Не присылайте мне ваших денег, прошу вас! Я не хочу вам стоить каких-нибудь пожертвований: мне и то совестно, что я лишила вас какого-нибудь доброго дела. Трех тысяч, которые переслал вам Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ (и которые я вчера получила), довольно мне совершенно: я здесь не знакома ни с кем, а учители девочкам дешевы, мне этих денег слишком достаточно до Нового года и, может быть, дольше. — Я не представила вам никаких извиняющих меня подробностей, считала их лишними. Портфейль мой был напр⟨имер⟩ не в кармане платья, а внизу, и тот, кто стеснивши меня, ощупал его, должен был разрезать платье. — Ехавши в Прагу, я писала вам и уведомляла, что мы сговаривались съехаться туда с Петрушей, которого я иначе совсем бы не видала, и с Титовым. Теперь я буду *мадеть* в Дрездене до Мая[2], довольны ли вы этим? — Тот, на кого взглянувши один раз, охотно выбрала бы себе покровителем, Годениус, уехал отсюда к вам[3], на другой день моего сюда переезду; — я устроилась здесь на зиму так порядочно и благоразумно, так совершенно одна, ибо для меня никто не поднял и пальца, что нельзя никак обвинить меня в поэзии. — Наняла дом, накупила дров, наняла двух слуг, мужчину и даму, сговорилась с ресторатером за обед, купила нужную провизию и пр., и пр. — Потом отыскала через книгопродавца учителей и учительниц, подписалась в две библиотеки; а теперь, по милости вашей, познакомилась с Фридрихом. Вот все мои подвиги, mes hauts et mes faits**. — Здоровье идет мерзко, недавно опять было род воспаления в печенке и возвращалась сильная боль в боку, и другая в груди, в маленькой железке, которая простирается даже до руки. Об этой последней боли я Ал⟨ексею⟩ Ан⟨дреевичу⟩ не говорю, ибо если образуется рак, я домой не ворочусь: такой спектакль совсем не интересен и не забавен. Мне здесь грустно,

---

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 3 / 15 ноября 1835 года.

[2] *Теперь я буду мадеть в Дрездене до Мая…* — «Мадеть — сидеть и киснуть, корпеть» (Даль В. И. Т. II. С. 288).

[3] *…Годениус, уехал отсюда к вам…* — Личность Годениуса установить не удалось.

от Ивана не имела еще ни одного письма и знаю, что он не видится с Ал⟨ексеем⟩ Ан⟨дреевичем⟩! — От Ал⟨ексея⟩ Ан⟨дреевича⟩ редко получаю и то весьма невеселые письма; мудрено ли? Он лишает себя всего, живет с детьми в избе, те, для кого он трудился так бескорыстно несколько лет, как будто не чувствуют, сколько должны быть ему благодарны, а я, которой он теперь жертвует собою, не могу собрать сил на восстановление развалин и упрекаю себя за все, что ему стою.

Я писала к вам 26 ок⟨тября⟩ — получили ли?

Перевод

* искупление (*франц.*).
** мои высóты и мои поступки (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 17—17 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 180—181.
Печатается по автографу.

249. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

12/24 ноября 1835 г. СПб.[1]

Милая Дуняша, письмо ваше от 10 Ноября меня огорчило и испугало. Что вы говорите о боли в груди? Вы дали мне мучительное беспокойство — также род рака, который при каждом воспоминании о вас угрызает за душу. К несчастию, при этой тревожной мысли об вас нельзя иметь никакой на вас самих надежды; вы, при всем вашем великодушии и самоотвержении, также точно жертвуете другими, как и собою. Можно во всякую минуту верить вашей высокости, даже чувству вашей дружбы, но никогда нельзя отдохнуть за вас при мысли о вашем благоразумии. Я не думал сердиться на вас, как вы это полагаете, за потерю денег; но обиделся тем, что вы, покинув Россию и нас — ваших, нося в себе тяжелую болезнь, бросили обо всем этом заботу, дабы сделаться garde-malade* Погодиной, которую и взяли на свои руки, чтобы отвезти в Вену. Тут нет даже справедливости: ибо тут я вижу забвение главной вашей обязанности; вы обязаны употребить все теперь на то единственно, чтобы возвратить себе здоровье; если вы не поступите в этом деле с той совестностью, какой требует от вас и семейство ваше, и я (если угодно причесть меня к своему семейству), то оправдания вам не будет. Ваши поступки, которых основание всегда прекрасно, слишком часто определяются первым сильным движением, и от этого они не верны. Дурными они никогда не будут — ибо движения хороши. Но знаете ли в чем состоит ваша особенная нравственность? Не в борьбе с худыми побуждениями и в их преодолении, а в выборе между добрыми лучшего и в постоянстве исполнения, как скоро выбор сделан. На всякий

[1] Дата устанавливается на том основании, что это ответ на письмо А. П. Елагиной от 10 ноября / 29 октября 1835 года.

случай примите от меня этот образчик проповеди. Не думайте, чтобы я сердился на вас за потерю денег: случай досадный, но не вы виноваты. Но Погодиной простить вам не могу. Можете эту вину поправить только тем, когда теперь приметесь за свое дело, как вам это предписывает совесть. А ваше дело: усердная, постоянная забота о исцелении. Требую и умоляю, чтобы вы не оставляли без внимания новооткрывшейся вашей боли в груди. Вам хорошо писать о ней с таким обидным равнодушием. А мне воображать ее и думать в то же время о вас и ваших дочерях при вас совсем незабавно. Весьма бы вы меня успокоили, если бы немедленно отправились в Ганау к Коппу[1]; переезд не дорог и не далек, но вы были бы на руках у надежного человека и тамошний климат еще лучше дрезденского. Прошу вас все устроить для устранения этой новой, вероятно, мечтательной беды так, как бы она была уже на носу. Если этого не сделаете, то верьте, что дружба к вам останется, но уважения к вам не будет: вы обидите меня на целую жизнь; и так же точно не прощу вам, как ваш покойник немец. На всякий случай к вам отправляется такой же точно кредитив, какой вы потеряли. Если вам деньги не будут нужны, то он останется в кармане; если случится в них нужда, то будет где их взять. Отвечайте, прошу вас, скорее. И уведомьте, на что решитесь и что сделали, чтобы унять эту новую боль. Обнимаю всех вас.

12 / 24 ноября. Жуковский.

Перевод

* сиделкой (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 80—81 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 61—62.
Печатается по копии.

250. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 / 2 декабря 1835[2]

Бесценный друг, авось Господь, поселившийся в милом вашем сердце, даст вам минуты такого счастливого наслаждения собою, какие отрадные дает мне ваша дружеская ласка и брань. — Я не пробую переменить вашего мнения о моем неблагоразумии, ибо знаю упрямство первых принятых вами впечатлений, но осмотрите без предубеждения течение моей бедной жизни и подумайте, возмож-

---

1 *...отправились в Ганау к Коппу...* — Иоганн Генрих Копп (1777—1858), немецкий врач, практиковавший в Ганау, автор трудов по медицине, член-корреспондент Петербургской медико-хирургической академии. Копп был постоянным врачом Жуковского, их связывало многолетнее знакомство, и по рекомендации Жуковского у Коппа лечилась Авдотья Петровна.

2 Дата устанавливается на основании штемпеля: « Dresden, 15 Dec. 1835»; письмо содержит ответ на послание Жуковского от 12 / 24 ноября 1835 года.

но ли без строгой расчетливости, без *обдуманной бережливости* устроить и вести такой образ жизни, какой я веду? — Я одна без всякого видимого покровительства и несмотря на то окружена женщинами достаточными, жившими в свете, которым легко заставлять других действовать за себя и которые завидуют устройству и тишине моего хозяйства и тому, что я не жалуюсь и не прошу ни у кого помощи и руководительства. — Нельзя же без рассудительности определить и расчесть все, что нужно и можно истратить и устроить такой образ жизни, чтобы *взрослой* моей дочери не было стыдно перед другими и не неприятно дома. Спросите у кого хотите, можно ли без большой расчетливости истратить 12 тысяч четырем особам (ибо в путешествии девушка совершенно то же стоит, что каждая из нас), а в течение 8 месяцев, съездив в Карлсбад, где все втридорога, и в Вену, где потерять удалось слишком две тысячи? — Конечно, тех 7-и тысяч, которые дал мне муж, мне бы недостало, и без вашей помощи трудно бы мне было выкарабкаться, — но теперь я многое уже закупила, устроила и, надеюсь, не употреблю кредитивы вашей, за которую сердечно вас благодарю, ибо она останется мне маяком в случае бури. — Не бранитесь за мое здоровье: уже одно то, что я уехала, есть доказательство победы и желания исцелиться. — Не было возможности жить под ежеминутными булавочными колоньями в сердце, с одной стороны, при мрачных ссорах, с другой, при беспрестанно возрастающих семейных неудовольствиях и смутах. — И теперь один пишет желчные, грустные письма; — другой совсем не пишет, все равно как будто бы я зарыта. С моего отъезда он не нашел времени ни ко мне написать, ни навестить Алек⟨сея⟩ Андр⟨еевича⟩, который устроил ему хозяйство первое во всем округе, не исключая и барона, и который сам живет в избе, без всякого жизненного удобства. — Я понимаю его горькие жалобы и упреки, но тяжело не меньше. — Боль в груди унялась благодаря мазям и припаркам, но железка осталась, и мне предписано кутать ее в мех и фланель и истребить весною Шпруделем. В Ганау я поеду, как скоро оправлюсь совсем; последние две недели провела я в сильном беспокойстве: Лила занемогла катаральною горячкою[1], а доктор угрожает нервической. — Когда она прошла, я почувствовала следы ночных и денных волнений, три дня не могла я шевельнуться от сильной нервной боли во всем теле, а особенно в боку и груди. — Сегодня рука пишет, а Лила первый день встала. — Мельгунов в Ганау[2] на руках Коппа, завтра напишу ему и устрою мое путешествие туда. Милый друг, благодарствуйте! Когда справлюсь, напишу вам подельнее и поумнее; при малейшем расстройстве телесном теряю я совершенно способность думать о *моей семье*: все силы души уничтожаются и вот этого-то состояния я боюсь больше чем рака

[1] *Лила занемогла катаральною горячкою…* — Елизавета Алексеевна Елагина (1825—1842), дочь А. П. Елагиной.

[2] *Мельгунов в Ганау…* — Николай Александрович Мельгунов (1804—1867), воспитанник Благородного пансиона при Петербургском университете, переводчик, литературный и музыкальный критик, композитор, служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, товарищ братьев Киреевских, подолгу жил за границей, сотрудничал в «Московском наблюдателе», «Москвитянине», «Отечественных записках».

и Зонненштейна[1], и от этого поисходит то равнодушие, которое вы называете обидным; за которое словцо целую ваши светлые глазки

14/2 декабря.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 19—19 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 182—183.
Печатается по автографу.

251. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 декабря 1835[2]

Колокола на моей соседке Kreuzkirche* таким праздничным звоном оглушают с пяти часов утра весь дом наш, что не знаешь, куда уйти от непобедимого Heimweh**, который они назвонили. — Милое убежище души моей, брат сердца, несравненный мой Жуковский, простите мне, что я за все ваши благодеяния так часто смущаю вашу добрую душу. Не сердитесь на меня больше, нежели заслуживаю. Пересмотрите меня беспристрастно и поймете, хоть силою данною вам свыше, всё, что я перестрадала и рассказать не могу; тогда вы удивитесь, зачем я так прозаически занимаюсь сохранением жизни, не нужной тем, кем жила. Уехавши сюда, я исполнила долг совести, ибо бежала от неминуемого сумасшествия,— *здоровой* же быть мне — невозможно и требовать. — Несколько дней уже мне однако лучше, и затвердение на груди не очень меня мучает. Вот что я теперь сделаю: до 1го Марта останусь здесь, ибо погода мерзкая, Лила еще слаба и так нанят у меня дом, закуплена провизия и пр., а 1е отправлюсь в Ганау, куда уже писала, и там, по словам Коппа, распоряжусь будущим и дам вам отчет — Скажите мне, что вы этим довольны? — И пришлите в награду *стишка два* из Ундины[3]. Ведь и у нас должен быть праздник какой-нибудь в Новый год, а эта Ундина улыбается мне таким сладким прошедшим, что хорошо бы ею встретить и будущее. — Здесь была мне недавно некоторая радость: посещение графини Сиркур[4]. В таком одиночестве, каком теперь мы живем на чужой стороне, ее появление было точно какою-то связью прошедшего живого с настоящими удовольствиями, данными всем людям на земле, которым мы непричастны. Погода и моя хворость мешают мне идти к ней, но авось увидимся еще.

Получила я сюда странную просьбу к вам: есть некто г. Яковлев, сын Як⟨ова⟩ Викторовича Ханыкова, который едет в Пет⟨ербург⟩ искать места и в качестве Белевского уроженца просит моей рекомендации к вам. Вот все, что я об нем сказать

---

[1] *...этого-то состояния я боюсь больше чем рака и Зонненштейна...* — См. примечание к письму 246.

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «25 Dec. 1835».

[3] *И пришлите в награду стишка два из Ундины* — В октябре 1835 года Жуковский завершил работу над 6 и 7 главами «Ундины».

[4] *...посещение графини Сиркур* — Анастасия Сиркур (урожд. Хлюстина, 1808—1863), жена А. де Сиркура, французского публициста и историка, хозяйка литературного салона в Париже.

могу. След⟨ственно⟩, не удивитесь, что я говорю об нем, ибо статься может, что он явится к вам от моего имени.

Прикажите Одоевскому *через посольство* прислать мне 36-го года Календарь, Арабески Гоголя[1] и все, чем ему вздумается меня потешить. — Письма к вам адресовать буду к банкиру, ожидая, что вы приказали распорядиться ими посольству: я желала бы, чтобы они и вам также ничего не стоили, как многим здесь, но Шредер и секретарь его Рихтер благосклонны только к тем, кто сами покровительствовать им могут. — Всё, что хочешь, можно отправить до Берлина из П⟨етербурга⟩, а из Берлина сюда ежедневно оказия.

Поблагодарите добрых Беков[2] за их ко мне ласку: они как родные добры и приветливы. Мы живем рядом, видимся редко, по болезни моей и заботливости их о сыне, но всякий раз, когда случится видеться, доброта их трогает до глубины. — Вчера было у них дерево и вместе с игрушками сыну поставили игрушки и Лилушке: не нам, не нам, а имени твоему.

Перевод

[*] Кройцкирха (*нем.*).
[**] тоска по родине (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 21—21 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 183—184.
Печатается по автографу.

252. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Декабрь 1835 года[3]

Посылаю вам, душа моя, целиком письмо Мельгунова[4]; оно слишком добро, чтоб вам слишком наскучить и оправдает несколько мою медленность пускаться в Ганау. Отвечать мне насчет крестика[5], чего можем надеяться?[6]

---

[1] *Прикажите Одоевскому через посольство прислать ⟨...⟩ Арабески Гоголя...* — «Арабески» Н. В. Гоголя вышли в свет в 1835 году.

[2] *Поблагодарите добрых Беков...* — Речь идет о семействе Христиана Андреевича Бека (1768—1853), старшего советника Министерства иностранных дел.

[3] Дата устанавливается на основании ответного письма Жуковского, датируемого временем до 12 декабря 1835 года. Вернее всего это конец декабря 1835 года, когда Жуковский занимался составлением договора с А. Ф. Смирдиным на печатание сочинений А. П. Зонтаг.

[4] *Посылаю вам, душа моя, целиком письмо Мельгунова...* — Николай Александрович Мельгунов, см. примечание к письму 250.

[5] *Отвечать мне насчет крестика...* — См. письмо Жуковского к Елагиной от начала января 1836 года.

[6] На л. 1 запись Жуковского намеченных дел и писем к разным лицам:

Екатер⟨ина⟩ Афан⟨асьевна⟩

Дуняша	*Сиркур*
Анна Петровна	Стурдза

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 38, л. 1 об.
Печатается по автографу.

253. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

До 12 декабря 1835 года[1]

Милая Дуняша, получил ваше письмо и вашу записочку с письмом Мельгунова и обнимаю вас. В ответ на последнее скажу, что не имею никакой возможности удовлетворить желанию Коппа. К чему придраться, чтобы дать ему крест? Он лечит русских и иных вылечивает? Но это делают и другие. А русских больных теперь так много рассыпалось по Европе, что не достанет крестов на награды докторам. Шутки в сторону; а я не могу никак просить Государя, чтобы он дал крест Коппу за то, что он способствовал к восстановлению здоровья моего, столь драгоценного для России!! Напишите Мельгунову, чтобы не давал Коппу никакой надежды. А лучше всего поезжайте к Коппу сами лечиться, он, верно, поможет вам, хоть за это я и не обещаю ему креста, а приму к себе в сердце, что впрочем, вероятно, ему и не весьма нужно.

Когда увидите Фридриха, скажите ему от меня, что я его рисунки получил и ими весьма радуюсь. Попросите его меня уведомить, какое сделано распоряжение для пересылки картин, купленных великими Княжнами. Пускай они будут присланы с первым пароходом, но чтобы он сам позаботился о их укладке. — Я к вам послал кредитив в 5000 рублей, не думайте, чтобы это были мои деньги; уже я получил от Алексея Андреевича и уплату. Но вы на этот счет весьма не точны, не уведомляете меня о том, что сделалось и с вашим векселем и с первыми кредитивами? ведь они были все потеряны?

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 82—82 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 62.
Печатается по копии.

Гринев
Фридрих
Шредер
Проташинский
Елагин
Крузе
Во вторник 12—1 у Яковлева
В среду у меня
В четверг в 12 у Перовского

[1] Дата устанавливается на основании письма Фридриха В. А. Жуковскому от 12 декабря 1835 года, в котором художник, отвечая на просьбу Жуковского, высказанную в письме к Елагиной, подробно описывает, как упакованы картины, отправленные им в Петербург (См. статью А. Дмитриевой «К.-Д. Фридрих и В. А. Жуковский. Из истории русско-немецких культурных связей // Панорама искусств. М., 1987. № 10. С. 339—340).

254. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

16/28 января 1836[1]

Бесценный друг, давно уже не получала я живительных ваших каракулек. Дай Бог здоровья лени! Она отдаляет беспокойство от сердца. Вы здоровы и довольны моими распоряжениями? — Копп требует меня к себе в Марте, чтобы целый месяц *ежедневно* следовать за почтенным моим здоровьем, я чуть от этого не выросла. — Здесь обожают вас Строгановы, которые ради вашего имени очень благосклонно меня принимают; графиня Фредро и Сиркуры[2]. Она т. е. Сиркур отнимает у меня ваш Кригеров портрет[3], уверяя, что вы пришлете мне другой; я боюсь расстаться. — Теперь посылаю Машин, карандашом нарисованный, который прошу вас отослать в Долбино, Киреевским. Благословите меня, душа моя, и ⟨*нрзб.*⟩ известите меня, что мной довольны, признаете меня благоразумной особой и *достойной уважения*. Обнимаю вас со всей горячностью сердца с колыбели вас обожающего.

16 / 28 января.

29 Ген⟨варя⟩ у нас будет пир горой[4]. Вспомните тогда обо мне. Я приготовила вам облатки с фонарем[5]. Да сияет долго милый наш свет перед людьми и перед Богом!

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 1—2 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 184—185.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: Авдотья Петровна находилась в 1835 году на лечении в Германии, собиралась в марте 1836 года поехать в Ганау к доктору Коппу.

[2] *...графиня Фредро и Сиркур...* — Прасковья Николаевна Фредро (урожд. графиня Головина), жена Яна Максимилиана Фредро (1784—1845), графа, польского дипломата и писателя, адъютанта Александра I; А. С. Сиркур, см. примечание к письму 251.

[3] *...Сиркур отнимает у меня ваш Кригеров портрет...* — Франц Крюгер (Krűger Franz, 1797—1857), немецкий художник, создал портрет Жуковского в 1838 г., с которого поэт заказал 200 литографий.

[4] *29 Ген⟨варя⟩ у нас будет пир горой* — 29 января — день рождения В. А. Жуковского.

[5] *Я приготовила вам облатки с фонарем* — Через всю переписку Елагиной с Жуковским проходит поэтический образ фонаря, запечатленного на почтовой печатке Авдотьи Петровны, как символ внутренней, глубокой, наполненной божественным смыслом жизни и особых духовных отношениий. См. примечание к письму 38, а также письма 107, 158—161, 185.

255. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 марта / 18 февраля 1836[1]

Вижу, как прав Чаадаев[2], когда он мне проповедывал, что la modestie est un suicide moral*: и вы, и другие поверили бы моему изящному благоразумию, моей разумной расчетливости, если б я трудилась выставлять их перед вами. По вашему похвальному обыкновению вы, в отношении ко мне, следуете первому мнению, которое себе сгромоздили, и теперь, что бы я ни делала, будете воображать меня неаккуратной и бесчестной. — Ну, так и быть! Спасибо вам, что вы меня этакую гадкую любите, а ежели бы вы узнали, какая я прекрасная, то — лучше бы еще было мне на свете. Шутки в сторону, с тех пор как я на *чужом* свете, если мне когда-нибудь случается хорошо, все по милости вашей! Ваше святое благословение дает мне и место между людей, и вес в глазах некоторых, и возможность сообщаться, и главное: отраду внутреннюю, в которой больше чем в хлебе насущном нуждаюсь. Но я не то хотела сказать, а вот что: я имела честь весьма аккуратно представить вам мои наличные и потерянные богатства, вы все забыли. — Я потеряла *все* кредитивы; но *благодаря благоразумной* поспешности и *всем умным* нашим мерам, все это вышло потеря белой бумаги: след⟨овательно⟩, первый кредитив, данный мне вами, уничтожен совсем, то же скажет вам и ⟨*1 нрзб.*⟩. — Тогда же потеряла я и все наличные мои деньги, но об них никто ничего не скажет. — Теперь финансы мои находятся вот в каком положении: *три тысячи полных рублей*. Этого будет мне достаточно расплатиться здесь с квартирой и докторами и доехать до Ганау; туда, надеюсь, пришлет мне муж, сколько может. — В случае нужды есть у меня там Мельгунов, который несмотря на стремление окрестить Коппа, благородный и услужливый человек. — Эти три тысячи заключаются в присланной вами кредитиве, по письму мужа (который обещал послать к вам немедленно уплату), я принуждена была взять из неё 2000, остальные три возьму через неделю и устрою свое отбытие самым великолепным образом с Lohnkutscher** через Веймар, Готу и пр. Здесь было мне не дурно жить, если бы душевные и телесные недуги не мешали, было бы и хорошо. — Как быть! Это не всем достается. Когда, *во время оно*, каждое слово, даже нечаянно сказанное вами, было принято душою и сохранено в ней, после смерти моей малютки Дашеньки (первая сильная горесть, потрясшая мою душу) вы сказали, что несчастие мне нужно, что оно должно озарить и укротить слишком пылкое мое сердце, — я с великой горечью покорилась вашему решению, и с тех пор бесчисленные и беспрестанные удары старалась принимать в вашем смысле, и при каждом вспоминала ваш строгий для меня выбор. В последние времена, часто казалось мне, что вы должны бы сказать: *довольно*. — В сердце остался один горя-

---

[1] Дата устанавливается по штемпелю: «Дрезден 1 Marz 36 Получено 1836 февр 28 вечер». Адрес: «St. Peterburg. В Зимнем дворце»

[2] *Вижу, как прав Чаадаев*… — Петр Яковлевич Чаадаев, см. примечание к письму 214.

чий пепел и вместо света — тяжелый, душный мрак. — Здесь, когда какое-нибудь благо, для других незаметное и само по себе ничтожное, но достается мне через вас, всегда покажется, будто вы сняли свой грозный приговор и позволяете судьбе моей улыбнуться. — Граф⟨иня⟩ Сиркур, счастливейшая из счастливых, навещает меня в промежутках праздников и балов, ибо она не отказывается и от этого рода знаменитости. Перевод ее вашей статьи мне совсем не понравился, и я чистосердечно то объявила. Стремление ее к славе не мешает ей быть отменно любезной и понимать возможность уединения и уничтожения в других. Та, которая всех больше здесь со мной сблизилась, могла бы блистать еще больше, ещё с большими правами, если бы высокая душа позволяла спуститься ей до мелочных угодливостей светских. Это гр⟨афиня⟩ Потоцкая[1]. Она сама меня сыскала и охотно оставляет иногда все приволья окружающей ее роскоши, чтобы провести вечер с глазу на глаз с невесёлой старухой. — Мы с ней вместе ходили к Фридриху[2], и она взяла все к.ны, не купленные вами. — Те, которые купила Великая Княжна, уложены в ящик самим Фрид⟨рихом⟩ и ожидают первого парохода. Бедный так болен, и нервы его в таком расстройстве, что я не смею даже навещать его; каждое минутное одушевление изнуряет последние его силы: вряд ли дождется он весны. Нельзя без глубокого чувства видеть его самого, эту живую развалину, посреди унылых его картин. — У него остаются теперь: ночь, льдины и акварели: Рюген и Теплиц. — Я срисовала недавно сепией одну: орел на вершине скалы, при восхождении солнца, кричит в пространство. — Этот рисунок Фр⟨идриха⟩ дал мне писать Бек. — Редкое семейство, за которое я вас очень благодарю: я сердечно к ним привязалась. Все они вам дружески кланяются, также Г⟨раф⟩ и Граф⟨иня⟩ Строгановы и Фредро, здесь вас умеющие хвалить и ценить. Я видаю часто одних Беков, которые живут почти рядом и так просты и ласковы, что у них как дома. Теперь мы немного расстались, потому что Саша их болен скарлатиной. Получили ли вы [дефект бумаги]? Я послала его с племянником Струве, доктором водным. Удостоилась ли вашего одобрения? — Простите, душа моя, бесценный брат, ворчун, друг и Ангел хранитель.

Скажите мне, что знаете о сестре Зонтаг? — Как повернешься на них, все кажется, будто в могиле было бы легче, будто бы оттуда можно хоть их видеть и простить им забвение, а этак невыносимо. Девчонки мои обнимают вас.

С другой стороны листа: «Пишите теперь в Ганау просто на мое имя».

Перевод

* скромность — это моральное самоубийство (*франц.*).
** извозчик (*нем.*).

---

[1] *Это графиня Потоцкая* — Скорее всего речь идет о Марии Александровне Потоцкой (урожд. Салтыковой-Головкиной, 1806—1845), графине, жене графа Болеслава Станиславовича Потоцкого (1806—1875).

[2] *Мы с ней вместе ходили к Фридриху…* — Каспар Фридрих, см. примечание к письму 246.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 3—4 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 185—186.
Печатается по автографу.

256. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

23 февраля 1836[1]

Бесценный брат! Г. Швейцер делает мне одолжение[2], берет доставить вам некоторые безделицы: поблагодарите его за меня! Коробочка с фонарем — ваша; ящик с игрушками отошлите детям или в Москву на имя Михайлы Никитича в мой дом у Красных ворот. Надеюсь скоро получить от вас весточку, без которой мне очень грустно.

Ваша Ев⟨докия⟩ Елагина
23 ф.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 5.
Печатается по автографу.

257. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15/27 марта 1836[3]

Вот я, по вашему повелению, и в Ганау, милый друг. Вырвалась из Дрездена с душой растерзанной несчастием Беков: мы, женщины, странные и жалкие создания, не можем сойтись с кем-нибудь нам сродным или приятным, не привязавши тотчас сердца несколькими узлами. Кончина этого прекрасного мальчика как будто лишила меня дорогого сокровища. Я мучила мать его своим безотлучным присутствием, но оторваться от нее не могла. — Теперь я здесь, отдала себя на руки вашему доброму, косому Коппу, и за себя уже не отвечаю. Он взялся вылечить совершенно, велел нанять квартиру, прописал уже лекарства и хлопочет усердно. Он находит во мне сильное нервное расстройство, и хочет действовать больше на печенку, которую боль приписывает он излишней ее чувствительности. Также и о затвердении на груди. Одним словом, он необыкновенную внушает доверенность и спокойствие. Вас обожает он непритворно: советует нынешней весною пить серные воды, которые вы пили прежде и берется доставить вам он их на первом пароходе, если на то будет ваше соизволение. Просит вас не пить вина и ничего горячительного. — Совершенное здешнее уединение не возмущено, как

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: в 1836 году А. П. Елагина была на лечении в Германии и оттуда отправила небольшой подарок Жуковскому.

[2] *Г. Швейцер делает мне одолжение…* — Христиан Вильгельм Швейцер (1781—1856), немецкий юрист, юрис-консультант саксен-веймарского двора.

[3] Дата устанавливается по штемпелю: «Erfurt 31 März — Hanau 1836».

вы вообразить можете, единственной беседой Мельгунова: бедный, проживающий здесь Мельгунов, один, все еще хромает, и все еще едва глядит и действует. Вчера отковыляли мы с ним половину города, сегодня отдыхаем, а завтра, может быть, одолеем и другую. Знаете ли, что Копп очень серьезно посылает меня в Париж? Готов написать это формальным рецептом, и горячится утверждать, что бедная голова моя требует сильного невольного рассеяния и веселых развлечений. Вам, душа моя, обязана я новыми силами души, которые собрала до сих пор, ваша дружба укрепила меня тогда, когда мне нужно было душевное укрепление, благодаря вам могла заниматься, могла еще перевести Пеллико[1], которого набожность, чувствование много подействовало на меня во благо. — Теперь, авось, пойдет все лучше, впрочем, как Богу угодно!

Бедный Ванюша говорит, что разорен в хозяйственных делах, это сокрушает меня, ибо знаю высокое его благородство и невозможность согласиться на что-нибудь низкое или дурное. — Муж и остальные его братья и сестры могут отказаться от всего и для него это покажется пожертвованием, но терпеть недостаток за Наташу, думаю, что он не в силах. Это мучает меня, а говорить *на письмах* нельзя. Авось, устроится при свидании. Простите, обнимаю вас; мне нужно бы писать вам много, но сегодня не в силах. Отвечайте мне на виллу Коппа.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 7—7 об.
Печатается по автографу.

258. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

4/16 апреля 1836 г. СПб.

Милая Авдотья Петровна! Поздравляю вас с переселением в Ганау под крылышко к доктору Коппу: теперь за вас не так страшно. Он не только искусен, но и человеколюбив и заботлив. Вверьтесь ему совершенно. Он советует для окончательного излечения принять несколько приемов Парижской разнообразной жизни — что ж, если можно, отведайте Парижа. Впрочем, для вас и без Парижа может быть довольно развлечения: взгляд на Рейн, на Швейцарию, потом через Мюнхен и Венецию переезд в Вену, в Вене зиму, а потом опять на воды, в Любек и с пароходом в Петербург; а из Петербурга через Москву в Петрищево, в соседстве которого, на старом пепелище, найдете вы уже старушку Екатерину

---

[1] *...могла еще перевести Пеллико...* — В июньском и июльском дневниках Жуковского за 1834 год отмечено чтение Пеллико (ПСС2. Т. 14. С. 12, 14, 21, 27). Сильвио Пеллико (Pellico Silvio, 1789—1854), итальянский писатель, карбонарий, автор мемуаров «Мои темницы» и нравственно-религиозного трактата «Dei deveri degli nomini», перевод которого под влиянием Жуковского предприняла А. П. Елагина в 1836 году, будучи заграницей. Автограф перевода, озаглавленного «О должностях человека», хранится в РО РНБ, ф. 286, оп. 2, № 275, л. 1—43 с оборотами.

Афанасьевну[1], окруженную новой генерацией; вы можете присоединиться к ней с своим новым поколением, и эти два поколения сдружатся так же, может быть, как бывало были дружны мы, из коих немного осталось на свете. Чего доброго, может быть, и я на старости переселюсь к вам и заведем, если не Аркадию (ибо нынче уже классицизм не годится), то по крайней мере, колонию на манер Гернгутеров[2]: Мойер будет агрономом, я педагогом, и пойдет потеха. Оставляю вашей, еще все по-прежнему живой (иногда слишком живой) фантазии дописать эту картину. Теперь пока старайтесь, как можно менее заботиться о будущем, любуйтесь своим косым Коппом, потом любуйтесь Рейном, если вам вздумается поплавать по Рейну, то доплывите уже до Дюссельдорфа, где найдете моего доброго, безрукого Рейтерна, который левою рукою рисует чудеса, и притом мой искренний друг, с коим мы душа в душу пожили в Швейцарии.

Вы пишете о Иван⟨е⟩ Вас⟨ильевиче⟩ и его финансовых обстоятельствах грустные вещи. Не знаю обстоятельств; но в вашем письме критикую одну фразу. Вам нельзя делать пожертвований на счет остальных братьев и сестёр; это было бы несправедливо, и я против этого протестую. Я разумею здесь, что не вы *сделаете*, а только вы *допустите* их сделать сие пожертвование; меньшие еще не могут ничего, как должно, обдумать; старшие — другое дело, они уже сами знают, что делать; но меньшие могут действовать только через вас, а вы за них не имеете права ничем жертвовать. Прошу вас действовать в этом случае с самою холодною осторожностью.

Пеллико получил; но увы! он уже переведен кем-то и печатается[3].

Портрет Маши весьма непохож. Я сперва вообразил, что это ваш, потом уже по письму должен был принять его за Машин.

Попросите Коппа, чтобы через Блиссенбаха[4], который содержит трактир в Вейльбахе, велел мне налить кувшинов 80 вейльбахской воды и прислал с пароходом. Тогда примусь за водопитие. Простите. Обнимаю вас и ваших.

Жуковский.

---

[1] *...на старом пепелище найдете вы уже старушку Екатерину Афанасьевну...* — «В 1836 году Мойер, окончив службу в Дерптском Университете (он в последнее время был ректором), вышел в отставку и переехал на житье в купленное им имение Бунино (Орлов. губ.). Сюда перебралась и Екатерина Афанасьевна. “Новая генерация”, окружавшая ее, состояла из трех молодых ее внучек — Е. И. Мойер и двух сестер Воейковых (Е. А. и А. А.)» (УС. С. 64).

[2] *...колонию на манер Гернгутеров* — Гернгутеры (Моравские братья) — религиозная секта, возникшая в Богемии в XV веке, основанная знаменитым Петром Хельчицким, который, разочаровавшись в учении католической церкви, проповедовал собственное «учение о справедливости», требуя возвращения к первым векам христианства.

[3] *Пеллико получил ⟨...⟩ уже переведен кем-то и печатается* — Перевод книги итальянского писателя Сильвио Пеллико «Dei deveri degli nomini» (1834) был осуществлен в России Николаем Хрусталевым и опубликован под названием «О должностях человека» в Одессе в 1835 году; перевод 1836 года под названием «Об обязанностях человека, наставление юноше» был напечатан в Москве в 1837 году.

[4] *...через Блиссенбаха...* — Блиссенбах — содержатель трактира на минеральных водах в Вейльбахе.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 83—84 с об.
Впервые опубликовано: УС. С. 63—64.
Печатается по копии.

259. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Ганау, 13/25 апреля 1836[1]

Нынешний год не получила от вас ни словечка, милый брат! Пугливому моему характеру еще тяжеле переносить ваше молчание здесь, в Ганау. Довольны ли вы мною? Не пробежала ли между нами какая-нибудь клевета или недоразумение в виде черной кошки? — Вы не отвечаете даже на предложение Коппа переслать вам Швальбахских вод, которых употребление он на нынешнюю весну вам советует. — Получаете ли вы мои письма? Потеря Булгакова чувствительна[2] и мне при каждом адресе. — Здесь я уже месяц, заслуживаю вполне ваше уважение, ибо отдалась совершенно на руки Коппа, и *кроме скуки не имею никакого удовольствия.* Благодарю вас, душа моя, за непременное указание явиться к Коппу: он сделал мне невероятную пользу, я теперь не боюсь ни рака, ни козерога, и хотя лечение мое очень скучно и должно продолжаться еще месяц, но восстановит меня, вероятно, надолго. — О нервах нечего и думать, расстройству их должно покориться так же, как и причине, его производящей.

Душа моя, опять должна я потормошить немножко несравненную доброту души вашей, сообщив несколько моих горьких обстоятельств. Потрудитесь прочесть письмо моего мужа. Не знаю, что он еще от меня скрывает и какое еще *нестерпимое горе* ожидает меня, но что знаю, того довольно. — Может статься, и я помогла расстройству состояния их моим путешествием, необдуманным ухаживанием за моей старой каркасой и ввергла детей в предстоящие ужасы деревенской жизни. — Я сама ненавижу *теперешнюю* деревню: та, в которой мы с вами живали, была не Русская помещичья жизнь, была тишина уединения, украшенная всею поэзиею молодости и горячей любви. Теперь предстоит мне помещичество, со всею скаредностью взысканий, векселей и скук, со всем мелочничеством злословий, булавочных, иголочных тычков и со всем безутешным ужасом семейных распрей. Уединение *мне одной* меня не пугает, доказательство тому — тихая жизнь, которую веду во все время бродяжничества моего по Вавилонским рекам и которая помогла успокоить несколько взволнованные голову и сердце. Но эта вечная деревня детям, когда им нужно развитие, сведет меня с ума. Я уверена, что поездка в деревню помогла Ванюше расстаться с Ал⟨ексеем⟩ Ан⟨дреевичем⟩ и что по милости деревни и тот и другой друг перед другом виноваты. — Как бы это не было, мне от этого не легче. Да и говорить нечего о том, что сердце раздирает, но чему не поможешь.

[1] Дата устанавливается по штемпелю: «Hanau 26 April 1836 Erfurt 27 April».

[2] *Потеря Булгакова чувствительна*... — К. Я. Булгаков (1782—1835), см примечание к письму 116.

Но вот в чем дело: ваше мнение, ваш совет, скажу даже, ваше приказание всесильно над Алекс⟨еем⟩ Андр⟨еевичем⟩. — Поговорите ему *о непременном долге* отдать детей в какое-нибудь общественное заведение, если мы должны заключиться в деревне. — Между тем, окончивши мои ванны и прочее лечение, я подъеду. В июне или июле надеюсь вас увидеть и взять ваше благословение на самый скучный и последний подвиг моей начинающейся старости. Приготовьте мне пока какую-нибудь работу, чтобы дышать не даром (Получили ли вы о Должностях?[1]). Позаботьтесь и том, чтобы кто-нибудь дал мне руку помощи сойти с корабля: контрабанды я не везу, но и необходимые мои тряпки не буду уметь выхлопотать из таможни. Мужчины с нами нет. — Кредитивы мне не присылайте; тех денег, которые вышлет мне муж, будет довольно на расплату здесь и на возвратный путь. Совестно переносить и тот долг, который вы с такой дружбой мне вверили. — Вот, душа моя, начала писать спокойно и хотела говорить вам только о важных вещах, но сказавши одно слово о их размолвке, чувствую, что голова моя запуталась и что я заговорила чепуху, чтобы обойти как-нибудь нестерпимую боль главной моей раны. — Не сердитесь на меня, я буду действовать, сколько сил достанет, помогите и вы мне, как можете. — Пока, отвечайте мне. — В начале июня поеду отсюда прямо на Гамбург и Любек; — на экипаж денег у меня не достанет, да я и боюсь Польши и жидов. — К тому же надобно еще увидеть вас. — Простите, обнимаю крепко.

Скажете что-нибудь о Тетушке? Об них так давно ничего не знаю.

Маша и Мельгунов, и сам Копп требуют, чтобы я сказала вам: добрый чудак настоятельно требует, чтобы я недель на шесть съездила в Париж и чтобы эта поездка довершила его лечение, но я не хочу, хотя по общему расчету и на это могло достать моей казны. — Approuvez-moi, par grâce, je suis vraiment lasse de batailler toute la journée pour une chose qui n'en vaut pas la peine*.

Перевод

*Поддержите меня, ради Бога, я устала бороться каждый день из-за того, что этого не стоит (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 9—9 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 187—188.
Печатается по автографу.

260. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 / 15 мая Ганау 1836[2]

Вот вам, милый брат, записка, по которой вы увидите, что ваша Вейльбахская вода отправлена, 84 кувшина по вашему приказанию, и явится к вам в самых

[1] *Получили ли вы о Должностях?* — Авдотья Петровна спрашивает о своем переводе книги Сильвио Пеллико «О должностях человека».

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «Hanau Erfurt 15 May 1836».

последних числах Мая, так что можете начинать пить с первого Июня. О чем доносся, имею честь быть.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 189.
Печатается по автографу.

261. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

31 мая / 12 июня 1836 г.[1]

Спешу вас уведомить, бесценный друг, что мы приехали в Любек, как нельзя благополучнее: четыре дня плавания, несмотря на противный ветер, море кокетствовало всеми своими красотами, были и собаки морские, и чайки, и захождение солнца, и полные луны, и тихие вечера с совершенно зеркальной поверхностью, и пр. и пр. Пастор Мюральт пленил меня[2] совершенно, эта ясная веселость в его лета должна быть верным отпечатком чистой души. Жиль уехал сегодня рано в Гамбург, а оттуда далее, мы с ним уже не увидимся; все это как китайские тени. *To le soleil, mo de la lune*[*] — и пустое стекло,— а там-то мое полотно, даже без призраков. — Я здесь, в Любеке, занемогла опять, полежу дня два, а отдохнувши, пущусь: сперва в Гамбург, где проживу неделю или полторы; в ожидании Петра, потом возьму Лонкучера до Дрездена[3] (сюда меня вез из Гравемюнде такой уморительный толстый *Шимон* — Simon, что жаль было расстаться). Из Карлсбада напишу к вам. Здесь сошлись мы, и даже сблизились с Голицыной-Кутайсовой[4]. Я хотела остаться в Любеке для неё, а теперь она за мной ходит. Обнимаю, милая душа моя.

31 мая — 12 июня

Перевод

[*] то солнце — то луна (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 12.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 189.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устаналивается по штемпелю: «Berlin 14 Júni — Lubeck 12 Júni 1836».

[2] *Пастор Мюральт пленил меня...* — Иоганн Мюральт (Муральт) (1780—1850), пастор реформатской церкви в Петербурге, педагог.

[3] *...возьму Лонкучера до Дрездена...* — *Лонкучер* — извозчик (Lohnkutscher — нем.).

[4] *...сблизились с Голицыной-Кутайсовой* — Александра Павловна Голицына (урожд. Кутайсова, 1804—1881), княгиня, жена камер-юнкера князя А. А. Голицына.

262. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Возвратясь из-за границы, май-июнь, 1836 г.[1]

Бесценный брат, вот и я опять в Петербурге, но, признаюсь, в жестоком положении: чужее, нежели на чужбине. — Можно ли мне надеяться вас здесь видеть или позволите приехать к вам? и когда? Я поехала бы немедленно, узнавши, что вас здесь нет, но все мое добро в таможне, до последнего носового платка, и я сижу в спальном халате, ожидая кого-нибудь, кому бы захотелось доставить мне услугу. — Одоевских нет, Соболев⟨ский⟩ не знаю, где живет[2], и пр. и пр. — Но главное, нету вас, и мне страшнее и диче здесь, чем на море, чем в Германии. Есть ли у вас известия о моих? Едва спросить смею. Дай Бог, поскорее вас увидеть, я устала так, что едва перо держу.

Ваша Дуняша Елагина.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 13.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 189.
Печатается по автографу.

263. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 августа 1836[3]

Василий выдержал самый блестящий экзамен, какой только можно,— из 36 шаров ему положили 34. — Латинский пр⟨офессор⟩, самый строгий из всех, дал ему полное число и сказал: Превосходно! [дефект в рукописи] изустный перевод Русского периода на латинский. Ваше письмо к Строганову[4] пришло на другой день по выдержании экзамена, и он имел полное право *с удовольствием* его представить: не ударил в грязь вашей рекомендацией. — Благодарю вас за нее тысячу раз; по недоверчивости Васи к себе, по робости, поселенной в нем, ему нужно поощрение. Я приехала сюда в Москву на другой день после его испытания. Меня отпустили повидаться с ним, с Языковым, найти учителя и забрать кой-какую мебель. — Боюсь, что ваш ответ на мое прежнее письмо придет в Петрищево[5]

---

[1] Дата устанавливается по содержанию письма. Дата проставлена карандашом рукой А. П. Елагиной, вероятно, при передаче писем.

[2] *Одоевских нет, Соболев⟨ский⟩ не знаю, где живет…* — Владимир Федорович Одоевский, см. примечание к письму 241; С. А. Соболевский, см. примечание к письму 172.

[3] Дата устанавливается на основании сообщения о времени рождения дочери И. В. Киреевского Натальи (1836 г.)

[4] *Ваше письмо к Строганову…* — Сергей Григорьевич Строганов (1794—1882), государственный и военный деятель, генерал-адъютант, археолог. В 1835—1836 годах — попечитель Московского учебного округа.

[5] *…ваш ответ на мое прежнее письмо придет в Петрищево…* — Петрищево — деревня А. А. Елагина, в которой он постоянно проживал

и будет распечатан. — Теперь я точно стою на распутии: оставаться мне в Петрищеве нельзя потому, что мне кажется, будто все способы употребляются меня оттуда выжить, только с тем, чтобы я, вышед из терпения, сама казалась виноватою в разрыве; — жить здесь без денег также нельзя, тем больше, что это будет похоже на разрыв, как бы мирно это ни сделать, но детей не отдадут мне.

Обо всем напишу вам аккуратно, по получении первого письма от Ал⟨ексея⟩ Андр⟨еевича⟩

В Мишенском мерзость запустения царствует вдоволь, ничего прежнего. Роща подле дома рубится вся, и вместо прогулки я должна была шагать через бревна и сучья, и моя милая рябина на скате первая попала мне под ноги. — Цветника ни следу. В подвалах и сараях не отыскала ни одной гравюры, только три портрета: тетушки Авдотьи Афа⟨насьевны⟩[1] — масляный, два — Ивана Афанасьевича[2] — сухими красками, стертый, без стекла, и Алексея Григорьевича Безобразова[3]. Все это завернула и вам немедленно доставлю.

На будущей неделе пришлю вам одну главу из Леваны[4]; посмотрите, годится ли она вместо Сильвио Пеллико[5]. Это потруднее, но теперь чем больше труда, тем мне легче.

У вас еще есть крестница[6], которую прошу благословить: Наташа Киреевская, больная малютка, всю жизнь свою (ей теперь месяц) не перестает плакать. Иван не похож на себя, слыша крик ее, все лицо его изменяется. — Языков худ, стар, согнут и жалок неизъяснимо![7] Я уговаривала ехать к Коппу, и чуть ли он не сдается. — Больше никого еще не видала и слишком встревожена внутри, чтобы кого-нибудь видеть. — Прощайте, душа моя! Вы для меня теперь видимое Провидение, и потому не скучайте ни мольбами моими, ни докучными толками о судьбе моей. Бог везде. — Вся жизнь моя была чиста от всякого порока, и если суждено будет на старости быть покинутой, то совесть поможет мне уйти от лишнего страдания.

19 авгу⟨ста⟩ Москва.

---

[1] *...тетушки Авдотьи Афанасьевны...* — Авдотья Афанасьевна Алымова (урожд. Бунина, 1754—1813), сестра матери А. П. Елагиной

[2] *...Ивана Афанасьевича...* — Бунин Иван Афанасьевич, брат Екатерины и Варвары Афанасьевны, дядя А. П. Елагиной и сестер Протасовых.

[3] *...и Алексея Григорьевича Безобразова* — брат Марии Григорьевны Буниной (урожд. Безобразовой).

[4] *...пришлю вам одну главу из Леваны...* — Речь идет о педагогическом труде Жан-Поля Рихтера «Levana, oder Erziehungslehre», см. примечание к письму 177.

[5] *...вместо Сильвио Пеллико...* — А. П. Елагина по инициативе Жуковского сделала перевод «О должностях человека» Сильвио Пеллико, но, как сообщил ей Жуковский, этот трактат в другом переводе уже готовился к печати.

[6] *У вас еще есть крестница...* — Наталья Ивановна Киреевская (1836—1838), дочь И. В. Киреевского.

[7] *Языков худ, стар, согнут и жалок неизъяснимо...* — Н. М. Языков, см. примечание к письму 195.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 14—14 об.—15.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 190.
Печатается по автографу.

264. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

23 августа 1836[1]

В то время, когда я в Москве, мое письмо отправлено к вам с эстафетом из Москвы. Не пугайтесь, это для того, чтобы скорее дошло вложенное в него письмо к Мойеру, которого я извещаю о денежном деле, нам с ним общем. От вас из Петрищева получил письмо. В своем же письме к вам, которое прочитано будет, я пишу от себя, что заключил, что вы вопреки моему совету, собираетесь поселиться в деревне, я весьма на этот счет тревожусь, ибо полагаю, что это будет невыгодно для детей ваших и для вашей семейной жизни. Это пишу *от себя* и не *вследствие* писанного вами ко мне. И буду рад, если А⟨лексей⟩ Андреевич прочтет, может быть, он будет ко мне писать. Это даст мне возможность сказать ему искренно свое мнение. — Рад ⟨*1 нрзб.*⟩. Рад и тому, что вы в Москве. Уведомьте меня обо всем в подробности. Обнимаю вас.

Жуковский
1836 23 августа.

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 6—6 об.—7.
Печатается по автографу.

265. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Окт. — ноябрь. 1836[2]

Милый брат, о Мойере не могу ничего сказать вам достоверного: ни муж мой, ни я не имели с ним за это время сношений. Тургенев (который вас обнимает) и который также всеведущ и вездесущ, говорит, что Мойер недавно проехал через Москву, след⟨ственно⟩, теперь все ваши беспокойства рассеялись, и вы, надеюсь, хлопочете о будущем *нашем* устройстве. Что же до меня касается, увы! друг мой, ваш совет так же мил и похож на вас, как все прекрасное, неземное, недосягаемое, и так же неудобоисполним, как и все мои надежды. — Положение матери семейства таково всегда, что ни от какого горя нельзя ей уйти в мир фантазии, с каждым должна она сблизиться, бороться, возиться, как бы высоко или низко оно ни было;

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 19 августа 1836 года.

[2] Дата устанавливается на основании упоминания о том, что Маше Киреевской уже 25 лет (родилась в 1811 году), следовательно, письмо написано в 1836 году. «Ок⟨тябрь⟩ — ноябрь» — написано карандашом рукой Авдотьи Петровны.

и ни от одного не имеет права спастись бегством. Роман или иное литературное сильное занятие, в противоположность или в перевес грызущим заботам семьи, которых уладить и успокоить кроме меня самой некому, может быть только воздушною мечтою *entre onze heures et minuit**, и то, когда глаза сухи. Переводить с надеждой на Смирдина[1], другое дело. — Я еще здесь, в Москве, несмотря на грозные приглашения в деревню моего супруга. — Придется им покориться, ибо он не дает мне ни денег, ни детей. Дети без учителя; — и в два месяца ежедневных усилий не могла я найти ни одного порядочного, который согласился бы ехать в деревню. Я предлагала жить здесь с 8-ью тысячами в год, и знаю, что имела бы возможность дать детям хорошее образование. Для латыни есть у меня *здесь* чудный учитель, студент, не имеющий возможности отлучиться; то же и для прочих наук, а между тем они пользовались бы всеми выгодами общественного занятия, под моим надзором. — То же и Маша, которую заперли в нашу петрищевскую тюрьму, — все сердце сжимается. Еще года два, и ей придется отказаться от замужества и от всего будущего, ибо теперь ей уже 25. — А эти два года надолго отучат ее от людей и лишат возможности сблизиться с кем-нибудь, кто мог бы ей понравиться и составить ее счастие. — Отнять у нее жизнь теперь, когда ей жить хочется, и заключить в тюрьму, так же несправедливо, как и жестоко. — Меня все упрекают и удивляются, как я соглашаюсь жертвовать его капризу — а никто не знает, как мне это тяжело. — Если бы вы, мой друг, написали к нему, что для Маши он *должен* согласиться на некоторые пожертвования и пр., и пр. — Восемь тысяч уделить — не великая важность, Маша получает со своей деревни 5000, след⟨овательно⟩, этим мы могли бы довольствоваться. — Ванюша сердится, что я еду, я предлагала ему вызвать сестру к себе, он говорит, что не может, да и не думаю, чтобы ей этого хотелось. Одним словом, скучно, грустно, тяжело и бестолково.

Перевод

* между одиннадцатью часами и полночью (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л. 16—16 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 191.
Печатается по автографу.

[1] *Переводить с надеждой на Смирдина…* — Жуковский вел переговоры с издателем и книгопродавцем Александром Филипповичем Смирдиным (1795—1859) о возможности издания переводов Авдотьи Петровны Елагиной и Анны Петровны Зонтаг.

266. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 октября 1836[1]

Милый друг, эстафету доставил Алексей Анд⟨реевич⟩ немедленно, а сам был у Мойера накануне и видел его здорового и бодрого. — Я послала ваше письмо сегодня 21 окт⟨ября⟩ к мужу, получа его он отправится к Мойеру и напишет вам подробное донесение. Авось к весне соберется. Сохрани его Бог. Я сама еду в деревню на днях, след⟨ственно⟩ пишите в Белев, куда уведомьте о благополучном разрешении ваших сомнений.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 39, л.18.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 192.
Печатается по автографу.

267. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

31 дек⟨абря⟩ ввечеру 1836 — 8 янв⟨аря⟩ 1837[2]

Милый брат, что думаете вы обо мне, что я до сих пор не скажу вам, какое благодетельное утешение доставляет мне тот *привет минувшего*, ваши несравненные картины? — Вы верно чувствовали отраду, которую дадите мне ими, в эти тяжелые часы, на которые я здесь осуждена; вы работали их, знавши, что есть два сердца, которым они лучше всякого сокровища,— только два! И ваше милое, Божье благословение, нас хранящее и в себе для нас заключающее. — Свершить ничего с теперешним нельзя, с *прошедшим верно*, можно подписать под каждой; теперь же камня не осталось, который бы сберег след былого. — Вам будет тяжелое чувство глядеть на Мишенское. Не знаю, удастся ли мне разделить его. — Моя жизнь здесь самая несносная загадка для меня самой. С тех пор, как я здесь, Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ в третий раз уже требует *разлуки*, грозит мне расстаться при каждом несогласии на его мнение; сцены невообразимые, и для меня невозможно их описывать,— продолжаются по неделе, по пяти, шести дней, в присутствии детей и людей; потом сознается, винится, но это сознание продолжается не долго. Он, кажется, привык к разлуке со мною, ищет только предлога. — Он знает, что теперь к детям прибегнуть нельзя, и доволен, воображая, что я не имею куда опереться. — Вы, милый брат, соберите всю, какую имели когда ко мне дружбу, и приготовьте мне ее. Я чувствую, что я имею в ней необходимую нужду; буду иметь нужду в вашем покровительстве; не откажите мне тогда. — Вот эта-то необходимость удерживала меня писать к вам.

---

[1] Дата устанавливается на основании двух штемпелей: 1) «Москва. 21 октября»; 2) «Получено 1836 октября 22. Полдень». Адрес: «В Петербург. Его Превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому».

[2] Дата указана в тексте самого письма: «⟨…⟩ Я им встречаю Новый 1837 год!»

Рассказывать причин нет возможности и слишком тяжело: по некоторым увидите сами пустоту привязок.

1-е — Письмо его, которое я дала вам. — Он уверен, что я выставила его перед всеми для насмешек. —

2-е. Зачем я два месяца была в Москве, — когда не нашла учителя за малую цену в деревню. —

3-е и главное, я просила уничтожения векселя в 200 ты⟨сяч⟩, который Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ взял с меня во время болезни моей, для того, чтобы после меня наследовали мои дети Елагины; — теперь Киреевские разделились и в раздельном акте отказались от моего наследства, след⟨овательно⟩, вексель уже не нужен. За это хочет он развестись (и просьбу не исполняет, и векселей не возвращает), уехать из деревни, где едва успел построить угол, в свою собственную, где не будет он иметь ничего, кроме удовольствия жаловаться и считать себя притесненным. — Не знаю, что со мной будет, и выношу невыносимое только для бедных мальчишек, которых мне неизъяснимо жаль. Но как угодно Богу! — Они не могут повинить меня ни в чем, даже в лишнем теперь слове, — я действую, как велит долг, без надежды на кого бы то ни было, с одним убеждением, что я исполняю его перед Богом, перед своею совестью и перед детьми. — Ежели у меня их отнимут, то ведь не может же быть надолго: они вырастут и будут уметь судить и соображать.

Милый брат, вот какое странное письмо мое! — я им встречаю Новый 1837 год! — Поймите, каково мне писать его, и для чего я к вам до сих пор не писала.

Дополню еще, что на расставание не только у меня не было и нет ни соизволения, ни слова, но мне не оставляют возможность действовать так или так. Меня хотят бросить, вот и всё. — След⟨ственно⟩, что бы у нас не случилось, прошу вас не винить меня, я тут просто существо страдательное, во всех смыслах.

8 янв⟨аря⟩

Предположение мое, жить в Москве с детьми, самой бедной суммой, отвергнуто под самыми оскорбительными предлогами. Я брала на себя ответственность трудную, но необходимую, ибо дети теряют и время и *способности:* я просилась почти на нищету и имею в себе довольно силы, чтобы вынести ее свободно и благодушно, — цель моя поддержала бы меня. — Притеснений здешних не имею сил выносить, слишком убивается душа, видя жестокую несправедливость утеснения от тех, чье покровительство, чья любовь была мне долгом, — действовать не могу никак, способы все отняты; — отвечайте мне, прошу вас, Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ уехал в Москву за учителем, след⟨овательно⟩, письмо ваше придет ко мне; — уничтожьте мое; я сказала вам все для того только, чтобы вы имели понятие о моей судьбе и простили мне молчание мое.

О здоровье говорить нечего, правый бок распух так, что едва хожу.

8 января

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 40, л. 1—2 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 192—192 об.—193.
Печатается по автографу.

268. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Начало или середина февраля 1837[1]

Милый брат, грустно, что я огорчила вас своим письмом, своими горестями, тогда как вы должны были перенести еще потерю, еще горесть. Я готова всякую с вас снять, а судьба дала мне еще прибавить! — По крайней мере возьмите же моё утешение, которое для вашей несравненной души все много значит, что ваше дружеское письмо подняло мне душу. Я просила вашей помощи, как утопающий просит чего-нибудь, за что ухватиться, но сама не знала, что со мной будет и чего мне ждать. — Ваша дружба и месяц, проведенный спокойно (в отсутствии Алек⟨сея⟩ Анд⟨реевича⟩, который был в Москве) — опять укрепили мою душу так, что, кажется, в состоянии поднять горы. — Буду ждать вас, чтобы объяснить и рассказать вам все, пока скажу, что, возвратившись из Москвы, путешествия, нашел он нужным изменить свое обхождение. Увидел ли он, что я там уважена и любима, или что другое,— но теперь слова нет о разлуке, и согласен отдать мне назад мои векселя, с тем чтобы я, заложивши имение свое, выкупила его имение из залога. — Учителя детям он не привез, а поручил их учение одной мне, что довольно трудно без всякого пособия, здесь даже нет книг; немецкие один Гете, что детям не чтение. — Ну, между тем надеюсь сладить, хотя с языками, если в другом ни в чем успеть нельзя. — Буду ждать вас. — На это обопрется всякое горе и переломится. — Друг мой, теперь только я узнала, что горе без собственной вины имеет убежище неприкосновенное, куда не зайдет никакая горечь. Будьте на мой счет спокойны. Что бы ни было со мной, я буду уметь перенести и уладить судьбу свою. — Я знаю, что меня упрекнуть ни в чем нельзя, а клевету я презираю. Если будет какая перемена, я вас подробно уведомлю. — Теперь от меня требуют *воспитания* детей, и если затрудняют его, то знаю одно, что никто с большей ревностью не исполнит этого дела. — Девочку я не отдала бы никому на руки, но с мальчиками мудрено. — Авось Господь поможет. — Пришлите мне ваш портрет, душа моя, ведь вы знаете, что Сиркурша отняла данный вами, опираясь на ваше приказание. — Обнимаю вас со всею благодарностью обожающей вас души.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 40, л. 3—3 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 193.
Печатается по автографу.

[1] Дата устанавливается на основании указания на «потерю», «горесть» Жуковского — смерть А. С. Пушкина, последовавшую 29 января / 10 февраля 1837 года.

269. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

24 декабря 1837[1]

Милый брат, здоровы ли вы? Что с вами? — Мы здесь испугались ужасно, услышав несчастье[2], которое вас встретило. Если уж не пощадило оно дворец Царя, то и все ваше тут же могло сгореть. По счастию, уверяют меня все, что ваша половина уцелела, а ведь то, что вы могли потерять тут, заключает всю вашу жизнь, так сказать; все привычки, все всякого рода воспоминания. — Невольно сжимается сердце. Напишите мне подробнее. — У меня опять горе: услышала, что кто-то из моих болен. Они не едут, и я эти вести узнала от Черкасова, но кто и как, не знаю. Мучительное состояние. Мойер, который вчера ввечеру от меня поехал, обещал прислать эстафету, однако я ждать ее не хочу и думаю сегодня же отправлюсь в Петрищево. Боюсь за бедную мою Машу, зачем мы с ней расстались! — Странная моя судьба! Неужели ни одного угла в сердце не останется нетронутым ранами. Простите, мое сокровище: да сохрани мне вас Бог!

24 дек⟨абря⟩

Вкладываю записку Ал⟨ексея⟩ Ан⟨дреевича⟩: он просит только Лонгинова[3] ускорить решение дела: если Афремов выигрывает[4], то и он получает какое-то имение.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 40, л. 5.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 194.
Печатается по автографу.

270. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 января 1838.

Не могу *сегодня* не написать нескольких слов к Вам, бесценный друг. Есть дни, в которые душу не удержать, так точно, как в другие она не знает, куда уйти. Сегодня праздник Иоанна Крестителя, которого жизнь с младенчества есть торжество любви, восторженное уничтожение себя; — глас вопиющего в пустыне. — От этого что ли, но мне сегодня просторнее. Я не написала вам в первый день года, но вы были с нами. Дети приехали накануне; вся семья моя так беспредельно ваша, что где два, три соберутся, там вы посреди нас: мы все обнялись в ваше воспоминание.

[1] Дата устанавливается на основании штемпеля: «1837 Декабрь». Адрес: «В Петербург. Жуковскому В. А.».

[2] *...испугались ужасно, услышав несчастие...* — Речь идет о пожаре Зимнего дворца в декабре 1837 года. См. статью В. А. Жуковского «Пожар Зимнего дворца».

[3] *...он просит только Лонгинова...* — Николай Михайлович Лонгинов (1775—1853), секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны.

[4]*.. если Афремов выигрывает...* — Личность Афремова не установлена.

Сегодня узнала, что Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ встретил год в Долбине у Киреевских: это дает надежду на возвращение прежнего нашего счастия. Согласие между ними произведет общее согласие и может уничтожить все несправедливости, от которых так тяжело страдать. — Покуда я очень, очень нездорова: сильно болит грудь и бок, по вечерам большой жар и слабость такая, что не могу иногда глаз поднять: только утрами мне немножко свободнее. Это тем скучнее, что мне никогда столько нужды не было в силах, телесных и душевных. — Надежды-то, Бог знает, исполнятся ли, а покуда я должна действовать *одна* и при каждом поступке ожидать порицания ближних и дальних и враждебного осуждения всех. В обхождении моих знакомых вижу ясно влияние худых толков и следствие несчастия, меня постигшего. — Оно как будто каменную стену взгромоздило между мною и всем миром. Хорошо, когда эта стена заслонила от огня святую храмину праведника, но той стороне, которую она предала разрушительному огню несчастья, ничуть не сладко такое *очищение*. Золото, правда, не погибнет, но пока из слитка, произведенного пламенем, выйдет опять что-нибудь годное к употреблению, много еще нужно переделу. К тому же жаль и не золота; жаль всех удобств, всех веселых украшений, цветов, убиравших мелочные подробности каждого дня, всех радостей, всех участий, всей доверчивости. — Даже вы, которые с младенчества лучшее сокровище моей души, я и с вами стала боязлива. Все сердце мое ваше, а я не смею, как Маша Дорохова[1], сказать, что целую ваши ручки и ножки. И это выкание, на которое я из всей семьи обречена, не есть ли и оно указание судьбы моей? — Нам стали обещать вас сюда, и я не смею ни желать, ни радоваться, ни верить. — Тогда бы моя жизнь переменилась совсем, и все мрачное *исчезло б, как не было*: но ни одной минуты счастие собственное не вошло мне в душу: я боюсь за вас, этой жизни хлопот, к которой вы не привыкли, этой позитивной ответственности, которая тяжела для крыльев. Святого сосуда не должно предавать мирской потребе, говорит Баратынский, и прав совершенно. — Скажите однако, прошу вас, чему должно из этих слухов верить? Будете ли вы сюда Попечителем? —

От наших девчонок чудно-милые письма получаю. Кажется иногда, будто любовь их матерей ко мне переселилась в их души. — Однако ж милый план мой вряд ли удастся.

Кати обе прислали мне свои шляпки[2], уверяя, что в деревне им не нужны. Дурочки воображают, что мне весело будет надеть то, что могло нарядить их прекрасные головки, и что их лишение легче мне перенести своего. — Авось придет и моя очередь баловать их.

Дома я еще не нашла, только по болезни, да и до сих пор не в чем и не с кем было выехать. Петр, кажется, свой дом на днях продает, чему я очень рада. Надеюсь

---

[1] *...я не смею, как Маша Дорохова...* — Мария Александровна Дорохова (урожд. Плещеева, 1811—1887), дочь А. А. Плещеева, жена Руфина Ивановича Дорохова, прапорщика Нижегородского драгунского полка.

[2] *Кати обе прислали мне свои шляпки...* — Речь идет о Кате Мойер (1820—1890) и Кате Воейковой (1815—1844).

скоро найти, и когда перееду, напишу вам адрес, а вы покуда напишите на Остоженку в доме Киреевского; или на имя Булгакова, отдать, у Красных ворот. — Только напишите, душа моя. Иногда словечко от вас нужнее хлеба насущного.

Свербеева родила дочь Ольгу очень благополучно и приписывает это вашему крестнику.

Ждем на днях сюда Языкова, которого везут сюда больного. — Надеж⟨да⟩ Ник⟨олаевна⟩ вас обнимает[1] и целует и Христос с вами! и будьте Богом хранимы. — Как вам не стыдно, в самом деле, не радоваться, что ваша храмина осталась невредима? — Ведь вы не совсем одни; вы принадлежите также России, и ваши бумаги есть тоже святыня. А все 30-летние воспоминания, которые около вас тут собраны? — Я всем сердцем благодарю Бога, что Он поберег ваше спокойствие; но это и не могло быть иначе.

Простите, между тем. Я заболталась: дети вас все обнимают и вместе со мною благословляют: Господь с вами!

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 1—1 об.—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 194—195.
Печатается по автографу.

271. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2 февраль 1838[2]

На этой почте все *просьбы*. Как вам это ни скучно, но все не столько, сколько тяжело мне. — Вы на то вельможа и должны благодушно переносить неудобства и удобства вашего положения. К тому же доброта ваша так известна, что каждому хочется оторвать себе клочек и чем-нибудь ею попользоваться. — А я за что терплю горе самое для меня жестокое: мучить вас, за спокойствие которого отдала бы все даже надежды на радости, это знает только тот, кто запрещает много любить и из наших идолов делает нам казнь.

Но без эпизодов, вот первая просьба: не можете ли вы некоему белевскому гражданину *Эпимаху Некрасову* доставить место *льняного десятского* при таможне, где оное место есть вакантное? — За честность этого человека ручается весь Белев. — Пел⟨агея⟩ Андр⟨еевна⟩ Черкасова просила[3] уже об нем Бибикова, но Бибиков в то время переместился, а теперь просит об нем Ив⟨ан⟩ Киреевский, который потому *сам* не просит, что не знает, как писать к вам. Вы столько для него сделали, что он от совести и благодарности не знает куда уйти. Заставьте его что-нибудь

[1] *Надеж⟨да⟩ Ник⟨олаевна⟩ вас обнимает* ... — Н. Н. Шереметева, см. примечание к письму 143.

[2] Дата устанавливается на основании содержания: посещение Жуковским им родных мест после путешествия по России с наследником в 1837 году.

[3] *Пел⟨агея⟩ Анд⟨реевна⟩ Черкасова просила*... — вторая жена «володьковского» барона И. П. Черкасова (урожд. Полонская).

сделать *для вас*, чтобы отраднее было переносить ваши благодеяния. Ему, слава Богу, поспокойнее и, кажется, притеснять его не станут. — Мещанин Некрасов тотчас явится в П⟨етер⟩бург, если получит надежду на место. Думаю, что это зависит от Вяземского.

Вторую просьбу заставляет писать наш милый Ермолаф[1], и если бы теперь он пришел, то написал бы вместе со мной. Здесь есть пастор Зедергольм, прекрасный человек, нравственный и умный, с большим семейством, который живет уроками и говорит иногда проповеди в Лютер⟨анской⟩ церкви. Ему хочется попасть на упраздненное место священника церкви Св. Анны, где был пастор Рейнбодт. — Выбор зависит от прихожан, вот имена их; — если из них кто вам знаком, и по рекомендации вашей его пригласят явиться в П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨ург⟩, и сказать несколько проповедей на пробу, и если потом утвердят, то это будет такое благодеяние, в котором никто не раскается.

Надобно же теперь дать вам комиссию прислать какой-нибудь чепчик или наряд, чтобы уж все разнородные скуки на вас навалить, но от этих мелочных хлопот до конца жизни моей вас освобождаю. — Наряды менее, чем когда, мне нужны: выезжать даже не на чем, пожарная команда отняла у меня лошадей за то, что я уронила солдата, не сделав, однако, ему никакого вреда, я сперва просила, теперь уж и просить не о чем, ибо прошел с тех пор месяц, но мне эта неприятность достается *несчастием*. Письма, из Белева получаемые, истинно жестоки, не знаю, что будет мне делать.

Если так продолжится, я должна буду отдать детей куда-нибудь и уехать хоть к Троице, где жить дешево.

Не нужно сказывать, что я очень нездорова. Половина ночей без сна проходит. — Вы, отрада души моей и бесценное сокровище, будьте здоровы и Богом хранимы. Мысль, что вы здесь, — то же, что совесть или присутствие Божьего Провидения. Господь с вами.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 3—3 об.—4.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 196.
Печатается по автографу.

272. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 марта 1838[2]

Милый друг, я к вам давно не писала, но, благодаря нашего доброго Ермолафа, знала об вас. Не меньше, иногда мне так необходимо знать об вас поближе, что, кажется, всю жизнь отдала бы за одну минуту свободного свидания. Неуже-

---

1 *...наш милый Ермолаф...* — А. М. Тургенев, см. примечание к письму 105.

2 Дата устанавливается на основании сообщения о жизни А. П. Елагиной в Москве в доме на Арбатской площади (зима 1838 г.).

ли мое сердце не остынет? — Мне даже это обидно и досадно, глядя на других. Только смею говорить, спустя с цепи сердце, с двумя Катями[1], а ведь между нами пространство на целую генерацию. — Нельзя ли, душа моя, мне выпросить у вас, чтобы их мне дали хоть на месяц? — Мою Катьку не отпустят, а Воейковых дадут мне наверное, если вы скажете словечко за нас. Привез бы мне их Петр Плещеев[2], на этого крепкого душою и телом человека положиться можно во всем, как на брата. — Что вы на это мне скажете? Вспомните, что я целый век практикуюсь в вечной разлуке, и что удовольствий сердечных и всяких вряд ли у кого меньше моего. Им со мной будет хорошо, за это ручаюсь своей душой; комната теперь для них есть, и мы пожили бы *вместе и повеселились*, несмотря на недостаток всех денежных удовольствий, которых и дать им не могу и без которых они со мной охотно обошлись бы.

Я наняла дом на *Арбатской площади, Савича, в прих⟨оде⟩Чудотворца Тихона*, за 3400, но 400 платит племянник Языкова, *Валуев*[3], который взял отдельных три комнаты внизу. — Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ был здесь, был доволен домом и нами, и провел целый месяц, слава Богу, без всякой ссоры и несправедливости. — О деньгах я даже говорить боялась, чтобы не разбудить чего-нибудь гадкого; право, легче жить одним куском хлеба, нежели за то, что называется спокойствием, платить стеганным гусем и бранью. — Его дружески встретили все мои приятели: Свербеевы, Хомяковы, Кошелевы, Барон и пр. — ему было это весело, и, вероятно, устыдился нас пустяками огорчать. Теперь он опять уехал в деревню до июня; — Петр отправился в Симбирск к Языкову[4]; — бедный в таком ужасном был положении, что не мог даже от слабости руки поднять. Приезд Петра оживил его, и теперь они вместе надеются приехать сюда весною, а, отдохнувши здесь, Языков отправится далее, к Коппу, вероятно, за здоровьем. Я рада, что Петр исполнил долг дружбы, два раза не живешь ведь, а страшно пропускать случай быть полезным. — Иван поживает тихонько в Долбине; вздумал было служить и спрашивал меня, нельзя ли ему надеяться получить место Унковского, начальника Благор⟨одного⟩ пансиона? Но я решительно сказала, что ему и думать об этом нечего, за что, кажется, немного рассердился. Но как же быть? — Я желала бы, чтобы он вышел из своей апатии и взял службу. С его совестью каждую должность исправлял бы он превосходно; — но для *этой* должности нужно слишком много расторопности и строгости, на что я не считаю его способным. — Прочие дети учатся, у бедной Маши все болят зубы.

---

[1] *...с двумя Катями...* — С Катей Мойер и Катей Воейковой.

[2] *Привез бы мне их Петр Плещеев...* — Петр Александрович Плещеев (1805 — ок. 1859), сын А. А. Плещеева.

[3] *...400 платит племянник Языкова, Валуев...* — Дмитрий Александрович Валуев (1820—1845), историк, общественный деятель, представитель раннего славянофильства, издатель «Библиотеки для воспитания» (1843—1844), племянник А. С. Хомякова и Д. Н. Свербеева, двоюродный брат Н. М. Языкова, близкий друг семьи Елагиных, живший с ними в одном доме.

[4] *Петр отправился в Симбирск к Языкову...* — Петр Васильевич Киреевский, друг Н. М. Языкова, опекал поэта и помогал ему в ситуации развивающейся тяжелой болезни.

Вот об нас всех вам доложила; теперь, как к вельможе, нельзя же приходить, не принося покорной просьбы: одна в оригинале прикладывается, другая вот в чем: есть одна старая генеральская дочь Арсенева; отец ее получал пенсию, эту же после получать должна была она, но из детского почтения представила на имя матери, теперь мать умерла; куда ей лучше адресовать прошение? На Высочайшее имя? или в Комиссию прошений? Научите нас, пожалуйста. Об этом просит вас Хомяков.

Далее: как не стыдно Якубовичу украсть стихи ванюшины[1], которые сочинены для кукольной трагедии детям, Андромаха, и играна на бумажном театре? После напечатаны в Деннице[2] и подписаны: «… а», будто бы девушка. Якубович все даже рифмы сохранил, только переделал вместо Греции Русь

От руки неодолимой
Тьмы Ахейцев в прах легли.
   От руки неодолимой
   Ляхов тьма во прах легли
Гектор пал за край родимой
   Встала Русь за край родимой[3]

и пр., и пр., и пр. — все, даже размер строф.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 5—6 с об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 197.
Печатается по автографу.

273. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

18 апреля 1838[4]

Милый друг, вот уже четыре месяца, как от вас не имею ни строчки! А вы, говорят, уезжаете! Куда, как, надолго ли? все это вопросы сердца, которое не привыкло биться, не получая от вас жизненного толчка, и перестанет совсем биться, если перестанет сообщаться с тем, что есть жизнь его. — Что я сделала? — Если

---

[1] *…как не стыдно Якубовичу украсть стихи ванюшины…* — Якубович Лукьян Андреевич (1805—1839), поэт, окончил Московский благородный пансион в 1826 г.; печалался в «Атенее» М. Г. Павлова, «Галатее» С. Е. Раича, привлечен к сотрудничеству в «Литературной газете» А. С. Пушкина.

[2] *…после напечатаны в Деннице…* — «Денница» — альманах, издававшийся в 1830—1834 гг. М. А. Максимовичем.

[3] *От руки неодолимой / Тьмы ахейцев в прах легли 〈…〉 Гектор пал за край родимой…* — Стихи 31, 32 и 35 из «Хора из трагедии Андромаха» И. В. Киреевского (*Киреевский И. В.* Полное собр. соч.: В 2-х т. М. Т. 2. С. 211).

[4] Дата устанавливается по штемпелю: «Москва. 1838. Апрель 18».

я виновата, скажите, поправлю, если нет, и вы просто ленитесь, так ведь это очень грустно; а у кого завалы в печенке, тому грусть трудно переваривать.

Обнимаю вас всею душою, которая с начала жизни до конца вам принадлежит.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 7.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 198.
Печатается по автографу.

274. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1838[1]

Душа моя, бесценный брат, обнимаю вас как можно крепче. Весело пересылать сердечный поцелуй через создание, подобное Милькееву[2]. Чуть ли не в первый раз вы не ошиблись в человеке. — Мне жаль, что он едет отсюда, не достигнув желанной цели, но нерешимость его происходит от такого доброго чувства, которое ручается за его поэтическую возвышенность. Он не может решиться оставить матери, у которой он один, и меняет на скучные попечения о старухе всю *надежду* на будущее свое образование. По-моему, это трогательно высоко, и тот, кто не умеет с долгом бороться, а покоряется ему всем сердцем и всею душою, тот достигнет образования, хотя бы и не говорил по-французски. — Его приняли здесь с участием и стараются расколыхать его. Шевырев необыкновенно с ним добр и возится всеми силами, также Хомяков, которого высокая душа умеет приблизить к себе все, что имеет чувства или мысль. Если бы он остался здесь, ему было б хорошо. В прежнее время я поместила бы его у себя, теперь не знаю, как примет это Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩, и не смею отважиться. Что вы не присылаете мне никакой работы? — попросите у Одоевского. Ведь, право, чем я хуже Полевого? Он этих трех языков не знает, как я.

Будете ли вы писать ко мне когда-нибудь? Надеюсь, что на праздниках вам обо мне стоскуется, и вы скажете побольше о себе.

Простите, еще раз обнимаю вас, вместе со всею вашею-моею семьею.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 9—9 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 198.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается по содержанию письма: летом 1838 г. поэт Е. Л. Милькеев, дружески принятый в литературных кругах Петербурга и Москвы, оставляет столицу и возвращается в Тобольск, «где в нищете жила его старая мать» (*Шнейдерман Э. М.* Е. Л. Милькеев. Биографическая справка // Поэты 1840—1850-х годов. Л., 1972. С. 197—198).

[2] *...создание, подобное Милькееву* — Милькеев Евгений Лукич (1815—1845), поэт.

275. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 августа 1838 года[1]

Аукнитесь, милая душа моя! Сердечный брат мой! Когда мне сносно жить, могу еще обойтись без вашего слова ласки; когда же бывает не в мочь, то слышать ваш голос, получить хоть одну родную строчку, то же, что Божья крепительная благодать. — За мной молитва не стоит; если молитва есть любовь, то я давно практикую её перед вами, и нахожусь en raison perpétuelle*, редко требуя ответа — чуда. — Но иногда необходимо душе видимое содействие моего видимого Провидения. Промолвитесь чем-нибудь! — Где вы?[2] что вы? Кого из близких вы видели? Где было хорошо вам? — Видели ли нашего доброго Шафарика, истинного славянина, преданного России, трудящегося до изнеможения и с семьей почти умирающего от нужды? — Я для него и для вас радуюсь проезду вашему через Прагу. Появление ваше там должно быть лучом счастия ему. — Не знаю, удалось ли встретить вас где-нибудь Петру моему, который отправился с Языковым в Мариенбад: Языков был почти умирающий, мы никак не могли стерпеть отправить его с наемниками на чужбину; Петр поехал с ним, покуда кто-нибудь из братьев его сменит. Иван для родин жены приедет сюда в Сентябре. А я пока пью опять чашу горечи, не подслащенную ничем. — Нападки и оскорбления, с каждой почтой получаемые, невероятны; не могу придумать иной причины, кроме теперешнего соседства, но тяжело, и тем тяжелее, что все заботы существования давят тут же — и ни одна духовная и душевная отрада не поддерживает сил. — Сестра Анна П⟨етровна⟩ в Мишенском, строит дом, но и она, кажется, меня забыла, и оттуда ей не захотелось мне сказать: Здравствуй! —

Вот я вас огорчаю своими жалобами! Не сетуйте, все это в молитвах находится, и всеми слабостями ищешь подкрепления. Прости, мой ангел, мой добрый, милый брат. Благословите нас, как мы вас ежеминутно благословляем.

Ваша Дуняша Елагина.
5 августа Москва 1838

Перевод

* в беспрерывном раздумье (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 41, л. 11—11 об.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 199.
Печатается по автографу.

[1] Дата устанавливается на основании штемпеля: «Москва. 1838. Августа 6».
[2] *Где вы?* — Жуковский в это время находился в Эмсе.

276. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Конец марта-начало апреля 1839 г. Гага[1]

Каков я кажусь вам, милая моя Авдотья Петровна? Объехал всю Европу, это продолжалось целый год, и написал к вам только раз и то несколько строк. Милая моя, вы это очень хорошо поймете, ибо вы сами ровнехонько также поступаете со мною, так же точно ко мне не пишете, имея полную для этого возможность и во сто раз более времени, нежели я, ибо мы путешествуем по-курьерски, и я не понимаю, как в этой передряге можно находить время и расположение писать письма. Но от этого мне не легче, и я точно страдаю от своей лени, которая кажется мне самою смертельною из всех смертельных моральных болезней. Мысли и чувства чахнут оттого, что не сообщаешь их тем, кому они принадлежат и кому наиболее понятны. — Что-то похожее на эгоизм (моральный паралич) закрадывается в душу, и она как будто становится глухонемою. Правда, правда, а вся эта ужасная правда не вылечит заржавевшей воли. Мы все одного покроя; у всех нас одна убийственная привычка к лени; и из этого выходит, что мы под старость становимся хуже самих себя, и эта уверенность повергает нас в уныние; по крайней мере так делается со мною. Оставим это теперь. Вот мы уже в Гаге. Вчера я здесь причащался и теперь готовлюсь к отъезду в Англию; но не совсем еще уверен, что там буду, ибо обстоятельства политические не совсем благоприятствуют нашему туда прибытию. Если не поедем в Англию, то скорее возвратимся в Россию. Теперь наш срок возвращения не далее 20 июня, а тогда, вероятно, будем к 1 июня. И знаете ли что? в половине августа мы увидимся в Москве. А на сентябрь месяц отпрошусь в Муратово. Поживем вместе на покое. Теперь пока, чтобы помирить вас хотя немного с моим молчанием и себя с вашим, посылаю вам свой, кажется, несходный, портрет, но нарисованный в Вене человеком, которого вы знаете и который помнит сердцем ваше московское гостеприимство. Это Ranftl[2], весьма хороший живописец в Вене. Взглянув на эту лысую рожу, помолите Господа Бога, чтобы оригинал ее не добрался до вас не полмертвым и не полхромым и чтобы нам еще раз блеснуло солнышко по прежнему на нашей родине и чтобы при свидании не было недочету.

Христос воскресе вам и всем моим-вашим.

Жуковский.

Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 101, л. 1—1 об. —2.
Впервые опубликовано: УС. С. 64—65 с пометой: «Печатается с копии руки Екатерины Ивановны Мойер».
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: написано из Гаги до отплытия в Англию, то есть в период с 20 марта / 1 апреля по 10 / 22 апреля 1839 года (См. дневники. ПСС2 Т. 14. С. 164).

[2] *Это Ranftl*… — Матиас Иоганн Ранфл (Ranftl Johann Matthias, 1805—1854), австрийский художник, работавший в России.

277. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

12 апреля 1839

Как я счастлива, *душа моя*, Жуковский! что вы наконец побранили меня за долгое мое молчание. Оно самой мне жестоко терзало сердце, и с самого вашего отъезда я практиковала его с горькими слезами и совсем без покорности. В великую субботу, когда все в доме спали глубоким сном, ожидая, что Иван Великий разбудил торжественным своим: Христос Воскресе! — я написала к вам восемь больших страниц; но почта шла только в понедельник, я успела перечесть письмо свое и сожгла его, испугавшись, чтобы вы за лишнюю горячность не сочли меня сумасшедшей. Давно бы пора было сердцу покрыться холодной золой, а оно даже и не головешка! — Мне стыдно вспомнить, какие волюмы пишу я к нашим дурочкам девочкам Бунинским! Но только к ним! по счастию, им от нечего делать, это не странно. — Приезжайте, бесценный брат, сюда, а отсюда к ним; потом вытащите их или, по крайней мере, двух Кать, и отдайте мне на мытарство. — Они обе стали не совсем здоровы, а я знаю, что согрелись бы на моем сердце, и поправились совершенно в раздолье материнских ласк. Они все горячо меня полюбили и не догадались сначала, что это оттого, что я (третий листок нашего Kleeblatt*) берегу в себе души их матерей. Целые три месяца нынешнего лета провела я с ними. Сестра Анна Петровна со своей премилой Машкой, осенью к 24 Ноя⟨бря⟩ я съездила туда, и Мойер обещал мне было привезти мне Катю, но заленился невообразимо и не поехал. В Феврале сестра приехала сюда ко мне и привезла мне Сашу[1], которая и провела здесь месяц comme au paradis**; говорит она. Теперь все мои дети около меня и, слава Богу, всё хорошо! Петр отвез Языкова в Ганау; промигали вас в Барейте прошлого года, и проведя с Коппом 9 мес⟨яцев⟩, наконец, возвратились, сдавши Языкова на руки брату. И для этого дружба есть долг священный, исполнению которого много он отдал жизни. — Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ все в деревне; дети учатся; иные хорошо, иные дурно. — У меня опять крепко разбаливается бок, помогает с унынием смотреть на разрушающееся во мне и около меня добро, и мешает мне работать. Я было затеяла собрание всех хороших сочинений о воспитании: Edgeworth, Hamilton, Necker***[2] с братиею и сестрами, не выключая любезной моей Леваны, писала об этом Одоевскому, но, не получа ответа, отложила свое предприятие. Оно слишком обширно, чтобы могло придти для него

---

[1] *...привезла мне Сашу...* — Воейкову Александру Александровну (1817—1893).

[2] *...затеяла собрание всех хороших сочинений о воспитании: Edgeworth, Hamilton, Necker...* — Эджворт Мария, см. примечание к письму 34; Гамильтон Елизавета (1758—1816), английский педагог, автор книг по вопросам нравственной философии, см. также примечание к письму 177; Неккер де Соссюр (Necker de Saussure, 1766—1841), французская писательница, племянница г-жи Неккер и дочь знаменитого натуралиста Соссюра. Муж ее был известным ботаником и племянником министра финансов Луи XVI Жака Неккера и кузеном Жермены де Сталь, ставшей ее подругой. Главный ее труд — «Education progressive ou Etude du cours de la vie» (1828—1832).

благоприятное время. Иван тоже было начал писать, но лень и счастие домашнее одолели. — Вашему нашествию предоставим завести и пустить в ход все пружины душ наших; вашему милому голосу вдохнуть опять жизни нашей жизни. Бесценная ваша рожица, хотя и не похожа, но всех нас до слез обрадовала; я рассылаю с нее копии — Наташе Киреевской, Катям и А. М. Тургеневу. — Есть что-то вашего *по за вашей лысины*, — и этого довольно. О, когда бы опять обнять вас, мою милую душу! Господь да сохранит вас для счастия всей нашей семьи! — Приедете в Петерб⟨ург⟩, не забудьте с Брюллова портрета сделать гравюры[1] и литографии.

Перевод

* трилистника (*франц.*).
** как в раю (*франц.*).
*** Эджворт, Гамильтон, Неккер (*англ. франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 42, л. 1—1 об.—2.
Копия: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 200.
Печатается по автографу.

На л. 2 об. карандашная запись Жуковского:

Данте
Opinions de Napoleon
⟨⟩
К княгине Ст
Живопись ⟨⟩ de ⟨⟩

M. memory 1
Only doughter of Peter Gugory
c 30 Sun 1837 age 23
brete as a bonem (borien) of respect to the
memory of the deuasord by Her mother
And ⟨…⟩ to her unvanes Kindnep
And attention a hall benu evineed
⟨…⟩ then Dante and He⟨…⟩
children and her most empa⟨…⟩
Брук чулки с башмаками
черные панталоны
чер⟨ный⟩ фрак
чер⟨ный⟩ жилет
Гринвич
Leyht

1 *…не забудьте с Брюллова портрета сделать гравюры…* — Портрет В. А. Жуковского был написан К. Брюлловым в 1839 г.

278. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

25 августа 1839 г.[1]

Попросите Мойера, чтобы непременно дождался моего возвращения, если приедет прежде меня. А я вас на всякий случай уведомляю, что мною на квартире моей оставлены разные вещи, кои там будут находиться до моего возвращения; в *противном* случае возьмите их на сохранение к себе.

25 августа
Жуковский.

На л. 3 об.: «Её превосходительству Авдотье Петровне Елагиной».

Автограф: РНБ, ф. 171 (*архив В. П. Гаевского*), *№ 225, л. 2, 3 об.*
Печатается по автографу.

[1] Дата устанавливается на основании записи в Дневнике Жуковского: с 20 августа по 10 октября 1839 года Жуковский находился в Москве, выезжая из нее в Бородино (с 25 по 27 августа) и родные места (Чернь, Муратово с17 сентября по 6 октября) (ПСС2. Т. 14. С. 181—187). Авдотья Петровна все это время была в Москве и принимала Жуковского, к ней с просьбой обратился поэт. О визите Жуковского сообщала Елагина Н. Н. Шереметевой 20 сентября 1839 г.: «С Жуковским удалось побыть долее, чем ожидала, он приехал 20е Авгу⟨ста⟩ и прямо ко мне. Нашел тут Катю Мойер, которую отец привез мне 6е число и оставил, уехавши сам в Дерпт, по делам Жуковского. Ожидая его возвращения, Жуковский был у нас до 15 Сентября, потом вместе с Мойером и Катей Воейковой уехал к Тетушке Протасовой, а Катя Мойер осталась со мною. Мойер все не здоров, и я еще в недоумении, возвратятся ли все вместе с Жуковским, пятое или шестое Октября для того, чтобы здесь провести зиму или мне придется отвезти мою Катю обратно в деревню. ⟨…⟩ Жуковский приедет сюда 5 или 6 Октября и проведет еще несколько дней; приезжайте повидаться с ним, иначе того и гляди, что осень нахмурится, и вам хотя не помешает, но повредить может вашему здоровью, что всем нам будет весьма горько» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 87—87 об.).

Письмо запечатано печаткой красного сургуча.

Публикация сопровождена письмом Л. И. Поливанова к В. П. Гаевскому

«Многоуважаемый Виктор Павлович! Я таки нашел одну интересную для вас вещь. Это — письмо Жуковского к Авдотье Петровне Елагиной. Письмо по содержанию незначительно, но важно, что оно запечатано перстнем Пушкина. Вот уже несомненное фактическое подтверждение, что *у Жуковского был тот самый перстень, который мы видим в руках Тургенева*. Письмо это мне передано Елагиной и ни у кого после того в руках не было. Получил я его в 1883 или в 1884 году. Упоминаю об этом для того, чтобы устранить всякую мысль о подделке печати на письме.

И так Жуковский одно время запечатывает письма “талисманом” Пушкина. Жаль, что на письме выставлено лишь число месяца и нет года.

С искренним уважением имею честь быть пок⟨орным⟩ слугою Лев Поливанов. Письмо это примите в собственность на память о дорогом празднике 1880 года, давшем литературе случай познакомиться с Вами, первым поставившем биографию Пушкина на прочный фундамент» (Там же, л. 1—1 об.).

279. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

6 ноября 1839 г.[1]

Что с вами делается, моя милая Авдотья Петровна? Ведь в такой натуре человечина, что сама никогда не вздумает написать ко мне; лежите себе на пуховике лени, подложив себе под голову голик беспечности, с прилипшими кое-где банными листами письмофобии. — Лежите себе, да и только, да еще и припеваете *потыщили коряку* и пр. Хорошо петь, да надобна и совесть. А что же вы мне скажете о себе, о Катьке Мойер и самом господине Мойере? Ведь это все, слава Богу, очень мне нужно знать. Я люблю ученость и занимаюсь с огромным успехом литературою. Вот как! а мы *теперь-де* (какое сладкозвучное окончание и слияние симпатических произносительных казусов!) едем из Царского Села в Петербург! У нас — Слава Богу все здоровы. Никаких особенных происшествий нет. Только иногда, благодаря ясной погоде и солнцу, которые теперь, яко Феб, светит в мое окошко на чердаке, на дворе происходит учение с пальбою. И зрителей бывает много говорят, что хорошо. Я этого не знаю, я живу тихо и никого не трогаю. И хочу быть просто частным человеком. Простите.

Ж.

Автограф: РГБ, ф. 99, к. 6, № 63, л. 8.
Печатается по автографу.

280. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 ноября 1839 года[2]

Нет, я не пою вашей приятной песенки, милый друг Жуковский! Слава Богу, что она у вас поется. Я не писала к вам по важным причинам, исключая лени: Первая та, что господин Мойер с моей Катей уехал очень скоро после вас, и, следовательно, не замедлили дать о себе знать. Катя не ленится и дорожит вашим желанием читать ее вараксанье. — Вторая — я была очень больна. Почти две недели продолжалась у меня горячка, которая оставила молочницу во рту и слабость еще до сих пор. Когда я встала, занемогла моя Маша, а теперь, не совсем справившись, улетела вместе с братом своим Петром в Бунино, по настоятельному

---

[1] Дата устанавливается на основании штемпеля: «С. Петербург. 6 ноября 1839». Адрес: «Ее высокоблагородию Авдотье Петровне Елагиной в Москве у Арбатских ворот, в приходе Тихона, в доме Госпожи Савич».

[2] Датируется на основании штемпеля: «Москва, 1839, Ноября 23); письмо — ответ на послание Жуковского от 6 ноября 1839 года. Адрес: «В Петербург Его превосходительству Федору Ивановичу Прянишникову.

Прошу доставить Василию Андреевичу Жуковскому».

требованию Тетушки. Лишь бы доехала хорошо, а вместе им будет славно. Далее писать нехорошее к вам, таким хорошим, не хочется. У меня всё не ладно. В Петрищеве Алек⟨сея⟩ Андр⟨еевича⟩ застал скотский падеж, и присутствовал при кончине 500 отличных коров, это отзовется лет на пять или больше. Нынешний год решительно живем на заемные деньги и, кажется, то же придется в будущем. Кроме забот и скуки за всякий денежный недостаток, я терплю еще горькие упреки. — По милости вашей, душа моя, у нас хоть повидимому было недурно, теперь опять начинаются вылазки и нападения, тем более тяжелые, что никогда ничем не отражаются. Но не очень обо мне тужите, я выучилась молиться. Нельзя ли вам достать мне работу. Одоевский некогда обещал и приглашал меня на общее дело. Кстати, к Одоевскому, теперь он не ценсор, след⟨ственно⟩, вы можете приказать ему похлопотать, чтобы из ценсуры выслали в Московскую присланные туда книги Петра Киреевского; там нет ни одной скабрезной, польские, печатанные в Вильне недавно, и Чешские песни и стихи. Из здешней ценсуры послали в Петербург, потому что здесь никто не умеет читать по-Польски, Чешски и Сербски, а там их, вероятно, забыли и не возвращают. — Об этом я вас прошу в таком случае, когда это вам не трудно, иначе будто бы не просила. — Обнимаю вас, мой хранитель. Ангел, когда будет на сердце полегче, тотчас напишу к вам какую-нибудь каряку. Поделитесь тем, что

Феб вам в окошко сказал[1].

Ваша Д. Елагина 22 Nоября

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 1—2 с оборотами.
Печатается по автографу.

281. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

7 дек. 1839[2]

Ваше письмо заставило меня вспрыгнуть от радости, бесценный друг: я очутилась в кругу деятельном, писательном и бесконечном. Немедленно полетела купить французский перевод Galland[3], увидела там за 1001 ночью 1001 день, по-

---

[1] …*Феб вам в окошко сказал* — Отклик Авдотьи Петровны на строку из письма Жуковского, см. письмо 279.

[2] Дата устанавливается на основании содержания письма: в 1839 г. началась работа над переводом «Тысячи и одной ночи».

[3] ...*французский перевод Galland*... — Галлан А. (Galland), автор старейшего французского перевода «Тысячи и одной ночи» (1704—1717) (См.: *Крымский А*. К литературной истории «1001 ночи» // Юбилейный сборник В. Миллера. Труды Этнографического Отделения Моск. Общ. Любителей Естеств. М., 1900 год. Т. XIV).

том купила книгу Зендабада т. е. Султанша и Визирь, перевода Petit de la Croix[1]; потом басни Budnaud[2], потом Jardin des Roses, Saadi[3], — и вся моя радость исчезла. — Не страшно нам двум женщинам переводить с французского, немецкого, английского *Арабские* сказки? — Правда, их рассказывала тоже женщина, и язык ее легок, и нам доступен, но что скажут ориенталисты? — Подумайте об этом, душа моя, и из желания добра нам, не сделайте вреда себе. — Переводить я готова все, что только переводится, даже цыплят. Немецкого экземпляра жду. Английского здесь нет, я об нем написала к Анне Петр⟨овне⟩[4], отправив к ней письмо ваше. Французский и русский лежат у меня на столе. — Далее, для библиотеки сказок: у Гримма есть чудесное предисловие о народных сказках[5], его можно перевести при этом издании, прибавив и свое. Это дело я задам Петру, когда он возвратиться из Бунина, Иван не берется и уверяет, что не умеет бросать взгляды. Петр же потонул в народности, в песнях и сказках. Если за Гриммом, Perrault'ом, Музеусом, пойдет Фантазус, то почему и не Гофман?[6] — Брембилла и Цахес[7] и прочие конфекты? — А Шпис? Ламот-Фуке?[8]

Что же касается до библиотеки романов, то тут мир бесконечный, лишь бы только можно было уговориться со Смирдиным. Гете! один Гете чего стоит! Иван

---

[1] *...купила книгу Зендбада, то есть Султанша и Визирь, перевода Petit de la Croix...* — Синдбад-Намé (Синдбадова книга) в переводе Пети де ля Круа «Les 1001 jours» (См.: *Пыпин А. Н.* Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских // Уч. Зап. Академии наук. 1858. Кн. IV).

[2] *...потом басни Budnaud...* — Биднай — ему приписывают собрание басен и рассказов, которые более полутора тысячи лет распространены среди всех народов Востока и Запада.

[3] *...потом Jardin des Roses, Saadi...* — Саади (1203—1292), персидский поэт и мыслитель, автор «Сада роз».

[4] *...написала к Анне Петровне...* — Анне Петровне Зонтаг, сестре А. П. Елагиной, вместе с которой она осуществляла проект издания перевода «1001 ночи».

[5] *...у Гримма есть чудесное предисловие о народных сказках...* — Братья Гримм (Grimm): Якоб (Jacob 1785—1863) и Вильгельм (Wilhelm 1787—1859), величайшие филологи-германисты XIX столетия. Предисловие к сборнику «Deutsche Sagen» (1816—1818).

[6] *Если за Гриммом, Perrault'ом, Музеусом, пойдет Фантазус, то почему и не Гофман?* — Перро Шарль (Perrault Charles, 1628—1703), французский поэт и критик, автор «Сказок моей матушки Гусыни, или Истории былых времен с поучениями» («Contes de ma mere l'Oge, ou Histoires et contes de temps passé avec des moralités», 1697). Из этого собрания сказок В. А. Жуковский перевел «Кота в сапогах». *Музеус* Иоганн Карл Август (Musäus 1735—1787), немецкий писатель, автор «Volksmärchen d. Deutschen», (1782—1787), куда вошли «Легенды о Рюбецале». *Фантазус* — название произведения немецкого писателя-романтика Людвига Тика. *Гофман* Эрнст Теодор Амадей (Hoffmann, Ernst Theodor Amadeus1776—1822), немецкий писатель и музыкант.

[7] *...Брембилла и Цахес...* — А. П. Елагина имеет в виду рассказы Гофмана «Принцесса Брамбилла» и «Крошка Цахес».

[8] *А Шпис? Ламот-Фуке?* — Христиан Генрих Шпис (Spiess Christian Heinrich, 1755—1799), немецкий писатель, автор романа «12 спящих дев», переведенного в стихах Жуковским; Фридрих де ла Мотт Фуке (Friedrich Freiherr de la Motte Fouqué 1777—1843), барон, немецкий писатель, автор «Ундины», переведенной на русский язык Жуковским.

будет переводить Вильгельма Мейстера прозу, а вы стихи, то и будет и будет кон. — Нужно все его романы.

Wilhelm Meisters Lehr und Wanderjahre[1],
Wahlverwand-schaft[2],
Dichtung und Wahrheit[3],
Werter[4], переведенный у меня.
Затем Jean Paul[5], один или два романа.
С итальянского еще не переведено у нас Манзони: Обрученные[6].

С французского несть числа, с Англинского тоже. Пишите только заглавия, а мы разделим честно и прилежно будем доставлять манускрипты. Условия чего же лутче? 100 р. за лист печатный и деньги по доставлении манускрипта, а не по печатании. — Рядом с этой библиотекой, куда должны входить и Коринна, и Дельфина[7], и Стелла[8], и Servitude et Grandeur militaire[9] и пр., и пр. — почему нейти и еще одной библиотеке, которой вы хотели сделать *планиметрию* Библиотеке для воспитания.

Локк[10],
Эмиль[11],
Miss Edgewort[12],
Miss Hamilton[13],
M. de Guizot[14],

---

[1] *Wilhelm Meisters Lehrjahre und Wanderjahre* — «Годы учения и странствий Вильгельма Мейстера» (1795—1820), роман Гёте.

[2] *Wahlverwandtschaftt* — «Избирательное сродство» (1809), роман Гёте.

[3] *Dichtung und Wahrheit* — «Поэзия и правда» Гёте.

[4] *Werter* — «Вертер» Гете; роман был переведен Н. М. Рожалиным.

[5] *Затем Jean Paul* — Жан-Поль Рихтер (1763—1825), немецкий писатель, см. примечание к письму 277.

[6] *Манзони: Обрученные* — Роман «Обрученные» (1825—1827) итальянского писателя А. Мандзони (Manzoni, 1785—1873).

[7] *...и Коринна, и Дельфина...* — романы французской писательницы Анны Луизы Жермены Сталь де (Staël, Anne Louise Germaine de, 1766—1817).

[8] *...и Стела...* — драма Гете («Stella», 1775).

[9] *...и Servitude et Grandeur militaire* — произведение французского писателя — романтика Альфреда де Виньи (Alfred de Vigny 1799—1863).

[10] *...Локк...* — Джон Локк (John Lock 1632—1704), английский философ-сенсуалист, просветитель, политический мыслитель, педагог, автор ряда педагогических сочинений: «О воспитании разума» («Of the conduct of the understanding»), «Некоторые мысли о воспитании» («Some thoughts concerning education»); сторонник воспитания разносторонних способностей человека, включающих развитие физического и нравственного здоровья.

[11] *...Эмиль...* — педагогический роман Ж.-Ж. Руссо.

[12] *Miss Edgeworth* — См. примечание к письму 34.

[13] *Miss Hamilton* — См. примечание к письму 277.

[14] *M. de Guizot* — Полина Гизо, см. примечание к письму 177.

M. de Campan[1],
Fenelon, *Educ. des filles*[2],
M. de Lambert[3],
M. de Necker Saussure[4],
Aimé-Martin,
Levana[5] etc., etc., etc.

Душа моя, вот вам открытое для нас поприще, пустите только!! — ответа ожидаю с нетерпением, а уже надежда на все это оживила меня. Маша и Петр в Бунине у наших, не знаю, когда возвратятся. — И я здесь горевала на похоронах Раевской, которой глазки вам блестели; belle soeur* Орловой[6]. — Орловы вам кланяются. — Здесь ждут чуму, присланную предтечу свою, голода; поспешите же уговориться с Смирдиным, чтоб и нам досталось на переводы.

Перевод

* золовка (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 3—4 с оборотами.
Впервые частично опубликовано: УС. С. 65.
Печатается по автографу.

---

[1] *M. de Campan* — Кампан Жанна Луиза (Campan Jeanne Louise de Henriette, 1752—1822), известный французский педагог, была воспитательницей дочерей Людовика XV, построила школу-интернат для девочек, где обучалась дочь Наполеона, который назначил мадам Кампан руководителем Имперской Академии Образования, основанной для образования дочерей членов Легиона Чести; автор нескольких педагогических трудов и «Мемуаров о Марии Антуанетте».

[2] *Fenelon Educat. des filles* — Фенелон Франсуа Салиньяк де Мотт (Fenelon, François de Salignac de Lamette 1651—1715), французский писатель и педагог, автор труда «Воспитание девушек».

[3] *M. de Lambert* — Ламберт Анна-Тереза (Anne-Thérèse de Marguenat-de-Courcelles, Marquise de Lambert, 1647—1753), хозяйка литературного салона, называемого современниками «прихожей Французской академии», посетителями которой были Фенелон, Монтескье, Жермена де Сталь; автор трудов по проблемам женского образования и воспитания (Avis d’une mere à sa fille, 1728).

[4] *M. de Necker-Saussure* — См. примечание к письму 277.

[5] *Levana* — см. примечание к письму 177 и примечание 5 на с. 469.

[6] *...горевала на похоронах Раевской 〈...〉 belle soeur Орловой* — Екатерина Петровна Раевская (урожд. Киндякова, 1812—1839), с 1834 года жена А. Н. Раевского, подозреваемого в участии в декабристском движении, сына героя Отечественной войны Н. Н. Раевского. Екатерина Николаевна (1797—1885), золовка Раевской, сестра А. Н. Раевского, была замужем за декабристом М. Ф. Орловым.

282. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

9 декабря 1839[1]

Вчера получила немецкие издания Тысячи и одной ночи; благодарю вас, мой Ангел. Левальдово превосходно[2], и думаю всего лучше переводить прямо с него, немного сообразясь с другим Habicht'овым [3] и с французским. Я начинаю сегодня и мысленно приняла ваше благословение. Только начинаю не с начала: вы не прислали его, а прислали 96 страниц 2 тома, от 1-й до 12-й (*1 нрзб.*). Если вы второй том послали Анне Петровне в Одессу, то, вероятно, ей послали начало первого, если не послали, то перемешали в лавке. Уведомьте меня об этом, душа моя, чтобы мы могли обменяться. — Я буду переводить целиком из издания Левальда, если же что не так покажется, то вариантом переведу из иных, а вы уже сами увидите, как и что оставить. — Послали ли вы конец ночей в Одессу? Я ведь столько же должна отправить других всяких изданий. Ну, ежели бы можно издать с такими же виньетками наше? — Простите и отвечайте же мне поскорее. Мне теперь, по милости вашей, весело, весело, весело.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 7.
Печатается по автографу.

283. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

8 января 1840 г.[4]

Душа моя, отчего вы едете в чужие края? Кто болен? — Моя душа смутилась, и многие обители ее не устраивают: чем больше пространство, тем хуже. — Здоровы ли вы? Что это у вас делается? — Ведь я живу не в мире, моя болезнь отстранила от меня всех и не знаю ничего, что происходит. — На самом ли деле едете? — С вами отнимают у меня мое Провидение: вы сами видели, как одно слово участия вашего изменило для меня многое. Вы даже не подозреваете, как единственно живу мыслию об вас, любовью благодарной под вашим покровом.

[1] Дата устанавливается на основании содержания письма: в 1839 году Елагина вместе с сестрой А. П. Зонтаг предпринимала работу над переводом «Тысячи и одной ночи».

[2] *Левальдово превосходно…* — издание «Тысячи и одной ночи»

[3] *…немного сообразясь с другим Habicht'ством…* — Речь идет об издании немецкого перевода «Тысячи и одной ночи» Habicht u. v. Hagen (1824—1825); полное арабское издание предпринято в Бреславле (1825—1839, т. 1—8).

[4] Дата устанавливается на основании содержания: активные переговоры со Смирдиным шли во второй половине 1840 — начале 1841 года и завершились заключением договора между В. А. Жуковским и А. Ф. Смирдиным об издании Библиотеки народных сказок 2-го марта 1840 года (См.: Условия заключения договора В. А. Жуковского со Смирдиным о печатании Библиотеки народных сказок // ПД, ф. 16005, л. 1—1 об.—2).

Сделайте милость, отвечайте мне и объясните. Для здоровья я сама должна бы в Карлсбад, но мне невозможно. — Третьего дня послала к вам условие, я ждала от сестры и от Бога, и она вам очень благодарна за все, огромоздное это для нас. Кому посылать манускрипты? — Нельзя ли с Смирдиным самим сноситься?[1]

Гоголю доставила письмо. Простите, обнимаю вас.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 44, л. 1.
Печатается по автографу.

284. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17 февраля 1840 года[2]

Поздравляю вас, милая Дуняша, с Новым годом. Благослови его для вас Бог; прошу за меня обнять всех ваших. Да прошу не лениться и уведомить меня поскорее, на чем вы решились, чтоб я мог все дело оболванить с Смирдиным[3]. Приложенное письмо отдайте поскорее Гогольку. Возьмите от него поскорее мне ответ. Ведь мне опять ехать за границу надобно, чтобы все было до тех пор кончено. Написали ли вы к Анне Петровне? Если нет, глюпо. А я все-таки ваш.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 85.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 110.
Печатается по копии.

---

[1] *Нельзя ли с Смирдиным самим сноситься?* — Александр Филиппович Смирдин, см. примечание к письму 266.

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «СПб. 17 февр⟨аля⟩ 1840». Адрес: «Е. В. Авд. П. Елагиной. В Москве у Арбатских ворот, в приходе Тихона, в доме Г-жи Савич».

[3] ..*чтобы я мог все дело оболванить со Смирдиным* — 2 марта 1840 года были подписаны «Условия заключения договора В. А. Жуковского со А. Ф. Смирдиным о печатании народных сказок». Следуя этим условиям, «Жуковский обязуется до окончания издания доставлять ему ⟨Смирдину⟩ переводы, избирая для них переводчиков». «Библиотека сказок должна состоять: 1е. Из Русских сказок. 2е. Из сказок европейских народов: Немецких, Французских, Английских, Итальянских и других. Сюда входят и предания их народов. 3е. Из сказок Восточных народов: тысяча одной ночи, тысяча одного дня и другие» (ПД, ф. 16005, л. 1—1 об.).

285. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, 21 декабря 1839 года[1]

Прошу вас вложенное письмо доставить немедленно и сказать Гогольку, чтобы так же немедленно отвечал. А к вам буду писать в субботу. Этот день назначен мною для писем. На что послали вы к Анне Петровне 1001 ночь? Ведь нельзя будет разом двух книг печатать. Лучше бы приняться за *Русские сказки*, чтобы оригинальное шло с переводным. Но об этом после.

Жуковский.
21 декабря

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 87.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 110.
Печатается по копии.

286. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17 февраля 1840 г. СПб.[2]

Милая Авдотья Петровна, посылаю вам еще кипу книг. Условие с Смирдиным[3] пока сделано на словах и означено в простой записке, которую я от него имею. Теперь пока запаситесь переводом 1001 ночи. Как скоро будет готов том на десять

---

[1] «При первой публикации, как и в копии, указана дата: «21 января 1840 года». Представляется, что при копировании с автографа месяц был прочитан неправильно. Письмо скорее всего написано 21 декабря, поскольку 1) в нем содержится ответ на сообщение Авдотьи Петровны в письме от 9 декабря 1839 года, что она отправила часть работы над переводом в Одессу к сестре Анне Петровне (Жуковский спрашивает: «На что послали вы Анне Петровне 1001 ночь?»); 2) в письме от 8 января 1840 года Авдотья Петровна, отвечая на данное письмо, сообщает, что поручение («вложенное письмо доставить немедленно и сказать Гогольку 〈…〉»), исполнено. Следовательно, данное письмо могло быть написано в период с 9 декабря 1839 года по 8 января 1840 года, следовательно, 21 могло быть только в декабре 1839 года (Примечание И. А. Бычкова. РБ, С. 110).

[2] Дата устанавливается на основании штемпеля: «СПб., 12 февраля 1840».

[3] *…кипу книг. Условие со Смирдиным…* — «Кипа книг» и «условие со Смирдиным» объясняются так. В конце 1839 г. Жуковский предложил Авдотье Петровне и ее сестре Анне Петровне Зонтаг, жившей в Одессе, заняться переводами сказок разных народов; Смирдин был готов издать целую «Библиотеку сказок». Предложение было принято с восторгом; особенно горячо взялась за дело Авдотья Петровна, которую в это время угнетали семейные дела и материальные заботы. Письмо Жуковского с планом издания не сохранилось, но из письма Елагиной от 7 дек. 1839 г. видны многие его черты. На первый раз Жуковский предлагал перевести «Тысячу и одну ночь», причем рекомендовал обращаться сразу к французскому, немецкому, английскому и старому русскому переводам. За сказками, по-видимому, должна была следовать библиотека романов (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 65).

печатных листов, доставляйте его сюда. Я попрошу, чтобы в мое отсутствие Петр Александрович Плетнев был посредником[1] между вами и Смирдиным. Я еду через две недели; главная квартира моя будет в Дармштате. Надолго ли — не знаю сам. Адресуйте ко мне письма на имя Е. П. Федора Ив⟨ановича⟩ Прянишникова[2]. — Я еще напишу вам прежде отъезда, чтобы уведомить о Плетневе. А вас прошу прислать мне еще того табаку, который был прислан в последний раз; коробки четыре. Адресуйте на имя Прянишникова. Может быть, еще успею получить до отъезда, мы едем во вторник на 1-й неделе. Обнимаю вас и всех.

Жуковский.
17 февраля

На обороте: «Е. В. Авд. П. Елагиной в Москве у Арбатских ворот в приходе Тихона в доме г. Савич. Печать почтамта: СПб., 12 февраля 1840».

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 86—86 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 65.
Печатается по копии.

287. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

17 февраля 1840[3]

Мы догадываемся, душа моя, что вы сделаны по крайней нужде министром, но из приличной вам скромности не хотите сказать: вот уж три недели обещаете мне написать *завтра*, а я между тем в смущении и думаю, что 1001 ночи не возьмут еще нового перевода, ибо переведенный в 1839-м году сличен и с Английским, и с Французским, и прямо с Габихта, со всеми нужными примечаниями. Ожидая с нетерпением подтверждения условия, я было разбила вдребезги свою глупую голову, но Бог сохранил вам вашу сестру истинным чудом, для того, чтобы она вас продолжала обожать. — Маша Дорохова, вероятно, вам рассказала мое приключение, от которого еще до сих пор хромаю, а, может, и навсегда останусь хромой. Но если бы тут же не пострадал мой больной бок, то это бы ничего не значило: стоит отказаться от танцев! — Вчера, ко всем прочим горестям, легло у меня на сердце еще новое: Гоголь просил меня взять его бедненьких сестер[4], а мне и некуда,

[1] *...Петр Александрович Плетнев был посредником...* — Петр Александрович Плетнев (1792—1865), поэт, критик, профессор и ректор Петербургского университета.

[2] *Адресуйте ко мне письма на имя Е. П. Федора Ив⟨ановича⟩ Прянишникова* — Федор Иванович Прянишников (1793—1867) санкт-петербургский почт-директор, заступил место после смерти К. Я. Булгакова.

[3] Дата устанавливается по содержанию: в письме речь идет о начатой работе над переводом «Тысячи и одной ночи».

[4] *...Гоголь просил меня взять его бедненьких сестер...* — «Гоголь, сестры которого в то время кончили свое воспитание в институте, хлопотал поместить их, перед своим отъез-

и нечем. Кате больной могла я отдать свою постель и спать на полу, а *жить* так не приходится! Для того же, чтобы иметь возможность иметь каждому *свой* уголок в доме, нужен не такой дом, какой я нанять не в состоянии. Необходимость отказать ему и себе в счастии быть бедным Гоголицам полезной огорчает меня неизъяснимо; буду стараться поместить их у кого-нибудь доброго (напр⟨имер⟩, Кат⟨ерина⟩ Фед⟨оровна⟩ Муравьева), но знаю, что у меня им было бы лучше, они нашли бы любовь и прямое участие. Ведь он Диканькин! Не больно ли беспрестанно видеть сколько блага зависит от этой мерзости: денег! — И как душа, горящая желанием пользы и добра, недостаточна? — Например, г-жа Певцова мадеет преспокойно на месте, к которому не имеет ни малейшего призвания, а для других было бы царство небесное по той пользе, которую можно бы сделать.

Я собиралась в Бунино, привезти сюда Катек, которых мне обещали, но мое падение все расстроило, послала туда к Тетушке сватовство от Пирогова[1]; кто знает, как оно будет принято господином Мойером. Меня это так тревожит, что кажется, будто опять сватается Гаврило Петрович Апухтин[2]. — Простите, мое милое сокровище. Будьте здоровы и напишите и об министерстве вашем, и об отъезде, и надолго ли и пр.

Ваша Дуняша.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 8—8 об.—9.
Печатается по автографу.

288. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

После 17 февр. 1840года[3]

«1840-го году, так же как и 1800-го, так же, как весь ряд последовавших годов, несравненный ни с кем, вечно обожаемый мой Жуковский, ныне и присно

дом в Италию, к кому-либо из хороших своих знакомых. 29 декабря 1839 года Гоголь писал к А. С. Данилевскому: «Я был в Петербурге и взял оттуда сестер. Они будут жить в Москве; где-нибудь я их пристрою, хоть у кого-нибудь из моих знакомых, но лишь бы они не знали и не видели своего дома, где они пропадут совершенно» (Письма Н. В. Гоголя, т. II, с. 21). В конце концов одна из сестер Гоголя, Анна Васильевна, уехала к матери, а другую, Елизавету Васильевну, ему удалось устроить в доме П. И. Раевской (Там же, с. 38—39)» (Комментарий И. А. Бычкова. РБ, 1912, № 7—8. С. 112).

[1] *...сватовство от Пирогова...* — Николай Иванович Пирогов (1810—1881), «известный хирург и педагог, в 1840-м году занимавший кафедру хирургии в Дерптском университете (на которую был избран в 1836 году по представлению И. Ф. Мойера); сватался к Е. И. Мойер, но сватовство кончилось отказом». (Примечание И. А. Бычкова. РБ, С. 112).

[2] *...сватается Гаврило Петрович Апухтин* — Гавриил Петрович Апухтин (1774—1834) — знакомый Елагиной и Жуковского по Муратову, представитель старинного дворянского рода, внесен в VI часть Орловской губернской родословной книги.

[3] Датируется как ответ на письмо В. А. Жуковского от 17 февраля 1840 года

и во веки Аминь!» — Хотела начать и кончить одним сухим делом (которое, между прочим, совсем не сухо), то только успела написать год, как и прорвало! Что делать с сердцем, душа моя? Как его ни дави и горем, и заботами, и разлукой, и болезнью, и годами, а оно все так же горячо, и также иногда с ним не совладаешь: простите мне мое восклицание; за сим следует порядок.

Посылаю вам условие, которое вы гораздо лучше моего сделаете, ибо у вас там на лицо требование Смирдина. Мы написали только пункты, вами же изобретенные и превосходные! Смирдин может требовать некоторого порядка в доставляемых манускриптах, и вы сами увидите, как с этим распорядиться. Сестра Анна Петр⟨овна⟩ очень рада, и я послала ей Mille et un jour*, первые для того, чтобы не было излишней пестроты в слоге, если одно сочинение переводить двум; второе потому, что Weilt'ва переводу вышла одна только первая часть[1], а третье, и главное, потому что в 39 году напечатан Русский перевод, довольно порядочный, с издания Habicht u. v. Hagen[2] со всеми примечаниями и выписками. — Знает ли об этом Смирдин, и главное, пренебрегает ли этим? Срок нашим манускриптам назначьте какой хотите, через два месяца, конечно, каждый может представить 10 листов, но это зависит, думаю, от соизволения Смирдина.

Мне обещают предисловие Григоровича, известного нашего Ориенталиста[3] на 1001 ночь и доставят все нужные дополнения и замечания.

Вот какие известия сообщил мне Петр Киреевский об источниках сказок[4]:

Graf Mailattur, Madyarische Sagen[5],

Märchen und Erzäungen, 2 Bänd u. Fübbins 1837[6],

Georg v. Gaal. Märchen des Magiaren, Wien, 1822[7].

Franz Liska. Őesterreichishe Märchen[8]

---

[1] *...Weilt'ва переводу вышла одна только первая часть...* — Перевод «Тысячи и одной ночи» с арабского Г. Вейля (1837—1842).

[2] *...с издания Habicht u. v. Hagen...* — немецкое издание «Тысячи и одной ночи» (1824—1825).

[3] *Мне обещают предисловие Григоровича, известного нашего Ориенталиста...* — Иван Иванович Григорович (1792—1852), археолог, учился в духовной академии, был придворным протоиереем, редактировал I—IV тома «Актов исторических» и 4 тома «Актов, относящихся до истории Западной России» (М., 1824).

[4] *Вот какие известия сообщил мне Петр Киреевский об источниках сказок* — Сохранился автограф обширного библиографического списка П. И. Киреевского, положенного в основу письма А. П. Елагиной (РГБ, ф. 99, к. 1, № 22, л. 7—7 об.).

[5] *Graf Mailath Madyarische Sagen* — Граф Майлат (Mailath Johann von, 1786—1855), венгр, поэт, фольклорист, историк, издал «Мадьярские легенды» (Madyarische Sagtn und Märchen. Brunn, 1825).

[6] *Märchen und Erzäungen, 2 Bänd u. Fübbins 1837* — Сказки и рассказы, 2 тома, Фюбинье, 1837.

[7] *George von Gaál. Märchen der Madiaren, Wien, 1822* — Георг Гааль, поэт, фольклорист, историк. Венгерские сказки. Вена, 1822.

[8] *Franz Liska. Oesterreichishe Märchen.* — Лиска Франц. Австрийские сказки (Oesterreichishe Märchen Comotesse d'Aulney. Cabinet des fées).

Perrault Contes de ma mère l'Oge. Cabinet des fées[1], оттуда выбор

Straparolla Notte oiacevole Venezia 1550[2].

Это драгоценное и лучшее собрание сказки, но его вряд ли достать возможно в оригинале, в переводе:

Die Nächte der Straparolla v. Caravagio, Wien, 1791[3]

Märchensaal Smith Berlin, 1817[4], в первой части перед Страпоролевых ночей —

Giambatista Basile Le Pentamerrone. –1637[5]

Grimm Deutcsche Kinder u. Hausmärchen

-||- Sagen -||- 2B 1816[6]

Это сокровище и по изящному выбору, и по верности, и по учености примечаний.

Otmar Deutsche Volksagen. 1800[7]

Büsching Volksagen, Märchen und Legenden. 1812[8]

Gooschalk Volksagen. 1814[9]

Philippo v. Steinau. Volksagen d. Deutschen 1838[10]

Goldsmith Deutche Volkblümen. 1838[11]

---

[1] *Perrault Contes de ma mere l'Oge. Cabinet des fees* — Перро Шарль (Perrault, 1628—1703), французский писатель и поэт. Сказки матушки гусыни.

[2] *Straparolla Notte oiacevole Venezia 1550* — Джованфранческо Страпаролла да Караваджо. «Приятные ночи» — книга новелл (I — 1550, II — 1553).

[3] *Die Nächte der Straparolla v. Caravagio, Wien, 1791* — Ночи Страпороллы Караваджио, Вена, 1791.

[4] *Märchen-Saal Schmidt Berlin, 1817* — Сказочный зал. Берлин 1817. Шмидт Фр. и Мария Вильгельмина.

[5] *Giambattista Basile Le Pentamerrone. — 1637* — Жамбатиста Базиль (1575—1632) итальянский поэт и новеллист. Пентамерон, или Сказка всех сказок (1637) — первая в европейской литературе художественная обработка народных сказок. В ней черпали вдохновение более знаменитые сказочники — братья Гримм, Ш. Перро, Л. Тик.

[6] *Grimm Deutcsche Kinder u. Hausmärchen — Sagen — 2B. 1816* — Братья Гримм (Якоб и Вильгельм) Немецкие сказки для детей: в 2-х томах 1816 (Die deutschen Sagen der Brüder Grimm. Berlin; Leipzig; Wien; Stuttgart, 1816—1818).

[7] *Ottmar Deutsche Volksagen. 1800* — Отмар Карл (Ottmar Karl, псевдоним Nfchtigall соловей). Немецкие народные сказания. 1800.

[8] *Büsching Volkssagen, Märchen und Legenden. 1812* — Бюшинг (Büsching Johann Gustav, 1783—1829), историк литературы, профессор археологии, создатель «Музея древненемецкой литературы и искусства»» (1809—1811). Народные сказания. 1812.

[9] *Gottschalck Volksagen. 1814* — Готтшальк (псевдоним Ferdinand Müller Kaspar Friedrich), архивариус, фольклорист. Народные легенды (Die Sagen und Volksmährchen der Deutschen. Halle. 1814).

[10] *Philipp von Steinau. Volksagen d. Deutschen 1838* — Штайнау Филипп фон. Немецкие сказки 1838.

[11] *Goldsmith Deutche Volkblümen. 1838* — Голдсмит. Немецкие сказки 1838.

Sagen u. Sagen… des Hürings Lands v. Bechstein 1837 4 Bände[1]
Millers, Sagabibliothek des Scandinavische Alterhums, Übersetzt v. Lachman[2]
Fairy legends and traditions of the Southy of Ireland de Groceo. — 3 v.[3]

Если бы делать *ученое* издание, то можно бы многое отыскать и уладить. Напр⟨имер⟩, сказки наши и *всех* народов совершенно одни и те же по содержанию, но *местность* придает каждому народу свой особенный колорит, и любопытно бы сличить их все вместе и издать как бы варианты одна другой. — Но это же не денежное предприятие и, вероятно, Смирдину не годится. — Назначьте, что нужно переводить. Сестра Анна П⟨етровна⟩ не берется доставать ни одной книги, говорит, что наше дело только работать.

Теперь в дополнение скажу несколько слов о себе. Вы, душа моя, этим предприятием сделали мне нечаянное *благодеяние*. Нынешний год мы находились в ужасном положении, Ал⟨ексей⟩ Ан⟨дреевич⟩ не только не может мне ничего дать, но должен на заемные деньги кормить мужиков. У него вся скотина пала, и так же, как везде, голод. С весной ждем еще худшего, но власть Божия, лишь бы не унывать. — Я опять была больна, и теперь еще глаза болят очень. — Петр и Мария в самый новый год возвратились из Бунина, где провели полтора месяца. Катя Мойер все больна, и ее все не лечат. Для чего не отдадут ее мне? Мое сердце ее бы вылечило.

Сестра Ан⟨на⟩ тужит, что мне на час дана судьба не розовая, но неужели горячая моя любовь никому и ни на что не годится?

Простите, брат милый. Обнимаю вас крепко. Табак послала вам другой раз по адресу, данному бар⟨онессой⟩ Чер⟨касовой⟩ — а первый не угадала лавку. Если хотите, то скажите, сколько его прикажете прислать. Гоголю письмо ваше отдала, и он обещал отвечать.

Перевод

* Тысяча и один день (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 5—7 с оборотами.
Печатается по автографу.

---

[1] *Sagen u. Sagen…des Hürings Lands v. Bechstein 1834. 4 Bände* — Бехштейн Людвиг, немецкий архивариус, поэт, издатель сборников сказок и сказаний, в том числе: «Der Sagenschatz und die Sagenkreise des Thüringer-landers. 4 bde. Hildburghausen, 1835—1838. Kesselring).

[2] *Müller Sagabibliothek des Scandinavischen Alterhums, Übersetzt v. Lachman* — Мюле П. (Müller Peter Erasmus, 1776—1834), датский епископ, языковед. Библиотека скандинавских сказок в переводе Лахмана. Лахман Карл (Lachmann Karl Friedrich Wilhelm, 1793—1851), немецкий филолог и критик, первый из создателей древне-германской филологии и основатель критики древних текстов. Ему принадлежит первое критическое издание «Нибелунгов» («Der Nibelunge Not mit d. Klade», Berlin, 1826).

[3] *Fairy legends and Traditions of the Southy of Ireland de Croker. — 3 v.* — Волшебные легенды и обычаи Южной Ирландии Крокера в 3-х томах. Лондон. 1825. Изд. Джона Мюррея. Крокер Томас Крофтон (Croker Thomas Croker, 1798—1854), первый полевой собиратель сказок в Ирландии, поддержанный В. Скоттом. На немецкий язык были переведены Якобом Гриммом.

289. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, 26 февраля 1840

Милая Дуняша, через неделю я отправляюсь за границу с Великим Князем[1]. Прошу вашего благословения. Мы, кажется, будем жить в Майнце. Вероятно, возвращусь в августе[2]. Между тем с Смирдиным я заключил условие[3], коего копию доставит вам Петр Алек⟨сандрович⟩ Плетнев[4], к которому прошу вас написать письмо и к которому доставляйте в мое отсутствие рукописи вашего перевода. Он взялся вести переговоры с Смирдиным по делам вашим. Смирдин, несмотря на существующий новый перевод 1001 ночи, желает, чтобы вы с этих сказок начали свою работу. Итак, с Богом, начинайте. Посылаю еще Русских сказок, которые мною

---

[1] *...я отправляюсь за границу с Великим Князем* — Жуковский выехал за границу 5 марта 1840 года.

[2] *... возвращусь в августе* — В Петербург Жуковский вернулся к ноябрю 1840 года. Информация о пребывании Жуковского и других деятелей русской культуры за границей в этот период содержится в письме Н. А. Мельгунова к А. П. Елагиной от 4 / 16 мая 1840 г. из Ганау: «Давно лежит у меня на совести, Авдотья Петровна, что я до сих пор не подал вам голоса из чужбины, особенно лежит на совести с тех пор, как Жуковский, которого я здесь видел, поручил мне известить вас о себе. Проезжая через Ганау с наследником, он остановился здесь для Рейтерна, хотел навестить меня больного, но я предупредил его (это был первый мой выход) и провел с ним часа полтора в беседе о России и о вас. Перед отъездом своим Жуковский пришел взглянуть на моё житье-бытье и уходя поручил вам сказать, что за кучей хлопот ему самому писать покамест некогда, но что он здоров и вас попрежнему любит и помнит. С тех пор я был с ним в кое-каких сношениях, посылаю ему свои книги и журналы и думаю на днях (проезжая в Гастейн через Стутгарт и Мюнхен) быть у него в Дармштадте. По слухам (подтвержденным мне его камердинером) Ж⟨уковский⟩ остается здесь на целый год для обучения принцессы Марии по-русски. Пока живет он веселием в Дармштадте и пьет какую-то воду по совету Коппа. В Москве, говорят, прошел слух будто Копп умер. Это мне сказывал между прочими новостями Кошелев, который навестил меня в моем уединении. Страшно то, что в это самое время умерла вторая дочь Коппа (Розалия), бывшая замужем, как и старшая, в Касселе. Между тем, умер, почти скоропостижно, и добрый мой старик Туссен, от воспаления в груди. Вы видите, Авдотья Петровна, мои новости не розового цвета, но с другой стороны я могу известить вас также, что Языкову гораздо лучше, я видел обстоятельные письма его брата к Коппу. Надеюсь увидеться с ним в Гастейне. Пока здесь мы с ним переписываемся, и он дарит меня своими новыми стихотворениями. Прелесть! Прислал он мне также несколько пьес Хомякова, между прочими *Киев*. Не правда ли, что славная вещь? Жуковскому она также очень понравилась. Дорого бы я дал, чтобы повидаться с Ив⟨аном⟩ Вас⟨ильевичем⟩, много кое чего было бы сообщить ему. ⟨…⟩ Усердно кланяюсь Марье Васильевне и всем вашим. Н. Мельгунов» (РГБ, ф. 99, к. 9, № 1, л. 1—1 об.).

[3] *…с Смирдиным я заключил условие...* — Это условие напечатано у К. Я. Грота «Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским», СПб., 1909. С. 12—14 (Примечание И. А. Бычкова. РБ, С. 112).

[4] *...копию доставит вам Петр Алек⟨сандрович⟩ Плетнев...* — Письмо Жуковского к Плетневу от 29 февраля 1840, при котором было препровождено условие с Смирдиным и которым Жуковский просил Плетнева войти в сношение с А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг по делу издания «Библиотеки народных сказок», напечатанного там же, с. 11—12.

отысканы в оставшихся после Пушкина бумагах[1]; прошу их беречь. Вот и Перрольт[2]. При сем прилагается бумага; доставьте ее Авдотье Степановне Астраковой, которая живет на Пятницкой у Никиты мученика в д⟨оме⟩ унтер-офицерши Шмаковой. — То, что вы пишете мне о предложении, сделанном вам от Гоголя, сердит меня. Как можно сделать такое предложение! И чего доброго вы еще и согласитесь. Если это будет, то знайте, что рассержусь на вас не на шутку. Вы не должны соглашаться на такое предложение; это с вашей стороны будет слабость и неблагоразумие. А Гоголь часто капризный эгоист. Погодин требует, чтобы он у него оставил сестер своих; Аксаков тоже ему предлагал[3]. Нет, хочет по своему, и безо всякой деликатности навязывает их на вас, обремененных семейством и не богатых ни здоровьем, ни средствами для такого затруднительного дела. Это мне противно. Да что это еще вы пишете мне о Пирогове[4]? Шутка или нет? Надеюсь, что шутка. Неужели в самом деле возьметесь вы *предлагать* его? Он, может быть, и прекрасный человек и искусный оператор, и прочее; но, как жених, он противен. Напишите об этом пояснее. Из ваших немногих строк я ничего не понял. Но видно, что об этом читать буду только на Рейне. — Простите, милая. Всем вашим мое благословение. Возвращусь, вероятно, в августе.

Жуковский. 26 февраля 1840

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 88—88 об.—89.
Впервые опубликовано: РБ, 1912. С. 111—112.
Печатается по копии.

290. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

С.-Петербург, 5 марта 1840[5]

Милая Дуняша, не сердитесь на меня, что пишу мало. Минута отъезда точно буря. Нет минуты. Еду нынче ввечеру. Возвращусь в конце Августа. Вы будьте здо-

[1] *...оставшихся после Пушкина бумагах...* — О рукописях А. С. Пушкина см.: Модзалевский Л. Б. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. М; Л., 1937 (совм. с Б. В. Томашевским). Он же: Рукописи Пушкина в собрании Гос. Публ. б-ки в Ленинграде. Л., 1929. Модзалевский Б. Л. Описание рукописей Пушкина, находящихся в Музее А. Ф. Онегина в Париже. СПб., 1909.

[2] *Вот и Перрольт* — Шарль Перро, см. примечание к письму 281.

[3] *...Аксаков тоже ему предлагал* — Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859), писатель, мемуарист, критик, автор «Семейной хроники», «Детских годов Багрова внука» и других произведений. С Аксаковым и его семейством Гоголя связывали близкие отношения. Об участии Жуковского и самого Аксакова в судьбе сестер Гоголя рассказано в «Истории моего знакомства с Гоголем» (*Аксаков С. Т.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 30—32).

[4] *Да что еще вы мне пишете о Пирогове?* — Н. И. Пирогов, см. примечание к письму 287.

[5] Дата устанавливается по содержанию: 5 марта 1840 года Жуковский выехал за границу (Дневники. ПСС2. Т. 14. С. 193.)

ровы и работайте. Условие с Смирдиным сделано и передано Плетневу, который по этому делу соглашается помогать вам. Адресуйтесь немедленно к нему. Его адрес: Его Пр⟨евосходительству⟩ Петру Александ⟨ровичу⟩ Плетневу, ректору С⟨анкт⟩ П⟨етер⟩б⟨ургского⟩ Университета. Он сам будет писать к вам. — Станьте за меня на колена перед Н⟨адеждою⟩ Николаевною Шереметевою[1] и попросите прощения в том, что к ней не писал: напишу из Дармштата; но только чтобы она прислала мне туда письменно свое прощение. — Обнимите моего старика Ермолафа[2], чтобы он написал ко мне за границу. Поцелуйте за меня мою милую крестницу[3]. — Что Тургенев младший?[4] Он ко мне не пишет, зато пишет ко всему свету; скажите ему, чтобы понукал подписываться на Козлова[5]; а я здесь собрал экстренных 16000, которые в виде билета передам дочери нашего поэта[6]. Теперь надобно просто подписываться в книжных лавках. — Простите, друзья! Пишите непременно. За границею это милостыня. Адрес на имя Ег⟨о⟩ П⟨ревосходительства⟩ Ф. И. Прянишникова[7].

Весь ваш Жуковский.
5 марта

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 90—90 об.
Первая публикация: РБ, С. 112—113.
Печатается по копии.

---

[1] *Станьте за меня на колена перед Надеждою Николаевною Шереметевою…* — Н. Н. Шереметева, см. примечание к письму 143.

[2] *...старика Ермолафа...* — А. М. Тургенев, см. примечание к письму 107.

[3] *Поцелуйте за меня мою милую крестницу* — Дочь А. М. Тургенева, Ольгу Александровну, бывшую потом замужем за С. Н. Сомовым.

[4] *Что Тургенев младший?* — Друг Жуковского Александр Иванович Тургенев (1784—1845).

[5] *…понукал подписываться на Козлова…* — Поэт Иван Иванович Козлов скончался 30 января 1840 года. Жуковский напечатал о нем статью в «Северной Пчеле» и устроил подписку на издание его сочинений (которые и вышли, 3-м изданием, в Петербурге в 1840 же году.

[6] *…передам дочери нашего поэта* — «Попросите о вкладе в сбор на подписку на сочинения Козлова,— писал Жуковский воспитательнице дочерей императора Николая I, статс-даме Ю. Ф. Барановой, в конце февраля 1840 года. — Вы знаете, кого просить; а я прошу помнить только о том, что я еду через неделю и что мне собранные деньги надобно положить в ломбард» (РС, 1902, апрель. С. 128). Дочь И. И. Козлова — Александра Ивановна Козлова (ум. 1904, на 92-м году жизни) посвятила всю свою юность и молодость заботам и уходу за своим страдальцем-отцом и была его помощницею во всех его литературных работах (см. заметку К. Я. Грота «В. А. Жуковский и А. И. Козлова» в РА, 1904, Кн. I. С. 283—285).

[7] *Адрес на имя Ег⟨о⟩ П⟨ревосходительства⟩ Ф. И. Прянишникова⟩* — Ф. И. Прянишников, см. примечание к письму 286.

291. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

28 августа 1840

Милый друг, милая Дуняша, вы поверите мне, когда скажу вам, что мне теперь часто, часто жаль, что вы не со мною; примите это как знак моей к вам нежной, сердечной, никогда не изменявшейся дружбы. Но *желать* вас подле себя в самую счастливую эпоху жизни[1], чтобы усилить это счастие души, поделившись им с родною душою, которая поймет его и им порадуется, как своим и более, чем своим — это я могу; а *написать* к вам об этом все еще не собрался и, право, не от лени, а от полноты сердца, в котором все одно да одно и которое всему другому (кроме верного и теперь более живого чувства дружбы) мешает. О, как были бы вы теперь на *своем* месте, если бы были подле меня, рука в руку со мною! Это бы не усилило моего счастия, а дало бы ему более *явственности*; точно так, как живописец, чтобы лучше разглядеть эффект своей картины, смотрит на нее в зеркало, и я бы желал поглядеть на свое найденное счастие в зеркало вашей светлой, родной души, в которой все мое как-то живее отражается. Но *писать*, право, до сих пор не мог. Вот уже более 10 дней, как пишу подробную о себе реляцию к своим Муратовским (и Долбинским), и все не могу продолжать[2] — напишется страница, и рука упадет, и сердце сожмется, и в груди стеснится дыхание, и мысли бродят за другим (подле меня ли *она* или нет, все равно). И так и потонешь в этом невыразимом *farniente*[*] счастия, которое все меня обхватило. Не пеняйте же мне, друг, за мое молчание; это, право, не молчание, а самая нежная бумажная беседа с вами, ибо никогда вы не бывали так вместе со мною, как в эту минуту. Благословите же меня издали, моя родная, верная Дуняша. Зимою вас увижу и приму от вас это благословение из рук в руки. Описание всего, что со мною было, найдете в приложенном письме, которое *прочитайте* все вместе; *перепишите* это письмо для доставления Ан⟨не⟩ П⟨етровне⟩ (хорошо бы, когда бы вы сохранили список и для меня) и потом тотчас *отправьте* к Ек⟨атерине⟩ Аф⟨анасьевне⟩). Поручаю вам позаботиться о том, чтобы мы могли все свидеться в Москве нынешнею зимою. Надеюсь, что Москва не откажет мне оказать этот знак братской дружбы.

Перевод

[*] ничегонеделанье (*итал.*).

---

[1] *...в самую счастливую эпоху жизни...* — Жуковский стал женихом Елизаветы Рейтерн, дочери художника Г. Рейтерна, друга поэта.

[2] *Вот уже более 10 дней, как пишу подробную о себе реляцию ⟨...⟩ не могу продолжать...* — Это большое интересное письмо Жуковского к родным, начатое 10 (22) августа 1840 года и конченное 5 (17) сентября, напечатано в «Русской Беседе» 1859 года, III, Изящная словесность, с. 17—42. Письмо назначалось для Е. А. Протасовой, жившей в Муратове, и для А. П. Елагиной и Киреевских, живших в Долбине.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 91—92 с об. Копия рукой А.П. Елагиной
Впервые опубликовано:РБ, С. 113—114.
Печатается по копии.

292. А.П. Елагина В.А. Жуковскому

1 сентября 1840

Бесценный брат, всею душою моею, всем сердцем, всем помышлением, и вблизи, и вдали, и днем, и ночью, всякую минуту благословляю вас всеми благословениями любви![1] Правда или неправда, что об вас толкуют, все равно, лишь бы с вами было все, что есть лутчее на земле, так как Вы сами лучше, что Бог мог нам дать из своего рая. — В мое уединение пришли разные московские слухи, одетые в пестрые комментарии, но как скоро услышала я имя вашей невесты, то все беспокойства мои исчезли, и мне стало так легко и радостно, как будто я сама была с вами в этой милой семье, которую через вас знаю, и где вам так давно уже хорошо душевно. — Может быть, я говорю загадками. Вот в чем дело: сперва сказали, что вы женились на какой-то Саксонской Графине. Это меня встревожило: мало ли кому весело вас запутать в сети, не торнгильды, а расчета и кокетства. — Но Катя Моейер третьего дня пишет ко мне и называет вашей невестой M-lle Reutern[*2], дочь вашего артиста-друга. Сейчас увидела я вас в этой комнате, внутренностью которой мы так радовались в рисунке, раздаются звуки фортепиано; подле вас с одной стороны эта благородная фигура Рейтерна, с другой Ангельская рожица, которая пленила нас в вашем же портфейле,— вам хорошо, спокойно, behaglich[**], сердце полно и раздельно; — и мне стало так чудно радостно, что я охотно поверила слуху *этому*. —

Душа моя, для чего же вы ко мне не пишите? Разве вся жизнь моя не связана с вашей? — Вы знаете, что я дала клятву не покинуть вас и за Коцитом, и волею-неволею *делю* все ваше. — Когда воротитесь вы в Россию? О себе говорить не хочется, у нас все крепко нехорошо. У Алекс⟨ея⟩ Андреевича хлеб не родился, скот повалился, другой год занимаем на житье; здоровье мое опять расстроилось и прочее — но не конфликты.

Я живу на даче подле Москвы; перевожу, но увы! ответу от Плетнева не имею[3]. — Иван в Долбине и тоже в весьма плохих обстоятельствах. — У Мойе-

[1] Ответ на письмо Жуковского от 28 августа 1840 года: Елагина поздравляет Жуковского с предстоящей женитьбой.

[2] *Но Катя Моейер третьего дня пишет ко мне и называет вашей невестой M-lle Reutern…* — Елизавета фон Рейтерн (1821—1856), невеста Жуковского.

[3] *…ответу от Плетнева не имею* — Летом (2 июля и 1 сентября) 1840 года Авдотья Петровна отправила П. А. Плетневу два письма, в которых благодарила его и Жуковского за помощь в предполагаемом издании «1000 и одной ночи»: «⟨…⟩ получив от вас такую добрую и благожелательную услугу, не могу не сказать вам, как глубоко чувствую ваше снисхождение и как совес-

ра лутче, чем у прочих, и они, по крайней мере, не скучают. — Больше ни о ком и ни о чем не знаю, — если бы дача была моя, могла бы на воротах написать: Oubliant? Oubliée***. — Только не согласна на забвение ваше. Да этого и быть не может. Пока я жива, моя любовь вам нужна, и она с вами неразлучно. Обнимите за меня вашу невесту. — Как досадно мне, что несмотря на спех, я не заехала в Дюссельдорф! Кто же знал, что у меня там будет сестра? — Конечно, сестра, ведь ей поручено будет ваше счастие; о как она нам всем будет дорога!

Бога ради, напишите ко мне поскорее. Если бы можно, я к вам бы полетела.

Ваша Д. Елагина
1 сентября 1840
Люблино

Перевод

*М-ль Рейтерн (*нем.*).
**уютно (*нем.*).
***Забывающая? Забытая (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 10—10 об. —11.
Печатается по автографу.

293. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

18 октября 1840[1]

Бесценный друг, мое сердечное благословение пошло к вам прежде вашего требования и не дожидалось еще вашего извещения. — С какою полною душою благодарю я Бога за ваше *счастие*! Как с тех пор все мне кажется *так*, все справедливо, все устроено строгим Провидением Божиим! Как усердно и весело молиться за вас и за вашего Ангела Елисавету, которая умела понять рай вашей милой души и полюбила вас, как вас любить должно. — Вы правы, когда желаете меня подле себя и ее для отражения вашего счастия, ничья душа больше моей не способна служить верным зеркалом и отголоском ваших радостей и горестей. Перечитывая чудное сцепление обстоятельств, приведших вас к давно желанному и не *исканному* Святилищу домашнего счастия, невольно окинула я взглядом мою прошедшую

тно обременять вас, при ваших многообразных занятиях, еще новым трудом» (ПД, ф. 234, оп. 3 № 236, л. 1). Здесь же она писала о проблемах работы над переводом и его публикации: «В огромной рукописи, которую теперь часть посылаю, вероятно многое надобно будет переменить; напр⟨имер⟩, если цензура не пропустит *Соломона,* поставить *Султан*, и прочее, тому подобное. В этой тетради будет (*уповаю*) двадцать печатных листов, если вы изволите и начнете печатание, то каждый месяц буду присылать по стольку же. Я переводила с изданного Левальдом, Вейлева перевела с Арабского текста, а примечания взяла у Габихта» (Там же, л. 1 об.).

[1] Дата устанавливается по содержанию: А. П. Елагина поздравляет Жуковского в ответ на его сообщение о женитьбе осенью 1840 года.

жизнь. Везде Маша, вы и потом дети. Ваши успехи были мои радости, ваше счастие моя отрада, ваша слава моя гордость; нет ни одного чувства самобытного и собственно *меня* касающегося. Я создана быть *другом*, т. е. другим, как *gui** дубовый создан без своего корня, а растет на коре его и живет его жизнью.

Впрочем, entendons-nous**, говорил M. Gobemouche. Счастие души, т. е. *любовь* было мне известно только в *отражении*, но горести, клеветы, ненависти, заботы и все мелочи житейских смут перенесла я *самобытно*, и если не всегда умела спасти душу от уныния, то под конец, по крайней мере, научила ее покорности Святой власти Божией.

Теперь пусть ваше счастие светит на остальную мою дорогу: я дойду не во мраке и всегда с отрадой буду смотреть на эту милую звезду. Жаль мне, что вы не везете к нам вашей милой Елисаветы, если б вы могли услышать мой голос подле нее в Дюссельдорфе, то услышали бы, что я кричу вам: Зачем вы медлите? Почему с первого дня изъяснения она не жена ваша? На что добро откладывать? — Впрочем, я рада, что вы не везете ее в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг, не меняете ее тихой жизни, и даже рада тому, что останетесь на несколько времени в Дюссельдорфе. Est-ce d'abnégation?*** — Арчибальд, который на этом месте писания моего приехал, говорит: *из старого Велисавета, Максим* и пр. — или: из *Опекунского Велизавета, Максим* и пр. — Он удивляется пророческому духу поэтов, но между тем мне весело было видеть, с каким тронутым сердцем принял он известие о вашей женитьбе, как готов, по-Мусульмански, каждый день кланяться направо и налево вашим Ангелам-хранителям, так прекрасно устроившим вашу дорогу, и так заботливо вас ведущим, без вашего ведома! —

Право, бесценный друг, с тех пор, как я получила ваше письмо, душа моя стала *вся* каким-то хвалебным гимном: умиление неизъяснимое владеет мною, и молитва моя: да будет Воля Твоя! сливается с еще важнейшею: да святится Имя Твое! — Ваше счастие, Божия правда, и для моей веры необходимо. — Не знаю, что будет Мойер отвечать на наши приглашения, между тем я ищу им дом подле своего и воображаю их радость. У Мойера прошлые года слишком на 60 / т продано было хлеба, нынешний год, Слава Богу! все хорошо родилось, и его крестьяне не нуждаются, и он их не кормит, след⟨ственно⟩, может больше, нежели кто, исполнить ваше желание и привезти сюда Тетушку и детей. Я уверена, что он противиться не станет, только повторите поскорее наше приглашение.

У нас все больше, нежели пусто в карманах, доходов прошлого, нынешнего и надеждах на будущий год. Не понимаю, как извернемся, но голод около нас еще ужаснее. Алекс⟨ей⟩ Андр⟨еевич⟩ в деревне и не может тронуться, *ежедневные* попечения необходимы. Иван также в деревне и тоже в весьма худом положении. Грустно, что литературное предприятие наше не удалось, думаю, что Русские сказки, обработанные сестрою[1], будут иметь успех, ей также нужно.

---

[1] *...Русские сказки, обработанные сестрою...* — В РО ПД хранится писарская копия с автографом обращения Жуковского в Конкурс Демидовских премий 26 апреля 1838 года на имя П. Н. Фуса с ходатайством о присуждении премии Анне Петровне Зонтаг за книгу «Библейские

Надежда Ник⟨олаевна⟩ Шереметева вас обнимает, поздравляет, плачет, молится, благословляет; она дала мне к вам писюльку, в которой все нежности и молитвы заключались, но я куда-то ее затеряла; пожалуйста, не сказывайте ей этого, а отвечайте на ее: *Христос с вами!* — ибо и смысл ее послания, и буква. — Я кончаю сердечным дружеским объятием. Пошлите мне портрет Елисаветы.

18 октября.

Перевод

* *омела* (*франц.*).
** *давайте будем ладить друг с другом* (*франц.*).
*** *из самопожертвования* (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 12—13 с об.
Печатается по автографу.

294. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

ноябрь 1840[1]

С нетерпением ждем вас, бесценный друг, чтобы душою отдохнуть, глядя на отблеск вашего счастия на милом лице вашем. — Тетушке подготовили мы дом Петра Киреевского, который рад их у себя принять и поместить: я хлопочу теперь об отоплении и устроении в нем всего нужного. Мойер обещал мне *письменно* приехать на зиму, и я жду их к началу Декабря. — А вы, мой милый Ангел? — Те же комнаты, которые вы уже занимали летом, будут вам готовы, *и сердце бьется в ожидании*.

Муж (которого я уже год не видала) прислал мне к вам записку, которую я и прилагаю. Этот г. Щеколдин наш бывший хозяин в Белеве, уступивший нам чертоги свои, и очень дружен с Алексеем Андреевичем. — Если можете тут что-нибудь, то очень его одолжите.

Обнимаем вас крепко и радостью, с прекрасным словом: до свидания.

Ваша Дуняша

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 14—14 об.—15.
Печатается по автографу.

повести». Анна Петровна названа «почтеннейшей сочинительницей, которой мы обязаны уже многими прекрасными книгами для воспитания» (ПД, Папка Модзалевского). Здесь же находится тетрадь (автограф А. П. Зонтаг) «Собрание Народных русских сказок» (ПД, № 16011).

[1] Датируется на основании штемпеля: «Москва, 1840, Ноябрь» Адрес: «В Петербург. Его Превосходительству Федору Ивановичу Прянишникову. Для доставления Его Превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому».

295. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

30 ноября 1840[1]

Бесценный наш Жук! Погодин умоляет вас прислать ему *стишков* для украшения его Москвитянина![2] Хоть для фамилии журнала. Не надобно, чтоб он ударил лицом в грязь. Бросьте ему луч вашей ореолы, да отразится сияние его хоть на весь остальной год.

Я жду, ночью и днем, наших Бунинских: право, мурашки по ногам и рукам от нетерпения. Понукните их, пожалуйста! Они так счастливы, что вашим Промыслом едут на зиму в Москву. Дай Бог вам здоровья, *душа моя*. Ваша Дуняша.

30 ноября.

Автограф: РГАЛИ, ф.198, оп. 1, № 106, л. 16.
Печатается по автографу.

296. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

4 декабря 1840. С.-Петербург[3]

Милый друг Авдотья Петровна, я с трепетом распечатывал ваши письма, полагая, что в них найду заслуженный выговор за то, что не уведомил вас о возвращении моем в Петерб⟨ург⟩; но вы об этом ни слова. Целую вас за это прямо в губки; ибо я виноват перед вами только делом, а не мыслию; все сбирался писать, и все откладывал до свободной минуты; а эта свободная минута никогда не приходит, когда откладываешь — это и вы знаете. Так вот в чем дело. Я уже писал к Бунинцам (ибо тут нельзя было более отложить), что буду в Москву к Новому году или тотчас после Нового года. Меня они уговаривали жить у них; но, кажется, это будет невозможно, ради того, что в приготовленном вами доме мало места. Для чего не нашли вы квартиры попросторнее и поближе к вам? Жаль. Моя Елизавета получила ваши письма и просила меня вас за них нежно благодарить — я от ее имени всем сердцем вас обнимаю. Привезу ее портрет. Он вас порадует так же, как и меня: другие черты к тому же идеалу, который мы с вами в жизни любили и любим. Видимый образ того, что всегда в душе таилось. А ее письма то же, что ее лицо. Как будет весело дать вам прочитать эти письма и показать вам этот портрет.

В самый день моего первого отъезда из Дюссельдорфа, когда еще и в мысль не входила мне возможность того, что через несколько часов решилось для меня

---

[1] Датируется на основании штемпеля: «1840. Ноября 30».

[2] *Погодин умоляет вас прислать ему стишков для украшения его Москвитянина!* — Михаил Петрович Погодин, см. примечание к письму 166. В 1841—1856 гг. вместе с С. П. Шевыревым Погодин издавал журнал «Москвитянин».

[3] Датируется по содержанию: ответ на письмо А. П. Елагиной от 30 ноября 1840 года.

на всю жизнь, мы играли в одну игру, которая состоит в том, чтобы угадать стихи, написанные навыворот, сохранив порядок слов, но перестановив все буквы. Я написал, без намерения, 8 стихов из Ленау[1] и отдал их ей для отгадки, и она разобрала эти стихи, а в вечеру того дня они сделались надписью к моей жизни; я их перевел или, лучше сказать, усвоил. Вот они:

О, молю Тебя, Создатель,
Дай вблизи ее небесной,
Пред ее небесным взором,
И гореть и умереть мне,
Как горит в немом блаженстве,
Тихо, ясно угасая,
Огнь смиренныя лампады
Пред небесною Мадонной.

Только эти стихи не для «Москвитянина». Ему же от меня не будет ничего по той причине, что у меня ничего нет. Еще раз обнимаю вас всем сердцем.

Ваш Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 93—93 об.
Впервые опубликовано: РБ, 1912. С. 115—116.
Печатается по копии.

297. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

12 декабря 1840[2]

Друг сердечный, кому из нас можно за что-нибудь упрекать вас *теперь*, когда дарите нас благодеянием, самым драгоценным: *Вашим* верным счастием! — Я знала давно, что вы в Петербурге, но мое сердце полно одним, и так же горит

---

[1] *…8 стихов из Ленау…* — «Николай Ленау (настоящая фамилия его была Niembsch von Strehlenau, р. 1802 — ум. 1850). Это перевод стихотворения Ленау Stumme Liebe:

Liesse doch ein hold Geschick
Mich in deinen Zaubernähen,
Mich in deinem Wonneblick
Still verglühen und vergehen;
Wie das fromme Lampenlicht
Sterbend glüht in stummer Wonne
Vor dem schönen Angesicht
Dieser himmlischen Madonne!»

(Примечание И. А. Бычкова // РБ, с. 116).

[2] Датируется на основании штемпеля: «Москва. 1840. Декабрь».

благодарностью к Создателю, как ваша лампада перед вашей Мадонной. — Упрек и в голову не входит, еще меньше в сердце. Дом Петра я приготовила *потому*, что Мойер назначил Кремеру[1] найти 5 комнат, сле⟨овательно⟩, 10 были удобнее, и не нанятые деньгами: теперь мы ищем дом попросторнее, и к святкам все будет готово, как было все к 24 Ноября! Приезжайте только.

Если можно, если не затруднит вас, прикажите Одоевскому прислать мне с транспортом Щелкунчика[2]: мне хотелось бы к празднику подарить некоторых детей, придется за неимением настоящего адресовать к прошедшему.

12 декабрь Ваша Евдокия

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 18.
Печатается по автографу.

298. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 марта 1841[3]

Бесценный друг, прикажите Соболевскому взять нам места на пароходе[4], на первом или втором, который лучше будет по его усмотрению; если бы у капитана Дица, я бы рада была, только не у Сталь. — Или отдельную большую кабину которая стоит 900 или 4 места в общей и одно для девушки. — Деньги отдам ему приехавши в Петербург к назначенному им времени. Но эти места нужно взять заблаговременно, иначе не достанешь.

Что вы, мой ангел? Когда едете? Благослови, Господи, мертвых и живых ваших, с вами неотлучно, и сердце ваше должно быть бодро. — Тетушка уехала третьего дня ввечеру, т. е. 8 Марта, взявши дилижанс, что гораздо спокойнее. В этот же вечер приехал сюда *по делам* Иван, и очень тужит, что не застал вас[5]. Ржевский принужден перейти *Инспектором* в Петербург, не можете ли вы об нем сказать При⟨инцу⟩ Ольден⟨бургскому⟩?[6] Человека нравственнее и способнее к это-

---

[1] *...Мойер назначил Кремеру...* — Егор Иванович Кремер, московский знакомый Жуковского, дипломат.

[2] *...прикажите Одоевского прислать мне с транспортом Щелкунчика...* — Речь, по-видимому, идет о сказке Гофмана «Щелкунчик».

[3] Датируется по штемпелю: «Москва 1841 Марта 10». Адрес: «В Петербург Федору Ивановичу Прянишникову для доставления В. А. Жуковскому».

[4] *...прикажите Соболевскому взять нам места на пароходе...* — Сергей Александрович Соболевский, см. примечание к письму 172.

[5] *...Иван, и очень тужит, что не застал вас* — Жуковский уехал из Москвы 5 / 17 марта 1841 года (Дневники. ПСС2. Т. 14. С. 248).

[6] *Ржевский принужден перейти Инспектором в Петербург, не можете ли вы об нем сказать При⟨нцу⟩ Ольден⟨бургскому⟩?* — Владимир Константинович Ржевский (1811—1885), чиновник особых поручений в канцелярии Московского учебного округа, близкий к кружку Н. В. Станкевича, сватался к Е. И. Мойер. Петр Фридрихович Георг (Петр Григорьевич) Ольден-

му делу вряд ли в целой Европе найдешь, тем паче должен он быть драгоценен в России. Он предлагался нашей Schneewittchen*, но Мойер боится ее здоровья и сказал, что если через два года (не сказывая ни того, ни другого) их здоровье укрепится, то может он ответ искать. Но не говорите об этом в Бунино: дети никто не знают, даже сама Schneewittcen, что (по-моему) странно, ибо *решить* должна бы она. Мне его сердечно жаль, все вдруг беды стеклись на него, но надеюсь, что энергия его одолеет.

Простите, мое бесценное сокровище. Кольцо еще не готово, пришлю скоро.

Перевод

* Снегурочка, белоснежка (*нем*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 44, л. 2—2 об.
Печатается по автографу.

299. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 марта 1841[1]

Это письмо, милый друг, отдаст вам Владимир Константинович Ржевский. Обстоятельства, от него не зависящие, заставили его покинуть Институт, и он ищет места Инспектора в каком-нибудь из учебных Петер⟨бургских⟩ заведений. — Я уже вам об этом писала. — Не можно ли поместить его к Принцу Ольденбургскому?[2] Лучше человека, способнее, более нравственного рекомендовать вам не придется ему. Смело можете для блага России употребить некоторые усилия. Он сам вам расскажет, чего не досказало прежнее письмо мое. Жаль, что было это без вас. Именно такого-то человека им весьма нужно, энергия одного заменила бы недостаток оной во всех: я с своей стороны люблю его как своего сына. Он вам расскажет об нас, а покуда я вас крепко обнимаю.

Ваша Е. Елагина.
11 марта.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 44, л. 4.
Печатается по автографу.

бургский (1812—1881), принц, член Государственного совета, впоследствии генерал от инфантерии, муж великой княгини Екатерины Павловны.

[1] Дата устанавливается на основании содержания: 10 марта 1841 года А. П. Елагина отправила письмо, в котором просила Жуковского об участии в судьбе В. К. Ржевского.

[2] *Не можно ли поместить его к Принцу Ольденбургскому?* — См. письмо А. П. Елагиной от 10 марта 1841 г.

300. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

14 марта 1841[1]

Вот я и в Петербурге, милая Авдотья Петровна, вот и московская жизнь прошла как сон; вот уж я теперь могу сказать, что я на возвратном пути, что я еду прямо к своему счастию и что Петербург теперь только станция на дороге… доберусь ли? а когда доберусь, долго ли продлится блаженный сон? и не дай Бог проснуться!.. Но зачем это? — Благодарствуйте, милая, за наше житье-бытье вместе. Мы с вами не меняемся и не стареемся. И не правда ли, что в судьбе у меня есть что-то, как-будто предопределенное. Эти слова из Евангелия[2], прочитанные над моею головою, в минуту отпуска в другую жизнь, в присутствии всех представителей прежней, живых и мертвых, какое разительное имеют они значение. И здесь случилось нечто, имеющее также значение особенное; я собирался продавать в разные руки свои мебели; вдруг является Зейдлиц, и он купил их все вместе[3]. Может быть, он же купит и Мейерсгоф. Все это похоже на доброе предзнаменование. Доверши Бог начатое Им же. — Посылаю вам письмо Елизаветы, от нее уже получил здесь три: одно меня ожидало; другое очередное пришло через день, коротенькое, писанное после болезни; и у нас был Grippe*. Третье не в очередь, длинное. Во всех одно и то же, сердечное, чистое, прелестное одно и то же. Все ее письма, как журчанье ручья в уединенной, спокойной долине; слышишь все один и тот же звук, но чем более слушаешь, тем более слышишь, тем более хочешь слушать: это голос без слов, все выражающий, что душе надобно. — Простите, милая. Уведомьте об Анне Петровне и уведомляйте всякий раз, когда получите об ней известие. Что-то ее сон? Уже не миновался ли? Напишите о том, что решено положительно о Карлсбаде[4]. Наконец, уведомьте, что наши Муратовцы? В Москве ли еще или уехали. Доставьте им мое письмо. Обнимаю вас всех. Алексею Андреевичу дружеское рукопожатие.

---

[1] Датируется на основании содержания и записи в Дневнике от 14 / 26 марта 1841 года: «〈…〉 дальше вечер дома; писал письма» (ПСС2. Т. 14. С. 249).

[2] *Эти слова из Евангелия…* — В дневнике 1841 года за январь-ноябрь записи о событиях открывались строками из Евангелия: «**3 (15). Пятница**. *Не во всех вера, но верен Господь, который утвердит вас и сохранит от зла* (*К Фесс., III, 3*) 〈…〉 **4 (16). Суббота.** *Наконец молитесь за нас, братия, дабы слово Господне распространялось и славилось, как и у вас* (*К Фесс., III,1*) 〈…〉 **29 (11). Вторник.** *Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем* (*2-е Посл. К Кор., IV. 8,9*)» (ПСС2. Т. 14. С. 234, 258). В этом ежедневном письменном обращении к Библии нашел отражение процесс духовного приготовления Жуковского к новой жизни.

[3] *…является Зейдлиц, и он купил их все вместе* — В Дневнике от 13 / 25 марта 1841 года написано: «Четверг. Все утро был дома и разбирался. У меня Зейдлиц, который купил все мои мебели 〈…〉» (ПСС2. Т. 14. С. 249).

[4] *…что решено положительно о Карлсбаде* — Авдотья Петровна весной уехала в Карлсбад с Екатериной Ивановной Мойер, здоровье которой было тогда предметом особых забот.

Перевод

* грипп (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 66—67.
Печатается по первой публикации.

301. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17/29 марта 1841[1]

Спешу вас уведомить, милая Авдотья Петровна, что я сообщил Соболевскому ваше желание и что Соболевский немедленно займется его исполнением. Зейдлиц просит вас остановиться у него; он живет в Галерной улице, в доме, не знаю каком, но этот дом заметен тем, что в нем находится аптека; он на левой стороне улицы, когда ехать от Исакиевской площади и, думаю, не далее как 10-й или 12-й дом с конца улицы; вот рисунок (**приложен план**). Вы хорошо сделаете, если остановитесь у Зейдлица; он вас обеих посмотрит и рассудит вместе с вами о том, что вам делать за границей. У меня был Ржевский[2]. Он сказал мне, что говорил с Мойером, с Schneewittchen* и с вами; что не знает, чем почитать отзыв Мойера — отказом или согласием; что полагает, что со стороны Schneewittchen было бы согласие. — Я отвечал ему, что для него должно быть главным: знать наверное, согласится ли *она* и потом уже требовать согласия от отца. — Из слов его заключаю, что он почти уверен в Кате. — Это мне что-то неясно. Вы пишете, что Катя ни о чем не знает, он говорит совсем иное; как это растолковать? Если же Катя знает или даже позволила Р. говорить с собою и ничего не сказала отцу, то это весьма нехорошо, и Мойер будет иметь право жестоко оскорбиться таким недостатком доверенности. Он *мог* не говорить ей ничего, ибо считал, вероятно, ненужным ее тревожить теперь, когда надобно исключительно заняться ее здоровьем. Она же, если посторонний мог подойти к ней с таким предложением (которое он почитает и неотвергнутым), должна была непременно открыться первому отцу. Откуда такая скрытность? Признаюсь вам, мне досадно за Мойера. Ведь один из тех случаев, которые разрушают семейное согласие. Можно ли жить вместе без взаимной доверенности? — Вы будете в Петербурге, где, вероятно, будет еще и Ржевский;

---

[1] В УС письмо датируется 18 / 30 марта 1841 года, однако более точной можно считать датировку 17 / 29 марта 1841 года на основании записи в дневнике: ««У меня Гельмерсен и Зейдлиц ⟨…⟩ К Прянишникову: почта еще не пришла. ⟨…⟩ К Смирновой. У нее Растопчина. Лермонтов, Соболевский, Мальцев, Норов. ⟨…⟩ Вечер дома. Писал в Дюссельдорф» (ПСС2. Т. 14. С. 250). Упоминание о визите Зейдлица и встрече с Соболевским напрямую соотносится с текстом письма.

[2] *У меня был Ржевский* — Речь идет о сватовстве В. К. Ржевского к Кате Мойер, см. примечание к письму 300.

не советую продолжать с ним никакого по этому предмету сношения; пусть все останется in status quo**. Без ведома Мойера не делайте ни шагу. Она не должна никому давать руки без согласия собственного сердца, это первое условие. Но в таком случае, когда сердце захочет сказать свое, она должна позволить говорить ему вслух только с согласия отца. Не говорите ей, что я знаю об этом и не сообщайте ей моего неодобрения; но не допустите ее до того, чтобы заслужить упреки от себя и от отца, и от меня. — Посылаю вам вышедший livraisons*** 1001 ночи. Прошу передать приложенное письмо Гельфрейху[1]; пошлите его с тем лакеем, который вначале ездил за мной: он знает квартиру Гельфрейха, на Ордынке, в доме Шереметева. Уведомьте, когда будете. Обнимаю всех вас.

Перевод

* снегурочка (*нем.*).
** равновесие, статус кво (*лат.*).
*** издания (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 67—68.
Печатается по первой публикации.

302. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22-е марта. День рождения Ивана Кир⟨еевского) 1841[2]

Сию минуту получила вашу посылку, письмо к Гельфрейху (которое доставлено) и милое ваше ко мне. Благодарю за все, и лучше сказать не благодарю, а люблю. Живое чувство любви связано с такою умилительною, *непрестанною* благодарностью, что словами говорить лишнее. Милое письмо нашей Елисаветы глубоко меня тронуло. Да сохранит нам Бог все счастие, заключенное в милой ее душе. Это иного рода фонарь, именно не на улице, а в святом храме таинства или молитвы. — От моей печати вы не отделаетесь. — Во второй части Левальдова издания[3] не дали вам ни начала, ни конца. Её начало у меня есть Uzrite Bund[4] от 1-й до 12 рун, вы прислали с 37-й до 60, след⟨ственно⟩, с начала недостает 24-х листов; и эти вышли уже, ибо 37 есть только продолжение. — Если мы выступим в море 10-е Мая, то к 21-м, авось, можно быть и в Дюссельдорф! Что вы об этом скажете? — Отъезд мой отсюда будет зависеть от того, когда Соболевс-

[1] *Прошу передать приложенное письмо Гельфрейху...* — Георг (Егор Иванович) фон Гельфрейх (1788—1865), генерал от инфантерии, автор трудов по военному делу, родственник Г. Рейтерна.

[2] Датируется как ответ на письмо В. А. Жуковского от 17 / 29 марта 1841 года.

[3] *Во второй части Левальдова издания*… — издание «Тысячи и одной ночи».

[4] …Uzrite Bund… — «Рассказ об Узрите и его возлюбленной» — одна из частей книги «Тысяча и одна ночь».

кий возьмет нам пароход. В Пет⟨ербурге⟩ желаем провести не более двух дней. Я с величайшим удовольствием остановлюсь у Зейдлица, тем больше, что он должен уступить мне что-нибудь из вашей мебели. Мы с ним (хоть разным образом) остались хранителями прошедшего и по многому сроднились. Пусть он увидит мою Schneewittchen* и скажет об ней свое мнение. Не вините ее насчет Ржевского. Виновата тут могу быть только *я*, но признаюсь, я не ожидала, чтобы Рж⟨евский⟩ питал надежду на ее любовь. Вот как все дело было. Рж⟨евский⟩ в день их отъезда после ужина просил меня сказать его предложение Кате и узнать ее мнение, прежде нежели решится говорить с Мойером. — Катя ночевала у нас, когда мы ложились спать, я сказала, что Рж⟨евский⟩ *может быть* станет ей предлагаться, и что я хотела бы знать, что в таком случае делать? — Она не изъявила никакого особенного чувства и говорила все: «Пусть тогда скажет отцу, как отец хочет, так пусть и будет». — Из этого я ее не вывела и не могла заключить никакой привязанности. Рано поутру, еще до пробуждения Кати, пришел Мойер, я сообщила ему предложение, и он, казалось, не прочь, ибо Рж⟨евский⟩ во всех отношениях заслуживает уважения, но слабость здоровья его и ее испугала Мойера, и он решился отказать, не желая никому отдать Катю прежде 2-х или 3-х лет. Заключил же свое решение тем: «Не говорите Кате». — Не успели мы кончить переговоры, является Ржевский; я ему сказала, что у Кати нет своей воли и что она будет довольна решением отца. Вот все, что он мог принять в свою пользу. Катя с ним особенно не говорила и никогда себе этого не позволит, не сказавши в ту же минуту обо всем отцу. Рж⟨евский⟩ же останавливался потом объясняться с Мойером и получил от него Докторский отказ, который, вероятно, любовь перетолковала в надежду. Катя весело, беззаботно догадывалась и потому уже узнала решение отца. У нее не только нет недостатка доверенности, но слишком большая вера в отца, она хочет *его* выбору, бережет его спокойствие и вполне согласна с его волею. — Еще же Рж⟨евский⟩ мог и то растолковать в свою пользу, что я просила его сказать вам. — Повторяю вам, что Катя с ним не говорила и не дала ему никакой надежды. Если увижусь с ним в Петербурге, то успею еще уничтожить последнюю соломинку, за которую он хватается и оправдаю в его глазах Катю. Но он винить ее не может, он знает, что она с ним не кокетничала и ничего особенного между ними не было. Вот, душа моя, все наши прегрешения. От сестры Анеты плохие вести: Зонтаг отчаянно болен. Дай Божьей крепости и покорности. У него в сильном градусе водянка. — Вот чем пришлось заключить! Но ведь доброе правило, вами данное, тут же: Счастие и несчастие есть только воля Божия в разных изменениях, и нам на все следует говорить: «Аминь». — Обнимаю вас.

Перевод

* Снегурочка (*нем.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 44, л. 6—7 с оборотами.
Печатается по автографу.

303. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 марта 1841[1]

Вот письмо от сестры! Тяжело, что я не с нею[2]: вдохновение мое ехать к ней было не даром! Напишите к ней, душа моя, ваше милое дружеское слово бальзам родному сердцу. Теперь надобно, чтобы мы жили вместе, я надеюсь, ей это предложение понравится. Тут у детей наших будет по две матери, пусть каждая из нас возьмет обеих долю и вместе донесет, куда должно. — Дороги нет никакой до Одессы, и целый месяц никому пуститься к ней нельзя: если б она в Карлсбад поехала, ей близко Дунаем. — Мои места уже взяты; если вы получили от Смирдина по векселю, то заплатите, пожалуйста, Соболевскому. Я пишу к нему, чтобы он удержал за нами и место для служанки, но, вероятно, вы можете сказать ему прежде, нежели он получит мое письмо.

Обнимаю вас крепко. Чем меньше круг становится, тем теснее хотелось бы сблизить его!

ваша Ев. Елагина.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 20.
Печатается по автографу.

304. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

30 марта 1841 г.[3]

Милая Авдотья Петровна, спешу вас уведомить, что Смирдин отказывается заплатить в срок по векселю и действительно дела его в большом расстройстве. В эту минуту не могу сказать вам наверное, могу ли дать вам от себя те деньги, кои он вам должен; это объяснится после свадьбы Великого Князя; если мне дана будет денежная помощь на мое обзаведение, то, разумеется, я приготовлю вам деньги, если же не будет дана, то я сам буду в крайнем затруднении. Итак, вы возьмите свои меры теперь для уплаты за пароход и привезите с собою деньги, нужные возвратить Соболевскому, который за билет заплатил из своего кармана. У меня же теперь все в обрез: что есть в кармане, то надобно все заплатить; на дорогу и свое обзаведение надобно занимать — в конце же месяца (апреля) все уладится. — Чтоб вам не делать попустому путешествия на Рейн, то знайте, что я в Дюссельдорфе буду не прежде, как после 21 мая (день, назначенный для моей свадьбы в Штутгар-

[1] Датируется на основании штемпеля: «Москва. 1841. Марта 26».

[2] *Тяжело, что я не с нею…* — По всей видимости в письме Анны Петровны Зонтаг, присланном Елагиной Жуковскому, сообщается о смерти Е. В. Зонтага (1785—1841).

[3] Дата устанавливается по содержанию и записи в дневнике: «30 / 12. Светлое Воскресенье» (ПСС2. Т. 14. С. 252).

де). Вернее устроить так, чтобы вам заглянуть в Дюссельдорф на вашем возвратном пути. — Я нынче писал к Анне Петровне. Уведомьте, на что она решится.

Целую всех. Христос Воскресе.

30 марта. Св⟨етлое⟩ Воскресенье.

Прошу вас приложенный ящик отослать к Гельфрейху с *тремя* экземплярами моего портрета, так же и письмо.

Письмо к Анне Михайловне Павловой также отошлите.

Не вообразите, чтобы я отказывался от выдачи денег; мне их только *теперь* нельзя выдать; после я это улажу. Но вы только приготовьте денег для уплаты Соболевскому, ибо теперь у меня все в обрез.

Один экземпляр портрета Анне Михайловне Павловой и еще один барону Петру Ивановичу Черкасову[1].

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 68—69.
Печатается по первой публикации.

305. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 апреля 1841[2]

Душа моя Жуковский, я послала вам *кольцы*[3], носите долго и легко эту милую цепь! Господь вам Сам назначил ваш мирный уголок, Сам избрал его для вас, и после Него нам, право, мудрено гомозиться. — Я не написала вам с кольцами потому, что опять занемогла; не знаю, что и как распорядит Мойер, а вижу, что в мае к вам не поспеешь; но, может быть, это тем лутче. Иноземцев и вас зовет в Карлсбад[4], и уверяет, что Копп должен туда послать вас. Спроситесь-ка! — Меня очень огорчает положение сестры А⟨нны⟩ П⟨етровны⟩. Вы увидите Графа Ворон-

---

[1] *Один экземпляр портрета Анне Михайловне Павловой и еще один барону Петру Ивановичу Черкасову* — «Портрет Жуковского, о котором здесь упоминается, был печатный; судя по времени, это могла быть или гравюра Райта с Брюлловского портрета (относ. к 1839 г.) или литография с Берлинского портрета Крюгера (относ. к 1840 или 1841 г.) — А. М. Павлова — это сестра пансионского товарища Жуковского, С. М. Соковнина. Петр Иванович Черкасов (Пьер, Петруша) — сын «володьковского» барона И. П. Черкасова» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 69.).

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «Москва. 1841. Апреля».

[3] *...я послала вам кольцы...* — Авдотья Петровна отправила Жуковскому и его невесте обручальные кольца.

[4] *Иноземцев и вас зовет в Карлсбад*... — Федор Иванович Иноземцев (1802—1869), врач, был учащимся Профессорского института, учрежденного в 1828 году ректором Дерптского университета Г. Ф. Парротом.

цова, думаю, что не только можно, но и должно выхлопотать *ей* пенсию; ведь он 40 лет служил[1]. — Поговорите Графу, пусть будет тут ваше участие.

Напишите мне, пожалуйста, перед вашим отъездом, не нужно ли послать денег Соболевскому? Получили от Смирдина? — Я Мойеру написала, что пароход взят на 10-е число для того, чтобы иметь возможность поспеть к 17-му.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 22.
Печатается по автографу.

306. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 апреля 1841[2]

Душа моя Жуковский, сделайте милость, не думайте, чтобы я теперь не умела питать должное уважение к карману Василья Андреевича — ведь я ему, т. е. Василью Андреевичу родная сестра, и чуть ли он не в 10 раз мне дороже своей собственной персоны. Я надеялась на Смирдина! Но увы! видно, это предприятие совсем капут на васер, как говорит Ал⟨ексей⟩ Андр⟨еевич⟩, иначе вексель важная особа! — Итак, не *прислать* ли мне Соболевскому деньги его? — Ведь человеку негоцианту каждый день разочтен, а мы будем в Петербурге не прежде 14-го или 15 мая. Напишите мне перед вашим отъездом, дай Бог, чтобы вам устроилось все, как должно! С трепетом ожидаю окончания, и досадно, что можно трепетать.

Вы обещали Вигелю[3] сказать что-то для него важное Блудову. Вигель сердится и ждет: не забудьте исполнить его поручение и поговорить с Воронцовым о сестре Анне Петровне. Простите, мой бесценный, добрый друг.

10 апреля. Ваша Евдокия.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 24.
Печатается по автографу.

---

[1] *Вы увидите графа Воронцова, думаю, что не только можно, но и должно выхлопотать ей пенсию; ведь он 40 лет служил* — Михаил Семенович Воронцов (1782—1856), см. примечание к письму 227. Авдотья Петровна хлопочет о пенсии для своей сестры, Анны Петровны Зонтаг, в связи с потерей мужа, Егора Васильевича Зонтага, прослужившего 40 лет на государственной службе, и считает возможным обратиться с просьбой к наместнику бессарабской области графу М. С. Воронцову.

[2] Дата устанавливается по штемпелю: «Москва. 1841. Апреля 11».

[3] *Вы обещали Вигелю…* — Филипп Филиппович Вигель (1786—1858), активный член «Арзамаса» (арзамасское прозвище — Ивиков Журавль); в 1830-е годы — постоянный посетитель «суббот» Жуковского в Шепелевском дворце, литератор и мемуарист, автор «Записок», сослуживец братьев Тургеневых, видный чиновник.

307. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

18 апреля 1841, СПб.

Милая Авдотья Петровна. Кольца получил и целую за них ваши ручки. Жаль только, что выставлено число. Ну, как не в этот день быть свадьбе? Но это будет мне вместо закона, и я постараюсь непременно пригнать к 21 мая[1]. — Писать к вам нет времени. Хотел только сказать, что последнее письмо мое[2] вздор — деньги нашлись, и я нынче же заплатил Соболевскому деньги 910 руб. за пароход Николай, отправляющийся 17-го мая. О уплате мне не хлопочите, возьму в свое время с Смирдина. Постараюсь содрать с него и другую тысячу, которую вам доставлю за границей. Дай Бог что-нибудь сделать для нашей Аннеты[3]. Обнимаю всех домочадцев и с ними Ермолафа с Ольгою[4].

18 апреля 1841.
Жуковский.

P. S. Билеты пароходные у меня; получите их у Зейдлица[5], которому они будут переданы.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 95.
Впервые опубликовано: РБ. С. 116.
Печатается по копии.

---

[1] *...я постараюсь непременно пригнать к 21 мая* — Свадьба Жуковского состоялась действительно 21 мая 1841 года в церкви русского посольства в Штутгарте (Зейдлиц. «Жизнь и поэия В. А. Жуковского». С. 182).

[2] *...последнее письмо мое...* — В письме от 30 марта Жуковский сообщал, что в данную минуту у него свободных денег нет, что деньги за билеты заплатил Соболевский, и просил А. П. Елагину привезти с собою деньги для отдачи Соболевскому.

[3] *Дай Бог сделать что-нибудь для нашей Аннеты* — «А. П. Зонтаг в своих письмах (от второй половины 1840 года) к Жуковскому и П. А. Плетневу жаловалась на свое безденежье по причине неурожая в Тульской губернии, откуда не только не было доходов, но еще надобно было кормить крестьян (К. Я. Грот «Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским». СПб., 1909. С. 6 и 15). По условию Смирдин должен был, получив часть оригинала для «Библиотеки народных сказок» в 10 печатных листов, уплатить за нее тысячу рублей ассигнациями. Но он этого не исполнил и выдал Жуковскому по получении от А. П. Зонтаг и А. П. Елагиной части оригинала, вместо наличных денег, вексель на тысячу рублей, по которому обязался уплатить в марте 1841 года (К. Я. Грот «В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг». С. 9), но, когда наступил срок, Смирдин отказался платить по векселю (УС. С. 68) В конце концов он отказался от предприятия, и в сентябре 1841 года А. П. Елагина просила Плетнева возвратить ей и А. П. Зонтаг их рукописи (К. Я. Грот «В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг». С. 9)». (Примечания И. А. Бычкова. РБ, С. 116—117.)

[4] *...Ермолафа с Ольгою* — Александра Михайловича Тургенева и его дочь Ольгу, см. примечание к письму 105.

[5] *Билеты 〈...〉 получите у Зейдлица* — К. К. Зейдлиц просил А. П. Елагину по прибытии в Петербург остановиться у него на квартире (УС. С. 67).

308. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

22 апреля 1841 г.[1]

Милая Дуняша, писать мне к вам много нет никакой возможности; но в двух словах надобно сказать вам о том, что для меня решилось. Во-первых, чин тайного советника; это хорошо для *внешнего* света. Для внутреннего, домашнего света, где все нужнее покойное настоящее и ясное завтра, сделано все, чего я желал: дана мне полная свобода с сохранением места при Наследнике; 10000 жалования обращены в пенсион; оклад по месту 18000 сохранен; все это с моим пенсионом прежним даст мне 32000 годового дохода; да еще Государь пожаловал 10000 серебром на первое обзаведение — большего я и во сне не желал; могу теперь смело идти под венец рука в руку с моею — какое бы дать ей имя? Сами назовите ее. Сверх того и продажа имения идет весьма удачно. Я не думал продать его дороже 90000, а продам за 110000, что вместе с моею арендою составит мне капитал в 130000. — Слава Царю небесному! Дай Бог пожить так, как Ему надобно. И да благословит Он царя земного. — Еду 30-го апреля или 1-го мая. Вы однако не ищите меня при вашем приезде в Дюссельдорф. Лучше при отъезде. Тогда уже я верно буду на месте. Теперь же верно меня не найдете. — Обнимаю вас и всех ваших.

P. S. Сию минуту кончил продажу моего имения. Думал сначала, что оно не может быть продано дороже 90000, а продал за115000 и за чистые деньги. Это сделалось перед портретом Елизаветы Алексеевны.

И знаете ли, кто купил? — Зейдлиц. — Не чудное ли стечение обстоятельств?[2]

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 69—70.
Печатается по первой публикации.

309. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1841 г. 29 апреля[3]

Милая Авдотья Петровна, я еду послезавтра, 1-го мая. Простите, до свидания. Мои дела, слава Богу, совсем устроились и как я желал. Об этом весело будет

---

[1] Дата устанавливается на основании записи Жуковского в дневнике от 22 апреля 1841 года: «Утром у меня торговая площадь. Сначала Паррот, потом Герцен. Потом Штакельберг, Сиверс и Зейдлиц. Он решил предложить цену письменно, а мне выбрать. Выбор пал на Зейдлица. Сиверс предложил 115, Штакельберг 119, а Зейдлиц 5000-ми против каждого более» (ППС2. Т. 14. С. 257). Это соотносится с сообщением в письме: «Сию минуту кончил продажу моего имения».

[2] *Не чудное ли стечение обстоятельств?* — Имение Жуковского — это Мейерсгоф близ Дерпта. Полученный от продажи капитал Жуковский разделил на три части и назначил трем дочерям А. А. Воейковой.

[3] Датируется по содержанию: Жуковский выехал в Германию 3 мая 1841 года.

поговорить на Рейне; но заезжайте ко мне не иначе, как на обратном пути, если поедете через Любек; теперь меня не найдете.

Ваш Жуковский.

Приложенное письмо перешлите по адресу.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 70.
Печатается по первой публикации.

310. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2/14 июня 1841[1]

Милый брат, вот мы и в Берлине[2] по вашему велению. Отсюда в Дрезден и Карлсбад, где, вероятно, найдем приказание, куда нам стремиться. Милый друг, будьте нашей звездою путеводительницей и скажите, можем ли вас видеть и когда *можем*? — День вашей свадьбы, душа моя, встретили мы еще на пароходе, обнялись все вместе, все помолились включая Дашковых и Сергея, потом стали блевать сколько кто мог! Вероятно, не то было бы нам в Дюссельдорфе. Ввечеру сошли на землю и едва отдохнули! Дожди проливные сопутствуют нам, не унимаясь, и отнимают всё удовольствие путешествия. Здесь хочется провести неделю, чтобы осмотреть все, но жалко, что никого не знаю. Некому показать, что нужно казать. В Карлсбаде буду ждать вашего повеления; повидавшись с вами, возвратимся домой сухим путем, море жестоко с нами обошлось, да и в Сентябрь будет еще грознее. Душа моя, все мысли к вам стремятся, всякую минуту вас жажду обнять и благословить.

Chére M-me Joukofsky, vous voilà nouée au meilleur de tous les hommes, que Dieu continue à vous bénir! Votre soeur Eudoxie désire vous voir, vous embrasser, vous porter les voeux de son coeur. — Dites seulement quand ce bonheur me sera permis? — A la fin de juillet j'aurai fini mon cours d'eau, et nous désirons retourner par terre à

[1] Дата устанавливается на основании содержания и по штемпелю: «Berlin 15 / 6».

[2] *...вот мы и в Берлине...* — За время короткого пребывания в Берлине Авдотья Петровна посетила лекции профессора Карла Вердера, ученика и последователя Гегеля. В письме к А. А. Елагину от 7 / 19 июня 1841 г. она сообщала: «Познакомилась с Дьяковой, сестрой юношей Бакуниных, милая и интересная дама. Еще с Вердером, за что отменно благодарна Грановскому, который обещал переслать вам несколько его лекций и книг, но каких? — Хорошо быть Тургеневу для этих случаев. — Писала отсюда к Жуку и звала его в Карлсбад» (РГБ, ф. 99, к. 1, № 21, л. 16—16 об.). Сохранилась тетрадка с рукописным текстом (по-немецки и по- русски) неустановленного лица (возможно, В. А. Дьяковой), посвященным Авдотье Петровне: «Берлин. 17 июня ⟨1841⟩. Вчера не успела написать о последней прощальной лекции Вердера,— посмотрю, не успею ли сегодня, но прежде перепишу вам несколько стихотворений его двоюродной сестры, которые верно вам очень понравятся. Пускай это хоть немножко будет напоминать нашу короткую встречу в Берлине» (РГБ, ф. 99, к. 15, № 61, л. 4).

Moscou. Pussiez-vous nous permettre bientôt de contempler le plus cher spectacle dont il ⟨*нрзб.*⟩dans le ciel, comme sur la terre: ce bonheur de Joukofsky! — Recevez tous les deux ensemble un bien tendre et fraternel baiser*[1].

Перевод

* Дорогая мадам Жуковская! Вы выбрали лучшего из всех людей, которого Бог благословляет для Вас. Ваша сестра Евдокия хочет увидеть Вас, обнять Вас и принести сердечные пожелания. Только скажите, будет ли мне разрешено это счастие? К концу июля я закончу курс вод, и мы хотим вернуться по суше в Москву. Смогли бы Вы позволить созерцать самый дорогой спектакль как на небе, так и на земле: это счастие видеть Жуковского. Посылаю вам обоим нежный и братский поцелуй (*франц.*).

---

[1] Далее шла приписка, сделанная Катей Мойер и Машей Киреевской:

«Maintenant cher ange, mon excellent Joukofsky, il ne dépend plus que de toi de te faire de plaisir en nous rendant heureux comme il n'est donné à personne d'être sans une grâce toute particulière du Ciel. Nous voilà à Berlin, comme tu le vois, il ne tient donc plus qu'à vous et à nous de nous voir. Cher ami fait que cela soit bientôt. Le bonheur j'espère ne vous fera pas oublier qu'il y a au monde des amis à vous, qui ont besoin de contempler ce bonheur. Mon ange, Joukofsky, tu ne nous oublieras pas! Du Elisabethe se soutiendra qu'il nous faut absolument te voir, non pas l'aimer, c'est tout fait, mais pour tâcher de nous faire aimer d'elle. [Жучинька, получил ли ты письмо из Бунина, если будешь отвечать нам, то не забудь сказать мне, что у нас делается, что к тебе пишут. Я не могу ожидать письма прежде Карлсбада, и признаюсь, что немного о них беспокоюсь. Папа, говорят, очень грустен, et cela me gâte tout le plaisir [и это портит мне настроение (*франц.*)]. В Петербурге я была у Маши два раза, она так мила, так мила, что я даже не ожидала этого: она мне обрадовалась без памяти. Бедной девочке теперь грустно, она совсем одна и очень желает выйти скорее. — Напиши мне также, Жучинька, об Андрее, видел ли ты его проездом через Ригу, отослал ли ты его в Бунино и с кем? Как нашел ты его? Каков он?

N'est-ce pas trop egoïste, mon excellent Joukofsky, de te faire toutes ces questions-là quand tu as sûrement beaucoup d'autres choses à dire, que de parler de cela. Je me console en pensant que tu es trop heureux pour pouvoir le dire et l'exprimer par des paroles, c'est donc te rendre un service que de te donner d'autres sujets. — Mets-toi à ma place, c'est la première fois que je suis si loin des miens, tu conserves facilement comme j'ai besoin d'apprendre ce qu'il faut. [Не слишком ли Вы эгоистичны, мой великолепный Жуковский, задавая все эти вопросы, когда у вас, конечно, есть еще кое-что сказать, чем говорить об этом. Я себя утешаю, думая, что ты слишком счастлив, чтобы можно было это сказать и выразить словами, это оказать тебе услугу и дать другие темы. Поставьте себя на мое место, впервые я здесь так далеко от своих. Вы легко представите, как мне надо узнать то, что надо (*франц.*)].

Жучинька, обними за меня славную свою жену, скажи ей, что, хотя я и не видала ее, но люблю ее, как Благодетельницу, которая за нас платит долг наш тебе. Дай ей Бог возможность, хотя это почти невозможно, воздать тебе сторицею то, что ты для нас всех сделал. Прощайте, будьте здоровы, друзья, et soyez persuadés tous deux qu'il y a au monde une personne qui donnerait sa vie pour vous procurer le bonheur que vous méritiez, et qui ne cesse pas de prier pour vous.

Votre Catherine Moier [Будьте уверены оба, что в мире есть человек, который отдаст свою жизнь, чтобы обеспечить счастие, которое Вы заслуживаете, и который не перестает молиться за Вас.

Ваша Катерина Мойер (*франц.*)]

Позвольте и мне крепко, как можно крепче, обнять вас обоих.
Ваша Маша Киреевская».

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 26—26 об.
Печатается по автографу.

311. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1/13 июля 1841[1]

Вот уж мы почти две недели в Карлсбаде, милый брат! от вас ни строки. Душа моя, я *писем* не требую, больше, нежели кто, понимаю, что вы погрузли в добром, тихом вашем счастии, но прошу несколько слов: решения нашей судьбы. — Скажите, ехать ли нам в благословенный Дюссельдорф и когда? — Муж мой не хочет, чтобы я ехала к вам, и так как мы не морем должны возвратиться, то зовет в августе домой и уверяет, что вы с Елизаветой сами будете в Карлсбаде. Признаюсь, что мне жестоко больно будет быть в Германии и не быть у вас: я даже этого понять не хочу. Прикажите, как нам и когда явиться перед светлое лицо ваше. — Ежели у вас есть письма от детей на мое имя, сделайте милость, перешлите сюда.

Мы довольно порядочно ведем себя, я пью воду, а дети бегают по горам. Все жаждем вас; а пока обнимаю издали.

Евдокия[2].

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 28—28 об.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания: летом 1841 года А. П. Елагина находилась на лечении в Германии. Адрес: «à Dusseldorf à Son Excellence M. Joukofsky Василию Андреевичу Жуковскому».

[2] Далее следует приписка Кати Мойер:

«On prétend, Joukofsky, que vous êtes allé passer votre lune de miel en Suisse, si cela est vrai c'est sûrement à Verney que cette lettre vous trouvera, et alors apparemment que nous n'aurons de longtemps pas de réponse. Mais toujours, mon Ange, faut-il que tu te décides à nous écrire quelques mots, ne fût-ce qui [Утверждают, Жуковский, что вы поехали проводить медовый месяц в Швейцарии; если это так, то это письмо найдет Вас в Верне и тогда, возможно, долгое время у нас не будет ответа от вас. Но все же, ангел мой, надо, чтобы ты решился написать несколько слов, хоть что-то (*франц.*)], приезжайте туда, тогда-то.

Je n'ai pas trouvé des lettres ici de Bounino, ma tante n'en a point eu de Moscou, et qui nous a toutes bien désagréablement désappointées. Si par hasard ils eurent l'idée d'écrire à ton adresse, nous les attendrons longtemps leur lettres! Mais j'oublie que tu n'as pas de temps de t'amuser maintenant à lire mon bavardage, je n'accuserai pas de ton patience. Adieu, mon ange, mon excellent Joukofsky, porte-toi bien, c'est le seul bien qui ne soit point maintenant dans ton pouvoir d'avoir embrasser de ma part ta délicieuse Elisabethe. Que Dieu vous bénisse. Ta dévouée et affectionnée Catherine. [Я не нашла здесь писем из Бунина, а моя тетя — из Москвы, что нас очень неприятно разочаровало. Если случайно им пришло в голову написать на твой адрес, мы долго будем ждать их писем. Но я забываю, что у тебя нет времени, чтобы развлекаться сейчас чтением моей болтовни, я не буду испытывать твоего терпения. Прощай, ангел мой, мой великолепный Жуковский, чувствуй себя хорошо, единственное, что сейчас не в твоей воле,— это поцеловать от меня вашу нежную Елизавету. Храни вас Господь.Твоя преданная и любящая Катерина (*франц.*)]».

312. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

5 / 17 июля 1841 г.[1]

Спешу предуведомить вас, милая Авдотья Петровна, что я ровно через месяц после сего дня отправляюсь на две недели к родным жены моей. Было бы для меня больно и грустно, и досадно, и ничем не заплатимо, если бы вы меня не нашли в Дюссельдорфе. Итак, согласите план вашего путешествия с моим планом и предуведомьте меня, когда непременно будете вы в Дюссельдорфе? По вашему письму 1-го июля было уже две недели вашего пребывания в Карлсбаде, итак нынче, 5-го почти три недели; вам, вероятно, надо будет пробыть там еще три недели. Следовательно, вы можете быть в Дюссельдорфе около 3 / 15 августа. Хорошо бы этот день провести с нами: это день моей помолвки. Жаль только, что вы не найдете все еще меня совершенно устроенным в своем доме: но побывать у меня вы должны непременно.

Жду нетерпеливо вашего ответа.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 70.
Печатается по первой публикации.

313. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 / 13 июля 1841[2]

Мы постараемся быть в Дюссельдорфе, у *вас*, милая душа моя, к 3-му Августу, нашего стиля. Мои шесть недель не будут полны, но вся жизнь моя не будет полна, если уехать надобно из Германии, не видав вашего милого счастия, вашей жены, вашего семейного быта. Итак из двух зол я выбираю, en femme raisonnable*, меньшее. Вы, Ангел мой, не хлопочите об нашей квартире, первый Hôtel**, который будет недалеко от вас, будет нам хорош. На два или три дня, которые нам удастся поглядеть на вас, не все ли равно, куда пристать? Сердцу будет так хорошо, что нигде беспокойно не будет. — Я имела глупость купить коляску, для того, что не думала возвратиться морем: теперь придется ее где-нибудь бросить; я думаю, у Коппа. Может статься, возьмет ее Языков. Но может и то, что мы в ней же доедем до дома. — Во всяком случае я с вами спросилась, и по-вашему будет. — Катя все нездорова и смущает мне душу. — Здесь Коновницын, Граф Пушкин[3], все

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания: пребывание А. П. Елагиной за границей.

[2] Датируется по штемпелю: «23 Juli Carlsbad Erfurt 28|7».

[3] *Здесь Коновницын, Граф Пушкин…* — Иван Петрович Коновницын (1806—1867), граф, прапорщик конной артиллерии декабрист; Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798—1854), граф, отставной капитан лейб-гвардии Измайловского полка, декабрист.

вам кланяются и сердечно вас помнят и благословляют, а я обнимаю крепко, как люблю.

Chère Elisabethe, le 3/15 d'Août j'espère que Votre soeur aura le bonheur de Vous embrasser et vous faire voir et de vous faire voir combien elle vous appartienne. Tous mes enfants vous embrassent avec la plus vive tendresse et se réjouissent de notre prochaine réunion. Que le Ciel vous benisse l'un et l'autre***.

Перевод

*как благоразумная женщина (*франц.*).

***Дорогая Елизавета, 3/15 августа, я надеюсь, что Ваша сестра будет счастлива Вас обнять и вам показать, насколько она вам принадлежит. Все мои дети обнимают Вас самым нежным образом и радуются нашему ближайшему соединению. Да благословит вас Бог, одного и другого.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 30—30 об.
Печатается по автографу.

314. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

18 декабря 1841[1]

Душа моя Жуковский, сердечный брат мой, здравствуйте! Вы сердитесь а, может быть, грустите, что я до сих пор порядочно не писала к вам! Что делать! тысячи различных горестей отнимают у меня всякую возможность явиться перед другом; закрыть от него сердце также не могу. Возвратясь сюда, я совсем сделалась Вагука[2], и если душа не загоралась при одной мысли о вашем счастьи, то сама бы себя не узнала. — И у вас, душа моя, было горе! Болезнь Елисаветы и обманувшая радость. На будущее время это не должно пугать вас. Многие, мне знакомые, между прочим, Свербеева выкинула первого ребенка, и после произвела на свет целый десяток крепких и здоровых детей. Берегите ее, но не слишком нежьте, и главное: не пугайтесь. Ваш страх отнимает у нее бодрость. Мы, женщины, должны быть беспечны и здоровы душевно, чтобы с крепостию переносить назначенные нам недуги тела. Я уверена, что теперь уже сказались новые признаки беременности. Пусть она ходит пешком и первые 3 месяца совсем не ездит в карете; пусть будет весела и беспечна. Напишите мне без лени, когда мое ожидание оправдалось и вам Бог дал новую надежду. Ведь ваши радости все вполне отзываются в моем сердце, своих собственных нет à défaut*, любовь хранит камеру свято.

Мне здесь весьма нехорошо. Морское путешествие повредило всем здоровым, а, может быть, и простуда в день приезда и после, здесь. — Катя была опасно больна кровавым поносом и потом воспалением в животе. — Это помешало мне отвести

[1] Дата устанавливается на основании указания в письме дня написания: 18 Декабря. Письмо написано вскоре после возвращения из-за границы, то есть в 1841 году.

[2] *...я совсем сделалась Вагука...* — Вагука — имя героя Наля из повести Жуковского «Наль и Дамаянти» (1842), главы из которой Елагина переписывала в Дюссельдорфе.

ее в Бунино, потом уничтожились все пути, и до сего числа, т. е. до 18 Дек⟨абря⟩ еще она не виделась ни с отцом, ни с бабушкой, и обе партии сокрушаются, à qui mieux, mieux**, для вящего моего мучения. — Иван Кире⟨евский⟩ здесь и живет от меня недалеко, но видимся с ним в две недели раз, и то на полчаса. Он совершенно отстал от меня, и в этом горе упреки и увещания не помогут. — Петр все еще тот же покуда, со мною добр и с песнями ленив. Василий бледнеет над книгами и собирается будущей весной в Берлин; меньшие учатся прилежно. — Вы знаете уже, что сестра А⟨нна⟩ П⟨етровна⟩ отдает дочь Австрийцу[1]. — Невозможность передать Мишенское Маше сокрушает ее. Продавать она не может решиться, ей кажется это святотатством. Послушайте же, что я придумала: купите Мишенское *вы*, тогда оно все равно будет родное, наше, и всем, кому заблагорассудится, можно будет проситься в каменную палатку за овраг. Подумайте-ка об этом и поговорите с нею; нельзя ли какую сумму сделать на будущее время. Горько мне не иметь возможности ехать к ней и знать ее в таком сиротстве одну. — Но что рассказывать вам горькое, оборачиваясь на все стороны, откуда оно ко мне лезет! У вас мир! Да будет он с вами, для успокоения моей души. Развешивайте ваши картинки и радуйтесь милой вашей Мадонной, которую я полюбила, как сестру, как дочь и как хранительницу нашего лучшего блага. Посылаю ей 12 пар башмаков, 1 туфли и одни коты; 6 пар Mia[2] и три туфлей и коты. — Получили ли вы табак? — Друг мой сердечный, Господь да благословит вас[3].

Chère Elizabethe, soeur chérie, combien je pense à vous et combien au milieu des ténèbres de mon existence, votre amitié est une douce lueur pour mon coeur. Tout ce que vous faites wie du lebst und bist tout cela est en présence et remplit de l'inquiétude et de bénédiction, tous mes désirs d'avoir le plus cher ami de mon coeur. Etes-vous bien portant à présent? Avez-vous des nouvelles espérances? Mon coeur me dit que oui, écrivez-moi sans attendre la lettre de Joukofsky. La maladie de Cati (sic) nous a cruellement fait souffrir, elle est toujours pâle et faible et je crains beaucoup l'entrevue avec le Père M. Votre cousine Lawton a perdu ses deux enfants et quoique elle vient d'en mettre au monde encore un, ni le mari, ni la femme ne peuvent se consoler. Mde Reutern est chez nous maintenant avec ses deux filles. Les Helfreiht sont aussi bons pour moi; nous nous réunissons souvent pour parler ensemble de notre excell, Jouk, et j'ai toute de la joie de les entendre le bénir. Chère amie, suis-je parmi vous quelquefois? Sentez-vous que vous avez une amie véritable et dévouée? — Je vous embrasse tendrement et vous prie de me rappeler un bon souvenir de toute votre charmante famille, et de Votre Père,

---

[1] *…сестра А⟨нна⟩ П⟨етровна⟩ отдает дочь Австрийцу* — Марья Егоровна Зонтаг вышла замуж за австрийского консула в Одессе Гутмансталя.

[2] *…6 пар Mia…* — Миа (1822—1847) — сестра Елизаветы Рейтерн, жены Жуковского.

[3] Далее следует приписка Кати Мойер:

«Бесценный мой Жуковский, мне мало места осталось писать к тебе, да и писать нечего, тетенька все сказала да и к Елизавете все выболтали; из Бунина напишу все длинно и обстоятельно, как нашла там всех. — Бог с тобой, ангел наш Жуковский, будь здоров и счастлив. Сколько планов мы за вас делаем, коли бы ты слышал, наверное бы прельстился».

hélas! que je n'ai pas eu le bonheur de voir. Je vous envoie des souliers et à Mia aussi. Dites s'ils sont bons? —

Votre soeur Eudoxie*** [1]

Перевод

*за неимением (*франц.*).
**наперебой (*франц.*).

---

[1] Далее следует приписка Кати Мойер:

«Nous sommes toutes fautives envers vous, mon Elisabeth chérie, mais pas autant que vous avez le droit de le penser, car ma pauvre tante depuis notre arrivée a été toujours souffrante, et c'est à la lettre le premier jour qu'elle est un peu mieux, qu' elle s'est empressée d'en profiter pour vous donner de nos nouvelles et vous demander des vôtres. Ce vilain voyage sur mer a été bien désagréable, nous avons essayé une tempête horrible, 3 vaisseaux ont péri aux yeux de notre capitaine, et nous mêmes avons été à un doigt de la mort, c'est vous sûrement, cher ange, qui avez prié pour nous, comme vous nous l'avez promis dans bienheureux Schwalbach. Dieu nous a sauvés afin d' ⟨*нрзб.*⟩ vos prières. Pensez-vous assez souvent à nous, à ces bienheureuses journées que nous avons passées près de vous à Dusseldorf et à Schwalbach? Moi, je m'en souviendrai toute ma vie, avec bonheur, pour vous bénir et pour demander à Dieu de me rendre toujours digne de l'amitié que vous m'avez témoignée. Nous parlons continuellement et de vous avec ma tante, Marie et Lila, votre jolie maison de Dusseldorf est un coin béni de Seigneur où nous nous retirons en idée quand nous avons quelque chagrin. C'est un si grand bonheur que de savoir ceux que l'on aime heureux, j'espère que vous l'êtes tout à fait maintenant et que vous vous portez tout à fait bien, si cela n'était pas, ce serait une preuve que Dieu ne nous entend plus, car tous les jours vos amies de Moscou prient pour vous. — Nous avons trouvé ici tout le monde bien portant, et heureux de nous revoir, comme vous vous souvenez sûrement des noms des fils de ma tante, je puis en parler sans expliquer la généalogie, c'est comment ils se suivent l'un après l'autre. André nous a rencontrés en uniforme d'étudiant, il a bien fait son examen, et étudie avec beaucoup d'application. Ils sont aussi gais et aussi bons que par le passé. Pierre Kiréefsky était dans sa campagne lorsque nous sommes arrivées, comme ma tante voulait me reconduire elle-même, il nous attendait dans sa campagne qui est près de la nôtre. Le jour fixé pour notre départ je suis tombée malade d'une information, assez dangeureusement; cela nous a arrêté, papa de son côté était malade au Bounino, Pierre Kiréefsky est venu ici. Pendant ce temps le chemin s'est gâté, il n'y a pas aussi de neige pour aller en traîneau et trop pour aller sur route, voilà ce qui fait que je suis encore ici, sous les ailes de ma tante chérie, à attendre tous les jours papa qui n'arrive pas. Grand Maman se désole de ne pas me voir et on dit que papa aussi est bien impatient de me revoir, voilà ce qui cause mon chagrin.

Vous savez que lorsque on est avec ma tante chérie, avec sa délicieuse famille on ne peut en avoir d'autres, et je suis ici, aussi bien que dans le paradis. — Mon angélique Elisabethe comme j'aurai voulu au lieu de ce vilain avoir votre douce figure vis-à-vis de moi; j'aurais tant de choses à vous demander, il me semble toujours que je n'ai pas assez profité de ce bonheur lorsque j'en avais les moyens, comme j'aurai mieux fait maintenant! Mon Dieu, l'aurai-je jamais, ce bonheur! Du moins, cher ange, faisons tout ce qui est dans notre pouvoir pour ne pas rompre cette amitié qui a si bien commencé, écrivons-nous aussi souvent que nous le pourrons, n'attendez pas les lettres de Joukofsky, pour nous répondre, il sait que nous n'en exigeons pas de lui, maintenant qu'il a un ange comme vous près de lui, il ne peut et ne doit s'occuper que de son bonheur qui est le vôtre, et ne peut pas conséquemment nous écrire, mais il doit nous aimer et vous aussi, n'est-ce pas? car vous n'avez pas d'amie plus dévouée et plus attachée à vous deux.

Catherine Moier.

***Дорогая Елизавета, любезная сестра, как много я думаю о Вас и как, посреди мрака моего существования, Ваша дружба — это нежный лучик для моего сердца. Все, что Вы делаете, все это есть в настоящий момент и наполняет беспокойством и благословением все мои желания иметь дорогого друга сердца. Хорошо ли Вы сейчас себя чувствуете? Есть ли у Вас новые надежды? Мое сердце говорит мне что да, пишите мне, не дожидаясь, когда соберется писать

Embrassez, je vous prie, votre charmante soeur pour moi et parlez-lui quelquefois de moi, car je l'aime de tout mon coeur et ne voudrais pas qu'elle m'oublie. Présentez mes respects à votre chère maman. Comment se portent les délicieux *Schwayers*. Vont-ils en train, n'a-t-on pas fait quelque nouvelle salade depuis notre depart? Imaginez-vous que je n'ai pas soigné une note de ce chant à Nicolas. Embrassez Lotti et la Commersial's rätchen et sa petite soeur par moi. Marie n'est pas à la maison aujourd'hui voilà pourquoi elle ne vous écrit pas. Lila vous embrasse. [Мы все виноваты перед Вами, моя дорогая Елизавета, но не настолько, чтобы Вы имели право так думать, так как моя бедная тетушка все еще страдает после нашего приезда, и только благодаря письму в первый день она чувствует себя лучше и поспешила этим воспользоваться, чтобы сообщить о наших новостях и спросить о ваших. Это мерзкое путешествие по морю было невыносимо, мы пережили ужасный шторм. Три судна погибли на глазах нашего капитана, а мы сами были на волосок от смерти. Это, конечно, Вы, дорогой ангел, молились за нас, как Вы и обещали в счастливом Швальбахе. И Бог нас спас благодаря вашим молитвам. Часто ли вы думаете о нас, о тех блаженных днях, которые мы провели возле вас в Дюссельдорфе и Швальбахе? Я буду об этом вспоминать всю мою жизнь со счастием, чтобы благословлять Вас и просить Бога сделать меня достойной дружбы, которую Вы мне показали. Мы без конца говорим о Вас с тетушкой, Машей и Лилой. Ваш милый дом в Дюссельдорфе — это уголок, благословенный Богом, в который мы уединяемся, когда у нас какое-либо несчастие. Это такое счастие знать, что те, кого ты любишь, счастливы. Я надеюсь, что Вы и сейчас счастливы и хорошо себя чувствуете. Если бы это было не так, то это было доказательством, что Бог нас не слышит, так как все ваши друзья из Москвы молятся за Вас ежедневно. Мы нашли здесь всех здоровыми и счастливыми видеть нас. Так как вы помните имена сыновей моей тетушки, я могу говорить о них, не объясняя генеалогию, вот так они идут один за другим. Андрей встретил нас в форме студента, он хорошо сдал экзамены и учится с большим усердием. Они также веселы и добры, как и раньше. Петр Киреевский был в деревне, когда мы приехали; так как моя тетя хотела проводить меня сама, он нас ждал в своей деревне, которая недалеко от нашей. В назначенный день моего отъезда я заболела от известия, и весьма опасно: это нас задержало. Папа со своей стороны заболел в Бунине. Петр Киреевский приехал сюда. За это время испортилась дорога, не стало снега, чтобы поехать на санях и слишком много снега, чтобы ехать по дороге. Вот почему случилось, что я еще здесь, под крылышком моей дорогой тети, в ожидании отца, который не едет. Бабушка огорчается, что не видит меня, говорят, что папа тоже в нетерпении увидеть меня — вот что объясняет мои печали.

Вы знаете, что когда мы с дорогой моей тетей и ее нежной семьей, не надо никого другого, и мне здесь так же хорошо, как в раю. Моя ангельская Елизавета, как бы я хотела вместо этого гадкого человека увидеть Ваше нежное лицо перед собой, я бы Вас о многом спросила. Мне кажется всегда, что я недостаточно использовала это счастие, тогда как у меня были все возможности, как охотно я бы сделала это сейчас. Бог мой, будет ли у меня когда-нибудь это счастие? По крайней мере, дорогой мой ангел, давайте сделаем все, что в нашей власти, чтобы не разорвать этой дружбы, которая так хорошо началась, давайте будем писать как можно чаще, не ждите писем Жуковского, чтобы нам ответить, он знает, что мы их от него не требуем, сейчас, когда рядом с ним есть такой ангел, как Вы, он может и должен заниматься только своим и Вашим счастием и не может, следовательно, писать нам, но он должен любить нас и Вас тоже, не так ли? так как у Вас нет более преданной и более привязанной подруги к вам двоим.

Катерина Моейр.

Жуковский. Болезнь Кати заставила нас жестоко страдать. Она все еще бледная и слабая, и я опасаюсь встречи с отцом М⟨ойером⟩.

Ваша кузина Лаутон потеряла двух детей и, несмотря на то, что только что родила еще одного, ни муж, ни она не могут утешиться. Мадам Рейтерн сейчас у меня с двумя своими дочерьми. Гельфрейты тоже добры со мной; мы часто собираемся вместе, чтобы вместе поговорить о нашем превосходном Жуке, и мне радостно слышать, как они его благословляют. Дорогая подруга, думаете ли вы когда обо мне? Чувствуете ли вы, что у вас есть настоящая, преданная подруга? Я нежно обнимаю вас и прошу напоминать мне о всей вашей очаровательной семье, о вашем отце, увы! которого я не имела счастия увидеть. Я вам посылаю туфли, а также Мие. Скажите, хороши ли они?

Ваша сестра Евдокия. (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 32—33 с об.
Печатается по автографу.

315. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1842. 1/13 января, Дюссельдорф

Милая Авдотья Петровна, в Новый год нельзя не сказать вам хотя двух слов: вы об нас, верно, в этот день вспомните, но напишете ли, Бог знает. В искусстве молчать вы едва ли не превзошли и Мойера. Несмотря на это поздравляю вас с Новым годом; а вы от меня обнимите и поздравьте всех своих. Но возможно ли, что вы не написали к нам ни строчки с самого дня нашей разлуки? От Екатерины Афанасьевны узнал я, что переезд ваш был самый тревожный[1] и что М⟨арья⟩ В⟨асильевна⟩ была по возвращении в Москву больна. Уведомьте, прошу вас, уведомьте о себе и об них. Теперь же (не далее как вчера) я узнал от Коппа[2] (который верно знает это через Языкова), что Катя Мойер была больна опасно. Правда ли? И что она теперь, если правда? Правда ли и то, что Маша Зонтаг[3] выходит замуж? За кого? когда? или уже вышла? Анна Петровна ко мне не напишет, она, верно, на меня сердится, что я не прямо к ней написал о моей свадьбе, а просил написать Е⟨катерину⟩ Афанасьевну⟩. Не знаю, исполнено ли; но А⟨нна⟩ П⟨етровна⟩ на два письма моих не дала мне ответа. И я бы мог сердиться, да не сержусь, ибо знаю

Обнимите за меня, прошу Вас, Вашу очаровательную сестру и рассказывайте ей иногда обо мне, так как я ее люблю всем сердцем и не хотела бы, чтобы она меня забыла. Выразите мое уважение Вашей дорогой матушке. Как чувствуют себя великодушные Швейеры? — Поедут ли они на поезде? не приготовили ли они новый салат после нашего отъезда? Представьте себе, что я не выполнила ни одной ноты из пьесы Николя. Обнимите Lotti и экономку и её маленькую сестру за меня. Маши нет сегодня дома, вот почему она не пишет Вам. Лила обнимает Вас. (*франц.*)]».

[1] *…переезд ваш был самый тревожный…* — На обратном пути в Россию, пароход, на котором ехала А. П. Елагина, едва не потонул во время бури на Балтийском море.

[2] *...я узнал от Коппа...* — И.-Г. Копп, см. примечание к письму 249.

[3] *Правда ли и то, что Маша Зонтаг выходит замуж?* — Единственная дочь А. П. Зонтаг, Марья Егоровна, вышла замуж за австрийского консула в Одессе Гутмансталя.

по себе, как толковать должно молчание эпистолярное. Напишите мне о Маше Зонтаг или перешлите то письмо, которое, верно, пишет к вам об ней Анна Петровна. — О том, что было со мною, вы знаете от Александра Михайловича. Наша разлука была как будто возмутителем моего ясного домашнего счастия. С тех пор много было тревог на душе. Это беспрестанный прилив и отлив. Семейная жизнь есть школа счастия и в то же время школа терпения. Я до сих пор не знал ни тех радостей, ни тех тревог, которые я теперь знаю. И как быстро сменяются они между собою. Вчера я, в веселом расположении души, думал о том, что напишу к вам нынче, в первый день года, хотел описать свой быт, свой дом и прочее; а нынче на душе мрачно и ничего того не могу написать, что хотел. Жена моя оправилась от своей болезни; но она похудела и худеет; и это меня так поразило вчера, что теперь все, и настоящее и будущее, передо мною потемнело. Я уверен, что скоро свет сменит эту темноту, но пока она тут, что могу написать и сказать? Жаль мне, что это так случилось, в первый день года. Я сделался или готов сделаться суеверным и принимаю предвещания, как задаток событий. Нет! это быть не должно. Бог наградил меня редким, чистым счастием: а тревоги сердца суть приданое счастия; они его необходимое условие. Если протянул руку, чтобы взять одно, должен непременно вместе с ним взять и остальное. Простите, милая, до первой ясной минуты. Когда будете писать к А⟨нне⟩ Петровне, то обнимите ее за меня и поздравьте, если подлинно то правда, что мне написано о Маше.

Поздравляю любезного Алексея Андреевича и всех ваших-моих с Новым годом. Где вы его встречаете? в каких обстоятельствах? На это не могу получить ответа прежде, как через 20 дней, если только вы решитесь отвечать немедленно; но, вероятно, вам надобно будет употребить еще 20 дней на то, чтобы мало по малу привести корпус свой в то положение, какое мы берем, когда пишем письма.

Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 101, л. 3—4 с об.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 117—118.
Печатается по автографу.

316. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

23 января 1842[1]

Пишу к вам на другой день после получения письма вашего, т. е. *немедленно*. Душа моя, не сами ли вы виноваты в том, что наших писем не получаете? Вы запретили Прянишникову[2] пересылать к вам *ненужные* письма; кто знает, какие письма кажутся ему ненужными? Выходит, что мы бросаем свои на Данаидину бочку[3]; я писала три раза из Москвы, один раз из Петерб⟨урга⟩. Сестра

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 1 / 13 января 1842 года.

[2] *Вы запретили Прянишникову…* — Прянишников Ф. И., см. примечание к письму 286.

[3] *Выходит, что мы бросаем свои на Данаидину бочку…* — В др.-греч. мифологии *бочка Данаид* — сосуд без дна, стоявший в Аиде. Бездонную бочку Данаид должны были наполнять

пять раз, и в совершенном отчаянии, что вы ей не отвечаете. — Прикажите-ка г. Пряни⟨шникову⟩ пересылать к вам *все* письма, воля будет ваша потом их просеять. — Грустно мне об вас, душа моя! Не подпускайте к вашему раю смут и забот, его не достойных! Пусть херувим с пламенным мечом любви хранит его; но пусть и Высший *Мир* в нем безысходно живет. Недуги и болезни женщины связаны с ее натурой, и если к каждому обращать беспокойное внимание, то недостанет сердца. Скажу даже, что это отнимет бодрость вашей бесподобной жены, а вам поручено не только ее телесное здоровье, но и внутреннее душевное совершенствование. *Сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим*. — Не дозволяйте ей ничего *видимо* вредного, но во всем остальном пусть живет и действует *беспечно*. Я не сомневаюсь, что худоба ее, которая так смутила вас, предвещает новую беременность. — Как тяжело, что я не могу пожить с вами, кажется, умела бы отнять эту Angstlichkeit* у вашей неопытности. Вот теперь мой Иван Киреевский только лишнею свою заботливостью уничтожает здоровье детей и свое собственное. — Пусть Елисавета ходит ежедневно *пешком*, все свои работы и занятия совершает *бодро*, и пусть ее и вас успокаивает живое присутствие Благодати Божией, устроившей вам ваше счастие. — Переберите только весь ход вашей женитьбы, как Провидение вело вас в вашу тихую пристань, и не поддавайтесь духу Искусителю, который вместо спокойного благодарного гимна нашептывает вам смуты и заставляет вас хлопотать о том, что не в вашей власти. У меня также было много горя: Катя была жестоко больна, да и собственно мои обстоятельства весьма не хороши. Я вам многое рассказала, и невероятно что то, чтобы *все* письма к вам не доходят. — Одно было писано с первой отправкой табаку, другое с башмаками и другой отправкой табаку. Сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩ горюет о Мишенском, которого нельзя будет передать Маше, ибо муж ее и Австриец, и негоциант, след⟨овательно⟩, не имеет прав Русского дворянина. Она просит Государя о позволении владеть Мишенским Маше; не знаю, услышана ли будет ее просьба; ежели *нет*, то мне очень хочется, чтобы *вы* купили Мишенское. Я писала об этом и к ней и, кажется, такое предложение все уладить должно. — Ваши руки не чужие руки, им можно и себя предать, и кости отцов наших. Благодарю Бога, что *Демон собственности* совершенно мне не знаком; у меня нет угла своего, так же, как и часу времени: все принадлежит. Оттого ваши радости и горести такой простор находят в моем сердце. Пощадите же меня, душа моя, отдалите мрак ваш и дайте мне свету — Вот что у нас теперь: Мойер приезжал за дочерью и увез ее. Катя В⟨оейкова⟩ едет с Дунечкой Вельс в Одессу на свадьбу к Маше, которая будет не позже Июня. — После все приезжают сюда, и сестра здесь поселяется, может быть, со мною вместе. — Будем кое-как работать детские повести или иное что, и общими силами выкарабкаемся из тесноты.

Пока она огорчается Машиным замужеством; жениха же ее все хвалят очень, и мне жаль видеть в сестре такую привязанность к аристократическим мнениям.

сорок девять дочерей царя Даная в наказание за их преступления против своих мужей. Словосочетание «бочка Данаид» употреблено в переносном смысле как бесполезное и бесконечное дело.

Письмо ваше я ей переслала. — Здесь Гоголь, опять болен и грустен: хотел печатать роман свой, но ценсура не пропустила: *Мертвые души*[1], потому что душа бессмертна. — Он собирается ехать в Ганау к Языкову и с ним в Гастейн, а оттуда в Рим. Всё мелочи, но мелочи, которые всю жизнь портят. — Ермолаф ваш часто ко мне ходит, вместе летаем к вам. — Здесь все вас любят, помнят, благословляют. Гельфрейх 21 Мая пил ваше здоровье, он переходит с дивизией в свой Харьков, мне жаль их, я к ним ко всем привязалась. У Лаутона сын, и она его кормит, и утешились! Но я говорю, как будто прежнее письмо получили! Там сказала я *вам*, что Лаутоны двух детей своих схоронили: теперь Бог дал еще сына; мать ее Mme Reutern** здесь и очень всему семейству вашему кланяется. — Простите, однако! Устройте как-нибудь, чтобы письма доходили.

Est-il sort de ne pouvoir parvenir jusqu'à vous même par lettres? Ma soeur chérie, ma bienaimée Elisabethe, combien votre maladie afflige mon coeur! — Je sais que vous êtes heureuse et gaie, sous l'aile de notre Ange, tâchez d'avoir des forces et de la santé pour notre tranquilité à tous! Si le bon Dieu excuse nos voeux, et si vous avez maintenant des nouvelles espérances d'être Mère: — oh, que je voudrais être auprès de Vous, pour vous soigner. Marchez tous les jours à pieds, mais ne montez pas en voiture, et même je voudrais que Vous ne vous fatiguiez pas, en montant trop souvent l'escalier. — Je vous ai écrit 3 fois, ceci est la quatrième. Je vous ai raconté notre triste raversée et combien nous avons souffert à Petersbourg, ensuite Cati a été dangereusement malade, et pendant 2 semaines Marie et moi, nous ne sommes pas couchées. C'est un mois d'une responsabilité pesante et puis les soucis de tous genres ne m'ont pas aidé à me mieux porter. Vos parents Heilfreich et Lawton et Mme Reutern avec sa fille Nathalie, sont bien aimables pour moi; ils vous aiment et font des voeux pour vous. — Oh, que votre cher Paradis puisse ne pas être troublé par aucun orage! Fermez-en l'entrée à tous les soucis et chagrins, et soyez bons et dignes de bonheur sous les regards de Dieu, qui vous aime et vous bénit. Bien souvent je regrette de vous avoir si peu vu, vous n'avez pas une idée de la vie qui je mène, et vous êtes ma soeur bienaimée que je voudrais inviter à tout ce qui se passe dans mon coeur. Avez-vous toujours les projets de revenir ici? ⟨⟩ pour vous. — Mais, adieu, mon papier finit. Je vous embrasse en vous bénissant avec tout l'amour d'une Mère et d'une amie. Bien des ⟨*нрзб.*⟩ votre Père, votre bonne Maman et Mia, et autres.

J'ai envoyé 12 p de souliers pour vous et 6 pour Mia, et à chacun de vous des pantoufles et des *cati,* каты Russes***.

---

[1] *...но ценсура не пропустила: Мертвые души...* — В письме к П. А. Плетневу от 7 января 1842 года Н. В. Гоголь сообщал о задержке печатания Московским цензурным комитетом: «Как только занимавший место президента Голохвастов услышал название: "Мертвые души", закричал голосом древнего римлянина: "Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья"» (*Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 168—169).

Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ в деревне, я послала ему ваше письмо. Киреевские вас обнимают. Хомяков почтение приносит[1]. Он точно сын мне.

Еще одна мысль: если наша Елизавета почувствует опять беременность, нельзя ли первые три месяца не часто ходить по лестнице, перенесите спальню вашу, — а ходить надобно.

Перевод

* страх (*нем.*).

** М-м Рейтерн (*франц.*).

*** Что за судьба — невозможно добраться до вас даже письмами. Моя дорогая сестра, моя горячо любимая Елизавета, как ваша болезнь огорчает мое сердце. Я знаю, вы счастливы и веселы под крылом нашего ангела. Постарайтесь иметь силы и здоровье для нашего спокойствия. Если добрый Господь простит наши пожелания и у Вас есть новые надежды стать матерью: о, как хотелось бы мне быть рядом с Вами, чтобы ухаживать за Вами. Ходите ежедневно пешком, но не ездите на машине, и я хотела бы даже, чтобы Вы не уставали, поднимаясь по лестнице. Я Вам писала три раза, это четвертый. Я Вам рассказывала о нашем печальном пути и как мы страдали в Петербурге, затем Катя была опасно больна, и в течение двух недель Маша и я не спали. Целый месяц тяжелая ответственность и заботы разного рода не позволяли мне чувствовать себя лучше Ваши родители, Гельфрейх и Лаутон и мадам Рейтерн со своей дочерью Натальей очень любезны со мной, они вас любят и желают вам всего доброго. О! пусть ваш дорогой рай не потревожат никакие бури! Закройте вход в него от всех забот и горестей, будьте добры и достойны счастия под Божием оком, который Вас любит и благословляет.

Я часто жалею, что так мало видела вас, Вы не имеете представления о жизни, которую я веду, и Вы моя горячо любимая сестра, с которой я хотела бы поделиться всем, что происходит в моем сердце. Есть ли у Вас еще планы вернуться сюда?

Но прощайте, заканчивается бумага. Я обнимаю вас, благословляю любовью матери и подруги. Добрые пожелания Вашему отцу, вашей доброй матери, Мие и другим.

Я послала 12 пар туфель для Вас и Мии и каждому из вас домашние тапочки и коты, коты русские (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 34—35 с об.
Печатается по автографу.

317. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1842 го. 4 июля. Петрищево[2]

Пишу к вам, милый брат, в день моей серебряной свадьбы, которую праздную здесь, в Петрищеве вместе с Алексеем Андреевичем. Заметные дни нашей жизни нам должно окликнуть, хоть издали, дружески, братским приветом, чтобы осветить их одним общим чувством. В 25 лет было много нам общего горя и радости: есть за что поблагодарить Бога. Если последние годы прошли не так, как бы

[1] *Хомяков почтение приносит* — Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), поэт, драматург, философ, лидер славянофильства.

[2] Датируется по штемпелям: «Белев 1842 Июля 13»; «В Дюссельдорф» и «Berlin. 12|8».

желать было можно, зато могу сказать, что нежданное и незаслуженное несчастие научило меня многому, чего бы я иначе не узнала. Теперь, кажется, недоразумения кончились, и Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ доволен тем, что я приехала провести с ним нынешнее лето. Около нас дети! все добрые и хорошие юноши: два меньших студенты, и весьма прилежные. Старший выдержал магистерский экзамен и нынешний год поедет в Берлин и далее. — Душа моя, когда вы будете (а вы будете) с милой Елисаветой праздновать вашу серебряную свадьбу, дай Бог вам чувствовать то, неизъяснимое сладкое чувство благодарности, которое проникает всю душу мою при взгляде на этих добрых детей. Василию теперь 24 года, и ни одной минуты не было мне от него горькой, а любовь, которую он теперь мне показывает, и та все горе искупить может. То же и те два. Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ здоров, бодр и весел. — Желал бы поделиться с вами тем миром внутренним, который часто меня посещает, но этим делиться может только тот, кто один: *мир свой дает нам*! Он отымает от вас ту или иную заботливость недоверчивости, которая смущает ваш рай. Предавши сами себя и друг друга вполне ему, перестанете вы бояться. Посланное Им все благо, всё добро. Не для того же привел Он вас, после стольких волнений, к пристани тихой, чтобы все избранное и дарованное Им самим отнять по прихоти. Верьте любви Его так, как я за вас верю. — Он справедлив и оправдается во всех путях своих. Друг мой, будем беззаботно, радостно, благодарно ждать нашего милого гостя. С каким умилением молюсь я за вас. Приданое вашему малютке все радостно принялись готовить: в конце будущего месяца оно к вам поедет. Тетушка, у которой я была уже два раза, шьет свивальник, — девочки все еще собираются, а Маша уже наготовила свое. Тетушка здоровее и крепче обыкновенного, ходит по четыре версты пешком. У них новый священник, человек образованный, можете вообразить, какое это благодеяние в деревне. Мойер хочет строить каменную церковь и недавно слишком на 20 т. прикупил земли к Муратову. — Катя Воейкова уехала в Одессу с Дунечкой; сестра будет без памяти рада. Её поездка во многом полезна им всем, грустно видеть их разладицу. Надобно Воейковым найти женихов, девушки милые, созданные для украшения света и совсем не на месте в глухом Бунине. Если к вам приедет Перовский, поговорите с ним, как бы им получше устроить судьбу[1]. Вот и Маша скоро должна выходить из института; если они не считают Мойера отцом и не любят его, то нельзя требовать, чтоб и он не тяготился. — Сберегите про себя то, что я вам теперь сказываю, иначе участие, с которым я смотрю на них, обратится мне в упрек, скажут (я имею уже на то пример), что я хочу ссорить их с Мойером. Сашу я возьму на зиму в Москву, но всегда же мне нельзя угождать ей, а всех их еще меньше. — Женихи! женихи! одно нам необходимое! И странно, что есть мужчины, достойные, и не видят, где им искать счастия. — Еще скажу вам от Алек⟨сея⟩ Андр⟨еевича⟩, что вы дали

[1] *Надобно Воейковым найти женихов, девушки милые, созданные для украшения света и совсем не на месте в глухом Бунине. Если к вам приедет Перовский поговорите с ним, как бы им получше устроить судьбу* — Возможно, речь идет о В. А. Перовском, см. примечание к письму 153.

Саше билет в Коммерч⟨еский⟩ банк на ваше собственное имя, след⟨овательно⟩, она ни процентов, ни денег по нему получить *никогда* не может; можете получить только вы сами, или кому по форме дадите доверенность, что также весьма затруднительно. Не лучше ли вам эти деньги оставить так, как они есть за собою, а на имя Саши положить вновь сколько ей с процентами придется? — Это советует Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩. А об Мишенском, увы! совсем не моего мнения. Деревня в хозяйственном отношении никуда не годится. Столько лет ее разоряли, что, купивши, надобно много употребить капиталу для устроения. Вам советует купить деревню уже устроенную, т. е. по хозяйственной части, где все было бы уже заведено, а не вновь приходилось заводить. Когда-то ваш бивак обратится в оседлую жизнь! Наша Москва протягивает к вам родные объятия! То ли дело собраться в ней всем на зиму и за веселым камельком, в тихом кругу немногих, лелеить будущего малютку и воспитывать в нем любовь к родине и к добру. — Как же иначе сойтись нам опять на одну дорогу? — Впрочем, скажите ваши предположения. Я буду согласна на все. Демон собственности меня не тяготит, у меня, кроме того, что неизменно внутри, нет ровно ничего. А эта неизменность есть та моя любовь, которая родилась со мною и с которой я вас обнимаю, мое сокровище.

Иван и Петр Киреевские в Москве оба. Петр занимается изданием песен своих, Иван — ленится. Думаю, что вам расскажет о нем Одоевский, который, верно, теперь у вас. Табаку опять посылаю, получили ли вы в начале Мая отправленный?

Что Наль наш? — отчего примолк? Где ты игрок?[1] — Что Одиссея?[2]

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 38—38 об.—39.
Печатается по автографу.

318. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 окт. 1842[3]

Мой друг бесценный! от вас давно ни слова, моя вся душа с вами, и жаждет! — Может быть, вы теперь нянчите малышку, и наша милая Мадонна еще милее новым своим счастием. Мы все молимся о вас, и милый ваш рай окружен нашими сердечными молитвами. Я послала к вам недавно приданое нашему малютке, все, что могли состряпать своими руками, я и двое дочерей моих. Тут немного, но все работали con amore*. Хотелось послать целым месяцем прежде, но ждали наших Бунинских, а они откладывали, да и довели до нельзя. Вероятно, пришлют

[1] *Где Наль наш? — отчего примолк? Где ты игрок?*— Авдотья Петровна спрашивает о судьбе произведения «Наль и Дамаянти». *Игрок* — это герой Вагука, проигравший все свое состояние и жену.

[2] *Что Одиссея?* — Во время пребывания Елагиной в Дюссельдорфе Жуковский трудился над переводом «Одиссеи».

[3] Дата устанавливается на основании содержания: Авдотья Петровна пишет об ожидаемом скором рождении ребенка в семье Жуковских: дочь Саша родилась 11 ноября 1842 года.

после. У них невесело, Катя Воейкова уехала в Одессу к сестре Зонтаг, тетушка становится слаба, а Мойер скучает. Если правда, что вы покупаете деревню в Лифляндии, то ничего не мудрено, что он переселится туда же. А о старом пепелище и думать нечего! Племя молодое вьет себе гнезды на новых местах; да и нельзя требовать, чтобы они радовались нашей радостью и понимали наши печали: каждому свое! — Между тем, *мое* нераздельно от вас, и чем жила в молодости, то душа возьмет и за могилу. Напишите побольше обо всем, что у вас делается. Пишите на имя Булгакова.

Мы опять переселились в Москву, лето прошло мирно, но весьма тяжело для меня. — Кроме всего, лично мне принадлежащего, у нас сгорела деревня, уничтожились годовые доходы, и Василий уехал в Берлин. Ему это нужно, ибо назначил себе ученое поприще, но вообще тяжело (с живым воображением) расставаться надолго. Здесь Наташа Киреевская, беременна и больна, жаль видеть ее слабость и страдание. — Петр возится со своими песнями и еще не дотянул до первого тома. Здесь затеивается издание: Библиотека для воспитания[1]. Один отдел для воспитателей, *теории*, другой для детей: *чтение*. Меня приглашают туда же переводить. — Не назначите ли мне каких книг, годных для этой цели? — Я бы вам большое сказала спасибо.

Между тем, простите. Переселившись сюда, можно писать чаще, ибо здесь *пишется*, и душа может скорбеть, но вышла из-под гнету уничтожения. Дай Бог, поскорее от вас иметь добрые известия.

Dites mes plus tendres bénédictions à ma bienaimée soeur Elisabethe. Que Dieu nous la conserve en bonne santé pour notre bonheur à tous.

Ce 19 o-bre
Votre Eudoxie Jelaguin**

Штемпель: Москва

Перевод

* с любовью (*итал.*).

** Передайте мои самые нежные благословения моей горячо любимой сестре Елизавете. Пусть хранит ее Господь в добром здравии для нашего общего счастия
19 октября. Ваша Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 40—40 об.—41.
Печатается по автографу.

[1] *Здесь затеивается издание: Библиотека для воспитания* — Первое сообщение Елагиной о «Библиотеке для воспитания», в создании которой она принимала самое активное участие. См. подробнее: *Жилякова Э. М.* А. П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки А. П. Елагиной с В. А. Жуковским) // Вестник Томского госуниверситета. Серия Филология. № 291. 2006. С. 267—276.

319. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

2 / 14 ноября. 1842[1]

Милая сестра, радуйтесь со мною и благодарите за меня Бога — все желанное исполнилось. Бог даровал мне прекрасную дочку. Мать здорова столько, сколько можно через три дня после родов. А я еще не знаю, что со мною происходит. Напишу к вам обо всем подробно дня через два. Теперь главное вы знаете. Какое было бы блаженство иметь вас теперь близ себя! — Благодарю за приданое моей дочки. Я получил извещение об отсылке его из Петербурга на другой день родин жены: все, вероятно, прибудет к крестинам. Имя дочери Александра. Крестная мать Екатер⟨ина⟩ Афанасьевна с Радовицем[2], другая — вы с Мойером. К священнику уже писано в Штутгард; это самый тот, который нас венчал[3]: он скоро будет. — Еще раз вас обнимаю; через два или три дня буду опять писать и сообщу все подробности: мне необходимо все высказать в вашу душу. — Поцелуйте за меня Машу и Лилу[4].

Ж.

Любезнейший друг Алексей Андреевич, рекомендую в вашу милость мою новорожденную дочку и обещаю вам за нее, что она со временем будет вас любить и уважать, как ее отец. А вы порадуйтесь вместе со мною.

Ваш Жуковский.

Дочь родилась в прошедшую пятницу 30 октября — 11 ноября в 11 1 / 4 утра.

Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 101, л. 5—5 об.—6.
Впервые опубликовано: РБ, С. 119.
Печатается по автографу.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о рождении Александры Васильевны Жуковской.

[2] *Крестная мать Екатерина Афанасьевна с Радовицем…* — Радовиц Иосиф (1797—1853), известный прусский дипломат и государственный деятель, который находился в дружеских отношениях с Жуковским и которого биографический очерк он впоследствии написал. Крестины А. В. Жуковской были 6 / 18 ноября.

[3] *К священнику ⟨...⟩ это самый тот, который нас венчал…* — Это был священник Иоанн Михайлович Певницкий (ум. 1863), воспитанник С.-Петербургской Духовной академии, преподававший в ней, по окончании курса, греческий и немецкий языки и историю философии, и в 1823 году назначенный священником в Штутгарт; в 1852 году он был перемещен из Штутгарта в придворный собор Зимнего Дворца в Петербурге (о нем см. у Родосского: Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской Духовной Академии: 1814—1869. СПб., 1907. С. 390).

[4] *Поцелуйте за меня Машу и Лилу* — Дочери А. П. Елагиной: Маша — Марья Васильевна Киреевская (1811—1859), Лила — Елизавета Алексеевна Елагина (1825—1848).

320. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

12 ноября 1842[1]

Друг бесценный! Что у вас делается? *Изведите из темницы душу мою*[2]. Не могу пересказать, с каким волнением жду каждый день письма от вас. Вы знаете, что вся душа моя связана неразрывно с вашею судьбою, теперь молчать грешно. — Друг мой, теперь вы Отец! о какое это благословение Божие! Я знаю, каково будет этому ангелу-ребенку на ваших руках и каково вам, — в*се, все делю.* Chère amie, que Dieu vous bénisse, vous et notre cher enfant: quand vous recevrez cette lettre, vous le tiendrez déjà dans vos bras: dites-lui les bénédictions d'une mère, et par grâce: prie notre cher Ange de m'écrire*, — Я писала вам три раза из Петрищева, все три деловые для вас, и все прямо в Дюссельд⟨орф⟩. — Два раза отсюда прямо в Д⟨юссельдорф⟩, другое на имя Прянишникова; теперь посылаю отсюда просить о сем Булгакова. Право, все сердце изныло. — Я живу теперь в совершенном уединении, почти на Девичьем поле, и никого не вижу. Вася в Берлине, два Киреевских розно со мною домами, и редко видимся. Вожусь теперь с Леван⟨ой⟩[3] и изданием годовым детских книг: если бы вы переложили в стихи одну Гриммову сказочку, хоть Hänze und Gretel**, — то-то бы я была рада. — Но это болтаю, а главное — напишите поскорее. Вся душа моя благословляет: *всех трех*.

Получили ли табак и детское белье?

12 ноября
Ваша сестра Евдокия.

Перевод

* Дорогая подруга! Да благословит вас Господь, Вас и наше дорогое дитя: когда вы получите это письмо, Вы уже будете держать его в своих руках: передайте ему благословения еще одной матери и ради Бога, попросите нашего дорогого ангела написать мне (*франц.*).

** Гензе и Гретель (*нем.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 42. № 174.
Печатается по автографу.

---

1 Дата устанавливается основании поздравления в связи с рождением дочери Жуковского — Александры Васильевны (1842 год).

2 *Изведите из темницы душу мою* — Неполная и неточная цитата из текста Псалтири: «Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние» (Пс. 141.7).

3 *Вожусь теперь с Леваной…* — «Левана», см. примечание к письму 283.

321. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 ноября 1842[1]

Слава Богу! Да благословит Он вас, мое сокровище, нашу милую Елизавету и *дочь* вашу! — Сколько счастия в этом одном слове! — Я воображаю умиление, с каким вы держите нашу малютку на руках, и все сердце мое тает и горит живой благодарносию к Богу! Не трусьте, душа моя, и бодро *блаженствуйте*, доверяясь его Промыслу! Оно устроило все вам, чего же нам тут умничать со своими дурными предположениями. Помните ли: *в бурю, в легком челноке*? И кто бы мог предвидеть не далее, как за три года, чтобы из вихря придворной жизни вы попали в тихую пристань Дюссельдорфа? — И как, и почему Дюссель? *Он Сам* велел Эфрату и Тигру, Жизону и Геону превратиться в Рейн[2] и окружить то убежище, которое приготовил вашей чистой душе. — Святите имя Его тем благоговением, с каким принимаете вы ваше счастие, и вот, тот Ангел с огненным мечом, который не допускает других не только насладиться таким же, но и понять его. — Судьба моей души связана с вами, вы это знаете, и знаете, что я теперь отдыхаю мыслию о вашем счастии, от всего, что здесь меня окружает. — Вашего письма о рождении Сашки я не получила. Знаю об этом счастии от Ивана, от Тургенева, и даже от Надежды Ник⟨олаевны⟩[3]. — Но мне все равно им радоваться, хотя потеря *этого* письма ничем мне не заменима. Видно, уж такова моя участь. Пишите вперед на имя Булгакова, он лучше прочих всех. — Мои к вам послания, кажется, перепропали; например, вы ничего не отвечаете тетушке о деньгах Саши, которые на ваше имя. — Погодите, друг милый, покупать Карлово; не оставляйте вашего Эдема года два-три, он ближе к нам покуда, да и кто знает, где лучше придется купить вам через три года? Вы дитя Провидения, делайте день, дневное, а главное пусть Оно хлопочет. Вам должно верить, любить, да и только.

---

[1] Дата устанавливается на основании упоминания о рождении Александры Жуковской (1842).

[2] *Он Сам велел Эфрату и Тигру, Жизону и Геону превратиться в Рейн...* — Тигр и Эфрат — реки, орошающие долину Месопатамскую, Гион (Геон) и Жизон (Фисон) — реки, протекавшие в раю. Слова Авдотьи Петровны восходят к Библии: «Он насыщает мудростью, как Фисон и как Тигр во дни новин; он наполняет разумом, как Ефрат и как Иордан во дни жатвы; он разливает учение, как свет и как Гионтво время собирания винограда» (Сир. 24. 27—29). Рейн — одна из важнейших рек в Европе, на берегах которой расположен Дюссельдорф, где жил с семьей Жуковский.

[3] *Знаю об этом счастии ⟨...⟩ даже от Надежды Николаевны* — Авдотья Петровна писала Надежде Николаевне Шереметевой 12 ноября 1842 г.: «От Жуковского нет еще никакого известия, моя бесценная Надежда Николаевна! и я молюсь об нем в великом смущении» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 16). В письме от 16 ноября 1842 г. Авдотья Петровна делится с Н. Н. Шереметевой радостью: «У Жуковского дочь, Александра. Он счастлив, как ему следует быть. Она родилась 30 октября нашего стиля, он поручает её всем нашим молитвам. Разумеется, и вашим, вы так истинно его любите. Когда получу его письмо, то пришлю вам прочесть, чтобы вместе порадовались» (Там же, л. 11).

Я уже два месяца в Москве, в доме Дашкова, Андр⟨ея⟩ Вас⟨ильевича⟩[1]. — Живу больше, чем уединенно; вчера была с Лилой у Муравьевой Е. Ф, которая вас поздравляет и с сердечным участием радуется. Напишите к ней несколько слов в моем письме. Все эти благословения, которые рекой к вам льются, вам дороги и мне весьма. Уже несколько дней у меня праздник, я готова всех обнять, а на меня только взглянут, все поздравляют. Как чудно, вся моя жизнь рикошетом только давала мне радости!

Вася теперь в Берлине, боюсь, что он заучится, но для него столько нового, что его одиночество меня не пугает. — Студенты мои идут хорошо, Петр бывает у меня часто и глядит ласково; Маша и Лила цветут мирно и добро. — Сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩ меня мучает своим сокрушением: я желала бы усадить ее на какое-нибудь полезное поприще, работая для других, она бы сама ободрилась. Уговариваю ее съездить к водам, взглянуть на вас, или искать места начальницы института, которое скоро будет вакантно (Певцова идет в отставку). — Но она ничего не слышит. Хорошо еще, что Катя с нею. А Бунинские там умирают со скуки: хоть бы на два месяца Мойер привез их сюда. — Хомяковы, Свербеевы, все вас поздравляют. Тургенев Алек⟨сандр⟩ Ив⟨анович⟩ летает мотыльком от одной красавицы к другой, Я начала великую работу, даст ли Бог удачи: Библи⟨отеку⟩ для воспитания. — Дайте совет, что и как издавать. Мы хотим 6 книжек в год, 3 для чтения детям и 3 для матерей, чтобы уж никак не делить их. — Будет Miss Edge⟨worth⟩* (она готова), Левана, М. де Неккер, Schwartz**, Песталоцци[2].

Простите, однако! — Что ваши глаза? — Погодин слышал Песнь Одиссеи: счастливец! — Обнимаю вас крепко и благословляю вас и дочь нашу.

Chère amie, recevez mes plus tendres bénédictions, et portez-les à notre cher enfant. Que Dieu nous la conserve! Qu'elle soit dans vos bras, en sagesse et en force, et en santé! Mes prières et mon bonheur sont intimement unis aux vôtres. — Ma santé très mauvaise depuis quelque temps m'empêche de beaucoup écrire, peut être, ceci même est illisible. Portez-vous bien, car tandis que je vis, votre amitié est mon meilleur bien. — Mes filles vous embrassent avec la plus vive tendresse. Notre Ange, sans doute, m'a écrit, mais conservez que sa lettre pour moi est perdue.

Avez-vous reçu mon envoi? — quand notre enfant sera-t-elle baptisée? Où? — Dites à Jouk, de faire passer son portrait par Moscou! Combien je désire le voir. — Adieu ma Soeur, ma bien chère Elisabethe. Votre Eudoxie***.

---

[1] *Я уже два месяца в Москве, в доме Дашкова, Андр⟨ея⟩ Вас⟨ильевича⟩* — Андрей Васильевич Дашков, брат Дмитрия Васильевича Дашкова, друга Жуковского.

[2] *Будет Miss Edge⟨worth⟩ (она готова), Левана, М. де Неккер, Schwartz, Песталоцци* — А. П. Елагина перечисляет имена авторов педагогических трудов, переводы которых она предполагала опубликовать в «Библиотеке для воспитания»: Мария Эджворт, см. примечание к письму 34; «Левана...», см. примечание к письму 177 и письму 283. Фридрих-Генрих-Христиан Шварц (1766—1837), протестантский богослов и педагог; Иоганн Генрих Песталоцци, см. примечание к письму 37.

Перевод

[*] Мисс Эджворт (*франц.*).

[**] Шварц (*нем.*).

[***] Дорогая подруга, примите мои самые нежные благословения и передайте их нашему ребенку. Пусть господь хранит его! Пусть она в Ваших руках растет умной и сильной и здоровой. Мои молитвы и мое счастие неразрывно связаны с Вашим. Мое здоровье плохо некоторое время и мешает мне много писать, может быть, и это нельзя прочитать. Чувствуйте себя хорошо, так как пока я живу, ваша дружба — лучшее благо для меня. Мои дочери обнимают Вас с глубокой нежностью. Наш ангел, без сомнения, писал мне, но его письмо ко мне потерялось. Вы получили мою посылку? Когда наш ребенок будет крещен? Где? Скажите Жуку, чтобы он передал его портрет в Москву. Как я хочу его увидеть. Прощайте, сестра моя дорогая Елизавета.

Ваша Евдокия (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 44—45 с об.
Печатается по автографу.

322. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 декабря 1842

Вот вам поздравление моего мужа[1] несколько опоздало, но желанием добра, кажется, некогда опоздать, чем больше его, тем лучше, да и мой праздник с тех пор, как у вас наша дочь родилась, все не проходит, я все готова поздравлять всякого с этим счастием и ежеминутно благодарить за него Бога! По этому запоздалому письму вы видите, как успешны пересылки да эти хоть поздно, но всё я за них отвечаю, и в них рада исправлять и направлять, а за других, воля ваша, душа моя! Как бы ни желала взять на себя и быть votre émissaire[*] — не могу! У Кати Воейковой есть адрес Родионова[2], у сестры Зонтаг есть адрес Родионова. У Бунинских есть 20 раз адрес Родионова, между нами полторы тысячи верст, как же мне отвечать за их неисправности, и как вам вздумалось на мне ее взыскивать?

---

[1] Письмо начинается текстом, написанным А. А. Елагиным:

«Милостивый Государь, Василий Андреевич! Примите и мои поздравления и передайте супруге вашей, Милостивой Государыне, Елисавете Алексеевне. Если бы это явление случилось в Москве, или вообще в местах нам доступных, мы бы с вами и с компанией отправили обычное троекратное ура, так великолепно некогда Мишенское оглашавшее. А теперь ограничиваемся простым и скудным поздравлением, сопровождаемым однако богатыми желаниями новоприбывшей гостье. Сохрани ее, Господи! для вашего, следовательно, и нашего счастия. Буди, буди. Весь ваш А. Елагин.

Петрищево, 1842 года, Декабря, 6-го дня. Бесконечно благодарю вас за то, что вы меня вспомнили».

[2] *У Кати Воейковой есть адрес Родионова…* — Ростислав Родионович Родионов (ок. 1800—1872), «старший чиновник собственной канцелярии императрицы Александры Федоровны, Жуковский во время житья заграницей вел через него хозяйственные и денежные дела и которого назначил с К. К. Зейдлицем своим душеприказчиком» (Примечание И. А. Бычкова. РБ, С. 121).

Будьте несколько посправедливее да и помилостивее. Это от того, что я одна из всей семьи умею сказать: виновата! Мы с Машей и Лилой работали целое лето над нашим милым приданым и целое лето понукали Бунинских ленивых. Потом, уехавши из деревни, оставили адрес Родионова, а Катя Воейкова взяла его с собой в Одессу. — Оттуда и ближе и возможна всякая пересылка. — Катя Мойер пишет ко мне, что тетушка нездорова, сохрани ее Бог! Мне за них страшно, но по милости вновь разболевшегося бока и ноги, и по совершенному безденежью, не могу тронуться с места. Всё это тяжело и смутительно. Вашего Мира нам не добыть долго: такой, как у вас, связан с тем высоким миром, который только Божиим избранным достается. Мы все призванны, но далеко не избранны[1], хотя Тургенев Алек⟨сандр⟩ Ив⟨анович⟩ всех и возит к Филарету. —

Наташа Киреевская на днях ждет также к себе гостя или гостью и очень тяжела и слаба. Ваня боится родин ее и грустит. По моей болезни мы видимся довольно редко, когда у меня силы есть, но очень за них страдаю. — Петр также все болен. — Василий в Берлине; я живу в таком уединении, что если б Тургенев не являлся иногда с европейскими сплетнями[2], то, казалось бы, в монастыре. — Хомяков только что из деревни возвратился, поздравляет вас и просит о нем вспомнить. — Что вы делаете теперь? Бодры ли? здоровы ли? — Я во сне часто нянчу вашу малютку, авось придется и на яву. Помолитесь за меня хоть однажды с той любовью, с какой мое сердце за вас горит перед Богом, и это будет лучший способ нашего соединения.

Chère et bienaimée Soeur! Qui Dieu vous bénisse, vous et notre enfant, que je porte dans mon coeur, dans mes prières, dans mes plus chers rêves d'avenir. J'expédie cette lettre aux nôtres afin qu'elle ne tarde pas chez eux, mais dans quelques jours vous receverez une longe suite. — Dites à votre mari d'être plus juste envers moi, dites et de ne pas me gronder pour les torts d'autrui.

Adressez-vous toujours à M. Boulgakoff, c'est le moyen le plus sûr de parvenir jusqu' à vous et de recevoir vos nouvelles[**].

Перевод

[*] вашим посланником (*франц.*).

[**] Дорогая и горячо любимая сестра! Да благословит вас Господь, Вас и нашего ребенка, который у меня в сердце, в моих молитвах, в моих самых дорогих мечтах в будущем. Я посылаю это письмо нашим, чтобы оно не задерживалось у них, но через несколько дней Вы получите продолжение. Скажите Вашему мужу, чтобы он был более справедлив ко мне и скажите, чтобы он не бранил меня за чужие ошибки. Пишите по-прежнему М. Булгакову, это самый надежный способ добраться до Вас и получить от Вас новости (*франц.*).

---

[1] *Мы все призваны, но далеко не избранны…* — Неполная и неточная цитата из Евангелия: «Ибо сказано вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных» (Лк. 14.24).

[2] *…если бы Тургенев не являлся иногда с европейскими сплетнями…* — Речь идет об А. И. Тургеневе (см. примечание к письму 15), известном своим живым, общительным характером и широким кругом знакомых

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, ор. 1, № 106, л. 46—47 с об.
Печатается по автографу.

323. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 января 1843-го № 2.

Буду писать под Nомерами, чтобы вы знали, сколько пропадших писем можно оплакивать[1]. Сегодня день моего рождения, следовательно, здравствуйте, Вы, прекрасное счастие всей моей жизни, бесценный брат! Храни мне, Господь, ваше милое счастие, лучшее утешение посреди всего грустного окружающего и единственная отрада душе; на нем она отдыхает, как на явном знамении справедливого Промысла. — Что вы поделываете? что моя милая крестница и ее благословенная мать? Теперь она уже смеется и вас знает. Страстно хочется вас между ними видеть, но сидите в Дюссельдорфе, душа моя! И не трогайтесь, покуда хорошо. Чтобы найти новое, лучшее житье, надобно много еще забот, а для этих забот надобно расстаться с добрым уголком рая. — Погодите пока. Господь устроит и это. Придет время, а также и кто-то крикнет вам, как с парохода в Кобленце: оставьте Дюссельдорф, переселяйтесь сюда! — Я верю Провидению, ведущему вас по избранной им дороге, и боюсь, чтобы мы, слепые, не стали мешаться в Его дело. —

Что у нас делается, вы знаете из первого письма, посланного в Новый год с табаком, который, надеюсь, получили. Погодин перепечатал ваши стихи на 1-е Июля в своем Журнале[2] и сказывает, что слышал песнь Одиссеи! — Я думала, что Василий мой будет к вам на вакации, но они были коротки, и он не успел. Не будете ли вы в Берлине на празднике коронации? — Это было бы славно! Мне грустно об Василии, знавши его робость и невозможность себя с хорошей стороны по-

---

[1] *Буду писать под номерами, чтобы вы знали, сколько пропавших писем можно оплакивать* — Авдотья Петровна сетует на пропажу писем Жуковского по вине почты. К сожалению, не сохранилось важное письмо, полученное ею, о котором упоминается в письме к Н. Н. Шереметевой 11 февраля 1843 г.: «От Жуковского получила письмо на шести листах. Он радуется своей дочкой и весьма подробно ее описывает. Прислал мерку ее роста, но хвалиться нечем, трех месяцев в ней только 13 вершков с половиной. Судя по матери ей быть гораздо больше. — Он приказывает мне созвать Комитет хозяев и сделать для него бюджет, может ли он поселиться в Москве навсегда или должен стремиться в Лифляндию, куда тоже послал запрос. — Надеюсь, что мы его перетянем сюда. Я еще не отвечала, хочу дать аккуратные объяснения, чтобы он со своей Немеции не повинил меня» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 21).

[2] *Погодин перепечатал ваши стихи на 1-е Июля в своем Журнале…* — Стихотворение Жуковского «1-е июля 1842» опубликовано в журнале «Москвитянин», 1842. Ч. 6. № 12. С. 261—266 с примечанием: «Г. Рейтерн имел счастье представить Государю императору на этот день картину, изображающую Георгия Победоносца с надписью церковными буквами: “Блажен еси и добро тебе будет: жена твоя яко лоза плодовита в странах дому твоего; сыновья твои яко новосаждения масличные окрест трапезы твоея и узрити силы сынов твоих”. Картина эта внушила В. А. Жуковскому нижеследующие стихи».

казать. Он не узнает никого из великих и не будет сметь занять их собою, хотя достойнее внимания многих. Надеюсь, что свободная жизнь и даже одиночество научат его знать свои силы. Тургенев дал ему рекомендательные письма. Тургенев здесь болтается между красавицами и теперь прилепился к Свербеевой [1], у которой умерла мать. — Кстати: Свербеев просит, чтобы вы прислали 250 рублей, которые он за вас заплатил в Художественный класс [2]; это будет за два года, прошедший и нынешний. Председателем сделан Хомяков, на место Орлова; Хомяков надеется сделать школу по крайней мере такою, какою была во времена Джиотто, чтоб выходили Рафаэли! [3] Он просит *вас* об нем иногда вспоминать. Бунинские наши киснут в Бунине, или лучше сказать *Мадеют*, по выражению Варлашки [4]. Не могу понять Мойера, которому не тяжело *такое* уединение. Саша ездит часто на Орловские и Белевские балы с Дуничкой, а Катя не выходит из дому. — Я звала их всех к себе, хоть на два месяца, но увы! — Здесь теперь Владимир Титов [5], и я вижу его почти каждый день. Он едет надолго в Константинополь, а пока il se retrempe le coeur auprès de ses amis*. Жена его с сестрою Бутеневой [6] будут в Эмсе и в Бадене, не увидитесь ли вы? — О, если б я могла опять скоро вас обнять!

Пришлите женихов Воейковым и устройте их дела, тогда все у нас будет ладно.

Простите, мое милое сокровище! Благословляю вас всех трех всею моею душою.

Ваша Е. Елагина.

Перевод

* Он закаляет свое сердце рядом с друзьями (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 48—48 об. —49.
Печатается по автографу.

---

[1] *... Тургенев 〈...〉 теперь прилепился к Свербеевой...* — Речь идет об А. И. Тургеневе и Е. А. Свербеевой, см. примечание к письму 182.

[2] *... Свербеев 〈...〉 за вас заплатил в Художественный класс...* — Дмитрий Николаевич Свербеев, см. примечание к письму 182. *Художественный класс* — Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, возникло в 1832 как художественный кружок, с 1843 года преобразовано в училище живописи и ваяния.

[3] *... сделать школу по крайней мере такою, какою была во времена Джиотто, чтобы выходили Рафаэли!* — Джузеппе Джотто ди-Бондоне (Giotto Bondone, 1267—1336), итальянский художник, Рафаэль Санти (Санцио) (Raffaello Santi Sanzio, 1483—1520), величайший художник эпохи Возрождения.

[4] *Бунинские наши киснут в Бунине, или лучше сказать Мадеют, по выражению Варлашки* — «Мадеть, сидеть и киснуть» (Даль В. И. Т. II. С. 288); Варлашка — Варлам Акимыч (ум. около 1822), юродивый, живший в имении Буниных.

[5] *Здесь теперь Владимир Титов...* — Титов (1807—1891), см примечание к письму 177.

[6] *Жена его с сестрою Бутеневой...* — Аполлинарий Петрович Бутенев (1780—1868), дипломат.

324. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

№ 4. Марта 10 1843[1]

Долго я вам не отвечала, бесценный друг, и в этом виновато постоянное мое нездоровье. Целый месяц сильная головная боль и лихорадочное состояние меня не покидали. Но об этом говорить нечего, пока живу, не для чего тревожить вас моей жизнью: хорошо ли, худо ли, надобно, чтобы *вы* видели в ней одну неизменно горячую любовь мою к вам, которая эту жизнь и счастливый ваш милый Оазис отрада и сердцу и мысли: *яко да оправдашися во всех путях твоих и побоявшися внегда судить ти*[2]. Я отдыхаю от всего, смотря на вас, между вашей дочери и жены. Благослови их Господь и сохрани ваше счастие в пример и поучение добрым. Поцелуйте Сашку в обе щечки, в ее прекрасные ямочки. Как я рада, что она на вас похожа, несмотря на любезную мне красоту нашей Елисаветы. Но как это сделалось, что она не сама кормит? Признаюсь, что мне это грустно. Надобно бы, чтобы она все исполнила. — Вот нынешний год еще двумя девочками Бог благословил нашу семью. У Ивана дочь и у Маши Зонтаг; авось сестра А⟨нна⟩ П⟨етровна⟩ будет повеселее и перестанет сокрушаться, нянчась с внучкой. Ее окрестят в нашу веру, и это очень сестру утешило. Гутмансталя *все* вообще хвалят и говорят, что почтительная деликатность его в обхождении с Ан⟨ной⟩ П⟨етровной⟩ невообразима. Авось, Бог даст, она и простит Маше, что он немец. — Скучно видеть, как мы сами портим *все*, что Господь дает нам, ни счастия, ни несчастия не умеем переносить полезно и здорово.

О Библиотеке для воспитания скажу только, что это предприятие не может мешать вашему; думаю даже, что может служить ему введением. — Библ⟨отека⟩ уже издается Семеном[3] на его счет и, кажется, для одной его прибыли. Вот как все это сделалось. Сестра Анна П⟨етровна⟩ прислала прошлого года несколько переводных сказочек и поручила продать. Никто не давал ни гроша. Валуев видел между тем, что у меня есть кое-что переведенное, — помнил мое желание издавать Биб⟨лиотеку⟩ для воспитания именно так разделенную, как вам хочется, поехал в Синбирск и сообщил все это Языкову Александру Мих⟨айловичу⟩, брату Николая. Тот задал работу некоторым Синбирским дамам, предложил издание Семену, — и вот вышло. Я дала Miss Edgeworth*, — дамы и сестра сказочки, и это составило 3 тома детского чтения и 3 теоретического чтения для родителей. — Это на пер-

[1] Датируется на основании ряда сообщений, позволяющих предположить, что это письмо является ответом на несохранившееся послание Жуковского в ответ на письмо Елагиной от 11 января 1843 года: отдан долг Д. Н. Свербееву за Художественный класс. Указано на уже печатающийся журнал «Библиотека для чтения», первый номер которого вышел в 1843 году.

[2] *...яко да оправдашися во всех путях твоих и побоявшися внегда судить ти* — Слова Авдотьи Петровны восходят к тексту Псалтири: «Тебе единому согреших и лукавое перед тобою сотворих: яко да оправдашися во словесах твоих, и поведшим всегда судити ти» (Пс. 50. 6).

[3] *Библиотека уже издается Семеном...* — Август Семен, владелец типографии, известный книгопродавец и издатель.

вый 43-й год. — Извольте руководствовать всем, все охотно и радостно покорятся вашему руководству. От Семена никто ничего не получает, а все рады что-нибудь делать путное. Вот и все для сотрудников. — Ваш план точно такой же, какой был мой, выключая основанием взять Нимейера, сухого педанта, известного своим безверием. — Если вы возьмете издание на будущий год, укажите нам дело, мы работать готовы. — В наших чтениях предполагали мы издать: 1-е Историю по Геродоту, для детей. 2. Илиаду и Одиссею, также для детей. — В 1-м томе напечатан Нибургов рассказ сыну Heroengeschichte**, очень хорош. — 3. Мифологию для детей и т. д.

Приезжайте сюда и займитесь этим. Это будет великолепно. Хотя мне и жаль Дюссельдорфа. — Не только вам здесь поселиться можно, но и должно. — Расчет же зависит от того образа жизни, который вы поведете. Скажу только, что князь Хилков с 7-ью человеками детей[1], у коих гувернантки и дядьки наемные, тратит 25 т. в год, *покупая всё*. Правда, дом у него свой. — Если вы наймете в 3 т. дом, лошади пара станет вам в 2200, а с уговором *иногда* четверню, 3. Если же четверню постоянно, то 4 т. — Хороший повар не больше 30 р. в месяц. — Кошелев на *превосходный* обед тратит 400 в месяц, для 5-ти человек. — Все дело в том, *как* вы будете жить, много ли людей у вас будет и часто ли принимать будете. — Я проживаю не более 15 т; и у меня дети уже многого требуют, ибо, слава Богу! все большие, но я во многом и нуждаюсь. — По этому однако вы судить можете, что с вашей маленькой семьей вы *без нужды* можете с 20-ью т. прекрасно прожить год. — Приезжайте только; сперва наемный, потом можно завести свой дом, а там и подмосковную, идеал всех моих мечтаний,— а там и организовать пансион, а там — Армфельд берется быть вашим министром финансов[2], устроит бюджет, построит дом, купит деревню, одним словом, все, что прикажете. Душа моя, неужели мы опять свидимся, сойдемся и пойдем вместе! Благослови вас Бог, а я вас обнимаю, с благодарностью к Нему и к вам.

Деньги Свербееву заплатила. Чуть не отдала их дочерям покойной Авд⟨отьи⟩ Степановны, которые тоже в нужде. — Хомяков просит вас не отказываться от его школы (он сделан Президентом). На будущий год платить будут члены только по 105 рублей, след⟨ственно⟩, на вашу часть придется 52 с полтиной, но я еще не согласилась и на это, а обещала к вам написать. Покуда отказала.

Если вы хотите писать ко мне прямо, то через Булгакова (что, может, и выгоднее), то адрес мой вот: у Знамения в Зубове, в доме Дашкова. — Андрей Вас⟨ильевич⟩ Дашков был здесь, вам кланяется, по обычаю своему, низко, он женил сына и очень рад, что я у него в доме. — Писала ли я вам, что Владимир Титов

---

[1] *…князь Хилков с 7-ью человеками детей…* — Дмитрий Александрович Хилков (1789 — не ранее 1860), князь, отставной полковник, секретарь императрицы Марии Федоровны, близок к славянофилам.

[2] *Армфельд берется быть вашим министром финансов…* — Александр Осипович Армфельд (1806—1868), профессор судебной медицины, друг братьев Киреевских и постоянный гость в доме Авдотьи Петровны.

был здесь и сердечно меня порадовал как милым сыновним со мною обхождением, так и вообще собою. Он вырос морально до невероятности, и вот что я называю счастливым браком.

Барон Черкасов говорит, что дал вам бюджет будущего вашего хозяйства и потому повторять не имеет нужды. Но я помню, что там слишком широко; сообразитесь с простым моим благоразумием и вам, право, очень хорошо уладить можно будет житье свое.

Перевод

*Мисс Эджворт (*англ.*).

**История Герена (*нем.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 108, оп. 1, № 106, л. 50—51 с об.
Печатается по автографу.

325. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

4/16 мая 1843, Дюссельдорф

Милая Дуняша, посылаю вам мой и женин портреты, которые прошу переслать к Е⟨катерине⟩ Афанасьевне. Вы найдете, что жене не польстила кисть живописца: этот портрет может о ней напоминать, но так же удачно, как заика, читающий стихи гармонически. Ей самой вообще получше, но это *получше* не мешает нам через неделю ехать к Коппу, который, вероятно, отправит нас в Эмс. Теперь у нас весна во всем цвету: давно не было такой прелестной. Дай Бог, чтобы время на водах было благоприятно: надеюсь, что они воскресят силы моей доброй жены. Как весело будет тогда возвратиться в свой тихий уголок на Рейне. Что если бы какая волшебница перенесла вас в мой мир, огороженный забором огорода. Нечего об этом и грезить! Зато будет ко мне Гоголь. Я получил от него письмо из Флоренции. Он обещается явиться во Франкфурт в конце мая и прожить несколько времени в моем соседстве. Его явление живее напомнит о вашем минутном: вы нашли нас посреди беспорядка неустроенной квартиры; теперь все уютно, и покойно, и светло. Как бы хорошо прожить несколько времени вместе! Но зачем дразнить ваше и свое сердце. В Москве сойдемся опять в один кружок. Жена с вами крепко породнилась. И ей самой более хочется в Москву, нежели в Лифляндию. Увидим.

Покажите портреты Тургеневым.

Да прошу опять снабдить меня табаком известного вам разбора. Отправьте 10 коробок на имя Родионова[1] и в то же время пошлите ему записку о том,

[1] *Отправьте 10 коробок на имя Родионова…* — Р. Р. Родионов, см. примечание к письму 322.

что будет заплачено за табак: он тотчас пришлет деньги. Прошу вас исполнить это немедленно. А. М. Тургенев знает, где купить табак.

Обнимаю вас с прочими. Жена так же. Она будет вам писать из Ганау или из Эмса. Что Василий?[1]

4 / 16 мая 1843
Ж.
Дюссельдорф

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 96—96 об.—97.
Впервые опубликовано: РБ. С. 120.
Печатается по копии.

326. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 июля 1843[2]

Бесценный друг, сию минуту первого июля, отпуская это письмо с Валуевым[3], получила ваши милые портреты для доставления Тетушке. — Еще недельку подождет она! Завтра пошлю письмо и уведомлю о драгоценной посылке, но портреты спишем разом. Они похожи, душа моя! хуже вас обоих, но большее всего, что до сих пор видно приближаются!

Как сердце вспрыгнуло, взглянувши на эти милые, милые рожицы! — О если бы я могла еще раз посмотреть на тихий ваш уголок, еще немного пожить с вами! — Я всю зиму, друг мой, была больна; жестоко больна, едва могла пройти по комнате; но между тем никогда такого безденежья у меня не бывало, никогда столько нужды; и слезы обо всем этом скарбе отнимают возможность надеяться на свидание. — Меня заставили пить здесь искусственные воды, подчивать беспрестанными пиявками, и вот уже три недели как я на ногах. Бесценный друг, ваше счастие, ваш уголок, река, дочка — все это дано моей душе для отдыха, для покорности против всего собственного и для прославления путей Божиих. Вами живу и благословляю Промысел и правду Его.

Я к вам почти всю зиму не писала; не было сил, — табаку однако же два раза посылала; один раз в Генваре, другой в Мае, но от Родионова не было отзыва; посылаю и теперь по приказанию вашему шесть коробок. — О Библиотеке для Вос⟨питания⟩ все ваши планы берегу в сердце, и буду по возможности пополнять под вашим руководством, ожидая вас. — Та, которая издается теперь, сперва шла под распоряжением Валуева, теперь принимает ее на руки профессор Грановский[4],

---

[1] *Что Василий?* — Василий Алексеевич Елагин (1818—1879), сын А. П. и А. А. Елагиных.

[2] Датируется на основании указания в письме времени написания «первого июля» и того факта, что оно является ответом на послание Жуковского от 4 / 16 мая 1843 года.

[3] *...отпуская это письмо с Валуевым...* — Д. А. Валуев, см. примечание к письму 272.

[4] *Теперь принимает ее на руки профессор Грановский.* — Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), историк, профессор Московского университета, близкий приятель А. П. Елагиной.

а как — и что будет, ничего изменить не сумею. Знаю только, что не то, чего мне хотелось и что это *не то* совсем отняло у меня и бодрости и желания работать. Еще ни одна работа не удавалась мне, и видно суждено ограничить поприще *переписыванием* стихов и канванной работой. Иногда готова была, как Шенье, ударить себе в голову с словом: pourtant![1*]

Василий всю зиму был в Берлине, летом пошел по Германии и не знаю, где теперь. У вас, верно, будет на поклонении, дай Бог только, чтобы вы здоровы воротились и милая Елисавета попрежнему озаряла нам земной рай. Wie du lobest und bist Sotrag! Ich vergesse um den Sorgen, Gotte geliebte in dem Bild**. — Валуев, который стремится вас увидеть, знаком вам; племянник Языкова и Хомякова, он некогда с моими сыновьями разделял мои заботы и мою любовь. — Теперь от меня тоже отдалился и живет в свете и другом кругу. — Он между тем расскажет вам *обо всех* здешних. Он просит позволения выбрать из ваших стихотворений несколько пиес для помещения в детской хрестоматии. Напишите: да или нет! — Иван Киреевский в деревне, Петр также, Алексей Андреевич и Андрей (который, увы! провалился на втором курсе) тоже в деревне!

О памятнике на могиле вашей доброй матушки не смущайтесь: он очень в порядке, хоть украли все бронзовое, что на нем было: но я это уже заказала возобновить: на черной мраморной доске простая мраморная урна, на ней написан год и число кончины, а *Е,* которое вырезано, было внизу на мраморной доске, пропало; я велела вновь сделать, может быть, окружу все железной решеткой. Все порядочно и *не забыто*. Я теперь живу недалеко.

О сестре Зонтаг крепко грущу и молюсь: и она больна и душевно упала. — Господи, не взыщи, но больно и горько.

Что вы решили с Воейковыми?[2] — Устроили ли дела их? — Прошу вас, поручите все кому-нибудь *дельному* и не ленивому: тяжело видеть всю эту бестолковость. — Вот уже и Маше пора выходить! Катя с сестрою моею, а, может быть, переедет к нам и Саша. Если б повидаться с вами, можно бы много сделать. Будьте здоровы и все тоже! Аминь.

Перевод

* Однако! (*франц*.).

** Так ты хвалишь и какая ты безмятежная! Я забываю о заботах, любимая Богом на картине (*нем*.).

---

[1] *Иногда готова была, как Шенье, ударить себе в голову с словом: pourtant!* — Слова Авдотьи Петровны отсылают к тексту «Примечаний» к стихотворению А. С. Пушкина «Андрей Шенье» (1825) об известном факте биографии французского поэта Андре Шенье (Chénier André,1762—1794): «На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j’avais quelque chose là» [все же здесь у меня кое-что было (*франц*.)]» (Пушкин А. С. [список сокращ.] Т. 2. С. 20).

[2] *Что вы решили с Воейковыми?* — Речь идет о дочерях А. А. Воейковой (урожд. Протасовой) — о Маше, Саше и Кате.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 45, л. 1—2 с об.
Печатается по автографу.

327. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

28 декабря 1843[1]

Бесценный брат, благослови вас Господь! — да хранит Он мне милое ваше счастие! Вот уже и Сашке год! Когда-то я вас и ее увижу. Переселение ваше в Франкфурт не есть ли начало переселения в Россию? — Так же страстно, как я этого желаю, так же и боюсь. Мудрено будет Елисавете привыкнуть ко всем хлопотам и неудобствам здешней жизни. I was well, would be bellow took physick and died*. — Да и от добра добра не ищут. Лишь бы она была здорова, храните ваш Дюссельдорфен-уголок. Здесь есть пустота, а тишины и мира нет. Все суетятся, спорят, кричат, а все из пустого и без толку! Sein и nicht Sein**, werden, да Славянизм, да происхождение языков: уже несколько лет только и слышишь. — Мне жаль, что не могу к вам, переписывать Одиссею, Библиотеку для в⟨оспитания⟩ я также оставила; во-первых, по нестерпимой головной боли, а во-вторых, и главных, потому что не так пошло, как бы желала. Если даже в рукоделии примешается другой со своими узорами, то приняться за него не хочется, тем больше еще за серьезный труд. — Валуев завладел моей мыслью, зачал издание, впустил туда вздору, и теперь жду сестру Анну Петровну. Авось она вступится и, *дожидаясь вас*, возьмет на себя издание. Тогда все переменить не будет трудно и вам начать будет можно по вашему плану. — Анна Петровна в Мишенском и успокоила сердце своим уединением. — Славное дело, это уединение! приближается к истинной цели, к Богу. — Теперь жду сестру сюда, с нею будет Катя Воейкова. Вы знаете, что с августа Саша В⟨оейкова⟩ уже в Петербурге. Думаю, что они повезут и сестру Зонтаг в Петербург, куда не хочется. Маша моя уже другой месяц в Бунине у Кати Мойер, которая нездорова. — Иван в деревне, где проводит зиму. Бедная жизнь его проходит без деятельности, без отдыха и труда, а в тяжелой какой-то пустоте, не совместной ни с душой его, ни с способностями, и помочь этому не вижу средства! — Петр, наконец, печатает свои песни. — Василий в Праге, пишет что-то историческое. Жаль, что вы не видели его, он высоко хорош и энергически нравственный человек. — Николай вышел кандидатом и ищет службы, а Андрей покуда со второго курса провалился, но я об этом не тужу. В нем есть дарование, пусть поучится, да и несправедливость *чужую* выносить надобно уметь благодушно. — Языков живет от меня в нескольких шагах, здоровье его кажется получше, по крайней мере веселее. — Катерина Фед⟨оровна⟩ Муравьева в горестном положении, старшая внучка сошла с ума, меньшая умирает чахоткой, а Сибирскую она почти не видит, не в силах будучи добраться до института[2]. — Об остальном мире ничего сказать не имею и от всех отшатнулась.

---

[1] Датируется по штемпелю: «1843 Moscou». Адрес: «В Дюссельдорф».

[2] *Катерина Федоровна Муравьева в горестном положении, старшая внучка сошла с ума, меньшая умирает чахоткой, а Сибирскую она почти не видит, не в силах будучи добраться*

Уменьшившиеся доходы и увеличившиеся расходы отнимают у меня всякую возможность сообщения. Но первая нужда моего сердца удовлетворена: вы счастливы! и будь Господь благословен! и да благословит вас, мое бесценное сокровище. Обнимаю вас крепко, перекрестите за меня Сашу и Елисавету.

28 декабря

Мой адрес: против Пожарного депо, на Пречистенке, в доме Воейковой.

Перевод

* Я чувствую себя хорошо, а могла бы принять лекарство и умереть (*англ.*).
** Быть и не быть (*нем.*).
Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 52—52 об.
Печатается по автографу.

328. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 февраля 1844

Бесценный брат, скажите опять с нами: *да будет воля Твоя*! Покоритесь Богу горестным сердцем, но также благодарным, как вы всегда делали. *Все к цели одной*! — Еще у нас гробница, на которой надобно написать: *да не смущается сердце ваше*. Катя Воейкова скончалась. — Это было так же неожиданно для нас, как будет неожиданно вам. Она приехала сюда ко мне в Москву, 11-го Генваря, в день моего рождения. Приехала с сестрой моей Анной Петровной и хотела, искупивши все нужное для выпуска Маши из Института и приготовя ей белье и пр., отправиться за нею в Петербург. 23-е Генваря занемогла болью легкой в горле и сыпью на лице, к вечеру сыпь стала уже и на всем теле. 26-е стала плевать кровью и кровью на час ходить, кровь вся была уже испорчена и в совершенном разложении; 27-е вся сыпь почернела, но не спряталась, а 28-е поутру, в 10 часов, она скончалась в совершенной памяти. — Во всю четырехдневную болезнь свою ни на минуту не теряла памяти, и хотя был жар, но бреду никакого. Иноземцев ее пользовал, но скоро сказал, что человеческие средства бессильны. Во всю болезнь она была терпелива, весела, шутлива даже, а когда мы ей (за час до кончины) предложили причаститься Св. Таин, отвечала: ах, я очень рада. Исповедалась и приобщилась, а после нас всех обняла, с совершенным спокойствием. Потом выпила чашку бульона и попросилась встать. Маша подняла ее, и она, глубоко вздохнувши, умерла на руках Маши, без всякого страдания. — После смерти была так хороша, как

до института — дочери декабриста Никиты Михайловича Муравьева: Екатерина (1824—1870), Елизавета, *Сибирская* — Софья (Нонушка, 1829—1892). Софья, потерявшая в 1832 г. мать, после настойчивых прошений Е. Ф. Муравьевой, самого Н. М. Муравьева и сестер его жены, была возвращена из Сибири в Москву и в июне 1843 г. помещена в Екатерининский институт под фамилией Никитина.

не бывала живая, и несколько часов мы не могли на нее наглядеться. К вечеру тело уже испортилось, но красота не проходила. 29-е мы отнесли ее в церковь, потому что дома держать было невозможно. А 30-е приехал из чужих краев Василий, для того чтобы вместе с прочими братьями проводить нашу Катю на ее последнее жилище. — Свидание наше с ним было не радостно, я и до сих пор еще не опомнюсь. Господь знает, что делает, и ничто здесь не случайно. — Катя уехала от Мойера к бедной сестре моей, у которой уединение не могло быть Кате по сердцу, несмотря на всю любовь, с которой сестра приняла ее. Не знаю, что будет с меньшими и как они распорядятся жизнью. — Сиротство их невообразимо горько, и чем легче они сами, тем тяжелее за них. — Как-то примут эту ужасную весть тетушка и бедная моя Катя. — Болезнь моя мешает к ним ехать; к ним поехал Алексей Андреевич. Но Мойер должен бы привести их сюда. Такое скучное уединение вместе с жестоким горем убийственны для неопытного сердца бедной моей девочки. — Отдаться в этих случаях на власть Божию, кажется, должно употребляя все средства, данные нам Богом для сохранения себя. — Друг мой бесценный, сколько уже из нашей жизни ушло! Когда-то мы, оставшиеся, соберемся в кружок! Прежде ли долины Иосафатовой?[1]

Ваши экземпляры *Наля* получили[2], и все вместе благодарим вас. Все разослали по адресам, включая экземпляр Катерине Ник⟨олаевне⟩ Орловой, которая в Италии проводит зиму; я *от вас* отдала его Языкову. — Языков начинает поправляться и радуется вашей поэмой с прежним жаром. Баратынского экз⟨емпляр⟩ также дожидается возможности перелететь в Париж, где он обретается, но я пошлю туда — ибо там это счастие.

Душа моя, да благословит вас Бог! Вы наше счастие, берегите себя и любите нас, ваших сестер

Ав. Елагина[3].

---

[1] *Прежде ли долины Иосафатовой?* — Долина Иосафата — долина реки Кедрон под Иерусалимом, где, по предсказанию библейской книги Иоиля, должен будет свершиться окончательный суд Божий над народами (Иоил. 3.44). — Удастся ли нам, оставшимся после многих утрат, собраться в кружок — здесь, в земной жизни, или нужно ждать до страшного Суда? — Таков смысл печальной шутки А. П. Елагиной, уставшей мечтать о встрече с Жуковским.

[2] *Ваши экземпляры Наля получили…* — Речь идет о корректурах повести «Наль и Дамаянти», печатавшейся в типографии Е. Ф. Фишера в Петербурге.

[3] Далее следует приписка А. П. Зонтаг:

«Вот милый друг и брат еще одна могила, ранняя могила! Не нам бы хоронить Катю! После неожиданной горестной разлуки с нею, мы живем в страхе о том, как примет это известие тетушка и Катя. Сохрани их Господь! Бедной тетушке осталось в жизни одно радостное ожидание свидания с вами. Она только о том и думает. — Я по совету вашему и по ходу обстоятельств, переехала на житье в Мишенское. Оставила Машеньку с мужем и дочкою счастливою. Христос с нею! — Знаю, что она и весела, и счастлива, но сердце мое изныло по ней. Господь указал мне одинокий путь мой. Ко мне присоединился было милый товарищ, Катя, но и ее Бог взял от меня. По вашей милости мне было с чем приехать к сестре; повидаться с нею и милыми её детьми: я получила от Родионова триста рублей серебром, за Наля и Дамаянти, и Экземпляры поэмы, которые все доставили по принадлежности. Благодарю вас за все, милый друг! Я про-

Chère amie, voilà une de vos soeurs qui ne vous verra plus sur la terre: il faut espérer qu'elle prie pour nous au ciel! Que votre amour pour notre cher Joukofsky lui félicitera la perte que nous venons de faire. — Je ne vous écris pas aujourd'hui, parce que je porte tout à fait mal. J'embrasse notre chère enfant, et je vous serre dans mes bras avec toute la tendresse d'une mère, qui vous chérit et vous bénit tous les jours*.

Перевод

* Дорогая подруга! Вот еще одна из ваших сестер, которая больше не увидит вас на земле: надо надеяться, что она будет просить за нас на небе. Пусть ваша любовь к нашему дорогому Жуковскому возместит потерю, которая только что была у нас. — Я вам не пишу сегодня, потому что очень плохо себя чувствую. Я целую нашего дорогого ребенка, обнимаю вас с нежностью матери, которая вас лелеет и благословляет каждый день (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 54—55 с об.
Печатается по автографу.

329. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

11 марта 1844[1]

Друг мой бесценный, вчера получила письмо ваше. Благодарю Бога за него! Ваша милая душа ни на минуту не помрачается нашим земным стеснением и мраком. *Мир* Божий дан вам, как Христос дает его своим избранным. Наша бесценная Елисавета вам подруга и его хранительница. — Не тужите, что она Катю не знала *лично*, она в ней знала лучшее и теперь, когда придется через несколько десятков лет встретиться, узнают друг друга *сестрами*, а кто знает, что стало бы между ними *здесь*? Саша и Маша обе пожалованы фрейлинами, их горе не может быть ни так глубоко, ни так живо: обе любят свет, рассеяние и ненавидят деревню и все семейное, тихое. Катя Мойер одна меня крушит и терзает. Она покорна, но жестоко поражена потерей Кати, ее здоровье не вынесет этого сосредоточенья, в котором заключена невольно. У нее нет мысли о себе, да и у других нет мысли об ней. Я не могла поехать к ней, потому что занемогла сама и целый месяц пролежала с сильным жаром, болью горла и головы. Вчера в первый раз выехали прокатиться. Сестра Анна П⟨етровна⟩ также была нездорова, и бедные мои девчон-

---

буду здесь 1-е Марта и возвращусь в мою пустыню. Увижусь ли-то с вами, брат мой! Обнимаю вас от всего сердца и милую вашу жену и Крошечку. Христос с вами, да благословит вас Господь Бог!

А. Зонтаг

На днях получила известие, что Графиня Эдлинг скончалась. Она была долго и мучительно больна.

6 февраля 1844»

[1] Дата устанавливается на основании содержания: Авдотья Петровна пишет о недавней смерти Кати Воейковой (1844 год).

ки горькое время над нами провели. Обеим в первый раз пришлось переносить удары Божьи, и Лила особенно до глубины ими потрясена, до сих пор не могут опомниться. — Вы пишете, душа моя, что в совершенной находитесь неизвестности обо всем, случившемся в Бунине, но как же мне писать к вам, когда ни тетушка, ни сама Катя об этом не пишут? — не обвинят ли меня в *сплетении*? — тем больше, что сказанное мною вы непременно бы пересказали им. — Катя В⟨оейкова⟩ совсем переехала было к сестре по неудовольствиям с Мойером, Саша также, не имевшая явных неудовольствий, не хотела жить в Бунине, а уехала с гр⟨афиней⟩ Толстой только повеселиться — и вот вместо веселья, или за весельем последовал для нее удар судьбы. Но и он послужил для ее устройства. Марья Николаевна взяла ее во фрейлины; там ей будет хорошо, вместе с ⟨Варенькой⟩ Борыковой и в небольшой репрезентации. Говорят, будто и Маша сделана фрейлиной[1], но об этом они сами не пишут. — Я жду их скоро сюда, проездом в Бунино, и когда будут, заставлю их вам написать. — Катины билеты Коммерческого Банка и Комиссии погашения отослала к Родионову и имею уже ответ, что он отдал их Зейдлицу. Я отослала без спросу и всякого приказу, зная, что тетушка этим не умеет заняться; так же и Мойер; — но расстался он с Катей дружно и хорошо, сам проводил ее до Дримера и только от нее самой зависело жить ей с Мойером или нет; также и сестер ее. — Мойер не умеет *угождать*, но прямо умеет любить отцовски. Горько видеть, сколько мелочи, самые негодные, заслоняют и запутывают свет и жизнь, и правду. Копия с билетов осталась у меня, и еще билет в 11 т., подписанный вами, по которому сестры получить могут. Я отдам его Саше. Об том отречении, которое вы затеяли, Алек⟨сей⟩ Андр⟨еевич⟩ велит вам доложить, что не советует. Если Андрей подпишет[2] отречение, то, стало быть, нельзя будет признать его *слабоумным*, что необходимо для сбережения его имения для него же. — Разве заставить подписать отречение от всего имения? — но этого сестры не захотят. — Ваш приезд сюда, душа моя, устроит многое в нашей семье. Я жажду вас, как небесного Промысла. Бедная моя Катя отдохнет. В последнем письме своем просится она опять под сердце своей матери, там, говорит она, не дотронулась бы до меня скорбь. Если бы можно было им переехать сюда! Хоть на зиму! Мы могли бы нанимать дом вместе, и я избавила бы их от всех хлопот хозяйства. — Не худо бы даже написать о том к Мойеру. — Между тем, простите, мой брат бесценный, да хранит вас Господь, мое сокровище.

Chère amie, je voudrais dire chère Soeur et chère fille, tous ces amours, vous les réunissez dans mon coeur: nous ne sommes pas si éloignées l'une de l'autre, puisque

---

[1] *...и Маша сделана фрейлиной...* — после смерти матери и отца Мария Александровна Воейкова (1826—1904) была взята в фрейлины великой княгини Александры Иосифовны; Александра Андреевна — в фрейлины великой княгини Марии Николаевны.

[2] *Если Андрей подпишет...* — Андрей Александрович Воейков (1822—1866), сын А. Ф. Воейкова и А. А. Протасовой-Воейковой, душевнобольной человек, которому юридически переходило все наследство, в том числе и деньги, положенные Жуковским на имя сестер Воейковых.

éprouvons les mêmes pensées. J'ai été bien malade, un mois entier au lit aves une forte fièvre; l'inquiétude pour ma pauvre tante Protassoff; et surtout pour ma bienaimée Катя Мойер, augmentait mon mal. Aléxandrine est entourée de distractions de ville, mais Катя est seule et souffre pour tous. Quand je lui ai dit l'affreuse nouvelle, son unique pensée a été *de sauver* la grand-mère, elle l'a prise dans ses bras et l'a portée dans son lit, ensuite après l'avoir couchée elle a fuit dans la chambre la plus éloignée de la maison, et s'en est mise à crier, parce qu'elle ne pouvait plus respirer, un spasme nerveux la suffoquait. Et maintenant Sacha est nommée D-lle d'honneur, et figure à la cour, et ma pauvre Катя est seule en présence de sa douleur; et ce Dieu j'espère, qui regarde avec complaisance cette douce et angélique créature.

Ecrivez-lui souvent, chère amie, elle a besoin de soutien et d'amour. Leur amitié avec Marie Kireefsky fait l'unique consolation de la solitude. La bonne Marie est aussi toute abnégation et toute résignation à la volonté du Seigneur! Elle vient de communier aujourd'hui, et son visage est encore tout resplendissant de serveur et de reconnaissance. — O, quel doux Dieu que celui qu'on fait dans Jésus-Christ, nos fautes et nos erreurs ne le défont pas. — Avec quelle impatience je vous attends ici! quel bonheur de réunir vos chères mains; Vous, Marie, Катя, pour marcher ensemble toute la vie!

Je vous serre dans mes bras et vous bénis

Votre Eudoxie*.

Перевод

* Дорогая подруга, я хотела бы сказать, дорогая сестра и дорогая дочь, все это счастие Вы соединяете в моем сердце. Мы не так далеки друг от друга, потому что думаем одинаково. Я была очень больна, целый месяц в кровати с сильной лихорадкой, а беспокойство за мою бедную тетушку Протасову и особенно за мою горячо любимую Катю Мойер усиливало боль в моем сердце. Александра окружена городскими развлечениями, а Катя одна страдает за всех. Когда я сообщила ей ужасную весть, ее единственною мыслью было спасти бабушку, она взяла ее на руки, отнесла в кровать, и уложив ее, убежала в самую дальнюю комнату и принялась кричать, потому что, она не могла больше дышать, ее душил нервный спазм. Сейчас Саша названа фрейлиной и находится при дворе, а моя бедная Катя одна в своем горе. Бог, надеюсь, смотрит с сочувствием на это нежное и ангельское создание.

Пишите ей чаше, дорогая подруга, она нуждается в любви и поддержке. Ее дружба с Машей Киреевской — единственное утешение в одиночестве. Добрая Маша — сама самоотверженность и смирение перед волей Всевышнего. Она причастилась сегодня, и ее лицо еще больше сияет смирением и признательностью. О как милостив Господь Бог, воплотившийся в Иисусе Христе, все наши ошибки и наши заблуждения это не разрушают. С каким нетерпением жду я вас здесь. Какое счастие соединить ваши дорогие руки: Ваши, Машины, Кати, чтобы идти вместе всю жизнь. Я сжимаю Вас в своих объятиях и благословляю Вас.

Ваша Евдокия (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 57—59 с об.
Печатается по автографу.

330. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 апреля 1844[1]

Иван Павлович Галахов, который передаст вам это письмо[2], мой бесценный брат, больше других может рассказать вам об нас и о многом в Москве, вас интересующем. — Об нем самом желала бы я рассказать вам побольше, потому что всё, с ним связанное, будет прекрасно, благородно, полно высокой души и ума. Уделите ему, душа моя, часть вашей милой благосклонности; он ее стоит, и поговоря с ним полчаса, вы увидите, что можете мне на слово верить. Je demande aussi à ma bien-aimée Elisabethe d'accueillir avec sa bonté accoûtumée le jeune hôte que je lui recommande. Je vous conterais nos soirées, les petits et grands intérêts que l'on se plaise à discuter ensemble, et attente agitée qui règne dans tous les esprits*. — Бог знает, хорошо ли вы сделаете, переселяясь сюда *теперь*, у нас очень тяжело, смутно ожиданием худшего. Не думаю, чтобы собственные мои горькие обстоятельства исключали для меня настоящее. Поговорите вот с этим умным человеком.

О наших скажу вам, что Саша очень довольна своим фрейлинством, а тетушка и этим и Машею. Маша милый прекрасный ребенок, но и о Кате Мойер надобно подумать серьезно. Здоровье ее не выдержит той жизни, которую она ведет так охотно и с таким самоотвержением. Если вы переедете в Москву, то знаю, что Мойер приезжать будет со всеми на зиму. Но если еще останетесь в чужих краях, то постарайтесь для нее что-нибудь устроить, т. е. представьте ему необходимость хоть на три месяца отдавать ее мне. — Душа моя, о себе лично что скажу вам? Здоровье мое очень плохо, сердце мое растерзано болезнью Ивана Киреевского и многим, многим другим; денег совсем негде взять, даже и для юношей моих, которые готовы в службу. Ни для кого ничего сделать не могу, хотя каждому из них хотела бы подставить свои ноги, руки, голову, сердце для действия и уничтожить всё для их блага. Будь Божья воля! и в нашем ничтожестве!

Сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩ поселилась в Мишенском. Заботливо хлопочет о настоящем устройстве и ничем не обеспечивает будущее. Жаль будет отдать на разграбление Киселевским чиновникам священную нашу родину, но смелости и воли не дашь никому, кто принять не хочет. Сестра нерешительна и слишком занята своими обстоятельствами. — Хотела уговорить ее издавать журнал дамский, но и это рассеяние не дается. За чулком довольно времени перебирать свою боль, и вследствие этого чулки предпочитаются умственной работе.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о вступлении Николая Елагина в Архив Иностранной Коллеги в 1844 году. На л. 61 рукой Жуковского в столбик сверху вниз сделана запись: «Таулер 〈〉, 〈〉, Отцы церкви. Паскаль. Фенелон. Св. Франциск. Телемак».

[2] *Иван Павлович Галахов, который передаст вам это письмо*… — И. П. Галахов, друг Н. В. Станкевича и А. И. Герцена. Рассказу о И. П. Галахове Герцен посвятил несколько страниц в «Былом и думах» (глава «Наши»).

Библиотека, ожидая вашего приезда, издается уже без моего содействия[1]. Валуев вырвал ее у меня из рук — и теперь передал профессорам. Если прикажете что-нибудь делать для будущего вашего издания, я рада буду. Теперь с весною собираюсь в Бунино и в Петрищево на лето; две дочери поедут со мною, а трое Елагиных юношей остаются в Москве: Василий занят своей диссертацией на Магистерство; Николай вступил в Архив Ин⟨остранной⟩ Кол⟨легии⟩, где будет редактором журнала исторических древностей. Удивительные есть вещи, и до сих пор скрытые равнодушием! — Андрей в Университете, где, увы! весьма плохо без протекции[2]. Единственная нужная вещь, чтобы попасть на дорогу счастия.

Но простите, бесценный друг. Обнимаю вас со всею любовью неизменного чувства, Пришлите мне, если можно, портрет Саши. Хотя карандашом, наваракcайте сами.

Перевод

* Я также прошу мою горячо любимую Елизавету встретить со своей обычной добротой молодого гостя, которого я рекомендую. Я бы вам рассказала о наших вечерах и больших интересах, которые с удовольствием обсуждаем вместе о волнительном ожидании, которое царит во всех умах (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 60—61 с об.
Печатается по автографу.

331. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

В письме Жуковского к Е. И. Мойер-Елагиной от 1 / 13 окт. 1844

Скажите Авд⟨отье⟩ П⟨етров⟩не, что у меня давно лежит письмо жены к ней написанное, но я до сих пор не послал его к ней, потому что хотел сам написать. Но как на беду Одиссей приплыл с товарищами на остров циклопов, попался в лапы к Полифему и я так занялся его избавлением из западни людоеда, что ничто другое не входило мне на ум. Теперь Одиссей свободен, и женино письмо освободится скоро также из пещеры и поплывет в свою Итаку, то есть к моей милой Дуняше, сопровожденное моим.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 111.
Печатается по копии.

[1] *Библиотека, ожидая вашего приезда, издается уже без моего содействия* — Речь идет о журнале «Библиотека для воспитания».

[2] *Андрей в Университете, где, увы! весьма плохо без протекции* — Речь идет об А. А. Елагине (1823—1844), сыне А. П. и А. А. Елагиных.

332. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Франкфурт — н⟨а⟩/М⟨айне⟩ 1844 5/17 décember

Милая моя душа, уж это и для меня самого непостижимо, как мог я так долго не писать к вам, как могли вы так долго сносить мое молчание и не кинуть ко мне хоть бранного слова. Жена моя не виновата перед вами, она давно написала к вам письмо, но я все этого письма не посылал для того, чтоб с ним послать и мое: а мое-то все и не писалось. И знаете ли, что этому особенная причина — Одиссея. У меня уже XI песен переведено и поправлено. Мне так хочется скорее этот труд (мой лучший и удачнейший труд) окончить, что Одиссея в полном смысле этого слова меня пожирает. Когда начинается перевод песни, все прочие работы и заботы в сторону — с ними и письма. Кончилась песня — и начинаются торг и разные плутни лени: сперва отложишь письмо для того, чтобы заняться поправками перевода; кончилась поправка, начинается переписка; кончилась переписка — ахти! Как много времени прошло! Надобно приниматься за новую песнь. Принялся за новую песнь — повторяется точь в точь та же история, и вот эта история повторяется… Но надобно вам знать, милая, что именно Одиссея чаще нежели что-нибудь другое заставляет меня об вас думать. Никому не хочется мне так ее прочитать, как вам; ибо знаю, что вы лучше всех других (и прочих многоумных литераторов) оцените эту работу и поймете, сколько нужно было иметь самобытного творчества переводчику, чтобы с нею успешно сладить. Может быть я и пришлю к вам один переписанный мне экземпляр, но должно только вверить его надежному человеку; наши почтенные соотечественники худо исполняют поручения. Послать же по почте, станет дорого. Может быть, я еще и долго бы не написал к вам, но благодарите за это *Москвитянина*[1]; *12 числа Декабря н. с*. получил Гоголь (у меня гнездящийся) от Шевырева письмо[2], в котором уведомил его Шевырев, что Москвитянин из Погодина обратился в Ивана Киреевского. И во мне загорелось желание выступить на сцену в его 1 №. В тот же день начал прилагаемую здесь пиесу, которую кончил 14-го, а до нынешнего дня поправлял[3]. Она была бы лучше, сжатее, если бы было мне более времени: je n'ai pas eu ce temps d'etre plus court*.

---

[1] *… благодарите за это Москвитянина…* — *Москвитянин* — И. В. Киреевский, редактор журнала «Москвитянин» (1845).

[2] *…12 числа Декабря н. с. получил Гоголь* (*у меня гнездящийся*) *от Шевырева письмо…* — С. П. Шевырев в письме к Н. В. Гоголю из Москвы от 15 ноября 1844 года сообщал: «“Москвитянин” переходит от Погодина к Киреевскому Ивану Васильевичу, который с нового года будет его полным издателем. Тебя вся братия приглашает к посильному участию, если это только не расстроит тебя ни в каких твоих занятиях» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 306).

[3] *В тот же день начал прилагаемую здесь пиесу, которую кончил 14-го, а до нынешнего дня поправлял* — Речь идет о произведении В. А. Жуковского «Две повести. Подарок на Новый год Москвитянину», опубликованном в «Москвитянине», 1845. № 1. С. 12—24 с примечанием:

Прошу вас мои стихи положить к стопам Москвитянина и попросить у него великодушно мне прощения за многие недостатки, удержавшиеся в сем произведении устарелого поэта, недостатки, коих сохранение доказывает только поспешность Поэта угодить журналисту и страх не поспеть с берегов Майна на берега Москвы-реки прежде появления 1 №. Пиеса переписана Гоголем[1], что манускрипту дает особенное достоинство, и вы можете его сберечь как драгоценный autografe[**], который после можно разыграть в лотерею в пользу двух или трех семейств. Особенно же побудили меня две причины написать для Ивана Москвитянина посылаемые стихи. Первая та, что за две недели перед сим я отправил к Соллогубу в его альманах, имеющий появиться в Генваре 1845 года, повесть[2]. Ее появление в этом альманахе могло бы болезненно тронуть Москвитянина, столь мне родного и милого, и я весьма сожалел, что никому из вас не пришло в голову дать мне знать заранее хоть одною строчкою о литературном преображении Ивана Васильевича: я узнал о нем случайно. Вторая причина была эгоистическая та, что у меня половина Одиссеи лежит в портфеле, и преображенный Иван мог бы потребовать от меня выдачи из сего запаса для его журнала: а я решил не печатать ни строки из Одиссеи до ея полного появления в свет; для чего это — узнаете, прочитав все это письмо. Посылаемая сказка или две Москвитянину и повесть, которая будет напечатана в Альманахе Соллогуба, принадлежат к Собранию, еще несуществующему, повестей для Юношества[3], которые намерен я издать осо-

---

«Эти стихи В. А. Жуковского относятся к одному литератору, который принимает участие в составлении “Москвитянина”».

[1] *Пиеса переписана Гоголем…* — В письме к С. П. Шевыреву от 2 (14) декабря 1844 года Н. В. Гоголь писал: «Киреевскому и всей братии отдай поклон, поздравление с новым годом и желание искреннее всяких успехов журналу. И скажи ему, что хотя я и не даю никакой статьи в “Москвитянин” по причине нищенства, но что Жуковский мною заставлен сделать для “Москвитянина” великое дело, которого, без хвастовства, побудителем и подстрекателем был я. Он вот уже четыре дня, бросив все дела свои и занятия, которых не прерывал никогда, работает без устали, и через два дня после моего письма “Москвитянин” получит капитальную вещь и славный подарок на новый год» (Переписка Н. В. Гоголя. Указ. изд. С. 313).

[2] *...Я отправил 〈...〉 повесть...* — Речь идет о повести «Капитан Бопп», опубликованной в альманахе «Вчера и сегодня» (СПб., 1845. Кн. 1), составленном гр. В. А. Соллогубом. См. письмо В. А. Жуковского к В. А. Соллогубу от 14 (26) ноября 1844 (РС, 1901, № 7. С. 100—101).

[3] *Посылаемая сказка или две Москвитянину и повесть, которая будет напечатана в Альманахе Соллогуба, принадлежат к Собранию, еще несуществующему, повестей для Юношества…* — Замысел создания «Повестей для Юношества» — «самой образовательной детской книги» — возник у Жуковского в середине 1840-х годов. В рукописях поэта сохранился проект книги, включающей сказки, стихотворные повести, отрывок из «Орлеанской девы», из «Нибелунгов», «Войны мышей и лягушек», обработку сюжетов русской истории. С планом воспитания детей и юношества связан замысел особого издания «Одиссеи» и работа над «Повестью о войне Троянской». В письме к П. А. Плетневу от 1 июля 1845 года Жуковский писал: «По своей важности в этом отношении “Одиссея” может обратить на себя внимание Русской Академии и Министерства Просвещения, понеже она может быть полезною образовательною книгою в руках юношества. Мне даже хочется сделать из нее книгу для первого отроческого возраста: перевод прост и, при всей верности, кажется мне удобопонятен, ибо язык не исковеркан греческими

бо. Они все будут писаны или ямбами без рифмы, как посылаемая повесть, или моим сказочным Гекзаметром (совершенно отличным от Гекзаметра Гомерического), и этот слог должен составлять средину между стихами и прозой, то есть не быв прозаическими стихами, быть однако столь же простым и ясным как проза, так, чтобы рассказ, несмотря на затруднения метра, лился бы как простая, непринужденная речь[1]. Я теперь с рифмою простился. Она, я согласен, дает особенную прелесть стихам — у Языкова[2] она совершенная волшебница, но мне она не под лета. Рифма для старого, еще не состарившегося душой Поэта, есть то же, что для старого мужа молодая жена (не такая, как моя для меня), но модница и вертушка. Моя жена своею молодостью дает настоящую зрелость моей старости; это сосуд живой воды, из которого я пью отживая новую жизнь, дающую земной, прежней, уже испытанной жизни что-то свежее, новое, чистое и не пускающее в душу того увядания, которое по закону природы творится во всем внешнем, материальном. Жена — рифма не похожа на мою жену — жизнь. Она модница, нарядница, прелестница, и мне, ее старому мужу — поэту, пришлось бы худо от ея причуд. Я угождал до сих пор как любовник, часто весьма неловкий; около нее толпится теперь множество обожателей, вдохновленных молодостию; с иными она кокетничает, а других сама бешено любит (особенно ех*** — пузана Языкова) — куда мне за ними? Я сделался смирным поэтом рассказчиком, во многих отношениях то, что пишу теперь, гораздо лучше того, что писал прежде, и очень рад, что мой добрый Гений именно в то время, когда внешний мир для меня стеснился в пределы моего домашнего садика, подвел меня к старику Гомеру, который меня, безымянного для него, Гиперборейского старика, принял весьма благосклонно и с старческим детским добродушием, передавая мне Одиссею, сказал: пересели ее на твой север, и пускай она, которую так жадно слушали в мое время и старики и юноши и дети, под светлым небом Эллады, таким же чистым, сердцу отзывистым голосом будет говорить старикам и юношам и детям твоего туманного Севера; — и в царских палатах посреди расцветающего Царского семейства, и в уединенной учебной юноши[3], у которого от восторга станут дыбом волосы, когда повеет на него святая древность амврозиальным, неиспорченным благоуханием, и в семейном кругу Авдотьи Петровны Елагиной, где, по особенной симпатии поэтической, ясно поймут (и не видав моей Одиссеи в ея прежнем образе вечно

формами, хотя они и все сохранены с благоговением» (С. 7. С. 555—556). См. об этом подробнее: *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985. С. 243—244; БЖ. Ч. 2. С. 533—545.

[1] *...Гекзаметром (совершенно отличным от Гекзаметра Гомерического), и этот слог должен составлять средину между стихами и прозой* ⟨...⟩ *лился бы как простая непринужденная речь* — Первоначально это рассуждение о своеобразии языка «Повестей для Юношества» было высказано в письме к П. А. Плетневу в 1843 году (С. 7. С. 591).

[2] *Она, я согласен, дает особенную прелесть стихам — у Языкова...* — Н. М. Языков, см. примечание к письму 195.

[3] *...в уединенной учебной юноши...* — *Учебная* — учебная комната. Ср. у Даля:«Учебный, до обучения отнсщс.» (Т. IV. С. 529).

новой девы в 2000 лет), что она, перелетев это пространство времени, очутилась между ними во всей прелести своей красоты. Вот что мне сказал Гомер — и я с тех пор всеми силами стараюсь исполнить его завещание. Так, чтобы он, когда появится его Одиссея на Руси, не грозным, мстительным Демоном передо мной явился и страшных Эриний на меня накликал, а в своем первобытном виде и мне разоблачил бы лицо свое, и сказал бы мне дружески: благодарствую за дочь Одиссею, а тебе в награду за блаженный труд твой, показываюсь точно таким, каков я некогда был, с костями и с мясом, за 2800 лет перед сим, вопреки Вольфу[1] и разным немцам, которые из всего мастера делать идею, и из идей которых часто нечего делать. — Чтоб говорить Вам без всяких картинностей, одиннадцать песней Одиссеи готовы; я переводом доволен, он кажется мне простее всех существующих, верен, как проза; но поэтический, и поэтический по образу и подобию Гомера (это ниже) язык же русский, а не греческий, как у немцев, и никакой, как во всех переводах французских и у Попа[2]. Есть перевод английский Cowper[3], которого я не знаю и который весьма хвалят. Есть и два русских в прозе Соколова[4] и Мартынова[5]. Соколов чистый дурак, а Мартынов был искусный педант, но мне он может быть полезен для технических терминов в последних песнях, которые, кажется мне, будут труднее первых, более разнообразных. Спросите: как же я перевожу? С Греческого и не с Греческого. Нашелся честный, ученый профессор в Дюссельдорфе по име-

[1] *...вопреки Вольфу...* — Фридрих Август Вольф (Wolf Friedrich August, 1759—1824) — знаменитый немецкий филолог, создатель теории, по которой «Илиада» и «Одиссея» представляют собой собрание отдельных песен, принадлежащих не Гомеру, а многим рапсодам. См. подробнее об этом: *Давыдов И.И.* Сравнение «Одиссеи» Жуковского с подлинником на основании разбора 9-й рапсодии // Отеч. записки. 1849. Т. 63. Отд. 5. С. 1—58; Егунов. С. 380; *Ярхо В.Н.* «Одиссея» — фольклорное наследие и творческая индивидуальность // Гомер. С. 322—323.

[2] *...во всех переводах французских и у Попа* — Александр Поп (Pope Alexandre, 1688—1744), знаменитый английский поэт, автор философской поэмы «Опыт о человеке», а также «Послания Элоизы к Абеляру», отрывок из которого был переведен Жуковским; переводчик Гомера. В библиотеке В.А. Жуковского хранятся два издания (1760 г. и 1771 г.) «Одиссеи» в переводе Попа (Описание. С. 365. № 2649, 2650 с пометами поэта).

[3] *Есть перевод английский Cowper...* — Cowper William (1731—1800), английский поэт, переводчик Гомера. В библиотеке В.А. Жуковского находится пятое издание перевода «Одиссеи» (Описание. С. 189. № 1328).

[4] *Есть и два русских в прозе Соколова...* — Петр Иванович Соколов (1766—1835), автор «Учебника русской грамматики», «Общего церковно-славяно-российского словаря», переводчик с латинского «Одиссеи» Гомера. См. подробнее об этом: Егунов. С. 64—70. Экземпляр книги «Одиссея, или странствования Улисса, героическое творение Гомера» (1815 г.) находился в составе книг Жуковского, но списан по акту 1958 г. (Описание. С. 21—22. № 86).

[5] *...и Мартынова...* — Иван Иванович Мартынов (1771—1833), русский переводчик Гомера с греческого. За 1823—1829 годы Мартынов выпустил 26 томов переводов греческих классиков, из них 8 томов посвящены Гомеру. Издание Мартынова включает греческий подлинник, в 1 песне дан «междустрочный» перевод, начиная со 2 песни, все разночтения и варианты перенесены в Примечания, где представлена история переводов «Одиссеи», Об этом подробно см.: Егунов. С. 309—330. В библиотеке Жуковского хранится «Одиссея» в переводе Мартынова (Описание. С. 22. № 88) с пометками и записями поэта.

ни Грасгоф[1] (брат его живописец был, кажется, в Москве[2]); сперва я пригласил Грасгофа читать со мною Гомера: он мне его диктовал, я писал, под каждое слово греческое ставил слово немецкое и грамматические примечания; но это показалось мне слишком продолжительным; Грасгоф мог заниматься со мной только час в день и только три раза в неделю — итого по три часа в неделю на Гомера, куда б я с этим уехал? Я поручил Грасгофу сделать для меня подстрочный немецкий перевод. И я имею теперь всю почти Одиссею, таким образом переведенную; сперва строка греческая, под нею строка немецкая; под каждым греческим словом немецкое, ему соответствующее; под каждым немецким словом грамматический анализ слова греческого. Чистая Галиматья. Но я перевожу просто с этой Галиматьи; ибо передо мною весь порядок греческих слов, со всеми их инверсиями, я даже, читая стихи, могу иметь и понятие о гармонии звуков; но непосредственно поэтической прелести оригинала не могу чувствовать, и это едва ли для меня не выгоднее: это дает мне полную свободу угадывать поэтическим чутьем то, что лежит передо мною в немецких безжизненных каракульках, это дает моему переводу характер творчества, имея всю материальную сущность стиха: смысл и порядок слов; я в самом себе должен находить его поэтическую сущность, то именно, что непереводимо, что надобно создать самому, чего нельзя взять из оригинала, что должно уже иметь в самом себе. Кажется, что здесь мое чутье меня не обмануло. Перевод Гомера не может быть похож ни на какой другой. Во всяком другом поэте, не первобытном, а уже поэте-художнике встречаешь беспрестанно с естественным его вдохновением и работу искусства. Какая отделка в Вергилии; сколько целых страниц, где всякое слово живописно поставлено на своем месте и сколько отдельных стихов, поражающих своею особенною прелестью. В Гомере этого искусства нет; он младенец, постигнувший все небесное и земное и лепечущий об этом на груди у своей кормилицы природы. Это тихая, светлая река без волн, отражающая чистое небо, берега и все, что на берегах живет и движется; видишь одно верное отражение, а светлый кристалл отражающий как будто не существует. Переводя Гомера, недалеко уйдешь, если займешься фортуною каждого стиха отдельно, ибо у него нет отдельных стихов, а есть поток их, который надобно схватить весь во всей его полноте и светлости. Надобно сберечь всякое слово и всякий эпитет, и в то же время все частное забыть для целого; и в выборе слов надобно наблюдать

---

[1] *...ученый профессор в Дюссельдорфе по имени Грасгоф...* — Карл Грасгоф (Grashoff Karl 1799—1874), немецкий эллинист, сделавший для Жуковского подстрочник поэмы Гомера на немецком языке. См. подробнее об этом: Егунов. С. 359—361; *Ярхо В. Н.* В. А. Жуковский переводчик «Одиссеи» // Гомер. С. 334—335.

[2] *...брат его живописец был, кажется, в Москве...* — Отто Грасгоф (Grashoff Otto 1812—1876), немецкий живописец. В 1838—1845 работал в Москве и Петербурге, автор исторической картины «В сражении 1829 г. знаменосец Любанский тамбовского полка спасает знамя от турок»; писал образы («Христос, благословляющий детей», «Св. Михаил», «Богоматерь с Христом»), портреты (кн. Меньшиковой, кн. Белопольского, сенатора Гагарина с семьей, «Неизвестного») и декоративные росписи. См. подробнее: Свердловская картинная галерея. Свердловск, 1949. С. 15; Художники народов СССР. Библиографический словарь. М., 1976. Т. 3. С. 153.

особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и не годно для Гомера, все имеющее вид новизны, затейливости нашего времени, все необыкновенное здесь не у места, надобно возвратиться к языку первобытному, потерявшему уже свою свежесть от того, что все его употребляли, заимствуя его у праотца Поэзии; надобно этот изношенный язык восстановить во всей его первобытной свежести и отказаться от всех нововведений, какими язык поэтический, удалясь от простоты первобытной, по необходимости заменил эту младенческую простоту. Поэт нашего времени не может писать языком Гомера: будет кривляние старой кокетки, которая хочет корчить 15-летнюю прелестную деву. Переводчик Гомера ничего не может занять у поэтов нашего времени в пользу божественного старика своего и его Музы, 15-летней чистой девы. Относительно поэтического языка я попал в область *общих мест*, lieux communs[****], и из этих одряхших инвалидов поэзии, всеми уже пренебреженных, надлежит мне сделать живых, новорожденных младенцев. Но какое очарование в этой работе, в этом подслушивании рождающейся из пены морской Анадиомены, ибо она есть символ гомеровой поэзии[1], в этом простодушии слова, в этой первобытности нравов, в этой смеси дикого с высоким вдохновением и прелестным, в этой живописности без всякого излишества, в этой незатейливости выражений, в этой болтовне, часто излишней, но принадлежащей характеру безыскусственному, и в особенности в этой меланхолии, которая нечувствительно, без ведома поэта, кипящего и живущего с окружающим его миром, все проникает, ибо эта меланхолия не есть дело фантазии, созидающей произвольно грустные, ни на чем не основанные сетования, а заключается в самой природе вещей тогдашнего мира, в котором все имело жизнь пластически могучую в настоящем, все было ничтожно, ибо душа не имела за границею мира своего будущего и улетала с земли безжизненным призраком, и веря в бессмертие посреди этого кипения жизни настоящей, никому не шептала своих великих, всеоживляющих утешений. Кажется мне, что M. Stael первою произнесла, что с религией Христианскою вошла в поэзию и вообще литературу Меланхолия[2]. Это совершенная бессмыслица. Что такое

[1] *Но какое очарование в этой работе, в этом подслушивании рождающейся из пены морской Анадиомены, ибо она есть символ гомеровой поэзии…* — В греч. мифологии Андиомена — одно из прозвищ Венеры, указывающих на происхождение из волн морских.

[2] *…M. Stael первою произнесла, что с религией Христианскою вошла в поэзию и вообще литературу меланхолия* — Жермена де Сталь (Stael Germaine de, 1766—1817) — знаменитая французская писательница, автор политических, философских, литературно-эстетических трактатов и художественных произведений. По всей видимости, Жуковский имел в виду рассуждение Ж. де Сталь в 8 главе трактата «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями», где, в частности, говорится: «Северные народы христианство покорило, воспользовавшись их склонностью к меланхолии, приверженностью к мрачным образам, постоянной и глубокой тревогой о судьбе умерших 〈…〉 Не меньшую услугу оказало оно и литературе, открыв ей мощное средство воздействия на читателя, таящиеся в меланхолии. Северным народам меланхолия была знакома испокон веков благодаря их первобытной религии» (Ж. де Сталь. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М., 1989. С. 153, 158).

Меланхолия? Грустное чувство, объемлющее душу при виде изменяемости и неверности благ житейских. Чувство или предчувствие невозвратимой утраты *без замены*. Такова была светлая жизнь древних. Светлая, как украшенная жертва, ведомая на заклание; те, которые ведут ее к жертвеннику, пляшут кругом и поют, и в шуме пляски забывают топор, который скоро повалит жертву. Эта незаменяемость здешней жизни, раз утраченной, есть характер древности и ее поэзии, эта незаменяемость есть источник глубокой меланхолии, никогда не выражаемой, но всегда тайно или явно присутствующей. Кто из новейших имеет более меланхолии Горация? Но Горациева меланхолия понятна; она есть выражение естественное лица его. Меланхолия новейших есть кривляние, есть маска. Там, где есть Евангелие, там не может уже быть той Меланхолии, о которой я говорил выше, которая вся запечатлена в доевангельском мире, теперь лучшее, верховное, все заменяющее благо, то, что одно неизменное, одно существует, дано один раз навсегда душе человеческой Евангелием. Правда, мы можем и теперь, как и древние, говорить: земля на минуту, все изменяется, все гибнет, но мы говорим так о погибели одних внешних, чуждых нам *призраков*, заменяемых для нас верным, негибнущим, внутренним, нашим существующим, а древние говорили о гибели того, что *одно было для них существенным* и что для них, *раз погибнув*, уже ничем заменяемо не было[1]. Но куда же я убежал от Гомера? — Возвращаясь к нему, скажу вам, что мне хочется сделать два издания Одиссеи русской — одно для всех читателей, другое — для юношества. По моему мнению, нет книги, которая была бы приличнее первому, свежему возрасту, как чтение, возбуждающее все способности души прелестью разнообразною; только надобно дать в руки молодежи не сухую выписку в прозе из Одиссеи, а самого, ожившего рассказчика Гомера. Я думаю, что с моим переводом это будет сделать легко; он прост и доступен всем возрастам и может быть во всякой учебной и даже детской. Надобно только сделать выпуски и поправки; их будет сделать легко; и число их будет весьма невелико. К этому очищенному Гомеру я намерен придать род Пролога[2]; представить в одной картине все, что было до начала Странствий Одисеевых. Эта картина обхватит весь первобытный, мифологический и Героический мир Греков; рассказ должен быть в прозе; но все, что непосредственно составляет целое с Одиссеей, то есть Троянская война, Гнев Ахиллов, падение Трои, судьба Ахилла и Приамова дома, все должно составить

[1] Отрывок из этого письма со слов: «Какое очарование в этой работе 〈…〉» Жуковский включил в первый раздел статьи «О меланхолии в жизни и в поэзии», сославшись на публикацию в «Москвитянине», давшую начало дискуссии между Жуковским и Вяземским по вопросу о природе меланхолии. См. подробнее об этом: *Жуковский В. А.* Эстетика и критика. М., 1985. С. 339—350, 418.

[2] *К этому очищенному Гомеру я намерен придать род Пролога...* — В письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 года Жуковский писал: «Я даже и начал было “пролог” к Одиссее — сводную повесть о войне Троянской. Стихов 200 гекзаметрами написано. В эту повесть вошло бы все лучшее, относящееся к войне Троянской и разным ее героям — все, заключающееся в Илиаде, Энеиде и в трагиках; но от этого труда я отказался. Со временем напишу этот “пролог” в прозе к новому изданию Одиссеи» (С. 7. С. 593).

один сжатый рассказ Гекзаметрами, рассказ, сшитый из разных отрывков Илиады, трагиков и Энеиды, и приведенный к одному знаменателю. В этот рассказ вошли бы однако некоторые песни Илиады, вполне переведенные. Таким образом, Одиссея для детей была бы в одно время и живою историею древней Греции и полною картиною ее мифологии, и самою образовательною детскою книгой. Сообщите все это Москвитянину, известному Вам сыну вашему Ивану Васильевичу Киреевскому, если он подлинно решился Москвитянствовать. Я бы желал, чтобы он очистил путь моей Одиссеи, то есть чтобы он поговорил о Гомере, чтобы он его из безжизненной вольфианской идеи *ввел* опять в *существо телесное,* определил бы его высокое, ни с каким другим несравнимое достоинство, особенно определил бы достоинство Одиссеи, которое заключает в себе все предания старины Греческой, рассказанные простодушно, без всякого поползновения на поучение, а просто для того, что одному было весело рассказывать, а другим весело слушать, чтоб посмеяться над педантами и комментаторами, древними и новыми, которые своими толкованиями и из Гомера делают подобного им скучного педанта, аллегорика, историка, тогда как он просто певец вдохновенный, увенчанный душистым венком, поющий беспечно на пиру, просто повторитель слышанных им сказок, преданный всем сердцем повериям своего времени. Эта работа Ивана Москвитянина о Гомере приготовила бы выход на сцену Одиссеи: а я бы после воспользовался разысканиями Москвитянина для моего собственного предисловия[1].

Но письмо мое чересчур распухло; я еще о многом не говорил вам. Первое и самое главное то, что недели через три, а, может быть, и менее будет у моей Сашки или брат или сестра. Жена, слава Богу, в хорошем положении, но едва ходит. Были во время ее беременности тревожные минуты: но теперь, кажется, можно спокойно ждать конца — благослови его Бог, даровавший мне без всякого моего произвольного искания настоящее мое благо! Дочка наша цветет и радует мне ⟨вставлено — нам⟩ душу; и будит много истинного, для нас самих образовательного счастия в ее воспитании, хотя и над нею уже хрипит и фыркает иногда тот верблюд, о котором упоминается в стихах моих[2]. Она очень умна; имеет прекрасную память, лицо выразительное, хоть и не долженствующее быть

[1] *...я бы воспользовался разысканиями Москвитянина для моего собственного предисловия* — В прижизненном издании «Одиссея» (1849) открывалась текстом под названием: «Вместо предисловия», который следовал за Посвящением Вел. Кн. Константину Николаевичу. 24 августа 1844 года Жуковский писал Вел. Кн. Константину Николаевичу: «Как должно переводить Гомера, о том я сказал в отрывке, помещенном вместо предисловия в начале Одиссеи» (С7. С. 369). «Вместо предисловия» имело подзаголовок «Отрывок из письма» и представляло собой выдержку из письма к С. С. Уварову (1848 г.), включающего, в свою очередь часть письма к А. П. Елагиной, о чем Жуковский уведомлял словами: «Повторю здесь то, что сказал в другом месте». Отрывок из письма А. П. Елагиной завершался фразой: «Вот вам моя поэтическая исповедь» (Жуковский В. А. Новые стихотворения. 1849. Т. 2. С. XIX). См. подробнее об этом: *Янушкевич А. С.* О посвящении и предисловии к переводу «Одиссеи» // Гомер. С. 347—352.

[2] *...фыркает иногда тот верблюд, о котором упоминается в стихах моих* — Имеются в виду строки из «Двух повестей» — в частности, из перевода «Притчи о верблюде и путни-

прекрасным, поелику она, как говорят, похожа на меня, волос на голове туча, но эти волосы не воздушно шелковые как ее матери, а сурово, гарусные ее родителя, хоть и не черные; во всех ее движениях много грации, хоть и толста, как подушка, и пользуется довольно замечательным пузом. Глаза под длинными ресницами прекрасны и всегда выразительны, большая охотница до музыки, пляшет до упада, когда я сам ей играю ту мазурку, которую (помните) так часто играл в Долбине на ваших органах[1]. Тогда я не думал, что под эту музыку будет ровно через тридцать лет плясать двухлетняя дочь моя. Характер ее и живой и смирный, всегда готова вспылить, но ладить с нею легко и, кажется, уже удалось привить в ней главное: *покорность*, не сделав ее резкою. Большая охотница до ручной работы, может сидеть целый час с иголкой и шить, ни разу не уколов руки. Нет ребенка, который бы так мало тревожил других своею крикотнею, и это не вялость, а способность заниматься про себя; она может целый вечер просидеть подле матери за своим столиком и играть своей куклой, или слушать рассказы. Само собой разумеется, что ее желаниям и чувствам дана полная свобода развиваться самобытно; особенно с большой осторожностью охраняется в ней чувство Бога — до времени не должно к нему прикасаться. Но я полагаю, что все сделано будет для успеха воспитания нравственности, если с самого детства войдет в душу вера, что Бог беспременно с нами — это *убеждение* в непрестанность и повсеместность невидимого присутствия Божия, беспрестанное ощущение сего присутствия, обратившегося в привычку, суть вернейшая основа всякой нравственности, всякого житейского счастия, всякой силы в несчастии, чем ранее войдет она нечувствительною, практическою привычкой в жизнь, тем вернее и легче произойдет процесс укоренения добра в сердце и истребление из него зла[2]. Но как это сделать? — сам Бог научил. Ненадобно только мудрить. Между тем есть для того уж и план. Я всякой день с женою читаю Евангелие. Иногда входит к нам Сашка, тогда ей говорим: «Sey still! wir beten! Gott ist da! willst du hier bleiben, so sey ganz still. — *Hier bleiben*»[*****] — и она садится на диван

ке» из Рюккерта: «⟨…⟩ вдруг / Верблюд озлился, начал страшно фыркать, / Храпеть, бросаться ⟨…⟩» (Жуковский В. А. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 408).

[1] *…я сам ей играю ту мазурку, которую* (*помните*) *так часто играл в Долбине на ваших органах* — Дальнейшее уточнение «ровно через тридцать лет» позволяет говорить, что речь идет о Долбинской осени 1814 года, когда Жуковский посреди бурь жизненной драмы нашел дружеский приют «трудов и вдохновенья» в имении А. П. Киреевской-Елагиной.

[2] *...Бог беспременно с нами — это убеждение непрестанного и повсеместного невидимого присутствия Божия, беспрестанного ощущения сего присутствия, обратившегося в привычку, суть вернейшая основа всякой нравственности, всякого житейского счастия ⟨...⟩ тем вернее и легче произойдет процесс укоренения добра в сердце и истребление из него зла* — Эта мысль ранее была высказана Жуковским в письме к кн. В. А. Соллогубу в связи с публикацией повести «Капитан Бопп»: «Чем раньше в душу войдет христианство, тем вернее и здешняя и будущая жизнь. Без христианства же жизнь кажется мне уродливою загадкою, заданною злым духом человеческому заносчивому уму для того, чтобы хорошенько помучить и потом посмеяться над его самонадеянностью — ибо загадка без отгадки» (РС, 1901, № 7. С. 101).

и складывает руки и молится и слушает иногда с удивительным выражением глаз и не иначе говорит, как шепотом. Иногда же, когда чтение продолжительно, начнет или глядеть по верхам или ворочиться на месте, но при первом слове: «Still Sacha, Er ist da!»****** опять то же смиренное спокойствие. И теперь часто уже сама просится сидеть с нами, но никогда ее к тому не приглашаем. Были уже больные и печальные минуты, уже она познакомилась и с розгою; и не я отправляю должность шарфрихтера[1], а сама ее мать. Первая шлепотня по ее нидерландам[2] произошла накануне нынешнего нового года. С тех пор мы возвысились от голой ладони до розог, которые имеют магическое действие и висят перед ее колыбелькой, ибо ее колыбелька есть театр главных преступлений жидких и густоватых[3]. Вот вам короткое донесение о нашей Сашке. Тотчас будем уведомлять, как скоро Бог ей даст брата или сестру. Теперь пора мне кончить. Не знаю, сможет ли жена прибавить что-нибудь к прежнему письму своему; ей писать трудно, сидеть наклонившись совсем не может. — Прошу вас немедленно ответить на это письмо. Пошлите его к Анне Петровне, которую обнимаю братским сердцем. Она совсем ко мне не пишет. И это не от лени, как я или вы; а просто сердится, что никуда не годится. Если она подлинно на меня сердится, то это мне больно, и я вправе пенять ей. — К нашим муратовским я давно писал, но ответа нет. Прошу вас об них написать мне, если, по обыкновенному порядку вещей, не поленитесь на это письмо отвечать. Я *не понимаю* Мойера[4] наконец; можно быть и толстобрюхим, и лежебоком, и ленивцем, но пренебрегать своих главных обязанностей не можно. Тотчас по смерти Кати[5] я все сделал, что мне было возможно сделать

[1] *…не я исполняю должность шарфрихтера — Шарфрихтер* — от немецкого der Scharfrichter — палач.

[2] *Первая шлепотня по ее нидерландам…* — «Шлепотня по нидерландам» — каламбурное обыгрывание названия государства Нидерланды, восходящего к нем. Niederland (буквально: низшая страна, страна внизу).

[3] *С тех пор мы возвысились от нагой ладони до розог, которые имеют магическое действие и висят перед ее колыбелькой, ибо ее колыбелька есть театр ее преступлений жидких и густоватых* — Эти строки о наказании Саши получили в письме И. В. Киреевского к Жуковскому комментарий, сделанный его женой, Н. П. Киреевской (урожденной Арбеневой): «Она поручила мне сказать Вам, что Ваша строгость с Вашею маленькою Сашенькой может быть очень легко заменена другим средством, которое известно ей по многим опытам. Вместо наказаний, которые в этом случае редко, или очень редко приносят пользу, нужен только бдительный надзор няньки или того, кто смотрит за ребенком» (*Киреевский И. В.* Указ. соч. С. 235).

[4] Я *не понимаю* Мойера... — Иван Филиппович Мойер, см. примечание к письму 70. В 1844 году проживал с дочерью Катей и Екатериной Афанасьевной Протасовой в Муратове. После кончины Александры Александровны Воейковой на него легла ответственность обустроить материальное положение детей Воейковых.

[5] *Тотчас по смерти Кати...* — Екатерина Александровна Воейкова (1815—1844), дочь А. А. Воейковой (урожденной Протасовой) и А. Ф. Воейкова, скоропостижно скончалась 28 января 1844 г. в доме А. П. Елагиной в Москве. После смерти Кати Воейковой наследование переходило во владение ее брата Андрея Александровича Воейкова (1822—1866), душевнобольного человека. В связи с этим Жуковский выражал беспокойство по поводу материального положения двух его сестер, оставшихся сиротами и требовавшими заботы со стороны родственни-

заочно. Ее капитал, оставшийся после нее и которому по закону наследник брат ее, дан ей мною; я жив, я могу, кажется, если не располагать тем, что уже дал, то по крайней мере изъявить волю свою и намерения с каким деньги мне даны были; это я и сделал; я написал официальное письмо к Андрею, в котором объявил ему свою волю и требовал, чтобы он произвольно отказался от денег, назначенных не ему, а в дар его сестрам. — Андрей теперь совершеннолетний; по моему требованию, он может произвольно и по совести должен сделать такое отречение и дело будет кончено. Нет, они там находят, что это для оставшихся сестер неловко. И хотят сделать какое-то другое распоряжение. Почему неловко? И что тут сестры? Требую я, пишу к Андрею письмо я, деньги даны мною. О сестрах тут и помину нет, но и другие распоряжения по сю пору не сделаны. Это просто насмешки надо мною и над своими обязанностями. Разве Мойер не был вместе со мною опекуном их? И неужели я должен видеть, что значительная сумма, мною данная с жертвованием собственности, у меня под носом пропадет и отымется у тех, которым я ее произвольно назначил. Умри я — и ничего нельзя уже будет сделать. Выпишите, прошу вас, всю эту статью для Мойера и сообщите ее ему и скажите ему, мне чрезвычайно больно обвинять его, но что здесь не могу не обвинить его: дело давным давно могло быть кончено, и он *должен* был его кончить, как опекун, для себя и для меня. Заочно это и тревожить — оскорбляет. Но я увидел, что опять мне никакого ответа не будет. — Что моя Катя?[1] Не соберетесь ли вы опять за границу? Приезжайте на житие ко мне во Франкфурт; будем посреди всех вод; а в доме моем найдется помещение. Он втрое просторнее Дюссельдорфского; за Майном, в предместье. Мы живем одиноко. Летом от приезда русских было людно у нас. Теперь все так замолкли, как будто бы мы были подле безвыходной альпийской долины, еще ни одним английским туристом не посещенной.

Прибавлю к статье о Гомере. Я вижу в Одиссее сверх *капитала* моей поэтической *славы* (ибо *все прочее мое* забудут; а Одиссею не забудут: в ней Русь *познакомится* с Гомером и познакомившись раз, не разлюбит его, и она же; т. е. Одиссея, будет забавою и первым знакомством детей всех поколений будущих); вижу, говорю, в Одиссее и *капитал материальный* для детей после меня. Если паче чаяния (или как я чаю) умру, не успевши сам ее видеть, то на этот счет сделано уже распоряжение в моем завещании, которое найдется в моих бумагах и письме, наперед написанном к некоторым приятелям; здесь же пишу к вам для того, чтобы вы это знали сами и с вами ведали это равномерно Ахейцы[2], то есть Иоанн Москвитянин с братией в случае преждевременного *отшествия* моего, надобно обратить внимание Руси на последние труды мои и ей передать мое завещание

ков; в частности, Жуковский высказал мысль о возможном отречении Андрея от наследования в пользу сестер.

[1] *Что моя Катя*? — Екатерина Ивановна Мойер, см. примечание к письму 116.

[2] *…вы это знали сами и с вами ведали это равномерно Ахейцы*... — Название корреспондирует с кукольной трагедией для детей «Андромаха», написанной И.В. Киреевским и опубликованной в «Деннице» 1831 г.

почтить в них память мою в пользу и честь моего семейства. Это Иоанн будет уметь хорошо написать, скажешь ему по сердцу, но для того, чтоб мог он расписаться, мне надобно расшевелить душу свою смертию, чего я постараюсь долго еще не делать. Но *на всякий случай* надобно знать ему наперед об этом не худо.

Прощайте. Еще поживем вместе. Нельзя же, чтобы вы и мои муратовцы не видали моей всей семьи и не читали вместе со мною Одиссеи.

Перевод

* Я не имел времени, чтобы она стала более краткой (*франц.*).

** автограф (*франц.*).

***экс, в прошлом (*франц.*).

**** общие места (*франц.*).

***** Тихо! Мы молимся! Бог с нами! Если хочешь остаться здесь, веди себя совсем тихо. — Остаюсь здесь (*нем.*).

****** Тихо, Саша, Он здесь! (*нем.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 10, л. 13—18 с об.
Впервые опубликовано: Наше наследие, № 65, 2005. С. 81—91.
Печатается по автографу.

333. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

22 декабря с. г. 1844[1]

Прежде всего обнимаю вас, бесценный брат, и благодарю: Бога за вас, а вас за все! за милое подробное письмо, за стихи и за моего Москивтянина[2]. Нельзя пересказать, как ваш подарок ободрил его и обрадовал и как мое сердце согрело это новое доказательство вашей милой дружбы. — У нас весьма плохо теперь: Андрей мой очень, очень болен. Не смею изъяснить своих опасений. У него сильное волнение сердца и дурноты, то есть обмороки почти беспрестанные. Вот уже несколько ночей сидим над ним с горькою молитвою и страхом. — В начале нашего приезда сюда он занемог этим биением сердца; я к вам писала тогда длинное письмо, извещала о всех Бунинских и о сестре А⟨нне⟩ П⟨етровне⟩ — и есть квитанция с почты. Это было в конце сентября с. г. — В другой раз я писала к вам в половине Окт⟨ября⟩ (15 или 16 не помню) рекомендовала вашему отеческому попечению Москвитянина, и писала много Елисавете об нашей малютке, которой доходило два года. — Писала в то же время к Гоголю и к Тургеневу. — Мне горько и досадно эта насмешка судьбы. Вы *уверены*, что мое сердце никогда от вас не отделится, но надобно же вам знать, что мне нужно и сказать вам многое, покуда я еще здесь на земле. Не могу писать теперь много потому, что руки дрожат,

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 5 / 17 декабря 1844 года. На л. 64 — адрес: в Francfurt — в Франкфурт на Майне.

[2] *...и за моего Москвитянина* — Речь идет об Иване Васильевне Киреевском.

но вы велели отвечать немедленно. Если Бог даст, Андрею будет лучше, то напишу на этой же неделе. Поручаю Богу себя и его. И вас, моя душа, со всею любовью, неизменной ничем.

Chère Elisabethe, je me recommande à vos chères prières. Mon coeur souffre péniblement qui vous bénisse pour la lettre que vous avez inspiré à notre Ange sur la perte de la. Qu'il Vous bénisse tous les quatres, celui qui va bientôt naître avec vous*.

Перевод

* Дорогая Елизавета, я вверяю свою судьбу вашим дорогим молитвам. Мое сердце жестоко страдает, как Вас благословить за письмо, на которое Вы вдохновили нашего Ангела о потере. Пусть он вас благословит всех четверых и того, который вскоре у вас родится (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 63—63 об.
Печатается по автографу.

334. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

5-го января 1845

Мой бесценный брат, думаю, что Господь вам даровал сына и что вы теперь радуетесь им с моей милой Елисаветой. А я, душа моя, возмущу вашу радость, но ведь должны же вы с вашей сестрой помолиться в скорби. Бог взял у меня сына Андрея[1]. — Кончина его была для всех (кроме меня) неожиданна. Он был болен какою-то нервною болезнью, чувствовал сильную тоску в подгрудной ложечке, но все время был в памяти, и Иноземцев накануне ввечеру сказал, что опасности нет, но болезнь будет долгая. Он скончался на моих руках, и я своим дыханием приняла его последний вздох, но причастить его не успела. Ему было 19 лет, и в горячем его сердце не таилось ни одного дурного чувства. Вырван младший из семьи нашей. Нельзя пересказать, как грустны и как покорны Божьей воле Никола и Лила. Они были неразлучны. Что же вам сказать о себе? Я с благодарностью к Богу, вижу живую веру бедных детей моих; чтобы несколько утишить *невольное* волнение души, я говела и вчера, 9-й день ему, приобщалась Св⟨ятых⟩ Тайн. — Отец приехал четверть часа после его кончины. — Мы положили его рядом с Катей, которую он так любил, и одинаковый крест будет и на его могиле. Помолитесь об нем, родной моей души.

Дай Бог, чтобы у вас было все хорошо. Когда будет голова моя посвежее, буду много писать к вам. Иван сердечно тронут вашей посылкой, и все мы благодарим Бога за вас. Он напишет вам сам. Я уже три раза писала, однажды в Сентябре, воротясь из Бунина, и подробный давала отчет об них. Другой раз к 29 Октя⟨бря⟩,

---

[1] *Бог взял у меня Андрея* — Андрей Алексеевич Елагин умер 27 декабря 1844 года. В дневнике Жуковского от 17 / 29 января 1845 года записано: «Получил известие от А. П. Е⟨лагиной⟩ с известием о кончине Андрея» (ПСС2. Т. 14. С. 283).

где поручала в милость вашу Москвитянина. В то же время писала к Гоголю, но, говорят, есть франкфуртец еще Жуковский. — Справьтесь, не он ли берет мои письма.

Господь да сохранит нам вас.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 65—65 об.
Печатается по автографу.

335. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

29 января 1845

Друг бесценный, благослови Бог вас и вашего сына![1] Я радуюсь ему и благодарю Бога. Сегодня вдвойне вы с нами присутствуете. Хорошо, что милая наша Елисавета сама кормит, это счастие и для сына и для матери. Надобно только пораньше начинать кормить Павла другой пищей, для *укрепления* груди и вообще здоровья, только не немецким *Brei**, что очень вредно, а русской манной кашкой, которая не производит кислоты в желудке. — О, как жаль, что вы не здесь, не в России! и что я не могу ходить за вашим сыном и за Елисаветой. Вам *надобно* скорее сюда. Надобно, чтобы язык наш бежал ему в душу, чтобы воздух наш живил его и ему был родной, его нельзя иначе, как вдыхая его с колыбели. Пусть Сашка говорит прежде всего по-немецки, но сын ваш должен быть Русский и слышать Русские звуки. Прикажите мне искать вам дом, напишите что, какой, где нужно, пришлите план ваших желаний и приблизительную цену; я возьму в помощники Офросимова, Черкасова и графа Толстого-Американца, и отыщем вам, и отделаем все, как нужно; останется самому хлопотать о внутренних мелочах. — Я уже писала к вам об этом однажды, но письма мои, не дошедши до вас, утонули в Лете. — Дай Бог вам вырастить вашего сына! — Как не возвышенна гора Бамберг в Лахоре, а с нее не ближе к небу[2]; Мир Божий дается чаще тем, кого Он удостоит счастия, нежели нам, испытуемым в огне скорбей. Я стараюсь совершенно покориться Божьей воле, но в душе моей не мир, а иногда боль невыносимая, хотя безропотная; а иногда пустыня. *Вам* можно жить беззаботно в доме Отца, а мне можно ли не думать, что за нами грехи, наш милый юноша вырван из семьи, с бурным стремлением к исти-

---

[1] *...благослови Бог вас и вашего сына!* — Павел Васильевич Жуковский родился 31 декабря 1844 года.

[2] *Как не возвышенна гора Бамберг в Лахоре, а с нее не ближе к небу... — Бамберг в Лахоре* — горы в Гималаях — самые высокие на земле (Лахор — город в Пенджабе, на границе с Кашмиром) А. П. Елагина использует устойчивую в круге Жуковского метафору, заключающую в себе философскую концепцию: горная вершина как образ нравственного совершенства. В дневнике Жуковский делает запись 12 апреля 1815 г.: «Всякое исполнение должности отдельно есть дорога по утёсам, но кончи её — небо над головою, а Кашмир перед глазами» (ПСС2. Т. 13. С. 98—99). Ср., в письме А. А. Воейковой (1821) г.: «Это небесное создание — моя сестра! Ах! без сомнения надо подняться на горы Кашемира, чтобы стать ею» (Соловьев. Т. 1. С. 73).

не в сердце и с надеждой найти ее, но не с уверенностью. — Я знаю, — писал он в журнале своем, — что и моя звезда взойдет, и жду, не как жиды Мессии, но как Иоанн в пустыне[1], чтобы сказать: верую! А я ничего не могла дать ему в опору душе! Три месяца почти все ночи молилась, чтобы благодать Божия открыла ему желанную им истину, ждала Петра Кире⟨евского⟩, которого убеждения могли бы его успокоить — и вот как взошла звезда его! — На кресте, который будет стоять рядом с крестом могилы Кати Воейковой, написано: *Аз есмь путь, истина и живот*[2]. — Вчера был уж год, как скончалась Катя! — Если бы я была в состоянии переменить этот ненавистный мне дом, здесь в залу выйти, все сердце сожмется. А бедные дети Лила и Никола точно места не находят. — Катя Мойер плачет одна, и за нее сердце страдает. Не знаю, почему не приехать сюда Мойеру и не нанять нам дом вместе, и как может скупость или лень заставлять смотреть так равнодушно на видимое заведание дочери! — Третьего дня я была удивлена приездом ко мне Андрея Воейкова. По вашему письму, вероятно, послали его с Вас⟨илием⟩ Татариновым в Орел засвидетельсьвовать какое-то верющее письмо. — Мойер должен был сам поехать и это сделать, но там не поверили ни незнакомому Воейкову, ни незнакомому Татаринову, стали его спрашивать и, добившись самых безумных ответов, свидетельствовать письма не стали. — Теперь Мойер с тем же Татариновым отправил Воейкова к дяде Ивану Фед⟨оровичу⟩[3]. — Что там они сделают, не знаю. Надеюсь, что пишут об этом к вам. Во всяком случае хорошо, что Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ займется племянником и вынужден будет сделать *дело*.

С этим письмом вместе придет к вам и Москвитянин, вами украшенный и вознесенный. Иван теперь болен сильным расстройством нерв и глазами. Он работал все ночи в течение трех недель: Погодин поступает с ним скаредно. Заставляет всем, даже материальным его заниматься, т. е. типографией, корректурой и цензором, он знает, что Иван не имеет гроша в кармане, чтобы нанять помощника. Все, вызывашие его на журнальное дело, оставили теперь одного действовать. — Тяжело и досадно видеть, что такое здесь на земле деньги.

Алексей Анд⟨реевич⟩ еще здесь, благодарил вас сердечно за вашу приписку. Дети все обнимают вас, Елисавету и обеих малюток. Благослови их Господь! Ду-

---

[1] *Я знаю, — писал он в журнале своем, — что и моя звезда взойдет, и жду, не как жиды Мессии, но как Иоанн в пустыне…* — В иудаизме ожидание Мессии отнесено в эсхатологическое будущее. В христианстве Иоанн Предтеча, последний из пророков, не только предсказывает явлении Мессии, но будучи его предшественником, совершает обряд крещения Иисуса Христа в водах Иордана. Рассуждение о звезде — аналогия с вифлеемской звездой, предвещавшей рождение Спасителя,— свидетельствует о мессианских настроениях Андрея Елагина.

[2] *…Аз есмь путь, истина и живот* — Неполная цитата из текста Евангелия: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14.6).

[3] *…отправил Воейкова к дяде Ивану Фед⟨оровичу⟩* — Иван Федорович Воейков (р. ок. 1785), брат А. Ф. Воейкова, участник Отечественной войны 1812 года, общественный деятель.

ничка Вельс в Одессе и вышла замуж за грека Пелопидаса, который там лекарь[1] и очень хороший человек. Я напишу ей ваше милое воспоминание. Языков вас обнимает, ему, видимо, лучше с каждым днем. — Свербеевы, Хомяковы, Попов, Анна Вельяминова, Офросимовы, Алсуфьевы — все кланяются и поздравляют. Сестра переслала письмо ваше.

Перевод

*каша (*нем.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 67—68.
Печатается по автографу.

336. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 февраля 1845[2]

Уж это просто что-то заколдованное; я пишу к вам, сколько сил достает, и вот и на Родионова имя письмо мое пропало! — Утешаю себя только тем, что вы получили его в тот же день, в который свое отправили. Как мне было не радоваться Павлу! Как не благословлять его с материнским чувством любви! Но я звала вас в Россию! всем сердцем хочется, чтобы сын ваш был Русский, чтобы он с колыбели слышал звуки родины, иначе они ему не побегут в душу. Душа моя, вы не пишете о своем здоровье, меня оно смущает и тревожит столько же, сколько Елисаветы. Я предвидела, что ей кормить будет трудно, но при близости Коппа, уверена, что она скоро справится. И с постоянным надзором над *сосочками*, коровьим молоком выкормить легко ребенка, нужно только, чтоб их было много, чтобы лежали в переменной воде, и чтобы молоко не успело в них закиснуть. За попечениями у вас и молодой матери дело не станет. Какое бы счастие баюкать вашего сына, ходить за ним нянькой и покоить милую жену вашу! *Сего мне не дал Бог* и вместо всех радостей оставил душе покорность и бессильную любовь. — Вы не были на похоронах Великой Княгини? У вас болят ноги? — Что же это? — Что говорит Копп? Мы часто знаем об вас через Тургенева, который один за всех не ленится.

Бунинские прислали сюда Андрюшу Воейкова, чтобы дядя Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ свидетельствовал его в слабоумии, и в то же время публиковали от его имени в газетах, что он после сестры наследник оставшихся денег. — Не знаю, как они с этим сладят; Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ будет его свидетельствовать 3-е Марта, но теперь нельзя уже будет ни денег ваших передать сестрам, ни доделать несделанный

[1] *Дуничка Вельс в Одессе и вышла замуж за грека Пелопидаса, который там лекарь…* — Дуничка Вельс, см. примечание к письму 61.

[2] Дата устанавливается на основании дневниковой записи от 10 / 22 января 1845 года об отправке несохранившегося письма к Авдотье Петровне: «Письма к ⟨...⟩ Авд⟨отье⟩ Петровне, к Анне Петровне, к Е⟨катерине⟩ Афан⟨асьевне⟩, к Шереметевой» (ПСС2. Т. 14. С. 283), в котором он сообщал о рождении сына Павла

раздел. Жестоко все это досадно, потому что слишком беззаботно со стороны тех, кто действовать могут. — *Я* лично тут вступиться никак не могу, ибо меня никто не хочет; и делавши все мимо меня, дают мне только тяжелое, напр⟨имер⟩: в тесном моем домике и при болезни моей хотели поместить у меня Андрюшу. Кажется, Мойер не хочет брать его обратно, но бестолковый малый очень рад. — Бунино им всем надоело. — Сюда Мойера не вызовешь. Катя худеет, но действует стройно и прекрасной, любящей своей душой животворит их пустыню. — Маша Воейкова ей не товарищ, ребенок избалованный, капризный, ленивый и собою довольный. — Вместе с Катей схоронила она и любовь Саши, и всю свою прежнюю молодость. Теперь ей одни труды остались.

Сестра Анн⟨а⟩ П⟨етровна⟩ в Мишенском и точно также безгранично привязалась к своей внучке, как прежде к мужу и дочери: она ею наполняет все разлуки и все прошедшее, хотя жалко, что не думает, как устроить ей будущее и передать ей имение. — Правда и то, что наши думанья ни к чему не ведут, судьба за нас переделывает по-своему, и как лучше — нам неизвестно. Научи нас оправданиям Твоим! — Но все-таки кажется, что мы обязаны делать всё, что от нас зависит для улучшения участи своих близких, предоставляя успех и неуспех Промыслу. — Дуничка Вельс в Одессе, она вышла замуж за доктора Пелопидаса и теперь называется Дуничкой Пелопидас. Мужа ее хвалят как образованного, умного и доброго человека, след⟨овательно⟩, она узнает, наконец, цену жизни. Воронцов совсем не позаботился об обеспечении состояния нашего Петерсена[1], и хотя тот был *единственным* воспитателем его сына, но живет в нужде и будучи болен, очень тяжело переносит ее. Мои средства больше, чем ограничены, нынешний год живу в займы; — но я зову его к себе и постараюсь здесь достать ему какое-нибудь место, хотя библиотекаря при университете. На это мне нужна будет ваша помощь.

Но прощайте, душа моя; глаза устали, и они и так очень болят. Москв⟨итянин⟩ к вам послан.

Всякие каверзы, чинимые деликатному и совестливому Ивану Кире⟨евскому⟩, мешают и в исправном выходе журнала, и в сотрудниках. Хотелось бы вам все рассказать, да и многое бы нужно передать, что и вас бы заняло!

А что за стихи пишет Языков! прелесть![2]

---

[1] *Воронцов совсем не позаботился об обеспечении состояния нашего Петерсена…* — М.С. Воронцов, см. примечние к письму 227; А.П. Петерсен, см. примечание к письму 14. Петерсен служил воспитателем сына М.С. Воронцова.

[2] *А что за стихи пишет Языков! Прелесть!* — Среди произведений Н.М. Языкова, опубликованных в 1845 году в сборнике «Новые стихотворения» (М., 1845), послание «А.П. Елагиной», датированное 11 ноября 1844 года:

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, вольный стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла —

Chère Soeur bienaimée, que Dieu vous bénisse et vous conserve; soignez-vous et ne soyez pas en peine pour notre enfant chéri; en lui gardant la santé de sa mère vous serez plus que sa nourrice; d'ailleurs la bonne vâche que vous avez choisi, ne sera pas une rivale. — Combien j'aurais été heureuse si je pouvais vous entourer de mes soins; mais l'amour absent est réduit à former des voeux. — Mon coeur est toujours avec vous, amie chérie, et, sans doute, nous nous réunissons dans les prières.

26 Février*.

Перевод

* Дорогая, горячо любимая сестра, да благословит Вас Господь и хранит; думайте о своем здоровье, не беспокойтесь понапрасну о нашем дорогом ребенке, сохраняя здоровье его матери, Вы будете больше, чем кормилица, к тому же хорошая корова, которую вы выбрали, не будет соперницей. Как я была бы счастлива, если бы могла окружить вас своими заботами, но любовь на расстоянии ограничивается не только пожеланиями. Мое сердце всегда с вами, дорогая подруга, и, конечно, мы объединяемся в молитвах.

26 февраля (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 69—70 с об.—71.
Печатается по автографу.

О ней же у меня осталось лишь в помине,
Как хороша она была
И, приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна заметными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг, —
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне,
Так я и думаю, надеясь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно,
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины: в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты:
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной, но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужеземной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое,
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье

(*Языков Н. М.* Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 388—389).

337. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

14 марта 1845

Бесценный друг, что делается с вами и у вас? Невольно сердце смущается, хоть и предаем сами себя и друг друга Христу Богу. — Девять дней обещанных прошли, а письма нет от вас! Сохрани вас, Господь, нашу чудную Елисавету и детей ваших. — Тревога сердечная светлой душе вашей тяжелее, чем нам, привыкшим бороться с горем и тьмою. О, для чего нельзя быть вместе! Вот в такие-то минуты и чувствуешь разлуку! иначе она часто не рознит, и душа думает, любит и мыслит одно. — Вчера мне Бог дал внука Сережу, а Ване Киреевск⟨ому⟩ сына. Нат⟨алья⟩ Пет⟨ровна⟩ была все нездорова и потому очень все за нее боялись, слава Богу, все благополучно, и Ванюша в восторге. — Он писал к вам давно уже, с сердечной благодарностью, и думал, что послал Москвитянина, но Погодин удержал журнал (который недавно послан вторично) — и я уже два раза писала через Родионова; неужели и эти письма не доходят? — сие пошлю просто на почту без рекомендаций. Когда узнаю, что у вас все хорошо, сообщу вам всякие здешние суеты, которые довольно любопытно волнуют всю нашу ученую братию. Теперь как-то рука не поднимается на вздоры, кто знает, в какое к вам время придут. Душа моя, все сердце молится за вас.

Андрюшу Воейкова прислал Мойер сюда к дяде для освидетельствования в неспособности управлять имением. Здесь был он несколько раз у Губернатора, у Новосильцева (вице-губ⟨ернатора⟩), у Черткова (губ⟨ернского⟩ предв⟨одителя⟩), и все признали его неспособность, хотя Воейков пресчастлив своими знакомствами. Теперь свидетельство кончилось. Ив⟨ан⟩ Фед⟨орович⟩ будет опекуном, племянника оставил жить в Москве, и деньги Катины примет также с опекой. Кажется, что и разделу сделать нельзя. — Горько видеть, что все заботы и попечения кончаются тем, что собранное принадлежит безумному, который, разиня рот, не знает, как с ним управиться. Это уже хуже Фортинбраса![1]

Но Бог надо всем! И научи нас оправданием твоим![2] — Обнимаю вас крепко, целую сестру и детей.

Ваша Дуняша старая старуха.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 72—72 об.
Печатается по автографу.

---

[1] *Ив⟨ан⟩ Фед⟨орович⟩ будет опекуном, племянника ⟨...⟩ собранное принадлежит безумному, который, разиня рот, не знает, как с ним управиться. Это уже хуже Фортинбраса!* — Иван Федорович Воейков, см. примечание к письму 335. *Фортинбрас* — персонаж трагедии Шекспира «Гамлет»: принц норвежский, деятельный, воинственный и не обременяющий себя решением вечных вопросов жизни и смерти, приходит к власти в ситуации всеобщего безумия и опустошения после гибели главных участников трагедии.

[2] *И научи нас оправданием твоим!* — Неточная цитата из текста Псалтири: «Благословен Ты, господи! научи меня уставам Твоим» (Пс. 118. 12).

338. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

11 / 23 апреля 1845[1]

Милая душа моя Авдотья Петровна, Христос воскресе вам и всем вашим моим. Я пишу к вам только для того, чтобы сказать вам братское, христианское приветствие. Сам же еду в Висбаден говеть. Нынче страстная среда; причащаюсь, если сподобит Бог, в субботу. Вы уже имеете письмо от жены. Я буду писать к вам подробно по возвращению из Висбадена, к вам и к доброму моему Ивану, которого вместе с вами и с его милой женой поздравляю с сыном: имени же его еще не знаю; вы забыли его мне написать. Москвитянина получил и жадно читал его; и буду писать об нем к издателю. У меня еще поспело кой-что, но теперь не до того. А прошу вас меня простить во всем, что могло вам во мне показаться и что в самом деле было дурно против вас. — Скоро опять откликнусь.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 70—71.
Печатается по первой публикации.

339. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1845. 22 мая. Москва

Я давно к вам не писала, бесценный друг, не от лени; а на душе было так темно, что не хотелось. — Зачем посылать пятнышко на ваше ясное небо? — Ваша болезнь (которую мне сказали преувеличенной), болезнь милой Елисаветы — смущали меня выше слов. — Потом присоединилась к этому смущению болезнь Ивана Киреевского. *У него болит сердце!* — и эта боль так сильна, что принужден был бросить издание Москвитянина. Итак, если что в 4-м, 5-м и прочих № вам не понравится, не взыщите на него, он уже в стороне, и при первой возможности сам писать к вам будет. Теперь ему больно нагнуться к столу; боль его сердца началась уже давно, бессонные ночи, проведенные за писанием и питьем крепкого чая, — потом разные сердечные тревоги усилили эту боль. Это не биение, а сжатие и как будто судорога. Сперва здесь говорили, что это ревматизм в сердце, потому что он постоянно чувствует боль, как в глазу, когда глаз болит. Он бледен, грустен и жалеет о своей деятельности. Он собирается надолго в деревню, как скоро дорога и погода позволят. Журнал этот разорил и здоровье его и карман. Его вызвали все, обещая общее дело, оставили на нем все, даже материальные хлопоты. К одному цензору, который живет на другом краю Москвы, он езжал по три раза в день. — Вообще многие явились тут эгоистами и корыстными обрабатывателями его несравненной деликатности. — Не знаю, кто возьмется за журнал теперь, но если вы, душа моя, захотите подарить еще чем-нибудь, то уже это будет не Ивана. — Дай Бог

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 14 марта 1845 года.

только, чтобы он выздоровел: мне хотелось написать о нем моему доброму Коппу, но мне подробностей не сказывают, а сами писать не хотят. — Власть Божия! Горько, что я не умею ей радостно предаваться. Мое сердце переполнено тоскою, *весь день сетуя хожду*[1]; и вся молитва моя сокрушенное сердце перед Богом. —

Мы также собираемся на этой неделе в деревню, пишите ко мне в Белев, Авд⟨отье⟩ Петр⟨овне⟩ Елагиной или через Родионова, который туда же перешлет. Он с сестрой переписывается. — Мы никак здесь оставаться не можем, совершенный недостаток в деньгах, и я уже много задолжала. Первый долг мой был сделан по милости этой Библиотеки для воспитания, на которую я понадеялась и которую так нагло вырвали у меня из рук. — Когда вы возвратитесь, надобно опять за это приняться. Но когда вы возвратитесь? Да и нужно ли вам возвращаться? Мне страшно за вас, когда подумаю о всем, что здесь ждет вас. — Кроме лишения, никакого удовольствия, говорит Армфельд[2]. — Ни доктора, ни спокойствия, ни мирного общества. — Между тем и Павел Русский, и лепетать ему нужно по-русски с колыбели. — Меньшой внук мой *Сергей*[3], и мать обрекла уже его в монахи. Бедный монашек кричит целый день и не дает покоя отцу, который спит подле детской и сам смотрит за детьми, чтобы покоить мать их и его подругу.

Языков пишет опять чудеснейшие стихи! Постараюсь их все переслать вам. Никогда его Муза не была так одушевлена. Здоровье его также исправилось, хотя погода у нас ужасная. Теперь конец мая, и не было еще ни теплого дня, ни светлого. Дожди и холод, а дороги невероятные. — Мне же все это предстоит перенести на днях. — Простите, моя душа. — Истинно душа моего тела вами оживает во всякое радостное чувство, вами благословляю Бога! — Будьте здоровы и пишите ко мне: мне нужна отрада.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 74—75 с об.
Печатается по автографу.

340. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 мая 1845

Душа моя, бесценный Жук! счастлива ли наша добрая московская красавица Александра Василь⟨евна⟩ Киреева[4], что вас увидит! Она обо всех нас вам все ска-

[1] *Власть Божия! Горько, что я не умею ей радостно предаваться. Мое сердце переполнено тоскою, весь день сетуя хожду… — …весь день сетуя хожду…* — неполная цитата из Псалтири: «Реку Богу: заступник мой еси, почто мя забыл еси? и вскую сетуя хожду» (Пс. 41.10).

[2] *Кроме лишения, никакого удовольствия, говорит Армфельд* — Александр Осипович Армфельд, см. примечание к письму 324.

[3] *Меньшой внук мой Сергей…* — Сергей Иванович Киреевский (1845 — после 1911), сын И. В. Киреевского.

[4] *…наша добрая московская красавица Александра Василь⟨евна⟩ Киреева…* — Александра Васильевна Киреева (урожд. Алябьева, 1812—1891), мать писателя-славянофила Александра Алексеевича Киреева и писательницы Ольги Алексеевны (в замуж. Новиковой).

жет, ибо всех нас знает, любит, мы все ее сердечно любим и вам заповедуем то же. Вам ведь приказано все изящное, все прекрасное, она вам будет *своя*, тем более, что милая простота ее обращения сейчас сроднит с ней всякое сердце. — Я еду завтра в деревню, на душе у меня черно: болезнь Ивана все помрачила, что оставалось светлым.

Chère Elisabethe, je vous recommande une de nos bonnes connaisances qui vous donnerait un avant-goût de nos Dames Moscovites. Ne croyez pourtant pas qu'il y en a ici beaucoup de pareilles, celle-là au moins est digne de vous connaître et d'être aimée de vous. Je vous embrasse tous deux, mes amis aimés. Que le ciel me conserve votre bonheur, votre santé, chère amitié.

Votre Eudoxie Elaguine*.
Ce 25 Mai 1845

Перевод

* Дорогая Елизавета, я Вам рекомендую одну из наших знакомых, которая даст вам представление о московских дамах. Не думайте, впрочем, что их здесь много таких, эта по крайней мере, достойна быть с вами знакомой и быть любимой вами. Я вас обнимаю обоих, мои любимые друзья. Да сохранит мне небо ваше счастие, ваше здоровье, дорогую дружбу.

Ваша Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 76—76 об.—77.
Печатается по автографу.

341. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 августа 1845[1]

Пишу к вам из Бунина, милый брат, где три дня тому назад помолвила нашу Катю за старшего сына моего, Василия Елагина, вашего крестника. Благословите их, вы святая радость души моей! Общая наша семья, кажется, еще сблизится; по крайней мере больше будем месте. — Сердца наши и так розно не были, Катя принимала живое участие во всем, что с нами случалось, и она сама была всегда моему сердцу любимым его сокровищем, живым представителем моей Маши. Это случилось довольно нежданно для всех нас. Василий давно любил Катю, но глубоко скрывал любовь свою, а теперь, приехавши на несколько дней в Бунино и узнавши, что отказано было какому-то жениху, *не удержал души* и высказал ее Кате и Мойеру. Тотчас послали они за отцом, 1-е число приехал Алексей Андреевич и их благословили на счастье. — Жизнь, которая предстоит им, дружная, общая, вместе стремящаяся к добру, — кажется, должны быть счастливы, под кровом и помощью Вышнего.

---

[1] Адрес: «во Франкфурт на Майне».

Еще ничего не положено у нас, ни дня свадьбы, ни места жительства, хотя утверждено уже, что половина года они будут проводить со мною, другую с бабушкой и добрым нашим Мойером. Он счастлив и доволен больше, чем я вообразить могла, тетушка также.

А вы, душа моя? Если бы вы были с нами, хорошо было бы мне во многих отношениях. Каково ваше здоровье? где вы проводите лето? и этот милый день, 3-го Августа, когда и вам открылось новое счастие? — Надеюсь, что милая моя Елисавета теперь здорова и нянчится со своими детенками. — Когда-то их увижу! и увижу ли? — Уезжая из Москвы, я не могла писать вам, жестокое уныние давило мне душу. — Иван теперь поздоровее стал и мог также приехать в деревню, я еще с ним не свидалась и он не знает еще о нашей новой чете. — Но вы знаете уже, что он бросил поневоле издание Москвитянина. Может статься, ваш приезд на родину оживит вновь литературную деятельность и даст новый толчок погасшим планетам.

Chère Soeur, donnez votre prière et votre bénédiction à mon fils Basile et ma fille Катя, qui viennent d'être fiancés. Dieu donne le bonheur à ces bons enfants, qui se donnent la main pour aller ensemble vers le bien et vers Lui! — Parlez-moi de votre santé, ma bienaimée Elisabethe, vous savez si elle m'est précieuse. Donnez-moi des nouvelles détails de cet été, de ce que vous avez fait, où l'avez-vous passé, et de tous les progrès de vos enfants, que je chéris et que je recommande tous les jours à Dieu dans mes prières. — Je vous écrirai encore dès que nous serons moins agités et que tous les arrangments seront des idées, maintenant je vous embrasse tous les arrangement serent des idées, maintenant je vous embrasse tous les deux avec l'amitié interminable que je vous ai vouée.

Votre Eudoxie*

Перевод

* Дорогая сестра! Помолитесь и благословите моего сына Василия и мою дочь Катю, которые только что помолвлены. Пусть Господь даст счастие этим добрым детям, которые дали друг другу руки, чтобы вместе идти к добру и к Нему. Расскажите мне о своем здоровье, моя любимая Елизавета, Вы знаете, как оно мне дорого. Расскажите мне подробно новости этого лета, о том, что Вы делали, где Вы его провели, о всех успехах Ваших детей, которых я нежно люблю и каждый день молюсь за них Богу. Я напишу вам еще, когда мы будем менее беспокойны, когда все планы будут обдуманы, с неизменной дружбой, в которой я вам клянусь. Ваша Евдокия (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 78—78 об.—79.
Печатается по автографу.

342. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Ниренберг, 4/16 сентября 1845[1]

Милый друг Авдотья Петровна, я со слезами читал письмо ваше и с благодарностию к Богу понял то счастие, которое должно было наполнить и осветить вашу душу, когда вы благословили Катю Мойер, Машину Дочь, именем вашей дочери[2]. К этому мне нечего на словах прибавить. Жалею только сердечно, что я с моими был от вас в эту минуту далеко. Бог сохрани вам счастие ваших детей, им самим устроенное и данное. Но и вы с своей стороны сделайте все, чтобы его устроить: я бы желал, чтобы вы не спешили свадьбою; вашим обрученным в теперешнем их положении, довольно будет счастия в смиренных планах будущей их семейной жизни; но для осуществления этой жизни, в которой столько тревог ожидает их (но тревог благословенных и образующих душу), нужны силы, и силы телесные; а Катя (так пишет мне Анна Петровна, да и вы сами тоже мне всегда писали) чрезвычайно худа — не спешите же, и прежде укрепите ее телесные силы; я бы присоветовал путешествие на воды; и присоветовал бы его предпринять немедленно; сухим путем отправиться на запад; провести зиму с нами во Франкфурте; а там, по соседству, выбрать для Кати те воды, которые наиболее ей помочь могут, — Швальбах, кажется, ей всего приличнее. На будущий год мы вместе отправились бы на родину; и мне, и жене в особенности, надобно также будет помыться и попить в Швальбахе. Поверьте, милая, моему совету. Он, я уверен, самый для вас спасительный. Мойер имеет средства его исполнить. Не думайте долго; соберитесь; только трудно будет доехать до границы; переехав же ее, легко доедете до Франкфурта; вы, жених, невеста и Маша. В нашем доме есть наверху две большие комнаты; мы их для вас комфортабельно устроим — подумайте об этом; но только подумайте разом, и разом решитесь. Для жениха и невесты путешествие вместе будет наслаждение — а для Кати, да и для вас самих, будет оно спасительно. В⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩ Александра Николаевна была бы жива[3], если бы свадьба ее отложена была на год. Конечно, все это во власти Божией; но мы обязаны не быть беспечными. — Обнимаю вас. Писать более некогда.

---

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 3 августа 1845 года. В письме к Н. Н. Шереметевой Елагина 5 ноября 1845 года пишет: «От Жуковского получили два письма, он зовет на зиму к себе и обещает с нами вместе возвратиться осенью в Москву. Велит искать дом и даже прислал план» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 45).

[2] *…благословили Катю Мойер, Машину дочь, именем вашей дочери* — Екатерина Ивановна Мойер, дочь Марьи Андреевны Мойер (рожденной Протасовой), стала невестой сына Авдотьи Петровны, Василия Алексеевича Елагина.

[3] *В⟨еликая⟩ к⟨нягиня⟩. Александра Николаевна была бы жива…* — Младшая дочь императора Николая Павловича, Великая княжна Александра Николаевна (р. 12 июня 1825) была повенчана 14 января 1844 года с принцем Фридрихом-Вильгельмом Гессен-Кассельским и скончалась 29 июля 1844 года.

Любезнейший Алексей Андреевич, поздравляю вас; очень сожалею, что не могу сказать вам этого поздравления лично, прижавши вас дружески к сердцу.

Почему пишу к вам из Ниренберга, вы узнаете от Кати Мойер[1], будущей Елагиной. Вот вам письмо от Киреевой[2]. Она *в восхищении* от Кати Мойер, а называет ее Mademoiselle Moier*.

Перевод

* Мадмуазель Мойер (*франц.*).

Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 101, л. 7—7 об.—8.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 121—122.
Печатается по автографу.

343. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

17 сент⟨ября⟩ 1845[3]

Мой бесценный друг, от вас давно нет весточки, и если бы молва в лице Тургенева не успокаивала мое сердце, то милая наша лень была бы для меня плохим утешением. Надеюсь, что вы получили моих несколько писем. Теперь я на десять дней приехала в Москву, столько же для закупки необходимых вещей Кате, сколько и для моего жениха. Тургенев мне советует просить вас прислать мне la corbeille de noce*, но боюсь, что это будет дорого, а у меня немного дано денег на трату. — Свадьба будет в деревне у Мойера 11-е Генваря, и Мойер требует, чтобы избавились мы от всякой роскоши и всего лишнего, что покупается только для чужих глаз. Тетушка весела и довольна, Мойер счастлив, молодые наши люди наслаждаются тихою и спокойною радостью. Дай Бог, чтобы ничто не возмутило ее, до сих пор всё было хорошо. — Мойер хочет, чтобы Василий предался хозяйству, в избытке своего счастия Вася на это согласен, но боюсь, что это совсем не его призвание, впрочем, все скажется. — Сестра Анна П⟨етровна⟩ уехала в Одессу

---

[1] *Почему пишу из Нирнберга, вы узнаете от Кати Мойер…* — Императрица Александра Федоровна ехала, для восстановления здоровья, в Италию (где она провела часть осени и зиму 1845 года и весну 1846) через Германию. «По возвращению моем из Швальбаха, где я купался и пил Weinbrunn,— писал Жуковский А. Я. Булгакову 4 (16) сентября 1845 г. из Ниренберга, — я получил письма из Петербурга о ее проезде через Берлин, без всякого означения маршрута и чисел. Желая ей представить жену и дочь, я решился ехать на переезд дороги ее в Ниренберг (С7. С. 561). См. также письма Жуковского к Д. П. Северину за конец августа — октябрь 1845 года, напечатанные в РС, 1902, апрель, с. 158—162.

[2] *Вот вам письмо от Киреевой* — Александра Васильевна Киреева, см. примечание к письму 340.

[3] Дата устанавливается на основании сообщения о грядущей свадьбе В. А. Елагина и Е. И. Мойер.

на зиму к дочери; ее враждебное расположение к зятю, слава Богу, исчезло, и она готова опять с дочерью сблизиться. Она писала письмо к Государю, просила усыновить внуку и передать ей Мишенское. — Мне даже не жаль, что она не остается для нашей свадьбы, хочется устроить ее сердце паче всего. А иногда думается: ну, если бы *вы*, с вашей милой семьей приехали к этому времени сюда? — Соединение с вами составляет лучшую мечту о счастии нашем общем. Есть много вещей, о которых говорится: ну, когда Жуковский приедет, это все устроится. *Вы* наша гармония во всех смыслах. Я имею в виду иные дома в Москве, для вашего помещения, но надобно, чтобы вы меня уполномочили полной и подробной инструкцией, чтобы знала, *что* именно и *когда*? После нашей свадьбы, надеюсь, что мы все приедем в Москву, однако эти надежды зависят от карманов, будет ли что в них или нет. — Мойер рад всех усадить в Бунине. — Московские наши литераторы ждут вас, чтобы около вас сроиться. Бедный мой Иван расстроился совершенно этим неудачным испытанием Москвитянина, здоровье его еще плоше кармана; у него тоже болит сердце, и от всякого неудовольствия и всякой усталости он болен. С ним гнусно поступили, но Господь не оставит детей Василия Ивановича.

Простите, душа моя, обнимите вашу дорогую мою жену, благословите милых деточек и не забывайте в молитвах вашу сестру Евдокию Елагину.

17 сентября. Москва.

Перевод

* свадебную корзину (*франц.*).
Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 80—80 об.—81.
Печатается по автографу.

344. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1 / 13 ноября 1845 г. Франкфурт[1]

Милая Авдотья Петровна, ваше письмо из Москвы от 17 сентября получил я в одно время с письмом Булгакова, писанном 17 октября. Ровно месяц оно промедлило в дороге, заехав в Петербург к Родионову и, может быть, отдохнув несколько времени перед отбытием в собственном вашем письменном столике, ибо наша эпистолярная лень (как вы называете эту чертовку) имеет два вида; в одном виде она мешает писать письма, а в другом она мешает их отправлять, когда они уже написаны. И эта последняя гостит обыкновенно у вас в Бунине, Петрищеве, в Москве. Первая у всех нас в одно время в очах совершается. Вы говорите, что я на несколько ваших писем не отвечал; это похоже на мою фразу иезуитскую, которою я начинаю к некоторым письма, не писав к ним долгое время: *я уверен, что вы моих писем не получаете*. Но теперь, конечно, у вас в руках уже мое последнее

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 17 сентября 1845 г.

письмо, и вы уже, конечно, обдумали мое предложение. Я знаю, что письма мои дошли: Булгаков меня уведомляет, что их получил и что уже имеет уведомление от Орловского почтмейстера, что они доставлены. Но ответа и не думаете вы мне сделать никакого; а, кажется, было бы на что́ ответить. Запрос я вам сделал важный. С ответом на этот запрос связаны мои здешние обстоятельства: мой дом остается за мною до 1-го апреля; мне надобно сделать свои распоряжения заранее, дабы их согласить с вашим приездом или неприездом. Отвечайте, ради Бога, поскорее. А я все думаю, что вам хорошо бы предпринять это путешествие *прежде* свадьбы и совершить его не морем, а сухим путем. Теперь, конечно, уже поздно; но с первыми весенними соловьями. — Не стыдно ли вам из такой дали писать так неопределенно? Ну что я могу понять из этого басурманского слова corbeille de noce*? Если бы вы прислали мне, как следует, роспись того, что должно войти в состав corbeille, я бы здесь, конечно, дешевле все мог для вас купить. Я для своей жены не готовил corbeille de noce и не знаю, что это за зверь, а она и подавно не имеет о нем понятия; но если бы вы сказали именно, что купить и насколько, то, конечно, здесь все бы умели купить наилучшим образом и дешевле. Но теперь другой вопрос — как переслать? купишь дешево, да таможня с тебя сдерет вдвое. Можно бы было все привезти с собою, но тогда не поспело бы к свадьбе. Но что за беда, когда бы и не поспело: лишь бы было. А еще бы было лучше, когда бы вы, приехав сюда сами, запаслись и приданым, и здоровьем, и сыграли свадьбу по возвращении: откладывать же свадьбу беда не велика; этот промежуток прошел бы не в разлуке, а в наслаждении Богом благословенной надеждой. Впрочем пусть будет, как Ему угодно. День, выбранный для свадьбы, день вашего рождения, будет хорошим предзнаменованием, да благословит его Бог, как некогда благословил для вас, вызвав при свете его на землю такую милую душу, которая умела постигнуть все доброе и прекрасное земное и не увяла под влиянием многих, многих непогод и холодов, и зноев житейских. Я желаю быть посаженным отцом Кати с Ек⟨атериною⟩ Аф⟨анасьевною⟩ или с вами, как вы это назначите. Благословляю ее образом Спасителя, который должен находиться между образами Ек⟨атерины⟩ Аф⟨анасьевны⟩ и которым меня благословил отец. Или нет: в эту минуту мне какой-то голос шепчет, что надобно сохранить отцовское единственное благословение в семье моей; прошу вас приготовить от меня ей образ, или лучше, пускай образ мой, благословение отца, представляет в день свадьбы тот, который я после сам передам ей и который в ее семье останется на вечную об мне память. Скажите, так ли: ангел Кати — Екатерина Мученица, ангел Василия — Василий Великий? На это отвечайте поскорее.

У меня, слава Богу, все идет порядочно. Мой Павел крепыш, силач и вообще честный, тихий малый; но не флегма. Не воюет, не кричит, всегда смирен, но когда вздумает побунтовать, то у него все: нос, уши, ноги, морда и плечи бунтуют. В Сашке множество прелести и гениальности. Третьего дня был у меня семейный праздник, и все плясало, и была стукотня непомерная, посреди которой немало отличился и Павел Васильевич, пыхтя, визжа, фыркая, брыкая ногами и махая, как

говорит Вяземский, пузом от радости. Жена вас целует и всех вас просит вместе со мною. Срок нашего приезда зависит от Швальбаха[1], которым и ей, и мне, по воле Коппа, надобно будет еще раз воспользоваться. — Прощайте. Ответ ваш перешлите через Булгакова, то есть вложив письмо на мое имя в пакет, надписанный на имя Булгакова; так дойдет вернее и можно будет справиться.

Перевод

* свадебная корзина (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 71—72.
Печатается по первой публикации.

345. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 ноября 1845 г.[2]

Нет, возлюбленный мой брат, на ваше бесценное приглашение не воспоследовало у наших старших соизволения. Мойер говорит, что чужие края с их климатом вздор, что воды Кате не нужны и что он сам лучше всех знает *ее* здоровье и то, что для нее нужно. — Действительно, с некоторого времени она стала здоровее и щечки ее покрылись бледным румянцем. До души тронула меня ваша милая заботливость, и жаль крепко, что сделанный вами план исполниться не может. Мы вместе устроили бы их будущее светло и прекрасно и теперь много всех нас устройства зависит от вашего возвращения, исключая счастия вас увидеть посреди нас. — Вот, что положили на сейме наши помещики: Алекс⟨ей⟩ Андреевич, вместо того, чтобы дать сыну деревню, отдаленную на 200 верст, закладывает все имение и покупает ему деревню подле Мойера. Мойер этим очень доволен и намерен сделать Василия хорошим землепашцем. — Катя всех меньше этими распоряжениями довольна, ей хотелось бы пожить в Москве. Но в самом деле, нужно работать, покуда молоды и устраивать независимый кусок хлеба. Свадьба назначена 11-е Генваря, аще что от Бога не зайдет. В Бунине красят полы, штукатурят стены и украшают четыре верхние комнаты для будущих супругов. Тетушка весела, хотя простота и отсутствие всякой роскоши и всякого великолепия очень ей не нравится. — Мойер не хочет даже, чтобы Алексей Андр⟨еевич⟩ дал им карету, а просит верховую лошадь для необходимых визитов. — В Москве я не сделала ничего путного, меня давила тоска и весь день проходил в слезах или на могиле моего Андрея. Я сама не могу понять, как я допустила до себя такое жестокое уныние.

---

[1] *Срок нашего приезда зависит от Швальбаха*... — Швальбах — курорт в Пруссии, знаменитый лечебной водой.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о готовящейся свадьбе В. А. Елагина и Е. И. Мойер.

Здесь мне лучше mauvaise humeur* окружающих развлекает меня. Женщине нужно много силы, терпения и бодрости, чтобы не пасть под бременем собственной сердечной горести и теснения других, и если бы молитва не поддерживала, не знаю, как бы жить.

Кн⟨язя⟩ Вяземского дом продан, о чем жалею, потому что вам бы он сгодился. — Против него на дворе дом Уварова Фед⟨ора⟩ Сем⟨еновича⟩ также продается[1]. Этот бы вам годился тоже, но не успели сказать, что в наймы отдается, тотчас его заняли. — Скажите, около чего намерены вы дать, весною я приищу, кажется, я знаю, чего вам надобно. — Нужно нанять в летние месяцы, в Июле, Августе, иначе не достанешь. Много вам будет хлопот здесь, и очень их боюсь. Незнание русского языка тяжело будет вашей милой хозяйке, мне непременно должно быть в Москве во время вашего приезда. — Теперь я поручу некоторым искать для вас дома и прислать мне планы. — Авось, уладим. — Сами себя и друг друга предавая на волю Божию.

Мой бедный Иван все нездоров, и у него болит сердце; — он уныл невообразимо. Что говорить вам, каково мне переносить это страдание, вы сами поймете. Помолитесь за нас вашими доходными молитвами, а вас да хранит Господь своею Благодатью. — Детей ваших крещу и целую в глазки. Господь с вами, друг сердечный.

Ваша Ев. Елагина.
6 ноября Петрищево

Перевод

* плохое настроение (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 82—83 с об.
Печатается по автографу.

346. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Петрищево 14 д⟨ека⟩бря 1845[2]

Бесценный брат! Всем сердцем понимаю и разделяю то горе, которое вы почувствовали, получив известие о кончине нашего доброго Тургенева. Да не возмутит оно небесный мир вашей души! Теснее и меньше становится круг наш, но ведь и все мы близки уж к цели; и скоро каждый из нас подаст друг другу руку не на разлуку, а на вечное вместе. — Не знаю подробностей о его кончине, но недавно, а именно 30-е Ноября, получила от него письмо веселое и полное добрых намерений,

[1] *...дом Уварова Фед⟨ора⟩ Сем⟨еновича⟩ также продается...* — Ф. С. Уваров — брат С. С. Уварова, см примечание к письму 42.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти Александра Ивановича Тургенева, который скончался 3 декабря 1845 года.

а 3-го Декабря его уже не стало. — Я узнала это только из газет; московские мои корреспонденты еще не опомнились от горести, причиненной смертью нашего Валуева[1]. — Двадцатипятилетний юноша, десять лет почти провел он у меня в доме, любимый всеми как брат и как сын. — С этим горьким чувством потери проводила я весь этот Ноябрь у постели Ивана Киреевского. Он был очень болен и теперь еще не совсем оправился. Петр испугался его болезни и пустился к нему из Орла *по непроездной дороге* от дождей и от грязи — простудился и растрясся и также был *опасно* болен воспалением в почках и ревматической горячкой. — Федя Тидебель (некогда Тедине) приехал лечить Ивана[2], и также занемог плёрези[3]. — Вот как прошел для меня этот месяц. Теперь, хотя еще не спокойна насчет детей Киреевских, но должна отправиться в Бунино, готовиться к свадьбе. Пошли нам Бог совершить ее благополучно. Авось, увидавши опять мою Катю, и у меня на душе посветлеет. Не всем Господь посылает одинаково ясную долю, так как и мрачные осени севера не равняются с осенью Италии. — Я не знаю, что и отвечать на ваше последнее письмо. Как бы мне ни хотелось приехать к вам и попоить Катю Швальбахом, *это не в моей власти*, так точно, как не в моей власти возвращать себе молодость. Катя, благодаря Бога, несколько здоровее, Мойер уверяет, что замужем будет совсем здорова. — Необходимые вещи для приданого купила я в Москве, где провела Сентябрь, а corbeille de noce* (выдумка Тургенева) так же нашлась бы нам не нужна, как и все роскошное, что ни невеста, ни жених не хотят. Слава Богу, что я вам ее не назначила. Юные будущие супруги намерены жить без всякого излишества, считая его *грехом*. Мойер и я этим весьма довольны, одна тетушка вздыхает об Египетских блондах. — Мы окружены такой кучей нуждающихся, и деньги добываются с таким трудом, что всякое ограничение роскоши есть потребность сердца, столько же, сколько рассудка. Не знаю, напишу ли вам еще из Петрищева, но прошу вас мою лень не смешивать ни с Мойеровскою, ни с Долбинской: мои письма пишутся в день почти и отправляются немедленно, а лежат, вероятно, у Родионова или у нашего почтмейстера. Некоторые, конечно, пропали по милости пьянства моего дворецкого. Что делать, друг мой! С одной стороны, пьяные, неуклюжие слуги, обманщики-купцы, дороговизна всех житейских нужд, неспокойное бестолковие дома, суровый, пасмурный, дождливый климат, грязные, непроезжие дороги, и пр., и пр., — и родина! А с другой все мирное, спокойное, ловкое, но чужое. — Наше вместе дорого нам станет: я боюсь за вас! Надобно вам собраться с большою твердостию духа и хорошенько помолиться. — Приведется ли нам пожить вместе? Да будет воля Его!

Образ, которым вы должны благословить, должен быть Спасителя или Богородицы, а мучениками не благословляют. — Патроны их точнее, Василий Великий и Екатерина Мученица.

---

[1] *…от горести, причиненной смертью нашего Валуева* — Д. А. Валуев скончался от чахотки в ноябре 1845 года в возрасте 25-ти лет.

[2] *Федя Тидебель 〈...〉 приехал лечить Ивана…* — Ф. Тидебель, известный врач.

[3] *…также занемог плёрези* — плеврит (pleurésie — *франц.*).

Душа моя, помолитесь о нас; а я вас обнимаю с неизменною любовью, котороая не оставит меня до могилы.

Ваша Авдотья Елагина.

Перевод

* свадебная корзина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 84—85 с об.
Печатается по автографу.

347. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

11 / 23 января 1846 г.[1]

Я отложил посылать это письмо до нынешнего дня, мой милый друг Авдотья Петровна. Пусть будет оно видимым знаком того, что мы в этот день, столь значительный и по настоящему, и по воспоминанию о прошедшем, были с вами вместе и мыслями, и надеждами, и молитвами сердца. Благослови Бог этот день, день вашего рождения; пусть будет он днем *возрождения* всех святых радостей жизни; вы пришли к нему дорогою трудною; особливо последние станции этой дороги были печальны и мрачны[2]. Вместе с вашими были таковы же и наши: к вашему горю (которое равномерно и наше) присоединились и собственные наши потери: Тургенев в последнее время пожил под моею кровлею как будто для того только, чтобы со мною проститься и оставить моей жене *живое* о себе воспоминание. Он был старейшим из моих товарищей на этом свете. И еще другая печаль посетила нас в последнее время. Об этом жена уже говорила в письме своем; а я упоминаю об этом только для того, чтобы с большею благодарностию к Богу указать и вам, и себе на замену, которую он вам и нам посылает в счастии детей ваших. Он его устроил, Он же его и сохранит, и, может быть, дозволит нам еще несколько лет им радоваться *вместе*. В эту минуту (теперь 1 1 / 2 пополудни у нас // 3 1 / 2 пополудни у вас) все должно быть кончено; они обвенчаны; вы все, вероятно, сидите за столом и пьете здоровье молодых; (Мойер — за меня, а вы — за жену). Благослови Бог эту заздравную чашу. Поручаю вам их за меня нежно прижать к сердцу.

---

[1] Датируется на основании указания Жуковского, что письмо пишется в день свадьбы Кати Мойер и Василия Елагина. В дневнике 1846 года Жуковский записывает: «11 / 23 Генваря должна была совершиться свадьба Кати Мойер, но от них ни от кого нет известия» (ПСС2. Т. 14. С. 286).

[2] *...последние станции этой дороги были печальны и мрачны* — «Горе Авдотьи Петровны — по поводу смерти 19-летнего сына Андрея в конце декабря 1844 г., и затем смерти молодого ученого Д. Валуева, в ноябре 1845 г.; Валуев несколько лет жил как родной в доме Авдотьи Петровны; потеря Жуковского — смерть А. И. Тургенева в Москве, 3 декабря 1845 г. и смерть дочери его друга Радовица» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 73).

Так же прошу душевно поздравить Алексея Андреевича. Больше писать нет времени. Хочу, чтобы еще нынче же письмо пошло на почту.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 73.
Печатается по первой публикации.

348. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1846 29 янв⟨аря⟩[1]

Благословенный наш день сегодня**,** посланный нам Господом для Его Прославления. Обнимаю вас, сокровище мое, и благодарю вас за вас всем сердцем моим Бога; да хранит Он вас долго, долго для счастия всей нашей семьи и для утешения горьких. — Вот и Павлу нашему год![2] — Мы в день его рождения отслужили все вместе молебен и за обедом пили его и ваше здоровье. За свадебным нашим пиром здоровье ваше и милой вашей жены было почти первым тостом. Свадьба наша совершилась 14-е, а не 11-е, потому что 13-е Алексей Андр⟨еевич⟩ только возвратился из Москвы. Не странно ли определение судьбы. И Машина свадьба была назначена на 11-е, а обвенчалась она только 14-е. Дай Бог нашей новой чете во всем быть подобной отцу и матери Катиной, кроме ее недолгой жизни. Мы собрались в Бунине только своею семьей. Иван Киреевский приехал также (только без жены), а посторонних был только один их сосед, которого все любят. Тетушка все дни была взволнована, но здорова, а Мойер так весел, как я его не видывала. Он даже во сне видел себя шалуном-школьником. Он приготовил новобрачным комнаты наверху, и они поспели только 12-е к вечеру, ибо 9 привезли обои и мебель; первые дни было у них немного сыро, но теперь — слава Богу! все хорошо. Вот третий день, как наша парочка приехала к нам в Петрищево, у них здесь особый маленький флигелек, и они отдыхают от возни неизбежной при поспешном устройстве. Вообразите, что в Бунине я писать не могла по самой смешной причине: *не было чернил!* и целый месяц, пока послали в Орел за снадобьем чернильным. Мы имели также неприятность в день свадьбы, в роде Поликратова перстня. Имение, которое Алексей Ан⟨дреевич⟩ сторговал для сына, было перепродано другому, и в этот же вечер мы получили о том предуведомление. Это мне неприятно, потому

---

[1] В этот же день Авдотья Петровна пишет Н. Н. Шереметевой: «Сегодня наш великий день, моя добрая бесценная Надежда Николаевна! и Вы вместе с нами молитесь за нашего несравненного Жуковского. Дай Бог ему долгое и здоровое на земле пребывание, а вам также долго им радоваться!» ⟨…⟩ Мои новобрачные третий день уже приехали ко мне, прошу им ваших милостей. ⟨…⟩ Об юной чете и говорить нечего: не наглядятся и не наговорятся, хотя их болтанье продолжается уже пять месяцев» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 47—47 об.).

[2] *Вот и Павлу нашему год!* — Павел Васильевич Жуковский (1845—1912), сын В. А. Жуковского, живописец, с 1893 г. действительный член Академии Художеств, участвовал в разработке проекта памятника Александру II для Московского Кремля.

что Василий не должен жить без дела и находиться в фальшивом положении. Авось Бог устроит его благосостояние получше предположенного нами. Вас все ждем, как лучшего оплота и верховного советника во всех наших нуждах и скорбях. Напишите, когда вы собираетесь к нам и когда нанимать вам дом и в какую цену; кому из нас поручите, тот с восторгом и исполнит. Тетушка дожидается вас для совершения раздела Воейковых и не хотела никак послать Ивану Федоровичу ревизские сказки Муратова, необходимо нужные для утверждения по разделу Муратова за Сашей и Машей. — Теперь дошел до нее слух, будто Андрея Воейкова женят, тогда и Муратово мудрено будет выделить сестрам. Ловчее бы жить на свете, если бы не беспрестанные заботы о земном устроении. Попечения жизни затворяют нам рай.

Простите однако ж вы, милый рай души моей. Хочу, чтобы письмо поспело на почту! — Адресую опять на имя Булгакова; Родионов слишком долго держит письма.

Chère Soeur, nous sommes réunis dans nos voeux et nos prières aujourd'hui, le jour de naissance de notre ange chéri. Que Dieu nous le conserve longtemps! Qu'il vous bénisse, ma bienaimée et toute votre petite famille! — Bénissez à votre tour nos nouveaux mariés. La noce a eu lieu le 14: jour de noce de sa mère et de Moier. — C'est d'un heureux augure, qu'elle ressemble à sa mère! et vive plus longtemps. — Il y a deux jours que nous sommes revenus dans nos foyers, ayant laissé Maman à Bounino, mais Moier a promis de venir aussi. Les fêtes de noce ne se passent pas sans vous, nos voeux pour vous se tiennent avec nos enfants. Dieu veuille que vous puissiez venir ici, que votre santé vous le permette. Je tremble de la ⟨*нрзб.*⟩, il y aura tant de désagrements et de soucis. — Mais si Dieu permet, que tout de toute notre famille se réunisse, cette réunion effacera tous les soucis. — Je vous embrasse tendrement, ma bienaimée soeur, et prie de bénir et d'embrasser de ma part mes chers fille et fils*.

Перевод

* Дорогая сестра, мы соединились сегодня в наших желаниях и молитвах в день рождения нашего любимого Ангела. Пусть Господь хранит его нам долго. Пусть он благословляет вас и горячо любимую маленькую вашу семью! Благословите и вы наших молодоженов. Свадьба состоялась 14, в день свадьбы ее матери и Мойера. Это счастливое предзнаменование, пусть она будет похожа на свою мать, а живет дольше. Два дня назад мы вернулись домой, оставив Maman в Бунине, но Мойер обещал тоже приехать. Свадебный праздник не проходит без вас, наши пожелания для вас остаются с нашими детьми. Господь хочет, чтобы вы смогли приехать сюда, как только позволит вам Ваше здоровье. Я вздрагиваю от ⟨*1 нрзб.*⟩ будет столько неприятностей и забот. Но если Бог позволит, чтобы собралась вся наша семья, то эта встреча сотрет все заботы. Я Вас нежно обнимаю, моя горячо любимая сестра, и прошу благословить и обнять за меня моих дорогих дочь и сына (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 86—87 с об.
Печатается по автографу.

349. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1-е апреля. Петрищево 1846[1]

Христос Воскресе! — Укрепляю себя этим словом, друг мой, чтобы сказать вам мое горькое слово — Алексей Андреевич мой скончался. — Молитесь об нем, душа моя, и об нас. Бедные дети не могут опомниться. Кончина его была внезапная, никак нежданная. За неделю перед ней он был нездоров, чувствовал сжатие в груди и боль ревматическую в руках, так что два дня лежал. Но потом встал, и все, казалось, прошло. 21-е Марта он встал так бодр и так весел, как давно не был, радовался своему здоровью и делал разные планы на весну, занимался хозяйством, читал. Во втором часу спросил обедать, и вдруг сделалась ему дурнота, продолжавшаяся несколько секунд. Он послал за мною и за дочерьми. — (Сыновей никого с нами не было) — Пока рассказывали мне, что ему было дурно,— дурнота повторилась при мне и так же минуты две продолжалась. Когда опомнился, сказал: странно, я видел теперь что-то приятное, а рассказать не могу. — Очень скоро сделалась третья дурнота, и через несколько секунд его не стало. — Не было ни малейшего страдания, мирная и безболезненная кончина, какой он всегда желал.

Вася приехал из Бунина с Мойером, за Николаем послали эстафета в Москву. Иван и Петр приехали также. — Господь знает, что делает, конечно, но тяжело. Никогда так горько не лежали грехи мои на душе моей. Он, кормилец всех своих, нужный столько, он взят, а я…

Друг сердечный, помолитесь обо мне.

Dites à ma chère Elisabethe que je demande ses prières, que c'est la meilleure union pour nos âmes, et ma croix en sera moins pesante. — Ma pauvre Marie se porte bien mal, elle a une fièvre inquiétante et elle tousse très fort. — Je vous écrirai bientôt encore, mes amis, que Dieu me donne sa paix et qu'il vous conserve en bonne santé et en sa grâce.

Votre Eudoxie Jelaguin*.

Перевод

* Скажите моей дорогой Елизавете, что я прошу ее молитв, это лучшее единение для наших душ, и мой крест будет от этого менее удручающим. Моя бедная Маша чувствует себя очень плохо, у нее беспокоящая нас лихорадка, и она сильно кашляет. Я вскоре напишу вам еще, друзья мои, пусть Господь даст мне успокоение и хранит вас здоровыми в его милости.

Ваша Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 88—88 об.
Печатается по автографу.

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти А. А. Елагина (1846 г.).

350. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

25 апреля / 7 мая 1846 г.[1]

Христос Воскресе! Вашим же словом отвечаю на ваше или, лучше сказать, общим, всемирным, на все дающим ответ, все разрешающим, все изъясняющим, все мирящим словом. Блажен тот, кто может произносить его с верою, то есть со *всем* тем, что заключает в этом слове *вера*; кто может произносить его так во всех обстоятельствах жизни, во всех положениях души. Выше этого ничего на земле быть не может. Кому этого блага не дано, или кто не умел обрести для себя этого блага, тот проси его беспрестанно от Бога, и эта просьба пусть будет содержанием главных всех молитв его. С исполнением этой молитвы он все получит. — Вы знаете весь смысл этого слова и вы верите; итак, перед вами все, что теперь нужно вашей душе, и утешительное в горе и в изъяснении самого несчастия в пользу того, кем оно послано, и примирение с вашим собственным сердцем, когда оно в тревоге само с собою. — Нас поразило ваше известие. Как неожиданно! и вдруг он пропал из круга своего семейства, где только что водворилось счастие в замену недавнего горя. Мне собственно для себя весьма, весьма горестно, что уже по возвращении своем не найду его. Он был ко мне всегда так добр: и у меня всегда так лежало к нему сердце. Обстоятельства кончины его, вами описанные, весьма замечательны. Это видение не просто физическое. Что же он видел? — Подкрепи вас Бог, моя милая. Вы знаете, где искать лекарств против бед всякого рода. А теперь вам надобно взять на себя трудное дело *кормилицы* своего семейства. Прошу вас скорее ко мне написать и уведомить меня, какие распоряжения у вас сделаны на счет всего домашнего. Уведомьте меня о своем здоровье, которое меня тревожит; о Маше, Лиле; то, что пишет о них наша Катя, весьма также тревожно. И Мойер болен. Прошу вас написать поскорее. Письма ужасно долго ходят.

Обнимаю вас всем сердцем.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 73—74.
Печатается по первой публикации.

351. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 сентября 1846

Очень давно я к вам не писала, брат мой бесценный, и грех этот лежит на душе моей тем больше, что произошел не от лени, а от тяжелого чувства неизъяснимого уныния. О себе говорить нечего, с пером в руке не раскрывается больное сердце; все, что ни скажешь, кажется пустословием. — Авось, я увижу вас! — может быть,

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 1 апреля 1846 года.

Господь позволит нам опять соединиться и пожить вместе. Милая жена ваша, милые детенки, — как я хочу, чтоб им было хорошо и привольно в Москве, и как боюсь противного. Надобно наперед устроить дом вам, чтоб ей было немного хлопот. Может статься, возможно будет и мне приехать в Москву к тому времени, как вы приедете туда устраиваться. И я этого желаю потому, что вы больше чужды в Москве, чем в Немеции. — Теперь мы сидим в Петрищеве тихо и покорно. Николай вышел в отставку, чтоб хоть этот год провести с нами, и занимается успешно хозяйством. Вместе отстроиваем и отделываем придел церкви, в котором положен наш отец. Дочери работают прилежно, и надеемся, что в Декабре Бог поможет освятить его. Много еще нужно и многого нет, и, главное, казны; к 1-му Октября едем все к тетушке в Бунино. Василий там пребывает со своей Катериной; Мойер его от себя никуда не пускает. Лишь бы Бог дал мир и любовь, все хорошо будет, и везде.

Господь да хранит вас, мое сокровище. Не сердитесь за мое молчание и пишите ко мне.

Chère Soeur, veuillez compassion de moi et pardonnez mon long silence. Mon coeur est si plein d'une tristesse pénible, qu'il m'est difficile d'écrire. Je prie Dieu qu'il nous réunisse et qu'il vous conserve en bonne santé pour être encore longtemps ⟨*1 нрзб.*⟩ de la terre. Bénissez nos chères enfants de mon nom et embrassez tendrement notre ange chéri. Que Dieu soit avec vous!

26 S-bre 1846*

Перевод

* Дорогая сестра, пожалейте меня и простите мое долгое молчание. Мое сердце так полно мучительной тоски, что мне тяжело писать. Я молю Бога, чтобы он нас соединил и сохранил Вас в добром здравии, чтобы еще долго ⟨*1 нрзб.*⟩ на земле. Благословите наших дорогих детей от моего имени и нежно обнимите нашего благословенного Ангела. Господь с Вами!

26 сентября

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 90—90 об.
Печатается по автографу.

352. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

26 декабря. 1846. Петрищево

Вот приходит и Новый год! Пусть принесет он вам, по-прежнему, Божие благословение, вам, дорогой мой брат, милой жене вашей и благословенным детям. — Вот и Павлу нашему будет два года! — А завтра в 9 часов утра два года, как умер мой Андрей. — Я не ленилась, писала к вам; одно письмо (теперь прилагаю) нашла не посланное — не по моей вине, вчера в ящике; другое (от 29 Окт⟨ября⟩), может быть, вы получили. Я крепко больна, и надежда с вами свидеться исчезает каждый день из сердца. Мне трудно написать маленькую страничку; у меня

сильная боль головы происходит от всякого занятия. Затылок распух и вся спинная кость; даже в пятках (и преимущественно в пятках) чувствую большую боль. Toute la colonne vertébrale*, говорит Пелопидас, искусный доктор, муж Дунички Азбукиной.

Мне два раза ставили Ventouses**, и это меня облегчило: хочу еще побольше выпустить крови на днях. — Мне страдать не скучно, я совсем хочу воли Божией, но только жаль Лилы. Она еще не оправилась после двух горьких потерь, и хотя она очень благоразумна и благочестива, но очень еще молода, и без меня крепко осиротеет. — У Маши и внутри себя и вне есть убежище, брат Петр славный, редкий малый. — Но зачем я всё это болтаю? — Вот и вы хотите моих писем! Что во мне!

Мы все начинаем ждать вас, дай Бог только вам здоровья. Весело думать мне об ваших детенках. У Ивана родилась еще дочь — Марья Киреевская, а другую трехлетнюю в то же время схоронил[1]. Он в Москве, мы же все сидим в деревне, работаем для придела Варвары Мученицы, который освящаться будет весною. Дуничка с мужем приехали также в деревню. Он человек умный и очень образованный, ей хорошо с ним. У них дочка. Петерсен приехал также ко мне на покой; я ищу ему купить подле себя земли и устроить хутор. Будем вместе сажать капусту, покуда ударит Божий час.

Простите, друг. Бог да хранит вас и вам ваше счастие.

Ваша неизменная Евдокия Елагина.

Chère Soeur, que Dieu bénisse pour vous cette nouvelle année, et qu'il vous rende à nos voeux. — Vous avez été malade, chère amie. Je vous prie en grâce, de vous soigner et de ne pas songer à être malade. Il faut *en tout* être la femme faite bénie de Dieu.

Entourée de vos charmants enfants, sous l'égide de *notre ange cher*, sous la protection spéciale de Dieu et de sa providence, comment pouvez-vous permettre à quelque chose de vous effrayer et de vous émovoir? — Prenez l'exemple de vos enfants qui près de vous deux, sans doute, ne craignent rien, et à votre tour, donnez-leur l'exemple de force et de la tranquillisante grandeur. Je vous embrasse bien tendrement, tous les miens font la même chose. Катя et Basile sont avec leur Père Moier et ma Tante, et, sans doute, ils vous écrivent aussi. Pensez à moi avec amitié, car mon coeur vous est à jamais dévoué.

Votre Eudoxie Jelaguin***.

---

[1] *У Ивана родилась еще дочь — Марья Киреевская, а другую трехлетнюю в то же время схоронил* — Мария Ивановна Киреевская (род. 1846), дочь И. В. Киреевского; «другая трехлетняя» — Екатерина (1843—1846).

В этот же день Авдотья Петровна пишет Н. Н. Шереметевой: «Сегодня наш великий день, моя добрая бесценная Надежда Николаевна! И Вы вместе с нами молитесь за нашего несравненного Жуковского. Дай Бог ему долгое и здоровое на земле пребывание, а вам также долго им радоваться!» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 47).

Перевод

* весь позвоночник (*франц.*).

** банки (*франц.*).

*** Дорогая сестра, да благословит Вас Господь в этом новом году и передаст наши пожелания. Вы были больны, дорогая подруга. Я прошу вас ради Бога беречь себя и не думать о болезни. Надо *во всем* быть женщиной, благословенной Господом. Окруженная вашими очаровательными детьми, под защитою *нашего дорогого Ангела*, под особой поддержкой Бога и Провидения, как Вы можете позволить чтобы что-нибудь Вас испугало и взволновало. Берите пример с ваших детей, которые рядом с вами, без сомнения, ничего не боятся, и в свою очередь дайте им пример силы и спокойного величия. Я Вас нежно обнимаю, мои также обнимают Вас. Катя и Василий со своим отцом Мойером и моей тетей, без сомнения, также пишут вам. Думайте обо мне с дружбой, мое сердце предано вам навсегда.

Ваша Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 91, 92—92 об.
Печатается по автографу.

353. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

20 января 1847 г.[1]

Ваше письмо, милая Авдотья Петровна, грустно, несказанно грустно. Чего-чего не перетерпели вы на свете. Но вы знаете хорошо главную науку жизни — терпение, следовательно, главная цель достигнута. Кто без всякого раздражения души, с утешительным чувством любви к Искупителю принимает испытания, для того они, при всей своей болезненности, теряют всю свою горечь; плотская душа страждет, а душа духовная бодрствует, светла и спокойна. Вашему смиренному горю отвечаю я своим, которое ужасно давит мою жизнь. До сих пор я был баловень жизни, и только грезил о ней и о себе самом. Теперь настали минуты испытания, которые разбудили меня и рассеяли мои роскошные сновидения — стою перед чашей, знаю, что в этой чаше и кто налил в нее горькое питье, и для чего подана она мне — и все это знание ничему не помогает; во мне два человека: один знающий, что́ и для чего, другой — мертвый, каменный, без веры, без любви, без молитвы и всегда готовый разразиться — но, к счастию, еще не ропщущий, а покорный, но покорный как машина. Таково мое теперешнее положение, из которого своею волею не могу выйти. Моя бедная жена тяжко страдает: нервическое расстройство, это чудовище, которого нет ужаснее, впилось в нее всеми своими когтями, грызет ее тело, и еще более грызет ее душу. Физическая тоска душит ее и производит в ней беспрестанный страх смерти; при этом страдания самые несносные, все убивающая, нравственная грусть вытесняет из ее головы все ее прежние мысли и из ее сердца все прежние чувства, так что она никакой нравственной подпоры найти не может ни в чем и чувствует себя всеми покинутой; — вот что с утра

[1] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 26 декабря 1846 года.

до вечера совершается ежедневно на глазах моих тому уже несколько месяцев с самого нашего возвращения из Швальбаха. Это состояние приготовлялось издалека; нынешнее лето своим нестерпимым, вулканическим жаром развило его; страх, произведенный землетрясением, хотя минутный, дал толчок болезни, которая сперва явилась под видом нервической горячки и после себя оставила теперешнее тяжелое нервическое расстройство. Копп утверждает, что все пройдет с наступлением весны и что нашему путешествию в Россию помехи не будет — дай Бог, чтобы это было пророчество. Но в ожидании его совершения — горе, горе и горе. Пошли Бог силу принять, понять и обратить в пользу души Его строгие уроки. Во всем этом мраке жизни одно только убеждение может светить нам светом истины, убеждение, что все посылается Богом, что все Его воля. — Но я знаю, с горем знаю по себе, что не в нашей воле покорствовать с любовию, с верою, с спокойствием надежды, с умилением благодарности — все это дается свыше, все это есть благодать. Мы можем только *покорствовать*. И даже надежда на *лучшее* не может, скажу, не должна утешать нас: наши надежды на лучшее суть игрушки воображения, мечты без основания. Как для многих это лучшее, то есть *видимое*, житейское лучшее никогда не приходит! Надеяться от Бога чего-то, *по-нашему* лучшего, есть предписывать Ему действовать в нашем смысле. Нет, все для нас заключено в безусловной покорности, в покорности воле Божией, потому только что она — Его воля, в покорности, лишенной даже всякого наслаждения, дающего ей прелесть и облегчающего для сердца. В этой вере много крепости для души. Но как трудно ее иметь, эту веру! Одно только в нашей власти: не роптать! Все остальное — дар Божий; он сходит на душу, как роса на землю. Блажен тот, чья душевная пустыня освежена этою росою. — Я теперь более, нежели когда-нибудь, знаю настоящие блага жизни, и в то же время более, нежели когда-нибудь, знаю и ее страдания и проник все недостоинство бедной души своей. Последние два года были для меня тяжкие от беспрестанных болезней, но последняя половина прошедшего 1846 г. была самая тяжелая не только из двух этих лет, но из всей жизни. Моя бедная жена худа, как скелет; и ее страданиям я помочь не в силах; против черных ее мыслей нет никакой противодействующей силы; воля тут ничтожна; рассудок молчит. Одни впечатления чувственные действуют, как самая сильная пытка, которая ломает руки и ноги. Мои работы все давно остановились; Одиссея два года не подвинулась вперед ни на шаг. Одни только детенки, которые до сих пор по милости Божией здоровы, нас радуют и оживляют кругом наш мир. Да благоволит Он их сохранить нам — но и этого просить не должно. Сашка — прелестная сильфидочка, с гениальными глазами (которые часто меня изумляют своею выразительною значительностью), с пышными, светлыми волосами, с грацией во всех движениях. Она необыкновенно умна; была бы очень своенравна, но я приучил ее к покорности. Ум ее в беспрестанном движении; с утра до вечера играет одна с своею куклою и беспрестанно говорит, поет, рассказывает. По большей части вздор, но часто что-то фантастическое, поэтическое. Теперь она принялась за рукоделие, уже очень порядочно вяжет и большая охотница рисовать. Теперь они могут

уже играть вместе с братом, — но игра часто обращается в драку, и они так царапаются, что наконец, дабы спасти их глаза, надобно было употребить красноречие розги. Мое главное теперь занятие клеить для них на картоне картинки и устраивать Guckkasten* наподобие той камер-обскуры, которая так нас во время оно забавляла. — Но довольно.

О вашей болезни, милая, я говорил с Коппом. Он говорит, что для вас будет спасением Gastein**. Но решитесь ли вы туда ехать? Обнимаю вас. Копп мне сказал печальную весть: он прочитал в Francfurter Journal***статью из Петербурга, в которой сказано, что поэт Языков умер в Москве, на 40 году[1]. Так стоит в газете. Но ни в каких других газетах этого известия нет. А я получил письмо из Москвы от Булгакова, писанное 6 / 18 января, в котором он ничего о Языкове мне не пишет. Посему и полагаю, что газетное известие есть басня.

Моя бедная больная сердечно обнимает вас, как свою милую сестру, как верного, испытанного друга. Писать ей я не даю; это ей очень трудно. В последнее время к глазной болезни присоединилась catarrhe****, потом des pectorals***** и наконец теперь еще геморроиды. Все это сокрушает силы.

Перевод

* волшебный фонарь (*нем.*).
** Гастайн (*нем.*).
*** «Франкфуртер журнал»
**** катаральная (*франц.*).
***** грудная (*франц.*).
Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 74—76.
Печатается по первой публикации.

354. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

25 марта — 5 апреля 1847

Христос воскресе!

Невозможно сказать, как мне всех вас жаль! Прекрасную Мию, бедных её родителей, милую мою Елисавету и тебя, дорогой брат души моей. Эта *покорность*, которую так высоко сознала поэтическая душа твоя, горько отзывается в моем сердце. Мне хотелось бы отгородить тебя от всех бед и зол житейских: казалось, будто и без них ты мог достойно служить Господу и святить Имя Его. Вышло иначе! Видно, этот рай земной, явившийся мне в Дюссельдорфе, тоже заключал в себе древо добра и зла, вместе с счастием семьи узналось и горе, и заботы семьи. Как же можно приехать тебе одному? Когда? и куда? Мудрено теперь ждать сюда Елисавету, не только родителям, но и ей разлука теперь будет убийственна. Воля

[1] *...поэт Языков умер в Москве, на 40 году* — Н. М. Языков умер 26 декабря 1846 года.

внешняя видна тут. Но ее должно рассеять и вызвать на какое-нибудь приятное ей путешествие. Сильное занятие будет ей полезно. Грустно мне, что ничего не могу послать тебе на это путешествие. У нас не только ничего не отложено на черный день, но еще и много долгу, с которым трудно нам ладить. Скажи, прошу, когда ты хочешь сюда приехать? И только ли в Петер⟨бург⟩? — Тетушка Е⟨катерина⟩ А⟨фанасьевна⟩, слава Богу, здоровее, нежели когда заботится, но не делает ничего по делам Воейковых; Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ дурной человек[1], корыстолюбив, на него полагаться не должно. — Он взял Андрюшу, отдал его на попечение сестре (потому, что жены боится), платит за содержание 1200 р., чего бы и довольно, всем остальным пользуется, о племянницах не думает. — Очень бы легко все исправить самой Саше; пусть она возьмет опекуна над братом и над общим их имением, тогда все и в порядке. — Андрея поместить можно в Петер⟨бурге⟩ к какому-нибудь честному немецкому семейству или даже оставить у той же тетки, а имением заведывать будет тот же Васинька Татаринов, только их и бабушку притеснять не будут. Я пишу это к вам для того, чтобы Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ не сказал вам неправды. Он же едет за границу, такую опеку взять и следует даже. Дела совсем не запутаны. — А грустно видеть заботы и слезы тетушки, когда приезжают ее считать и пр. — тем более, что исправить все и ее успокоить советами совершенно легко. Для многого хотелось бы ваше присутствие. До вашего возвращения откладывалось всякое устройство, но что же делать, если Господь судил иначе.

О себе лично доброго сказать нечего: болезнь угнетает меня крепко. Каждый день вижу перед собою смерть и покоряюся сердцем. Вот эти странички написала я в три приема, и то с дурнотой. — Иван тоже нездоров болью в сердце. Он с сентября еще в Москве, где у него родилась вторая Марья Киреевская. Петр навещает меня часто. Вася и Катя провели Пасху в Бунине и теперь разлучает нас непроездная дорога. — Никола хозяйничает и, слава Богу, без скуки. Маша и Лила работают для придела, вновь отделываемого, с монастырской неутомимостью, почти в монастырском уединении, с беспокойной заботой обо мне. — И я не имею возможности чем-нибудь оживить и украсить их пустынножительство. — А лета их нетерпеливы. — Но все в руке Божией. Он устроит здешние и будущее, так как мы сами не сумеем. Простите, все, милая душа. Господь да хранит вас.

5 апреля

Chère Elisabethe, je n'ai pas de paroles pour vous dire la part que je prends au maleur que Dieu vous a envoyé: je le partage avec le coeur d'une Mère. Tâchez de vous porter bien, chère amie, rassemblez vos forces pour vos parents, vos chers et charmants enfants (j'ai vu le portrait de Paul) et aussi pour notre Ange dont la vieillesse doit être paisible et heureuse. Tout cela est confié à vous, choisie et élue pour cette douce mission. — Oh, comme j'aurais voulu vous revoir et soigner nos enfants! mais il faut se résigner, sans pouvoir limiter le temps de l'absence. Que Dieu vous protège et vous

---

[1] *...Ив⟨ан⟩ Ф⟨едорович⟩ дурной человек...* — И. Ф. Воейков, см. примечание к письму 335.

bénisse. Présentez l’expression de mes sentiments à vos chers parents, dont je conçois toute la douleur. — Et aimez toujours votre soeur et véritable amie.

Eudoxie de Jelaguin*

Перевод

* Дорогая Елизавета, у меня не хватает слов, чтобы выразить, как я разделяю горе, которое послал Господь, я его разделяю сердцем матери. Постарайтесь хорошо чувствовать себя, соберите силы для Ваших родителей, Ваших дорогих и милых детей (я видела портрет Павла) и ради нашего Ангела, старость которого должна быть покойной и счастливой. Это все поручено Вам, выбранной и избранной для этой доброй миссии. О, как бы я хотела снова Вас увидеть и заботиться о наших детях! но необходимо покориться, не в силах сократить время отсутствия. Да защитит Вас Бог и благословит. Выразите мои чувства Вашим дорогим родителям, всю боль которых я понимаю. И любите по-прежнему Вашу сестру и настоящую подругу.

Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 93—94 с об.
Печатается по автографу.

355. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Весна, вероятно, 1847[1]

Милая Авдотья Петровна, посылаю вам два письма, от меня и от жены, которые прошу вас, прочитав, отдать Кате Елагиной. Слово *собор*, употребленное мною, относится единственно к молодому поколению, вы к нему не принадлежите: в наше время было более терпимости, нежели в теперешнее время. Дело не об этом. — Жене вообще лучше, но, несмотря на прелестную, благоуханную, теплую весну, все еще далека она от исцеления. Это еще не пошатнуло моего намерения ехать в Россию; но вот что может его пошатнуть: если ей надобно будет сделать самой путешествие (о чем теперь идет речь), то эта необходимость, во-первых, отымет у меня материальные способы для моей поездки — где их взять на два путешествия? При том же во весь нынешний год дороговизна была страшная, и множество экстраординарных, неожиданных издержек истощили мою кассу. Не входить же мне в долги? Во-вторых, как пустить жену одну? На все эти вопросы может дать решительный ответ Копп[2]. Его приговор определит, увижу ли вас нынешним летом, или нет. Вы же пока держитесь того, что было писано в моих последних письмах. Обнимаю вас всем сердцем.

Ж.

---

[1] «Дата устанавливается на основании упоминания о Кате Елагиной, урожденной Мойер, то есть после января 1846 года, когда Катя вышла замуж за Василия Елагина. Вернее всего это письмо написано весной 1847 года, поскольку позже 10 / 22 июня 1847 года Жуковский окончательно напишет: «Я к вам нынешним летом не буду» (см. далее письмо Жуковского от 10 / 22 июня 1847 года)» (Примечание И. А. Бычкова. РБ, С. 123).

[2] *На все эти вопросы может дать решительный ответ Копп* — И. Г. Копп, см. примечание к письму 249.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 98—98 об.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 122—123.
Печатается по копии.

356. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

17 мая 1847

Слава Богу, что нашей милой Елизавете лучше! Пишу к вам, друг сердечный, тотчас по прочтении письма вашего, по вашему приказанию. *Место* нашего сожития от меня не зависит: вероятно, оно будет в Бунине? у тетушки, куда сегодня и посылаю ваши письма. Нынешний год ее еще не видала, потому что с начала года все была больна, теперь мне лучше, хотя не совсем еще здорова. Сестра Анна П⟨етровна⟩ едет сюда из Одессы потому, что у нее умер управитель и она желает опять похлопотать в Мишенском. Кажется, будто сам Промысел собирает нас разными путями на давнишнюю родину и дает возможность увидеться прежде, чем перейдем на вечное поселение. Если вы намерены переехать в Россию и жить в Москве, то приехавши сюда, надобно устроить, чтобы тетушка и Мойер также приезжали хоть на зиму в Москву.

Я теперь еще не могу двинуться из деревни, по болезни и по недостатку денег. У нас сгорело несколько дворов и надобно видеть это собственными глазами, чтобы узнать, какое это несчастье. Потом неурожаи. Но приезжайте, душа моя. Вас обнять — есть лучшая радость, какую только вообразить могу. Обнимаю вас крепко, жену вашу и детенков целую. Прошу Бога хранить вас всех.

Ваша А. Елагина.
Мая 17-го. Петрищево[1].

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 28—28 об.—29.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М. 2001. Вып. 216. С. 360—361.
Печатается по автографу.

---

[1] Далее следует приписка Кати Мойер:

«Милый Жук, благодарствуй за радостное известие о твоем приезде в июне; мы было хоть и большим горем, а уж решились не ждать тебя в нынешнем году. Боюсь, что тебе будет тяжело оставлять жену и детей в Франкфурте, великая это с твоей стороны жертва.

У нас все слава Богу. Маменькино здоровье поправляется, но очень медленно, впрочем, дурная погода этому причиной, твой приезд много сделает ей пользы; в Бунине оставила я также всех здоровыми. Прости, мой милый, милый Жуковский. Господь с тобой. До свидания, теперь в самом деле. Обними за меня жену твою и детей.

Твоя Катя Елагина.
16 мая 1847 г. Петрищево».

357. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Середина / конец июня 1847 г.[1]

Милая Авдотья Петровна, как мне жаль, что на ваше милое последнее письмо, в котором вы делаете планы нашего будущего *вместе*, я должен отвечать вам грустным словом: *я к вам нынешним летом не буду*. Почему, это узнаете из приложенной копии с Коппова свидетельства. Он посылает жену в Швейцарию. Я не могу отпустить ее туда одну и должен поворотить свои оглобли не к северу, а к югу. Если бы не должно было мне дождаться прибытия сюда Великого Князя, то я бы успел съездить к вам в июне; но теперь июнь уже в исходе, а Великий Князь только что приехал. Впрочем, приехать только для того, чтобы сказать *прости*, было бы платить дорогою ценою за тяжкое сердечное мучение: нет ничего в жизни несноснее, как последняя неделя перед долгою разлукою; а мне всего на всего пришлось бы провести с вами только неделю по тому расчету, который было я сделал для этой поездки. Как ни трудно, как ни грустно было решиться, но надобно было отказаться от радости взглянуть на вас, которая была бы более пыткою, нежели радостью. Жена в последнее время начала было поправляться; но теперь опять пошатнулась; те же симптомы болезни, которые так мучили ее зимою, возобновляются. Копп говорит, что поездка в Россию была бы ей к добру, но что наша долгая зима *теперь*, когда она еще не совсем отдохнула от зимних своих страданий, возобновила бы их в полной мере и что ей о пребывании в России нынешнею зимою и думать не можно. Я решился ехать один, не зная еще, что Копп назначит жене ехать в Швейцарию; и очень жалею, что так поспешил решиться и так скоро о том вас уведомил; теперь и мне и вам грустнее отказываться от того, что было бы нам всем так весело. Что же делать? Прошу вас только не обвинять ни в чем жены. Она здесь просто страдалица и беспрекословно подчиняется тому, что велят обстоятельства; она была готова на расставание со мною и не имеет никакого участия в том, что я решил остаться для пребывания с нею в Швейцарии. Это было для нее чисто сюрпризом, вовсе неожиданным. Судя по письму Кати Елагиной, я могу думать, что у вас есть мнение, что болезнь жены мечтательная, что она причудничает, — позволено ли делать такие замечания за две тысячи верст, не зная обстоятельств, не видав, каковы были — не часы и не дни, а целые месяцы страдания? Лучше просто жалейте о ней и горюйте вместе с нами, что такое тяжкое по воле Божией препятствие положено нашему соединению, которого и жена моя желает столь же сильно, как и я (ибо оно необходимо и по сердцу, и по нашему назначению), хотя это и не мешает чувствовать, что за одно, нам драгоценное, надобно будет заплатить другим, столь же драгоценным. Помоги Бог перенести покорно и благоразумно посылаемое нам испытание. Как мне ни больно, впрочем, отказаться от свидания теперь с вами и с моею милою второю матерью, но я внут-

[1] Датируется на основании упоминания о визите в Германию (Дармштадт) Великого князя Александра Николаевича в июне 1847 года.

ренно убежден, что мы поживем еще вместе и что она порадуется детьми моими, и даст им свое благословение. Простите, сердечный друг, пошлите это письмо к Ек⟨атерине⟩ Аф⟨анасьевне⟩, а сами поскорее напишите.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 77—78.
Печатается по первой публикации.

358. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

24 июня 1847[1]

Бесценный друг, покоримся великодушно воле Божией, которая не по-нашему устраивает судьбы наши. Увидимся мы или нет, перед Ним мы вместе, и это вместе когда-нибудь устроится без разлуки. Горько знать о болезни милой моей Елисаветы. Вы для детей наших и для нее самой *должны* все употребить, что в силах для возвращения ее здоровья. — Душа моя, признаться ли вам, что я улыбнулась, видя, как вы *оборачиваете* ко мне упрек в напраслине на милую жену вашу. Я вспомнила *дни оны* и привычную мою роль bonne émissaire*. — Скажу вам, что ни Катя (несмотря на фанатизм своей юности), никто, а тем меньше я, видевшая, узнавшая Елисавету, не можем подумать обвинить ее в причудничестве. Я знаю и душою верю, что она не способна ни на какое фальшивое чувство или дело. Ее чистая, светлая, детская душа создана для любви и молитвы. Как можем мы обвинять ее болезнию? Я не видала письма Кати, но, кажется, ручаться можно, что оно внушено было желанием свидеться и любовью к обоим вам. А можно ли, видевши Елисавету, не верить ей вполне? — К тому же Мойер, которому эти болезни известны, более напугал нас, чем Копп вас. — Жук мой несравненный, насчет сердец наших будьте спокойны, все они проникнуты неизменяемой любовью к вам, к ней, общей нашей представительнице, которой Господь дал в руки *ваше счастие*! Как ни желаешь вашего возвращения в Россию, *но мне* подумать о нем страшно. Сколько неудобств, неприятностей, суровостей, лишений должны вы здесь переносить! — Но еще ждать год! Успеем об многом подумать.

У меня было опять горькое время, но теперь сердце вдвойне открыто к благодарности, к Богу, помиловавшему нас: Иван мой отчаянно болен тифусом (в Москве и здесь эта болезнь царствует). Маша, Петр, Василий поскакали к нему в Москву, я не знала, но сердце матери чутко, я страдала и беспокоилась, несмотря на все обманы, которыми окружили меня. Теперь он выздоровел и уже ходит, хотя слаб. Я еще ездить не могу. Недавно была у сестры в Мишенском приветствовать ее возвращение, и вот уже неделю не могу оправиться. Всякий толчок удваивает боль мою в затылке и в спинной кости, и малейшее занятие тоже, и производит боль и жар. Погода стоит холодная, грозы ежедневно мешают ходьбе; хлеб мой

[1] Датируется как ответ на письмо Жуковского от середины — конца 1847 года.

выбило градом, одним словом, грустно глядеть около себя на молодых детей моих, Лилу, Николу, которым вместо всех удовольствий молодости предстоит уединенная скука всяких попечений и расстройств.

Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим![1] Простите, мой сердечный друг! Господь да хранит вас. Благословляю всех вас всею моею душою. Катя, Вася и Никола теперь в Бунине на именинах Мойера, посылаю им письмо ваше. Оно огорчит тетушку, но знайте то, что она, слава Богу, здорова и крепче, чем была в молодости.

Куда писать к вам? Это поручено другу А. Я. Булгакову, но скоро ли вы поедете? Со всеми детьми?

Перевод

* доброго посланника (*франц.*).

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 95—96—96 об.
Печатается по автографу.

359. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

13/25 сентября 1847

Милая душа моя Авдотья Петровна, посылаю вам письмо, которое прошу вас немедленно переслать по адресу. Хомяков своего адреса мне не дал, а поручил переслать к нему письмо через вас, говоря, что так вернее, понеже он шатается всюду и что вы всегда будете уметь отыскать след его. И так поручаю вам судьбу моего письма: в нем заключается алфавит Первых XII песен Одиссеи, по которому Хомяков взялся написать свои примечания[2]. Сама же Одиссея поехала в Петербург; на цензурную расправу: я хотел этот экземпляр Манускрипта (ибо у меня есть другой) послать вам; но вышло иначе — послал его в Цензуру; а по экземпляру, оставшемуся у меня, начнется печатание здесь, в Карлсруэ, где есть хорошая русская типография и где напечатают красиво, на лучшей бумаге, и скоро и дешево. Весною приеду я в Россию на кипе экземпляров Одиссеи, как Юпитер на громо-

---

1 *Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим!* — См. примечание к письму 337.

2 *...Хомяков взялся написать свои примечания* — В июле 1847 года А. С. Хомяков жил с Жуковским в Эмсе, где происходило чтение и обсуждение первых 12-ти песен «Одиссеи». Хомяков собирался сделать примечания к переводу «Одиссеи». В упоминаемом письме к Хомякову Жуковский писал: «〈…〉 посылаю вам, любезнейший Алексей Степанович, роспись по алфавиту всех имен мифологических, исторических, географических и пр., находящихся в первых XII песнях Одиссеи. Когда кончится перевод последних XII песен, будет сделан такой же алфавит и им. Вот вам порядочная работа; если за нее примитесь и ее совершите, по милости вашей капитал моей Одиссеи увеличится значительными процентами» (С7. С. 638). См. подробнее: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и А. С. Хомяков в 1840-е годы (к дневнику Жуковского) // Хомяковский сборник. Т. I. Томск, 1998. С. 33—44.

носный пир и гряну гекзаметрами. Вместе Рустема с Одиссеею явится и еще нечто всем неизвестное. Поэма в 10 песен взята из Фирдусовой поэмы Шах Наме, переведенной Руккертом, а мною свободно заимствованная у Руккерта[1]. Я уверен, что она вам понравится. Я сбираюсь издать все свои сочинения; это будет издание ⟨*1 нрзб.*⟩ hand, начну с конца, то есть напечатав прежде все новое, затем последует по порядку старое: пиесы будут расположены по хронологическому порядку, в котором будет заключена вся моя биография.

Теперь скажу вам слово о себе и о моей жене. Эмс лишил нас поездки в Швейцарию; думаю, что это к лучшему, ибо питье воды и ванны, кажется, сделали жене добро; еще их дюжина — не совсем окончены, но есть уже признаки улучшения. Помоги Бог и избавь меня от того, что я испытал прошедшею зимою. Если все будет в порядке, то надеюсь кончить и Одиссею. Тогда останется мне исполнить еще *один* поэтический долг, чем и кончится моя поэтическая жизнь. Начнется вполне другая, если только Бог позволит еще несколько лет побыть на этом свете для моих и для людей (в лучшем смысле). Помолите Его об этом за меня; а я вседневно молю Его о том, чтобы дал мне с вами свидеться и, возвратясь к вам, найти всех теперь живых, налицо. Это самое живое желание моего сердца в настоящем времени. Из всех живущих вам наиболее хотелось бы мне прочитать Одиссею. — Прощайте. Прошу вас сказать обо мне Е⟨катерине⟩ А⟨фанасьевне⟩. Прошу ее благословения себе, жене и детям, всех прочих обнимаю. Жену оставил во Франкфурте, в постели (но этот эпизод значит ничего), а сам теперь в Дармштате, провожаю Великого Князя, который ныне отъезжает. Простите, душа моя.

1847 13 / 25 Сентября — Ваш Жуковский

Дармштадт

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 10—11 с об.
Печатается по автографу.

360. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 января 1848.

Здравствуйте с Новым годом, мой дорогой единственный Жуковский, милая сестра Елисавета, милые дети Саша и Павел! Ваш верный друг обнимает вас мысленно и благословляет. Вот и Павлу три года! Радуйтесь ими, выращивайте их, отвыкайте в них от всякого горя. Но да не коснется оно вас в нынешний год! — Как

---

[1] *Поэма в 10 песен взята из Фирдусовой поэмы Шах Наме ⟨...⟩ заимствованная у Руккерта* — Фирдоуси (около 935 — около 1020), знаменитый персидский поэт, автор поэмы «Шах-Наме», представляющую собой стихотворную обработку староиранской эпопеи; Руккерт (Рюккерт) Фридрих (Rückert Friedrich, 1788—1866), немецкий поэт и писатель, ориенталист, профессор восточной литературы. Жуковский активно переводил «восточные» поэмы Рюккерта, например, «Наль и Дамаянти». 12 апреля 1847 года поэт окончил работу над повестью «Рустем и Зораб».

ни покорно принимаем мы с любовию, и все делаем, чтобы она явилась к нам в радости и веселии, след⟨ственно⟩ выбираем за вас, кажется, имеем на это право. Ваша судьба должна быть отлична от всех, светла и *сиятельна* как милая ваша душа. Никто из спутников крылатых не отстал от вас по дороге; любовь и счастие в виде вашей милой семьи, звезда славы, ясный труд и верная до могилы дружба.

Слава в высших Богу! — Душа моя, бесценный брат, о если б нам увидеться! Не смею желать вашего *переселения*, здоровье Елисаветы слишком слабо для нашего сурового климата: вот и ныне с начала Ноября не выходит из 18-и гр. холода, а бывает и 23. — Но Тетушка слаба становится и многое откладывает до свидания с вами. Нам следовало бы звать их в Москву. Мойер ненавидит Москву: за то время, которое в последний раз провел с вами, он истратил очень много и говорит, что если опять туда ехать, то просто погибать; да и Тетушке, кажется, ехать не хочется, и трудно уже. А молодежь наша скучает в однообразии, недеятельной жизни. Да надобно нам, старикам, знать, что каждому возрасту есть свои нужды. Кате нужно, хоть немножко, повидаться с людьми. Вся лучшая ее молодость прошла без всякого веселья. Не удивляйтесь, что я хочу ей *веселья*. Ее светлая душа находит его в тихом, домашнем кругу, но кажется, что и этот круг нужно принести в воспоминание другого, не близкого круга, чтобы уметь лучше ценить свой.

Мы едем скоро в Москву, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ мы Елагины, и авось отпустят к нам Катю. Там холера еще не прошла, но мы столько напугались ею здесь, что все равно. Пока она была одна в деревне Мойера, мы жили там, чтобы быть вместе. Переезды мне очень тяжелы; у меня так же болит крепко пятка, но еще крепче голова. Нельзя сказать, как бездельное занятие мне трудно с самой кончины Андрея, и еще больше с того удара, который мне приключился прошлого года, я все еще не могу оправиться. Не знаю даже, писала ли я вам об этом.

20-е Генваря. Письмо мое не было отослано, а вот мы и в Москве, и я едва отдохла от дороги. Мы опять у Красных ворот. Тут в каждом углу теснятся воспоминания. Нас теперь здесь четверо, дом пуст и только населен прошедшим. Мне здесь невыносимо горько. Но ведь и без спутников дойдешь до конца, лишь бы Господь поддержал готовность предаваться Его небесной воле и Святости имени Его. В сердце сил довольно и, кажется, еще горячее они сосредоточились, но тело совсем изменяет, иногда мне кажется, что я чужая, что я не я, нет возможности шевельнуться, повернуть голову, поднять ногу. Чем я буду здесь для молодой девчонки, которой нужен свет, хочется выездов, знакомств и пр.! Если вас не страшит ⟨*2 нрзб.*⟩, то остановитесь у меня, когда приедете в Москву. Не смею звать сюда с Елисаветой (сюда, т. е. в Россию). Не хочу даже надеяться, но какое будет счастие обнять вас опять. — Все во власти Божией! —

Я здесь еще ни с кем не видалась; только милая Надежда Никол⟨аевна⟩ не ленится навещать меня. — Хомяковы только сегодня сами приехали. — Иван и Петр остались в деревне; зову Василия и Катю. Простите друг! Господь с вами.

Ваша А. Елагина.

Сестра Анна Петровна осталась в Мишенском *одна*, несмотря на убедительные мои просьбы вместе переехать, хоть на время, в Москву к нам.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 46, л. 1—2 с оборотами.
Печатается по автографу.

361. В. А. Жуковский А. П. Елагиной.

7 марта н. с. 1848 г.

Милые друзья, вы верно о нас беспокоитесь. И есть от чего: мы живем на берегу кратера, из которого льется лава; но по милости Божией мы попали в такой уголок Германии, который в эту минуту, сколько можно думать, самый безопасный. И у нас по примеру всего окружающего были беспокойства, но только мимоходом и ничего до сих пор важного не случилось. Первая минута взрыва прошла; можно надеяться, что порядок более не нарушится — то есть порядок внутренний. Но из-за Рейна глядит на нас громовая туча. Здесь оставаться не должно; ибо война может всякую минуту вспыхнуть. Если бы были крылья, сию же минуту мы перелетели бы в Россию. Но теперь надобно ждать дороги и не пускаться в путь, теперь везде более или менее опасный. Если бы я был один, я давно бы уже был в России; но везти жену в распутицу, которая везде скоро начнется, везти малюток, это значит предаваться произвольно верному худому; чего нельзя избежать, тому надобно спокойно покоряться — в этом неизбежном есть ясная Божия воля. Опять повторяю: место, где мы, самое безопасное в Германии. Остальное в руке Божия Промысла. Мы не тревожимся тем, что нас окружает; но беспрестанно тревожит душу будущее Европы: над ним задернулась завеса Провидения. — Мне горько одно — то, что, вероятно, жене не удастся воспользоваться Эмсом во второй раз; он так было ей помог, что Копп назначил ей во второй раз нынешним летом ехать в Эмс — но позволят ли это обстоятельства. Да начала нынешнего года жена чувствовала благотворное действие вод. Теперь же опять началось прежнее, хотя и не в прежней силе, но она часто жестоко мучится; и теперь, бедная, только что поднялась с постели. Она вас обнимает, но писать сама не может. Как это мучительно и тревожно при нынешних, страшных обстоятельствах, это вы легко вообразить можете. Но дай Бог разума и спокойной преданности в Его святую волю. Милая Авдотья Петровна, прошу вас сообщить это письмо Ек⟨атерине⟩ Аф⟨анасьевне⟩. А приложенное письмо, написанное и непосланное Гоголю месяца полтора перед этим, я посылаю вам для сообщения его С. П. Шевыреву, издателю Москвитянина[1]: если он найдет его годным для журнала своего, то пускай напечатает. Скажите

[1] *А приложенное письмо, написанное и непосланное Гоголю ⟨...⟩ для сообщения его С. П. Шевыреву, издателю Москвитянина...* — Письмо Гоголю, о котором здесь говорит Жуковский, было помещено в № 4 «Москвитянина» под заглавием: «О поэте и современном его значении» с пометой: «29 января 1848 г. Франкфурт на Майне»; другое название: «Слова поэта — дела поэта».

ему, что я дружески ему кланяюсь. Обнимите за меня Хомякова и жену его (если позволит); жена обоим им сердечно кланяется. Просим у нашей милой сестры Ек⟨атерины⟩ Аф⟩анасьевны⟩ материнского благословения.

Прошу вас внимательно прочесть письмо к Гоголю и поправить ошибки, чтобы избежать их в печати. Мне самому перечитывать некогда и не хочется. Письмо давно переписано, но я промедлил послать.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 78—79.
Печатается по первой публикации.

362. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Март 1848 г.

Милые друзья, Авдотья Петровна и Катя, пишу к вам несколько строк: глаза не дозволяют более. Я желал бы, чтобы душа моя была более достойна тех испытаний, которые теперь щедро посылает мне Господь. — Он примет желание и призвание недостоинства за то, чего недостает душе моей. Итак, я не увижу ее[1] и не подведу под ее благословение жены и детей — это несказанно горько. А когда посмотрю на то, что кругом происходит, и подумаю о том, что еще может привести с собой будущее, то мысль о этой мирной кончине, о этом тихом приюте в гробе меня умиляет и, если бы смел, то пожелал туда же. Катя, жаль тебя, жаль, что не видала ты этой лучшей минуты в жизни; но и мысли об ней довольно. Простите, милые. О том, что с нами будет, напишу к вам скоро. Теперь должен кончить, чтобы не раздражить глаза. Обнимаю вас и милого, бесценного друга Мойера. Напишите поболее о ваших предположениях.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 79.
Печатается по первой публикации.

363. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Москва 1848 18 марта

Истинно, что человек не сам строит пути свои! Последнее письмо писала вам с грустным убеждением, что вы не будете теперь стремиться в Россию, — несколько дней прошло, и вот всеми силами сердца зову вас, желаю вас, молю Бога, чтоб Вы имели возможность переехать поскорее сюда. Единственный безопасный уголок Европы находится под могущею рукою нашего Царя, и этот уголок от Карпат до Урала, от Белого моря до Черного и далее. Сохрани Господь нашу

[1] *...я не увижу ее...* — Речь идет о смерти Екатерины Афанасьевны Протасовой.

святую тишину! Последний Манифест Государя потряс все сердца до глубины. О, как велика здесь любовь, вера, преданность, неужели дух зла одолеет эти Блага? Приезжайте, друг сердечный, как скоро возможно будет. Оставьте эти вертепы кружения и буйства. Мой дом в Москве в полном вашем распоряжении, покуда будет вам удобен. — Мы помещаемся теперь все, Катя с мужем, которых застала здесь распутица, и прочие дети. —

Катя поражена была жестоко, похудела, побледнела, пожелтела, но покорность любви победила. Она оправляется, хоть горько знать, что Мойер *один*, но он мужчина, и я по слабости ее не смею отпустить прежде весеннего, сухого пути. — Саша Воейк⟨ова⟩ несмотря на распутицу приехала из Петерб⟨урга⟩ за Машею. Это новая грусть Мойеру и Кате, но мешать тому, что она почитает счастием, невозможно. Живем теперь возвращением сестер из Бунина.

Ваше письмо и чудную статью для Шевырева[1] с восторгом прочла. Если б остались мысли для литературы, то этот взгляд на поэзию должен бы сделать переворот во всем. И трогалось сердце, читая то, что вы говорите о Валтере Скотте: все то, душа моя, обращаем мы к вам[2]. Храни Господь миру вашу милую, полезную, добрую жизнь. — Обнимаю вас крепко и милую жену вашу. Мое здоровье весьма плохо, да и забот довольно.

Ваша верная сестра и друг Авд⟨отья⟩ Елагина[3].

---

[1] *...чудную статью для Шевырева...* — Речь идет о статье В. А. Жуковского «Слова поэта — дела поэта» (1848).

[2] *...что вы говорите о Валтере Скотте: все то, душа моя, обращаем мы к вам* — В статье «Слова поэта — дела поэта» Жуковский, сравнивая Байрона и Вальтера Скотта, писал: «С благодарностию сердца укажу на нашего современника Вальтера Скотта. Поэт в прямом значении его звания — он будет жить во все времена благотворителем души человеческой. Какой разнообразный мир обхвачен его гением! Он до всего коснулся, от самого низкого и безобразного до самого возвышенного и божественного, и все изобразил с простодушною верностию, нигде не нарушил с намерением истины, нигде не оскорбил красоты, во всем удовлетворял требованиям искусства. Но посреди этого очарованного мира самое очаровательное есть он сам — его светлая, чистая, младенчески верующая душа; его присутствие разлито в его творениях, как воздух на высотах горных, где дышится так легко, освежительно и целебно. Его поэзии предаешься без всякой тревоги, с ним вместе веруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначение души твоей; он представляет тебе во всей наготе и зло, и разврат, но ты ими не заражаешься, с тобою сквозь толпу очумленную идет проводник, заразе ее недоступный и тебя сопутствием своим берегущий» (Жуковский. ПСС. Т. X. С. 85—86).

[3] Далее следует приписка Кати Мойер:

«У меня предчувствие, что мы на днях увидимся с тобой, милый, бесценный друг, и женой твоей. Сбудется ли оно? Свидание кажется мне так близко, что мне сдается, что ты и не получил нашего письма, что оно не застало тебя. Дай Бог, чтобы это так было. — Маменька рассказала тебе все, что с нами делается. Я точно теперь спокойна. Мысль, что она соединилась теперь с семьей, которую любила ⟨успокаивает⟩. Смущает и тревожит только грустное одиночество моего отца, который сегодня совершенно *один*. Саша вероятно увезла уже от него Машу. Он любит ее почти как дочь, ему грустно отпустить ее. Я однако все еще надеюсь уговорить его приехать сюда. Ему бы необходимо было вырваться из этого пустого, грустного дома, хотя бы на несколько недель. Если бы мы могли написать ему, что ты сегодня едешь, если бы ты написал ему, что

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 46, л. 3—3 об.—4.
Печатается по автографу.

364. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

12 / 4 мая 1848

Вот мы и из Москвы уезжаем опять в деревню. От вас, мой дорогой брат, опять давно нет писаем. Вы знаете, в каком мы беспокойстве о вас, о теперешнем вашем положении и о болезни вашей жены. После моей болезни (о которой писала вам Катя) я плохо оправляюсь, рука еще дрожит крепко и третий день могу только вытти на воздух, несмотря на чудесную весеннюю погоду. — В Москве тихо, спокойно, в иных домах весело на гулянье в Сокольниках. — В деревнях пашут, сеют и думают о дожде и ведре. — Эта резкая противуположность со всей Европой наполняет душу умилением и молитвой. Когда в полночь Светлого воскресения раздался великолепный звон всех Московских церквей и отовсюду стеклись тысячи в разные церкви, то всякий, конечно, почувствовал, *чем* крепка Россия, и помолились, чтобы Бог сохранил ей благословение отеческих нравов и православной веры. — Не знаю, когда мне вас ждать, *куда* вы будете? В недоумении не смею продавать своего дома, хотя стесненные мои обстоятельства того требуют. Если вы будете жить в Москве, то мы *все*, верно, сюда соберемся, и тогда нужно наперед сделать поправки в моем уединенном аббатстве. Если же отвергните Москву, то я продам свой дом и не выеду из деревни. Ваше решение решит и нас всех.

Катя моя уехала уже к отцу: ей должно теперь быть очень тяжело выносить потерю своей доброй бабушки. В Бунине пусто и грустно. Саша Воейкова в самую ростепель приезжала за Машей, которую увезла в Петербург. Но об этом вы уже знаете давно от Кати самой. Ваша дружба, скажу, отеческая забота нужны моей бедной Кате, досадно мне на болезнь свою и бессилие для нее, но вы, друг, будьте ее хранителем, вы более моего ей останьтесь и будете нужнее. — Житье наше в Москве ограничилось (вместо всех предполагаемых удовольствий) моею болезнию и горем о кончине нашей матери, с которой так не во время расстались. Но, видно, так было нужно. Катя не вынесла бы сцен ее кончины. Отвечайте мне поскорее, душа моя, уже в Белеве я получу ваш ответ. Где же писать? Нельзя ли мне выпросить у Плещеева хоть копию с манускрипта? большая отрада души уйти в ваш мир, там часто я живу. — Простите, мой единственный друг. Господь да хранит вас и вашу милую мою семью.

желал увидеть его в Москве, при приезде, то он, наверное, приехал бы сюда. Если это письмо застанет еще тебя, то великое сделал бы ты благодеяние, если б написал к нему и велел бы ему быть в Москве к твоему приезду. Я знаю, каково должно быть в Бунине без нее!

Господь да благословит вас, обними за меня Елизавету покрепче. До свидания.

Твоя Катя».

Chère amie, que Dieu vous conserve et votre santé, que ressentez bonté dans mes bras. J'ai fait une grande, vilaine maladie, qui m'a rendue faible, et incapable d'une longue lettre. Je vous serre tendrement dans mes bras, et toutes mes proches vous embrassent*.

Перевод

* Дорогая подруга, да хранит вас Господь и Ваше здоровье, почувствуйте доброту в моем рукопожатии. У меня серьезная противная болезнь, которая сделала меня слабой и неспособной на длинное письмо. Я Вас нежно обнимаю. Все мои близкие обнимают Вас (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 48, л. 5—5 об.
Печатается по автографу.

365. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Франкфурт на Майне 19 апреля / 1 мая 1848г.

Из приложенного здесь моего письма к Анне Петровне[1], диктованного мною жене, увидите вы, милая Авдотья Петровна, что с нами было за 10 дней перед этим. На другой день после написания письма мы принуждены были уехать из Ганау: там царствует анархия во всей своей неопрятности; здесь во Франкфурте она по крайней мере умыта, причесана и одета, но, вероятно, и здесь скоро разгуляется. Через неделю по приказанию Коппа везу жену в Эмс; с самого приезда из Ганау она в постели, вчера только поднялась и очень слаба, отчего ни к вам, ни к Анне Петровне не пишет; будет писать из Эмса. В Эмсе мы пробудем 6 недель, потом 2 недели отдыха, потом в дорогу — но какую дорогу выберем, этого теперь еще определить невозможно. Мы поедем прямо в Ригу, оттуда в Дерпт, где я намерен оставить жену на зиму, сам же поеду в Петербург и буду к вам. Таков на первый случай план наш. Видишь ли, Катя, что ты напрасно сидишь у Тверской заставы и ждешь нашего приезда. Обними за меня твоего милого отца[2] и скажи ему от меня, что мы с ним друзья и братья на жизнь и смерть. Простите. Прошу переслать и мое письмо, писанное рукою жены, и это, писанное к вам, немедленно к Анне Петровне.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 79—80.
Печатается по первой публикации.

---

[1] *Из приложенного здесь моего письма к Анне Петровне…* — Речь идет об А. П. Зонтаг, см. примечание к письму 23.

[2] *Обними за меня твоего милого отца…* — Речь идет об И. Ф. Мойере, см. примечание к письму 70.

366. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

17 / 29 мая 1848[1]

Милая Авдотья Петровна, я к вам писал недавно. Теперь только два слова. Мне представился случай послать вам свои новые стихотворения: Рустема, Одиссею и сказки. Лярош — ⟨*1 нрзб.*⟩, гвард⟨ейский⟩ офицер, он доставит ваш экземпляр Вяземскому, а Вяземский пошлет его к вам. Если найдете между моими стихотворениями «Мышат»[2], то это будет мне приятно; я же по сию пору не мог отыскать их. В Эмсе я пробуду до 3 / 15 июля. К этому времени еще вы успеете ответить мне и сказать, полюбились ли вам Одиссей Гомерович и Рустем Фирдоусович в русском платье[3]. Но прошу вас держать присланные вам экземпляры про себя и про свой круг, не давать ходить по рукам, не посылать в Москву. Я хочу чтобы все это явилось разом и тогда, когда более внимания к литературной новинке, которая в жизненных обстоятельствах может быть уподоблена известному вам раку на мели или рыбе, ударяющейся об лед. Позже будет более внимания, а вследствие оного и более расхода, а вследствие расхода более и *прихода* — сие же последнее с оных мы имеем теперь великую значительность, то есть багатель, как говорит или говорила некогда пузатая Алина[4]. — Прощайте, милая; пришлось же опять тряхнуть стариной; вы видите, что жив еще Курилка и что он по-прежнему иногда брешет галиматью.

17 / 29 мая 1848 Ж.

Из Эмса мы отправимся 3 / 15 июля[5].

Автограф: ПД, ф. 18, архив П. И. Бартенева, № 27, л. 1—2 с об.
Печатается по автографу.

---

[1] На л. 2 об: «Ее высокоблагородию Авдотье Петровне Елагиной Тульской губернии в уездном городе Белеве в селе Петрищеве».

[2] *Если найдете между моими стихотворениями «Мышат»*... — Речь идет об «отрывке из неоконченной поэмы» «Война мышей и лягушек», опубликованном в № 2 журнала «Европеец» (1832 года).

[3] *...полюбились ли вам Одиссей Гомерович и Рустем Фирдоусович в русском платье* — Жуковский шутливо, используя русскую модель именования по имени-отчеству, величает главных героев своих переводов «Одиссеи» и «Рустема и Зораба», работа над которыми была завершена в 1847 г.

[4] *...багатель, как говорит или говорила некогда пузатая Алина — Алина* — личность установить не удалось; *багатель* — (*франц.* bagatelle), в музыке название маленького инструментального сочинения, написанного в простой форме.

[5] Несколько позже, 19 июня 1848 г., Авдотья Петровна писала Н. Н. Шереметевой: «Нам говорят будто Жуковский наш приехал в Петербург. Не верится что-то. Кажись бы, написал ко мне, а я уж недавно получила от него из Франкфурта, собрался в Эмс для здоровья, а сюда хотел быть в августе. Какие у вас известия о ваших милых Якушкиных? Все они, по земле разделенные, очень украшают Божью землю» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 57).

367. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Kronthal près Soden. 1848 6 / 18 авг⟨уста⟩

Из начала моего письма к Вяземскому, с которого копию вам посылаю[1], милая Авдотья Петровна, вы узнаете, что со мною делается. Вот уже три недели, как мы переселились в Кронталь прекрасная долина близ Франкфурта и Содена); здесь жена отдыхает; отсюда хотели мы пуститься в путь возвратный; но холера загородила нам дорогу, и не одна холера, но здоровье жены не поправилось; ей нужно будет, проведя зиму в хорошем климате, еще попробовать Эмса. Если бы не было

[1] *Из начала моего письма к Вяземскому, с которого копию вам посылаю…* — Начало письма В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому:

«Кронтил, близ Содена, 23 июля / 5 августа 1848.

Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо и за донесение о том, что у вас теперь происходит — это несколько за вас успокоило, хотя громовая туча все еще стоит над вашею головою неподвижно. Но мне на вас почти завидно; вы окружены бедою, которая выходя из руки всемогущей, выходя из природы, неповинной в том зле, которое из нее истекает, вселяет один только *ужас*, вы *дома*, вы страждете *в своей семье*. А я на *чуже*; и вокруг меня свирепствует беда, производящая не один благоговейный ужас пред Властию Верховною, но и негодование против безумия и разврата человеческого. Как бы я был счастлив, если бы уже *теперь* был дома; пускай бы там холера *нашла* меня; но *самому искать* холеры вместе с женою и детьми, вести свою семью ей на встречу и, может быть, ей на обед, на такую ответственность не могу и не должен решиться. Судьба играет мною в волан; только что холера *революции* взбросила меня своею ракетою в направлении к отечеству, как холера *tout court* своею отодвинула назад; может быть, попаду на холеру *междуусобной войны* — куда отшвырнет эта, Бог один знает. Но Его воля состоит в том, чтобы мы следовали укзанию *настоящей минуты*, в которой она ясно выражается. И здесь для меня ясно, что я не должен отдавать своей семьи на произвол заразе. И я не с горем пополам, а с горем по горло остаюсь на зиму за границею. Мои все приготовления к отъезду сделаны; я сдал свой дом во Франкфурте; все свои мебели продал или раздарил; все свое нужное уложил и отправил: оно теперь в Штетине и скоро будет в Петербурге. С одним необходимым отправился в Эмс, и там дошла до меня первая весть о холере. Мой план был поселить жену и детей в Лифляндии (*первую* зиму жене нельзя провести в Петербурге; это ей Копп и здравый рассудок запрещает), сам хотел съездить в Петербург, потом в Москву, потом возвратиться в Лифляндию и провести зиму с семьей в Дерпте. Но холера, еще не отсвирепствовав у вас в Петербурге, уже послала передовых занимать для нее квартиры в Лифляндии; именно к тому времени, в которое мне надобно будет пуститься в путь, там будут *все* квартиры ею заняты; когда же она их очистит и отправится в дальнейший путь, то нам будет уже поздно пускаться в наш путь: наступит холод, который для жены после Эмского лечения может быть весьма вреден. Таково мое приятное положение: я кувыркаюсь в воздухе между ракетами двух холер. И при этом какое разорение для кармана. И при всех этих удовольствиях надобно еще слышать и слушать вой этого всемирного вихря, составленного из разных бесчисленных криков человеческого безумия, вихря, который грозится все поставить верх дном ⟨…⟩».

Это письмо Жуковского печатается в собрании его сочинений под заглавием «О стихотворении: Святая Русь (Письмо к кн. Вяземскому)», но с опущением в начале письма всех подробностей касающихся частной жизни Жуковского (см.: Сочинения Жуковского, изд. 8, т. VI, СПб., 1885. С. 160—169; Полное собрание сочинений В. А. Жуковского / Под ред. проф. А. С. Архангельского, т. X, СПб., 1902. С. 120—124).

холеры, я бы непременно поехал в Россию; но понеже холера запрещает ехать, то уж лучше воспользоваться бедою и прожить, где можно, до будущей весны за границею. Копп сперва было назначил Швейцарию; но там дорого; не по моим средствам. Он потом повелел нам переселиться в Баден, где воздух горный, здоровый, где никогда не бывало никакой эпидемии и куда, следственно, холера не заглянет. Итак, еще раз надобно отложить нам наше свидание. Уж увидимся ли когда-нибудь? Горе берет; горе от разлуки, горе от причин этой разлуки. Бедная моя жена! Бедная моя семейная жизнь! Но я на это не смею сетовать подведши итог, я должен сказать, что моя теперешняя жизнь лучше прежней; та была беззаботнее, harmloser*; теперешняя значительнее, гораздо тревожнее и испытаннее, но гораздо с большим достоинством, или лучше сказать (чтобы не схвастаться, с большим знанием, в чем состоит истинное достоинство жизни. — Если Бог велит, мы увидимся; слишком на это надеяться не надобно; уже одна такая надежда жестоко обманула. Но мы все-таки под одной кровлей; Бог сведет нас, может быть, еще и здесь и даст несколько друг другом порадоваться. Мне очень тяжело оставаться еще на девять месяцев посреди этого германского хаоса, который грозит проглотить общество; мы здесь живем на горячей лаве; нельзя ни на что понадеяться; хотя я всему чужой, хотя я ни в чем не принимаю участия, но сердце кипит злобою на неправду, которая, как публичная девка, бегает растрепанная и пьяная и бешеным криком сзывает вокруг себя своих поклонников, которые все ломают, чтоб вновь построить. Приложенная моя брошюрка[1] напечатана для ее сообщения моим здешним и домашним соотечественникам. Посылаю ее вам. Да скажите, получили ли Рустема и Одиссею? Каковы вам показались эти два детища моей старушки Музы? Я, признаюсь, люблю их более всех старших: Одиссея останется моим памятником. Напишите об них. Адресуйте пока письма во Франкфукрт н⟨а⟩/М⟨айне⟩: Saxenhausen, Schaumeinthor**. Там будут знать, когда я переселюсь в Баден. Простите, моя милая; и вам будет обо мне грустно, как мне об вас. Сообщите это письмо Анне Петровне. Не знаю, получила ли она мое письмо диктованное? Я не имел ответа. Обнимаю вас, Анету, Мойера, Катю с мужем и милую Машу Киреевскую и Лилу. С вами ли Дуняша Пелопидас? Дружеское ей рукожатие и Наталье Андреевне также.

Ваш Ж.

Жена в постели; потому к вам не пишет; но нежно вас целует. Милое, крепко испытанное создание! Золото в горниле!

---

[1] *...приложенная моя брошюрка...* — «Об этой же брошюре Жуковский писал 9 (21) августа 1848 года А. Я. Булгакову следующее: «Посылаю тебе, душа, коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для немногих русских, здешних и домашних. Два экземпляра; пошли один из них Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя, никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, вели сделать список и пускай ходит по рукам манускрипт. Иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего на все напечатал 40 экземпляров, из которых не более десяти пойдет на родину» (см. Соч. Жуковского, изд. 7, т. VI. С. 579)» (Примечания И. А. Бычкова. РБ, С. 124—125).

Перевод

* безвреднее (*нем.*).
** Заксенхаузен, Шаумайнтор (*нем.*).

Автограф: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 101, л. 9.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 123—124.
Печатается по автографу.

368. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

5 сентября 1848.
Петрищево.

Друг мой, что скажу я вам? Лила моя умерла[1]. — Долго не могла собрать души, чтоб написать это, а это сделалось. — Она скончалась 4 июля нервною горячкою. Вы не знали ее, видели ребенком и оценить не могли. Нельзя вообразить, как возвышенна была душа ее, сколько любви было в ее прекрасном сердце, с какою верою и кротостью приняла она смерть. Не могу писать, а если увидимся когда, расскажу. Скорбь по ней общая; в деревне нет семьи, где бы она не была ангелом добрым, лечила, кормила, помогала. После кончины Андрея она взяла на себя почти все домашнее хозяйство, а после отца решительно всякое бремя сняла с меня, была мне рукою, глазом, цветом души моей и лучшая радость. — Она начинала только жить и в бреду повторяла: je veux être utile, utile* — тяжело мне нести гнев Божий, жизнь моя теперь мне непонятна, и я почти здорова[2], —

Благословен се Господи, научи мя оправданиям твоим!

Здесь около нас свирепствовала ужасная холера и теперь еще не совсем прошла. С июня начали умирать люди, и до сих пор каждый день копают могилы. Урожай был очень плох, а засуха отнимает надежду на будущий хлеб и грозит голодом. Пожары истребляют жилища; нет недели, как у нас сгорела тульская деревня со всею жатвою, нынче собранной, и со всеми запасами прошлого года. Конечно, это не безумие европейской толпы, но ум человеческий не приберет, что против этого делать. Покорность наша похожа на отчаяние. Как же не благодарить Бога, что вам в это время доступен Рустем, Одиссея, что

---

[1] *Лила моя умерла* — Дочь А. П. Елагиной Елизавета Алексеевна (1825 г. рождения) скончалась 4 июля 1848 года.

[2] *...жизнь моя теперь мне непонятна, и я почти здорова...* — О состоянии А. П. Елагиной сообщала 3 сентября 1841 г. в письме к Жуковскому Катя Мойер из Бунино: «Она была лучшей радостью и надеждой всей семьи; похоронив ее, жизнь всех нас стала так пуста и так грустна, что мочи нет. Бедная моя маменька несет крест свой лучше всех нас, на вид она спокойна и покорна, но это стоит ей дорого. Твердость ее отзывается на ее здоровье, которое очень нехорошо» (РГБ, ф. 104, к. 7, № 49, л. 1).

Рок неумолимый
Свой гром неотразимый
Бросает мимо вас![1]

Уходите в ваш благословенный, другой мир! Здесь шатко, страшно, скверно. Я давно получила ваши милые книги, но прочесть могла только недавно, и то как! Я глядела на них, как глядят на великолепный бриллиант, постигала всю красоту и наслаждалась ею. Душа моя мертва, кажется, весь цвет жизни положила я в гроб моей Лилы, вместе с теми розами, посреди которых она лежала, как ангел прекрасная. — Друг мой, всей горечи моего уныния не могу рассказать вам. *Хочу* покорить сердце воле Божией, но не нахожу в себе кроме страдания ничего. Эту волю не принимают с горьким страданием на небеси, а я не могу. Когда Лила говорила: «Не отпустите меня!» — я ей в ответ говорила: «Не отпущу, Ты моя». Если б вы знали, какое она была сокровище!

Ну, вот и с вами свидание еще отложено! Если увидимся, что будет, надеюсь, то увидимся пустыми, бездушными тенями, все свое наперед в другую жизнь отправившими. — Я с трепетом гляжу теперь на своего Николу (ведь он один со мною, Вася отдан Мойеру); схоронивши брата, сестру, он ходит унылый и худеет ежедневно. Обнимите за меня Елисавету, мою милую сестру. Когда Бог даст мне несколько побольше силы, напишу к ней и к вам больше. Теперь простите. Благословляю ваших-моих детушек.

Ваша Ав. Елагина.

Анна П⟨етровна⟩ здорова в Мишенском с Петерсеном, который у нее хозяйничает. Киреевские едут в Москву произвести на свет пятого мальчишку. — Дунечка окружена тремя маленькими девчонками, красавицами как ⟨*1 нрзб.*⟩, вашу брошюрку читали все вместе и теперь я послала ее Хомякову. Мойер был очень болен, отчего моя больная Катя совсем стала лучинкой. Теперь там все здоровы и обещают ко мне пожаловать.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 46, л. 7—7 об.—8.
Печатается по автографу.

369. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

15 октября 1848

Где вы теперь? Мой дорогой брат! Сердце смущается за вас. — Баден также страшен, как и вся остальная Европа. Холера почти везде прошла, если бы вы решили пуститься по железной дороге, то спокойнее сидели бы в теплой комнате,

[1] *Рок неумолимый ⟨...⟩ Бросает мимо вас!* — Стихи 328—330 из Послания «К Батюшкову» (1812) В. А. Жуковского; в письме изменена последняя строка. У Жуковского — «Бросает мимо нас» (ПСС2. Т. 1. С. 194).

где нечувствительны перемены климата. — Жестокое время испытаний! Каждый вздох сердца говорит: Господи, помилуй! — и почти сил нет обратить ум на что-нибудь другое. Когда это письмо дойдет к вам, Сашке будет уже 6 лет! В какое время они растут! О, пошли вам Господь возможность укрепить сердца их и научить их покорять свою волю воле Божией. Все буйство, все корыстолюбие, от всего такого, что никто *не может* ни от чего отказываться. Всякая роскошь *нужна*, всякий комфорт *необходим*. Учите, как обходиться, учите всякому пожертвованию: это дает силу. — Сердечно хотелось бы пожить с вами, но, кажется, пути наши опять разойдутся. Предчувствую, что вы поселитесь в Лифляндии и даже около Мейергофа. Ну, лишь бы Бог помог вам в Россию поскорее возвратиться.

О себе что вам сказать? Я теперь опять в Бунине, где отсутствие главного нашего центра оставило незаменяемую пустоту. И Кате, и Мойеру, всем тяжело и горько в этих больших, пустых комнатах. — На ваше возвращение были надежды на перемены их образа жизни, но с кончиной тетушки начали видеть, что все наше вместе должно ограничиться любовью и разлукой. Точно как будто все мы перешли в другую (желанную) жизнь, не земную.

Обнимаю вас покуда. Пишите, прошу вас, хоть несколько строчек.

Ваша Авд⟨отья⟩ Елагина.

Chère soeur, voilà que votre fille a six ans! Que Dieu la bénisse! Qu'il lui conserve ses parents comme la premère bénédiction. — Je vous embrasse avec toute la vive affection que j'ai pour vous, priez pour moi, et que Dieu donne paix à mon coeur. Marie et Cati vous embrassent*.

Перевод

* Дорогая сестра, вот и вашей дочери 6 лет! Да благословит ее Господь! Пусть Он сохранит ей её родителей как первое благословение. Я вас обнимаю с большой любовью, которая есть у меня, помолитесь за меня, и пусть Господь даст покой моему сердцу. Маша и Катя вас обнимают (*франц.*).

РГБ, ф. 104, к. VII, № 46, л. 9—9 об.—10. Автограф.
Печатается по автографу.

370. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1 / 13 января 1849, Баден-Баден

Обращая при начале Нового года взгляд на прошедшее, не одни происшествия внешнего мира вспомнишь, вспомнишь и о том, что происходило в мире твоей души. Есть особенно три давнишних случая, которые тревожат душу мою и которые все однако мною оставлены без внимания. Это чистый грех против

Бога. Это ненавистная лень, которой мы даем над собою такую волю, лень, производящая все наши пороки, есть не иное что, как сам губящий душу дьявол. Помогите мне, милый друг Авдотья Петровна, загладить, сколько возможно, мой грех, к несчастию, вполне уже незагладимый. Первое, я слишком забыл своего старика Максима[1]; правда, он был пристроен, был сыт и одет; я поручил его доброй Авдотье Васильевне[2]; но я был обязан и сам об нем помнить. Напишите, прошу вас, мне об нем: что с ним теперь делается? Если мой старик умер, то научите, что я могу сделать в пользу его близких (если он кого-нибудь из близких по себе оставил), а если их нет, то я желал бы на ком-нибудь постороннем загладить вину свою. Прошу вашего доброго совета. А Авдотью Васильевну поблагодарите за ее милости к старику моему. Знаком этой благодарности отдайте ей ваш экземпляр моего нового издания сочинений[3]; а для вас бережется особенный, который вы получите от меня из рук в руки. Вторая, более тяжкая вина моя, которую едва ли можно будет сколько-нибудь поправить, состоит в том, что я остался в долгу у честного Андрея Калмыка, который так усердно служил мне и обо мне заботился во время моего рыцарствования в 1812 г.; с Октября месяца до моего возвращения в конце кампании в Муратово он был со мною; я обещался позаботиться о его дочери, дать ей приданое, и ничего не сделал. В то время не было у меня средств, после я имел их… Но дело в том, что я не подумал об этом. Теперь как поправить? Где Андрей? Его уже нет на свете? Что сделалось с его дочерью? Дайте об этом весть и с вестью дайте совет, что сделать — если уже не им, то хотя в замену их кому другому. Наконец, третье, слишком для меня грустное. Моя добрая старушка Авд⟨отья⟩ Степ⟨ановна⟩ Астракова[4], которая была так любима моею покойною Матушкою, умерла в крайней бедности. Я помогал ей; но я бы должен был гораздо более для нее сделать. После нее остались две дочери. Они должны быть в тесных обстоятельствах. Я бы желал сделать для дочерей то, чего не сделал для матери. И в этой третьей беде вы, моя милая, должны быть мне помощницею. Не можете ли отыскать следа их? Мне было бы великою радостью заплатить им по силам за их добрую мать, которая так любила мою и которую я сам особенно любил за ее редкое, честное добродушие. Вот вам моя исповедь на Новый год; примите ее к сердцу и поступите, как духовная мать, помогши мне сложить с души тяготящее ее бремя. Я уже поздравлял вас с Новым годом; тогда он приближался, теперь наступил. Да принесет он вашему сердцу крепость и достойное его утешение. Помоги нам Бог так покоряться Его воле, как Он того сам от нас требует: другой

---

[1] *…забыл своего старика Максима…* — слуга Жуковского, см. примечания к письмам 80 и 107.

[2] *…я поручил его доброй Авдотье Васильевне...* — Авдотья Васильевна Вельс, см. примечание к письму 61.

[3] *…экземпляр моего нового издания сочинений…* — Последнего, печатавшегося при жизни Жуковского, в Карлсруэ.

[4] Моя добрая старушка Авд⟨отья⟩ Степ⟨ановна⟩ Астракова... — Московская знакомая В. А. Жуковского, см. примечание к письму 81.

цели нет для здешней жизни. Обнимаю вас всем сердцем. То, что здесь писано, останется между нами.

Ваш Жуковский.
1 / 13 Генваря 1849,
Баден-Баден

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 99—100 с об.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 126—128.
Печатается по копии.

371. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

19 го января 1849[1]
Бунино

Благослови Бог вас, мой несравненный! — Благослови Бог вашу здешнюю семью счастием снова свидеться с вами. Это письмо придет к вам, вероятно, к 29-му. Опять всех своих здешних пересмотрите душевною мыслью и поздравьте их. Несколько дней тому назад и я переступила 60-ю ступень моей жизни. Покорная воле Божией, буду жить как и сколько ей угодно будет, стараясь мир Христов приобресть обремененному сердцу. —

Я не *ленюсь* писать к вам, это было бы мне утешением, но часто не могу. И одна страничка бывает мне так утомительна, что я плачу за нее несколькими днями страдания. Я ехала в Бунино, условясь вместе отправить к вам соборное письмо к Новому году, приезжаю 23 Декабря, застаю Василия в желчной горячке; не успел еще он встать на ноги, как Катя занемогла такими сильными нервными судорогами, что мы все отчаивались каждую минуту ее выздоровления. С 1 Генваря по 9-е она не уснула ни днем, ни ночью, ломала себе руки от боли и даже кричала. А вы знаете ее терпение. 9-го сделался кризис, как говорит Мойер, образовался нарыв в горле. Этот нарыв утомил ее так, что она лежала несколько дней полумертвая. Наконец, 16-го он прорвался, и тогда только могли мы поздравить друг друга с надеждой на выздоровление. Теперь она лежит слабая, бледная, плюет еще мокроту с кровью, но уже может говорить и даже вчера проглотила несколько ложек бульону. — Силы ее будут медленно восстанавливаться, но, Бог даст, будут, и нервы эти успокоятся. Может быть, и ей нужны будут морские купания, но Мойер, до сих пор *ничем* ее не лечивший, ни о каком путешествии и слышать не хочет. Конечно, ехать бы к вам навстречу было бы всем нам счастье, но где же возможность? — Нынешний голодный год, не знаем, как прокормить себя и крестьян; давно такой нужды не было. Мы нисколько не остановимся войти в долг для восстановления

---

[1] Дата устанавливается на основании слов Авдотьи Петровны о том, что несколько дней назад ей исполнилось 60 лет: Елагина родилась в 1789 году.

здоровья нашей Кати, но надобно для того, чтобы вырвать ее из Бунина, почти ссориться с Мойером, а ссора с ним ее убьет. Такой железной упругости я и не воображала. Может быть, Бунино было для Кати и приятно, если бы не держал он их тут как в тюрьме. — Трудно старику понять нужды молодых, и много надо любви, чтобы жертвовать своими мечтами и удобностями. Когда вы приедете, то должны их *требовать* к себе; — приедете в Москву или останетесь в Ревеле, все равно. С вашим требованием авось удастся выслать отсюда Катю с мужем. О себе ничего сказать не могу, я не располагаю мыслью за неделю вперед; но вы все-таки напишите день вашего выезда. Кто знает, как будет весною? Боже мой! Увидеть опять вас! Детей ваших! милую Елисавету, а может быть, пожить немного вместе! Хорошо бы перед предстоящим переходом в вечность набрать силы на радость.

Вы спрашиваете о ваших поэмах. Душа моя, мне стыдно сказать, как они шевелят мою душу. Лучше Рустема, кажется, ничего еще на свете не было. И в какое время вы прислали его моей бедной душе! Слава Богу, что вы опять принялись за Одиссею. Кончайте ее, привозите нам на наслаждение семейных вечеров. Как я радовалась Бадену, я давно слыхала о Гугерте[1], и кажется само Провидение указало вам убежище, где хранилось исцеление милой Елисаветы. — С чего вы берете, что мы не верим ее болезни? По крайне мере на меня не возводите этой чепухи! Кто знает это чистое, богобоязненное создание, тот не может ей *не верить*, не может даже приписывать излишней мнительности. В ней видна энергия любви и самоотвержения; *я верю* и тому, что Господь возвратит ей здоровье и бодрость, для подкрепления дряхлых и горьких членов семьи вашей, для вас, душа моя, мой брат сердечный, для милых детей, которых обнимаю и благословляю всеми моими молитвами! Вот и крестнику моему четыре года!

Ваша Авд⟨отья⟩ Елагина.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 30—31 с оборотами.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М., 2001. Вып. 126. С. 361—363.
Печатается по автографу.

372. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

13 февраля 1849[2]

С глубоким чувством принимаю к сердцу ваше письмо, друг бесценный. Если ваша душа смущается незагладимым грехом, то совесть может быть спокойна. В том-то и дело, что прошедшее *вечно* остается, каким мы его сделали, будущее может осветить, очистить душу, но не изгладить того, что было. Вашей милой душе

[1] *...я давно слыхала о Гугерте... — Гугерт*, известный немецкий врач, популярный среди русских, находившихся на лечении в Германии.

[2] Датируется как ответ на письмо Жуковского от 1 / 13 января 1849 года.

не должно придумывать себе лишней тяжести; и лишние scrupules* суть наущения Диавола. В замену того, что не сделано было для ваших подданных, продолжайте помогать другим бедным. Когда возвратитесь, укажу вам некоторых. Максим умер недавно после долгой болезни, ему было не дурно жить. Дунечка снабжала его всем нужным, да и мы ведь в версте были. У него не осталось решительно *никого*, и на кладбище провожали мы с Нат⟨альей⟩Андр⟨еевной⟩. Андрей Калмык также умер и все его тоже и даже проведать о них довольно мудрено, но я отыщу следы и вас уведомлю. Авдотья Степановна умерла в Шереметевской больнице[1], где ей было очень спокойно и хорошо, я ее там навещала. Дочери ее нуждаются во многом, старшая за квартальным, очень злым и дурным человеком и очень жалка. Меньшая была за добрым, честным немцем, но он умер, и брат его помогает ей и дочери ее. Я также (пока была в Москве) много помогала ей и даже на свой счет хотела поместить к одной англичанке учиться портному мастерству, однако мать не захотела и отдала ее в какое-то благотворительное заведение учиться по-французски. Я теперь писала к ним, и все, что узнаю, о их недостатках, сообщу вам. Есть еще внуки священника, для которого древность славила Амфиона[2], очень жалкие и очень честные женщины. Но все это да не тревожит ваш сон и праздники на Новый год. Возвращайтесь сюда в мире; не эти представят исправление. *Ума лишают истины от сынов человеческих*[3]. — Люди нуждаются в правде. —

Соблюдите вашу чистую душу и много, много принесется здесь пользы и все грехи ваши (да и наши) загладятся.

Я недавно возвратилась в Петрищево. Кате лучше, и авось весна восстановит здоровье ее и мужа ее. Оба страдают. Здесь приехала ко мне сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩, которая провела у меня неделю масляную. Она преспокойно уживается в своем уединении, занятая всякими мелочами и тщательным собиранием и коплением доходов. Петерсен у нее хозяйничает, но ему весьма тяжело. Он много возвысил душу и все кажется лучшеет, также и жена его.

Иван Вас⟨ильевич⟩ мой хочет сына отдавать в лицей, но говорит, что без протекции ничего сделать нельзя. Не можете ли вы в этом случае помочь нам? Даже письмо, или что другое, ко властям предержащим? — Меня очень огорчает это решение Вани, но, видно, вынуждены обстоятельствами.

Простите, мой добрый Ангел. Храни вас Господь. Не пишу Елисавете, потому что сильно болит голова. Экземпляр свой отдала Дунечке, а Катя свой послала Батенькову в Сибирь. — Какая душа этой Кати! Как много в ней материнского.

---

[1] *Авдотья Степановна умерла в Шереметевской больнице…* — А. С. Астракова, см. примечание к письму 81.

[2] *…древность славила Амфиона…* — В греч. мифологии Амфион и Зет — братья-близнецы, сыновья Зевса и Антиопы, строители города Фивы; от игры Амфиона на волшебной кифаре, подаренной ему Гермесом, камни сами складывались в возводимые братьями городские стены. Ср. у Жуковского в послании «К князю Вяземскому» (1814): «Нам славит древность Амфиона: / От струн его могучих звона / Воздвигся город сам собой» (ПСС2. Т. 1. С. 357).

[3] *Ума лишают истины от сынов человеческих* — Неполная и неточная цитата из текста Псалтири: «Оскуде ныне истина от сынов человеческих» (Пс. 11. 2.3).

Перевод

* душевные терзанья (*франц.*).

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 32—33 с оборотами.
Печатается по автографу.

373. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

1849 год[1]

Жаль мне бедной старушки Авдотьи Степановны. Знаю, что состояние дочерей ее не весьма завидное; надобно об них позаботиться. Прошу вас помогать им по возможности за меня; а что на это истратите, то получите от Родионова[2]; только прошу вас уведомлять его немедленно и не тратить за меня своих денег. Это вам не позволено. Еще одно важное поручение. Я просил покойную Авд⟨отью⟩ Степ⟨ановну⟩, чтоб она наблюдала за тем, чтоб могила моей покойной матушки[3] была в порядке. Прошу вас спросить об ней дочерей Авд⟨отьи⟩ Степ⟨ановны⟩; они должны знать, где она, и вам ее укажут. Нужно сделать, может быть, кое-какие поправки; вы, верно, не откажетесь об этом позаботиться, если найдете это нужным. Сделайте только необходимое. Я доделаю по возвращении.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 101.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 128.
Печатается по копии.

374. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2 марта 1849[4]

Господь вас видимо любит и не хочет, чтобы совесть ваша возмущалась. Я уверена, что этот взгляд горький на прошедшее для того вам был дан, чтобы ваша добрая помощь пришла во время. Дочери Авд⟨отьи Степ⟨ановны⟩, которых уже 4 года потеряла из виду, находятся в великой нужде; насилу могла отыскать одну, меньшую. Старшая уехала с мужем в Петрозаводск, где муж вступил в службу. — Меньшая (Катерина) взяла к себе дочь из пансиона (девушку уже лет 18) и живет в крайней бедности у какого-то землемера, который дает ей угол. — На первый

[1] Датируется как ответ на письмо Елагиной от 13 февраля 1849 года.

[2] *...получите от Родионова...* — Р. Р. Родионов, см. примечание к письму 322.

[3] *...могила моей покойной матушки...* — Мать Жуковского, Елизавета Дементьевна (ум. в Москве в 1811 году) была похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря.

[4] Датируется на основании сообщения Авдотьи Петровны о судьбе детей Авдотьи Степановны Астраковой, умершей в 1848 году.

случай, я послала от вас деньги, а Никола, который сейчас едет в Москву, узнает все ее нужды и от вас еще снабдит всем, что следует. — Когда возвратитесь, сочтемся. — Тем более это жалко и странно, что братья мужа Катерины давали ей и дочери порядочное содержание, а двоюродные братья (дети Ивана Васильевича) — богаче и вас и меня. — Не тревожьтесь ваших мыслей, что могу, то сделаю. Блажен муж, ему же не вменит Господь греха[1]. Берегите ваше здоровье и светлость райской вашей души; если нам суждено будет увидеться, то многие раны исцелите, а неисцелимые не столько болеть станут. — Если же нет, то будьте другом моим добрым, беспомощным мальчикам. Все благородные, хорошие люди — и все не знают ничего житейского, все живут в особенном мире.

Я постоянно больна, и болезнь Катина еще меня расстроила. Но не ропщу. Ведь и на здоровье есть время.

Ваня Кир⟨еевский⟩ хочет отдать сына в Лицей, но года уже почти прошли до которых принимают, то нужно особенную протекцию для получения позволения записать в Лицей и поместить в преуготовительный Пансион. Он приступает, чтобы об этом к вам написала, но думаю, что Вам издали мудрено будет действовать. Впрочем, любви все возможно.

Простите. Обнимаю милую мою Елисавету. Храни вас всех Господь! Кате лучше, но у нее еще сведена челюсть и открыть рта еще не может. Василий очень худ, после болезни, но приезжал ко мне на 1-е Марта. Сестру Ан⟨ну⟩ П⟨етровну⟩ не видала, она боится дороги и ухабов.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 34—35 с оборотами.
Публикуется впервые по автографу.

375. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

6/18 марта 1849[2], Баден-Баден

Благодарствуйте, моя милая душа, за ваши письма. Нет голоса отзывнее вашего в моем сердце. И мы так розно, так давно розно! И на земле, кажется, только что можем *видаться*, а уже не быть вместе — это дает надежду на житье неразлучное в другом порядке, на вечное вместе. Но Богу все можно; может случиться, что и здесь нам даст Он годок этого вместе, как образчик того, который уже не будет считаться годами. Не будем загадывать; а будем каждый, однако, со своей стороны делать все, чтобы сберечь себя для веселого, здешнего свидания. Та сторона упрочена; там много ждут; и изрядный обоз туда отправлен… Но я не собираюсь теперь много писать к вам; написал длинное письмо к Анете, которое здесь,

[1] *Блажен муж, ему же не вменит Господь греха* — Неполная и неточная цитата из Псалтири: «Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха, и в чьем духе нет лукавства!» (Пс. 31. 1.2).

[2] Дата устанавливается на том основании, что этим же числом датировано письмо к А. П. Зонтаг.

как дополнение, прилагаю с письмом жены к вам и к ней. Прочитав то, что ей принадлежит, отправьте его к ней немедленно. Заметьте то, что жена записала из изречений Александры Васильевны и Павла Васильевича[1]. То, что эта мордашка импровизировала о мертвой дочери, записано так, как жена подслушала слово в слово — не правда ли прелесть? Даже есть какой-то метр. Ох! как бы весело было их показать вам! Вы бы подивились глазам этой Сашки в некоторые минуты, когда они чудно *чем-то* блещут. Я бы желал, чтобы вы увидели Павла *теперь*, он, верно бы, напомнил вам меня мальчиком. В нем все мое: помоги Бог мне прожить столько, чтобы указать ему прямую дорогу *ранее*, чем мне она была указана. Помоги Бог дать ему то развитие умственное, которое было бы так животворно для меня, когда бы я получил его во-время; дай Бог избавить его от того колоссального невежества, которое я всю жизнь, как Атлант, носил на плечах моих. У него вся моя натура: ему можно дать чудную деятельность воспитанием; такую же, как моя *чудная недеятельность*, данная мне моим невоспитанием, благодаря негативным попечениям портного Акима Ивановича[2], Христофора Филипповича Роде[3], Филата Гавриловича[4] и убийственной легкости тех успехов, которые даром приобретал я в Университетском Пансионе, дабы после впрок просолить мое невежество в Главной Соляной Конторе[5]. Но Одиссея почти переведена; она будет прочным памятником литературной жизни моей. Теперь исключительно надобно приняться за другую науку, для которой учености не нужно, а только воля, за науку прощаться с здешней жизнию для высшей, смиряя свою душу и готовя к тому же смирению души детей моих. Аминь. Хорошенько разведайте о дочерях Авдотьи Степановны: не думайте, чтобы я имел в виду задобрить Бога добрым делом; нет, для этого нужно иное, и это иное только Он сам даст, а наше дело *ждать, ждать и ждать*. Я просто здесь жалею о моей доброй старушке, для которой не сделал того, что был должен сделать: покойная Матушка так ее любила, и она была так к ней привязана. Да и сама какое доброе была создание! Подумайте за меня, что можно для дочерей сделать. Ну, прощайте, душа моя. Здесь письмо от жены и портрет Павла Васильевича, ею для вас нарисованный. Похож только в целом: лицо не похоже. Уведомьте поскорее о Кате. Слава Богу, что ей лучше; но все страх берет за нее. Давно бы пора

---

[1] *...из изречений Александры Васильевны и Павла Васильевича* — детей В. А. Жуковского.

[2] *...благодаря негативным попечениям Акима Ивановича...* — Об этом первом учителе Жуковского, немце Якиме Ивановиче, портном, выписанном из Москвы, см. в Воспоминаниях А. П. Зонтаг о первых годах детства В. А. Жуковского, напеч. в Русской Мысли 1883 года, февраль, с. 273—274.

[3] *...Христофора Филипповича Роде...* — Содержатель пансиона в Туле, в котором учился Жуковский.

[4] *...Филата Гавриловича...* — Феофилакт Гаврилович Покровский был старшим учителем Тульского народного училища, в котором обучался Жуковский (см. о нем: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895. С. 193; С7. Изд. 7-е. Т. VI. С. 444.

[5] *...мое невежество в Главной Соляной Конторе* — В Главной соляной конторе Жуковский служил с 15 февраля 1800 по 30 апреля 1802 (см. в его формуляре, напечатанном в РА, 1902. Кн. II. С. 81).

ей дать вам маленького Ивана Васильевича и Авдотью (Марью) Васильевну. От петербургских наших знатных фрейлин[1] я ничего не имею. У них для меня нет сердца. Придворная фрейлинская жизнь не для всех добрая почва. Я отложил попечение надеяться от них какого бы то ни было участия. Прощайте, прощайте.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. л. 102—103 с об.
Впервые опубликовано: РБ, 1912, № 7—8. С. 128—130.
Печатается по копии.

376. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Базель 17/29 мая 1849 г.[2]

Милая Авдотья Петровна, к вам газеты доходят поздно; но все уже, вероятно, вы теперь знаете, что в Бадене кипит революция, и зная это, конечно, о нас беспокоитесь. Бог не выдаст, свинья не съест. И свинья — революция нас и не понюхала. Мы переехали в Страсбург, оттуда в Базель и завтра в Берн; что будет далее, о том вас уведомлю. Одиссея кончена и отпечатана, но как-то она проберется между Сциллой и Харибдой к берегам Итаки[3] — России — не знаю. Вот вам ответ, полученный мною от принца Ольденбургского. Он точнее любезного моего приятеля Ивана Васильевича: тотчас меня уведомил. — Я еще не благодарил вас за уведомление меня о Астраковых. Прошу теперь сделать одно: дать им знать, чтобы всегда держали вас и меня в известности о месте своего пребывания. Что вы сделаете для них теперь, все будет прекрасно, и мы при свидании сочтемся. — От Анны Петровны получил предлинное письмо и престранное. Я писал к ней, чтобы для наполнения теперешней пустой жизни принялась за воспоминание о прошедшем и, что вспомнится, записывала бы без всякого порядка и плана. Об этом я просил ее *для себя, и для вас, и для нас*, бывших когда-то в одном Эдеме. А она вообразила, что я ее сажаю писать мемуары для света, по образу и подобию Маркизы

---

[1] *От петербургских наших знатных фрейлин…* — «Дочери Александры Андреевны Воейковой: Александра Александровна (бывшая фрейлиною великой княгини Марии Николаевны) и Марья Александровна (бывшая фрейлиною великой княгини Александры Иосифовны)» (Примечания И. А. Бычкова. РБ, С. 130).

[2] Датируется как ответ на письмо А. П. Елагиной от 2 марта 1849 года и на основании сообщения о переезде семейства Жуковских в Берн «завтра». В письме к Н. Н. Шереметевой от 24 июня 1849 года Авдотья Петровна сообщает о Жуковском: «От нашего милого Жуковского недавно имела письмо: он понимает мою сердечную о нем заботу. Он теперь в Берне, уехал из Бадена во время, и *свинья-революция* (так он пишет) не успела его напугать. Когда Бог приведет его домой — это еще неизвестно. Поневоле шатается из стороны в сторону. От вас и об вас напишу ему всё» (РГБ, ф. 340, к. 34, № 5, л. 60 об.).

[3] *…она проберется между Сциллой и Харибдой к берегам Итаки…* — В греч. мифологии Сцилла и Харибда — морские чудовища в проливе между Италией и Сицилией; символ двойной опасности.

де Креки[1], для наставления современников и потомства, и что ей надобно будет судить строго жизнь многих и пр. и пр. Странное дело! Но это только странно, а вот это и досадно: в каком письме моем к вам нашла она, что я обвиняю бабушку и кладу на ее ответственность мое классическое невежество? Жена моя может быть свидетелем, как мне дорога память милой нашей бабушки[2], которая так нежно меня любила; у меня всегда согревается сердце, когда я об ней вспоминаю. А наша Анета нашла нужным высчитывать мне все ее благодеяния и доказывать мне, что я должен быть благодарным. Признаюсь, я весьма мало ей благодарен за такое ненужное и досадное наставление, основанное на каком-нибудь malentendu*, которого ей бы ни в каком случае на мой счет иметь было не должно. Прошу вас поискать в моих письмах к вам то место, которое могло послужить Анете текстом к ее предике; и выпишите мне. К ней самой я не пишу, полагая, что она теперь в Одессе: но когда она возвратится, покажите ей эти строки. Прощайте, милая. Скоро буду писать более. Да уведомьте, что Катя? Письма пересылайте через Булгакова. Мой адрес: Berne, poste restante**.

Перевод

* недоразумение (*франц.*).
** Берн, до востребования (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 80—81.
Печатается по первой публикации.

377. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

21 мая. Петрищево. 1849[3]

Где вы теперь, мои дорогие? Сердце тревожится за вас, хотя знаю и верю всем моим убеждениям, что Господь сохранит вас и невредимых приведет домой. Чем менее может уладить рассудок человеческий, тем вернее Господь пролагает пути любящим его. — Но где вы? Куда уехали от этих нечестивых дураков, которые сами не знают, чего хотят? Куда нам стремиться за вами? Всем моим юным хочется, чтобы вы вызвали всех в Москву. Мойер так привязался к своему Бунину, что сердится,

---

1 *...она вообразила, что я сажаю ее писать мемуары для света, по образу и подобию Маркизы де Креки…* — Рене Каролина де Креки (1714—1803), маркиза, французская мемуаристка, хозяйка литературного салона.

2 *...как мне дорога память нашей милой бабушки…* — Под «бабушкой» здесь можно подразумевать только М. Г. Бунину, жену Афанасия Ивановича; нередко называя Екатерину Афанасьевну своей *второй матерью* и привыкнув видеть в Авдотье Петровне не племянницу, а сестру и звать ее так, он говорит здесь о Марии Григорьевне как о «милой *нашей* бабушке». (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 81).

3 Датируется как ответ на письмо В. А. Жуковского от 17 / 29 мая 1849 года.

когда Катя и Вася едут сюда ко мне. — Всякий эгоизм весьма неблагоразумен, потому что он никак не может войти в положение бедной своей дочери. Пустые стены дома, пустая болотная природа, где должно сидеть под тенью амбара, и совершенное отсутствие всяких бесед, навеять могут тоску и не на живое, любящее сердце юношей наших. Пока жива была бабушка, Катя не замечала пустоты; — теперь они двое наполняют весь этот серый, скучный, неуютный дом, где прежде весело и шумно раздавались голоса сестер Воейковых. — Воейковы и не пишут к ней, Маша иногда только, когда нужно требовать денег с Муратова. Василий хозяйством заняться не умеет, да и при Мойере нельзя никому мешаться, и выходит, что они скучают только для того, чтобы Мойеру, возвратясь от своих хозяйственных занятий, было с кем поговорить об овсе и сене. Как скоро речь коснется до службы или до Москвы на два месяца, или даже ко мне, Мойер грозит продать Бунино и уехать в Лифляндию. А в Ревель к вам, говорит, не достанет денег. И потому, и потому — зовите его в Москву! Туда легче собраться всей нашей немощной братии; а раз залуча его в Москву, можно доказать *делом*, что, не разорившись, можно проводить там два месяца в год. Ах, когда-то мы все вас увидим! Полагать надежды все на вас, так же нам всем свойственно, живя в этом мире, как полагать в будущей жизни надежду на милость Бога. В самом деле, душа моя, я не могу вас даже благодарить за Ивана Кир⟨еевского⟩. — В нашем сердце ощутительна нам любовь Божия и, право, я молюсь точно с таким же чувством, с каким вас люблю. Сегодня день вашей свадьбы! Благословенный день! Будь он долго, долго днем праздника, счастия. — С кем и где вы его проводите? С вами ли живут все Елисаветины родные? — Думаю, что прежде всех увидите Машу Гутмансталь, бывшую Зонтаг[1], с ее добрым мужем и чудной дочкой. Это картинное семейство вас порадует: тут вся гармония, какую можно желать в жизни, в браке, в семье. Лист посвятил ей музыку[2] на слова, которые невольно у всякого, на нее смотрящего, колышутся в сердце: Ich möchte dir die Hände aufs Haut legen und beten, das Gott dich erhalte so rein, und schön und hold[*].

Маша едет в Петербург на выставку.

Надобно что-нибудь о себе сказать вам: я все больнехонька, головные боли несносные. Всякое занятие, особливо писание, мне очень тяжело, а езда почти невыносима. Точно кажется иногда будто у меня свихнут затылок. Здесь я живу тихо, по милости моего Алексея Андреевича. Порядок, который он устроил, еще не успел рассыпаться, даже и ландыши, которые он посадил для меня, разрослись и цветут теперь. Здесь моя бедная Лила мечтала быть счастливой, полезной, веселой, любимой. Всеми этими желаниями она бредила, перемешивая их с самой возвышенной молитвой. Никола старается заняться хозяйством, но я его не хочу к деревне привязать: он слишком молод. — Приедете вы и разберем все, что кому

---

[1] *...увидите Машу Гутмансталь, бывшую Зонтаг...* — Мария Егоровна Гутмансталь (урожд. Зонтаг), жена австрийского консула в Одессе Людвига Гутмансталя-Бенвенути, владельца собственного замка в Вексель-Штейне, близ Триеста.

[2] *Лист посвятил ей музыку...* — Ференц Лист (Liszt Ferencz 1811—1886), венгерский композитор, пианист-виртуоз, дирижер.

делать. — С сестрой вижусь довольно часто, когда ей вздумается ко мне приехать, а мне весьма трудны переезды. Вы хотите, чтобы она писала биографии всей семьи? Тут слишком много будет Dichtung** и слишком мало Wahrheit***. Она странным образом видит вещи, желая везде играть какую-нибудь роль. Боюсь, что вам не совсем приятно будет, что она напечатала в Москве о вашем детстве[1].

Перевод

*Я хотел бы коснуться тебя и помолиться, чтобы Господь сохранил тебя, такую невинную, и красивую, и прелестную (нем.).

** поэтическое сочинение (нем.).

*** истина, правда (нем).

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 36—37 с оборотами.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения-2000. Вып. 126. М., 2001. С. 363—364.
Печатается по автографу.

378. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1 сентября 1849

Вы опять замолкли, мой сердечный друг! Разве не знаете, что я за вас страдаю, и всего больше от мысли, что, может быть, вместе с вами страдаю. Мы ждали вас все в июле, по письму вашему Ванюше, но вы не сказали причины, почему напрасно ждали. Боюсь за здоровье моей милой Елисаветы. Признаюсь вам, что мне горько было вообразить, что вы ее оставите в Берне. Конечно, она не одна, верно, Рейтерны ваши с нею, но каково же разлучаться теперь, при этих глупых смутах и при ее нездоровье! Пускайтесь домой в Россию, благословясь, вместе, и тогда благостно встретит вас хранитель Зевс. Теперь, благодаря Бога, Германия усмирена, авось возможно будет спокойно проехать. Напишите слова два о здоровьях и о намерениях. Где проведете зиму? Как хочется обнять ваших милых детенков! В нашей жизни не слышим ни от кого известий об вас, и не знаю, какова наша милая Елисавета.

Я была опять очень больна и опять встала, но странно мне глядеть на свет, кажется, будто я везде посторонняя. Но зато многие *мне* стали ближе, напр⟨имер⟩, Вяземский. Всем сердцем с ним скорблю и следую за его путешествием, с молитвой за его бедное сердце[2].

---

[1] *...что она напечатала в Москве о вашем детстве* — «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» А. П. Зонтаг опубликовано в «Москвитянине», 1849, № 9. С. 3—13.

[2] *...Вяземский. Всем сердцем с ним скорблю и следую за его путешествием, с молитвой за его бедное сердце* — П. А. Вяземский (см. примечание к письму 13) в феврале 1849 г. похоронил 36-летнюю дочь Марию и в состоянии душевного потрясения 21 мая 1849 г. отправился с женой в Константинополь, откуда собирался совершить паломничество ко Гробу Господню.

Ивана Кир⟨еевского⟩ я уже год не видала, а жену его и детей гораздо больше. Зову и их в деревню, хотя хотелось их поселить в Москве. Но знавши, что он из тех мужей, кому Господь не вменит греха, полагаюсь на благость промысла, из наших глупостей выделывающего нам добро, и верю, что она ведет Ваню моего к лучшему для него. Катя поздоровее немного летом; я и их давно не видала. Еще все они так молоды, что жаль взысканьями портить им жизнь. Когда же мы вас увидим, мое сокровище? — Смело так говорю, с вами все сердце мое. Благословляю вас, милую сестру, детей наших драгоценных и молю Бога да хранит вас.

Ваша вечно Авд⟨отья⟩Елагина
1 сент⟨ября⟩1849.

Сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩ здорова, дочь ее в Вене проводит зиму.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 38—38 об.
Опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М. 2001. С. 365.
Печатается по автографу.

379. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

12 ноября 1849

Как ни огорчайся, а вы, друг, сделали, что должно было сделать. Меня мучила мысль, как вам оставить нашу больную и ехать сюда одному. Не такое время!

Слава Богу, что Вам пришло на сердце посетить нашего Государя в Варшаве, и что он так милостиво вошел в ваше положение. Горько мне страдание бедной нашей Елисаветы и по себе знаю, каково вам. Но у вас есть надежда, и она исполнится, у вас есть Гугерт и благодатный климат, а моя больная Катя вот уже полтора года страдает без всякой помощи, без всякой надежды на помощь. Тяжкая наша разлука с вами еще становится тяжелее от всех упований, которые мы на свидание наше положили. Видно, Богу угодно, чтобы все нам манкировало, все, на что опираемся, подламывается. — Катя очень, очень больна, Мойер говорит, что у нее нервно-ревматическая боль, но не подымает пальца для ее лечения вследствие своей пагубной системы. — Я согласилась бы и на отсутствие лекарств, если б он доставлял ей какое-нибудь удовольствие, какое-нибудь рассеяние; но когда ей бывает получше, он не позволяет ей на неделю приехать ко мне даже, а сырой бунинский дом и беспрестанные за все истории просто убивают ее. Все винят Василия, зачем он не увезет Катю, но уехать куда-нибудь — значит поссориться, а этого невозможно брать на совесть, потому что все равно убьет Катю. — Мойер стал очень взыскателен; с кончиной Тетушки спала с него всякая принужденность, и самовластие его не позволяет Кате распоряжаться даже женским домашним хозяйством, в чем могла бы она найти рассеяние. Одним словом, я не понимаю, как улучшить их быт. — Может быть, Кате нужны морские ванны; во всяком случае, нужно укрепить ее, но Мойер ни о чем и слышать

не хочет. Бунино сделалось центром его мыслей и любви, и вызвать оттуда, кроме вас, не может никто. Собирался было он ехать в Лифляндию за баранами, и мы хотели воспользоваться этим, полечить Катю в Москве, но, кажется, не осталось никого, кто бы в Лифляндию его вызвал.

Благодарствуйте за второй том Одиссеи! Что за прелесть в этой простоте рассказа! Признаюсь, что я с горем отдала его Дунечке, у которой пребывает первый том, и долго не решалась расстаться. Не велите ли прислать мне еще экземпляр? У нас ни у кого нет. В дивном мире вы живете, мой милый Ангел, среди всех ужасных тревог революции, среди пакостных, лукавых людей, подле милой больной; ваше светлое сердце светит вам одно своею прелестью, и создание чудное является для людей, почти неспособных принять его. Катя свой экземпляр отослала в Сибирь Батенькову[1], который двадцатилетним заключением научился знать цену прекрасного и молиться с покорностью Богу.

Петр Кир⟨еевский⟩ обнимает вас крепко и благодарно, он теперь у меня, приехал крестить 4-ую дочь Дунички и повидаться с братом Иваном, воротившимся из Москвы. Я уже с лишком год с ними не видалась, но дорога и погода удерживают меня дома, тем паче, что я сама не здорова. Ложусь с тем, чтоб уже не встать, встаю, не надеясь лечь на постель. — А увижусь ли я с вами, моя милая душа, — об этом даже и молиться не смею. Это радость, и я молю Бога хранить душу мою от сокрушения. Простите, между тем обнимаю милую Елисавету, благословляю детей наших и вас, моя душа, всеми благословениями сердца.

Ваша Авд⟨отья⟩ Елагина.
12 ноября. Петрищево.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 40—41 с об.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения-2000. М., 2001.
Печатается по автографу.

380. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

14/26 декабря 1850 г.[2]

Милая Авдотья Петровна, посылаю эту записочку, вслед за письмом, вчера отправленным, только для того, чтобы сказать вам то, что я, кажется, забыл в письме моем: не говорите ни слова о том, что происходит с женой моей. Я не почитаю

---

[1] *Катя свой экземпляр отослала в Сибирь Батенькову…* — Г. С. Батеньков в 1849 году находился в ссылке в Томске.

[2] «К 1850 г. письмо отнесено по содержанию — в нем говорится о намерении жены Жуковского перейти в православие — а также по соображению с письмом Жуковского к И. И. Базарову 15 июля 1851 г., где поэт пишет, что жена его чувствует потребность переменить вероисповедание, и просит священника приехать к нему для беседы, прибавляя: “Я давно бы попросил вас, но ваш отъезд остановил меня” (о. Базаров зиму 1850 года провел в России)» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 81).

еще дело конченным. Когда все совершится и *как* совершится, уведомлю вас, ее убеждение еще не полное. Оно должно быть совершенно произвольное, то есть, как Бог велит. Обнимаю вас.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 91.
Печатается по первой публикации.

381. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

1850 г. 25 декабря.

Раздайся громко на Кремле
Днесь Богу в вышних Слава![1]

Вот еще подходит Новый год! Благослови вас Бог, моя милая душа, лучшая и неизменная моя любовь! Пошли вам Бог здоровья, свершения всех начатых и надуманных работ, радости в милой жене вашей и в цветущих, прекрасных детях. Вот и Павлу, дорогому моему крестнику, минет пять лет! Маша уверяет 6. Дети милые, они и не подозревают, как мне дороги. Так, Катя, пока росла в Дерпте, не чуяла, что здесь бьется для нее сердце матери, в котором сохранено сердце и родимой ее матери.

Долго хотела я исполнить ваше приказание и писать к Елисавете о прежних ее думах, но на что возмущать уже успокоившийся ее дух? Если вы хотите поселиться в Дерпте, то там не один штир, там более чем в Германии ненавидят и смеются над нашим исповеданием и обрядами, там все утверждаются в теперешнем.

Я знаю христианские ее чувства, глубокую веру и чистую жизнь, думаю, что вам вместе нет недостатка в *единомыслии*, а наша церковь, храня послушливо предания и молясь *о соединении святых Божьих церквей*, позволяет нам верить, что во всяком исповедании спастись можно. Дети же, когда войдут в лета, будучи с колыбели проникнуты любовью Христа, сами захотят принять свое вероисповедание, если toute fois* не сделаются немцами. — Говорят ли они по-русски?

Странная и горькая вещь! В семье нашей, в каждом ее отделении, есть у каждого тяжелое, хотя незаметное никому преткновение к счастью. Не разумно Богом посланные потери и скорби, но паутинная ткань обстоятельств, собственными нашими руками вытканная и наложенная на глаза, чтобы не ясно видеть свет. Подходя к концу тревожной жизни, паутина эта спадает понемногу, видишь и за себя, и за всех, чего не достает, что бы подлежало делать, чем быть, и понимаешь, что непрерывный ряд проступков, ошибок и глупостей не заслужил нам тех

---

[1] *Раздайся громко на Кремле / Днесь Богу в вышних Слава*! — Неточно цитируются стихи 64—45 из «Певца в Кремле» (1816). У Жуковского: «Греми ж торжественно в Кремле, / Днесь: «Богу в вышних слава!» (ПСС2. Т. 1. С. 39).

даров, которыми мы пользуемся без всякой благодарности. Старость есть глубокая причина и предмет для размышлений.

Хорошо бы мне увидеться с вами в этом году! Но что-то не надеюсь. Я встречаю каждый день с мыслью, что он последний мой. Очень сильно и постоянно мучает меня головная боль. Хотелось бы, месяца на два, съездить в Москву, но карман не пускает, нынешний год чуть не голод у нас. — Кате, слава Богу, лучше, но, может быть, нужно повторить морское купание и для этого стараться собрать необходимые деньги. Мойер стал с ними добрее и не столько взыскателен, отпустил, например, ко мне на неделю. Мне жаль его. Ведь и он без товарища доживает жизнь. Правда, мог бы он взять брата, который нуждается в Орле и живет своими трудами, и Мутер Анет, которая охотно оставила бы Ревель, чтобы у него хозяйничать; видно, у него крепкое сердце, и довольствуется собой, так же, как и сестра Анна Петровна. По вашей милости она так охотно роется в прошедшем, что за нее весело. И нам весело думать о прошедшем, милый избранник Божий! Вас Господь благословил с любовью своими дарами. Вы были крылом могучим,

Подъемлющим сердце на высоту.

И Господь даст вам довершить начатые труды и прийти к нему, как полный сноп приходит в житницу[1]. Простите, мой добрый, родной друг. Обнимаю вас крепко.

Ваша Авд⟨отья⟩ Елагина.

Перевод

*совершенно (*франц.*).

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 42—42 об.—43.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М., 2001. С. 367—368.
Печатается по автографу[2].

---

1 *…как полный сноп приходит в житницу…* — Слова Авдотьи Петровны отсылают к тексту Евангелия: «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они готовы к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо и в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жне. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились, а вы вошли в труд их» (Ин, 4. 34—38).

2 На листе 43 об. после текста письма А. П. Елагиной рукой Жуковского сделана запись: «Я недавно писал к тебе, душа моя. Сейчас обнимаю. Нечего тебе сказать. Просто обнимаю, просто препровождаю. 6 августа ⟨1851⟩».

382. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

9/21 апреля 1851г.[1]

Христос воскресе, Милый друг Авдотья Петровна! Авось в последний раз посылаю вам этот привет из чужи. Молите вместе со мною Бога, чтоб возвратил меня в отечество: эту молитву приношу я ему каждое утро и каждый вечер. В конце Июня едем мы из Бадена. Но еще надобно будет завернуть в Остенду[2] на целый месяц для морских ванн. В Сентябре надеюсь быть в Москве. Устройте так, чтобы мы могли там свидеться. Об этом однако буду еще писать перед отъездом из Остенды. Не пеняйте, что пишу так мало, я уже предуведомил вас, что в последнее время моего здесь пребывания буду писать только записочки: все мое время занят работою, которую хотелось бы кончить до отъезда; но едва ли. Я писал к Плетневу, чтобы доставил вам копию с манускрипта[3], который я представил в цензуру. В нем заключается все, что написано мною в разное время прозою: я раздумал печатать, но вам многое будет по сердцу. Примите этот подарок вместо красного яйца. Если манускрипт еще не прислан, напишите о нем к Плетневу (Е. Пр. Петр Алексан⟨дрович⟩ Плетнев, ректор С. П-бургского университета). Простите, душа моя, обнимаю всех ваших и моих.

Жуковский.

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 104—104 об.
Впервые опубликовано: УС. С. 81—82.
Печатается по копии.

383. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

18 мая 1851[4]

Благодарю вас, друг мой, за ваш драгоценный подарок, который я вчера получила. Это не красненькое яичко. Но букет к Троицыну дню. Какое было мне счастье поговорить обо всем этом с вами. Где вы теперь и когда сюда будете? Господь определит! — Мы в Москве с Марта месяца — приехали сюда с намерением про-

---

[1] «Дата выставлена после, рукою Зейдлица. Она подтверждается датированным письмом к Ек. Ив. Елагиной, где Жуковский в тех же выражениях говорит о своем приезде и маршруте возвращения в Россию летом 1851 года». (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 82).

[2] *Но еще надобно будет завернуть в Остенду*… — Остенде — город в бельгийской провинции западной Фландрии, знаменитый морскими купаниями.

[3] *Я писал Плетневу, чтобы доставил вам копию с манускрипта*… — «Манускрипт» содержал в себе ряд коротких статей Жуковского религиозно-философского и отчасти политического содержания» (Примечания А. Е. Грузинского. УС. С. 82).

[4] Дата устанавливается на основании сообщения о получении А. П. Елагиной «драгоценного подарка», о котором Жуковский писал в апреле 1851 года.

дать мой красноворотский дом, который теперь не имею средств поддерживать и нет на что поправить. Если б мы к вам съехались сюда в Сентябре, то он бы мог приютить и поместить нас всех, и для этого, не раздумывая, можно пожертвовать многим. Не давайте же нам пустых надежд, явитесь в самом деле оживительным солнцем, а не радугой, в слезах наших играющей. Сколько бы здесь собралось около вас, ждущих колебания воды и человека неимущих. Все слепые, хромые, сухие, и у всех есть душа и возможность почтить истинную поэзию. И приобщиться к ней[1].

Вам позволить бы журнал, чисто литературный, и он был бы не только чист, но сияющ. Боже мой! Боже мой! Неужели все радости — мечты? На деле, что рассказать вам? Я все больна. Голова несносно болит, кажется, в ней ревматизм, и сердце как-то упало. Катя здесь со мною и на днях хочет, если Бог поможет, съездить в Ростов. Этого путешествия очень хотелось Лилушке. Иван возится в деревне с больными детьми. Петр возится с долгами и своим имением. Никола хозяйничает за всех, но все до одного унылы и дряхлы. Молодость не улыбается им. Смотрите, чтобы ваши дети сохранили свежесть и веселость детскую, не развивайте слишком рано ума их; право, жизнь может быть хороша для простых сердец. Им же понятна и истина.

Здесь я часто вижу Кошелева, который рассказывает мне о вас. Он отделывает себе огромный, великолепный дом, за 100 тысяч купленный. Хомяков тоже зовет вас и ваших с нетерпением. С некоторого времени религиозные вопросы сделались всех главнее, и приятно видеть это направление. Споры их или, вернее, прения, стали серьезнее, хотя, по большей части, толкут, увы, воду. Что же до литературы, то она вовсе умерла или в такой летаргии, какую искусному врачу пробудить следует. А далее! Хоть бы на конце жизни привелось мне понюхать аромат и ее свежесть. Простите, моя душа милая, просто душа! Ибо от вас воскресает во мне все живое. Очень во мне упало сердце, помолитесь обо мне.

Обнимаю вас крепко.

Ваша Ав⟨дотья⟩ Елагина

---

[1] *...собралось около вас, ждущих колебания воды и человека неимущих. Все слепые, хромые, сухие, и у всех есть душа и возможность почтить истинную поэзию И приобщиться к ней* — Слова Авдотьи Петровны отсылают к тексту Евангелия: «Есть же в Иерусалиме у Овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды, ибо Ангел Господень по времени сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил *в нее* по возмущению воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью. Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня. Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел. Было же это в день субботний» (Ин. 5.2—9).

Мих⟨аил⟩ Алекс⟨андрович⟩ Дмитриев просил меня[1] изъявить вам его глубокую благодарность за ваше воспоминание. Он получил Одиссею в изгнании деревни и, не зная вашего адреса, не мог тотчас поблагодарить вас, потом через год устыдился. Ведь и мне не худо бы дать Одиссею, видите ли, какая я попрошайка! Ведь вы хотели сами мне привезти.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 48—48 об.—49.
Опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М., 2001. С. 368—369.
Печатается по автографу.

384. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Баден 29 июня / 11 июля 1851 г.[2]

Милая Авдотья Петровна!
Два слова; вот мой маршрут:

14 июля с. с.	выезд из Бадена.
15—20 июля	переезд из Франкфурта в Дрезден.
21 июля — 2 авг.	Пребывание в Дрездене.
3 авг. — 12 авг.	Переезд из Дрездена в Дерпт.
13 авг.	Пребывание в Дерпте.
14—15 авг.	Переезд в Петербург.
16—17 авг.	Пребывание в Петербурге.
18—20 авг.	Переезд в Москву.
21 августа	Прибытие в Москву.
21—31 авг.	Пребывание в Москве.

Благослови Бог этот путь. Молитесь за нас. Отвечайте на это письмо: á Dresde, poste restante*. Обнимаю вас в надежде на желанное свидание.

29 июня / 11 июля Баден ваш Жуковский.

P. S. Сообщите это Мойеру и нашим Елагиным. Неужели Мойер не согласится меня порадовать свиданием с ним в Москве. Попросите его от меня об этом именем нашей верной, неизменной дружбы.

Перевод

* Дрезден, до востребования (*франц.*).

Автограф: РГБ, ф. 99, к. VI, № 63, л. 12.
Впервые опубликовано: УС. С. 82.

---

1 *Мих⟨аил⟩ Алекс⟨андрович⟩ Дмитриев просил меня...* — М. А. Дмитриев (1796—1868), поэт и литературный критик, племянник И. И. Дмитриева.

2 «В подлиннике нет года; он выставлен по соображению с письмом к А. Булгакову от того же числа. (С7. С. 500)» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 82).

На л. 13 об.: «Ее высокоблагородию Авдотье Петровне Елагиной в Белеве в селе Петрищеве».
Печатается по автографу.

385. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

17 июля 1851[1]

И я так же два слова к вам, моя душа! Дай Бог нам свидеться! Я еду в Москву, по вашему велению, Катя отсюда отправилась уговаривать отца. Трудно ему будет оставить все работы годовые. Если бы вы приехали к нам зимой, все бы собрались около вас; да и во время этих праздников!! — Если вы не во дворце остановитесь, то готов для вас дом Кошелева. Он писал о том к вам. Мой дом и с хозяйкой вам принадлежит, но он так же, как и она, весь в развалинах и принять вас не способен, и потому должна уступить это счастье чужому. Ну, хоть на минуту увидеть вас наяву! Обнимаю вас крепко, детей и Елисавету.

Ваша Авдотья Елагина.
17 июля.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, ед. хр. 23, л. 46—46 об.
Впервые опубликовано: Забелинские научные чтения — 2000. М., 2001. С. 369—370.
Печатается по автографу.

386. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Август 1851 г.[2]

Милая Авдотья Петровна, в письме моей жены получите полный отчет в том, что с нами происходит. Препятствие, так неожиданно разрушившее все наши планы, должно быть, как и всякое другое, к добру и отчасти есть уже от него добро; между семью неделями, которые провожу я взаперти, были четыре прекраснейшие погоды, ими жена воспользовалась для купания в текучей воде, чего бы она не могла сделать, если бы мы поехали; а теперь, когда мы принуждены решительно остаться на зиму заграницею, она в сентябре и октябре, которые мы проведем в Бадене, будет продолжать свое лечение, которое прекратилось бы нашим отъездом и которое ей нужно, ибо она далеко еще не оправилась, хотя мы и решили было ехать. Таким образом, моя болезнь, которая скоро, вероятно, пройдет, была Богом данным средством получить то добро, которого мы без этого неожиданного

[1] Дата устанавливается по содержанию: Елагина отправлялась на встречу с Жуковским в Москву, предполагаемую, судя по письму Жуковского от 29 июня / 11 июля 1851 года, 18—20 августа.

[2] Дата устанавливается на основании содержания: отъезд в Россию Жуковский предполагал начать в середине июля 1851 года (см. письмо 384).

средства произвольно бы искать не стали. — Вот вам все. Обнимаю вас. Как скоро справлюсь с моим «Вечным жидом», пришлю его к вам в манускрипте.

Скажите Кате, что я ее совсем не благодарю за те 20 писем, которые она начала ко мне и не послала, потому что все они были бранные. Что-то она теперь скажет?

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 84.
Печатается по первой публикации.

387. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Август 1851 года[1]

Милая сестра и друг, вот вам письмо от жены. Хотел было многое к нему приписать, но глаз мешает, после буду писать, теперь пока отошлите мое письмо Кате. Обнимаю вас. Напишите поболее о Хомякове[2]. Посылаю вам в дополнение этого письма стихи[3].

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 84—87.
Печатается по первой публикации.

388. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

5 авг. н. с. 1851 г.[4]

Милая Авдотья Петровна, из формы моего письма и из моего почерка вы можете заключить, что со мною случилось что-нибудь неожиданное. Вот что: на мой слепой глаз напала подагрическая материя от простуды; вместо того, чтобы выехать из Бадена, я сижу слепой в своей горнице и еще не знаю, когда кончится это затворничество. Пишу к вам с помощью машинки, мною выдуманной на случай слепоты; пишу, чтобы вам сказать, что моя болезнь, которая, вероятно, еще по крайней мере две недели задержит меня в Бадене, лишит меня возможности приехать в нынешнем августе в Москву, чего мне сердечно жаль. Но мне с моими

---

[1] Дата устанавливается основании содержания: летом 1851 года Жуковский стал терять зрение, что явилось причиной отказа от поездки в Россию.

[2] *Напишите поболее о Хомякове* — А. С. Хомяков, см. примечание к письму 316.

[3] *Посылаю вам в дополнение этого письма стихи* — 1 (13) июля 1851 г. Жуковский написал стихотворение «Ее Импертарскому Высочеству, государыне Великой княгине Марии Николаевне приветствие от русских, встретивших ее в Бадене» (ПСС2. Т. 2. С. 336).

[4] Датируется по содержанию: «Это и три следующих письма писаны карандашом при помощи машинки, крупным, почти квадратным почерком. Болезнь глаз захватила Жуковского около 15 июля, за два дня до выезда в Россию» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 83).

почти семидесятью годами нельзя предпринимать таких усталостей, надобно поберечь машину, которая уже трескаться начинает, чтобы дать душе с ее помощью еще кое-что на земле доброе сделать. Итак, мы увидимся, душа моя, не прежде, как весною будущего 1852 года. Простите. Благослови вас Бог. Жена хворает, но это ей не мешает целовать вас мысленно.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 83.
Печатается по первой публикации.

389. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

24 августа н. с. 1851 г.[1]

Грустно мне было получить ваши два слова, моя милая Авдотья Петровна. Вместо свидания с вами я осужден сидеть в темной горнице с больным глазом. Я еще все в Бадене: хотя не у моря, но жду погоды. Теперь 24 число н. с. августа, день разрушения Помпеи и Варфоломеевской ночи[2]. Если глаз поправится к первому числу, я выеду — но уже в Москве мне не бывать. Во время моего затворничества нашло на меня поэтическое наитие и я начал нечто[3], давно у меня гнездившееся в голове, и что должно быть моею лебединою песнью. Благослови Бог исполнить так, как задумано, исполнить и потом почитать вместе со всеми вами. Простите. Весною увидимся.

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: УС. С. 83.
Печатается по первой публикации.

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения В. А. Жуковского о серьезном заболевании глаз и работой над поэмой «Вечный жид»; ответ на 17 июля 1851 г.

[2] *...день разрушения Помпеи и Варфоломеевской ночи* — Помпея — город в южной Италии, засыпанный страшным извержением Везувия в 79 г. до Р. Х.; Варфоломеевская ночь — кровавый эпизод религиозно-политической войны католиков и гугенотов (в ночь на 24 августа 1572 года), когда было убито в одном Париже свыше двух тысяч гугенотов.

[3] *...и я начал нечто...* — «Жуковский называет поэму «Вечный жид» своей «лебединой песнью». Известно, что Жуковский давно задумал эту вещь, но, написав не более 20 стихов, оставил; о том, как он взялся за нее теперь, он пишет 13 сентября Плетневу: «Почти через два дня после начала моей болезни загомозилась во мне поэзия, и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назад тому десять лет, которой идея лежала с тех пор в душе неразвитая, и которой создание я отлагал до возвращения на родину, до спокойного времени оседлой семейной жизни. Я полагал, что не могу приступить к делу, не приготовив многого чтением. Вдруг дело само собой началось: все льется извнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читают мне то, что нужно и чего сам читать не могу именно в то время, когда оно мне нужно для хода вперед. Что напишу с закрытыми глазами, то мне читает вслух мой камердинер и поправляет по моему указанию. В связи же читать не могу без него… Думаю, что уже около половины (800 стихов) кончено» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 83—84).

390. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

6 ноября 1851[1]

Le 6 Novembre

Il y a bien longtemps que je ne vous ai pas écrit, mes chers amis, et maintenant que mes lettres doivent être lues en commun, les écrire devrait être plus doux; mais cela n'est pas! Mon coeur se serre douleuresement quand je pense que mon cher Joukoffsky n'y jettera plus son regard d'ami: Peut-être cette privation n'est plus sensible qu' à lui, qui trouve sans doute du plaisir à regarder par vos beaux yeux, chère Elisabette. — Que vous dirai-je? La nouvelle de sa maladie m'a été d'autant plus pénible, que j'avais déjà le coeur plein d'espérance du Wiedersehen! J'avais fait tous mes préparatifs, Moier et tous mes enfants devaient se réunir dans ma maison; et c'était la veille de mon départ pour Moscou, que ce coup est venu m'abbatre. — Cette maladie a brisé tous mes plans. Maintenant je suis établie pour je ne sais combien à la campagne; ma soeur est partie pour Odessa. Ivan Kireifcky (à qui j'ai donné ma maison) se fixe à Moscou, avec toute sa famille. La vieillesse, cette grande bénédiction du ciel, enseigne à elle seule bien des vertus: la nécessité du renoncement continuel est une si grave leçon d'humilité, que se baisser jusqu'*en* terre ne devient plus pénible. Je me porte assez mal aussi; pour un jour où mes maux de tête me permettent de marcher, d'écrire, de travailler; je subis une semaine de douleur.

Depuis 3 mois jusqu' à la lettre, ce qui m'arrive, je n'ai pas deux jours libres dans le cours de la semaine, et c'est pour ce jour de liberté que je remets depuis trois mois ma lettre pour vous, sachant d'avance que je devrais en partir le lendemain. Et pourtant, cher ami, le poème, que vous composez dans vos tenèbres, envoyez-le-moi en manuscrit, je le transcrirai de ma plus belle écriture, et en autant d'exemplaires que vous le voudrez.

Je déchiffre votre cher griffonage sans aucune peine, je crois même que ce n'est pas avec les yeux. — Du reste, à Dresde, vous trouverez toujours des secrétaires. O, ce cher Dresde, comme j'aurais été contente si je pouvais y passer l'hiver avec vous; ce serait la réalisation du plus agréable des rêves. — Je ne comprends pas comment vous pouvez vous servir du cadre désagréable du Juif errant. La légende qui s'y attache m'a toujours révoltée. Celui, qui n'éteint pas la mèche qui fume encore, celui qui meurt pour le salut des pécheurs, ira-t-il punir dans cet instant où il continue son sacrifice? — Je conçois qu'on peut parcourir des siècles avec toutes leurs horreurs, avec l'homme qui ne meurt pas, et les épisodes peuvent racheter le fond; d'ailleurs *Sue* m'a dégoûté du Juif[2], ainsi vous pardonnerez mon objection.

Chez nous, ici, il n'y a plus ni Poètes, ni poésie; je crois que nous avons tout enterré avec Языков. Vous n'aieez pas besoin ⟨*нрзб.*⟩ dans l'aile, il y a longtemps

---

[1] Дата устанавливается на основании содержания: Елагина пишет по поводу болезни глаз Жуковского, случившейся летом 1851 года.

[2] *...d'ailleurs Sue m'a dégoûté du Juif...* — Эжен Сю (Sue Eugéne, 1804—1851), французский писатель, автор романа «Агасфер».

que vous marchez les yeux fermés, c'est pourquoi vous pouvez chanter, et nous enlever quelquefois vers une autre univers. Туда, где жили Боги.

Quand vous m'écrivez, mettez avec votre crayon quelques lignes pour Macha Dorochoff[1]; la pauvre âme a perdu la fille elle est directrice de l'Institut des démoiselles à Irkoutzk. Sans doute, Dieu a ménagé ce plus vaste champ d'amour, à son coeur raffiné; elle remplit assez bien la mission, et j'espère du calme et de la résignation pour elle. Elle m'envoie une livre de thé, croyant que vous viendrez à Moscou, afin que réunir autour de cette table de famille, nous mettions la pensée entre nous: je vous garderai ce thé, quand je l'aurai reçu. Qui sait? Peut-être le prendrons-nous ensemble! — Je ne verrai donc vos enfants? — Par tous les déchirements de désirs innocents non-examinés, on comprend les joies qui peuvent nous être réservées dans une autre vie; mais il est difficile de vivre celle-ci; j'ai besoin de beaucoup de prières pour la finir dignement. — Je me recommande aux vôtres, tous deux mes chers amis; et je vous demande de tenir à autre une feuille de votre cher barbouillage. Elle me relève les esprits beaucoup plus efficacement que l'eau de Cologne, et le reste de tous les stimulants du monde entier, y compris les philosophes spirites célestes. — Peignez-vous quelques choses, chère Elisabette? Dresde doit en donner l'envie. La galerie est-elle toujours aussi belle? Où logez-vous? Dans quelle rue et quelle maison? Que je puisse vous suivre partout par la pensée! Le faire en réalité serait si doux!

Pourrai-je écrire ma prochaine lettre en russe? Je suis sûre que vous lisez le russe et le comprenez à présent. J'adore qu'il m'est cruel d'écrire á *mon âme* dans une langue étrangère, une langue à belle phrases; c'est peut-être parce que je suis habituée avec Joukovcky à la langue dont chaque mot me rappelle des vers qui ont fait pendant toute ma jeunesse mon bonheur, et ma plus chère occupation. Avec tous les autres, toutes les langues me sont indifférentes.

Vous aurez cet hiver à Dresde une amie à moi: Mme Sverbééf avec les filles. Cette personne vous fera peut-être aimer Moscou, déjà vous connaissez les Кошелев; voilà maintenant une seconde personne de notre petit cercle. — Si vous aviez pu vous résoudre à habiter Moscou, votre maison serait le refuge de tous ceux qui pensent, qui aiment la littérature et les beaux-arts.

— En l'année 1832, (c'était la plus belle année de ma vie) mon fils ainé avait entrepris de rédiger un journal; mes cadets avaient 7, 8, 6 ans, et en voyant cette tendence littéraire dont chacun d'eux était possédé, mon coeur nageait dans la joie, et je méditais que tous deviendraient heureux gens de lettres. — Tout cela aussi s'est envolé en fumée: aucun d'eux (ainé et cadets) n'écrit plus. — Adieu, mon cher frère, ami, et ange de bon secours; et vous aussi soeur chérie, adieu. Je vous embrasse en vous serrant tous les deux dans mes bras, avec Sacha et Paul.

Eudoxie de Ielaguine.

[1] *...pour Macha Dorochoff...* — Мария Александровна Дорохова (1811—1887), дочь А. А. Плещеева, жена Руфина Ивановича Плещеева.

Перевод

6 ноября.

Долгое время, как я не писала вам, дорогие друзья, и сейчас эти письма должны быть прочитаны вместе, их писать было бы более приятно, но это не так! Мое сердце сжимается от боли, когда я думаю, что мой дорогой Жуковский больше не посмотрит на них взглядом друга; может быть, эта утрата более чувствительна только для него, который находит, безусловно, удовольствие смотреть на все вашими прекрасными глазами, дорогая Елисавета. — Что я вам скажу? — Новость о болезни была для меня тем более тяжела, что сердце мое было полно надежд на встречу. Я уже сделала все приготовления, Мойер и все мои дети должны были собраться в моем доме, и это было накануне моего отъезда в Москву, когда этот удар обрушился на меня. — Эта болезнь разрушила все мои планы.

Сейчас я обосновалась в деревне не знаю надолго ли, а сестра уехала в Одессу. Иван Киреевский (которому я отдала свой дом) устраивается в Москве со своей семьей.

Старость — это великое благословление небес — учит многим добродетелям: необходимость вечного отречения — это такой серьезный урок покорности, что склониться до земли — это уже не тяжело. Я себя чувствую также плохо; даже в такой день, когда головные боли позволяли мне ходить, писать, работать, я пережила целую неделю мучений. В течение трех месяцев до получения письма у меня не было и двух свободных дней в неделе, и это свободный день, когда я снова принимаюсь за письмо к вам через три месяца, зная заранее, что должна выехать на следующий день, и тем не менее, друг мой, поэму, которую вы сочиняете в вашей темноте, вышлите мне в рукописи, я ее перепишу моим самым красивым почерком и в стольких экземплярах, сколько вы захотите. Я расшифровываю ваши дорогие каракули без всяких трудностей, я думаю даже, что делаю это не глазами.

Впрочем, в Дрездене, вы найдете секретарей. О, этот дорогой Дрезден! Как я была бы довольна, если бы смогла провести зиму с вами, это было бы осуществлением моей самой заветной мечты. Я не понимаю, как вы можете брать на себя роль бродячего Жида. Легенда, которая связана с ним, всегда меня возмущала; тот, кто не погасил свечу, которая еще дымится, тот, кто умирает ради спасения грешников, будет ли он наказывать в тот момент, когда совершает жертвоприношение? — Я думаю, что можно пройти через века со всеми его ужасами с человеком, который не умирает, и эпизоды могут искупить вину до дна; впрочем, Сю внушил отвращение к Жиду, таким образом, вы простите мое возражение. Здесь у нас нет больше ни поэтов, ни поэзии, я думаю, что мы все похоронили с Языковым. Вам не нужны крылья, вы давно уже ходите, закрыв глаза, поэтому вы можете петь, унося нас в другой мир. Туда, где жили Боги. Когда захотите мне написать, напишите вашим карандашом несколько строк для Маши Дороховой, она, бедная, потеряла дочь. Она — директриса института девиц в Иркутске. Несомненно, Господь наградил широким полем любви ее благородное сердце. Она хорошо исполняет свои обязанности, я надеюсь для нее на спокойствие и смирение. Она высылает мне фунт чая, думая, что вы приедете в Москву, чтобы собраться вокруг семейного стола. Мы вместе с ней подумали, что я сохраню для вас этот чай, когда получу его.

Кто знает? Может быть, мы вместе его попьем! Увижу ли я все-таки ваших детей? — После расставания с безобидными желаниями понимаешь радости, которые могут быть нам предназначены в другой жизни, но трудно прожить эту, и мне нужно много молиться, чтобы достойно закончить ее. — И я вверяю свою судьбу вам обоим, мои дорогие друзья, и я прошу вас сохранить для других один листок вашей мазни.

Она возвышает мой ум сильнее, чем одеколон, и все стимулирующие средства, включая небесных философов спиритов. Рисуете ли вы что-нибудь, моя дорогая Елисавета? — Дрезден должен вызвать это желание. Галерея все так же красива? Где вы живете? На какой улице и в каком доме? — Если бы я могла мысленно повсюду следовать за вами! Сделать

это в действительности было бы еще приятнее! Могу ли я написать следующее письмо по-русски? Я уверена, что вы читаете по-русски и сейчас понимаете его. Мне кажется несправедливым писать *моей душе* на иностранном языке красивыми фразами, может быть, потому, что я привыкла с Жуковским к языку, каждое слово которого напоминает мне стихи, которые во времена моей молодости составляли мое счастие, мое любимое занятие. Со всеми другими все языки мне безразличны.

В Дрездене этой зимой у вас будет моя подруга Мадам Свербеева с дочерьми. Эта женщина, может быть, сделает так, что вы полюбите Москву. Вы уже знаете Кошелевых, вот сейчас уже второй человек из нашего маленького круга. — Если бы вы решились жить в Москве, ваш дом стал бы прибежищем всех тех, кто размышляет, кто любит литературу и искусство.

В 1832 году (это был самый прекрасный год в моей жизни) мой старший сын предпринял попытку издавать журнал, моим младшим было 7, 8, 9 лет, и, видя эту литературную склонность, которой обладал каждый из них, мое сердце купалось в радости, и я представляла себе, что все будут счастливыми, литераторами. Все это развеялось, как дым: никто из них (старшие и младшие) больше не пишут.

Прощай, мой дорогой брат, друг и ангел доброй помощи, и вы тоже, дорогая сестра, прощайте. Я обнимаю вас обоих, сжимая вас в своих объятиях с Сашей и Павлом.

Евдокия Елагина (*франц.*).

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, № 23, л. 48—49 с об.
Печатается по автографу.

391. А. П. Елагина В. А. и Е. Е. Жуковским.

1 декабря 1851 года

Милая душа моя, mon amie aimée, comment se fait-il que vous n’avez pas reçu mes lettres? J’ai envoyé l’une par l’entremise de votre obligeant ami Mr Булгаков, l’autre je l’ai adressée droit à Dresde. Toutes les deux étaient écrites après la fatale nouvelle qui nous a accablé toutes. Il m’est impossible de voir votre écriture, cher ami, sans une violente douleur, une douleur physique au coeur. Que Dieu vous conserve votre magnifique résignation; elle est déjà pour elle-même une grâce du Seigneur, et une preuve, qu’il est avec vous. Je vous croyais à Dresde, et c’est encore une peine de vous savoir cette privation. Je devine, que le п. Вяземский vienne vous voir, et partager votre solitude: son pauvre coeur a besoin de calme, et de consolation. Il est près de Dieu, celui-là, mais le tourbillon où il a vécu, ôte la possibilité de recevoir avec récompense les plaies, que la Providence envoie. Je serais moins troublée pour lui, si je le savais auprès de Vous. Moi aussi, je suis plus que malade. Chaque soir je me couche avec l’idée de ne plus me relever le matin: mes maux de tête me donnent l’air d’une personne ivre, je chancelle quand je marche, je dis un mot pour un autre en parlant, et il faut que je profite des intervalles lucides bien rares jour pour pouvoir écrire. C’est un état pénible, mais la viellesse, étant une préparation à la mort, doit être une institutrice sévère et il faut être attentive à léguer.

Vous pensez à notre réunion, chère Elise; que Dieu vous en récompense: mais ce n’est pas en Livonie, que nous pouvons nous revoir: je n’aurais jamais les moyens

de venir jusque là. Vous viendrez à Moscou, ma chérie, avec notre Ange aimé, qui y est attendu, adoré, desiré; avec vos chers enfants, qui doivent donc enfin être des Russes. Vous serez mieux à Moscou que partout ailleurs, je suis sûre que vous vous plairez à cette société, dont vous serez le centre, à cette vie tranquille, que vous pourrez organiser d'après votre seule volonté!

Comment se fait-il que vous trouvez l'éducation de Sacha difficile? Cette chêre, poétique enfant a-t-elle quelque défaut qui vous attriste? Si elle est emportée, c'est le défaut de l'enfance de son Père, et voyez s'il y paraît! Ceci tient à l'effervescence de la première enfance, et passe aussi vite qu'elle. *Attachez-la à votre robe,* disait Mme L. à la fille. — C'est le seul conseil qu'on doit donner à chaque mère, et à vous plus particulièrement. O, comme j'aurais été heureuse de voir ces chères créatures, ce petit Paul, l'image de son père, cette charmante Sacha que j'aime avec attendrissement, pour les jolis contes qu'elle sait conter. C'est un grand bienfait de Dieu, qu'il vous a accordé *deux* enfants: un enfant *seul* est triste, il lui est moins facile d'être expansif, aimant. Leur amitié mutuelle, leur babil incessant, et la nécessité de comprendre l'un à l'autre -tout cela forme le caractère et l'ésprit, et *étend* le coeur.

Mon cher bienaimé, je vous ai parlé de Votre manuscrit que je gardais avec la plus grande reconnaissance. J'ai lu la table des matières, écrite à la fin du manuscrit, il manque deux articles: объ Английской и Русской политике и о Самоотвержении власти. — Vous savez si chacune de vos paroles a du retentissement dans mon coeur; il y a pourtant un seul article, qui m'a remué tristement l'âme et qui n'aurait pas dû se trouver sous *Votre* plume. C'est sur la peine de mort. Une société chrétienne ne doit pas, ne peut pas prononcer l'arrêt de mort d'un frère. Cet appareil pompeux de chants, de prières, ces murs où on immole une victime invisible; seraient très beau en Grèce quand elle était payenne; aux autels de Jupiter ou de Diane, — mais le Sauveur nos a donné un précepte sur la manière dont nous pouvons juger le pécheur: que celui qui est sans péché, jette la première pierre. Et certes, ce n'était pas pour cette femme seule que cette parole a été dite, mais pour tout pécheur tel quel. Et n'a-t-elle pas été répétée sur la Croix?

Et puis ne voyons-nous pas dans la vie de St Jean comment il a couru après un assassin, pour l'embrasser et prier pour lui? La société a, sans doute, le droit d'ôter de son sien celui qui est inusible à *tous*, mais elle n'a pas le droit de lui ôter la vie, car il peut se repentir. Il n'a pas éteint la mèche qui fume encore.

Je viens d'envoyer votre lettre à Кати, je suis sûre qu'elle vous écrira une lettre dont vous serez content. Si elle parle de grondeur, c'est encore une preuve d'amour. Tout ce qui est *Vous*, ne peut pas nous être indifférent, ni votre bonheur, ni votre gloire, ni vos enfants, ni leur avenir. Pardonnez-lui donc, même sans avoir reçu ses plaintes. Je n'ai pas vu Kathi depuis plus de trois mois, et maintenant l'hiver qui arrive (et nous sommes déjà au 1er Décembre) — nous sépare jusqu'au trainage qui sera encore longtemps incertain. J'ai de bonnes et charmantes lettres de Marie Dorochoff; elle a une mission (que je lui envie par vocation). Elle est l'institutrice de 80 jeunes filles. Si elle pouvait recevoir un mot de Vous, son adoré bienfaiteur (c'est ainsi qu'elle vous nomme), cela la rendrait bien contente.

Adieu mes amis chéris. Que Dieu vous bénisse. Je vous serre tous les quatre dans mes bras.

Eud. de Ielaguine
Le 1er Décembre.

Перевод

Милая душа моя, любимая подруга, как же так могло случиться, что вы не получили моих писем? Одно я отправила при посредничестве вашего обязательного друга месье Булгакова, второе адресовала прямо в Дрезден. Оба письма были написаны после ужасной новости, которая нас удручила. Я не могу видеть ваше письмо, дорогой друг, без ужасной, физической боли в сердце. — Пусть Господь сохранит в Вас ваше великолепное смирение; оно уже само Божья Благодать и доказательство тому, что Он с вами. Я считала, что вы в Дрездене, и это еще одна боль узнать от вас об этой утрате. Я думаю, что князь Вяземский приедет к вам, чтобы поддержать и разделить ваше одиночество, его бедное сердце нуждается в спокойствии и утешении. Он уже рядом с Господом, но тот круговорот, в котором он жил, лишает возможности принять с благодарностью раны, которые посылает провидение. Я была бы менее обеспокоена за него, если бы знала, что он рядом с вами. — Я тоже больше, чем больна. Каждый вечер я ложусь спать с мыслью, что утром больше не поднимусь. Мои головные боли придают мне вид пьяного человека: я шатаюсь когда хожу, я заговариваюсь и, чтобы написать вам, я дожидаюсь редких мгновений просветления. Это ужасное состояние, но старость, будучи приготовлением к смерти, должно быть, суровый учитель. и необходимо быть внимательным при завещании.

Вы думаете о нашем воссоединении, дорогая Елисавета, да вознаградит Господь вас за это: но не в Ливонии мы можем увидеться. Я никогда не смогу доехать туда. Вы приедете в Москву, моя дорогая, с вашим любимым Ангелом, который так ожидаем, любим, желанен; с вашими дорогими детьми, которые должны же быть русскими. — Вам будет в Москве лучше, чем где-либо на земле, я уверена, что вы понравитесь этому обществу, центром которого вы будете, вам понравится эта спокойная жизнь, которую вы сможете организовать по вашей воле!

Как же так случилось, что вы считаете сложным Сашино воспитание? Это дорогая, поэтическая девочка, есть ли у нее какие-либо недостатки, которые вас печалят? Если она вспыльчива, то это недостаток детства ее отца, и вы видите, что он проявляется. Это связано с волнением раннего детства и так же быстро у нее пройдет. *Привяжите ее к своему платью*,— говорила мадам Л. своей дочери. — Это единственный совет, который должно дать каждой матери, а вам особенно. О, как я была бы счастлива увидеть эти дорогие создания, этого маленького Павла, портрет его отца, эту очаровательную Сашу, которую я люблю с умилением за ее прекрасные сказки, которые она умеет рассказывать. — Это великое благо, что Господь дал вам *двух* детей: *единственный* ребенок — печален, ему сложно быть жизнерадостным, любящим. Их взаимная дружба, их бесконечный лепет и необходимость понимать друг друга — все это формирует характер и ум, и углубляет сердце.

Мой дорогой друг, я вам рассказывала о вашей рукописи, которую я храню с большой признательностью. Я прочитала оглавление в конце рукописи, отсутствуют две статьи: об Английской и Русской политике и о самоотвержении власти. — Вы знаете, как каждое из ваших слов имеет отзвук в моем сердце, тем не менее, есть одна статья, которая наполнила грустью мою душу и которая не должна была выйти из-под *вашего* пера. Это о смертной казни. Христианское общество не должно, не может выносить решения о смертном приговоре брату. И этот пышный ритуал пения, молитв, эти стены, где умерщвляют невидимую жертву! Это было бы хорошо в Греции, когда она была языческая, на алтаре Юпитеру или Диане,— но Спаситель дал нам завет, по которому мы можем судить грешника, что тот, кто безгрешен, пусть первым бросит в него камень. — И, конечно, не для одной этой женщины сказаны были эти слова, но для

всякого грешника, какой он есть. И не было ли оно повторено на Кресте? — И потом не видим ли мы в жизни Святого Иоанна, как он побежал за убийцей, чтобы обнять его и молиться за него? Общество имеет, без сомнения, право отторгнуть от себя того, кто вреден для всех, но оно не имеет права отнять у него жизнь, *так как он может раскаяться*. «Он не потушил свечу, которая еще горит».

Я только что отослала ваше письмо Кате, я уверена, что она напишет вам письмо, которым вы будете довольны. Если она вас поругает, то это еще одно подтверждение любви.

То, что касается Вас, для нас небезразлично: ни ваше счастье, ни ваша слава, ни ваши дети, ни их будущее. Простите ее тем не менее, даже не получив ее жалобы. — Я не видела Катю уже в течение более трех месяцев, и сейчас наступает зима (у нас уже 1-е Декабря) — разделяет нас до перевозки на санях, которая будет еще невозможна долгое время. — У меня есть хорошие, милые письма от Маши Дороховой; у неё есть миссия, которой я завидую) — она учительница 80 юных девиц. — Если бы она получила хотя бы слово от вас, ее обожаемого благодетеля (так она вас называет), это сделало бы ее счастливой.

Прощайте, мои дорогие друзья! Да благословит вас Господь! Я сжимаю вас всех четверых в своих объятиях.

Евдокия Елагина.
1 декабря.

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, № 23, л. 50—51 с об.
Печатается по автографу.

392. В. А. Жуковский А. П. Елагиной

Баден 3/15 января 1852 г.

Благодарствуйте, моя милая Авдотья Петровна, за ваши письма; одно из них пришло прямо из Москвы, а другое вслед за ним из Дрездена; я был весьма им рад, ибо такое долгое незнание об вас начинало меня весьма тревожить. Но то, что вы о себе пишете, весьма для меня печально; вы страдаете и это омрачает вашу прекрасную жизнь. И я провел последние 6 месяцев не на розах; еще болезнь моя не кончилась и думаю, что продолжится всю зиму; глазу лучше, но всякая попытка на работу его снова воспламеняет и меня опять принуждает к бездействию, что для меня весьма тяжело: все мои работы и поэтические, и педагогические как будто разбиты параличом; особливо мне жаль последних; я наработал много, но то, что в настоящую минуту нужно, еще не сделал — а время летит и унесет меня, может быть, прежде, нежели успею сделать что-нибудь для детей моих. Как бы я желал показать вам мои педагогические работы: вы бы нашли их довольно оригинальными; и если бы Бог позволил мне исполнить план мой, то после меня остался бы, для пользы русских семейств практический, весьма уморазвивательный курс первоначального учения, который солидно бы приготовил к переходу в высшую инстанцию учения. Но план мой объемлет много, а время между тем летит; работа же по своей натуре тянется медленно, глаза и силы телесные отказываются служить, и я, при самом начале постройки, вижу себя посреди печальных развалин; это тяжело, но спорить с Божьей волей не должно:

жизнь не для того, чтобы что-нибудь здешнее для здешнего сделать, а для того, чтобы научиться при всяком случае уничтожать свою волю пред Высшею. Когда буду в Москве, покажу вам мои работы. Но когда же я буду в Москве? Этого теперь я и сам определить не могу: теперь уже мне и самому сделалось необходимо порядочное лечение. Гугерт говорит, что оно начнется в Марте и не прежде кончится, как в половине Июня. Не надобно вперед загадывать. Получили ли вы от Родионова полный экземпляр моих сочинений? Я давно к нему писал об этом. По моей просьбе Государь приказал купить все издание в казну, которой я уступил 20 процентов, из этого вышло, что у меня теперь есть капитал 30 т⟨ысяч⟩ руб⟨лей⟩ серебром, единственное достояние, которое по смерти моей останется моему семейству. Кстати о смерти: вы напрасно критикуете мою статью о смертной казни: во-первых, надобно вам сказать, что я этой статьи не сочинял, она сама собою написалась в письме к Великому Князю. Во-вторых, я в этой статье не рассуждаю о смертной казни и не думаю разрешать вопроса: должна ли или не должна быть смертная казнь? На этот вопрос отвечать весьма трудно. Я говорю только о том, что если уже существует смертная казнь, то из ее совершения не должно делать отвратительного зрелища, которое вместо пользы приносит жестокий нравственный вред. Я говорю, что смертная казнь, если она уже существует, должна быть величественным актом строгого человеческого правосудия и умилительным выражением любви христианской, спасающей душу в минуту погибели тела. Если вы из того, что я хочу, чтобы казнь совершалась *невидимо* толпе, выводите заключение, что я желаю, чтобы и суд и совершение суда производились в тайне, то это вовсе ошибочно: я хочу, чтобы одно только зрелище казни, вредным образом волнующее чувственность, было скрыто от глаз материальных, для которых и ужас имеет свою драматическую прелесть, но чтобы оно сохранено было для очей воображения и через них действовало на душу спасительным страхом, а не зверским удовлетворением праздного любопытства. Должна ли существовать смертная казнь, это другой вопрос; если я в моей статье говорю утвердительно, то это только оттого, что я не имел намерения вступать в рассуждения о том, что уже существует. Что бы я отвечал на этот вопрос, если бы мне задано было разрешить его, — не знаю; знаю только то, что в наше время, когда буйство и безверие опрокинули все преграды страстей, страх смерти есть необходимая подпора общественного порядка. — Обращаюсь теперь к другой вашей критике: вы нападаете на сюжет Странствующего Жида, и вы не правы, если полагаете, что я смотрю на него глазами Eugène Sue*, которого проклятый роман мне вовсе неизвестен. Я не намерен писать романической сказки, дабы повеселить праздное воображение поэтическими картинами. Предмет, мною выбранный, имеет объем гигантский; тому более 10 лет, как мне пришла в голову первая мысль и как я написал первые 20 или 30 стихов. Я принялся за исполнение своей мысли при начале теперешней моей болезни; половина поэмы написана, и тем, что написано, я доволен; но это была только службишка, а настоящая служба впереди. Вот уже три месяца, как работа остановилась; через несколько дней опять примусь за нее.

Дай Бог, чтобы я выразил во всей полноте то, что в некоторые светлые минуты представляется душе моей: если из моего гиганта выйдет карлик, то я не пущу его в свет. Последняя половина несравненно труднее первой, и я знаю, что во мне и сотой части того нет, что нужно, дабы мое создание могло соответствовать своему предмету. Скажу вам, что по поводу этой работы я сделал стихотворный, несколько сокращенный перевод апокалипсиса; из этого перевода 20 или 30 строк войдут в текст поэмы. — Но пора кончить. Моя жена вместе со мною вас поздравляет с Новым Годом; ваши оба письма несказанно ее тронули; она вас нежно любит и ее душа вполне понимает вашу: вы родные сестры. Она хотела вместе со мною писать к вам, но вместо того лежит: с некоторого времени овладела ею удивительная слабость; нынешняя зима была для нее гораздо лучше прошлогодней, и Гугерт был доволен ее состоянием; то, что с ней теперь делается, можно отнести к переменчивой погоде: у нас был снег и морозы до 12 градусов и вдруг перескочило на 12 градусов тепла; это не любо нервам. Прилагаю здесь ее ответ на письмо Кати Елагиной ко мне; она, как скоро сможет, будет сама писать к вам.

Ваш Жуковский.

Перевод

* Эжен Сю (*франц.*).

Автограф неизвестен.
Копия: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 105—107 с об., —108.
Впервые опубликовано: УС. С. 84—87.
Печатается по копии[1].

393. А. П. Елагина В. А. и Е. Е. Жуковским

27 января 1852 года

Mes chers amis aimés si tendrement, mon bienaimé Joukoffcky, et Vous, ma chère Elisabette, je vous serre tous les deux dans mes bras et je vous bénis de toute la force de mon âme avec nos chers enfants Sacha et Paul. Que le Seigneur Vous donne encore plusieurs années de bonheur au milieu de cette famille chérie; qu'il ne soit pas terni par aucune perte. C'est la première fois que j'écris cette année 52. Cette 13ième année bissextile; je l'ai commencé bien tristement: auprès du lit de mon cher Nicolas, qui est tombé gravement malade la veille, et qui pendant deux semaines m'a donné les plus cruelles angoisses que peut éprouver une mère. Grâce à Dieu, le voilà guéri; mais à la suite de ces inquiétudes (que j'ai cru avoir supporté avec résignation) je suis si abattue, si souffrante, qu'il m'est difficile de songer au printemps que je dois, peut-être, Vous revoir en Russie, et même impossible de me livrer à une espérance quelconque. Votre

[1] «Письмо диктовано и только подписано самим Жуковским» (Примечание А. Е. Грузинского. УС. С. 87).

lettre pour Катя, mon cher ami, m'a fait du bien et je Vous en remercie. Ne la grondez jamais, ne l'affligez jamais par aucune parole du moins; elle Vous aime comme un Père, elle vous respecte, vous chérit, et si elle vous dit ce qu'elle pense, c'est encore une preuve d'amour. Faudrait-il donc cacher ses sentiments à celui qu'elle aime au-dessus de tout? Son amour diminuerait avec la diminuation de la confiance. Je suis sûre que vous ne pouvez pas être fâché contre elle: si vous pouviez voir comme la pauvre enfant est changée! Comme elle est maigre, pâle; et comme elle rappelle souvent sa mère! — Elle a beaucoup compté sur Vous, sur votre retour pour améliorer ce qu'il y a de triste dans sa vie; Dieu est venu à notre aide, et son intérieur est beaucoup plus paisible et plus uni, maintenant que Basile a insisté sur un voyage de quelques mois; le séjour qu'ils ont fait en Crimée leur a fait du bien de toute manière.

— Mais qu'est-ce qu'il y a à dire par lettre! Jai rêvé aussi que dans ma vieillesse, je pourrai passer mes derniers jours auprès de vous, et que ces derniers jours compenseront toutes les amertumes de ma jeunesse et de mon âge mûr: mais que la volonté de Dieu soit faite! Cette dernière coupe n'est pas la moins pénible à accepter.

Votre famille de Russie, chère Elisabette, aurait tâché de vous rendre tous ceux que vous auriez quitté pour établir vos enfants en Russie, et je suis sûre que vous ne vous seriez pas mal trouvée au milieu d'êtres qui adoraient Joukoffcky, Vous chériraient comme une soeur, une amie, une personne sacrée. Je serais bien heureuse, si je pouvais vous revoir, je sais que nos coeurs s'entendraient, et que ce peu de mésentendu entre nous disparaîtraient entièrement. Mais je suis malade, bien malade; et peut-être à cause de cela bien triste. Les plaies de mon coeur couvrent de ténèbres toute ma vie.

Je vous remercie pour le nouvel exemplaire de vos oeuvres, c'est un cadeau qui sera toujours un trésor pour moi, mais pa grâce, ne m'ordonnez pas de le rendre à d'autres, j'avoue que je vous obéis alors avec répugnance, et je regrette tous vos chers présents dont il a fallu me séparer. Vous dites, cher ami, que vous n'avez que 30m.? Mais il faut les employer à acheter une campagne: c'est le meilleur moyen d'en avoir un revenu stable. Ordonnez-nous de chercher quelque chose de confortable: j'aurais aidé de Bélev dans ces recherches. Bélev s'étend. Et puis nous avons Moier, et mon fils Nicolas, qui maintenant est notre nourricier. Par exemple: il y a à 5 verstes d'Orel une terre de 600 десятинъ, que je vends pour 15т argent. Il y a une maison, un jardin etc, mais il faut louer les ouvriers, ce qui, peut-être, vous conviendrait mieux, que de les avoir en propriété.

Mais adieu, mes amis chéris. Je suis plus que fatiguée, ma pauvre tête me cause des douleurs bien fortes.

Que Dieu vous bénisse, ne m'oubliez pas, car je vous aime plus que tous ceux que vous aimez; *sans exception*, et cela depuis que j'existe. Probablement, aussi jusqu'à ce que j'existe.

Votre Eudoxie.

Le 27 Janvier, l'avant veille du 29.
à Bade

Son Exellence
Monsieur de Joukoffcky

Василию Андреевичу Жуковскому
В Баден

Перевод

Мои дорогие, так горячо любимые друзья, мой возлюбленный Жуковский, и вы, моя дорогая Елисавета, я вас сжимаю в своих объятиях и благословляю вас изо всех сил моей души вместе с вашими детьми, Сашей и Павлом. Пусть Господь даст вам еще многие годы счастья в этой дорогой семье, пусть не будет у вас никаких потерь. — В первый раз пишу в этом году 52. — Это 13-й високосный год, я его начала довольно печально: у постели моего дорогого Николая, который серьезно заболел накануне, что в течение двух недель держало меня в страшной тревоге, которую может испытывать мать. — Слава Богу, он уже выздоровел; но из-за этих беспокойств (которые, я считаю, перенесла безропотно) я так измождена, так измучена, что мне трудно думать о весне, когда, возможно, я снова увижу вас в *России*, и даже невозможно предаться какой-либо надежде. — Ваше письмо к Кате, мой дорогой друг, мне доставило наслаждение, и я благодарю вас за это. Не браните ее никогда, по крайней мере, никогда не огорчайте ее даже словом: она любит вас как отца, чтит вас, дорожит вами, и если она говорит то, что думает, это еще одно подтверждение любви. Надо ли прятать эти чувства к тому, кого она любит больше всего? Ее любовь стала бы меньше, если бы было меньше доверия. — Я уверена в том, что вы не сможете рассердиться на нее, если бы вы видели, как изменилось это бедное дитя! Какая она худая, бледная, и как она напоминает ее мать.

Она очень рассчитывает на вас, на ваше возвращение, чтобы изменить то, что было грустного в ее жизни. Господь пришел к нам на помощь и ее внутренний мир гораздо более безмятежен и целен сейчас, после того как Василий настоял на путешествии на несколько месяцев; отдых, который они провели в Крыму, в любом случае пошел им на пользу.

Но что можно рассказать в письме! — Я мечтала, что в старости смогу провести рядом с вами свои последние дни, и что эти дни возместят все горести моей молодости и даже моего зрелого возраста. — Но все свершается по воле Бога. Эту последнюю чашу испить было не менее мучительно.

Ваша русская семья, дорогая Елисавета, постарается заменить вам всех тех, кого вы покинули, чтобы устроить ваших детей в России, и я уверена, что вы будете неплохо чувствовать себя среди людей, которые обожали Жуковского, нежно любили вас как сестру, подругу, как святого человека. — Я была бы очень счастлива, если бы смогла снова вас увидеть, я знаю, что наши сердца поняли бы друг друга, и все небольшие недоразумения между нами исчезли бы окончательно. Но я больна, серьезно больна и, может быть, поэтому грущу. Мои сердечные раны покрывают мраком всю мою жизнь.

Я вас благодарю за новый экземпляр ваших произведений, который всегда будет для меня сокровищем, но, ради Бога, не требуйте от меня отдать его другим. Я обещаю, что буду слушаться вас со смирением, и я сожалею о всех ваших дорогих подарках, с которыми я вынуждена была расстаться. Вы говорите, дорогой друг, что у вас только 30 тысяч? — Но их надо использовать на покупку деревни: это лучший способ иметь постоянный доход. Прикажите нам найти что-либо уютное. Я сделаю доброе дело из Белева, помогая вам в этих поисках. Белев разрастается. И потом, у нас есть Мойер, мой сын Николай, который сейчас наш кормилец. Например, есть в 5 верстах от Орла земля в 600 десятин, которую продают за 15 т. серебром. Есть дом, сад и т. д., но надо нанимать рабочих, что, может быть, вам лучше подойдет, чем иметь их в собственности.

Но прощайте, мои добрые друзья. Я очень устала, моя голова причиняет мне сильные боли.

Да благословит вас Господь, но не забывайте меня, ибо я вас люблю больше всех тех, кого вы любите; *без исключения* — и это с тех пор, как я живу. Вероятно, также до тех пор, пока я живу.

Ваша Евдокия.
27 января, за два дня до 29!

Автограф: ОПИ ГИМ, ф. 368, № 23, л. 52—52 об.—53.
Печатается по автографу.

394. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

***12 марта.* 1852[1] Москва**

Вы знаете теперь и кончину Гоголя[2]. — Я приехала в Москву тотчас почти после похорон Хомяковой[3], с которой мы были дружны. Нельзя видеть без благоговения скорбь Алексея Сте⟨пановича⟩[4] — так скорбеть может только Христианин, но дай бог ему вынести и не упасть. — Он огорчен глубоко, изменился весь, похудел страшно и пожелтел, но молится бодро и работает из всех сил. Когда не в силах писать вновь, то перечитывает написанное или пишет масляными красками портрет покойной. Все церковные службы, утреннюю, час обедни слушает каждый день, занимается и детьми, но они еще так малы! Прыгали около гроба матери, радовались, что она так нарядна, и рассказывают, что она летает с Богом и около него. Недавно занемогла опасно их старшая дочь, 11-ти лет. Невозможно было смотреть на страдающее лицо Хомякова. В Туле, говорил он, был кулачный боец, который первый сильным ударом ошеломит противника, а вторым, маленьким, добьет его. — Но, слава Богу! Девочка оправляется[5] и опасность совсем миновала. — Кончина Гоголя тоже очень его расстроила. Мы все любили в нем и человека столько, сколько писателя, скажу даже больше человека, чем писателя. Горька судьба нашей литературы, все только что выступали на прямую дорогу, только что собрали запас на большой праздник, вырваны смертью посреди своих сокровищ и даже не оставили, кому расточить их. — Что бы дал нам Пушкин, углубившись в историю России? — что было теперь у Гоголя, при новом, просветленном его взгляде! — он сжег все написанное и уже готовое к печати. — Москва похоронила его торжественно, не знаю, кого не было на его похоронах и кто с любовью

---

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о смерти Н. В. Гоголя.

[2] *Вы знаете теперь и кончину Гоголя* — Н. В. Гоголь скончался 21 февраля/4 марта 1852 года.

[3] *...тотчас почти после похорон Хомяковой...* — Екатерина Михайловна Хомякова, урожденная Языкова, жена А. С. Хомякова, скончалась 26 января 1851 года; похоронена в Даниловском монастыре.

[4] *Нельзя видеть без благоговения скорбь Алексея Степановича...* — А. С. Хомякова.

[5] *Девочка оправляется...* — старшая дочь Хомяковых Мария (1840—1919).

и благодарностью не поспешил ему поклониться. А между тем, жил он, как только в Москве жить можно: совершенно уединенно и изредка навещал, кого хочет. — Вот, душа моя, как мы провели этот год, я же лично еще Богом посещена была: Николай мой с самого начала года был болен, и здесь перенес тяжелую болезнь, потом занемогла Маша, и оба теперь ходят, как тени; тяжело это видеть. На днях привезу сюда Катю с мужем и передам ей ваше письмо. Не будьте ею недовольны, моя душа: наверное, она не хотела оскорбить своим письмом, я не читала его, но знаю ее любовь к вам. Знаю, что она так же, как моя, беспредельна. Ведь в молодости нельзя равнодушно переносить многое, а покоряться нашей с вами разлуке все равно, что разорвать сердце.

Благодарю вас за ваши новые стихи Саше и Павлу[1]. Они еще не могут понимать их, зато как я здесь ими наслаждаюсь! Авось Бог даст прежде лебединой песни, на дневном солнце радостно воскликнуть: весна пришла! Весна пришла к нам молодая! Ваши стихи просто для меня сердечный праздник. — Только бессовестно хочу попросить у вас насытить вполне мою ненасытную утробу. Нельзя ли вам приказать прислать мне Одиссею? Вы знаете, что данный вами экземпляр я должна была передать Дунечке[2]; разумеется, что себе купила другой; но он напечатан на другой бумаге и потому не приходится под рост вашим стихотворениям, и переплести вместе нельзя. — Далее: не можно ли хоть стишков 20, из Жида вашего? Вы не воображаете, какая здесь пошлость литературная и какое отсутствие крыл, подымающих сердце на высоту. Я, пожалуй, никому не покажу.

Да правду сказать, и делиться этим сокровищем не с кем, кроме разве Хомякова, который во всяком настроении души не перестает чувствовать прелести ваших милых стихов. — Еще вопрос: нет ли у вас *прощальной повести* Гоголя?[3] Думаем, что никому кроме вас не мог он ее оставить. Посылаю вам портрет его, очень похожий: вам это будет приятно. — Милый друг, обниму ли я вас? — будем ли, спокойно сидя, говорить друг другу: *помнишь*? Мне не хочется делить с вами ни лебединого одиночества, ни иной грусти на сердце лежащей, а хочется с вами, при вас, вспомнить неумирающее прошедшее наше и благословить материнским благословением ваших детей. — Но будь Божья воля. — Пишу теперь к вам с пиявками на спине, а потому утомилась.

Простите, мой дорогой добрый ангел. Милость Божия да хранит вас.

Ваша Авд⟨отья⟩ Елагина.

---

[1] *Благодарю вас за ваши новые стихи Саше и Павлу* — «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским» («Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», «Мальчик с пальчик»), написанные в 1851 году и опубликованные в Карлсруэ в 1852 году.

[2] *...экземпляр я должна была передать Дунечке...* — Речь идет об Авдотье Васильевне Вельс, урожд. Азбукиной.

[3] *...нет ли у вас прощальной повести Гоголя?* — Речь идет о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Неужели я не написала вам о кончине нашей доброй Надежды Николаевны?[1] — Кажется, прошлого году я сказывала вам, что 14-е Мая ездила в Савин монастырь годовую слушать по ней панихиду. — Напишите, прошу еще, одно дружеское словечко Маше Дороховой: я перешлю ей в Сибирь, чтобы ей было теплее.

Автограф: РГБ, ф. 104, к. VII, № 47, л. 1—2 с об.
Печатается по автографу.

[1] *Неужели я не написала вам о кончине нашей доброй Надежды Николаевны?* — Надежда Николаевна Шереметева скончалась 14 мая 1851 года.

ДОПОЛНЕНИЯ[1]

16 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Весна — лето 1814[2]

Милый брат! вы ошибаетесь, ежели думаете, что здесь кто-нибудь может не всякую минуту думать об одних вас. Об Маше я и не говорю! Вы душу ее знаете! и для этой несравненной души должны беречь лучшее ее сокровище; — но если бы видели Маменьку[3], вы сказали бы верно: Она точно меня любит! — А всё любить мало нельзя, необходимо надобно всею душою. — С тех пор, как Воейков отдал ей ваши письма[4], она не перестает читать их и плакать. Вчера сказала мне: Он один меня любить умеет, нас никто не разлучит! — Боже мой! Как могли вы вообразить, что она вас не уважает? — Несправедливой быть можно только на минуту! истина и добро когда не перетянут? — а с этой истиной связано и все сердце! — С Машей она чрезвычайно ласкова, — всё это должно хоть немного вас утешить! — Теперь ждут Павла Ив⟨ановича⟩[5]. — Маша, Саша и Воейков уехали еще вчера в вечеру в Орел, их сюда привести; Маша рада очень Ал⟨ександру⟩ П⟨авловичу⟩[6] — здесь все хлопочут, убирают; но я не имею духа идти в ваш флигель! — Наши, может быть, дни два пробудут в Орле, сколько будет нужно, чтобы дождаться и привести Протасовых. Когда они будут проезжать Болхов, вы узнаете! — Простите, милый брат, друг, — хотелось бы вам сказать много, теперь когда нет здесь Маши, только с вами сердце полно, — но в нем очень много грустного, а этого не охотно делить. — впрочем, так сухо и пусто, как никогда не воображала. Прощайте! — Может быть, мы скоро увидимся! — Бог с вами! Берегите себя для нашего счастия.

Милый друг, благодарю вас, что вы хотите слышать несколько слов от меня, — я писала к вам, часа три после вашего отъезда, но все это не угодно было

---

[1] В период подготовки издания к печати были выявлены новые письма.

[2] Дата устанавливается на основании сообщения о поездке сестер Елагиных и Воейкова в Орел к П. И. и А. П. Протасовым с целью привезти их в Муратово, чтобы склонить Е. А. Протасову дать согласие на брак Маши и Жуковского.

[3] *… но если бы видели Маменьку…* — Речь идет о Е. А. Протасовой, см. прим. к письму 1.

[4] *С тех пор, как Воейков отдал ей ваши письма…* — Александр Федорович Воейков (1778 или 1779 — 1839), поэт, журналист, муж племянницы Жуковского А. А. Протасовой.

[5] *Теперь ждут Павла Ив⟨ановича⟩* — Протасов П. И., см. прим. к письму 13.

[6] *Маша рада очень Ал⟨ександру⟩ П⟨авловичу⟩…* — Александр Павлович Протасов (1790—1856), сын П. И. Протасова, сенатор, историк, двоюродный брат сестер Протасовых, Саши и Маши.

судьбе до вас доправить. Потом от посланных к вам от Воейкова узнала только вчера, когда они уже уехали, — и для того с ними не писала. — Милый друг! ежели в моей было власти, как бы закричала вам: возвратитесь опять снова! — хоть чувствую часто, что ваш отъезд был необходим. Но в Муратове без вас нет ни счастия, ни спокойствия, ни минуты удовольствия! Боже мой, Боже мой, когда вообразишь, что одно слово могло бы все переменить и счастие небесное могло бы заступить место этой мучительной тоски, грусти сокрытых слез — милый брат! чуть ли не нужно и мне связать себе руки! а еще бы лучше глаза и уши; а лучше — еще сердце — но правду сказать это не нужно! ничто так его не сжимает, как несправедливость, как незаслуженная холодность и подозрение.

Автограф: ПД, № 28041, л. 3—3 об.
Печатается по автографу.

168 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

2 е мая 1828[1]

Письмо это, друг мой, отдаст вам сам Николай Матвеевич Рожалин. Пишу теперь полное его имя (хотя вы его уже знаете) для того, чтобы увидев его не вздумалось вам спросить; как вас зовут на небе. — Ежели его возвышенная физиономия не сказала вам все — при первом взгляде, то мои рассказы мало вам скажут: в них увидите вы только мою к нему сердечную привязанность и несносную горесть ни на что не быть ему годной. Я уверена, что если есть что-нибудь нежнее симпатии, вы почувствуете это к нему, берегите же это чувство до его возвращения из Италии, тогда из любви к сестре вашей, дайте ему возможность пользоваться этим благом; замените ему меня непременно. Но знайте наперед, что заменить меня не совсем легко: мать, сестра, друг; — и вся эта полнота любви была не на что! Нет, Жуковский, легко быть ему больше, нежели я была. Моего сердца нельзя взять никому, да и не нужно никуда; действовать же можно лучше тому, у кого власть в руках, нежели тому, у кого только воля. — Но об этом после! — Теперь главное: скажите мне, как вы его полюбили, какое на вас имело влияние очарование его души? — Всё, что вам сделать для него теперь можно, есть вот что: 1-е. Дать ему письмо к Гете, на внимание которого он больше всех в России имеет право, как лучший переводчик его прозы. 2-е. Покажите ему ясно, что вы как Поэт, божественностью проникнутый, умели при первом свидании оценить его достоинство. 3-е. Дайте почувствовать Кайсарову[2], что он здесь уважен, известен, любим, след⟨овательно⟩, что Кай⟨саров⟩ должен будет его лелеять. Господи, Боже мой! Неужели эти люди,

[1] Дата устанавливается на основании сообщения о приезде Н. М. Рожалина в Петербург; о визите Рожалина к Жуковскому Елагина предуведомляла поэта в письме от 22 марта 1828 г.

[2] *Дайте почувствовать Кайсарову*… — Паисий Сергеевич Кайсаров (1783—1844), генерал от инфантерии, сенатор, брат друга Жуковского — Андрея Кайсарова, у которого Н. М. Рожалин рассчитывал пробыть несколько лет в качестве учителя его дочери.

на которые так ясно положена печать свыше, у которых в каждом движении, в каждом поступке слышишь небесный голос: celui-là est mon fils bien aimé, en lequel j'ai mis toute mon affection* — неужели и для них есть слепые и глухие?

8 Майя. Тогда не кончила — теперь ни к чему сердце не лежит. — Вот он вам, душа моя! В нем примите Ванюшу, Петрушу и все, что есть в моем сердце дорогого: воспоминание Маши. — Не забудьте о письме к Гете и совсем исполните все мои просьбы. Если пароход возвращается в Петер⟨бург⟩, перешлите немедля об нем мне весточку; если у вас скоро получаются слухи о его благополучном в Любек прибытии, уведомьте тотчас. Иван мой радуется и гордится вашею похвалою. Не знаю, удастся ли нам воспользоваться вашим советом, надеюсь однако, что скоро он к вам явится. О вступлении Петруши в службу еще не сделано никаких анштальтов[1]. Елагин мой и ленив и нездоров, а я не знаю никакого чиновника, которому лучше бы отдать его на руки. Вы в этом от нас не уйдете. Теперь прощайте, друг сердечный.

Монастырев каждый день меня бомбардирует просьбами к вам. Он умоляет, чтобы вы опять доставили ему какое-нибудь место при Почтамте. — Ему обещали здесь принять его в надзиратели в Восп⟨итательный⟩ дом, но целый год ждал по пустому: теперь уверяет, что вы одни можете поправить судьбу его.

Вот и вышло, что всего лучше быть дурой! Ванюша, прочтя письмо мое, говорит, что просьб моих здесь мало: Познакомьте нашего юношу со всеми замечательными лицами Германии: дайте ему хорошую рекомендацию к Тику, к Фридриху[2]; во Франции верно у вас есть интересные admirateurs**. В Берлине знакомы вы и любимы, давайте же, душа моя, все возможные способы человеку, жаждущему совершенства и оправдывающему всякую похвалу и всякое высокое ожиданье. — Уверена, что вы лень сбросите в самом важном для меня случае: Знайте, что приятнее для меня дружеского доказательства быть не может. — Я на вас полагаюсь, как на каменную гору, и так как исполнение моей надежды совершенно и единственно от вас зависит, то спокойно жду ее исполнения.

Перевод

* небесный голос: это мой горячо любимый сын, в которого я вложила всю свою нежность (*франц.*).

** поклонники (*франц.*).

Автограф: ПД, № 28041, л. 6—6 об.—7.
Печатается по автографу.

---

1 О вступлении Петруши в службу еще не сделано никаких анштальтов — *Анштальт* — приготовление, от нем. Anstalt.

2 *…дайте ему хорошую рекомендацию к Тику, к Фридриху…* — Людвиг Тик (Tieck Johann Ludwig, 1773—1853), немецкий писатель; Каспар Давид Фридрих (Friedrich Caspar David, 1774—1840), немецкий художник.

169 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

23 мая 1828 г.[1]

Ваша брань испугала бы меня, бесценная душа моя, если бы я сколько-нибудь ее заслуживала, но теперь дуйтесь, сколько хотите и ругайте меня в добрый час Авдотьей Петровной, я надутые ваши губки с дружбою целую и без страха отвечаю вам: письмо к Вельяминову[2] как получено, так и отправлено, а адрес его во-первых Я; во-вторых в Тулу такому-то Превосходительству. — Не клевещите на людей, кто может об вас что-нибудь неблагородное подумать? Видели ли вы моего Рожалина? Я жду от вас на многие мои просьбы ответа, и я несомненно говорю себе: c'est fait[*]. На вас-то полагаться во всяком случае должно. Вы ко мне сестру не пустили! Присылайте же поскорее печатные ее книжечки: ребятишки зовут нетерпеливо. Обнимаю вас за нашего Ваню; — он сам отвечать вам хочет.

23 майя[3].

---

[1] Дата устанавливается как ответ А. П. Елагиной на письмо В. А. Жуковского от 13 мая 1828 г.

[2] *… отвечаю вам: письмо к Вельяминову…* — Алексей Александрович Вельяминов, см. прим. к письму 153.

[3] Далее следует письмо-приписка Ивана Киреевского:

«Говорить вам о том, как мне дорого ваше участие, значило бы рассказывать докучную сказку, которая, кроме того, что без конца, еще и потому не интересна, что также хорошо известна слушателю, как и самому сказывльщику; потому, вместо всех благодарений, позвольте мне сказать только то, что из всех людей, знакомых мне и незнакомых, Русских и не Русских, ничье одобрение не могло бы для меня быть лестнее и драгоценнее Вашего, — и, поверите ли Вы этому? оно для меня тем приятнее, чем меньше было заслужено. — Благословение Ваше будет мне и опорою и вместе уздою: я исполню Вашу волю и употреблю все силы для того, чтобы со временем сделаться писателем. Я давно уже понял счастие и возвышенность этого звания, всегда священного, но особенно важного в наше время, в нашем отечестве, где еще столько полей необработанных и потому ни одно семя не пропадет понапрасну, где участь будущей жатвы зависит от чистоты и выбора семян и где, следовательно, достаточно одной доброй воли, чтобы быть сеятелем небесполезным. Впрочем, удастся ли мне или нет, но за одно могу ручаться; что целью моего образования, образцом, к которому постоянно я буду стараться приблизиться, — останется всегда то чистое стремление к высокому, которое, еще с детства, в таком заманчивом виде я узнал от Вас, и теперь, Вам, как посаженному отцу, который благословляет меня на новое отношение к жизни, я даю слово в том, что

Будь сиянье, — будь ненастье, —
Будь, что надобно судьбе, —

но путеводной звезды моей я никогда не потеряю из глаз.

Чтобы перейти от небесных звезд к земным, позвольте мне еще поблагодарить Вас за Булгакова. Я бываю у него довольно часто, он познакомил меня с своим семейством и знакомство с ним для меня тем приятнее, чем меньше я имею в нем нужды. Ибо все, чего я ищу в службе, это: возможности не служить, и начальники мои без труда исполняют мое желание потому, что в нашем Архиве бывает дел, в течение года, круглым счетом ни одного, и мы, служивые, употребляемся только для пышности Большого и Малого двора, т. е. для того, чтобы дамам, на

Перевод

*это факт (*франц.*)

Автограф: ПД, № 28041, л. 4—4 об. —5.
Печатается по автографу

316 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому.

6 мая 1842[1]

Мой друг бесценный, от вас опять ни словечка!

Сердце мое смущается, боюсь, не закралась ли змея в ваш рай? — Что здоровье нашей милой Елисаветы? оправилась ли она? — не беременна ли опять? Всё это вижу я во сне и забочусь на яву. Мои письма до вас не доходят, и я пишу всегда без надежды услышанья, но писать самой мне необходимо. Сестра Ан⟨на⟩ Пе⟨тровна⟩ получила от вас только то единственное письмо, которое я ей переслала, писанное в день Нового года, и оно было единственным утешением в ее горе. Замужество Маши точно столько же сокрушают ее, сколько потеря мужа, она и с нею рассталась. Думаю, что мы будем жить вместе; нынешнее лето увидимся и, сколько возможно, распорядим наше будущее: ни ей, ни мне многого не нужно, а что есть, разделим радостно, хотя простой кусок хлеба. Я писала вам о Мишенском, но, кажется, сестра не думает им распорядиться, да и при теперешних переменах, может быть, и не нужно. Ежели Бог даст ей опомниться, то станем опять что-нибудь издавать вместе. Я предлагала Одоевскому Библиотеку для воспитания, но он без вас ничего предпринимать не хочет. Увидим, что выйдет из наших общих сил, обе мы имеем порядочный запас доброй воли и любви, но, кажется, это не многим нужно. От воспитательниц казенные места требуют Парижского выговора, а книгопродавцы — известности. Покуда живем кое-как, послушны року и прискорбно-равнодушно идем в беспредельное. — Грустно было хоронить Орлова[2] посреди самого цвета мужских лет его. Катерину Ник⟨олаевну⟩ видеть невозможно равнодушно[3]. Энергия, с какою она переносит

балах Малиновского и Булгакова, было с кем танцевать. — Но если им вздумается (что впрочем невероятно) заставить меня служить в самом деле, — тогда я на них пожалуюсь Вам, потому, что они оба уважают Вас как нельзя больше.

Задумавши писать статью о Пушкине, я в то же время хотел написать такую же о характере Вашей поэзии. Мне бы весело было сказать слово от сердца о том, что глубоко в сердце. Но я не знал, приятно ли это будет Вам, и я хотел бы это знать прежде, нежели примусь за перо. В моем беспристрастии вы можете быть уверены, впрочем, если это Вам будет усердно, то я пришлю к Вам статью прежде печати, для того, чтобы Вы могли ее отрецензировать. Благословите ли Вы Вашего Ваню?».

[1] Дата определяется по штемпелю: «1842. 6 Май».

[2] *Грустно было хоронить Орлова*… — Михаил Федорович Орлов (1788—1842), генерал-майор, «арзамасец», член Союза Благоденствия.

[3] *Катерину Ник⟨олаевну⟩ видеть невозможно равнодушно* — Екатерина Николаевна Орлова (урожд. Раевская, 1797—1885), жена М. Ф. Орлова.

потерю всего, что любила, изумительна. Она ни на минуту не предалась горю; но вся им оделась, действует не переставая, и делает всё, что нужно, всё помнит, всё предвидит. — Но я уже вам о том писала.

Бунинские наши все здоровы, здесь идет слух, что одна из Воейковых фрейлина: это было бы совсем хорошо для них теперь, обе могли бы поехать в Петербург и жить независимо. Обе созданы для свету и будут его украшением[1]. Домашняя их жизнь с Мойером не очень согласно идет, и для обеих лучше расстаться. Скоро я всех увижу. Горько, когда хорошие люди себе отравляют жизнь, хотелось подбавить им для улажения той любви, которой у меня такой избыток и которая, надеюсь, исправит когда-нибудь мой собственный быт. Мне опять крепко нездоровится, видно, воды Карлсбада, как и всё внешнее, не дают ни жизни, ни силы человеку. Я, между тем, совершенно покорилась судьбе своей, да на мою долю досталось много прекрасного: Вы, мое сокровище, которого счастье — отдых всей души моей; мысль об вас всё равно, что доброе дело: вами мирюсь и утешаюсь со всем, враждебным мне в жизни, со всеми несправедливостями судьбы. — И добрые дети мои: Благословение, посланное мне Богом в них, ежеминутною благодарностию наполняет моё сердце. Петр приступает к изданию своих песен. Он подал мысль Языковым разобрать Синбирский домашний архив, и теперь печатается сборник частных грамот, посвященный памяти Карамзина[2]. Тут много очень приятного, исторического. — Василий выдержал экзамен на магистра прав и нынешним летом поедет в Германию, посмотреть на Берлин и его ученых, возьмет и ваше благословение. Он будет ⟨*1 нрзб.*⟩ хорошим человеком. — Попов уехал уже в Берлин[3], я хотела с ним послать фарфоровых яичек Елисавете, но он заторопился. Хомяков, Свербеев низко вам кланяются[4] (с ними видимся мы ежеденевно), также добрая Ек⟨атерина⟩ Ф⟨едоровна⟩ Муравьева[5] и К⟨атерина⟩ Н⟨иколаевна⟩ Орлова. Надежда Ник⟨олаевна⟩Шереметева ежедневно о вас спрашивает и молится. Получили ли письма мои? Где будете вы лето? Я буду в Петрищеве, сестра будет в Мишенском. Табак опять к вам отправила к 1-му Мая.

Автограф: РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 36—36 об.
Печатается по автографу

---

[1] *Обе созданы для свету и будут его украшением* — Речь идет о дочерях А. А. и А. Ф. Воейковых, Александре (1817—1893) и Марии (1826—1906), принятых во фрейлины после смерти матери.

[2] *…теперь печатается сборник частных грамот, посвященный памяти Карамзина* — «Синбирский сборник», посвященный памяти Н. М. Карамзина, вышел в Москве в 1845 г.

[3] *Попов уехал уже в Берлин…* — Александр Николаевич Попов (1820—1877), историк, славянофил.

[4] *Хомяков, Свербеев низко вам кланяются…* — А. С. Хомяков, см. прим. к письму 316; Д. Н. Свербеев, см. прим. к письму 182.

[5] *… также добрая Ек⟨атерина⟩ Ф⟨едоровна⟩ Муравьева…* — Е. Ф. Муравьева, см. прим. к письму 42.

378 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому.

24 июня 1849

Благодарствуйте за ваше письмо, милый мой Ангел! знать об вас мне необходимо, хоть я за вас не тревожусь! Думаю, что я не тревожилась бы за вас, даже во время Богов. Какая бы здесь на земле ни была мерзостная возня, есть Бог, Бог праведных и честных сердцем, и этот Бог сам вас хранит и ведет. Для меня эта вера связана с существованием души моей, и мне досадно на себя, когда беспокойство найдет на меня во время болезни и уныния. Оно кажется мне хулою. — Но горько, горько переносить эту долгую разлуку и не знать, увидимся ли? Что вы будете делать в Берне? Есть ли у вас там кто свой? с нашего неба? — Одиссея кончена! И кончена посреди дьявольских тревог бедной Германии! Как же нам не благодарить за это Бога? Этот бесценный светлый мир, дарованный вашей душе, не его ли благодать? — Ваша поэзия дает мне столько радости, что я не стремлюсь получить новый том: восторга души; всякое произведение приходит ко мне именно в то время, когда все мое сердце растерзано, и я принимаю его только понемногу, чтобы дать время опомниться. Рустема и первый том отдала (по вашему приказанию) Авдотье Васильевне[1], а сама читала их недавно у Петра. — Если возвратясь сюда меня не найдете, то отдайте обещанную записку Николе. Он теперь mon bâton de vieillesse* — Я стала очень, очень больна, не проходит дня без страданья; недавно опять лежала от воспаления печени и с тех пор едва могу ходить, так болят ноги, особливо пятки. Теперь год прошел тяжелым тем дням в которые страдала моя Лила[2], и хотя она беспрестанно в глазах у меня, но нельзя понять, как теперь мне вдвое тяжелее. Какой был чудный бред ее горячки! Всякое слово молитва, всякая мысль добро. Ничего несказала пустого, все было вера, чувство, любовь. — И это все в невольном бреду! Теперь у нас опять цветут те розы, которыми устлан был гроб и между которыми она лежала. Не могу видеть этот цветок без сжатия. Теперь я одна с Машей, все в Бунине на именинах Мойера. Болезнь моя лишает и ее праздников. Не сердитесь на сестру А⟨нну⟩ Петр⟨овну⟩ за ее умничанье. Она считает себя champignonом** (как говорит Никола) бабушки. Вы писали, что желаете предохранить Павла от того колоссального невежества, которое сами носите на плечах. Она вообразила, что это упрек не времени, а бабушке, как будто она нам не всем равно родная, и равно дорога. Она еще не в Одессе, а Маша с мужем в Петербурге[3]. Если б им была возможность ехать в Вену, то добрались бы и до вас. Вам

[1] *Рустема и первый том отдала (по вашему приказанию) Авдотье Васильевне…* — «Рустем и Зораб» — перевод В. А. Жуковским поэмы Ф. Рюккерта напечатан в «Новых стихотворениях В. Жуковского (СПб., 1849); А. В. Вельс (урожд. Азбукина), см. прим. к письму 61.

[2] *Теперь год прошел тяжелым тем дням в которые страдала моя Лила…* — Речь идет о дочери Авдотьи Петровны Елизавете Алексеевне Елагиной (1825—1848).

[3] *…Маша с мужем в Петербурге…* — Речь идет о Маше Зонтаг, племяннице Авдотьи Петровны Елагиной, дочери Анны Петровны Зонтаг.

весело бы взглянуть на нее: живая Господу хвала. Иван с женой и Васей тоже еще не возвращались из Петербурга. Не знаю, поместили ли они Васю, и куда послать письмо ваше не знаю, ибо они не пишут. Жаль мне Васю, и столько же Ивана. Вот за них тревожусь, и молюсь, и боюсь. — Слепые мы и горькие люди, ничего не понимаем! Хорошо тому, кто беззаботно вверился Промыслу Божию!

Страшно и странно на свете! Эта Германия, похожая на тихий рай земной, смиренный Дрезден, зачем все это вскарабкали и изувечили эти уроды? Чего им надобно? Кажется, будто все действуют с завязанными глазами и, конечно, на это есть особенный предел Провидения. Благослови Господи! Научи мя оправданиям твоим![1]

Но простите, милая душа моя! Не благодарю вас за все, но все берегу в сердце. Наша добрая Надежда Никол⟨аевна⟩ лишилась любимого внука своего, Муравьева[2]. Все ее частые письма ко мне наполнены дружбою к вам и молитвой о вас.

Chère bienaimée Elisabette, recevez un tendre baiser de la part de votre dévouée amie. Que les anges du ciel vous entourent et vous gardent de tout mal.

Votre soeur Eudokia.
Ce 24 juin 1849[***].

Перевод

[*] Он теперь моя опора в старости (*франц.*).

[**] Она считает себя грибом (*франц.*).

[***] Дорогая горячо любимая Елисавета, примите нежный поцелуй от вашей преданной подруги. Пусть ангелы небесные вас окружают и хранят от всякого зла.

Ваша сестра Евдокия.
24 июня 1849 (*франц.*).

Автограф: ПД, № 28041, л. 8—9 с об.—10.
Печатается по автографу.

---

[1] *Благослови Господи! Научи мя оправданиям твоим!* — А. П. Елагина цитирует ст.118.12 из Псалтири.

[2] *Наша добрая Надежда Никол⟨аевна⟩ лишилась любимого внука своего, Муравьева* — Н. Н. Шереметева, см. прим. к письму 143. Речь идет о смерти Василия Михайловича Муравьева (1828—1848), сына Пелагеи Васильевны (урожд. Шереметевой) и Михаила Николаевича Муравьевых.

379 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

20 д⟨ека⟩бря 1849 г.[1]

Вот еще Новый год начинается! заметка, по которой знаем, что друг о друге вспомнили и друг о друге помолились. Благослови вам этот год Господь, пусть всякий день будет в нем радость и полная благодарность Богу. Давно об вас ничего не знаю, возлюбленный души моей. Что наша милая Елисавета? Успокоились ли вы на счет ее здоровья? И вы сами? Окончив так успешно, так быстро Одиссею, что взяли себе на руки? Как ни укладывайтесь на лаврах, а все не заснете. Да и зачем, пока можно? — Придет ночь, в которую никто работать не будет. — Пишите теперь для детей.

Милые ваши дети! вот первое число, когда вы получите это письмо, Павлу будет пять лет! а поэтическая Сашка уже, верно, большенькая. Дано ли мне будет счастие их увидеть! пожить с ними! — Я не молюсь об этом, потому что сердечно верю, что Бог, посылая горе душе моей, знает, что мне надобно, и принимаю с благодарностию всякую судьбу и всякое будущее, какое угодно Ему будет послать! — но еще многого хочется.

У нас все попрежнему тихо и уединенно. Мойер позволил наконец Кате весною поехать куда-нибудь для подкрепления здоровья. Не знаю, куда они решат, если не можно в Германию, но знаю, что ей необходимо подкрепиться. Всю осень у нее сведена была нога и по временам лихорадка с сильным жаром и большою слабостью. — Я давно ее не видала, потому что сама всё больна. Вот и Иван Вас⟨ильевич⟩ приехал в Долбино еще в Октябре и я не смогла еще до них добраться: ведь если сама не поеду, то не увижу ни детей, ни На⟨талью⟩ П⟨етровну⟩. — Сашеньке уже 11 лет, а она у меня ни разу не была, а двух меньших я совсем не знаю. — Сестра Анна П⟨етровна⟩ в Мишенском живет совсем одна и не скучает. — Она занята столькими мелочными домашними штучками, что совсем довольна живет и из-за своего забора не летает ни за кем. Она могла бы спросить; Wie, ⟨*нрзб.*⟩ macht* Анна Петровна? — так погрузилась в вязанье и в копанье. По-моему все это никуда не годится. Ей можно полезнее быть. Возвратившись, заставьте ее писать в детский журнал которого будьте издателем. — А я буду с детьми вашими его читать и их любить, любить, любить. Вот я только на это и гожусь.

Не видаете ли вы Юлию Мантейфель — Она жила прежде в Бадене. Передайте ей моё братское объятие. Пока я жива, то и Маша еще живет на земле, скажите это ей[2]. Простите, душа моя. Обнимаю вас крепко, крепко и благословляю всем сердцем.

Ваша Ав. Елагина.

---

[1] Дата устанавливается на основании указания о том, что в январе следующего года сыну Жуковского Павлу исполнится 5 лет: П. В. Жуковский родился в 1845 г.

[2] *Не видаете ли вы Юлию Мантейфель? ⟨...⟩ Пока я жива, то и Маша еще живет на земле, скажите это ей* — Судя по упоминанию имени Маши Протасовой, речь, вероятно, идет о дочери Мантейфелей, дерптских знакомых В. А. Жуковского и А. П. Елагиной.

Chère amie, que Dieu vous envoie ses bénédictions, à vous, et à nos chers enfants ! Je vous embrasse, et vous prie de penser à moi pour me mettre au milieu de vous, comme j'y suis en idée. J'espère que votre santé est meilleure, et que l'été prochain nous réunira. Nous sommes ici tous les invalides, chacune de nous porte quelque maladie. C'est une grande grâce de Dieu que ces souffrances que j'envoie à la vieillesse, mais vous, ma chérie, et Катя, vous devez être jeunes, bien portantes de corps et d'âme, et vivre heureuses de longues années. Je vous envoie quelques lignes que je viens de traduire pour vous d'un des ⟨*нрзб.*⟩ par un de nos missionnaires, c'était un homme sain, rempli de charité et de zèle. J'aurais eu bien des choses à vous dire, je les remets toutes à notre heureuse réunion. Marie vous embrasse et moi aussi encore une fois. **

Перевод

* как ⟨*нрзб.*⟩ делает (нем.)

**Дорогая подруга, пусть Бог шлет вам свое благословение, вам и вашим детям! Я вас обнимаю и прошу думать обо мне, так я окажусь среди вас; что до меня, то в своих мыслях я среди вас. Я надеюсь, что ваше здоровье уже лучше и что на следующее лето мы соберемся вместе. Мы все здесь инвалиды, у каждой какая-нибудь болезнь. Это большая милость Божья, эти страдания, которые я списываю на старость. Но вы, моя дорогая, и Катя, вы должны быть молоды и здоровы телом и душой и жить счастливо долгие годы. Я вам посылаю несколько строчек, которые я только что перевела для вас ⟨*нрзб.*⟩ с одним из наших миссионеров, это человек здравый, он полон доброты и усердия. Мне столько надо вам рассказать. Я откладываю все это на наше долгожданное собрание. Маша вас обнимает и я тоже еще раз (*франц.*).

Автограф: ПД, № 28041, л. 16—17 с об.
Печатается по автографу.

379 б. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

3 июля 1850

Мой милый друг, давно уже я не писала к вам, но знала об вас от сестры Ан⟨ны⟩ П⟨етровны⟩. — Бывают на меня дни и месяцы жестокие, когда я не в силах бороться с унынием претяжелым; тогда я не пишу, а если пишу, то письма мои подвергаются той же участи, которую испытали три письма к вам и к Елисавете от 21-го Апреля и 21-го Мая. — Часто господь в милосердии своем пробуждает сердце мое неожиданным милосердным посвящением. — Но что до моих глупостей! Вот вам исторический доклад наших происходимостей (так говорит Петр). — Мы просили Кате позволения ехать в чужие края; ей велели купаться в море. — Маша Воейкова, к которой адресовались[1], написала нам, что Государю совсем не угодно отпускать наших молодых людей, ее спутников, Васю и братьев его, и потому надобно было решиться на иное. Мойер посоветовал волны Черного моря, и я проводила Катю

[1] *Маша Воейкова, к которой адресовались…* — Мария Александровна Воейкова (в замуж. Бреверн де ла Гарди, 1826—1906), фрейлина, младшая дочь Воейковых.

с мужем и братом 9-е Июня в Крым. — Известий от них еще не имею. — Между тем Иван Киреевский привез сюда своего Васю, принятого после годичных трудов и экзамена в Лицей. Тотчас по приезде Вася занемог нервной горячкой и от 10 июня до сего дня мы сидели над ним с невыразимым страданием. — Теперь ему получше и опасность, кажется, миновалась. — Я воротилась домой в Петрищево, отслужить двухгодовую тризну по моей Лилушке, которая скончалась 4 июля, уложить розами ее милую могилу, — и написать к вам это письмо. — Ради Бога, друг мой, напишите доброе письмо к Броневскому[1], об больном моем внуке. Ему велено непременно явиться к 1-му Августу, и вероятно он и явится. Как ни будет слаб, но, верно, всякими силами стремиться будет исполнить веление. Попросите вашим могучим словом, чтобы щадили его слабое здоровье. Нервная горячка оставляет долгие следы, не понимаю, как бедный мальчик выдержит всю необходимость этого учения наизусть и прочих натяжек. — Если начальники не пощадят его здоровья, то ненадолго его станет. — Бедный отец точно так же теперь худ и бледен, как наш мальчик. На обоих глядеть сердце рвется. — Господи! Помилуй нас: ужасное живем время.

Вы спрашивали, на что взяли у Родионова 200 р⟨ублей⟩. сер⟨ебром⟩[2]. По вашему приказу за два года Катер⟨ине⟩ Ильиничне Астраковой[3], которая в жалком была положении. Ох, когда-то вас увижу! Обнимаю крепко, всею душою молясь за вас. Будьте Богом хранимы!

Ваша Ев. Елагина.

Вы знаете, что наша добрая Надежда Ник⟨олаевна⟩ скончалась 11 Мая[4].

Автограф: ПД, № 28041, л. 10—10 об.
Печатается по автографу

379 в. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

30 июля 1850 г[5]

Душа моя, бесценный Жуковский, так сердце и юкнуло, когда прочла в письме вашем к сестре А⟨нне⟩ П⟨етровне⟩, что вы скоро сюда едете! Неужели я обниму

---

[1] *…напишите доброе письмо к Броневскому…* — Дмитрий Богданович Броневский, генерал-лейтенант, Директор Царскосельского Лицея в 1840—1853 гг.

[2] *Вы спрашивали, на что взяли у Родионова 200 р⟨ублей⟩. сер⟨ебром⟩* — Ростислав Родионович Родионов (ок. 1800—1872), старший чиновник Собственной канцелярии императрицы Александры Федоровны, душеприказчик Жуковского.

[3] *По вашему приказу за два года Катер⟨ине⟩ Ильиничне Астраковой…* — дочь Авдотьи Степановны Астраковой, московской знакомой Жуковского, опекаемой А. П. Елагиной по просьбе поэта.

[4] *…наша добрая Надежда Ник⟨олаевна⟩ скончалась 11 Мая* — Н. Н. Шереметева, см. примечание к письму 143.

[5] Дата устанавливается на основании упоминания о «брошюрке» «Иосиф Радовиц» (см. письмо 379), написанной Жуковским в 1850.

вас? Дерпт не так далек, чтобы туда мне невозможно было добраться! лишь бы знать вас там. Вот теперь июль в конце, может статься, вы выехали! — но скоро ли я об этом узнаю? — Сердцу моему нужна была эта надежда, мне столько, столько было горя, что несмотря на всю совершенную преданность Божией воле, хорошо вздохнуть не горько. — Только что Катя с обоими моими Елагиными уехала купаться в Черное море, Вася Киреевский занемог на другой день приезда своего домой, нервной горячкой; едва встал на ноги, занемогла мать его, и бедный Ванюша мой, оставив больную жену, должен был ехать с едва выздоравливающим сыном в Петербург! Наташа сама этого хотела для того, чтобы слабому мальчику не досталось вдруг потерять слишком многого, для того, чтобы догнать сверстников, и боялись не поспеть к назначенному сроку. — Если вы скоро будете в Петер⟨бурге⟩, мой друг, навестите моего Васю, охраните его своими крылышками, вам это возвратится в Павле. Теперь Наталье Кир⟨еевской⟩, слава Богу! лучше, и я поехала в Бунино навестить старика нашего Мойера в его одиночестве. ... et ces deux pauvres ruines se consolaient entre eux*.

Бунино пустее обыкновенного. Седой, беззубый Мойер деятельно хозяйничает, возит воз, бродит посреди тысячи далий разноцветных и раскладывает грандпасьянс, не глядя на карты и переносясь мыслью не знаю, в прошедшее или в текущие дела. Я сижу против него, всё жду, чтоб дверь отворилась. — Брошюрки вашей мы еще не получили… Отрадно будет читать совестливое мнение честного человека. Правда и прямота, вместе с силою воли, ушли, кажется, от людей. Но авось, вас я скоро увижу! Всё горькое исчезает при этой мысли. Простите, однако, теперь так жарко, что просто таешь. Обнимаю вас крепко и всю вашу драгоценную семью милости Божией поручаю. Господь да хранит вас.

Ваша Авд. Елагина
30 июль Бунино.

Перевод

* И эти две бедные руины утешали себя (*франц.*).

Автограф: ПД, № 28041, л. 12—12 об.
Печатается по автографу

379 г. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

10 августа 1850 г.[1]

Благодарю вас, милая душа моя, за вашу прекрасную сердцекрепительную брошюрку. Я понимаю потребность вашей дружбы, но по самой защите вашей,

[1] Дата устанавливается на основании указания о получении «брошюрки» об И. Радовице, написанной Жуковским в 1850 г.

вижу, что Радовиц не имеет нужды в защите[1]. Какое счастие ему быть таким образом ненавидимому, оклеветану! Несть раб божий Господа своего аще мене изгнаша и вас изжинут[2]. Не всякому достается в наше время страдать за правду и счастлив, счастлив тот, кто мог выбрать это прекрасное страданье. — Горько, тяжело видеть везде около себя людей унылых, понимающих добро и истину и не стремящихся за ними, страдающих от неправды мира и не действующих за правду, тяжело повсеместное, апатическое страдание, — и сердце забьется радостно, когда попадется человек, подобный этому воинственному монаху. В 1803-м году, когда мы были дети, Маша благословила меня образом Усеченной Главы Предтечи, потому что та всегда поднимала душу жизнь этого Святого, исчезнувшего в любви и благоговении перед Грядущим Спасителем; и — смерть его за Правду. — Кажется, готова бы я была послать Радовицу этот образ. — С вами ли теперь этот человек? Мир его под кровом Того, кому он так глубоко предан, должен быть заразителен, и я уверена, что он много действует на нашу милую Елисавету. — Два письма мои к ней на посланье, вижу, что они не нужны, и боюсь, чтобы не показались ей неприятны. — Если и исчезла надежда на наше с ней соединение, то я все равно не сомневаюсь, что она следует путем веры и убеждения внутреннего, и молюсь за нее прилежно.

У нас теперь несколько получше. Наташа Киреевская, слава Богу! встала и почти совсем оправилась. — Вам сестра Ан⟨на⟩ П⟨етровна⟩ написала, что Иван не пустил меня к жене. Пожалуйста, не примите этого как знак несогласия нашего или с его стороны непочтения. Иван более боялся расстроенного моего здоровья, сколько страдал за больную жену и не пустил к ней из лишнего бережения обеих нас. Сестра, погрузясь в самосозерцание, многое около себя не видит, или так видит, или хочет видеть иначе. Бедный мой Иван измучился, не достает сердца горевать за него и за него молиться. Он повез сына в Петер⟨бург⟩, оставя мать в сильной слабости, еще не поднимающую голову с подушки, сам исхудал и изныл сердцем так, что постороннему жалко. Он не знает еще, что все посланное Богом есть лучшее, но до этого ⟨*1 нрзб.*⟩ много нужно сил, чтобы дорасти, а она мелочными жизненными заботами не приобретается.

Елагины мои все трое купаются в Ялте и восхищаются красотою южного берега. Кажется, Маша Воейкова несколько самовольно не пустила их в чужие края, очень многие едут в Германию: но если вы оттуда уезжаете, то я и не тужу. — Путь их устроил Господь, и я с уверенностию предаюсь Провидению. Старик Мойер очень доволен, что они не уехали из России. Как-то примет он их возвращение!

Сами мы портим свою жизнь, а после жалуемся, что нам не хорошо. Отчего чужой совет всегда полезен? Оттого, что ни старость, ни самолюбие туда не

---

[1] *…Радовиц не имеет нужды в защите* — Йозеф фон Радовиц (Radowitz Joseph von, 1797—1853), прусский государственный деятель, публицист и религиозный мыслитель, один из близких друзей Жуковского в Германии.

[2] *Несть раб божий Господа своего аще мене изгнаша и вас изжинут* — А. П. Елагина цитирует стих из Евангелия от Иоанна, 15.20.

вмешиваются. Хорошо бы вам повидаться с Мойером и с нашими детьми. Надеюсь, что скоро это хорошее и сбудется!

Покуда обнимаю вас крепко. Вас, милых детей, которых жажду видеть, сестру мою дорогую. Мы теперь двое с Машей точно в монастыре живем, и если б не 25 градусов жару, то наслаждались бы деревней. С этим жаром ужасная засуха, приходится спасаться в чтении и ручной работе. — Прикажите же мне прислать Одиссею. Два купленных экз⟨емпляра⟩ у меня утащили.

Ваша неизменная до гроба Ав. Елагина
10-е Августа.

Автограф: ПД, № 28041, л. 114—14 об.—15.
Печатается по автографу.

380 а. А. П. Елагина В. А. Жуковскому

Конец декабря 1850 г.[1]

Бесценный друг, как встрепенулось все сердце мое, при чтении ваших писем. Благослови Бог вашу жену: Он сам вложил ей в сердце мысль и приведет ее на добрый путь[2]: я этому верю крепко и с умилением вижу, как прекрасна ее душа. — В совершенном моем молчании можете быть уверены, но ведь почта — почта. — Это письмо придет к вам 29-е, и в этот день вы мне напишите результат ее обещаний. Каков бы он ни был, души ваши розно быть не могут и путь один, если и пойдет здешняя дорога не рядом. Но и этого не будет, иначе зачем возбудилось ее сердце и потребовало не человеческого разума? — С волнением жду вашего письма; если Лютеранский пастырь действительно святой, то может ли он отвечать, что против своего исповедания? а если ответ его будет нам удовлетворител⟨ен⟩, то я признаю это чудом, которого одни вы достойны. Боже мой, какое это счастие нам на всю жизнь детей наших милых! Помните, душа моя, что я далеко от вас и что всё сердце моё с вами; напишите мне не медля.

Нет, милое мое сокровище, переписывать уже я не буду ни стишки ваши, как бывало, ни для дорогого Павла Евангелие![3] Моя рука дрожит и голова постоянно страдает. Очки мои часто прибавляют боли, и несмотря на то, что вышиваю цветы шелком (на престол одежду в ту церковь, где похоронен мой Андрюша), — половину дня и вечер весь я должна бездельничать.

---

[1] Датируется как ответ А. П. Елагиной на письмо В. А. Жуковского от 14 / 26 декабря 1850 г.

[2] *Благослови Бог вашу жену: Он сам вложил ей в сердце мысль и приведет ее на добрый путь…* — Речь идет о решении жены Жуковского перейти в Православную веру.

[3] *… переписывать уже я не буду ни стишки ваши, как бывало, ни для дорогого Павла Евангелие!* — В 1845 г. В. А. Жуковский завершил работу над переводом Нового Завета; рукопись хранилась в семье тайно до 1850 г. См. подробнее: *Священник Дмитрий Долгушин*. Новый завет в переводе Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского. СПб., 2008. С. 408—447.

(Будьте, о духи лесов[1] и пр.)

Зато Маша пишет хорошо[2], четко и охотно. Если б нам привелось пожить вместе, вы, конечно, употребили бы ее руку, как некогда мою. — Она по целым дням переписывает многие духовные сочинения, которые ей по сердцу. — Мы с ней теперь двое — и монастырское наше молчание не возмущается. — Катю отпускают весною попутешествовать; дай Бог только, чтобы не было историй, когда к исполнении придет дело. Нервная, ребяческая ее натура требует лелеяния; ей многое нужно, чтобы укрепиться и возмужать. По крайней мере в моей семье она, как лучшая драгоценность, всеми бережется, забавляется, нежится, и для меня в ней Маша.

Милый дети! Саша, Пашка! Услышу ли их песенки? Живо сидят они в мыслях у меня, и, может быть, будущее Рождество будем вместе готовить дерево! Нынче год юбилея! Пошли Господь всем заключенным, плененным, свободу и облегчение. — Тяжело думать, как много горьких страдальцев около нас, и счастлив, кто может помочь им. Отчего утратился этот святой закон юбилея? Ведь полвека пережив, можно переполнить благодарностью сердце!

Обнимаю вас, моя душа! Храни вас Господи и дай вам такое же радостное чувство, какое дает мне ваша бесценная дружба.

Ваша Е. Елагина.

Автограф: ПД, № 28041, л. 18—19.
Печатается по автографу.

---

[1] *Будьте, о духи лесов…* — Начало первого стиха стихотворения В. А. Жуковского «Будьте, о духи лесов, будьте о нимфы потока…» (1827), перевода «Ländlisches Glüch» Гёте (ПСС2. Т. 2. С. 87, 503).

[2] *Зато Маша пишет хорошо…* — Речь идет о дочери А. П. Елагиной — Марии Васильевне Киреевской.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Переписка А. П. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века

Переписка Авдотьи Петровны Елагиной (1789—1877) и Василия Андреевича Жуковского (1783—1852) представляет собой богатейший материал по истории духовного развития русского общества 1810—1850-х годов. Одновременно с этим она живо и хронологически достоверно знакомит с историей удивительной дружбы двух выдающихся деятелей национальной культуры[1]. Значимость переписки определяется в первую очередь интенсивностью и напряженностью духовной жизни ее авторов. Активный диалог, не смолкавший на протяжении полувека, обнаруживает их глубочайшую духовную привязанность, близость нравственно-философских и эстетических взглядов. В книге собрано около 400 писем, дающих достаточно полное представление о характере духовного союза, который основан был к тому же на кровном родстве.

Авдотья Петровна Елагина (урожденная Юшкова, в первом браке Киреевская) была племянницей Жуковского по отцовской линии. Ее мать, Варвара Афанасьевна Юшкова (урожденная Бунина, 1768—1797), приходилась поэту сестрой. Жуковского и Авдотью Петровну, «милую Дуняшу», как он ласково называл ее в письмах, связывало многое: светлые детские воспоминания, чувство благодарности и нежности к Варваре Афанасьевне, рано умершей, но успевшей осветить добротой и артистизмом начало жизни своих детей и Жуковского. Рано потеряв мать, Авдотья Петровна вместе со своими сестрами Анной (в замужестве Зонтаг, 1785—1864) и Екатериной (Като, в замужестве Азбукиной, ум. 1817) оказалась

---

[1] Вопросу о значении деятельности А. П. Елагиной в культурной жизни России XIX века, о ее месте в личной и творческой судьбе В. А. Жуковского, о своеобразии эпистолярного наследия посвящены исследования, созданные как в дореволюционный период, так и в последнее десятилетие: *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. С. 135—147; *Бартенев П. И.* Авдотья Петровна Елагина // РА. 1877. Кн. 2. С. 492—495; *Касаткина В. Н.* Роман в письмах (В. А. Жуковский и А. П. Киреевская) // Российский литературоведческий журнал, 1997, № 11. С. 231—268; *Канторович Ирина*. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литер. обозрение,1998, № 30. С. 165—209; Роман в письмах (В. А. Жуковский и А. П. Киреевская) // Российский литературоведческий журнал, 1997, № 11. С. 231—268; *Ястребинецкая Лина*. Письма Авдотьи Петровны Елагиной // Русская литература, 1998, № 4. С. 99—115; *Сахарова Л. Г.* Семейство Елагиных-Киреевских и их культурные связи (По письмам и воспоминаниям) // Забелинские научные чтения. 2001. Вып. 134. М., 2002. С. 171—185: *Она же*. Письма А. П. Елагиной к В. А. Жуковскому // Забелинские научные чтения. 2000. М., 2001. С. 365—375.

сначала под опекой бабушки, М. Г. Буниной, а затем, после ее смерти, — тетки Екатерины Афанасьевны Протасовой, матери двух сердечных подруг Елагиной — Маши и Саши Протасовых. Именно здесь, на просторе дворянской усадебной жизни составился, по определению Елагиной, Kleeblatt («трилистник»), положивший начало муратовско-долбинской поэтической утопии, с ее духовным центром — Жуковским. В их ранней юности сложился сентиментально-романтический комплекс идеальных представлений о жизни, основанный на поэзии природы родного края, на культе высоких чувств — и этот комплекс определил духовную организацию и жизненную судьбу всех участников утопии. Неслучайно на протяжении всей жизни Жуковский возвращался к мечтам об ее осуществлении. Хранителем этого идеала и родного гнезда судьба распорядилась сделать А. П. Елагину. Замечательно, что одним из важнейших философско-поэтических символов, неоднократно встречающихся в дневниках и письмах Жуковского, является «Дуняшин фонарь» — елагинская печатка для писем, на которой вырезан зажженный фонарь (на другой ее печатке был изображен лист клевера). В апрельском дневнике 1815 года Жуковский в виде послания к Маше Протасовой изложил основы своей деятельной жизненной философии, символическим выражением которой стала «Дуняшина печать»: «Я когда-то написал: *счастие не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминаниями*, и эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице; между ними есть промежутки, но эти промежутки освещенные и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастие жизни. Удовольствие фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание свет, а счастие ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. Вот тебе истолкование Дуняшиной печати. Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна. Тогда вся прелесть этого слова заключена в его непостижимости. Но что же надежда — беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем. Такое ожидание более вредно, нежели полезно. Оно уничтожает настоящее. Если оно весело, то делает к нему равнодушным; если печально, то отравляет его. Позабудем о будущем, чтобы жить так, как должно. Милый друг, пользуйся беззаботно настоящею минутою, ибо одна только она есть средство к прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тех, которые даст Провидение зажечь после; в свое время ты оглянешься и за тобою будет прекрасная, светлая дорога!» (ПСС2. Т. 13. С. 110—111). Образ «зажженного фонаря» в отношениях Елагиной и Жуковского нередко приобретал характер жизненного символа: в 1827 году Авдотья Петровна отправляет своего друга А. Мицкевича в Петербург и, рекомендуя его Жуковскому, она передает с польским поэтом, по просьбе Жуковского, свою почтовую печатку. Во многом это совпадение, но оно необычайно знаменательно: один великий поэт передает другому «зажженный фонарь».

* * *

Переписка Жуковского и Елагиной предстает как единый комплекс, выражающий собой тип национальной культуры. Основанием целостности комплекса служит единство Елагиной и Жуковского в важнейших вопросах философии, религии, этики, эстетики, хотя проявляется оно в различных формах. Важным является паритетность в сложившихся отношениях: это был процесс взаимообогащения, взаимоподдержки. В жизни Жуковского Елагина оказалась столь же значимой и необходимой, как он в ее судьбе. Необычайно привязанная к Жуковскому и преданная ему, понимающая масштаб его личности и поэтического таланта, Елагина не просто осуществляла непрерывную связь поэта с родиной, но в самом этом акте видела условие сохранения его души. В свою очередь, для Жуковского Елагина являлась воплощением идеального бескорыстия, человеком высокой культуры, нравственной ответственности и поэтической устремленности к прекрасному (Жуковский называл иногда это «экзальтацией»). Вместе с тем в письмах она предстает неотделимо от быта и повседневности, как человек, созидающий и стремящийся строить жизнь по принципам христианской морали.

Близость духовных устремлений Жуковского и Елагиной во многом объясняется влиянием Жуковского, оказанным на нее в годы детства, отрочества и юности, когда Дуняша, как Саша и Маша Протасовы, оказались центром его активной воспитательной деятельности: круг чтения, переводы, характер занятий — все определялось Жуковским. В ранних письмах самой Елагиной и при участии ее в коллективных посланиях неоднократно упоминаются его уроки и выражается горячее желание исполнить поручения и заслужить его похвалу. Характерна одна деталь. В коллективных письмах, посылаемых начиная с 1801 года Жуковскому всем домом родственников из Мишенского в Москву, за не знающую грамоты мать Жуковского под ее диктовку писала двенадцатилетняя Дуняша, а ниже подписывала от себя: «Милый мой Василий Андреевич, как стыдно, милостивый Государь, что вы меня совсем забыли, вы не глядите, что я мала, и все не меньше больших вас люблю, всегда об вас помню, и мне очень грустно, что вы обо мне забыли. Сестрица не одна философствует здесь, и мы тоже научились философии. Простите, милый друг, и пишите чур ко мне»[1]. В том же 1801 году она напишет: « Мне кажется, что вы нас любите заранее, и заплакала от радости тогда, когда прочитала в письме вашем: *моя дорогая кузина Евдокия*. О мой дорогой Кузен, Евдокия счастлива, что может сделать что-то для вас. Я без перерыва перевожу, и первый том будет готов, когда вы получите это письмо»[2].

[1] РГБ, ф.104, к. VI, 3 40, л. 2 об.

[2] «Je traduis sans relâche, et le premier tome sera prêt quand vous recevrez cette lettre. Васинька le fils de la bonne, Cato et moi, nous le recopierons, et dans deux semaines on le fera passer chez vous si vous l'ordonnerez. Ecrivez-moi je vous en prie si je dois traduire le préface et l'épître dédicatoire, Maman dit qu'il ne faut rien oublier, que tout ce qu'a fait Mme de Genlis est admirable. Mais cette pauvre Mme de Genlis que je la plains d'être traduite par moi! — Au reste je ne me décourage pas, je pense que je traduis pour vous, et cette idée me donne de la patience pour résister à toutes les

Из другого письма, написанного до 1805 года, становится очевидным, что Елагина внимательно следит за московской жизнью Жуковского, она пишет с участием о болезни Ивана Петровича Тургенева и, как всегда, выражает свое горячее чувство к Жуковскому: «Если бы вы знали, милый и почтенный Василий Андреевич, как без вас в Мишенском грустно, скучно и пусто, то, конечно бы, не стали приказывать о себе *помнить*[1]. Мы всякий день, почти всякую минуту об вас думаем и с большой грустью, потому что вас воображаем печальным. Дай Бог, чтобы страдания почтенного Ивана Петровича скорее кончились, чтобы он выздоровел, и мы имели утешение знать вас веселее. Право, я очень чувствую, что никто больше вас не заслуживает быть счастливым. Простите, вспоминайте меня иногда и, пожалуйста, будьте спокойны и веселы. Авдотья Юшкова»[2].

Ранние письма Елагиной несут на себе печать обожания Жуковского — чувства, которое она сохранит навсегда. И если замужество сестер Протасовых и ранняя смерть прервали многие связи, то в отношении Авдотьи Петровны они приобретали новое, более глубокое содержание.

* * *

Елагина и Жуковский принадлежали к одному типу людей той духовной культуры, где определяющей была проблема нравственного поведения и гармонического развития личности. На страницах переписки развертывается картина формирования и становления мировоззренческих принципов Жуковского и Елагиной как системы, широко вбирающей в себя опыт европейской философской, этической и эстетической мысли и вместе с тем стремящейся к созданию национальной концепции культуры, открывающей перспективу духовного развития русского человека.

Важнейшей координатой в их системе ценностей являлась идея воспитания, рассматриваемая в широком нравственно-философском аспекте как фундаментальная основа и инструмент для развития личности. Елагина была прежде всего мать большого семейства, она вырастила пятерых взрослых сыновей (в том числе старших — Ивана и Петра Киреевских) и двух дочерей, а потому нравственно-воспитательный подход определял все сферы ее деятельности. Жуковский был

difficultés. — Le second tome sera prêt pour notre départ à Moscou. [О мой дорогой кузен, Евдокия счастлива, что может сделать что-то для вас. Я без перерыва перевожу, и первый том будет готов, когда вы получите это письмо. Васинька, сын моей няни, Като и я, мы его перепишем и через две недели вам его пришлем, если вы распорядитесь. Напишите мне, я прошу вас, должна ли я переводить Предисловие и Посвящение. Maman говорит, что ничего нельзя забывать, что все, что сделала мадам Жанлис, великолепно. Но эта бедная мадам Жанлис, как мне ее жалко, что я ее перевела! — В остальном я не переживаю, я думаю, что я перевожу для вас, и эта мысль придает мне терпение, чтобы противостоять всем трудностям. — Второй том будет готов по приезде в Москву]». (РГБ, ф. 104, к. VI, № 41, л. 5 об.)

[1] Здесь и далее курсивом выделены слова, подчеркнутые в текстах авторами писем.

[2] РГБ, ф. 104, к. VI, № 43, л. 3 об.—4.

одарен педагогическим талантом, идея воспитания определяла этический пафос его творчества.

Ориентация на нравственно-воспитательную деятельность проявилась в характере философских дискуссий, развернувшихся на страницах переписки в связи с обсуждением вопроса об образовании Ивана Киреевского — и эта дискуссия высветила важную особенность философской позиции Жуковского. В отношении детей Киреевских, рано потерявших отца, Жуковский неизменно выступал в роли духовного наставника, начиная с долбинской осени 1814 года. На просьбу Авдотьи Петровны прислать им из Германии сочинения немецкого философа Шеллинга, Жуковский ответил двумя развернутыми письмами, изложив свою концепцию философского образования молодого Киреевского. В письме от 7—19 февраля 1827 года из Дрездена он пишет: «Шеллинга не куплю, ибо не хочу брать на свою душу таких занятий Ванюши, которых оправдать не могу. Я из нашего с ним свидания в Петербурге заметил, что он ударился в такую Метафизику, которая только что мутит ум. Шеллинга в Германии не понимают. Он же теперь сам готовит книгу, которая должна служить объяснением и определением его системы. Следственно, надобно подождать, когда она выдет в свет. Я не враг метафизики. Знаю цену высоких занятий ума. Но не хочу, чтоб ум жил в облаках. Не хочу, чтобы он и ползал по земле. И то и другое место никуда не годятся. Надобен свет ясный. Советовал бы Ване познакомиться с Английскими Философами. Пускай читает Дугальда Стуарта, Фергусона, Смита. Их свет озаряет жизнь и возвышает душу. Одним словом, не ждите от меня Шеллинга»[1]. В лице Ивана Киреевского Жуковский предостерегает «литературную молодежь», а именно «любомудров» от абстрактного теоретизирования, ориентируя их на «нравственную философию» представителей шотландской школы «здравого смысла». В другом письме от 17 ноября того же года Жуковский, определяя круг источников для возможных переводов Ивана Киреевского и его друзей, называет Герена, «всемирную историю Иоанна Миллера»; «лучшее из философических сочинений Якоби. А с английского? Какая богатая жатва! Дюгальд Стюарт — это не Шеллинг. Для нас еще небесная и несколько облачная философия Немцев далека. — Надобно думать о той пище, которую русский желудок переварить может»[2].

В письмах речь идет о формировании такой философской позиции, когда сохраняются высокие романтические идеалы, но не утрачивается смысл и значимость для человека практической жизненной деятельности. Концепция, включающая в себя синтез идеалистической теории и здоровой практической философии, базировалась у Жуковского на глубоком знании немецкого идеализма и английского сенсуализма. Философская концепция Жуковского отражала особенности русского романтического сознания 1820-х годов, в котором отчетливо просматривается ориентация на деятельное самоопределение в общественной и культурной жизни.

---

[1] РГБ, ф. 99, к. VI, л. 3 об.

[2] РНБ, ф. 286, оп. 2, № 442, л. 55.

Сложно говорить о развернутой системе философских взглядов Елагиной, но показательным для утверждения близости их позиций может служить ее перевод «Жизни Стефенса», опубликованный в «Москвитянине». Вступительную статью к переводу сделал редактор И.В. Киреевский. Характеристика, которую он дает произведению и личности Стефенса, объясняя причину публикации далеко не завершенного труда «Was ich erlebte», является своеобразным доказательством того, что философский урок Жуковского 1827 года был отлично усвоен Киреевским. Во вступлении сказано: «Стефенс, один из первоклассных двигателей наук в Германии, особенно знаменит как Литератор-Философ. — Друг Шеллинга, сначала его своеобразный последователь, потом самобытный создатель собственного своего направления 〈…〉 Характер его мышления заключается в беспрерывном стремлении от понятия отвлеченного к понятию живому, и от живого бытия к разумному сознанию. — Он постоянно искал той неосязаемой черты, где наука и вера сливаются в одно живое разумение, где жизнь и мысль одно, где самые высшие, самые сокровенные требования духа находят себе не отвлеченную формулу, но внятный сердцу ответ»[1].

Принципиально важным является то, что перевод был поручен Авдотье Петровне Елагиной. Редактор не мог не учитывать уровня ее образованности и личных пристрастий. Страницы, посвященные философии Якоби, в переводе А.П. Елагиной являются своеобразным комментарием к предложению Жуковского 1827 года переводить труды этого немецкого философа, выступившего противником рассудочного рационализма и акцентировавшего проблему «духовной самодеятельности»[2] человека.

Можно полагать, что А.П. Елагина была широко осведомлена в вопросе содержания европейских философских систем. Ее интерес очевидно был связан с идеями нравственно-практических философов, отличающихся полнотой концепции, включающей в себя многообразие жизненного проявления высокой идеи, направленной на формирование гармоничной, духовно развитой и активной личности.

* * *

Близость Жуковского и Елагиной в высшей степени проявилась в их общественном самоопределении, в решении вопроса об отношении России к европейской культуре, во взаимоотношении с западниками и славянофилами. Подобно Жуковскому, Елагина была европейски широко образованным человеком, открытым передовым идеям Запада, и вместе с тем отличалась глубокой преданностью родному краю, отечеству, его истории и культуре. Как отмечали ее современники, К.Д. Кавелин, П.И. Бартенев и другие, в московском салоне Елагиной в 1820—1830-е годы собиралась передовая русская интеллигенция

---

[1] Жизнь Стефенса // Москвитянин, 1845. Ч. 1. № 1, отд. Иностр. Словесность. С. 1.

[2] Там же. С. 34.

противоположных идеологических устремлений — и западники, и славянофилы[1]. Во многом эти встречи, так сильно способствовавшие выработке русского общественного сознания, стали возможны благодаря Авдотье Петровне. Будучи матерью двух выдающихся русских славянофилов — Петра и Ивана Киреевских, дружившая с А. С. Хомяковым, Елагина не разделяла крайностей и максимализма славянофилов в отношении Запада, его науки и культуры. В письме к В. А. Жуковскому от 23 июня 1835 года, говоря о славянофильских увлечениях сына Петра, Авдотья Петровна с тревогой, но абсолютно точно определяет философские истоки его позиции: она называет это «бестолковостью die deutsche руссицизма»[2], то есть «бестолковостью немецкого руссицизма». Она поддерживает дружеские отношения с ведущим западником — Т. Н. Грановским, который в письме к Елагиной в 1848 году ставит ее рядом с Герценом и Огаревым, — «самыми близкими и дорогими мне людьми»[3].

Переписка показывает, как Жуковский на протяжении длительного времени вовлекал Елагину в интересы научного и культурного мира Запада. При ее восприимчивости к искусству, живописи, литературе, педагогике и другим сферам творческой деятельности это был процесс духовного обогащения. По совету Жуковского в 1836 году она переводит недавно вышедшую книгу итальянского писателя Сильвио Пеллико «Dei doveri degli nomini», озаглавленную «О должностях человека», оказываясь в своем понимании путей нравственного преображения человека рядом с Жуковским и Пушкиным, написавшим рецензию на первый русский перевод этой книги, вышедшей в 1837 году в Москве. Ориентация Елагиной на образцы мировой литературы проявится в переводах «Подготовительной школы» Жан-Поля Рихтера, педагогических трудов, начиная с Локка и Песталоцци до современных ей авторов (М. Эджворт, П. Гизо). Знакомство с европейскими искусством, педагогикой, философией явилось своего рода катализатором в осмыслении своеобразия национальной культуры. В любви к русскому, национальному Елагина не уступала своим сыновьям и друзьям-славянофилам, и эта органическая привязанность к русской жизни являлась неиссякаемым источником, питавшим связь Елагиной с Жуковским.

В письмах Жуковского и Елагиной выстраивается целая система сквозных мотивов, и одним из ведущих является мотив «милого края родины». Активная роль в развитии этого мотива принадлежит Елагиной. Жуковский в своих письмах постоянно расспрашивает о делах и здоровье близких и друзей, оказывает помощь и протекцию землякам в Петербурге; поэт находится в курсе происходящих событий, он объявляется крестным отцом детей, рождающихся в семьях родственников,

---

[1] См.: *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. М., 1989. С. 139—141; *Канторович Ирина*. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литер. обозрение, 1998, № 30. С. 165—209.

[2] РГБ, ф. 104, к. VII, № 37, л. 11.

[3] РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 8, л. 1.

и т. д. Образ родного края получает художественное воплощение в его лирике. Для Елагиной же письма — это ее и проза, и поэзия одновременно.

Переписка отражает и стимулирует процесс взаимодействия эпистолярной прозы и лирики. Эстетической вершиной этого процесса становится возведение обыкновенного и бытового в поэтический план. Постоянная вовлеченность Жуковского в особую атмосферу духовной жизни Елагиной и ее окружения оберегает поэта от крайнего романтического субъективизма, поддерживает в его художественном мировосприятии чувствительность и привязанность к земному, поиски и утверждение высокого и идеального в близком.

Пространство «родного края» в письмах Елагиной и Жуковского имеет вполне определенные историко-географические очертания: это центральная часть европейской России на границах Калужской, Тульской и Орловской губерний. Здесь прошло детство и юность поэта и проживали семейства Киреевских-Елагиных, Плещеевых, Азбукиных, Протасовых.

Дворянские гнезда, деревенские усадьбы, рощи, холмы, реки, небольшие города (Белев, Ливны) — все это, вместе взятое, пересеченное и одновременно связанное дорогами, образует своеобразную целостность, *ансамбль*, характеризующийся, с одной стороны, замкнутостью, устойчивостью традиций культурно-бытового проживания, а с другой — подвижностью, открытостью к большому пространству России и Европы, а также способностью к внутреннему обновлению и созиданию. В письме от 15 апреля 1814 года, желая дать Жуковскому представление о неизменном и привычном ритме жизни родного края, Елагина, оттеняя юмором внешнюю бессобытийность, рисует картину, положив в основание ее маршрут путешествий по «милому краю родины»: «〈…〉 Мы живем попрежнему в четырех стенах. Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие неистовства 〈…〉»[1].

За рисунком внешне однообразного движения, подобного челноку, направляемому в разные стороны, но неизменно возвращающемуся в Мишенское или Долбино, — обнаруживается экзистенциальный смысл. Речь идет о постоянстве духовных связей, о непрекращающемся общении обитателей этого края.

Исторически, в силу жизненных обстоятельств, но еще более по свойствам личности, А. П. Елагина оказалась не просто хранителем, а творцом этого духовного ансамбля — и тогда, когда в «пасмурный Дерпт» уехали Протасовы, в Петербург Жуковский, в Одессу сестра А. П. Зонтаг (Юшкова), и тогда, когда сама Елагина надолго отлучалась в Москву. Она помогала угнездиться Азбукиным, поддерживала Черкасовых и Плещеевых, принимала возвратившихся на родину после утрат Е. А. Протасову и И. Ф. Мойера с Катей и дочерьми Саши Воейковой, а потом при ее участии осели в родовых гнездах молодые Киреевские, Елагины (сын Василий

[1] РГБ, ф. 99, к. VII, № 16, л. 3.

с Катей Мойер). Елагина неустанно предлагала Жуковскому купить Мишенское или что-либо другое поблизости, но обязательно с рощей, рекой, холмами, такое, что походило бы на родной край. Так пишет она Жуковскому 6 сентября 1818 года: «Иногда, Жуковский, и это в самые веселые часы жизни, покупаю я вам здесь деревню; ожидая вашего возвращения на родину, строю по вашему плану домик, хозяйничаю, устраиваю и, наконец, наслаждаюсь счастием перетащить сюда моего брата, окружить его прямою, истинною жаркою любовью и восхищаться на свободе и в тишине плодами его бесценного Гения»[1]. Мотив «родного края» в письмах Елагиной имеет характер нравственно-философской и эстетической концепции. Постоянно акцентируется мысль о том, что связь Жуковского с родным краем является источником и условием поэтического вдохновения его. В том же письме Елагина продолжает: «Часто я уверена бываю, что ту же восхитительную мечту моего сердца скажет вам и здравый рассудок: без уединения нет возможности высоко лететь вашей Музе, в огороженном пространстве далеко не уйдешь! Мне кажется, что вы исполните мои надежды, для того даже, чтобы спасти вашу славу»[2].

Здесь довольно четко обозначена антитеза столичного, петербургского пространства, и родного края, с его уединением и свободой. В целом ряде писем Елагина развивает эту антитезу. Петербургу с «поддельными цветами», «мишурным блеском, даже и не ослепляющим», противостоит «здесь». И это «здесь» — «наш очарованный край! Все дышит поэзией, гармонией, восхищением. И я бы, особливо в Мишенском, охотно бы улетела в прелестный край стихотворных чудес, если бы дети не удерживали за платье»[3].

Образ родного края в письмах Елагиной формируется как комплекс ценностных ориентаций. Определяющим в нем является понятие «вместе». «Вместе» — это «крепкий, искренний союз», «твердая воля, и никакая сила не могла бы противустоять этому светлому, неразрывному вместе!»[4]. «Вместе», на языке Жуковского и Елагиной, а также их ближайших друзей, означает жить единой духовной семьей, «когда цель жизни не *свои* радости, не восторги, не счастие земное, а благородное возвышенное усовершенствование, не для счастия, а для совести» (Там же, л. 8). Эмблемой «вместе» — союза Жуковского, Маши Протасовой и Елагиной — был избран лист клевера, запечатленный как символ на почтовой печатке Авдотьи Петровны и объясненный ею в письме 1839 года: «Я третий листок нашего Kleeblatt»[5]. Сравнение их дружбы, сердечной и вечной, с незатейливым полевым растением значимо в эстетическом самоопределении, обнаруживающем глубокие сентиментальные истоки культуры.

Жуковскому в этом «вместе» отводилась особая роль: для Елагиной и ее окружения он был воплощением нравственности, личностью, а потому характеристика

---

[1] РГБ, ф. 99, к. VII, № 20, л. 13 об.

[2] [РГБ, ф. 99, к. VII, № 20, л. 13 об.].

[3] РГБ, ф. 99, к. VII, № 16, л. 12.

[4] РГБ, ф. 99, к. VII, № 17, л.11.

[5] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 200.

поэта в письмах Елагиной дается не только в прямых восторженных оценочных высказываниях, что так смущало порой поэта, но чаще через метафоризацию, закрепляющую мысль о соприродности души Жуковского со всем прекрасным на земле и с родным краем в частности. «В вашем Долбинском уголке, все ваше, Жуковский!»[1] — пишет она в марте 1815 года, имея в виду не только возможность нового приезда поэта в Долбино в связи с осложнением ситуации в Муратове, но прежде всего гармонию атмосферы ее дома и души поэта. В ноябрьском письме этого же года Елагина, повторяя приглашение, включает в круг аргументов образ родного края: «Приезжайте сюда! Ваше место здесь свято! Готовить нечего! Оно всегда первое! Ваши рощи, ваша милая Поэзия, ваша прелестная свобода, тишина, вдохновение и верные сердца, здесь всё цело, всё живет, — всё вечно!»[2]

Основание духовного ансамбля, «Муратовской утопии», видится им в семье. В каждом письме Елагиной ведется рассказ-отчет о жизни ее семьи, где Жуковский — «брат», «родной», где ему завещано заняться воспитанием детей в случае смерти Елагиной. Тема детства, воспитания чистоты и нравственности и формирование подлинных знаний и образованности сообщает мотиву «родного края» смысл духовно-исторической субстанции. Естественно, что в связи с культом семьи одним из ключевых становится образ Дома. Образ спасительного Дома возникает на страницах писем Елагиной во всевозможных подробностях, которые в совокупности создают многомерный символ: дом — среда обитания семьи, кров, защита, родовое гнездо; дом — Родина, дом — хранилище культурных, религиозных, нравственных ценностей. Важно заметить, что накопление символического смысла не лишает образ конкретности и реальной живописности: это дом в жару и холод, дом, в котором перекладывают печи, заполняют стихами альбомчики и нотные книги, в который приезжают гости, где болеют и выздоравливают дети. Так, например, Елагина описывает комнаты, предназначенные для Жуковского в новом долбинском доме: «Ваши сестры, ваши ребятишки, всем сердцем ваши, будут вас ждать с восторгом, будут каждую радостную мысль украшать надеждою будущего *вместе*, будут готовить ваши комнаты, устанавливать книги, в праздничные дни собираться в *вашу* горницу, чтобы бесценное ожидание наверно сделало из дел праздник. 〈…〉 Печи у меня теперь переделаны и будут греть; полы и окна к осени будут новые, крепкие; шкафы книжные не только не достигаемые для мышей, но, пожалуй, и для меня самой, буду глядеть на них с благоговением и книги — воровать только по ночам»[3].

Нравственно-философский аспект мотива «родного края» как пространства красоты и вечности реализуется в письмах Елагиной различными способами. Чаще всего это изображение природы и уподобление ей переживаний человека и его душевной жизни. Натурфилософский характер прозы Елагиной связан

[1] РГБ, ф. 99, к. VII, № 16, л. 1.

[2] РГБ, ф. 99, к. VII, № 17, л. 1.

[3] РГБ, ф. 99, к. VII, № 16, л. 19 об. Здесь и далее курсивом выделены подчеркивания слов в тексте писем, принадлежащие их авторам.

с руссоистской и русской сентиментальной традицией. Для писем ее характерна повышенная психологизация текста, его своеобразная ритмика, позволяющая через постоянные перемены в тональности повествования передавать в динамике процесс переживаний и органично возводить бытовые реалии на уровень нравственно-философских проблем. Пример тому письмо от 1 мая 1815 года: «1 мая, 4 часа поутру, Долбино. Сегодня праздник весны; магическое слово Май разбудило меня еще до солнца, надобно сказать несколько слов вам, милый Жуковский. Что-то у вас там? Где вы теперь встречаете прекрасный день? Не может быть, чтобы вам не было совершенно хорошо теперь, у меня на душе так неизъяснимо весело и спокойно! А ведь вы, за какие бы тысячи верст не ушли, не можете быть от меня далеко. — Милый брат, отчего же только моя бедная душа таскается всюду за вами, как тень забытая, за Хароном, за что вы не откликнетесь? После грустного письма 20 марта я не видала от вас ни строчки ⟨…⟩ Но полно об этом! Сегодня можно смело оттолкнуть от себя на время хоть грусть и *пустить на ветер*! День тихий и ясный, может не принесет ничего назад! А прелестный этот воздух, майское светлое небо и любовь Божия везде и во всем, какой тьмы не развеют! ⟨…⟩ Милый друг, прекрасно все в жизни, *потому* что есть другой Мир! ⟨…⟩ А здесь пока какой свидетель утешительный! Какой верный друг! Какая везде любовь! Сколько прелестей в одной весенней природе! — Теперь мои все еще спят утренним сном, дети все загорели, здоровы и рады мне так, что даже наша Барбоска вчера продержала своими ручонками мою руку до тех пор, пока заснула и не свела ни на минуту с меня глаз. — Сестра, узнавши мое возвращение, приехала тотчас, не смотря на сумерки, и Аннета спит теперь подле меня, загороженная вашими голубыми ширмами, у меня отворено окно, солнце только что играет с свежим утренним туманом, лягушки кричат, дожидаясь полного дня, листья на деревьях только что начинают развертываться, и всё это так хорошо, так весело сердцу, что хотелось бы вам отдать это чувство, милый Жуковский ⟨…⟩»[1].

Процитированный выше отрывок из большого письма от 1 мая 1815 года — классический образец сентиментальной прозы. Начало письма — утверждение поэтической значимости обыкновенной домашней жизни, оно связано с описанием светлого чувства, навеянного ранним весенним утром в деревне. Уже во второй строке восторженное настроение автора письма осложняется потоком ламентаций, многократными вопросами, ощущением неопределенности и неуверенности. Мажорная интонация почти исчезает в разговоре о тени Харона, о бесконечной разлуке, но вновь грустное чувство постепенно уступает «тихому», «ясному», «прелестному, светлому». Движение меняющегося настроения укоренено в тексте через систему соотношения состояний природы и человека: «прекрасный день», «прелесть в природе», «прелестный воздух» и «прекрасно все в жизни»; «утренний туман» и «утренний сон»; «день тихий и ясный» — «весело и спокойно на душе».

[1] РГБ, ф. 99, к. VII, № 16, л. 8.

В лирических стихотворениях Жуковского образ «родного края» возникает как ответное эхо на письма Елагиной. В текст письма от 7 ноября 1816 года он помещает два стихотворения. Первое из них «Там небеса и воды ясны…». Перед стихотворением Жуковский пишет:

«Всё, что на милой родине, здравствуй! Я было начал давно стихи *к родине*, в подражание Шатобриану, вот одно начало: “*Ты*” есть, так сказать, Дуняша и вот что ей говорится:

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! Все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой! 〈…〉»[1].

Второе стихотворение «Легкий, легкий ветерок, / Что так сладко, тихо веешь?». В едином тексте переписки оно характерно прозрачностью структурообразующего принципа движущегося контраста в передаче меняющегося настроения; на семантическом уровне явна перекличка стилистики писем Елагиной и поэзии Жуковского в описании, например, весеннего чувства:

Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобою возвратилось,
Перелетная весна!
Я смотрю на небеса:
Облака, летя, сияют,
И, сияя, улетают
За далекие леса![2]

Безусловно, при анализе лирики поэта необходимо учитывать влияние литературной традиции, в частности сентиментальной и предромантической, но в данном случае необычайно важным представляется подчеркнуть открывающуюся через эпистолярий близость эстетики и поэтики Жуковского и Елагиной, реально отразивших тип воспитавшей их культуры, а также значение писем А. П. Елагиной, которые можно уподобить источнику, питающему поэтическое вдохновение ее друга Жуковского.

Тема деревенской утопии, Аркадии, идиллии, пенатов проходит через лирические стихотворения Жуковского. Тем значительнее, что в своих письмах он называет Елагину «сторожем моего лучшего добра». В ноябрьском письме 1818 года после текста стихотворения «Минувших дней очарованье!» Жуковский

[1] РС, 1883, № 9. С. 542.

[2] Там же.

пишет: «Это край — Чернь! Но в Долбине есть жилец говорящий, красноречивый, милый и которому много прекрасного спаслось и при котором оно живет, как в обетованном краю. Этому жильцу дай Бог долее пожить на этом свете, чтоб быть сторожем моего лучшего добра»[1].

С утверждением принципов эстетики обыкновенного в ее сентиментально-поэтическом варианте связана стихия юмора как отражения молодости и радости мировосприятия, неистощимого жизнелюбия. Письма Елагиной близки стилистике «Арзамаса» и долбинских стихотворений Жуковского. Сама Елагина рекомендовала Жуковскому Долбино как «резиденцию и самый холодный край на земле», как «столицу галиматьи», «одушевленный беспорядок в порядке», «вечную дремоту и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр.»[2]. Ответная стихия комического пронизывает письма и стихотворные послания, пародии, шутки Жуковского.

С начала 1820-х годов, времени долгого пребывания в Москве, хронотоп «родного края» в письмах Елагиной пространственно раздвигается и включает в свои границы Москву и Подмосковье (Архангельское). Теперь ансамблевый принцип распространяется и на семейные гнезда внутри Москвы. Салоны Елагиных, Свербеевых становятся формой духовного общения интеллигенции 1830—1840-х годов, о крае же детских лет Елагина будет писать с грустью: «А о старом пепелище и думать нечего! Племя молодое вьет себе гнезды на новых местах; да и нельзя требовать, чтобы они радовались нашей радостью и понимали наши печали: каждому свое!»[3] Теперь Москва станет центром большого «родного края», и отсюда Елагина настойчиво будет звать Жуковского на родину. В июле 1842 года она напишет к нему в Дюссельдорф: «Наша Москва протягивает к вам родные объятия! То ли дело собраться в ней всем на зиму и за веселым камельком, в тихом кругу немногих, лелять будущего малютку и воспитывать в нем любовь к родине и к добру»[4].

Можно сказать, что письма А. П. Елагиной и Жуковского, создаваемые в течение полувека, вобравшего в себя время повестей Карамзина, «Евгения Онегина» Пушкина и «Записок охотника» Тургенева, являются реальным культурно-историческим свидетельством духовного развития русского общества. Мотив «родного края» аккумулировал в себе важнейшие проблемы русской жизни и эстетики. Воссозданная в письмах атмосфера дома, семьи, культуры, оказавшая огромное влияние на воспитание братьев Киреевских, делает письма важнейшим документом , отражающим процесс формирования типа личности русской дворянской интеллигенции середины XIX века.

Письма Елагиной и Жуковского своеобразно отражают и процесс выработки стиля русской прозы. Не случайно на страницах писем намечены мотивы и образы будущих русских романов: эпического полотна об обломовском житии в деревне и столице, истории становления детской души в кругу родной семьи

---

1 Там же.

2 РГБ, ф. 99, к. VII, № 13. л. 1.

3 РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 40, л. 40.

4 РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 39.

и русской природы в произведениях Аксакова и Толстого, лирически проникновенного рассказа о драме любви в повестях и романах Тургенева. Знаменательно, что «Записки охотника», предвосхищающие открытия русской прозы второй половины XIX века, типологически близки письмам Елагиной: тот же «милый край родины» — калужские, орловские места, та же эстетическая установка на поэтизацию обыкновенного и та же лиро-эпическая структура эпоса и сокровенной исповедальности.

* * *

В основании жизненной философии Жуковского и Елагиной лежала идея нравственного совершенствования личности. На страницах эпистолярия развернулась во всей полноте драматическая история любви Жуковского и Маши Протасовой и преданное участие в ней А. П. Елагиной[1]. Огромный интерес представляет не только факт исключительной верности ее своим друзьям (когда во имя их запретной, с точки зрения Екатерины Афанасьевны Протасовой, матери Маши, любви, Елагина готова была на жертву — оставить детей и уйти в монастырь отмаливать там грехи), но и исповедуемая идея христианского самопожертвования во имя спасения главного — души, человеческого достоинства. Многие страницы писем 1813—1818 годов посвящены описанию усилий в борьбе за торжество любви, когда родные и близкие разделились на два враждующих лагеря, страстно отстаивающих свою истину. Но еще большее число страниц занято исследованием процесса духовного самоопределения участников драмы, и прежде всего Жуковского: через рефлексию, сомнения, надежды, страдания, через мучительное преодоление раздвоенности происходит восхождение Жуковского к нравственной устойчивости. И в этом непростом, исполненном бесконечных кризисов движении Елагина оказалась его самым преданным поверенным. В письме от 10 июля 1815 года, переживая вместе с Жуковским, понимая цену жертвы, приносимой им на алтарь семейного счастия и спокойствия Маши и предвидя его внутреннее отчаяние, возможное разочарование, Елагина подает руку помощи, формулируя в письме нравственный закон поведения: «Ваша жизнь *прекрасна*, милый друг, и тогда даже, когда вы зеваете. “Владимир” может быть нужен для потомства, но не для украшения вашей жизни. Жить для добра, любить его при каждом дыхании, и в горести, и в счастии, жертвовать для него всем, и беспрестанно иметь сердце, полное прелестною этою любовью, — милый друг, такая жизнь хороша и без славы, и вся может почесться добрым делом. — “Владимир”, прочие ваши будущие поэмы, послания, оды и прочее, все в моих глазах не цель вашей прелестной жизни, а занятия так, как чулок, картинка, соната наполняют несколько часов жизни Машиной, а не составляют *жизни* ее. Труд утешитель, конечно! — но потому, что *им* вы можете сообщать другим прекрасную душу свою, потому что она всегда

[1] См.: *Касаткина В. Н.* Роман в письмах (В. А. Жуковский и А. П. Киреевская) // Российский литературоведческий журнал, 1997, № 11. С. 231—268

видна в каждой строке, что им сохраняется и передается великая мысль, добро — чувство и что он делает душу, способную к наслаждению и радости. — Но без прелести этой милой души ни труд, ни покой, ни занятия не были бы утешением! Жуковский! берегите вашу редкую душу и в ней *священный огонь весты*, то есть *любовь к добру*, и останемся о прочем *беспечны*»[1].

Жуковский полностью разделяет ее принципы жизненного поведения и как бы в ответ 19 февраля 1816 года он цитирует «своего евангелиста» — Н. М. Карамзина, а именно отрывок из его письма к А. И. Тургеневу. «И прекрасные чувства, как фонари, — начинает Жуковский на понятном Елагиной языке их символики. — И между ими должны быть *промежутки*. Пускай же эти промежутки наполняет рассудок. Вот вам между прочим один яркий фонарь. Карамзин потерял дочь и вот что пишет он к Тургеневу, очень скоро после этого несчастия. Здесь говорит твердый ум, но ум доброго отца, оплакивающего дочь. "*Жить* есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать, действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, не исключая и моих осьми или девяти томов. Чем долее живем, *тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство ее*: страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу 〈…〉". — Эти строки возвышают душу и дают ей большую твердость и ясность»[2].

На страницах писем Жуковского и Елагиной как бы разворачивается один из центральных сюжетов русского романа XIX века: история духовного становления героя русской жизни на путях обретения им христианских принципов. Елагина стала участницей и другого романного сюжета, запечатленного в переписке. История любви молодых людей, состоящих в дальнем родстве, и сопротивление их счастью одной из матерей — снова повторилась в жизни Елагиной. Теперь это было страстное чувство Ивана Киреевского к троюродной сестре, Наталье Арбеневой. На пути их любви возникло препятствие — мать Натальи, Авдотья Николаевна Арбенева (урожденная Вельяминова). И вновь Елагиной пришлось пройти через испытания, опираясь теперь на верного ей Жуковского.

* * *

Другим эпохальным сюжетом, развернувшимся на страницах переписки, явилось восстание декабристов, в отношении которых проявились как особенности подхода Жуковского и Елагиной, так и то общее, что сделало их самих участниками и деятелями русской истории. Известно, что Жуковский воспринял восстание декабристов как «день ужасный, о котором вспоминать без содрогания невозможно»[3], но при том он неизменно проявлял глубокое сострадание к осужденным

[1] РГБ, ф. 104, к. VII, № 17, л.
[2] РС, 1883, № 8. С. 22.
[3] РНБ, ф. 286, оп. 2, л. 41 об.

и способствовал облегчению их участи[1]. Не последнюю роль в его позиции активной помощи декабристам сыграло и то, что в ближайшем окружении Жуковского были А. И. Тургенев, П. А. Вяземский и Авдотья Петровна Елагина. Письма свидетельствуют о том, что на протяжении всего 1826 года она неотступно просила Жуковского помочь арестованным участникам восстания и их родственникам: И. Д. Якушкину (зятю Н. Н. Шереметевой), С. Н. Кашкину (по просьбе А. Н. Арбеневой). Алексею и Петру Ивановичам Черкасовым (сыновьям «володьковского» барона и Марии Алексеевны Черкасовой, ближайшей подруги Елагиной и Жуковского). «Это все наши дети», — писала она Жуковскому. В апреле 1826 года она сопроводила письмом к Жуковскому в Петербург Н. Д. Фонвизину, жену заключенного в Петропавловскую крепость декабриста, с тем, чтобы поэт поспособствовал их свиданию.

Предметом ее особой тревоги и боли была судьба Г. С. Батенькова, военного товарища мужа и преданного друга елагинского дома. Будучи нездорова, Авдотья Петровна готова была ехать в Петербург сама. В письме к Жуковскому, за несколько дней до его отъезда за границу, Авдотья Петровна заклинала помочь Батенькову. «Друг мой, писала она, — употребите все ваши силы для вашей сестры; я вас никогда ни о чем не просила, теперь я прошу и требую вашего ходатайства»[2]. В июле 1826 года, сообщая о предстоящем приезде царя в Москву на коронацию, Елагина замечает: «〈…〉 я увижу вашего воспитанника, и как бы рада была радоваться! Но строгое осуждение растерзало мое сердце; кругом меня отчаяние, стон: матери, жены, братья, все в жестокой скорби»[3]. Просьбы и приветы от декабристов она передавала поэту и в 1830-е и 1840-е годы. Несомненно, Жуковский был в курсе переписки Елагиной с Батеньковым, переведенным из Петропавловской крепости в Томск, знал о ее сочувственном отношении к осужденным и ее восхищении подвигом жен-декабристок, отправившихся к мужьям в суровую Сибирь, а среди них были дети их друзей: Н. Д. Фонвизина (урожд. Апухтина), которой когда-то на 8-летие Жуковский написал стихи; А. Г. Муравьева, урожденная Чернышева, невестка Екатерины Федоровны Муравьевой. Оппозиционное настроение, чувство попранной справедливости и восхищение декабристками нашли выражение в творческой деятельности А. П. Елагиной. В конце 1820—1830-х годах ею были сделаны два перевода, ныне хранящихся в РО РГАЛИ. Судя по заглавию, они, на первый взгляд, посвящены женской теме: «О милосердии, о христианской любви в жизни женщины» (перевод труда П. Гизо) и большой исторический очерк «Любовь в супружестве». Но оба перевода содержат прямые аллюзии на недавние события в России. В записке «О милосердии» обсуждается «святая, могущественная идея, которая среди стольких бедствий и безумий производит 〈…〉 прекрасные успехи» — «справедливость ко всем, симпатия ко всем, желание счастия и достоинства

[1] См.: *Дубровин Н. Ф.* В. А. Жуковский и его отношение к декабристам // РС, 1902, № 4. С. 45—119; *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 99—115.

[2] РГБ, ф. 104, к. VII, № 28, л. 5 об.

[3] РГБ, ф. 104, к. н.VII, № 28, л. 7.

всем, одним словом: человечество в самом широком смысле»[1]. По ее мнению, место женщины в обществе определяется исполнением ею христианского милосердия, любви: «теперь больше, чем когда, человек требует не одного золота, он требует, чтоб его признали, любили, считали братом»[2].

В «историческом очерке» «Любовь в супружестве», написанном в манере Вальтер Скотта, рассказана история из эпохи Кромвеля. Выбор этого очерка для перевода показателен. Современница исторической эпохи 1830—1840-х годов, дружившая с М. П. Погодиным и Т. Н. Грановским, мать философа, фольклориста и историков (молодых Елагиных), Авдотья Петровна, судя по ее письмам к Жуковскому, Титову, Грановскому, а также А. А. Елагину, хорошо ориентировалась в истории. Художественная интуиция и культура позволяли ей вникать в смысл исторических закономерностей и открывали возможности использовать историю для интерпретации современности. Выбор «исторического очерка» отчетливо проявляет позицию Елагиной в 1830-е годы — времени, когда Жуковский с Великим князем совершал путешествие по Сибири и встречался с ссыльными декабристами. Содержание очерка позволяет буквально спроецировать его на события русской истории. Духовный облик героя очерка, графа Росселя, представляющего государственную элиту Англии, напрямую соотносится с личностью Батенькова: «Великодушный, чистый сердцем, добродетельный ко всем, с разумом возвышенным». Нравственное достоинство Росселя не позволило терпеть унижения Отечеству со стороны Карла I и его придворных. Заговор был раскрыт — и граф Россель приговорен к смертной казни. Особым ореолом овеян образ его жены — графини Россель, у которой, как сказано в переводе, «было такое же гордое сердце и горячая забота о деле Отечества»[3]. Большая часть очерка посвящена героине, описание ее поведения напоминает страницы письма Елагиной Жуковскому о поездке Фонвизиной в Петербург и навеяно подвигом жен-декабристок: «Как скоро муж ее был заключен, леди Россель ревностно, страстно, без устали, употребляла все старания, могущие служить ему на пользу. В течение двух недель, протекших между заключением его и осуждением, она ездила, хлопотала, писала неутомимо, собирала сведения, ободряла истинных друзей, возбуждала сочувствие равнодушных и готовила пути к спасению на случай верховного несчастия»[4]. С мужественной сдержанностью рассказано о прощальной встрече перед казнью и жизни леди Россель после гибели мужа. И здесь Елагина выстраивает свою концепцию поведения: смирение перед Провидением и верность идеалам мужа: «Она осталась верна убеждениям лорда Росселя, так же, как и его памяти, и в уединении своем заботилась непрестанно о той религиозной и политической свободе,

---

[1] РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 1, л. 3.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же, л. 12.
[4] Там же, л. 14.

о тех же вопросах, о которых, вероятно, при нем были их общая забота и живая взаимная беседа»[1].

Перевод Елагиной оказался созвучен и параллелен по отношению к переводу Жуковского «Суда в подземелье» (1833) (из поэмы В. Скотта «Мармион»), в котором, по замечанию Ю. М. Лотмана, «читатели 1830-х годов вычитывали не судьбу монахини, а нечто иное, применяя на себя ситуацию «Суда в подземелье»[2]. При этом акценты у Жуковского и Елагиной все же разнятся: Жуковский выражал свое глубокое сочувствие и подчеркивал драматизм положения декабристов, Елагина, сострадая ссыльным, прославляла мужество декабристов и подвиг их жен. Созданные ими художественные тексты свидетельствуют о духовной, нравственной близости их авторов. И хотя ни в дневниках, ни в письмах Жуковского и Елагиной нет упоминания об этих произведениях (что само по себе означало серьезность и политическую опасность их содержания), они являются важным документом и комментарием к страницам переписки.

* * *

Просветительский потенциал идеи нравственного жизнестроения полно раскрылся в педагогической деятельности Жуковского и Елагиной. Педагогика, понимаемая как способ проявления личности, как универсальная сфера приложения всех нравственных усилий во имя совершенствования человека — это, пожалуй, самая развернутая и благодатная тема переписки Жуковского и Елагиной.

Параллельно друг с другом на протяжении всей жизни В. А. Жуковский и А. П. Елагина создавали свои педагогические системы, близко соприкасавшиеся по важным вопросам: связь домашнего образования с университетским, выработка методов воспитания, включающих в себя единство духовного и физического, направленных на гармоническое развитие личности. При этом для Елагиной и Жуковского была характерна ориентация на опыт европейской педагогической мысли.

Ранний интерес Елагиной к изучению европейских педагогических трудов был пробужден Жуковским. В письмах 1813—1816 годов он наставлял Елагину, подчеркивая ответственность матери за судьбу детей. Отвечая на её сокрушения по поводу «недеятельности в рассуждении воспитания детей», Жуковский предлагает начать с изучения «чужого опыта». В июльском письме 1813 года из Черни он ей пишет: «Если где нужна метода и *одна* постоянная система, то, конечно, в воспитании, ибо здесь каждый шаг, каждая ошибка могут иметь важнейшее следствие на целую жизнь детей. Скажите, имеете ли вы какую-нибудь методу. Ее можно только занять из чтения хороших книг и из чтения порядочного 〈…〉 И в самом образовании нравственности нужна метода. Чтобы получить ее, надобно спроситься с книгами: в них собраны чужие опыты, которые можно приноровить к своим обстоятельствам. Займитесь же сперва воспитанием как наукой, для себя,

[1] Там же, л. 23.

[2] *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 317.

потом будете исполнять прочитанное на деле»[1]. Характерна серьезность подхода Жуковского к проблеме воспитания. Он называет воспитание «наукой», говорит о необходимости выработки целой «методы» в смысле системы и ориентирует Елагину на изучение «книг о воспитании, которых,— как он пишет,— и у вас и у меня довольно».

В письме от 15 мая 1815 года из Мишенского Елагина, вдохновленная дружеской поддержкой Жуковского, выразившего готовность стать опекуном ее детей, обнаруживает свою решимость заняться самостоятельно хозяйством и воспитанием детей, приводит ряд сравнений, обнаруживающих ее педагогическую ориентацию: «Я готова быть Гольдсмитовым викером в темнице, Soeur de Charité[2] со своими больными, миссионером с мужиками, самим Песталоцци с детьми своими и со всею моею семьею»[3].

Одним из ключевых в эпистолярной дискуссии Елагиной и Жуковского был вопрос о форме и этапах образовательного процесса. В письме от 7 ноября 1816 года Жуковский определяет программу поэтапного обучения детей Киреевских. В этом письме упоминаются имена двух приглашаемых в дом Елагиной учителей — немцев Вагнера и Цедергрена. Жуковский предлагает распределить занятия таким образом, чтобы в обучении участвовала мать: «Я бы разделил вот как! Немецкий язык, Латынь и Математика Вагнеру; Греческий, История со товарищи Цедергрену; Французский и Русский язык и сами дети матери»[4]. Условием хорошего домашнего образования Жуковский считает приобретение детьми «фундаментального знания», чтобы, по его словам, «дети были бы обеспечены со всех сторон на счет учения». И тогда возможно осуществление поэтапного образования: «Вы бы тогда могли надолго, на всю раннюю молодость оставить их дома; они бы прекрасно приготовились для университетского ученья; а Университет не повредил бы их нравственности, приготовил бы их для деятельной жизни. Таким образом соединились бы для них выгоды домашнего воспитания с воспитанием публичным».

В полном согласии с идеями и планами Жуковского Елагина стремилась в процессе домашнего воспитания и образования формировать в каждом своем ребенке личность, сохраняя при этом неповторимую индивидуальность. В письме от 4 марта 1816 года, говоря о своем плане воспитания, Елагина в очередной раз напоминает Жуковскому об их единстве в вопросах воспитании ее детей: «Как же ваше будущее чем-нибудь связано с этим планом? — Ежели дети мои будут уметь понимать добро, ежели сердца их будут благоговеть при добром деле больше, нежели при удовольствии, то с их жизнью связано и прошедшее ваше, не только будущее»[5].

---

[1] ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 8.

[2] Сестра милосердия (*франц.*).

[3] РГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 16, л. 11.

[4] ПД, ф. 265, оп. 2, № 1040, л. 21.

[5] РГБ, ф. 104, к. VII, № 18, л. 12.

В 1821 году Елагина осуществляет второй этап образования детей Киреевских: она переезжает в Москву с целью приобщить старших — Ивана и Петра — к университетскому кругу.

Педагогическая деятельность Елагиной не ограничивалась воспитанием только своих детей. Важнейшая сфера, в которую был активно вовлекаем Елагиной Жуковский, — воспитание молодой интеллигенции. Переписка показывает, как заботливо и целенаправленно выращивалось ими целое поколение русской интеллигенции. Елагина понимала значимость личности Жуковского и роли его в русской культуре, поэтому так стремилась приблизить к нему, приобщить молодое поколение. Многие ее письма из Москвы в Петербург носят рекомендательный характер: Авдотья Петровна просит Жуковского принять и обогреть своим вниманием не только Ванюшу и Петра Киреевских, но и их друзей по Московскому Архиву Коллегии иностранных дел. С рекомендательными письмами от Елагиной к Жуковскому явился целый ряд молодых людей, вскоре прославивших русскую и не только науку и искусство: Н. М. Рожалин, С. П. Шевырев, А. И. Кошелев, В. Титов, И. Мальцов, А. Мицкевич. В основном это были переезжавшие на службу в Петербург московские «любомудры» или молодые друзья Елагиной. Показательна история с получением С. П. Шевыревым кафедры в Московском университете. Авдотья Петровна настойчиво просила Жуковского о содействии. Как объясняла сама Елагина, движущей силой ее была материнская забота об университетском круге Ивана Киреевского. Но по сути — это была деятельность во славу Московского университета, забота о его престиже и будущем русской науки.

Педагогика являлась важнейшим звеном в нравственно-философской системе, для которой характерен был синтез, отразивший существенные черты времени: соединение идеально-романтических представлений о природе человека с выработкой методов реального воспитания личности в семье. Синтез идеального с практическим проявился в пристрастии Елагиной к двум особо почитаемым и выделяемым ею авторам в области педагогики: английской писательницы Марии Эджворт и немецкого сентиментального писателя Жан Поля Рихтера, автора знаменитого педагогического трактата о воспитании «Левана». Елагина по совету Жуковского делает переводы «Практического воспитания» М. Эджворт и «Леваны» Жан-Поля Рихтера.

М. Эджворт и Ж. П. Рихтер в своих педагогических трудах представляют английскую и немецкую педагогические школы, несущие на себе печать двух национальных культур — со своими коренными особенностями, традициями и методами. Общее, что объединяет «Практическое воспитание» М. Эджворт и «Левану» Ж. П. Рихтера и что явилось основой для глубокого и устойчивого интереса к ним со стороны А. П. Елагиной, — это, во-первых, широкая нравственно-философская постановка проблемы личности, включающей вслед за Руссо этап детства в контекст общечеловеческого развития; во-вторых, актуализация проблемы обучения, а именно выделение в качестве важнейшего вопрос об особой роли воспитателя, родителей как активных участников процесса становления детского

характера; и, наконец, третий, — эстетический аспект. Эти книги созданы не совсем обычными педагогами. М. Эджворт и Ж. П. Рихтер — писатели, общественные деятели, просветители и философы. Их книги обладают, в отличие от строго научных теоретических исследований, особым эмоциональным воздействием, а поставленные проблемы психологии приобретают нравственно-философскую значимость общечеловеческого содержания.

К середине 1820-х гг., времени начала московской жизни Елагиной, ее общения с широким кругом русской молодой интеллигенции, так или иначе связанной с Московским университетом и Московским Архивом при Коллегии иностранных дел, у Елагиной возникает замысел систематизировать накопленный практический опыт, сделать переводы лучших европейских книг о воспитании доступными для русского общества. Этот замысел оформляется в план издания «Библиотеки для воспитания», в котором Елагина была инициатором, переводчиком, автором, привлекшим к работе и сестру, А. П. Зонтаг.

Первое сообщение Елагиной о цикле педагогических работ появляется в письме к Жуковскому от 6 февраля 1829 года. Елагина спрашивает Жуковского как бы от анонима: «Еще дает мне некто комиссию заставить тебя спросить у ваших умных книгопродавцев, не купит ли кто из них перевод Education Pratique de Miss Edgeworth[1] — Education de Miss Hamilton[2], Levana Рихтерова и еще писем de Guizót[3] о воспитании»[4]. Этот «некто» сама А. П. Елагина, переведшая к этому времени «Практическое воспитание» Марии Эджворт и работающая над «Воспитанием» Гамильтон, «Леваной» Рихтера и «Письмами о воспитании» Гизо. Жуковский тотчас откликнулся на ее предложение в письме от 13 февраля 1829 года с замечанием: «Леваны переводить не советую, ибо ее нельзя перевести и по-русски выдет галиматья из того, что по-немецки превосходно. M. Edgeworth и Hamilton другое дело. Но за успех не ручаюсь»[5]. Осторожный тон Жуковского вполне объясним, если учесть необычность торжественно-патетического стиля Жан Поля Рихтера, отличного от ясной, морально-практической прозы М. Эджворт.

К 1839 г. замысел педагогического издания обретает реальные очертания. Судя по письмам, Елагина собирает вокруг этого проекта целый коллектив единомышленников, друзей, «братий и сестер». Но пока она не получает достаточной поддержки, о чем говорится в письме Жуковскому от 12 апреля 1839 года: «Я было затеяла собрание всех хороших сочинений о воспитании: Edgeworth, Hamilton, Necker[6] с братиею и сестрами, не включая любезной моей Леваны, писала об этом Одоевскому, но, не получа ответа, отложила свое предприятие. Оно слишком

---

[1] "Практическое воспитание" мисс Эджворт.

[2] "Образование" мисс Гамильтон.

[3] "Левана" Рихтера Жан-Поля.

[4] "Письма о воспитании" П. Гизо.

[5] Мадам Гизо (*франц.*).

[6] Эджворт, Гамильтон, Неккер (*франц.*).

обширно, чтобы могло придти для него благоприятное время»[1]. Жуковский, заботясь о сестрах Юшковых (то есть об А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг) и стараясь найти им творческую работу, которая давала бы занятие и заработок, предлагает подготовить издание библиотеки сказок мира для детей. Елагина с энтузиазмом берется за переводы, предлагая в свою очередь подготовить издание еще двух библиотек — лучших романов мира и библиотеку для воспитания. В письме от 7 декабря 1839 года после перечисления состава предполагаемой библиотеки сказок («1000 и одна ночь», Гримм, Перро, Музеус, Гофман, Шпис, Ламот-Фуке) и романов (Гете, Жан Поль, Мандзони, Мадам де Сталь), Елагина предлагает: «почему нейти и еще одной библиотеке, которой вы хотели сделать *планиметрию,* Библиотеке для воспитания. Локк, Эмиль, Miss Hamilton, M. de Guizot, De Campan, Fenelon, Edu⟨ucation⟩. des filles, M. de Lambert, M. de Necker Saussure, Levana etc., etc., etc.»[2].

Составленный список авторов работ по воспитанию, охватывающий педагогические системы обучения в Англии, Германии, Франции, свидетельствует о широте и эрудиции Елагиной в этом вопросе, позволившей ей активно включать европейский опыт в русскую практику.

Судя по переписке Елагиной с Жуковским, 1839—1841 гг. заняты работой над переводами сказок, но, по всей видимости, идея издания библиотеки для воспитания не замирает. Более того, сами переводы сказок входят в состав задуманного педагогического труда как важная часть детского чтения. То есть занятия переводами сказок стимулируют и укрепляют замысел по педагогике.

В 1842 г. Елагина приступает к исполнению своего плана; в этом же году С. П. Шевырев произносит Речь в Московском университете о соотношении домашнего и государственного образования. Письма Елагиной к Жуковскому, начиная с мая 1842 года, запечатлевают хронику издания «Библиотеки для воспитания». В письме от 6 мая 1842 года Елагина сообщает: «Я предлагала Одоевскому *библиотеку для воспитания*, но *без вас* ничего предпринимать не хочет. Увидим, что выйдет из наших общих сил, обе (А. П. Елагина и А. П. Зонтаг. — *Э. Ж.*) мы имеем порядочный запас доброй воли и любви, но, кажется, это не многим нужно. От воспитателя казенные места требуют парижского выговора, а книгопродавцы известности»[3]. Сделанное замечание об отношении государства к проблемам воспитания исполнено горечи и служит объяснением причин активного и настойчивого стремления Елагиной внедрить в общественное сознание культ воспитателя и на деле, с помощью специального издания, помочь практической деятельности на поприще образования детей и юношества. В письме от 12 ноября 1842 года Елагина сообщает Жуковскому о своей работе и просит подключиться к ней: «Вожусь теперь с Леваной и изданием годовых детских книг: если бы переложили в стихи одну Гриммову сказочку, хоть Hänzel und Grete, — то-то бы я рада». Письмо

[1] РГБ, ф. 104, к. VII, № 42, л. 1 об.
[2] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 3, 4 об.
[3] Там же, л. 36.

приоткрывает картину состава библиотеки, включающей, помимо теоретических работ, собственно библиотеку чтения для детей. В ноябрьском письме 1842 года Елагина раскрывает программу издания: «Я начала великую работу, даст ли Бог удачи: Библи⟨отеку⟩ для воспитания. — Дайте совет, что и как издавать. Мы хотим 6 книжек в год, 3 для чтения детям и 3 для матерей, чтобы уже никак не делить их. — Будет Miss Edge⟨worth⟩ (она готова), Левана, М. де Неккер, Schwarz»[1].

Важным документальным свидетельством истории создания «Библиотеки для воспитания» является письмо Елагиной от 10 марта 1843 г. В нем рассказывается о роли Д. А. Валуева, о стремлении Елагиной вовлечь в работу большой коллектив сотрудников, о составе «Библиотеки» на 1843 г., о внутренней, содержательной связи предпринятого издания с замыслом Жуковского напечатать «Одиссею» и «Илиаду» в редакции для юношества и, наконец, о предполагаемом и желаемом руководстве «Библиотекой» Жуковским. Елагина пишет: «О библиотеке для воспитания скажу только, что это предприятие не может мешать вашему; думаю даже, что может служить ему введением. — Библи⟨отека⟩ уже издается Семеном на его счет и, кажется, для одной его прибыли. Вот как все это сделалось. Сестра Анна П⟨етровна⟩ прислала прошлого года несколько переводных сказочек и поручила продать. Никто не давал ни гроша. Валуев видел между тем, что у меня есть кое-что, переведенное, — помнил мое желание издавать Биб⟨лиотеку⟩ для воспитания именно так разделенную, как вам хочется, поехал в Симбирск и сообщил это Языкову Александру Михайловичу, брату Николая. Тот задал работу некоторым Симбирским дамам, предложил издание Семену, — и вот что вышло. Я дала Miss Edgeworth, дамы и сестра — сказочки, и это составило 3 тома детского чтения и 3 теоретического чтения для родителей. — Это на первый 43-й год. — Извольте руководствовать всем, все охотно и радостно покорятся вашему руководству. От Семена никто ничего не получает, а все рады что-нибудь делать путное. Вот и все для сотрудников. — Ваш план точно такой же, какой был мой, выключая основанием взять Нимейера, сухого педанта, известного своим безверием. — Если вы возьмете издание на будущий год, укажите нам дело, мы работать готовы. — В наших чтениях предполагаем мы издать: 1-е. Историю по Геродоту, для детей. 2. Илиаду и Одиссею, также для детей. — В 1-м томе напечатан Нибуров рассказ своему сыну Heroengeschichte, очень хорош. — 3. Мифологию для детей и т. д. Приезжайте сюда и займитесь этим. Это будет великолепно»[2].

Вышедшие I и II части первого номера «Библиотеки для воспитания» (1843 г. и 1844 г.) содержали в себе «Практическое воспитание. Соч. М. Эджворт. Перевод с Английского», сделанный А. П. Елагиной. На задней обложке первого номера «Библиотеки для воспитания» («Отделение I, часть I», цензорское разрешение 6 февраля 1843 г.) был опубликован проспект журнала. Текст его, по всей видимости, принадлежит перу Авдотьи Петровны, поскольку почти дословно повторяет ее письмо к Жуковскому от 10 марта этого же года.

---

[1] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 45 об.

[2] Там же, л. 50 об.

К сожалению, на этом работа Елагиной по изданию «Библиотеки для воспитания» закончилась. О прекращении своего участия в издательском проекте Елагина пишет Жуковскому 28 декабря 1843 года: «⟨…⟩ Библиотеку для ⟨воспитания⟩ я также оставила; во-первых, по нестерпимой головной боли, а во-вторых, и главное, потому что не так пошло, как бы желала. Если даже в рукоделии примешается другой со своими узорами, то приняться за него не хочется, тем больше еще в серьезном труде. Валуев завладел моей мыслью, зачал издание, напустил туда вздору, и теперь жду сестру Анну Петровну. Авось она вступится и, *дожидаясь вас*, возьмет на себя издание. Тогда все переменить не будет трудно и вам начать будет можно по вашему плану»[1].

На протяжении еще двух лет Елагина не теряет надежды на возвращение Жуковского в Россию и возрождение «Библиотеки для воспитания» как издания, направленного на создание педагогической системы и пропаганду методов, опробованных выдающимися педагогами Европы. В апреле 1844 года она жалуется Жуковскому: «Библиотека, ожидая вашего приезда, издается уже без моего содействия. Валуев вырвал у меня ее из рук — и теперь передал профессорам»[2].

Разочарование Елагиной в издаваемой без ее содействия «Библиотеке для воспитания» было следствием исключения из планов публикаций теоретических работ по педагогике, что приводило к умалению значимости вопроса о роли воспитателя, к односторонности издания, к падению его широкого гуманитарного влияния на общество в целом. «Библиотека» превратилась в интересное и полезное художественно-историческое издание для чтения детей и юношества, но была лишена научно-теоретического и методического корпуса материалов, обеспечивавших полноту и оптимальное развитие образовательного процесса, иными словами, «Библиотека для воспитания» теряла системное основание. Тем не менее участие Елагиной в создании «Библиотеки для воспитания», в разработке совместно с Жуковским концепции семейного воспитания, основанной на активном овладении опыта европейской науки и включении его в русскую педагогику, во многом способствовало развитию отечественной педагогической мысли.

* * *

Переписка Жуковского и Елагиной заключает в себе ценнейший материал по истории культуры России. В письмах представлена широкая панорама духовной жизни русского общества, и особенность панорамы состоит в том, что русская жизнь увидена не сторонним взглядом, а глазами самих участников процесса. Повествование о событиях личной жизни становится рассказом о явлениях общественно и национально значимых, а нерв личного восприятия придает всей переписке психологическую достоверность, повышенную эмоциональную и интеллектуальную напряженность.

---

[1] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 52.

[2] Там же, л. 61 об.

Так, когда она рассказывает о старшем сыне, И. В. Киреевском, начиная с его ранних лет, в эпистолярий входит большая тема исканий московских «любомудров», история журналов «Европеец» и «Москвитянин», развертывается картина участия в их судьбе В. А. Жуковского Страницы о Петре Киреевском дают материал для биографии первого собирателя русских песен, для истории русской фольклористики, бесценные подробности работы П. В. Киреевского по сбору материалов, очерчивается круг имен, связанных с возрождением национальной культуры, среди них называются А. С. Пушкин, М. А. Максимович, а также В. Ганка, П. Шафарик, с которыми Елагина познакомилась во время поездки в Прагу.

На страницах писем получают освещение события литературной жизни России. Жуковский описывает Авдотье Петровне начало своего вхождения в петербургскую литературу, подробно повествует о буре, разразившейся вокруг «Липецкого потока» Шаховского, об участии в этом споре друзей поэта: Вяземского, Дашкова и других, адресаты обмениваются новостями и своими раздумьями о судьбе и творчестве Н. М. Карамзина, Н. К. Батюшкова, Е. А. Баратынского, Н. В. Гоголя.

Развернутые во времени, письма дают материал по эволюции эстетического сознания русского общества. Так, на смену романтической углубленности в проблематику, связанную с культом исключительной, духовно развитой личности, противостоящей обыденности среды, в 1840-е гг. возникают проекты энциклопедического содержания, имеющие целью обобщения знаний и лучших образцов мирового искусства. По инициативе Жуковского Елагина принимает участие в создании антологии «Библиотеки сказок», планируется и обсуждается всемирная «Библиотека романов». Они задумывались как многотомные издания, которые, подобно «Библиотеке для воспитания», должны были способствовать распространению благотворного влияния на широкую аудиторию русских читателей.

Главная и сквозная тема всего эпистолярия — судьба и творчество самого поэта. Для Авдотьи Петровны Жуковский был «первым поэтом России», для Жуковского — Елагина являлась идеальным читателем, преданным, тонким, восторженным, а вместе с тем строгим бескомпромиссным критиком, глубоко понимающим талант поэта, любящим и гордящимся им. По переписке четко выстраивается хроника жизни и поэтической деятельности Жуковского, собирается реальный материал для комментирования его педагогической, общественной и художественной деятельности. Картина жизни Жуковского создается как непосредственными откликами на события, так и ретроспективным возвращением в прошлое, которое Елагина, как и Жуковский, хранили в памяти до мелочей. Так, живое, эмоциональное, а вместе с тем реально точное воспроизведение духовного состояния поэта в драматическую и вдохновенную долбинскую осень 1814 года создается потоком воспоминаний Елагиной — «помнишь?.. »

Из переписки становятся понятными внимание и заинтересованность поэта в оценках Елагиной. Известно, что многие произведения свои он посылает к Авдотье Петровне до публикации, ожидая ее мнения. Елагина эстетически была

воспитана на русской и европейской сентиментально-романтической литературе. Подобно Жуковскому, называвшему Карамзина «своим евангелистом», Елагина была духовно родом из этой же культурной эпохи Карамзина. Не случайно она переводит и много интересуется Жан-Полем Рихтером. В эстетических принципах и творчестве этого писателя она находила синтез поэзии и жизни, возможность соединения романтической идеальности и практической деятельности и утверждения этих принципов в искусстве, в педагогике и в жизни. Потенциал сентиментально романтического типа мироощущения сделал ее, подобно Жуковскому, открытой как романтическому искусству, так и наступающей эпохе реализма.

На общность романтических эстетических представлений Жуковского и Елагиной указывает, например, факт неоднократного цитирования ими стихов из программного по своему содержанию послания поэта «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814). В письме от 11 июня 1815 г. Жуковский аргументирует свое ощущение одиночества в великосветском Петербурге строками из Послания:

Подале от толпы судей,
Пока мы не смешались с ней…
Свобода друг наш благодатный,
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья
Богаты ясностью души,
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей

В ответном письме, от 26 июня 1815 года, Елагина вторит ему: «Вообразите, что третьего дня, сидя перед столиком против нашей Аннеты, я с грустью и твердым чувством, говорила ей ваши милые стихи:

Подале от толпы судей,
Пока мы не смешались с ней.
Свобода друг нам благодатный! и пр.

Они сжимали сердце и справедливостью своей и противоречием! Чем больше писаны они *душою*, тем тяжелее тому, кто против воли должен быть там, где гремит *хвала, гул шумный и невнятный!*»[1]

В письмах Елагиной отразилась ее исключительная отзывчивость на одухотворенность романтической лирики Жуковского. В письме от 26 июля 1819 г. в ответ на сетования Жуковского о «сухости» в сердце и поэзии, она дает совет, обнаруживающий ее глубокое понимание сущности его таланта: «Жар к хорошему никогда не может погаснуть в вашем сердце! Вам не нужно в постороннем искать

[1] РГБ, ф. 104, к. VII, № 16, л. 19.

согреться; напротив, отдалите все рассеяния, войдите в себя, наша Аркадия внутри нас, *внутри вас*! Воображение ваше довольно сильно, чтобы *уничтожить бытие* того, что около вас не стоит восторгов 〈…〉. Напишите пока *Ундину*, или что-нибудь такое же, где много неопределенного, тайного, неизвестного, горестного, мечтательного, похожего вместе и на душу и на жизнь»[1]. Получив элегию «Славянка», Елагина отправляет поэту восторженное послание, особо выделяя строки, воссоздающее красоту природы и авторское проникновение в ее божественный, словами невыразимый, но угаданный Жуковским смысл: «*Лишь изредка струей сквозь темный свод древес прокравшись, дневное сиянье* и прочие четыре строчки прелесть! Воспоминание печальное с *неизменяющей Мечтою* — несравненно! C'est tout l'homme malheureux[2]. Небесные друзья, спутники денницы, c'est frais comme l'aurore du printemps[3] и следующих восьми все слилось, чем здесь прелестна жизнь: вечность, которой она здесь украшена, и великость, которую здесь бережем для вечности. *И нечувствительно с превратности мечтой дружится здесь мечта бессмертия и славы!* Est tout le secret de la grande science du malheur: la montagne du royaiume de Cachemire[4]. Ива дряхлая, купающая главу и пр.: — tableau plus animé que celui de la nature peut-être[5]. Прелесть. — *Последни облака, блиставшие зарей, с небес, потухнув, улетели!* — право, тут не достает слов восхищаться, любить эти облака как крылатую радость. *Лишь изредка в далекой мгле промчится невнятный глас*... — Жуковский, откуда вы взяли всю душу в слове вписать, — это только возможно чувствовать, а выразить, казалось, бы, невозможно! — В этих стихах точно в душе ощущаешь весну, также тесно станет дышать; и от этих пор до конца все несравненно! — Si c'est une poésie discriptive, elle décrit ainsi savement les sentiments de l'âme, que le charme de la nature; c'est réelement magique[6]. — *Над юною главой горит звезда преображенья*. Знаете ли, что я не хочу видеть Павловское, ваше должно быть лутче»[7].

Будучи поверенной в творческих делах поэта, его переписчицей (потерявшему зрение Жуковскому она писала в конце 1851 года: «〈…〉 друг мой, поэму, которую вы сочиняете в вашей темноте, вышлите мне ее в рукописи, я ее перепишу моим самым красивым почерком и в стольких экземплярах, сколько вы захотите. Я расшифрую ваши дорогие каракули, я додумаю даже то, что не увижу глазами»[8]). Авдотья Петровна ранее других угадала эпическую сторону его таланта, назвав уже в 1818 году Жуковского «мой голубчик Гомер». Тому были основания; раннее знакомство с эпическим опытами поэта. Например, с «Певцом во стане русских

[1] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 107, л. 58.

[2] всякий человек несчастен (*франц.*).

[3] это свежо, как весенняя заря (*франц.*).

[4] и весь секрет великой науки несчастия: горы царства Кашемира (*франц.*).

[5] более оживленная картинка, чем может быть та же картина природы (*франц.*).

[6] Если это описательная поэзия, то она, таким образом, то она с умением описывает чувства души, также как и очарование природы. Это действительно волшебно (*франц.*).

[7] РГБ, ф. 104, к. VII, № 15, л. 3 об.

[8] ГИМ, ф. 368, № 23, л. 49 об.

воинов» она познакомилась вместе с Протасовыми и Плещеевыми в Орле до публикации, в рукописи. В письмах постоянно идет разговор об эпическом замысле поэмы «Владимир».

Важным документом об эстетике эпического является письмо к Елагиной в декабре 1844 года. Главная тема — создаваемый в это время перевод «Одиссеи». Значимость этого письма для осмысления труда Жуковского понимал Н. В. Гоголь, «гнездившийся» тогда в его доме. В ответ на вопрос Н. М. Языкова, как идет у Жуковского перевод «Одиссеи», Гоголь писал: «〈…〉 Обо всем это, равно как и о производстве самого перевода, написано им весьма замечательное письмо к Авдотье Петровне и Ивану Васильевичу Киреевскому, которое ты, вероятно, уже и сам прочел или по крайней мере о нем знаешь»[1]. Характерно, что размышления о переводе «Одиссеи» возникают до декабря 1844 года в письмах Жуковского к другим адресатам, что вполне естественно, учитывая важность работы и увлеченность ею. Но именно в письме к А. П. Елагиной размышления и наблюдения собраны и выстроены в целостную систему: Жуковский создает образ Гомера, полемичный по отношению к теории Вольфа, отрицавшего существование греческого поэта; рассматривает проблему философского понимания смысла жизни в античной и новой поэзии (разговор о меланхолии), ставит вопрос о соотношения поэзии и прозы, о русском гекзаметре; объясняет технику и содержание своего перевода; говорит о значении «Одиссеи» Гомера для русской литературы и воспитания юношества и детей; делится замыслом создания Пролога к «Одиссее», наконец, определяет место этого труда в своей жизни и творчестве.

Письмо, в котором подняты проблемы, касающиеся важнейших аспектов искусства, было не только благодарностью А. П. Елагиной за ее веру в него. Оно было адресовано человеку, глубоко понимающему суть творчества, воспитавшему целое поколение русских «ахейцев». Обращение к И. В. Киреевскому через мать придавало разговору об «Одиссее» значимость события большого масштаба, родового, общечеловеческого и национального. В своем ответе на письмо Жуковского И. В. Киреевский осмысляет перевод «Одиссеи» в контексте раздумий о состоянии литературы на Западе и путях развития национальной культуры: «Одиссея ваша должна совершить переворот в нашей словесности, своротив ее с искусственной дороги на путь непосредственной жизни. Эта простодушная искренность поэзии есть именно то, чего нам недостает и что мы, кажется, способны оценить, чем старые хитрые народы, смотрящиеся в граненые зеркала своих вычурных писателей. Живое выражение народности Греческой разбудит понятие и об нашей, едва дышащей в умолкающих песнях»[2].

В 1848 году (18 марта), откликаясь на статью «О поэте и современном его значении», присланную с тем, чтобы Авдотья Петровна передала ее С. П. Шевыреву для публикации в «Москвитянине», Елагина с чувством удовлетворения сравнивает Жуковского с автором эпических романов В. Скоттом: «И трогалось

[1] Переписка Н. В. Гоголя. В 2-х томах. М., 1988. Т. 2. С. 403.

[2] *Киреевский И. В.* Полное собр. сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 237.

сердце, читая то, что вы говорите о Валтере Скотте: все то, душа моя, обращаем к вам»[1]. Это сближение тем значительнее, что Жуковский в своей статье говорит о нравственной природе эпического таланта В. Скотта: «Поэт в прямом значении сего звания — он будет жить во все времена благотворителем души человеческой. Какой разнообразный мир обхвачен его гением! Он до всего коснулся, от самого низкого и безобразного до самого возвышенного и божественного, и все изобразил с простодушною верностию, нигде не нарушил с намерением истины, нигде не оскорбил красоты, во всем удовлетворил требованиям искусства. Но посреди этого очарованного мира самое очаровательное есть он сам — его светлая, чистая, младенчески верующая душа; ее присутствие разлито в его творениях, как воздух на высотах горных, где дышится так легко, освежительно и целебно»[2].

Переписка характеризуется высоким уровнем доверенности и уважения, позволюящим вести бескомпромиссный диалог. Со стороны Жуковского замечания связаны с житейской неопытностью Елагиной, не сразу осознавшей статус и ответственность матери-воспитателя, с ее исключительной доверчивостью (тому пример пражская история). Но за его редкими упреками всегда светится большая забота и нежная привязанность к киреевско-елагинскому семейству. Авдотья Петровна всего три раза высказывает свое несогласие с Жуковским — ее возражения связаны с характером решения поэтом религиозно философского вопроса о неизбежности наказания грешника за нарушение нравственного закона. Речь идет о балладе «Адельстан», статье «О смертной казни» и о последнем творении Жуковского — «Агасфер». С точки зрения Елагиной, Жуковский отступает от христианской заповеди, по которой наказания грешника может быть осуществлено только Высшим. Знаменательно, что переписка их обрывается за месяц до смерти поэта на сосредоточенном, направленном на выяснение истины разговоре о религиозно-нравственной проблематике «Агасфера».

* * *

Будучи ценнейшим документом русской культуры первой половины XIX века, переписка Елагиной и Жуковского является феноменальным явлением в истории отечественной литературы и языка. Проблематика переписки, вобравшей в себя нравственно-философские, общественные и эстетические вопросы времени, воссоздает тип поведения людей из русской интеллигенции, характеризующейся высоким чувством долга, самоанализом личности, стремящейся к духовному восхождению по законам христианской морали. Это являлось фундаментальной основой для расцвета русской психологической прозы XIX века. Письма не только отражали совершавшиеся в это время преобразования, реформы в идеологии и языке; в них шла лабораторная выработка эстетики и поэтики русского романа: возведение бытового, простого течения жизни в высокий план общечеловеческих

---

[1] РГБ, ф. 104, к. VII, № 46, л.3.

[2] Жуковский. Собр. в 12-ти томах (под ред. Архангельского). СПб., 1902. Т. 10. С. 85.

и национальных ценностей, соединение стиха и прозы, искусство переплетения глубочайшего драматизма с проникновенным лиризмом и тончайшим юмором. В рамках эпистолярия совершался процесс развития русского литературного языка, начатый Пушкиным. Жуковский необычайно высоко ценил искусство письма А. П. Елагиной. Он писал И. В. Киреевскому: «Знаешь, у кого ты научился писать? У своей матери». Вопрос о языке возникает в переписке неоднократно. Особенную важность он приобретает в связи с воспитанием детей Жуковского за границей. Елагина упорно зовет поэта на родину — и одна из причин — необходимость обучения сына поэта русскому языку. Она пишет Жуковскому: «Вам надобно скорее сюда. Надобно, чтобы язык наш бежал ему в душу, чтобы воздух наш живил его и ему был родной, что нельзя иначе, как вдыхая его с колыбели»[1], «всем сердцем хочется, чтобы сын ваш был Русский, чтобы он с колыбели слышал звуки родины». Следует отметить очевидную закономерность. В письмах Жуковского, как правило, преобладает русский язык. У Елагиной в 1810—1820-х годах большой объем письма занимает французский язык, но чем далее — тем его становится все меньше и, наконец, он практически исчезает. В высшей степени значимо признание Елагиной в письме от 6 ноября 1851 года, то есть времени, когда поэт потерял зрение и письма ему должна была читать жена. Елагина пишет, обращаясь к Елизавете: «Pourrai-je écrire ma prochaine lettre en russe? Je suis sûre que vous lisez le russe et le comprenez à présent. J'adore qu'il m'est cruel d'écrire á *mon amie* dans une langue étrangère une langue à belle phrases; c'est peut-être parce que je suis habituée avec Joukovcky à la langue don't chaque mot me rappelle des vers qui ont fait pendant toute ma jeunesse mon bonheur, et ma plus chère occupation. Avec tous les autres, toutes les langues me sont indifférentes»[2, 3].

Таким образом, письма Елагиной и Жуковского, двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века, являются ценнейшим документом истории русской философской, эстетической, педагогической и общественной мысли. Вместе с тем переписка поэта и его друга, Авдотьи Петровны Елагиной, матери выдающихся ученых и писателей, хозяйки знаменитого московского салона, женщины, отмеченной талантом писательницы и переводчицы, запечатлела и сохранила во всем обаянии непосредственного общения образцы высокого духа и человеческого такта, составляющих бесценную основу русской национальной жизни, искусства и науки.

[1] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 106, л. 62.

[2] «Могу ли я написать следующее письмо по-русски? Я уверена, что вы читаете по-русски и сейчас понимаете его. Мне кажется несправедливым писать *моей душе* на иностранном языке красивыми фразами, может быть, потому, что я привыкла с Жуковским к языку, каждое слово которого напоминает мне стихи, которые сочинялись во времена моей молодости, были моим любимым занятием. Со всеми другими все языки для меня безразличны» (*франц.*).

[3] ГИМ, ф. 368, № 23, л. 49.

Вопрос о необходимости издания писем В. А. Жуковского был поставлен сразу после его смерти друзьями-современниками: А. П. Елагиной, К. К. Зейдлицем, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым и другими. Б. Л. Модзалевский в статье, которая должна была предшествовать подготавливавшемуся им собранию писем В. А. Жуковского, говоря о значении эпистолярного наследия поэта, ссылается на двух его выдающихся современников — П. И. Бартенева и П. А. Вяземского: «Говоря о желательном издании переписки Жуковского, «этого вполне исторического лица», П. И. Бартенев некогда писал: «Изучая жизнь и труды его, приходишь к убеждению, что печатными творениям выразились далеко не все стороны этой удивительно богатой души. Как ни высока и ни светла слава Жуковского — писателя, но еще выше и светлее должен будет прославиться Жуковский в его общественном и общечеловеческом достоинстве»[1]. — «Вы совершенно справедливо замечаете, — пишет на это Бартеневу князь Вяземский, — что полная по возможности переписка Жуковского, т. е., письма ему писанные и им писанные, будет служить прекрасным дополнением к литературным трудам его. Вместе с тем будет она прекрасным комментарием его жизни. За неимением особенных событий или резких очерков, которыми могла бы быть *иллюстрирована* его биография, эта переписка близко ознакомит и нас, и современников, и потомство с внутреннею, нравственною жизнью его. Эта внутренняя жизнь, как очаг, разливалась теплым и тихим сиянием на все окружающее. В самых письмах этих есть уже действие: есть в них несомненные, живые признаки душевного благорастворения, душевной деятельности, которая никогда не остывала, никогда не утомлялась. Сочинитель в печати чуть ли не актер на сцене. В сочинении все-таки невольно выглядывает сочинитель. В письмах же человек более налицо»[2].

Исключительное место в сборе писем Жуковского и подготовке их к публикации занимала А. П. Елагина. Сохранилось ее письмо П. А. Плетневу от 8 апреля 1853 года, запечатлевшее начало этой работы и роль в ней Елагиной: «Давно бы должна была исполнить Ваше желание, но рукопись Жуковского была в деревне у сына моего и потому, надеюсь, что Вы не посетуете, что я замедлила с пересылкою. Вот она теперь. 〈…〉 Письма начала переписывать и на днях пришлю вам описание первого свидания с Государыней Марией Федоровной и с Великими Князьями. Прочие же письма не скоро к вам переберутся. Мне очень тяжело с ними возиться и после каждого страдаю сильною головною болью, мешающей возможности глядеть на белый свет. Но что это за письма! публике не должно и не можно проникнуть в райский мир этой светлой души:

Туда непосвященной
Толпе дороги НЕТ.

[1] РА. 1875, кн. III, С. 375. Из переписки Жуковского. Сообщение Б. Л. Модзалевского // ПД. № 15412, л. 3—4).

[2] РА. 1875, кн. III. С. 375.

Но с Вами хотелось бы мне поделиться всем хранящимся у меня сокровищем. У меня больше 400 писем — надобно еще попросить у кн. Вяземского и у Карамзиных»[1].

После смерти А. П. Елагиной хранителем большого собрания писем Жуковского к ней и другим родственникам стал К. К. Зейдлиц, о чем свидетельствует его письмо к П. А. Висковатову от 7 ноября 1882 года, позже опубликованное «вместо предисловия» к письмам Жуковского в «Русской старине» 1883 года. Объясняя причину задержки с печатанием писем (по вине одного из редакторов), Зейдлиц в частности пишет: «〈…〉 могут спросить меня, почему же я теперь, ко дню юбилея решился издать некоторые письма поэта из числа переданных мне покойною Авдотьей Петровной Елагиной?»[2] Большой корпус писем был напечатан в «Русской старине» 1883 года К. К. Зейдлицем и П. А. Висковатовым с примечаниями П. И. Бартенева[3], положившими основание для научного исследования и комментирования писем В. А. Жуковского. Несколько писем Жуковского к Елагиной было опубликовано в «Русском Архиве» и «Татевском сборнике» (СПб., 1899). Новое большое собрание писем появилось в «Уткинском сборнике» (М., 1904) выпущенном М. В. Бэер с примечаниями А. Е. Грузинского. В 1912 году в «Русском Библиофиле» (№ 7—8) были опубликованы найденные новые письма В. А. Жуковского, среди которых многие адресованы к Авдотье Петровне. Письма вышли под редакцией и с примечаниями И. А. Бычкова. Ныне автографы и копии с писем Жуковского хранятся в РО РГБ, РНБ, РГАЛИ, ПД, но, к сожалению, судьба автографов многих ранее опубликованных писем неизвестна.

Следует указать что выявлены и опубликованы новые письма поэта к А. П. Елагиной. Таким образом, основной корпус публикуемых писем Жуковского к Елагиной был собран и напечатан дореволюционными исследователями.

Судьба писем А. П. Елагиной к Жуковскому иная. Они практически никогда целиком не публиковались. Исключение составляют публикации полного текста 2-х писем Елагиной, напечатанных В. Н. Касаткиной[4], и 9-ти — Л. Сахаровой[5]. Отрывки же из писем привлекались для комментария писем В. А. Жуковского П. И. Бартеневым, И. А. Бычковым, К. К. Зейдлицем в его книге о Жуковском, а также в научно-критических трудах современных исследователей. Рукописи Елагиной (автографы и копии писем) хранятся в РО РГБ, РГАЛИ, ОПИ ГИМ, и в настоящем издании все письма печатаются по автографам. Впервые предпринято издание переписки А. П. Елагиной и В. А. Жуковского в едином тексте, рассматриваемом как целостная система.

---

[1] ПД, ф. 234, оп. 3, № 236, л. 9.

[2] ПД, ф. 265, оп. 1, № 27, л. 252 об. РА. 1876, кн. I. С. 248.

[3] В РО ПД хранится рукопись П. И. Бартенева «Комментарии к письмам В. А. Жуковского» (Москва. 1900) // ПД, ф. 286, оп. 2, № 457.

[4] Российский литературоведческий журнал. 1997, № 11, С. 231—268. № 4. С. 99—115 и др.

[5] Забелинские научные чтения. 2000. М., 2101. С. 365—375.

При публикации орфография приближена к современной, особенности же пунктуации (вопросы, восклицания, многоточия, обилие тире, графические выделения букв и слов и пр.) сохраняются как наиболее яркое проявление индивидуальности авторов и их сентиментально-романтического стиля.

«Дневник семейства Протасовых и А. П. Киреевской 1812 года в Орле» со 2-го авг⟨уста⟩ по 27 октября.

1812-го года. 2-е августа. Уехал наш добрый Жуковский. Да благословит Господь Бог путь и намерение его. В сборах своих он много мне показал истиной дружбы.

17-ое число того же месяца от Анны Петровны получено письмо[1], в котором она уведомляет также о своем отъезде в безопасную сторону. Благослови Господи путь их и водвори спокойствие в их жизни.

25-е получено письмо от Жуковского из деревни Перхуткиной. Он перешел пешком 28 верст идет к Можайску. Он не поглядел ни на усталость, ни на все препятствия, написал ко мне.

Подробный Журнал всех действий, движений и перемен, произошедших во время пребывания праведных Муратовских жителей в преславном городе Орле.

4 число. Утро началось бурное. Маменька весь день накануне была очень нездорова[2], жар был кашель и головная боль, и все это продолжалось и сегодня утром. Нам всем было очень горько, и все сидели крепко голову повесив. — Пришло письмо из Орла от Васиньки, он пишет, что неприятель пошел к Воскресенску, что наша армия в 27 вер⟨стах⟩, что новое ополчение отличилось. — Все эти вести нас очень тронули и испугали. Маменька решилась послать к Жуковскому, написали, поплакали довольно и отправили Фатея Ивановича, коего имя вечно будет славиться в пределах Муратовских, за скорую его готовность ехать к доброму нашему Жуковскому, за преданность и храбрость[3]. — Потом вдруг Маменька не-

---

[1] *...от Анны Петровны получено письмо...* — Речь идет об Анне Петровне Юшковой (в замуж. Зонтаг, 1785—1864), сестре Авдотьи Петровны Киреевской, племянницы Е. А. Протасовой. Анна Петровна с другими родственниками была в это время в Рязани.

[2] *Маменька весь день накануне была очень нездорова...* — Маменькой называют в «журнале» Екатерину Афанасьевну Протасову (1771—1848), мать Маши и Саши Протасовых, тетку Авдотьи Петровны Киреевской.

[3] В коллективном письме родственников к Жуковскому, о котором идет речь в журнале, Екатерина Афанасьевна писала: «Нельзя пересказать, что я чувствую, сколько за тебя боюсь, милый друг Василий Андреевич, отправь к нам посланного моего. Напиши все обстоятельно. Боже, умилосердись, сохрани вас, наших защитников. Мы все здоровы и здесь все тихо. Переезжаем в Орел, чтобы знать скорее новости от вас. Молюсь о тебе прилежно. Милого друга Азбукина обнимаю. Поручаю вас милосердию Божию. Дорогому Свечину скажите, что обо всех вас только и дела, что плачу. Посылаю тебе бульону, крупы, три ста рублей денег, из коих Азбукину сто. Христос вас сохранит, Он моя надежда. Прощай. Козий теплый платок посылает тебе Дуняша».

пременно решилась ехать в Орел; с величайшею преданностию представляли мы ей, что можно подождать до завтра, но несмотря на наш страх, на головную боль и на такую слабость, что даже не могла она сидеть, мы поехали в 12 часов, длинным обозом из восьми штук составленным. Я всякую минуту оглядывалась, не едут ли за нами мародеры, но по счастию кроме телег с всякой всячиной, линеек, колок, ничего не видала. Маменька легла, скоро начало ее рвать, и нам всем было очень плохо, скучно и грустно. Насилу улеглись спать и уснули.

5 число. **Мы вставши были несколько обрадованы тем, что Маменьке лучше, напились чаю и поехали к обедне, но она уже отошла, и так мы тотчас возвратились домой, скоро пришел к нам г-н Немич и сказывал, что окаянный Бонапарте оставил Москву и пошел от нее прочь без сражения. — В 1 Василий Иванович ходил к Гр. Чернышеву[1], который торопился к нам, а за то, что он просится, Маменька велит его просить одного, но у него гости и он только четверть часа просидит (Nota. Он точный иностранец, однако говорит изрядно по-русски). После обеда Дуняша села рисовать[2] подле окошка, я села подле нее. Пришел Высокопольский, вдруг услышали мы оранье, свист и всякого рода музыку, запах амброзии и нектара. — Мы все бросились глядеть в окно, думая, что это кукольная комедия. Но это была Собачья. Две беленькие сучки с черненькими глазками, в турецких шалях и шляпках с вуалями, танцевали на улице. Их вели четыре иностранные фигуры, которых, к стыду моему, я не могла узнать, люди ли это или другого рода животные. Один из них был яко бы в мундире, в золотых очках, в 2 эполетах, у него была маленькая тросточка на одном пальце (я думаю, что она ему служила для отвесу, и поэтому полагаю, что он должен быть чрезвычайно легок). Они прошли мимо нас, а штучка в мундире пропрыгала на одной ножке, забегала к соседям нашим Масловым на двор, потом повернули в переулок. Высокопольский позвал Маменьку глядеть пушки, которые лежат против острога,**

В приписке Дуняши Киреевской говорится: «Милый добрый друг наш, одна мысль теперь об вас! Сохрани вас Господь для счастия нашего! Об нас будьте совершенно покойны. Маменька здорова и сестры также, думаем, говорим и молимся об вас беспрестанно. — Христос с вами, милый брат, добрый, милый друг! Господь да сохранит вас! Да даст нам счастие опять вас увидеть!» (РГБ, ф. 104, к. 8, № 17, л. 23—23 оборот).

[1] *...Василий Иванович ходил к Гр. Чернышеву...* — Василий Иванович Киреевский (1773—1812), муж Авдотьи Петровны Киреевской, отец Ивана, Петра и Маши, секунд-майор в отставке, широко образованный человек, владевший пятью языками; в 1812 г. в Орле организовал госпиталь для русских и французских раненых. Заразившись, умер в ноябре 1812 г. Записи в журнале обрываются в связи с резким ухудшением его здоровья. Григорий Иванович Чернышев (1762—1831), граф, обер-шенк высочайшего двора, действительный тайный советник, с 1799 г. заведовал иностранными труппами Императорских театров, отец жены декабриста Н. М. Муравьева — Александры Григорьевны. «Это один из самых любезных людей в свете, — умный, остроумный, приветливый» (*Жихарев С.П.* Записки современника. Л. Ч. 1. С. 102). Чернышев много времени проводил в Орле и родовом орловском имении — селе Тагине.

[2] *После обеда Дуняша села рисовать...* — Речь идет об Авдотье Петровне Киреевской.

и так мы и отправились, при выходе из передней встретили Немичеву дочь, с ее мамзелью, и пошли вместе. На улице увидели мы большую компанию, идущую прямо на нас, там были Безобразовы две племянницы (из коих одна славная Музыкантша). Несколько шагов подале увидели Баронессу Сакену Доброво (Nota. Она без платы пускает к себе в дом жить бедных, которых французы разорили). — На возвратном пути мы очень опоздали, и я очень боялась, чтоб маминькин кашель не усилился, вышел к нам из своего дому некто интересный Грабушка, который пил у нас чай, все наши гости не стали у нас ужинать, а мы тотчас после их отъезду.

6 августа. *Нынешний день был очень богат приключениями. Только что мы проснулись, явился Василий Плещеевых*[1] *и сказал нам, что они намереваются сделать на нас нападение и переехать на неделю в свой дом. Известие сие нас поразило обитатели верхнего этажа прислали к Маменьке предложение защищаться вооруженной рукой и соединенными силами. Они взяли на свой отчет верхний этаж, нам оставили нижний и требуют, чтобы мы выгнали неверного союзника (Графа Чернышева), повлекшего беды на нашу голову. Завтрашний день решит участь замка. В 9 часов явился другого рода Василий. Он привез известие об Ан⟨не⟩ П⟨етровне⟩ Зиновьевой*[2]*. Наши Киреевские собираются завтра к ней. Через полчаса пришел Вендрих*[3] *и сказывал между многими прочими прекрасными вещами, что приехала Смоленская губернаторша, которая в крайней нужде и даже долго была без квартиры. У нее три дочери, старшей 17 лет, при осаде Смоленска они были ранены, оттого что бомба влетела в дом их. Добрый наш Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩и мы все тотчас отправился отыскивать эту семью, и мы все в ожидании его возвращения оставшись одни (потому что и Вендрих поехал к больной), вышли на балкон. Не успели мы показаться, как вдруг увидели в доме Солового множество мужчин, прибежавших смотреть на нас. Разумеется, что нам это не очень понравилось, мы с преклоненными главами возвратились, сели под окно и в утешение начала Маменька бранить Солового, называть его не патриотом, дураком и говорить, что он только и умеет что conter fleurettes aux dates*[4] *и что Отечества защищать не хочет. Долго очень она продолжала на него*

---

[1] *...явился Василий Плещеевых...* — Василий — слуга в доме Плещеевых в Черни, где жила в это время вся семья, предоставив городской дом Протасовым и Киреевским. Семейство Плещеевых: Александр Алексеевич (1778—1862), друг В. А. Жуковского, имел прозвище «Негр», поэт, музыкант, декламатор, муж Анны Ивановны Плещеевой (урожд. Чернышевой, ум. 1817); дети: Алексей (1800—1842), Александр (1803—1848), Петр (1805—1859), Григорий (1806— ок. 1862), Варвара, Мария (в замуж Дорохова, 1811—1887).

[2] *Он привез известие об Ан⟨не⟩ П⟨етровне⟩ Зиновьевой* — Зиновьевы — муратовские знакомые Протасовых, Киреевских и Жуковского. Павел Васильевич Зиновьев — «Болховский помещик, надворный советник и камер-юнкер» (*Власов В*. Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006. С. 114).

[3] *Через полчаса пришел Вендрих...* — Вендрих Федор Григорьевич, сосед по Мишенскому, переводчик и знаток немецкой литературы.

[4] любезничать с дамами (*франц*.).

гневаться, мое чувствительное сердце не могло снести сего больше — и я выпросила ему прощение. — Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ возвратился; он сделал всевозможное добро смолянке этой, но не то нашел, что ожидал, она приняла его подарки слишком приятно и была им более рада, чем бы должно. — К обеду явился Высокопольский, Вендрих и Немич. Но обеспокоенный ушел, обещая завтра придти обедать. После обеда мы три сестры вздумали ехать к вечерне, во время сборов наших прошла опять собачья комедия, но сегодня одного провожатого не было (того, который лучше прочих откормлен). Мы поехали к вечерне и не застали ее и решились идти пешком гулять по городу. Дорогой встретили мы множество незнакомых фигур, одна другой важнее. В переулке нашли мы двух мужчин, несущих узлы в руках. Мы начали смотреть их товары и узнали, что это бедные жители Смоленска, их господа бежали и находятся теперь в крайности. Милый наш Киреевский пошел опять помогать: узнав, что они стоят близко, он отправился к ним, на квартиру, им нужда в дровах и муке, он обещал прислать им: лошадей их берет к себе в деревню, и завтра еще пойдет к ним. Этого милого человека чем более знаешь, тем более любишь. — Возвращаясь домой, нас нагнал Граф; Маменька позвала его пить к нам чай, и он явился. Мы с Сашей стояли на балконе. Его сиятельство явилось и начало нас осыпать комплиментами. Несмотря на сумерки я покраснела и в наказание так больно укусила язык себе, что мне после бедную девочку жаль стало. Маменька позволила мне чаю, который был загляденье какой славный! — Александров, за которым посылали, болен лихорадкой завтра, может быть, он будет. — Сегодня здешнее благородное общество положило сделать милицию, куда и граф Чер⟨нышев⟩ входит. Я надеюсь, что Соловой исправится и что Маменькино наставление не для глухих ушей было. — Вендрих дал Маменьке какую-то траву для груди, и она, слава Богу, хочет прилежно лечиться. Дай Господи, чтоб это продолжилось Voilà mon journal! Messieurs et Mesdames, grâce! La critique est aiseé, mais l'art est difficile[1].

7 августа **В шесть часов поехали мы к ранней обедне, которую почти уже не застали, нас позвала к себе в келью А. И. Мы дождались у нее поздней обедни, после которой игуменья меня подозвала к себе и очень стала расспрашивать об Маменьке. Говорила об ней с большим чувством и почтением, и я очень люблю игуменью. Приехавши домой Г-н Немич сказал нам, что неприятели взяли Москву, что нас всех несносно огорчило, а у бедной моей Маменьки сделалась головная боль и она во время обеда уснула. Приехал Минский Казначей обедать. После обеда Маменьке было несколько получше, но как Петрушенька наш очень кашляет[2], то Василий Ив⟨анович⟩ позвал Вестфаля, посидевши с час он уехал, а В⟨асилий⟩ Ив⟨анович⟩ поехал в апте-**

---

[1] Вот мой дневник! Дамы и Господа! Критиковать легко, делать трудно (*франц.*).

[2] *...но как Петрушенька наш очень кашляет...* — речь идет о Петре Васильевиче Киреевском (1808—1856).

ку, весь этот день было несносно грустно, об Москве и оттого, что Маменька была нездорова и наконец после многих трудов день кончился.

8 сентября — воскресенье. Маменька и мы все поехали к обедне, после служили молебен. — Поутру был у нас Немич и Чичерин, который едет в ⟨*1 нрзб*⟩ **и сказывал, что из Белева все выехали. — Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ ходил к Панину[1], выехавшему из Москвы в тот самый ужасный день, и слышал от него подробности. Потом бегал смотреть пойманных французских разбойников, которых мужики переловили в Рославле и сюда привезли 40 человек. — День весь прошел для всех нас самым грустным манером, и для всех несносен, Бог знает, что будет впереди! — Тяжело думать, что может и этот день будет вспоминаться с сожалением!**

9 Сен. *Мы все утро провели в ожидании Плещеевых. Маменька кашляет и слаба чрезвычайно. Со всех сторон приносят беспрестанно разные вести, которые не дают ни минуты покою, и Бог знает, что с нами будет, если это беспокойство продолжится. — Вендрих у нас обедал и говорил обо многом слишком вольно. После обеда приезжал бедный Гедеонов, который всем нам очень понравился; накануне в вечеру приехали бесценные наши Плещеевы, которые всякую минуту показывают больше нам свою дружбу. Анна Ив⟨ановна⟩ совершенный ангел. — Этот день только для того написан, чтоб Саша могла описать следующий счастливый и никогда не забудется.*

10 сентября. **Маменькино здоровье очень дурно, и нас это огорчает несказанно. У Плещеев⟨ых⟩ было целый день много гостей и много шуму. Гр. Чернышев поутру сам стряпал кушанье, Соловой его ел, и было много людей, которых рассказы очень нас огорчили, после обеда приехал князь Трубец⟨кой⟩ и между многими ужасными новостями сказал нам, что Москов⟨ская⟩ Милиция вся истреблена, что ни одного офицера не осталось, — друзья Киреевские ездили к Барковым, у которых тоже слышали, мы были совсем в отчаянии, но Бог которого Милосердие всякую минуту нас чудесным манером показывает, хотел Маменьку утешить и вдруг наш добрый Жуковский явился из Армии курьером к Губернатору в 7 часов вечера, этот бесподобный вечер никогда не забудется, и 10 сентября надо так же праздновать, как 17 июля. — Было очень много гостей. Все приходили его смотреть, он нас успокоил много на счет дурных слухов, которые у нас носились. Но признаюсь, несносная мысль, что, может быть, у Маменьки через месяц не будет покойного угла на земле, не покидает меня ни на минуту и никаким удовольствием не может заглушиться, и особенно она несносна тогда, когда Маменька не здорова. Извините, добрые люди, я чувствую, что мое рассуждение здесь совсем не у места, но как нынче больше чем когда-нибудь, эта мысль меня не покидает, то я, право, не утерпела, чтобы ее не написать. — Добрый**

---

[1] *Василий Иванович ходил к Панину...* — Никита Петрович Панин (1770—1837), граф, вице-канцлер.

наш друг Жуковский всякую минуту умеет показать свою дружбу. Бог ему заплатит. Он приехал к Губернатору[1], чтобы ему сказать, что сюда в Орел привезут 5 тысяч человек раненых, 30 будет стоять у Плещ⟨еевых⟩ в доме, и мы готовим для них корпию и бандажи. — В 10 часов мы пошли ужинать, во весь день бесподобная наша Анна Ивановна со мной была необыкновенно ласкова, что меня очень утешает. Il y a peu de chose que j'ambitionne comme l'amitié de cette excellente personne. — Ce journal est tout rempli d'une seule grâce! grâce![2]

11 Сентябрь. Сегодня ночь была всем покойна. Кто просыпался, тот засыпал без страху, а кто не мог заснуть, то знал, что не от грусти. — По утру несмотря однако ж на нашу надежду, что Маменька теперь будет здорова, у нее опять сильно болела голова, так что вставши принуждена была опять лечь; всем нам это было очень грустно, а мне больше всех, ибо нам была нужда съездить в нашу Орловскую деревню, и бесценная наша Маменька приказала Маше ехать с нами. И так мне вдвое было грустно за себя и за добрую мою Машу, которая для меня оставила больного нашего Ангела. В деревню прилетели мы скорехонько, и я все свои дела сделала скоро, но зато Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ прочел нам предику[3] о терпении и заставил нас с час посидеть над запертым сундуком с крепостями и грамотами, однако не разбираясь ни в чем, даже и в книгах, поехали мы опять в Орел, гораздо покойнее, нежели ехали из Орла, потому что добрая Анна Иван⟨овна⟩прислала нарочных сказать Маше, что Маменьке нашей лучше. Возвратясь, нашли мы ее в гостиной с милыми хозяевами и Жуковским, приехавшим из бани, Алекс⟨андр⟩ Алек⟨сеевич⟩ и Губарев играли в дурака[4] с Высокопольским, и за то заставляли его петь, наконец, напали на него все так, что он должен был уйти. Эта шутка чрезвычайно мне не полюбилась, il n'est pas difficile de se prévaloir de la sottise d'un sot et il a paru moins ridicule que tous les gens d'esprit occupés de s'amuser de la colère d'un pauvre homme[5] — В вечеру приехала Губернаторша с визитом к Анне Ив⟨ановне⟩. — Маша моя, увидевши, что она ее узнала и приветливо с нею

---

[1] *Он приехал к Губернатору…* — Орловским губернатором в 1812 году был Петр Иванович Яковлев. Характеристика ему дана в «Записках» Д. Н. Свербеева, побывавшего в 1812 г. в Орле: «⟨…⟩ нам приготовлено было помещение у тамошнего губернатора, Петра Ивановича Яковлева. Он был человек чрезвычайно умный и дельный, происхождения дворянского, без всякого состояния. О нем шла очень худая молва, как о великом взяточнике; каким путем вышел он в люди, объяснить я не могу; знакомство его с моим отцом началось тем, что он женился на дочери П. И. Новосильцева» (*Свербеев Д. Н.* «Записки». М., 1899. Т. 1. С. 55—56).

[2] Вот немногое, чего я добиваюсь, — дружбы этой великолепной женщины! Этот журнал наполнен одной благодарностью! (*франц.*).

[3] *…зато Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ прочел нам предику… — Предика – устар.* проповедь.

[4] *…Александр Алексеевич и Губарев играли в дурака…* — Александр Алексеевич Плещеев и Воин Иванович Губарев (р. 1781), сокашник Жуковского по Московскому университетскому пансиону.

[5] Нетрудно смеяться над глупостью глупым, и мне показалось, что это не так смешно, что все эти образованные люди развлекались гневом бедного человека (*франц.*).

говорила, села подле ее высокопревосходительства, разговаривала, и мне очень весело было глядеть на милое, такое степенное ее личико и сравнивать ее привычку опускать свои прекрасные глаза с привычкою Губер⟨наторши⟩ пристально и не смигнувши глядеть в лицо всякому. — Когда они уехали, мы опять говорили о счастии нашем видеть Жуковского и покойно думать теперь даже о будущем. По вечеру Маша, Анна Ив⟨ановна⟩ и Саша, часа два посидели одни и пришли расплаканные; Анна Ивановна рассказывала им свою историю, когда в прошедшем и в настоящем ничто дурное не лежит на совести, когда несчастия зависели не от нас, то можно говорить об них спокойно, особливо такому милому, доброму человеку, как она. — Боже мой! можем ли мы жаловаться на прошедшее и не поручить твоему милосердию с доверенностию наше будущее, когда всякую минуту видим Твое Провидение и Милость!

12 Сентябрь. *Маменькино здоровье все очень дурно, даже и радость его не поправляет! — Время наше проходит так же, как и прежде: мы теперь вместе с другом нашим Жуковским; худо однако то, что он очень был весь день печален и это немало беспокоило мою бесценную Маменьку. Мы хотим поехать на несколько дней в Муратово, и я этому чрезвычайно рада. Во время обеда у Маменьки опять разболелась головка. Она почивала и мне позволила держать себе головку. Ma bonne Maman a eu aujourd'hui encore plus de bonté pour moi que d'ordinaire et je ne demande au Dieu que ma vie ne servit pas suffisante pour cela!*[1]

После обеда были Гедеоновы: она мне очень понравилась и жалка чрезвычайно. Может быть, через несколько дней и мы будем искать угла и просить помощи у людей, которые беднее нас. Я ничего жалеть не стану, если здоровье маминькино снесет все беспокойства, но этой утешительной надежды мы иметь не можем! — Мы ездили с Анной Иван⟨овной⟩ в город, она и тут умела показать мне свою дружбу, испугавшись за меня. Добрый и милый человек! Il est difficile de trouver quelqu'un qui soit plus heureux que moi, toutes les personnes qui m'entourent sont de véritables anges et je sius sûre de leur être chère, que peut-on désirer de plus? Ma bonne amie Eudoxie qui me donne chaque jour de nouvel exemple de patience, de bonté de coeur, et de toutes les vertus.. Mes bons amis! Dieu vous récompensera![2]

День кончился как обыкновенно; незнание будущего иногда мучительно, но теперь самое большое благо.

Non mon-incomparable amie, votre Eudoxie ne vous aime pas aussi, son amitié pour vous ne peut être comparée à celle de personne: elle vous aime plus que sa vie, plus que son bonheur, et c'est un grand bien pour elle de pouvoir quelquefois vous le prouver.

---

[1] Моя добрая Маменька сегодня еще более добра ко мне, чем обычно, и я прошу Бога, чтобы моя жизнь не расстраивала ее (*франц.*).

[2] Трудно найти кого-либо, кто был более счастлив, чем я. Все, кто меня окружают, — настоящие, ангелы, и я уверена, что я им дорога, чего можно желать еще? Моя добрая подруга Евдокия, которая каждый день дает мне новые примеры терпения, сердечной доброты и всех добродетелей. Хорошие мои друзья! Да вознаградит вас Господь! (*франц.*).

Et Dieu récompensera Eudoxie qui aime, et Marie qui est digne d'être — d'être aimée, ai delà de tout au monde! —

Et toi aussi cher Ange! — es également chérie de tes belles soeurs[1]*, ни одна из нас тебя в своей жизни не отделит!*

13 Сентябрь. **Несравненная моя Маменька проснулась опять с головною болью, которая от необыкновенно сильного кашлю к обеду так усилилась, что Маменька принуждена была лечь, ее здоровье хуже, чем когда-нибудь было! И это меня в отчаяние приводит. Je crois que je pourrais être non seulement résignée, mais que je ne regretterais même pas, perdre de tous les biens et de tous les plaisirs de la vie, mais les maladies de Maman sont au dessus de ma patience, vous souffrez et cet ange avait été miné par les maladies, cela m'ôte tout mon courage d'autant plus que cela m'ôte de tout bonheur pour l'avenir! — Je ne me pardonnerais, jamais d'assister troubler le sommeil de Maman aujourd'hui lorsqu on'avait permis de lui tenir la tête et que j'ai commencé à rire, elle s'est reveillée, son mal de tête n'etait pas encore passé, et pourtant cette Ange ne m'a pas dit le mot. Elle est tout pour moi et je n'ai pas pu pendant un quart d'heure rester tranquillement, quand je savais que cela l'avait soulagé!**[2]

После обеда маминька встала, и мы пришли в гостиную и сели делать корпию. Анна Ивановна, узнавши, что у бедного нашего друга Жуковского нету носовых платков, стала ему кроить из своего полотна. И еще хочет ему прислать верховую лошадь; — Были гости, в вечеру приехал Вендрих и начал говорить со всеми, даже со мной, Губарев уверяет, что он и К. Терера — мельница на два постава с луковкой, мельник и всей мукой засыпаны. Мы с Дуняшей хотим в Орловской Губернии собрать такую мельницу ⟨*1 нрзб.*⟩ **и пять уже готовы.**

Я всякий день больше удивляюсь несравненному нраву бесподобной Дуняши c'est une personne étonnante[3] **— всякий час вижу больше и больше ее бесподобное сердце и несравненное терпение, и всякий час ее больше люблю, нельзя быть милее ее. Видеть дружбу и участие в милых людях никогда так не тронет, как когда грустно.**

---

[1] Нет, моя несравненная подруга! Ваша Евдокия любит вас не также, ее дружба к вам не может быть сравнима ни с кем, она любит вас больше своей жизни, своего счастия, и это великое благо для нее — смочь иногда вам это доказать. — И Господь вознаградит Евдокию, которая любит, и Машу, которая достойна быть более всех любимой в мире! — И ты тоже, дорогой ангел, — так же дорога среди твоим прекрасным сестрам — (*франц.*).

[2] Я думаю, что я смогла бы не только смириться, но даже не пожалела бы потерять все блага и все удовольствия в жизни, но болезнь Маменьки выше моего терпения. Вы страдаете, этот ангел измучен болезнями, это лишает меня бодрости, тем более, что забирает надежду на счастие в будущем. — Я никогда себе не прощу, что потревожила сон Маменьки сегодня, когда ей разрешили приподнять голову, а когда я начала смеяться, она проснулась, ее головная боль еще не прошла, а она, этот ангел, не сказал мне ни слова. Она для меня все, и я не могла в течение четверти часа успокоиться, пока не узнала, что это ее утешило (*франц.*).

[3] это бесподобный человек (*франц.*).

14 Сентябрь. Поутру у нашей Маменьки опять голова болела. Вот уже две недели начинаются этим все дни наши! Если бы Бог нас услышал и возвратил ей здоровье, все можно было бы переносить с терпением. — Плещеевы собрались ехать домой, и в 11 часов посадили мы их за завтрак, приехал Моро[1], Маменька увела его обедать, тут мы с Машей вспомнили об обеде, спросили, и — ничего кроме щей нету! — в первую минуту мы готовы были плакать, но отдали строгий приказ, и в третьем часу съели прекрасный стол, и порадовались, что дело обошлось без слез наших. — За обедом узнали о возвращении Текутьева и потужили, что Плещеевы его не дождались, он уверял, что Орел в совершенной безопасности. Дай Бог, хоть бы этот угол остался, с здоровьем Маменьки длинной дороги вообразить нет сил. — Маша написала преславный ответ Вендриху на его послание, а мы с В⟨асилием И⟨вановичем⟩ отправились к М. Н. Барковой и просидели почти весь вечер; возвратясь домой, слушали с удовольствием Моро, который молол свой постав, но очень приятно, и фырчал, и часто молол. Несмотря на то мы встали из-за ужина, насилу дошли до постели и начался

15 день. *Сегодня мы ездили в Собор к обедне. Дунюшка моя собиралась с нами, радовалась сборами, наряжалась и — осталась с удовольствием. Мы видели в церкви многое множество интересных людей, собрались после обедни в воспитательный дом, но не поехали, возвратившись домой, нашли у себя бедного Bellac, который в прежалком состоянии и добрые наши Жуковский и Киреевский хотят об нем хлопотать. Моро также был любезен как вчера; к обеду пришли Немичи, и мы смеялись много. За обедом бедный Устинов пришел узнать что-нибудь о жене своей, о которой давно уже ничего не слыхал, но и мы не могли дать ему никакого известия. — Моро с Жуковским ходили покупать к Панину сукно, а между тем пришел Немич с сыном, который мне очень что-то жалок кажется. Потом приехала Баркова, ее состояние очень тяжело, этой бедной женщине уже 60 лет, и она принуждена теперь бросить все и искать себе угла. Вендрих привез мне письмо от сестры, которая хочет часто со мной переписываться и говорит, что любит меня. Признаюсь, что писать часто и по-немецки мне не очень весело, но если Маменьке это приятно, то и я рада. День кончился благополучно, и был лучше других потому, что здоровье Маменькино несколько покрепче. Что-то Бог даст вперед!*

16 Сентябрь. **Маменькино здоровье все не лучше, и грустно до смерти, по утру мы учились по-английски, добрый наш Василий Иванович так снисходителен, что занимается нашим учением как бы ему самому было весело. — Перед самым обедом вдруг явился Шереметев[2], которому мы все чрезвычайно обрадовались, сказывал нам, что они все тут, и если будут иметь**

[1] *... приехал Моро...* — Моро де ла Мелтиер Жан Пьер Теодор (1781—1848), французский эмигрант, муж муратовской знакомой Жуковского, переводчицы Шарлотты Моро.

[2] *Перед самым обедом вдруг явился Шереметев…* — Василий Александрович Шереметев (1790—1862), действительный тайный советник, член Государственного Совета, владелец земель в Мценском уезде Орловской губернии.

дом, то долго пробудут. Еще сказывал, что потерял в Москве библиотеку из 3 тысяч книг и славного forte-piano. После обеда он тотчас уехал, а мы спустя несколько поехали к Гедеоновым, они нам все чрезвычайно нравятся, мы там познакомились с княг. Сокольницкой, все кажутся очень милые и чрезвычайно благодарны Вас⟨Илию⟩ Иван⟨овичу⟩, что мне страх как нравится.

От них мы отправились к Ел⟨ене⟩ Вас⟨ильевне⟩ Шереметевой, они стоят в мерзком домишке и очень им беспокойно. Ел⟨ена⟩ Вас⟨ильевна⟩ чрезвычайно с Маменькой ласкова и с нами, мила до крайности. Там был Ник⟨олай⟩ Вас⟨ильевич⟩ Залетов, которого Ел⟨ена⟩ Вас⟨ильевна⟩ просила позволения с собой привести. Очень желаю, чтобы они хорошенький дом нашли. Я очень люблю Ел⟨ену⟩ Вас⟨ильевну⟩ — Мы ждали <u>Ан. Ник. Зиновьеву</u> и от этого очень мало сидели у них, но приехавши домой, узнали, что она будет завтра, итак <u>Сентября 17,</u>

для меня началось печально ибо я, сошедши вниз, нашла свою Машу в слезах, Маменька на нее гневалась, и мне было очень грустно. Скоро сели мы за Английский урок, который прервался приездом Елены Васильевны Шереметевой. Она посидела очень недолго, но в короткое время умела всех заставить себя полюбить прекрасным своим обхождением. Мы сели опять за английский урок, и скоро он прервался приносом любимого именинного пирога, который всем нам очень полюбился прекрасным и вкусным своим запахом. Потом мы сели за урок, или нет бишь, сели говорить с Вендрихом, и это никак не прерывалось до самого обеда. После обеда у Маменьки заболела голова, и она легла в постелю. Мы все около нее с грустью сидели, вдруг карета и тетушка Анна Николаевна[1] с Алек⟨сеем⟩ Ал⟨ександровичем⟩ и Дм⟨итрием⟩ Фед⟨оровичем⟩. Мы все ей очень обрадовались, Маменька проснулась здоровой, и мы весь вечер провели весело,

и вдруг сделалось Сентября 18. Анна Ник⟨олаевна⟩ ко всем нам была очень милостива, перед обедом она ездила к Масловым, я к ней написала преглупое письмо и все много смеялись. Потом привезли раненых солдат: эти несчастные гораздо жальче, чем вообразить возможно, они терпят всякую нужду и даже надежды мало, чтоб им было хорошо когда-нибудь. Из 180, которых привезли, в одну ночь умерло 20! Невозможно вообразить без ужаса состояние тех, которые провели эту ночь в одной горнице с умершими. И все это терпят они за нас! —

Текутьев хлопотал о тех бедных французах, о которых просил наш Жуковский. После обеда Ан⟨на⟩ Ник⟨олаевна⟩ ездила опять с визитами, а Вас⟨илий⟩ Иван⟨ович⟩ привез нам картины Александрова, которые прекрасны, и если бы не совестно было в теперешнее время думать о весельях, то я бы пожелала у него поучиться. Добрая моя Дунюшка хлопочет о раненых солдатах очень, сама ходила велеть им стлать сено и уговаривает Вас⟨илия⟩ Ив⟨ановича⟩ взять к себе в деревню нескольких. Дмит⟨рий⟩ Фед⟨орович⟩ очень смешно и умно шутил, и потом после многих хлопот начался <u>19 день</u>, **в который у нас было много гостей, по**

[1] *...вдруг карета и тетушка Анна Николаевна...* — Анна Николаевна Вельяминова (1785—1859), племянница Жуковского.

утру приезжали кто-то к Анне Николаевне, кто сказывал, что Калугу взяли, мы очень были испуганы, но это вышло, Слава Богу, вздор, приезжал на минутку Шереметев и сказывал, что они хотят ехать оттого, что не нашли дому. Перед обедом была Маслова, которой Анна Ник⟨олаевна⟩ нас всех рекомендовала, потом явился Вендрих и привез нам своего писания Немецкую Грамматику. Меня это очень утешило, без всякого с нашей стороны ему одолжения, он всячески старается нам показать свое участие, и, право, это очень мило. Он нам сказал, что есть очень покойный наемный дом, и добрый наш Василий Ива⟨нович⟩ тотчас после обеда отправился его смотреть для Шереметевых. К Анне Ник⟨олаевне⟩ приезжала Клушина, кажется, очень милая дамочка, которая сидела очень долго, после нее мы пошли сидеть в свою комнату, а Дмитрий Фед⟨орович⟩ сел перед печкой сушить свой платочек, что нас заставило всех много смеяться, у меня к вечеру разболелось горло и меня заставили его полоскать, а как я после ужина стала это делать, то моя дорогая Маменька с полчаса стояла надо мной и смеялась, как я и Алек⟨ксандр⟩ Алекс⟨еевич⟩ пели водою песни, — Анна Ник⟨олаевна⟩ хотела в этот же день ехать, но по многим нашим просьбам осталась

до 20 Сентября. Сегодня рано поутру Тетушка собралась ехать, послали к Губернатору узнать, нет ли чего нового, ничего не слышно, и Тетушка решилась ехать. Мы ее проводили с неудовольствием — и сошлись опять всей своей семьей. — Приехал Текутьев, не сказал ничего, но еще больше утвердил наше намерение любить его и уважать. Жуковский отправился с ним вместе к Губернатору. Мы обедали довольно поздно, тотчас после обеда вышли на балкон, увидели солдата, которого Маша подкликала, воображая, что это один из раненых. Но это был здешний гарнизонный, у него медаль, он отвечал нам довольно умно и коротко, Маменька бросила ему денег. Мужичок, стоявший на улице во все время наших разговоров, подошел тогда и зачал рассказывать, будто был семь раз в плену, возивши сухари, будто французы грызли эти сухари, и лгал до того, что мы не утерпели и принуждены были дать и ему денег. Скоро приехали Гедеоновы, потом Жуковский привез старичка Бабарыкина, которому Маменька собиралась сделать визит. В семь часов все уехали, мы двое с Вас⟨илием⟩ Ив⟨ановичем⟩ поехали к Барковой, которая была очень нам рада. Возвращаясь, я позвала Ник⟨олая⟩ Ал⟨ександровича⟩ завтра к нам обедать, а за это мне досталось в коляске, я немножко поплакала и тем день кончился.

21 Сентябрь. *Мы ездили сегодня к обедне, но по обыкновению не застали и заслушали прекрасный молебен, видели бедную Баронессу, которой положение не могу выразить без ужаса. — Возвратясь домой, ели картофель и сбирали своего милого Жуковского к Плещеевым. Текутьев приезжал сказывать, что есть слухи, что 17 число началось сражение. Бог знает, что с нами будет. Добрый Бабарыкин опять был и восхищался казацким кафтаном Вас⟨илия⟩ Андр⟨еевича⟩. После обеда Жуковский уехал, Маменька легла почивать, а мы сели читать l'homme des*

champs[1]*, что и продолжалось с час; между тем Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ уехал в ряды, Маменька проснувшись вздумала было ехать кататься, но ей сказали, что осталось только три лошади; мы стали делать планы, как бы нам ехать. Маменька подала голос, чтоб заложить в три лошади карету, две в дышлу и одну вперед; если в, на, за и перед каретой как можно больше людей, а кучера разуть и всем встречным и поперечным рассказывать, что мы бежали из Смоленска. Саша сказала, что надобно взять с собой детей и щипать их при всякой встрече для того, чтоб жальче казаться от их крику. Мы с Дуняшей также что-то умное говорили, но я уже не помню. Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ возвратился, и за ним пришел Высокопольский, который ходил в казармы и сказывал нам, что, слава Богу, присмотр за больными хорош. Он назначил им денег на калачи; добрая моя Маменька дала ему еще своих и завтра он пойдет. Саша бегала смотреть на княжну не больше двадцати пяти раз, за то из-за ужина бедная не вставала. После ужина мы принуждены были отдать обыкновенный долг натуре, то есть лечь спать и настал*

22 день., **т. е. Воскресение. Добрая моя Маменька приказала заложить карету и спросила у нас, не хотим ли мы в Собор к обедне, мы, разумеется, все согласились. Велели закладывать, но увы! Григорий велел сказать, что у него нет сапог, что нас всех поразило, я стала его униженно просить, чтобы он где-нибудь сыскал, и стала ему предлагать свои башмаки, но он их не взял и сыскал себе сапоги, мы приехали к обедне по обыкновению поздно. Маменька не вошла в Церковь, а нас послала несколько шагов войти, мы стали почти у выхода. Г-н Панин начал прохаживаться по Церкви, потом привел с собою еще кого-то двух и стали pas plus loin d'ici[2], т. е. нас толкать. Это нам не понравилось и мы, не дослушавши молебна, вышли к маминьке на крыльцо, там видели Кн. Сокольницкую, прекрасную Кн. Щербатову и пр. Приехавши домой, мы с Маменькой пошли в гостиную, куда пришел к нам один постав, то есть Василий Зиновьевых, не смотря на мороз явился Июнь, который обещал нам двух раненых офицеров, он ушел, а мы сели обедать. Во время обеда явился Вендрих и сказал нам, посидевши немного, что у него есть в коляске штучка, то есть Г-н Ланц, его приятель. Вас⟨илий⟩ Ив⟨анович⟩ тотчас побежал и достал его оттуда. Это точно необыкновенная штучка, у него рот такой искренний, что все 32 зуба наружу, больше моего, а лоб такой, как у Маланьи Петровны. Из этого рта вышло много bons-mots[3]. К вечеру пришли Немичи, мы стали бегать по зале потом, севши ужинать, я стала дразнить Грабушку, который после ужина мне дал оплеуху. Господин Немич обещал нам баню**

---

[1] *...мы сели читать l''homme des champs...* — Поэма Жака Делиля (Delille le Jacques, 1738—1813) «Сельский житель, или Французские Георгики» — («Homme des champs' ou Les géorgiques françoíses», 1800).

[2] Не так далеко отсюда (*франц.*).

[3] острот (*франц.*).

23 Сентября

Поутру мы только что собрались ехать, пришел опять Июнь с больным офицером[1], другой ранен в руку и не может надеть мундир, для того и не был у нас, этот очень жалок. Они ушли через полчаса, а мы только ехать в баню, явился Текутьев и сказывал нам, что есть победа и что Ferier взяли в плен. Наконец и Текутьев уехал и мы отправились в баню к Немчину, после которой сели у него на балконе ждать мародеров, которых нам обещал русский учитель, принесли нам бесподобный пирог, и только что я взяла самую большую кость в персты, как вдруг идет Соловой с Княгиней, ну девушке так стыдно, что мочи нет; приехал Мерлин, но увы! его не видала, не сидевшим долго. Мы, то есть Маменька приказала ехать домой, потому что мародеры все не шли, мы послали человека в острог, чтобы он нам тотчас прислал сказать, когда они пойдут, наш больной офицер, который у нас обедал, очень удивился, что нам хочется смотреть французов, тотчас после обеда Яков пришел с известием и мы сели в карету и поскакали, но моя добрая Маменька очень испугалась толпы и мы воротились прежде, чем ехать туда, моя Маша вздумала, что на балконе их увидим и выбежали, как вдруг известная уже нам Собачья комедия закричала вопрос Марья Андреевна, тут были Екат⟨ерина⟩ Петр⟨овна⟩, Марья Федоровна — Граф Чернышев и Апухтин. Маша моя испугалась, однако начала с ними разговаривать, потом мы поехали. После обеда мы немножко покатались, приехавши домой напились чаю и потом явился пятый постав, т. е. портной Вельяминовский, который молол часов до девяти, а в девятом мы поужинавши отдали долг натуре и все уснуло⟨и⟩.

24 Сентябрь. Поутру пришел к Маменьке портной, и она очень много хлопотала, кроила, потом было несносно грустно, в 12 часов приехал Текутьев и Лагривой, сей последний обедал, после обеда Вас⟨илий⟩ Иван⟨ович⟩ и Вас⟨илий⟩ Андреевич ездили к Вендриху, мы до 1 часу их ждали ужинать, а они отужинавши там, воротились домой.

25 Сентябрь. Поутру писала к сестрам в Рязань и плакала, потом Маменька стала писать к Авд⟨отье⟩ Ник⟨олаевне⟩, как в двери входит молодой человек и рекомендуется Протасовым[2]. Маменька и сестры ему очень обрадовались, и он им также, и глядел на них с таким милым чувством дружбы, что я его с первой минуты полюбила и после обрадовалась, что полюбила, ибо он очень любезен, учтив и умен. К обеду пожаловали Вендрих и Ланц и проговорили до 12 часов ночи.

26. *Александр Пав⟨лович⟩ пришел к нам ранехонько и был очень мил, по нашей просьбе он уговорил Маменьку гулять и мы отправились большой компанией: все Немичи и Жук⟨овский⟩ зашел к Александрову, у которого выпросили мы картинку*

---

[1] *... пришел опять Июнь с больным офицером...* – Июнь – раненый французский офицер, личность установить не удалось.

[2] *...входит молодой человек и рекомендуется Протасовым* — Александр Павлович Протасов (1790—1856), сенатор, историк, двоюродный брат Маши и Саши Протасовых.

рисовать. Дорогой встретили мы колодников. Ал⟨ександр⟩ Пав⟨лович⟩ когда мы несколько прошли, воротился к ним и подал милостыню, догнавши нас. Мы долго говорили о Папеньке. Он также не мог видеть бедных без того, чтобы не подать им помощь! — Пришедши домой мы по старине завтракали с Ал⟨ександром⟩ Пав⟨ловичем⟩ с одной тарелочки. За обедом предлинный разговор о женитьбе, о монашестве и о должностях жены; всякий говорил разное, много было умного и много большой бессмыслицы. После обеда приехал Моро, который по обыкновению был очень любезен, рассказывая много анекдотов, все много хорошо говорили. Ал⟨ександр⟩ Пав⟨лович⟩ ездил домой, и мы за ним посылали. Вечер кончился очень весело.

27. Мы с большим нетерпением ждали милого нашего Алек⟨сандра⟩ Пав⟨ловича⟩, который пришел очень поздно и чрезвычайно грустен и бледен от того, что был в рекрутском наборе, он начал собираться ехать и спешил, мы его попросили, чтобы он пошел с нами гулять сперва, и он в ту минуту согласился, он удивительно как мил, ласков к нам, точно как брат, просил нас списать ему стихи Жуковского, к обеду приехал Вендрих. Алек⟨сандр⟩ Пав⟨лович⟩ узнав, что он говорун, стал нас уверять, что он его переговорит, но ему это весьма не удалось, потому что он и двух слов сряду не успевал сказать. После обеда он поехал и так мило прощался с нами. Ввечеру Моро ходил к Губернаторше и пришел к ужину, после которого очень скоро сделалось

28 Сентября.

Дети мои заленились писать журнал, и так он остановился по 10 октября, день памятный в наших горестях. Жуковский, добрый наш Жуковский опять поехал в Армию. Хотя он мне близок очень, но я без всякого пристрастия говорю, что он редкий молодой человек, Господи, сохрани его своею милостию. Теперь я еще больше буду мучиться от войны. И прежде было, как я услышу о сражении, то сердце мое, можно сказать, обольется кровью, ужасно представить место сражения, после баталии стоны наших храбрых защитников, верно дойдут до престола Господня, и кровопийца Бонапарте будет наказан. От его гордости льется кровь невинная и слезы, слезы, текущие по невозвратившимся, еще больше потребуют у создателя правосудия, чем кровь убиенных. Сии падут с утешительной мыслию, что защищают веру, храм Божий, правую сторону доброго нашего Государя, родителей, жены, малолетних детей, домы свои. И, верно, получают венцы мученические от правосудного отца нашего. Ужасно представить положение тех, которые будут оплакивать потери своих друзей, покровителей, все надежды на спокойствие здешней жизни. Конечно, здешнее наше пребывание кратковременно. Но эдак судить могут счастливцы или запечатленные благодатью Божией в истинной вере живущие люди. Мы же слабые смертные по горестным опытам чувствуем, как длинна жизнь, и 42-летняя вижу очень себя, что я правосудию Божию не достойна его милостей. Но Он как отец наказавший меня дает мне отрады; в теперешнем нашем положении большое мне утешение Дуняша, дружба ее и

детям их к ней совершенная привязанность, будет им всегдашнею отрадою. Первое Октября я была чрезвычайно утешена полученным письмом от Марии Николаевны*[1]*. Заплатит ей Господь Бог, что она меня успокоила насчет всех моих родных. Еще утешилась я очень полученным письмом от Павла Ивановича Протасова. Он зовет меня к себе и изъясняется сими словами: «Я брат вам, я должен быть и отцом ваших детей. Я должен пещись о чести и жизни их». Ни с чем несравненно в нынешнее время эдакое предложение, в несчастии прямо увидеть дружбу людей. Авдотья Петровна, Авдотья Николаевна и Павел Иванович*[2] *показали мне самым ясным манером свою привязанность, первые две можно сказать платят мне за мою привязанность, а Павел Иванович был всегда другом покойного моего Андрея Ивановича, который, верно, нас видит и молится об нас…

11 Октябрь. День наш начался гораздо грустнее всех прежних, и мы пошли искать истинного утешения, молиться Богу. Обедню застали мы очень рано, потом слушали молебен, после которого возвратились домой и сели писать к дядюшке Павлу Ив⟨ановичу⟩. Окончивши все дела, перешли все в гостиную, и Сашка моя отправилась на балкон, княжна начала с ней разговаривать и слово за слово дело дошло до уверений в дружбе. Маменька приказала мне выйти и сказать ей, что она будет с Сашей к ней в гости. Это известие сестер обеих очень обрадовало, и они стали звать меня. — К обеду приехал Вендрих, который очень жалок: он кашляет и плюет кровью и от этого чрезвычайно остерегается, чтоб не разгорячиться и все говорит тихо. Это так не сходно с его нравом, что грустно на него глядеть. Г-н Ланц офицер и Мишле усадили за партию, мы за рисованье, Саша за шитье. Маменька разговаривала с Вендрихом и все шло очень тихо и смирно до обеда. После кушанья пошла Саша наряжаться, а меня сестра начала уговаривать идти тоже к Соловым. Маменька сказала и я пошла одеваться. Сборы наши (которые между нами будь сказано, были очень смешны) продолжались до сумерек, потом сели мы в карету, заложенной парой. Бедная Саша покраснела и еще не успела откраснеть, как мы приехали. Входим в большую длинную горницу и находим там двух сестер Генерала Дмитрия и хозяина. Казалось, нам были очень рады. Конечно, посадили меня на свое место для того, чтобы я не простудилась, у камина, Саша стала учить шить, и все жалели, что с начала своего приезда с нами не познакомились. Генерал вышел вон и через несколько минут поднялся шум в зале, входит мужчина — думаю, что он возвратился, и сижу покойно, но что поражает слух

[1] *…я была чрезвычайно утешена полученным письмом от Марии Николаевны* — Мария Николаевна Протасова (урожд. Новосильцева, 1760—1830), жена П. И. Протасова, мать А. П. Протасова.

[2] *Авдотья Петровна, Авдотья Николаевна и Павел Иванович…* — Авдотья Петровна Киреевская и Авдотья Николаевна Арбенева (урожд. Вельяминова, 1784—1831) — племянницы Е. А. Протасовой и Жуковского; Павел Иванович Протасов (1760—1828) — родной брат мужа Екатерины Афанасьевны, орловский вице-губернатор.

мой? «M. Apouchtin, bonsoir!»[1] Я покраснела, а потом говорят так побледнела, как платок. Это так глупо, но я его боюсь до смерти! — Саша уверяет, что увидевши нас, у него на поларшина вытянулось личико. Они начали с Соловым говорить о политике, что продолжалось довольно долго, вдруг посреди материи он повернулся к Маминьке[2] и спрашивает о ее здоровье. Во время их разговора мы рассуждали о кружеве, Соловая спрашивала поскольку в неделю плетут, я сказала, что Саша это знает. Гав⟨рила⟩ Пет⟨рович⟩ вдруг говорит: «Это принадлежит в Алекс⟨андры⟩ Анд⟨реевны⟩ департамент, а Мария Ан⟨дреевна⟩ только хозяйством занимается». Я говорю, что и того даже не умею». — Потом стали говорить о многих разных вещах, и он все время вмешивался. Княжна села наливать чай, и мы перешли к ней и приехала Марья Денис⟨овна⟩ с дочерью. Скоро потом мы уехали, и Соловые обещали быть к нам назавтра. У меня разболелась голова, и я улеглась прежде ужина спать. Что было без меня, не знаю, а другой день начался очень грустно.

12 Октябрь.

Маменька проснулась опять с сильною головною болью, которая к обеду так усилилась, что она легла, а я села ей головку держать, отчего и за стол не ходила, скоро после обеда входит Маша и говорит, что у Соловых подана карета, отчего Маменька тотчас встала и пошла в гостиную. Посидели недолго, звали нас назавтра гулять, звали к себе и очень ласковы. Разбирали наши кружева, я предложила Соловой сколок, а Княжна из благодарности стала мне предлагать узоров и обещала к вечеру же прислать, потом они уехали и Княжна прислала мне два альбома с узорами. Дуняша, Маша и я сели их срисовывать, что и продолжалось до ужина. Мы днем были огорчены тем, что нам сказали, что Немич в белой горячке и как начнет бредить, то все дети горько плачут и страх как жалки, дай Бог, чтобы он выздоровел.

13 Октябрь.

Сегодня воскресенье. Мы собрались к обедне, мои сеструшки давно уже были готовы, и целый час дожидались меня, а я дожидалась моего Василия Ивановича, который так захотел ехать с нами; когда мы сошли вниз, обе мои сестры отчаялись уже застать где-нибудь обедню, и Саша осталась, Маша также поехала только из снисходительности, следуя обыкновенному своему доброму характеру. Мы поехали в Собор, подъезжая услышали звон, выходя спрашиваем, отошел ли молебен, нам отвечают, что и обедня еще не начиналась. Я без памяти обрадовалась. В церкви было уже все собрание. Губернаторша очень милостиво поклонилась Маше, княжна также; около нас стояли Чернышев, Текутьев, Новосильцев и много других, и все говорили не переставая, граф дурачился и кривлялся беспрестанно, мне это чрезвычайно было скучно; мы все собрались благодарить Бога за победу, и

---

[1] Добрый вечер, господин Апухтин! (*франц.*).

[2] *... вдруг посреди материи он повернулся к Маменьке... – Посреди материи* в смысле: посреди беседы о чем-то. Ср. у Даля: «Материя, сущность сочинения, статьи или речи; содержание, предмет и основа». (Т. II. С. 305).

никто не молился, большая половина говорила: «Когда это кончится!» Из церкви мы пошли пешком к Гедеоновым. Входя к ним по лицу обоих узнали мы, что с ними сделалось несчастие, и в самом деле бедные потеряли маленькую дочь! — Мы очень уговаривали Марию Богдановну к нам, но она не пошла. Как жаль их; в таком несчастном положении терпеть самые тяжелые потери. — Только что пришла домой Соловая и Княжна, позвала нас гулять, день был бесподобный. Мы все ходили далеко, и Маменька очень устала. — После обеда рисовали узоры, а в вечеру все отправились к Соловым. Я очень боялась этого визита, но у них тотчас стало ловко, они обе и Фед⟨ор⟩ Ник. Отменно просты и добры в обхождении. Во время чаю Федор Ни. разложил пасьянс, и мы все к нему подвинулись, вдруг слышим из пламени выходящий жалобный голос: «Мяу!» — Мы все испугались очень, какой-нибудь колдун, брамербас вылезет из камина. Василий Ив⟨анович⟩ схватил чайник и залил дрова, все люди бросились смотреть в трубу, не нашли ничего, затопили опять, опять слышим: «Мяу, мяу». — Насилу залили опять огонь, побежали искать и явился котенок, угорелый от дыму — мы много смеялись и жалели об нем, я собралась написать жалкую элегию под названием «Угорелая кошка», но возвратясь домой, очень захотелось спать, и мы улеглись скорехонько.

14 Октябрь. *Мы было собрались к обедне, но приезд Барковой нас остановил. Она рассказывала ужасы о поступках Бонапарте с бедными московскими жителями. Саша разговаривала с княжной Щербатовой, которая позвала нас гулять и через минуту явилась за нами. Баркова уехала, и мы пошли гулять и к Гедеоновой. Нашли ее бедную очень печальну, одну с остальной своей крошкой и уговорили ее с собой, погулявши довольно долго возвратились; княжна ушла домой и мы пошли ее проводить, но увидя, что Соловой нет дома, мы уговорили ее к нам обедать; Княжна захотела, видевши наш сад, мы пошли и пробыли там довольно долго. Пришедши домой, вдруг вижу я, что фортепиано мои стоят в гостиной, я чрезвычайно им обрадовалась; Бесценная моя Маменька приказала привезти их потихоньку от меня, и этот сюрприз был самый приятный. До самого обеда, несмотря на гостей, я не могла перестать играть. Потом пришел Гедеонов и потом мы еще сбегали погулять. Возвратясь домой, нашла, что Маменьки нет дома. Она была на почте. Ланц предложил проводить нас к ней и мы пошли, но не успели дойти до улицы, как нашли наших. Меня заставили играть при Вендрихе, который стоял надо мной и разумеется хвалил. Потом приехал Моро, который пел весь вечер и был весьма любезен, и потом день кончился.*

15 Октябрь. Поутру Княжна прислала нас звать гулять, на что мы были очень согласны, и в двенадцатом часу отправились. Соловая, Маменька, Княжна, Дуняша, Маша, Моро и я, но на половине улицы Маменька воротилась от того, что очень ветрено, а мы продолжали свое путешествие. Дорогой уговорились с княжной катировать для раненых офицеров, об которых она почти не говорит без слез, что мне очень нравится, и прислала сама для них 25 руб. Пришедши домой еще посидели у нас одну минуту, а мы пошли обедать, после сели шить чепчики, маминька легла уснуть, а нам не велела

выходить из гостиной, я подошла к двери, княжна спросила, что у нас делается. Я сказала, что Маменька нездорова, она мне отвечала si vous êtes triste je viendrai chez vous[1], чтобы вас развеселить и тотчас и пришла, Маменька очень скоро встала. Ей было получше, я стала наливать чай, тотчас прислали за княжной, которая и убежала, явился Моро, Мишле, которые проговорили до ужина. Здесь не написано, как нам явился Мишле, и так я расскажу. Он ехал через Ливны с Кривцовым[2], у которого жил (ему 60 лет, из коих он 45 провел в России), по несчастию вылез из кибитки покупать яблок, по его выговору узнали, что он не русский. Собралась толпа. Один мужик закричал, что он шпион и начали его бить. Квартальный отнял его насилу, и привезли в Орел, где он был 15 ден с 8 рублями и наконец три дня ничего не ел. Губернатор никак не хотел его выпускать, говоря, что он опасен, хоть он именитый русский Гражданин, каким-то манером он нашел Моро, который ему очень много помог и рекомендовал его Маменьке. Она взяла его к нам в дом и он теперь у нас живет и предобренький старичок.

<u>16 Середа.</u> Сегодня ранехонько пришла Княжна и повела нас гулять, время было прохладное, мы бегали для того, чтобы согреться, и хотя довольно холодно и скучно было, однако гуляли долго. Возвратяся домой, нашли у себя Текутьева, Моро и Солового, говорили о политических делах и множество страхов нам обещали. Текутьев дал слово выхлопотать билет Мишле, и я его за это очень люблю.

Напившись шоколаду, все разошлись, и я села рисовать и явились Вендрих и Ланц, которые по обыкновению были говорливы и любезны. Прежде нашего гулянья Княжна пела и очень хорошо, а Маменька ездила на почту за деньгами, ее приняли там так дурно, что я за нее чрезвычайно обиделась. После обеда Соловая прислала просить нас к себе, и Маменька приказала нам идти: там мы посидели с час и так коротко познакомились, что говорили слишком много вздору. Возвратясь домой поужинали и… легли спать.

17 Октябрь. Сегодня рано поутру уехал наш старичок к своим Кривцовым, которые за ним прислали, и мы все порадовались, что он избавился от хлопот. Потом Моро нанял себе дом, чтобы переехать в Орел с семьею, потом мы перешли в каминную и затопили камин, ожидая Соловых, которые обещались нам сегодня обедать. Вдруг бежит Саша с радостной вестью, что от Марьи Ив⟨ановны⟩ человек; мы все очень ему обрадовались, Маменьке теперь станет покойнее думать об милых своих друзьях и об несравненной Авд⟨отье⟩ Ник⟨олаевне⟩ — И конечно Бог наградит за редкое ее сердце, привязанность к нашей бесподобной Маменьке, и все теперешнее ее беспокойство будет ей вознаграждено. Милое письмо ее заставило нас горько плакать, я не могу себе вообразить ее положение без стесненного

[1] если вы грустите, я приду к вам (*франц.*).

[2] *Он ехал через Ливны с Кривцовым…* — Иван Васильевич Кривцов (ум. 1824), коллежский асессор, владелец села Тимофеевского (между Орлом и Болховым), отец четверых сыновей и четверых дочерей.

сердца и если бы езда не так всем нам была страшна для здоровья Маменьки, кажется, ту же минуту отправилась бы к ней; надобно быть ее твердой душе, чтобы перенести теперешнее ужасное беспкойство об тех, кто дороже жизни. Не смотря на ребятишек, не знаю, что бы было со мною, если бы я была розно с Маменькой, с сестрами; до сих пор я всякий день благодарю Бога за милость, которую конечно я не заслужила, очень часто бывает мне несносно грустно, что не могу показать им мою привязанность, как бы хотелось. Но я и то счастие, что вместе с ними теперь, ничем не заслужила, когда-нибудь и они не будут сомневаться, что они мне дороже жизни, и что все, что могу сделать им приятное, есть для меня счастие.

Мы с Машей и Надежей поехали в город покупать ваты, торговались долго, потом заехали купить изюму, а пока Надежа покупала, мы разговаривали с пьяной женщиной и много хохотали. Возвратясь нашли давно уже всех за столом, что очень было стыдно. Маменька несколько раз пикировала Вендриха за русских, ибо он вчера изволил говорить об нас с презрением, и это Маменьку огорчило на целый вечер, за то сегодня она ему отомстила. Соловые сидели до чаю, потом Вендрих смеялся над нами, что мы собираемся сами находить хлеб, уверял, что не должно ничем украшать воображение, а существенность отчаянно тяжела. Маменька сказала, что ежели мы все будем вместе, то заведем пансион, вот наш проповедник благоразумия восхитился и зачал устанавливать наш пансион с такими мечтательными планами, что, думаю, ему на целую ночь будет рассортировки. В восемь часов отправились к Соловым, нашли там Панину нарядную[1], мужа с усами, а Апухтина гневного. Маменька подошла к нему извиниться, что Широкий осмелился его беспокоить рекрутами, — да-с, он даже повелевает моим именем, — был грозный ответ его надутого высочества; весь вечер не говорил он ни с кем ни слова. И мне очень было смешно видеть с одной стороны его сердитую рожицу, а с другой Сестер и Княжну, которые задыхались от смеху, однако ж я ни над тем, ни над другим не хохотала и признаюсь теперь в Журнале, что очень бы хотелось иметь такой же нрав, какой был прежде, бывало и я чепухе так же смеялась, и нынче правду бывают иногда минуты такого же роду веселия и пустого смеху, но только со своими. В десять часов Маменька и я отправились домой, отужинали и улеглись.

18 Октябрь. **Сегодня только что я встала, прибежала княжна прощаться, они уже готовы ехать, и я у нее спросила (только что было à propos): «Пойдешь ли ты за Апухтина?» Она меня стала уверять, что он очень хороший человек «et qu'elle n'en sait bien[2]», но потом сказала: «Oui! Oui!»[3] Посидела**

---

[1] *...нашли Панину нарядную...* — Софья Владимировна Панина (урожд. Орлова, 1775—1844), жена Н. П. Панина, дочь бывшего Президента Академии наук, графиня, известная благотворительница в Москве. «Но кроме благотворительности, явной и тайной, графиня отличалась еще весьма изящным вкусом в своей любви к искусствам и природе» (Русский биографический словарь. СПб. 1908. Т. 17. С. 176).

[2] она об этом не знает (*франц.*).

[3] Да! Да! (*франц.*)

с час, потом за ней прислали, и мы пошли на балкон их провожать; только что они уехали, входит Надежа и говорит что вчера ввечеру княжну помолвили, я стала говорить, что ее очень жаль, что она будет несчастлива, только наконец мы с Дуняшей размолвили, а потом я поплакала. Вдруг входит человек и говорит, что приехал Потехин из армии, мы до смерти обрадовались, он нам привез письмо от Азбукина с самой хорошей новостью Добрый этот человек прямо от Губ⟨ернатора⟩ побежал к нам с письмом не пивши не евши. Мы поблагодарили Бога от всего Сердца, все наши знакомые здоровы, и моя Маменька стала покойна, потом мы пошли обедать, к чаю пришел Немич, чрезвычайно грустный, могли ли мы подумать, что его видали в последний раз. Он уходя со всеми нами прощался и мы всякую минуту должны благодарить Бога, что он над нами сжалился. — Иван Карл⟨ович⟩ не исполнил у нас своего намерения, у него, говорят, весь день и то время, что он у нас был, за рукавом лежала бритва, Божия милость всякую минуту нам чудесным манером показывается.

<u>19 Октябрь.</u> Я по несчастию встала прежде всех и только что вышла в девичью, мне Надежа говорит: «Матушка, что вы знаете, ведь Немич зарезался». Я до смерти испугалась и огорчилась. Авд⟨отья⟩ Мих⟨айловна⟩ прислала просить, чтобы его несчастных детей увести. Ната⟨лья⟩ Андр⟨еевна⟩ вошла и говорит: «Не съездить ли мне самой? Я хотела пойти спроситься у Вас⟨илия⟩ Иван⟨овича⟩, можно ли за ними послать, но, виновата, ничего этого не сделавши первою, представила себе несчастных этих сирот, а особливо бедную девочку над зарезанным отцом и ни с кем не спросясь сказала, что надобно за ними послать, их привели». Маменька еще все почивала, мы были в отчаянии, как ей сказать, я пошла наверх, чтобы Вас⟨илия⟩ Иван⟨овича⟩ позвать на помощь, как входит Маменька, вся дрожит. Я думаю, ей будет дурно. Ей уже сказали. На детей несносно смотреть. Они так веселы и так играют покойно, как бы с ними никакое несчастие не случилось. К вечеру пришел Лагривой, после Сонюшке Маменька сказла, чтобы она у нас ночевала, та бедняжка горько расплакалась, кричит, падает на колени, чтобы ее домой пустили, несносно смотреть, как она не понимает. Маменька хотела сама б с нею поехать, но Вас⟨илий⟩ Иван⟨ович⟩ ее не пустил, за что ему очень много спасибо, потому что Маменька бы не перенесла этого здорово, а та, говорят, даже и не плакала. В вечеру явился Вендрих и Ланц, который привез нам сувениры, я налила им чай, потом стали спорить с нашим офицером, что целый вечер продолжалось, в этот день слышали мы несносную вещь; уверяют, что Кн. Голицын у Бонапарте адъютантом и что он ему показывает дороги и сказывает все, что в России замечательного. Это несносно тяжело слышать и беспрестанно надобно благодарить Бога, чем я заслужила, что я не дочь несчастного Немича и что у меня мать Катерина Афанасьевна!

20 Октября. Сегодня воскресение, мы обедню прогуляли и за то Маменька послала нас с калачами к больным солдатам и позволила сделать круг маленький, потому что время прекрасное. Поворотив к дому Сафроновых, мы увидели на трех телегах французов, которых переловили в Малоархангельске. Мы подошли к ним и долго разговаривали, Они, бедные, совсем перемерзли и жалки очень. Вас⟨илий⟩ Иван⟨ович⟩ шел от обедни и нагнал нас, он пошел с ними разговаривать, а Маменька, которой мы о них сказали, послала им калачей и сбитень. Весь день мы писали письма в Тамбов и были очень утешены тем, что из Рязани получили от сестер письма. Теперь и то счастие, когда знаешь, что здоровы и покойны. Будучи розно и так далеко друг от друга без надежды увидеться, надобно бы, кажется, сердиться,⟨зачеркнуты строки⟩. Мы все поплакали, читая их письма, однако поблагодарили Бога за то, что на их счет можем быть покойны. Бедный Устинов приходил спросить о жене, и мы слышали, что она осталась в Москве, вместе с Ел⟨еной⟩ Ив⟨ановной⟩, что она просила женщину тетушек вывести их хоть в Подмосковную, но что она не согласилась. — После обеда мы писали sans la dictée[1] стихи, которые должны выучить, у меня разболелось ухо и я улеглась спать.

21 Октябрь. Сегодня разбудили меня голоса сестер, они принесли афишку, что Москва опять занята нашими, что злодеи хотели подорвать все, но истинным чудом Божиим остались все соборы невредимы. Ежели это так, то мы не должны сомневаться в победе, Господь сам за нас заступается. — Поутру пришел Соловой и принес письмо от Княжны сестрам, преласковое, они очень ему обрадовались; потом принесли портреты отца ее и матери. Маша тотчас собралась их рисовать. Поутру приехал Барков и сказал, что Париж взяли Гишпанцы; перед обедом у Маменьки очень заболела голова, он обещал ее вылечить и после обеда полил eau de Cologne[2] на лоб и потребовал, чтобы Маша за то дала ему картинку своего рисования. Маменьке сделалось очень дурно, она легла; ввечеру пришел опять Соловой, а мы двое с Машей сидели с ним с час, наша добрая Маменька пришла бледная и слабая и два раза выходила от тошноты. Только что он уехал, приехала Дорофеева, посидела довольно, потом бедные Немичи, их всех берет Репнинский, а больших записывает в Армию. Маменьке стало немного получше, и к ночи осталась одна слабость. — Грустно очень, что опять ее прежние боли возвратились, я так была уверена, что нас Бог помиловал.

22 Октября. **Нонче мы только что встали, пришли нам сказать, что французов везде бьют и что они бегут по дорогам, как угорелые. Мы этому очень порадовались, потом услышали очень грустную вещь, уверяют, что Нарышкин, Сушков Михайла Николаевич и Вишневский остались в Москве**

---

[1] без диктовки (*франц.*).

[2] одеколон (*франц.*).

принимать Наполеона[1], два последних, говорят, в камер-юнкерских мундирах изволят разъезжать по Москве. Эти вещи несносно досадно слышать, всего больше в свете неблагодарность, особливо к такому доброму Государю, каков наш! после обеда мы стали читать Essay l'Homme[2] как вдруг явился Вендрих и Ланц, которые посидели с часу, Василий Иванович наш занемог, не ужинал почти, и мы немного все этого вструсили. Вендрих привез мне бесподобную молитву своего сочинения, а Ланц Отче наш, славно написанную.

23.

Саша ездила в город покупать подарок Саше[3]. Бедный наш Вас⟨илий⟩ Иван⟨ович⟩ занемог и мы очень боимся, чтобы не вышла горячка. Маменька писала к Саково потом перешли мы сидеть в спальню от того, что в наших горницах холодно. Только что сказали, что кушать поставили, явилась госпожа Вендрих с сестрою. Они обе очень милы и с ними веселее, чем с многими другими знакомыми. Меня долго заставляли играть на фортепиано. Потом пришел наш больной и поехал кататься. Вендрихи сидели долго, ждали возвращения наших и не дождавшись уехали. Мы было уселись смирно и тихо одни, вдруг является Моро, который бедняк жалок несносно, ему делают несносные обиды. Вот и 9 часов, а наших все

---

[1] *...Нарышкин, Сушков Михайла Николаевич ⟨...⟩ остались в Москве принимать Наполеона...* — Лев Александрович Нарышкин (1785—1846), участник войны 1812 г. «В Бородинском сражении ранен в голову (за отличие произведен в майоры). В сент.-октябре находился при ген. Ф. Ф. Винцингероде, был во многих аванпостных делах под Москвою. 10 окт. вместе с Винцингероде проник в занятую неприятелем Москву, но был арестован французскими властями, допрошен генералом А. Мортье, затем императором Наполеоном, после чего отправлен под конвоем во Францию. Под Витебском отбит казаками. 22.11.1812 произведен в подполковники с переводом в л.-гв. Гусарский полк» (Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 498); Михаил Николаевич Сушков (1782—1833), поэт-любитель, статский советник, оренбургский вице-губернатор.

[2] *После обеда мы стали читать Essay l'Homme* — «Опыт о человеке» Александра Попа (Pope, 1688—1744).

[3] *Саша ездила в город покупать подарок Саше* — Речь идет о покупке подарка Сашей Протасовой Александру Плещееву. В коллективном послании Плещеевым из Орла Маша просила Анну Ивановну: «Голубушка моя! Тебе должно беречь и больше думать о себе! Ты по крайней мере для восьмерых необходима! — Грустно очень, что мы розно проведем нынешний день! Маменька приказала сказать тебе, что если бы она хоть немного была поздоровее, то мы были бы в Черни!» Екатерина Афанасьевна продолжала: « Поздравляю, милые друзья, с рождением Саши. Дай Господи, чтобы он всегда также утешал и любил бы ваших друзей. Посылаю ему печать. ⟨…⟩ и Василий Иванович мой очень нездоров». Саша сообщала: «Другу моему Сашке посылаю марки. Здесь ничего нет хорошенького, надеялась сама его поздравить, дай Бог вас увидеть поскорей!» (РГБ, ф. 99, к. 22, № 8, л. 3—4 с оборотами). В этом же письме содержится обращение Саши к Жуковскому: «Милый друг Жуковский, стихи несравненные! Бесподобно хороши. Голубчик, зачем ехать! Погоди, дай нам без страху и трепету слышать, что мы выигрываем баталии, а то ведь мочи нет как страшно!» (Там же, л. 4 об.). О Жуковском пишет и Маша: «Заставьте его сочинить оду на рождение Петра Петр⟨овича⟩ Яков⟨лева⟩. Сюжет, надеюсь, богат довольно» (Там же, л. 3 об.) Из этого можно сделать предположение, что в двадцатых числах октября 1812 года Жуковский был в Черни.

нет, мы перепугались очень и поехали искать их. Слава Богу, нам пришли сказать, что они у Мар⟨ии⟩. Никол⟨аевны⟩ и скоро после того они и приехали. У меня заболели зубы и день кончился как обыкновенно.

24.

Поутру явился Текутьев и сказывает нам, что привезли 1175 человек пленных и что они все в ужасном положении; 24 офицера, и что он, Текутьев, видел их, один офицер совсем без рубашки, а другой три месяца не переменял ее. Маменька послала им завтрак и рубашек, Василий Иванович наш, которому нету все лучше, поехал кататься, и Маша и Дуняша с ним, к обеду приехали Вендрих и Ланц. Здесь привезли пленного Генерала Ферье, который прекрасным манером был взят в плен, после сражения он в потемках едет и видит несколько гусар, он кричит им: «A moi ma garde est-ce vous»[1]. Это были наши казаки, которые, доставши нож, ему отвечают: «Фуй, фуй, фуй!», подскакивают к нему и берут его в полон. Fernier предложил здесь в Орле одной даме приехать к нему в Харьков, если Орел будет в опасности, «je me ferais un bonheur de vous protéger, et je jure qu'il ne vous arrivera pas de mal[2], она ему на это присела. Нынче во время кофею заходит Ве⟨ндрих⟩ и говорит, что весь город утверждает, что Наполеон ранен, мы без памяти обрадовались, и Маменька мне позволила кофею, которого я уже два года не пила. После обеда мы посадили Ланца писать азбуку, что до ужина и продолжалось. Один русский полковник пришел к Императору, (в то время, когда делали пожертвования) и говорит: «Государь, у меня 30 т⟨ысяч⟩ денег, 29 душ крестьян, два мундира, я приношу вам все это и самого себя. Прошу вас употребить нас куда вам угодно, — хотя это уже давно случилось и никогда не может забыться, но я не утерпела, чтобы не написать здесь.

Я забыла сказать, что после обеда раненый офицер, который у нас стоял, привел к Вендриху другого раненого 16 лет молодца Кожухова, у которого еще из-под Смоленска пуля в правом боку, а как он ранен в левый, то ее невозможно вырезать, и бедный мальчик не может согнуться и насилу ходит; но весело слышать, как он судит и говорит, что никакая сила не удержала бы его в Орле, если бы он ходить мог, потому что русскому стыдно теперь, когда Москвы нету, жить покойно; и несмотря на пулю просился у Вендриха, хоть в конные полки, но тот ему сказал, что это невозможно: и чтобы остановить его, принужден был ему сказать, что если бы ему было 40 лет, то он и месяцу бы не выжил и давно бы умер. У нас поставлены два раненых офицера на квартиру, Федор Петрович Девянин и Григорий Василич Букаревич, первый ранен в ногу и ходит к нам обедать и ужинать, а Букаревич ранен в руку и ему тяжело одеваться, для того он и был один только раз. Текутьев говорит, что Девянин наш chevalier-servant[3], что он очень услужлив.

[1] Ко мне, моя гвардия! (*франц.*).

[2] Я был бы счастлив вас защитить и клянусь, что с вами ничего не случится! (*франц.*).

[3] верный рыцарь (*франц.*)

25. *Наш больной все в одном положении и никак лечиться не хочет. Он ездил прогуливаться и Яша с ним. Я писала к Дар⟨ье⟩ Григ⟨орьевне⟩ почти все утро и еще писали мы к Азбукину*[1]*. После обеда пришел к нам chevalier-servant и говорит, что пленные офицеры чрезвычайно жалки, что их 12 человек поместили в одну горницу, в которой ни печи ни полу нет, что они спят на полу и что у иных даже рубашек нет; он собрался ехать туда вести им ужин и сказал нам, что одного немца привез к себе; мы просили его привести к нам, что он и сделал. Это бедный человека Вестфалец Grünfeld и даже и мундира не имеет, кто-то дал ему сюртук и рубашку из милости. Федор Петр⟨ович⟩ посадил его у нас и сказывал, что есть там еще маленький Гишпанец, который также прежалкий. Мы послали его привезти к нам и ждали увидеть что-нибудь крошечное: вдруг влетает престранно большая фигура, прямо к Маменьке — и говорит: «Qu'y a-til pour votre service Madate?»*[2] *Мы все перетрусили. Маменька говорит, что она хочет напоить чаем и просит усесться. Вместо Гишпанца нам привезли француза Mr. Goethals, выговаривает Гутальс, говорит очень умно и благородно. Например: мы стали спрашисвать о Бонапарте, любим ли он в армии и любит ли он его, Гут⟨альс⟩ отвечал, что он ему удивляется и находит его великим человеком, мы стали спорить и бранить этого героя. Он сказал: «Si je ne suis pas été ainsi malheureux, j'aurais dès mon opinion plus sincère mais maintenant ce serait une lacheté de ma part si je commençais a le gronder»*[3]*. — Он из Брюсселя, оставил там жену и сына, которого родила после его отъезда, и говорит об них с большим чувством. Они оба уехали прежде ужина, и Брюсселец просил позволения назавтра приехать. Этот бедный человек служил при Суворове против Французов, потом против австрийцев, а теперь должен служить против нас. Он говорит, что ни в одном деле не был и в плен был взят оттого, что пошел стрелять тетерева, а казаки его и подцепили. Признаюсь, что ему приятнее помогать, когда знаешь, что он никого из наших защитников не убил. Нам сказывали, что есть одна португалка, которая родила, добрый офицер наш ездил разведать, но не узнал ничего. Маменька посылала франц⟨узам⟩ рубашки, платки и тюфяки, и Федор Петрович с радостью три раза туда ездил. Сегодня мы увидели в первый раз другого нашего офицера, он также кажется хорош, как и этот.*

26. **Поутру Маменька моя послала к жалким французам завтрак, потом приехал Вендрих и Ланц к обеду, Василий Иванович все не лучше, что очень грустно, несравненная моя Дунюшка, всякий день ее больше люблю, бесподобная женщина, в вечеру явился Гутальс, он несносно как жалок, тем больше, что совсем на француза не похож ни крошки, не хвастает и**

---

[1] *...писали мы к Азбукину...* — Василий Андреевич Азбукин (ум. 1832), штабс-капитан, участник Отечественной войны 1812 г., внебрачный сын А. И. Протасова, муж Екатерины (Като) Петровны Юшковой.

[2] Чем могу служить, мадам? (*франц.*).

[3] Если бы я не был так несчастлив, мое мнение было бы более искренним, но сейчас было бы низким с моей стороны, если бы я начал его бранить (*франц.*).

деликатен чрезвычайно, потом пришел Н. А. Барков, который начал с Вендрихом разговаривать и точно представлять в лицах историю говорунов, которые говорили: «Подави его Господи». Когда Барков говорил, то Вендрих прыгал и ворочал языком изо всей мочи и если тот по превеликому счастию сморкнет или плюнет, то Вендрих начнет говорить до тех пор, пока тот в отчаяние придет. Ланц сел писать духовные стихи. Маша моя играла на фортепианах и бедный Гутальс был в восхищении и со слезами почти сказал, что он совершенно счастлив мною и что она прекрасно играет. Время было мерзкое и метель, Вендрих принужден был оттого у нас ночевать и прочие все ушли прежде ужина.

27»[1].

«Орловский журнал» 1812 года семьи Протасовых и А. П. Елагиной
Автограф: РГБ, ф. 99, к. XXIII, № 9, л. 1—34 с оборотами.
Печатается по автографу.

Рукописный «журнал» создан четырьмя женщинами, теснейшим образом связанными с судьбой и творчеством В. А. Жуковского: это семья Протасовых: мать Екатерина Афанасьевна (1775—1848), дочери Мария (в замуж Мойер, 1793—1823) и Александра (в замуж. Воейкова, 1795—1829) Андреевны и их двоюродная сестра, племянница Екатерины Афанасьевны и Жуковского — Авдотья Петровна Киреевская (урожд. Юшкова, во втором браке Елагина, 1789—1877). Рукопись в виде небольшой тетради в 34 листа с оборотами, озаглавленная «Подробный Журнал всех действий, движений и перемен, произошедших во время пребывания праведных Муратовских жителей в преславном городе Орле», датируется на основании указанных в рукописи событий периодом со 2 августа по 27 октября 1812 года.

Среди большого корпуса мемуаров о войне 1812 года орловский «журнал» является интересным документом, свидетельствующим о важном моменте отечественной истории. Написанный в дни и месяцы решительных для России событий (сдача Смоленска, Бородинское сражение, оставление Москвы и изгнание Наполеона), «журнал» отражает духовное состояние русского общества, настроение дворянской интеллигенции, оказавшейся в тылу и одновременно в непосредственной близости от военных действий. Перед угрозой распространения нашествия Наполеона в Орел стекались беженцы из Москвы, Смоленска, других городов и поместий. В «журнале» на каждой странице помещаются отклики на события, потрясавшие в это время Россию. Среди семей, покинувших свои «гнезда» и переселившихся в Орел, оказались Протасовы и Киреевские, обосновавшиеся

[1] В коллективном письме от 6 ноября 1812 г. из Орла Екатерина Афанасьевна сообщала Жуковскому: «Милый друг, только тебе скажу, что мы здоровы. Бедная моя Дуняша в отчаянии. Мы потеряли нашего Василия Ивановича. После одиннадцатидневной горячки, которая, верно, была следствием его доброго сердца, верно, он ее получил от лазарета» (РГБ, ф. 104, к. 8, № 17, л. 21).

в городском доме друга В. А. Жуковского Александра Алексеевича Плещеева (1778—1862). На материале хроники из жизни губернского города (содержание разговоров, молебны в церкви, посещение и помощь раненым и погорельцам и т. д.) дается представление о всеобщем единении русского общества, о подъеме чувства патриотизма; о безвозмездном и высоком подвижничестве русских людей в тылу, подобных В. И. Киреевскому, который ежедневно помогал несчастным беженцам, открыл госпиталь для русских и французских раненых и погиб от заражения, исполняя свой гражданский долг.

«Журнал» имеет исключительную ценность как источник для исследования проблем русской литературы, в частности, для изучения творчества В. А. Жуковского: документально подтверждается факт командировки поэта из армии в Орел с 11 сентября по 10 октября 1812 года, уточняется картина его занятий, поездки в Чернь, где шла работа над «Певцом во стане русских воинов», встреч с разными людьми и пр. В этом аспекте «журнал» является важной частью эпистолярно-дневниковой прозы Жуковского и его муратовско-долбинского окружения.

По жанровой природе «журнал» относится к документальной прозе, однако своим рождением он обязан литературной традиции, связанной с поэтической деятельностью Жуковского предвоенной поры. В Муратове, родовом имении Протасовых, до войны 1812 года были созданы рукописные юмористические журналы «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь», в которых автором шуточных рукописных «журналов», «посвященных чувствительным душам», неизменно был В. А. Жуковский. «Муратовская вошь», как и «Муратовский сморчок», представляла собой своеобразное шутливо-юмористическое изображение поместной жизни в манере пародии на журнальное издание. Благодаря творческой фантазии и инициативе Жуковского у всех соавторов орловского «журнала»-дневника было представление о жанре рукописного «журнала» на материале текущей жизни, созданного по стандарту художественно-публицистических изданий и опирающегося на историко-литературную традицию. К этому следует прибавить опыт написания домашних исповедальных журналов («синих», «белых» тетрадей), в которых члены большого муратовско-долбинского семейства обменивались своими дневными впечатлениями и писали исповеди, предназначенные для чтения всеми: они служили формой общения и имели целью нравственное воспитание. Таким образом, орловский «журнал» во многом явился продолжением традиции, заложенной в этом круге ранее. Но события 1812 года изменили не только тональность «журнала», они придали ему совершенно иные свойства. Структурообразующим нервом «журнала» явился его коллективный характер. Повествование ведется с неукоснительной последовательностью по датам. Характерна одна особенность, подчеркивающая связь всех участников на паритетных началах. Описание событий очередного дня заканчивается записью даты следующего дня, рассказ о котором ведется уже новым лицом. Связь закрепляется графически. То есть участники передают право на повествование друг другу по эстафете, и этой эстафетой является момент написания даты автором рассказа о предыдущем дне.

Основанием коллективного и эпического пафоса «журнала» являются две нравственно-этические и общественные ипостаси: семья и защита Отечества. Внимание всех участниц «журнала» неизменно сконцентрировано вокруг четырех тем: здоровье главы семьи — Екатерины Афанасьевны, страдающей головными болями; нашествие французов и деятельность русских в организации помощи беженцам, раненым; жизнь и мирный быт в Орле и, наконец, судьба В. А. Жуковского.

Структурный состав записей обнаруживает общую для всех участников ориентацию на единый канон: он включает описание бытовых событий в полноте реальных деталей, передачу слухов и мнений о военных действиях, вставные истории о судьбах разных людей, которые раздвигают рамки семейного дневника и придают ему статус широкой эпической панорамы. Можно отметить ориентацию на летописную традицию, которая заявлена в стилизованном заглавии о «праведных Муратовских жителях» и «преславном городе Орле», а также в активном использовании архаической и простонародной лексики, типа «сказывали», «ныне», «покуда» и др. Таким образом «журнал» представляется единой целостной системой с ярко выраженными чертами традиционных жанров, связанных с историей и культурой Отечества.

Однако коллективность создания и общие черты «журнала» сосуществует с совершенно противоположной тенденцией, а именно с выражением уникальности и индивидуальности повествователей: каждый новый день имеет своего рассказчика, несет печать неповторимости его восприятия и стиля, благодаря чему достигается эффект психологической достоверности и многообразия ракурсов изображения жизни.

Партия Екатерины Афанасьевны характеризуется высоким пафосным тоном, авторитарностью суждений как следствие присвоенного ею права главы семейства говорить за всех. Не случайно в «журнале» тема состояния здоровья матери занимает столь же значительное место, как и раздумья о военных событиях. Образ Екатерины Афанасьевны как матери, принятая ею роль наставника в воспитании патриотических и религиозных чувств, центра семейного единения получили выражение в нарративе, ориентированном на высокую проповедь.

Рассказ семнадцатилетней Саши Протасовой отличается энергичностью и жизнерадостностью юношеского восприятия. Ее записи характеризуются интересом к сюжетно-бытовым историям, рассказанным с ярким юмором. Повествование Саши отличается свободой и непосредственностью в выражении чувств.

Совсем иной стиль записей Маши. Ее суждениям свойственны вдумчивость, неторопливость, мягкость, нежная чувствительность и сдержанный юмор, обнаруживающий глубокую симпатию к простым людям.

В описаниях же А. П. Киреевской, которая была всего на 4 года старше своей подруги Маши, но уже являлась матерью трех детей, превалирует рано обнаружившееся в ней художественное дарование. На страницах, заполненных Дуняшей, появляются маленькие законченные рассказы. Из ее записей возникают многие

картины городской орловской жизни: встречи с губернаторшей, поездки в Собор, посещение Орловской слободки и другие события.

Особый интерес «журнала» состоит в том, что он написан женщинами. События войны, тревоги, волнения, радость победы переданы эмоционально. Все записи созвучны высотой и напряженностью нравственно-патриотического чувства. Общим для авторов журнала явилось и милосердие, которое проявилось в сострадательном отношении не только к раненым русским, но и к французам. Для повествования характерно сочетание бытописания с чувствительностью, эмоциональностью, выраженной в сентиментально-романтическом стиле письма.

Таким образом, «орловский журнал», вызванный к жизни событиями 1812 года, представляет большой интерес как документ исторический и художественный, позволяющий говорить об определенной тенденции синтезировать на пространстве одного текста эпически развернутое повествование с ярко выраженным стремлением акцентировать личное, индивидуальное видение. Эта тенденция, органически рожденная самим временем и проявившаяся в своеобразном нарративе «журнала», делает очевидным реальное становление принципов документальной и художественной прозы в перспективе развития литературы XIX века как сочетания эпически широкого изображения жизни и напряженного, исповедального, романного слова героя и повествователя.

Печатается впервые. Небольшие выдержки из этого «журнала» были опубликованы в статье В. А. Власова «Певец русской славы» (Орловская правда», 1983 г., № 33. С. 3), в книге В. В. Афанасьева «Жуковский» (М., 1986. С. 128—129), процитированы в монографии Р. В. Иезуитовой «Жуковский и его время» (Л., 1989. С. 145).

Записи, сделанные рукою ***Екатерины Афанасьевны Протасовой***, графически выделены — ***жирным курсивом***, *Маши — курсивом*, **Саши — жирным**, Авдотьи Петровны — обычным шрифтом.

Список принятых сокращений

Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—12.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

Вольпе — *Жуковский В. А.* Стихотворения / Вступит. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1939—1940. Т. 1—2. (Б-ка поэта. Большая сер.)

Гомер. Одиссея. Перевод В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого Великорусского языка: В 4 т. М.; СПб., 1881.

Елагина Е. — *Елагина Е. И.* Семейная хроника // Воспоминания Е. И. Елагиной и М. В. Беэр / Российский Архив. Новая серия. Вып. MMIV. М., 2005. С. 269—424. Публикация Л. Г. Сахаровой.

Егунов — *Егунов А. Е.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. Т. 1—4. СПб., 1899.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

ПД — Пушкинский Дом (Институт русской литературы РАН), рукописный отдел.

ПЖТ — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

ПСС — Полное собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биографическим очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902.

ПСС2 — Полное собрание сочинений и писем В. А. Жуковского: В 20 т. / Под ред. проф. А. С. Янушкевича. Т. 1—3, 13—14. М., 2000—2004.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Собрание соч.: В 10 т. М., 1974—1978.

РА — Русский архив.

РБ — Русский библиофил. 1912. Ноябрь-декабрь (специальный выпуск, посвященный В. А. Жуковскому).

РВ — Русский вестник.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

РГБ — Российская государственная библиотека, отдел рукописей.

РЛ — Русская литература.

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), отдел рукописей.

РС — Русская старина.

С7 — *Жуковский В.* Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. Т. 6. СПб., 1878.

Соловьев — *Соловьев Н. В*. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Т. 1—2. Пг., 1916.

УС — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Указатель имен

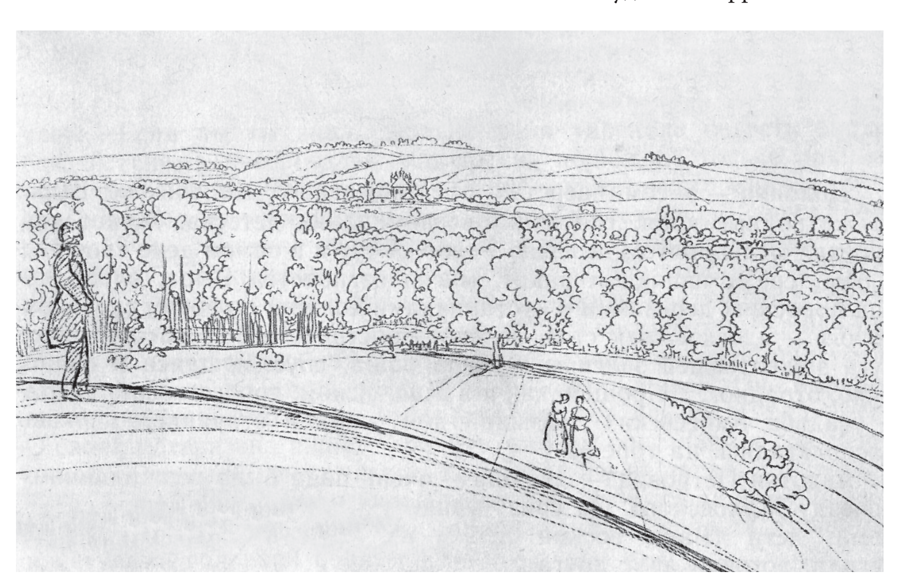
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Авдотья Петровна Киреевская
в 1812 году

Василий Андреевич Жуковский 1820.
Худ. О. Эстеррейх

Село Долбино. Рис. В. А. Жуковского

Иван и Петр Киреевские.
Рис. неизвестного художника

Мария Васильевна Киреевская и Елизавета Алексеевна Елагина. 1839.
Рис. В. А. Жуковского

Маша Протасова. 1811.
Рис. В. А. Жуковского

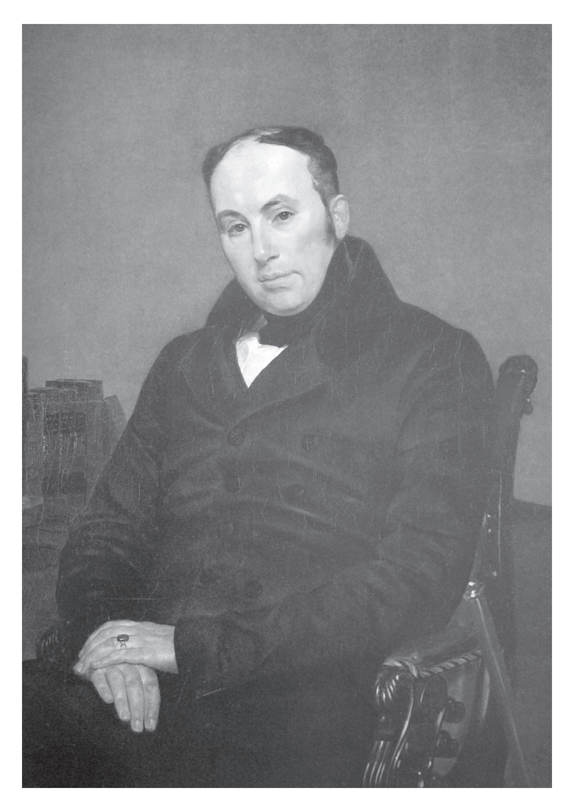
Мария Андреевна Мойер

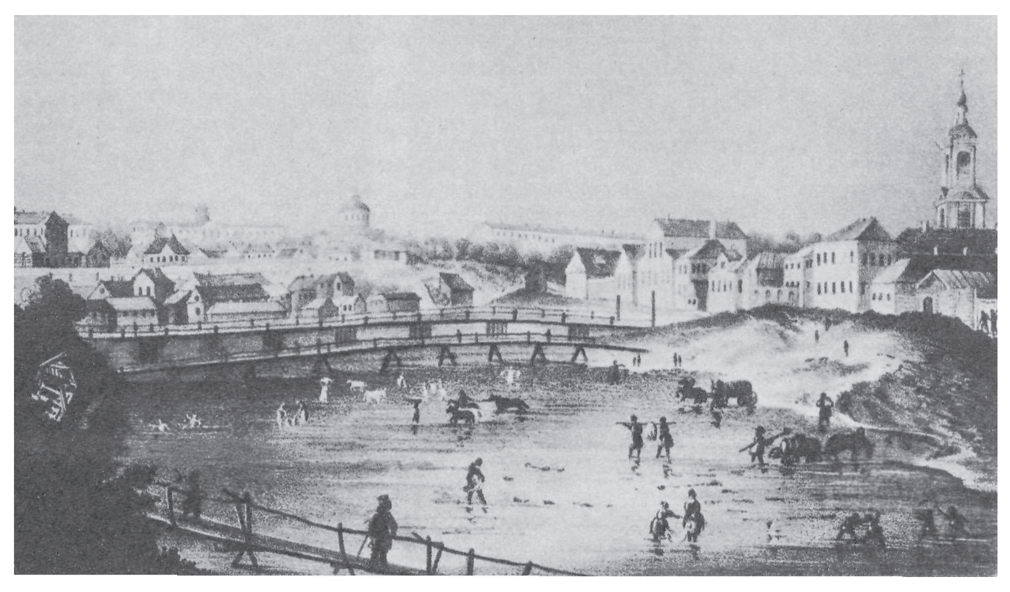
Александра Андреевна Воейкова.
Худ. М. Олешкевич

Екатерина Афанасьевна Протасова
(Бунина), мать Саши и Маши Протасовых

В. А. Жуковский 1837—1838.
Картина К. П. Брюллова

Город Орел в начале XIX века

Авдотья Петровна Елагина

Алексей Андреевич Елагин

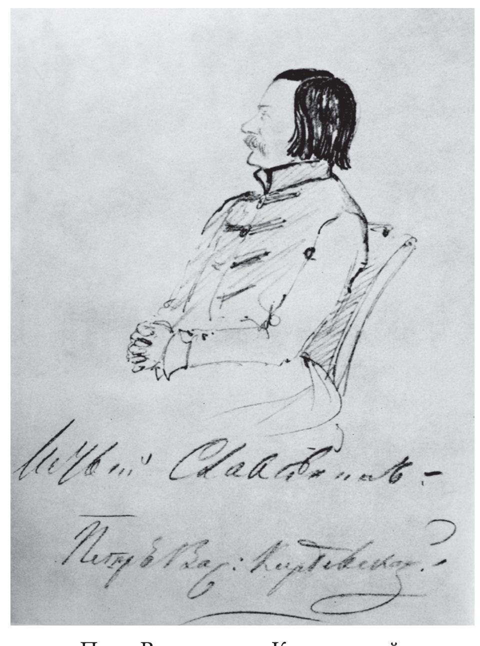
Иван Васильевич Киреевский

Петр Васильевич Киреевский.
Картина Э. А. Дмитриева-Мамонова

Иван Васильевич Киреевский.
Из альбома А. П. Елагиной

Петр Васильевич Киреевский.
Из альбома А. П. Елагиной

Дом Елагиных в Москве.
Худ. В. Поляков Середина XIX в. Офорт

А. С. Пушкин.
Копия картины В. А. Тропинина,
сделанная А. П. Елагиной.
1827

Василий Алексеевич Елагин.
Из альбома А. П. Елагиной

ПЕРЕПИСКА
В. А. ЖУКОВСКОГО И А. П. ЕЛАГИНОЙ
1813—1852

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметанникова
Оператор Е. Зуева
Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 20.05.2009. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 58,695. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Знак».
ОГРН № 1027701010435.
Тел.: 95-171-95. E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**